Сборник. 2.

СУВОРОВЦЫ

Изданіе
Объединенія
б. кадет
СУВОРОВСКАГО
Кадетскаго Корпуса

Сборник. 2.

СУВОРОВЦЫ

Изданіе
Объединенія
б. кадет
СУВОРОВСКАГО
Кадетскаго Корпуса

Х Р И С Т О С В О С К Р Е С Е!

ОТ ИМЕНИ ВСѢХ СУВОРОВЦЕВ И СВОЕГО, ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ, ЧЛЕНОВ ОБъЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ С ВЕЛИКИМ ПРАЗДНИКОМ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА И ПЕРЕДАЮ ПОЗДРАВЛЕНІЯ И ПРИВѢТЫ ВСѢХ СУВОРОВЦЕВ ДРУГ ДРУГУ.

Эти дни Святой Пасхи переносят нас в далекое прошлое и вспоминается,как встрѣчали мы этот Свѣтлый Праздник в торжественной обстановкѣ Пасхальной Заутрени, в нашей корпусной церкви, с радостным чувством и радужными надеждами юных лѣт на будущее.

Церковь была полна - весь личный состав корпуса с семьями, кадеты, их родные, друзья, знакомые и всѣ тѣ обитатели старой Варшавы, которым был дорог Суворовскій Кадетскій Корпус, как Русская школа, носившая имя Великаго Русскаго человѣка.

С каким искренним чувством раздавалось отвѣтное "ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ" на вдохновенное "ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ" нашего общаго любимца Отца Григорія Модзолевскаго.

Далекое и невозвратное прошлое.

Нынѣ же, в зрѣлые годы, послѣ всего пережитого и послѣ самых тяжелых испытаній в жизненном пути, выпавшим на долю многим из нас, все же еще не угас дух, не погасли надежды на лучшее будущее, на возрожденіе нашей Родины в Ея былом Величіи и Славѣ и на служеніе Ей, памятуя завѣт Генералиссимуса Суворова - "Мы Русскіе, помилуй Бог как хорошо,и паче счастливыми быть не желаем!"

В наших чаяніях мы молитвенно прибѣгаем к Всевышнему и нашей Покровительницѣ Пресвятой Богородицѣ - да осѣнит Пречистая Святым Своим Покровом и сохранит всѣх в добром здоровьи.

Александр Потапов
от имени всего Объединенія
б.кадет Суворовскаго
Кадетскаго Корпуса.

ОБЪЕДИНЕНІЕ СУВОРОВЦЕВ.
/1949 - 1954/

В нашей "Памяткѣ" к 50-лѣтію корпуса, изданной в 1949 году, во время пребыванія в Германіи многих наших кадет, уходивших из восточной Европы, даны очерки жизни Объединенія Суворовцев до 1949 года. Теперь я дѣлаю краткій обзор этих послѣдних лѣт.

К 1950 г. из Германіи разъѣхалось большинство наших членов объединенія, главным образом в заокеанскія страны. В том же году и я переѣхал в Соединенные Штаты. Казалось бы связь между Суворовцами, с трудом налаженная в Германіи послѣ II міровой войны, прервется, и от Объединенія останется лишь Центр в Парижѣ, к которому примыкают Суворовцы, живущіе во Франціи. Но побѣдила спайка, заложенная в нас еще в стѣнах корпуса и старые завѣты дружбы. Послѣ одного моего короткаго объявленія в газетѣ, стали откликаться Суворовцы, стали собираться во единую семью, и в данный момент, только в Соединенных Штатах и Канадѣ, в Объединеніи около тридцати человѣк. Было бы и больше, но, видимо, условія жизни и прикрѣпленіе к новым путям, нынѣ или в прежніе годы переселившихся сюда кадет, отрывают их от прошлаго, соединяющаго нас всѣх. Но примыкают к нам лица, связанные с Суворовцами боевой службой, а также и родные однокашников, искренно именуя НАШИМ Суворовскій Кадетскій Корпус.

К настоящему времени наше Объединеніе охватывает: Центральное Объединеніе - Париж, с ним провинція Франціи и Сѣверная Африка; Объединеніе в Соединенных Штатах и Канадѣ; Отдѣлы, группы или отдѣльных кадет - в Аргентинѣ, Чили, Венецуэлѣ, Австріи, Германіи, Швейцаріи, Югославіи, Турціи и Австраліи. Почти во всѣх этих странах есть представители Объединенія, адреса которых указаны в сборникѣ №I.

Большинству новых переселенцев пришлось взяться за физическій труд на фабриках, фермах и т.д. Главная помѣха найти иной путь - это незнаніе языка. Довольно трудно, конечно, учиться с грузом лѣт на плечах и головой убѣленной сѣдинами. Но не унывают Суворовцы, крѣпятся и понемногу устраивают свою жизнь. Надо думать, что все же, закалили немного и пріучили к выносливости зарубежные годы - не всегда приходилось сидѣть в кабинетах каких нибудь канцелярій или учрежденій. Можно предполагать, что много лучше сложился бы жизненный путь, если бы мы попали в заокеанскія страны в болѣе молодые годы, но - нѣт смысла оглядываться назад, а надо смѣлѣе смотрѣть вперед, не теряя бодрости духа.

Понемногу собирается и наш архив, как бы заполняя пробѣл, получившійся послѣ потери всего музея в Югославіи /см. "Памятку"./

Налаженная связь поддерживается и непрерывно идет стремленіе - находить и привлекать Суворовцев в свое объединеніе.

При Центральном Объединеніи в Парижѣ и при Объединеніи в Соединенных Штатах и Канадѣ основаны фонды помощи; насколько позволяют средства идет помощь Однокашникам, которым тяжело живется в разных мѣстах нашего разсѣянія. Есть пожеланіе основать такой фонд и в других мѣстах, посколько это там возможно.

Послѣ выпуска сборника "Суворовцы" №I, ко мнѣ поступили одобренія Однокашников и пожеланія продолжить это дѣло. Обращаясь к моему письму, помѣщенному в сборникѣ №I, могу только повторить, что лишь при общем откликѣ в отношеніи матеріялов и при общем желаніи поддержать это начинаніе оно не заглохнет.

С своей стороны вновь и вновь повторяю просьбу Суворовцам, от имени ВСЕГО Объединенія, оказывать ему всемѣрную поддержку, во всѣх отношеніях, и в память нашей Родной Школы СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА и ради потребностей текущаго времени для помощи своим Однокашникам.

А.Потапов
Предсѣд.Объединенія.

ПОСЛѢДНІЙ КОРПУСНОЙ ПРАЗДНИК В ВАРШАВѢ I.X.I9I3.

Я не историк и не писатель. Может быть в этих воспоминаніях что нибудь будет ошибочно, но память человѣческая не совершенна, а времени,с тѣх незабываемых времен, прошло много. И каких лѣт! Сколько пережито. Скольких нѣт.

-.о.-

Начался учебный год I9I3-I4, как обычно; пріѣзд в корпус вечером I5 августа; настроеніе приподнятое - послѣдній год в стѣнах корпуса. Было весело, шумно, обмѣн лѣтними впечатлѣніями с друзьями. Перемѣны в личном составѣ отдѣленія - кто остался, перевелся, кто новые. I6 августа - настроеніе бодрое - мы, наконец, самые старшіе в корпусѣ. Молебен. Нравоучительная рѣчь директора, Генерала Ваулина. Производство в вице-унтер-офицеры исп.долж. вице-фельдфебеля фон-Эссена Николая /I отдѣленія/. Были назначены и.д.вице-унтер-офицеров в каждом отдѣленіи, которые с этого дня начали нести дежурства по ротѣ. Мы - простые смертные - по кухнѣ.

По отдѣленіям оживленіе; выдача книг - много новых предметов. Кто будет их преподавать. На молебнѣ с интересом и критикой осматривали вновь прикомандированных воспитателей; каких полков, училищ. Мы - "юнкера" вопрос об училищах уже давно рѣшили, нас уже интересовали полки.

Оживленіе и подъем первых дней быстро прошли. Наступили сѣрые будни. Каждому извѣстно как трудно послѣ лѣта взяться за книги; мозги еще не подчиняются; разучились думать и слушать. Мысли,часто во время урока, витают гдѣ то, вспоминая кого то.

Но эти сѣрые будни скоро оживились, так как корпус начал усиленно готовиться к своему празднику. Много забот было выпускным - послѣдній праздник в корпусѣ. К этому дню должен быть готов выпускной жетон. Свои художники рисовали в красках проэкты, которые и ходили по отдѣленіям. Назначался конкурс. Надо чтобы было красиво, что нибудь особенно Суворовское и не похоже на жетоны предыдущих выпусков. Когвсѣ проэкты были закончены, то каждый ставил свою подпись под нравящимся ему проэктом. Если не ощибаюсь, большинство получил рисунок Александра Федорова - 2-го отдѣленія; на фонѣ скрещенных знамен в лавровом вѣнкѣ эмалевый портрет Шефа, внизу фельдмаршалскіе жезлы , георгіевская лента и крест и римская цифра IX /выпуск/; на обратной сторонѣ погончик и фамилія. Надо было дать ювелиру, чтобы сдѣлал образец и по одобренію дѣлал жетоны.

Намѣчались распорядители для бала; покупались ленты для аксельбантов распорядителям; бѣлые для дирижеров в оба зала, по два три человѣка из числа самых лучших танцоров; голубые - встрѣчали в вестибюлѣ гостей и провожали их наверх в залы; красные - столовая, буфет;- эти болѣе были по сердцу кадетам с "конца"; туда выбирались поздоровѣе, чтобы устоять перед атаками младших классов; выходя из буфета в столовую надо было поднимать подносы вверх на вытянутых руках во избѣжаніе "неожиданностей!" Эта группа пополнялась кадетами УI класса, главным образом "майорами" и посильнѣе. Но были и такіе, что не хотѣли связывать себя никакими обязанностями, а быть всюду гдѣ хочешь.

Роты усиленно готовились к параду, особенно I-ая,с винтовками,и 4-я гдѣ I класс надо было как слѣдует подготовить. Музыканты сыгрывались во всю; пѣвчіе готовились к архіерейской службѣ. Корпусная швальня работала без устали; к празднику надо на весь корпус сшить по мѣркѣ все новое - "парадное!" На большой перемѣнѣ появлялись в ротах портные с самим вахтером - подпрапорщиком Руда-Баба, а то и с завѣдующим обмундированіем капитаном Добротворским. Все самым тщательным образом примѣрялось, передѣлывалось и осматривалось. Командир роты полковник Еременко внимательно осматривал и отмѣчал у себя

в тетради малѣйшую складку, морщинку; все отдавалось тогда в передѣлку и заканчивалось. Одѣвали нас идеально.

Подошел и канун праздника. Кто получит нашивки? По окончаніи 3-го урока в ротѣ показался и ротный командир, у которого уже видна в карманѣ цѣлая пачка погон - карман так и оттопыривается. По приходѣ рот /всѣх/ в столовую пришел и директор. Послѣ обычнаго привѣтствія остановился перед I-ой ротой и начал вызывать производимых: вице-унтер-офицера Эссен и исполняющих должность вице-унтер-офицеров - человѣк восемь. "По представленію ротнаго командира и утвержденію педагогическаго комитета, вы производитесь в вице-фельдфебеля и в вице-унтер-офицеры!" По взмаху его руки - сигнал "на молитву!" И лишь сѣли за стол произведенные, как с них сразу же стали снимать старые погоны, надѣвая уже с галунами - новенькіе. Сосѣди и пріятели брали себѣ погоны произведенных - на счастье - авось поможет, лучше баллы пойдут. Придя в роту, лишь разошлись из строя, начали "качать" произведенных. Новоиспеченное "портупейство" /мы же юнкера/ сейчас же послало служителей за шеколадом для своих отдѣленій. У нас была традиція: каждый произведенный в вице-унтер-офицеры угощал свое отдѣленіе - по пол фунта шеколада каждому. Первое производство в канун корпусного праздника называлось "производством в первую смѣну!" Мы безнадежные - "галерка" - внимательно слѣдили за успѣхами наших "исполняющих должность" /и.д./ и точно подсчитывали их среднія баллы и взвѣшивали их шансы на галуны /полосатые-золотые/, а наши - на их шеколад. Надо было имѣть девять в среднем, конечно при безупречном поведеніи. Эта первая четверть - самая трудная - послѣ лѣта - и мало имѣло эти девять в среднем. У кого из "и.д." нашивки под сомнѣніем, всѣм отдѣленіем твердили им "зубри"; тут говорило не только желаніе побольше поѣсть шеколада, но и самолюбіе отдѣленія получить побольше нашивочных "портупеев". Думаю, что служителя по дорогѣ побывали и на телеграфѣ - надо же порадовать родителей первым производством.

Так уже создалось предпраздничное настроеніе.

Всенощная проходила болѣе торжественно чѣм обычно и хор своим пѣніем этому содѣйствовал. Уже на всенощной появлялись, съѣхавшіеся на свой праздник г.г.офицеры, бывшіе наши кадеты. Заходили в роты послѣ службы, бесѣдовали, показывали парты, на которых сидѣли, разсказывали о своих частях - полках, батареях.

Утром, несмотря на праздничный подъем, кадеты зашевелились раньше. Служителя разносили по кроватям новое - парадное обмундированіе. Послѣ чая немедленно переодѣвались в парадное. Команда вице-фельдфебеля "строиться" уже всѣх заставала готовыми, с иголочки одѣтыми, с подсумками. Производился строевой расчет роты на взводы /обыкновенно строились по классам и отдѣленіям/. Вице-унтер-офицеры кажутся как то солиднѣе на командных должностях, сіяя своими новыми галунами.

Обѣдня начиналась, как обыкновенно в I0 часов утра.

Немного мрачны[м] и тусклым, при парадном освѣщеніи и блескѣ парадных форм, казался наш иконостас; реликвія и гордость корпуса, походный иконостас нашего Шефа Князя Суворова /под стеклом/, бывшій с ним при взятіи Варшавы, потом побывавшій с Императором Александром I в Парижѣ. В церкви непривычная тѣснота: весь корпус, в полном составѣ, рѣдко бывал в церкви. Кромѣ нашего хора - архіерейскій. Служил сам Владыка Варшавскій Николай. Служба должна быть очень продолжительной, что нам, послѣ быстрых обѣден нашего Отца Григорія Модзолевскаго, было непривычно. Добрый и умный батюшка сам говорил: "Буду дольше служить - больше будете грѣшить, разбойники!" Так он нас часто всѣх называл. В этот день знамя стояло в церкви уже развернутое, готовое к выносу на парад. Церковь начала наполняться нашими бывшими кадетами, офицерами в парадных формах. Незамѣтно мы старались косить глазами, через плечо назад, кто пріѣхал, каких полков.

Прибыл и Командующій Войсками Варшавскаго Военнаго Округа Генерал

Адъютант Генерал-от-Кавалеріи Скалон.

В первом часу обѣдня и молебен заканчивались. Роты, не прикладываясь к кресту, расходились по своим помѣщеніям. По приходѣ в роту сразу команда "в ружье" и "строиться!" Музыканты уже со своими инструментами. Роты выводят на плац I-ой и 4-ой рот, гдѣ весь корпус строился покоем; роты в развернутом строю; всѣ в новом так и сіяют на солнцѣ. Выравниваніе, команды. Наконец "под знамя, слушай на кра-ул!" Оркестр играет нашу особую встрѣчу "Гром побѣды раздавайся," а не марш Военно-учебных заведеній, как в других корпусах и военных училищах. Мы были горды, что лихим пріемом своего юнаго строя встрѣчаем свое новое, серебряное знамя, роднящее нас с нашей славной Императорской арміей. Знаменщик, молоденькій вице-унтер-офицер Гординскій, торжественно выносит знамя; при нем ассистенты - два самых молодых подполковника в корпусѣ, оба высокіе, стройные - Александрович и Отоцкій.

На лѣвом флангѣ 4-ой роты, почти цѣлая рота офицеров, бывших кадет; все молодежь; лишь старшіе выпуски достигли чина поручика; всѣ в новой парадной формѣ с лацканами, тогда еще новыми, непривычными. На их правом флангѣ 3-я гвардейская дивизія; в киверах, они кажутся чуть ли не вдвое выше лѣвофланговаго кадетика 4-ой роты. Замѣтно преобладаніе Волынцев /до 18 человѣк/. Обиліе кавалеристов в их красивых, ярких формах. Тонны артиллеристы и саперы в бархатных лацканах, различаясь цвѣтом прибора. Красивое сочетаніе малины и золота у стрѣлков. Больше всего восхищенія и вниманія удѣлялось Уланам Его Величества и, особенно Гродненским гусарам; ментик, сабля, султан - многим нравились, не говоря о гармоничности цвѣтов - малиновый, темно зеленый, бобровый мѣх и серебро. Основѣ арміи - ея пѣхотѣ, меньше чѣм через год, ставшей самой многострадальной, но доблестной частью Императорской арміи, вниманія удѣлялось не много. Скромна и не избалована была вниманіем к себѣ Родины - Императорская пѣхота. И цвѣтные лацкана ее мало украшали.

Лихое прохожденіе церемоніальным маршем, тщательное стараніе 4-ой роты "не подкачать," всегда, неизмѣнно отмѣчалось благодарностью и похвалой Командующаго Войсками. С облегченным и успокоенным сердцем - не оскандалились - расходились роты. Офиціальная часть кончена, дальше одни удовольствія. Как то в этот день, праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, всегда стояла чудная солнечная погода поздней варшавской осени. За семь лѣт пребыванія в корпусѣ, кажется, только один раз был дождливый день и парад был в Бѣлом залѣ.

В столовой с оживленіем, возбужденные парадом, послѣ молитвы, сѣли за столы. Много столов для гостей и бывших кадет. Играет оркестр 30 пѣхотнаго Полтавскаго полка. Меню - неизмѣнное для этого дня: бульон с кулебякой, что то мясное /лучше чѣм всегда/ и пломбир; всѣм по стаканчику донского шипучаго вина. Кажется послѣ второго блюда начинались тосты. Первый - за Государя Императора - был покрыт мощным гимном и несмолкаемым "ура" кадет. Второй - за, общаго любимца всѣх кадет, Великаго Князя Константина Константиновича, Августѣйшаго Генерал-Инспектора Военно-учебных заведеній - встрѣчался таким оглушительным и единодушным "ура" от всего кадетскаго сердца, что начальству с трудом удавалось прекратить этот продолжительный кадетскій восторг. Так велик был ореол Великаго Князя среди кадет и такова была любовь к нему. Сказывалось на оживленіи и дѣйствіе стакана вина, особенно на 4-ую роту. Послѣ этих тостов всѣ послѣдующіе казались уже какими то тусклыми, казенными. Вызывали интерес и вниманіе поздравленія от других корпусов и военных училищ; читалось безконечное количество телеграмм от бывших кадет, не присутствовавших лично. Из всѣх военных училищ были телеграммы - цѣлые списки юнкеров-Суворовцев. Вся эта масса поздравленій показывает какой любовью пользовался у всѣх бывших кадет наш Родной Корпус. Мысленно в этот день всѣ были с нами в Варшавѣ на Бельведерской аллеѣ. Наконец, обѣд заканчивался и скорѣе в роту.

Этот день дѣйствительно был праздником для всѣх. Еще бы! Всеобщая амнистія. Всѣ, не взирая на баллы за поведеніе, могли идти гулять в город до 6-ти часов вечера. Таким же великим днем был и день причастія.

В 6 часов вечера кадетам был дан "полдник," т.е. обыкновенный завтрак в необыкновенное время. Потом пошли приготовленія к балу.

К 8-ми часам вечера в залы. Распорядители очень озабочены своими обязанностями. На переднем фронтонѣ зданія, над входом, зажжен, как в Царскіе дни, вензель Государя из газовых рожков. Начинался съѣзд приглашенных. Много молодых дѣвичьих и дѣтских лиц - кажутся всѣ красавицами - в нарядных платьях, оживленныя удовольствіем предстоящаго бала; многія гимназистки в своих коричневых формах. Привлекали вниманіе черные отложные воротнички с красной выпушкой, каких то курсисток при I Варшавской женской гимназіи; их "артиллеристками" звали.

Нашим балом открывался зимній сезон в Варшавѣ. Едва ли не самый блестящій бал. Попасть на него было мечтой многих. Но вход был лишь по пригласительным билетам, очень строго, и с большим разбором, выдававшимся. Всѣ "ловченія" отпускных кадет, чтобы не отпускной пригласил его знакомых, начальством легко разгадывались - откуда у вас появилась эта кузина - и к великому огорченію, они из списка воспитателем вычеркивались. Институт не был в фаворѣ у кадет; требованіе его начальницы, чтобы были только институтки - были невыполнимы и слишком эгоистичны. В самых лучших отношеніях корпус был с I Варшавской женской гимназіей /русская исключительно/ и пансіоном III гимназіи, на Королевской улицѣ, гдѣ были лишь дочери офицеров.

Приглашенные прибывают; их встрѣчает,в вестибюлѣ, кто нибудь из воспитателей /око начальства/ с цѣлой группой распорядителей кадет,с голубыми аксельбантами, которые и провожают гостей в залы. Оба швейцара с утра в парадных, красных с галунами, ливреях; вечером у них помощники - барабанщики, горнисты и гвардейцы солдаты из гимнастическаго зала. Оба зала ярко освѣщены; паркет сіяет. В Бѣлом залѣ, с мраморными досками, на которыя заносились имена кадет первыми окончивших корпус и Военныя училища, оркестр Лейб-Гвардіи Литовскаго полка; в гимнастическом залѣ - 30 пѣхотнаго Полтавскаго полка. Залы самые большіе в Варшавѣ, каждый в полтора свѣта.

Портрет Государя, во весь рост, декорирован зеленью в кадках. Бюст Шефа, Генералиссимуса Князя Суворова, тоже.

Залы наполнялись. Бал открывает,вальсом в Бѣлом залѣ, вице-фельдфебель; до него никто не танцует. Недолго царит сдержанное, официальное веселье; быстро переходит в настоящее. Молодежь увлекается. Постоянныя, излюбленныя посѣтительницы наших балов на-расхват; записывают очередь кавалеров на программѣ танцев; в каком залѣ что и с кѣм танцуют. Дирижеры увѣренно руководят танцами. Но над всѣм царит в залах глаз преподавателя танцев Викентія Яковлевича Словацкаго. А уж на его "мазурку", с какой нибудь лучшей ученицей - гимназисткой, рдѣющей от счастья /еще бы - в корпусѣ, в первой парѣ, с"самим" Словацким/всѣ с удовольствіем смотрѣли. Много офицеров бывших кадет. Как шикарны были уланы Его Величества в бальной формѣ, с бархатными алыми отложными воротниками. Орденцы драгуны тоже были красивы в колетах по борту обшитых георгіевской лентой и с гренадерскими пуговицами /разрывающаяся бомба/.

Четвертая рота тоже танцует. Кажется не проходило ни одного бала, чтобы кто нибудь из маленьких кадет не растянулся на скользком паркетѣ, к великому конфузу его самого и его дамы, такой же маленькой гимназисточки с маленькими косичками, и к большому злорадству его нетанцующих пріятелей - не рѣшаются, хотя В.Я.Словацкій и вытягивает их.

Гостям, в сопровожденіи кадет, предлагалось в столовой угощеніе - чай, бутерброды, печенье. Танцевали, все же, не всѣ и не у всѣх были знакомые; часть столовой, прилегающая к буфету, была полна кадет, ко-

торые не давали покоя буфетным распорядителям /красный аксельбант/. Кадеты вѣчно хотят и могут ѣсть, как хорошо их не кормят - аксіома. Были и кіоски с прохладительными напитками - морс и наш хлѣбный квас.

3-я и 4-ая роты оставались до 12 часов ночи; потом отдѣльных кадет этих рот извлекали и буквально загоняли в ротныя помѣщенія. Обиднѣе всего было отдѣленію IУ класса, состоявшему в 3-ей ротѣ, так рано уходить. В 2 часа ночи танцы заканчивались маршем в обоих залах. Это был самый оживленный /расходящійся/ вальс /под марш/ за весь вечер; танцевали всѣ. Гости расходились; их провожали до вестибюля; всѣ попытки,проникнуть дальше,терпѣли неудачу. Исключеніем были лишь отпускные кадеты с ночевкой; шли домой до II-ти часов слѣдующаго дня.

Подъем в ротах на другое утро был в 9 часов, а уроки начинались послѣ большой перемѣны. Все входило в норму. А задѣтыя сердца с нетерпѣніем ждали слѣдующій бал - 6-го декабря.

Так было в Варшавѣ I октября 1913 года, а через год наш выпуск, в пѣхотных училищах, в этот день, перешел на старшій курс.

1953.Калифорнія. Н.М.ВИТТЕ.

Б Ы Л О Е.

/Окончаніе/

А теперь обращаюсь к нашим наставникам.

Законоучителем в моем XI выпускѣ от начала и до конца был Отец Григорій Модзолевскій, академик, всесторонне образованный человѣк. Много он дал нам добраго. Объяснял он просто, понятно и не придерживался сухих текстов. Отвѣчали мы у него по нашему желанію. Он этому не противился. Часто, на уроках мы задавали Батюшкѣ вопросы, не относящіеся к Закону Божьему и он, иной раз, весь урок разсказывал нам и про живопись, и про путешествія.

Русскій язык преподавал много лѣт г.Залѣсскій. Русская литература настолько велика, что приходилось удивляться ему, как он умудрился познакомить нас с ней за такое короткое время и то далеко не поверхностно. Писали мы грамотно. Он,как и многіе другіе преподаватели,поскольку это позволял предмет, всячески поощрял наш почин, и желающіе дѣлали доклады на уроках, разбирая какое нибудь извѣстное произведеніе. Залѣсскій, послѣ доклада, останавливаясь на нем, указывал характерныя черты и значеніе произведенія в литературѣ. Преподавал спокойно и с тактом относился к нам.

По нѣмецкому языку преподавателем в IУ классѣ был г.Коппель. Это был педантичный нѣмец, аккуратный и довольно "вредный". Нам, напримѣр, не нравилось, что он ставил послѣ отвѣта какіе то значки в свою записную книжку, а балл в журнал заносил в учительской и на урокѣ мы не могли подсмотрѣть кто и сколько получил. Был он, своего рода,большим психологом. Вызовет; ну и начнешь "плавать", не зная урока. Нѣмец водружал 5. Начинаешь учить -не вызывает. Учишь недѣлю, другую. Наконец, рѣшаешь, что довольно. Только не выучил урока - трах! Вызвал; ну, пятак снова. Преподавал он спокойно, но особой нашей любовью не пользовался. В пятом классѣ /если не ошибаюсь, а может быть в УI/ его замѣнил Подполковник Корьюс. С длинными, рыжеватыми усами, с такими же длинными шпорами с оглушительным звоном. Считал он себя "адски" строевым, чѣм мы и пользовались. На его урок выбирался толковый дежурный. Как только Корьюс входил в класс, дежурный громким голосом командовал "Встать.Смирно!" Отдѣленіе с оглушительным грохотом вставало и дежурный, "печатая ногу", подходил к Корьюсу и отчетливо рапортовал ему о состояніи отдѣленія. Часто Корьюс, довольный "отчетливостью", говорил дежурному: "Молодец", на что получал громкій отвѣт:"Рад стараться господин Полковник!" Преподавал он толково, а т.к. урок по нѣмецкому языку был каждый день, то знали мы предмет хорошо. Корьюс

/ Урок начинался в теплой обстановкѣ.

не придирался и мы жили с ним дружно.

По французскому языку во II классѣ был г.Броншен. Далекія воспоминанія представляют его брюнетом, с буйной шевелюрой и таким же темпераментом. Как он преподавал не помню, но, кажется, чистописаніе играло большую роль, чѣм содержаніе написаннаго. Послѣ него мы получили г.Кастильона. Это был старик с лысой, как бильярдный шар, головой, с крючковатым носом, на концѣ котораго сидѣли очки. Для того, чтобы нас разсмотрѣть, он должен был голову закидывать назад. Изводили мы его всячески. Преподавал он без всякой, видимой для нас, системы. В началѣ каждой четверти он торжественно объявлял: "правило дѣепричистнаго прошедшаго." Что это было за правило - я не знаю и до сих пор. Учились мы скверно. Болѣе сильные ученики кое-как отвѣчали, слабые же, не взирая на нашу общую помощь, "плавали" сильно. Помню, как-то раз, он вызвал кого-то из малознающих. Тот предварительно попросил Кременецкаго, который знал язык довольно прилично, изучая его дома, отвѣтить за него. Кременецкій вышел, отвѣтил и, получив удовлетворительный балл, сѣл на мѣсто. И вдруг, к нашему ужасу, француз,уткнувшись носом в журнал, вызывает:"Кременецкій." Тот вышел. Француз, откинув назад голову, долго сквозь очки, смотрѣл на Кременецкаго и наконец говорит: "садитесь." Тот сѣл. Потом, немного подумав, произнес: "Кременецкій." Тот встал. И вызывает того, за кого только что Кременецкій отвѣтил. Встал и тот. Кастильон посмотрѣл на обоих и [illegible] спросил:"Кто из вас кто?" Не помню как, но выкрутились. Иногда, когда мы допекали его сильно, он кого нибудь удалял из класса. Оставшіеся хором начинали просить Кастильона: "простите его он сирота." Растроганный француз возвращал выгнаннаго. Красив был Кастильон на парадах, когда являлся во фракѣ и на бѣлоснѣжной груди висѣл темно-красный шейный орден. В УІ классѣ его уже не было и в Москвѣ к нам пришел преподаватель III Московскаго корпуса Уилькинсон. Это был толковый, серьезный и знающій педагог. Преподавал он хорошо и за два года мы вполнѣ освоили язык, тѣм болѣе, что знанія у нас были и раньше, только в безпорядочном видѣ.

Математику в IУ классѣ преподавал капитан Обыденный. Как он преподавал не помню, но знали мы алгебру и геометрію довольно плохо. В пятом классѣ его смѣнил Сорокин. Кто в корпусѣ не знал Петра Александровича Сорокина. Математик он был изумительный и когда бывал в ударѣ его можно было заслушаться. Странностей же у него было много. Кромѣ того он часто болѣл и пропускал уроки, а это все вмѣстѣ взятое, не могло, конечно, не отразиться на нашей успѣшности. Иногда он свирѣпствовал и ставил "двойки." При большом их наличіи,в одной из четвертей,средній балл всего отдѣленія по алгебрѣ и геометріи вышел пять с половиной. Это вызвало вмѣшательство директора. Он прочел нам нотацію и предложил нам взяться за ум, что мы и пообѣщали. В УІ классѣ математику преподавал Константин Ильич Зрене. Невысокаго роста, смуглый, с черными густыми волосами. Пріѣхал он к нам по окончаніи педагогических курсов в Петербургѣ. Говорили, что он родом сиріец из под Іерусалима. За достовѣрность этого не ручаюсь. Преподавал он хорошо. Требовал работу головы и часто задавал на уроках небольшія задачи по всѣм отдѣлам математики, которыя мы должны были рѣшать в головѣ, не прибѣгая к карандашу. Был немного вспыльчив, был строг, но не придирчив. Знали мы математику хорошо.

В пятом классѣ мы приступили к изученію физики. Преподавал ее нѣкто Тэйм, впервые появившійся в корпусѣ. Несуразная фигура. Начало физики очень скучно. Даром рѣчи он не обладал; мы его не понимали и в один прекрасный день сильно его "обложили." Возмездіе мы получили большое. Пять человѣк были переведены в другіе корпуса, а всѣ остальные сидѣли долгое время без отпуска и всѣм были сбавлены баллы за поведеніе, кому один, а кому и два. Послѣ этой "обкладки," начальство за нас взялось серьезно. На всѣх уроках стал присутствовать или воспитатель

или командир роты. Нам не только не давали разговаривать, но нельзя было повернуть головы. А Тойма смѣнил инспектор классов Генерал-Майор Носов, артиллерист-академик; знал он физику прекрасно. Был строг и немного язвителен; погром нам устроил всеобщій; сначала из пятерок мы не вылѣзали, а потом заставил нас заниматься и мы выправились. В УІ классѣ физику, а потом и механику /отдѣльный предмет/ стал преподавать приват-доцент, а потом и профессор, Варшавскаго университета Константин Иванович Иванов, из бессарабских болгар. Это был плотный, широкоплечій мужчина; говорил медленно, басом. Объяснял изумительно понятно и даже красиво. Читая механику, у него все так было ясно и выпукло, что сталкивающіеся шары и в наших глазах оживали. Относились мы к нему с большим почтеніем и знали предмет блестяще. Уроков почти можно было не учить, до того запоминались его объясненія. О Константинѣ Ивановичѣ у каждаго из нас, его учеников, осталось самое хорошее воспоминаніе.

Исторію с ІУ класса и до конца преподавал г.Маньковскій. Это был ровный, спокойный педагог. Объяснял хорошо и иной раз и с воодушевленіем. Был справедлив, тактичен и ни к кому не придирался. Я не помню, чтобы на его урокахъ бывали какія нибудь недоразумѣнія. Исторію мы знали прилично.

А кто из нас не знал милѣйшаго учителя по рисованію Льва Адреевича Гейне. Я рисовал настолько скверно, что и самому иной раз тошно было смотрѣть на свое произведеніе и частенько Лев Андреевич водружал мнѣ четверку. Мы всѣ его любили; он как то особенно располагал к себѣ.

Законовѣдѣніе преподавал воспитатель 2-го отдѣленія моего же выпуска подполковник Станиславскій, юрист по образованію. Занятія шли ровно и спокойно. Учебник был составлен так сложно, что иной раз приходилось учить дословно, т.к. передать содержаніе своими словами нам было трудно.

Космографію читал директор. Курс был серьезный и трудный. Читал генерал Ваулин хорошо и требовал знаній. У "самого" директора надо было заниматься. Хорошо разбирались мы и в орбитах, и протуберансах, и широтах, и в небесных свѣтилах.

По химіи у нас был г.Павленко. Высокій и нескладный. Читал хорошо. При отвѣтах он иногда гдѣ то витал в химических формулах и половина отвѣта проходила мимо его ушей, но это не мѣшало нам курс химіи знать и мы этой его слабостью не пользовались.

Географію с ІУ по УІІ классы, а в пятом классѣ и анатомію, преподавал г.Сельскій. Это был плотный и крѣпко сбитый мужчина. Иногда любил говорить с пафосом; преподавал хорошо и занимательно. Мы у него занимались с охотой. Был он ровный и справедливый, любимчиков у него не было. Мы с ним бродили по свѣту и не его вина, что недостаток времени не позволял ему быть болѣе пространным в таком интересном предметѣ. В УІІ классѣ мы изучали географію Россіи. Преподаватель поощрял нашу иниціативу и желающіе могли дѣлать доклады на тему из географіи Россіи. Обыкновенно докладчик разсказывал о географіи того мѣста, которое знал, живя там. Доклады нѣкоторых были весьма обстоятельные и интересные. По анатоміи каждый должен был имѣть тетрадь, гдѣ зарисовывал части тѣла. Были тетради художественныя, особенно у тѣх кто хорошо рисовал. Его предметы мы знали отлично и занимались с охотой и даже рвеніем.

Я перечислил всѣх преподавателей XI выпуска, начиная с ІУ класса. Теперь, когда можно дѣлать болѣе безпристрастные выводы - должен сказать, что подбор педагогов был исключительно хорошій. Знанія мы пріобрѣли большія и глубокія. В нас поощрялась иниціатива. Было много домашней работы и нѣкоторые отдѣлы нами изучались даже с воодушевленіем.

1953. Калифорнія. С.В.НИТЦ.

ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ.

Из письма Бориса Адамовича СИДОРОВИЧА /в.у.о. 5 вып./

Кто из Суворовцев не знает и не помнит Антона Антоновича МАТВѢЕВА "Антошку," как мы его звали. Любимец и друг для старших кадет и пугало для "крупы." На урокахъ очень строгій и требовательный, он умѣл своим предметом - исторіей - заинтересовать всѣх. Хорошій разсказчик с изумительной памятью и балагур, он своими историческими описаніями, а зачастую и анекдотами, умѣл охарактеризовать описываемую эпоху так, что мы, как бы сами ее переживали. Своими причудами, и отчасти нѣкоторой фамильярностью с кадетами, он поставил себя в исключительное положеніе; принимал, с удовольствіем, участіе в наших играх, конечно таких, гдѣ позволяли ему силы и годы, и своими остротами вызывал общее веселье. Иногда захаживал к дежурному по кухнѣ кадету и выпросив у него котлету, съѣдал ее в неурочное время, дразня кадет. Но если случайно, спрошенный на другой день, дежурный не знал урока, не стѣснялся "залѣпить" тому кол. Если его обидят, что иногда случалось, Антошка никогда не запишет в журнал и не пойдет жаловаться начальству, а сам найдет выход из положенія с честью. Зато и любили его кадеты, считали за своего и по своему уважали. За словом же он в карман не лѣз. С "крупой" Антошка дѣла не имѣл, но иногда, встрѣчаясь с ними в городѣ, любил побалаганить. Идет он по Уяздовской аллеѣ в своем неизмѣнном "лапсердакѣ" /пальто с прорѣзями для рукавов и с пелеринкой/ в дворянской фуражкѣ, в руках дубинка; встрѣчает первоклассника, берет дубинку под-высь и становится во фронт; обалдѣлый кадетик также "бухнет" во фронт. Так, при наблюденіи окружающей публики, простоит с минутку, или пока у кадетика не появится обиженное выраженіе, бросит ему шутливое слово и пойдет дальше. Жил Антошка в городѣ, снимая комнату, гдѣ кромѣ "селивановскаго" тюфяка, говорят, и стула не было. Все свободное время он проводил в корпусѣ, в институтѣ или университетѣ, гдѣ также преподавал и читал лекціи. Около Почаевской Лавры был у него хуторок. Каждый год в Великом посту он ѣздил туда; там же в Лаврѣ он и говѣл. Возвращался всегда подстриженный /носил длинные волосы/, помолодѣвшій; /злые языки добавляли, что в Лаврѣ он и в баню ходил, и бѣлье мѣнял/. Лѣтом Антошка иногда пріѣзжал на кадетскую дачу, откуда с компаніей кадет отправлялся в эскурсію. Кадеты очень любили эти походы с Антошкой.

А уж разсказывал он мастерски - соловьем пѣл и даже глаза закрывал так что, часто, открыв их, видѣл, что стоит спиной к классу. Надо сказать, что слушали его внимательно и в классѣ была полная тишина. Но как то на его урокѣ, на предпослѣдней партѣ, поднялся шум; Антошка остановился, взглянул туда и крикнул сзади сидящему: "Петя, дай ему по загривку." Петя почему то постѣснялся дать по загривку, тогда он сам, схватив со стола журнал, подлетѣл к виновнику и стукнул его журналом по башкѣ. Всю эту исторію увидѣл, случайно, через дверное стекло инспектор классов /Полк.Жолтиков/ и бѣднаго Антошку чуть не выгнали из корпуса; только просьбы кадет и заступничество "Папаши" директора спасли его.

Антошка отлично знал святцы и, придя на урок, всегда сообщал, что сегодня такого то святого и поздравлял именинников; иногда вынимал из своего знаменитаго портфеля пакетик старых конфект и дарил имениннику. А портфель его был дѣйствительно знаменитый - и у старьевщиков не найти; потертый, неопредѣленнаго цвѣта /и цвѣт то вытерся/, с ниспадающим и волочищимся ремешком; он был всегда туго набит; среди разнаго хлама были - и толстая, старая записная книжка, и учебники, и большое количество литографій историческаго содержанія. Наш выпуск, при прощаніи с Антошкой, преподнес ему чудный кожаный портфель, но, как я узнал на слѣдующій год, он никогда с ним не появлялся, а продолжал таскать свой "уникум." Вѣроятно кому нибудь подарил.

/Продолженіе на стр.I6./

П О Д С У М О К.

15 августа, пріѣхав с лѣтних каникул, я сдал одежду 2-ой роты и получил все что слѣдует из цейгауза первой. Хоть убейте меня не могу вспомнить какой номер я получил в I-ой ротѣ. Носил два года мундир, фуражку, бѣлье с этим номером, а вспомнить не могу. Как будто 36, а может быть и не 36. Помню, что в 4-ой ротѣ корпуса, т.е. когда мнѣ было лѣт II, мой номер был III. Номер в младших классах помню, а в старших - затуманился. Помню штемпеля каждой роты: 4-ой - четверка в прямоугольникѣ, 3-ей - тройка в треугольникѣ, 2-ой -двойка в кругѣ, I-ой - единица в эллипсѣ, а вот послѣдняго своего номера не помню. Но самое пріятное было - это полученіе подсумка, предвѣстника винтовки.

Придя в спальню, я положил вещи на кровать и не мог удержаться чтобы не разстегнуть подсумок и не посмотрѣть, да кто же его носил до меня. На внутренней сторонѣ крышки четко были выведены фамиліи. Первую сейчас помню - вице-фельдфебель В.Крейтер. Затѣм шли всѣ остальные и всѣ нашивочные. Неужели я первый оскандалю подсумок и через год не буду вице-унтер-офицером? Надо "подкалить!" А может быть это хорошее предзнаменованіе?

Больше всего меня интересовала фамилія "Крейтер!" Фамилія первого, видимо, фельдфебеля первого выпуска. Надо узнать. На выпускной группѣ I-го выпуска, висѣвшей в ротном залѣ, Крейтера не было; на группѣ 2-го - был. Провѣрил на мраморной доскѣ в Бѣлом залѣ. Все правильно; фамилія фельдфебеля выведена золотыми буквами. Подробнѣе можно будет узнать у Льва Андреевича; он преподает от начала существованія корпуса. На урокѣ рисованія, спрошенный Лев Андреевич разсыпался в похвалах и повторил то - что я уже слышал, что Крейтер, окончив корпус вице-фельдфебелем, был потом вахмистром в Николаевском Кавалерійском Училищѣ. "Лев Андреевич, а такой барон Рауш фон Траубенберг был вице-унтер-офицером?" "Был." Все без обмана; вот черти, всѣ были нашивочными, а один еще и на вахмистра "марку загнул!" Вдруг я... не буду... нельзя "подкачать!" Все покажет VI класс.

При переходѣ в VII класс я был назначен исполняющим должность вице-унтер-офицера; это было уже "здорово", но в началѣ VII класса появилось "но!" Не то, чтобы большое "но," а все же минус появился.

Надо сказать, что в VI классѣ, т.е. за год до начала I Міровой войны, на урокахъ нѣмецкаго языка мы изучали "пѣсни, которыя рекомендуется пѣть нѣмецким солдатам", это было в видѣ приложенія к военной хрестоматіи. Были там - "Ich hat ein Kameraden", "Morgenrot, Morgenrot leuchted mir den fruhen Tod".

Подполковник Корьюс, преподававшій нѣмецкій язык приводил в примѣр переводы Шиллера, и то, что сдѣлал Жуковскій с его балладами должны были сдѣлать мы с "пѣснями!" Попытки появились; "Ich hat ein Kameraden" предлагалось в слѣдующей редакціи:

Был у меня товарищ — Вот свистнула картечь..Подать мнѣ хочет руку.
Ну просто брат родной. Кого из нас двоих? Нельзя,кладу заряд.
Ударили тревогу Меня?Промчалась мимо, В том свѣтѣ мы сойдемся
И скорым шагом в ногу А он лежит родимый И там,когда сойдемся,
Пошли мы в жаркій бой. В крови у ног моих. То снова подеремся.

Послѣднія двѣ строчки были на урокѣ измѣнены:

А там,когда сойдемся Ты будь мнѣ вѣрный брат.

Ободренные успѣхами поэзіи мы пошли дальше. Кто то принес "Вѣтку палестины", передѣланную в нѣмецком духѣ.

Скажи мнѣ,каска пѣхотинца, И на главѣ ли ландвермана
Чье украшала ты чело, Востока луч тебя ласкал,
В каком полку - какого принца, В тот день, когда герой Седана
Твой мѣдный верх сіял свѣтло? Напрвсно гибели искал.

И жив ли он еще понынѣ, Все также предан дисциплинѣ
Все также любит плац-парад, И побивать думкопфов рад.

Отдѣленный офицер-воспитатель подполковник Раздеришин был в курсѣ наших дѣл и наших "упражненій," но никаких вопросов по этому поводу не поднимал.

В УII классѣ, несмотря на то, что война уже разгоралась, подполковник Корьюс остался вѣрен своей программѣ и проходил с нами "Кампанію I870-I87I года," написанную каким то выдающимся нѣмецким военным авторитетом. "Deutschland, Deutschland uber alles, uber alles in der Welt".

было лейт-мотивом книги. Одновременно с изученіем кампаніи доходили слухи: нѣмцы бросали грязью и камнями в Великаго Князя Константина Константиновича вблизи границы около станціи Александрово; майор Прейскер свирѣпствует среди мирнаго населенія в Калишѣ; мисс Каваль разстрѣляна в Бельгіи, а мы " Deutschland, Deutschland uber alles, uber alles in der Welt". . На вечерних занятіях отдѣленный офицер читает, что задано к слѣдующему уроку нѣмецкаго языка, а потом сводку Верховнаго Главнокомандующаго. В сводках о дѣйствіях французов, как союзников, говорится "мы," а на уроках нѣмецкаго языка мы должны были удивляться слабости французских солдат и неосмысленным приказам Наполеона III, восхищаться героизмом нѣмецкаго народа с Бисмарком и Мольтке во главѣ. Наконец, эта пропаганда "Deutschland uber alles". нам так надоѣла, что мы рѣшили просить подполковника Корьюса перемѣнить нам книгу. Я был в числѣ трех,которых отдѣленіе выбрало просить о перемѣнѣ. Корьюс отвѣтил:"Нэ троньтэ мэнэ благороднаго шведа" и доложил директору. Генерал Ваулин, видимо,не разобрав в чем дѣло наорал на нас за то, что мы не хотим учиться нѣмецкому языку, языку поэтов и философов, языку Шиллера и Гете. Послѣ этого строгаго выговора всему отдѣленію, подполковник Раздеришин спросил меня на вечерних занятіях: "Ты тоже был в числѣ зачинщиков?" "Борис Аркадіевич, мы должны знать врага, но зачѣм же нам учиться по учебнику, восхваляющему только одних нѣмцев. Неужели нѣт других книг?" Отвѣта не послѣдовало. "Садись!" Может быть Б.А.Раздеришин не посмѣл объяснить Генералу Ваулину в чем дѣло, а может быть и объяснил, но директору неловко было поступиться генеральским авторитетом. Мы изучали франко-прусскую кампанію до конца года.

Теперь вы знаете какой у меня был минус и как он мог повліять на исторію подсумка. Но...

К I-му октября мнѣ прибавили балл за поведеніе с I0 на II и генерал Ваулин, вручая погоны с золотым галуном, поздравил меня с производством в вице-унтер-офицеры. Вмѣстѣ со мной были произведены еще нѣсколько кадет; фамилій уже не помню. Вѣроятно вылетѣло из памяти потому, что все вниманіе тогда было сосредоточено на погонах. Первое производство в жизни и под звуки корпусного марша "Гром побѣды раздавайся!" Производство состоялось перед обѣдом в столовой. За столом однокашники сняли с меня мои старые погоны, выкупали их в моем супѣ, чтобы их больше не носил и надѣли вице-унтер-офицерскіе. Послѣ обѣда я положил на парту каждаго кадета моего отдѣленія по двѣ плитки шеколада. Пока дядька бѣгал за шоколадом я старательно и торжественно выводил на крышкѣ подсумка под фамиліей Крейтера и других нашивочных - вице-унтер-офицео X вып.Е.Поль.

Кто был слѣдующій?

Отзовись! Если живешь?!

Е.Е.ПОЛЬ

Посвящаю: павшим смертью храбрых, замученным и умершим дорогим соратникам, отдавшим жизнь свою во имя чести Отчизны своей. Ваши имена, как лавры, вплетены в вѣнок славы нашей Родины, возстановленіе которой ни на минуту не вызывает у нас сомнѣнія. Ваша кровь, пролитая на родных полях, является несомнѣнной гарантіей наших чаяній. С благоговѣніем мы склоняем наши головы перед священными могилами вашими и молитвенно обращаемся к ГОСПОДУ МИЛОСЕРДНОМУ: "Да помянет Он вас во Царствіи Своем!"

I.

Конец іюля 1919 года. Мы гг.офицеры, откомандированные из различных частей Добровольческой Арміи Юга Россіи, в школѣ англійских танков, в городѣ Таганрогѣ. Школа находится в расположеніи Русско-Балтійскаго завода /эвакуированнаго из Ревеля/ Сегодня у нас особенно оживленно. Заканчиваются экзамены и мы снова на фронт /там веселѣе/. Мы будем обслуживать новый род оружія - танковыя части. Слышен страшный рев моторов и лязг стальных гусениц. Это водители сдают экзамены на веденіе танков. Экзаменует капитан англійской службы, милѣйшій Кокс - без руки. Экзаменатор он строгій и требовательный. Мы артиллеристы, пулеметчики и механики заняты сборкой танковых моторов больших танков. Во время полуденнаго перерыва узнаем, что с Царицынскаго фронта, прибыл какой то отряд малых/англійских/ танков, который должен здѣсь перевооружиться, т.е. малые танки замѣнить большими. Впослѣдствіи мы узнали, что командир этого отряда штабс-капитан Миронович, в прошлом кадет Суворовскаго Корпуса и "Павлон", в I Міровую войну служившій в авто-броневых частях /33 отдѣленіе/ и награжденный Георгіевским оружіем за бои под Тарнополем. В виду того, что команды, имѣющейся у него, для отряда больших танков недостаточно, то будет дополнительный набор команды из офицеров, окончивших школу и преимущество будет оказано бывшим воспитанникам Суворовскаго Кадетскаго Корпуса. Суворовцев я не знал, хотя оказалось, что нѣкоторые мои знакомые офицеры в прошлом были кадеты Суворовскаго корпуса.

Как то ко мнѣ подошел поручик Князь Микеладзе, с которым до школы я был в одной батареѣ, тогда еще, отдѣльнаго Марковскаго дивизіона и предложил мнѣ вступить в танковый отряд Шт.Кап.Мироновича. Должен сказать,что желающих попасть в этот отряд было не мало, но вступить,без рекомендаціи Суворовцев,было невозможно, т.к. пріем происходил по выбору и утвержденію общества гг.офицеров отряда.

Конечно в первую очередь, как и надо было ожидать, в отряд, который стал именоваться 3-им отрядом танков, попали бывшіе кадеты Суворовцы: капитан артиллеріи Альбрехт Константин, капитан артиллеріи Агапьев Георгій, шт.-кап. артил.Юзефович Константин, шт.-кап. пѣхоты Степанцов Юрій, поручик пѣх. Есипов Алексѣй и сотник Раздорин. Они вмѣстѣ с нами окончили танковую школу и по их рекомендаціи мы и попали в 3-ій отряд танков.

Когда 3-ій отряд был сформирован и укомплектован командой,Суворовцам была дана задача командиром отряда - создать единую хорошо спаянную военную семью, что и было выполнено с успѣхом, несмотря на то, что Суворовцев было не больше 20% всего офицерскаго состава нашего отряда. Старшим офицером отряда был шт.-кап.Степанцов, а обязанности адъютанта нес шт.-кап.Юзефович. Таким образом управленіе отряда находилось в руках Суворовцев. Отряд состоял из четырех больших танков, которые были вооружены одной пушкой 75 мм. и тремя пулеметами Гочкиса. Названія танков были слѣдующія:
I-й "Генералиссимус Суворов," командир его поручик Любич-Ярмолович Г.,

первый в Русской Арміи получил орден Св.Николая Чудотворца за прорыв из Крыма 25-5-1920 у деревни Ново-Алексѣевка.
2-й "Фельдмаршал Кутузов," командир его поручик авіаціи Багинов М., . кавалер ордена Св.Георгія 4-й степени, который получил за взятіе Эрзерумских укрѣпленій в февралѣ 1916 г. будучи офицером одного из полков 39 дивизіи.
3-й "Генерал Скобелев," командир поручик Трамбовельскій А. участник перваго Кубанскаго похода.
4-й "Фельдмаршал Потемкин Таврическій," командир его капит.авіаціи Альбрехт К. /Суворовец/.

Если отряд наш не удостоился,столь великой чести, носить имя Генералиссимуса Суворова, гордости и славы Россіи и ея Императорской арміи, то мог именоваться отрядом Суворовцев, бывших воспитанников Суворовскаго Кадетскаго Корпуса. Послѣдніе внесли в отряд всѣ их прекрасныя традиціи корпуса и привили нам офицерам со стороны. Отрядный праздник был, как и в Суворовском корпусѣ, I-го октября - Покров Пресвятой Богородицы.

Такой дружески спаянной семьи, того единенія, которое царило у нас в 3-ем отрядѣ, не наблюдалось ни в одном из других отрядов I-го дивизіона, которых насчитывалось семь. За время пребыванія нашего отряда в Добровольческой, а затѣм Русской арміях, в отрядѣ между офицерами не наблюдалось никаких недоразумѣній, ни в какой области. Этим всѣм отряд обязан исключительно и только Суворовцам и из их среды нашему командиру шт.кап.Мироновичу. Всѣ мы были в добрых, дружеских взаимоотношеніях. В обращеніи друг к другу были на "ты," но это не мѣшало нам соблюдать воинскую дисциплину и взаимную офицерскую корректность. Выполненіе боевых распоряженій было всегда точно и безукоризненно. Я не помню никаких взысканій со стороны командира отряда, как слѣдствіе нарушенія нами воинскаго долга.

И вот теперь, воскрешая в своей памяти дорогих,и близких сердцу моему, сослуживцев по 3-му отряду, я лишній раз убѣждаюсь, останавливаясь на каждом из вас, как чисты вы были всѣ духовно и прекрасны в своей жертвенной любви к Родинѣ и в ваших боевых порывах. Не это ли послужило причиной тому, что мы так сроднились, что вот прошло уже 30 лѣт, да каких лѣт! а услышишь о ком либо, как обрадуешься,что жив такой то и сколько возродится в головѣ воспоминаній о прошлой прекрасной боевой страдѣ.

Мы были сильны. Мы чувствовали эту силу, потому что в основѣ,нашей офицерской семьи отряда, лежали единеніе и жертвенная любовь к поруганной Родинѣ. У нас создавались свои обычаи, которые намѣчались, как основа будущих традицій отряда. Каждый танк имѣл двѣ смѣны команды. Назначеніе в бой внѣ очереди принималось офицером как награда. Я вспоминаю сколько доставило мнѣ,и другим офицерам,радости получить назначеніе внѣ очереди в бой 25 мая 1920 г. и как был огорчен наш незабвенный милый "барон" поручик Тарасюк, когда он узнал, что не попадает в этот бой. Видя его огорченіе мы уговорили шт.-капит.Мироновича зачислить его на какую либо машину и "барон" был назначен на "Кутузов" вторым номером к орудію, ко мнѣ, хотя он и был пулеметчиком.

Женщин вводить в танк не разрѣшалось. Это запрещеніе распространялось и на отрядных дам, жен офицеров нашего отряда. Ухаживаніе за женами офицеров отряда ни в коем случаѣ не могло и не должно было имѣть мѣста в нашем отрядѣ. Наши дамы, которым я шлю,от имени всѣх офицеров отряда, наш сердечный привѣт, никогда не скучали. Онѣ, наши прелестныя спутницы, всегда были окружены вниманіем и изысканной предупредительностью со стороны нас. Всѣ мы были молоды и, за весьма малым исключеніем, были довольно интересны во всѣх отношеніях, не говоря уже о наших дамах, которыя представляли собой исключительно прекрасную группу. Суворовцы и здѣсь внесли, как то автоматически - само собой,

что то, что явилось моральной основой той здоровой атмосферы, которая господствовала в нашем отрядѣ.

II.

Из Таганрога мы были направлены к Курску в корпус генерала Май-Маевскаго. В Суджѣ получили назначеніе двигаться на станцію Лохня /Курской губ./, гдѣ работал бронепоѣзд "Дроздовец"; позицію же занимали Корниловская дивизія и Офицерскій отряд, недавно сформированный в Харьковѣ, вправо от полотна желѣзной дороги. Наступали на Льгов. Пройдя станцію Лохня, наш отряд танков стал сгружать с платформ машины, под не особенно сильным артиллерійским огнем краснаго бронепоѣзда. Вскорѣ пѣхота донесла, что пѣшеходный мост был взорван, рѣку же перейти было невозможно и мы снова погрузились на платформы, двигаясь за бронепоѣздом "Дроздовец", так как желѣзнодорожный мост красные взорвать не успѣли.

На станціи Льгов были сгружены двѣ машины отряда "Суворов" и "Скобелев" и пошли в авангардѣ, преслѣдуя отступающих красных. Когда вошли в город Льгов, отстоящій в трех верстах от станціи, один из танков остановился возлѣ зданія занимаемаго рев-трибуналом, которое было, конечно, брошено красными в спѣшном порядкѣ.

Нѣсколько человѣк из команды танка вошли в дом; комнаты его были убраны красными полотнищами и изображеніями красных вельмож, среди которых находилась картина, обратившая на себя вниманіе одного из офицеров танка. Послѣдній сразу оцѣнил эту картину. Она оказалась подлинником Рембранта - "Усѣкновеніе Главы Іоанна Крестителя." Впослѣдствіи мы выяснили, что картина принадлежит Князю Барятинскому, родовое имѣніе котораго "Дѣдовщина" находилось у города Льгова, откуда она и была уворована красными. Из хозяев имѣнія "Дѣдовщина" уже никого не оставалось; нѣкоторые были заграницей, а нѣкоторые в Добровольческой арміи. Уже заграницей в Константинополѣ, через одного танкиста нашего дивизіона, поручика А.Башмакова, родственника кн. Барятинских, мы узнали о мѣстѣ пребыванія Княгини Е.Барятинской, владѣлицы "Дѣдовщины", которой и была возвращена поручиком Е.Тумановым и капитаном К.Юзефовичем, офицерами 3-го отряда танков, эта картина. Отряд получил глубокую признательность и благодарность от княгини.

Из Льгова мы были срочно переброшены на Кіевское направленіе в корпус Генерала Бредова.

/Продолженіе будет./

Г.И.НИКОЛАЕНКО /"Аверов"/
/Старшій артиллерист I-ой смѣны танка "Фельдмаршал Кутузов"/

С У В О Р О В Ц Ы Г Е О Р Г І Е В С К І Е К А В А Л Е Р Ы.

ТРОИЦКІЙ /I вып./ 2I /или 23/кон.батар. Георгіевское оружіе.
ГРИГОРЬЕВ Александр /II вып./ Сиб.стр.арт.бриг. Орден Св.Георгія IУст. и Георгіевское оружіе.
КРЕЙТЕР Владимир /II вып./ Сум.гус.и Ген.Шт.Георгіевское оружіе.
ДОБРОВОЛЬСКІЙ Борис /III вып./Л-Гв.2 Стр.П. Орден Св.Георгія IУ ст. и Георгіевское оружіе
СУДАКОВ Роман /III вып./32 арт.бр. Георгіевское оружіе.
ЧЕВАТИ Евгеній /III вып./Л-Гв.Кексгольм.п. Георгіевское оружіе.
ТАРАСЕНКО /III или IУ вып./8 стр.п. Орден Св.Георгія IУ ст.
БАЛК Евгеній /IУ или У вып./I3 улан.Влад.п.Георгіевское оружіе.
МИХѢЕВ Николай /У вып./ 49 арт.бриг. Георгіевское оружіе.
МИРОНОВИЧ Павел /УII вып./Брон.автом. Георгіевское оружіе.
БОДЕ Лев /X вып./ артил.бр.Георгіевское оружіе.

/Дополненія к этим не полным свѣдѣніям надо посылать Н.В.Главацкому или А.Н.Потапову./

СУВОРОВЦЫ КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СВ.НИКОЛАЯ.
КРЕЙТЕР Владимир /2-го вып./ АЛТУФЬЕВ /III или IУ вып./
ВЛАДИСЛАВЛЕВ Алексѣй /X вып./
/См.примѣчаніе в концѣ стр.I5/.

ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ. /Продолженіе стр IO/.

Как то на послѣднем, перед обѣдом, урокѣ Антошка, кончив разсказ, вынул из портфеля письмо и начал читать: "Милая Шура, к сожалѣнію, в это воскресенье мнѣ не удастся попасть в институт, некому меня провести..." В это время с задней парты раздается: "Это свинство читать чужія письма!" - "А зачѣм кладешь в МОЙ карман!" Дѣло в том, что Антошка считал в "лапсердакѣ" своим только правый карман, а о лѣвом умалчивал, т.к. он служил почтовым ящиком "летучей почты". Как это получилось - незнаю, но узнал я от самой Шуры Г-й,что эта почта работает давно и исправно.

Антошка подарил корпусному музею интересный документ, эпохи Суворова, который он нашел при разборѣ Кіевскаго архива.

--oOo--

Из письма Нины Болеславовны СОБѢЩКОЙ.

...Вспомнилось мнѣ, как брат /Борис Турцевич, тогда кадет I класса, потом IУ выпуска А.П./ пришкел первый раз в отпуск, в формѣ, подтянутый, пуговицы блестят, пряжка /бляха/ блестит - и ужасно серьезный. Мнѣ пришлось учиться заправлять шинель, а впослѣдствіи и башлык. Я была очень горда моим братишкой, но первая прогулка по городу стоила мнѣ больших волненій. Перед выходом всѣ пуговицы были опять втиснуты в гербовку и началась чистка... Наконец, послѣдній взгляд в зеркало, и мы вышли на улицу. Не успѣли пройти два квартала по Маршалковской улицѣ, как на встрѣчу нам из боковой улицы вышел Генерал Комаров,со своим казаком, гроза города Варшавы. У меня сердце екнуло, а вдруг что нибудь найдет не в порядкѣ. Взглянула на брата - ничего спокоен, немного поблѣднѣл, а может быть мнѣ это показалось, так как я во всю "труса праздновала!" Брат отстал, стал во фронт и, слава Богу, все прошло благополучно...Впослѣдствіи, в Москвѣ, в одной семьѣ встрѣтилась с генералом. Разсказала ему этот эпизод и сколько он мнѣ стоил волненій. Генерал очень смѣялся...

--oOo--

Из письма Бориса Николаевича ВАСИЛЕНКО /УII вып./ - дополненіе к списку фельдфебелей и вахмистров, помѣщенному в сборникѣ №I /стр.I5/ по его данным.

В Михайловском Артиллерійском Училищѣ УI вып. ФАЛѢЕВ
В Николаевском Кавалерійском " У " СОСНОВСКІЙ
В Елисаветградском Кавалерійском Училищѣ в I9I4 году был вахмистр ПОЖАРСКІЙ, но смѣщен за"цук," как отвѣтственное лицо.

--oOo--

Из письма Евгенія Евгеніевича ПОЛЬ ...Недавно разговорился с одним бывшим ротмистром польской службы; он работал в военно-историческом отдѣлѣ и архивѣ польской арміи. Разсказывал, что надпись на зданіи нашего корпуса была заштукатурена. Спальни были раздѣлены на маленькія комнаты, в которых сидѣли I-2 офицера. Во время возстанія I августа I944 зданія были разбиты бомбами нѣмецких аэропланов; вѣроятно не удастся их возстановить. Свѣдѣнія эти не имѣют практическаго значенія, а все же Суворовцам интересно знать, что случилось с их домом.

--oOo--

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ, ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ, ИЛИ ВИТТЕ ВСѢ СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ! А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ.

ДОКТОР К.М.ПОДГОРНЫЙ.

Первым врачом нашего корпуса был д-р Мышкин. Когда, куда и почему он ушел, я не знаю. Просто не замѣтил, как не замѣтил появленіе новаго врача Константина Макаровича Подгорнаго. А не замѣтил, потому что обладал прекрасным здоровьем и в младших классах к помощи врача не обращался. В старших же... Об одном таком случаѣ я и разскажу.

Всѣм должно быть памятно, как часто, в минуту жизни трудную, спасаясь от невыученных уроков, приходилось прибѣгать к помощи "медицины." В таком критическом положеніи я и познакомился с Константином Макаровичем, типичным, невозмутимым хохлом с присущим, этим нашим землякам, юмором. Много раз и мнѣ приходилось прибѣгать к "медицинѣ," так как, по своей скромности, не любил занимать первыя мѣста, а всегда ютился на "галеркѣ." Много раз были удачи, но иногда и срывалось дѣло. "Медицина" не шла навстрѣчу и неудовлетворительный балл "вѣнчал" неудачу. Но необыкновенный случай произошел со мной в УII классѣ. Как то, не подготовившись к урокам, я обратился к помощи "медицины." В амбулаторіи, гдѣ принимал младшій врач д-р Казаринов, все прошло благополучно; температура оказалась достаточно высокой, чтобы быть отправленным в лазарет. Окрыленный успѣхом, я появляюсь в лазаретѣ, гдѣ всѣ фельдшера мои пріятели. Снова измѣреніе температуры; она немного повысилась. Все идет гладко. Наконец приходит старшій врач и начинает опрос больных. Доходит очередь и до меня. Фельдшер докладывает температуру.

"А ну поставьте ему градусник!"

Поставили градусник. В это время в пріемную комнату входит командир I-ой роты Полковник Андрей Осипович Соловьевич и начинает разговаривать с доктором. Держу я термометр и думаю: заговорятся, пожалуй, "черти," а температура вдруг дойдет до 40° - что тогда? Нѣт, все благополучно, всего чуточку выше 38°. А по рожѣ опредѣленно видно, что я ловчусь. И вдруг Константин Макарович, лукаво смотря на меня, говорит:

"Ну, а теперь скажите откровенно, что у Вас болит."

Я, скорчив соотвѣтствующую "физію," начинаю скулить: "голова болит, ломит все тѣло, тянет ноги..." Он же, не давая мнѣ закончить перечисленіе всѣх моих недугов, заявляет:

"Ну, это Вы брешете. Скажите зачѣм Вы сюда пришли?"

Я, чувствуя что погибаю, начинаю дѣлать ему глазами знаки, показывая на стоящаго здѣсь ротнаго командира; он же без всякаго стѣсненія горит: "Ну, что Андрей Осипович здѣсь - это ничего. Вы думаете, что он не знает?"

Дальше идти некуда и я в свою очередь, лукаво взглянув на Константина Макаровича и Андрея Осиповича, с улыбающейся рожей, скромно отвѣчаю: "Письменная по алгебрѣ и должны вызвать по физикѣ."

"Ну вот, теперь все в порядкѣ" - и, обращаясь к фельдшеру, бросает: "Положите его на один день." Потом, подумав немного, добавляет: "На слабую порцію."

Через день я был выписан, но все же был спасен от письменной работы по алгебрѣ и отвѣта по физикѣ.

Как отнесся к этому А.О.Соловьевич? Совсѣм хорошо. Он ничего не видѣл и не слышал. В дальнѣйшем в случаѣ необходимости, я приходил в лазарет и откровенно говорил Константину Макаровичу о своей "болѣзни" и, по обыкновенію, он оставлял меня в лазаретѣ на один день на "слабой порціи." Казалось бы, что я должен был быть доволен, но... Всегда и во всем существует свое проклятое "но." Вѣдь если меня всегда будут выписывать через день, это станет подозрительным и отдѣленному воспитателю, да и преподавателям, у которых уроки бывают два дня подряд. Выход был мною найден. Будучи оставленным в лазаретѣ на

один день, я там проводил два, а то и три дня. При обходѣ врача я исчезал или на чердак, или в подвал, а по уходѣ появлялся в лазаретѣ и одѣвал поверх одежды халат. Что касается довольствія, то и здѣсь разрѣшалось все просто. С поваром, паном Казимиром, мы были в отличных отношеніях и я, помимо "слабой порціи" в первый день, получал еще и "спеціальную", что нибудь вродѣ бифштекса, едва умѣщавшагося на тарелкѣ, с горой жаренаго картофеля. В остальные дни "пробавлялся" одной "спеціальной." Тут то и оправдалась поговорка: "не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей."

I954.Бруклин. Н.Н.СТРАШКЕВИЧ /IУ вып./

О СБОРНИКѢ.

Я получил предложеніе об изданіи нашего сборника типографским путем на очень льготных условіях.

Это предложеніе вполнѣ осуществимое, но для этого необходимы нѣкоторыя условія: главное - приток матеріялов, т.е. очерков, воспоминаній и т.д. В этом отношеніи все зависит от самих Суворовцев, от их желанія поддержать свое изданіе и продолжить его.

Затѣм, всѣ присылаемыя для сборника статьи должны быть написаны совершенно разборчиво и на одной сторонѣ листа с полями. Всѣм извѣстно, что это непремѣнное условіе при типографском изданіи; несоблюденіе этого условія будет только мѣшать и задерживать всѣ наши возможности, т.к. взять на себя переписку присылаемых статей, перед печатаніем, я совершенно не в состояніи.

Сообщая об этом я очень и очень прошу Суворовцев, от имени всего нашего Объединенія, принять мое извѣщеніе к свѣдѣнію и приложить свою добрую волю для продолженія начатаго изданія и для осуществленія полученнаго мною предложенія.

Обращаясь к моему письму в сборникѣ №I, повторяю просьбу - дополнять и исправлять вполнѣ возможные промахи и писать о своих пожеланіях.

Март I954. А.Потапов.

ПРИЛОЖЕНІЕ К СБОРНИКУ №2 "СУВОРОВЦЫ"

Согласно желанію и рѣшенію Суворовцев, указывать себѣ стоимость изданія сборника с надбавкой на усиленіе фонда помощи, привожу соотвѣтствующій расчет:

восковки	3,80	
печатаніе на восковках	0	/личная работа/
бумага и печатаніе на ротаторѣ	I8,oo	
конверты и пересылка	3,20	
Всего за сто отпечатанных сборников	25,oo дол.	Цѣна одного 25 цент.

Предлагаю надбавку на усиленіе фонда в размѣрѣ себѣ стоимости т.е.25 цент. с тѣм, что желающіе могут ее, также по желанію, увеличить.

РАСЧЕТ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ.

Франція, всѣ Европейскія страны и Сѣв.Африка. Все поступает Н.В.Главацкому; поступившее сверх себѣ стоимости остается в фондѣ помощи у него.Деньги за стоимость изданія поступают мнѣ; способ перевода по соглашенію с Н.В.Главацким. Считаю, что Суворовцы, проживающіе в Европѣ, легче могут произвести расчет с ним чѣм со мной.

Аргентина, Чили, Венецуэла - ведут расчет с В.М.Іогансен; поступившее сверх себѣ стоимости остается у него, как у представителя Суворовцев в Аргентинѣ, для начала основанія фонда. Перевод себѣ стоимости мнѣ - по соглашенію с В.М.Іогансен.

Соединенные Штаты и Канада,все переводят мнѣ. Только Запад Соединенных Штатов ведет расчет с Н.М.Витте.

Если кто нибудь из Однокашников обитает в странѣ, выше не упомянутой,то дѣлает расчет со мной при помощи международных почтовых купонов, соотвѣтственно себѣ стоимости и надбавки.

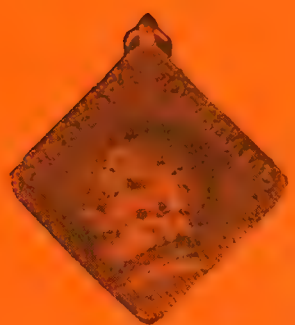
АДРЕСА: N. V. GLAVATSKY, 6rue Voissembert, Issy-Les-Moilineaux/Seine/France
V. M. IOGANSEN , Salguero 1506, Buenos-Aires, Argentina
N. M. VITTE , La Vina Sanatorium, Altadena, California

А.Потапов.

Сборник 3

СУВОРОВЦЫ

Изданіе
Объединенія
б. кадет
СУВОРОВСКАГО
Кадетскаго Корпуса



Из книги "ЖИЗНЬ СУВОРОВА"

"Потомство мое прошу брать мой примѣр: всякое дѣло начинать с благословеніем Божьим; до издыханія быть вѣрным Государю и Отечеству; убѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія и искать славы чрез истинну и добродѣтель, которыя суть моим символом."

22-IX-1786 г. СУВОРОВ.
Москва

Епитафія СУВОРОВУ - 1800 г.

Остановись прохожій!
Здѣсь человѣк лежит на смертных не похожій:
В глуши на крылосѣ с дьячком он басом пѣл
И славою как Петр иль Александр гремѣл;
Ушатом на себя колодезну лил воду
И пламен храбрости вливал в сердца народу.
В рубахѣ он пред войском и верхом,
Как молнія сверкал и поражал как гром;
С полками там ходил, гдѣ чуть летают птицы,
Жил в малой хижинѣ, а отнимал столицы.
Не в латах, на конях, как греческій герой,
Не со щитом златым, украшенным всѣх паче,
Не в броню облачен, не на холму высоком,
Не издали взирал на брань спокойным оком;
С нагайкою в руках и на казачьей клячѣ,
В едино лѣто взял полдюжины он Трой.
По пѣтухам вставал, сражался на штыках,
Чужой народ носил его на головах,
Одною пищею с солдатами питался,
Цари к нему в родство, не он к ним причитался,
Был двух Имперій вождь, Европу удивлял,
Сажал царей на трон, сам на соломѣ спал.

Эта эпитафія помѣщена в памяткѣ к 50-ти лѣтію Суворовскаго Кадетскаго Корпуса. Ее нашел и заимствовал, из собранія бумаг купецкаго сына Гусева /"Русская старина" 1871 г., том IУ/, почетный член нашего Объединенія Б.Д.Приходкин /нынѣ покойный/ и преподнес Суворовцам 1-14-X, 1949 г.

""

I-X-1954 г.

ОТ ИМЕНИ ОБЪЕДИНЕНІЙ СУВОРОВЦЕВ И СВОЕГО, ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ И ВСѢХ ЧЛЕНОВ НАШЕГО ОБЪЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ С ПРАЗДНИКОМ СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА И ЕГО 55-ти ЛѢТІЕМ.

ПЕРЕДАЮ ПОЗДРАВЛЕНІЯ И ПРИВѢТЫ СУВОРОВЦЕВ ДРУГ-ДРУГУ СО ВСѢХ КОНЦОВ ЗЕМЛИ, С ВѢРОЮ В ВОЗРОЖДЕНІЕ РОДИНЫ И НАШЕГО РОДНОГО ГНѢЗДА.

Д А З Д Р А В С Т В У Е Т Е !

А. ПОТАПОВ.

"В 3-х ЭТАЖНОМ БОЛЬШОМ, СѢРОМ ЗДАНІИ НА БЕЛЬВЕДЕРСКОЙ АЛЛЕѢ ПОД №21 ПОМѢЩАЛСЯ - Н А Ш КОРПУС"

Возвращаясь из отпуска, еще от церкви Л.Гв.Литовскаго полка,/снесенной поляками/ сквозь деревья Бельведерской аллеи, видишь громаду Корпуса. Сѣрая, величественная.

Налѣво вниз спускалась улица Агрикола, ведущая в казармы Гвардейской кавалерійской бригады. Справа под углами расходились улицы: Кошиковая, Нововейская и аллея Шуха с казармами Л.Гв.Литовскаго полка. На углу первых двух, незабываемая бакалейная лавочка бывшаго солдата литовца Ванина, куда отпускные кадеты неизмѣнно несли свои мелкія деньги, покупая сладости. По Бельведерской аллеѣ, ближе к корпусу, пролегала "верховая дорога," по которой гвардейская кавалерія проходила на занятія на Мокотовское поле, под тѣнью больших, развѣсистых акацій. Слѣва начинался чудный Лазенковскій парк, а за ним лѣтняя резиденція Командующаго Войсками и Генерал-Губернатора - Бельведерскій дворец. Аллея - любимое мѣсто прогулок варшавян, особенно весной и чудной, золотой варшавской осенью; непрерывныя вереницы собственных экипажей и извозчиков, всегда возбуждали интерес сидящих в корпусѣ кадет. Весной, в открытыя окна, когда аллея вся в свѣжей зелени и акація цвѣтет, так заманчиво, бодряще, проникали задорные звуки трубачей проходящих полков. Так пріятно эти звуки отвлекали от всяких там: "законов Бойля-Маріотта," "функцій," "синусов," "производных," "сил" и других мудрых вещей.

При видѣ корпуса как то екнет-дрогнет сердце. Хоть мы всѣ и любили его и гордились им /"наш - самый лучшій"/ но все же Корпус Корпусом. Строгости. Взысканія. Сиди нѣсколько мѣсяцев безвыходно в нем, "до Пасхи" или "до Рождества"! В отпуск даже "погулять в город," начальство, отчего-то/??/ пускало не всѣх своих питомцев. Что же, на то воля начальства! Ему виднѣе, но по совершенно непонятным для нас соображеніям кого можно пускать и кого нѣт. Теперь только удивляет такая близорукость начальства, упускавшаго из вниманія, как бы,двух совершенно противоположных психологій у кадет. Одна, что скучающій мальчик-кадет, запертый в четырех стѣнах, ищет каких то выходов,запретных развлеченій, нарушая тѣм порядок и дисциплину корпуса; в этом проявлялась извѣстная лихость, находчивость; надо удрать из под ока начальства, из роты, что то гдѣ то, в запретной зонѣ, натворить /часто ненужное и безсмысленное/ и незамѣченным вернуться в роту. Если не пойман, и никто другой от этого не страдает, то сознанія не бывало; да виновных частенько не особенно и разыскивали. Другая: тот же кадет, выходя на улицу, гдѣ он на глазах у посторонних, очень ревностно и щепетильно бережет чѣсть своего мундира, которым мы так гордились. Самый простой алый погон со скромным шифром "Сув" /без точки, которая всегда сдиралась кадетами - "Суворов нигдѣ не останавливался"/ как бы подчеркивал все величіе имени нашего незабвеннаго Шефа. Как и на его могилѣ, в Александро-Невской Лаврѣ всего три слова, но каких! - "Здѣсь лежит Суворов!" Чтобы кто нибудь и не мог даже подумать скверно о НАШЕМ корпусѣ. Закон: для посторонних - наш корпус самый лучшій, у нас все хорошо!

Дальше,по тротуару шагов 200, вдоль пустовавшаго мѣста, начинались воспитательскіе флигеля, с небольшими палисадниками перед ними, как и перед всѣм фасадом корпуса. Два больших трех-этажных зданія. Тут уж держи ухо востро, встрѣчи с начальством неизбѣжны; не зѣвай! Был такой случай. Один первоклассник, идя, чуть ли не в первый раз, в отпуск, увидѣл стоящаго, около подъѣзда, своего ротнаго командира, Полковника Косинскаго, с обѣими дочерьми Вавой и Катей /сколько там кадетских сердец страдало; между прочим Вава вышла замуж все же за Суворовца - Литовца Ш./. У кадетика сразу мелькнула мысль: "ротный командир, знаю, во фронт надо стать!" И не долго думая отчетливо стал "во фронт!" Стоит бѣдняга, держит руку под козырек и терпѣливо ждет - ког-

да же ротный отпустит. Полк.Косинскій, увидѣв оплошность своего питомца, улыбнулся и промолчал. А кадет все стоит, уже злится,"извозчик" /прозвище Полк.К./ мол придирается - так долго держит. Наконец отпустил. Кадет, вернувшись из отпуска, подѣлился с пріятелями своим возмущеніем -"придиркой ротнаго командира," так долго продержавшаго его "во фронтѣ," и когда был дружно поднят на смѣх, то только тогда и понял свой промах. При встрѣчах с ротным командиром, кадет чувствовал себя неловко; добряк ротный посмѣивался. Взысканіе наложено не было.

Всѣ кѳпусныя зданія были, хотя и мрачно-сѣраго цвѣта, но были красивы по архитектурной отдѣлкѣ и не производили казенно- казарменнаго впечатлѣнія.

Дальше, в 2-х-этажном отдѣльном домѣ, на верху квартира директора корпуса, соединяющаяся крытой галлереей со 2-ой ротой. В нижнем этажѣ помѣщался подготовительный пансіон-пріют /человѣк на 30-50/ для малолѣтних, которые отличались от кадет тѣм, что не носили погон /потом им дали маленькіе контр-погоны/, кокард и поясов с бляхами. И у них были... дамы воспитательницы и завѣдующая пансіоном. Кажется здѣсь же помѣщалась и канцелярія, в которой за всѣ 7 лѣт я не был ни разу.

Потом начинался собственно корпус. Фасад был в три с половиной этажа с множеством высоких окон. Два нижних этажа - окна классных отдѣленій; верхній в полтора свѣта - залы, "Бѣлый"-танцевальный и гимнастическій. Над входом, высотой в цѣлый этаж, из цвѣтных стекол, запрестольный образ Покрова Пресвятой Богородицы. Перед образом,с наружной стороны, Государев вензель с короной из газовых рожков, которые зажигались в Царскіе дни. По обѣ стороны от входа стояли двѣ старыя пушки, поставленныя в 1909-1910 г. К моему стыду, около них не задерживался, и не знаю какой онѣ эпохи, да и не артиллерист я; отчасти и по винѣ начальства, которое рѣдко пускало в отпуск.

Войдя в швейцарскую прежде всего увидишь двух швейцаров; представительнаго Ивана,с большими свѣтлыми усами, и Маріана, невысокаго роста. Обыкновенно швейцары были одѣты в какіе то черные казакины, в видѣ длиннаго пальто с двумя рядами пуговиц. В Царскіе дни и большіе праздники одѣвались длинныя ливреи краснаго цвѣта, с пелериной до пояса, обшитой галунами. Оба были привѣтливы, степенны и держали себя с чувством собственнаго достоинства.

Направо и налѣво - вѣшалки для воспитателей и преподавателей. Дальше широкій с колоннами вестибюль с мраморной лѣстницей в нѣсколько ступенек. По обѣим сторонам - двѣ пріемныя комнаты. В одной стоял рояль /или піанино/ гдѣ давались частные уроки музыки желающим. За пріемными, направо 3-я рота, над ней 2-я и танцевальный зал; налѣво, 4-я рота, над ней 1-я и гимнастическій зал. Прямо шла широкая мраморная лѣстница /как и всѣ в корпусѣ, кромѣ второстепенных/, ведущая в учительскую. Над входом в коридор учителькой - большіе часы, а на площадкѣ,около них, мѣсто дежурнаго барабанщика или сигналиста, на обязанности которых было давать, по этим часам, в роты и залы электрическіе звонки, обозначавшіе начало и конец /как его подчас ждали/ уроков,время построеній и т.п.

Ротные залы мало чѣм отличались один от другого. В нижнем этажѣ окна в классах были прямоугольныя, во втором - сверху полукруглыя. В залах 3-го этажа совсѣм иного типа, трехстворчатыя, гдѣ открывались лишь края. Стекла в окнах были очень большія.

Роты прежде всего отличались своими иконами, в честь коих и были установлены ротные праздники. В 1-й ротѣ Св.Михаила Архистратига - 8 ноября. В этот день бывало и второе производство в вице-унтер-офицеры /кто смог "накалить" средній на 9 баллов с соотвѣтствующей отмѣткой за поведеніе/ 2-я рота - Св.Николая Мирликійскаго Чудотворца - 9 мая. 3-я рота, Св.Алексія Митрополита Московскаго - 5 октября. 4-я рота Св. Князя Михаила - 22 ноября. Каждая рота имѣла свою особенность,как

бы свое лицо. В I-й ротѣ степенность и тишина. В 4-й "содом"; придя туда можно было удивляться как может терпѣть дежурный воспитатель эту муку цѣлыя сутки. Бѣготня, драки, шумныя игры; вдоль стѣны, около дверей в классныя отдѣленія, шеренга наказанных,стоящих"на штрафу".

/Продолженіе будет./

Н.М.ВИТТЕ

КОМАНДИР I-й РОТЫ ПОЛКОВНИК А.О.СОЛОВЬЕВИЧ.

"А ты "Балдин", язык нѣмѣет...Рука дрожит... Боюсь начать...Едваль перо мое сумѣет Твой звѣрскій образ начертать. Брадищей длинной и сѣдою Тебя Всевышній наградил"...

Такими словами начинает автор "Звѣріады" строфы, посвященныя командиру I-й роты Полковнику Андрею Осиповичу Соловьевичу. Да, борода была длинная и сѣдая, но она никоим образом не придавала ему "звѣрскости", а скорѣе создавала образ патріархальный. Спускалась она до половины груди, в которой билось доброе и благородное сердце. Приводимый мною случай может свидѣтельствовать об этом. Был я в УI классѣ. В этот год 23 апрѣля - день тезоименинства Государыни Императрицы Александры Федоровны пришелся в субботу - два дня праздника. В субботу, по возвращеніи из церкви, кадеты разбрелись по классам, кто взять папиросу, кто просто в ожиданіи звонка на завтрак. День был теплый и солнечный. Через открытыя окна донеслись звуки военной музыки. Всѣ бросились к окнам. Под звуки штаусовскаго вальса проходили эскадроны Гродненских гусар, возвращавшихся с парада на Мокотовском полѣ. Увлекшись представившейся картиной, я совершенно машинально закурил. "Да Ты что? Обалдѣл? Куришь у окна! - сказал, стоявшій рядом,Вороновскій, толкнув меня в бок. Я спохватился. Вѣрно вѣдь: в любую минуту в класс может войти воспитатель. Спрятав папиросу в рукав, я быстро направился в "клуб". Выходя из класса, в дверях, я столкнулся с входившим дежурным воспитателем Капитаном С.М.Тепловым. Пропустив его и поздоровавшись с ним, я продолжал свой путь. Удобно устроившись в "клубѣ", я спокойно докуривал, не торопясь по звонку в строй, так как, будучи прислуживающим в церкви, пользовался привилегіей получать какао и пирожное наравнѣ с пѣвчими, выстраивавшимся на лѣвом флангѣ. Когда рота двинулась пристроился и я. В столовой я узнал новость: кто то курил в классѣ и Капитан Теплов приходил в наш класс, чтобы найти виновнаго, так как стоя у сосѣдняго окна видѣл дым. Виновнаго не нашлось. Меня на лицо не было и всѣ молчали. Подозрѣніе пало на Гаффербергa, быстро захлопнувшаго крышку парты, при входѣ воспитателя. "Что Вы дѣлали?" - спросил Теплов, "Откройте парту!" В партѣ, помимо книг и тетрадей, оказался табак, гильзы и нѣсколько набитых папирос. Допустимо, что он курил. Перед выстроенной ротой Полковник Соловьевич потребовал сознанія заявив, что в противном случаѣ может пострадать подозрѣваемый Гаффербергъ. Сознаться в таком пустякѣ? Да что может быть легче? Ну сбавят балл за поведеніе - эка, подумаешь,важность! По возвращеніи из столовой ротный командир вновь предложил виновному сознаться. Послѣ команды "разойтись" я подошел к нему и сказал: "Г-н Полковник, курил я." "Почему Вы не сознались сразу? "Меня не было в классѣ, когда спрашивал Сергѣй Михайлович."
"А гдѣ же Вы были?" - "В "клубѣ", куда ушел докуривать."
"Этого не может быть." - "Тѣм не менѣе это так."
"Тогда почему Вы не сознались когда я спрашивал?" - "Меня не было в строю; я пристроился когда рота пошла в столовую."
"Вы говорите неправду. Вас принудили к сознанію" - и с этими словами, не слушая моих дальнѣйших возраженій, он ушел. В воскресенье, перед строем, он произнес длинную обличительную рѣчь, смысл которой сводился к тому, что я не имѣл "гражданскаго мужества" сознаться и только под давленіем товарищей принужден был к этому. Я едва удержался, чтобы не возразить из строя, но когда рота была распущена, бросился к нему вз-

волнованный и возмущенный явной несправедливостью, и в довольно рѣзкой формѣ принялся доказывать свою правоту. Но видя полную невозможность его убѣдить, я в повышенном тонѣ "потребовал" спросить Капитана Теплова, который должен был замѣтить меня, встрѣтившагося с ним в дверях, и могущаго потвердить мои слова. Мы разстались врагами. На вечерних занятіях я увидѣл Сергѣя Михайловича и узнал от него, что ротный командир говорил с ним и он потвердил сказанное мною. Отчасти я был удовлетворен, но только отчасти. Посмотрим, подумал я, у кого из нас больше "гражданскаго мужества!" Но вот в понедѣльник, послѣ завтрака, Полковник Соловьевич задержал роту и описав все происшедшее закончил: "Я виноват, а кадет Страшкевич прав. Поэтому прошу его извинить меня!" И голова с "брадищей длинной и сѣдою" склонилась перед юношей-кадетом.

За два своих проступка: куреніе в классѣ и опозданіе в строй, я взысканій не получил. В этом случаѣ оправдалась поговорка: "повинную голову и меч не сѣчет!"

Н.СТРАШКЕВИЧ /IУ вып./

3-ІЙ О Т Р Я Д Т А Н К О В.
/Продолженіе./

В Кіевѣ, на станціи Пост Волынскій, мы оставались недолго, т.к. вскорѣ были переброшены на станцію Фастов, гдѣ, у деревни того же названія, мы вступили в бой против красной матросской дивизіи Кремнева, при поддержкѣ Терских пластунов и гвардейской батареи. Наши танки, зайдя красным в тыл, нанесли им сильное пораженіе. Красные очистили ряд деревень, которыя и были заняты пластунами. В этом бою мы понесли тяжелую потерю. Старшій артиллерист танка "Суворов" Шт.Кап.Георгій Агапьев /Суворовец/ был тяжело ранен в область сердца и немедленно отправлен в Кіевскій военный госпиталь, гдѣ вскорѣ скончался и был похоронен на одном из кладбищ Кіева. /I/.

Переночевав в одной из отбитых деревушек, утром мы вовратились к нашей базѣ на станцію Фастов, а оттуда в Кіев. В Кіевѣ мы стояли на станціи Святошино, состоя в резервѣ отряда, дѣйствовавшаго на р. Ирпень - /Бѣлозерскій полк и Волчанскій отряд/. С эвакуаціей Кіева нас перебросили в г.Кременчуг, а послѣ в Екатеринослав в распоряженіе Ген.Слащева. По прибытіи в Екатеринослав мы узнали, что мосты через Днѣпр взорваны, а поэтому слѣдовать в составѣ корпуса Ген.Слащева, который отступал в Крым, мы не могли. Мы были вынуждены идти обратно на станцію Христиновка и там присоединиться к отступающей арміи, двигаясь на Николаев. Мѣстность до Христиновки была занята повстанцами. Частей Добровольческой арміи абсолютно не было. Отход был очень серьезный и безпокойный. Часто приходилось в пѣшем строю выбивать засѣвших повстанцев /зеленых/, когда необходимость требовала починки пути, запаса топлива и воды. По пути подбирали раненых солдат, отставших от своих частей. Наш, всегда улыбающійся, отрядный лекарь зауряд-врач Лахно /военно-медицинской академіи/ в одном из вагонов нашего состава устроил походный лазарет и немало спас от смерти несчастных, подстрѣлянных повстанцами солдат. В Николаев прибыли наканунѣ Рожденственских праздников. Получив распоряженіе грузиться на транспорт "Дон" для слѣдованія в Одессу в распоряженіе Ген.Шиллинга, мы всѣ без исключенія приступили к погрузкѣ отряда. Транспорт "Дон" самостоятельно передвигаться не мог и должен был идти на буксирѣ. Транспортом командовал Капитан I Ранга С.И.Зеленой. Мы, офицеры отряда, очень быстро сошлись с очаровательной семьей Семена Ильича. Я увѣрен, каждый из танкистов 3-го отряда, прочтя эти строки, вспомнит с глубокой благодарностью и умиленіем о М-м Зеленой. Новый 1920 год мы встрѣчали вмѣстѣ с семьей командира "Дона" и другими офицерами корабля в кают-компаніи транспорта. В Одессѣ мы оставались все время на кораблѣ. Распоряженія о выгрузкѣ отряда не послѣдовало. /2/.

Когда же началась эвакуація Одессы, наш отряд пережил немало тревожных моментов. Танки находились в трюмѣ. В трюмах также были погружены платформы и цистерна с бензином и все это представляло лишь только мертвый груз, ввиду отсутствія мощных кранов. Не имѣя возможности самостоятельно отойти, "Дон" оставался у пристани, в ожиданіи буксирнаго катера и поэтому в послѣдній момент, когда возстали мѣстные большевики, подвергся со стороны возставших сильному пулеметному и ружейному огню. Среди команды отряда были раненые. Нѣсколько раз делегація от возставших предлагала о сдачѣ отряда, но не получив отвѣта разбѣгалась от огня наших пулеметчиков. В концѣ концов, послѣ немалых приключеній, "Дон" вошел в Севастопольскую бухту и пришвартовался на Южной Сторонѣ. Началась выгрузка машин и всего боевого имущества отряда./3/.

IУ.

Из Севастополя мы пошли на станцію Джанкой и вступили в состав I3 дивизіи Ген.Ангуладзе, которая занимала позиціи у Сиваша впереди станціи Таганаш. Когда пѣхота заняла станцію Сиваш, мы /3-й отряд/ в составѣ названной дивизіи, приняли дѣятельное участіе в боях по занятію станцій Джембулука и Салькова. На станціи Сиваш,ночью згрузив машины с платформ, на разсвѣтѣ двинулись на Джембулук, придерживаясь праваго фланга наступающих частей. Станція Джембулук была взята легко, но красные бронепоѣзда, отступая к станціи Салькова, испортили желѣзнодорожный путь и поэтому наши бронепоѣзда не могли преслѣдовать красных и тѣм самым помочь нашей пѣхотѣ занять станцію Салькова. Желѣзнодорожная рота не могла исправить путь, т.к. бронепоѣзда сосредоточили по работающим сильный артиллерійскій и пулеметный огонь. Получилась задержка. Тогда Ген.Ангуладзе в сопровожденіи своего начальника штаба Полк.Жамова /убит в Тавріи/ прибыл в расположеніе 3-го отряда и приказал идти в атаку на два красных бронепоѣзда: "Месть углекопа" и другой номерной, вооруженных дальнобойными тяжелыми орудіями. За нѣсколько минут до атаки мы были обнаружены красными бронепоѣздами. Послѣдніе открыли бѣшеный огонь по танку "Ген.Скобелев" и только благодаря находчивости его водителя Пор.И.М./Маер,Михаил Мурашов/ танк избѣжал неминуемую катастрофу. Не медля ни минуты мы бросились в атаку, развив максимальную скорость /I2 километров/, открыв сильный огонь из пулеметов и наших пушек, бьющих на $I^{1}/_{2}$- 2 километра. Наша артиллерія танков оказалась болѣе серьезной чѣм мы ожидали. Это был первый бой нашего отряда с бронепоѣздами. Танк "Фельдмаршал Кутузов" своим снарядом угодил в паровоз бронепоѣзда "Месть углекопа," послѣ чего послѣдній стал отходить. Красная пѣхота бросилась бѣжать. Из прикрытія выскочили наши броневики и пустились преслѣдовать отступающую красную пѣхоту, поражая ее пулеметным огнем. 3-ій отряд выполнил возложенную на него задачу прекрасно: он содѣйствовал выходу I3 дивизіи из Сивашей. Наша пѣхота заняла в нѣсколькіх верстах от Салькова,в сторону Ново-Алексѣевки,позиціи. Мы оставались на станціи Салькова, которая подверглась сильному обстрѣлу со стороны красных бронепоѣздов. Повидимому они мстили нам за причиненное "раненіе" их паровоза.

Не могу не упомянуть нашего командира отряда Шт.Кап.Мироновича,руководившаго этим боем. Он, как всегда, не взирая на сильнѣйшій ружейный, пулеметный и артиллерійскій огонь, в открытом, самом обыкновенном "Бенцѣ"/торпедо/или на мотоциклетѣ, все время находился в интервалах, идущих в атаку танков. Красивый и эффектный был этот бой. Кто наблюдал со стороны, получил сильное, неизгладимое впечатлѣніе, особенно принимая во вниманіе то время, когда танки являлись новым оружіем. За этот бой наш отряд получил вымпелы Св.Николая Чудотворца, вторым по счету в исторіи этого ордена.

5.

Прорыв 25 мая I920 г. укрѣпленных красных позицій, занятіе Ново-Алексѣевки и Ново-Рождественской в составѣ корпуса Ген.Писарева, начальником штаба котораго был нынѣ здравствующій Атаман Кубанскаго

Казачьяго Войска Ген.Штаба Ген.Лейтенант Науменко,выдвинул наш отряд из среды других танковых отрядов. За нѣсколько дней до прорыва наш отряд посѣтили Ген.Бабіев вмѣстѣ с Ген. Науменко. Ген.Бабіев, как всегда, был в хорошем настроеніи и выразил большое удовольствіе, что его конница и Кубанскіе стрѣлки будут работать совмѣстно с нами, и что в весьма скором времени мы выбьем красных и выйдем на простор, гдѣ будет возможность сформировать казачью конницу. В это время наши машины с дежурной командой стояли на каком то хуторѣ между Джембулуком и Таганашем. База наша стояла на станціи Джанкой. 23-5-1920 пріѣхал из Джанкоя наш командир и объявил, что 25-5-1920 на разсвѣтѣ наши танки пойдут в атаку. Погрузка будет на станціи Джембулук. Как стемнѣет 23 мая мы должны двинуться к станціи Джембулук, куда будет подан состав платформ и малые танки /французскіе,вооруженные только пулеметами/ которые придавались нашему отряду, для усиленія его боеспособности, ввиду предстоящей серьезной операціи. Между прочим нам был придан еще один большой танк "Фельдмаршал Румянцев" под командой Кап.С. Сгрузились мы на станціи Сальково, приблизительно в полночь и заняли сад какого то имѣнія, находящагося у станціи, гдѣ и пробыли цѣлый день 24 мая, скрываясь в листвѣ фруктовых деревьев от поисков красных самолетов, которые цѣлый день кружились в районѣ Джанкой - Ново-Алексѣевка. В 2 часа утра 25 мая наши машины были готовы к бою. В этот момент 3-ій отряд состоял из 5 больших машин и 3-х малых. Ввиду сложности, возложенной на отряд задачи, командир отряда разбил отряд на 2 группы. Группа "А" танки: "Суворов," "Кутузов," "Скобелев" и "Потемкин" шли на прорыв в направленіи Ново-Алексѣевка, лѣвѣе жел-дор. полотна, имѣя за собой Кубанскій стрѣлковый полк и конницу. Группа "Б" в составѣ 3-х малых танков и "Румянцева" должна была идти в направленіи Ново-Рождественской в составѣ Туземнаго полка Ген.Ревишина. В этом бою командир отряда Шт.Кап. Миронович отказался от своего "Бенца" и пользовался мотоциклетом для большей подвижности и удобства командованія двумя группами. Мотоциклетом для связи управлял Подпор.Макаренко /Павлон/.

Итак, около 3-х часов командиром была подана команда: "На молитву, шапки долой!" Была прочтена молитва, а послѣ снова команда: "По машинам!" Провѣрив машины, отряд выступил кильватерной колонной, имѣя в головѣ танк "Генералиссимус Суворов!" Колонну замыкал "Потемкин Таврическій!" Выйдя из прикрытія, отряд в развернутом строѣ, прорвав и смяв проволочныя загражденія /4/ тѣм самым дал возможность, слѣдовавшей за нами, на довольно почтительном разстояніи, пѣхотѣ пройти безпрепятственно проволочныя заграждонія. Здѣсь мы были обнаружены красными и попали в сферу сильнаго артиллерійскаго огня, впереди стоящих красных батарей и справа со стороны их бронепоѣздов. Наш рѣшительный натиск и мѣткій огонь наших пулеметчиков и артиллеристов заставил замолчать противника. Красные, поспѣшно бросив свои укрѣпленныя позиціи, стали отступать,оставив нам много снарядов и одно орудіе /кинжальной батареи/ с невыстрѣленным снарядом. Орудіе было захвачено командой танка "Суворов" и тут же оно было направлено на отступающую колонну противника, по которой был открыт огонь под руководством Шт.Кап.Юзефовича /Суворовец/./5/. Пор.Любич-Ярмолович, командир танка "Суворов," был награжден орденом Св. Николая Чудотворца, первым офицером в Русской арміи. Захватив Ново-Алексѣевку, 3-ій отряд много способствовал выходу арміи в Таврію. Послѣ полудня Корниловскій конный дивизіон Кубанцев, под командой Полк.Литвиненко /казака станицы Раевской, умершаго от ран в одном из госпиталей Константинополя/, в пѣшем строю, и мы танкисты 3-го отряда были выстроены на перонѣ вокзала Ново-Алексѣевка для встрѣчи Главнокомандующаго Ген.Барона Врангеля. Ждать пришлось недолго. Подошел поѣзд из классных и товарных вагонов. Из пульмановскаго вагона вышел Главнокомандующій в темно-сѣрой, кавказскаго сукна, черкескѣ и лихо заломленой кубанкѣ, как никому, идущей его благородному, говорящему о наличіи великих духовных качеств лицу. Это был послѣдній рыцарь нашей неморальной эпохи, по-

святившій себя служенію Богу и Родинѣ. Подойдя к казакам Корниловцам, Ген.Врангель привѣтствовал их: "Здорово родные, близкіе сердцу моему, орлы Кубанскіе!" Поблагодарив Кубанцев Главнокомандующій направился к лѣвому флангу, гдѣ стояли мы. Поздоровавшись с нами, он поблагодарил нас за лихость и безупречное выполненіе возложенной на нас задачи, доказательством чего служит пожалованіе высшей награды первому в Русской арміи офицеру. Пор.Любич-Ярмолович Георгій был приглашен в салон-вагон, гдѣ Главнокомандующій собственноручно приколол орден Св.Николая Чудотворца, на національной лентѣ, к его груди. Пор.Любич-Ярмоловичу было предложено шампанское и вмѣстѣ с чинами штаба Ген.Врангель выпил за его здоровье. Наш милый, добродушно хитренькій "Ярмошка" вышел весь сіяющій. Грудь его была украшена темной бронзы крестом. Торжество закончено. Поѣзд под крики "ура" ушел, унося прекраснѣйшій облик нашего Главнокомандующаго./6/.

В боях у Б.Токмака, когда красная конница Жлобы, прорвав наши позиціи и, будучи окруженная, бросилась к Мелитополю, наш 3-ій отряд принял дѣятельное участіе в разгромѣ жлобинской конной арміи. Был момент очень критическій для нашего отряда, когда он очутился в окруженіи красных. Только вѣра в взаимную поддержку дала возможность отряду выйти из тяжелаго положенія и дѣйствительно крѣпка была выручка и помощь своим. В этих боях мы потеряли Шт.Кап.Юрія Степанцова /Суворовец/ временно командующаго танком "Фельдмаршал Кутузов." Он был убит ружейной пулей; чтобы провѣрить противник ли впереди или наши, он открыл люк и высунул голову и моментально, обливаясь кровью, свалился на сидящаго у передняго пулемета Пор.Я.Тарасюка. Степанцов был поражен в голову. Похоронен он в саду у станціи Долинской.

Послѣ разгрома Жлобы, 3-ій отряд передан был в распоряженіе начальника Дроздовской дивизіи Ген.Туркула. Дроздовская дивизія в это время занимала позиціи у села Ново-Михайловка, станціи Пришиб. В боях у станціи Пришиб, наш танк "Потемкин Таврическій," которым в то время командовал Кап.Черкасов, был подбит красной артиллеріей. Старшій артиллерист танка Шт.Кап.Сергѣй Сипле был тяжело ранен и вскорѣ умер в лазаретѣ в Джанкоѣ, гдѣ и похоронен на военном кладбищѣ. В началѣ сентября отряд был переброшен на Каховское направленіе. Отряд готовился к серьезному бою - взятію Каховки. Много уже было попыток, но успѣхом онѣ не увѣнчались. Эта тяжелая задача была возложена на 3-ій отряд, как послѣдняя ставка. Командовал отрядом в тот момент Пор.М.Багинов, за болѣзнью командира отряда Подполковника Мироновича. Танк "Потемкин Таврическій" в этих боях участія не принимал, чинился послѣ Пришибских боев в мастерских Севастополя. Мѣсто его занял танк "Фельдмаршал Румянцев" под командой Кап.Салькова. Чинов команды я не помню, т.к.этот танк был прикомандирован.

Итак, 29 сентября 1920 г. 3-ій отряд в составѣ 4 больших машин пошел в атаку против красных, занимавших Каховку и ея продмѣстья. Тут умѣстно будет сказать: "Плохая им досталась доля, немногіе вернулись с поля!" Танки прошли три линіи окопов и нѣсколько проволочных заграждоній, оставив далеко позади, слѣдовавшую за ними пѣхоту. Два танка: "Кутузов," которым командовал Шт.Кап.Владимир Сюльке, и "Румянцев" - командир Кап.Сальков, ворвались в Каховку. К несчастью танк "Фельдмаршал Кутузов" провалился в полевую, вырытую в землѣ, баню и выбраться не смог. Командир другого танка помочь был не в силах. Оба танка со своими командами были разстрѣляны. Что же дѣлается с другими? На танкѣ "Генерал Скобелев" артиллерійским снарядом была сбита гусеница и, когда команда танка выскочила, чтобы исправить гусеницу, она работать не могла, т.к. красные сосредоточили по ним сильный огонь. Командующій танком Кап.Черкасов и нѣсколько человѣк команды были ранены, а потому рѣшили отступать, т.к. наша пѣхота отсутствовала. Танк "Суворов" был далеко впереди влѣво. Тяжолым снарядом была сбита у него часть лѣвой пулеметной башни. Снаряд разорвался в карторѣ танка. Момент и танк

"Суворов" был охвачон пламенем. Пулеметчик кадет В. был убит на мѣстѣ и сгорѣл в танкѣ. Командир танка Пор.А.М.Есипов был тяжело ранен в обѣ ноги выше колѣна. Водитель танка Пор.Чукотин обгорѣл, но с помощбю команды был вытащен. Команда не растерялась. Командир танка Пор.Есипов /Суворовец/ несмотря на тяжелыя раненія, находясь еще в танкѣ приказал брать пулеметы, благодаря которым команда благополучно добралась к своим частям, все время отстрѣливаясь от насѣдавших красных, подобно шакалам, почуявшим легкую добычу. Но не тут то было. Безстрашіе, взаимная преданность друг-другу были порукой тому, что раненые не были брошены, несмотря на неимовѣрную тяжесть положенія. Команда "Суворова" прорвалась из окруженія, доставив раненых на первый перевязочный пункт.

На "Кутузовѣ" погибли: командир Шт.Кап.Сюльк, старшій артиллерист Барон К.Клодт, пулеметчик Корнет Федор Майер и нѣсколько добровольцев солдат команды, имен которых не помню. Имен, погибшей команды "Румянцева," за исключеніем ея командира, не помню. Отряд понес сильныя потери в людях и в машинах и фактически выбыл из строя. Оставалась одна машина "Потемкин," которая находилась в Севастополѣ. Событія надвигались не в пользу Русской Арміи и совершенно измѣнили положеніе воинских частей.

6.

Наш 3-ій отряд был сосредоточен в Феодосіи. Офицерскій состав его страшно порѣдѣл. Недосчитывали многих из тѣх кто вышел из Таганрога. Нѣкоторые пали в боях, защищая Церковь Твою,Господи, от осквернения и честь Родины от поруганія. Другіе, подорвав в боях и походах здоровье свое, преждевременно ушли в вѣчность. Третьи были затеряны: оставленные в госпиталях или уѣхавшіе в отпуск не смогли вернуться в отряд, в силу создавшейся боевой обстановки и были вынуждены прикомандироваться к другим воинским частям. Нѣсколько офицеров, раненых в бою под Каховкой, находились в госпиталѣ Джанкоя. Узнав о сдачѣ нами Перекопских позицій, в Джанкой была срочно послана отрядная грузовая машина "Тарникрофт" с Пор.Е.Майер, чтобы вывезти оттуда наших раненых танкистов. С Пор.Майер случилось что то недоброе. Он пропал без вѣсти,повидимому погиб при отступленіи. Все же раненым нашего отряда удалось добраться до Севастополя, гдѣ они были погружены на французскій миноносец, доставившій их в Константинополь. Отряд эвакуировался из Феодосіи на пароходѣ Р.О.П.и Т./Русскаго Общества Пароходства и Торговли/ "Адмирал Корнилов."

Отрядныя дамы были с нами. Вдова Барона Клодт,Валентина Юліановна, изъявила желаніе и дальше дѣлить судьбу отряда; а также и родственница жены Пор.Н.Лоссіевскаго, очаровательная Анжель, вошла в состав отряда, дѣля радости и горе в новом крестном пути ея новой семьи. Гдѣ Вы, наши милыя спутницы, и что с Вами? Мы всѣ храним о вас свѣтлую памятъ и благодарность за ту моральную поддержку, которую вы оказывали нам в тяжелыя минуты боевой обстановки.

Заканчивая этим краткій обзор жизни отряда, я подчеркиваю глубокую вѣру в непорочность Правды, исповѣдуемой нами и носимой в сердцах наших. Это во имя Ея мы пошли на едва мерцающій свѣт факела в кромѣшной тьмѣ зла, насилія и лжи, окутавшей нашу Родину, чтобы служить Ей - Россіи, жертвуя своими жизнями. Вы оправдали ваш жизненный путь - честью и славой. Претерпѣвшіе, но сохранившіе свой Русскій національный облик. Глубоко вѣрю, немногіе, но все же будут и они из нашей семьи 3-го отряда, которые донесут Свѣт и Правду в Родные Мѣста и тѣм оправдают пролитую Кровь и Крестный путь вѣрных сынов Родины.

/Конец./

Г.И.НИКОЛАЕНКО /"Аверов"/
/Старшій артиллерист I-ой смѣны
танка "Фельдмаршал Кутузов"/

Примѣчаніе. Цифры в скобках обозначают дополненія командира 3-го отряда танков Полк.П.И.Мироновича, которыя напечатаны далѣе.

ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ К ПЕЧАТИ КНИГИ "СУМСКІЕ ГУСАРЫ 1651 - 1951 Г."

Эту выдержку передал Объединенію Суворовцев для сборника - Суворовец 5-го выпуска К.В.СОКОЛОВ.

К 13 октября /1914 г./ в районѣ г.Кальварія сосредоточились 1-ая Гвардейская, 1-ая, 2-ая и 3-я кавалерійскія дивизіи.

Болѣе недѣли Сумскій гусарскій полк стоял спокойно под прикрытіем 27-й пѣхотной дивизіи, занимавшей позиціи от г.Выштинца до д.Капсіодзе.

16 октября 3-й Армейскій корпус перешел в наступленіе и заставил нѣмцев отойти за границу; дальнѣйшаго успѣха наступленіе не имѣло.

24-го октября был выслан развѣдывательный эскадрон для производства глубокой развѣдки в направленіи Тракенен - Косубен.

4-й эскадрон под командой штабс-ротмистра Крейтер, замѣнившаго заболѣвшаго штабс-ротмистра Полякова, выступил с разсвѣтом. Пройдя г.Выштынец были высланы головной и боковой разъѣзды. Имѣя всего только двух офицеров, Крейтер оставляет при себѣ корнета Соколова 2-го, коренного офицера эскадрона, знающаго хорошо людей и назначает в боковой правый разъѣзд прапорщика Токмакова, а в головной унтер-офицера Соколовскаго.

Вскорѣ послѣ перехода границы, головной разъѣзд был обстрѣлян сильным ружейным огнем и галопом отошел к эскадрону. Штабс-ротмистр Крейтер послал корнета Соколова с 5-ю гусарами выяснить обстановку. Отъѣхав с пол версты, Соколов поднялся на горку и сейчас же увидѣл отходящій нѣмецкій эскадрон, причем голова эскадрона уже втягивалась в лежащую внизу деревню. Трудно было придумать болѣе подходящій момент для атаки. Корнет Соколов начал махать над головой фуражкой. К его глубокому огорченію, на этот призывной знак, к нему галопом прискакал один только Крейтер, оставив эскадрон на дорогѣ. Момент атаки был упущен. Нѣмцы вошли в деревню и спѣшившись заняли ея опушку. В свою очередь Крейтер спѣшив полуэскадрон, приказал Соколову наступать с ним на деревню, а сам разсыпав другой полуэскадрон в лаву, пошел в охват деревни. Нѣмцы поспѣшно отошли, побросав пики и каски. Такой пріем Крейтер успѣшно примѣнял и в дальнѣйшем при каждой попыткѣ нѣмцев задержать эскадрон.

Чѣм ближе приближался эскадрон к Тракенен, тѣм сильнѣе становилось сопротивленіе; недалеко от Тракенен, эскадрон уже с трудом сбил противника.

Корнет Соколов 2-й вспоминает: " Начинались сумерки, эскадрон шел по шоссе крупной рысью. Насколько мог видѣть глаз, всюду появлялись отдѣльные всадники и небольшіе разъѣзды. Наконец справа мы увидѣли кавалерійскую колонну. Кто это мог быть? Справа должен был быть разъѣзд Токмакова, от котораго донесеній давно уже не поступало /как оказалось впослѣдствіи Токмаков сбился с дороги и оторвался/. Послали дозорных выяснить. "Должно быть уланы," крикнул кто то в эскадронѣ. Но всмотрѣвшись в бинокль мы увидѣли, что у этих "улан" винтовки приторочены, значит нѣмцы, что и подтвердили вернувшіеся дозорные. Одновременно тыловые дозорные прискакали с докладом, что и вслѣд за нами идет нѣмецкая кавалерія. У гусар создалось тревожное настроеніе. Наш эскадрон шел по высокой насыпи, с обѣих сторон болото, не свернешь. Вдруг сзади послышался крик "Рубят". Крейтер и я моментально перешли в хвост эскадрона. До рубки было еще далеко, но дѣйствительно мы увидѣли в 500 шагах идущую за нами по той же насыпи крупной рысью нѣмецкую кавалерію. Насыпь уменьшилась, Крейтер свернув с нея, развернул эскадрон, рѣшив атаковать преслѣдовавшаго нас противника, видя в этом единственный шанс спасенія. Только успѣл эскадрон развернуться, как по нашему правому флангу был открыт пулеметный огонь, к счастью из за наступавшей темноты, взятый высоко. Эскадрон бросился в противоположную сторону. Ночь позволила нам выйти из окруженія. Ранено было нѣсколько гусар и лошадей. Сбитые с пути, в темнотѣ мы пошли наугад. Высланные дозоры все время жались

к эскадрону; приходилось их понукать, чтобы шли на должном разстояніи. Поздно ночью дозорные бросились к командиру эскадрона с докладом:"впереди нѣмцы," но со стороны "нѣмцев" послышалась русская ругань".

Эскадрон вышел на сторожевое охраненіе казаков нашей дивизіи, вышедшей за этот день на линію д.Мелькемен - Ишлауден.

Захваченныя каски и шинели дали возможность опредѣлить состав частей противника, сосредотачивающагося у Тракенен.

Штабс-ротмистр Крейтер за эту развѣдку был награжден Георгіевским оружіем.

Примѣчаніе: Штабс-ротмистр КРЕЙТЕР 2-го выпуска, Корнет СОКОЛОВ 2-й 5-го выпуска из корпуса; оба Суворовцы.

--ооо--

ПРОМЕДЛЕНІЕ СМЕРТИ ПОДОБНО.

Мой командир дивизіона, проживающій в настоящее время на Новой Зеландіи, в одном из своих писем, напомнил мнѣ о нижеприведенном случаѣ, которым хочу подѣлиться с моими дорогими Однокашниками.

Наш Дроздовскій Конный Дивизіон, вмѣстѣ с Ингерманландскими гусарами, составляли, одно время, 5-ый кавалерійскій полк дивизіи Ген.Барбовича.

Должны брать Орѣхово. По слухам крупныя силы красных его защищают.

Дивизія сосредоточена в лощинѣ, к югу от этого городка, поджидая пѣших "Дроздов", путешествующих на подводах /моторизированная пѣхота/.

На окружающіе холмы выслали пулеметы "на всякій случай". Поѣхал и я со своей тройкой, 15-ти лѣтним ѣздовым-татарином и "Максимкой".

Выѣхали на бугор. Перед глазами красивая картина: далеко влѣво Орѣхово, а впереди, на сколько хватает глаз, засѣянныя поля. Моя крымская, низкая линейка, которую я уже успѣл "зажать"у красных, совершенно скрыта в кукурузѣ. Слышу легкое журчаніе, как будто маленькаго ручейка. Пошел на развѣдку и дѣйствительно нашел родничек. Напившись ледяной воды, вспомнил, что мои кони с утра ничего не пили. Раскопал ямку, чтобы скопилась вода, вернулся к пулемету и приказал Ахметкѣ напоить коней. Прошло часа два. Пришла смѣна от гусар и мы медленно стали спускаться к дивизіону. Вдруг слышу крики: "броневик!". Мимо меня пронеслась гусарская тачанка, дальше еще одна, еще, еще!

"Марш! Марш!" Послышалось впереди.

Облако пыли, топот многих сотен копыт и я остался один с моим недоумѣніем и ѣздовым. Сначала было тоже "прибавил шагу", но проѣхав шагов 100-150 остановился, приготовил "Максимку"и жду... Что-же дальше? Минуты через 2-3 ѣздовой говорит: "Командир ѣдет." Оглядываюсь. Дѣйствительно вижу Полк.Кобарова со своим адьютантом Корнетом Мишей Боговским. " В чем дѣло?" Спрашивает меня.

"Ничего не понимаю",отвѣтил я, "вѣдь я только что оттуда". Только я это сказал, как послышался характерный шум мотора и на бугор, шагах в 600-х, как чорт из табакерки, выскакивает броневик, а через нѣсколько секунд и человѣк 6-7 кавалеристов.

"Погибать так с музыкой!" Единственный инструмент, на котором я могу сыграть нам 4-м похоронный марш, это мой вѣрный друг "Максимка".

В головѣ мелькнуло: бей по конным, броневик для тебя неуязвим!

Нажал... Грянула очередь этак патронов в сорок. Нѣсколько коней взвилось на дыбы, всадники попадали как груши. Оставшіеся скрылись за бугром. Прошло томительных нѣсколько секунд. Броневик, задним ходом, послѣдовал за ними, не сдѣлав ни одного выстрѣла.

Командир и Боговскій сидѣли на конях шагах в трех-четырех за моим правым плечом.

Командир, смотрѣвшій в бинокль на эту сцену, махнул рукой, и проворчав свое обычное и любимое: "это чорт знает что такое," обозначав-

шее его удовлетвореніе и одобреніе, рысцой поѣхал нагонять дивизіон.

Часа через два мы промчались через Орѣхово догонять удиравших красных.

В.П.ЗАТКАЛИК /X выпуска./

ПОПЫТКА ОСВОБОЖДЕНІЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ /ДЕКАБРЬ 1917 - ФЕВРАЛЬ 1918 Г./

К.СОКОЛОВ.

Статья Константина Владимировича Соколова, Суворовца 5-го выпуска, помѣщенная в "Архивѣ Русской Революціи," том 17-й, изданіе Гессена. Берлин 1926 г. и переданная нынѣ автором Объединенію Суворовцев для сборника "Суворовцы."

Большевицкій переворот застал меня в Стрѣлковом полку 1-й Кавалерійской дивизіи, командиром 2-го эскадрона Сумского гусарскаго полка. /Стрѣлковые полки при кавалерійских дивизіях были образованы выдѣленіем из конных полков дивизіи двух спѣшенных эскадронов, сохранявших наименованіе коннаго полка./

Через мѣсяц, увидѣвши безцѣльность сидѣнія на, так называемом, фронтѣ, я уѣхал в Москву, гдѣ собралось много офицеров однополчан, так или иначе связанных с Москвой, как с мирной стоянкой полка.

На новое амплуа свободных граждан всѣ мы смотрѣли, как на кратковременный отпуск, за которым надо было что то дѣлать. Что дѣлать - было ясно - бороться с большевиками; но как? Вопрос этот был для нас сложный. Рѣшеніем вопроса явилось поступленіе почти всѣх однополчан в одну из контр-революціонных организацій, возглавляемую генералом М.

В серединѣ декабря есаул А. вызвал меня и, дав адрес некоего Полянскаго, приказал мнѣ явиться к нему в 8 вечера для полученія задачи.

Кто был Полянскій я не разспрашивал, т.к. достаточно было приказанія явиться, а разспрашивать, да еще о верхах по условіям незнакомой нам конспираціи считалось преступленіем. По слухам он был присяжным повѣренным. Одно несомнѣнно было, что он был близок к духовным кругам, в чем я убѣдился впослѣдствіи.

В назначенный час я звонил в квартиру Полянскаго. Впустил меня сам хозяин и просил подождать в кабинетѣ. С нетерпѣніем я ждал хозяина, котораго не успѣл разсмотрѣть в темной передней. Из за двери слышились голоса. Минут через 15 дверь отворилась и я увидѣл высокаго красиваго священника и за ним Полянскаго. Священник оказался Епископом Камчатским Нестором. Благословив меня он вышел. Мы сѣли. Задав нѣсколько вопросов о моей біографіи П. замолчал. Так прошло нѣсколько секунд. Затѣм он встал и сказал: "Надо спасти Царя, медлить нельзя, Он в опасности!"

Признаюсь, что его слова ошеломили меня. Много мыслей промелькнуло у меня в головѣ. Кто этот Полянскій? Присутствіе у него Нестора? Я исполняющій эту задачу! Думать было некогда. Полянскій вопросительно смотрѣл на меня. Я отвѣчал, что готов сдѣлать все, что от меня потребуется. П. волнуясь начал говорить об опасности угрожающей Государю, о необходимости возстановленія монархіи, о войнѣ и о подборѣ надежных людей для выполненія задачи. На послѣднее я ему замѣтил, что за своих офицеров ручаюсь, как за себя, но он отвѣчал, что мѣняются времерна, мѣняются и нравы.

Я переговорил со своими офицерами, поручиком Головиным и корнетом Моравским, о предстоящей задачѣ и они изъявили полное согласіе.

Дальнѣйшія частыя свиданія с П. позволили мнѣ ближе познакомиться с ним. Нервный, большой фантазер, но искренній и фанатик. Меня поразило то, что он вѣрил в успѣх нашего предпріятія, потому что ему предсказал, что все удастся, старец Зосима. На меня предсказанія неизвѣстнаго Зосимы не произвели впечатлѣнія, и я совсѣм перестал бы вѣрить П. и в возможность нашей задачи, если бы не Епископ Нестор, который часто

присутствовал при наших бесѣдах и своими рѣдкими, всегда дѣльными, замѣчаніями показывал себя, как человѣка большого ума. Прошло Рождество. Головин и Моравскій постоянно спрашивали меня, долго ли мы будем сидѣть сложа руки. Я знал не больше их.

Наконец, 31 декабря П. объявил, чтобы мы были готовы: прибыл курьер из Тобольска для доклада о положеніи на мѣстѣ; назначен начальник. Наше знакомство с тѣм и другим должно состояться 2 января, для чего Моравскому, Головину и мнѣ должно прибыть в один из лазаретов на Яузском бульварѣ. В назначенный срок мы были на мѣстѣ. В пустой палатѣ, кромѣ П. и Епископа Нестора, мы увидѣли полковника с Георгіем и орденом почетнаго легіона. Это был наш начальник, командир пѣхотнаго полка полк. Н. Вскорѣ прибыл курьер. Он назвался поручиком Л.Гв.Московскаго полка Р. /совсѣм мальчик/.

Доклад его сводился к слѣдующему: он с братом были отправлены в Тобольск Пуришкевичем, еще за два-три мѣсяца до большевиков. В настоящее время в Тобольскѣ, за исключеніем охраны Государя, поголовно монархическое настроеніе; есть мѣстныя организаціи, готовыя нам помочь; перевозочныя средства также подготовлены. Наиболѣе удобным моментом освобожденія Р. считает воскресенье, когда Царь и Семья выходят молиться в городскую церковь, в сопровожденіи караула человѣк в двадцать. Освобождающим надо собраться в алтарѣ и уж оттуда броситься на караул. Меня удивил такой план. Я не мог понять, почему это надо продѣлывать днем, когда вся охрана на ногах, а не ночью, когда навѣрно большая часть ея спит. Как можно незамѣченным пробраться в алтарь? Я уже хотѣл высказать свои сомнѣнія, как начал говорить полк.Н. В кратких, ясных словах он изложил заданіе: заранѣе предрѣшать нельзя, план составится на мѣстѣ. В первую голову в Тобольск должны отправиться Сумскаго полка шт.-ротм. Соколов и поручики Моравскій и Головин и с ними Р. Общая задача: наблюденіе, вхожденіе в связь с мѣстными монархическими организаціями, выясненіе их численности и боеспособности. В отдѣльности: шт.-ротм.Соколову - развѣдка дома Государя, численность охраны, расположеніе ея и постов. Поручику Моравскому - свѣдѣнія о перевозочных средствах, мѣста подстав. Поручику Головину - развѣдка на случай захвата телеграфа.

Предполагается вывезти Семью в г.Троицк, занятый оренбуржцами Дутова. В окрестности для развѣдки будут командированы, в район Екатеринбург - Тюмень - Троицк - Омск, 30 человѣк под командой ротмистра Сумскаго полка Лопухина, /в отряд Лопухина кромѣ него входили Сумскаго полка шт.-ротмистры граф Борх, Берг, Яцинскій, поручики Роменскій, Водо и Яффа./ Для окончательнаго выполненія задачи, прибудут 100 гардемаринов с полк. Н. Отъѣзд из Москвы 1-й партіи 6 января. Мы разошлись, обсуждая дальнѣйшіе шаги и строя всяческіе планы. На наше счастье, уходя из полка, мы захватили пустые бланки с печатью полковой и комитетской. Документы - отпускные билеты на солдат Стрѣлковаго полка 1-й Кавалерійской дивизіи Соколова, Моравскаго и Дмитріева /Головина/ были готовы.

6 января мы явились в лазарет, гдѣ уже были Еп.Нестор, П. и Р. Нам выдали полный комплект солдатскаго обмундированія, начиная от бѣлья из бязи, кончая сѣрой папахой и по двѣ тысячи денег на каждаго. Епископ Нестор благословил нас иконами Божіей Матери "Утоли моя печали" и мы простились.

На Ярославском вокзалѣ, с мѣшками за спиной, мы мало отличались от наполнявшей его толпы демобилизованных. Поѣзд был взят штурмом. Вагон был набит битком. Тащились медленно, до Ярославля сутки, до Вологды тоже. Только послѣ Вятки стало свободнѣе. Разговоров о цѣли нашей поѣздки мы избѣгали. Лишь при пересадкѣ в Екатеринбургѣ, во время ожиданія поѣзда, мы начали разспрашивать Р. о наших первых шагах в Тобольскѣ. Р. всѣ эти вопросы видимо удручали; с приближеніем к Тобольску он стал менѣе самоувѣрен. Обѣщал, что все нам разскажет брат, а он многое не знает и многое могло измѣниться за его поѣздку.

В Тюмень прибыли поздно вечером и отправились искать гостинницу по-

хуже. Расположились вчетвером в одном номерѣ. Слѣдующее утро прошло в поисках лошадей и часа в два мы катили на тройкѣ в Тобольск. От Тюмени до Тобольска 269 верст - 8 перегонов. Моравскій приступил к выполненію своей задачи. Сначала разспрашивал Р. Оказалось, что всѣ его разсказы в Москвѣ, о готовых лошадях, сплошной вымысел; он даже не знал мѣста перемѣн лошадей. Моравскій обратился к ямщикам. Сообщеніе с Тобольском держат ямщики; их нѣсколько компаній, "веревочки", как они называли. Ямщик из Тюмени так и передает своего пасажира по своей "веревочкѣ" из рук в руки. Мѣста перемѣн лошадей у всѣх "веревочек" одни и тѣ же; там и скопленіе лошадей, отлично тренированных и выносливых. "Веревочек" до десяти, в среднем лошадей у каждой 60.

Ѣхать было холодно; шинели и коротенькіе полушубки согрѣвали мало. 14 января, вечером около 8-ми, мы пріѣхали в Тобольск. Р. отправился к брату в гостинницу, а нас ямщик отвез на знакомый постоялый двор на окраинѣ города. Слѣдующій день начался с поисков квартиры. Нам посчастливилось; мы нашли отдѣльный флигелек у почтеннаго старца. Хозяйственная жизнь распредѣлилась по способностям. Первым вставал я, приносил воду, открывал ставни, подметал; Моравскій топил печку; Головин ставил самовар. Столоваться, по совѣту Р., рѣшили в лучшей столовой "Россія". Там, вечером за ужином, познакомились с старшим Р. Его разсказы были противоположны разсказам младшаго брата в Москвѣ. Монархически настроенное населеніе - небольшой кружок ителлигентных знакомых; организація, готовая нам помочь, бойскауты.

За время поисков квартиры, мы успѣли хорошо ознакомиться с маленьким городом и, зная что, если сдѣлать небольшой крюк по пути к нашей квартирѣ, можно пройти мимо дома Государя, мы рѣшили это сдѣлать раз послѣ ужина, дабы ознакомиться с ночной охраной дома. Подойдя к дому и замѣтив посты, мы хотѣли пойти по узкому переулку, вдоль боковой ограды, как увидѣли, выходящій оттуда, навстрѣчу нам, патруль. Пришлось повернуть по улицѣ "Свободы" и прибавить шагу. Патруль слѣдовал за нами. Выйдя на базар, мы потеряли патруль из вида; должно быть он повернул обратно. Обогнув квартал, мы подошли с тыловой стороны двора дома, гдѣ были казармы охраны. Подошли к полуосвѣщенным окнам и заглянули. Всѣ, за исключеніем дневальных, спали. Около винтовочной пирамиды стояли два пулемета.

В послѣдующіе дни мы продолжали свою развѣдку. Сводка за первые 3 дня: большевицкаго переворота в городѣ не было; комиссар Временнаго правительства, по собственному почину, передал власть Совѣту рабочих и солдатских депутатов, состоявшему из с-д. меньшевиков, враждебно настроенных против большевиков и призывавших защищать Учредительное собраніе. Гарнизон и милиція сняли погоны на третій день нашего пріѣзда. Гарнизон - охрана Государя - 300-350 человѣк из Гвардейской стрѣлковой дивизіи, хорошо одѣтых, выправленных, представлял собою серьезную силу. Мѣстная команда, постепенно разбѣгавшаяся, грязная и оборванная, человѣк 50. Милиція, из старых /частью/ городовых, с комиссарами из бывших околодочных, отлично несущая службу. В городѣ нарождался "Союз фронтовиков", "проливавших кровь и мерзших в окопах" и поэтому настроенных большевицки и точащих зубы на охрану, "отожравшую морду на народных хлѣбах" и на милицію, занявшую теплыя мѣста в ущерб фронтовикам, и на С.Р.и С.Д., идущій рука в руку с первыми. Подлаживаясь под их настроеніе, мы скоро стали у них на хорошем счету, чего нельзя сказать про охрану; приходилось даже избѣгать разговоров с нею, т.к. она задавала вопросы с цѣлью раскусить нас. Настроеніе населенія по отношенію к Царю - скорѣе равнодушное, но во всяком случаѣ не злобное. Представленный мнѣ Р., глава монархической организаціи, старшій бойскаут, юноша 16-17 лѣт, смотрѣвшій на меня с восторгом, познакомил меня со своими силами. Всѣх около 30 человѣк в возрастѣ от 10 до 17 лѣт.

Отдѣльныя наши задачи. Свѣдѣнія о перевозочных средствах были собраны поручиком Моравским еще в пути. Телеграф трудностей для захвата

не представлял; достаточно 5 человѣк, т.к. вход один. Развѣдка дома Государя: дом двух-этажный, фасадом на улицу Свободы. К нему, по улицѣ Свободы, примыкает деревянная ограда, окружающая двор. Справа ограда упирается в дома, слѣва идет до угла, затѣм заворачивает, перегораживая вдоль улицу, перпендикулярную ул.Свободы, дѣлая из нея узкій переулок, и заканчивается у ворот около входа в казармы. Офицеры помѣщаются наискось на противоположной сторонѣ улицы Свободы в особнякѣ. Постов наружных четыре; два по бокам дома, один в серединѣ узкой улицы, один у ворот у входа в казарму. Днем проход свободный по тротуару близь дома, ночью по противоположной сторонѣ или по улицѣ. К узкой улицѣ примыкает городской сад. Хожденіе по узкой улицѣ и днем и ночью. Исполненіе плана удобнѣе ночью. Темнота, позволяющая подобраться к постам,сон большинства охраны, мороз не позволяющій людям выйти полураздѣтыми - давали нам большія перимущества. Наш минус - условія жизни маленькаго города: не может пройти незамѣченным появленіе новаго лица; за короткое время мы изучили почти всѣх мѣстных,а т.к. мы ждали со дня на день прибытіе гардемаринов, то вопрос об их размѣщеніи становился наиболѣе острым. О Тобольскѣ и думать было нечего, надо было обратиться к окрестностям. Думая, что в этом нам могут помочь братья Р. мы рѣшили обратиться к ним. Они в этот день переѣзжали из гостинницы в снятую ими комнату и просили зайти на слѣдующій вечер. От Р. мы отправились на базар за хозяйственными покупками.

Возвращались обычным путем, по узкой улицѣ, между городским садом и двором Государя. Надо сказать, что за оградой, почти вплотную к ней, находилась снѣжная горка, как раз позади часового. Подходя к посту, мы увидѣли стоящую на горкѣ женскую фигуру. В ней мы узнали Великую Княжну Татьяну Николаевну. При нашем приближеніи Она быстро побѣжала вниз и вернулась снова в сопровожденіи Наслѣдника и трех Сестер. Одѣты Онѣ были в сѣрыя спортивныя фуфайки, Наслѣдник - в шинели с погонами и медалями. Раньше мнѣ приходилось видѣть всю Семью. Впечатлѣніе от теперешней неожиданной встрѣчи было сильное и иное. Трудно сказать какія чувства овладѣли мной и моими друзьями. Молча мы дошли до дому и до самого вечера не обмѣнялись ни словом. Перед сном Моравскій, не одѣваясь, вышел и, несмотря на мороз, пробыл на дворѣ болѣе часа. Заснули мы лишь под утро, проворочавшись всю ночь. Много спустя, мы всегда как то избѣгали говорить про наше святое святых.

Придя на другой день к Р., я застал их сидящими у стола и что то рисовавшими. Не открыл я еще рта, как они показали рисунки, изображавшіе людей в одеждах времен Іоанна Грознаго и объяснили, что это будущая форма конвоя Государя, спасшаго Его, т.е.наша. Тут же добавили,что они рѣшили везти Семью не в Троицк, а на сѣвер в г.Обдорск. Я вышел из себя, наговорил им дерзостей, указал, что до пріѣзда начальника никто не в правѣ рѣшать куда везти Государя и потребовал болѣе серьезнаго отношенія к дѣлу. Вѣроятно, чтобы сгладить впечатлѣніе, произведенное их рисунками, Р. сказали, что им удалось войти в связь с Государем через духовника, что Государь знает о нашем прибытіи и цѣли,и согласен, но при условіи вывоза всѣх при нем состоящих, не желая бросить их и боясь за печальныя для них послѣдствія. Послѣ легкомыслія Р. я не повѣрил бы им, если бы не правдоподобность их разсказа об условіях Государя, бывших в Его характерѣ, а также внимательное разсматриваніе нас Дѣтьми, вчера со снѣжной горки. Я напомнил Р. о цѣли своего прихода - размѣщенія гардемаринов. Они сказали, что были сегодня у Тобольскаго Архіерея Гермогена и он посовѣтовал обратиться в женскій монастырь в 7-ми верстах от города. Других подходящих мѣст они не знали. Странным показалось мнѣ мѣсто для гардемаринов и я опять мало повѣрил, что такой совѣт исходит от Гермогена, но дѣлать было нечего, надо было осмотрѣть монастырь. Послѣ обѣда на слѣдующій день Моравскій, Головин и я шагали по дорогѣ к монастырю. Монашки приняли нас болѣе чѣм радушно; угощали чудным монастырским квасом, отвели чистенькій номер. Радушіе это объ-

яснилось за ужином из разговора с прислуживающей монашкой. Два дня назад была попытка ограбить монастырь и в нас, в нашем разболтанном, "товарищеском" видѣ, они видѣли не молящихся, а грабителей и своим отношеніем хотѣли задобрить. Перед сном в наш номер, без стука, ввалился полупьяный на вид солдат. Начал нас разспрашивать кто мы, откуда; говорил, что он тоже с фронта. И солдат и его хмѣль показался нам подозрительным и нам с большим трудом удалось его выпроводить. Утром монашка разбудила нас к ранней обѣднѣ. Моравскій и Головин пошли, а я остался. По окончаніи обѣдни монашка заявила, что ей надо мыть пол и попросила нас пойти погулять. Мы и пошли искать помѣщеніе для гардемаринов. Как и слѣдовало ожидать, монастырь для этой цѣли не подходил; ничего подходящаго не было и поблизости.

Вернулись в Тобольск вечером и, не заходя домой, я направился к Р. сообщить о неудачѣ. Как было условлено, я постучал в окно. На стук из окна выглянул младшій брат и быстро проговорив: "мы арестованы, на кухнѣ сидит милиціонер" - скрылся. Дѣло начинало принимать скверный оборот. Хотя мы еще за собой ничего не чувствовали, за что к нам можно прицѣпиться, но, на всякій случай, сговорились в отвѣтах в случаѣ допроса и рѣшили, что если арестуют одного, другіе немедленно покидают Тобольск. На другой день, в понедѣльник, было 33 градуса мороза и вѣтер. Головин, плохо переносящій холод, не пошел на обычную прогулку на базар; пошли Моравскій и я. Возвращаясь, уже близко от дома, мы увидѣли Головина, идущаго нам навстрѣчу в сопровожденіи милиціонера, несущаго наши револьверы. Головин тер уши и подходя к нам сдѣлал, не отнимая ладони от уха, какой то знак, понятый нами, что надо подходить; на самом же дѣлѣ Головин хотѣл нам указать "проходите!" Мы же остановились: "Митя, куда?" "Я арестован," отвѣтил он и прошел дальше. Не утихавшій вѣтер и мороз не давали нам собраться с мыслями. Идти на квартиру - там навѣрно ждет нас засада. Пришлось безцѣльно блуждать пол часа до открытія столовой. Пойти в другую - лишній шанс для подозрѣнія, т.к. мы ежедневно обѣдали в "Россіи." По принятому рѣшенію мы должны были уѣхать, но арестован был Головин, по природѣ смѣлый, но не изворотливый и наш отъѣзд усугубил бы его положеніе. Через полчаса мы сидѣли в столовой "Россія" и совѣщались. Отъѣзд отложили и спрятали деньги в мягкую мебель. Видно, что дѣло проиграно; из Москвы, вот уже недѣля, как никаких вѣстей. Р-ске и Головин арестованы, очередь за нами. Передали все судьбѣ и принялись за обѣд. Нас не заставили долго ждать. Только мы успѣли съѣсть суп, как вошли 5 милиціонеров в сопровожденіи солдата. Солдат назвался членом С.Р.С.Д. и объявил нас арестованными. Нас повели в участок №3, в котором мы жили и прописались. Там был и Головин. Нас разсадили по углам и по одиночкѣ стали вызывать для допроса. Допрашивал комиссар участка и арестовавшій нас солдат. Вопросы и отвѣты сводились к слѣдующему: мы не офицеры, т.к. теперь таковых нѣт, но если хотите "бывшіе." Пріѣхали в Тобольск из за дешевизны и спокойной жизни, как пункт удаленный от желѣзной дороги. Хотим здѣсь остаться и искать работу. С Р-скими знакомы; с одним познакомились в пути, с другим здѣсь. Больше знакомых нѣт. О пребываніи Государя знали, но не придавали этому значенія, думая, что это не нарушает жизни. Отвѣты были всѣ аналогичные. Отобрав документы и подписку о невыѣздѣ, нас отпустили. Дома нашли, напуганнаго нашим арестом, старика хозяина. Головин так разсказал о своем арестѣ: почти вслѣд за нашим уходом пришли I0 милиціонеров в сопровожденіи солдата с Георгіем - евреем. Первый вопрос: "есть ли револьверы?" Головин показал на мѣшки и револьверы были моментально взяты. Затѣм перетрясли всѣ вещи и не найдя ничего, солдат, он же член С.Р.С.Д. объявил Головину об арестѣ. "За что?" - "Вы подозрѣваетесь в ограбленіи монастыря." Так прошли мы первое испытаніе, но ясно было, что впереди еще много.

Во вторник нас вызвали в сыскное отдѣленіе. Начальник отдѣленія, еще дореволюціоннаго времени, повторил тот же допрос и затѣм пригла-

сил к себѣ в кабинет и начал неофиціальную бѣсѣду. Сказал нам, что подозрѣніе в ограбленіи монастыря, это только предлог, а нас подозрѣвают в сношеніи с Государем и слѣдят за нами почти с самаго пріѣзда, или вѣрнѣе, с нашего ночного обхода дома Государя. Дѣлается это по приказанію С.Р.С.Д. Пьяный солдат в монастырѣ - агент сыскного отдѣленія, произведшій обыск во время фиктивнаго мытья полов; похвалил Головина, что не скрыл револьвер и нас, за то что мы не скрывали, что мы офицеры, т.к. у нас нашли зубныя щетки и пасту. Арест Р-ских был вызван тѣм, что они, при перемѣнѣ квартиры, прописались, в том же участкѣ, под своей настоящей фамиліей, живя 4 мѣсяца под чужой. При допросѣ они показали, что не знакомы с нами, хотя нас видѣли постоянно обѣдающими и гуляющими вмѣстѣ с Р-скими. Все это усиливало подозрѣнія против нас. Сказал, что все дѣло находится в совѣтѣ и пожелав благополучно выбраться из этой исторіи, сердечно пожал нам руки и отпустил нас. Выходя мы замѣтили, отдѣлившуюся от угла, фигуру, послѣдовавшую за нами в почтительном отдаленіи. Итак за нами слѣдили.

Послѣ обѣда нас допрашивал в С.Р.С.Д. предсѣдатель совѣта. Арестовали нас, как оказалось, члены слѣдственной комиссіи и солдаты охраны Государя. Ободренные пріемом начальника сыскного отдѣленія, мы перешли в наступленіе. Протестовали против обыска без ордера, возмущались подозрѣніем связи с Государем. Член слѣдственной комиссіи даже начал извиняться за причиненное нам безпокойство, объясняя все особенными условіями жизни в Тобольскѣ из за пребыванія Государя. Упорнѣе всѣх был солдат охраны, напиравшій на самое уязвимое мѣсто - ночной обход. Он знал и нашу квартиру и "Россію" и иронически спрашивал, почему мы выбрали такой кружный путь. Наши объясненія, что мы еще мало знали город и шли той же дорогой что и днем, мало его убѣждали. Да еще перемѣна фамилій Р-ских и их отрицаніе знакомства с нами. Вернулись домой в сопровожденіи шествующей вдали благопріобрѣтенной тѣни. Изчезла она лишь с наступленіем темноты; немудрено, крѣпкій мороз был нашим союзником.

На четвертый день, когда мы обѣдали, а наш неизмѣнный спутник тянул стакан чаю, мы замѣтили обѣдающим новое лицо. Такого в Тобольскѣ не было. Он нас внимательно разглядывал. Когда мы вышли и пошли по одной сторонѣ улицы, а наблюдающій по другой, незнакомец догнал нас и попросил закурить. Во время закуриванія он спросил: "Вы не из Москвы?" - "Да!" - "Знаете Мишу /ротмистра Лопухина/?" - "Знаем!" - "Я от него к Вам!" Я указал на нашу тѣнь и, добавив, что за нами слѣдят, сказал чтобы он пришел вечером в "Россію!" Он быстро завернул за угол и скрылся.

Вечером мы и незнакомец сидѣли в "Россіи" и ужинали, а за сосѣдним столом сидѣл сыщик. Мы ломали голову, как переговорить с посланным. Сколько можно затягивали ѣду в надеждѣ, что сыщик уйдет, но он потребовал второй стакан. Тогда я шепнул Моравскому: "сидите на мѣстѣ," а посланному - "слѣдуйте за мной!" Расчет удался. Сыщик сначала поднялся, но увидя оставшихся Моравскаго и Головина, растерялся и остался с ними. В передней я сказал, чтобы посланный зашел к нам в 10 вечера, когда все спит, дал наш адрес и вернулся в столовую.

Около 10 часов, убѣдившись, что слѣдившій ушел, я разставил на углах нашего квартала Моравскаго и Головина, для наблюденія, и стал ожидать посланца. Он пришел точно в 10 и сообщил, что 30 человѣк, во главѣ с ротмистром Лопухиным, прибыли недѣлю назад в район Екатеринбург - Омск. Но г. Троицк взят большевиками; из Москвы сообщили, что из за отсутствія денег предпріятіе невыполнимо и что можно возвращаться. Его же с этим послал к нам Лопухин. Я ему разсказал о нас и посовѣтовал не медля уѣзжать. Задача была признана невыполнимой, так сказать, офиціально.

/Продолженіе будет./

К.В.СОКОЛОВ.

В С Т Р Ѣ Ч А.

Март 1920 года. Мы, т.е. Дроздовскій конный дивизіон, идем на Перекоп для прорыва из Крыма. В Карасубазарѣ привал. В походной кухнѣ что то дымится и вкусно пахнет. Основательно проголодавшись, направляюсь к "кормилицѣ" и вижу как кашевар разговаривает с кѣм то в старой дворянской фуражкѣ. Приближаюсь. "Личность"стоит спиной ко мнѣ. Из под фуражки, если не "времен Очакова и покоренія Крыма," то во всяком случаѣ,времен "когда наш корпус основался," вылѣзает пучек длинных, жиденьких волос, как у деревенскаго дьячка. Что то знакомое. Подхожу.
"Господи! Да это же С'ракус!" /Да простят мнѣ милыя Суворочки, но,право, из пѣсни слова не выкинешь. Всему виной древне-славянская сорока./
"Петр Александрович! Какими судьбами?"
"Володя! Это Вы и уже штабс-капитан!"
"Да, и не какой нибудь, а царскаго производства," отвѣчаю я.
Расцѣловались. Подошло нѣсколько наших офицеров. "Господа, разрѣшите представить: Петр Александрович Сорокин, мой преподаватель метематики."

Замѣтив такое торжество, появилась "Лэди," наш эскадронный, громадный датскій дог, имѣвшій привычку нас привѣтствовать, положив с разгону свои переднія лапы на плечи. Зная это, мы, чтобы выдержать напор, наклонялись вперед, но Петр Александрович, у котораго душа в тѣлѣ держалась только математическими формулами, от такого привѣтствія очутился на землѣ. В один миг нѣсколько рук протянулось к Петру Александровичу, нѣсколько ног к лэдиному заду и вертикальное положеніе пострадавшаго было возстановлено.

Взяв два котелка супу, пошел с Петром Александровичем к себѣ, на пулеметную тачанку. Удобно усѣвшись, начали вспоминать родной корпус, Варшаву, мои "способности" к матаматикѣ и вообще все что было... но прошло безвозвратно.

Прервал наш душевный разговор трубач, а потом и команда: "По коням! Са-а-дись!"

Послѣднія слова дорогого Петра Александровича были:"Да хранит Вас Господь!"

Может быть Господь Бог внял этим словам стараго преподавателя,т.к. меня, даже без раненій, пронесло через всѣ лихія дѣла Дроздовскаго Коннаго Дивизіона, вплоть до отъѣзда в Галлиполи.

В.ЗАТКАЛИК /X выпуска/.

ВОСПИТАТЕЛЬ И ПРЕПОДПВАТЕЛЬ.

Когда наш отдѣленный офицер воспитатель,Подполковник Владимир Павлович Мусин-Пушкин, уѣхал на Дальній Восток, то наше I-е отдѣленіе принял, вновь прибывшій в корпус, Ротмистр Пограничной стражи Б.А.Р. Смѣна эта произошла в IУ классѣ мѣсяца за два, если не измѣняет память, до роспуска на лѣто. Не знаю почему, но Б.А. взял "на мушку" меня,Володю Волковицкаго и Васю Рудановскаго. Вѣроятно он обратил вниманіе, что часто мы попадаемся в каких нибудь продѣлках всѣ вмѣстѣ и "подцукивал" нас; это не вызывало с нашей стороны никаких претензій. Но как то раз он подозвал меня и стал дѣлать внушеніе, подчеркивая, что Волковицкій и Рудановскій скверно на меня вліяют. Нас связывала еще и дружба наших семей. Это замѣчаніе Б.А. уже вызвало настоящее неудовольствіе моих юных лѣт и я это,как умѣл, так и высказал своему воспитателю. Никакого иного впечатлѣнія этот разговор у меня не вызвал. Надо замѣтить, что Б.А. нам говорил "Вы," т.к. принял наше отдѣленіе, когда мы уже вышли из дѣтскаго возраста.

В 5 классѣ произошли событія, о которых я писал в первом сборникѣ. "Попадаться" в концѣ учебнаго года почти не приходилось,т.к. с разрѣшенія директора, одно время я даже был приходящим, чтобы основательнѣе "подзубривать." Но при роспускѣ на лѣто и случилось то, что потом повлі-

яло на мой переход в 7-й класс. Всѣ мы знаем, что,по окнчаніи каждой четверти, воспитатели давали аттестаціи, в которых отмѣчали и наше поведеніе и наши успѣхи. Что было Б.А. написано о моем поведеніи я не помню, но фразу: "пропущенные отдѣлы сдал удовлетворительно" - не забыл. Видя в этом явную придирку, ибо удовлетворительных отмѣток у меня не было, я заявил: "г.Ротмистр, такую аттестацію я моему отцу не понесу!" Это было, возможно,и дерзко, но в юности не всегда умѣешь разсуждать. Итак, аттестацію я не взял, а за этот поступок почему то и не был наказан. Придя домой, я разсказал отцу и об аттестаціи и о моем заявленіи воспитателю. Получил замѣчаніе, что мнѣ надо было аттестацію принести, а дальше уже дѣло родительское как поступить; но я видѣл - отец знал, что такой отзыв задѣть меня мог. Через нѣсколько дней аттестація была прислана по почтѣ. Отец поѣхал к директору Ген.Лаврову, захватив ее с собой. Директор согласился с неправильностью оцѣнки и, призвав Б.А., распорядился аттестацію исправить. Это и было сдѣлано, но не забыто Б.А., как оказалось впослѣдствіи.

Прошло лѣто и наступил учебный год. Вот тут то и пошло. Чаще я сидѣл, в дни отпуска, в корпусѣ, чѣм бывал дома. Да "отдувались" мы как то попрежнему вмѣстѣ с Волковицким и Рудановским. Но в общем, все шло довольно благополучно. Совершенно же неожиданный случай произошел почти в концѣ послѣдней четверти.

Была у нас письменная работа по математикѣ. Неожиданно воспитатель появился в классѣ. Это нас удивило, т.к. наш преподаватель Петр Николаевич Добров, никогда не требовал присутствія воспитателя, сам отлично справляясь с нами, зная многих из нас не только с I-го класса, но и со вступительных экзаменов в корпус. Он единственный из преподавателей говорил нам "ты"! Я быстро кончил свою работу, отнес Петру Николаевичу и сѣл на свое мѣсто. Вдруг ко мнѣ подошел Б.А. и тихо сказал: "Вы работу списали, это я видѣл!" Я был поражен и мог только удивленно заявить: "я? И не думал!" Правда, когда я сдавал работу, то "уронил" шпаргалку около соотвѣтствующей парты, но за это не грозили строгія кары. Когда П.Н.Добров появился на одном из слѣдующих уроков, то вызвал меня меня и сказал: "на засѣданіи комитета рѣшено поставить тебѣ за работу "кол", за то что ты ее "скатал", хотя я и говорил что это не может быть!" Показал мнѣ и журнал, в котором он вывел жирнѣйшій "кол"! Но Добров выручил. В короткое время он вывел в журналѣ двѣнадцать раз по I2 и"кол растаял!" О рѣшеніи комитета, конечно, сообщил мнѣ и Б.А. Но если был спасен средній балл, то шестерка за поведеніе оставалась в силѣ. Единственно кто мог все дѣло выяснить, это наш незабываемый директор Генерал Степан Нилович Лавров - "Папаша", но он был в Петербургѣ, куда уѣхал, кажется,по вызову Великаго Князя. Великій Князь очень цѣнил его и впослѣдствіи и назначил своим помощником. Вернулся "Папаша" послѣ роспуска на лѣто.

Кончился учебный год и мы разъѣхались до осени по домам. Лѣтом я как то не ощущал всей непріятности, свалившейся на меня, но когда мы собрались к началу занятій и я узнал о назначеніи и.д.вице-унтер-офицеров, а я, будучи 3-м по курсу, не попал в их число из за "шестака", то стало очень обидно и сильно я обозлился на Б.А. Весь год я с ним не разговаривал, обращаясь только когда надо было получать какія нибудь учебныя пособія, или отвѣчая на вопросы.

Подошли выпускные экзамены, которые прошли блестяще. На послѣднем, выпускном комитетѣ мнѣ было выставлено за поведеніе I2 и я получил нашивки. Через нѣсколько дней в корпусѣ состоялся как бы выпускной акт. Мы, окончившіе, были выстроены в Бѣлом залѣ. Присутствовали родители, близкіе кадет и кадеты не уѣхавшіе на лѣто. Директор поздравил выпускных и роздал награды нѣскольким, окончившим первыми. Не помню сколько именно было наград; это были книги "Жизнь Суворова", Стремоухова и Симанскаго, в роскошных, тисненой кожи, переплетах.

В заключеніе должен сказать, что Б.А.Р. наканунѣ нашего разъѣзда,

вечером, позвал меня и сказал, что ему очень жаль, что он причинил мнѣ такую непріятность и что он был не прав. Рукопожатіем был закрѣплен мир. Больше нам не случалось встрѣчаться, даже когда юнкером заходил в корпус. -о-

Наш выпуск, был послѣдній кадетскій выпуск, который должен был явиться во всѣ училища I-го іюля, для отбытія лагернаго сбора. Такое положеніе было отмѣнено в слѣдующем году, т.к. в училищах это представляло неудобства. Поступающіе по конкурсным экзаменам,из гражданских учебных заведеній,являлись осенью и получалась нежелательная разница между кадетами, уже присягнувшими юнкерами, и статскими.

Наканунѣ отъѣзда, нам был дан прощальный вечер в Зегржѣ, на нашей кадетской дачѣ, который прошел в самой теплой и сердечной обстановкѣ. А на другой день мы, самостоятельно, без воспитателей, разъѣхались по Училищам.

А.Н.ПОТАПОВ /2 вып./

И З Ч Е Р Н О В О Й Т Е Т Р А Д И.

По данным, полученным послѣ выхода сборника №I и №2 дополненія к списку Георгіевских кавалеров Суворовцев.

ТИХОМИРОВ ПЕТР /I вып./ 23 Морт.арт.див. Георгіевское оружіе.
ШАХ-НАЗАРОВ /I вып./ 5 гус.Александрійск. Орден Св.Георгія IУ ст.
ЛОНТКЕВИЧ БОГДАН /II вып./ Сапер. Орден Св.Георгія IУ ст.
ПОТУЛОВ /III или IУ вып./посмертный Орден Св.Георгія IУ ст.
ДРИНЕВИЧ СЕРГѢЙ /УI вып./ Бугскій улан. Георгіевское оружіе.
ФЕДОРОВ АЛЕКСАНДР /IX вып./ Орден Св.Георгія IУ ст.
ЗАПОЛЬСКІЙ ГЛѢБ /IX вып./ Орден Св.Георгія IУ ст.
РУТИЛЕВСКІЙ ИГОРЬ /до I9I4 г.в Сув.К.К./ Кадет.Георгіевскя медали 2, 3 и 4 ст. Георгіевкіе кресты 3 и 4 ст./В декабрѣ I9I4 г.бѣжал на фронт, зачислен в 27 Сибирскій стр.полк,с ним был в Германскую войну. Кончил Хабаровскій Кад.Корп. послѣ эвакуаціи./

Дополненія к списку фельдфебелей и вахмистров:

В Константиновском Арт.Уч./I батареи/ XII вып. БЛАГОВО МИХАИЛ
В Александровском Воен.Уч. II вып. ЖДАНОВ НИКОЛАЙ
-"- II вып. ВАГИН АЛЕКСАНДР
В Кіевском Военном Уч..... XII вып. ШТАКЕЛЬБЕРГ НИКОЛАЙ
В Елисаветградском Кав.Уч. в I9I4 г. ЧЕРНИКОВ 2-й
/племянник нашего воспитателя/

--oOo--

Из письма Н.В.ГЛАВАЦКАГО."Посылаю выписку для помѣщенія в "черновой" Суворовцы, воспитателем которых был Капитан РЕММЕРТ, вспомнят добрым словом доблестнаго воспитателя. В 30-й тетради "Возрожденіе" за ноябрь-декабрь I953 г.есть статья "КАНДЕЛЬ" /названіе нѣмецкой деревни недалеко от Днѣстра/ Эта статья повѣствует о трагическом походѣ кадет Одесскаго Корпуса из Одессы в Румынію. Статья эта очень живо и интересно написана участником этого похода кадетом Одесскаго Корпуса Е.ЯКОНОВСКИМ"

Выписка. Стр.I04. "Полуроту /кадет Н.Г./ принимает окончательно Подполковник Рогайскій. С нами идет Капитан Реммерт, воспитатель из младших рот из кадра Суворовскаго Корпуса и тоже,как Рогайскій, боевой офицер Великой войны"

Стр.II2. "Командованіе принял Капитан Реммерт. Его раньше в корпусѣ недолюбливали по неизвѣстной причинѣ. Вѣроятно, пришло это из Суворовскаго корпуса вмѣстѣ с ним. Теперь он наш, совсѣм наш. Вчера в бою он оставался все время стоя в цѣпи, спокойный, хладнокровный, участливый. Сегодня он собирает нас, как курица цыплят. Завтра,если будет надо, он не задумываясь пойдет первым на смерть, чтобы постараться спасти хоть кого нибудь из нас"

Стр.II5. "Когда узнали, что, в концѣ концов,румыны согласны принять кадет" "Послали трех. Помню, что среди них был Суворовец Новицкій,

хорошо говорившій по нѣмецки...Проходит час, и вот на льду рѣки Новицкій с товарищами; издали машут нам успокаювающе руками. Да, нас принимают!..

--oOo--

В нашем пропавшем архивѣ были документы о том, что из крѣпости Новогеоргіевск, послѣ ея сдачи, ушел наш Суворовец 4-го выпуска Вячеслав /или Всеволод/ СТАДНИЦКІЙ-КОЛЕНДО, не желая оставаться в плѣну. Он был саперный офицер. С ним ушли два или три сапера. Эти документы передала нашему архиву его мать. Его уход и все дѣло было занесено в его послужной список; он был награжден, но не сохранилось у меня в памяти как именно.

В дополненіе к этому дѣлаю выписку из письма К.В.СОКОЛОВА. "Воспоминанія об ушедшем из Новогеоргіевска ЖВАЛИКОВСКОМ /Дмитрій/ основаны на весьма смутных данных. В каких то журналах "Огонек" ли, или "Синій журнал," помѣщались фотографіи Георгіевских кавалеров; и вот, насколько помню, в одном из них я тогда и нашел фотографію Жваликовскаго с описаніем его подвига. Все это было так давно, что за достовѣрность ручаться не могу."

К.В.Соколов за достовѣрность ручаться не иожет - это и понятно послѣ многих лѣт, но важно отмѣтить слѣдующее: если и Жваликовскій ушел из Новогеоргіевска,/а он был сосѣд по партѣ К.В.Соколова в 5-м выпускѣ, фамилія поэтому могла легче запомниться/ то из крѣпости, послѣ сдачи и не желая быть в плѣну, ушли только два офицера и оба были Суворовцы.

--oOo--

Из Бѣлой Церкви /Югославія/ получен обрывок-пол листа приказа по Суворовскому Кадетскому Корпусу, также из числа,найденных там, предметов музея. Он был дан в музей Николаем Яковлевичем НАВРОЦКИМ /б.к-ром роты Сув.К.К./ Этот листок я видѣл в 1932 году,а теперь он прислан в письмѣ Н.Н.Страшкевичу. Дѣлаю копію сохранившагося.

П Р И К А З

С у в о р о в с к о м у Кадетскому Корпусу

27 октября 1916 г.

№ 219

Гор. Москва.

I.

Завтра назначаются: наблюдающим за внутренним порядком в корпусѣ полковник БЕНЕДИКТОВ и дежурными:

По I ротѣ штабс-капитан КОЛМАКОВ
" 2 " подполковник ЧЕРНИКОВ
" 3 " штабс-капитан БУКОЛОВ
" 4 " ротмистр ДАВИДОВИЧ.

Дежурный барабанщик К н я з е в и для ночного обхода рот и лазарета каптенармус Е р е м и н.

2.

Вчера состояло на довольствіи кадет: 378 казеннокоштных, 18 своекоштных, 5 стипендіатов и I сестра милосердія, ... 402 человѣка.
С обратной стороны осталось:

ЧЕТВЕРГ: завтрак: рулет с вермишелью, чай.
Обѣд: борщ мясной со сметаной, без выдачи мясных порцій,котлеты с картофелем, пирожное.
Вечером: чай с булкой и черным хлѣбом.

ПЯТНИЦА: завтрак: лѣнивыя щи со сметаной и мясом, но без выдачи мясных порцій, чай.
Обѣд: лапша своего приготовленія, разварное мясо с огурцом, пирожное.
Вечером: чай с булкой и черным хлѣбом.

СУББОТА: утром: чай с булкой, котлеты мясныя.
Полдник: котлеты с картофельным пюре, кофе с пирожным.
Обѣд: бульон с пирогами, жареное мясо с макаронами, мороженое по одному стакану, клюквенный морс.

Вечером: чай, булки, бутерброды с ветчиной и сыром, печенье, мороженое по I/2 стакана, клюквенный морс.

ПРИМѢЧАНІЕ: утром во всѣ дни, кромѣ субботы, чай с булкой.

4.

Главное Управленіе Военно-учебных Заведеній, предписаніем своим от 20 сего сентября за № 32901 .....

--oOo--

В Буенос Айресѣ IO мая с.г. скончался Суворовец I-го выпуска Аркадій Антонович ЛЕНЧЕВСКІЙ и похоронен I3 мая на кладбищѣ "Чакарита". В гор. Перастѣ /Югославія, Которская бухта/ I іюня с.г. скончался Суворовец IX выпуска Петр Григорьевич ХИЛЬЧЕНКО. Мир праху Суворовцев.

--oOo--

ДОПОЛНЕНІЯ К ОЧЕРКУ "3-ІЙ ОТРЯД ТАНКОВ" ДАННЫЯ КОМАНДИРОМ ОТРЯДА.

I. Ранен был командир отряда, шт.-кап. П.И.Миронович, пулей в правую руку с переломом лучевой кости. Первую перевязку и помощь оказал фельдшер пластунов, который видѣл как был командир ранен, упал и потерял сознаніе от сильной боли. Придя в сознаніе шт.-кап. Миронович вернулся в отряд и остался в строю; но т.к. температура была очень высока и сильныя боли не прекращались, то он не мог непосредственно командовать отрядом и во временное командованіе вступил Гв. кап. Бенуа.

2. Распоряженіе было мною /командиром/ получено, но видя полную растерянность в штабѣ и небоеспособность частей, охранявших Одессу, я не торопился с выгрузкой танков и всячески ее оттягивал.

3. А также были выгружены двѣ жел.-дорожных цистерны бензина. На этом бензинѣ был сдѣлан выход из Крыма.

4. Из танков были выброшены "кошки-якоря" на стальных троссах, которые срывали колючую проволоку загражденій на большом пространствѣ, дѣлая широкіе проходы, и не задерживали движеніе пѣхоты. Сразу за танками слѣдовала конная и мотоциклетная связь, а среди пѣхотных цѣпей находился командир отряда.

5. Благодаря такой точной связи, захват "кинжальной батареи" танками и открытіе огня по отступающим немедленно было извѣстно и донесено командиру корпуса; копія была послана начальнику броне-танковых частей при ставкѣ. Вся операція, выхода танков из Тавріи, была разработана командиром отряда и одобрена объединителем броне-танковой группы Полк. Пановым.

П.И.МИРОНОВИЧ /УII вып./

"КАДЕТСКІЙ ГОЛОС ИЗ ПРОВИНЦІИ!"

Выдержки из статьи в газетѣ "Русская мысль" под заглавіем:

"НЕ СОВСѢМ ОБЫЧНЫЙ ЮБИЛЕЙ!"

"Я получил IO-й номер "Кадетскаго голоса из провинціи"..... Я никогда не был кадетом..... и тѣм не менѣе я читаю про былую кадетскую жизнь с большим интересом..... Среди старых кадет есть такой бывшій кадет Суворовскаго Корпуса С.Г.Двигубскій. Он издатель "Кадетскаго голоса из проивинціи," он же и редактор и автор его, он же и печатник и наборщик, он же и художник-иллюстратор, он же и экспедитор, словом - он ОДИН выпускает второй год свой журнал..... Для такого изданія - десять номеров - это уже событіе, которое я и позволяю себѣ назвать юбилеем журнала.... Теперь об издателѣ-редакторѣ. Двадцать пять лѣт безпрерывно работает он на заводѣ большой французской фирмы..... Двойной юбилей: десять номеров и 25 лѣт службы. Сердечный привѣт и пожеланія сил для дѣятельной работы!"

Вл.З. /подпись/

Мы знаем о трудах нашего С.Г.Двигубскаго и о его журналѣ и нам отрадно отмѣтить эти слова не кадета.

Суворовцы искренно желают Сережѣ Двигубскому сохраненія здоровья

и сил для дальнѣйшей его кадетской работы. Он за нее удостоен высокими и пріятными наградами. Данныя взяты из "Кадетскаго голоса из провинціи."

Из №14. Почто-грамма Корнету Двигубскому.

"Сердечно благодарю Вас за регулярную присылку журнала "Кадетскій голос из провинціи," который всегда читаю с большим интересом. На каждой его страницѣ ярко выступает Ваша пламенная любовь к нашей Родинѣ, к нашему славному военному прошлому и к дружной кадетской семьѣ.

Знаю с какими большими трудностями для Вас связано изданіе журнала и потому особенно цѣню большое патріотическое дѣло, которое Вы осуществляете."

4-III-1954 ВЛАДИМІР
г.Мадрид. /собственноручная подпись/

Выписка из № 15. "Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Кирилловичу благоугодно было осчастливить меня пожалованіем снимка Дочери Своей Великой Княжны Маріи Владиміровны."

Из № 16. Копія почто-граммы, полученной мною из Мадрида в іюнѣ мѣсяцѣ с.г. от полк.Л.Гв.Уланскаго Ея Величества полка Г.К.Дворжицкаго - и.д. начальника походной канцеляріи Великаго Князя Владиміра Кирилловича.

"По порученію Великаго Князя Владиміра Кирилловича и Великой Княгини Леониды Георгіевны при сем препровождаю пожалованный Вам портрет Их Императорских Высочеств с собственноручными подписями."

Из № 16. "Вы дѣлаете большое дѣло, издавая журнал. Он свѣтлый луч в окружающей нас тьмѣ." /Заключительная часть письма, полученнаго мною из Парижа в іюнѣ мѣсяцѣ с.г. от Великаго Князя Гавріила Константиновича.

Дорогой Двигубскій, еще раз Тебѣ Суворовцы желают благоденствія и успѣха в трудах.

А.Потапов.

ПѢСНЬ О БѢЛЫХ РЫЦАРЯХ.

Мы бѣлые рыцари, бѣлой земли,
Мы рыцари снѣжной Россіи.
Тернистым путем на чужбину ушли
И Русскую землю в сердцах принесли
В далекія земли чужія.

Стоим, охраняя опущенный флаг
Отчизны души часовые.
Нам чужд черной бури грядущаго страх,
Нам смерть разводящій на наших постах;
Не смѣнят друзья неживые!..

-о-

Пройдет вереница безчисленных дней
И солнце взойдет над землею,
Поля, гдѣ шиповник кровавый теперь,
Гдѣ рыщет из бездны поднявшійся звѣрь,
Покроются дивной красою.

И вспомнит народ отошедшій от зла
О рыцарях всѣми забытых:
Воздвигнет средь чистаго поля тогда
Средь мака, ромашки, в сини василька
Он глыбу сѣдого гранита.

-о-

Усталый прохожій для раненых ног
Найдет там от зноя защиту,
Придет с своим стадом босой пастушок
И дѣвушки молча трехцвѣтный вѣнок
Положат к подножью гранита.

Прекрасныя дѣти ведут хоровод,
Гусляр тронет струны златыя;
Замолкнет и вномлет печально народ
Той пѣснѣ, что старец на гуслях поет
О рыцарях Бѣлой Россіи.

Сергѣй АВЕНАРІУС
/6-го выпуска, нынѣ покойный./

Б Ы Л Ь.

Отрывок из повѣсти Суворовца Павла Федоровича СУББОТИНА, котораго путь жизни привел в Венецуэлу, гдѣ служба

и работа его протекает в постоянной опасности от "симпатичных",как он их называет, пресмыкающихся.

Вернусь немного назад и разскажу нѣсколько случаев со змѣями,которые могут быть интересны для моего благосклоннаго читателя.

В первый же год моего пребыванія с семьей в Венецуэлѣ, мнѣ пришлось безнаказанно, для самозащиты, убить сперва одну змѣю, попавшую по ошибкѣ ко мнѣ на кровать. Помню в этот вечер я с женой засидѣлись дольше обыкновеннаго за чтеніем интересной книги. Жена уже легла,а я, сидя на своей кровати, обсуждал с ней прочитанное. Закончив бѣсѣду, отгибаю одѣяло и вижу около самой подушки черный комочек,который сразу же стал шевелиться. "Мышь," закричал я. "Змѣя," раздался мой голос в слѣдующій же момент, при видѣ как комочек стал вытягиваться в ниточку. "Дай мнѣ топор скорѣе," скомандовал я женѣ. Она, как была босиком, бросилась за топором. Змѣя в это время с кровати соскочила на пол и поползла к чемоданам, служивших нам столиком-туалетом в нашей,так.наз. "спальнѣ." Видя что ей за чемоданы забраться нельзя, змѣя стала ползти на меня. При видѣ такой смертельной опасности, хватаю туфель жены и каблуком онаго попадаю змѣѣ по головѣ. Змѣя сразу же стала извиваться в судорогах, я же, для увѣренности, стукнул ее ещо нѣсколько раз.Вернулась жена с ненужным уже топором и мы, испуганные, стали разсматривать змѣю, которая сказалась небольшая, сантиметров 60, черная с сѣро-зеленым подшейником и бурыми пятнами по тѣлу. Названія ея я так и не запомнил. Конечно, не надо было так бояться такой маленькой змѣйки и вести себя болѣе спокойно; ночь же тогда у нас прошла безпокойная, ибо змѣя на кровать упала с потолка, вѣрнѣе с крыши нашего "ранчо," покрытой пальмовыми листьями. Пришлось переселиться из "спальни" в "столовую" и мы долго еще не могли заснуть.

Другой раз я убил змѣю под названіем "тигра," сѣро-коричневую с черными разводами, с широкой головой и узкой шеей; она примоем приближеніи спряталась в траву у края тропинки и хотѣла, из засады, напасть на меня; на мое счастье, я ее во время замѣтил, отошел, нашел камень и с перваго же раза, попав в змѣю, перебил у ноя хребет ниже головы, послѣ чего добил ее плоскозубцами, бывшими при мнѣ.

Многое множество я потом встрѣчал змѣй, но не убивал их, а любовался ими. Свѣтло-сѣрым, с тонкими красными разводами "гуаяканом" - удавом из породы "нипонов"; и "трага-бенау," томно-коричневым с черными зигзагами на спинѣ; "желтой змѣей" - дѣйствительно желтой почти канареечнаго цвѣта с зеленовато-синим подшейником; "волядорой" - черной, с ярко оранжевыми большими пятнами на спинѣ; "касадорой-охотницей" - сѣрой с черными разводами и бѣлым брюхом. Все это породы удавов, но кромѣ "гуаякана" сами не нападают, но если случайно свалится с дерева на шею, то не пожалѣет и непремѣнно задавит. Так,"нипон"-"гуаякан", котораго я видѣл, "упал" с дерева на всадника и тот в мгновеніе ока "вытащил язык и глаза наружу"/мѣстное выраженіе/т.е. был мертв. Когда о происшествіи извѣстили надложащія власти, устроена была на него охота, с участіем человѣк двадцати, в результатѣ которой и убійца оказался мертвым.

С "касадорой" было благополучное знакомство у моей жены, когда она одна возвращалась под вечер через лѣс от знакомых."Касадора," неудачно для себя и очень удачно для моей жены, упала за спиной и, очевидно,но успѣла зубами ухватить за платье, а попав на землю уползла. По возвращеніи домой, моя жена, перед всѣми имѣющимися у нас иконами, поклялась больше не ходить ни по лѣсу ни через оный.

Случай с "желтой змѣей" был у меня. Перед тѣм как идти в один из лѣсов, нанял я подростка, знающаго лѣс, и с ним вдвоем отправился на осмотр. Отошли от селенія по лѣсной дорогѣ километра полтора-два,когда мой проводник закричал: "стой, змѣя!" Я остановился, смотрю вперод на дорогу, тоже ничего. Торчит впереди, шагах в 25-30, какой то

желтый сук, высотой метра полтора от земли. С удивленiем оборачиваюсь и смотрю на проводника, чтобы по его взгляду опредѣлить направленiе, гдѣ надо искать противника. По взгляду его опредѣляю - желтый "сук," всматриваюсь и вижу красавицу "желтую змѣю," весьма больших размѣров, как я успѣл опредѣлить, метров больше пяти. Никогда больше я не встрѣчал такой длинной змѣи, хотя и видѣл их не мало. Только собрался я подойти поближе, чтобы лучше разсмотрѣть эту красавицу, как над ухом моим просвистѣла "мачетэ" и упала около самой змѣи; это мой проводник запустил в змѣю свою "мачетэ," но не попал. Увидя опасность, змѣя поспѣшно опустила так высоко и красиво поднятую голову и уползла в кусты, сдѣлав предварительно на мѣстѣ три восмерки одновременно, настолько она была длинна.

Удалось мнѣ видѣть и знаменитую "каскаволь" - "громучую змѣю" с рожками, сѣрую с черными разводами, но уже убитую и, поэтому, ея "тики-тики" или "цики-цики" я так и не слышал до сих пор.

Из маленьких змѣй, которых я видѣл, кромѣ, упомянутой выше, "мапанаро," - "бехука" ярко зеленую с красивыми карими глазами с бѣлыми обводами и черной стрѣлкой около них, длины до полутора метров. Такую же "бехуку"-"лiану," об убiйствѣ которой я писал, только свѣтло-коричневаго цвѣта и продолговатой головкой. Чаще же всего встрѣчается черная змѣйка с оранжевыми продольными полосами длиной до 60-70 см. и такая же, но с ярко зелеными полосами. Видѣл я нѣсколько раз и смертоносную "корали," в Россiи извѣстную под названiем "минутка," кораллового цвѣта с бѣловатым брюшком; самцы же болѣе краснаго оттѣнка с поперечными черными полосами.

Теоретически от укуса змѣй есть спасенiе - вспрыскиванiя противоядiя, которыя дѣйствительны при условiи, когда до употребленiя стоят в холодильникѣ, чтобы не испортились. А т.к. от лѣса или поля, гдѣ змѣи имѣют обыкновенiе кусаться, очень далеко до холодильника со вспрыскиванiями, то яд, послѣ укуса змѣи, успѣвает распространиться по всему тѣлу. Обыкновенно примѣняются сперва "мѣстныя мѣры" - "мачетэ" вспарывают мѣсто укуса, чтобы "выпустить яд наружу," а послѣ этого уже тянут к доктору или в больницу для вспрыскиванiй. Спасаются немногiе, ибо послѣ такой репетицiи человѣк выдерживает еще дней 5-6 и затѣм передает себя в руки родственников для погребенiя. Люди, боящiеся змѣй, носят такiя вспрыскиванiя с собой, но, как нарочно, их змѣи не кусают пока вспрыскиванiя не испортятся, а тогда, в случаѣ укуса, человѣк умирает дня через 2-3 ни то от укуса, ни то от испорченнаго вспрыскиванiя. Конечно, от такой разницы уже легче - но так долго мучиться.

От "коралла" инекцiй нѣт. Через минуту, а то и раньше послѣ укуса змѣи, человѣк не живет - наступает паралич крови и моментальная смерть. Как единственное дѣйствительное средство от укуса "коралла" - это в слѣдующiй за укусом момент, удалить "мачетэ" ту часть тѣла, которую укусила змѣя, т.е. нога - ногу, рука - руку. Если же укус приходится на туловище, то, очевидно, надо отрубить голову, чтобы отдѣлить туловище. За послѣднее не ручаюсь так ли это на самом дѣлѣ или нѣт - на моей практикѣ таких тяжелых случаев еще не было.

До сих пор с улыбкой, конечно, на лицѣ, ибо только эта часть тѣла способна улыбаться, вспоминаю святую наивность одной нашей знакомой и очень симпатичной дамы. Произошло это в Каракасѣ, в самой нашей столицѣ. Приходит к нам сiе наивное дитя со стеклянной банкой в руках и с красивой, ярко розовой змѣйкой в стеклянной банкѣ. Чѣм была закрыта эта банка - не помню, то ли какой то крышкой, то ли красивой ладошкой красивой руки этой дамы. При видѣ такой живой находки в банкѣ, я сразу же узнал по коралловому цвѣту, что это и есть тот самый "корали," о котором я до тѣх пор только слышал. "Посмотрите, что мы поймали у нас за картоном на стѣнѣ; какая прелесть! Неправда ли?" "Вижу," говорю, "очень ясно вижу эту вашу прелесть, только совѣтую Вам поскорѣе ее убить, пока она Вас не укусила". - "А развѣ она ядовитая?" послѣдовал

вопрос. "Ядовитая и даже очень, укусит и через минуту мы навсегда распрощаемся; это "корали" и яд ея смертелен" - отвѣчаю. "Жалко," говорит, "она такая красивая!.. Я ее лучше выпущу на свободу!" Какая доброта и сколько сердца у этой женщины, не всякій рѣшился бы быть таким добрым. О дальнѣйшей судьбѣ сей"прелести" я уже сейчас не помню.

/Отрывки из этой повѣсти еще будут./

П.Ф.СУББОТИН.

СПИСОК КАДЕТ I-ГО ВЫПУСКА I-ГО ОТДѢЛЕНІЯ.

I.АКИМОВ Глѣб	Ник.Инж.Уч.	2.БАЙОВ	
3.БОГУШЕВИЧ I	Ник.Кав.Уч.	4.БРАБИЧ I Рела	Елис.Кав.Уч.
5.ВОРОНОВ		6.ДОРІАН	
7.ЖИРКОВИЧ		8.ЗЕЙФАРТ I	Варш.Кр.Арт.
9.ИПАТОВ Михаил	Мих.Арт.Уч.	I5 арт.бр.	I0.КАУБЕ
II.КУЗЬМИН Владимир	Инж.части.	I2.МАЧИХИН	ЕЛИС.Кав.Уч.
I3.ПЛЕЩИНСКІЙ Михаил	Мих.Арт.Уч.	20 кон.	I4.ПРОХОРОВ Елис.Кав.Уч.
I5.САВИЦКІЙ I Александр	Конст. Арт.Уч.	бат. 8 арт.бр.	I6.СЕМЕНОВ I Петр Алекс.В.Уч.Л.Гв.Литов.
I7.СКАЧКОВ Сергѣй	Ник.Кав.Уч.	4 улан.	I8.СТЕФАНОВСКІЙ Кіев.В.Уч. Ков.Кр.Артил.
I9.ТИХОМИРОВ Петр		23 мортирн.	20.ФЕДЯЙ I Иван Павл.В.Уч. Л.Гв.Кексгольм.
2I.ФЕЛЬДМАН I			22.ФОГЕЛЬ Аркадій 8 арт.бр.
23.ФОМИН I Сергѣй	Л.Гв.Волын.		24.ЦЕЛЛАРІУС Георгій
25.ЯКУБОВСКІЙ I			

СПИСОК КАДЕТ I-ГО ВЫПУСКА 2-ГО ОТДѢЛЕНІЯ.

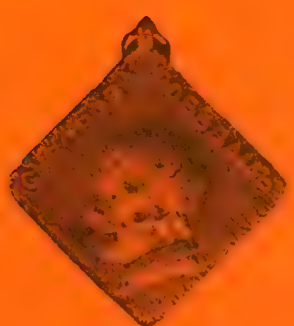
I.АБРЮТИН			
2.АДОЛЬФОВ Александр	Кіев.В.Уч	II0 Камскій п.п.	
3.АРХАРОВ Леонид	"	I60 Абхазскій	
4.БУШЕН Георгій	Ник.Инж.Уч.		ум.в Парижѣ
5.ВОНСЯЦКІЙ Николай	"	9 или I5 сап.бат.	ум.в Москвѣ
6.ГОЛУБОВСКІЙ Петр		33 Сиб.стр.п.	
7.ГОФМАН Владимир	Павл.В.Уч.	Л.Гв.3-й стр.п.	ум.в Парижѣ
8.ГРИЦЕНКО Александр	Морск.Корп.	Балт.флот.	
9.ЖИГАДЛО Борис	Мих.Арт.Уч.	Погр.Сиб.Арт.бр.	
I0.ЗАЛѢССКІЙ Владимир	Конст.Арт.Уч.	29 арт.бр.	
II.ЗЕРНЕЦ	Ник.Кав.Уч.	Кирас.Его Вел.	
I2.КИРѢЕВ Иван	Морск.Корп.	Балт.флот	
I3.ЛЕНЧЕВСКІЙ Аркадій	Ник.Инж.Уч.		Ум.в Буенос Айресѣ
I4.ОРЛИН I Борис	Морск.Корп.	Черн.флот	
I5.ПЕРЕСЛЕНИ I Модест	Алекс,В.Уч,	Л.Гв.Волынск.	
I6.ПЕРЕДКОВ Михаил	"	20 сап.бат.	
I7.ПОЛЯНСКІЙ Леонид	"		
I8.ПРОКОФЬЕВ Сергѣй	Кіев.В.Уч.	Варш.кр.арт.	ум.в Парижѣ
I9.ПЛЫШЕВСКІЙ Василій	Ник.Кав.Уч.	I6 гусарск.	ум.во Франціи
20.РАДКЕВИЧ Николай	"	Псковск.драг.	
2I.РАШЕВ Владимир	Кіев.В.Уч.	в Болгарію	
22.СТРИЖЕВСКІЙ Евгеній	"		
23.СУРАЖЕВСКІЙ Эраст	"	I70 Молод.п.п.	
24.СЫТИН			
25.УТГОФ Алексѣй	Морск.Корп.		
26.ШРЕДЕР Алексѣй	Конст.Арт.Уч.	Арт.бриг.	
27.ШТЕНГЕР			

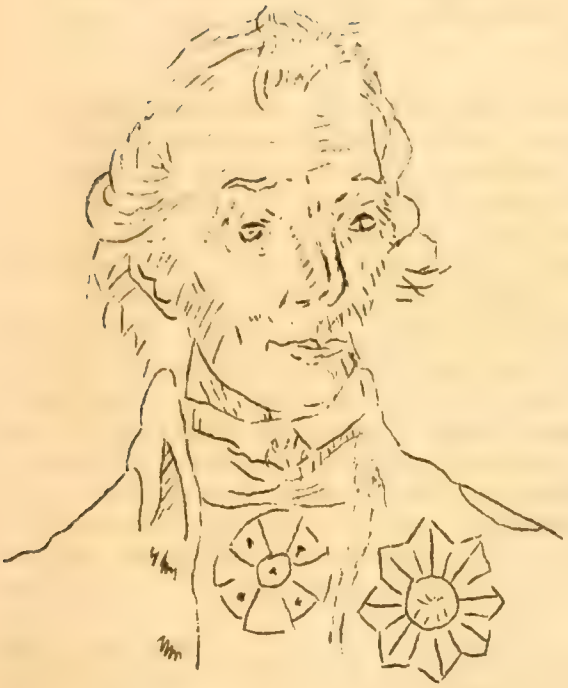
---ooOoo---

Сборник 4

СУВОРОВЦЫ

Изданіе
Объединенія
б. кадет
СУВОРОВСКАГО
Кадетскаго Корпуса





МЫ РУССКІЕ! ПОМИЛУЙ БОГ, КАК ХОРОШО И ПАЧЕ СЧАСТЛИВЫМИ БЫТЬ НЕ ЖЕЛАЕМ!

СУВОРОВ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

С СВѢТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА, ОТ ИМЕНИ ОБЪЕДИНЕНІЙ И ОТДѢЛОВ СУВОРОВЦЕВ И СВОЕГО, ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ.

ПРИВѢТ И ПОЗДРАВЛЕНІЕ ВСѢХ СУВОРОВЦЕВ ДРУГ ДРУГУ И СЕМЬЯМ - ПЕРЕДАЮ ПО ПРОСЬБѢ ОДНОКАШНИКОВ.

ДА СОХРАНИТ В ДОБРОМ ЗДОРОВЬИ И ПОМОЖЕТ ВСѢМ В ЖИЗНЕННОМ ПУТИ НАША ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА.

А.Потапов
предсѣдатель всѣх
Объединеній Суворовцев.

В 3-Х ЭТАЖНОМ БОЛЬШОМ, СЕРОМ ЗДАНИИ НА ВЕЛЬВЕДЕРСКИХ АЛЛЕЯХ ПОД № 21 - ПОМЕЩАЛСЯ НАШ КОРПУС
(Продолжение)

В 3-й роте в 6-м классном отделении был хорошо оборудованный класс естественной истории; во 2-й роте рисовальный класс, амфитеатром. В трех старших ротах стояли рояли. При входе в каждый ротный зал, на первом простенке - расписание уроков, а около двери почтовый ящик. Двери всех классов выходили в ротный зал. Вдоль внешней стены, в простенках между окнами, дубовые столы, а у другой стены, около дверей в классы, дубовые скамьи-диваны со спинками. Все крепкое, солидное, чтобы могло устоять перед кадетским натиском. Освещение было электрическое, но я еще застал "угольно-калильное" (мы его так называли), а в 1907 году еще кажется висели доживавшие свой век керосиновые лампы. Ротные залы были украшены портретами и картинами батального содержания - все подвиги нашей славной Армии. Портреты Государя Императора, Государыни, Наследника, Великого Князя Константина Константиновича, Военного Министра, Командующего Войсками Варшавского Военного Округа, при которых был основан корпус - Генерал-фельдмаршала Гурко, Генерал Адъютанта князя Имеретинского.

На картинах вся Слава Армии. Незабываемые имена... "Чембарец" - Василий Рябов, "Тенгинец" - Архип Осипов, артиллерист - бомбардир-наводчик Агафон Никитин, гренадер Эриванец - Гавриил Сидоров, гусар Лубенец Бондаренко, майор Горталов - Суздалец, "Азовцы" Старичков и Чайка; Шипка, Орлиное Гнездо, Зеленые Горы, Плевна, Малахов курган. Вся жизнь Суворова и "Белого Генерала" Скобелева в красках.

В 1-й роте большая картина масляными красками - молебен при основании корпуса в цитадели Варшавской крепости, где кадеты еще не в форме; несколько воспитателей и преподавателей; воспитатели - капитаны и ниже, а при мне уже штаб-офицеры - полковники Косинский, Еременко, Рудановский; преподаватели: пения Пичугин, рисования Гейне, священник Отец Григорий Модзолевский. Кое-кого из кадет можно узнать. Художественно исполненные группы всех выпусков.

Три старших роты были украшены чудным подарком Императорского Эрмитажа. Три больших полотна, изображавшие различные этапы Итало-Швейцарского похода Суворова - 1799 года, размером не меньше 6 х 4 аршин. Картины были огорожены медной решеткой - барьером.

В 3-й роте - большая итальянская долина реки Требии; идет тяжелый бой с превосходными силами противника. Наши войска, после утомительного и быстрого марша, прямо в бой. Нестерпимый зной. На переднем плане, в тени большого камня, полусидит утомленный Суворов, в одной рубахе с орденом на шее. Наши старшие начальники явились к нему с докладом о потерях и тяжести боя, настаивая на отдаче им приказания об отступлении, на что Суворов предложил одному из генералов сдвинуть с места большой камень. "Не можете?. Ну и ретирады быть не может". Победа осталась за нами.

Во 2-й роте уже Швейцарские кручи; по снегу карабкаются оборванные "чудо-богатыри". Суворов в своем неизменном "родительском плаще". Около него казак с верховой лошадью.

В 1-й роте - переход через "Чортов Мост". Картина эта помещалась между 3-м отделением 7-го класса и 1-м отделением 6-го класса и как-бы символически подчеркивала трудность и важность перехода из 6-го класса в 7-й.

В конце зала 1-й роты стояли пирамиды с винтовками. Когда я был в 6-м классе, то в 7-м было только два отделения, потому в 6-м пустом отделении занимались фехтованием.

Отопление было паровое, но нас не баловали высокой температурой, и хотя термометры неизменно показывали "14" казенных градусов, бывало свежо; радиаторы особенно горячими не были. Кадеты круглый год ходили в гимнастерках. Классные мундиры одевались лишь зимой на "прогулку" - на плац.

В каждом отделении три ряда парт; парта на двух человек, скамейки откидные, а крышки парт на петлях. Открыв крышку, надо было ее поддерживать головой, если обе руки заняты в парте, либо опускать ее на спину впереди сидящего. На внутренней стороне крышки многие прикрепляли расписание уроков или календарь. Некоторые шли дальше и составляли таблицу точно высчитанного количества уроков, оставшихся "до Рождества" или "до Пасхи"; с окончанием урока он сразу зачеркивался в таблице. Все парты были черного цвета, а скамьи - желтого. В 7-м классе в моем отделении одному кадету попалась парта с невыкрашенной внутренней стороной крышки, светлой, только лакированной; так он ее всю к концу года аккуратно исписал названиями училищ - куда он мечтал выйти. Названия соответствовали "полосе везения" и среднему баллу. В отделении три классных доски, средняя неподвижная, на стене, две боковые передвижные, вращающиеся. Помню, в 3-м классе, перед уроком арифметики, за доску на полочку для мела и губки клали палки для игры в городки, и когда капитан Граматикати очень энергично начинал писать, стуча мелом по доске, палки с грохотом падали. Поднимался переполох, более резвые соскакивали с мест поднимать палки, роняя и другие. Все же на несколько минут урок сокращался - "до звонка" оставалось меньше.

Вплотную к первой парте среднего ряда стоял стол преподавателя, который в свободное время служил "кобылой" для прыжков. Над средней доской портрет Великого Князя Константина Константиновича. В углу небольшая икона. В другом углу воспитательский шкаф для запасных книг, тетрадей, отобранных у кадет вещей и т.п. Слева от двери - полка в четыре яруса; на ней собственные шкатулки и другие мелкие вещи. В младших классах за нее прятались во время игр. В углу сорный ящик, который часто ставили на стол для увеличения роста импровизированной "кобылы".

На стене висела большая карта Европейской России, где, помимо городов, рисунками в красках было показано, где что добывается и произрастает; население в национальных костюмах. Карта служила хорошим подспорьем по изучению географии. В отделениях 1-й роты висели таблицы частей 3-х линейной винтовки. В ротах были свои библиотеки, книг до 300. Внутри библиотечного шкафа под стеклом висели чудные таблицы форм Российской Армии в красках. В 1912 году в "читалке" 1-й роты был поставлен бильярд; правда он был немного меньше нормального, но кадеты первое время очень увлекались игрой, по порядку. Ключ от шаров и киев находился у дежурного по роте вице-унтер-офицера.

Построен был корпус по форме буквы Ш, с несколько удлиненной средней палочкой, за счет лазарета. В крайних крыльях были спальни, примыкавшие к ротным залам. В средней части столовая, под ней учительская; в нижнем этаже - кухня. Между ротным залом и спальней "клуб". В старших ротах уже, почти разрешалось курить "в клубе", куда дежурный офицер не заходил. Лишь бы не курили в других местах и не держали табак в партах. Рядом "чистилка", умывалка, шинельная и комната для дежурного воспитателя. В корридоре клетки с №№ для полотенца и мыльницы на каждого кадета. Из корридора дверь вела в спальню, всегда запертую на ключ. В спальнях нижних рот большие, четырехугольные, массивные колонны, в верхних - круглые, железные. Между кроватями ночные тумбочки, в старших ротах с ящиками, где разрешалось держать табак (но не в парте). В тумбочках хранились белые

гимнастические брюки, на тумбочках складывались снимаемая на ночь одежда. Когда зимой, выпускным выдавались башлыки, то солидная, дубовая тумбочка служила хорошим прессом для намоченного башлыка - чтобы "не торчал". Под подушкой - ночная рубаха. Все помнят, как неприятно было зимним утром расставаться с ней и одевать холодную, полотняную. Некоторые, уже ночью, проснувшись прятали ее под одеяло, чтобы утром одевать теплую. А переодеваться было необходимо, т.к. на ночных - были специально пришиты красные воротники и были они не полотняные, а более мягкой материи и чуть кремового оттенка. С 4-го класса, а у некоторых и с 3-го, кровати пружинные, или сетки. В 4-й роте и у части 3-го класса твердые, на трех досках. В спальнях было свежо. В младших классах, чтобы было теплее спать, вынималась средняя доска и получалась яма, называемая "провал" - было теплее, но удобство было сомнительным. Делались и так называемые "мешки" из простыни, подложенной так, что ложащийся в постель не мог вытянуть ноги и надо было перестилать постель. Несмотря на вечно бодрящую температуру, в спальне были любители "закаляться" - умывались утром и вечером обнаженными до пояса. Некоторые даже спали круглый год под одной простыней, сдвигая одеяло в ноги. У каждой кровати, в голове ее, железная палка с дощечкой - фамилией и № кадета - и крючком для иконки. Спальня длинная с рядом ночников по среднему проходу и двумя рядами лампочек по крайним, которые тушились на ночь. Как неприятно было каждое утро слышать звук трубы или барабана, особенно спящим у среднего прохода, в самом начале спальни! Первый неприятный звук "повестка" в 1-й роте в 5 ч. 45 м. Сигнал короткий давался, не входя в спальню, в коридоре. По повестке вставали дежурные по роте, по кухне, кажется и фельдфебель. В 6 утра "подъем". Барабанщик с боем или сигналист, трубя, идет до самого конца спальни. Сколько слалось ему кислых слов! Особенно издевались над молодыми, еще не совсем усвоившими науку игры на своих инструментах. Эти "музыканты" назначались в корпус из различных частей округа и переводились в штат, одевая нашу форму. С нетерпением ожидали кадеты день 1-го марта, когда согласно приказу "барабанщикам не бить и трубам не играть", воспитатель голосом с трудом поднимал из кроватей кадет, привыкших к громким сигналам. Любители поваляться ждали этот день - отговорка законная - не слышал сигнала! 1-я рота шла спать в 9.30, а в 10 тушился свет в спальне, разговоры стихали. Нарушители тишины, как и любители поваляться утром, записывались в журнал. Обычно дежурный воспитатель при свете ночников обходил ряды кроватей, осматривая, чтобы все "полагаемое" было снято и положено в требуемом порядке, и сверял наличие кадет с журналом. Как-то в субботу вечером, на кровати ушедшего в отпуск, сделали из одежды чучело, накрыв его одеялом. Все разложено в порядке, спит кадет и все... Дежурный воспитатель, мягкий и близорукий Ч... обошел спальню - не сходится число наличия с отпускным журналом; прошел еще раз, другой, заходя в дежурку для проверки, и лег спать. Утром в воскресенье, подъем в 7 утра, еще серо. Прошел после подъема, поднимая голосом лежебок и угрожая записью в журнал. На обратном пути видит "кто-то" лежит без движенья. Обращается к соседям - разбудите, толкните его. Рука послушно протянулась, а "нахал - чучело" лежит и не думает вставать. Ч. решительно направляется к нему со словами: "этого нахала запишу в журнал". Сдергивает одеяло, а там чучело. Попали в журнал виновные.

В 1-й роте разрешалось выходить на плац до утреннего чая, проветриться. Не много было желающих, но большинство из них "закалялось", тренируясь в беге вокруг всего плаца. Любили выходить, не одеваясь, невзирая на мороз. Начальство смотрело на это сквозь

пальцы. Заболеваний не было.

К концу спальни примыкал цейхгауз, царство каптенармусов, сверхсрочных унтер-офицеров и ротных командиров, где на каждого кадета была своя клетка, под стеклом; в ней лежало белье и выходное обмундированье. Парадное висело на других вешалках. Белье и обмундированье были очень хорошего качества. Одевали нас отлично. Белье менялось дважды в неделю, а носовые платки и носки, хоть каждый день. У каждой роты было свое клеймо, ставившееся на всех вещах, как и личный № кадета. Клейма резко отличались по форме. В 4-й роте квадрат с цифрой роты по середине, в 3-й треугольник, во 2-й круг и в 1-й овал.

Церковь была между 1-й и 2-й ротами. Довольно темная, растянутая в ширину. Справа спереди стояла 3-я рота, сзади нее 1-я, слева 4-я и 2-я. За ротами небольшое пространство для посторонних и семей персонала, а далее большой притвор, образуемый раздвижными дверями со стороны лестницы в столовую. У входа справа свечной ящик, где стоял неизменный ктитор церкви полковник Косинский и несколько кадет ему в помощь: ставить свечи, относить просфоры в алтарь. Рядом всегда стоял директор. Перед глазами - наша гордость Суворовский походный иконостас под стеклом. На правом клиросе - знамя, всегда в чехле, кроме дня корпусного праздника; знамя гвардейского образца с двуглавым орлом вместо копия. На левом клиросе чтецы. Певчие стояли на хорах слева, вход куда был из белого зала; а справа вход из гимнастического зала - там стояли воспитанники нашего пансиона-приюта. Богослужения не были продолжительными, обедня и всенощная около часу, а молебен и панихида 15 - 20 минут. Батюшка, наш добрейший Отец Григорий Модзолевский, говорил: "дольше буду служить, больше будете грешить, разбойники". (Так он всех нас называл). Что грех таить, простоять час в церкви в строю - не легко - мысли приходили в голову не всегда благочестивые.

От церковной площадки широкая лестница вела в столовую, которая была в полтора света. При входе справа место 1-й роты, слева 2-я, дальше справа 3-я, слева 4-я. Между 1-й и 3-й ротами большой образ в резном киоте. Столы массивные, солидные, как и вся мебель в корпусе. Столы на 12 человек, по 5-ти с каждой стороны на скамьях, а двое на табуретках. В каждой роте отдельный маленький столик для дежурного воспитателя. До 1909 - 1910 гг. в столовой завтракали преподаватели за отдельным столом, между 2-й и 4-й ротами; потом они завтракали где-то в учительской. А на их месте водрузили старинную пушку на колесах, к большому соблазну кадет перекатить ее по столовой в другое место. В конце столовой - буфетная; сюда поступала из кухни вся еда по подъемной машине. Здесь резали хлеб, лежали салфетки, скатерти, столовые приборы, посуда. На весь корпус был комплект серебряных столовых, чайных и разливательных ложек и приборов для второго; все с выгравированным именем корпуса; номера стола (дюжины) - римской цифрой, а под ней в знаменателе, арабской - номер ложки (от 1 - 12) обозначались на обратной стороне ложки. Приходя в столовую, загадывали... сколько получу по такому-то предмету? и смотрели № ложки. Приятно было какому-нибудь безнадежному шести-семи бальнику хоть на ложке получить двузначный бал! Кружки для чая были белые, фаянсовые с надписью "СЗВ" и прочности неимоверной. Катали ее по столу, скатывалась она на скамью, на пол, и не разбивалась. Хлеб к завтраку резали в буфете, между 9 и 10 часами утра. На переменке после первого урока (как-раз во время смены дежурного воспитателя), с большим риском, надо было словчиться удрать в буфет за любимой горбушкой. Попадешься - верная запись в журнал.

К завтраку и обеду столы накрывались скатертями и все были обязаны одевать салфетки, продевая углы ее под погоны. Бывали и так называемые"черные столы" без скатертей, на левом фланге роты, для кадет, подвергнутых тягчайшему наказанию - снятию погон. Они и ходили в 5 шагах за левым флангом роты и в классном мундире /а все в гимнастерках/, на котором вместо погона оставалась лишь одна пуговица и с пол сантиметра срезанного погона вдоль плечевого шва рукава.

Кормили хорошо, вкусно, сытно, может быть, однообразно. Но... видно кадеты созданы из особого теста - вечно хотят есть. Нам давали утром чай с большой булкой, в II часов горячий завтрак и чай. В 3 1/2 часа обед из 3-х блюд /для тех, кого не оставили без сладкого; одна из мер наказания для I - 3 класса/ и чудный хлебный квас. Вечером чай в 8 - 9 часов /все роты в разное время/; к чаю столбик масла или кусок сыра, котлета, булка меньше утренней. В 4-й роте кружка меньше, чем в остальных и два куска сахара, в старших - три. Перед чаем все роты по очереди, после вечерних занятий, ходили в гимнастический зал минут на 15 - 20, где каждый мог упражняться на излюбленных снарядах. Перед и после завтрака и обеда пели молитву всем корпусом. За чаем она читалась отдельно в каждой роте.

Когда корпус удостаивался посещения любимого Генерал - инспектора Великого Князя Константина Константиновича, то он всегда обходил столы, разговаривая с кадетами. А уж в 4-й роте, как бы по обычаю, заговорит с самым маленьким кадетом /сам Великий Князь был очень высокого роста/; для таких разговоров Великий Князь ставил покрасневшего, смущенного от счастья кадета на скамью и так разговаривал с ним на глазах у всего корпуса, не нагибаясь.

В столовой место 4-й роты, почти каждую зиму, некоторое время оставалось пустым из за заболеваний корью, скарлатиной. Роту изолировали от других, столы переносились в их роту, где они ели, не выходя никуда, даже в церковь, и не общались с остальными.

От столовой лестница шла в два марша на пол этажа выше в залы. В проходе между залами стояла во весь рост гипсовая, бронзового цвета, статуя Шефа - Генералиссимуса Суворова, изображавшая его раненым на Кинбурнской Косе: левой рукой он держится за раненый бок, а указательным пальцем правой показывает движение вперед на турок. При всем нашем безграничном уважении к памяти Суворова, бывало не раз, что идя на гимнастику, кто-нибудь из левофланговых кадет, из озорства, проходя мимо, подпрыгнет, чтобы достать рукой до указательнаго пальца. При плохо рассчитанном прыжке случалось палец отламывать, поэтому он всегда отличался цветом от всей статуи из за частых поправок и подкрашивания.

Налево - "белый зал" или танцевальный, в полтора света с непрерывным рядом стульев вдоль стен. При входе справа на мраморном цоколе бронзовый бюст Суворова, огороженный решеткой - подарок корпусу Великого Князя Константина Константиновича. В углу рояль, на котором играл тапер на уроках танцев. Здесь же и дверь на хоры, где стояли певчие во время богослужений. На стене по середине мраморная доска с фамилиями кадет, окончивших первыми корпус, и отдельно доска для окончивших первыми военные училища. Таким, помнится, был вице-фельдфебель 2-го выпуска В.Крейтер; он, будучи вахмистром Николаевского Кавалерийского Училища, окончил его тоже первым. Он был единственный наш, Генерельного Штаба, генерал-майор; /в 1950 году скончался в Мюнхене/. У дальней короткой стены большой портрет Государя Императора, стоявший на небольшом возвышении и тоже огороженный невысокой решеткой.

По другую сторону церкви - гимнастический зал, такой же по величине как и "белый", весь заставленный гимнастическими снарядами: горка для прыжков с высоты, рядом другая с наклоном в

45 градусов для взбегания, четыре наклонных лестницы и "забор", барьер для прыжков, параллельные брусья, турник, рти шведских мачты, между которыми шесты и канаты, лестница параллельная земле, кобыла. У стены шкаф с рапирами, эспадронами и прочими фехтовальными принадлежностями. В конце зала постоянная большая сцена, которой, кроме корпуса, пользовался русский драматический кружок; председательницей последнего была мать кадета 8-го выпуска Николая Крылова. Корпус ежегодно ставил I - 2 пьесы; репертуар был не разнообразен; что нибудь из классических пьес или патриотических. Особой любовью кадет пользовался "Измаил". Чуть ли не акждый год его ставили. Смотрели всегда с захватывающим интересом. Игравший роль Суворова для 4-й роты казался чуть ли не настоящим Суворовым. На всех спектаклях кружка мы были "почетными гостями", т.е. сидели на самых задних скамьях, приносимых из столовой; но мы любили приставлять сзади последних рядов кобылу, параллельные брусья и другие снаряды - получалась "галерка". От сцены начиналась "дорожка" к трамплину для прыжков через кобылу, которыми особенно увлекались кадеты. Бывали виртуозы, прыгавшие через нее, поднятую "на I3"; казенное требование было "на 8 - 9", да еще ставили сверху кожаный конус, вышиной около 3/4 аршина, или сажали на кобылу маленького кадета - и не задевали. Бывали прямо цирковые акробаты и на турнике. На другой дорожке прыгали более слабые, через другую кобылу или через "козла" /раза в три короче кобылы/ или через веревочку. Пружинный трамплин не пользовался любовью - кадеты им не увлекались. Вдоль стен были стойки с палками для гимнастических упражнений, в шкафах стояли железные палки, лежали булавы, жгуты /для игры/. Гимнастику мы любили. Помимо 2 - 3 уроков в неделю, ежедневно перед вечерним чаем, роты по очереди ходили на полчаса в гимнастический зал. Иногда по воскресеньям - после завтрака. Не говоря уже о том, что любители удирали туда, с риском попасть в журнал, после обеда до вечерних занятий. Обязательное фехтование на рапирах было хорошо поставлено. На эспадронах - было не обязательно; на рапирах нас учили инструкторы Варшавской Гимнастической Школы, приходившие после обеда. Ежегодно роты устраивали свои состязания по гимнастике. Но весь центр внимания сосредоточивался на состязании "выпускных", на I-й роте. Обыкновенно в первое воскресенье после 6-го декабря устраивали показное фехтовально-гимнастическое утро, посещаемое, кроме корпусных /так назывались семьи персонала корпуса/, и "городскими". Участвовал, главным образом, 7-й класс с добавкой лучших из 6-го, всего человек сорок. Начиналось с разнообразных вольных движений, потом фехтование групповое, вольный бой на рапирах и эспадронах и гимнастика на снарядах; кроме казенных упражнений специалисты показывали свои номера. Председателем жюри по фехтованию всегда был капитан Лейб-Гвардии Волынского полка Андреев, у которого вся шашка была в призах. В марте, до начала выпускных экзаменов, устраивались состязания для 7-го класса на призы - жетоны, установленные Главным Управлением Военно-Учебных Заведений. Три приза за гимнастику и два за фехтование. Получившие их имели право носить их и в Военных училищах. Среди нас в С.Л.А. живет Н.Н.Страшкевич, 4-го выпуска, получивший I-й приз за гимнастику. Жюри - целая комиссия из воспитателей, преподававших гимнастику и фехтование, со списками, в которых каждый ставил баллы. Участвовавшие в состязании по гимнастике исполняли одни и те же "казенные" упражнения на снарядах. С каким вниманием кадеты из публики следили за каждым. При абсолютной тишине вдруг кто нибудь задел ногой за что нибудь, или не чисто сделал - сразу у публики вздох сочувствия, сожаления. И наоборот, одобрительные возгласы безупречно исполнившему свой номер. Члены жюри обращали внимание на выход, повороты, выправку - все учитывалось. Года с

1910 была введена стрельба из малокалиберных ружей. В 7-м классе проходилась верховая езда, по субботам, по одному отделению Лейб-Гвардии в Гродненском гусарском полку. Дежурный по полку офицер гонял очередное отделение в манеже.

Правее сцены была дверь в комнату, где стояли столики для письменных работ; оттуда была дверь в физический и химический классы и комнату для практических работ по этим предметам. В физическом классе парты стояли, поднимаясь амфитеатром. Кадеты любили туда ходить на урок - значит, не будут вызывать, а будут показывать опыты, или, как мы их называли, "фокусы".

Наличие двух больших, соприкасающихся зал позволяло в них производить парады всем корпусом с прохождением церемониальным маршем повзводно. При мне в младших классах раз был такой парад в день корпусного праздника из-за ненастной погоды и в одно из посещений корпуса Великим Князем, когда Его сопровождал один из сыновей - лейб-гусар.

(Окончание следует)

Н.М. ВИТТЕ (1Х вып.)

ПОЛКОВНИК ГРИГОРИЙ МАРКОВИЧ ЕРЕМЕНКО

Кто из нас Суворовцев не знал Григория Марковича Еременко? С первого дня основания корпуса в роли воспитателя, а в последние годы в качестве ротного командира 1-й роты, Григорий Маркович известен кадетам всех двенадцати выпусков. "Это, брат, не честно", говорил он, когда кто-либо списывал, подсказывал, или же говорил неправду, пытаясь "вывернуться" и избежать наказания за совершенный проступок. Сам он был честен и старался всегда быть справедливым. Мне известны два случая, когда он поступил "не честно". В первом - на экзамене - он, видя затруднение кадета в решении задачи, подошел и подсказал ему. Согласно его принципам, он поступил "не честно", а по нашему мнению даже "весьма честно".

О втором случае речь идет ниже. В первую смену дежурных воспитателем, летом 1909 года, когда мы были на кадетской даче около крепости Зегрж, входил подполковник Еременко, а в большом доме - "Зверинце" - пребывал со своим семейством директор генерал Ваулин, уехавший позже на Кавказские воды. По воскресеньям и праздничным дням мы ходили в церковь на Большой Форт. По окончании церковной службы, возвращались к себе в лагерь или через парк Командующего Войсками Округа по берегу реки, чтобы выкупаться перед обедом, или через поле по дороге. Но была еще полевая тропинка, значительно сокращавшая путь. В один из праздничных дней, выйдя из церкви, трое из нас пошли быстрым шагом к выходу из форта и остановились у входной решетки. Согласно приказу Коменданта Крепости, дневальный у решетки мог пропускать без особого разрешения кадет, только группами, во главе с офицером. Поэтому все, приходившие раньше подхода воспитателя, выйти из форта не могли. Итак, дождавшись подхода "главных сил", мы были выпущены дневальным и всей группой двинулись через парк к реке. В конце парка произошла остановка и начался торг. Кадеты хотели идти по берегу, но Еременко, как старший воспитатель, решил возвращаться через парк и поле. Кадеты начали усиленно упрашивать продолжить путь по берегу для купания. Еременко стоял на своем. Видя, что переговоры затянулись, я обратился к нему с вопросом, каким путем мы пойдем и, получив категорический ответ - через парк и поле -, все двинулись в путь. Мы трое пошли по сокращенной дороге и поэтому значительно опередили остальных; придя в лагерь, успели переодеться до их прихода, чем и начали похваляться перед ними. Каково же было наше удивление, когда кто-то из пришедших

заявил, что мы напрасно переодевались, т.к. мы все трое поедем в Варшаву в карцер за то, что не были в парке, а непосредственно из церкви ушли домой. Сначала мы приняли это за шутку, но нас заверили, что это "самая настоящая правда", т.к. по выходе из парка Еременко пересчитал всех и обнаружил отсутствие нас троих. Происходило явное недоразумение. Чтобы выяснить его я пошел к Григорию Марковичу. "Григорий Маркович, правда ли, что мы", я назвал фамилии, "отправляемся под арест?" - "Да, правда." - "За что?" "За то, что не были в парке, а ушли прямо домой." - "Как не были в парке? Мы дошли до конца парка, где выяснилось, что купаться не пойдем, а вернемся через парк и поле. Я же лично спрашивал Вас, и получив от Вас ясный ответ, пошел вместе с В. и С. вперед". "Нет, вас не было в парке." "да как же не было, если я Вам говорю, до какого места мы дошли и что там происходило. Да ведь когда я с Вами разговаривал капитан Янушевский стоял рядом с Вами." Несмотря на все приводимые мною доказательства, Еременко остался при своем решении отправить нас в Варшаву. "В таком случае я буду жаловаться директору " сказал я. "можешь жаловаться, а под арест поедешь". Я сейчас же пошел к Ваулину, рассказал все как было, протестуя против явной несправедливости наложенного взыскания. Ваулин, выслушав меня, приказал просить к нему Еременко, что я немедленно исполнил, заранее торжествуя победу. Увы! торжество было кратковременно. Возвратившийся Еременко, подойдя ко мне, сказал: "В 4 часа поедешь в карцер за то, что пошел жаловаться директору без моего ведома." "Как без Вашего ведома? Ведь я сказал Вам, что пойду жаловаться и Вы ответили - можешь жаловаться". "В 4 часа Ты, В. и С. поедете на станцию". Я был возмущен до глубины души и, обратившись к Еременко, отрезал: "Не "ты", а "Вы", Господин полковник." "Вы? Вы? Ххорошо, Вы, Вы ... отправитесь под арест!"

Неделя, проведенная в карцере, промелькнула для нас очень быстро. Пользуясь свободой, вплоть до хождения в гимнастический зал, получая прекрасное довольствие из кухни А.О. Соловьевича, мы почти пожалели, когда пришло время возвращаться в лагерь. За время нашего сиденья произошла смена дежурных воспитателей и Еременко в лагере мы не застали.

Прошло много лет. В 1932 году я попал в Болгарию. В Новой Загоре встретился с Григорием Марковичем. Мы часто беседовали с ним, вспоминая родной корпус. Однажды я рассказал ему описанный случай, не называя места, ни имен, сказав лишь, что происходило это в одном из корпусов, и спросил его, что он об этом думает. Еременко долго молчал и наконец ответил: "Много времени прошло с тех пор. Трудно предположить, что по прошествии стольких лет этот случай сохранился бы в памяти; если кадет тогда говорил неправду, то и был справедливо наказан" и,помолчав, добавил: "да, я был кругом не прав" и, переидя на "Вы", добавил: "а Вы были правы". - "Не Вы, а Ты" сказал я и мы крепко пожали друг другу руки.

Как видно, и в его памяти сохранился редкий случай, когда он поступил несправедливо и, может быть, в течение этих лет неоднократно он говорил себе "это, брат, не честно" и при случае не побоялся в том признаться.

Н.Н. СТРАНДЕВИЧ (1У вып.)

ВЫСТРЕЛ

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел, если мне не изменяет память, в 1909 году, вскоре после возвращения с летних каникул. Мы перешли в 6-и класс и были, наконец, в первой строевой роте. Как шестиклассники мы были на "сугубом" положении у седьмого класса, но все же чувствовали себя уже почти "юнкерами". Я и Дриневич сидели на задней парте, в левом ряду, около окон и центрального отопления. Это было наше постоянное место в течении трех лет, до самого выпуска. Место удобное - с него, не вставая, можно было видеть, даже во время уроков, идущих на ученье на Мокотовское поле улан или Гродненцев. Оба мы собирались выйти в кавалерию, вернее наш выход был уже решен, оставался только вопрос, в какое из училищ. Поэтому уже в то время мы готовились к "страшному" моменту прибытия в училище, усиленно изучая дислокацию всех кавалерийских "полчков" и прочую нашу кавалерийскую словесность. У Дриневича была сделанная им самим толстая тетрадь. На каждой странице наименование полка, наклеена его цветная форма, дата основания, старшинство, день полкового праздника, отличия и краткая история полка.

Вправо от нас, в среднем ряду парт, в одно утро едва не разыгралась трагедия. Кадет Бажанов оказался владельцем маленького браунинга, калибра 6.35. Откуда он у него появился, я не знаю, то ли он привез его с летних каникул, то ли принес из отпуска, не помню. Быть может никто и никогда не узнал бы о его существовании, если бы судьбе не было угодно вывести его на свет Божий; произошло это следующим образом.

Утренний час подготовки уроков кончился и желающие кадеты отправились на прогулку. Прогулка была не обязательна, кто хотел мог оставаться в классе, чтобы еще немного "поднакалить" слабый предмет к предстоящему уроку. Я остался на своем месте "подзубрить" словесность и вспомнить, сколько пуговиц на уланском мундире и какая разница между "тромбочками" и "бомбочками" у гусар.

Бажанов в это время достал браунинг, вынул обойму с патронами и, оставив браунинг лежать на парте, занялся какими-то манипуляциями с обоймой, не то разряжая, не то перезаряжая ее. Проходивший мимо кадет Разумовский заинтересовался занятием Бажанова, сел против него на парту, поставил ноги на сиденье и, подперев голову руками, внимательно следил за его занятиями.

Прогулка кончилась, отделение стало наполняться возвращающимися кадетами. Скоро должен был начаться урок.

Только-что вошедший в класс кадет Потулов, увидя обоих за таким интересным занятием, подошел, взял в руки браунинг, перевернул его и, видя, что обойма вынута, и следовательно, по его мнению, револьвер не заряжен, отошел на два, три шага от Разумовского, прицелился в него и со словами: "Теперь я тебя подстрелю", спустил курок. Раздался резкий, типичный для маленького браунинга хлопающий звук выстрела и Разумовский вскрикнул.

Звук выстрела я принял за стук крышкой парты, который был обычным явлением, и не обратил на него внимания. Возглас стоящего в дверях дежурного воспитателя подполковника Ревишина: "опять здесь хлопают партами", заставил меня поднять голову и я угидел Разумовского, которого вели под руки к выходу. Дежурный воспитатель немедленно распорядился отправить его в лазарет.

На смерть перепуганный Потулов, бледный как полотно, ходил по классу и только повторял: "Что же теперь будет? Что мне делать? Что делать?" Его успокаивали, но бедняга дрожал как в лихорадке и не мог найти себе места.

К счастью, все кончилось благополучно. Пуля, войдя в щеку около носа, удачно прошла, не задев ни одного зуба, языка и сонной артерии, и застряла под кожей на шее. После сделанного доктором надреза ланцетом она легко вывалилась наружу. Дня через четыре Разумовский, веселый и улыбающийся, вернулся в класс с маленьким розовым пятнышком около носа и пластырем на шее.

Судьбу браунинга не помню - конечно он был отобран, владелец и стрелок отсидели должное количество суток в карцере, а наш Ерема (милейший воспитатель подполковник Григорий Маркович Еременко) долго читал нам лекцию о том, что "н-нельзя шу-шутить с огнестрельным ор-оружием, оно в-в-всегда стреляет, когда бы-бывает не з-заряжено".

Д.А. ПОГОРЕЦКИЙ в.у.о. 6-го вып.

НА РУБЕЖЕ

Вернувшись с летних каникул 1908 года, кадеты были поражены новостью: Директор корпуса Степан Нилович Лавров назначен Генералом для поручений при Великом Князе Константине Константиновиче, а на его место переведен директор Хабаровского корпуса генерал Ваулин. Генерал Ваулин не был чужд нашему корпусу: при основании корпуса он был первым инспектором классов. Правда, пробыл он в этой должности только год и поэтому никто из нас не знал его. Даже старейший в нашей среде "генерал" Владимир Кадушкин не мог рассказать о нем.

О новом директоре ходили разные слухи, но на одном сходились все: новый директор сухой человек, не чета "Папаше". Таким образом 4-й выпуск оказался на рубеже двух эпох или, лучше сказать, двух режимов.

С большим нетерпением ждали все появления нового директора. И вот однажды в ротном зале появился моложавый, на первый взгляд, генерал. Все взоры впились в него. Близь стоящие увидели много мелких морщин на безбородом, желтоватого оттенка лице. Погоны на сюртуке оказались с инициалами Хабаровского корпуса, что сразу произвело неприятное впечатление. - "Здраствуйте кадеты!" прозвучал холодный голос. Впечатление ухудшилось. Мы привыкли быть Суворовцами, а не просто кадетами.

По уходе директора начался живой обмен впечатлениями. Кто-то сказал: "да он как лимон, желтый и кислый". Так и окрестили его "лимон". Впоследствии появилось и другое, очень нежно звучащее, прозвище "райская птичка с собачьей мордочкой". Не знаю, сохранились ли эти названия в дальнейшие годы или явились новые?

Начались новые порядки. Там, где раньше были снисхождения и понимание детской психологии, проникнутое любовью к своим воспитанникам, появилось суровое, холодное, чисто формальное отношение. Среди кадет поговаривали, что новый Начальник Военно-Учебных Заведений генерал Забелин находил, что корпуса распущены Великим Князем и кадет следует подтянуть. С этой целью и был прислан в наш корпус "подтягиватель" в лице Ваулина.

Цель этого очерка не характеристика генерала Ваулина. Я при нем пробыл только год; в такой срок узнать человека в достаточной степени нельзя. О нем должны написать более молодые. Я же делаю первый шаг и этот шаг получается не в его пользу.

Началась ломка. Введены новые методы воспитания. Под страхом исключения из корпуса были воспрещены "Ночной Парад" и "Похороны уроков". "Отбой" на корнете после последнего урока в 7-м классе, к счастью, обошелся корнетисту в несколько дней карцера и в сбавке балла за поведение. Приводимый ниже мною случай может дать представление о новых методах. Случилось это во второй половине учебного

года. Кто-то что-то натворил в 1-й роте. Кто и что, не могу вспомнить, это в конце концов и не важно. Главное, что проступок не был ни грязным, ни бесчестным. Виноватого по общему согласию - нет. Тогда применяется недостойный способ воздействия: "Если виновный не сознается, будет исключен кадет 7-го класса Сергеев". Среди кадет волнение, возмущение. Сергеев не виноват. Об этом знают все, не только кадеты, но и начальство. Он выбран произвольно. С таким же успехом могли бы назвать любого из нас, не отличавшегося хорошим поведением. Решено не сознаваться, а если Сергеев будет исключен - взбунтоваться. Кадеты возбуждены и молчат. Грозовые тучи скопляются. Малейшая искра может вызвать взрыв. Наступил день, когда должна была решиться судьба Сергеева, а с ней и судьба большинства кадет 1-й роты. Последствия бунта известны: массовые исключения, перевод оставшихся в другие корпуса... Заседание педагогического комитета назначено на 9 вечера. Неизвестно чем бы все это кончилось, если бы один из кадет, видимо учитывая возможные последствия, не предупредил своего отделенного воспитателя, что исключение Сергеева повлечет за собой бунт роты. Сергеев исключен не был. Но чтобы "спасти лицо" вся рота была оставлена без отпуска. Нужно ли было собирать для такого наказания педагогический комитет? Ясно - кадеты победили. Директор испугался за свою карьеру. Невольно является вопрос, как бы поступил в подобном случае С.Н. Лавров? И ответ один: подобного не могло произойти при Степане Ниловиче. Он был прекрасный психолог и педагог, искренно любивший вверенных ему детей. За 7 лет моего пребывания в корпусе при Степане Ниловиче я знаю только два случая исключения и оба за очень грязные проступки, угрожавшие нравственности других кадет, а за последний восьмой год при Ваулине были две попытки исключения из корпуса кадет старшего класса. К счастью, обе неудачны. Второй случай не закончился так благополучно, а повлек за собой последствия. Одним из "героев" этого дела был я. 45 лет, протекшие с того времени, дают мне возможность говорить беспристрастно, принимая во внимание все пережитое нами.

Не буду писать о событиях, предшествовавших описываемому случаю и явившихся как бы основой проступка и описываемых мною последствий. Проступок заключался в том, что несколько кадет напились пьяными. Дело происходило 2/15 августа 1909 года. При всем своем беспамятстве я запомнил эту дату. В этот день, день Ангела С.Н. Лаврова, в кадетском лагере устраивался традиционный танцевальный вечер. Должен сказать, что оставшиеся на лето кадеты, в лагере, обыкновенно сбивались в более тесные группы по 3 - 6 человек. Эти компании были неразлучны. Где один - там и остальные. Наша группа состояла из 6-ти человек: двух братьев Страшкевич, двух братьев Резановых и еще двух, фамилии которых не называю, т.к. в этом очерке они не фигурируют, не будучи "пойманными". Итак, выпив больше чем следовало (водку доставили нам директорские дочери, проигравшие пари), мы два брата отправились спать, а оба Резановы - танцевать. По их развязным движениям вскоре было замечено, что они пьяны. "Звери" бросились искать остальных. Брата и меня нашли в постелях, а двух остальных не могли найти, т.к. они заснули где-то в кустах. На следующий день две пары братьев были отправлены в Варшаву под арест, т.к. карцеров в лагере не было. Настроение отвратительное; во-первых, "кац", во-вторых - стыдно. Стыдно друг перед другом, перед самим собой и перед всеми вообще. Стыдно смотреть в глаза окружающим и мы рады были когда, наконец, оказались в карцере. Вскоре пришел полковник Соловьевич, стал расспрашивать, как, да почему, да откуда, но видя наши душевные переживания, прекратил расспросы и ушел. Он был единственный человек, пытавшийся выяснить, как и почему мы совершили этот проступок. "Зверей", бывших в лагере, это, повидимому,

не интересовало, им было довольно, что они "накрыли" преступников. Прошло несколько дней. Молодой организм переборол и настроение начало поправляться. Первые дни мы почти не говорили друг с другом, хотя пользовались почти полной свободой, т.к. "Кулявый" -карцерный сторож Смирнов - всегда был моим "приятелем" и наши двери закрывались только тогда, когда полковник Соловьевич обходил помещения. С улучшением настроения мы стали обсуждать свое положение. Ну что же, посидим до отправки в училище (трое из нас окончили корпус, а младший Резанов, Борис, перешел в 7-й класс), а там новая страница жизни. В карцере сидеть не впервые - сидели и раньше. Так думали мы и не особенно печалились. Но не так смотрели на дело те, которые были за стенами нашего узилища. Инспектор классов генерал-майор Мартос, замещавший директора во время его лечения на Кавказских водах и посчитавший наш проступок за личную обиду и желание подвести его (?!), собрал воспитательский комитет для вынесения нам приговора. К нашему счастью, полковнику Соловьевичу и подполковнику Н.К. Гулякову удалось доказать, что такие вопросы не могут решаться в отсутствие директора, да и то только полным составом педагогического комитета, т.е. воспитательско-преподавательским, а не составленным из одних воспитателей. А приговор был: "Исключить". Правда, нас старших исключить было нельзя, т.к. мы уже закончили свое образование в корпусе и наши аттестаты были в Военных Училищах, но нас могли не допустить в училище, задержав поступление на год, а младшего Резанова исключить могли. Все это стало нам известно через "Кулявого", частенько получавшего чаевые за доставку папирос. По нашему настоянию, при помощи полковника Соловьевича, мы были выпущены из карцера с ограничением "свободы передвижения", т.е. не могли уходить в город. Наконец приехал Ваулин. Приближался решительный день. Моя единственная, случайная встреча с директором не обещала ничего хорошего. Встретив его на марше лестницы, ведущей в столовую, я стал во фронт. Не поздоровавшись, глядя на меня холодными глазами, он не сказал, а прошипел: "не ожидал, не ожидал. Все, что угодно от Вас ожидал, но этого не ожидал. Можете быть уверены, что я Вас в училище не допущу". В этот момент он показался мне похожим на шипящую змею, гипнотизирующую жертву. Что мог я ответить на ясное, категорическое заявление директора? Злость обуяла меня. Мы ведь ни разу не были опрошены; говорили только обвинители. И я, глядя ему в глаза, гаркнул: "Покорнейше благодарю Ваше Превосходительство!" Его передернуло, но он сдержался и мы разошлись. В этот вечер его приговор должен был быть утвержден педагогическим комитетом. Но решено было: двух братьев Старшкевичей, сбавив балл за поведение до 8, (а мне как-раз при окончании прибавили с 8 на 10) допустить в училище. Старшего Резанова задержать на год, а младшего исключить из корпуса. Итак, мы двое проскочили благополучно. Старший Резанов, окончивший корпус вице-унтер-офицером, решил держать экзамен в Политехникум, а вот судьба Бориса нас сильно озабочивала. После всестороннего обсуждения было решено, что Борис должен написать покаянное письмо С.Н. Лаврову и просить его помощи. Общими усилиями письмо было составлено и отправлено заказным. Сколько времени прошло с этого дня, не помню. Может быть месяц, может быть два, но однажды я получил письмо от Бориса, в котором он сообщал, что как-то встретил в городе Ваулина, последний подозвал его с кислым видом и сообщил, что получено распоряжение Великого Князя принять его обратно в 7-й класс. Что говорил "Папаша" Великому Князю осталось тайной, но результат был на лицо. Старший Резанов выдержал конкурсный экзамен и стал студентом политехником, а мы двое отправились в училище.

Нас "Киевлян" сопровождал подполковник Черников ("Косой"). С ним был не только список сопровождаемых, но и "дополнительное письмо"

директора о совершенном нами "преступлении". Это обстоятельство ... сильно смущало нас. Как к этому отнесутся в училище? Ну, да никто как Бог - решили мы. В первый же день ротный командир, Гвардии капитан Галуцинский, вызвал нас обоих из строя и заявил, что он, мол, нашей аттестации не читал и ничего о нас не знает, а от нас зависит своим поведением не принудить его к знакомству с ней. Что было написано в этом "дополнительном письме" я не знаю, но должно быть составлено было хорошо, т.к. училищное начальство уже знало нашу фамилию, ставшую своего рода знаменитой. Как пример приведу первую встречу с командиром батальона. Я был не плохой гимнаст. Особенно были недурны мои прыжки через кобылу. И вот как-то раз во время гимнастики в манеже приходит батальонный. Я делаю "свой" вертикальный прыжок. "Отлично юнкер!"- "Рад стараться Ваше Высокоблагородие!" - "Как Ваша фамилия, юнкер?" - "Юнкер Страшкевич Ваше Высокоблагородие!" - "Тот самый, который ...?" Не давая ему закончить вопроса, я отвечаю: "Так точно, тот самый..." Подобные вопросы уже бывали не раз и только один единственный мой курсовой офицер, штабс-капитан Карсницкий, узнав фамилию, улыбнулся, не сказав ничего.

Атмосфера в училище тяжелая. Всего три года назад в нем появились первые кадеты. Более половины юнкеров были со "стороны". Кадетского духа почти не чувствовалось. Нужно было его вносить и мы кадеты занялись этим весьма энергично. К сожалению, училищное начальство не понимало этого духа, того неуловимого, что было общего у кадет всех корпусов и что являлось как бы цементом, связующим кадета Хабаровца или Омца с кадетами Владикавказцами, Тифлисцами, Ташкентцами, Одесситами, Суворовцами, Полочанами, Петербуржцами и Москвичами, т.е. являлось основой единства Корпуса офицеров Русской Императорской Армии.

Описывать, как велась эта борьба, какими путями и средствами мы завоевывали позицию за позицией, не входит в мои намерения, т.к. это относится к области юнкерской жизни, но насколько упорна она была, можно судить хотя бы потому, что однажды начальник училища, Генерального Штаба генерал-лейтенант Крылов, перед выстроенным батальоном заявил: "Я из вас этот кадетский дух вышибу!" Временами очень тяжело приходилось кадетам. Мы уже были на действительной службе и рисковать возможным переводом в 3-й разряд, а то и отчислением в полк, не приходилось. И вот в разгар этой борьбы приезжает в училище Великий Князь Константин Константинович и с ним Генерал для поручений генерал-лейтенант С.Н. Лавров. Был вечер. Юнкера выстроены в ротных помещениях. Великий Князь обходит ряды. Останавливается перед некоторыми, вспоминает не только корпуса, которые окончили юнкера, но называет даже фамилии некоторых, с обычной своей обаятельностью разговаривая с ними. Степан Нилович медленно, опираясь на палку, идет за ним, обнимает и целует своих Суворовцев. На нем погоны с нашим "Сув" и у каждого из нас на душе становится как-то легче и радостнее. На следующий день Генерал для поручений изъявил желание говорить с Суворовцами. Все мы собрались в палисаднике перед зданием училища, чтобы никто не помешал нашей беседе. Начался задушевный разговор. Степан Нилович расспрашивал о нашей жизни в училище, давал советы и, надо сказать, что между бывшим директором корпуса и бывшими кадетами не чувствовалось огромного расстояния, нас разделяющего; это была беседа отца с детьми. Мы изливали перед ним всю горечь, накопившуюся в наших кадетских душах, и не преминули упомянуть угрозу начальника училища - вышибить из нас кадетский дух. "Папаша" нас понимал прекрасно. Он чувствовал наши обиды и терзания и ободрял нас. На слова же начальника училища ответил: "Держитесь, терпите и не сдавайтесь, а коли уж будет не в моготу, напишите мне".

Когда через два дня Великий Князь покидал нас, юнкера-кадеты, несмотря на строжайшее приказание начальства, пытавшегося удержать юнкеров в стенах училища, отстранив загораживавших входную дверь командира батальона и кое-кого из офицеров, бросились к автомобилю Великого Князя, вскакивая на подножки, влезая на крышу, окружая со всех сторон машину, с громким "Ура!", провожали Высокого Гостя до Никольских Ворот, где, остановив машину и еще раз попрощавшись с нами, Великий Князь приказал вернуться в училище. Толпой вернулись мы в училище, где прямо против входных дверей под стенными часами красовалась надпись: "Дисциплина прежде всего..." Взысканий мы не понесли. С этого времени кадетский дух начал открыто торжествовать и писать Степану Ниловичу не пришлось.

Прошел первый учебный год. Брат и я вели себя примерно. После экзаменов ротный командир спросил меня о среднем балле. "До 9-ти не дотянул". "Жаль, я хотел Вас назначить взводным портупей-юнкером. Подтянитесь в следующем году". Начался следующий учебный год. Я подтянулся. Ведь каждый балл отзовется на старшинстве при производстве. Раза по три в неделю ротный командир подзывал меня и спрашивал: "Какой у Вас средний балл?" - "9 с дробью" отвечал я в начале года. К середине года ответ был "10 с дробью или около 11-ти". "Замечний не было?" -"Никак нет". - "Смотрите, Вы у меня первый кандидат в портупей-юнкера". Между тем производились другие, а я все был первым кандидатом и таковым остался до производства в офицеры, имея почти 11 в среднем, при 12-ти строевых, и в течение двух лет не получив не только ни одного взыскания, но даже замечания. Вот где отразилось "дополнительное письмо" Ваулина. Правда, это ни мне, ни брату не помешало выйти куда мы хотели, но это уже не вина Ваулина. Он сделал, со своей стороны, все возможное. Старшему Резанову закрыл военную карьеру, младшему намеревался испортить всю жизнь, исключив из корпуса, и только вмешательство С.Н. Лаврова спасло его.

Невольно возникает вопрос, как поступил бы С.Н. Лавров в подобном случае? Прямого ответа нет, но стоит обратиться к нашей юбилейной "Памятке" и среди воспоминаний, помещенных в ней, найти очерк В.В. Крейтера "Революция в Суворовском Кадетском Корпусе". Там рассказан более серьезный случай и указано, как реагировал на него директор. А что ответил бы Ваулин на нашу жалобу Степану Ниловичу об угрозе вышибить из нас кадетский дух? Да повернулся ли бы у кого-либо из нас язык сказать ему это?

Июль 1954 г.
Бруклин.

Н.Н. СТРАШКЕВИЧ (4-го выпуска)

1907 - 1914 - 1920

И час настанет
Когда, оставя этот свет,
Пред Императором предстанет
Последний строй Его кадет
(Газета "Россия")

О чудной Варшавской весне я вспоминаю... Уяздовская и Бельведерская Аллеи... Багателя в розовых конских каштанах. Это все относится к старшим классам: к подготовкам к экзаменам, к близким, близким каникулам.

В этот год Варшавская весна казалась душной, пыльной, после оставленного в цвету "бабушкиного сада"... А она была как нигде

очаровательна, эта Варшавская весна!

В этот год из маленького мальчика должен стать "КАДЕТ". Огромный вестибюль полон - на 90 или 100 вакансий явилось 700 - 800 кандидатов. Приемные экзамены (их описал уже Женя фон-Поль) - я помню слабо; помню, что они происходили почти все в помещении 3-й роты и кажется отчасти в танцевальном. Помню мне понравился учитель арифметики Квасников; он как-то уютно выглядел и был вполне удовлетворен каким-то моим многомиллионным сложением. Напугал меня своей сильно рыжеватой шевелюрой батюшка Садиков... И вот из учительской спускается, опираясь на палку с резиновым наконечником, Степан Нилович Лавров - "Правитель корпуса державный"... Читается список прошедших по конкурсу - их мало; средний должен превосходить 9 1/2 баллов.

Итак я буду Суворовским кадетом - это последнее лето в детском костюмчике проходит очень быстро. В том же вестибюле, сравнительно мало папаш, больше мамаш, привезших своих мальчиков. Выходит полковник Косинский, командир 4-й роты, и по спискам вызывает нас - я попадаю в 3-е отделение. В ротном зале нас выстраивают и ведут в спальню, где около цейхгауза переодевают. Выдавая носовые платки, Косинский приказывает запомнить напечатанный на них номер. Мой № 165, это меня все время расстраивало, что я такой маленький, только три кадета ниже меня - Коля фон-Витте, Селивестров и совсем маленький Юзефович. Как я вернулся в приемную, как попрощался с мамой, не помню; но первая ночь в огромной спальне, слабо освещенной лампочками под ночными колпаками, - помните, они были такие зеленые, конусообразные. На ночь переодевались в ночные рубашки с красными воротниками... Я закрылся с головой одеялом, уткнулся в подушку и безнадежно заплакал. Такая большая спальня, а я один, я не дома, нет ни бабушки, ни собаки Жука, ни собаки Волчка, и из папиного кабинета не светит в мою спаленку уютная лампа его письменного стола... Произошло что-то большое в жизни... Утром невероятный грохот: барабанщик марширует вдоль всей спальни... Одеваться! Вдоль спальни прохаживается дежурный воспитатель капитан Янушевский с выразительно татарской физиономией.

Первый мой воспитатель был подполковник Григорьев; через месяц вместо него появился круглый, толстый, всегда с великолепно выбритыми жирными щечками, Гвардии капитан Болдескул со значком Юридической академии - Волынец. Это очень разнообразило однотонную картину корпуса - новые воспитатели, по несколько лет сохранявшие форму своих полков. Помню в нашем классе, кроме милого, всеми любимого Болдескула, был еще красочно выглядевший в черкеске эсаул Черников. В 11 году появился Ямбургский улан штабс-ротмистр Калачев, Гвардеец-Литовец Станиславский; последний заставлял нас зазубривать от "сюда" до "сюда" дословно тексты законоведения.

Многое исчезло из памяти... В первом классе помню невзрачного учителя чистописания и рисования Михайлова, в очень потертом сюртуке; должно быть чистописание приносило мало! Со второго класса был наш милый Лев Андреевич Гейне: "Ближайший угол!... Наклоны!..." Уроки в рисовальном классе в конце 3-й роты были поистине отдыхом для всех нас. Лева не был требовательным ни к своим способным, ни к неспособным ученикам - но и тех и других увлекал, когда посвящал час истории искусства; как живо на черной доске рисовал он египетские храмы, ионические и коринфские капитоли, Пантеон и Храм Св. Петра.

Огромный белый зал - с одной стороны бюст Суворова - подарок Великого Князя Константина Константиновича - с другой, портрет Государя в форме Улан Его Величества.

Не входит, а влетает в великолепно сшитом сюртуке Словацкий, "Грудь колесом! Смотри орлом! Начинаем! Первая позиция!" и так шесть лет подряд. Должно быть поэтому, очень любя смотреть наши прекрасные балы, я сам не переваривал танцевать.

С 1908 года было много перемен. Ушел Лавров, ушел инспектор классов Желтиков. Появился Ваулин и толстый Партос - последний не надолго. Случилась огромная "Панама". Каждую весну при корпусе производился экзамен экстернов для получения аттестата средне-учебного заведения. В 1910 году каким-то образом было открыто, что экзаменаторы за известную мзду пропускали малоуспешных. Генерал Партос был переведен в какой-то дальний корпус. Исчезли красочные фигуры из преподавательского состава: не стало француза Броншена и "тамбур-мажора" француза Брюера. Исчезли два преподавателя математики - капитаны Грамматикати и Адамович, учитель русского языка Линчевский... Перемены были более чем благоприятны. К лучшей части старого состава, как наш элегантный физик Трусевич, прибавились новые: химик Павленко, преподаватель теории словесности и истории литературы Владимир Петрович Бабенчиков, с лысым черепом и бородкой - он научил нас любить родной язык и литературу. В нем было внутреннее сходство с Гейне - он умел заинтересовать самых равнодушных из нас. "Французом" вместо Брюера оказался пехотный капитан Москалев с чрезвычайно бледным, изможденным лицом. Каждую фразу Москалев начинал словами - "Батенька вы мой..."

Новым "немцем" был 3-го Обозного батальона капитан Кориус, замечательный тем, что плохо говорил по-русски. На балах он появлялся с очень красивой женой и с целым выводком детей. Самая маленькая в то время, чуть ли не пятилетняя крошка, с огромным розовым бантом на белокурой головке, появилась на нашем последнем балу в 1913 году. Часто на уроках Кориус рассказывал, в какой дисциплине он держит детей - "Колька! здорово и крепко играйт на скрипка..." Из этого Кольки вышел известный впоследствии в Германии скрипач, а наша самая "маленькая дама" на кадетском балу 1913 года стала первоклассной артисткой и Холливудской звездой.

Хочется вспомнить Отца Григория Модзалевского; не всегда он был так мил и добр. Помню в 6-м классе я сидел на последней парте; впрочем, я во всех классах предпочитал это место на "галерке" с расчетом, что интересное объяснение учителя и оттуда услышу, а объяснение теоремы Петей Сорокиным я лучше прочту на вечерних занятиях по геометрии Киселева; время же урока с пользой могу употребить для занятий "своим делом".

В 6-м классе Батя читал Катехизис и хорошо - приходилось немного слушать, чтобы потом не зубрить по книжке. Я немножко слушал, а перед носом лежали раскрытые "Афоризмы и максимы мысли" Шопенгауера. Батя рассказывает о гордости и уверяет, что это смертный грех и порок; я поднимаю лапу... "Что?" - "Батюшка, нельзя ли считать, что гордость, как сознание собственного достоинства, является добродетелью; под Ваше определение более подходит самомнение, как сознание мнимых достоинств".

Что случилось с Батюшкой! Он побагровел, вытаращил на меня глаза: "Садитесь!" и больше ни слова. На большой перемене меня вызвал директор. "Этого мне довольно! Распускать мне здесь революционные идеи!" - "Ваше Превосходительство, это не революционные идеи, а лишь суждение из разрешенной воспитателем для чтения книги. Я думал, что батюшка легко мог мне объяснить ошибочность такого суждения". "Не возражайте, это возмутительно. Если Вы не хотите вылететь из корпуса, то убирайтесь сейчас-же домой, как каждый год! Революцию здесь разводить!"

Милый Ваулин, впоследствии Генерал-инспектор артиллерии Красной Армии - Ты ли мне говорил о революции?

Но совет был не плох; я действительно с 4-го класса каждый год после 1-го октября - парада, бала, так начинал скучать к ноябрю, что проделывал регулярно одну и ту же штуку - отправлялся в лазарет

к доктору Казаринову и он меня отправлял домой для "поправления здоровья". Первые годы это было нужно, я действительно часто болел, а потом вошло в привычку.

Я не терял времени на танцы со Словацким, на занятия фронтом, зная, что "у нас" не будут ездить вздвоенными рядами, а с права по три. А танцевать на балах! Можно так же уютно провести время около буфета в будущей полковой жизни.

Суворовцы и Кавалерия. Почему наш корпус давал наибольший процент кавалеристов? В Лейб-Гвардии Волынском полку было 18 Суворовцев, в 4-м уланском Харьковском - 13. Принимая во внимание двойной состав пехотного полка, нас - в кавалерийском - было больше четверти состава полка. В моем выпуске вышло: в Николаевское Кавалерийское Училище - 3, в Елизаветградское - 8 и в Тверское - 5. На выпуск из двух отделении, около 66 человек, - 16 кавалеристов. Право наш корпус можно считать кавалерийским! Когда я приехал в Харьковский уланский полк, то в одном только моем 2-м эскадроне было пять офицеров Суворовцев: Леонид Терпиловский 5 выпуска, Можаровский 2-й, Н. Пашкин 8 выпуска, Черников 2-й и я Ваш покорный слуга. Это было поистине Суворовское засилье.

Чему это приписать? Начальство кавалеристов не любило. Перед выпуском позвал меня инспектор генерал-майор Носов: "Скажите, почему Вы не записались в артиллерийское училище?" - "Ваше Превосходительство, у меня средний по математике хромает", ответил я в надежде, что у инспектора нет под рукой классного журнала. "Пустяки - прибавим, а почему записали Вы в обратном порядке, сначала Елизаветградское, потом Николаевское?" Чтобы отделаться, ответил "Это желание папы". Носов махнул рукой.

В чем же было дело? Я думал портреты: Государь в Лейб-уланской форме, Он же - в Лейб-гусарской в столовой. Нет, главное влияние имела Варшавская весна, Лязговская аллея и 1-ое Октября... Целыми днями подготовки к экзаменам мы лежали на широких подоконниках и глядели, как шли на Мокотовское поле или оттуда Уланы Его Величества, Гродненские гусары. А наши балы, где кроме форм семи кавалерийских дивизий, стоявших в Царстве Польском, мелькали заезжие - зеленые доломаны Иркутских гусар, голубые Белоруссцы, коричневые Ахтырцы, а подчас и траурный доломан Суворовца-Александрийца из далекой Самары.

1-го октября не было бала, чтобы под стеной не стоял с закрученными усами голубой Гарвский гусар Реут, не был бы фон-Дрейер с целым выводком Волынцев, не присутствовали бы синие Клястицы, желтые Харьковцы... Все это так красиво переплеталось с бальными туалетами дам.

А наши дамы, или вернее корпусные барышни. Выпуск за выпуском, от 1-го до 7-го класса, считал своим как-бы долгом быть влюбленными в одних и тех же барышень. Первое, самое почетное место занимали сестры Вава и Катя Косинские. Вава пользовалась наибольшим успехом и в конце концов вышла замуж за Суворовца - Кекгольмца. Младшие кадеты рассказывали, что Катя в Москве вышла за "советского банкира" (бывают и такие) и очень помогала нашим кадетам. Сестры Ваулины почему-то такой популярностью не пользовались, хотя будущий Владимирский улан Левиус выскочил из окна библиотеки на плац. Вреда себе не причинил, но доставил много неприятностей директору корпуса. Кто не помнит хорошенькую Перекрестову, племянницу подполковника Отоцкого? А разве была не мила Подзалевская, дочь батюшки - она была какая то особенно тихонькая... Если от девочек перейти к дамам, то придется вспомнить, сколько усилий употребляли наши воспитатели для развития индивидуальных дарований в области искусства. Почти традиционно каждый год ставился "Измаил". Костюмы привозились из Правительственного театра; роли распределялись довольно оригинально: если в 4-м выпуске Суворова играл Ольшевский 1-й, то в 9-м выпуске ту же роль

играл Ольшевский 2-й. Дамские роли из года в год исполняли все те же: Мамаша Косинская (как теперь говорят стиль "вамп") была "генеральшей Девет", а "Ольгу" играла Теплова. Режисеры были. Особенно талантлив в этой области был толщенный командир 3-й роты полковник Бенедиктов; в нескольких офицерских спектаклях он был удивительно хорош - заправский актер. Помню чудно сыгранную "Женитьбу Бальзаминова", "Генеральшу Матрену". Как исключение из "Измаильской традиции" 5-й выпуск поставил "Горе от ума". Там был великолепный Чацкий - Михайлов, обладавший большим дарованием как декламатор.

Ежегодные концерты тоже способствовали занятию искусством. Помню в свое последнее посещение корпуса в 1913 году Великий Князь Константин Константинович (проезжая в Египет со Своим сыном лейб-гусаром) во время концерта целый час не отпускал от рояля Косенко (9-го выпуска) и подарил ему Свои золотые часы. Где этот в высшей степени талантливый музыкант, умудрившийся окончить Варшавскую консерваторию раньше кадетского корпуса? Или как из всех "вундеркиндов" из него в дальнейшем ничего не вышло?

Разсеивались и исчезали Суворовцы.

Тихая вечерня в слабо освещенной церкви, сумрачно смотрят старинные иконы Суворовского иконостаса под зеркальным стеклом; из запрестольного образа Вознесения льется угасающий свет Варшавского весеннего вечера. Спокойно и просто служит Отец Григорий - ему прислуживают три кадета: Н. Кашкин (8-го вып.), Н. Фаянницкий (9-го вып.) и Н. Александрович (10-го вып.). Все три глубоко религиозны. Правда, Кашкин пишет стихи сатиристического содержания на наших менторов, но за то выразительно читает Апостола. Тихий милый Илюша Фаянницкий, любимец Левы Гейне, способный художник, гибнет где-то на Западном фронте в рядах Лейб-Гвардии Кексгольмского полка... Кашкин, в Великую войну, наш застольный поэт Харьковских улан; последний раз в Белой Армии с ним вместе мы посетили в Новороссийске Леву Гейне и провели милый вечер в его семье. Из Кашкина тоже не вышел ни Пушкин, ни Давыдов... где-то в эмиграции. А третий из них, племянник нашего воспитателя офицера Лейб-Гвардии Литовского полка, Н. Александрович - командир красного батальона в Москве. Впоследствии расстрелян где-то на Украине не то нами, не то петлюровцами. Я привел этот пример, как в одном нашем Суворовском гнезде различно воспринималась наша Суворовская традиция: или по Еременке - "а вид у Тебя должен быть строевой", или глубоко-внутренне... Нет, больше нас воспитали огромные картины Коцебу в каждой роте, библиотека, где было все, что только написано о Суворове, дух которого больше царил между кадетами, чем между воспитателями.

В 1917 году я с фронта в отпуску в Москве. Поехал в Сокольники, в корпус. Меня обступили младшие товарищи. Боже, как были они огорчены, опечалены мальчики. "Пятибоков, знаешь, Словацкий и Бабенчиков теперь отделенные офицеры-воспитатели." Огорчались мальчики. Ах, родные мои!

Из окон 3-й и 8-й рот каждое утро, весной и осенью, можно было видеть идущего в лазенки моложавого генерала, с лихими усами и волочащейся саблей, в форме Офицерской кавалерийской школы - это был помощник Командующего Войсками, недоброй памяти ... Генерал Брусилов! Чему удивляться?!

x x

x

Братья, все в одно моленье
Души русские сольем!
Ныне день поминовенья
Павших в поле боевом...

29 августа в день Усекновения Главы Иоанна Предтечи третьего урока не было. Панихида по павшим на поле брани.

Из церкви, как всегда, одна за другой, начиная с 4-й, роты поднимаются в столовую. Под портретом Государя, в алом доломане с белым ментиком, становятся певчие.

Но не вздохами печали
Память павших мы почтим,
На нетленные скрижали
Имена их начертим.
Вот каким дееписаньем
Царь Отец наш повелел
Сохранять воспоминанье
Наших славных, ратных дел...

Корпус в развалинах... Так и не пришлось видеть мраморных досок для наших Георгиевских кавалеров... А было бы еще больше - черных, траурных.

Кубанские степи и наши Суворовцы! Вот нашего 3-го эскадрона 2-го Конного полка - зарывается вперед, преследуя красных, и гибнет или зарубленный Малороссийский драгун Михайловский. В 1908 году, когда первый раз на параде 1-го октября, в яркий солнечный день, на левом фланге 4-й роты пристраивались первые Суворовцы офицеры, мы любовались элегантным колетом с светло-зеленой золотом шитой лентой и белым плюмажем Михайловского. Убит командир того же эскадрона, желтый Кинбурнский драгун, Сыкалов (2-го выпуска). В том же Офицерском эскадроне убит 8-го выпуска Нежинский гусар Подушкин. После Дроздовского похода я ехал из Ростова в Новочеркаск. В том же поезде везли вагон, захваченный 2-м Конным полком у большевиков. Трофеи были первоклассные: коньяк, французские ликеры. Мы уютно расположились в отдельном купе... Выхожу в корридор и упираюсь носом в среднюю пуговицу шинели и сверху слышу мою фамилию. Медленно проделываю дорогу по пуговицам и добираюсь до гвардейских артиллерийских петличек - это наш вице-фельдфебель 10-го выпуска барон Л. Боде. От него узнаю печальную весть. Все последние Варшавские выпуски помнят представительную фигуру командира Лейб-Гвардии Петербургского полка генерал-майора барона Боде, с красивыми подусниками; и кто не помнит двух хорошеньких сестер Боде Веру и Софью Николаевен? Узнаю, что Софья Николаевна была зарублена красными в 1-м Конном полку в чине корнета. Как-то не вязалось это с воспоминанием нашего последнего Варшавского бала, белого бального платья...

Кубанский поход - сколько их пало, сколько без вести пропавших, замученных в первые годы революции... имена Ты их Господи веси!

x x
x

Сентябрь проходил быстро и наступало наше 1-ое октября. Предварительно парады репетировались в "Белом зале"; - занятие, приносящее заботу ламповщику, т.к. штыками 1-й роты всегда разбивались лампы при входе. День 1-го октября был всегда солнечный, радостный. Во всей моей жизни, в корпусе ли, во Франции или в Германии, я никогда не помню плохой погоды в этот день. Еще перед церковной службой собираются в полной парадной форме все офицеры - наши кадеты, не только гарнизона Варшавы, но и ближайших городов. Из Ново Минска - Владимирские уланы, из Седлица - голубые Нарвские гусары, из Влоцлавска - Украинские гусары... После службы - парад. Последний парад принимал

уже не Генерал-Адъютант Скалон, скончавшийся весной 1913 года, а исполнявший его должность Генерал от Кавалерии барон Рауш-фон-Траубенберг, в белом колете кирасир Ее Величества. Он был разительно похож на Государя.

После парада - обед: из года в год давалось вместо кваса стакан меду и традиционно к бульону великолепная кулебяка. Утомительно было только то, что за обедом говорилось слишком много речей.

Вечером бал... Формы были бальные: вице-мундиры, лентики в рукава Гродненских гусар, уланки с бархатными воротниками Улан Его Величества. В этом отношении наш второй бал 6-го декабря в день Тезоименитства Государя - полная парадная форма.

Я никогда не был танцором (лишь по обязанности), но любил издали наблюдать наши балы. Балов в институте тоже не посещал, знакомых там у меня не было. Как-то вечером зимой попался. В отпуск почему-то не пошел; после вечерни спускаюсь по лестнице; между входом в 1-ую и 3-ю роты стоит командир 1-й роты полковник Еременко. "Э... э... Ты... брат... одевай сейчас мундир, поедешь на бал в пансион Анастасии Николаевны". - "Господин Полковник, разрешите не ехать, я же не танцор". - "Ты, ты брат не рассуждай, и вид у Тебя должен быть строевой, и марш одеваться и ехать танцевать". На этот раз я не пожалел. Прием был очень радушный; у входа нас встретил и приветствовал тот же барон Траубенберг. Воспитанницы только дочери офицеров; где они, все эти милые девочки? Все, должно быть, разделили нашу участь Революции и Изгнания...

x x
x

Изгнание... Последняя ночь в Севастополе. Я едва добираюсь до Корабельной бухты; перед последним пришвартованным "Херсоном" Дроздовцы сбрасывают со сходней офицеров других частей. Надо проскользнуть на корабль. Идет Дроздовская артиллерийская часть, уже последняя, я вливаюсь в ряды, но едва попав на палубу, слышу крик: "Это не наш!" и меня хотят выкинуть вон. Употребляю редко произносимое, крепкое ругательство и "Я 3-го Конного полка!" - "Веди его в конный полк для удостоверения личности". Меня тащат в трюм. К счастью, с первой же нары кричит радостно Орденский драгун Поспелов "А! П. ну и Ты, слава Богу!" И опять Варшава и корпус. Попадаю в объятия конного артиллериста Заткалика, еще двух Суворовцев - между ними, инженерных войск, наш младший Тер-Саркисов (их было два брата у нас). Еще в Варшаве на балы приводила свою дочь Маргариту высокая, явно кавказского типа, жена полковника Саркисова. Во время Добровольческой Армии я посещал Бердянск и часто бывал в их семье. Маргарита Михайловна всегда, встречая меня, говорила, что моя желтая фуражка вызывает в ней ностальгию по ... Варшаве. Отец был назначен в Мелитополь воинским начальником в 1919 году; там за два месяца до эвакуации я посетил их.

"Херсон" отчаливает... Я выхожу на палубу, чтобы в темноте еще раз вблизи увидеть родную землю. Стою около снятых сходен. Пароход плавно отходил от берега.

"Эскадре идти на Босфор!" - прозвучали последние слова генерала барона Врангель... В темноте ночи, в удалающемся от нас Севастополе, то там, то здесь вспыхивали пожары - в город входили "красные".

А.И. ПЯТИБОКОВ (10 выпуска).

ПУГОВИЦА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Это был последний год пребывания наших трех первых классов Суворовского кадетского корпуса в Варшавской крепости. Новое здание на Бельведерской аллее было уже готово и весной 1903 года мы ожидали размещения на новых квартирах. Цитадель с ее монотонной, повседневной службой и однообразным видом, стала надоедать и всем хотелось быть ближе к центру, ближе к жизни, а пока-что тянулась ежедневная лямка. Утром прогулки вдоль крепостных валов, гимнастика, игры на плацу и тоскливое сидение на уроках. Оживило настроение известие о приезде в корпус Великого Князя Константина Константиновича. Это было большой радостью, а кроме того и сопровождалось трехдневным отпуском. "Сегодня будем сниматься в группе с Его Императорским Высочеством" - объявил командир роты. Стройными рядами мы вышли из здания корпуса, повернули направо мимо гарнизонной гауптвахты, затем налево мимо местного лазарета, и подошли к крепостному валу. Был теплый день чудной варшавской осени. На склоне вала, обращенного к памятнику погибших во время польского восстания, разместились, стоя, все три класса, а внизу начальство и преподаватели. В центре Великий Князь, державший на руках самого маленького кадета Гулякова, сына воспитателя. Страшных размеров, допотопной формы, фотографический аппарат занял позицию, нацелившись на нас, как крепостное орудие. Наш придворный фотограф подполковник Варшавской крепостной артиллерии Редер, проделав полагающиеся при этом фотографические упражнения, щелкнул и увековечил группу корпуса. Думаю, что кадеты старших классов еще живо вспоминают этот первый снимок с Великим Князем.

Возвращались с вала группами. Великий Князь шел впереди, разговаривая с кадетами. Случайно остановились у местного лазарета на аллее, обсаженной каштанами. Великий Князь был в прекрасном настроении и шутил с кадетами. Вдруг лицо его нахмурилось, резко повернувшись кругом, он схватил одного из кадет, в руках которого блестела пуговица, вырезанная перочинным ножом с сюртука Великого Князя. Операция по удалению пуговицы была произведена весьма неудачно, вместе с мясом, т.е. с куском сукна. Дерзким оператором был кадет Кошелев, вообще отличавшийся скверным поведением; впоследствии он был переведен в Вольскую Школу.

Эпизод с пуговицей произвел удручающее впечатление на директора, воспитателей и кадет, бывших свидетелями жестокой операции с сюртуком Великого Князя. Его Императорское Высочество всегда отличался большим хладнокровием, всегда очаровывал нас и приводил в восторг своей лаской и добротой сердца. Но всему есть предел; лицо Великого Князя побагровело и глаза наполнились гневом. Все пропало, так казалось в тот момент. Но Великий Князь не судил кадет по поступку пакостника. Прошел час, другой и наше горе сменилось радостью; мы получили и ожидаемый трехдневный отпуск.

Э.П. СУРАЖЕВСКИЙ (1-го вып.)

х х
х

"Пуговица Великого Князя", по-моему, не закончена, т.к. в это первое посещение корпуса Великим Князем произошло еще два события.

Его Императорское Высочество обедал в общей столовой с кадетами, сидя за крайним столом с левой стороны. Не успел он съесть обед, как обе тарелки были схвачены близ сидящими кадетами, разбиты, и осколки расхватаны на память. То же произошло с салфеткой, разорванной на куски. Нож, вилка и ложка также исчезли. Хватая осколок тарелки, кто-то из кадет порезал руку и Великий Князь, вынув носовой платок, вытер руку, после чего и платок был растерзан.

Второй случай произошел при отъезде Великого Князя. На его шинели не оказалось ни одной пуговицы. Правда, операция была произведена "пластическая". Великий Князь сердился, но сердился не серьезно, т.к. видел, что все это -следствие восторженной любви к нему. Все же, он обратился к окружавшим его кадетам и недовольным тоном сказал, что если ему будут портить одежду и бить приборы, он больше никогда не приедет в корпус. Общим воплем ему было обещано впредь этого не делать и данное слово было сдержано. При последующих посещениях Его Императорского Высочества ни одна пуговица не была срезана. Сами кадеты следили за этим. Взамен Великий Князь давал нам на память автографы, ставя свое характерное "К".

После второго посещения корпуса Великим Князем сохранился весь прибор, который был помещен в специальную застекленную витрину, висевшую в столовой.

Провожали мы Великого Князя несмолкаемым "Ура", вылетавшим из полутороста кадетских глоток. Бежали, окружая экипаж, до самых крепостных ворот и только здесь, после неоднократных приказов "зверей" и повторенной угрозы Великого Князя - больше не приехать,- кадеты повернули назад.

Но самое веселое произошло после возвращения кадет из трехдневного отпуска. Выходило так, что на шинели Великого Князя было несколько десятков пуговиц, т.к. многие из отпускных принесли с собою "Пуговицу Великого Князя".

Н. СТРАШКЕВИЧ (4-го вып.)

Примѣчаніе к очерку Н.Н.Страшкевича "НА РУБЕЖѢ" /к стр.13/.
В очеркѣ упомянуто прозвище сторожа у карцеров "Кулявый". Когда и почему появилась и привилась эта кличка - я не знаю. Старшіе выпуски помнят "ГЕФЕСТА" - Смирнова, названнаго так в "честь" одного из мифологическихъ сторожей подземнаго царства, который также был хромым. Во всяком случаѣ, IУ выпуск знает и помнит "Гефеста". Это подтверждает сам Н.Н.Страшкевич и упоминает, что написал "Кулявый" для того, чтобы младшіе выпуски знали о ком идет рѣчь.

А.Потапов.

ИЗ "ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ".
Из письма Якова Федоровича СУББОТИНА /Ливан/.
"Бывшій командир нашей I-ой роты А.О.Соловьевич, уже в отставкѣ, в чинѣ генерал-майора, проживал в Петербургѣ. Нѣсколько раз в год, как там, так и в Красном Селѣ, он посѣщал всѣ училища, гдѣ были Суворовцы. Вызывали нас всѣх на пріем и он, наш милый "ЧЕРНОМОР", с чисто отеческой заботой, распрашивал каждаго об успѣхах, давал наставленія и совѣты - как вести себя, куда лучше брать вакансію и т.д. Есть ли теперь такіе воспитатели, что и за стѣнами школы пеклись бы о своих бывших питомцах. Помню, когда наш "Черномор" уходил в отставку, то мы преподнесли ему икону Покрова и бювар с серебряной доской, на которой был выгравирован адрес и всѣ наши подписи. Он был настолько тронут нашим вниманіем, что даже прослезился. Преподносил всѣ наши дары вице-фельдфебель Тупица. Это было в 1912 году".

От Н.Н.Страшкевича получено стихотвореніе, присланное ему Э.Н. Суражевским:

Ряды Суворовцев рѣдѣют,
Немного нас еще в живых,
И мы за Родину болѣя,
Зовем на смѣну молодых.

Быть может скоро нас не будет,
Но мы оставим наш завѣт
И поколѣнье не забудет
Лихих Суворовских кадет.

Янв.1955. Э.Суражевскій.

Из письма Петра Александровича СОРОКИНА, б.преподавателя математики Суворовскаго Кадетскаго Корпуса, "сейчас нашел мое стихотвореніе:

На широком небосводѣ,
На той сферѣ голубой,
И моя звѣзда сіяет
Над моею головой.
Я смотрю на свод пытливо:
Гдѣ ты, звѣздочка моя?
Что ты прячешься стыдливо,
Тайны Божія храня.
Если б мог я по примѣтѣ
Вдруг тебя, мой свѣт, узнать,
Я спросил бы: долго ль в свѣтѣ
Нам с тобою вѣковать?

Долго ль быть мнѣ на чужбинѣ?
Возвращусь ли в край родной,
Или, гдѣ страдаю нынѣ,
Тут и прах оставлю свой?
Но хотѣл, хотѣл бы страстно,
Пѣснь послѣднюю пропѣть
Я в моей странѣ прекрасной,
Гдѣ родился, умереть.
Гдѣ Самара в Днѣпр впадает,
Волчья рѣченька течет,
Предков прах там почивает
И меня туда влечет.

Петр Александрович вспоминает, что в газетѣ "Варшавскій Дневник" было помѣщено его стихотвореніе "Первый выпуск!" Буду просить Петра Александровича возобновить его в памяти и буду надѣяться получить это стихотвореніе ко времени выпуска слѣдующаго сборника.

---oooOooo---

К списку Георгіевских Кавалеров на страницѣ 29: -
КОЧЕРГА Георгій /XIII вып./ Георгіевскій крест IУ ст.
ШУЛЯКОВСКІЙ Георгій /XIII вып./ Георгіевскій крест IУ ст. и Георгіевская медаль IУ ст.

---oooOooo---

ДОПОЛНЕНІЕ К СПИСКУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБъЕДИНЕНІЯ СУВОРОВЦЕВ, ПОМѢЩЕННОМУ В СБОРНИКѢ № I.

На Германію и Австрію
Петр Николаевич МАНЮКИН /5-го вып./

MR. P. N. MANJUKIN
23 LANGENDAMM uber VAREL i.O.
GERMANY

На Канаду
Михаил Александрович МЕДЕР /XIII вып./

MR. M. A. MEDER
120 SHERBROOKE STR. W. APT. 33
MONTREAL P.Q., CANADA

Измѣненіе адреса представителя на Аргентину:
Владимира Маріевича ІОГАНСЕН

SR. V. M. IOGANSEN
CORREO CENTRAL, CASILLA 941
BUENOS AIRES, ARGENTINA

---oooOooo---

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ, ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ, ИЛИ ВИТТЕ ВСѢ СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ! А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ.

ПОПЫТКА ОСВОБОЖДЕНІЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ /ДЕКАБРЬ 1917 - ФЕВРАЛЬ 1918 Г./

К.СОКОЛОВ.

/Окончаніе./

Утром нас ждал пріятный сюрприз: милиціонер принес предписаніе покинуть Тобольск в 24 часа. Срок для наших сборов был слишком велик и мы сказали, что сейчас же пойдем за лошадьми. Милиціонер обѣщал к 12 часам доставить наши документы.

Заказали к 12-ти тройку, сложились и ждали. Второй сюрприз был менѣе пріятен: вмѣсто милиціонера, явились в нашу квартиру до 20 солдат, охраны Государя, с офицером и со знакомым, по первому аресту, членом слѣдственной комиссіи. На этот раз предъявили ордер С.Р.С.Д. на обыск и, в случаѣ надобности, арест. Ордер предвѣщал мало хорошаго. Начали с обыска; вытрясли вещи, перетрясли соломенные маты, заглянули в печку - ничего. Офицер приступил к допросу. Кто мы? Какого полка? Кто был начальник во время войны? Гдѣ были на фронтѣ? Гдѣ теперь стоит полк? Счастливая мысль - поѣхать под своими фамиліями и документами своего полка - давала нам возможность отвѣчать без запинки. Это видно было не по душѣ допрашивающему офицеру. Он сказал,что все же хочет быть увѣренным в подлинности наших документов и предлагает нам составить телеграмму в полк, с просьбой потвердить документы, и отослать ее через С.Р.С.Д. Такого хода мы не ожидали и растерялись. На телеграмму, посылаемую в полк, из котораго мы всѣ бѣжали, утѣшительнаго отвѣта ждать не приходилось. Наше замѣшательство не прошло незамѣченным и, хотя мы спохватившись согласились послать телеграмму, попросив дать нам время на обдумываніе ея, офицер объявил нас арестованными, пока на дому. Оставив пять милиціонеров, всѣ ушли, а мы рѣшив - будь что будет - составили телеграмму и послали ее в совѣт. Вечером же нам принесли квитанцію.

Во время обыска, мы услышали звон бубенчиков, заказанной тройки, но не радостным был он для нас. Из разговора с нашими тѣлохранителями узнали, что утром, еще до нашего обыска, Р-ских выслали. Отдѣлались дешево.

Утром слѣдующаго дня нас перевели в участок №2 на улицѣ "Декабристов." Здѣсь мы устроились с комфортом. Всего камер было три. Первая, для пьяных, темная и холодная; средняя, с печкой и электричеством,и третья - хоть и теплая, но без свѣта. Мы заняли среднюю. Холодная наполнялась, обыкновенно, по праздникам. Правая камера, почти ежедневно, мѣняла своих обитателей; многіе из них, по их словам,сидѣли ни за что, вродѣ одного, который "только татарина прирѣзал."

Заплатив старшему милиціонеру, жившему с семьей при участкѣ, 25 рублей, мы пользовались, два раза в день, его самоваром; он же ходил, в ближайшую харчевню, за обѣдом. Разрѣшены были книги, газеты. В общем, если не "как дома," то сносно.

Из газет узнали о взятіи Двинска, причем нѣмцы обошли его с сѣвера /т.е.возможно на участкѣ, или вблизи, нашего полка, что должно было вызвать в нем панику/ Эти новости были нам на руку. Было много вѣроятія, что телеграмма не дойдет по адресу. Из газет же узнали,что в Тюмень прибыл карательный отряд, для углубленія революціи, и что он расправляется как с "буржуями" так и с меньшевиками. "Извѣстія Тобольскаго С.Р.С.Д." были полны статьями возмущенія и протеста против дѣйствій карательнаго отряда.

Просидѣв недѣлю, мы вызвали члена слѣдственной комиссіи и указали ему на возможный разгром полка, вслѣдствіе чего телеграмма может не дойти, и предлжили послать новую в штаб дивизіи. Дѣлали это потому, что телеграмма, адресованная на штаб, а не на комитет, попадет в руки офицеров и тѣ дадут благопріятный отвѣт.

Потребовали разрѣшеніе на прогулки и, попутно, возмущались нашим

арестом без опредѣленной вины. В особенности насѣдал Моравскій,с огромной,отросшей рыжей бородой, он внушал, застѣнчивому нашему слѣдователю, большое уваженіе. Моравскій требовал суда и даже самосуда, к которому мы де привыкли за время свобод. Бѣдный слѣдователь успокаивал его, говоря, что он не большевик и самосуда не допустит, исполнил всѣ наши требованія и даже от себя разрѣшил ходить с конвоем в баню. Прогулки по двору участка и в баню, через весь город, разнообразили монотонную жизнь. В одну из таких прогулок по городу, я встрѣтился с генералом Татищевым /состоящем при Государѣ/ также с конвойным. Генерала Татищева я встрѣчал еще в 1915 г. в штабѣ 5-й арміи в Двинскѣ. Узнал ли он меня или нѣт - не знаю, но мы обмѣнялись взглядами.

Нас часто посѣщали солдаты из "Союза фронтовиков," выражали свое сочувствіе по поводу ареста и обѣщали, в недолгом времени, освободить. Разсказали они, что вернувшіеся члены Учредительнаго Собранія, от Тобольска,устроили доклад-митинг. Присутствовавшіе вынесли резолюцію протеста против дѣйствій большевиков. Фронтовики, считая нас своими, сожалѣли,что нас не было,т.к. никто из них не умѣет говорить и, несмотря на их старанія, они успѣха не имѣли. Фронтовики натолкнули нас на новую мысль для осуществленія нашего плана,т.е. устроить большевицкій переворот в Тобольскѣ и стать во главѣ его. Удастся это,тогда всѣ препятствія будут устранены. Из гардемаринов можно создать красную гвардію, или армію, как ее там назвать. Лошадей, оружіе,деньги, все можно достать законным путем, и уж не просьбами, а требованіями. Тогда уже легко повести борьбу с отрядом охраны, замѣщая его своими людьми. Шансов на успѣх было много. По жел.дорогѣ большевики всюду захватили власть. Мѣстные совѣты, не большевицкіе, очень робки. Если из Москвы прибудут наши, то стать во главѣ не трудно, а фронтовики считали нас лучшими друзьями. В связи с нашими планами, мы и повели разговоры с фронтовиками и пожарными,во время прогулок по двору участка. В такой дѣятельности протекал уже почти мѣсяц. Можно предполагать, что наши разговоры стали извѣстны С.Р.С.Д. и они не знали кого видѣть в нас, монархистов или большевиков. А отвѣтной телеграммы, ни на первую ни на вторую, все не было.

Наконец появился наш слѣдователь и поздравил нас со свободой,т.е. высылкой. Отъѣзд должен был состояться на другой день, пока же мы оставались в участкѣ и ходили по городу с конвоем. В городѣ, повидимому, знали о нашем арестѣ и нашем освобожденіи,т.к. мы встрѣчали много сочувственных взглядов, главным образом со стороны молодежи. Так как въѣзд в Москву был возможен только по разрѣшеніям совѣтов,то мы потребовали таковыя. Требованіе было исполнено и мы провели послѣднюю ночь в участкѣ. Рано утром мы уѣхали из Тобольска, оставив там свои надежды.

Часов в II утра слѣдующаго дня, мы подъѣзжали к станціи Тюмень. Стоял поѣзд - о радость - прямо на Москву! Купив, при помощи разрѣшенія Тобольскаго Совѣта, билеты, наполнив чайник кипятком, запасшись огромной связкой баранок, мы, продрогшіе,сидя в вагонѣ, ждали отхода поѣзда. В вагон вошли, обвѣшанные оружіем, матросы и приказали нам слѣдовать за собой. Нас привели к поѣзду, стоявшему на запасных путях. Ввели в салон-вагон - штаб отряда. Отряд назывался - I-й Сѣверо-карательный - и состоял из матросов броненосца "Гангут." Почти мѣсяц отряд насаждал совѣтскую власть в Тюмени, Омскѣ и воевал против Дутова у Троицка. Раздѣли до гола, обыскали, отобрали деньги, очень кратко допросили и сказали, что участь наша рѣшится с приходом комиссара,часа через два. По тону и обращенію, атмосфера была совсѣм иная,чѣм в Тобольскѣ; уж по одному тому как было сказано: "а! офицеры," было видно, что этой вины достаточно. Да и новыя для нас выраженія, вродѣ "к стѣнкѣ," не предвѣщали хорошаго. Отозвалось это и на настроеніи моих дру-

зей. Моравскій угрюмо молчал,смотря в пол. Головин, сильно контуженный в голову на войнѣ, нервничал, лицо его передергивало. Надо выворачиваться, думал я. Собрав все спокойствіе, я завел разговор с матросами. Начали с разговоров о созданіи красной арміи. Когда мнѣ отвѣтили, что она успѣшно растет, я пустился в критику. Говорил,что из нея ничего не выйдет в виду того, что пріем туда офицеров затруднен, т.к. надо получить аттестацію комитета прежняго полка. А вот, напримѣр, мы; мы не большевики и в политикѣ ничего не понимаем - профессіоналы - и будем служить в какой угодно арміи, лишь бы платили;другого труда мы не знаем, а гдѣ мы достанем аттестацію, если наш полк разогнан нѣмцами. Напрасно они видят в офицерах контр-революціонеров; за нами народ не пойдет, что уже видно по всей революціи. И так далѣе, в этом родѣ. Нам принесли наши чайники, баранки и предложили папирос. Стало легче на душѣ; клюнуло, думал я и поднялась надежда на благополучный исход. Матросы разговорились о своих боях с Дутовым; разсказали, что,сегодня ночью в Тюмени, ими арестованы: бывшій премьер Временнаго правительства князь Львов, князь Голицин, а нас задержали как подозрительных. Сказали, что у них помощник комиссара офицер - мичман Павлов. В этих разговорах - не скажу, чтобы пролетало время; наоборот, оно тянулось убійственно и много надо было усилій, чтобы спокойно поддерживать бѣсѣду. Наконец, через вагон прошел комиссар, юноша лѣт 19 - 20, за ним мичман Павлов. Мы замолкли; не до разговоров, когда рѣшалась наша судьба. Вернулся мичман Павлов и объявил, что мы свободны и вручил нам наши деньги и документы, кромѣ одного, не найденнаго Тобольцами и, давным-давно, еще с 15 года, застрявшаго в обшлагѣ рукава Головина, на чин прапорщика. Головин и сам забыл о нем и был очень удивлен, когда матрос,при обыскѣ,извлек документ. Шопотом Павлов сказал: "а этот я лучше порву!"

Матросы окружили нас, предлагая остаться у них ночевать в ожиданіи слѣдующаго поѣзда и даже предлагали поступить в их отряд; но мы отклонили их предложенія, под предлогом, что нам надо спѣшить в полк, который быть может бьется на фронтѣ. С первым поѣздом, шедшим в Екатеринбург, мы выѣхали.

Опасности пройдены, а на душѣ было скверно. Теперь невольно подводились итоги виденнаго и пережитого. Нам, бывшим на мѣстѣ, было видно, что наша цѣль была вполнѣ осуществима, что не хватало организатора и средств. Таких людей как мы, для развѣдки, освѣдомленія и боя, нашлись бы сотни.

Неужели же не мог найтись организатор и деньги,деньги и деньги?

/29 іюля 1922 г.
см.сборн.№3/ К.В.СОКОЛОВ /5 выпуска/.

---oooOooo---

Один из участников этой попытки освобожденія Царской Семьи, ротмистр Лейб Гвардіи Конно-Гренадерскаго полка князь Трубецкой в своих воспоминаніях /журнал "Часовой"/ говорит: "Безрезультатна и безплодна была наша поѣздка, но не наша тому вина. При основательной и правильной постановкѣ, я и сейчас увѣрен, что спасеніе Царской Семьи было дѣлом вполнѣ осуществимым. Освобожденіе и вывоз из Тобольска представлял не самую трудную задачу. Главныя затрудненія заключались, конечно, в том как скрыть и охранить спасенных. Для этого нужна была, во всяком случаѣ, болѣе солидная организація и иной руководитель, а не легкомысленный Полянскій, предпринявшій покушеніе с негодными средствами, при преступной неосвѣдомленности в обстановкѣ. Нужна была большая подготовительная работа, хорошая освѣдомленность, а главное, как правильно указывает в заключеніи своей статьи К.СОКОЛОВ - /"Попытка спасенія Царской Семьи" Архив Русской Революціи том 17/ - "деньги, деньги и деньги!" В рядовых исполнителях замысла недостатка не было. Наше дѣло было маленькое. Мы не могли и не должны были вхо-

дить в критическую оцѣнку плана. От непосредственнаго начальника Лопухина, мы получили задачу с сознаніем важности конспираціи, с довѣріем к основательности постановки дѣла и данных нам директив. С вѣрой в успѣх, мы пустились в путь. С большим разочарованіем мы вернулись, но ни тогда, ни теперь, много лѣт спустя, никто из нас не жалѣет об участіи в попыткѣ спасти Царскую Семью. Осталось хорошее воспоминаніе о пережитом подъемѣ духа и сознаніе, что мы на дѣлѣ проявили готовность послужить Государю и были вѣрны данной Ему присягѣ!"

---oooOooo---

Б Ы Л Ь.

/Отрывок.См.сборн.№3./

К сожалѣнію, по причинѣ художественных своих талантов, я не могу изобразить всю красоту,окраску и изящество этих, в большинствѣ,"симпатичных" пресмыкающихся. Не дано мнѣ от Бога... По рисованію - самое большое, что я зарабатывал - это "балл душевнаго спокойствія", несмотря на то что братья мои, бывшіе в корпусѣ, были почти художниками: один довольно хорошо писал масляными красками, второй красил стѣны в эмиграціи. То, что я видѣл и испытал, пока слава Богу надругих, не изображено в альбомах фауны и флоры. Я по своей спеціальности не фотограф, да и такіе снимки,в жанрѣ "мементо мори", не пріятны, а то, что я вытерпѣл из за змѣй и из за змѣи, все равно снять бы не мог, чисто по техническим причинам. Дѣйствіе происходило темной ночью, перед разсвѣтом, и я был занят борьбой за жизнь. Какая же тут фотографія могла придти на ум на краю ранней могилы?

В концѣ ноября и в началѣ декабря, змѣи становятся особенно злыми. В это время надо быть также особенно бдительным, выходя за черту осѣдлости. Наиболѣе злыми становятся "мапанаре".

В прошлом году, в это опасное время, я принимал лѣс от француза. Сажусь в поѣзд, в котором я пробираюсь к мѣсту изслѣдованія лѣса. Пассажиры оживленно разсказывают об укусѣ "мапанаре" жителя села, гдѣ я работаю. Прислушиваюсь. Слышу имя "Рамон", так зовут моего рабочаго.Доѣхал я до своей станціи, встрѣчает меня мой Рамон. "Тебя же змѣя укусила?" спрашиваю. "Нѣт не меня, а другого!" Часа через два послѣ моего прибытія, укушенный умер, промучившись пять дней. На другой день, в 6-ти километрах от нашего мѣста, "мапанаре" укусила другого жителя; он прожил только I6 часов. В началѣ слѣдующей недѣли пострадал еще один; укус такой же змѣи и такой же конец.

Итак, за двѣ недѣли - трое; не весело, принимая во вниманіе, что моя работа на самой родинѣ змѣй - в лѣсу. До праздника Рождества остается три недѣли; получу отпуск, отдохну, годовая премія в размѣрѣ двухмѣсячнаго жалованья, а тут, как на зло, на самую смерть гонят,т. е. из лѣса в лѣс. Только и слышу со всѣх сторон, что, то там то здѣсь, убили "мапанаре". В каждой, лежащей по дорогѣ, палкѣ кажется змѣя.

За недѣлю до Рождества, я заѣхал осмотрѣть лѣс в другом мѣстѣ. Иду по лѣсной дорогѣ, в сопровожденіи совершенно чернаго, крѣпко сложеннаго и красиваго негра. Раскуривая папироску, отстаю от него. Вдруг вижу, что он почти что ставит босую ногу около головы маленькой змѣйки. В одно мгновеніе отталкиваю его, с криком - змѣя; сам отскакиваю в сторону и, молотком для отмѣтки бревен, убиваю змѣю. На обратном пути кричат мнѣ сзади: "осторожно, змѣя!" На мѣстѣ подпрыгиваю, ставлю ноги рогаткой и в тот же миг опредѣляю гдѣ змѣя - между ног ползет черная с желтыми продольными полосами. Бью ее.

Слѣдующій день провел, как всегда, в напряженной работѣ и к 6-ти часам вечера вернулся в "ранчо" моего второго рабочаго; он холостой и, благодаря этому, это единственное во всем селѣ"ранчо", гдѣ можно поселиться. Послѣ ужина погулял немного, развѣсил свой гамак - "чинчор", снял сапоги, взял, на всякій случай, в руку ручной фонарь и, пожелав спокойной ночи своим, завалился спать.

Ну и ночка выпала на мою долю. Во всю свою жизнь не забуду. Жутко. Проспав добрую половину ночи, чувствую, что пора скоро вставать. Еще не открыв глаза, в полусознаніи, ощущаю, что у меня на груди лежит что то тяжелое, а руками, бывшими тоже на груди, чувствую холодное,скользское тѣло... Осторожно, стараясь не шевелиться, пріоткрываю глаза и... Ужас, такой же холодный и смертельный как змѣя, сковывает меня...

Квадратная страшная голова, с узкой шеей, уставилась на меня своими гипнотизирующими глазами; взгляды наши встрѣтились; ея взгляд смерти и мой полный ужаса... Стараюсь не дышать, ибо при малѣйшем колебаніи моего тѣла, она вонзится, зубами своей слегка пріоткрытой пасти, мнѣ в подбородок...Мысли путаются в головѣ, перегоняя одна другую и тщетно ища выход из смертельной опасности. Чувствую, что не могу больше - должен набрать воздух, что равносильно смерти... Сколько проходит минут,или мгновеній, трудно учесть. Змѣя оттянула немного назад голову, как это дѣлают змѣи перед укусом. Как бы в отвѣт на ея движеніе, в одну сотую секунды, помимо моей воли, совершенно безсознательно, хватаю ее за шею правой рукой и туда же пытаюсь занести лѣвую руку, но, в тот же момент, чувствую, что уже обвиты обѣ мои руки желѣзными тисками "мапанаре," не дающими лѣвой рукѣ приблизиться к правой, чтобы помочь давить шею змѣи... В таком напряженном положеніи проходит нѣкоторое время и я с ужасом замѣчаю, что скользское, упругое тѣло змѣи,в моей рукѣ, медленно продвигается вперед, что даст ей возможность вонзить свои смертоносные зубы в меня...Тщетно напрягаю послѣднія силы, чтобы освободить, или хоть приблизить, лѣвую руку к правой и держать голову змѣи на разстояніи от себя...Нѣт...Тисками сдавило мои руки - так,что кровь в них нѣмѣет и двинуть ими нельзя...Надулись мускулы в послѣднее напряженіе - еще минута, другая, и я погиб...Внезапно мелькнула спасительная мысль - об пол головой, единственный выход. С быстротой поворачиваюсь на бок, вытянув, насколько возможно, руки от себя, перебрасываюсь через край гамака и лечу на пол, держа голову змѣи по направленію земли. Что то звякнуло и блеснуло... "Вы кажется упали?" слышу, из за перегородки, голос моего хозяина.

Очнулся я от кошмара на землѣ; зажег свой, только что разбитый, фонарь и, освободив руки от рубашки, которой я покрылся на ночь, закурил, не подымаясь с пола.

На Рождество, жена, взяв мой фонарь, спрашивает: "А почему твой фонарь весь помят и стекло разбито?" - "Давно я его разбил, когда упал однажды," отвѣчал я нехотя и опуская глаза, а сам ежась при воспоминаніи о пережитом.

П.Ф.СУББОТИН.

ИЗ "ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ"

В спискѣ Георгіевских Кавалеров в сборникѣ №3 - исправить:
ТИХОМИРОВ ПЕТР /I вып./ - Орден Св.Георгія IУ ст./а не Георг.оруж./
Дополнить, согласно полученным свѣдѣніям:
ЛУЧАНИНОВ ДМИТРІЙ /УI вып./Л.Гв.Петерб.полка - Георгіевское оружіе.
МАСЛОВ ВАДИМ / вып./ - Орден Св.Георгія IУ ст.
МЕДЕР МИХАИЛ /XIII вып./ - Георгіевскій крест IУ ст.
МАРКОВ ПЕТР /XIII вып./ - Тоже
ЗИЛЬБЕРКРЕЙТ /XIII вып./ - Георгіевская медаль IУ ст.

--ooOoo--

В спискѣ 2 отдѣленія I выпуска исправить:
I8.ПРОКОФЬЕВ Сергѣй - Конст.Арт.Уч. /а не Кіевск.В.Уч./
В сборникѣ "СУВОРОВЦЫ" №2 /стр.I6/ помѣщен: вахмистр Николаевскаго Кавалерійскаго Училища СОСНОВСКІЙ /У выпуска/. Получено сообщеніе, в порядкѣ историческаго исправленія, что "ЗЕМНЫМ БОГОМ" он не был.

--ooOoo--

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ,ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ,ИЛИ ВИТТЕ ВСѢ СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ! А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ.

СПИСОК КАДЕТ I ВЫПУСКА 3-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.	БОГУЦКІЙ	Констант.Арт.Учил. Кон.Артил.
2.	БОРОДАЕВСКІЙ Михаил	
3.	БУНИН	
4.	БѢЛЯКОВ I-й	
5.	ВРОЧИНСКІЙ	ЕЛИСАВ.Кав.Уч.
6.	ГЛОБА-МИХАЙЛЕНКО Константин	Конст.Арт.Уч.Воен.Юрид.Акад.Технол.Инст.
7.	ГУРЬЕВ Василій	Никол.Кав.Уч.Вахм. Улан.Его Величества.
8.	ГИРШФЕЛЬД	
9.	КИРИЧЕНКО	Алексан.В.Уч.Фельдф.
I0.	КОНРАДИ I-й Григорій	Конст.Арт.Уч. 43 арт.Бриг.
II.	ЛИВЕН	Конст.Арт.Уч. Варш.Крѣп.Арт.
2.	ОЖАРОВСКІЙ I-й Федор	Михайл.Арт.Уч. Л.Гв.3 арт.бриг.
I3.	ПЕТРОВ	
I4.	РЕУТ I-й Николай	Елисав.Кав.Уч. I3 гусарск.
I5.	РЫЛЬКЕ	Никол.Инж.Уч.
I6.	САГАЙДАКОВСКІЙ Николай	Николаев.Инж.Уч. Убит в Польшѣ.
I7.	САДИКОВ I-й	Констант.Арт.Уч.
I8.	СЕМЕНОВ Михаил	Кіевск.Воен.Уч.
I9.	СЛЕФОХТ I-й	Павл.Воен.Уч.Фельдф.Л.Гв.Волынскій
20.	СТАНИСЛАВСКІЙ I-й Сергѣй	Кіев.Воен.Уч. Ковенск.Крѣп.Арт.
2I.	ТРОИЦКІЙ Владимир	Конст.Арт.Уч. Кон.АРтил.
22.	УТГОФ Виктор	Морской Корпус.
23.	ЦЕЙТЛИН I-й	Воспит.Сув.К.К.
24.	ШАХ-НАЗАРОВ	Никол.Кав.Уч. 5 гусар.Александр.
25.	ТЮТИКОВ	

---oooOooo---

СПИСОК КАДЕТ 2-го ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.	АЛЬБРЕХТ I-й КОНСТАНТИН	Конст.Арт.Уч. Воен.летч.Ум.в Парижѣ.
2.	АРТИСЕВИЧ I-й Борис	ПавлВоен.Уч.
3.	АШЕХМАНОВ I-й Всеволод	Павл.Воен.Уч.
4.	БОГУШЕВИЧ 2-й Константин	Никол.Инж.Уч.
5.	БОНЧ-БРУЕВИЧ Степан	
6.	ВАСИЛЬЕВ I-й Сергѣй	Алексан.Воен.Уч.
7.	ВЕНСОВИЧ I-й Михаил	Сотня Ник.Кав.Уч.
8.	ВЕРЕМЬЕВ Александр	
9.	ВЕСНИНСКІЙ Николай	
I0.	ВОЛКОВИЦКІЙ I-й Владимир	Конст.Арт.Уч. Финл.стр.арт.див.
II.	ГОЛОВАТЕНКО Николай	Конст.Арт.Уч. Воен.летчик.
I2.	ГРЕНДАЛЬ Георгій	
I3.	ГРИГОРЬЕВ Александр	Конст.Арт.Уч. 2 Сиб.стр.арт.бриг.
I4.	ДОБРОВОЛЬСКІЙ 2-й Алексѣй	
I5.	ЕНЧЕВИЧ Борис	Мих.Арт.Уч. потом Горн.акад.Германія.
I6.	ЖДАНОВ I-й Николай	Александр.В.Уч.Фельдф.Л.Гв.Кексгольмск.
I7.	ИВАНОВ I-й Павел	На сторону, Кіев.полит.
I8.	КИСОВ I-й Иван	Софійск.Воен.Уч.Болгарія.
I9.	КОЗУЛИН I-й Іосиф	Никол.Инж.Уч.
20.	КОСЕНКО I-й Платон	
2I.	КОСЕНКО 2-й Семен	По болѣзни на 2-й год в VII кл.
22.	КОХ Владимир	
23.	КРИДЕНЕР Барон Георгій	Пажеск.Корп. Улан.Его Величества.
24.	ЛИДЕРС Александр	Алекс.Воен.Уч.Л.Гв.Московск.Убит в I В.В.
25.	ЛОНТКЕВИЧ Богдан	Сапер.
26.	МАРЦИНКЕВИЧ Константин	Паж.Корп.Л.Гв.3 арт.бр. Убит в I В.В.
27.	ОДОЕВЦЕВ Александр	Александр.В.Уч. Л.Гв.Литовск.
28.	ПОПОВ I-й Александр	Констант.Арт.Уч. 28 арт.бриг.
29.	ПОТАПОВ I-й Александр	Мих.Арт.Уч. Кавк.Грен.арт.бр.
30.	РУДАНОВСКІЙ Василій	На сторону, Кіевск.политехн.

31.САМОЙЛОВ Владимир Конст.Арт.Уч.
32.ЮЗЕФОВИЧ I-й Александр Павл.Воен.Уч.
Окончили коренные I-го отддѣленія от I до VII кл. под №№ I,4,6,I0,I2, I3,I5,I7,I8,24,28 и 29. Но окончил по болѣзни в VII кл. под № 2I.

СПИСОК КАДЕТ 2-го ВЫПУСКА 2-го ОТДѢЛЕНІЯ /не полный/.

I.АРВАНИТИ I-й ГЕОРГІЙ Мих.Арт.Уч. Кон.артил.
2.БѢЛЯЕВ
3.ВЕНЦКОВИЧ ЕВГЕНІЙ Елис.Кав.Уч.I2 др.Стародуб.Убит I9I4 г.
4.ВРУЛЕВИЧ Геннадій
5.ГАЛДОБИН 2-й Павел
6.ГЕЙМАН Петр
7.ГУССАКОВСКІЙ Николай Мих.Арт.Уч.
8.ЕВСЮКОВ Михаил Мих.Арт.Уч. Воен.летчик.
9.ЗАХАРЬИН Елис.Кав.Уч.Л.Гв.Кексгольм.Убит в I В.В.
I0.ИГНАТЬЕВ Петр Петрович
II.ІОНЧЕВ Иван Конст.Арт.Уч. арт.бр.Убит у Перекопа.
I2.КОРЧИНСКІЙ Елис.Кав.Уч.
I3.ОБРАЗКОВ Виктор
I4.ОРЛИН 2-й Владимир Мих.Арт.Уч. Кон.Арт.
I5.ПОЛЕЖАЕВ Николай Александр.Конст.Арт.Уч.
I6.РЕУТ 2-й Михаил Конст.Арт.Уч.
I7.СЫКАЛОВ Николай Елис.Кав.Уч.Кинбурн.драг.Убит в Гр.В.
I8.ЧЕРЕП-СПИРИДОВИЧ
I9.ЯКУБОВСКІЙ Михаил
20.ЯНКОВСКІЙ Георгій Викторов.Шк.Капрони.Воен.летчик.Погиб в I944 г.

СПИСОК КАДЕТ 2-го ВЫПУСКА 3-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.ВАГИН Александр Алекс.В.Уч.Фельдф.Сиб.стр.полк.
2.ВЕРБА Семен Ник.Кав.Уч.4 улан.Харьковск.
3.ГЛАВАЦКІЙ Николай Владим. Елис.Кав.Уч. 8 арт.бриг.
4.ДОБРОВОЛЬСКІЙ Владимир По болѣзни на 2-й год.Вице-фельдф.3 вып.
5.КАНЕВЦОВ Пантелеймон Павл.В.Уч. Осовецк.крѣп.арт.
6.КОЗУЛИН 2 Николай Ник.Инж.Уч.Фельдф.Гр.сап.бат.Инж.Акад. Погиб в Яросл.возстан.
7.КОРЕНЕВСКІЙ
8.КОЧЕРЖЕВСКІЙ Петр 2 Кавк.Стр.полк.Ум.в Варшавѣ.
9.КРЕЙТЕР Владимир /Вице-фельд/Ник.Кав.Уч.Вахм.I гус.Сумск.Ген.Шт.Умер.
I0.ЛИПИН Александр
II.ЛЬВОВИЧ Николай Конст.Арт.Уч. Курс.офиц.училища.
I2.ЛЯХОВ Сократ Моск.Имп.Техн.Уч.Погиб в Москвѣ на самол.
I3.МАНОЦКОВ Николай Сотня Ник.Кав.Уч. Л.Гв.Атаманскій п.
I4.МАЧАВАРІАНИ I-й
I5.МАЧАВАРІАНИ 2-й Михаил 39 арт.бр. Потом в Грузіи.
I6.МЕДЕР I-й Борис Л.Гв.Волынскій п.
I7.МЕДЕР 2-й Павел Л.Гв.Волынскій полк.
I8.МИНКОВ Илья Инвалид в Болгаріи.
I9.ПИНЕГИН Николай Елис.Кав.Уч. Орденск.драг.
20.РАЗУМОВ Анатолій Елис.Кав.Уч.8 Астрах.драг.Убит в Гр.В.
2I.РЕДЕР Владимир Конст.Арт.Уч. 6 арт.бриг.
22.САВИЦКІЙ 2-й Михаил Кіев.В.Уч.Елис.Кав.Уч.Павл.В.Уч.Забайк.каз
23.СВѢШНИКОВ Николай Петерб.политехн.Алекс.В.Уч. Сап.бат.
24.СМИРНОВ Михаил Павл.В.Уч. Л.Гв.Волынскій полк.
25.СУРОВЦЕВ Иван Конст.Арт.Уч. Сиб.стр.арт.бриг.
26.ФЫК Л.Гв.Павловскій полк.
27.ХОРОШКЕВИЧ

---oooOooo---

Из "ПАМЯТКИ," изданной в год 50-лѣтія Суворовскаго Кадетскаго Корпуса.

Р О Д Н О М У К О Р П У С У.

В день постолѣтній юбилея
Лихих Суворовских кадет
Главѣ кадет пришла затѣя,
Чтоб оду написал поэт.
Приказ вождя-закон солдата
Поэт исполнил сей закон
И юбилейную кантату
На суд вождя представил он.
Но Боже! Сколько в жизни боли,
Кантату критики прочли,
Распотрошивши. Поневоле
Остались жалкіе клочки.
А в результатѣ миссис Муза,
Вильнув хвостом, ушла в окно.
Поэт, без этакого груза,
Стал пить дешевое вино.
Все это присказки, вѣрнѣе,
Все оправданья, оттого,
Что я к родному юбилею
Не мог представить ничего.
Но все-ж слегка затронем лиру;
Сегодня, послѣ многих лѣт
В Парижѣ, в самом центрѣ мира
Вновь сбор Суворовских кадет.
Пріятно встрѣтиться с друзьями
За рюмкой водки; каждый рад,
Но вам признаться, между нами,
Наш сбор похож на маскарад.
Вѣдь гдѣ же юные кадеты?
Гдѣ наша форма? Гдѣ значки?
В костюмы штатскіе одѣты,
Сидят сѣдые старики.
Два-три чиновника французских,
Вот современный карьерист
Пьет водку с рыбною закуской,
Любимец дам - телеграфист.
У двух извозчиков-таксистов
Уж больно не гвардейскій вид,
А старый врач, хирург парижскій
Обнявшись с сторожем сидит.
На эти странныя фигуры
Переодѣвшихся кадет
С улыбкой стараго амура
Глядит наш вѣтреный поэт.

Вдруг все изчезло... перед нами
Наш корпусный кадетскій плац,
Кадеты стройными рядами
Идут сегодня на парад.
Пред лик всесильнаго Скалона,
Под "Старый егерь" марш лихой,
Ваулин ротныя колонны
Ведет директорской рукой.
Шагает с ротой строевою
Пузатый, с сѣдиной блондин,
И с черномора бородою,
Со страшны прозвищем - Балдин.
На первом взводѣ зрим Ерему,
Других: Затыка и Сапог -
Фамилій, столь прекрасных, кромѣ
Кадет, никто создать не мог.
Ох, эти прозвища! И лира
Моя сгорѣла б со стыда,
Когда б назвал я командира
Кадетской роты номер два.
Вот командир четвертой роты
Извѣстен больше дочерьми,
Онѣ кадетскія маскотты,
Катишь и Вава, вот онѣ...
Вдруг все замолкло. Над рядами,
Как будто бы, зефир подул,
В сіяньи солнца наше знамя,
Команда: смирно, на к-раул!
И вновь мѣняется картина:
Я вижу освѣщенный зал,
И слышу вальса звук донынѣ,
Сегодня наш кадетскій бал.
Гремит мазурка в бѣлом залѣ,
Словацкій мчится во главѣ,
Такой мазурки не видали,
Ни в Петербургѣ, ни в Москвѣ.
Все, все ушло, и нѣту бала,
Родное все в крови и мглѣ,
Мамаша смерть протанцевала,
Друзья лежат в сырой землѣ.
Но не склонившись пред судьбою,
Мы вѣрим в чудо. В этот час,
Всѣ наши павшіе герои
Пришли сюда, они средь нас.

И сам Суворов тоже с нами,
Принес он вѣщій нам привѣт,
Что снова развернется знамя -
Наш стяг Суворовских кадет.

Париж. II/X.1949 г.

Сергѣй Авенаріус /VI вып. нынѣ покойный/

/Нѣкоторыя выдержки из "ПАМЯТКИ" будут помѣщаться в сборникѣ и впредь. У многих ея нѣт, т.к. было напечатано ограниченное число экземпляров, а нынѣ мы - "выросли и расширились"./

Приложеніе к сборнику "СУВОРОВЦЫ" №4.
Перепечатано из журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ." Изданіе Обще-Кадетскаго-Объединенія под редакціей А.А.ГЕРИНГА.

"С У В О Р О В Ц Ы"

/журнал "СУВОРОВЦЫ" изданіе Объединенія Суворовскаго Кад. Корп./

Пишу я не о совѣтских военных школах, носящих это славное имя и, внѣшнѣ, так напоминающих старые корпуса, а о наших настоящих Суворовцах, тѣх, что носили красный погон с трафаретом "СУВ" и до войны четырнадцаго года жили и учились в великолѣпном зданіи на Уяздовской аллеѣ в Варшавѣ.

До нас дошли два номера сборника памятки Объединенія Суворовскаго Корпуса /октябрь-53 и март-54/ издаваемаго под редакціей кадета Потапова. Скромная и, одновременно, очень "тонная" обложка, красно-кирпичная, под цвѣт погон, с черным двуглавым орлом в лѣвом верхнем углу и корпусным жетоном - в правом нижнем. Текст напечатан на ротаторѣ, на прекрасной бумагѣ, в высшей степени четко и аккуратно... Это - о внѣшнем облікѣ журнала /называю сборник - журналом, так как "Суворовцы" несомнѣнно уже относятся к этому типу печатнаго органа/.

Признаюсь, что к анализу содержимаго, к его внутреннему облику, я подходил с нѣкоторым скептицизмом и должен сказать, что мой "скептицизм" не был оправдан ни в какой мѣрѣ. Даже бѣглый просмотр этого журнала показывает, что это не просто утѣха "бездѣльных энергій", а дѣйствительно, настоящій орган - представитель настоящаго живущаго и дѣйствующаго корпусного объединенія. Как часто приходилось нам говорить, - пятьдесят кадет одного и того же корпуса, аккуратно посѣщающих два раза в год патріотическіе молебны и обѣды - НЕ составляют еще КОРПУСНОГО ОБъЕДИНЕНІЯ. Вот когда эта любовь и память о родном гнѣздѣ выливается во что то дѣйствительно нужное и оставляющее по себѣ слѣд, да еще когда память и стремленіе оставить слѣд о своем корпусѣ не смѣшивается ни с какими личными честолюбіями и стремленіями "объять необъятное", - вот тогда, как в примѣрѣ Суворовскаго Корпуса, можно сказать, что ОБъЕДИНЕНІЕ ЖИВЕТ. Пульсирует кровь. Не один какой-нибудь самоотверженный "любитель своего корпуса", а все Объединеніе работает на его славу и посмертную память.

Шестнадцать небольших страниц журнала заполнены произведеніями цѣлаго ряда кадет-Суворовцев. Превосходны воспоминанія Евгенія Поля, помѣщенныя в обоих номерах. Совершенно литературныя, яркія, чуть подкрашенныя юмором. Хорошо пишут Сергѣй Двигубскій и Н.М.Витте. Впрочем - хорошо все и большая в этом заслуга Предсѣдателя Объединеній Суворовцев А.Н.Потапова, сумѣвшаго вдохнуть настоящую живую струю и поддержать память о родном гнѣздѣ, среди своих однокашников. "Патріотизм" Суворовцев - настоящій, претворяющійся в жизнь; Объединеніе их здоровое, через тридцать лѣт пронесшее высоко свое внѣшнее знамя и внутреннюю кадетскую спайку.

А результат? Такой простой, осязаемый результат - то, что всякій читатель, даже не кадет, прочтя этот здоровый и глубокій журнал, почти исчерпывающе представит себѣ славный Суворовскій Корпус, сорок лѣт тому назад оставившій Варшаву, и самому молодому питомцу котораго уже под пятьдесят лѣт.

А.Н.Потапов собирается переходить на типографскій шрифт. Технически, это всегда опасно, так как требует такого минимума тиража, котораго не в состояніи исчерпать одно лишь Суворовское Объединеніе.

КАДЕТ.

---oooOooo---

Дорогіе Суворовцы, давая, в приложеніи к нашему сборнику, перепечатку этой статьи из журнала Обще-Кадетскаго Объединенія "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", я руководствовался единой мыслью: - эти лестныя для нас слова КАДЕТА будут залогом нашего дальнѣйшаго желанія и стремленія продолжать изданіе сборника "Суворовцы" в память нашей родной школы СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Все, что идет для пополненія сборника, - за Вами.

А.Потапов.

Сергѣй Викторович Нитц, в одном из своих писем, высказывает мысль, что было бы очень хорошо помѣстить в нашем сборникѣ очерк - воспоминаніе о встрѣчѣ Государя Императора в Варшавѣ и о посѣщеніи Его Величествомъ корпуса в Москвѣ; поэтому он предлагает обратиться к современникам этих событій, кадетам соотвѣтствующих выпусков - 5-го, 6-го, 7-го, 10-го, 11-го, т.к. сам, вспоминая об этом, не увѣрен в датах и подробностях.

Всецѣло поддерживая предложеніе Сергѣя Викторовича, обращаюсь к Суворовцам этих выпусков и очень прошу написать полностью такой очерк, или же прислать мнѣ /не откладывая в долгій яшик/ свои замѣтки, которыя, путем сопоставленія дат и подробностей, дадут общій очерк - воспоминаніе кадет-современников об этих событіях.

А.Потапов.

---oooOooo---

Предсѣдатель Центральнаго Объединенія б.кадет Полоцкаго Кадетскаго Корпуса, Борис Исидорович СВЕРЧКОВ, просит нас,- Суворовцев,- при встрѣчах с Полочанами или их друзьями, сообщать им о существованіи Объединенія Полочан и указывать адрес предсѣдателя.

MR. B. I. SWERTSCHKOFF
865 WEST END AVENUE APT. 6B
NEW YORK 25, N. Y.

---oooOooo---

Расчет за сборник "СУВОРОВЦЫ" №4 прошу производить с тѣми же лицами, в том же порядкѣ и по той же стоимости, как за предыдущій номер третій.

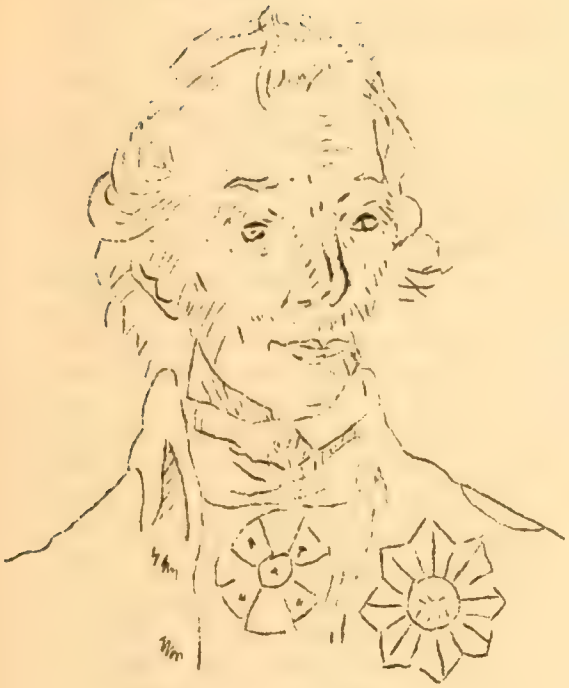
А.Потапов.

---oooOooo---

Сборник 5

СУВОРОВЦЫ

Изданіе
Объединенія
б. кадет
СУВОРОВСКАГО
Кадетскаго Корпуса



МЫ РУССКІЕ! ПОМИЛУЙ БОГ, КАК ХОРОШО И ПАЧЕ СЧАСТЛИВЫМИ БЫТЬ НЕ ЖЕЛАЕМ!

СУВОРОВ.

Гром побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Росс!
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрес!
Воды быстрыя Дуная
Уж в руках теперь у нас,
Храбрость Россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ.
Уж не могут орды Крыма
Нынѣ рушить наш покой:
Гордость низится Селима
И блѣднѣет он с луной.

Стон Синила раздается
Днесь в подсолнечной вездѣ,
Зависть и вражда мятется
И терзается в себѣ.
Зри, премудрая Царица,
Зри, Великая Жена,
Что Твой взгляд, Твоя десница,
Наш закон, душа одна!
Зри на блещущи соборы,
Зри на сей прекрасный строй,
Всѣх сердца, Тобой, и взоры
Оживляются одной!

---ooOoo---

ОТ ИМЕНИ ВСѢХ ОБЪЕДИНЕНІЙ, ОТДѢЛОВ, ГРУПП И ОТ СУВОРОВЦЕВ СО ВСѢХ КОНЦОВ СВѢТА - ПОЗДРАВЛЯЮ С ЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНІЯМИ, ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ С ПРАЗДНИКОМ

СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА,

ПАМЯТЬ О КОТОРОМ НЕРУШИМО ЖИВЕТ В КАДЕТСКИХ СЕРДЦАХ С НАДЕЖДОЙ НА СВѢТЛОЕ БУДУЩЕЕ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ.

А.Потапов
предсѣдатель всѣх
Объединенiй Суворовцев.

В 3-х ЭТАЖНОМ БОЛЬШОМ СВЕТЛОМ ЗДАНИИ НА ВЕЛЬЯМИНОВСКОЙ АЛЛЕЕ № 21 ПОМЕЩАЛСЯ НАШ КОРПУС (Окончание)

Этажем ниже столовой был как бы нерв всего корпуса. При входе в так называемый учительский коридор - слева кабинет инспектора классов, со стенами, заставленными шкафами. Бывать там нашему брату не полагалось, за исключением случаев, когда кадет выгонялся преподавателем из класса, тогда виновный должен был являться инспектору для соответствующего внушения. Рядом учительская. Тоже столы и шкафы с различными пособиями, картами и т.д. Там же хранились журналы для отметок и записи задаваемых уроков. Вход туда тоже запрещался. Справа телефонная комната. Далее полутемный небольшой коридор, так незабываемый; в нем находился карцер. Их было четыре. Но в самом первом была фотографическая комната, в следующем амбулатория для приходящих больных. И лишь два левых для наказуемых. Это были большие светлые комнаты. Нельзя сказать, чтобы они были очень уютны. Все же решеток на окнах не было (не тюрьма и не гауптвахта), но стекла были закрашены белой краской, окна выходили на плац 3-й роты. Маленький стол и стул, которые ставились обязательно в угол, чтобы через "глазок" в двери любопытный, приведший на амбулаторный прием (утром в 7 и вечером в 5), кроме угла стола ничего не видел. Под арест сажали лишь с 3-го класса. На ночь вносилась твердая кровать и служитель приносил из роты всю постель. Еда приносилась служителем прямо из кухни, так что гарнира бывало больше нормальной порции. Сладкого арестованным не полагалось. Но бывали и сюрпризы. Одному кадету - узнику, сидящему в субботу, вдруг к вечернему чаю служитель принес тарелку с порцией жаренного зайца с бураками. Оказывается в ту субботу для персонала корпуса был карточно-танцевальный вечер. Кухня специально готовила ужин, а дежурным по кухне оказался свой и не забыл приятеля заключенного. Редко когда арестованный не посещал уроков. Обслуживались карцеры служителями при учительской - Кузьминым и Смирновым; оба они назывались "тюремщиками", но были безобидные люди и вреда не приносили. Коридор вел в класс ручного труда. Там стояли столярные верстаки и шкафы с инструментами. В 1-м классе назначались 5 - 6 человек для занятий ручным трудом под руководством специалиста-столяра подполковника Карпова. С течением времени большинство как то отходило, а из тех, кто занимался все время, выходили хорошие мастера, что некоторым помогло в эмиграции. Рядом был книжный склад, находящийся в ведении помощника инспектора классов. Здесь же была и биллиардная комната для персонала. Завсегдатаем был холостяк капитан Москалев - преподаватель французского языка. Скончался он уже в Москве. Покойный увлекался биллиардом. Баллы нам ставил туго, больше двойки, знаний же давал мало. Как иллюстрация его преподавания - в одном отделении моего выпуска на письменном экзамене лишь один получил 7, а чуть ли ни половина отделения единицы. В то время в цирке Чинизелли с большим успехом выступала обезьяна "Жорик", которая все делала как человек. Вскоре она сдохла и ее заменил "Жорик 2-й". Кадеты находили сходство между Москалевым и "Жориком". Отчаянный кадет проник в биллиардную, вход куда был строго запрещен, и взял шар с цифрой 2, написал на этом шаре химическим карандашом "а украл меня Жорик 3-й - Москалев" и бросил шар в учительскую под шкаф. Обнаружен был шар при субботней уборке. Скандал был большой. Не помню чем кончилось это дело.

Под учительской находилась кухня. Она была как бы в полуподвальном этаже; окна выходили на уровень земли. Бывать там приходилось лишь в дни дежурства. Если через ее полутемный коридор и удирал кто-нибудь от кого-нибудь, то не задерживался. Для нас это была

"зона запретная". Здесь находились: склад эконома Флора Михайловича Гаврилова, рядом квасная комната, отдельно кладовка в ведении дежурного по кухне, где хранились продукты, принятые им от эконома на следующий день для выдачи на кухню. Хлебный склад, пекарня, где работал кондитер, и еще ряд комнат. Центром притяжения дежурных по кухне кадет были кондитер и его изделия. Для лазарета готовила особая кухарка - Пани Хелена, недурненькая была! Кроме сестры милосердия и ее на кухне женщин мы больше не видели (судомойки и прачки не в счет). Дежурный по кухне сидел за своим столиком, пил квас (целый графин стоял), ходил с озабоченным видом, выдавал продукты поварам. При выдаче еды в буфете указывал, сколько порций в каждую роту по имеющимся у него сведениям. Сверял свои записи с буфетом и записывал все полученные продукты и выданное число порций в роты, в лазарет и по запискам персонала, берущего еду на дом. По окончании раздачи приходил старший повар и спрашивал, что будет есть господин дежурный, ротное или лазаретное? Для фасона спрашивалось, что готовили для лазаретной "средней" порции. Пани Хелена как то не входила в подчинение дежурного. Чаще выбор останавливался на средней порции. Одним словом, дежурный спасался от уроков, усиленно питался и считал свое присутствие на кухне необходимым, а обязанности очень важными. Поэтому фельдфебель тщательно вел наряд на дежурство по кухне.

Было у нас и такое богоугодное учреждение как лазарет. Чтобы туда попасть надо было пройти столовую и опуститься на один пролет по идущей вниз на кухню лестнице. Лазарет соединялся с общим зданием галлереей; она же служила лазаретной приемной. Входя в лазарет из атмосферы ротного шума и гама (особенно 4-й роты), попадал в совершенно иную обстановку тишины и покоя. Полы крыты линолеумом, больные ходят бесшумно в туфлях и халатах. Справа по корридору дежурка для дежурного фельдшера, рядом зубоврачебный кабинет. Дальше небольшое ответвление налево - кабинет старшего врача, аптека, цейхгауз, операционная, ванная. По главному корридору 2 - 3 небольших палаты на 4 кровати и одна на 8. Эти палаты для старших рот и не серьезно больных. В корридоре большой обеденный стол, не ротного образца, стулья - все это создает какой то домашний уют своим контрастом с ротой. За этим столом вечером больные с нормальной температурой готовят уроки. Записки с заданными уроками приносил служитель, обходящий все классы больных. Немного дальше дверь, ведущая вниз в квартиру старшего врача и в заразный лазарет. Идя прямо, попадаешь в большую на 8 кроватей палату для 4-й роты; тут уже более шумно и больные "не особенно больны". Для порядка рядом комната строгой подтянутой сестры милосердия из Варшавской Евгеньевской Общины Красного Креста - Суховой. Малышей она держала в страхе. Мера наказания больного "на овсянку". Здесь тоже большой стол для занятий. В палате у каждого столик с ящиком и табурет. 4-я рота не имела права выходить из своего корридора; старшие же могли ходить по лазарету свободно. Рядом две маленьких палаты для серьезно больных. Под основным лазаретом находились два заразных отделения. Тут же была и дезинфекционная камера. Медицинский персонал состоял из 2-х врачей; зубной врач приходил из города, одно сестры милосердия и нескольких военных фельдшеров в большинстве кандидатов на классную должность. Один ведал аптекой, другие дежурили по лазарету и на приеме в амбулатории; принимал больных младший врач. Очень милые и симпатичные были люди. 4-я рота называла их "дядями" и побаивалась. Все они оканчивали Окружную Военно-Фельдшерскую школу. Один из них Святский был очень хороший гимнаст; потом держал экзамен экстерном за шесть классов для поступления в военное

училище. Лазаретом заведовал особый воспитатель; при мне сначала был подполковник Корниевский, а потом подполковник Руданогский. Дважды в годвсе кадеты проходили внимательный медицинский осмотр - рост, вес и т.п. Особенно занимало младшие классы "кто, сколько выдует" (емкость легких) и "сколько выжмет" (силомер для пальцев).

Несмотря на то, что корпус был расположен в городе, при нем было три плаца. Между 2 и 3 ротами и столовой 3-й роты, по другую сторону столовой - 2-й роты, где зимой устраивался каток, когда это позволяла мягкая Варшавская зима. К спальням 1 и 4-й роты примыкал самый большой плац этих рот, но им могли пользоваться все роты. Только 4-й роте нельзя было уходить со своего плаца на другие. На большом плацу происходили парады, на нем было и футбольное поле, где ежегодно происходили состязания с другими учебными заведениями Варшавы. На плацах 2-й и 3-й рот было несколько старых развесистых деревьев; на большом плацу лишь вдоль дорожек местами были посажены еще не большие деревца, не дающие тени. Плац пересекала одна дорожка, называемая "юнкерская", по ней не смел ходить 6-й класс - это сохранилось со времен цука.

Когда же в 7-м классе заканчивались уроки весной и начиналось время подготовки к экзаменам, то утром перед началом уроков на плац выходило большинство выпускных, музыкант-корнетист брал свой инструмент с собой. Когда около 8 утра барабанщик бил сигнал по ротам на уроки, то 7-й класс, которого это уже не касалось, гурьбой шел по "юнкерской дорожке" с пением "Дети в школу собирайтесь" под аккомпанимент корнета. Весной 6-й класс заканчивал преподавание рисования. Класс выходил на плац и рисовал какую-нибудь часть здания. На последнем уроке рисовали в казенных черных перчатках в знак траура по этому предмету; годовой балл шел уже на выпуск в аттестат. Конечно черные перчатки не нравились добрейшему и симпатичному преподавателю Льву Андреевичу Гейне. Плац с трех сторон был огорожен высокой кирпичной оградой, т.к. с двух сторон были улицы: Бельведерская аллея и Багателя, а с третьей стороны какой-то сад и, очевидно, ткацкая фабрика с массой окон из мелких стекол (большой соблазн для кадет-сорванцов). Оттуда доносилось пение женских голосов и шум машин. Ограда была высока и не меньше двух кирпичей в толщину. С наступлением весны появлялись мороженщики - тверяки, ярославцы, костромичи. Их звонкие возгласы "сахарное мороженное" соблазняли кадет, и ежегодно в заборе на улицу Багателя пробивалась дыра для сношения с внешним миром. Мороженщик стоял поодаль, т.к. городовой на углу охранял наш покой, а тут явное нарушение порядка, да еще с проломом в стене! Нескорыстно и честно нам шли на помощь уличные мальчишки, служившие посредниками между нами и мороженщиком. Конечно от глаз дежурных воспитателей не могло пройти незамеченным сборище и оживление в дальнем конце плаца, отверстие в ограде обнаруживалось, сейчас же все отгонялись, срочно вызывался каменщик и дыра заделывалась, но спустя некоторое время она появлялась снова. На середине плаца возвышался гимнастический городок. С прибытием,после получившего повышение нашего любимого директора Степана Ниловича Лаврова, последнего и второго директора генерал-майора Андрея Николаевича Баулина, преподававшего в 7-м классе космографию, на плацу соорудили солнечные часы на солидном каменном устое. По окончании экзаменов в 7 классе на нем сжигали все тетради и записки, устраивая в темноте эффектное "ауто-да-фе". Была когда-то и площадка для тенниса, но игра не привилась. В начале учебного года и весной выдавались палки и рюхи для игры в городки и "попа". Играли и в лапту, свечи, ямки, но эти игры бывали как-то периодически; временами забрасывались. Все поглощал футбол! На плацу стояло несколько "голов", но желающих было больше, потому часто ворота обозначались положенными на землю фуражками. В редком отделении не было своего, купленного в складчину, мяча; кроме ротных казенных. Сколько было стекол, побитых этими мячами!

Снежная зима не была долговечна и редкость для Варшавы. Зимой сооружались горы, крепости и чучела. Как-то 1-я рота соорудила высокий столб из снежных глыб, едва ли не до уровня 3-го этажа. На верху столба способный и вообще "артист" Федоров Александр (9-го выпуска) вылепил из снега бюст командира роты Григория Марковича Временко. Сходство, благодаря характерному профилю Григория Марковича, было достигнуто большое, и, когда после урока Закона Божьего батюшку повели в биллиардную смотреть из окна эту фигуру, то он долго смеялся, сразу узнав: "разбойники, Григорий Маркович!" Когда выпадал большой снег, то на большой перемене шла оживленная игра в снежки. Вся 4-я рота при поддержке любителей 1-й роты - против 2-й и 3-й рот. Война бывала ожесточенная. 4-я рота брала скопом, давила численностью, т.к. во 2-й и 3-й ротах не все увлекались игрой. Любители 1-й роты служили ударной группой, тяжелой артиллерией. Какой был восторг и упоение победой, когда удавалось "загнать" противника с плаца в свои роты! Обычно это совпадало с концом прогулки и гордые победители с громогласным импровизированным пением "полная победа" расходились по ротам на уроки. Не обходилось без разбитых носов, кашля, насморка, но это никого не страшило. Страдали и сапоги, в плохом состоянии не поддававшиеся чистке и не дававшие требуемого блеска.

Начиная с осени, на плацу происходили футбольные состязания со среднеучебными заведениями Варшавы. Наша команда, сколько я помню, лишь один раз потерпела поражение от 4-й мужской гимназии. Побежденных директор всегда приглашал к нам на обед.

Пользование законным местом для прогулок не всех удовлетворяло. Границей служил забор, шедший от цейгхауза 3-й роты к лазарету и далее до цейгхауза 4-й роты. Все, что было вне этой линии, было "табу" для нас. К углу плаца 1-й и 4-й роты, где было подобие тира для стрельбы из малокалиберных ружей, примыкал сад, окружавший лазарет и выходивший деревянным забором на аллею Шуха, но увы... сад был под окнами квартиры старшего врача. По другую сторону лазарета были большие погреба с насыпями и электрическая станция. Рядом были задние ворота, а около них "красный дом" - квартиры низшего персонала корпуса. Что они из себя представляли внутри, кто и в каких условиях там жил - мы не знали. К цейгхаузам 2-й и 3-й роты примыкала баня, под которой была прачечная. По другую сторону где-то была швальня и главный цейгхауз. Здесь начинался воспитательский сад - большая приманка для "удирателей" и для "страдающих по ком-то", но и опасность не меньшая. Но удирали и туда. Один из путей был таков. Из последнего окна спальни 1-й роты по наклонному, облицованному жестью, карнизу проходили, держась за выступ стены, до первого окна цейгхауза; там карниз был шире, а внизу была крыша вентиляционной будки. Несколько гимнастических упражнений, не совсем безопасный прыжок из положения, держась - повиснув на вытянутых руках за край карниза, на крышу вентилятора, откуда спуститься на землю уже ерунда. Но еще надо было проникнуть незамеченным в сад. Был риск нежелательной встречи с кем-нибудь из начальства в саду. Но обыкновенно - "самодралки" бывали после вечернего чая - темнота выручала. Возвращались "удиралы" уже прямо в роту через кухонный коридор, выжидая момент, когда дежурный воспитатель не был в ротном зале. Не всегда подобные вылазки сходили благополучно. Кадет А.Ф., спасаясь от погони, прыгнул из окна лестницы, идущей из 1-й роты на плац, в сквер перед корпусом и сломал руку. На войне не без урона! Была и другая, более обширная область запретных прогулок внутри здания. Начиная от подвалов, подземных ходов для отопления, газа, воды, вентиляторов, кончая чердаками и крышами. Где ползком, где на

четвереньках, предварительно выворачивая гимнастерку наизнанку, чтобы не запачкать - лишняя улика. Рискованы были подобные прогулки и для здоровья и для наших невысоких баллов за поведение. Рискованы были и экспедиции "за письменными работами" - это совсем другая область, где объектом были шкафы в инспекторской. Надо же было как то разнообразить свою скучную жизнь в четырех стенах.

Корпус обслуживался многочисленным и самым разнообразным низшим персоналом - их всех перечислил и воспроизвел наш однокашник С.В. Двигубский (12-го выпуска) в своей бесподобной "Общей тетради" (он же редактор, издатель и сотрудник своего журнала "Кадетский голос из провинции"). О составе этого персонала мы не совсем были в курсе. Были специалисты по всем отраслям. Непосредственно нас обслуживали служители, по одному на каждое отделение и человека два на ротный зал. В каждой роте был старший над ними (начальник штаба ротного командира); в некоторых ротах они были сверхсрочные унтер-офицеры. В 4-й роте был штатский бородатый Чернов, в 3-й - ст. унтер-офицер Цильке, которого Е. Поль (10-го выпуска) встречал в Варшаве перед второй войной. Ротные каптенармусы были все сверхсрочные унтер-офицеры или фельдфебеля. Все они в порядке административном подчинялись заведующему зданием подполковнику Мельникову, а у него помощником был заведующий обмундированием капитан Добротворский, которого незадолго до войны заменил капитан Ремерт.

Так у меня сохранилось в памяти за время моего пребывания в нашем родном корпусе в Варшаве с 15 августа 1907 г. до 3 июня 1914 года.

Н. Витте (9-го выпуска)

РОЖДЕСТВО

Заканчивалась первая половина учебного года... Тогда в России учащаяся молодежь с нетерпением ждала рождественских каникул. Даже тот, кто не мог особенно похвастать успехами в науках, верил, что "успеет все наверстать после Нового Года"...

Гимназисты, реалисты с некоторой тревогой ждали наплыва отпускных кадет - этих опасных соперников. В это время в институтах и кадетских корпусах высчитывались дни, часы и даже минуты до разъезда; рисовались паровозы, поезда на обратных сторонах классных досок. Юнкера младшего курса мечтали о том, как предстанут во всем величии перед домашними, где нужно будет дать понять и почувствовать, что "мы, в сущности говоря, не учащиеся, а настоящие военные служаки и что мол поздно уже рассуждать на эту тему, когда на Царскую службу присяга верности принесена!"...

Вся эта молодежь мыслями все чаще и чаще переносилась в родную любимую семью, где в то время все чистилось, гладилось, убиралось... Мать горделиво представляла себя в магазинах, на улице рядом с отпускным сыном; отец мысленно решил себя держать с ним "как с мужчиной", няня заранее приготовляла гостинцы своему любимцу; а восторг ожиданья младших братьев и сестер?

Разве не было все это так в "то время"? Разве вы сами не прочувствовали все это?

Вы помните, как приближались праздники, как улицы в больших городах и малых провинциальных заполнялись веселой, бойкой молодежью...; книги временно откладывались (переэкзаменовок ведь в это время не бывает!) еще долго до конца учебного года, молодость берет свое. Великий Праздник несет столько веселья, столько радостей!

Хлопьями падает снег, щиплет уши ("но надо терпеть, башлыком

не стоит пользоваться - его удел красиво дополнять форму")... кадет лихо становится во фронт отставному генералу, но не смог поклониться проходившей Наде, но ничего, ей потом придется все объяснить, должна же она понять, что "служба прежде всего".

Вот на санях лихо промчались эффектные кавалерийские юнкера; гремя шпорами, окруженный бывшими однокашниками - шпаками, прошел артиллерист ("и кто мог подумать, что вчерашний гимназист Коля станет вдруг таким тонягой!") - им он довольно снисходительно рассказывает о своем житье-бытье: "Да, батеньки, вам все это довольно трудно понять, вы еще слишком молоды!"

А вот с треском два Павлона кому то откозыряли по всем правилам военного искусства. Как они величественны в своем надвинутом на самый нос кивере!

"А этот гардемарин, откуда он? Какой он стильный и наверно чудно танцует" - шепчет Лиза своей подруге.

С особой тщательностью дома заканчивались рождественские приготовления. Много вечеров было распределено заранее, а днем предстоит столько милых встреч то в городе, то на катке!

В Святой вечер вся семья собиралась за столом после церковной службы...

Время дорогое! Молодость золотая! Незаметно все ушло, остались лишь воспоминания и сердце сокрушается при мысли, что в чужестранной обстановке молодежь наша не может изведать подобных чувств, а о подсоветской молодежи и говорить нечего. Там все великие Праздники приурочены к "1 мая" или "великому октябрю" и не знает там молодежь и не ведает уюта крепкой русской семьи с вековыми традициями! Вера православная уродовалась все эти годы в детских душах кощунственными антирелигиозными процессиями и пропагандой; чистый, праздничный детский восторг сменился нищетой духовной, подхалимством, злобой, завистью и заседаниями в школьных комитетах, где дети решали, что "учителя Иванова не надо слушать - он подлежит вычистке".

Много лет ломки, коверкания не могут пройти бесследно, но придут другие годы, быть-может, долгие, долгие годы напряженной православной национальной работы, выветрится вся нечисть из русских душ и вся Россия в те дни будет праздновать в мире, спокойствии и Великой Радости рождение Того, Кто был послан спасти человечество.

Двигубский.

ЗАГОВОР

Давно это было, вероятно лет за 6 - 7 до Великой войны. Варшаву должен был посетить, проездом, японский принц, кажется, наследник престола Микадо.

Новенькое монументальное здание СУВОРОВСКОГО кадетского корпуса было расположено вдоль самой красивой и широкой аллеи города, против старинного парка, окружающего Бельведерский дворец. Поэтому всякие торжественные и парадные шествия проходили всегда мимо наших окон.

Наш ротный командир обещал нам, что проезд этого принца мы будем наблюдать из наших окон. В однообразной кадетской жизни это маленькое происшествие занимало большое место; все предшествующие ему дни были наполнены разговорами о Японии и о Русско-Японской войне. Не знаю откуда у нас в младшей роте появилась тогда какая то книжонка, видимо, запрещенная, потому что передавалась она из рук в руки и читалась тайком. В ней описывалось путешествие нашего Государя, в бытность его Наследником, в Японию, когда на жизнь его

там было произведено японцем-фанатиком дерзкое покушение и он был легко ранен. Теперь я уже не помню подробностей этого описания, но тогда оно произвело на нас мальчиков потрясающее впечатление.

Наша маленькая компания из четырех друзей, засев за вешалкой в шинельной комнате, читала эту книжку по очереди; перечитывали и горячо обсуждали этот ужасный и совершенно неизвестный нам случай с нашим обожаемым Государем. Не знаю, у кого из нас первого возникла такая блестящая мысль, но помню, что всеми остальными она была подхвачена с полу-слова и общими усилиями оформлена так:

БЕСПОЩАДНАЯ МЕСТЬ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ И КРОВЬ НАШЕГО ЦАРЯ.

Кровавая месть. Теперешний случай - проезда принца - единственный и неповторяемый.

На верхней площадке парадной лестницы, перед статуей нашего шефа генералиссимуса СУВОРОВА, мы - все четверо - произнесли страшную клятву о тайном и совместном исполнении задуманного плана. Он был разработан быстро. В нашем распоряжении был колоссальный чердак, слуховые окна которого выходили на крышу, где за высокими карнизами и лепными украшениями удобно было спрятаться и из-за которых прекрасно видна была вся мостовая широкой аллеи.

Незаметно улизнуть из помещения роты, когда внимание всех будет сосредоточено на происходящем за окнами, был сущий пустяк. В своих стрелковых способностях никто из нас не сомневался. Оставалось лишь достать оружие и патроны "со стороны", т.е. принести в корпус из города. Среди нас заговорщиков был один "приходящий", прибалтийский барончик, или, как мы его звали - "Сосиска. Он был хороший ученик, скромный и тихий и, казалось бы, совершенно не подходил к нашей буйной компании, но... противоположности часто сходятся, и Сосиска с нами не расставался. Его и решено было использовать для отыскания и доставки нужного нам оружия.

Только за день до происшествия ему удалось достать и принести в разобранном виде небольшой карабин-франкот и несколько патронов. Теперь оставалось решить вопрос, на кого должна пасть великая честь стрелять по косоглазой высокопоставленной особе. Жребий тут не годился, потому что он мог пасть на худшего стрелка и при одном карабине шанс успеха сводился бы к простой случайности. Поэтому решили устроить состязание в стрельбе. Во время большой перемены, когда все были на плацу, мы пробрались на чердак, где были уже спрятаны карабин и патроны. Мишенью выбрали скрещение двух балок-стропил. Только тут мы сообразили, что для пристрелки в нашем распоряжении имеется не больше как по одному патрону на стрелка с тем, чтобы на принца осталось не меньше трех. Но, делать нечего. Гулким эхом прокатился по бесконечным чердакам корпуса наш первый выстрел, перепугавший не только пернатых обитателей чердаков, но и нас самих.

Состязание окончилось быстро; несмотря на небольшое расстояние до мишени, результат пристрелки оказался весьма печальным. Но мы не унывали, объяснив неудачу незнакомством с ружьем; ввиду же того, что успехи наши на стрельбе были почти равными, мы тут же постановили, что стрелять по японцу будет тот, кто в момент проезда сумеет первым пробраться на чердак и завладеть карабином.

Настал наш большой день. Говорить не приходится, что в эту последнюю ночь мы и глаз не смыкали. Душа неизменно перемещалась из одной пятки в другую, но мы старались быть хладнокровными и непроницаемыми, как сам Шерлок Холмс. Никто даже из самых близких наших друзей не подозревал, что творилось в наших взбудораженных головушках.

Примерно за полчаса до проезда принца были прерваны занятия и кадеты бросились штурмовать окна, выходившие на улицу. Воспитатели

озабоченно водворяли порядок.

На тротуарах по обе стороны аллеи виднелось уже много нарядной публики; по мостовой разъезжали конные жандармы. Мы заговорщики, находясь у разных окон, зорко всматривались и чутко прислушивались к тому, что происходило на улице. Наконец послышался отдаленный рокот приветствий, проскакали казаки; жандармы и полиция осадили к тротуару. Наступил момент, когда каждый из нашей четверки должен был незаметно выскочить из класса в ротный зал и затем через спальню пробраться на черную лестницу. Дальше уже пустяки.

С большим трудом стал я освобождаться от сдавивших меня со всех сторон кадет. Как вдруг... словно гром с ясного неба в наш класс ворвался ротный командир и срывавшимся до писка голосом крикнул: "СЮРПО!"

Мы все отпрянули от окон и остолбенели. С перекошенным, бескровным лицом, хватая ртом воздух как рыба на берегу, он шарил глазами по толпе перепуганных кадет. Всем нам казалось, что ротный сошел с ума, или случилось что-нибудь ужасное. Даже шум приветствий, доносившихся с улицы, и дробное цоканье копыт по торцам не доходили до нашего сознания. В эту жуткую минуту я меньше всего думал, что все это непосредственным образом касалось меня и трех моих закадычных друзей. Но вот резко и отчетливо, как из рупора, прозвучали три фамилии. Я услышал свою, но как то не осознал этого. Только после повторения и резкой команды: "выйти вперед", я понял все. "Марш в дежурную комнату". При гробовой тишине я вышел из класса. Помню, что в дежурку заглядывали то наш воспитатель, то дежурный офицер. Кроме меня туда же вызвали еще двух заговорщиков. Не было только балтийского баронча. Сопоставляя это обстоятельство с тем, что, вызывая нас по фамилиям, ротный его не упомянул, стало ясно, что немчура нас выдал. Ротный то вбегал в дежурку, то вылетал из нее.Никто нас ни о чем не спрашивал.

Тихо старческой походкой, опираясь на палку, вошел директор. Строго, но спокойно посмотрев на нас, он, обратясь к ротному, тихо сказал: "Приведите их всех ко мне". Оба они затем вышли.

Через несколько минут ротный вернулся за нами. Пройдя пустующую в этот час спальню, минуя цейгхауз, спустились мы все на плац. Офицерские квартиры были недалеко, но в другом флигеле. Директор корпуса генерал Лавров встретил нас у своих дверей и отвел в столовую. Ротный ушел.

Супруга директора всех нас радушно встретила, усадила за стол и начала хлопотать около самовара. Мы ничуть не удивились, увидя здесь "Сосиску". С заплаканными глазами, с красными пятнами на лице, он упорно смотрел под стол. Через несколько минут, кажется, меня первым директор вызвал к себе в кабинет. Усадил рядом с собой и сразу-же утешил тем, что уже все о заговоре знает от одного из нас, нервы которого не выдержали,и он за несколько минут до "проезда" предупредил ротного командира о предстоящем покушении. Теперь лишь директор хочет услышать от меня самого, как все это произошло и каково было мое личное участие в этом заговоре.

Рыдая и задыхаясь от волнения, я поведал ему всю историю со всеми подробностями. Изредка, кладя мне руку на плечо, он прерывал меня каким-нибудь вопросом и особенно интересовался, не знал ли еще кто-нибудь, кроме нас четырех, обо всем этом. Спрашивал также, не было ли у нас по этому поводу с кем-нибудь переписки. Но тут он мог быть совершенно спокоен, т.к. действовали мы в этом деле с осторожностью и предусмотрительностью, не хуже Пата Пинкертона.

Затем директор встал и, пройдясь молча по кабинету,

остановился и долго смотрел на меня. Потом ласково погладил меня по вспотевшей голове и сказал: "Ну, теперь иди пить чай и позови следующего".

В столовой добрая хозяйка утешала рыдающих террористов и угощала их чаем. По всей вероятности, исповедь остальных заговорщиков была так же откровенна и полна, как и моя.

Примерно через час, когда последним вернулся из кабинета наша "предательская Сосиска", директор вызвал к себе нас всех сразу. Подавленные, но уже немного успокоившиеся, стояли мы против директорского стола. Грузно опустившись в глубокое кресло, генерал Лавров говорил тихим, спокойным голосом и, как я жалею, что не могу сейчас восстановить в памяти те прекрасные его слова, которые нас тогда так взволновали и тронули.

Сперва - историческая справка о несчастном случае с нашим Государем-Наследником в Японии и о том, как к этому отнесся его отец - Император Александр Ш.

Затем он объяснил нам духовную сущность ОФИЦЕРА-ВОИНА и РЫЦАРЯ, т.е. того высокого звания, которому мы готовились посвятить всю свою жизнь. Он ярко изобразил картину всего того, к чему могло привести наше, хотя бы и неудавшееся, покушение на жизнь японского принца. Мы были глубоко взволнованы этим. В заключение директор сказал, что месть - чувство, недостойное нас - РУССКИХ КАДЕТ, которые не могут быть поставлены на один уровень с каким-то фанатиком - азиатом, и, наконец, разъяснил нам исключительное положение нашего корпуса, которым является питомником Российского Великодержавия во враждебном нам городе, бывшей польской столице, где, конечно, не упустят случая раздуть скандал и тем самым запятнать наш корпус. Нельзя поэтому допустить, чтобы хоть малейший слух о нашей затее вышел за пределы стен нашего корпуса.

Все мы с искренней радостью дали торжественное обещание, что никто, никогда и ничего не узнает о нашем заговоре. Мы сдержали свое слово, если не считать исповеди в Великом посту, когда перед Святым Крестом и Евангелием нам корпусной священник отпустил нам наши "вольные и невольные" грехи.

Спустя некоторое время, корпус посетил Августейший главный начальник всех военно-учебных заведений Великий Князь КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ.

Наверно никто из кадет, кроме нас заговорщиков, не обратил внимания, когда на уроке гимнастики Великий Князь, как бы случайно, подзывал к себе кого-нибудь из нашей четверки, расспрашивал каждого о его родителях, интересовался, в какой полк мы мечтаем выйти и, задав еще два-три вопроса в таком же роде, чувствительно щелкал нас по затылку и отпускал на место.

"Папаша" - так мы звали нашего любимого директора корпуса - стоял тут-же со строгим и спокойным лицом, а в глазах его светилась ласка и гордость за своих провинившихся детей.

Н.П. Клобуков 1-ый.

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ, ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ, ИЛИ ВИТТЕ ВСѢ СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ! А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ.

ПОСЕЩЕНИЕ КОРПУСА ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ КОНСТАНТИНОМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ

День этот для нас кадет был настоящим светлым праздником. Весь корпус тогда преображался, все подтягивались и на все и вся как бы ложился радостный луч солнца. Наша однообразная жизнь наполнялась новыми и хорошими впечатлениями. Кроме того, на нашу кадетскую долю выпадали разнообразные, приятные неожиданности. Во-первых, небольшие проступки прощались; за более крупные грехи уменьшались наказания. Затем, обычно, устраивался концерт или спектакль и, наконец, наше начальство становилось добрее и, хотя зорче смотрело за порядком, но, в общем, жить было легче и приятнее. Преподаватели ставили меньше колов и двоек и избегали вызывать плохих учеников. Великий Князь входил в класс неожиданно, но во время какого-нибудь урока, присутствовал при занятиях и часто задавал вопросы вызванному преподавателем кадету. Однажды Великий Князь вошел в класс, когда мы заканчивали сочинение на русском языке. Поздоровавшись с нами, он приказал продолжать работу. Обходя согнувшихся над партами кадет, он спросил преподавателя, кто из его учеников считается лучшим по русскому сочинению. Назвав фамилии, преподаватель указал Великому Князю на трех, четырех кадет, в том числе и на меня. Мы встали, но, повинуясь жесту Великого Князя, сели и продолжали писать. Находясь недалеко от моей парты, Великий Князь подошел прямо ко мне и, опустив руку на мое плечо, просматривал мое сочинение. Затем, взяв из моей руки перо, он жирно подчеркнул несколько слов на одном лишь первом листе. Я был невероятно смущен и до слез покраснел, думая, что наделал много грамматических ошибок, хотя не видел их и не мог понять, в чем дело. Вот так скандал, вот так отличился, прыгали в моей голове обидные мысли. Но в этот момент Великий Князь строго сказал подошедшему преподавателю: "прекрасно, но совсем не по-русски . Вы совершенно не обращаете внимания на засоренность языка иностранными словами. Все это без труда можно выразить чистым и красивым русским языком".

Самое приятное и интересное было на больших и малых переменках, когда Великий Князь входил в ротный зал и оставался среди нас несколько минут. После команды "смирно" и рапорта дежурного офицера он здоровался с нами и мы тесным кольцом окружали его. Естественно, что каждый из нас старался протиснуться поближе к Великому Князю, из-за спины которого наше начальство делало нам страшные глаза и знаки, чтобы мы не очень напирали. Но мы вели себя прилично, сами чувствовали, что возможно и что недопустимо. Никому и в голову не приходило задавать Великому Князю какие-нибудь вопросы, или обращаться с просьбами. Но в этом, в сущности, и надобности не было. Великий Князь знал нас насквозь, как и все наши маленькие желания. Обладая феноменальной памятью, он знал многих кадет по фамилиям, подзывал их, расспрашивал о братьях, о родителях и нередко даже о некоторых семейных обстоятельствах. Интересовался обычно, кто и в какое училище стремится попасть и о каком полке мечтает. Узнав, что отец одного кадета переведен по службе на Дальний Восток и поэтому сын его лишен возможности провести Рождество и Пасху у себя дома, Великий Князь приказал отпустить этого кадета на летние каникулы неделей раньше с правом вернуться из отпуска неделей позже.

Особенно любил Великий Князь самых маленьких кадет. Высмотрит такого в толпе других малышей, извлечет его оттуда, поднимет на воздух, поставит на парту или подоконник и скажет, смеясь: "Вот видишь, еще немного и перерастешь меня". С самыми высокими кадетами Великий Князь мерялся ростом и всегда очень удивлялся,

если кто-нибудь оказывался выше его. Помню, был у нас тогда один такой, носящий соответствующую фамилию, и Великий Князь не мог равнодушно видеть его. "Горский, а ну-ка подойди сюда, встань рядом". И, сравнивая свое плечо с плечом Горского, нарочито строго говорил: "Как Ты смеешь быть выше меня, нахал ты этакий!" Затем, смеясь, щелкал его по затылку.

Если приезд Великого Князя совпадал с каким-нибудь праздничным днем, то обыкновенно корпус устраивал концерт или спектакль. Однажды старшими классами была поставлена интересная, но довольно трудная пьеса из жизни Суворова: "Взятие Измаила". Разыграна она была великолепно и Великий Князь был очень доволен, а на нас малышей эта пьеса произвела неотразимое впечатление и до сих пор еще я хорошо помню некоторые сценки и многие эпизоды этой прекрасной пьесы.

Если Великий Князь оставался доволен посещением корпуса, а это обычно так и бывало, то в день своего отъезда, прощаясь с нами, спрашивал, что бы мы хотели у него попросить. Как сейчас помню, было это еще в младшей роте и незадолго до Рождества Христова или Пасхи. Мы ожидали этого традиционного вопроса и хором отвечали, что просим отпустить нас на праздники немного раньше, чем предполагается. Великий Князь, улыбаясь, нам ответил: "Прекрасно, поедете после дождичка в четверг". Не поняв этой шутки, мы пришли в дикий восторг и кричали "ура". Незадолго до отпуска, когда мы напоминали об этом своему воспитателю, то он, смеясь, говорил, что, если Великий Князь разрешил отпустить нас в четверг, то так и должно быть... если, конечно, в четверг будет дождь, а если дождя не будет, то в этом никто не виноват. Мы были в полном недоумении и с мольбой посматривали на небо, не вполне понимая, причем тут дождь, хотя сами ясно слышали, что Великий Князь так именно и говорил. Но все опасения наши были напрасны - распустили нас даже раньше четверга и без всякого дождя.

Далеко эти счастливые дня, эти незабываемые страничка из восхитительной сказки о "Потонувшем мире", но светлый образ нашего царственного Начальника - Великого Князя Константина Константиновича - мы свято храним в наших воспоминаниях и до сих пор он дорог нам, бывшим кадетам, и свеж так же, как хороши и свежи Его розы.

Н. Клобуков 1-ый

РАЗМЫШЛЕНІЯ СУВОРОВЦА.

Порой мнѣ кажется, что это сновидѣнье,
Как сказка дивная, что в дѣтствѣ слышал я,
И ясно мнѣ теперь и в этом нѣт сомнѣнья,
Что это все ушло навѣки от меня.
Ушло, разсѣялось, как призраки ночные,
Изгладились черты знакомаго лица,
Поблекли образы - всегда нам дорогіе,
Но бьются до сих пор кадетскія сердца.
Кадет, гдѣ-б не был он, останется кадетом
И будет вѣрен он до гробовой доски
Традиціам корпуса и корпусным завѣтам,
Что прочно залегли на дно его души.
К тому - ж завѣты эти сам Суворов сѣял,
И пышно разцвѣли они у нас в душѣ;
Кадетскій корпус наш их бережно лелѣял,
А мы разносим их по Матушкѣ-Землѣ.

Н.КЛОБУКОВ I-й.

Г О С У Д А Р Ь И К О Р П У С.

Жизнь нашего молодого корпуса тѣсно была связана с царствованіем послѣдняго Россійскаго Императора. Его Державной волей корпус был основан и, послѣ Его отреченія от Престола, корпус, дав еще один выпуск, прекратил свое существованіе. Мы вѣрим, что корпус вновь возродится. Поэтому мы обязаны оставить нашему потомству наш слѣд. Мы должны сдѣлать это, чтобы будущіе Суворовскіе кадеты, прочтя наши воспоминанія о корпусѣ и о его жизни, восприняли бы тот дух и тѣ традиціи, коими жили мы. Я хочу подѣлиться моими воспоминаніями о встрѣчах Государя корпусом и о Его посѣщеніи корпуса в Москвѣ. Больше сорока лѣт прошло с тѣх пор. Многое забылось. Остались отдѣльные отрывки из прошлаго.Я надѣюсь, что однокашники, которые были участниками этих событій и еще не откликнулись - откликнутся и дополнят то, что ушло из нашей памяти и поправят - что передано не точно.

Первый раз корпус встрѣчал Государя в Варшавѣ в I9I0 году. За давностью лѣт и моим малолѣтством /я был в I классѣ в то время/ - всѣ подробности, равно как и даты совершенно ушли из памяти. Помнится,что стояли вдоль желѣзной дороги. Мимо нас прошел Царскій, темно-синій, поѣзд с большими зеркальными окнами. В окнах стояло много военных,но Государя я не видѣл. Вот все, что осталось в памяти.

Об этой встрѣчѣ Н.М.Витте пишет: "Государя мы, кадеты, видѣли в I9I0 году, когда Он проѣзжал на охоту. Мы стояли на правом флангѣ всѣх войск, почти против Цитадели. Поѣзд проходил к Привислинскому вокзалу. Кадетам показалось, что Государь, стоя у открытаго окна, поднял три пальца и рѣшили, что это значит - распустить на три дня."

К.В.Соколов вспоминает, что: "было это в I909 году. Государь ѣхал в Италію. Для Его встрѣчи войска Варшавскаго гарнизона были выстроены вдоль полотна желѣзной дороги на западном берегу Вислы. Корпус стоял на правом флангѣ войск, как раз у моста через Вислу. Не безынтересна была охрана пути слѣдованія Государя. Около самаго полотна жел.-дор. стояли на больших интервалах часовые, спиной к поѣзду; вторая линія часовых стояла шагах в ста от полотна, лицом к поѣзду; на горизонтѣ маячили дозоры кавалеріи. Поѣзд Государя пронесся по мосту полным ходом, таким же ходом промчался и мимо корпуса, начав замедлять ход уже дальше. Говорили, что потом поѣзд шел черепашьим шагом и войска отлично видѣли Государя, смотрѣвшаго в окно. Нам это счастье не выпало. Поѣзд мчался так быстро, что разсмотрѣть кто был у окна не было возможности, тѣм болѣе, что в окна смотрѣло много лиц /вѣроятно свита Государя/. Кромѣ промелькнувших вагонов, мы ничего не видѣли и вернулись сильно разочарованными. Кадет Георгій Скалон продѣлал весьма рискованную вещь. Он взял с собой фотографическій аппарат и, стоя во второй шеренгѣ, снял поѣзд; к сожалѣнію он, видимо, запоздал: вышли только послѣдніе вагоны и на снимкѣ Государя не было. Рискованно было это потому, что часовые, стоявшіе спиной к поѣзду, могли бы принять аппарат за какое нибудь огнестрѣльное оружіе и попытку снять - за покушеніе. К счастью все прошло благополучно. Скалон роздал фотографіи всему нашему отдѣленію".

Второй раз корпус встрѣчал Государя и Царскую Семью в началѣ августа I9I4 года в Москвѣ. Государь пріѣхал в Москву вскорѣ послѣ начала войны. Ходило нас на встрѣчу не много, т.к. занятія еще не начинались и съѣзда не было. Я был в 6 классѣ. Были тѣ, кто пріѣхал вмѣстѣ с корпусом из Варшавы и, вѣроятно, нѣсколько человѣк, присоединившихся к нам в Москвѣ. Стояли мы вдоль Кремлевской набережной. Был дивный,солнечный день. Государь и вся Царская Семья прослѣдовали в двух открытых колясках, шагом, мимо нас. Императрица и Великія Княжны были в бѣлых туалетах. Государь и Его Семья привѣтливо раскланивались с войсками и народом. Мы до изступленія кричали "ура". Всѣ мы первый раз в

жизни видѣли так близко Государя и Его Семью. Наши чувства и наше волненіе,в тот момент, я не смогу передать. Шла война и всѣм нам хотѣлось, как можно скорѣе - на полѣ брани- доказать Ему нашу безпредѣльную преданность и любовь. Сколько впечатлѣній было у нас и как долго мы перебирали все, когда вернулись домой. А когда начался съѣзд к началу учебнаго года - опять пошли наши разсказы о встрѣчѣ тѣм, кто не принимал в ней участія. Нас много раз переспрашивали, заставляя передавать все до мельчайших подробностей. Мы, разсказывая, вновь переживали такія же минуты радости и восторга, какія мы так недавно испытали, встрѣчая Государя с Семьей. И как нам завидовали!

Прежде чѣм самому описывать третью встрѣчу Государя и Его посѣщеніе корпуса, я помѣщаю воспоминаніе об этих событіях М.А.Медера. Из помѣщенных мною воспоминаній однокашников, читатель увидит, как сильно всѣм нам измѣняет память. Всѣ мы участники одних и тѣх же событій,но, описывая их, во многом не сходимся, как в датах, так и в подробностях.

Вот что пишет М.А.Медер: "Государь Императоp был у нас в корпусѣ II декабря I9I4 года, а не осенью I5-го. Мы еще ходили Его встрѣчать 9-го декабря ночью. Наше мѣсто было около Кремля. Государь Императоp проѣхал в автомобилѣ между шпалерами войск; это было около I2-ти час. ночи. Было очень холодно. Нам выдали жир, чтобы намазать лица,и газетную бумагу, чтобы обернуть ноги. Несмотря на сильный мороз оркестр игpал. I3 декабря мы ходили провожать и наше мѣсто было на Тверской улицѣ. Это у меня врѣзалось в память. Тогда еще с нами была 4 рота,которая в I5 году была при I-м Московском корпусѣ. По дорогѣ к нам в корпус, машина Государя задѣла какого мальчика, но с ним ничего не случилось. Как нам потом разсказывали, Государь вышел из автомобиля. Мальчик оказался сыном рабочаго. Родители были обезпечены деньгами, а мальчик, по приказу Царя, опредѣлен в корпус. Мы получили три дня отпуска, которые были прибавлены к нашим Рождественским каникулам, т.ч.вмѣсто 6-го января, мы должны были явиться в корпус 9-го. Послѣ отъѣзда Государя у нас распространился слух, что идя по коридору 4-й роты, гдѣ были классы,/в полуподвальном помѣщеніи,на уровнѣ столовой, в казармах Гренадерскаго Сапернаго батальона и гдѣ всегда был полумрак/ Государь Императоp поднял, случайно валявшійся, мундир 4-й роты, посмотрѣл,передал флигель-адьютанту и сказал: "как раз для Наслѣдника, возьмите".Не думаю, что это правда, но, повидимому, нам так хотѣлось. Эта легенда держалась добрый год".

Третій раз корпус встрѣчал Государя, в Москвѣ, в декабрѣ I9I5 года. Дня не помню. Я был в 7 классѣ. Был ясный, морозный день. Ходили встрѣчать Государя в Кремль. По совѣту начальства, мы обмотали ноги газетами, т.к. мороз к вечеру еще усилился. Вышли, когда было совсѣм темно. Идти,от Сокольников до Кремля,было далеко и поход был не легкій. Было скользко и,при каждом неудачном шагѣ, винтовка больно била по уху. Да и борданки были тяжелыя, и лѣвая рука затекала и замерзала. В серединѣ похода, нас остановили и дали немного передохнуть. Тяжело было и музыкантам играть при таком морозѣ. Подмѣняли и знаменщика. Войдя в Кремль, мы стали развернутым фронтом - спиной к гауптвахтѣ и караульному помѣщенію. Какія войсковыя части были с нами - не помню; но вѣроятно были Военныя училища и Московскіе корпуса. Ждали пріѣзда Государя очень долго. К полуночи раздались команды. Мы взяли "на караул".Оркестры заиграли встрѣчи. Склонилось знамя, салютуя Державному Вождю. Неслись крики "ура". Оркестры стали играть гимн. Мимо нас проѣхало нѣсколько автомобилей, окна которых так заледенѣли, что различить сидѣвших внутри нельзя было. Поздно ночью вернулись домой усталые, но довольные. И по приходѣ, и на другой день оживленно обмѣнивались впечатлѣніями. О желаніи Государя посѣтить корпус, в этот Его пріѣзд в Москву, было извѣстно заранѣе и мы, в ожиданіи Высочайшаго посѣщенія, ходили на уроки в парадной формѣ и при подсумках. В ожиданіи Государя, мы начищались до блеска. Пуговицы, бляхи, сапоги - блестѣли как зер-

кало. Ходили как именинники. Сдували пылинки с мундиров, чтобы предстать перед Государем как можно лучше. Разговоры только и были: "Когда пріѣдет? Как? С кѣм? Успѣем ли построиться? Только не осрамиться бы с ружейными пріемами, а сдѣлать их чисто и хорошо - "на ять". Друг друга осматривали: не слабо ли затянут пояс, на мѣстѣ ли подсумок, хорошо ли сидит фуражка. Музыканты начищали свои инструменты до солнечнаго блеска. Знаменщик Чаусов все время повторял салют знаменем. Его ближайшіе друзья, с уставом в руках, поправляли. Тут было не до уроков. Что говорилось преподавателями, проходило мимо ушей. Настроеніе было приподнято до послѣдней степени. "Когда же?" Помню, шел третій урок, когда,с быстротой электрической искры, пронеслось извѣстіе, что Государь пріѣхал в корпус и обходит главное зданіе. Стрѣлой помчались мы из классов, находившихся в отдѣльной казармѣ, на третій этаж главнаго; разобрали винтовки и выстроились на дворѣ, вдоль дороги внутри казарм, правым флангом к входным воротам. Только успѣли построиться, раздалась команда: "Под знамя.Слушай на кра-ул!" Под звуки "Гром побѣды раздавайся" Чаусов /знаменщик XI выпуска/ вынес знамя. Не успѣли взять "к ногѣ" как вновь раздалась команда: "Слушай на кра-ул!" Рота ощетинилась штыками и, справа, под звуки встрѣчнаго марша, появился Государь в сопровожденіи небольшой свиты. Знамя склонилось в салютѣ. Государь был одѣт в солдатскую шинель и защитную фуражку. Поздоровавшись с нами, Государь медленно прошел по фронту I роты и остановился по серединѣ ея. Государь стоял шагах в трех против меня и мнѣ пришлось чуть-чуть отклонить винтовку, чтобы Его лучше видѣть. Лицо Государя было утомленное. Грустны были Его глаза. От Него исходило такое обаяніе, которое я передать не сумѣю. Это надо самому пережить. Трудно передать наши чувства в тот момент. Наше волненіе было так велико, что все казалось как-бы в туманѣ. Думаю, у многих и слезы были на глазах.

"Рад видѣть Суворовских кадет в Москвѣ. Я дал распоряженіе вашему директору отпустить вас на три дня" - закончил Государь. Стихійно грянуло наше "ура" Полились звуки гимна."Ура" ширилось и росло. Сердца наши неслись к Государю и готовы были от радости и восторга выпрыгнуть из груди. Государь улыбнулся, приложил руку к козырьку и медленно удалился, провожаемый звуками гимна и нашими криками "ура" Увѣрен, что мои однокашники пережили все это также как и я. Вечером нам показали автограф Государя в корпусной книгѣ. Потом начальство передало, что, по этому случаю, заказана мраморная доска с соотвѣтствующей надписью. На Рождество нас распустили,по случаю Царской милости, вмѣсто 22 декабря I9-го. Сколько разговоров было послѣ Царскаго посѣщенія. Долго мы не могли успокоиться. Вспоминали каждую подробность, каждый шаг и каждый жест Государя. Прошло сорок лѣт с того времени. Но стоит мнѣ только вспомнить об этом - как живой встает перед моим мысленным взором Государь и я вновь ощущаю Его обаяніе. В жизни каждаго из нас, участников, Царское посѣщеніе было счастливым моментом; оно оставило в душѣ глубокій слѣд и никогда это не забудется.

С.В.НИТЦ /XI вып./

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Кто из нас, старых кадет, мысленно обращаясь к своим юным кадетским годам, не вспоминает с любовью нашего Начальника Военно-Учебных Заведеній Великаго Князя Константина Константиновича. Каждый пріѣзд Его Высочества в корпус был для нас праздником. При посѣщеніи рот вокруг Великаго Князя собиралась толпа кадет. Подняв головы и разинув рты, прислушивались к каждому слову Его Высочества и старались не пропу-

дтить ни одной Его фразы. Все интересовало нас - и огромный рост Великаго Князя, и форма Его Высочества в этот пріѣзд, но особенно занимали нас сапоги-преображенки со множеством складок. Чтобы сдѣлать нѣсколько шагов, Великому Князю приходилось нажать на первые ряды и, тогда, вся масса откатывалась назад, очищая мѣсто, а потом снова, как морской прибой, устремлялась к Его Высочеству. Обладая феноменальной памятью, Великій Князь, почти без ошибки, называл корпуса переведенных к нам кадет. Уже будучи юнкером Елисаветградскаго Кавалерійскаго Училища, я был вновь поражен памятью Его Высочества, когда Он называл юнкерам корпуса, гдѣ они воспитывались. Особенно мнѣ вспоминается случай, происшедшій со мной.

Выдержав, в 1904 году, одним из первых, вступительный экзамен при Суворовском Корпусѣ, я, к сожалѣнію, не попал на казенный счет в наш корпус и был зачислен в Псковскій. Отец мой был в это время на Русско-Японской войнѣ и моя мать, желая быть поближе ко мнѣ, тоже переѣхала в Псков. В октябрѣ того же года, она поѣхала в С.-Петербург, к Великому Князю, просить о моем переводѣ в Суворовскій Корпус, по мѣсту постоянной службы моего отца и нашего мѣстожительства. Великій Князь отнесся очень внимательно и отзывчиво к ея просьбѣ, обѣщая сдѣлать все возможное, но при условіи, что я буду хорошо учиться. Кажется, в февралѣ 1905 года Его Высочество посѣтил Псковскій Корпус и зашел, на одном из уроков, в мое отдѣленіе. Как старшій в отдѣленіи, я должен был рапортовать Великому Князю. Подойдя на три шага, задрав голову вверх, чтобы смотрѣть в глаза Его Высочеству, я начал свой рапорт, но Великій Князь прервал меня, схватил подмышки, поставил на стол и сказал: "теперь рапортуй!" Став почти одного роста с Его Высочеством, я смущенно отрапортовал. "Как твоя фамилія?" спросил Великій Князь. "Погорецкій, Ваше Императорское Высочество!" "Погорецкій, Погорецкій," повторил Великій Князь, нахмурившись и приложив, по своему обыкновенію, палец ко лбу. "Постой, постой, вѣдь твоя мама была у меня и просила о переводѣ в Суворовскій Корпус. Помню я обѣщал, если будешь хорошо учиться. Ну что ж. Вижу, что старшій в отдѣленіи, вали так и дальше!" С этими словами, Его Высочество взял меня двумя пальцами за нос, потрепал, а потом, сняв со стола, сѣл к кому то за парту. Прослушав нѣсколько отвѣтов кадет и заглянув в парту сидящаго рядом кадета, Великій Князь покинул наше отдѣленіе.

Во второй класс я перешел с наградным листом. /В Псковском Корпусѣ давали награды при переходѣ из класса в класс./ Лѣто, как всегда, мы проводили на хуторѣ моего дяди, отставого кавалерійскаго полковника, в Херсонской губерніи, недалеко от Елисаветграда. В это лѣто, за хорошее ученіе, я получил, от отца в подарок, мою первую собственную верховую лошадь. Счастлив я был безгранично. Среди лѣта пришла бумага, извѣщавшая, что я переведен в Суворовскій Корпус. Радости моей не было границ.

Прошло, вѣроятно, полтора года. Я был уже в III классѣ, когда Суворовскій Корпус посѣтил Его Высочество. Обходя по очереди классы, Великій Князь зашел и в мое отдѣленіе, гдѣ я опять был старшим. На этот раз, отчетливо подойдя к Его Высочеству, я отрапортовал, сдѣлал шаг в сторону и ждал возможнаго вопроса. "Как твоя фамилія?" спросил Великій Князь. "Погорецкій, Ваше Императорское Высочество!" "Погорецкій? Постой," задумался на минуту Великій Князь, "вѣдь это ты мнѣ рапортовал на столѣ в Псковском Корпусѣ?" "Так точно, Ваше Императорское Высочество," отвѣчал я, пораженный такой исключительной памятью.

Есть многа воспоминаній о Великом Князѣ и всѣ они повѣствуют о том, как Он любил нас, молодежь, как умѣл подойти к нам и оставить на всю нашу жизнь яркій, неизгладимый слѣд своего очарованія. Все это было когда то. Ушел от нас любимый Князь.

Вѣчный покой и вѣчная память Великому Князю.

Свѣтлая память Великому Князю в кадетских сердцах.

Д.А.ПОГОРЕЦКІЙ в.у.о.VI вып.

XIII ВЫПУСК - РОКОВОЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

Вмѣсто предисловія.

Отец мой, царство ему небесное, окончив Военно-Педагогическіе курсы в С.-Петербургѣ, в чинѣ капитана Россійской Императорской арміи, получил долгожданное назначеніе исполняющаго должность штатнаго преподавателя в Донской Императора Александра III Кадетскій Корпус.

Лѣтом 1909 года ему удалось, наконец, выбраться, со всей семьей, из маленькаго провинціальнаго городка Привислинскаго края и переселиться в Новочеркасск- столицу Области Войска Донскаго.

Хотя мнѣ тогда исполнилось только 8 лѣт, но это первое такое далекое путешествіе, также как и кратковременное пребываніе на югѣ Россіи, оставили настолько глубокое впечатлѣніе, что, мнѣ кажется, я мог бы описать этот період моей жизни до самых мельчайших подробностей.

По окончаніи учебнаго года, лѣтом в 1909 году, оставшіеся в корпусѣ кадеты поѣхали в лагерь, расположенный на берегу одного из притоков Маныча, недалеко от станицы Персіановка. Здѣсь, как бы странно это ни показалось, я внезапно заболѣл малярієй и корпусной врач сказал, коротко и ясно, моему отцу, что ежели он не желает потерять своего единственнаго сына, то меня необходимо немедленно отправить в иную климатическую полосу. Должен замѣтить, что в то время отец мой усиленно хлопотал о переводѣ в Варшаву в Суворовскій Кадетскій Корпус.

Без долгих обсужденій, рѣшено было всей семьѣ, как можно скорѣе, покинуть Область и ранней осенью 1910 года, мы, без отца, который остался в Новочеркасскѣ, снова вернулись в ту самую провинціальную глушь, откуда выѣхали.

Время неудержимо неслось вперед и все чаще и чаще тема, о предстоящих экзаменах, начинала принимать важнѣйшее значеніе в домашних разговорах, что меня всегда как то невольно волновало. Из за отсутствія моего отца, подготовка моя, к предстоящим экзаменам, лежала всецѣло в руках моей дорогой матери, которая, казалось всю душу вкладывала в это дѣло. Не отдавая себѣ яснаго отчета и не вникая в причины необходимости изученія всѣх этих, порой, замысловатых премудростей, я к ученію относился серьезно и добросовѣстно. Зубрил молитвы, стихотворенія, басни слова на букву "ять" - бѣг, бѣда, бѣглянка..., рѣшал арифметическія задачи, дѣлал примѣры и пр.

Покойный отец мой представлял личность незаурядную, ибо он соединял в себѣ три, ярко выраженныя и характерныя особенности: он был образцовый офицер, прекрасный педагог и очень хорошій скрипач-самоучка. Благодаря особенным педагогическим способностям моего батюшки, я, уже с ранняго дѣтства, сам того не замѣчая, постиг очень основательно такія мудреныя вещи, как десятичную систему счисленія, четыре основных арифметических дѣйствія и всѣм извѣстную таблицу Пифагора. Кромѣ того, примѣняя различные методы, он сумѣл вложить в меня, хотя и краткія, но очень прочныя, познанія из русской исторіи и географіи. Об иностранных языках заботились гувернантки. Сперва француженка, с которой я все время воевал, а затѣм, смѣнившая ее, остзейская нѣмка, родом из Риги, с которой я жил очень дружно и которая, по причинам, порой мнѣ, совершенно непонятным, к величайшему удивленію моих сестер, меня иногда даже баловала. Все это, несмотря на отсутствіе моего отца, не только сильно помогло мнѣ во время подготовки к экзаменам, но и сказалось во все время ученія в корпусѣ, который я, начиная с 3-ей четверти I класса, прошел первым, не потому чтобы обладал выдающимися зубрильными талантами, а главным образом потому, что с самых ран-

них лѣт, отец мой, очень сильно заботившійся о моем воспитаніи, сумѣл развить во мнѣ чувство самостоятельности и пробудить, как он выражался, "умѣніе думать".

На этом я заканчиваю свое краткое вступленіе, которое считаю необходимым для того, чтобы ввести, дорогого читателя, в обстановку, непосредственно предшествовавшую моему опредѣленію в тот дорогой корпус, в котором я провел семь незабываемых лѣт, оставивших неизгладимый слѣд во всей моей дальнѣйшей жизни.

Постараюсь как сумѣю описать это время.

Глава I. Вступительные экзамены.

Перевод моего отца, в Варшаву, состоялся в началѣ мая 1911 года, благодаря содѣйствію директора Донского Корпуса, генерал-майора Лазарева-Станищева, б. инспектора классов Суворовскаго Кадетскаго Корпуса.

Наконец, наступил долгожданный день и отец мой повез меня, одѣтаго с головы до ног во все новенькое, на экзамены.

По натурѣ своей, с малолѣтства, я был фаталист, т.е. твердо вѣрил в то, что со мной случится все по предначертанію Всевышняго, который в нужную минуту даст мнѣ необходимые разум и силы для того, чтобы справиться с создавшимся положеніем, а в данном случаѣ - выдержать экзамены. Все новое, однако, меня очень интересовало.

Важнѣйшим наставленіем моего отца было: "никогда не теряй головы и не давай необдуманных отвѣтов!" Познаній моих он особенно не провѣрял, хотя и задавал порой, совершенно неожиданно, такіе вопросы, над которыми дѣйствительно приходилось подумать; иногда же такіе, которые вызывали довольно горячія обсужденія. Отец, хладнокровно и терпѣливо, выслушивал всѣ мои доводы, как бы пространны они ни были, и разъяснял мои ошибки или заблужденія.

Трудно описать то чувство трепета, смѣшаннаго с необычайным благоговѣніем, которое овладѣло всѣм моим существом, когда впервые, в сопровожденіи моего отца, я переступил порог того зданія, на Бельведерской аллеѣ № 21, над которым красовалась надпись - Суворовскій Кадетскій Корпус. Это был конец моему дѣтству и я чувствовал, что передо мною открывался таинственный, совершенно невѣдомый донынѣ, новый мір.

Так как мнѣ исполнялось десять лѣт только лишь в концѣ іюля, то появились нѣкоторыя затрудненія, чисто формальнаго характера, которыя были преодолены, хотя и с нѣкоторым волненіем, все же с большой легкостью.

По дислокаціи войск Россійской Имперіи, в Царствѣ Польском было расположено много воинских частей всѣх родов оружія, а слѣдовательно офицеров и их сыновей было тоже очень много. Кадетскій корпус был только один - наш Суворовскій. Желающих попасть в него было всегда гораздо больше, чѣм свободных вакансій; вот и получался конкурс, т.е. соревнованіе. Если не ошибаюсь, в 1911 году на, приблизительно, 90 вакансій явилось около 600 желающих.

Болѣе половины кандидатов обычно отпадало на медицинском осмотрѣ, который был очень тщателен и безпощаден. Выбирались безукоризненные из лучших - одним слоѣм - молодец к молодцу. Мой медицинскій осмотр продолжался два дня: дѣлались всевозможныя измѣренія, взвѣшиванія, обмѣриванія, всякія испытанія на, ранѣе никогда не виданных, приспособленіях и инструментах. Узнав о том, что я прошел медицинскій осмотр благополучно, отец мой был очень доволен.

Экзамены продолжались нѣсколько дней и, несмотря на основательную подготовку, я чуть не сорвался из за русскаго письменнаго, ибо диктовка была очень ядовитая и каверзная; я надѣлал много ошибок. Как сейчас, помню еще одну фразу, в которой я сдѣлал нѣсколько ошибок: "воробей норовит забиться под стрѣху!" Выручил меня устный экзамен по русскому языку. Обыкновенно сначала экзаменовали по грамматикѣ, а затѣм

либо задавали сдѣлать устный пересказ прочитаннаго, либо декламировать что нибудь из продусмотрѣннаго программой, или из того, что знал экзаменующійся. Быть может, потому что время близилось к завтраку и экзаменаторы торопились, вызвав меня и не дав времени для подготовки, они предложили мнѣ продекламировать что либо, из того что я знал. Без долгих размышленій я начал:

"Горит восток зарею новой, Грохочут пушки - дым багровый
Ух на равнинах, по холмам, Клубами всходит к небесам" и т.д.

Чѣм дальше я читал эту чудную поэму, тѣм больше я, как говорится, входил в азарт; щеки мои пылали, интонація голоса мѣнялась гдѣ надо, а также и сила его. Моя декламація произвола на педагогов такое хорошее впечатлѣніе, что они, высказав свое одобреніе, единодушно выставили мнѣ, по русскому устному, двѣнадцать баллов и, не спрашивая ничего по грамматикѣ, приказали садиться. Остальные предметы, выдержанные либо хорошо, либо отлично, способствовали повышенію моего средняго балла, который должен был быть не менѣе девяти с половиной.

Когда моему отцу объявили, что я выдержал экзамены и попал в конкурс - гордости его не было предѣлов. Он подарил мнѣ десять рублей золотом, нѣсколько раз, погладив по головѣ, назвал молодцом и вечером повел на гала-представленіе в цирк Чинизелли. Получив еще в подарок от знакомых, у которых мы остановились, большую коробку шоколадных конфект от Лярделли, я чувствовал себя героем дня. Мой фатализм на сей раз нашел свое потвержденіе.

Пробыв еще нѣсколько дней в Варшавѣ, мы отправились домой, гдѣ меня ожидал торжественный пріем. Мать моя души не чаяла во мнѣ и не могла дождаться того момента, когда она увидит меня в кадетской формѣ, которую, по ея распоряженію, без вѣдома отца, я сказал бы даже тайком от него, начали импровизировать. Самыя большія затрудненія были с трафаретом на погонах, который, с неописуемым стараніем, вывел вѣстовой нашего сосѣда. Были еще и другіе недочеты и неточности. Но форма, хотя и импровизированная, была одѣта и, вмѣстѣ с сестрами, одѣтыми в одинаковыя, воздушныя, нѣжно-розовыя, батистовыя платьица, мать повела нас в церковь. Когда, по возвращеніи домой из церкви, отец увидѣл меня, то он, без долгих разговоров, приказал эту самодѣльную форму снять и ее никогда болѣе не одѣвать. Его слово было свято и всѣ его распоряженія всегда исполнялись точно, безпрекословно и безропотно.

Лѣто 1911 года, несомнѣнно, было счастливѣйшим и беззаботнѣйшим во всей моей жизни. Хотя экзамен был выдержан, я должен был каждый день, по выраженію моего отца, "заниматься умственным трудом," причем он принимал в этих занятіях дѣятельное участіе, особенно по части математики, к которой он сумѣл пробудить во мнѣ неугасимый интерес.

Дни летѣли быстро... В началѣ августа дома уже шли приготовленія к предстоящему переѣзду всей нашей семьи в Варшаву и начинали поговаривать о моем скором отъѣздѣ в корпус.

/Продолженіе будет./

Н.А.КОРЬЮС /XIII вып./

П Е Р В Ы Й В Ы П У С К.

Это стихотвореніе Петра Александровича Сорокина было помѣщено в газетѣ "Варшавскій Дневник" в 1906 году. Нынѣ, по просьбѣ Объединенія, оно получено от автора для нашего сборника.

Помню день, как, по Волѣ Господней,
В Бельведерской зеленой аллеѣ,
Застучал молоток камнетеса,

Замолкали работников блузы,
Завизжала пила, застонала лопата,
И топор, первый плотника друг, заработал,
Заскрипѣла веревка по блокам,
Подымая людей и инструмент,
Среди шатких, опасных лѣсов...
Одним словом - во всю закипѣла работа!
Я уѣхал... Промчалось два года...
А вернувшись, я дивное диво увидѣл:
В Бельведерской зеленой аллеѣ
Возвышались чертогов громады.
В тѣх чертогах не праздность гнѣздилась,
Не бездѣлье царило в покоях,
Не лежала на мягких диванах там нѣга,
Не входило туда и разгулье...
Нѣт! Им не было входа туда,
Не осталось им мѣста:
Поселилась там честь, с ней наука и мудрость.
И еще пронеслося пять лѣт с того часа.
Растворилися двери чертогов
Бельведерской зеленой аллеи,
И, как в дѣтствѣ мы в сказках читали,
Семь десятков красавцев цвѣтущих,
Молодых, и здоровых, и сильных,
Вышли в стройном порядкѣ оттуда...
И пронесся вдруг голос могильный:
"Мои дѣти, любите Россiю!"
И всяк понял, что значит тот голос,
И всяк понял откуда исходит,
Ибо знал гражданин всяк Россiйскiй,
Что "Великiй Старик," за могилой,
Также любит Россiю, как прежде,
В дни походов своих италiйских;
И теперь, своим дѣтям любезным,
Замогильный завѣт посылает.
И мы скажем, с ним вмѣстѣ:
"Кадеты! Будьте вѣрны родимой Россiи!"

1906 г. П.СОРОКИН.

П.С. А теперь, я скажу Вам: Родные!
Не з а б у д ь т е Родную Россiю!
И дѣтей научите, и внуков,
Той любви безкорыстной, глубокой,
Освящающей душу и сердце,
Создающей из нас человѣка.
15 марта 1955 г. П.СОРОКИН./Дѣдушка./

ПОСЛѢДНIЙ ПРИВѢТ СУВОРОВСКОМУ КОРПУСУ К I-му ОКТЯБРЯ.

Лишенный пышности сей тлѣнной,
Среди московских пустырей,
Ты блещешь славою военной
Своих сынов, сынов богатырей.

И шлет тебѣ, в сей день священный,
Сердечный, искренniй привѣт,
Твой друг, как прежде, неизмѣнный,
И Аракчеевскiй кадет.

П.СОРОКИН./Математик/.

Примѣчанiе П.А.Сорокина. Суворовскiй Корпус находился тогда в Москвѣ, в Сокольниках, далеко от центра, в мѣстѣ, которое можно было, до нѣкоторой степени, назвать московским пустырем. Я тогда преподавал в Петроградѣ в Николаевском Кадетском Корпусѣ.

"Б Л И Ж А Й Ш І Й У Г О Л!"

Время утѣшаетъ горе.
Время притупляетъ остроту радости.
Но прошедшаго всегда жаль - орошалось ли оно
слезами, или сіяло улыбкой.

Прочно сложены стѣны "альма матэр!"

Ревностно оберегали онѣ будущих воиновъ от сутолоки и треволненій

Без неудачъ и огорченій не обходилось и в кадетском монастырѣ, ибо всю жизнь они преслѣдуют человѣка - и все же, за толстыми стѣнами протекали самые беззаботные дни.

Вспоминаешь с теплой грустью...

Но тогда, в непосѣдливые годы мятежной юности, как надоѣдала монотонность ученія, размѣренность уклада, безпрекословное подчиненіе, одинаковость вчера и сегодня - и прислушиваясь к доносившимся извнѣ голосам, невѣдомой еще настоящей, жизни, рвались к ней, с легкомысленным задором.

Послѣ пяти дней томительнаго ожиданія, листочки календаря открывали самый счастливый - субботу.

Пробѣгая вестибюль, мимо усатаго швейцара Ивана, за парадную дверь, под каштаны аллеи, забывали, что завтра вечером вернемся назад - таким далеким казался завтрашній вечер.

-.-

И был когда то весенній,субботній день...

Послѣдній урок безопаснаго рисованія.

Час проходил незамѣтно,под веселое журчаніе голосов и дружное шуршаніе сорока карандашей.

Лев Андреевич допускал сдержанную свободу.

Легкая взволнованность кадет, перед отпуском, ему не мѣшала.

Раздавался неизмѣнный, громкій призыв:

"Мальчики! Ближайшій угол, на-кло-ны!

И затѣм, эту великую истину, ключ открывающій первый тайник графическаго искусства, Лев Андреевич, безукоризненными буквами, выводил на доскѣ мѣлом.

Запечатлѣвал перед глазами, не надѣясь на наши уши. И кто из педагогов мог бы сравниться с ним в каллиграфіи?

Но мои глаза, вмѣстѣ со всѣми мыслями, уже улетѣли в отпуск через высокія окна рисовальнаго класса.

Так путника, с однообразной глади широкой дороги, заманивает, убѣгающая в тѣнистую чащу, тропинка.

Непреодолимая тяга к заоконной волѣ крѣпко завладѣла и рукой.

И начал я, словно в сладком снѣ, любовно переносить на бумагу не табуретку с кувшином и драпировкой, а "ближайшій угол" окна, переплеты рамы, раскидистые вѣтки каштанов, на лапчатых листьях бѣло-розовыя шапочки, толстые стволы и улицу.

Свободный как вѣтер, былинный витязь раздумывал на перепутьѣ, направо или палѣво, устремить коня.

Мечта увлекала все дальше и дальше.

Налѣво - Прага, вокзал, а за ним зеленыя поля и перелѣски...

Направо - дворцовый парк Вильянова, окунувшееся в бѣлую пѣну цвѣтущих яблонь - Константиново...

На втором перекресткѣ можно свернуть по Іерусалимской аллеѣ к Новому мосту, к "Царской кемпѣ" - там берег и, словно вновь родившаяся, весенняя вода.

На третьем...

И вдруг, чувствую смѣшанный запах табака и шипра, а вмѣсто моих погон руки Льва Андреевича.

Разбѣгающіяся во всѣ стороны пути-дорожки изчезли как дым, растаяли зеленыя дали.

На меня смотрѣли в упор три неказистых, безжалостных обвинителя: измазанная табуретка, надтреснутый кувшин и старая тряпка с громким названіем - драпировка.

И от этой неряшливой компаніи зависѣло все мое благополучіе.

Я замер. Смуглая рука в рельефных жилках, с развитыми, тонкими пальцами, как у скрипача, вооруженная карандашом из записной книжки, дотянулась до рисунка, в верхнем углу изобразила единицу в пол четверти и опять легла на погон.

"Крышка!" - придавило как оловом. "Без отпуска!"

Может быть также трепещет птичья душа, когда за раскрытыми дверцами клѣтки, видит она разставленную сѣть.

Но вѣдь не только отпуск... хуже... сломан и наказан чудеснѣйшій порыв, весенняя греза, вдохновеніе заклеймено позорным колом.

Виновность невиннаго - вот что терзало юное сердце.

Время остановилось.

А смуглыя руки продолжали лежать на погонах и молчаливая пытка казалась безконечной.

Но вот, правая рука дрогнула, сдвинулась, проплыл мимо носа бѣлый манжет и рукав кителя, острее карандаша остановилось рядом со злополучным колом и приписало к нему такую же крупную, красивую двойку с плюсом.

Привитый кусочек воинской дисциплины помѣшал заорать во всю глотку - ура! - броситься, обнять и с чмоком расцѣловать добряка художника.

"Мальчик!" - сказал он, назидательно грозя пальцем,- "Запомни! Такое превращеніе может случиться только один раз! Рисуй, что велено! Иначе - ты будешь изображать пейзажи, а я пририсовывать к ним частоколы!"

Единица от требовательнаго учителя за своеволіе.

Двѣнадцать с плюсом от художника за исполненіе.

Таков Лев Андреевич.

И почти что всегда, чуткій художник побѣждал строгаго учителя.

Та же рука ласково погладила мою голову.

"Да, да... чувствуется стекло; между стеклом и деревьями воздух... и даль... и в эту даль ты норовишь прыгнуть. Отлично, мальчик!"

-.-

Я не могу сказать много ли он работал, как художник, гдѣ и часто ли выставлял, ярко ли горѣл, но несомнѣнно обладал цѣннѣйшим педагогическим даром - зажигать учеников, вплоть до записных лѣнтяев и вовсе безталанных.

Мы не могли оцѣнивать высоту его культуры, зато оцѣнивали рѣдкую занимательность.

С нетерпѣніем ожидали уроков, посвященных исторіи искусства.

Мастерской разсказ, иллюстрированный с поразительной быстротой четкими рисунками - простым мѣлом, на простой доскѣ.

И сорок шалунов с неослабѣвающим вниманіем впитывали каждое его слово. В полной тишинѣ услышали бы как муха бьется о рябое стекло.

Послѣ урока мы долго еще любовались и оберегали эти рисунки, чтобы кто нибудь не стер, не испортил, прятали от других учителей, переворачивая доску.

Ему неограниченно довѣряли.

Спросит набѣдокурившаго кадетика: "Кто ж тебя поставил "на штраф"?"

"Жаба," Лев Андреевич." - И Лев Андреевич знал кто это. Знал всѣ клички клички начальства.

С лукавыми рожицами показывали карикатуры на педагогов и на него самого.

"Лева. Папа Римскій" не выдаст. Свой!

А зарвется какой нибудь "критик", черезчур распустит язык - хмурил брови и коротко: "Мальчик, замолчи!"

Его слушались всѣ. Покорял нас свободным от условностей умом и сердцем.

Казалось бы просто - а вот, поищите!

Скольких учителей обошел Господь Бог своими милостями.

Каких только уродов не было. Паяцов, ханжей, педантов, равнодушных и безучастных, Обломовых, отмѣчающих крестиками - "отсюда и до сюда!"

Неодобрительно, или с кондачка, а то и с нескрываемой насмѣшкой, заглядывали в яркій и красочный дѣтскій мірок, в неповторимую сказку жизни.

Дѣтьми всего не понимали, но остро чувствовали.

Позднѣе поняли.

-.-

Судьба уготовила мнѣ не славную юнкерскую, а славную художественную школу.

Первую лекцію по теоріи перспективы, рѣшил пропустить - не хотѣлось повторять азы.

А на практическія занятія явился. И сразу же поразило заданіе.

Предлагались, различной формы, кубики, то, что мы приводили в перспективу в четвертом классѣ корпуса.

Сидѣл я перед чистым листом и не мог начать. До того казалось все это смѣшным и не серьезным.

Ерзаю на стулѣ, а руководитель ко мнѣ: -

"Вы были на лекціи?"

"Был," - хладнокровно соврал я.

"Вам все понятно?"

"Рѣшительно!"

"Чего же Вы ждете? Настроенія?"

"Уж больно пустяковая задача" - отвѣчаю.

Он приподнял брови. "Вот как! А Вы какую хотите?"

Я храбро ткнул пальцем в деревянную часовеньку древняго, "клѣтскаго," типа, совсѣм простую, но все же архитектурную модель, а не кубик.

Руководитель пристально посмотрѣл на меня и, несомнѣнно, молча соображал: "хвастает паренек, или нѣт?"

"Ну, посмотрим. Размѣры оставьте тѣ же." Повернулся на каблуках и ушел.

А часа через три, церковка уже красовалась на бумагѣ, почти законченная.

Руководитель, внимательно просмотрѣв работу, изрек:

"Совершенно правильно".

Я же, навѣрно, в тот задористый возраст, отвѣтил глазами:

"На-ка, выкуси и знай наших!"

Вот в этот то момент и подошел к нам тогдашній ректор школы академик Н.К.Рерих. И, конечно, замѣтил несоотвѣтствіе - у всѣх кубики, а у меня часовня.

"Вы учили перспективу?"

"Немного".

"Дома?"

"В кадетском корпусѣ."

Рерих удивился. "Как? В кадетских корпусах проходят этот предмет?"

"Не знаю во всѣх ли, но в нашем - да."

"Меня интересовало почему в реальных училищах не знакомят с перспективой?" - повернулся он к руководителю, - "Заявили, что курс и без того перегружен."

А потом ко мнѣ:

"И скажите, проклинали вы эту кропотливую премудрость?"

"Никогда! Многіе даже увлекались."

"Замѣчательно! А кто преподавал?"

Я - с удареніем: "Художник Лев Андреевич Гейне!"

"Гейне... Гейне..." Мой руководитель полузакрыл глаза, припоминая,- "старше меня по Академіи... Как он выглядит?"

"Брюнет, смуглый, с продолговатым лицом..." начал я описаніе, но он перебил.

"Да, да, да! Южнаго типа, с выпуклыми глазами, правда? Ну, так я знаю."

А Рерих закончил: "честь ему и хвала! И значит, пословица, что, дескать, один в полѣ не воин, ошибочна. Вот и результат,"- указал он на мою часовню.

Я торжествовал. Не потому,что перещеголял моих коллег.

Ясно помню - за "Папу Римскаго."

Хвалили не меня, а Льва Андреевича; не за меня, а за всѣх нас, его учеников, да еще в стѣнах школы искусства.

И хвалил не просто ректор, а талантливѣйшій художеик, уже тогда славный; нынѣ же имя его знает весь свѣт.

-.-

Как то,просматривая мои рисунки, Лев Андреевич сломал мою нерѣшительность, посовѣтовав: "Слушай, мальчик! Попробуй, коли есть стремленіе... а силенки у тебя найдутся. Но перед тобой жизнь. Длинная дорога. Иди по прикладному дѣлу. Оно шире и вѣрнѣе. Не пожалѣешь."

Запомнил, послушался и никогда не пожалѣл.

Перст Льва Андреевича указал безошибочно.

Здѣсь не мѣсто, и не к темѣ, разбираться в собственных способностях, но указанный путь отвѣчал всему складу моего характера.

И еще: в тяжелые годы эмиграціи он освободил меня от нудной и черной работы, с перваго шага дал независимость, сытный кусок хлѣба, позволил общаться с интересными людьми, а самое главное - свой труд я любил.

Многое забыто... Даже стерлись в памяти имена и лица нѣкоторых "духовных вождей" моей юности.

Но душа наполняется самыми теплыми и свѣтлыми чувствами, когда вспоминаю, так ясно, как вчерашній день, мой "ближайшій уголь" - дорогого Льва Андреевича Гейне.

Сидней 1955 г. Л.П.Л

Т Р И Э Т А П А.

Мой юный друг, ты знаешь что такое
Суворовским кадетом быть
И что за счастье неземное
Погоны алые носить?
Ну,так послушай,выразить словами
Не все доступно,есть предѣл всему.
Но то,что я скажу,как другу между нами,
Понятно будет сердцу твоему.
Прошел я долгій путь и пѣснь моя пропѣта,
Могу теперь повѣдать я тебѣ,
Что в жизни каждаго Суворовца-кадета
Есть главных три этапа на землѣ.
Этап наш первый: первые погоны,
Вторым,считаю - первую любовь,
А третій наш этап,под боевые громы
Пролитая тобой впервые кровь.

Все остальное - молочь и забава,
Лишь первые погоны,пуля и любовь,
Священной мистикой окутаны и,право,
Являются для нас основой всѣх основ.
Одѣнешь ты погон и в это-же мгновень
Вся жизнь твоя мѣняет облик свой,
Ты в рыцари пріемлешь посвященье
Суворова невидимой рукой.
А первая любовь и первое сраженье
Внезапно потрясут души твоей покой,
Ужалят,обожгут твое воображенье
И разобраться в них не в силах разум твой.
Но ты повѣрь мнѣ и,в кровавой сѣчѣ,
Не бойся пули,помни,что она
Не так страшна,и что на этом свѣтѣ
Любовная стрѣла опаснѣе свинца.

Н.КЛОБУКОВ I-й.

ИЗ "ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ"

Список Георгіевских кавалеров дополнить, согласно полученным свѣдѣніям:

СЛЕФОХТ I-й /I вып./ Л.Гв.Волынскаго полка, Георгіевское Оружіе.
ЦЕВЛОВСКІЙ Федор /XII вып./ Юнкер.Констант.Арт.Уч. в Зап. Арміи
Георгіевскій крест IУ ст.

--o--

Из письма Я.Ф.СУББОТИНА: ..."так мнѣ вспоминается "НОЧНОЙ ПАРАД", моего, УII выпуска"...

"Тише! Тише!"

Так начинался "ночной парад". Среди традицій нашего корпуса была и такая.

Парад, обыкновенно, устраивался во втором полугодіи. Еще много заранѣе, "господа юнкера", сирѣчь УII класс, начинали подготовлять себѣ формы тѣх училищ, куда предполагали выходить, т.к. им полагалось быть в соотвѣтствующих формах. Приготовлялись погоны, безкозырки и пр., конечно, втайнѣ от воспитателей, но в общем наш секрет был "шит бѣлыми нитками". Нѣкоторым, вѣрнѣе большинству, многаго сдѣлать не удавалось. Тогда "г.г.юнкера" на кадетскія гимнастерки прикрѣпляли погоны "своего", будущаго училища, на фуражках подгибали козырьки - выходили безкозырки - и сходство с формой училища получалось. Кто собирался "на сторону", одѣвал штатское платье. Для "сугубых", т.е. для УI класса, форма одежды была: бѣлыя рейтузы, /или, иначе говоря, просто "исподнія брюки"/ выходные мундиры и фуражки.

Послѣ полуночи, когда в комнатѣ дежурнаго воспитателя, что находилась около спальни, было уже темно и наступал покой, дежурный начинал будить кадет, наблюдая за тишиной, чтобы не разбудить воспитателя.

"Тише! Тише!" В одних носках, сапоги в руках, отправлялись в столовую, т.к. оба наших зала были заперты. Придя в столовую давался полный свѣт. УI класс выстраивался для парада; "г.г.юнкера в строю отдѣльно. Принимал парад, обыкновенно, "майор", т.е. тот кадет, который, "зимуя" в классах, любил проходить науки не торопясь, на всю жизнь, а не так, как иные "на фу-фу", чтобы нынѣ уже и половины не знать того, что им старались вбить в голову. В моем выпускѣ "майором" был Гофман, человѣк положительный и с такими усами, что на него обратил вниманіе, при посѣщеніи корпуса, Великій Князь Константин Константинович.

"Майор" торжественно входил, здоровался с "сугубыми", благодарил их за "службу". Были короткія рѣчи, читались отрывки "Звѣріады". Потом "майор" пропускал "сугубых" церемоніальным маршем и на этом "парад" кончался. Тѣм же порядком, без сапог, возвращались в спальню, досыпать. Обыкновенно, свой, "придворный", фотограф дѣлал снимки. В моем выпускѣ, таким фотографом был Утгоф. Эти снимки у меня были, но, к сожалѣнію, пропали в бурѣ послѣдних лѣт.

"Ночной парад" старались пріурочить к дежурству воспитателя, котораго мы считали болѣе самостоятельным, болѣе своим и знали, что он традицію уважит и шум не поднимет. Наш парад был, когда дежурил подполковник Г.М.Еременко. Дежурному служителю давали "мзду", чтобы он не будил воспитателя.

На слѣдующій день все шло своим чередом. Мы были довольны, что парад прошел благополучно, а воспитатели дѣлали вид, что ничего и не было.

/Примѣч. Часть снимков, о которых упоминае Я.Ф.Субботин, есть в нашем альбомѣ. Получены от В.Г.Ястребова. А.П./

--o--

Из письма Н.Г.Калагеорги: "В 1949 году, мы, т.е. я, Виктор Карнаковскій и Ерошевич, будучи в Харбинѣ, отмѣтили 50-лѣтіе нашего корпуса. Отслужили в соборѣ молебен с поминовеніем, а потом скромно позавтракали в желѣзнодорожном собраніи".

/Примѣчаніе. Когда издавалась "Памятка 50-лѣтія корпуса", то о встрѣ-

чѣ наших дорогих Однокашников, на Дальнем Востокѣ, мы тогда не знали./

"В 1915-16 г., я вел переписку с Полковником Карповым, моим бывшим воспитателем. Он был Городищенским Воинским начальником. В 1917 году, узнав об отреченіи Государя Императора, он застрѣлился."

"В 1918 году, встрѣтил Мельникова Алексѣя /III вып./ Генер.-Майор Гренадерск.Московскаго полка. Уѣхал из Харбина в армію Нечаева, гдѣ погиб."

--o--

/Примѣчаніе. Из III выпуска нѣт полнаго списка ни одного из отдѣленій. Есть только отдѣльныя фамиліи.А.П./

СПИСОК КАДЕТ IУ ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ /По данным Н.Н.Страшкевича - не полный./

I.АБАМЕЛИКОВ Александр	Никол.Кав.Уч.
2.АВДѢЕВ	Сотня Никол.Кав.Уч.
3.БЕМ Владимир	
4.БРАБИЧ Момчило	Констант.Арт.Уч.
5.ВАСИЛЬЕВ	
6.ВОРОНЕЖКІЙ /ВОРОНОВСКІЙ/ Сергѣй	Арт.
7.ГАФФЕРБЕРГ Иван	
8.ГУЛЯКОВ 2-й /черный/	
9.ДОБРОВОЛЬСКІЙ Николай	Арт.Уч.
I0.КИРА-ДАНЖАН	Михайл.Арт.Уч.
II.КРАЕВСКІЙ Борис	Кіевск.Воен.Уч.
I2.Князь МИКЕЛАДЗЕ	Павл.Воен.Уч.
I3.МИХАЙЛОВИЧ Александр	
I4.НАУМОВ	
I5.ОВСОВ	
I6.ОГОНЬ-ДОГАНОВСКІЙ Сергѣй	
I7.ПЕТРОВ	
I8.РАЗУМОВСКІЙ	
I9.РѢЗАНОВ Сергѣй	Варшавск.Полит.Инст.
20.СЕМЕНОВ Николай	Михайл.Арт.Уч.
2I.СКАЛОН Георгій	Пажеск.Корп.
22.СТАДНИЦКІЙ-КОЛЕНДО 2-й Іосиф	Умер в Бѣлградѣ.
23.СТАДНИЦКІЙ-КОЛЕНДО 3-й Вячеслав	Никол.Инж.Уч.
24.СТРАШКЕВИЧ I-й Сергѣй	Кіевск.Воен.Уч.7 стр.полк.Погиб в I920 г. в Марковск.полку.
25.СТРАШКЕВИЧ 2-й Николай	Кіевск.Воен.Уч.7 стр.полк.
26.ЧИЖИКОВ	
27.ШТОКМАР Владимир	

--o--

СПИСОК КАДЕТ IУ ВЫПУСКА 2-го ОТДѢЛЕНІЯ /По данным А.В.Криштановскаго./

I.АРВАНИТИ 2-й Владимир	Мих.Арт.Уч. II кон.батар.
2.БУКАРЕВ Владимир	Александр.Воен.Уч.Стр.полк I или 2-й бриг.
3.ВАКУЛОВСКІЙ I-й Константин	Конст.Арт.Уч. 3-й Кавк.Морт.див.
4.ВЕДЕНЯЕВ Борис	Кіевск.Воен.Уч.Л.Гв.Волынск.Убит в I войнѣ.
5.ГРОТЕ-ДЕ-БУКО Владимир	Павл.Воен.Уч. 20 стрѣлк.полк.
6.ДАВЫДОВ Евгеній	Морск.Корп.
7.ЖДАНОВ 2-й Александр	Конст.Арт.Уч.I6 арт.бриг.Застрѣлился в I9I3 г.
8.ЖИРКОВИЧ 2-й Валерьян	Александр.В.Уч. 20 стр.полк.
9.ЖУКОВСКІЙ Владимир	Кіевск.Воен.Уч.
I0.КРИШТАНОВСКІЙ 2-й Александр	Мих.Арт.Уч. 4 морт.арт.див.Дрозд. стр.арт.бриг.Межевой инж.Прага.
II.КРУПОВИЧ Евгеній	Павл.В.Уч. 85 пѣх.Выборгскій.

I2.ЛАГОДОВСКІЙ Борис	Мих.Арт.Уч. Гвард.Кон.Арт.бр.
I3.ЛЬВОВИЧ 2-й Борис	
I4.МАТКОВСКІЙ Николай	Ник.Кав.Уч.Л.Гв.Гродн.гус.Разстр. Большев.в Гурьвѣ.
I5.МАРКЕВИЧ I-й Дмитрій	Ник.Инж.Уч.
I6.ОВСЯННИКОВ Сергѣй	Мих.Арт.Уч. 36 артил.бриг.
I7.ПЕРЕСЛЕНИ 2-й Александр	Александр.Воен.Уч. Л.Гв.Волынскій.
I8.ПОТУЛОВ Сергѣй	Ник.Инж.Уч.
I9.Бар.РАУШ-фон-ТРАУБЕНБЕРГ Михаил	Александр.Воен.Уч. Л.Гв.Кексгольмскій п.
20.СКУРАТОВ Глѣб	
2I.ТАВАСТШЕРНА Константин	Мих.Арт.Уч. Дрозд.стр.арт.бр.
22.ТИХОНОВИЧ I-й Борис	Павловск.Воен.Уч.
23.ТИХОНОВИЧ 2-й Владимир	Павловск.Воен.Уч.
24.ФЕДОТОВ Анатолій	Мих.Арт.Уч. 2 стрѣлк.артил.див.
25.ФЕЛЬДМАН 2-й Борис	Александр.Воен.Уч. I8 стрѣлк.полк.
26.ЯРЫШКИН Петр	Морской Корпус.

--oOo--

СПИСОК ВИЦЕ-ФЕЛЬДФЕБЕЛЕЙ И ЗНАМЕНЩИКОВ СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Вып.	Вице-фельдфебель	Знаменщик
I.	ИПАТОВ Михаил Мих.Арт.Уч.	РЫЛЬКЕ Ник.Инж.Уч.
2.	КРЕЙТЕР Владимир Вахмистр Ник.Кав.Уч.Ген.-Майор Ген. Шт. Ум.в Германіи.	ДОБРОВОЛЬСКІЙ Владимир по болѣзни на 2-й год. КОЗУЛИН 2-й Николай замѣнил забол. Добровольскаго.Фельдф. Ник.Инж.Учил.
3.	ДОБРОВОЛЬСКІЙ Владимир по болѣзни на стор.	ГУЛЯКОВ на сторону.
4.	СЕМЕНОВ Николай Мих.Арт.Уч.	ЛАГОДОВСКІЙ Борис Мих.Арт.Уч.Фельдфеб.2 бат.
5.	СОСНОВСКІЙ Александр Никол. Кав.Уч.	СОЛОВСКІЙ Мих.Арт.Уч. Убит на Сѣв.фронтѣ.
6.	НЕСМѢЛОВ Мих.Арт.Уч.	НЕСМѢЯНОВ
7.	ТУПИЦА Иван Ник.Инж.Уч. убит I9I6 г.	КОЗЛОВСКІЙ Ник.Инж.Уч.
8.	ЛУКАШЕВИЧ на сторону.	СУРОВЦЕВ Мих.Арт.Уч.
9.	Фон ЭССЕН Николай Паж.Корп.	ГОРДИНСКІЙ Александр Мих.Арт.Уч. убит на Сѣв.фронтѣ.
I0.	Барон Де БОДЕ Лев Мих.Арт.Уч.	МАКСИМОВ Леонид
II.	МОЦАРСКІЙ Валеріян Фельдфеб.в Мих.Арт.Уч.	ЧАУСОВ Борис Морской Корпус.
I2.	МИХАЛЮКИН Сергѣй забол.уѣхал домой,гдѣ умер.	КУНДИН Андрей
	БЛАГОВО Михаил,назначен послѣ смерти Михалюкина. Конст.Арт.Уч.Фельдф. 2-й батар.	

Примѣчаніе. Выпуск I3-й состоялся весной I9I8 года, но уже из "Суворовской Гимназіи Военнаго Вѣдомства", как гласили аттестаты, выдержавших экзамены. Был ли в этом I3-м выпускѣ вице-фельдфебель точных данных нѣт. Знаменщика же не было, как сообщил М.А.Медер.

--oOo--

Из письма Е.Е.Поль.... "Вспоминаются бѣсѣды с нами Великаго Князя Константина Константиновича и директора Ген.С.Н.Лаврова. Мы, эти бѣсѣды,очень любили; и на какія только темы они с нами не бѣсѣдовали. Как Лавров, перед каникулами, учил нас вести себя дома и нынѣ может пригодиться. ...

Великій Князь, обыкновенно, садился на нашу скамью /деревянный ротный диван/, а мы его окружали. Вспоминаю один разговор с Великим Княземъ на литературныя темы. Меня Великій Князь спросил о Лермонтовѣ:
"Что ты думаешь о Демонѣ?"
"Мнѣ его жаль, Ваше Императорское Высочество."
"Почему?"
"И входит он любить готовый,
С душой открытой для добра
И думал он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
А Ангел на это:
Дух безпокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьмѣ ночной."
Потом отповѣдь демона.... Но не буду все описывать - это был бы длинный разсказ. Напомню один разговор с Полк.Бенедиктовым, который, казалось, хотѣл подражать Великому Князю и Лаврову и, иногда, собирал около себя роту. Итак, он: "Да, господа, я был в Потсдамѣ, посѣтил Терезіано, и скажу, что вы больше похожи на австрійских, а не на нѣмецких кадет." Тут он смѣшал с грязью австрійцев и превознес нѣмцев. Я состроил задумчиво-невинное лицо и спросил: "Господин Полковник, а наши воспитатели на кого больше похожи, на австрійских или на нѣмецких офицеров?" Бенедиктов покраснѣл и встал. Всѣ разошлись. Разговор, по примѣру Лаврова, на этот раз не удался."

---oOo---

Из письма К.В.Соколова: ... "С удовольствіем исполняю Твое желаніе и сообщаю все что помню из "Звѣріады"; к сожалѣнію, это отдѣльные отрывки, фразы. Правда, быть может они принесут пользу тѣм, что кто нибудь еще дополнит и так, по клочкам, составится цѣлое.

Друзья, уж близок час разлуки,
Ни мнѣ, ни вам не угадать,
Куда забросит нас судьбина,
Гдѣ будем вѣк свой коротать.

Среди ль улан, среди гусар ли,
В рядах ли гвардіи лихой,
Иль в кабинетѣ чинодралом,
Иль незавидной пѣхтурой.

Теперь, друзья, пока мы в сборѣ,
Пока есть время, помянем
Всѣ наши радости и горе
И "Звѣріаду" пропоем.

Державной волей Николая,
Воздвигнут новый монастырь,
Главою небо достигая,
Стоит он словно исполин.

Но в нем не иноки святые
И не монахини живут,
Тот монастырь по всей Россіи
Кадетским корпусом зовут.

-o-

Промчались годы заключенья,
Промчались семь тяжелых лѣт,
Теперь свободны мы и свѣт
Сулит одни лишь наслажденья!

Но на зарѣ весенних дней,
Мы и былое не забудем,
Тебя наш корпус помнить будем
И помянем твоих "звѣрей".

Далѣе шли куплеты, посвященные "зѣрям", т.е. воспитателям и преподавателям. Здѣсь уж память не сохранила ничего, кромѣ отдѣльных фраз. Начинается, конечно, с Лаврова. И первый "звѣрь", как самый главный,

Достопочтенный наш "крючек",
Правитель корпуса державный....

/У "Папаши" было прозвище "крючек", т.к. ходил всегда с палкой, у которой ручка была как крюк./

Теперь, оглядываясь назад, мы видим все в розовом цвѣтѣ и считаем Лаврова идеальным директором; и я не понимаю почему нѣкоторые куплеты, посвященные ему, были далеко не доброжелательными. Быть может была в нем какая то неискренность, которую чувствовали юношескія души. А человѣк он был незаурядный.

Помню, собрали в Бѣлый зал весь корпус. Что за собраніе было - не помню; может быть прощаніе Лаврова с корпусом. Он говорил длинную

рѣчь, на тему о нашей будущей жизни и службѣ. В концѣ рѣчи он задал на вопрос: "Какой корпус самый лучшій?"

В отвѣт раздался рев шестисот глоток - "Суворовскій!"

"Другого отвѣта я от вас не ждал," продолжал Лавров, "и вот, когда вы будете офицерами и будете служить в 83I Захолустном полку, пусть тот полк будет для вас самым лучшим в Русской арміи." Золотыя слова. ... Мой воспитатель Н.П.Ревишин был 9-го драгунскаго Казанскаго полка; он был доволен моим рѣшеніем идти в кавалерію. Как то, стояли втроем - командир роты Полковник Соловьевич, Ревишин и я. В разговорѣ Соловьевич высказал мысль, что в кавалерію идут только тупицы и неспособные. Ревишин возмутился. Потом у них было крупное объясненіе /как я впослѣдствіи узнал/, кончившееся тѣм, что Соловьевич, через Ревишина, передал мнѣ извиненіе. Случай характерный: с одной стороны - безтактность, с другой - гражданское мужество: командир роты извинился перед кадетом."

---oOo---

Из письма П.Н.Манюкина: ... "Посылаю Тебѣ вырѣзку из нѣмецкой /очень хорошей/ газеты "Ди Велт". Ко дню смерти Генералиссимуса А.В.Суворова /I55 лѣт/ нѣмцы нашли необходимым помѣстить эту картину и написать біографію Суворова в самом лучшем изложеніи. В концѣ этой біографіи заключеніе редактора такое: "и сейчас еще в Совѣтской Россіи существуют Суворовскіе кадеты, но это большевицкіе. Что сказал бы Великій Фельдмаршал, если бы он случайно встал из гроба и увидѣл теперешних своих "питомцев?""

---OoO---

Родословная.

ГЕНЕРАЛИССИМУС КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКІЙ
ГРАФ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
СУВОРОВ РЫМНИКСКІЙ
Княг.Варвара Ивановна урожд.Прозоровская

Княжна Наталія Александровна/Зубова/
I775 - I844

Князь Аркадій Александрович
I780 - I8II
Елена Александровна урожд. Нарышкина

Кн.Александр Аркадьевич
I804 - I882
Любовь Васильевна урожд. Ярцева

Кн.Константин Аркадьевич
I809 - I877
Елисавета Александровна урожд. Хитрово

Кн.Аркадій Александрович скончался бездѣтным в I893 г.

Княжна Александра Александровна /Козлова/

Княжна Любовь Александровна /Молоствова/

-----oOo-----

Из письма Ф.Г.Цевловскаго: ... "Совершенно неожиданно, в Бизертѣ, мнѣ прочли пьесу Ершова, /как будто автора Конька-Горбунька/, озаглавленную "Суворов и станціонный смотритель". Написана она Ершовым в I886 г. Издана организаціей "Витязи" во Франціи. Есть ли она в архивѣ? Если нѣт, думается, что во Франціи можно ее найти." /Примѣчаніе. Получена от Н.В.Главацкаго и В.П.Ефимова./

"НОЧНОЙ ПАРАД" III ВЫПУСКА.

Еще задолго до окончанія уроков, в УII классѣ начались приготовленія к "ночному параду!" Спеціальный комитет намѣчал программу и разрабатывал подробности. В один прекрасный день, в УI классѣ было получено распоряженіе: "генералы","полковники" и "майоры" должны приготовить к параду алые лацканы. Выкройка получена в одном из гвардейских полков, картон и бумага пріобрѣтены, и классы, в послѣ-обѣденное время, превратились в швейныя мастерскія. Легко было выкроить лацкан и обклеить его бумагой; а вот с пуговицами дѣло обстояло хуже. Откуда достать такое большое количество пуговиц? Вырѣзать из золотой бумаги кружки и налепить на лацканы - некрасиво, да и орлов в сіяніи не нарисуешь. Мнѣ пришла в голову "блестящая идея": собрать необходимое число пуговиц, постепенно, отрывая их от бушлата. Конечно, я никому об этом не сказал, опасаясь, что всѣ немедленно воспользуются ею, а это обратит вниманіе "звѣрей!" Но каково было мое разочарованіе,когда вечером, для отправки в швальню, было свалено штук двадцать бушлатов с оторванными пуговицами. Моя "блестящая идея" пришла в голову очень многим и каждый, не говоря никому, оторвал у себя I - 2 пуговицы. Чтобы как нибудь замаскировать дѣйствительную причину потери пуговиц, приходилось прибѣгать к разным развлеченіям. Самым подходящим была - "мала куча", устраиваемая на плацу.В этой кашѣ, естественно, не только отрывались пуговицы, но и распарывались по швам бушлаты. Кромѣ того использовались и малыши 4-й роты, дѣлившей с I-й большой плац. Таким образом, вопрос пуговиц был разрѣшен благополучно. Недѣли через три был объявлен "приказ о формѣ одежды": бушлаты, заправленные в кальсоны, одѣтыя на выпуск поверх сапог; "генералы","полковники" и "майоры" в лацканах. Кальсоны /"исподнія брюки"/ были у нас трикотажныя, со штрипками, и натянутыя поверх сапог могли сойти за "шикарныя" бѣлыя брюки. На головах безкозырки, /козырьки подогнуты, а то и оторваны/. В общем получалось нѣчто похожее на форму времен Севастополя.

Воспитатели не могли не замѣтить приготовленій, тѣм болѣе, что, по примѣру прошлых лѣт, могли, приблизительно, опредѣлить время парада. Правда, директор Ген.С.Н.Лавров, весьма терпѣливо относившійся ко всякаго рода традиціям, т.к. сам когда то окончил Гвардейскую Школу,смотрѣл сквозь пальцы на парад и, по примѣру директора, также поступали "звѣри!" Но нам пріятнѣе было предполагать, что они ничего не замѣчают.

Время шло в томительном ожиданіи. Приближались выпускные экзамены. В УI классѣ экзамены подходили к концу. Стало уже извѣстно кто будет вице-фельдфебелем IУ выпуска. А парада все нѣт. Начали поговаривать, что он вообще не состоится. Напряженность ожиданія упала, точно забывать стали. Но как то вечером, когда уже ложились спать, была передана вѣсть:"сегодня ночью будет парад; утихайте скорѣе!" Но как тут скоро затихнуть. Волненіе, хотя и сдерживаемое, охватило всѣх. Разговоры в пол-голоса и шепотом долго не прекращались; но наконец все стихло. Дежурный воспитатель еще раз обошел спальню и, уйдя в дежурную комнату, потушил свѣт. Прошло еще томительных пол-часа, когда из его комнаты послышалось легкое посапываніе. Заснул. Нѣсколько человѣк из I-го отдѣленія УII класса, как наиболѣе близко расположеннаго к выходу из спальни и окну из дежурной комнаты, поднялись словно тѣни. Один отправился добывать ключ, а остальные - завѣшивать окно, выходившее в спальню. Все сошло благополучно. Замок, в двери дежурной комнаты, щелкнул, окно завѣшено, "звѣрь" заперт в клѣткѣ. Всѣ начали быстро одѣваться и выходить в ротный зал, откуда УI класс, в строю, должон был подняться в Бѣлый зал, гдѣ ожидать прибытія "юнкеров". У дверей дежурной комнаты временно был оставлен часовой.

Дежурным воспитателем был подполковник Л.Г.Карпов. Над верхней,застекленной частью двери, медленно и торжественно проплыл, прекрасно

сдѣланный из картона и художественно раскрашенный, карп, подвѣшенный к палкѣ и врученный часовому. Проснувшись, вѣроятно, от случайно произведеннаго шума, или разговоров, и убѣдившись, что заперт, Леонид Георгіевич попробовал было позвать дежурнаго дядьку, обычно спавшаго около цейхгауза, находившагося по другую сторону спальни, но - и дядька был заперт в своем помѣщеніи.

Между тѣм, УІ класс поднялся в Бѣлый зал и выстроился вдоль лѣвой стѣны. В дальнем правом углу расположился оркестр, почти полнаго состава. Раздалась команда - "смирно!" В дверях появилась группа "юнкеров" Оркестр грянул встрѣчу - "Гром побѣды раздавайся" и "юнкера", пытаясь сохранить важный вид, вошли в зал и, пройдя по фронту, расположились у бюста Суворова. "Стоять вольно!" Всѣ ожидали чего то. Произошла какая то заминка. Через нѣсколько минут опять раздалась команда - "смирно!" и вторично оркестр заиграл встрѣчу. В зал вошел вице-фельдфебель ІІІ выпуска Добровольскій, находившійся в лазаретѣ, поэтому запоздавшій и, увы, в лазаретном халатѣ. Выйдя перед середину фронта, он вызвал будущаго вице-фельдфебеля ІУ выпуска Николая Семенова и, сказав короткую рѣчь о поддержаніи традицій, о пополненіи и храненіи "Звѣріады", передал оригинал "Звѣріады" - альбом в четверть листа, в прекрасном кожаном переплетѣ, с тисненой золотом надписью: "Звѣріада Суворовскаго Кадетскаго Корпуса"

Сдѣлав необходимыя перестроенія, УІ класс, в колоннѣ по отдѣленіям, имѣя в головѣ "генералов", "полковников" и "майоров", под звуки "Стараго Егерскаго", прошел церемоніальным маршем мимо Царскаго портрета и бюста нашего Шефа, у котораго расположились "юнкера" Здѣсь были Павлоны и Александровцы, Алексѣевцы и Кіевляне, артиллеристы Михайловцы и Константиновцы, инженеры Николаевцы, но главную массу составляли конники Гвардейской Школы, Южной Легко-Конной и Тверцы.

"Юнкера" отличались друг от друга только погонами, а остальная форма - кадетскія гимнастерки и брюки в сапоги, рыжія голенища которых были заранѣе почернены и начищены - была одинакова. Впрочем,один /кажется Дорошевскій/ нарядился в офицерскую форму своего отца.

Церемоніальным маршем "ночной парад" был закончен. Всѣ быстро вернулись в спальню и раздѣлись. Электричество всюду было потушено и ключ вставлен в дверь дежурной комнаты. Всѣ были в кроватях. Выпущенный на свободу дядька освободил и воспитателя. Когда наш Л.Г.Карпов появился в спальнѣ, всѣ полтораста глоток и носов храпѣли и сопѣли в "глубоком снѣ".

На слѣдующій день никаких непріятностей не было. Казалось, что "ночной парад" войдет в традиціи корпуса, признанныя начальством,но - вмѣсто С.Н.Лаврова появился А.Н.Ваулин и уже ІУ выпуску парад был запрешен под угрозой самаго строгаго наказанія.

Іюль 1955.
Махопак.

Н.Н.СТРАШКЕВИЧ /ІУ вып./

ВОСПИТАТЕЛЬСКІЙ СОСТАВ СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА К І ЯНВАРЯ 1910 ГОДА.

/По данным полученным от С.Г.Двигубскаго из архивов музея "Родной Корпус"./

Директор Корпуса	Генерал-Майор	Андрей Николаевич ВАУЛИН
Инспектор классов	Генер-Майор	Александр Григорьевич МАРТОС
Пом.инсп. классов	Подполковник	Иван Адамович МАРКОВСКІЙ
Ротные командиры: І-й	Полковник	Андрей Іосифович СОЛОВЬЕВИЧ
2-й	-"-	Михаил Николаевич фон-ДРЕЙЕР
3-й	-"-	Александр Иванович БЕНЕДИКТОВ
4-й	-"-	Иван Иванович КОСИНСКІЙ

Воспитатели: Подполковник Григорій Маркович ЕРЕМЕНКО
-"- Николай Константинович ГУЛЯКОВ
-"- Леонид Георгіевич КАРПОВ
-"- Сергѣй Михайлович ТЕПЛОВ
-"- Павел Рафаилович ЛИПРАНДИ
-"- Иван Григорьевич РУДАНОВСКІЙ
-"- Тихон Иванович ЧЕРНИКОВ
-"- Николай Петрович КОРНІЕВСКІЙ
-"- Всеволод Григорьевич ГРИГОРЬЕВ
-"- Николай Петрович РЕВИШИН
-"- Николай Федорович ЗАУСТИНСКІЙ
-"- Александр Николаевич фон-ЗАУЕРВЕЙД
-"- Николай Яковлевич НАВРОЦКІЙ
Капитан Борис Аркадьевич РАЗДЕРИШИН
-"- Викентій Михайлович ЖДАН-ПУШКИН
-"- Сергѣй Васильевич АДАМОВИЧ
-"- Иван Іосифович АЛЕКСАНДРОВИЧ
-"- Халил Тамерланович ЯНУШЕВСКІЙ
-"- Петр Владимирович ОТОЦКІЙ
-"- Лука Федотович ЧЕРНИКОВ
Смотритель зданій Капитан Семен Иванович МЕЛЬНИКОВ
Завѣд.обмундированіем Капитан Сергѣй Константинович ДОБРОТВОРСКІЙ.

---ooOoo---

Дополненія к личному составу до и послѣ 1910 г.

Инспект.клас.Полковник А.Н.ВАУЛИН /в 1900 г. директ.Полоцкаго Кал.Корп./
-"- ЛАЗАРЕВ-СТАНИЩЕВ /в 1903 г.директ.Донского К.К./
-"- ПОПОВ
-"- ЖОЛТИКОВ
Ген.Майор САЛАТКО-ПЕТРИЩЕВ
-"- НОСОВ
Ротн.команд. Полковник ДАВЫДОВ /до 1901 г./
Воспитатели: Поручик БЕДАРЕВ /I кл. I отд. Умер в 1901 г./
Подполковник МУСИН-ПУШКИН Владимир Павлович /в 1904 уѣхал на Дальн.Восток./
Капитан КОМАРОВ Варш.крѣп.полка/2 кл.1отд. в 1901 г./
Подполковник ЛЬВОВ Тихон Владимирович /в 1908 во 2-й Кад.Корп.
-"- ПРЖЕЗДЕЦКІЙ Иліодор Станиславович /в 1908 г.в Полтавскій Кад.Корп./
-"- СТАНИСЛАВСКІЙ А.В.
-"- ДАВИДОВИЧ
Капитан КАЛМЫКОВ
-"- КАЛИНОВСКІЙ
Шт.Кап. БОЛДЕСКУЛ
-"- АКУЛОВ /Убит в Кіевѣ саперами во время бунта./
-"- ЛАТЫНИН
Подесаул АГѢЕВ

-----ooOoo-----

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ,ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ,ИЛИ ВИТТЕ ВСѢ СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ! А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ.

-----ooOoo-----

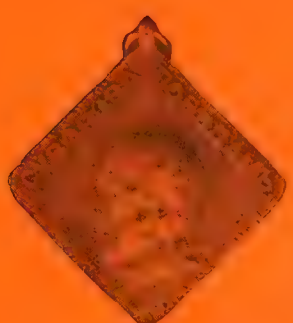
Расчет за сборник "СУВОРОВЦЫ" №5 прошу производить с тѣми же лицами, в том же порядкѣ и по той же стоимости, как за предыдущій номер четвертый. А.Потапов.

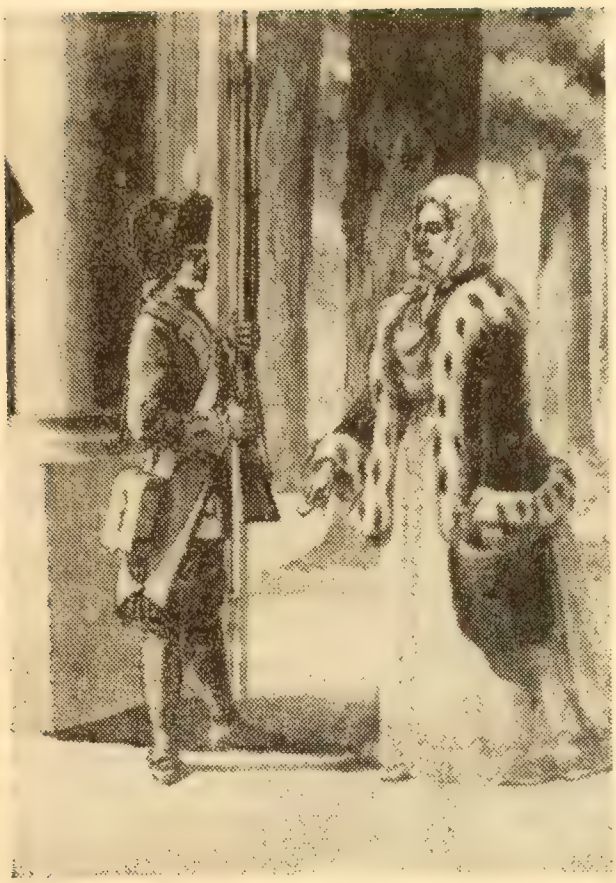
-----ooOoo-----

Сборник 6.

СУВОРОВЦЫ

Изданіе
Объединенія
б. кадет
СУВОРОВСКАГО
Кадетскаго Корпуса





КАДЕТ, ГОРДИСЯ ИМЕНЕМ ГЕРОЯ
ЧТО НОСИШЬ НА ПОГОНАХ ТЫ;
ПУСТЬ ИМЯ ЭТО, ДЛЯ ТЕБЯ СВЯТОЕ,
РУКОВОДИТ НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ.

К.Р.

Х Р И С Т О С В О С К Р Е С Е!

С СВѢТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА ПОЗДРАВЛЯЮ, ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ, ЧЛЕНОВ ОБъЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ, ОТ ИМЕНИ ОБъЕДИНЕНІЙ, ОТДѢЛОВ СУВОРОВЦЕВ И СВОЕГО, С ПОЖЕЛАНІЯМИ ЗДОРОВЬЯ И ПОЛНАГО БЛАГОПОЛУЧІЯ.
ПРИВѢТ И ПОЗДРАВЛЕНІЕ ВСѢХ СУВОРОВЦЕВ ДРУГ ДРУГУ И СЕМЬЯМ ПЕРЕДАЮ, ПО ПРОСЬБѢ ОДНОКАШНИКОВ, И ИХ ЛУЧШІЯ ВСѢМ ПОЖЕЛАНІЯ.

А.Потапов
предсѣдатель всѣх
Объединеній Суворовцев.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

Этот доклад был сделан Александром Владимировичем Кристановским, Суворовцем 1У выпуска, в Общекадетском объединении в Буэнос-Айресе, и прислан автором для нашего Сборника.

Ровно сорок лет тому назад, 15 июня 1915 г., в своем любимом Павловске скончался от припадка астмы Августейший Генерал-Инспектор Военных Учебных Заведений, Президент Российской Императорской Академии Наук и крупный талантливый поэт, Великий Князь Константин Константинович.

Покойный Великий Князь родился в 1858 году. Его отец, Великий Князь Константин Николаевич, был одним из самых главных и энергичных сотрудников своего венценосного брата Императора Александра П в деле освобождения крестьян.

После трагической смерти Императора Александра П он отошел от всякой деятельности и жил почти безвыездно в Крыму.

Его сын Великий Князь Константин Константинович по окончании образования пошел сначала по стопам отца, Генерал-Адмирала, и начал свою службу во флоте. Через несколько лет он был назначен Командиром роты Л.-гв. в Измайловском полку и с этим полком отныне неразрывно связано его имя.

К этому времени Великий Князь написал уже много стихотворений под скромными инициалами К.Р. и успел составить себе имя в русской литературе.

В родном полку он организовал общество "Измайловские досуги", в котором принимали участие не только полковые офицеры, но и такой известный русский поэт, как А.Н. Майков.

Я не литературный критик и не могу разбирать произведения Августейшего поэта, но мне кажется, что каждый знакомый с его произведениями согласится со мной, что от его лирики веет какой-то особенной чистотой и возвышенностью духа, столь характерными для всего чарующего облика покойного.

Особый цикл его произведений посвящен военной жизни, и помню, как мы заучивали эти стихотворения.

Кто из нас не знал наизусть "Наш полк, заветное, чарующее слово"... - стихи, посвященные родному полку и переложенные на музыку, ставшие впоследствии встречным маршем Виленского военного училища.

Но мало кому из широкой публики известно, что такое популярное, когда то распеваемое по всей России, стихотворение, посвященное солдату: "Умер бедняга в больнице военной, Долго родимый страдал..." тоже принадлежит перу Великого Князя.

Августейший ротный командир и своих солдат любил такой же чуткой и крепкой любовью, как впоследствии своих кадет и юнкеров.

Много позже, уже незадолго перед Великой Войной Великим Князем было написано самое крупное его произведение, поэма "Царь Иудейский", поставленная на сцене в театре Императорского Эрмитажа и переведенная на многие иностранные языки.

В этом поеме чувствуется глубокая религиозность Августейшего автора.

Затем Великий Князь командует Л.-гв. Преображенским полком, а 6 мая 1900 г. назначается Главным Начальником Военно-Учебных Заведений.

Трудно сказать, каким образом и у кого зародилась мысль о назначении Великого Князя на этот ответственный пост, но необходимо признать, что более удачного выбора сделать было невозможно.

Огромная трудоспособность Великого Князя, его широкий кругозор, умение быстро схватывать сущность вопроса и стремление вникнуть в каждую деталь любимого дела, безошибочный выбор сотрудников, а главное, глубокая, неподдельная любовь к русской молодежи, создали из наших кадетских корпусов такие питомники образования и воспитания, что их нельзя не вспомнить без чувства глубокой признательности за все то, что они дали нашему юношеству.

Задача Корпуса не только дать образование, но и соответствующее будущему облику офицера воспитание. И надо сказать, что даже в тяжелые годы первой революции и в послереволюционное время, когда кругом все было расшатано, когда русская молодежь сначала широко пошла навстречу революции, а затем, разочаровавшись в ней, пережила эпоху упадочничества с клубами самоубийц и т.п., корпуса остались совершенно в стороне от этой заразы.

А ведь кадетский корпус не был таким закрытым заведением, как женский институт, где воспитанницы были совершенно изолированы от внешнего мира. Каждый праздник, каждое воскресенье кадеты уходили в отпуск и могли встречаться с кем угодно. Корпусное начальство, особенно в больших городах, никак не могло контролировать эти знакомства. И в страшные годы последней революции кадеты выдержали суровый экзамен.

Вспомним только помощь москвичей юнкерам Александровцам, Ярославское восстание, защиту Оренбурга, поведение Омских кадет, поступок недавно скончавшегося здесь у нас А.Н. Кенгелая, знаменщика Одесского корпуса, спасшего красное знамя накануне приезда в корпус Керенского, наконец бесчисленных "Туркуловских баклажек" - всему этому мы обязаны тому духу, который был вложен в корпуса Августейшим начальником.

Великий Князь по всему своему складу был настоящим русским человеком и, как таковой, был всегда очень религиозным, умел и любил молиться.

Такой же религиозной была и его многочисленная семья. Я помню как Князь Иоанн Константинович, уже будучи офицером, прислуживал в дворцовой церкви в Павловске; все жившие в Париже наверное помнят высокую фигуру недавно скончавшегося Великого Князя Гавриила, не пропускавшего ни одной службы в церкви на рю Дарю.

Получивши назначение Главным Начальником Военно-Учебных Заведений, Великий Князь пишет своей сестре, Королеве Эллинов, Ольге Константиновне:

"Мне и радостно и страшно начинать новую деятельность, но я твердо надеюсь, что мои молитвы и молитвы других помогут мне справиться с трудной задачей".

Чем достиг Великий Князь тех блестящих результатов воспитания молодежи, чем он достиг того, что не только малыши-кадеты, но и все бывшие воспитанники уже в зрелом возрасте, все корпусные воспитатели буквально боготворили "своего" Великого Князя?

Конечно ореол члена Императорского дома играл некоторую роль, но главное было вовсе не в этом.

В одном из писем Великого Князя к Королеве Эллинов он пишет

о посещении им кадет:

"Я подавал им пример, как надо уметь любить и быть ласковым, без чего невозможно воспитание".

Любовь, ласка и доверие к воспитанникам - вот основа деятельности Августейшего Начальника и, как он сам любил говорить, - угол падения всегда равен углу отражения - молодые сердца, всегда чуткие к всему действительно хорошему, отвечали ему сторицею.

У него не было любимцев, не было корпусов лучших или худших: "Лучший там, где находишься в данную минуту, самый дорогой мне корпус тот, куда я попадаю".

- "Я посеял семена нового веяния, говорил о необходимости вести маленьких не так, как больших, по мере того, как они подрастают оказывать им все более доверия, ограничивать всевозможные запрещения, постепенно выпускать поводья, создавать из старших кадет друзей, с помощью которых можно было бы руководить младшими". - "... везде уже знают, что исключение из корпуса воспитанника "есть самая последняя, самая нежелательная, крайняя мера".

И случаи исключения из корпусов были действительно редки. Иногда кадета, оказывающего вредное влияние на окружающих или очень уж неуспевавшего в науках, приказом Великого Князя переводили в другой корпус. В новой обстановке, в новой среде, как правило, переведенный невольно подтягивался.

Существовала еще и другая мера исправления - временное исключение из корпуса на три месяца.

В домашней обстановке часто такой молодец приходил в себя и по возвращении в корпус был другим мальчиком. Эта мера обычно применялась лишь в младших классах.

Да простится мне, что я внесу в эти строки немного личного.

Выше я говорил, что Великий Князь обладал даром, присущим крупным людям - умение выбирать себе сотрудников. Одним из них был безусловно директор Суворовского Корпуса ген.-лейт. С.Н. Лавров, редкой души человек и прекрасный педагог, состоявший потом при особе Великого Князя.

Бывали случаи, что временному исключению из корпуса должен был быть подвергнут кадет из бедной семьи, на бюджет которой 3-х месячное пребывание сына ложилось тяжелым бременем. Генерал Лавров хорошо знал положение каждого из своих Суворовцев и в таких случаях он забирал провинившихся просто к себе на квартиру.

Его заботливая жена, потерявшая в свое время единственного сына - тоже Суворовца, ходила за малышом, как за родным; поила, кормила, сама готовила с ним уроки. Через 3 месяца такой кадет возвращался в роту неузнаваемым - воспитание в корпусе вполне соответствовало всему направлению Августейшего Начальника.

В феврале 1910 г. была создана новая должность Генерал-Инспектора Военно-Учебных Заведений, на которую и был назначен Великий Князь. Это назначение избавляло его от множества чисто канцелярской и административной работы - теперь он мог отдавать еще больше времени своему любимому делу - непосредственному общению и воспитанию молодежи.

В заключение надо сказать, что Великий Князь обладал как и все члены дома Романовых исключительной, прямо невероятной памятью.

Расскажу пример из моей личной жизни. Когда пришло время мне поступать в Корпус, то выяснилось, что к положенному по закону сроку мне не хватало 2-х - 3-х недель до 10 лет. Обидно было из-за нескольких дней терять целый год, и мой отец решил обратиться лично с просьбой к Великому Князю, который и разрешил принять меня в "изъятие из правил".

Помню себя малышом, только что с гордостью надевшим синие погоны Одесского Корпуса.

В этот год молодой корпус перешел в новое, роскошное здание и ждали приезда Великого Князя на освящение корпусной церкви.

5.10.1902 г. приехал в Одессу Великий Князь. Всех нас малышей поочередно ставили на скамейку для представления. Когда дошла очередь до меня и я назвал свою фамилию Великий Князь сразу вспомнил, что я принят в корпус так сказать "не по закону" и спросил меня, исполнилось ли мне уже 10 лет, и очень интересовался моим учением и поведением.

При переходе в четвертый класс я был переведен в Суворовский Корпус в Варшаву. В мае 1906 года прибыл в корпус Великий Князь для передачи корпусу Высочайше пожалованного знамени.

Обходя фронт 2-й роты, Великий Князь на самом левом фланге ее увидел меня и сразу спросил: "А ты как сюда попал?" После моего ответа он, зная некоторые мои грехи в Одессе, спросил директора про мое поведение: - "Он настоящий Суворовец" в устах генерала Лаврова это была высшая похвала.

Приезжая затем в корпус еще раза два, Великий Князь немедленно меня узнавал и часто беседовал со мной. Но вот я окончил корпус, прошло пять лет, в течение которых я не имел счастья видеть Великого Князя. (Артиллерийские училища не были подчинены Управлению Военно-Учебных Заведений).

В феврале 1914 года, будучи в отпуску, я был у своего брата, служившего в Павловске. Гуляя однажды по парку, я еще издали увидел приближающуюся ко мне фигуру Великого Князя.

По моим восторженно-влюбленным глазам он сразу понял, что перед ним стоит один из его детей. Поздоровавшись, Великий Князь спросил: "Какого Корпуса? Молчи, молчи, не говори. Ты Суворовец?" -"Так точно Ваше Императорское Высочество!" - "Твоя фамилия, не говори, нет, ты Криштановский?"

Затем Великий Князь вспомнил, что я был сначала в Одесском Корпусе, расспросил меня об отце, о моей службе. Это была моя последняя встреча с обожаемым Великим Князем.

Если мы вдумаемся, что за те 15 лет, в течение которых Великий Князь стоял во главе Военно-Учебных Заведений, было выпущено около 30.000 офицеров из корпусов и около 20.000 из училищ, пополнявшихся юношами из гражданских учебных заведений, то невольно поражаемся, как мог он так всех нас помнить.

Если он вспомнил меня, скромного артиллерийского поручика, ничем в свое время из общей среды кадет не выделявшегося, то надо думать, что также точно он помнил и остальных своих детей - память поистине граничащая с чудом.

Умер Великий Князь еще не старым человеком; ему было всего 57 лет. Ушел из нашей жизни человек, но обаятельный образ его будет жить пока останется на земле хоть один Российский кадет.

Господь Бог был милостив к нашему любимому Начальнику, призвав заранее к себе его чистую любящую душу и не дав ему испытать тех тяжелых мучений, которые выпали на долю его детей.

Из шести сыновей только Великий Князь Гавриил, недавно скончавшийся в Париже, умер естественной смертью. Князь Олег, унаследовавший от отца его поэтический дар, погиб в Восточной Пруссии в начале войны. Остальные четыре сына Князья Иоанн, Константин, Игорь и совсем еще юный Георгий пали от руки подлых убийц в Алапаевске.

Старшая дочь Княгиня Татьяна, потерявшая в Великую войну своего супруга князя Багратион-Мухранского, приняла монашество с именем Тамары и проживает постоянно в Иерусалиме.

В США находится последняя дочь Княжна Вера Константиновна, которая подобно своему недавно почившему брату никогда не забывает нас кадет, любимых детей ее Августейшего отца.

Да покоит Господь душу праведного раба Своего Великого Князя Константина "со чады", а мы навсегда сохраним в своих сердцах свято и любовно память о нем, о его чистом, светлом, благородном облике, и постараемся, чтобы и следующие поколения подобно нам не забывали никогда воздать должное человеку, отдавшему всего себя русской молодежи.

А. Криштановский
(1У выпуска)

ПОЖАЛОВАНИЕ ЗНАМЕНИ - ПЕРВАЯ ПРИСЯГА

Полвека назад кадетским корпусам, не имевшим до того времени знамен, Высочайше пожалованы таковые. Казалось бы, что такое событие должно было бы резко запечатлеться в памяти участников этого торжества. Между тем за два с половиной года существования нашего сборника об этом событии ничего не написано.

К сожалению, и в моей памяти этот день сохранился лишь урывками, которые я постараюсь связать. Я даже не могу указать дату этого торжества и устанавливаю ее лишь приблизительно на основании выдержки из письма Великого Князя Константина Константиновича его сестре Королеве Эллинов Ольге Константиновне, в котором под 9 мая 1906 г. написано: "... Еще питаю надежду до 21 побывать в Варшаве и лично выдать знамя Суворовскому корпусу", а под 24 мая "... Вернулся из Варшавы. Там провел три дня; это мало для близкого ознакомления с заведением и для того, чтобы удовлетворить желание - побольше времени и внимания отдать корпусу..."

Надежда Великого Князя исполнилась - он привез и передал знамя корпусу лично.

День, назначенный для вручения знамени, был прохладный и торжество прибивки и вручения знамени происходило в белом зале.

После торжественной церковной службы мы были выстроены вдоль обеих длинных стен, по две роты с каждой; вдоль левой от входа 1 и 2-я роты, вдоль правой - 3-я и 4-я. Против портрета Государя стоял стол, покрытый алым сукном с золотою бахромой, на котором лежал серебряный подносик с серебряным же молоточком и некоторое количество гвоздиков с большими золотыми шляпками. Постепенно зал наполнялся. Часто раздавалась команда "смирно" при входе высших начальствующих лиц Варшавского гарнизона. Наконец появился Командующий Войсками Округа в сопровождении Начальника Штаба и адъютанта. Все были в сборе.

"Махальный" показал, что Великий Князь поднимается по лестнице. Директор корпуса генерал-лейтенант Лавров командует: "Смирно! Для встречи справа слушай на кара-ул!" Оркестр грянул встречу "Гром победы раздавайся". В дверях показался Великий Князь, а за ним развернутое знамя. Кто его нес, не помню. В мундире какой части был Великий Князь, не помню, но ясно вижу голубую Андреевскую ленту через плечо и орденскую цепь; - самая парадная форма одежды надевалась в самых редких случаях. Это был единственный случай в моей жизни, когда я видел кавалера в Андреевской цепи.

Великий Князь подошел к столу, на который было положено знамя; затем поздоровался с нами.... Здесь у меня провал в памяти. Не могу вспомнить, где происходил чин освящения знамени, в церкви или в зале, а может быть оно было привезено уже освященным.

Великий Князь произнес краткую речь о Высочайшей милости,

оказанной корпусу пожалованием знамени, и связанных с этим обязанностях. Затем, подойдя к столу, от имени Государя, вбил первый гвоздь. Второй от своего. Потом по старшинству подходили Командующий Войсками, командиры корпусов и т.д. Когда вбил гвоздь директор, не помню. Наконец пошел наш офицерско-воспитательский персонал и за ним кадеты, начиная с правого фланга 1-й роты. Конечно все гвозди давно уже были вбиты, но каждый из нас стукнул по шляпке гвоздя. По окончании прибивки, Великий Князь взял знамя со стола и вручил его коленопреклоненному директору. Приняв знамя и поцеловав его, генерал Лавров вызвал вице-унтер-офицера Рыльке, первого знаменщика нашего корпуса, и передал ему знамя. Говорил ли он что-нибудь, передавая, не помню.

На столе появились Крест и Евангелие, а около стола настоятель нашего храма О. Григорий Модзолевский, и мы в первый раз произнесли присягу верой и правдой служить Царю и Родине, не щадя живота. После присяги все мы подходили к знамени, находившемуся между Великим Князем и директором, и целовали знамя. Затем роты были выведены на большой плац для парада.

Впервые раздалась команда "Под знамя! Слушай на кара-ул!" и наше знамя стало во главе корпуса.

Появился Великий Князь в сопровождении огромной свиты генералитета. Приняв рапорт директора, он обошел фронт и занял место для принятия церемониального марша. Парадом командовал генерал Лавров. Лихо прошли мы под своим знаменем, удостоившись Высокой похвалы.

Затем парадный завтрак с донской шипучкой и до вечера все отпущены в город. Дана была полная амнистия - все наказания сняты.

Вечером был бал. При мне таких балов больше не было. Весь Варшавский гарнизон, начиная с Командующего Войсками и кончая последним свободным от службы офицером, а также высшие гражданские чины с семьями, все в парадных мундирах при орденах и лентах. Свыше 3.000 человек, считая кадет, присутствовало на этом балу.

Бал открыл Великий Князь, идя в первой паре - с кем не помню, возможно, что с женой Командующего Войсками. За ним Командующий Войсками с Марией Степановной Лавровой и далее по чинам, пара за парой, выступали под звуки полонеза из оперы "Жизнь за Царя" генералы, тайные и другие советники, а в гимнастическом зале более мелкие чины и кадеты. Играли два оркестра. Сделав тур, Его Императорское Высочество удалился в комнаты за залом, обращенные в гостиные, куда постепенно скрывались высокие чины.

Пробыв на балу часа два, Великий Князь хотел незаметно удалиться, но громкое ура кадет, подхваченное гостями обоего пола, показало, что такому Высокому Гостю незаметно исчезнуть нельзя.

С криками ура мы выскочили из парадного подъезда, у которого застыли парные часовые одного из гвардейских полков. Подъем духа был настолько велик, что на улице, среди нас кадет, оказались декольтированные дамы и даже институтки, выскочившие вслед за нами. - (Воображаю, как бедным девочкам досталось дома от Maman!) -

По уходе Великого Князя разъехались и высшие чины, а остальные продолжали веселиться до 4 - 5 часов утра. В этот день даже младшие кадеты оставались до конца вечера, но институток увезли значительно раньше.

Первое время знамя хранилось в квартире директора, а затем было установлено на правом клиросе в церкви.

Н. Страшкевич
(1У выпуска)

РАЗЪЕЗД НА КАНИКУЛЫ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Разъезд кадет на Рождество и Пасхальные праздники так же как и на летние каникулы протекал обыкновенно в атмосфере телячьего восторга. Пожалуй, что Рождество и Пасха встречались многими из нас с большим нетерпением, несмотря на то, что отпуск был короткий, но за то связан с массой самых разнообразных развлечений и удовольствий, тогда как лето проходило в других условиях. Раньше всего, на летние каникулы разъезжались не все одновременно; затем, напряженные занятия в конце года нередко связаны были со всякого рода случайными неприятностями, как то, с переэкзаменовками и даже с оставлением на второй год. Все это конечно отравляло существование и мешало нам хорошо прочувствовать приближение долгожданного летнего отпуска. Особенно неприятно было привозить домой переэкзаменовку и, тем более, - две. Ведь кроме кислой встречи с родителями предстояло еще все лето подготавливаться к этим переэкзаменовкам, т.е. зря тратить золотые часы быстро пролетающих летних дней. К рождественскому или пасхальному отпуску относились мы исключительно как к развлечению и отдыху от занятий, и потому уже за месяц начинали вести счет дням и даже часам, остающимся до нашего разъезда. Каждое утро, открывая крышку своей парты, мы торопились вычеркнуть из своего календаря наступивший день. Последнюю неделю и тем более 2-3 дня до разъезда мы все становились немножко невменяемыми. Уроков почти не учили и при то. считали почему то, что спрашивать нас в эти дни всерьез никто не имеет права. Были мы более чем обычно шумными и рассеянными, но от больших шалостей инстинктивно воздерживались. Все существо наше было уже не здесь в классе, а дома, у себя в семье. Последние ночи перед разъездом спали мы тоже скверно. Подолгу перешептывались с соседями по кроватям, обсуждая между собой разные планы на предстоящий отпуск.

Воспитатели наши, преподаватели и другое начальство прекрасно учитывали наше настроение и не были очень строги с нами в эти дни. Думается, что и они все тоже с нетерпением ждали возможности немного отдохнуть от нас и пожить для себя, но вида, конечно, не показывали. По правде говоря, мы только теперь можем разобраться и откровенно признать, что все наши воспитатели и преподаватели были просто святыми мучениками. Беспрестанные заботы, тревоги, неприятности и огромная ответственность за каждого маленького сорванца, или большого балбеса, держали их всех в постоянно-напряженном внимании. Что значит иметь дело с нашим братом - кадетом, как с нами жить, ладить и справляться, можем сказать лишь мы сами - кадеты, да и то, спустя много лет после окончания корпуса.

Но вот настала долгожданная минута, когда нам было разрешено получить из цейхгауза свои чемоданы, корзины, а также и выходное обмундирование, сапоги и три смены белья. С каптенармусом, или иначе - с каптером велись у нас обычно дипломатические переговоры на предмет замены сапог или брюк, которые мы брали с собой в отпуск. Уладив все это, нагруженные разным имуществом, спешим мы в спальную, где на своих кроватях и ночных столиках начинаем сортировку и перекладку до тех пор, пока звонок или команда не призывали нас к другим занятиям. После вечернего чая эта традиционная процедура сбора продолжалась до позднего вечера. Вновь все перебиралось и перекладывалось и вновь упаковывалось. Одновременно с этим из чемоданов и корзин извлекались всевозможные собственные вещи, хорошо укрытые там от взоров начальства и оставшиеся на хранении в цейхгаузе. Как правило, собственные вещи носить нам воспрещалось строго по многим причинам. Кроме того, все эти сапоги, фуражки, брюки и т.п. неизменно представляли собой "последний

крик кадетской моды" - другими словами - утрированы до форменного безобразия. Помнится, одно время наши собственные фуражки были с очень высокими и остро-торчащими полями; затем мода изменилась и поля фуражки стали как-бы распухшими, мягкими и обвислыми. Вот Лев Можаровский красуется в собственном "фуражименте", хотя к его лашадиному лицу этот фасон совсем не подходит и торчит на голове как кокошник, но это ничуть не мешает нам искренно восхищаться и им и его "фуражиментом". Черников 1-ый с трудом натягивает на свои макароньи ноги настоящие кавалерийские сапоги с Савельевскими шпорами; кто-то извлек голубые рейтузы, хвастался, что будет одевать их дома на верховую езду. Погоны, пояса, кокарды, даже пуговицы с накладными орлами извлекались, показывались, примерялись и вновь упаковывались в чемоданы. Кириченко обиделся на Черникова за то, что тот не давал ему примерить свои кавалерийские сапоги и, улучив момент, насыпал ему в эти самые сапоги зубного порошку. Кто-то выменивал заржавелый револьвер "Бульдог" на фотографический аппарат "Гном", а князь В. с гордостью объяснял высокие качества клинков старинной кавказской закалки; в доказательство хотел перерубить железный прут кровати своим "дедовским" кинжалом в серебряной оправе. Но вышел большой конфуз: прекрасный стальной клинок со звоном рассыпался на несколько кусков, а мы все весело ржали, смотря на растерявшуюся физиономию бедного кавказца.

Прокофьев П-и за пачку папирос "Зефир" выменял у кого-то офицерскую кокарду. Кура Белявский выиграл на пари позолоченную пряжку для пояса. Спать ложились поздно и долго не могли успокоиться.

На следующий день с раннего утра все кипело как в муравейнике. Кадеты словно шалые носились из одного помещения в другое, кричали, суетились и, если бы не сознание, что завтра здесь будет полная тишина, то воспитатели наверно сошли бы с ума. Дежурный офицер выдавал отпускные билеты и литеры для льготного тарифа по 3-му классу. В вагонах 1-го и П-го классов кадетам разрешалось ехать только в тех случаях, когда они ехали вместе с родителями. Отъезжающие собирались группами в зависимости от направления и часа отхода поезда. В поезде все размещались заранее сговорившимися компаниями, стараясь занять одно или несколько отделений в вагоне целиком, т.е. без посторонней публики. Войдя в вагон, укладывали на свой багаж на полки и немедленно же поднимали верхние койки, размещаясь каждый на своем, строго и заранее определенном месте. На верхние полки почему то всегда было много любителей и, чтобы избежать споров, если нельзя было этого решить полюбовно, тянули жребий. Традиционное меню для этих железнодорожных путешествий не было у нас изысканным и продукты эти не считались редкими даже в стенах корпуса, но закупались они на этот случай в количестве, от которого у нас всех еще дня два,три после этого болели животы. Раньше всего закупалась халва: ванильная, шоколадная, ореховая и фисташковая. Затем - чайная колбаса, сухая московская и копченые охотничьи сосиски. Кроме этого приобретались наши любимые консервы - шпроты в масле и иногда бычки в помидоровом соусе. Хлебом запасались самым разнообразным, кроме черного. Предпочитали все же ситный, переклеванный с изюмом, белый с маком и, наконец, сдобные булочки и разнообразные пирожные. Не обходилось, естественно, и без напитков. Самыми любимыми были Ланинские фруктовые воды, шипучий медок и лимонад. В более старшем возрасте мы лакомились иногда и настоящей вишневкой в серебряных или золотых бутылках. Закупались также и папиросы, причем курили конечно все - и курящие

и не-курящие, у которых после первой же затяжки начиналась рвота. Мы хорошо знали все станции и полустанки на нашем пути и особенно те, что славились буфетом. На таких остановках кадеты высыпали из вагонов как горох и в несколько секунд уничтожали все буфетные запасы пирожков и пирожных. Не обходилось в пути и без разных приключений, впрочем довольно безобидных. Однажды с головы Тарасенко улетела в окно его собственная, совершенно новенькая, фуражка. В отчаянии он бросился к автоматическому тормозу и повернул красный рычаг. Резко и с невероятным грохотом остановился поезд среди чистого поля. Перепуганные пассажиры и поездная прислуга заметались по вагонам и пока все выяснилось Тарасенко успел сбегать и принести свою фуражку. На ближайшей же остановке пришел жандарм искать виновников, чтобы составить протокол, но мы спрятали Тарасенко между вещами и кондуктор, запомнивший преступника в лицо, так и не нашел его среди нас. Но на первой же большой станции Тарасенко пришлось все же объясняться с комендантом, который хотя и не соглашался с тем, что казенная фуражка была достаточной причиной для остановки поезда и очень строго выговаривал Тарасенко, но протокола все же не составил и даже не сообщил об этом в корпус. Ахонтов, выходя на своей станции, второпях захватил вместо своей корзины корзину Кириченко. Обнаружилось это через полчаса, когда Кириченко хотел покормить своих ручных мышей. Отчаянию его не было границ тем более, что в этой корзине у него был и дрессированный ух. Проклинал он Ахонтова, как умел, даже грозился набить морду, когда станет сильнее его. Но горе Кириченко не было продолжительным: в корзине Ахонтова он нашел выменянный им накануне у кого-то заржавелый "бульдог" с двумя патронами, фунт молочного шоколаду "Ризе и Пиотровского", финский нож и, наконец, тонную фотографию красавицы-артистки Лины Кавальери. На верхней полке Нечаев торопился сменить казенные брюки на собственные, с невероятно широким матросским раструбом, и чуть не пропустил свою станцию. Вещи его кто-то успел снести на платформу, а сам он едва выскочил уже на ходу поезда, придерживая обеими руками падающие штаны. Все мы, конечно, здорово веселились, глядя на эту беспорядочно-комичную фигуру, и шуткам по адресу Нечаева не было бы конца, если бы он не скрылся из наших глаз вместе со своей станцией. Чем дальше отъезжали мы от Варшавы, тем меньше оставалось кадет в нашем поезде. Оставшиеся постепенно сходились в один вагон, а затем объединялись в одном или двух отделениях.

Возвращение, особенно после долгого летнего отпуска, бывало, пожалуй, еще более веселым и интересным. На всех узловых станциях подсаживались загорелые, жизнерадостные кадеты-Суворовцы. Вскоре в вагонах I-го класса становилось шумно и весело. После трехмесячной разлуки мы были искренне рады встретиться вновь. Было чем поделиться и, перебивая друг друга, мы спешили рассказать о своих летних приключениях, хвастались своими обновками, подарками и угощали друг друга всякими вкусными вещами, которыми снабжали нас на дорогу наши заботливые мамаши. Как то на одной из остановок в вагон наш поднялся кадет, которого мы встретили с особенным почетом и даже с некоторою завистью: на груди его блестела новенькая серебряная медаль "За спасение погибавших". Без конца мы приставали к нему с расспросами и наверно в сотый раз ему приходилось рассказывать, как вытащил он из реки тонувшего мальчика и как затем его торжественно наградили этой медалью. Кириченко возвращался в корпус с сильно поцарапанной физиономией и прожженными сзади брюками. Обработал Кириченко

так его ученый кот по имени "Примус", который ни за что не хотел научиться прыгать через горящий обруч. Федоров 4-й, лежа на верхней полке, терпеливо собирал механизм часов - подарок отца за переход в следующий класс без переэкзаменовки. Он разобрал часы еще в начале лета и теперь, конечно, забыл, как они были сложены. Яхонтов на-пари ел уже десятую порцию мороженного и уверял нас, что на даче он легко съедал 12 больших порций, если его конечно угощали. Слушая это, Кириченко делал свои замечания и говорил, что если бы Яхонтов так кормил его дрессированных мышей, то они, наверное, с голоду не сдохли бы. Яхонтов оправдывался и клялся всеми святыми, что "мыши умерли сами", а что ручной уж Кириченко тоже сам удрал во время пересадки или с извозчика, когда он ехал домой. Во всяком случае, он не такой врун, как Кириченко, уверяющий, что заржавелый "Бульдог" Яхонтова "сам разорвался" при первом же выстреле потому что, наверное, оторвал бы ему палец или нос. Кроме того, вообще, вина будет Кириченко, если он - Яхонтов провалится на переэкзаменовке, т.к. корзину с учебниками Кириченко переслал ему лишь в конце лета, и что фунт шоколаду, наверное, тоже "сам себя съел" или сам по себе удрал из его- Яхонтова корзины, т.ч. Кириченко нечего придираться к нему.

Болотников с грустью любовался в маленькое зеркальце своей прической "ежиком", которую сегодня же вечером обкарнает без сожаления под три ноля ротный парикмахер, да кроме того, еще влетит от воспитателя. Васильев спарывал со своей шинели пуговицы с накладными орлами в надежде до Варшавы пришить казенные.

На небольшой дачной остановке второклассника Гнучева провожала очень хорошенькая гимназисточка. Кадеты высунулись изо всех окон, чем сильно смутили бедную девочку. Когда раздался третий звонок, она робко попрощалась за руку с Гнучевым, который не сводил с нее глаз и не двигался с места. Резкий свисток вывел его из этого столбняка. Видя, что поезд тронулся, Гнучев неуклюже обнял свою даму и поцеловал в щечку. Схватив затем чемодан, он уже на ходу поезда вскочил на площадку нашего вагона. Бедная девочка глазами,полными слез, провожала отходивший поезд. Долго еще Гнучев оставался на площадке и тоже плакал. Никто из нас не смеялся над его первым горем. Все были тронуты сценкой прощания и молчали. Лишь второгодник Шельбах подошел к Гнучеву, покровительственно похлопал его по плечу и сказал важным баском: "Не распускай слюни, сугубец. Девчонки не стоят того, чтобы мужчины из за них плакали". Гнучев кивал головой в знак согласия, но плечи его еще долго продолжали вздрагивать.

Но вот наш поезд стал приближаться к Варшаве. Мы быстро укладываем "собственные вещи" в чемоданы и корзины, одеваемся и приводим себя в порядок. В окна летят коробки от консервов и со звоном разлетаются на куски бутылки от лимонада, ловко попавшие в телеграфные или верстовые столбы. Замелькали, наконец, знакомые пригороды Варшавы.

Первым, кто нас встретил в корпусе, был конечно наш швейцар. Старый артиллерист, он не потерял еще свою военную осанку и очень гордился своими длинными усами. По случаю съезда кадет, он был в парадной желтой ливрее с черными орлами и приветливо помогал младшим снести в ротное помещение их багаж.В вестибюле,на широкой парадной лестнице и в ротах пахло свежей краской и только что начищенным паркетом. Чисто, светло и нарядно. Явились дежурному офицеру, сдали казенное добро, так же как и свои корзины и чемоданы с собственными вещами "каптеру" в цейхгауз, а остальное разместили по своим партам и ночным столикам.

Начались затем радостные встречи с друзьями, приехавшими с другими поездами. Все мы немного изменились за эти три месяца - выросли, загорели и возмужали. Группами ходили по ротному помещению, знакомились с новыми картинами, т.к. в каждой роте были прекрасные больших размеров картины Суворовских военных походов. В классах выбирали себе новые места, новых соседей, но в спальной этим преимуществом мы не пользовались, так что нам лишь оставалось найти свою кровать, оценить достоинства и недостатки ее географического положения по отношению к центральному проходу между рядами кроватей, входных дверей, окон и т.д.

На другой день, когда можно было считать, что все кадеты съехались и были в сборе, собравшись в классе, мы подводили итог своему отделению, т.е. отмечали потерю нескольких одноклассников, оставшихся на второй год, переведшихся в другие корпуса, или покинувших нас по другим причинам. Отмечали также и вновь прибывших товарищей, главным образом второгодников-майоров или случайных, переведенных к нам из других корпусов, или поступивших "со стороны". Присматривались мы и к майорам, которые форсили и покровительственно с нами разговаривали, и к новичкам, которых еще здорово надо цукать, раньше чем из них выйдет какое нибудь подобие кадета, а тем более - Суворовца. На много дней и недель хватало нам еще пищи для обмена летними впечатлениями. До позднего часа бывало, присев на койку своего закадычного друга, мы шепотом передавали о самых замечательных, иногда и невероятных, приключениях.

Н. КЛОБУКОВ 1-[illegible]
(У выпуска)

Из журнала "КАДЕТЫ" №9. Сентябрь - октябрь 1949 г.

СУВОРОВСКАЯ ДЕПУТАЦІЯ.

3-го мая 1900 г. в 12 с половиною часов по полудни, Государю Императору представлялись депутаціи от 7 частей Варшавскаго военнаго округа - тѣх частей, которыми командовал незабвенный СУВОРОВ. В числѣ их была и депутація от кадетскаго корпуса его имени. Депутатами от корпуса были - Директор к-са ген.-м.ЛАВРОВ и два маленьких кадета СЕМЕНОВ и ѲОМИН. Его Величество обласкал кадет и пожаловал им по "золотому", цѣнностью в 25 рублей каждый. Ген.Лавров был в парадной формѣ, а кадеты - в мундирах и бѣлых /лѣтних/ фуражках.

В библіотекѣ ген.Ознобишина, в журналѣ "Развѣдчик" от 30 мая 1900 г. №502, страница 509, помѣщен снимок Варшавских депутацій, в центрѣ котораго депутація Суворовскаго Кадетскаго Корпуса.

---ооо---

Примѣчаніе. В этом журналѣ, его редактором Борисом Дмитріевичем Приходкиным, почетным членом Объединенія Суворовцев /нынѣ покойным/ почти треть номера было отведено для Суворовскаго Кадетскаго Корпуса в память 50-ти лѣтія его основанія. Этот №9 был прислан предсѣдателю Объединенія с подписями: Великаго Князя Андрея Владимировича, присутствовавшаго в этот день праздника на собраніи Суворовцев в Парижѣ, и Однокашников Суворовцев.

АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ МАТВѢЕВ.

Среди учебно-воспитательнаго персонала самой оригинальной фигурой был, безусловно, Антон Александрович Матвѣев. О нем было уже писано. В нашей "Памяткѣ" Э.Н.Суражевскій краткими штрихами обрисовал его, а в №2 "Суворовцы" Б.А.Сидорович кое чѣм дополнил. Со своей стороны мнѣ хотѣлось подѣлиться воспоминаніями об его уроках.

Я вспоминаю его первый урок. Об Антонѣ Александровичѣ мы много слышали, встрѣчались с ним; мы знали, что он большой чудак, но только в УII классѣ встрѣтились с ним, как со своим преподавателем. Первый урок исторіи. Придя в класс со своим историческим портфелем, выслушав рапорт дежурнаго и приказав прочесть молитву, усѣлся за стол и обратился к нам со вступительной рѣчью:

"Вы, конечно, слышали обо мнѣ, но вы меня не знаете. Сам о себѣ говорить не буду, а послушайте, как обо мнѣ говорят ваши старшіе товарищи!" С этими словами он полѣз в портфель и, порывшись в нем, вытащил обыкновенную черновую тетрадь. Перелистав нѣсколько страниц, он начал читать:

Антошка раб науки древней,
Времен Петровских старый шут,
Историк древности туманной,
Антон, пришел тебѣ "капут!"
Но оцѣнен ты по заслугам,
Ватагой юнкеров лихих,
И скажет каждый на досугѣ -
Антон чудак не из плохих.
Ты пѣл о Матушкѣ Великой
.....

Или про батьку ветерана
Легенды темныя слагал,
Когда в долинѣ Дагестана
Один "ш пулем" в груди лежал.
Как рана тяжкая дымилась
И как звучал тяжелый стон,
Улыбкой хитрою свѣтилось
Тогда лицо твое Антон.

К сожалѣнію дальше не помню, кромѣ заключительных строк:

Прощай, хромой чудак Матвѣев,
И кавалер, и чортов сын,
Среди ученых дуралеев
Порой нас радовал один.

Услышав первыя строфы, мы просто обалдѣли - вѣдь это "Звѣріада!" Откуда она у Антона? На наш нѣмой вопрос послѣдовал отвѣт: "Видите, ваши предшественники не только увѣковѣчили меня, но и дали мнѣ всю "Звѣріаду!" Из этого вы можете заключить кто такой А.А.Матвѣев, сидящій перед вами. Но они заврались. Никаких темных легенд про батьку ветерана я не слагал и в доказательство - вот послужной список отца!" Снова порывшись в портфелѣ, он вытащил послужной список майора Александра Матвѣева, в котором, в графѣ - участіе в походах и дѣлах против непріятеля, перечислялся цѣлый ряд боев на Кавказѣ и занесено раненіе ружейной пулей, в грудь навылет. Затѣм, перейдя к преподаваемому им предмету, он сказал, что исторіи бывают разныя, и даже Иловайскаго, но так как наша программа составлена по Иловайскому - скомандовал: вынуть Иловайскаго, открыть такую то страницу и от такого то такого то мѣста приготовить к слѣдующему уроку. Затѣм поинтересовался, есть ли среди нас стенографы и скорописцы, и посовѣтовал им, к слѣдующему уроку, приготовить карандаши и бумагу. На

этом кончился наш первый урок. В дальнѣйшем, уроки начинались с коротkаго приказа: открыть Иловайскаго на страницѣ такой то,и указывалось "от сентелева до тентелева!"

Затѣм: "убрать Иловайскаго. Слоны на позицiю!" Слоны это стенографы и скорописцы. Они пересаживались на переднiя парты и записывали не урок, а лекцiи профессора А.А.Матвѣева. Стол отодвигался к доскѣ,портфель лежал у ног, и Антон Александрович, закрыв глаза, начинал говорить. Много лѣт спустя, прочитав Ключевскаго и Платонова, я узнал,что Антон Александрович знакомил нас с настоящей исторiнй. Перед нами развертывалась картина жизни Россiи в мiровом масштабѣ. Насколько серьезны были лекцiи, можно судить, хотя бы по тому, что в то время когда по Иловайскому мы проходили эпоху Императора Александра I, Антон Александрович все еще говорил о Петрѣ Великом. Иловайскiй - программа,которую надо пройти и отсюда это презрительное "от сентелева до тентелева!" Сидя с закрытыми глазами, Антон Александрович рисовал нам картины из прошлаго нашего Отечества со всѣми его свѣтлыми и темными сторонами.

В преподаванiи он придерживался репетицiонной системы - спрашивал не каждый урок, а через извѣстный перiод. Первое время никто не знал когда этот момент наступит. Как обычно, войдя в класс и усѣвшись за стол у доски, он вдруг объявлял: "сегодня избiенiе младенцев!" Если мы не были готовы к отвѣту, то всѣ как один опускались под парты и оттуда заявляли, что "лежачаго не бьют" и не вылѣзали пока "избiенiе" не откладывалось до слѣдующаго урока. Впослѣдствiи Антон Александрович предупреждал, что на слѣдующем урокѣ будет "избiенiе" и всѣ готовились. Но и в оцѣнкѣ, как и в спрашиванiи, Антон был оригинален. В мое время он не носил журнала, а вызывал и оцѣнивал "по мишени." Мишень - квадратная картонка с нарисованной офицерской мишенью в I2 кругов,причем I2 в центрѣ. На полях, в алфавитном порядкѣ, занесены всѣ фамилiи. Закрыв глаза, и приговаривая - "выйдет отвѣчать мальчик, дорогой испанчик," тычет пальцем в список и вызывает на кого попал палец. Бывали забавные случаи. Не успѣл отвѣчавшiй сѣсть на мѣсто, как вновь оказался "дорогим испанчиком"; на заявленiе, что вѣдь он только что отвѣчал, Антон обычно говорил: "ничего не подѣлаешь - кисмет," и приходилось отвѣчать второй раз. Вызванному задавался вопрос на какой чин он хочет отвѣчать - обер-офицерскiй, штаб-офицерскiй или генеральскiй. 6 - 7 /баллов/ обер-офицер, 8 - 9 штаб-офицер, I0 бригадир, а II и I2 генералы. Обер-офицер должен был знать Иловайскаго, штаб-офицер - еще кое что из его лекцiй, а генерал обязан был хорошо знать его лекцiи и,в зависимости от знанiя получал оцѣнку: генерал или генерал-аншеф, т.е. II или I2. Но чтобы быть аншефом надо было знать не только отечественную исторiю, но и всеобщую. Надо было отвѣчать на вопросы, что дѣлалось в такое то время не только у нас, но и во Францiи, Англiи, Испанiи и других странах. Только при безошибочном отвѣтѣ можно было получить I2 баллов. В зависимости от отвѣта, Антон опредѣлял "попаданiе" и порядковый номер отвѣчавшаго ставился в соотвѣтствующiй круг "мишени". Говорили, что был случай когда он оцѣнил знанiе Евстафьева /III вып./, обладавшаго замѣчательной памятью, I3 баллами.

Б.А.Сидорович упомянул случай, когда Антон Александрович "стукнул кого то журналом по башкѣ." Это случалось не рѣдко, но в мое время он бил портфелем. Обычно, читая лекцiю, он говорил с закрытыми глазами. Если кто либо нарушал тишину, Антон продолжал говорить, стуча кулаком по столу. Если разговор не прекращался, он барабанил кулаками и грозил им в сторону разговаривающаго, но, если и послѣ этого шум не прекращался, он, продолжая говорить, хватал портфель и шел к виновному, поднимал портфель и бил им по ... воздуху, т.к. виновный был уже под партой и, на приказанiе вылѣзать, отвѣчал спасительной фразой - "лежачаго не бьют!"

Я говорил, что обычно Антон Александрович сидѣл с закрытыми глазами, но иногда, видимо,засидѣвшись на уроках в институтѣ или гимназiи,

он начинал ходить по классу. Это уже была не декція, а занятный разговор на историческія темы, часто прерывавшійся анекдотами. Во время этих хожденій с Антоном Александровичем, обычно случался веселый эпизод. Он никогда не носил ни подтяжек, ни поясного ремня, объясняя,что подтяжки препятствуют росту и горбят человѣка, а ремень мѣшает пищеваренію. Поэтому часто во время ходьбы у него начинали сползать брюки.

"Антон, штаны потеряешь!" - кричат ему. Он, разворачивая полы сюртука, начинает их подтягивать.

"Антон Александрович, хорошо подтягивать брюки у нас, а как же в институтѣ?" - спрашивают его.

"Я ухожу за доску и никто не видит!"

"Да, но институтки знают зачѣм прячешься!"

"Мало ли что онѣ знают. Онѣ знают, как дѣтей рожают, но молчат!"

"А классная дама?"

"Ей незачѣм смотрѣть на мужскіе штаны. Пусть смотрит на своих институток!"

Иногда ему задавались скользкіе вопросы, вродѣ, когда бывает урожай на картошку, на которые слѣдовали неудобопечатаемые отвѣты.

В теченіи года,Антон Александрович был требователен и строг. Приведу один случай. На послѣднем, перед "избіеніем младенцев", урокѣ им было задано приготовить к слѣдующему уроку цѣлую главу и,через 10-15 страниц, еще 1-2 строчки. Нѣкто,вызванный, отвѣтил всю главу, а 1-2 строчки "на отлетѣ" не прочитал и... получил "кол!" Не знать даже Иловайскаго, по мнѣнію Антона Александровича, было недопустимо. Правда, впослѣдствіи,"кол" был исправлен и не сыграл роли в четвертной оцѣнкѣ.

Зато на экзаменах он вывозил. Его программа была удивительно искусно составленная "шпаргалка!" Вопросы в ней были поставлены так ловко, что на всѣ вопросы одного билета,часто находили отвѣты в вопросах другого, или других билетов. Не даром Антон Александрович, перед экзаменом, совѣтывал внимательно читать программу.

Довелось мнѣ побывать и на квартирѣ Антона Александровича. Б.А. Сидорович писал, что в ней, кромѣ "селивановскаго тюфяка" и стула, ничего не было, но, нѣт, она была похожа на его портфель. Двѣ маленькія комнаты и кухня. Обѣ были заставлены до предѣла. Шкафы и полки с книгами на разных языках. Среди них,было нѣсколько в тяжелых, старинных переплетах. В свободных мѣстах, по стѣнам развѣшаны картины, писаныя маслом, и нѣсколько акварелей; почти всѣ без рам. Над дверью, ведущей в другую комнату, большое, неоконченное полотно Рѣпинских запорожцев, пишущих письмо турецкому султану. Оказалось, что Антон Александрович, на старости лѣт, задумал заняться живописью и всѣ картины, правда всѣ копіи, принадлежали его кисти. Я далеко не художник, но мнѣ показалось, что картины написаны не плохо. Мои предшественники не знали этого, а то, навѣрно, не преминули бы, в "Звѣріадѣ," прибавить лишній куплет - об Антонѣ живописцѣ.

Н.Н.СТРАШКЕВИЧ /IУ выпуска/.

"НАТ ПИНКЕРТОН".

В первом классѣ Сережа С. увлекался "Индѣйскими вождями".

Заткнувши пальцами уши, не читал, а "жадно пожирал" тонкія книжечки-выпуски, искренно вѣря головоломным приключеніям безстрашнаго "Орлинаго клюва," или благороднаго "Чернаго бизона".

А девять сорванцов его"племени" не зѣвали.

Из рогаток прошибались стекла.

"Скальпы" невинных жертв съеживались от боли, когда по ним, от затылка до лба, проѣзжались рисовальныя резинки.

Ночью, сложенныя из одѣял, быстроходныя индѣйскія "пироги" безшум-

но скользили по паркету спальни.

И горе, безмятежно спящим, "блѣднолицым врагам".

Момент - и они оставались только в ночных рубашках, а "пироги," с похищенным добром, скрывались в узких проходах между кроватями, как в безчисленных притоках Миссиссипи.

Под кроватями же, в "вигвамах," разсказывали, взволнованным шепотом, о собственных подвигах.

Врали без совѣсти, наперегонки, и мухи выростали в здоровенных слонов.

При хорошем "уловѣ" дежурнаго офицера все "племя," во главѣ с вождем "Круглоголовым кабаном" Сережей, выстраивалось у входа в спальню "на штраф".

Но увы, как то, ни то в "Огонькѣ," ни то в "Синем журналѣ," Сережа наткнулся на возмутительную фотографію потомков славных Могикан, одѣтых в пиджачныя тройки, в котелках, с тросточками вмѣсто томогавков.

"Обыкновеннѣйшіе шпаки!" - разсердился Сережа.

И преклоненіе,перед безумной храбростью свободолюбивых индѣйских воинов, разукрашенных татуировкой и перьями, на быстроногих конях - мустангах, растаяло, как туман под горячими лучами солнца.

"Стер он с лица боевыя краски", выбросил индѣйскую литературу, а "племя" распустил.

Во втором классѣ, в записной книжкѣ "Товарищ," послѣ курсива "мой идеал," старательно вывел: "Нат Пинкертон, король сыщиков."

"Тысяча чертей и одна вѣдьма!" - на протяженіи тридцати двух страниц каждаго выпуска,Нат пятнадцать раз рисковал жизнью.

Гиганты-небоскребы, мрачныя подземелья, океанскіе пароходы, поѣзда - молніи, автомобили, кабачки убійц, бульдоги и браунинги, электрическіе стулья - перед всѣм этим индѣйскіе вожди, с луками и стрѣлами, казались молокососами.

И что очень важно: Пинкертон жил и дѣйствовал в наше время, а не двѣсти лѣт тому назад.

В благословенные дѣтскіе годы, вовсе не смущало явное несоотвѣтствіе оригиналов с копіями.

Помогала безграничная фантазія.

Всѣм извѣстно, что кабан звѣрь лютый, индѣйцы ребята кровожадные, а Нат Пинкертон тоже серьезный дяденька.

Наш же Сережа, хоть и был первым силачем, нравом был похож на теленка.

Рожица - подрумяненный, масленичный блин, пухлогубая, курносенькая, голубоглазая, готовая каждому улыбаться.

Волосы, подрастая, завивались мелкими колечками.

Даже всемогущее время не могло бы передѣлать Сережин аккуратный шарик в кабанье рыло, в горбоносаго индѣйца, в энергичную маску сыщика. Сущія мелочи!

Единогласно, всей шумной ватагой, мы признали его за самаго неподдѣльнаго Пинкертона.

И Сережа, для большаго сходства с Натом, многодумно прищуривал глаз, опускал углы губ, выпячивал нижнюю челюсть и грозно сдвигал,еще не брови, а двѣ свѣтлыя запятыя.

Но это не все.

Объявив себя Пинкертоном, Сережа не разставался с оружіем, как и полагается настоящему, а не игрушечному, сыщику. Скрывал, в самодѣльном потайном карманѣ, пистолетик-монтекристо, величиною с кукиш.

"Маленькій,но,брат, держись! Если преступник без панцыря, с двадцати шагов - навылет!"

Этот "кукиш" нас сильно интриговал, прикрывая Сережу как бы таинственной дымкой.

Однажды забрались мы в укромный уголок лазаретнаго сада.

Сережа вытащил из за пазухи тоненькій учебник ботаники.

"Обрати вниманіе: бумага - дьявольски плотный матеріял! Я высчитал, потому что сыщики всегда и все высчитывают; эта книга равна шести человѣкам, поставленным в затылок. Теперь попробуем. Выбери камень потяжелѣе и запусти в забор, чтобы заглушить выстрѣл. Раз! Два! Три!"

Мой булыжник чуть не проломил доску, а пулька дальнобойнаго "монтекристо" застряла в верхнем переплетѣ.

Сережа выковырял ее ногтем, долго разсматривал в лупу, попробовал на зуб и объявил: "Так и есть! Два негодяя отправились в ад! Третій смертельно ранен! Наручники излишни! Перед умирающим, побѣжденным преступником и сыщики всегда снимают фуражки!"

--ooOoo--

Пинкертоновская литература полностью звладѣла Сережей.

Он читал ее с ранняго утра,еще до побудки,под прикрытіем подушки.

Читал гдѣ только мог, прятал книжки за голенища сапог, закладывал их в учебники, даже в Закон Божій.

Погоня за преступниками не прекращалась в продолженіи всѣх уроков, а объясненія учителей влетали и вылетали из ушей, не касаясь мозга.

Погядит честными, голубыми глазами на преподавателя, пріоткроет крышку парты, а в партѣ раскрытый Пинкертон.

"Что вы там ищете?" рычит педагог.

"Чернильница лопнула, заливает тетрадки," врал Сережа плаксивым голосом, а глаза так и мчались по строчкам. Еще бы! Захватывало дух: - король сыщиков ухватился одним мизинцем за карниз сорок шестого этажа, и того гляди, сорвется. А над ним звѣриная морда владыки подполья - Рыжаго Пата.

"Презрѣнная полицейская ищейка! Еще миг и ты превратишься в мѣшок, набитый поломанными костями!" Ух!

До ученья ли, когда он едва успѣвал справиться с "сыскными" дѣлами.

Отмычки, отвертки, веревки, гвозди, огарки свѣчей, цвѣтные мѣлки, им же начерченные планы, черная маска, трубка, без которой не может обойтись ни один сыщик, наполняли его парту.

И надо признать - Сережа обслѣдовал огрлмное зданіе корпуса в самое короткое время и, кажется, не было такого уголка, который он не знал.

Особенно же любил странствовать по каналам вентиляціи, или иначе по "лабиринту". Ползал по узким ходам от обѣда до вечерних занятій.

А вѣдь это не так просто для одиннадцати-лѣтняго мальчугана. В них мог бы заблудиться и взрослый.

И безстрашіе Сережи признавалось всѣми.

Иногда в "лабиринтѣ" сталкивался с рабочими, а по его мнѣнію с темными и опасными типами.

Но опытный дедектив, под черной маской, с "монтекристо" на готовѣ, всегда уходил, запутывая слѣды и оріентируясь по собственным отмѣткам и зарубкам.

Возсѣдал Сережа на "галеркѣ", рядом с нижним вентилятором.

По виду, каждый винт рѣшетки, прикрывающей вход в "лабиринт," был на своем мѣстѣ. Но Сережа их немного открутил и рѣшетка легко вынималась. Обман не бросался в глаза даже бдительному начальству.

Эту дверь отворяли его помощники - Петя "Рулан" и Гриша "Гаррисон".

Сережа изчезал во мракѣ "лабиринта," а рѣшетку прилаживали снова до его возвращенія.

Но случилось как то - глаз ли обманул, нюх ли подвел - сплошал знаменитый сыщик. Возвращаясь с "работы," попал не в нижній, а в верхній вентилятор, под самый потолок.

К тому же, запоздал; отыскивать дорогу вниз не было времени.

До начала вечерних занятій оставалось минут пятнадцать.

Закипѣла работа.

На выручку поднялись всѣ. К дверям выставили махальных.

В миг соорудили пирамиду из парт, учительскаго стола, стула и сорнаго ящика. Отвинтили верхнюю рѣшетку и освободили злополучнаго Пинкертона. А рѣшетку втиснули в пазы и не успѣли как слѣдует привинтить.

"Исправим завтра!"

Но на слѣдующій день, под впечатлѣніем свѣжих происшествій, а случались они ежечасно, мѣняясь, как узоры в калейдоскопѣ, забыли и о винтах, и о рѣшеткѣ - так она и держалась на "честном словѣ".

Когда Сережа уставал читать, то принимался за рисованіе, за свою вторую страсть, может быть присущую и знаменитому Нату. Его карандаш, с большой выразительностью, изображал жуткія сцены.

Заглянул как то отдѣленный офицер в синюю, черновую тетрадь Сережи и ахнул: "Боже мой, сколько же тут крови!"

На каждой страницѣ по десять трупов, цѣлыя гирлянды наручников, густыя связки отмычек, фантастическіе револьверы, ампулы с ядом, взрывы адских машин, кораблекрушенія, столкновенія поѣздов...

А вѣдь была у него и третья страстишка.

Но неизвѣстно как бы на нее взглянул Пинкертон, обладавшій желѣзным характером и стальной выдержкой.

Сережа обожал шоколад и орѣховую халву.

Я часто участвовал в складчинѣ, а сладости покупал дядька Родіон.

"Уминали" их в спальнѣ до тошноты. Наши койки стояли рядом.

Когда загорались синіе ночники и дежурный офицер уходил в свою комнату, Сережа шопотом, но с неослабѣвающим азартом, разсказывал мнѣ про новыя приключенія короля сыщиков и я, довольно равнодушный к "пинкертоновщинѣ", знал содержаніе чуть ли не каждаго выпуска.

Слушаешь, слушаешь, задремлешь - и тумак неминуем.

"Дрыхнешь?" - шипѣл он.

"И не думаю!" - встряхивался я.

"Врешь! На каком мѣстѣ я остановился?"

"Как он крикнул: - во имя закона, руки вверх, сукины сыны!"

"Тю-тю! Во первых не сукины сыны, а дѣти дьявола, и крикнул он четверть часа тому назад! А сейчас уже на борту "Альбатроса" пересѣкает океан вмѣстѣ с Бобом и Гаррисоном. Проспал! Гром и молнія! Придется повторить снова! Будешь слушать?"

"Ну конечно!"

--ооОоо--

Наши увлеченія были похожи на эпидемію свинки или кори.

Одно время вся рота, за исключеніем Сережи, по горло занятого "сыскными дѣлами", лѣпила воздушные шары.

Их наполняли горячим воздухом и пускали по нѣсколько штук в день.

Первый полет авіатора Леганье вызвал новую эпидемію.

С энтузіазмом изготовляли модели бипланов и монопланов.

Но они своенравно перелетали наши заборы, опускаясь гдѣ им вздумается. Даже безславно гибли, к ужасу конструкторов, под колесами трамваев и извозчиков.

То вдруг, жадно набросились на конфекты.

Гонялись, не столько за конфектами, сколько за яркими, пестрыми обертками.

Их аккуратно складывали в видѣ аптекарских конвертиков для отчаянно-азартной игры, похожей на "блошки".

Счастливые игроки становились "милліонерами", собственниками крупных складов самых разнообразных "россійских и заграничных блошек".

Проигравшіеся, в пух и прах, обращались к таким богатѣям за займами, иные, запутавшись в неоплатных долгах, расплачивались с жестокими займодавцами "третьим блюдом".

Но на горе толстосумам, в один прекрасный день, так же внезапно, цѣна на "блошки" катастрофически упала.

Сорные ящики ломились от этого, уже никому ненужнаго, добра и матерьяльное неравенство сгладилось.

Театральную эпидемію вызвала постановка популярнаго "Измаила".

Лицедѣйскіе бациллы, особенно в младших классах, размножались с такой же быстротой, как чумные в Китаѣ и Индіи.

Сценическіе лавры старших кадет-артистов взбаламутили малышей.

Прекрасная муза Мельпомена завладѣла умами и страстью.

"Талантам" до "зарѣзу" захотѣлось играть - не важно что и кого.

А лишенные божественнаго дара, жаждали зрѣлищ, или подвизались на должностях кассиров и прочаго второстепеннаго и третьестепеннаго закулиснаго персонала.

"Слушай!" - бубнил мнѣ главный режиссер отдѣленія - "двѣ классных доски, поставленныя ребрами к стѣнѣ - сцена. Между ними проволока,на ней два одѣяла - занавѣс. Твое дѣло, как художника, изобразить,на оберточной бумагѣ, густой ельник, а комнатныя декораціи жарь прямо на досках цвѣтными мѣлками. Приступай к дѣлу немедленно!"

Как забыть мою первую декоративную работу?

Много послѣ, когда пришлось писать настоящія декораціи, в настоящих, больших театрах, я всегда вспоминал этот густой ельник, но названіе пьесы, сколько ни силился, вспомнить не мог.

На премьеру, зрителей пришлось заманивать, прибавляя,к даровому билету,четыре леденца.

И все из за острой конкуренціи!

В тот же день сосѣднее, второе отдѣленіе широко открыло двери своего театра.

Труппа третьяго отдѣленія, не желая отставать, поступила так же.

"Свинство!"- вопили наши заправилы, - "третье отдѣленіе ставит пьесу без репетицій!"

"Потому что артисты похлеще ваших!" - надрывали голоса их глашатаи, - "леденцами глаза замазываете, арапы бездарные!"

А у завзятых театралов пухла голова.

Они перебѣгали от "театра" к "театру", теряясь в догадках какая из пьес содержательнѣе и ярче.

В дни таких премьер, дежурному офицеру приходилось жарко - хоть разорвись.

Заглянул он на минутку к нам и пригрозил: "Если не будет порядка, закатаю в штрафной журнал всю артистическую братію!"

И пошел пугать других.

Мы, конечно, гаркнули: "Постараемся!"

Нетерпѣливая публика нажимала на билетеров, норовя выцарапать из их рук лишній леденец.

"Первоклассникам-баранам леденцов не давать, а то зажирѣют!"

"В шею их, чтоб не портили воздух!"

Билетеры успокаивали: "баранов пускаем понемножку! Чуть-чуть! Никаких баранов! Только второй класс!"

А Сережа-Пинкертон наотрѣз отказался и от билета, и от леденцов.

Интригующе заявил: "сыщик увидит все не входя в театр!" и исчез.

Когда же открыли занавѣс, даже строгіе критики могли убѣдиться,что "зазывалы" третьяго отдѣленія безсовѣстно врали. Устроители не пожалѣли ни средств, ни сил.

Общее признаніе гласило: декораціи и костюмы на "ять", а актеры играли без запинки.

Еще бы - суфлировал непревзойденный подсказчик в классѣ, с огромной практикой.

Режиссер радостно потирал руки - конкуренціи "труба", блестящій успѣх обезпечен.

Послѣднее дѣйствіе шло в моем ельникѣ.

По сценѣ прохаживался премьер.

На нем треуголка с аршинным плюмажем.

Заправленный в брюки мундир с наведенными, желтым мѣлом, густыми

шнурами и затѣйливыми финтифлюшками.

Шотландскій клѣчатый шарф, навѣрно мамин, перехватывал его талію.

Брюки с генеральскими, бумажными лампасами, шириной в ладонь.

А почерненныя ваксой голенища, закулисный персонал начистил до зеркальнаго блеска.

Но не хуже был и партнер в, лихо заломленной, папахѣ.

Этот находчивый и оригинальный артист на ночную рубашку небрежно накинул одѣяло с приколотым огромным двуглавым орлом.

От елочных орденов, покрывающих его грудь, рябило в глазах.

Но больше всего поражали стройныя ноги, обтянутыя новыми подштанниками, одѣтыми поверх сапог, на манер "лоссин!"

Здоровенные шпоры, взятыя на прокат у дядьки Родіона, бывшаго артиллерійскаго фейерверкера, довершали костюм.

Он красиво опирался на бутафорскую саблю, а темляк, состряпанный из пучка бечевок, свисал до самаго пола.

Оба артиста не пожалѣли, украденной из кухни, свеклы.

Их щеки горѣли кармином, а кавалера в подштанниках украшали еще винтообразные усы и эспаньолка.

"Пистолет! - восторженно шептали зрители, и хоть усердно сосали даровые леденцы, но вниманіе их напряглось до сердцебіенія.

И только что премьер с широким жестом начал захватывающій обличительный монолог...

Как вдруг...

Под потолком заскрипѣло, рѣшетка верхняго вентилятора выскочила из пазов, скользнула по стѣнѣ и брякнулась на пол, а за ней, ухнув на весь класс, вывалился, оттуда же, Сережа Пинкертон.

Кто то, воспользовавшись таким рѣдким происшествіем, с криком, "куча мала," бросился на растянувшагося Сережу. Не вытерпѣли и другіе - и заварилась кутерьма.

Даже помощники Гриша "Гаррисон" и Петя "Рулан", вмѣсто того, чтобы помочь несчастному патрону, с воем ринулись в общую кашу.

А кто отказался бы от удовольствія, в этой давкѣ, безнаказанно смазать по шеѣ перваго силача. И таких тумаков бѣдный Пинкертон принял не мало.

Минут пять напрягал богатырскіе мускулы, прежде чѣм выбрался на свѣт Божій.

И долго поводил плечами, растирал шею и похрамывал.

Спектакль был сорван на самом патетическом мѣстѣ.

Но неожиданный полет популярнаго сыщика поставил такую эффектную точку, что ребята, почесывая синяки, не сердились, а дружно хохотали.

Немного отдышавшись, Сережа важно заявил:

"Я видѣл все, не входя в театр! Артисты играли изрядно. Собственно, я наблюдал за другим... за кѣм и за чѣм - вас не касается... сыщики всегда наблюдают. Для этого и придвинулся поближе к рѣшеткѣ и сдѣлал единственную ошибку - забыл, что она не привинчена. Однако, такія ошибки случались и с Нат Пинкертоном!"

На наше счастье, как раз во время Сережинаго полета, на премьерѣ в третем отдѣленіи, разыгрался скандал с общенародной дракой и дежурный офицер наводил там порядок.

Мы успѣли починить всѣ бреши и когда он снова, заглянув в наш класс, спросил: - "Ну, как театралы, живы?" - веселым хором отвѣтили:

"Живы, господин капитан!"

Значит, не были мы уж такими плохими ребятами и хранил нас сам Господь Бог.

Если бы кто нибудь стоял под вентилятором, или если бы Сережа не так удачно сверзился, как это получилось, без лазаретных носилок не обошлось бы.

На вечерних занятіях, пострадавшій сыщик грозно и подозрительно косился на своего помощника Гришу "Гаррисона!"

А тот,с невинным лицом, усердно угощал его леденцами,"смазанными за кулисами.

Раздѣваясь в спальнѣ, Сережа показал мнѣ здоровенные кровоподтоки, разукрасившіе, как татуировка, все его крѣпкое тѣло.

Я сочувственно поохал.

"Мог бы разбить голову, сломать руку или ногу."

"Пустяки," процѣдил Сережа, - "наша работа опасная. Сышика, напримѣр, могут изрѣшетить пули. И это с Нат Пинкертоном случалось не раз!"

--ооОоо--

Года через два наш славный Сережа-Пинкертон уѣхал далеко на сѣвер. И даже помощники,Петя "Рулан" и Гриша "Гаррисон," потеряли его слѣд.

--ооОоо--

Зимой 1918 года, послѣ одного боя за Ставрополем-Кавказским,лежал я на соломѣ, в полковом околоткѣ, с прострѣленной ногой.

Рана, не переставая, ныла.

И я думал: "эх, если бы выкурить хоть одну папиросочку и боль снялo бы, как рукой".

А в карманах ни одной махорочной крупинки. Лежу, тоскую и, вдруг, слышу над самой головой:

"Здорово, Суворовец!"

Спорва я увидѣл два, облепленных грязью, смазных сапога, потом полу шинели с бурыми пятнами засохшей крови, потом перевязанную руку, похожую на забинтованное полѣно, затѣм два погона родного Марковскаполка и, наконец, еще болѣе родную, круглую, улыбающуюся физіономию Сережи-"Пинкертона".

"Нат!"

"И я, брат, сразу тебя узнал, хоть ты, навѣрно, с мѣсяц не брился. В какой ротѣ?"

"В двѣнадцатой".

"А я в десятой. Этакая чушь! В одном батальонѣ, а друг о другѣ не знали!"

"Вина твоя, Нат Пинкертон!"

"Ты прав! Проглядѣл. А помнишь еще? - подмигнул Сережа.

"Нат, куришь ли ты?" - умоляюще взглянул я на стараго друга.

"Я вѣдь только жевал трубку, а курить так и не научился. Но понимаю, не объясняй. Сейчас у кого нибудь "раздую".

И Сережа "раздул" мнѣ "козью ножку" толщиной с палец.

Я с наслажденіем затянулся.

"Жаль, что ты не ходячій, а то смотались бы в село за табачком и пряниками. Нас отправят часа через три, не раньше. Знаешь что? Ты поскучай немного, а я, как дядька Родіон - одна нога там, другая здѣсь! Что нибудь да нанюхаю".

А когда он ушел, перед моим духовным взором прошла, с необыкновенной ясностью, вся наша кадетская жизнь и выплывали эти воспоминанія из того уголка памяти, гдѣ хранятся самые свѣтлые образы.

Через час, Сережа вернулся раздосадованный.

"Экспедиція почти что не удалась. Все, брат, заперто. Боятся нос высунуть. Еще не очухались послѣ позавчерашняго боя. Обошел всѣ лавки и только один торгаш не забыл Христовой заповѣди: "Стучите и отверзется вам!" Но все же, кое что достал. Держи - двѣ пачки папирос. За качество не отвѣчаю. А это - вот фунт поганых, старых ирисов и мы их сейчас слопаем!"

"Узнаю сластену Ната!"

Сережа как то сконфуженно улыбнулся.

"Представь себѣ, не могу отвыкнуть. Ну, кури и жуй - легче будет. Болит нога?"

"Пустяки Нат! То ли чувствует сыщик изрѣшеченный пулями."

"Да, да!" - закивал головой Сережа и присѣл рядом. "Эх, братишка,

хорошее было время. Если бы попасть, вот сейчас, с этой вшивой, замазанной кровью, соломы хотя бы в "лабиринт" Вот счастье!"

"Еще лучше в "вигвам," Нат, с хорошим куском орѣховой халвы".

"Ну, еще бы!" - облизнулся Сережа. "Подожди, вот что".. и он, неловко орудуя здоровой рукой, вынул из кармана пачечку "керенок". "Ты, брат, того... не обижайся. Раздѣлим мою наличность поровну. Понимаешь... как дѣлился "Круглоголовый кабан" с блѣднолицым братом."

"Не надо, Нат!"

"Как не надо, чудак? А на табачок, на сладости. Нѣт, ты уж бери!" И он засунул половину кредиток за обшлаг моей шинели.

Я смотрѣл в его добрые, голубые глаза, на его порозовѣвшее от волненія лицо и душа моя тихо радовалась.

И это поймет каждый, кто хоть раз, пораженный несчастьем, выбитый из строя, обезсиленный, неожиданно встрѣтит стараго друга с теплым и отзывчивым сердцем.

"Нат, а помнишь, как ты летѣл турманом из верхняго вентилятора? Здорово шлепнулся?"

"Ох, брат, и здорово!" - встрепенулся Сережа, "сейчас не выдержал бы такого полета - затвердѣл. Как вспомню, вѣришь ли? - все тѣло заноет!"

Звонко расхохотался он.

Л.П.ЛИНЕВИЧ /Турбин/ XI вып.
Сидней 1955 г.

"С У В О Р О В А П О Б Ѣ Д А М"

Владимиров старшій был моим одноклассником; его младшаго брата я почти не знал. Поэтому не удивительно, что, нѣсколько лѣт спустя, служа с ним в одном полку Добровольческой Арміи, и встрѣчаясь с ним довольно часто, я и не подозрѣвал, что он Суворовец. Правда, что I-й Конный Офицерскій полк, в ту пору, представлял из себя самую разношерстную среду, гдѣ каждый эскадрон насчитывал в своих рядах 30 - 40 офицеров не только разных кавалерійских полков, но и других родов оружія; были даже офицеры моряки. Состав офицеров мѣнялся часто, так что иногда, и в собственном эскадронѣ, трудно было хорошо знать всѣх офицеров, тѣм болѣе, что многіе из них, несмотря на свои чины и другія заслуги, несли службу простыми солдатами. Командиры взводов и эскадронов имѣли лишь старшинство по службѣ в этом полку. Офицеры, юнкера и солдаты носили форму своих полков, или частей. Среди нижних чинов было много кубанских казаков, а также и кавказцев.

Послѣ освобожденія от большевиков городов - Екатеринодара, Новороссійска и Туапсе, наш полк был переброшен в Ставропольскую губернію, имѣя задачей - очистить Сѣв.Кавказ от красных войск. В декабрѣ 1918 года, точнѣе 2-го декабря в воскресенье, мы заняли с боем деревню Сѣверную, гдѣ и расположились на ночлег, выставив усиленное сторожевое охраненіе. Я с полуэскадроном был назначен в заставу.

Надо сказать, что Ставропольское плоскогорье представляет из себя сильно пересѣченную, глубокими балками, холмистую долину. По низинам этих балок обычно располагались всѣ деревни, хутора и села.

Карт этого района у нас не было, а вслѣдствіе непрокращавшихся туманов, о рельефѣ мѣстности мы не имѣли никакого предоставленія. Туманы эти, гонимые постоянным вѣтром из киргизских степей, были несносны, особенно при небольшом морозѣ. Так недавно еще прибыли мы сюда с кавказскаго побережья, гдѣ купались и грѣлись на солнышкѣ, и перемѣна эта чувствовалась, конечно, очень сильно, тѣм болѣе, что большинство из нас одѣты были весьма легкомысленно и лишь у немногих была теплая шинель или бурка.

Сухой крупчатый снѣг, гонимый безпрестанным вѣтром по самой землѣ, тонким передвигающимся слоем, покрывал всѣ окрестности. Дорог почти не было видно, а собственные слѣды заметались и изчезали непосредственно за нашей спиной. Из за туманов, видимость была ограничена двумя-пятью метрами, да и то только днем, так что ориентироваться приходилось чутьем, а эта способность дана далеко не каждому.

Пройдя от деревни версту-полторы, я спѣшил свой полуэскадрон прямо в степи.

Укрытія для лошадей не было; пришлось осадить коноводов немного назад, укрывая их в туманѣ. Стрѣлков раскинул цѣпью, а вперед выслал конные дозоры. Сидя и лежа прямо в снѣгу, мы прислушивались к невидимой дали. День прошел спокойно, но вечером, когда стало темнѣть, впереди послышались ружейные выстрѣлы. Вскорѣ прискакал один из дозорных и доложил, что противник наступает, причем обозначилась кавалерія, при большом количествѣ пулеметных тачанок. Красные разъѣзды тѣснят наши дозоры, которые, отстрѣливаясь отходят на нас. Тѣм временем вернулись остальные дозоры, по словам которых можно было заключить, что красных довольно много и, во всяком случаѣ, достаточно, чтобы сбить нас с наших лежанок и угрожать отдыхающему полку. Раздумывать долго не приходилось: звук тарахтящих, по мерзлой землѣ, пулеметных тачанок и глухой конскій топот уже хорошо доносились из потемнѣвшаго тумана, а ружейныя пули становились все назойливѣе. Я не торопился открывать огонь, чтобы не обнаруживать свое расположеніе и малочисленность. Когда же красные приблизились настолько, что отдѣльные всадники стали показываться из тумана, я ошпарил их нѣсколькими дружными залпами и перешел на рѣдкій огонь, но и то лишь по видимой цѣли.

В ту пору, Бѣлой Арміи приходилось очень беречь свои огнестрѣльные припасы, т.к. пополнялись они у нас за счет отбитаго у противника. Стрѣльба наша, видимо, произвела на него должное впечатлѣніе, потому что красные остановились и, выдвинув вперед нѣсколько пулеметов, стали поливать нас, как из пожарных рукавов. К счастью, туман хорошо нас укрывал и потерь мы не несли; пули стальным роем проносились над нашими головами.

В слѣдующем своем донесеніи командиру полка, я указал на угрозу обхода моих флангов, когда я буду вынужден отходить к полку. Коноводов я туда уже отправил. Командир прислал мнѣ на поддержку два пулемета и нашу собственную полковую пушку, которая не раз выручала нас в трудныя минуты. Завязалась горячая перестрѣлка на короткой дистанціи. Безпокоясь за наше положеніе, командир отправил ко мнѣ, в конном строю, эскадрон лихого эсаула Веремѣева /Норчинца/, который разспросил меня об обстановкѣ и, долго не раздумывая, повел свой эскадрон в атаку. Мы прекратили стрѣльбу, поднялись и, с криком "ура", побѣжали слѣдом за лавой Веремѣева. Впереди слышны были крики, отдѣльные выстрѣлы и оглушительные взрывы ручных гранат. Пулеметы уже молчали. Ясно было, что Веремѣевцы вонзились в самую гущу красных и теперь идет там кровавая развязка. Мы торопились на помощь. По пути встрѣчались брошенныя тачанки с пулеметами, попадались убитые и раненые. Нѣсколько десятков красных, конных или пѣших, затерявшихся в густом туманѣ и пытывшихся скрыться от нас, были пристрѣлены, или взяты в плѣн, если не оказывали сопротивленія.

Отклонившись в сторону, с двумя юнкерами Николаевскаго Кавалерійскаго Училища и со взводным унтер-офицером, я наскочил на пулеметную тачанку, с которой по нас открыли огонь. Но, удачно брошенная юнкером, граната убила одну из пристяжных лошадей, что заставило красных пулеметчиков бросить свой экипаж и разбѣжаться. В темнотѣ все перепуталось и приходилось быть очень осторожным и внимательным, чтобы не убить, или не покалѣчить кого нибудь из своих, или самому зря не пострадать.

Всадники, пѣшіе и лошади без всадников метались, в туманной мглѣ.

Пули чертили по всѣм направленіям и пора было подумать о сборѣ всѣх своих людей.

В этот момент я увидѣл, движущуюся на меня из тумана, какую то странную фигуру. Растопырив руки и ноги, она издавала хриплые возгласы и покачивалась. Я громко ее окликнул. В отвѣт послышался лишь глухой стон. Похоже было, что это раненый. Опустив свой "наган", я быстро подошел к нему. Это был молодой офицер из эскадрона Веремѣева. Он был ранен осколком гранаты, или разрывной пулей в область груди. Вся шинель его была спереди залита кровью. В чертах его лица и в глубинѣ глаз уже угадывалось присутствіе смерти. Подбѣжавшіе юнкера помогли мнѣ донести и уложить этого корнета на,брошенную красноармейцами, пулеметную тачанку. Сняв с него оружіе и пояс и разстегнув шинель, я увидѣл с лѣвой стороны груди, немного ниже карманчика, глубокую черную дыру, величиною в спичечную коробку. Кругом все было пропитано густою, черною кровью, а в глубинѣ самой раны что то блестѣло. Предполагая, что это осколок или оболочка от пули, я осторожно зацѣпил двумя пальцами за блестящій кончик и вытянул наружу. Долго смотрѣл я с недоумѣніем на этот кусочек и не вѣрил своим глазам. В рукѣ у меня сіял, помятый пулей, наш корпусной значек - СУВОРОВА ПОБѢДАМ. Цѣпочка, на которой он висѣл, тянулась к пуговкѣ карманчика над раной. Она и удержала его на поверхности.

Несомнѣнно, умирающій офицер был наш кадет - СУВОРОВЕЦ, мой однокашник. В наступивших сумерках, я не мог разобрать его лица, измѣнившагося еще от страданій, и не находил в нем ничего знакомаго.

Видя, что раненый пытается что то сказать, я нагнулся и спросил его: "Ты Суворовец?"

"Да, Владимиров 2-й," прозвучал тихій отвѣт; его глаза открылись и закрылись снова.

Много мнѣ приходилось видѣть смертей, нерѣдко очень близких мнѣ людей, но этот, почти неизвѣстный мнѣ Суворовец, уходившій из жизни, в таком одиночествѣ и так тихо, глубоко тронул меня.

Юнкера освободили тачанку от убитой лошади и я приказал им, возможно осторожнѣй, доставить корнета Владимирова в обоз нашего полка. Сам же, вернувшись к дѣйствительности, стал собирать своих людей.

Атака эсаула Веремѣева увѣнчалась полным успѣхом. В наши руки попало много плѣнных и военные трофеи; мы же отдѣлались сравнительно небольшими потерями. Отдохнуть нам все же не пришлось: этой же ночью наш полк выступил, по тревогѣ, в помощь отряду Полковника Врангеля.

Бои за боями, переходы, развѣдки, сторожевки... и только спустя нѣсколько дней, когда мы вышли на линію желѣзной дороги Минеральныя Воды - Владикавказ, я вспомнил о Владимировѣ и смог навести о нем справку в эскадронѣ.

С грустью узнал я, хотя в этом и не сомнѣвался, что в тот же день, не приходя в сознаніе, Суворовец ВЛАДИМИРОВ 2-й навсегда покинул нас.

Похоронен он был там же, на деревенском кладбищѣ, и вряд ли когда нибудь кто нибудь,из его близких, сможет отыскать его скромную могилу и поклониться его праху.

Н.КЛОБУКОВ /5-го выпуска/.

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ, ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ, ИЛИ ВИТТЕ ВСѢ СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ! А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ.

XIII ВЫПУСК - РОКОВОЙ И ПОСЛѢДНІЙ.
Глава 2. I-й класс I-е отдѣленіе 1911/1912 учебн. года.

Назначенный ассистентом на переэкзаменовках, отец мой должен был быть в Варшавѣ, не в день Успенія /15 августа/ когда обычно собирались кадеты, а немного раньше. Но, всетаки, было рѣшено, что он повезет меня в корпус. Это обстоятельство обрадовало меня, ибо я уже заранѣе предвкушал удовольствіе от ознакомленія с городом, за тѣ немногіе дни, которые мнѣ удалось бы провести еще, так сказать, на свободѣ. В день отъѣзда, мать благословила меня иконкой, которая потом всегда висѣла на кровати, над моей головой, и была, как бы, символом материнской любви и частицей родительскаго дома. Она также снабдила меня новенькой корзинкой, набитой всевозможными пирогами, печеньем, конфектами, апельсинами, халвой и прочими яствами. За время моего краткаго путешествія, а также и по прибытіи в Варшаву, этой корзинкой я пользовался сравнительно мало.

Особенно хранил я план Варшавы, который был вложен в коробку конфект от Лярделли, подаренную мнѣ нашими знакомыми, послѣ выдержанных экзаменов. Как сейчас, помню этот, напечатанный на папиросной бумагѣ фіолетовым цвѣтом, прекрасно исполненный план, который мы с отцом основательно изучали, подготовляясь к будущим странствованіям по невѣдомым мнѣ дотолѣ мѣстам.

Желая развить во мнѣ самостоятельность, отец мой предоставлял мнѣ полную свободу дѣйствій и, по пріѣздѣ в Варшаву, снабжал меня карманными деньгами. Совмѣстно с ним вырабатывался маршрут, который я должен был выполнить до обѣда, т.е. в то время когда он был занят. За обѣдом я дѣлился своими впечатлѣніями, которых, конечно, было очень много, а послѣ обѣда мы ходили гулять; были нѣсколько раз в кинематографѣ, гдѣ я покатывался от смѣха, смотря картины с участіем комика Макса Линдера.

15 августа 1911 года, в день Успенія, я должен был быть вечером в корпусѣ.

Послѣ небольшой послѣобѣденной прогулки, захватив с собой, с любовью приготовленную моей матерью, корзинку, мы пошли в корпус.

Нас встрѣтил, очень почтительно, усатый гигант - швейцар Иван. В бесѣдах с посѣтителями, а онѣ случалиа не рѣдко, наш Иван обыкновенно говорил, что в нашем корпусѣ есть только два артиллериста - "я и генерал-лейтенант Ваулин" /директор корпуса/ причем он всегда дѣлал особенное удареніе на словѣ "я" и ставил его неизмѣнно впереди.

Все сіяло чистотой, сильно пахло скипидаром от блестящих, очень скользких, свѣжо натертых паркетных полов.

Пройдя мимо пріемной комнаты, гдѣ другіе папеньки и маменьки тихо бесѣдовали со своими сыновьями, мы завернули налѣво и перед дверью, с красовавшейся над ней надписью "4-ая рота," распрощались с отцом, передавшим меня дежурному воспитателю, который направил меня в спальню. Приразставаніи наставленія моего батюшки были, как всегда, коротки и ясны. Он сказал: "веди себя хорошо. Слушайся начальников. Учись не для баллов, а для знанія. Особое вниманіе уцѣляй математикѣ и языкам. Языки - это капитал."

Едва успѣл я переступить порог спальни, как на меня, неожиданно, со всѣх сторон, с шумом и гамом, набросились кадеты и принялись меня "крестить," заламывать "салазки" и продѣлывать всевозможныя, довольно своеобразныя шалости, сопротивленіе которым было бы совершенно безполезным и тщетным. Корзинку мою обступила группа других кадет. Крышка была уже открыта и содержимое быстро уменьшалось, поглощаемое, всегда голодными и всегда могущими ѣсть, кадетами, особенно "саможралами," как мы называли потом выдающихся обжор. Так же внезапно как они на меня набросились, так же быстро они меня и оставили, хотя и сильно смущеннаго, но тѣм не менѣе получившаго прекраснѣйшій, на всю

жизнь запечатлѣвшійся, урок. Я видѣл, что не только я один подвергался этому, довольно своеобразному, ритуалу, но что его должен был пройти каждый, без исключенія, новичок. Мнѣ самому стало интересно наблюдать, как различно относились мои сверстники к подобнаго рода "крещенію". Нѣкоторые начинали сопротивляться, но сопротивленіе их со смѣхом и шутками быстро ликвидировалось. Другіе начинали ревѣть; это было гораздо хуже. Не обращая вниманія на слезы, быть может как раз возбуждаемыя ими, "крещенія" производились с большим рвеніем, да и жестокостью.

Но хуже всего обстояло дѣло с тѣми - кто, либо грозил, либо бѣжал к воспитателю жаловаться. Таких клеймили позорными словами "ябедник" или "фискал" и "крещеніе" их отличалось особой безпощадностью. Я сразу понял, что "ябедничать" или "фискалить" нельзя, что это гнуснѣйшій проступок, строго караемый кодексом неписаных законов этого новаго общества, членом котораго, совершенно добровольно, стал и я.

Послѣ этого нравоучительнаго и несомнѣнно очень полезнаго, так называемаго "крещенія", нас новичков, именовавшихся "баранами", оставили в покоѣ и начи занялись служителя, или "дядьки", каптенармус, со своими помощниками, и дежурный офицер-воспитатель. Послѣ всевозможных, разнообразных хлопот с обмундированіем, и послѣ бани, нас, в первый раз одѣтых во все казенное, сильно пахнувшее цейхаузом, построили и повели в столовую, пить чай.

Послѣ чая, полный множеством быстро смѣнявшихся впечатлѣній, первый день в корпусѣ, в котором я провел послѣдующіе семь лѣт моей жизни, подходил к концу. Утомленный всѣм видѣнным и пережитым, а также ошеломленный новизной обстановки, я лог спать и очень скоро заснул блаженным сном праведника.

На слѣдующій день, рано утром, меня разбудил барабанный бой корпусного барабанщика, грузина, не помню точно, Чабардашвили или Гарбадашвили. Этот плотный и коренастый, небольшого роста, с очень красивыми чертами лица, молодой солдат, одного из Варшавских гвардейских полков, бил в барабан с таким усердіем, что вся ротная спальня была наполнена громовым грохотом столь сильным, что самые отъявленные "сони" должны были от него проснуться.

Во время утренняго осмотра, перед молитвой, меня очень поразил приказ дежурнаго офицера - разстегнуть гимнастерки. Опытным взором окинув нас, он выслал из строя нѣсколько человѣк, в спальню - переодѣваться, приказав им доложить об этом своему отдѣленному офицеру-воспитателю. Дѣло в том, что они не перемѣнили ночных рубах, у которых были красные воротники, легко замѣчаемые, так что "ловчиться" было невозможно.

Послѣ утренняго чая, нас распродѣлили по отдѣленіям. Несмотря на то, что с того дня прошло сорок пять лѣт -

Список кадет I класса I-го отдѣленія Суворовскаго Кадетскаго Корпуса в 1911-1912 учебном году

точно остался в памяти. Вот он:

1.Авксентьев Николай	2.Бердяев Виктор
3.Бубнов Дмитрій	4.Владиславскій-Падалко Николай
5.Гольфорт Петр	6.Держанскій-Дехтерев Михаил
7.Дорошенко Николай	8.Ещенко Михаил
9.Ждан-Пушкин Михаил	10.Карпинскій Борис
11.Клопацкій Леонид	12.Корьюс Николай
13.Ловецкій Борис	14.Линдберг-Коль Владимир
15.Мандрыко Георгій	16.Маркович Владимир
17.Моди Николай	18.Моисеев Михаил
19.Новицкій Николай	20.Раткин I-й Константин
21.Раткин 2-й Владимир	22.Садлуцкій Василій
23.Солезнев Петр	24.Сокольскій Евгеній
25.Сомов Георгій	26.Стрѣльбицкій Борис
27.Шовченко Борис	28.Шульц Арсеній.

Из группы воспитателей, стоявших вокруг ротнаго командира полковника Ивана Ивановича Косинскаго /по прозвищу "извощик"/,отдѣлился и подошел к нам моложавый, хотя и с пробивающейся сѣдиной в расчесанных баконбардах, подполковник Николай Петрович Ровишин /по прозвищу "сапог"/и сказал, что отнынѣ он будет нашим отдѣленным офицером воспитателем. К величайшему сожалѣнію,он пробыл с нами всего лишь первые три года, в Варшавѣ; в 1914 году, в самом началѣ мiровой войны, он был переведен на должность воинскаго начальника в город Сердонск, и когда корпус был эвакуирован в Москву, то его с нами уже не было.

Я сказал - к сожалѣнію - потому, что как человѣк, офицер и воспитатель подполковник Николай Петрович Ровишин соединял в себѣ всѣ лучшiя качества, которыя вообще мог имѣть истинный наставник и самых младшихъ кадет и юношей, хоть и принадлежавших к однородной средѣ,до поступленiя в кадетскiй корпус, но получивших различное воспитанiе.

Прекрасно сложенный, всегда с иголочки одѣтый, безукоризненно чистый, припомаженный, с громовым голосом и глубокими, умными, проницательными глазами, Николай Петрович представлял собой живой образ истиннаго офицера Россiйской Императорской Армiи, которому мы, как это свойственно юношеству, совершенно подсознательно старались и стремились подражать.

В моральном отношенiи,"Суворовскiй дух," вложенный в наши юныя души подполковником Ровишиным, пустил настолько глубокiе корни, что он жив во всѣх нас еще понынѣ. Николай Петрович был большой психолог и умѣл с поразительной точностью разбираться в тончайших переживанiях наших молодых жизней. Строгiй, но чрезвычайно справедливый, относился ко всѣм нам беспристрастно и одинаково - "любимчиков" у него не было, - благодаря чему сумѣл очень быстро завоевать нашу полную откровенность и почтительное уваженiе.

Послѣ моего отца, Николай Петрович стал самым близким мнѣ человѣком; и если он еще в живых, и если бы ему пришлось читать эти строки, то от имени всѣх кадет нашего отдѣленiя и моего лично, я желал бы выразить ему глубочайшую благодарность и искреннѣйшую признательность за труды, понесенные им на наше воспитанiе.

На слѣдующiй день, послѣ молебна, происходила выдача книг, а затѣм начались занятiя.

Мой первый учебный год, как хорошо заведенная машина, пошел полным ходом. Будни побѣжали в чередующейся смѣнѣ шести уроков в день, обязательных прогулок, вечерних занятiй и в... ожиданiи такой заманчивой и многообѣщающей субботы. Каждый отпуск был событiем, которое вносило разнообразiе и свѣжесть.

Вскорѣ нам начали шить парадные мундиры.

В концѣ сентября участились уроки "фронта" /строевых занятiй/, причем рота строилась по"общему ранжиру", т.е. по росту; тогда всѣ отдѣленiя и классы перемѣшивались и вся рота одновременно, как спаянная единица, продѣлывала всевозможныя перестроенiя на плацу. Это была интенсивная и необходимая подготовка к параду, по случаю предстоящаго большого торжества - нашего корпусного праздника.

/Продолженiе будет./

Н.А.КОРЬЮС /XIII выпуска/.

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ, ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ, ИЛИ ВИТТЕ ВСЬ СВѢДѢНIЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ, А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ!

В С Т Р Ѣ Ч И.

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщик лихой, сѣдое время
Везет, не слѣзет с облучка.
А.С.Пушкин /Телѣга жизни./

Телѣга жизни все катится,
-/А время гонит лошадей/-
И скоро может быть домчится
До царства мрачнаго тѣней.
Привык и я к своей телѣгѣ,
Хотя подчас и тряско в ней,
Но не мечтаю о ночлегѣ
Среди вѣчно дремлющих тѣней.
Но все ж безжалостное время
Стрѣлой до мѣста доносит
Свое трепещущее бремя;
Само же в вѣчность отойдет.
У всякаго своя телѣга,
И ѣдет всяк своим путем,
Но все ж до "общаго ночлега"
Мы всѣ когда нибудь дойдем.
Пути, подчас, пересѣкаясь,
Нас сводят вмѣстѣ гдѣ нибудь,
И ѣдем мы, перекликаясь
Пока имѣем общій путь.
Но вот дороги разошлися;
И, каждая своим путем,
Опять телѣги понеслися...
Быть может встрѣтимся потом.
О как отрадны эти встрѣчи,
Порой средь мрачнаго пути!
Какія радостныя рѣчи
Случалось иногда вести!
Бывали встрѣчи и иныя,
Их тяжело нам вспоминать,-
Случалось нам и рѣчи злыя
На жизненном пути узнать.
Случалось горькія мгновенья
Переживать нам на пути,
Но "помощь скорую" в забвеньи,
Нам удавалось найти.
Но встрѣчи добрыя, конечно,
Храним мы в памяти своей,
И помнить их мы будем вѣчно,
Нельзя забыть своих друзей.

П.СОРОКИН /математик/.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе Петр Александрович Сорокин послал Аракчеевцам, как б.кадет этого корпуса, а потом кому то из Суворовцев; кому не упоминает, но в своем письмѣ говорит, что относит его ко всѣм своим однокашникам и б.ученикам, особенно к Суворовцам.

ИЗ "ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ" И ИЗ АРХИВА ОБъЕДИНЕНІЯ.

Примѣчаніе. Лев Платонович Линевич,в своем очер- "Нат Пинкертон" /одном из будущей серіи забавных случаев из жизни наших Суворовцев/, упомянул, что "театральную эпидемію вызвала постановка ИЗМАИЛА". Первый раз ставил "Измаил" 3-й выпуск, и это был первый кадетскій спектакль в нашем корпусѣ. Поэтому помѣщаю программу этого спектакля и выписку из письма, рисующаго картину, что "зараза" перекинулась не только на младшіе классы Суворовцев.
Программа - дар Объединенію Нины Болеславовны Собѣцкой, сестры кадета IУ выпуска Бориса Турцевича.

И З М А И Л.
Историческая драма в 4-х дѣйствіях
и I-ой картинѣ.
М.Н.БУХАРИНА.
--ooOoo--

Дѣйствующія лица:

Свѣтлѣйшій князь Потемкин-Таврическій	С.Векилов
Польскій генерал Іосиф Дивет	А.Горбатов
Софья Дивет, его жена	Н.А.Косинская
Генерал-маіор С.Л.Львов	М.Лоскутов
Ольга Михайловна Верстовская, родственница Львова	А.В.Теплова
Генерал-аншеф граф А.В.Суворов-Рымникскій	А.Ольшевскій
Кабинет-секретарь генерал-маіор В.С.Попов	Б.Катин
Генерал-маіор М.И.Голенищев-Кутузов	А.Решко
Генерал-маіор Мекноб	Н.Липинскій
Генерал-маіор князь В.В.Длинноруков	А.Главче
Княгиня Е.Ф.Длиннорукова, его жена	.'.
Генерал-фельдмаршал граф П.А.Румянцев-Задунайскій	Г.Дорошевскій
Генерал-поручик А.Н.Самойлов	А.Мевіус
Принц Карл Де-Линь	.'.
Адъютант свѣтлѣйшаго князя Таврическаго А.М.Вехтѣев	Е.Чевати
Земфира, кормилица Ольги	.'.
Нотка, еврей	В.Сергѣев
Офицер	Н.Липинскій

Ординарцы, лакеи и солдаты.

---ooo---

Дѣйствіе происходит в I790 г.

---ooo---

Первыя два дѣйствія в городѣ Яссы,
а послѣднія - в I0-ти верстах от Измаила.

---oooOooo---

Печатано по разрѣшенію Директора Суворовскаго Кадетскаго Корпуса Генерал-Лейтенанта Лаврова. - Варшава, I5 февраля I908 г.

Тип."Панскій и Рабинович", Золотая 25.

На заглавной страницѣ - портреты:Государя Императора,Наслѣдника Цесаревича,Великаго Князя Константина Константиновича и Ген.-лейт.Лаврова. Изображенія: знамя,погон,жетон корпуса,главный вход и картина из перехода через Альпы.
Из письма К.В.Соколова: ..."Что же еще пришло в голову из кадетских воспоминаній. Как то установилось, что выпускной класс ставил спектакль. При Тебѣ, кажется, этого не было. IУ выпуск ставил патріоти-

ческую пьесу "Измаил." Постановка была прекрасная; костюмы - из правительственнаго театра. Сцена была построена в гимнастическом залѣ.

Дѣйствіе - гдѣ происходит военный совѣт. Потемкин сидит задумавшись, а за сценой, хор, под управленіем Пичугина, поет: "и о чем ты добрый молодец призадумался, пригорюнился".. С послѣдним словом Потемкин вскакивает и приказывает Суворову взять Измаил. Суворов распахивает окно и, освѣщенный луной /прожектор/, кричит: "мои славные Фанагорійцы идем на штурм Измаила!" А "храбрые Фанагорійцы", т.е. мы, сидя на полу,/чтобы не было видно голов/,кричим: "ура, ура Суворов!"

На генеральную репетицію, в костюмах, были приглашены два эскадрона Гродненских гусар. Одному из эскадронных командиров так понравился "Измаил",что он рѣшил его поставить у себя в эскадронѣ. На спектакль пригласили и нас. Играли гусары замѣчательно. Были нѣкоторыя шероховатости; так роль героини играл гусар; на нем бальное платье с большим декольтэ, обнаженныя руки, и когда героиня сгибала руку, то вырисовывался такой бицепс, что ему любой борец позавидовал бы. Да и говорила героиня с явно хохлацким произношеніем - "я с Путемкиным танцувала! А в общем было очень хорошо!"

--ооо--

Из письма А.Р.Лобан:... "Три сына было у нея
Три утѣшенья в жизни
И всѣ,в далекіе края,
Ушли служить отчизнѣ"...

Всѣ в корпусѣ знали трех браьев Лобан - Леву, Диму и Рому. Всѣ они с самых юных лѣт стремились попасть в корпус, затѣм в училище и выйти в офицеры, по примѣру дѣдов и прадѣдов. Их предок Иван Александрович Лобан в началѣ ХУ вѣка был послан в Рагузу для изученія судоходства. С тѣх пор его потомки служили в арміи или во флотѣ Россійской Имперіи. Штатских в семьѣ не признавали и поэтому отчим моего покойнаго мужа никогда не признавался мальчиками как отец или авторитет, несмотря на то, что женился он на их матери, когда мужу было всего четыре года. Старшіе братья попали в корпус нормально по годам, но муж родился в октябрѣ мѣсяцѣ, а поэтому ему цѣлый год пришлось ходить в гимназію и терпѣть оскорбленія и издѣвательства своих старших братьев-кадет."Ромка - шпак, Ромка-дурак", слышалось то с одной кровати, то с другой, когда Лева и Дима возвращались домой в отпускные дни. Рома ненавидѣл свою гимназическую форму, не хотѣл учиться и с нетерпѣніем ждал момента, когда, наконец, и его примут в корпус. Он заранѣе знал всѣх офицеров-воспитателей по разсказам своих братьев; одних любил, других "презирал"; завѣдомо шел на "цук" и "подневольное состояніе" младших кадет. Затѣм наступил счастливый момент поступленія в корпус.

В 1932 году я с мужем первый раз попала в Варшаву и наш первый визит был отдан корпусу. Корпус больше не был "наш", как мы всѣ привыкли называть его. В нем стояли польскіе солдаты и войти внутрь нам не позволили. Но по разсказам мужа я так хорошо знала корпус, что мнѣ не трудно было, сидя в Лазенках и издали глядя на это зданіе, представить себѣ, гдѣ находились спальни, большой бѣлый зал, столовая, классы и т. д. Всѣ разсказы моего мужа были пропитаны такой любовью и уваженіем к корпусу и его традиціям, что для меня он стал совсѣм "своим" и всѣ Суворовцы родными. В Бѣлградѣ, на чужбинѣ, я познакомилась с Н.П.Ревишиным, а затѣм и с "Еремой", которые также беззавѣтно любили корпус и жили, связанными с ним, воспоминаніями. Объединеніе Суворовцев позволило мнѣ узнать многих питомцев этого молодого, но так много давшаго, корпуса. У всѣх Суворовцев я замѣтила одну общую черту - они не легко сдаются. Они твердо и увѣренно борются с жизнью, так же как они боролись на полях сраженій. Несмотря на суровыя испытанія, завѣты Суворова остались непоколебимы и до сих пор живут в сердцах этих, уже не молодых людей.

Всѣ три брата погибли в борьбѣ с нашим общим врагом. Всѣ три до конца оставались честными солдатами, ждавшими первой возможности, чтобы пойти на зов Родины. Каждый из них отозвался, как мог и умѣл. Со смертью послѣдняго угас древній россійскій род борцов за свободу и честь Родины.

---ооо---

Из письма Г.И.Николаенко:... "Какая сердечность, какая товарищеская спайка, доходившая иногда до жертвенности, были в основѣ вашего воспитанія. ...С сердцем, наполненным благородными порывами, вы покидали ваш Дом-Корпус. Я очень доволен своей судьбой. Своим трудом я удовлетворил свои духовныя потребности; во имя чести моей Родины, участвовал в четырех войнах. Но об одном я жалѣю - почему я не был кадетом одного из кадетских корпусов Россіи, а эту возможность я имѣл. Это жемчужина в ореолѣ славы каждаго из нас - солдат великой арміи Императорской Россіи. Это вы, воспитанники корпусов, впослѣдствіи офицеры Русской арміи, знакомили юнаго крестьянина, юнаго иастерового, какой бы народности он ни был, с благородством великой русской души, с всепрощающей человѣчностью, обоснованных истинно христіанской вѣрой в Бога, и закрѣпленных воспитаніем в кадетских корпусах, получивших развитіе в военных училищах и в школѣ жизни. Это вы втолковывали им, как быть носителем чести - русским солдатом. Мы люди "со стороны," слѣдуя за вами, воспринимали от вас быт и нравы офицера Русской арміи и тѣм самым облегчали тяжелый, жертвенный путь во имя Родины. Слава Россіи! Слава вам,Суворовцам!"

---ооо---

Из писем С.К.Намѣстника: ..."Уклад жизни, окружавшей меня среды,военной потрадиціи, привлекал меня к военной службѣ и я поступил в Южную Школу, которую я выбрал по семейным /чисто/ причинам.... Южная школа, как вам извѣстно, отличалась суровым режимом и крѣпостью традицій.Мнѣ трудно было первое время, но все же шпоры я получил в первую очередь и окончил училище, нашивочным, в первом десяткѣ. ... В гимназіи всегда было два, взаимно враждующих, лагеря: учащіе, как правило, старавшіеся поймать учащихся на незнаніи, и учащіеся, постоянно пытавшіеся надуть учителя, а здѣсь царила совсѣм иная атмосфера. И в преподавательском составѣ, и в строевом начальствѣ, мы чувствовали всегда желаніе - не "поймать," а "научить." Это было характерно для военных школ. Вот почему я и написал о моем преимуществѣ - у меня есть /начало/ с чѣм сравнить. Поэтому всегда и всздѣ я готов всѣми силами и словами поддерживать репутаціи наших училищ и корпусов и всѣх бывших их питомцев. ... Одним словом, Суворовцы для меня большое утѣшеніе в моей однообразной, нынѣ, жизни."

---ооо---

Из письма Д.А.Камнева: ... "Затронув вопрос традицій, припоминаю случай,"виновником",так сказать, котораго был я, уже в стѣнах Южной Школы. Пріѣхал я в Елисаветград на день, или два, позже срока и попал в 5-й взвод /да,был тогда такой/ 2-го эскадрона. Всѣ Суворовцы /как и всегда раньше/ были в том же 2-м эскадронѣ, но в 5-м взводѣ был я один. И вот как то, в серединѣ или концѣ октября /1917 г./ заходит вечером в помѣщеніе нашего взвода "генерал" Школы, /грузин, фамилію не припомню/ в сопровожденіи двух"корнетов." Конечно, команда для "сугубых" - "встать, смирно!" Цук в Школѣ, несмотря на революціонное время, еще до тѣх пор не ослабѣл. Встали смирно. Обращается "генерал" к стоящему, в проходѣ у своей кровати "сугубому": - "войте на луну". Тот молчит. Вторичное приказаніе. Отвѣт: "выть не буду, это издѣвательство." Такое же приказаніе, стоящему рядом, другому "звѣрю".Отвѣт почти такой же, во всяком случаѣ, отрицательный. "Генерал" выходит из себя; "корнетство" в ярости. Третій отказывается тоже. Четвертым стою я. "Генерал" обращается ко мнѣ: "вы тожо отказываетесь?" Мой от-

вѣт: "я Суворовскаго Корпуса, Ваше превосходительство. Как Суворовец почитаю традиціи и исполняю приказанія. Прикажете завыть?"

"Спасибо за службу. Выть не надо!" И быстрыми шагами "начальство" покидает помѣщеніе взвода. "Корнетская"половина, спальной 5-го взвода, возмущена; начинается ругань - "позор взводу" и т. п.

Через два дня назначается собраніе всего эскадрона /конечно только юнкеров без командnаго состава/. В этот день пріѣхали навѣстить училище нѣсколько офицеров-корнетов 6-го коннаго Заамурскаго полка; в их числѣ наши, X выпуска, Тунцельман /старшій/, Затонскій и др. Всѣ они тоже присутствовали на сборѣ эскадрона. "Генерал" доложил подробно о случившемся и закончил так /приблизительно, но смысл точен/: - "когда я обратился к слѣдующему, то он отвѣтил - я Суворовец - и этим было сказано все." Послѣ этих слов, раздался "малиновый" звон шпор всего присутствующаго "корнетства", /мы тогда еще шпор не получили/ как воздаяніе поощренія за такой отвѣт. Присутствующіе, настоящіе корнеты, нашего X выпуска, сразу заинтересовались - кто это. Ну, и начали меня обнимать и... благодарить, что, мол, поддержал честь корпуса. Я же был и смущен и... горд; горд был я своей принадлежностью к Суворовской семьѣ, стяжавшей себѣ славу и извѣстность, не только в Варшавѣ, но и в училищах, и в стѣнах Елисаветграда, и воспитавшей меня в ея славных традиціях. Слова "генерала" давали оцѣнку нашему корпусу, уже извѣстную ранѣе, и звон шпор всего "корнетства", послѣ его слов, подтвердил похвалу и славную марку Суворовскаго Корпуса.

Что заставило меня так отвѣтить в тот момент послѣ трех отказов? Только наши традиціи, наше воспитаніе в их духѣ, в особенности в I-й ротѣ, наше правильное понятіе о "цукѣ"; ну, конечно, еще то, что натура возмутилась против того, что можно измѣнить традиціям по случаю происходящих революціонных событій.

Конец этой исторіи не помню, т.е. какой исход он имѣл для тѣх трех /тоже кадет - один Симбирскаго - другіе не помню каких корпусов/. Я же был переведен, на срок одной недѣли, на "корнетское"положеніе /с правом цука/ и Яковлевич /4-го взвода/ и Тунцельман младшій /3-го взвода/ - присѣдали у меня, за это время, не раз".

---ooo---

Из письма К.А.Глоба-Михайленко: ... "Хотѣл я прислать свое воспоминаніе о первой передачѣ "Звѣріады", но опять меня опородили и написали о такой передачѣ, хоть и не о первой. При мнѣ /в I выпускѣ/ была кое какая разница в самом "церемоніалѣ", но не существенная.

Что касается полученія корпусом знамени, то у меня, к сожалѣнію, от всего этого торжества почти ничего не осталось в памяти, кромѣ одного эпизода, но который запомнился как будто он произошел вчера. Когда прибыло знамя, то, по приказанію Степана Ниловича Лаврова, была выстроена I-я рота и знамя, развернутое, пронесено перед строем. Нес знамя первый знаменщик Рылько. Директор шел за ним и держал край полотнища рукой так - чтобы оно было цѣликом и всѣм видно. Рылько, высокій и бѣлокурый юноша, выступал весьма торжественно, настоящим прусским гвардейским шагом. Этот шаг мнѣ, почему то, больше всего и запомнился; может быть потому, что произвел на меня сильное тогда впечатлѣніе. Ни парада, ни прибивки я совсѣм не помню."

---ooo---

К СПИСКУ КАДЕТ 2-го ОТДѢЛЕНІЯ II ВЫПУСКА /см. сборник №4/
прибавить:

ВЕДЕНЯЕВ I-й		Фон МЕЙЕР
ГАЛДОБИН I-й	/на сторону/	ПАШКОВ Михаил
ЕРОШЕВИЧ		РЪЩИКОВ

---ooo---

К имѣющимся фамиліям кадет III выпуска получено от Н.Г.Калагеорги так много дополненій, что список этого выпуска можно считать почти законченным. Но помѣщается он без разбивки по отдѣленіям, т.к. этих точных данных нѣт.

СПИСОК КАДЕТ III ВЫПУСКА.

1. АЛЕКСАНДРОВИЧ Георгій
2. АНДРЕЕВ Кон.артил.
3. БИРЮКОВ
4. БОНЧ-БОГДАНОВСКІЙ
5. БРОХОЦКІЙ Михаил Мих.Арт.Уч. 5 арт.бриг.
6. БУТУСОВ
7. БѢЛЯКОВ 2-й Валентин Алексан. В.Уч.Сапер.
8. ВАУЛИН На сторону.
9. ВЕДЕНЯЕВ 2-й
10. ВЕКИЛОВ
11. ВОЛКОВСКІЙ 2-й Александр
12. ВОЛКОВСКІЙ I-й Петр
13. ВОРОНОВ Николай
14. ГЕРШЕЛЬМАН
15. ГЛАВЧЕ Л.Гв.Улан.
16. ГОЛОВИН
17. ГОРБАТОВ
18. ГУЛЯКОВ На сторону.
19. ДЕЛЕКТОРСКІЙ
20. ДОБРОВОЛЬСКІЙ 3-й Борис Павл.В.Уч. Л.Гв.Стрѣлк.
21. ДОБРОВОЛЬСКІЙ I-й Владимир Вице-фольдф.
22. ДОРОШЕВСКІЙ Георгій Ник.Кав.Уч. Л.Гв.Гродн.
23. ДРЕЙЕР Николай
24. ДРЕЙМАН Иван Мих.Арт.Уч.
25. ДУБИНИН
26. ЕВРЕИНОВ Паж.Корп.
27. ЕВСТАФЬЕВ Владимир
28. ЗЮКОВ
29. КАЛАГЕОРГИ Николай Фельдегер. Корпус.
30. КАРНАКОВСКІЙ I-й Виктор Александр. В.Уч.Артил.
31. КАТИН Борис
32. КВАСНИКОВ На сторону.
33. КИСОВ 2-й Борис Болг.В.Уч.
34. КЛЕВЦОВ Морск.Корп.
35. КНЯЗЕВ Морск.Корп.
36. КОБЫЛИНСКІЙ
37. КОВЗАН Николай
38. КОНРАДИ 2-й
39. КОСЕНКО 2-й Семен
40. КОЧЕГАРОВ
41. КРИШТАНОВСКІЙ I-й Алексѣй Мих. Арт.Уч.Гв.Артил.
42. КРЫЛОВ I-й Александр
43. КРЫЛОВ 2-й /рыжій/
44. КУДРЯВЦЕВ
45. ЛЕВИЦКІЙ
46. ЛИМАНТОВ Александр
47. ЛИПИНСКІЙ Николай Мих.Арт.Уч.
48. ЛИПСКІЙ Владимир
49. ЛОСКУТОВ Михаил
50. МАКАРОВ
51. МАТВѢЕВ Александр
52. МЕЛЬНИКОВ Алексѣй Грен.п.Погиб в арм.Нечаева в чинѣ генер.-м.
53. МЕРЦЕДИН I-й Александр Елис. Кав.Уч.
54. МОЖАРОВСКІЙ I-й Аза Ник.Кав.Уч.
55. МОЗОЛЕВСКІЙ
56. НАЗАРОВ
57. НЕПЕНИН
58. ОЛЬШЕВСКІЙ Александр Морск.Корп.
59. ОСКАЛЕНКО Павел
60. ПОПКОВ
61. ПОПОВ 2-й Константин Конст. Артил.Уч.
62. РАЗАЕВСКІЙ
63. РАЗВОЗОВ
64. РОДІОНОВ Сергѣй
65. РОЛЬКО 2-й
66. РУДНЕВ Владимир Елис.Кав.Уч.
67. РЯДНОВ
68. САДИКОВ 2-й
69. СЕРДОБИНСКІЙ
70. СЛЬПЧЕНКО Владимир Елис.Кав.Уч.
71. СОТНИКОВ
72. СТАДНИЦКІЙ-КОЛЕНДО I-й Георгій Елис.Кав.Уч.
73. СУДАКОВ Роман Конст.Арт.Уч. 31 арт.бр.
74. ТАРАСЕВИЧ
75. ТАРАСЕНКО I-й
76. ТЕРПИЛОВСКІЙ I-й Константин
77. ТРЫНКОВСКІЙ
78. УТГОФ 3-й Дмитрій Морск.Корп.
79. ФОМИН 2-й
80. ДЕЙТЛИН 2-й
81. ЧЕВАТИ Евгеній Л.Гв.Кексгольмскій
82. ЧЕКМАРЕВ 2-й
83. ЧЕРНЯВСКІЙ I-й
84. ШИНКЕВИЧ

85.ЭЛЬСНЕР | 86.ЭРДМАН
87.ЯКОВСКІЙ Николай | 88.ЯНОВ Михаил.

---ооо---

К СПИСКУ IУ ВЫПУСКА 2-го ОТДѢЛЕНІЯ прибавить /см.сборн.5/

КУЗЬМИН 2-й Александр — Морской Корпус. Гвард.Экип.
МИХАЙЛОВСКІЙ 2-й Сергѣй — Елис.Кав.Уч.I4 драг.Малороссійский Убит во 2-м кон.Дроздовском п.

---ооо---

СПИСОК КАДЕТ IУ ВЫПУСКА 3-го ОТДѢЛЕНІЯ.

/Примѣчаніе.Составлен по имѣющимся данным из оставшихся фамилій IУ выпуска, не вносенных в списки I-го и 2-го отдѣленій./

I.АЛТУФЬЕВ Павел — Убит во время Гражд.войны. | 2.БАРСОВ Константин
3.БРАНДТ | 4.БРЖЕЗОВСКІЙ
5.ВОЛКОВИЦКІЙ 2-й | 6.ГЕРМАН Владимир
7.ЗЕЙФАРТ 2-й Александр Морск.Корп | 8.КАДУШКИН Владимир
9.КАРНАКОВСКІЙ 2-й | I0.КОЗУЛИН 3-й
II.КОНСТАНТИНОВ | I2.КУДИНОВ
I3.МЕВІУС | I4.МЕРЦЕДИН 2-й Николай Твор.Кав.Уч.
I5.НАРБУТ | I6.НЕВСТРУЕВ I-й
I7.ПЕТЕРС Николай | I8.РЕШКО Анатолій Павл.В.Уч.
I9.РУБЦОВ | 20.СЕРГѢЕВ
2I.СЛЕФОХТ 2-й | 22.СУНДСТРЕМ
23.ТОЛПЫГО Николай Нижегор.драг. | 24.ТАРАСЕНКО 2-й Владимир
25.ТУРЦЕВИЧ Борис | 26.Фон ЦИГЛЕР Орест
27.ШОРОХОВ Борис | 28.ЯНОВСКІЙ

---ооо---

К списку личнаго состава /см.сборник №5 стр.32/ по данным Н.М.Витте надо прибавить офицеров воспитателей, бывших в корпусѣ в разное время.

Подполковник	ПУЗЫРЕВСКІЙ	Скончался в корпусѣ во время дежурства
Капитан	КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ	I44 Каширскаго полка
-"-	РЕМЕРТ	8 Стрѣлковаго полка
Штабс-Капитан	БО	Перновскаго гренадерскаго полка
-"-	ИЛЬЯШЕВИЧ	Кушкинской крѣпостной артиллеріи
-"-	КАЛМЫКОВ	Л.Гв.Литовскаго полка
-"-	КЕЛЛЕР	Артиллерист
-"-	НОВИЦКІЙ	I69 Новотроицкаго полка
-"-	РАДОМНОВ	44 Сибирскаго стрѣлковаго полка
-"-	РЕХАК	Главнаго Штаба
-"-	ХРИПУНОВ	2 Сибирскаго мортирнаго артил.див.
Шт.-Ротмистр	КАЛАЧЕВ	Ямбургскаго уланскаго полка
Поручик	КАДОМНОВ	38 Артиллерійской бригады
-"-	ПРИГОРОВСКІЙ	II2 пѣх.Уральскаго полка
-"-	СЛИЖИКОВ	2 Стрѣлковаго полка
-"-	ЩЕКИН	I74 пѣх. полка
Сотник	КОРЕНЕВ	I4 Донского казачьяго полка.

---ооо---

Расчет за сборник "СУВОРОВЦЫ" №6 прошу производить с тѣми же лицами, в том же порядкѣ и по той же стоимости, как за предыдущій номер пятый.

А.Потапов.

СУВ.

СБОРНИК 7

Суворовцы

«Суворовъ на часахъ».
Съ картины худ. Мазуровскаго.
Музей полка.

ОТ ИМЕНИ ВСѢХ СУВОРОВЦЕВ И ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНІЯ, СО ВСѢХ КОНЦОВ СВѢТА БѢЛАГО, И МОЕГО, ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ С ПРАЗДНИКОМ

СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ПЕРЕДАЮ ЛУЧШІЯ ПОЖЕЛАНІЯ ВСѢХ ДРУГ ДРУГУ С ПОВТОРЕНІЕМ ТОЙ ЖЕ ОБЩЕЙ НАШЕЙ НАДЕЖДЫ И ВѢРЫ В СВѢТЛОЕ БУДУЩЕЕ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ.

А.Потапов.
предсѣдатель Объединенi
Суворовцев.

I 9 5 6 Г О Д.

В 1906 году было Высочайше пожаловано знамя Суворовскому Кадетскому Корпусу.

В 1906 году, под сѣнью этой святыни, окончил и покинул стѣны корпуса наш ПЕРВЫЙ выпуск, положившiй основаніе традиціям Суворовцев,создавшим прочную славу нашим кадетам во всѣх училищах.

Знамя наше пропало. При всем желаніи найти слѣд - куда оно было передано в смутные дни, или если оно было увозено, то когда и кѣм - не удалось.

В 1956 году, мы, склонив головы, вспомним о Монаршей милости, о нашем знамени, не только как о святынѣ, но и символѣ всего благороднаго и свѣтлаго Императорской Россіи.

В 1956 году, мы приносим поздравленіе нашему ПЕРВОМУ выпуску с полувѣковым юбилеем окончанія корпуса и - благодарность за тѣ крѣпкія основы, которыя он заложил в традиціи Суворовскаго Корпуса, еще в стѣнах Варшавской Цитадели.

И в 1956 году, мы всѣ поздравляем друг друга с 35-ти лѣтіем Объединенія Суворовцев.

Почему наше Объединеніе состоит в числѣ старѣйших за рубежом?

Мнѣ довелось сказать в "Памяткѣ," гдѣ есть два очерка об Объединеніи до 1949 года, что - наше постоянное стремленіе к поддержанію жизни Объединенія, показывает, что завѣты Шефа и первых руководителей наших, во главѣ с незабываемым Степаном Ниловичем Лавровым, оставили глубокій слѣд и Суворовцы стараются их всегда хранить. А основы родной школы вложили в нас любовь к ней и желаніе сохранить память о Суворовском Кадетском Корпусѣ, чтобы, в дни его возрожденія, наслѣдники вернулись к славному прошлому. Это я повторяю.

Нам, ведущим дѣла Объединенія, рѣже приходилось искать Суворовцев, ибо чаще Суворовцы сами искали свое Объединеніе. Это стремленіе тоже знак памяти о корпусѣ.

Мнѣ лично пришлось дать объявленіе в газетах только три раза. Один - в Германіи в 1945 году, т.к. событія тѣх лѣт нас основательно разбросали. Второй и третій в Соединенных Штатах в 1950 и 1951 году, чтобы указать "маяк!" Этого было совершенно достаточно, чтобы отклик был самый широкій. Конечно, я был бы неправ, если бы не прибавил, что и между Суворовцами была всегда крѣпкая связь и тѣ же указанія "маяка".

События 2-й войны как то еще болѣе укрѣпили стремленіе к Объединенію, потому что особенно почувствовалась необходимость поддержки и помощи. Отклик расширился. Эти свои задачи Суворовцы, по мѣрѣ своих скромных сил, исполняют, собирая средства взносами из своих трудовых заработков. Этот отклик мог бы быть и шире. Часто его нѣт у тѣх, кому не пришлось перенести "опыт" испытаній. А у кого был удѣлом этот "опыт" - тот хорошо помнит слова Суворова: "товарища выручай" и "добро дѣлать - спѣшить должно".

Все это поддержало жизнь нашего Объединенія, которое не распылилось, а окрѣпло, расширилось и ширится, вмѣстѣ с образованіем наших новых отдѣлов.

Надо замѣтить еще, что порядок управленія дѣлами нашего Объединенія не согласуется с обще-принятыми правилами зарубежных обществ, т.к.у нас до сих пор во главѣ Объединенія находился старшій по выпуску, за отказом

продыдущих. Предсѣдателю предоставлялось право выбора помощников; попутно образовывались комитеты для вѣденія денежными дѣлами и для повѣрок.

С 1949 года, центральным нашим Объединеніем, состоит Объединеніе во Франціи, во главѣ с предсѣдателем и замѣстителем предсѣдателя всѣх Объединеній Николаем Владимировичем Главацким. В то же время, нынѣ, и в Соединенных Штатах, создался, как бы, второй центр, по мѣстопребыванію предсѣдателя всѣх объединеній; но это нисколько не мѣшает нашей жизни, благодаря непрерывной и крѣпкой связи, а даже наоборот - облегчает согласованную работу. Там,во Франціи, также как и здѣсь собирается архив-музей, что только полезно, считаясь с тѣми неожиданностями, которыми полна современность.

Мнѣ, хорошо знакомому с нашими дѣлами, необходимо повторить то - что я всегда старался, с искренней благодарностью, подчеркнуть: - все желаніе, всѣ усилія поддержать и укрѣпить жизнь Объединенія, свелись бы к нулю, если бы не было отклика и помощи среди Суворовцев и среди членов нашего Объединенія и стремленія их к сплоченности и дружбѣ.

Я приведу здѣсь короткія выдержки из "слова" покойнаго нынѣ,почетнаго члена Объединенія Суворовцев, Бориса Дмитріевича Приходкина,сказаннаго им 16-X-1949 в день праздника и 50-ти лѣтія корпуса, в Парижѣ. /См. "Памятка" стр.46/.

"Братья кадеты! Никто сам собѣ не судья и вы не можете сами судить о своем Объединеніи.... По должности генеральнаго секретаря, я бываю почти на всѣх кадетских встрѣчах... и потому я могу сравнивать... я никогда не был подлизой... и теперь с чистым сердцем могу сказать,что такого дружнаго объединенія, такой простоты, такого молодого веселья, соединеннаго с замѣчательной дисциплинированностью, когда,по первому знаку предсѣдателя, все смолкало, ожидая его слова, такого собранія я не видѣл давно. На это обратил вниманіе и Великій Князь. Дружно живут Симбирцы... очень дружны Воронежцы, Аракчеевцы и, извѣстные своей сплоченностью, Полочане... хорошо бывать у Кавказцев /Тифлисцы и Владикавказцы/... не повторяю - такого многолюдства при образцовом порядкѣ, я не встрѣчал нигдѣ. Поэтому "производство меня в Суворовцы" меня особенно трогает, а равноправіе мое среди вас, налагает на меня и равно-обязанность высоко нести марку, отнынѣ, НАШЕГО СУВОРОВСКАГО КОРПУСА, о чем я и буду стараться. От души вам спасибо!"

Эти слова потверждают то, что я сказал об откликѣ Суворовцев; такой отклик всегда был и всегда есть, особенно со стороны всѣх предсѣдателей и представителей объединеній и отдѣлов.

Поэтому в убѣжденіи в полном согласіи всѣх членов Объединенія Суворовцев, приношу, от имени всѣх нас, глубокую благодарность за помощь и дѣятельное участіе в жизни Объединенія на пользу нашего общаго дѣла:
Предсѣдателю Объединенія во Франціи и замѣстителю предсѣдателя всѣх Объединеній - Николаю Владимировичу Главацкому;
Представителю Объединенія на Востокѣ Соединенных Штатов Николаю Николаевичу Страшкевичу и его помощнику Сергѣю Константинтвичу Гуловичу;
Представителю Объединенія на Западѣ Соединенных Штатов Николаю Михайловичу Витте;
Предсѣдателю отдѣла в Бельгіи Глѣбу Николаевичу Акимову;
Представителю Объединенія в Бразиліи Николаю Григорьевичу Калагеорги;
Предсѣдателю Отдѣла в Германіи и Австріи Петру Николаевичу Манюкину;
Предсѣдателю Отдѣла в Аргентинѣ Владимиру Маріевичу Іогансону;
Представителю Объединенія в Чили Сергѣю Дмитріевичу Дриневичу;
Представителю Объединенія в Канадѣ Михаилу Александровичу Медер и замѣнявшему его во время командировки Дмитрію Адамовичу Камневу;
и нашему художнику Льву Платоновичу Линовичу, украсившему наш сборник №7, пріуроченный к 35-ти лѣтію Объединенія Суворовцев.

У меня нѣт возможности, в настоящій момент, подробнѣе остановиться и на других страницах жизни Объединенія, и с увѣренностью, что будут нѣкоторыя дополненія, к нашему 35-ти лѣтію, со стороны Суворовцев, я, с благодарностью всѣм, закончу словами:

Да здравствует, ширится и крѣпнет Объединеніе Суворовцев!

А.Потапов.

К 35-ТИ ЛѢТІЮ ОБЪЕДИНЕНІЯ.

В годы печали и скорби о потерянной Родинѣ и разоренных родных гнѣздах, мелькает маленькая искорка радости - 1956 год.

Год трех наших юбилеев. Хоть радость и под крепом, но все же радость.

Пятьдесят лѣт назад корпусу пожаловано знамя. В том же 1906 году состоялся ПЕРВЫЙ выпуск кадет, окончивших корпус и положивших начало славным традиціям Суворовцев, а в 1921 году, в разсѣяніи сущіе, Суворовцы создали свое объединеніе, которое, несмотря на пронесшуюся бурю 2-й Міровой войны, не только не распалось, но окрѣпнув и продолжая развиваться, нынѣ отмѣчает 35-ти лѣтіе своего существованія.

Печален юбилей I-го выпуска. Из 76 человѣк, окончивших корпус в 1906 году, мы знаем о пятерых в составѣ Объединенія - Г.Н.Акимовѣ, К.А.Глоба-Михайленко, А.К.Утгофѣ, С.Д.Фоминѣ и А.М.Шредерѣ - и об одном, проживающем в Германіи, не входящем в Объединеніе. Судьба пятерых, оставшихся за желѣзным занавѣсом, нам неизвѣстна.

Сердечно привѣтствую наших юбиляров и от души желаю им всего самаго лучшаго.

Нашего знамени нѣт и гдѣ оно неизвѣстно. Быть может уничтожено - физически - большевиками, но духовно оно с нами, среди нас и вокруг него начали объединяться, разбросанные по всему міру, Суворовцы.

Идея основанія Объединенія возникла одновременно в двух крупных центрах нашего разсѣянія: в Бѣлградѣ и Парижѣ.

Тридцать пять лѣт назад, в этот день, день нашего корпусного праздника, Покрова Пресвятой Богородицы, одинокіе, оказавшіеся в чужих городах, Суворовцы потянулись к своим церквам и тут произошли первыя встрѣчи, потом первыя дружескія бесѣды, за скромной рюмкой водки или стаканом вина. Здѣсь были высказаны первыя пожеланія и приняты рѣшенія об основаніи Объединенія Суворовцев. Я умышленно не говорю - Объединенія бывших кадет Суворовскаго Корпуса, а Суворовцев, т.к. теперь в нашем Объединеніи, помимо кадет Суворовцев, состоят дѣйствительными членами и близкіе родственники кадет, и родственные нам по Суворовскому духу, и наши боевые соратники, хоть и не причастные к корпусу.

К первой группѣ относятся сестры и вдовы наших кадет, ко второй - наши искренніе друзья по духу и к третьей, спаянные кровью, танкисты 3-яго отряда. Вот что пишет один из офицеров этого отряда: "Если отряд наш не удостоился, столь высокой чести, носить имя Генералиссимуса Суворова, гордости и славы Россіи и ея Императорской Арміи, то мог именоваться отрядом Суворовцев, бывших воспитанников Суворовскаго Кадетскаго Корпуса. Послѣдніе внесли в отряд всѣ традиціи корпуса и привили их нам офицерам со стороны." И в другом мѣстѣ: "Должен сказать, что желающих попасть в этот отряд было не мало, но вступить, без рекомендаціи Суворовцев, было невозможно, т.к. пріем происходил по выбору и утвержденію г.г.офицеров отряда". /3-й отряд танков.Сборн."Суворовцы"№2/.

В этом отрядѣ было семь Суворовцев, а именно:

Командир отряда шт.кап.Миронович /VII вып./
Старшій офицер отряда шт.кап.Степанцов /VII вып./
И.Д.адьютанта отряда шт.-кап.Юзефович /VI вып./
Ком-р танка "Фельдмаршал Князь Потемкин Таврическій" капит.авіаціи Альбрехт /II вып./
Капитан Агапьев /VIII вып./

Поручик Есипов /IX вып./ и Сотник Раздорин /посл.вып./

Первые годы встрѣчи в Бѣлградѣ ограничивались днем корпусного праздника. Число собиравшихся колебалось, но было не велико. Так шло до 1930 года. Этот год явился годом поролома. Среди собравшихся появился II выпуска А.Н.Потапов, переведенный на службу в Бѣлград.

В дружеской бесѣдѣ, за стаканом вина, было высказано пожеланіе о болѣе правильной организаціи объединенія и проявленіи болѣе широкой и энергичной дѣятельности. Ввиду отказа старшаго из присутствовавших, I выпуска, Э.Н.Суражевскаго, объединеніе возглавил слѣдующій по старшинству А.Н.Потапов.

С этого года началась энергичная работа по разыскиванію Суворовцев и привлеченію их в объединеніе. К сожалѣнію, из за пропажи большого и цѣннаго архива, собраннаго А.Н.Потаповым и хранившагося в I Русском Великаго Князя Константина Константиновича Кадетском Корпусѣ, в Бѣлой Церкви,/в музеѣ корпуса/,о чем сказано в "Памяткѣ" 50-ти лѣтняго юбилея основанія корпуса, у меня нѣт возможности указать цифровыми данными, как увеличивалось число членов Объединенія, но оно росло быстрым темпом.

Наши встрѣчи уже не ограничивались днем корпусного праздника;в промежуточное время, собирались на чашку чая, то у одного, то у другого семейнаго Суворовца. Приходили с семьями и дѣйствительно объединялись. Старшіе встрѣчались с младшими, которых никогда не знали и не видѣли, т.к. разница в возрастах была болѣе 7-8 лѣт. В непринужденной домашней обстановкѣ, происходило знакомство, обмѣнивались воспоминаніями, сравнивали и убѣждались, что всѣх нас связывали общія традиціи и любовь к родному корпусу.

К 1941 году, организація Объединенія утвердилась в таком видѣ: центральным объединеніем, как самым многочисленным, считалось Объединеніе в Югославіи и сним были в постоянной связи крѣпкія и дружныя Объединенія - во Франціи, во главѣ с Николаем Владимировичем Главацким, и в Болгаріи - с Алексѣем Владимировичем Криштановским I-м. Отдѣльные кадеты, из других стран, примыкали к Бѣлграду или Парижу.

В 1941-1944 годах, когда замерла всякая общественная жизнь в Югославіи, по приказу германских властей, Суворовцы все-таки не теряли связи, а в день корпусного праздника неизмѣнно собирались. В концѣ 1944 года состоялся уход большинства Суворовцев из Югославіи.

Вторая Міровая война и, послѣдовавшія за ней, событія, вновь, сорвали с насиженных, хоть и не родных, мѣст многих из нас и вновь разметали по новым странам. Но это не обезкуражило А.Н.Потапова, не сломило его энергіи. Оказавшись в Германіи, он безпрерывно разыскивает Суворовцев и вновь находит их.

Под Мюнхеном, в лагерѣ Фельдмохинг, в день корпусного праздника,в 1946 году, собираются Суворовцы, в первый раз послѣ 2-х лѣтняго перерыва. Увы, почти всѣ безработные, без средств, но все же, при кулинарных способностях Б.А.Сидоровича /У вып./,в том же лагерѣ, послѣ молебна, устраивается закуска и, до поздняго вечера, собравшіеся, забыв свои невзгоды, предаются дорогим воспоминаніям и дѣлятся надеждами на будущее.

Объединеніе не только не распалось, но в 1949 году оно выпускает "Памятку, по случаю 50-ти лѣтія со дня основанія корпуса. Между прочим в "Памяткѣ" /стр.46/ помѣщено краткое описаніе, как был отмѣчен этот юбилей в разных странах.

Находясь в положеніи "ДП" /перемѣщенных лиц/,не зная,"что день грядущій нам готовит",куда забросит нас судьба, Центр Объединенія 16-X-1949 года был перенесен в Париж и представителем Центральнаго Объединенія стал Н.В.Главацкій. В тоже время, собравшіеся, в день юбилея, Суворовцы-Парижане предложили А.Н.Потапову быть председателем всѣх Объединеній Суворовцев. К этому предложенію позже присоединились, окрѣпшее уже в 1951 году Объединеніе в Соединенных Штатах и образовав-

шійся тогда же Отдѣл в Аргентинѣ. Остальные наши отдѣлы, в других странах, были сформированы в послѣдующіе годы.

Но Германія для большинства лишь этап, с котораго в разныя стороны-страны разбредутся Суворовцы. Но они уже знают, что есть Объединеніе, что оно не распалось, что в Соединенных Штатах А.Н.Потапов, а во Франціи Н.В.Главацкій продолжают собирать своих однокашников и списываются с ними. В новых странах,на всѣх пяти континентах есть Суворовцы члены Объединенія. По Европѣ, Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи разбросаны наши однокашники. Скажу точнѣе в 20 государствах. К сожалѣнію,с тремя - Болгаріей, Польшей и Югославіей - связи нѣт и мы не знаем, что с живущими там происходит. С одним лишь П.А.Сорокиным /преподавателем математики/,проживающим в Югославіи, поддерживается связь. А этих,"пропавших без вѣсти",с которыми потеряна связь 37 человѣк.

Чтобы дать болѣе наглядную картину разсѣянія членов Объединенія,привожу цифровыя данныя, причем первыя цифры относятся к Суворовцам,а вторыя к "Суворовцам по духу" и по совмѣстной боевой работѣ. В Австраліи I и I, Австріи 2 и 0, Англіи I и 0, Аргентинѣ 8 и 0, Бельгіи 8 и 2, Бразиліи 3 и 0, Венецуэлѣ 2 и 0, Германіи 4 и 2, Голландіи I и 0, Канадѣ 6 и 0, Ливанѣ I и 0, Саарской Области 0 и I, Соединенных Штатах 28 и 8, Турціи I и 0, Франціи с Алжиром и Тунисом 23 и 2, Чили 2 и 0, Швеціи I и 0, и Югославіи I /П.А.Сорокин./

Итак,в данное время в Объединеніи числится I09 членов, из которых 93 Суворовцы и I6 Суворовцев и Суворочек по духу. Кромѣ того, под сомнѣніем состоят ли в Объединеніи, т.к. нѣт опредѣленных данных - 7 человѣк /во Франціи I, Германіи 3, в Соединенных Штатах 2 и в Бразиліи I./ I8 человѣк без каких либо данных, из за отсутствія связи, но извѣстных нам по фамиліям. С сожалѣніем надо отмѣтить, что среди Суворовцев есть и нѣкоторое число, забывших о том, что они и м ѣ л и честь быть кадетами Суворовскаго Корпуса и не вступающих в Объединеніе, что и не принимается мною в расчет.

Таким образом окончательными цифрами, даннаго момента, можно считать слѣдующія: членов Объединенія I09, о семи нѣт достаточных данных, о I8-ти знаем лишь по фамиліям и 37 человѣк, попавших за желѣзный занавѣс. Всего I7I человѣк.

Полагаю, что интересно будет указать, как распредѣляются кадеты - члены Объединенія - по выпускам. I выпуска -5, II -3, III -5, IУ -4, У -II, УI -8, УII -5, УIII -6, IX -9, X -7, XI -7, XII -I0 и XIII -8, и у пяти - нѣт точных указаній о выпускѣ.

Не имѣя данных о числѣ семейных Суворовцев, я не могу привести цифры Суворовчек - жен и дочерей и Суворовцев - сыновей. Внеся только тѣх кого я знаю, данныя будут не полныя и не правильныя, а поэтому - да простят меня, наши милыя Барыни, за незнаніе.

Вот скромныя статистическія данныя о Суворовцах, в разсѣяніи сущих, разысканных и, в подавляющем большинствѣ, вошедших в Объединеніе.

Главная заслуга в достиженіи столь блестящих результатов, конечно, Александра Николаевича Потапова и Николая Владимировича Главацкаго.Но нельзя обойти молчаніем и весьма цѣнную работу всѣх наших предсѣдателей Отдѣлов и представителей Объединенія во всѣх странах, гдѣ находятся Суворовцы. Нѣкоторые отдѣлы основались лишь в прошлом году, но важно отмѣтить немедленный отклик, как только наладилась связь.

Другим большим достиженіем Объединенія является наш сборник"Суворовцы". Не многія русскія, чисто бытовыя, организаціи сумѣли создать свой печатный орган. Два раза в год выходит сборник: к Пасхѣ и к нашему празднику. Сейчас вышел №7-й, указывающій на 3 с I/2 года своего существованія. Заслуга А.Н.Потапова и его неизмѣнных помощников - Анны Родіоновны Лобан и Константина Владимировича Соколова.

К сожалѣнію, далеко не всѣ Суворовцы принимают участіе в журналѣ, а казалось бы, что у каждаго есть что вспомнить, есть чѣм подѣлиться. Так же было бы хорошо, если бы нѣкоторое количество сборников "Суворов-

цы" распространять среди близких друзей и знакомых.

В заключеніе скажу нѣсколько слов об организаціи Объединенія в Соединенных Штатах.

Ввиду обширности территоріи, она раздѣлена на два представительства: Восточных и Западных Штатов. Представителем Восточных Штатов является Н.Н.Страшкевич, до 1954 года был Б.А.Сидорович; Западных - Н.М.Витте. Оба представительства объединяются А.Н.Потаповым. Число членов Объединенія в Соединенных Штатах - 36 и распредѣляются они слѣдующим образом: Штаты - Нью Іорк 20 человѣк, Нью Джерсей -2, Пенсильванія -2, Иллинойс -2, Мичиган -1, Массачузет -1, Охіо -1, Вашингтон -1 и Калифорнія -6. В Нью Іоркѣ и в Лос-Анжелосѣ, в день корпусного праздника, или в ближайшее к нему воскресенье, собираются Суворовцы. В Нью Іоркѣ главным образом жители города и его окрестностей, включая Штат Нью Джерсей, а из Массачузета пріѣзжает чета Потаповых. Но бывали годы, когда пріѣзжали Суворовцы из болѣе далеких Штатов. Так в 1954 году из Штата Пенсильванія пріѣзжал П.Ф.Иванов /VIII вып./,а из Штата Охіо прилетал В.П.Заткалик /X вып./. В прошлом 1955 году, из Пенсильваніи пріѣхал Е.Н.Обозненко /IX вып./ с супругой и Н.М.Витте /IX вып./,поставившій рекорд, прилетѣв из Калифорніи - болѣе 3000 миль.

Послѣдніе два года, в Нью Іоркѣ, помимо встрѣчи на корпусном праздникѣ, устраивалась "чашка чая", пріурочиваемая, обычно, к пріѣзду А.Н. Потапова, для обсужденія накопившихся вопросов. К сожалѣнію, "чашки чая" не бывают столь многолюдны, как встрѣчи по случаю корпусного праздника; но это и понятно, т.к. послѣ цѣлой недѣли напряженной работы, не всякій может пожертвовать днем своего отдыха. На послѣдней "чашкѣ чая" присутствовали наши куначки-институтки Варшавскаго Института - Ксенія Васильевна Деникина и Вѣра Николаевна Федяй - жена двоюроднаго брата наших Суворовцев Федяй.

Наши милыя нью-іоркскія Суворочки - Клавдія Петровна Шредер, Ксенія Федоровна Есипова и Наталія Александровна Эрвин не только присутствуют на всѣх наших встрѣчах, но являются энергичными помощницами хозяина этих сборов Алексѣя Михайловича Есипова.

В день корпусного праздника,всѣ наши дорогія Суворочки, слетаясь в Нью Іорк, являются не только украшеніем наших собраній, но и источником того уюта, той сердечности и привѣтливости, которыя онѣ излучают.

В этом юбилейном году, наш праздник совпал с воскресеньем и поэтому, по всему міру разсѣянные,Суворовцы соберутся, чтобы поднять бокал за здоровье наших юбиляров - кадет I выпуска, положивших основаніе тому уваженію, с которым встрѣчались послѣдующіе выпуски кадет Суворовцев в Военных училищах, а также сказать, что мы,Суворовцы, состоим в числѣ старѣйших зарубежных кадетских, военных и других организацій, могущих с гордостью отмѣтить 35-ти лѣтіе существованія своего Объединенія.

Силен дух кадетскій! Не может сокрушить его даже всесильное время. Невидимое знамя рѣет над нами и вокруг него "дружным Суворовцы строем сомкнулись" и, вѣрю, нѣт силы, которая разбила бы этот Суворовскій строй. Смерть может вырывать,из наших рядов, свои жертвы, но остающіеся в живых тѣснѣе сомкнут свои ряды; и послѣдній оставшійся в живых Суворовец, в день корпусного праздника, отслужит уже не молебен, а панихиду по всѣм Суворовцам на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество живот свой положивших, за честь и свободу Родины павших и в разсѣяніи и в мирѣ скончавшихся.

Но дай Бог возможно большему числу из нас дождаться свѣтлаго дня, дня возвращенія на Родину, гдѣ быть может удастся увидѣть возрожденіе родного Суворовскаго Кадетскаго Корпуса.

Н.Н.СТРАШКЕВИЧ /IУ вып./

В О С П О М И Н А Н І Я.

Я не собираюсь писать разсказ или исторію корпуса, а просто вспомнить отдѣльныя картинки далекаго прошлаго.

В корпус я поступил с момента его основанія /1899 г./,таким образом всегда был в старшем классѣ и никто не мог нас "цукать", задавать нам тон. Мы сами создавали будущій дух корпуса. Должен признаться, что, то ли в силу этого обстоятельства, т.е. отсутствія цука старшими, то ли благодаря чисто отеческому отношенію Директора Корпуса, генерала С.Н. Лаврова, но в младших классах, да и позже, у нас был, по моему,нѣсколько "штатскій" дух. Это совершенно не значит, что нам прививалась мысль поступать, по окончаніи корпуса, в гражданскія высше-учебныя заведенія; о нѣт! Малое количество, ушедших на сторону, это опровергает. Нам всегда внушалась мысль, что наша прямая дорога - военная служба.

Но я помню какую тревогу, какое смущеніе вызвало у воспитателей извѣстіе, что, напримѣр, В.Гурѣев и А.Мелик-Шах-Назаров собираются в Николаевское Кавалерійское Училище. Это были два прмѣрных, и по ученію,и по поведенію, кадета и, вдруг, они собираются в кавалерію, а не в инженерныя или артиллерійскія войска. Помню, как их усиленно отговаривал полковник Соловьевич, наш ротный командир.Про желающих выйти в Елисаветградское Кавалерійское Училище и говорить нечего - это, по мнѣнію начальства, почти пропащіе люди. Пѣхотныя училища, еще туда-сюда, вѣдь надо же кому нибудь служить и в пѣхотѣ! Поэтому меня нѣсколько удивило, когда я прочел на страницах нашего, очень интереснаго и содержательнаго, сборника "Суворовцы", что корпус, впослѣдствіи, напоминал, как бы преддверіе кавалерійских училищ, с их традиціями и "цуком" младших. Но я отвлекся от своего намѣренія.

Вспоминаю корпус еще в Варшавской Цитадели, гдѣ он помѣщался в бывших казармах Л.Гв.Кексгольмскаго полка. Вспоминаю зимнія вставанія в 6 часов утра, когда, разбуженные грохотом барабана, или рѣзким звуком трубы, мы с трудом выползали из теплой кровати. Спальня была - громадное помѣщеніе, с высоким сводчатым потолком, толстыми стѣнами, каменным полом и тусклым керосиновым освѣщенім; но холодно не было. Мы бѣжали мыться, чистить одежду, сапоги, пуговицы. На это давалось, помнится,пол-часа. Затѣм, команда строиться и утренній осмотр. Дежурный воспитатель,сопровождаемый дядькой, несущим керосиновую лампу, медленно обходит,сначала первую шеренгу, потом вторую, методично провѣряя все ли в порядкѣ. Дѣлалось все тщательно, по выработанной программѣ. Вытянуть руки вперед. Перевернуть ладонями вверх. Направо, налѣво - провѣряется вымыты ли уши. Кругом. Отставить правую ногу, лѣвую. Вычищены ли каблуки и т.д. и так каждое утро. Затѣм утренняя прогулка. Скажу откровенно, что о ней у меня мало-радужныя воспоминанія, особенно в осеннія и зимнія утра. Маршрут всегда одинаковый: обходили кругом громадный прямоугольник каменной казармы, гдѣ наш корпус занимал только маленькую частицу. Длилось это около двадцати минут. Шли по почти неосвѣщенному тротуару, иногда в дождь, иногда под снѣгом, шлепали по лужам. Было не очень весело; но позже мы поняли, что это было и воспитательно и здорово; нѣкоторая закалка физическая и моральная, которая послѣ нам пригодилась. Затѣм утренній чай, со свѣжими французскими булками, перемѣна и уроки. Веселый был урок с нѣмцем Паулюс. Думаю, что попал он к нам по какому то недоразумѣнію и потом быстро исчез. Его смѣнил Юргенс, хорошій, серьезный преподаватель. Паулюс был безусловно мало подготовлен к преподаванію; не очень, не только, образован, но даже и умен. Плохо зная русскій язык, он давал подстрочные переводы разсказов из учебника и получалось иногда очень комично. Напримѣр,незабываемый перевод каких то нѣмецких стихов - "повѣсь свои глазочки!" Пріобрѣтали знаній мы мало, но веселились много. Его уроки были такіе шумные, что часто на них присутствовал воспитатель.

---ооо---

Когда корпус перешел в новое свое зданіе на Бельведерской аллеѣ, то весной у нас было интересное развлеченіе. Весна в Варшавѣ прекрасна,а Бельведерская аллея очень нарядна. Это было любимое мѣсто катанія и прогулок фешенебельнаго общества Варшавы и "этих" дам высшаго полета. Безконечная вереница собственных и наемных экипажей и "пароконных на гумах" извозчиков, с нарядной публикой, тянулась шагом по аллеѣ, доѣзжала до Бельведера и на этом, своего рода, конечном пунктѣ поворачивала обратно, доѣзжала до Александровской площади и - начинай с начала. На спеціальной верховой дорожкѣ, шедшей под нашими окнами, гарцовали офицеры и штатскіе на породистых лошадях. Прибавьте свѣжую весеннюю зелень двух парков - Лазенки и Ботаническій - против нас, солнечный теплый день. Правда, было чѣм полюбоваться. Это катаніе начиналось обычно около шести часов, когда мы сидѣли в классах и готовили уроки. Велик был соблазн бросить книги и, повиснув на подоконниках, глазѣть и мечтать, как и мы когда нибудь будем участвовать в этой процессіи. Мудрое начальство, предвидя этот соблазн и не очень довѣряя нашей жаждѣ науки, вставило в окна, выходящія на Бельведерскую аллею, так называемыя, "рябыя"стекла. Но это, конечно, не спасало - окна открывались, тѣм болѣе что в старших классах воспитателя в это время не было. Как сейчас помню нарядный шарабан на высоких колесах адвоката Корвин-Піотровскаго. Не знаю был ли он извѣстный адвокат, но его выѣзд знали всѣ. Помню и пролетку с сѣрым рысаком князя Чемерзина,/отца,если не ошибаюсь,извѣстной теперь артистки экрана и балета Людмилы Чериной/.

---ооо---

Вспоминается эпизод, который в то время казался очень забавным. Но теперь, когда подходишь к концу жизненнаго пути, и какого пути, то понимаешь, что для других, персонала корпуса, это было не забавным, а горьким открытіем и крушеніем иллюзій, особенно для нашего директора. Он, вѣроятно, нас нѣсколько идеализировал, думал, что мы прониклись его принципами, мыслями, что мы такіе, какими он нас хотѣл бы воспитать. А мы были, конечно, не плохіе, но такіе же как всякій кадет и вообще школьник, готовый подмѣтить смѣшныя стороны своих воспитателей и преподавателей и их вышутить. Дѣло идет о "Звѣріадѣ". В моем /3-м/ отдѣленіи был кадет Борис Жирковичъ, обладавшій несомнѣнным поэтическим дарованіем. Напримѣр, редактор, единственной в Варшавѣ, русской газеты "Варшавскій дневник" пріѣзжал лично в корпус просить Жирковича сотрудничать в его газетѣ. Правда, эта газета была качества ниже средняго, но единственная, поэтому, по принципу - за неимѣніем гербовой, пишу на простой - читали ее почти всѣ русскія семьи Варшавскаго округа. Что стало впослѣдствіи с Жирковичем и его писательством, не знаю, т.к. хотя мы и кончили вмѣстѣ Николаевское Инженерное Училище, но пути наши, послѣ 1909 года, разошлись и я его больше не встрѣчал.

Но вернусь к "Звѣріадѣ". Как всякому, уважающему себя, корпусу надо было и нам имѣть свою и Жирковичъ взялся ее написать. Написана она была хорошо, остроумно /иногда в ущерб истинѣ/, хлестко и, конечно,не всегда цензурно. Начальство, узнав, что "Звѣріада" написана, просило дать ее прочесть, обѣщая, что не будет никаких наказаній, ни злопамятства. "Звѣріаду" дали и ее прочли в преподавательской, в присутствіи почти всѣх учителей и воспитателей. Каким образом стало это нам извѣстно, не скажу, ибо не помню, но разыгралась сцена, похожая на конец "Ревизора". Свое слово начальство сдержало и никого не прослѣдовало, но горькій осадок у него, конечно, остался.

---ооо---

Вспоминаю еще милѣйшаго полковника А.О.Соловьевича, командира I-й роты. Его рѣчи перед фронтом, громы и молніи, которые он низвергал на "гуманистов", т.е. кадет, которые ѣздили, без взрослых, на извозчиках на резиновых шинах /гумы/, этих, своего рода, варшавских лихачах,что строго воспрещалось.

Помню, как я боялся, что послѣдній урок в субботу, урок пѣнія,кон-

чится катастрофой, т.е.что всѣ мы останемся без отпуска. Учителем пѣнія был нѣкто г.Пичугин /фамилія соотвѣтствующая/; вида он был невзрачнаго, авторитетом не пользовался. Мнѣ кажется, что даже и учителя, и воспитатели его держали, как бы, в черном тѣлѣ. Может быть потому,что, по слухам,он был из кантонистов. В общем его уроки были шумные, не только потому что мы пѣли, но и от шалостей и от нарочитаго "козлогласія". Полковник Соловьевич почти всегда на них присутствовал и в этом то и была опасность. У него были свои личные взгляды не только на мелодію, но и на слова. Напримѣр, слова извѣстной пѣсни - пей, брат молодец, пей - им считались, вѣроятно, невоспитательными и он требовал, чтобы пѣли - пой, брат молодец, пой. Так, до самаго конца урока, дамоклов меч - всѣ без отпуска - висѣл над нами. А отпуск я очень любил.

А уроки танцев Словацкаго! Его неподражаемые - "через пару пара за парой",или "чтобы стакан воды на головѣ стоял". Но всѣ знают, кто по личному опыту, кто прочтя наш сборник "Суворовцы", какой он оказался патріот корпуса и как много он сдѣлал для Суворовцев, очутившихся на бѣженском положеніи в Варшавѣ.

Г.Н.АКИМОВ /I выпуска/.

СЛОВА СТАРОЙ ПѢСНИ ДВОРЯНСКАГО ПОЛКА.
ПО ПОВЕЛЕНІЮ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ПОЕТСЯ В КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ В ДМИТРІЕВСКУЮ СУББОТУ.

Братья, всѣ в одно моленье
Души русскія сольем -
Нынѣ день поминовенья,
Павших в полѣ боевом.

Но не вздохами печали
Память павших мы почтим,
А в нетлѣнныя скрижали
Имена их начертим.

Вот каким дѣписаньем,
Царь - Отец нам повелѣл,
Сохранить воспоминанье
Православных ратных дѣл.

Вот нетлѣнные уроки,
Братья, мы ль их не поймем,
К этим строкам новы строки
Мы ли всѣ не принесем.

Братья, всѣ в одно моленье
Души русскія сольем -
Нынѣ день поминовенья,
Павших в полѣ боевом.

---000---

ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТ 1914 ГОДА.

Переходные экзамены в УІ классѣ тянулись очень долго, и только 29 іюня, директор корпуса, в Бѣлом залѣ, поздравил нас с переходом в УІІ класс. Де-Боде был назначен и.д. вице-фельдфебеля, я был в числѣ и.д. вице-унтер-офицеров. Итак, через год, к 1 іюля 1915 я кончу корпус. Послѣ акта, я вышел на Бельведерскую аллею и встрѣтил отца. Мы сѣли на скамейку напротив Лазенок. Я разсказал о своих экзаменаціонных волненіях и о радости, что буду вице-унтер-офицером. Отец радовался моей радостью, а к этому прибавилась еще радость - он получил двухмѣсячный отпуск и мы поѣдем в Наугейм. Мнѣ купили штатское платье. Отец хоть и взял в руки палочку, вмѣсто сабли, но вид у него был совсѣм не штатскій. Поѣхали через Александрово. Промелькнул столб с двуглавым орлом, мы были в Германіи. В Наугеймѣ мы поселились в пансіонѣ Порташтрассе 10. Отец принимал ванны, я играл в теннис с кадетом Потсдамскаго корпуса, заводил знакомства, и между ними с мастером-гранильщиком полублагородных камней. У него я покупал обломки треснувших камней на свои скромныя сбереженія.

Убійство Принца Франца-Фердинанда в Сараевѣ внесло какую то тревогу в жизнь курорта. Мой знакомый мастер, когда, зайдя к нему, я хотѣл купить хрусталь, сказал мнѣ, что может быть его скоро мобилизуют и дал мнѣ на память цѣлую пригоршню камней. Потсдамскій кадет, встрѣтив меня, сообщил, что собирается ѣхать в корпус, хоть вызова оттуда еще не было. Разставшись с ним, я встрѣтил отца, идущаго с полковником англійской службы. Они обсуждали возможность или невозможность войны, послѣ убійства в Сараевѣ. Вообще же обстановка в серединѣ іюля была такова, что диктовала необходимость отъѣзда.

На другой день утром, мы встрѣтили на вокзалѣ англійскаго полковника; он поѣхал в Кельн, мы в Берлин. В Берлинѣ мы остановились в "Отель де Рюсси". Отец поѣхал в наше посольство, чтобы явиться военному агенту. Там ему сказали, что вызова военных еще нѣт. Но мы рѣшили переночевать в Берлинѣ, а утром ѣхать через Александрово в Варшаву. Не одними событіями будет жив человѣк, но и хлѣбом насущным. В ресторанѣ, на каждом столикѣ, стояли маленькія мачты с флагом державы, на языкѣ которой говорит лакей. Лакей, подавшій карточку, заговорил по французски. Мама указала ему на флажок и спросила - вы не говорите по русски. Лакей отвѣтил, что всѣ русскіе говорят по французски. Разберись - не хотѣл или не мог говорить по русски. Поѣзд в Варшаву уходил утром. Едва мы сѣли в вагон, как по нашему адресу посыпалась ругань на русском языкѣ. Кондуктора нѣмцы были холодно вѣжливы; хулиганов в вагон не пустили.

Александрово. Таможни там уже не было; на станціи много жандармов. Жандармскій ротмистр о чем то говорил с отцом, потом взял мой отпускной билет и сдѣлал помѣтку: по прибытіи в Варшаву, немедленно явиться в корпус. Говорили, что это послѣдній поѣзд, пришедшій из Германіи.

В Варшавѣ никакого особеннаго движенія не замѣчалось; все было нормально. Чемодан наш гдѣ то завалялся. Пришлось ждать; в чемоданѣ были ключи от шкафов и я не мог достать свое обмундированіе. Мои родители жили на Маршалковской №1; одно окно моей комнаты выходило на Польную, другое на площадь, к которой сходились Польная, Маршалковская, Мокотовская, Багателя и пятой улицы названіе забыл. Я проснулся около 6 утра и увидѣл, что Польная забита повозками, лошадьми, а по тротуару шла толпа штатских. На площади, полицейскіе едва справлялись с движеніем. Я разбудил отца и показал ему на движеніе на Польной. Отец сказал - мобилизація объявлена. Сопоставляя свои воспоминанія с хронологіей событій - это было утро 18 іюля, пятница....

Я шагал по улицѣ Багателя, чтобы явиться в корпус. У подъѣзда я увидѣл Ерему. "Что-ж ты, бррат, в таком нестроевом видѣ?" Я доложил в чем дѣло и отдал свой отпускной билет.

"Ты, брррат, явись в I0, я тебѣ хоть штаны дам; ты нужен для службы Его Величеству. Да ты, брат, мнѣ не козыряй в панамѣ!"

Мама, с помощью слесаря, достала мою форму. В I0 утра вид у меня был строевой. Кадеты из лагеря были уже в корпусѣ. Кромѣ них прибыли кадеты из разных гарнизонов приграничной полосы. Кадет I-й роты почти не было; из моего класса были: Владимир Заткалик, Николай Лобанов и я. Мы дали друг другу торжественное обѣщаніе не разставаться вплоть до назначенія на фронт, если нас пошлют оборонять Варшаву. Малыши утверждали, что так и будет, что Волынскій полк уже на Мокотовском полѣ, и что, навѣрно, потребует подкрѣпленій. Около I2-ти нас отпустили по домам и приказали явиться в корпус на слѣдующій день к 8 утра. Третій день, 20 іюля воскресенье, был военный, не похожій на первые. УII и УI классы получили винтовки и подсумки без патронов. Мы сопровождали автомобили, нагруженные матрацами, на Брестскій вокзал. На одном из автомобилей ѣхал Заткалик, на другом - я. Пріѣхав на Прагу, освѣдомились, гдѣ выгружать матрацы. В концѣ крытаго перона, из первой партіи матрацов, был построен "дом караула". Часовые, из 3-й роты с винтовками, охраняли казенное имущество. Мы сдали матрацы караулу. Лобанов привез ящики со столовым серебром. Если не ошибаюсь, подполковник Давидович вел общій надзор за погрузкой. Должен сказать -"кажется" кадеты УII класса, Марченко и Тунцельман, были помощниками подполковника Давидовича. Подвижной состав еще не был подан. Грузовики, послѣ выгрузки, ушли. Нам было приказано возвращаться в корпус на трамваѣ. Лобанов еще возился со своими ящиками. Мы не хотѣли его ждать, перевинтили штыки остреем вниз и вошли на переднюю площадку трамвая. Деньги за проѣзд с нас не взяли. Трамвай довез нас до Замковой площади. От Замковой площади до Трембацкой, Заткалик и я маршировали по мостовой. Нас обогнала, на рысях, казачья сотня. С балконов поляки бросали цвѣты, проходящим воинским частям. По дорогѣ встрѣтили нашу общую любимицу "Красную шапочку"; она была наших лѣт и, вѣроятно, не знала как мы вздыхали, смотря на нее из окон "монастыря", выходящих на Бельведерскую аллею.

"Женя, я умираю". Заткалик стал, поровнявшись с кіоском с содовой водой.

"Врешь, не умрешь!" Взяли "к ногѣ", подошли к кіоску, выпили по два стаканчика содовой. Заткалик дал продавщицѣ цѣлковый. Она молча ему вернула.

"Володя, у нея нѣт мелочи, /мелочь уже изчезла/, дай ей I5 копѣек; она возьмет". Но и пятиалтынный /злотувка/ вернулся со словами: "буду я брать деньги от наших Суворовских кадет". Поблагодарили, взяли "на плечо" и дошли до угла Трембацкой, гдѣ встали на переднюю площадку трамвая "Мокотов №I". На Новом свѣтѣ большое оживленіе, больше войск, больше цвѣтов. Новых порученій в корпусѣ не было.

Кто то из малышей, будто бы, видѣл Ерему, как он ночью закапывал, на плацу I-й роты, бронзовый бюст Суворова. Вряд-ли полковник Еременко мог один унести бюст Суворова. На пьедесталѣ в Бѣлом залѣ бюста не было, не было его и в Москвѣ.

Лобанов нашел нас в корпусѣ. Приказано было явиться на слѣдующій день к II-ти. Мы втроем вышли на аллею Шуха, чтобы разойтись по домам. Издалека до нас долетали пѣсни.

На 4-й день утром был телефон: "Кадет Поль?" - "Так точно."

"Говорит подполковник Раздеришин. Приди в канцелярію. Повезешь пакет в комендантское управленіе!" - "Борис Аркадьевич, по дорогѣ зайти в роту, взять винтовку?"

"Нѣт, приходи прямо в канцелярію. Минут через I5 будешь?"-"Так точно!" Подполковник Раздеришин взял у писаря Вильчинскаго пакет, разносную книгу и передал мнѣ. "Книжку отдашь Вильчинскому!" - "Понимаю, господин полковник!"

На углу Новаго свѣта и Іерусалимской аллеи, трамвай задержался. Я

соскочил с площадки и хотѣл пробраться сквозь толпу,но пѣшій жандарм меня остановил,объяснив,что идет процессія.Он отвел меня к группѣ офицеров и солдат,стоявшей на углу. Впереди толпы шагал "Вильгельм" с огромными усами,в латах,из блестящей жести,и каскѣ. За ним,стройными рядами,шли такіе же "стальные" кирасиры. Раздавалась пѣсня. Толпа с Новаго свѣта повернула на Іерусалимскую и остановилась против германскаго консульства. Потом я услышал звук разбитаго стекла. Трамвай тронулся. Я благополучно сдал пакет в комендантском и по той же дорогѣ вернулся в корпус.

В корпусѣ, священник О.Григорій отслужил напутственный молебен. Директор приказал кадетам собраться в канцеляріи. Не много нас было, если мы всѣ помѣстились в первой комнатѣ. Генерал Ваулин произнес рѣчь, которая меня поразила. "Мы уходим из Варшавы и не скоро вернемся в стѣны нашего корпуса,Суворовцы"...Не скоро... тогда было общее мнѣніе,что при современных средствах войны,затяжная война невозможна,и что она продлится самое большое 6 мѣсяцев... Но Ген.Ваулин,вѣроятно тогда,понимал и знал больше других лиц,с которыми приходилось встрѣчаться.

На 5-й день,часов около 4-х,была погрузка на Брестском вокзалѣ.Был подан состав,если не ошибаюсь,из 45 вагонов.В серединѣ состава нѣсколько вагонов I класса для офицеров и преподавателей,вагоны III класса для кадет.В концѣ эшелона товарные вагоны с нашим имуществом. Знамя стояло в купэ директора.Около дверей кадет с винтовкой.Офицерскій состав корпуса,кажется,полностью ѣхал с нами.Из преподавателей помню: А.А.Трусевича /физика/,М.А.Павленко /химія/, Сельскаго, "батеньку"-подполковника Москалева. Эконом,Ф.М.Михайлов, тоже был с нами. Пан Словацкій /танцы/ остался в Варшавѣ смотрителем зданій. Родители пришли нас проводить.Свисток и поѣхали. Прощай, красавица Варшава!

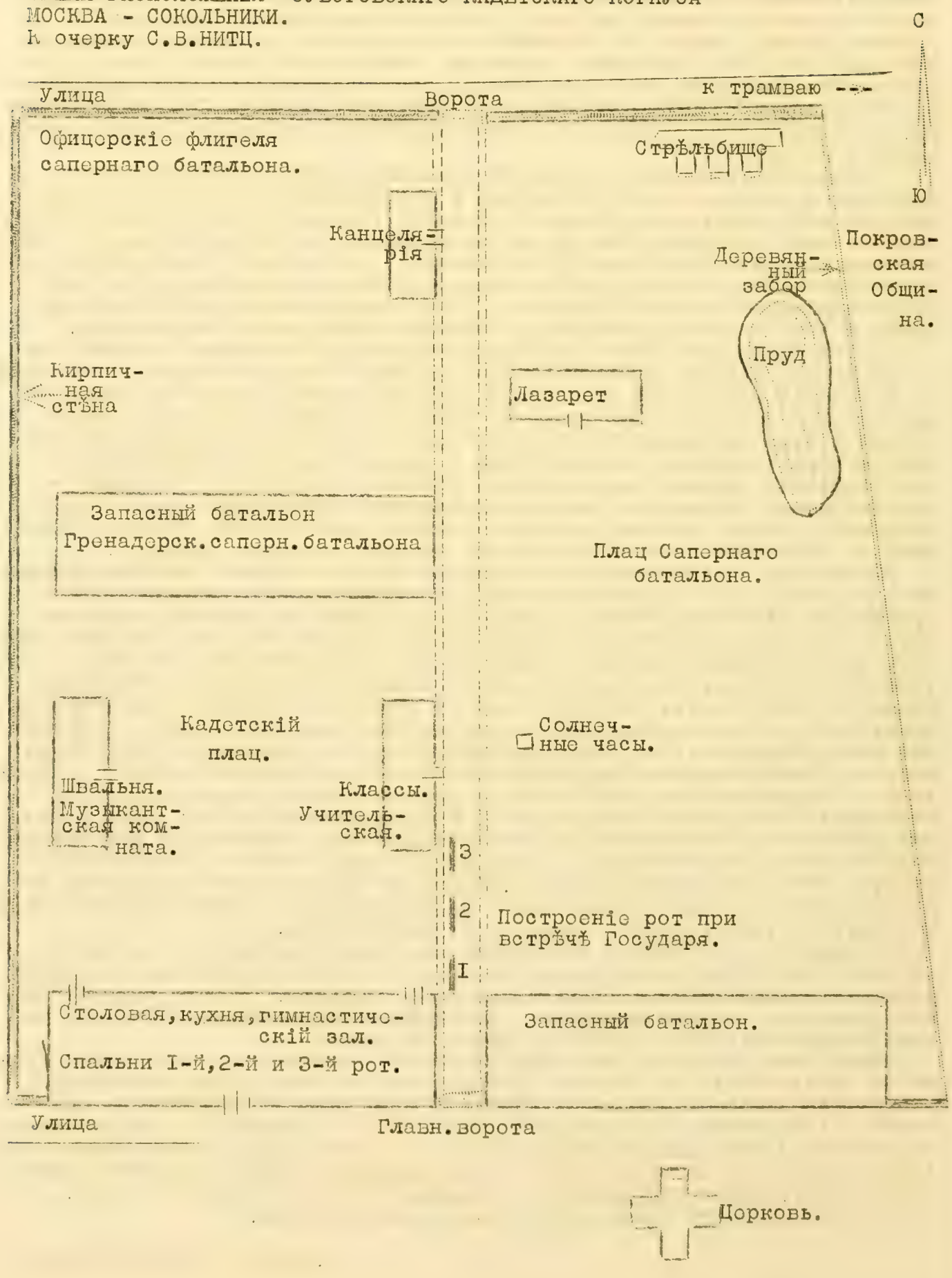
Эшелон шел с наименьшей скоростью,пропуская воинскіе эшелоны,спѣшившіе на фронт. На станціи Барановичи,мы стояли рядом с эшелоном 5-го гусарскаго Александрійскаго полка.Офицеры вышли из вагонов,узнав,что везут Суворовцев в Москву,и разговаривали с нами часа два. Мы были увѣрены,что сами скоро поѣдем на фронт,а они утверждали,что нам надо учиться и учиться. Как нас кормили,не помню,но голодными мы не были. Ѣхали мы дней десять. Выгрузили нас на Казанском вокзалѣ. Был холодный день.Вообще послѣ Варшавы нам все время было холодно. Первое впечатлѣніе послѣ Варшавы... да что сравнивать.Одно имя Москва - и сравнивать нельзя. Послѣ выгрузки,Флор Михайлович заказал обильный завтрак в трактирѣ в Гавриковом переулкѣ.Затѣм мы строем пошли в Лефортово,в 3-ій Московскій Императора Александра II Кадетскій Корпус. Вот тогда я понял слова отца,окончившаго 3-й Московскій: "вас воспитывают во дворцѣ." Если бы нас сразу помѣстили в казармах,не было бы этого нестерпимаго чувства тоски по родному корпусу.Каждый из нас,бродивших по темным коридорам,вмѣсто наших ротных зал,по маленьким классам,или по плацу,знал, что другой думает. Пожатіе руки и... слов не надо.

На другой день завтрак состоял из маленькаго пирожка с мозгами в слоеном тѣстѣ.Послѣ молитвы,мы остались в столовой и послали за ситным хлѣбом и колбасой.Ерема,будто бы,этого не замѣтил. "Встать,смирно!"Вошел командир I-й роты полковник Стравинскій.Поздоровался. "Рад вас видѣть,Суворовцы,в моей ротѣ." Наш Ерема его увел.

Послѣ бани /да развѣ это баня/,я сидѣл в спальнѣ на своей койкѣ /одно из преступленій по кодексу Суворовскаго корпуса/.Вошел старенькій, старенькій дядька и удивленно прочел мою фамилію на дощечкѣ над кроватью. "А позвольте спросить,как ваше имя?" - "Евгеній." Он минут десять перелистывал потрепанную книжку. "А вот в 1880 году на этой кровати,что теперь ваша,спал Евгеній Поль.Он и до окончанія спал здѣсь,потом вышел в Елисаветградское Кавалерійское Училище." - "Да,это был мой отец". С этого момента 3-й Московскій стал и моим корпусом.

Е.Е.ПОЛЬ /в.-у.-о.X вып./

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНІЯ СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА
МОСКВА - СОКОЛЬНИКИ.
К очерку С.В.НИТЦ.



ВАРШАВА /БЕЛЬВЕДЕРСКАЯ АЛЛЕЯ №2I/ - МОСКВА /СОКОЛЬНИКИ/. ПЕРЕЪЗД КОРПУСА.

Настал I9I4 год. Чѣм ближе подходил конец учебнаго года, тѣм тревожнѣе становилось мое настроеніе. Было у меня два препятствія, о которыя я мог споткнуться и не перейти в 6-й класс. Эти препятствія были:поведеніе и рисованіе. По поведенію у меня, в 5-м классѣ было 4. Для перехода в 6-й класс надо было имѣть 6. Получить прибавку - в теченіи года в два балла - было трудно. Изо всѣх сил я старался себя сдерживать, но это не всегда удавалось. Два балла - это не шутка. Способности к рисованію у меня не было никакой; не было у меня к нему и любви и,глядя на свою мазню, самому дѣлалось тошно. Наконец подошел и конец учебнаго года. Начались экзамены. Прошли они благополучно. По естественной исторіи /анатомія/ на экзаменѣ получил II и столько же в аттестат. По поведенію прибавили на 6. По рисованію годовой балл был удовлетворительный. Словом, перешел в 6-й класс чисто.

Настроеніе было отличное. Оно увеличивалось во много раз при мысли, что отец, Сибирскій стрѣлок, выслужив пять лѣт, получил законный 6-ти мѣсячный отпуск и проведет лѣто с нами. Это ли не радость. За 4 года, с момента расформированія крѣпостных полков в I9I0 году, отца я видѣл только один раз, когда он пріѣзжал в Варшаву за новобранцами для Сибирских частей на Дальнем Востокѣ.

В I9I4 году мы жили в Отвоцкѣ. Это было небольшое, дачное мѣстечко, верстах в 30 от Варшавы, на желѣзно-дорожной линіи Варшава - Ивангород. Сосновый лѣс, дивный воздух, небольшая рѣчка, правда не особенно близко. Отдыху предавался вполнѣ. Не хватало времени - так были заняты дни. Отдыхал и отец, впервые за двадцать с лишним лѣт военной службы.Бывало, заберемся в лѣс; - отец читает что нибудь, а читал он мастерски. Или начнет разсказывать о Дальнем Востокѣ, о природѣ, охотѣ, о суровой службѣ Сибирских стрѣлков; о тѣх русских самородках, золотопромышленниках, торговцах мѣхами, которых ему приходилось встрѣчать, и которые, зачастую будучи неграмотными, ворочали милліонами и дѣлали большое русское дѣло. Купанье. Собираніе грибов. Да развѣ мало можно найти занятій и развлеченій в молодости. Было бы время. Я все время был с отцом. Каждый из нас знает, что лѣтом мы своих отцов почти не видѣли: так они были заняты лагерями, стрѣльбами, маневрами. А тут цѣлый день вмѣстѣ. Подобралась и большая компанія молодежи. Игры, шутки, смѣх. Увы! Недолго все это продолжалось.

Раздался Сараевскій выстрѣл. С каждым днем становилось тревожнѣе. Я тогда не задумывался над тѣм, что все может рухнуть - до того все казалось прочным и незыблемым.

Дача наша выходила на желѣзную дорогу. I5-го іюля, рано утром, мы увидѣли на желѣзной дорогѣ патруль из двух человѣк: унтер-офицер и рядовой Лейб Гвардіи Петербургскаго полка. Мы подошли к патрулю и унтер-офицер, на распросы отца, отвѣтил, что войска вернулись из лагерей на зимнія квартиры, и что их полк послан на охрану желѣзной дороги. На вопрос отца: "ну, а как ты думаешь, побѣдим мы нѣмцев?"- унтер-офицер бодро отвѣтил: "так точно, Ваше высокоблагородіе." Дѣло стало серьезным - запахло войной.

На другой день, I6-го іюля, отец получил телеграмму из полка, с приказаніем вернуться; I7-го он выѣхал на Дальній Восток. В этот же день и я отправился в Варшаву, в корпус.

Обстановку, которую я застал в корпусѣ, я не помню. Помню, что кадеты, со своей дачи в Зегржѣ, уже вернулись. I8-го іюля я получил винтовку и подсумок и, сопровождая грузовик с вещами, отправился на Брестскій вокзал. Вещи складывали на крытой рампѣ. Охраняло корпусное имущество /помню гору матрацов/ человѣк шесть, но кто - фамиліи не могу вспомнить. Я охранял вещи, никуда не отлучаясь, до самаго отъѣзда, поэтому не ви-

дѣл, что дѣлалось в городѣ и как Варшава встрѣтила мобилизацію и войну. Видѣл только то, что дѣлалось около нас. Хорошо помню большую толпу мобилизованных поляков, которым ксендз говорил напутственное слово. Это было совсѣм близко от нас и каждое его слово было отчетливо слышно. Говорил он с большим подъемом и воодушевленіем. Говорил о вѣковой враждѣ между славянами и германцами и призывал к борьбѣ до побѣды, плечо к плечу с нами. "Пусть каждый из вас помнит, что вы идете бороться за свою свободу, за свою жизнь и жизнь своих близких".Толпа, в нѣсколько сот человѣк, при мертвой тишинѣ, слушала слова своего духовнаго отца. Помню также, что недалеко от рампы стояло нѣсколько составов с гусями,прибывшими сюда для дальнѣйшей отправки в Германію и задержанных в связи с событіями. Гуси без воды стали дохнуть и власти отдали распоряженіе распродать их населенію. Гусей расхватали моментально.

Я не помню, как и сколько времени шла погрузка. Состав был большой. В хвостѣ шли товарные вагоны. В первом и втором классах ѣхали воспитатели и преподаватели с семьями. Знамя стояло в вагонѣ директора. Бюст Суворова я и в Москвѣ не видѣл, что с ним вообще не извѣстно. Для кадет были вагоны 3-го класса. Размѣстились свободно. Сколько всѣх кадет ѣхало - не могу сказать.

20-го іюля тронулись на Москву. ѣхали мы медленно. Сыты были по горло, но как и чѣм нас кормили, тоже не помню. Почему то память сохранила обиліе свѣжих огурцов. Все время навстрѣчу нам шли эшелоны с войсками, шедшими из глѣбины Россіи на фронт. Мы их встрѣчали криками "ура",махали руками, фуражками, привѣтствуя родную армію. На станціи Барановичи, как то вечером, мы встрѣтили 5 гусарскій Александрійскй полк, шедшій с Волги на войну. Наши эшелоны стояли рядом. Гусары дѣлали проводку лошадей.

ѣхали мы до Москвы восемь дней и 28 іюля, наконец, прибыли в Москву. С вокзала направились в 3-й Московскій Кадетскій Корпус. Послѣ нашего Варшавскаго зданія, какое здѣсь все казалось маленьким, тѣсным, темным и нескладным. В 3 Московском Корпусѣ пробыли дней I0 - I2, и,числа I0 августа, перешли в Сокольники. Попав в казармы Гренадерскаго сапернаго батальона, без электричества, а с керосиновыми лампами, без тѣх удобств, которыми был так богат корпус в Варшавѣ, каждый из нас, не раз, с болью в сердцѣ,вспоминал Бельведерскую аллею и наше зданіе. Никто из нас тогда не думал, что не только корпус не вернется в Варшаву, но через три с половиной года и совсѣм прекратит свое существованіе. В I9I6 году мой выпуск издал журнал "Суворовец".Участіе в нем принимали всѣ классы. В журналѣ я помѣстил свой очерк "Переѣзд Корпуса из Варшавы в Москву". Тогда все свѣжо было в памяти. Указаны были точно всѣ даты и всѣ подробности. Теперь же, по прошествіи сорока лѣт, почти все забыто и в памяти остались только случайные отрывки прошлаго.

В Сокольниках для корпуса были отведены: одна большая трех-этажная казарма и два двух-этажных флигеля меньших размѣров. Все красно-кирпичнаго цвѣта. В главной казармѣ помѣщались: спальни трех старших рот,/4-я рота была при I Московском Корпусѣ/, столовая, кухня, гимнастическій зал и классныя комнаты 3-го класса. Во флигелях были: в одном /бывшіе классы учебной команды гренадер/- классныя комнаты старших классов /4-7-го/; в другом, напротив, - швальня, музыкантская комната. В этом флигелѣ я ни разу не был, и что в нем еще было, и его внутренняго устройства - не знаю.

В главной казармѣ размѣщеніе было такое: главный вход с улицы был не особенно видный, затѣм небольшая прихожая; налѣво от прихожей была столовая, а за ней кухня; направо - классныя комнаты 3-го класса. Из прихожей шла лѣстница вверх. Лѣстница была узкая и типично казарменнаго типа.

Второй этаж. Над столовой был гимнастическій зал, устроенный в ротном помѣщеніи; стояли: турник, параллельные брусья, кобыла и лѣстница.

Здѣсь же происходили уроки по фехтованію. По субботам и под праздники, здѣсь были вечернія Богослуженія. Алтаря не было и на литургію мы ходили в церковь, напротив казарм. Над классными комнатами 3-го класс, была расположена спальня 3-й роты. На площадкѣ были двѣ небольшія комнаты: одна для дежурнаго офицера, другая служила карцером.

На третьем этажѣ: над 3-й ротой была спальня 2-й роты, над гимнастическим залом - спальня I-й роты. На площадкѣ двѣ комнаты, такія же, как и на втором этажѣ. Эти комнаты были для двух дежурных офицеров. Спальня каждой роты дѣлилась на четыре каземата, каждый на взвод. В глубинѣ цейхгауз, умывальная, уборная и выход на черную лѣстницу. В I-й ротѣ, первым от входа, помѣщался 6-й класс; 7-й класс дальше. С задней стороны у казармы было два черных входа.

В классном флигелѣ, 6-й и 7-й классы находились на втором этажѣ; остальные на первом. На первом же этажѣ была и учительская.

Освѣщеніе вездѣ было керосиновое. Лѣтом I9I5 года провели электричество и сдѣлали большой ремонт; вслѣдствіе этого занятія начались не I5 августа, как обыкновенно, а I сентября. Отапливались углем. Вездѣ стояли голландскія печи и было тепло. Первый год парт не было, а были столики. На второй год поставили парты, узкія и неудобныя. Никаких учебных кабинетов не было и мы, на физическіе опыты, ходили в Московскій университет.

Канцелярія была в зданіи офицерскаго собранія гренадер-сапер, довольно далеко от главной казармы, в глубинѣ казарменнаго двора. Недалеко от канцеляріи находился наш лазарет. Помѣщеніе для лазарета было удобное, вѣроятно это зданіе и раньше служило для этой цѣли. Бани своей не было и мыться ходили в частную баню, довольно далеко. Между нашими казармами был плац, на котором происходили строевыя занятія. Он же служил и футбольным полем. Дальше района наших казарм, нам ходить не разрѣшалось.

Несмотря на то, что в новом мѣстѣ не было тѣх удобств, какія были в Варшавѣ, мы быстро приспособились к новым условіям и жизнь корпуса быстро пошла нормальным ходом.

Квартир, для воспитателей и преподавателей, в казармах не было и всѣ они располагались на частных квартирах, стараясь жить недалеко от корпуса.

С.В.НИТЦ /XI вып./

А М А З О Н К А.

В перемѣнках между уроками, любили мы сидѣть на широких подоконниках своего класса и наблюдать за жизнью на улицѣ. Окна наши выходили на одну из самых красивых улиц Варшавы - Бельведерскую аллею - против старинаго королевскаго парка, в глубинѣ котораго, между прудами и цвѣтниками, расположен небольшой Лазенковскій дворец.

Широкіе тротуары, гладкая и блестящая, как паркет, торцовая мостовая, а между рядами мощных каштанов и лип, немощеная дорожка для верховой ѣзды. В хорошіе, солнечные дни Бельведерская аллея и парк были излюбленным мѣстом для прогулок самой шикарной публики. Элегантные экипажи, прекрасныя лошади, парижскіе туалеты, блестящіе мундиры, цилиндры и мѣха. По боковым дорожкам аллеи, гарцуют кавалькады молодежи на чистокровных, прекрасно выѣзженных лошадях. Эти послѣднія особенно привлекали наше кадетское вниманіе. Не знаю откуда, но мы знали многих лошадей по именам, также и их владѣльцев. Во всяком случаѣ всѣ они были извѣстны нам и каждый раз мы встрѣчали любого из них, как своего стараго знакомаго. В старших классах освѣдомленность эта была особенно точна и подробна. Знали мы по чинам и фамиліям не только проѣзжающих здѣсь офицеров, /большинство из них были Варшавскаго гарнизона, т.е. Л.Гв.Уланскаго Его Величества и Гродненскаго Гусарскаго полков/, но и их дам, а также и штатских кавалеров польской именитой и помѣщичьей знати. Кавалькады эти, перед окнами корпуса, доставляли нам всегда большое удовольствіе и обсуждались нами во всѣх

подробностях. Были у нас свои любимчики,как среди всадников,так и среди лошадей. Замѣчали мы всякія перемѣны,критиковали туалеты,конечно,с нашей кадетской точки зрѣнія,посадку,сѣдловку и т.д. Разумѣется не обходилось без того,чтобы среди амазонок не находилась одна,имя которой неизмѣнно вырѣзовалось,или выцарапывалось на партах,подоконниках или скамьях. Это был наш общій кумир. Помню я одну такую,голубоглазую блондинку, стройную,в безукоризненной черной амазонкѣ,которая всегда так весело улыбалась,поворачивая прелестную головку в сторону наших окон. Конечно, каждый из нас принимал эту улыбку на свой счет и от одной этой мысли был счастлив и горд. Была она коренная варшавянка, носящая очень звучную польскую фамилію,и потому вокруг нея кружилось и гарцевало не мало польских кавалеров,щеголявших своими смѣшными костюмами для верховой ѣзды. Но кромѣ них,в свитѣ нашей принцессы,замѣчались и блестящіе офицерскіе мундиры. Так,один штабс-ротмистр стал все чаще и чаще появляться в этой компаніи. По нашим кадетским взглядам этот лихой улан был единственным кавалером,достойным вниманія голубоглазой красавицы. Во первых, он был молод,красив,статен и в своем,прекрасно сшитом китѣлѣ или мундирѣ,представлял идеальный образец мужчины и кавалериста. Затѣм двѣ кровных лошади,караковый жеребец и гнѣдой конь,которыми он пользовался для этих прогулок,были великолѣпны и пад лихим офицером они лишь выигрывали,тогда как,тоже не плохія,лошади польских кавалеров много теряли под всадниками,одѣтыми примѣрно так,как в цирках обыкновенно одѣвают обезьян,скачущих на борзых собаках. Особенно противен и ненавистен нам был один пан,уже не молодой,лысый и маленькій. Одѣт он был обычно в коричневый камзол,бѣлыя рейтузы,такое же кэпи и желтые лакированые сапоги. Бритый,с орлиным носом,с моноклем на широкой лентѣ и всегда с большим цвѣтком в петлицѣ. Он постоянно оттирал других,стараясь,чтобы его великолѣпная рыжая кобыла шла рядом с рыжим конем нашей амазонки. Нервно пощелкивая стэком по голенищу,болтая без умолку,он дѣлал все,чтобы завладѣть вниманіем своей сосѣдки. Называли мы его,почему то,графом; возможно,впрочем,что он и был таковым;во всяком случаѣ это ему подходило.

Иногда,проѣзжая около корпуса,наша принцесса поднимала свои лучистые, голубые глаза на наши окна и,встрѣтив столько восторженных,улыбающихся физіономій,невольно и сама весело улыбалась. Это немедленно замѣчал противный граф и,поворачивая в нашу сторону свою костлявую рожу,дѣлал презрительную гримасу и со свистом разсѣкал воздух своим стэком,отчего кобыла его козлила и рвалась вперед. Таким образом,у нас с этим графом установились опредѣленно враждебныя отношенія и мы искренно его ненавидѣли. Мы стали замѣчать,что послѣднее время штабс-ротмистр стал рѣже показываться,а если и бывал,то другіе кавалеры,общими усиліями,оттирали его коня от амазонки,да и она сама им мало интересовалась. Зато граф увивался около нея во всю и красавицѣ это,повидимому,нравилось и она с ним явно флиртовала. Нас это приводило в бѣшенство,но что ж тут подѣлаешь... Граф,как говорили,был баснословно богат и хотя наш улан был тоже не из бѣдных,но несчастье в том,что он не поляк и кромѣ того - без титула. В глубинѣ наших кадетских душ,стало нарождаться нехорошее чувство,уже не только к графу,но и к самому нашему кумиру. Нѣкоторые стали даже ее поругивать.

Давыдов был давно и безнадежно влюблен и в красавицу-польку,и в ея коня,и в блестящаго ротмистра, и опредѣленно рѣшил выйти в тот же полк. Сегодня,лежа в кровати,Давыдов улыбался и строил воздушные замки. Он ясно представлял себя в шикарной уланской формѣ,на караковом жеребцѣ, гарцующим рядом с красавицей-амазонкой,перед окнами нашего корпуса,откуда все "звѣрье" и "сугубцы" пялят на него восхищенные взгляды и завидуют его счастью. Это будет адски тонно!

Заснуть,естественно,было трудно. Мысли цѣплялись одна за другую; отдѣлаться от них невозможно,да и не хочется:очень уж шикарно побыть в уланском мундирѣ и... Вдруг чудится Давыдову,что около его собственной принцессы,с моноклем и презрительной гримасой,появляется этот носатый

граф и старательно оттирает его, его - корнета Давыдова - от нея. Этого он так оставить не может. Надо отшить проклятаго графа так, чтобы и другим кавалерам повадно не было. Но как... И с этой неразрѣшенной загадкой, Давыдов погрузился в глубокій сон... Рѣзкій, металлическій звук трубы безпощадно разсѣивает всѣ утреннія грезы.

"Вставать! Вставать! За-пи-сы-ваю!"Раздается голос дежурнаго офицера. Ах,еще бы минутку-двѣ... Но одѣяло летит на пол и Давыдов, ежась от утренняго холодка, энергично протирает глаза. На большой перемѣнѣ, послѣ завтрака, Давыдов куда то озабоченно бѣгает т долго совѣщается со своими друзьями - Лучаниновым и Клобуковым - спеціалистами по разным изобрѣтеніям. На другой день, в такое же время, он сидит в отдаленном углу плаца и перочинным ножом обрабатывает рогатку. Упругая резина прочно вдѣлана в оба ея конца. Давыдов пробует ея качества. Маленькіе, кривые камушки хоть и летят далеко, но не туда, куда надо. Хитро улыбаясь, Давыдов вынимает из кармана платок и развязывает узелок.На его ладонь падает нѣсколько крупных дробинок. Это будет лучше и дѣйствительнѣе. На 30-40 шагов, Давыдов без промаха попадает в свою собственную фуражку, надѣтую на палку. Он доволен. Запрятав рогатку за голенище, в припрыжку бѣжит через плац.

Субботній день сегодня выдался особенно благопріятным. Весна во всем своем блескѣ. На душѣ радостно; заниматься уроками не хочется, да,по правдѣ говоря, с Давыдовым это не часто и случается, а сегодня и уроки то не трудные; сейчас географія - формонный пустяк... Преподаватель что то там разглагольствует; Давыдову не до него - мысли его скачут рядом с прекрасной амазонкой и он наслаждается...

"Давыдов, как называется самая большая рѣка Туркестана?"

Давыдов вскакивает. "А..а..амазонка, господин преподаватель."

"Садитесь, мой друг. Можете сообщить эту поразительную новость своим дорогим родителям." Грустно улыбаясь, он начертал в журналѣ, против фамиліи Давыдова, жирную единицу.

Весь класс разразился веселым смѣхом. Давыдов обернулся к смѣющимся и с презрѣніем прошипѣл: "мохнатые ишаки." Впрочем это печальное недоразумѣніе не надолго огорчило его и всѣ грустныя мысли улетѣли послѣ звонка, возвѣщавшаго конец урока, вмѣстѣ с уходом преподавателя. Послѣ обѣда, Давыдов озабоченно ходил по классу от окна к окну, выбирая мѣсто, откуда удобнѣе будет взять под обстрѣл верховую дорожку. Почти до полной темноты промаячил он на своем посту и ушел, услыхав, что рота строится к чаю. Тоннягѣ-Давыдову сегодня не везет - думал он,ложась спать. Адски обидно, а впрочем... наплевать - "географія" давно к нему придирается. "Почему Амазонка. Причем тут кол. Глупо и несправедливо", шептал он засыпая.

С утра началось все удачнѣй. Во первых подняли на час позднѣе и сигнал был дан не трубой, а барабаном. Во вторых, Давыдов встал сам сразу и потому в журнал не попал, и в третьих - сегодня воскресенье, уроков нѣт и,главное, чудная погода и, значит, будут кавалькады...

В корпусной церкви, Давыдов молился сегодня усердно и козлиным тенорком подтягивал хору,пока ротный командир грозно на него не посмотрѣл.

Бельведерская аллея,залитая солнцем,блестѣла изумрудами молодой листвы и благоухала весенними ароматами. Сразу же послѣ завтрака появилась гуляющая публика, нарядные экипажи, а между деревьями замелькали всадники. Давыдов не отрывался от, выбраннаго им, наблюдательнаго пункта. В праздничные дни не было строго опредѣленных часов для прогулок, поэтому приходилось запастись терпѣніем. В сосѣднем классѣ разыгрывалось интересное пари: Яхонтов должен был съѣсть двѣнадцать пирожных с кремом, без передышки, и не запивая водой. Давыдову не до того; даже рыжая ящерица, запряженная в миніатюрную колесницу, демонстрируемая Лучаниновым, не интересовала его, а Грешнера, предлагавшаго загримировать его красками под индѣйца, он послал ко всѣм чертям... Какіе там индѣйцы, когда вдали, меж вѣтвями лип, замелькали разномастныя лошади.

Давыдов не долго всматривался и соображал, что это за лошади и кто такіе эти всадники. Он ясно различал уже сверкающій уланскій мундир, развѣвающіяся фалды штатских и, наконец, черную амазонку. Надо торопиться: лошади идут галопом. Одну крупную дробинку, обезьяньим жестом, Давыдов засовывает себѣ за щеку, другую - крѣпко зажимает пальцами в кожаной лямкѣ рогатки. Кавалькада перешла в шаг. Давыдов облегченно вздохнул и с опаской осмотрѣлся по сторонам. Тѣм временем всадники медленно приближались. Уже хорошо видны: сіяющая,как сама весна,бѣлокурая амазонка и, рядом с ней, ненавистный граф. Небрежно бросив повод, он откинулся на круп своей кобылы и играл моноклем. Почти сзади всѣх, на рослом караковом жеребцѣ, изящный и упругій, как сталь, гарцовал наш тонный улан. Красивое лицо его казалось грустным. Несомнѣнно, он хорошо видѣл, как красавица панночка флиртовала с носатым графом, который авторитетным тоном что то ей объяснял, тыкая кончиком стэка в лакированый ея сапожек. Кобыла графа покрылась испариной и красивая морда ея была забрызгана пѣной. Случилось так удачно, что именно эта кобыла шла крайней к фасаду нашего зданія. Вот она уже прямо против окна... но еще нельзя - могут замѣтить. Еще двѣ-три секунды и... тяжелая дробинка, безшумно, но сильно, щелкнула в пах рыжей кобылѣ. От боли и неожиданности она рванулась вперед, а, безпечно сидѣвшій на ней, носатый граф, закинув ноги вверх, описал в воздухѣ крутую дугу и шлепнулся на всѣ "четыре лопатки",почти у самаго нашего тротуара. Другія лошади тоже подхватили, но сдержанныя всадниками, вскорѣ перешли в шаг и лишь конь нашей принцессы, выйдя из повиновенія, помчался полным карьером за, почуявшей свободу, рыжей кобылой графа. Неизвѣстно чѣм бы все это кончилось, если бы штабс-ротмистр, нѣсколькими бросками, не настиг коня амазонки и не схватил бы его за повод. Все это произошло гораздо быстрѣе, чѣм разсказывается и когда граф стал проявлять признаки жизни, амазонка рысью подъѣзжала к мѣсту происшествія. Ротмистр спѣшился и помог графу подняться, тогда как другіе кавалеры, разиня рот только смотрѣли на его жалкую безпомощность. Понемногу всѣ стали приходить в себя и, видя, что все обошлось болѣе или менѣе благополучно, начали улыбаться. Наша же героиня, закинув хорошенькую головку, заливалась звонким смѣхом. Стали собираться любопытные. Граф стоял согнувшись, стряхивая пыль со своих бѣлых лоссин. Камзол его распоролся, на спинѣ по шву, до самаго воротника. Ему подали его стэк и кэпи, но он продолжал еще что то искать, пока из окон корпуса чей то веселый голос не крикнул: "эй, пан, там на вѣткѣ!" Всѣ подняли головы и, дѣйствительно, увидѣли,на одной из нижних вѣток каштана, болтающуюся черную ленту с моноклем. Опять раздался дружный смѣх. Ротмистр, поддерживая графа, ввел его в подъѣзд корпуса, гдѣ наш усатый швейцар,в праздничной ливреѣ с черными орлами, взялся привести его в порядок. Тѣм временем какой то солдат привел рыжую кобылу графа. Вся кавалькада долго еще стояла под окнами нашего корпуса, чѣм доставила нам большое удовольствіе.

Давыдов чувствовал себя героем дня, тѣм болѣе, что вся его затѣя прошла так удачно и гладко, что никто, ни из начальства, ни из посторонней публики, и не подозрѣвал истинной причины всего этого происшествія.

Не подозрѣвали, конечно, ничего ни прекрасная амазонка, ни тонный улан, появленіе которых,все чаще и чаще на верховой дорожкѣ перед нашими окнами, приводило всѣх нас в восторг. Ненавистный граф совсѣм исчез с нашего горизонта. Остальные участники этой кавалькады тоже стали рѣдѣть и, в концѣ концов, наши любимцы остались только вдвоем.

Часто, проѣзжая мимо корпуса, они всегда весело нам улыбались.

Н.КЛОБУКОВ 2-й /УІ вып./

Примѣчаніе: под разсказами Н.Клобукова стоит его подпись с указаніем: І-й,5-го вып. Надо исправить: Н.Клобуков 2-й /УІ выпуска/.

Г О С П О Д А О Ф И Ц Е Р Ы.

О чем говорят бывшіе военные, послѣ сытнаго ужина за бутылкой добраго вина?

Безошибочно отвѣчу словами позабытаго поэта Александровской эпохи:

"Мы вспоминали лагерь шумный, Порыв любви младой, безумный
Часы пирушки полковой, И бремя жизни боевой".

Таким воспоминаніям нѣт конца! И немудрено.

Взять, хотя бы, старѣйшаго из нашей теплой компаніи полковника Никифора Ивановича.

В первый офицерскій произведен до Японской войны.

"Я-с, душечки мои," шутил полковник, "почти что одного выпуска с винтовочкой образца 1891 года".

А дальше эпизод за эпизодом: Порт-Артур, плѣн, возвращеніе на Родину, из за раненій "запас", потом опять "дѣйствительная", I-я Міровая война, революція, террор, Добровольческая армія, Галлиполи, хожденіе по эмигрантским мукам...

Но ни годы, ни раны не помѣшали снова крѣпко взяться за "винтарь" в частях генерала Власова.

"Если все описать, то наберется томов двадцать не меньше...Никак не меньше-с!"

Вот он однажды и высказался.

"Как вам извѣстно, я даром слова не обладаю. Плохой краснобай. Не могу, знаете ли, выстроить и выравнять мысли, ну скажем, по взводно и пустить их четким церемоніальным маршем. Тащатся онѣ у меня, как нестроевая команда, дугой и не в ногу. А вѣдь нѣкоторые умѣют,да так ловко, что заслушаешься. Знаю-с, не легкая задача правильно понять словеснаго калѣку. А вы, все-таки, постарайтесь.

Так,вот-с... Бывало в старинку... эх времячко... гаркнешь команду: "Смирно! Рав-не-ніе направо! Господа офицеры!" И чувствуешь... замѣтьте себѣ... без малѣйшаго сомнѣнія! Чувствуешь, что в этот момент вытягиваются в струнку дѣйствительно господа офицеры!"

Никифор Иванович привстал и поднял, как шашку под-высь, указательный палец.

"Именно-с, господа офицеры! Конечно, попадались и тогда... ну,как бы назвать?.. Уроды в здоровой семьѣ. Но не часто, нѣт не часто!

А вот, позвольте замѣтить, примѣрно в девятьсот шестнадцатом...не не виню никого... что подѣлаешь? Небывалая война заставила... набрали, нагнали, нахлынули... то-есть, кого только между нами не было? Даже мой парикмахер Жан, а попросту Ванька Колявкин, получил на погоны звѣздочки. Во время "безкровной" и "гражданской" и того хуже... Путаница и неразбериха наплодили не мало самозванцев, с проржавѣвшей совѣстью, а то и вовсе без нея.

Опять таки признаю... и между случайными и временными попадались настоящіе господа офицеры.

Но я вот про что... про общее... про всю смѣсь. Тут то и поймите. Не барство говорит во мнѣ... Дѣд мой, отличившійся Николаевскій солдат, всего лишь унтер. Я-с, так сказать, дворянин без родословнаго древа.

Вы, может быть спросите: а не возмущался ли мой кадровый, строевой глаз? Было,мол, много внѣшняго шика и подчас искаженія формы. Нѣт-с, не то! Внѣшностью и я не блестѣл. В корпусѣ воспитатель прозвал "утюгом".Смѣшно сказать - едва-едва осилил па-де-катр, а уж куда там до вальса и мазурки.

Может быть, раздражали недоучки, или извращенно понимавшіе офицерскій долг и лучшія традиціи?

Но,вѣдь, тѣм кто способен схватывать и впитывать, доучиться и перевоспитаться никогда не поздно. Вспомним "птенцов гнѣзда Петрова," или

кое кого из Наполеоновских генералов.

Я не о том... а,вот... самое главное... буква "А," без которой не прочтешь ни "мама," ни "папа," сирѣчь воинскій дух, или как, в стародавнее время, у нас на Руси говорили - "лыцарскій".

По моему, встрѣчается он не так уж часто. С ним надо родиться, обязательно и не иначе.

Он, ни при каких обстоятельствах, не угасает и сопутствует до самой могилы. В нем и сидит, как камень в оправѣ, это самое "господство"... Причем такое же многогранное, как и отшлифованный камень. А сословіе, званіе, внѣшность и ученость суть прилагательныя. Психолог,с академическим значком, растолковал бы это гладко и подробно. А я беру чувством... мнѣ словами трудно. Если попробую утончить мысль - запутаюсь окончательно. Поэтому и закончу.

Скомандуешь вот такой... попросту выражаясь... смѣси: "господа офицеры!", а сам, с тяжелой грустью, думаешь: а много ли между вами господ?

Извините за искреннее признаніе".

-.-

Запали мнѣ в голову слова милѣйшаго полковника.

Шел по ночной, безлюдной улицѣ и думал.

И хоть жизнь моя была значительно короче жизни Никифора Ивановича, но гдѣ же, как не в прошлом, канувшем в лѣта, я мог найти потвержденіе, или опроверженіе его мысли?

И вот, припомнились кадетскіе годы...

-.-

Г Е Н Е Р А Л.

"Слава Тебѣ, Господи, - наконец то вырвался из корпуса".

Шагаем неторопливо. Я и мой пріятель.

Такія прогулки ему не в диковинку. По ученію в первом десяткѣ, поведеніе отличное, паинька,хоть на показ. Каждую недѣлю в отпуску.

Мои же выходы были похожи, вѣрнѣе всего, на счастливый выигрыш. А выигрыш не частый гость!

И поэтому я так остро переживал разницу между кадетским монастыром и городом, что даже уличный воздух казался совсѣм не таким, как на наших плацах, а несравненно прозрачнѣе и свѣжее, до легкаго головокруженія.

Теперь, представьте себѣ и наше несоотвѣтствіе в ростѣ. Я,по ротному ранжиру, в серединѣ перваго взвода, он лѣвофланговая крупа.

"Слушай," говорю ему, "навѣрно, люди так и думают: ведет,мол, солидный старшій браток меньшого сопляка, первоклассника, домой в маменькины объятія".

"Пошел ты к чорту!" - огрызается.

А потом размечтался: "заверну сегодня в иллюзіон на Макса Линдера. Прошлый раз от смѣха чуть-чуть не лопнул. Потом к друзьям реалистам. Там, брат, фанты, оракулы, танцы и домашніе торты. Да какіе! Вкуснѣе лярделлиевских! А завтра, с утра, на Вислу, рыбачить с лодки. Разлюбезное дѣло!"

"Ну,ну вали," одобряю, "щуки на пескаря падки!"

На нашей Бельведорской аллеѣ пустовато, но как дошли до Уяздовской - проторли глаза. Гуляющих масса и на каждом шагу офицер. Козыряем беспрестанно. Рывком поворачиваем головы то налѣво, то направо, вытягиваемся во фронт. Изрѣдка это даже пріятно, пофорсить перед шпачками,но в большой порціи надоѣдает.

Вижу - выше многих на добрую голову - приближается скобеловская борода и яркіе генеральскіе отвороты родного отца.

"Малый," шепчу пріятелю, "папашу можно и пропустить. Сворнем-ка на самый край тротуара и уставимся в противоположную сторону, будто там

увидѣли знакомых".

Так, затушевываясь между публикой, стараемся проскочить.

И,вдруг,строгій окрик: "кадеты! Пожалуйте сюда!"

Ошарашило не только нас. Народ оглядывается; кто с удивленіем, кто со страхом, кто со злобненьким любопытством; дѣвицы хихикают - даровой театр. Замерли мы перед отцом с покраснѣвшими от стыда рожами.

А он коротко: "в корпус! Доложите дежурному офицеру - за умышленное неотданіе чести".

Щелкнули мы каблучками и повернули назад. Прощай отпуск!

Пріятель мой, ни то от волненія, ни то чтобы скорѣе убѣжать от позорнаго мѣста, или от меня, утроил шаги.

Говорю ему: "словно тебя сзади шпилькой пыряют! Куда торопишься? Карцер не сгорит. Подышим хоть свѣжим воздухом".

А он рукой отмахивается. "И чего я, дурак, тебя послушал? Подвел, собака, прямехонько к тюремщику Кулявому. Знаешь, что нам будет за это самое "умышленное"?"

"Про "умышленное" ни гу-гу! Не замѣтили, мол, и точка!" Учу его,тихоню неразумную.

"Какая точка?! Клякса!" - бѣсится он. "Как будто я и в самом дѣлѣ, баран-первоклассник, дорогу не знал. Тебя, дылду отпѣтую, взял в провожатые!" И скулил до самаго корпуса.

Являемся дежурному офицеру "тоннягѣ" штабс-ротмистру.

"Что так рано,кавалеры?" Ухмыляется и шпорой позвякивает.

Докладываю я, но,конечно, без "умышленнаго".

Прищурился ротмистр. "А,случайно, не знаете, кто этот генерал?"

Врать не было смысла. Через час, а может быть и раньше, все разъяснится.

"Так точно,знаю! И произношу скороговоркой свою собственную фамилію.

"Ах,вот что",протянул ротмистр и нѣсколько раз приподнялся на носках. "Значит папонька? Тэк-с! За-мѣ-ча-тель-но! Ну, франты, за такой номер взгрѣю вдвойнѣ!"

Мой бѣдный пріятель,с безукоризненным поведеніем, безпомощно заморгал глазами и поблѣднѣл.

А ротмистр, сам стрѣляный кадет, подбоченившись продолжал: "Как же не замѣтить вашего батюшку? Невозможная вещь! Вѣдь он ростом лейб-гвардія! Сказочки мнѣ разсказывать? Ну, ловчилы, держитесь! Так, с особенным удовольствіем и зарисую в штрафной журнал: - за умышленное неотданіе чести двум генералам! Чувствуете? А сейчас, марш переодѣваться!Ох, ох, не завидую вашей горькой участи".

А я старался разобраться, что случилось с моим отцом? Ни одного раза не помню, чтобы остановил и "цукнул" зазѣвавшагося солдата.

В его альбомѣ видѣл десятки фотографических карточек,от подчиненных, и всегда с трогательными надписями: "защитнику провинившихся","начальнику с золотым сердцем","отцу командиру" и т.п. А родного сына послал в заточеніе и вверг в черную тоску. Вот тебѣ и "золотое сердце".

А пріятель - у страха глаза велики - пилит и пилит: "связался на свою голову с арестантом! За двух генералов скатают два балла по поведенію, плюс на сегодня и на воскресенье в карцер, плюс двѣ недѣли без отпуска. На двѣ без "умышленнаго",а с "умышленным" могут припаять и цѣлый мѣсяц! Удружил дьявол!"

Как я предполагал, так и вышло. Через полчаса ротмистра вызвали к телефону.

Много позже я узнал и содержаніе разговора. Вот оно:

"Прошу вас, ротмистр, не наказывайте низенькаго кадета, пріятеля моего сына. Тротуар был переполнен народом. Я вѣрю, он мог меня не замѣтить. Пусть сейчас же идет в отпуск. Навѣрно его с нетерпѣніем ожидают дома и волнуются. И мнѣ не по себѣ!"

"Слушаюсь, ваше превосходительство".

"А сына,как слѣдует взгрѣйте. Несомнѣнно он виновник всему".

"Ваше превосходительство, разрѣшите уж отпустить и вашего сына. Он получил хорошую взбучку, прочувствоавл и, конечно, раскаивается. А вы, дома, прибавьте со своей стороны. Вѣдь и его приход ожидают с нетерпѣніем".

"Не слишком ли милостиво, ротмистр? Но... поступайте так, как найдете нужным."

-.-

А дома мама, как и надлежит каждой мамѣ, встала на защиту ненаглядного чада. Монолог произносился возмущенным голосом.

"Подумаешь, великое преступленіе! Да вас на улицѣ не пересчитать! Вѣдь этак у ребят руки отвалятся, каждому козырять! Наказаніе а не отпуск! Мальчик встрѣтил родного отца и, понятное дѣло, воспользовался. Дай, мол, хоть минуточку передохну. А его в карцер! Звѣрство какое то!"

И сунула мнѣ цѣлковый на развлеченія.

Но отец, всетаки, "выцукал" - не за честь - за пріятеля, за то что подвел.

-.-

Послѣ отпуска ротмистр спрашивает: "ну что,кавалер,здорово попало?"

"Так точно!"

"А знаете что," - звякнул он шпорой - "будь я на вашем мѣстѣ, такому отцу не за четыре, а за восемь шагов становился бы во фронт".

-.-

Р О Т М И С Т Р.

Я болтал с Танечкой два дня без передышки...

Так может болтать только пятнадцатилѣтній юноша с четырнадцатилѣтней виновницей его вздохов и нахлынувших мечтаній.

Ранним утром, когда от косых лучей сверкала рѣка и, еще мокрый послѣ уборки, пароход,когда в каждом стеклѣ и в каждой мѣдяшкѣ трепетал ослѣпительный солнечный диск, мы хохотали и восторгались всѣм, что замѣчали зоркіе глаза,не пропускавшіе ни одной мелочи.

Вынырнет ли серебряная рыбка, пролетит ли острокрылая чайка, проплывет ли встрѣчная лодочка - привѣтствовали их доброжелательными возгласами и,перегибаясь через поручни, махали платками.

А, что уж говорить о пароходах, буксирах с караванами барж, плотах с забавными шалашиками и развѣшенным бѣльем.

Днем, любуясь волжскими берегами, говорили о далеких странах, о том, как мы их посѣтим... но, конечно, не порознь,а вмѣстѣ, рука об руку.

А когда над нашими головами, затуманенными счастьем, вспыхивали безчисленныя звѣзды, вспоминали прочитанные романы, страницы, посвященныя героической любви... но мысли авторов и описаніе волнующих сцен дополняли своей собственной фантазіей, смѣлой и безграничной, как и сама юность. И хотѣлось, чтобы пароход плыл и плыл, хоть сто лѣт.

Но время неумолимо даже для влюбленных юнцов.

Остается три дня вольной волюшки и... пятнадцатое августа, кадетскій монастырь, начало занятій.

Завидую Танечкѣ - ей пропоют "дѣти в школу собирайтесь" только первого сентября. Она гимназистка пятаго класса, возвращается домой от тетки, уже без провожатых, как взрослая барышня.

А я со второго класса привык путешествовать в одиночку.

Исторію нашей дружбы и любви - короче и не придумаешь. Помог ей внести на пароход несессер и корзиночку - вот и познакомились. Через два часа были убѣждены, что знаем друг друга, чуть ли не с пеленок, и что нас, таких друзей, и водой не разольешь.

Так довѣрчиво и легко сближаются только на ранней зарѣ жизни.

Но, вот и Танечкин городок, а в двадцати верстах от него имѣніе ея мамы.

"Неужели конец?" Заморгала Танечка влажными, пушистыми ресницами.

О, нѣт, так настоящіе романы не обрываются.

"Разстанемся около вашего дома, на порогѣ двори," рѣшил я твердо и

безповоротно.

"В имѣніи? Но вы опоздаете в корпус! Вас накажут! Вѣдь вам еще долго... еще на поѣздѣ..." В глазах и голосѣ Таночки пріятная для меня тревога.

"Не велика бѣда! Опоздаю на один день".

"У нас в имѣніи густющій парк. И я очень хотѣла бы познакомить вас с мамочкой. Она замѣчательная! Она чудная! Ее всѣ любят! Но я боюсь за вас! - колебалась Таночка. "А скажите, карцер с окном, или вродѣ темнаго чулана? И, навѣрно, с пауками, тараканами, крысами... Брррр! Ужас!"

"Пустяки!" Оправляю гимнастерку и выпячиваю грудь. "А если засадят, не только крысы, а и скорпіоны не помѣшают - буду все время думать только о вас!"

И получаю в награду очаровательную улыбку.

"Раз вы такой герой - ѣдем! Меня ждет экипаж. На нем и вернетесь".

Думал: провожу и сразу же назад.

Но молодое сердце остепенить не легко.

У Танечки и ея, на самом дѣлѣ, замѣчательной и чудной мамы, я провел три блаженных дня. Гуляя по липовым аллеям, или сидя с Танечкой в завитой плющем бесѣдкѣ, легко утѣшал себя, что всѣ семь бѣд искуплю одним отвѣтом.

И только на желѣзнодорожной станціи, слегка отрезвѣв, крѣпко почесал затылок. "Что теперь дѣлать?"

Обратиться к военному врачу и прикинуться больным? Но гдѣ его искать в незнакомом городѣ? И повѣрит ли?

Глянул в стѣнное зеркало и от досады плюнул. Загорѣлая, отъѣвшаяся физіономія - на чуточки блѣдности, ни намека на изнуренность.

В комендантское?

А, вдруг, выползет старый ревматик полковничек, у котораго сын такой же, ненаглядный архаровец, как и я. Попробуй ка с ним сговориться?

Куда же и к кому?

Тут то я и наткнулся на жандармскаго унтера. Добродушные усища и три, гладко выбритых, подбородка, словно, подсказали:

"Могу ли говорить с вашим начальником?"

"С ротмистром? А почему нѣт? Через часик заглянет, но не на долго, минут на десять - не прозѣвайте".

Прикидываю в умѣ: во первых - всего лишь с одним просвѣтом, во вторых - блюститель порядка, в третьих - не врач. Была не была - может и посчастливится. И я приготовил обширную, убѣдительную рѣчь.

Но когда предстал перед, немигающими и проницательными, глазами ротмистра, мой, стройно сложенный, монолог превратился в кашу.

"Ястреб", подвернулось сравненіе, и начал я, спотыкаясь, как хромая кляча, разсказывать басни о внезапной температурѣ, об ознобѣ, о трех безсонных ночах, о слабости во всѣх костях и суставах.

"Что ж вы от меня хотите? - ѣл меня глазами ротмистр.

"Я покорнѣйше просил бы... чтобы вы... если будете так добры... на отпускном билетѣ... что я опаздываю на три дня... из за температуры."

"Довольно долго вас трясло. Какой же милосердный самарянин вас пріютил? Или, может быть, пока вы температурили, пароход бросил якорь и три дня стоял?"

"Никак нѣт... пароход шол..."

Ротмистр закурил папиросу и откинулся на спинку стула.

"И кто вас надоумил обратиться ко мнѣ? Я в тюрьму сажаю, а болѣзной не лечу. Отправляйтесь ка в госпиталь!"

"Господин ротмистр"... по голосу не трудно было понять мое душевное состояніе.

Около ястребиных глаз заиграли коротенькія морщинки, губы чуть-чуть улыбнулись.

"Я убѣжден - из госпиталя вас с позором выставят. Вы, кадетствующій,

навѣрно, думали так: может статься ротмистр из шпачков, мальчик с вокзала. Попробую, мол, этой шляпѣ втереть очки. Ошибаетесь, дорогуша! Я кадет, да еще какой! Из хронических "камчадалов" Девять лѣт протирал парты! Профессор ловченья. Штук двадцать термометров испортил щелчками и натираніем. Фельдшеров гипнотизировал. Между докторскими ногами в лазарет пролѣзал. Говорите ка прямо, без зигзагов и окружностей:выручайте,мол, господин ротмистр - влип!"

Сразу отлегло от сердца.

"Ястреб то из нашего десятка" - мелькнула радостная мысль.

И в открытую: "так точно, влип, господин ротмистр!"

"Так бы с самого начала. И мнѣ легче соображать. А то, этакій поджареный розанчик заныл и заохал. Ни один врач не повѣрит. Расперло во всѣ стороны, словно от толокна, или от рыбьяго жира. Но,конечно, температура могла быть ненормальной!"

И прищурив ястребиный глаз,прицѣлившись,так и всадил в самую середину мишени: "А как зовут болѣзнь - Катенька, или Мурочка?"

"Танечка, господин ротмистр," - покраснѣл я.

"О-о-о!" - протянул он, широко улыбаясь. "Ласковое имя. Чисто русское. Хорошенькая?"

"Очень хорошенькая, господин ротмистр!"

"Танечки должны быть хорошенькими," убѣжденно заявил он."В каком классѣ?"

"В пятом."

"Счастливица! Я и сам бы еще девять лѣт прокадетствовал, да к сожалѣнію не полагается. У Танечки и загостились?"

"Так точно. У ея мамы в имѣніи."

Ротмистр положил перед собой лист бумаги с офиціальным бланком и задумался.

"По правилу вам надлежало обратиться не ко мнѣ. Но болѣзнь ваша не для докторов, не для коменданта... и уж ежели спасать, то придется выдумать цѣлый разсказ.А вы садитесь и,пока здѣсь никого нѣт, можете курить".

Он начал писать, иногда разсуждая вслух, как бы сам с собой.

"Преступленіе не великое. С кѣм не бывало. Корпус не провалится в преисподнюю, если выручу влюбленнаго кадета. И нѣт худа без добра... за время отсутствія внезапно раненаго Амуром, отдохнет начальство,цѣлых три дня. А язык спрятать за зубы... и поглубже, особенно если имѣются племяннички дядюшек-звѣрей, чтобы не получился конфуз..."

А потом ко мнѣ: "кто ротный?"

"Полковник фон-Дреер".

Он покачал головой. "Без печати не обойдется. Нѣмцы, они службисты. Педанты, не дай Бог. У них все по параграфу. Не пропустят случая - взгрѣют. За три дня опозданія, без уважительных причин, балл по поведенію и мѣсяц без отпуска. Унас было так. А у вас?"

"Навѣрно, господин ротмистр, так же."

"Скверно! Особенно если балл не нормальный, как и ваша температура. Но я, вы и Танечка знаем, что причина вполнѣ уважительная - всемогущая любовь; поэтому и получите во избавленіе от мук". И он передал мнѣ письмо.

"Что я мог написать вашему ротному? Что вы в дорогѣ заболѣли, обратились ко мнѣ, к первому встрѣчному офицеру. Чтобы вам не таскаться,с температурой, по амбулаторіям и лазаретам,в чужом городѣ, я взял вас к себѣ домой. Отлежали три дня и поправились. А лечил частный врач, мой сосѣд, Исаак Давидович Зильберштейн. Думаю, что мой разсказик вам,все-таки, поможет."

"Покорнѣйше благодарю, господин ротмистр!" И чуть не заорал - ура. Надежда на помощь только теплилась, но такого мягкаго порыва я,конечно, не ожидал.

Он посмотрѣл на часы и встал.

"А как у вас, Суворовец, насчет аппетита. Голодны?"
"Никак нѣт, сыт".
"Отставить!" - весело махнул рукой, -"кадет всегда голоден,сколько бы не кормили. Надо отвѣчать - не смѣю отказаться. Кромѣ того вам необходимо посмотрѣть мою квартиру. Ловчить, так уж отчетливо. Спросят вас, как живет ротмистр - и начнете строить дымныя кельи. Зал, мол, двусвѣтный. В одном углу бэкеровскій рояль, в другом, под кокосовой пальмой, мраморная статуя Лины Кавальери. Столовая, мол, рѣзного орѣха с бронзой. На кровати лебяжья перина под шелковым, стеганом одѣялом. А у меня ничего подобнаго. На таких мелочах преступников и подлавливают.
Пока будете насыщаться - присмотритесь.
Тогда и отчеканите без запинки - так, мол, и так. В пустом зальцѣ свѣжій воздух, грамофон и канарейка. В столовой меболишка неизвѣстнаго стиля, но брюк не продирает. Посуда сборная, несмотря на это, ѣст ротмистр каждый день и довольно вкусно. Кровать, хоть и твердоватая, однако я на ней отлежался и выздоровѣл. А лечил носатый, ухатый и губатый жидок, в ермолкѣ, Исаак Зильберштейн - доктор на "ять" и личность политически благонадежная.
Да... вот еще один вопрос. Деньги то кормежныя у вас есть, или все до копѣйки прокутили с Таночкой? Хорошенькія женщины очень требовательны и дорого обходятся нашему брату."
"Ну, как же можно, господин ротмистр!" - совсѣм смутился я, "денег хватит".
"Тогда, шагом марш, на обѣд!" - скомандовал он.

-.-

В мое денежное благополучіе, ротмистр, повидимому, не повѣрил. К кулечку, полученному от Таниной мамы, присоединился и его пакет.
Уже сидя в вагонѣ, я полюбопытствовал, чѣм меня снабдил ротмистр, и между вкусным дорожным провіантом нашел даже пачку асмоловских папирос.

-.-

Полковник Дрер долго разсматривал письмо ротмистра.
Может быть, зная мои повадки, о чем то хотѣл распросить подробнѣе, но воздержался.
Письмо заканчивалось подписью такого же офицера, как и он сам.
Легкая улыбка чуть скривила рыжіе усы и подусники.
"А скажите... что ротмистр... из кадет?"
"Из кадет, господин полковник."
"Ну, ну... хорошо... можете идти!"

-.-

П О Р У Ч И К.

Прохаживаясь по перрону, я замѣтил, что у ожидавших поѣзд - маленькаго кадетика Аракчеевца и его сестры - произошло несчастье.
Сестра, навѣрно, уже курсистка, лихорадочно рылась в дорожной сумочкѣ.
"Может быть в карманах, Катя," нетерпѣливо подсказывал кадетик,"или в перчатках? Выверни их как слѣдует!"
"Ну,нѣт. Нѣт нигдѣ! И все из за проклятаго насморка. Навѣрно,вмѣстѣ с носовым платком... понимаешь? Вынула платок, он и выпал. Боже мой, что же мы будем дѣлать? И, словно дѣйствительно, спрашивая Бога в отчаяніи запрокинула голову.
"Надо заявить в жандармское отдѣленіе,Катя,как можно скорѣе".
"Ах, милый мой, кто найдет, вѣрнѣе всего, перепродаст за пол-цѣны; или уже затоптали ногами. Господи, Господи, за что такое наказаніе?" На ея ресницах блестѣли слезы. "Придется телеграфировать папѣ... Подумай, бѣдному папѣ двойной расход".

"Катя, заяви сейчас же," настаивал кадет, "а вдруг, а вдруг его нашел честный человѣк?"

"Ну, хорошо! Сторожи вещи, я побѣгу... хотя и не вѣрю".

Из разговора не трудно было вывести, что дѣвушка потеряла проѣздной билет.

"Эх," думаю, "неудачники. А, что если их папа "вѣчный капитуся," у котораго каждый грошик на счету?"

И вот, вижу, стоит недалеко какой то сапер, поручик, и внимательно наблюдает всю эту сцену.

Проходя мимо него, я откозырнул. Он знаком подозвал меня и спросил приглушенным голосом: "что там произошло?"

"Мнѣ кажется, барышня потеряла билет, господин поручик".

Поручик, как от боли, сморщился.

"Бѣдная, бѣдная! И кадетишку жаль. К мамѣ и папѣ торопится. Совсѣм,пузырь, разстроился. Не знаете куды они ѣдут?"

"Никак нѣт".

"Слушайте!" Оживился поручик. "А, ну ка поможем." Он совсѣм склонился к моему уху. "Понимаете ли, мнѣ, офицеру, как то неудобно, хотя бы из за этой барышни. А вам, кадету ловчее. Подойдите к мальчику и узнайте куда они ѣдут. Но время не терпит. Вы Суворовец, так и дѣйствуйте по Суворовски... Раз, два! Быстрота и натиск!"

Подошел я к маленькому Аракчеевцу, вѣроятнѣе всего, первокласснику. Рожица совсѣм печальная. Но он вытянулся и отчетливо привѣтствовал меня, как старшого.

Я - ласково: "ну как, Аракчеевец, в отпуск?"

"Так точно."

"Далеко ли?"

"Порядочно. Двое суток." И он назвал город. "А, вот не знаю,удастся ли сегодня выѣхать?" И в голосѣ его опять прозвучала тревога.

"Почему?"

"Сестра билет потеряла. Я свой в фуражкѣ ношу; никогда не выпадет. А она... ну,знаете,по бабски... то в сумочку ткнет, то в перчатку, то в карман... а у них карманы ерундовые, мелкіе, не такіе как наши."

"Заявили?"

"Пошла заявить."

"Ничего, Аракчеевец, Бог даст найдется."

Названіе города я, сразу же, сообщил поручику.

"Спасибо, голубчик! Теперь, подождите меня минут десять и не теряйте их из вида. Есть у вас время?"

"Еще тридцать минут, господин поручик."

"Отлично!" И он исчез.

Я видѣл, как вернулась сестра кадетика, что то говорила, безнадежно разводя руками, а он совсѣм повѣсил нос.

Через десять минут появился поручик.

Спрашивает торопливо: "здѣсь еще?"

"Здѣсь, господин поручик."

Он шумно вздохнул, будто, послѣ продолжительнаго бѣга.

"Остается только половчее передать... понимаете... чтобы, Боже упаси, не обидѣть. Я,конечно,не могу. И вам, пожалуй не того... начнут распрашивать. Как же быть? Ах,вот что... Молодец!" - крикнул он проходившему с сундучком солдату, - "поди ка сюда!"

Солдат подбѣжал рысцой.

"На побывку?"

"С побывки, ваше благородіе."

"Отдохнул?"

"Отдохнул, ваше благородіе."

"Вот, братец, и сослужи службу. А всей службы на одну минуту."

"Прикажите, ваше благородіе."

"Видишь ты, вон там, кадетика и барышню? Подойди к барышнѣ, сунь ей в руку этот билет и скажи: -видѣл,мол,что обронили, да сразу, в сумятохѣ разыскать вас не мог, - и не ожидая отвѣта - ходу! Слышишь ли? Ходу, без оглядки! Вот тебѣ на пол-бутылки, хлебнешь за мое здоровье. Все понял?"

"Так точно! Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе."

"Жарь, брат, а то они уйдут!"

Дальнѣйшее произошло с быстротой кинематографической картины.

Неожиданно получив билет, барышня всплеснула руками и громко ахнула.

Кадетик разинул рот и вытаращил глаза, а солдат, словно, провалился сквозь землю.

"Подумайте!" - только и могла произнести ошеломленная дѣвушка, оглядываясь во всѣ стороны.

А поручик заливался счастливым смѣхом. "Молодец земляк!"

Расхохотался и я.

Братец и сестрица,подхватив корзинки, неслись к уже поданному поѣзду.

Мы услышали, как кадетик, проходя мимо, взволнованно-назидательным голосом, поучал сестру. "Знай, солдат должен быть честным! Как ты этого не понимаешь, Катя?"

"Вот оно - убѣжденіе с дѣтства!" Подтолкнул меня поручик. "А в корпусѣ еще и подперчат!"

"И вы Аракчеевец, господин поручик?"

"Нѣт. Я Симбирскаго. Да не все ли равно, дорогой мой? Всѣ мы из одной семьи. Только много нас, потому и живем в разных комнатах. А вѣдь правда, кадет, тепло на душѣ, когда сдѣлаешь доброе дѣло?"

"Тепло, господин поручик."

"Вот видите! Навѣрно тепло и земляку, а будет еще теплѣе послѣ полбутылки. И знаете... жалко, что всю эту исторію не удалось наблюдать писателю, знакомому с военной жизнью... Ну, скажем, Немировичу-Данченко, Каразину, а еще лучше Куприну. Мог бы получиться славный разсказик, как офицер, кадет и солдат сдѣлали доброе дѣло."

"Вѣрнѣе, господин поручик, как вы сдѣлали доброе дѣло," замѣтил я.

"О,нѣт! Без вас и без земляка, возможно ничего и не вышло бы. Во всяком случаѣ не вышло бы так быстро, безболѣзненно и так... и так замѣчательно хорошо! Запомнится вам этот случай?"

"На всю жизнь!"

"Ну, еще раз сердечное спасибо и до свиданія. Чорез пять минут отходит мой поѣзд."

"Рад стараться, господин поручик, и счастливаго пути!"

Он крѣпко пожал мою руку.

-.-

Иду по темной, безлюдной улицѣ...

И послѣ всего, что вспомнилось, ясно представил себѣ, поднятый указательный палец милѣйшаго Никифора Ивановича -

- "Именно-с, господа офицеры!"

Сидней 1956 г. Л.П.ЛИНЕВИЧ /Турбин/ XI вып.

ШТЫК. ПЕРВАЯ РОТА. ЖУРНАЛ "СУВОРОВЕЦ".

Прежде всего позволю себѣ внести поправку повсюду, гдѣ писалось о "винтовкѣ" в корпусѣ. Милый Нитц, а с ним и другіе ошибаются. В корпусѣ была не "берданка," а "3-х линейная винтовка образца и т.д.", да еще вдобавок "кавалерійскаго образца," т.е. на I фунт легче и на I0 сант. короче. Иначе была бы катастрофа с цѣлой семьей "великанов," лѣвофланговых "Юзефовичей" /их было у нас три, всѣ вице-унтер-офицеры и всѣ как на подбор "карапузы"./

Эти же винтовки были привезены из Варшавы в Москву. Так что и в I6-м

году, когда я уже не был, были все тѣ же кавалерійскія винтовки.Однозарядная "берданка" в руках у меня, в корпусѣ, никогда не была.

Почему я вспомнил, очень просто, я думал не о "винтовкѣ",а о "штыкѣ." Штык был, дѣйствительно, от берданки, невыразимо длинный, и на боку "Юзефовичей",Витте и вашего покорнаго слуги, он отчасти напоминал палаш кирасира. /Это, конечно, только "гипербола",как нас учили, по теоріи словесности, разные милые Линчевскіе, Бабенчиковы - будь им всѣм земля пухом; учителей русскаго языка не было ни одного злого - видно предмет уж такой/. Дорогому А.Н.Потапову это, конечно, непонятно - он из правофланговых; и какому нибудь Горскому, у котораго /будучи в первом классѣ/ я между ног проходил, дѣйствительно, на бок хоть палаш привѣсь - он штыком будет казаться.

Все это не к дѣлу и не будем торопиться,/время под старость у нас есть/.

Главное лирика. Ею была обвѣяна вся военная служба в арміи - будь это штыки,сабли или даже пушки. В доказательство...

Сидят это, году в 19-ом, в Екатеринодарѣ, за бутылкой водки, четыре Суворовца: милый гимнаст и фехтовальщик Страшкевич; он, как извѣстно, стрѣлок; перебитый нерв ему не мѣшает глотать "по одной с повтореніем"; /впрочем у Николая Николаевича это, очевидно, прирожденное - как и у большинства из нас - сам же он описывает, что в лагерѣ водку дул."Помилуй Бог! как говорил наш Шеф, а с виду? - и воды не замутит/; затѣм - два кавалериста: один Волынскій улан Николаев Илькюша, второй - тоже хоть улан Харьковскій, но немного полупьяный /х/. Как необходимое пополненіе к этому случайному "Суворовскому объединенію," надо не забыть самого главнаго - нашего хозяина /квартиры/ Петю Кирѣенко 2-го; он был артиллерист. Как и нынѣ, в объединеніях существуют "прикомандированные из других частей," так и тогда таким"прикомандированным," на подкрѣпленіе хозяину, был его курсовой офицер, конечно, тоже артиллерист. Так что "боевыя" силы,случайнаго "Суворовскаго объединенія,"распредѣлялись довольно не равно: на одного представителя стрѣлков было два кавалериста и два артиллериста.

И вдруг, воображая себя Шаляпиным, Николаев завел:

"Вы замундштучили меня
И полным вьюком осѣдлали"... Старо как свѣт, почти как сама любовь; еще у Крестовскаго в "Очерках кавалерійской жизни" стоит.

Ну, а тут за новой бутылочкой, /"прикомандированный" вез спирт для бронепоѣзда; я не артиллерист и не знаю зачѣм бронепоѣзду алкоголь - для смазки ли колес, или для промыванія пушечных стволов, но мы помогали уменьшить груз/ когда Николаев выводил:

"Ваш голос милый, музыкальный, В сто крат вѣрнѣй трубы сигнальной
Милѣе щелканья бича В устах лихого трубача"....

хозяин дома, Петя Кирѣенко, и "прикомандированный заявили: -"как так, у вас всякая лирика, а мы, в стихах, не можем в любви объясниться!"

Заявленіе было признано обоснованным и предсѣдатель, Страшкевич, выразил желаніе, чтобы немедленно было сочинено "объясненіе в любви артиллериста". Пришлось освѣдомиться о нѣкоторых артиллерійских наименованіях, /в Елисаветградѣ по этой наукѣ, по традиціи, нельзя было имѣть больше семи баллов/,что то в родѣ силы "ро" и, кажется,еще какой то "зет".

Постараюсь вспомнить, хоть пару строф из этого лирическаго произведенія:

Когда стою на батареѣ, Прощай вся вѣрность попаданья,
Перед открытіем огня, Вѣдь мысль о пушкѣ далека,
И слышу -"два нуля правѣе," И сколько б не было старанья,
Я вспоминаю вдруг тебя... Промажу я навѣрняка!..

Нѣт,это не так начиналось, уже забыл за тридцать семь лѣт...

Твой голос!..вѣдь сама мортира,
Едва ли может быть звучнѣй.
Клянусь я честію мундира,
Забуду для тебя о ней.

Клянуся,всѣх калибров,пушкой,
Замком,прицѣлом,силой "ро",
Готов,тебѣ,я быть игрушкой,
Чѣм лишь захочешь - все равно!

Конец был слѣдующій:

И если я тебя забуду,
Хоть на мгновеніе одно -

Пусть,вмѣсто бархата, я буду
Носить... пѣхотное сукно!

Это было посвященіе хозяину дома - тяжелой артиллеріи штабс-капитану Петѣ Кирѣенко 2-му /X вып./

Да, лирика - вот это, можно сказать, настоящая "лирика"; такой"милитаристической" лирики ни один "антимилитарист" не осудит. Вспоминает ли Н.Н.Страшкевич этот майскій вечер 1919 года, в Екатеринодарѣ?

Вот! Увлекся лирикой и от штыка в Варшавѣ перескочил к "объединенію в Екатеринодарѣ. Под старость мысль идет скачками и изложеніе не льется так плавно, как в юные годы, да за бокалом вина.

Итак, к темѣ.

Конечно, вторая рота тоже пользовалась своими привилегіями: уже не ловили курящих, можно было гулять по всѣм трем плацам и т.д. Но переход в первую роту - это было нѣчто значительное. Строевая рота - оружіе и штык на поясѣ в отпуску. А так как этот штык, законным порядком, получался только послѣ каникул, уже в шестом классѣ, и то послѣ безконечных процедур, как сдача экзамена по сборкѣ и разборкѣ винтовки и прочаго, то являлось необходимым пріобрѣсти штык сейчас же, перед отпуском, чтобы домой явиться "при оружіи".

На помощь приходил оружейный мастер,/был у нас такой/; у него, за два или три рубля, покупался штык; но штыки он продавал только от 3-х линейной винтовки, т.е. маленькіе; берданочные же штыки хранились у "каптера" I-й роты. Мнѣ это было на руку, а вот мой пріятель, Лызлов Володя, правофланговый второй шеренги, был огромнаго роста и на нем маленькій штычек казался, дѣйствительно, не подходящим. Здорово смѣшно было смотрѣть.

Но, довольно! Главное сдѣлано - штык куплен; лѣтній отпуск проведен и... I5 августа, мы в корпусѣ...

В первой ротѣ!

Это все уже по иному. Здѣсь тебѣ и биллiард, а около биллiарда библіотечный шкаф, закленный формами полков Россійской арміи,/так, что и книг то не видно/. Здѣсь седьмому классу надо говорить "г-н юнкер". Картины там всякія: большія фотографіи всѣх выпусков; над роялем висит большая картина, написанная Стельмашенко /VIII вып./; в библіотекѣ картина Льва Андреевича "Основаніе корпуса". В каком то убогом помѣщеніи, с слабо льющимся из окна свѣтом, священник служит молебен; стоит Лавров, сзади выглядывает "Ерема" и сам творец картины Гейне.

Как то спрашиваю его: "Лев Андреевич, почему вы их всѣх так написали?"

"Как - так?"

"Ну так... как сказать... приземистыми, коротконогими..."

"Да они такіе и есть, я их такими и написал".

Ничего не подѣлаешь - не польстил.

Новый вице-фельдфебель - еще с вице-унтер-офицерскими погонами - Н.фон Эссен, вылощенный, высокій, поэтому кажется худоватым, необычайно аккуратненькій, но это так и полагается. Ряд других, чающих к I-му октября получить нашивки.

В первой ротѣ все чинно и спокойно; свободы много - по всему корпусу можно ходить, не спрашивая дежурнаго воспитателя; на прогулки не гонят; спальня всегда открыта, но туда ходят только по необходимости - захватить папиросы из ночного столика; годами выработалась привычка и возможностью,пройти в спальню,не злоупотребляют.

Свободно было вполнѣ. Помню на недѣлѣ были гастроли Бакланова; я

был и на "Демонѣ",и на "Риголетто",вмѣсто вечерних занятій. Не пропустил ни одного спектакля пріезжей "Александринки".

Любовь погулять по Варшавѣ, и свобода приходить и уходить когда угодно, послужила основаніем для возникновенія журнала "Суворовец", вышедшаго печатным способом, в обложкѣ сѣраго цвѣта, с корпусным значком по серединѣ. К сожалѣнію, послѣ перваго номера, вышедшаго в количествѣ нѣсколькихсот экземпляров, изданіе прекратилось.

Вот как это было.

Еще с 5-го класса, второй ключ от рисовальнаго класса был у меня; там я проводил все свое свободное время. Постоянным моим товарищем,был Ильюша Файницкій; заходил часто и Денисов, любя наше общество, хотя живописью не увлекался. Вот там то и возникла мысль издать "настоящій" журнал.

Правда, было поздно: уже шло второе полугодіе; но т.к. Файницкій рѣшил остаться на второй год в седьмом классѣ, из за крупных недоразумѣній с математикой и языками, а я и Денисов науками занимались очень мало; добрые учителя, несмотря на то,что на их уроках мы оба часто занимались посторонним дѣлом, все же ставили нам удовлетворительные баллы, а этого нам было болѣе чѣм достаточно; оба мы продполагали выйти - один в Елисаветград, другой в Тверь - так что о научных карьерах не мечтали и всѣ баллы, от 6-ти до 12-ти, для нас были равны.

Все это обуславливало возможность, вмѣсто серьезной подготовки к экзаменам, заняться изданіем журнала.

Моя репутація, в глазах Ваулина, была сильно сомнительной, а разрѣшеніе надо было получить.

Я подѣлился мыслью с В.П.Бабенчиковым. Его это увлекло; обѣщал содѣйствовать. Труднѣе было с начальством.

Мой отдѣленный, подполковник Б.А.Раздеришин, как то странно относился ко мнѣ: уѣзжал ли я, в серединѣ четверти, домой, пріѣзжал ли, выкидывал ли какую либо штуку, /что бывало не рѣдко/,я никогда, за четыре года, не слышал от него замѣчаній; как будто я не существовал для него; только иногда, когда я на послѣдней партѣ что либо рисовал, подходил и долго смотрѣл. К моему удивленію, он,к мысли о "Суворовцѣ",отнесся очень одобрительно и даже сказал, что надо издать самым настоящим печатным способом, и что он переговорит с начальством.

Дѣйствительно, через нѣсколько дней, Борис Аркадьевич сказал мнѣ, что идея одобрена, и что нам гарантирована даже матеріальная возможность издать типографским способом, но, конечно, весь матеріал подвергается его, Раздеришина, цензурѣ. Кстати сказать, Борис Аркадьевич единственно что забраковал - это нарисованную мной обложку,/что то очень сложное/,сказав, что клише будет дорого стоить. Его же идея была - /как ни странно почти та же, что и теперь у нашего Потапыча/,на сѣрой обложкѣ, немного выше середины, наш жетон "Суворова побѣдам" и ниже - "Суворовец".

"Редакція" была из Файницкаго и Денисова. Званіе "издателя" было опредѣлено за мной. Фактически же все оставалось только в моих руках,т. к. Файницкій всегда был со мной согласен, а Денисова интересовала возможность улепетывать со мной, в любое время, в город.

Литературный матеріал набрался очень скоро. В XII или XI выпускѣ был кадет /фамилію не помню/, очень талантливо писавшій стихи; помню, в один из пріѣздов Великаго Князя, он,со сцены,декламировал нѣсколько своих вещей, которыя Великій Князь очень одобрил; от него я получил два стихотворенія. Т.к. дѣло шло к Пасхѣ, сам написал что то три-четыре строфы о колоколах, веснѣ и птицах,/вообще на Пасхальныя темы./ Всеволод Костецкій дал, хорошо написанный, историческій разсказ о каком то "испанском грандѣ". Я написал "охотничій" разсказ по сюжету, слышанному мной от отца, который едва не погиб однажды на охотѣ, в наших знаменитых Полѣсских болотах. Написал также критику на спектакль

традиціоннаго "Измаила".Было трудно: каждый хотѣл, чтобы его похвалили. Мою очень длинную рецензію, к счастью, основательно сократил "цензор" Борис Аркадьевич,/это впрочем единственное проявленіе его цензорской дѣятельности/. Что то юмористическое, написал Денисов; какой то разсказик - Снитковскій /X вып./ и еще кто то. Отдѣл "хроники" отсутствовал. Опредѣленно "военных" разсказов тоже не было. Матеріала же набралось болѣе чѣм достаточно.

Тут то для меня и Денисова настало благодатное время: два три раза в недѣлю, мы, послѣ обѣда, одѣвались и,явившись дежурному, отправлялись, под предлогом журнальных дѣл, гулять по Варшавѣ,или в Лазенки. Уже была весна и представлялось интереснымне только съѣсть пирожное у Лярделли, или выпить кофе в какой нибудь "цукорнѣ", но и просто пошататься по Уяздовской и Бельведерской.

Близость конца года меня тревожила; я даже продложил отставить выпуск перваго номера "Суворовца" до новаго учебнаго года; к моему удивленію, воспротивился сам Б.А.Раздеришин, считая, что дѣло откладывать нельзя. "Ерема",по своему, подтрунивал над нами. "Ты,брат,Файницкій, литература как литература, а вот постригся бы, а то волосы у тебя отросли как у протодіакона!"

Удалось журнал выпустить в самом концѣ апрѣля, еще до разъѣзда младших классов на каникулы.

Как хорошо пахли стопки свѣжо отпечатанных номеров.

А в открытыя окна врывался чудный весенній воздух Бельведерской и Лазенок.

\- - - ... - - -

Номер второй журнала "Суворовец" уже не вышел. Первый же был раскуплен до послѣдняго номера, несмотря на то что цѣна была довольно высокая; что то около полтинника. Это окупило всѣ наши типографскіе расходы, а прибыль пошла в Фонд Взаимопомощи Суворовцев.

Как это далеко! Грянула война....

Александр ПЯТИБОКОВ /X выпуска/.

ВОСПОМИНАНІЕ О ПОСЛѢДНИХ ДНЯХ КОРПУСНОЙ ЖИЗНИ.

Помню тонкую книжку в темно-голубом переплетѣ,которую я получил в 1914 году,перейдя в 7-й класс,уже в Москвѣ. На обложкѣ читаю:Ген.Попруженко "Анализ безконечно малых величин".Перелистывая,вижу какіе то кресты,с вплетенными в них кривыми, какія то горизонтальныя восьмерки и другіе математическіе знаки,которые я уже знал из прошлаго курся геометріи Киселева. Своим,16-ти лѣтним умом,сразу же рѣшил, что раз это величины безконечно малыя,то не стоит обращать на них вниманіе и тѣм болѣе изучать их. Таким образом эта книженка отправилась в "глубокій резерв" ящика в столикѣ,ибо парт не было;их сдали,вмѣстѣ с нашим родным гнѣздом,на милость временнаго побѣдителя. Мѣсяца три спустя,листок моей письменной работы,на тему об этих безконечно малых пустяках,украсился "сочной" двойкой,выведенной рукой преподавателя математики Винокурова. Это меня заставило заглянуть в эту генеральскую книженку и,конечно,мало что понять.

Нѣсколько дней спустя,из газеты "Русское слово",которую я покупал по утрам,идя в классное помѣщеніе,узнаю, что в училище принимают с 6-ти классным образованіем. Это извѣстіе окончатольно успокоило меня и я совершенно забросил эту "высшую математику",зная,что средній балл я все же буду имѣть - вывезут другіе предметы,в особенности языки,по которым меньше II-I2 у меня никогда не было. Мой расчет оказался плохим и я получил,по анализу,переэкзаменовку,а Юра Баер - по алгебрѣ. Срок подготовки 3 дня. То что не осилил за год,нельзя осилить за 3 дня и,поэтому, мы с Юрой рѣшили провести это время как можно веселѣй и о,как нам казалось,ненужной математикѣ,даже не вспоминать.

Настал день"испытанія!" Я спрашиваю Юру: "ты знаешь что либо?"

"Ни бум-бум!" - послѣдовал отвѣт. "А я и того меньше!"

Рѣшили положиться на судьбу. Но нам обоим хотѣлось быть не просто кадетами-Суворовцами,а кадетами X-го выпуска,а это почетное званіе дает только окончаніе корпуса. Все будет зависѣть от экзаменатора,т.к.на безсердечнаго "краснаго академика" Ваулина,нашего директора,разсчитывать не приходится. Нас экзаменовал милѣйшій Лохов. Не дав ему сказать ни слова и только отвѣтив на его привѣтствіе,я ему сказал,приблизительно слѣдующее:"Всѣ наши товарищи /тогда это не было ругательным словом/ уже чувствуют себя юнкерами. От вас,господин преподаватель,зависит дать нам окончить корпус,или уйти с 6-ти классным образованіем,т.к.на 2-й год мы не останемся. Оба мы выходим в пѣхотныя училища.В пѣхотѣ,как вы знаете потери большія."

Послѣдовала пауза. "Начертите мнѣ координаты." Начертил.

"Гдѣ плюс,гдѣминус?" - "Выше плюс, ниже минус."

"Куда уходят эти линіи послѣ пересѣченія?" - "В безконечность."

"Как называется эта линія?" - "Гипербола." "А эта?" - "Парабола."

"Вы знаете больше,чѣм вам пригодится в пѣхотѣ.Ставлю вам 8 и желаю успѣха в училищѣ." Я не могу сдержать своей радости и,забыв о дисциплинѣ, подпрыгиваю. Юрѣ были заданы тожо простые вопросы и он тоже получил 8.

Через день узнаем,что мы назначены в Кіевское училище,т.к.в Александровском и в Павловском вакансій больше нѣт. Снова держим с Юрой"военный совѣт".Рѣшили попытать счастья и пойти самим в Александровское училище. Приходим. Встрѣчает нас адьютант ген.Геништа,начальника училища,если не ошибаюсь,шт.-кап.Красовскій. Вытянувшись в струнку,объясняем наше дѣло.

"Подождите,кадеты,я доложу его превосходительству." Ждем. Сердце бьется. Наконец, адьютант выходит и говорит: "Его превосходительство хочет вас видѣть."

Входим в кабинет. За столом сидит сѣдой генерал в формѣ командная состава училища. Вытягиваемся вторично.

"Здравствуйте,кадеты."

"Здравія желаем, Ваше превосходительство!"

"Итак,я слышал,что вы хотите стать Александровцами?"

"Так точно, Ваше превосходительство!"

Обращаясь к адьютанту: "Я не могу отказать кадетам, /слово кадетам произнес с ударенiем/,искренно желающим окончить наше училище. Зачислите вот этого",указав на меня, "в роту Его Величества, а этого в третью."

Обращаясь к нам: "довольны?"

"Так точно,Ваше превосходительство! Покорнѣйше благодарим!"

Отчетливо повернувшись налѣво кругом, мы пулей вылетаем на улицу,гдѣ наши сіяющія лица обращают на себя вниманіе прохожих.

Затягиваем: "Безкозырки тонныя,
Сапоги фасонные -
Это Александровцы
На съемку идут"...

Позже, уже юнкером, при посѣщеніи мною корпуса, встрѣтил генерала Ваулина.

"Как это так, что вы в Александровском училищѣ?"

Объяснил.

"Но хорошо, не хорошо, что меня обошли."

Несмотря на мои десять с лишним в среднем,портупей-юнкером я не был, хотя был на отличном счету у легендарно строгаго, но любимаго командира роты Его Величества, Капитана Мансурадзе.

Вывод напрашивается сам собой...

В.ЗАТКАЛИК /X выпуска./

ИЗ "Ч Е Р Н О В О Й Т Е Т Р А Д И" И ИЗ АРХИВА ОБъЕДИНЕНІЯ.

Примѣчаніе. С разрѣшенія Дмитрія Александровича Погорецкаго /в.у.о. УІ вып./ помѣщается копія его аттестата. Возможно, что многіе и забыли, как выглядит /приблизительно/ и что содержит в себѣ такая бумага - так вот для возобновленія в памяти и сохраненія "для потомства".

А Т Т Е С Т А Т

От Суворовскаго кадетскаго корпуса дан сей аттестат кадету УІІ класса Дмитрію Александровичу ПОГОРЕЦКОМУ сыну ротмистра, в том, что названный кадет, при очень хорошем поведеніи и такой же нравственности, успѣшно окончил полный курс кадетскаго корпуса и, на основаніи результатов окончательных испытаній, получил нижеслѣдующую оцѣнку познаній:

	Из Закона Божія	І2	двѣнадцать
	" Русскаго - письменныя работы.....	8	восемь
	- грамматика.....	-	------
	языка - словесность.....	ІІ	одиннадцать
	" Французскаго языка	9	девять
	" Нѣмецкаго языка	І0	десять
	" Ариѳметики.....	ІІ	одиннадцать
	" Алгебры	8	восемь
	" Геометріи /с прилож.алгебры к геометріи/	9	девять
№2І06	" Тригонометріи	І2	двѣнадцать
	" Аналитической геометріи	ІІ	одиннадцать
	" Естественной исторіи	І2	двѣнадцать
	" Физики	ІІ	одиннадцать
	" Космографіи	ІІ	одиннадцать
	" Географіи	І0	десять
	" Исторіи	9	девять
	" Законовѣдѣнія	І2	двѣнадцать
	" Химіи	І0	десять
	" Рисованія	І2	двѣнадцать
	С у м м а баллов І88		сто восемь-десят восемь
	Средній б а л л І0,44		

В виду сего, означенный кадет, как успѣшно окончившій /в оригиналѣ перенос на вторую страницу/ курс средняго учебнаго заведенія, может пользоваться вообще служебными преимуществами, сопряженными с полученным им образованіем, а при поступленіи в военную службу - правами І-го разряда вольноопредѣляющихся или первой степени поступающих по жеребью. В удостовѣреніе чего и выдан ему ДМИТРІЮ ПОГОРЕЦКОМУ сей аттестат, за надлежащею подписью, с приложеніем печати корпуса.

г.Варшава, 3І мая І9ІІ года.

/Печать корпуса/ ДИРЕКТОР КОРПУСА,
Генерал-лейтенант ВАУЛИН
ИНСПЕКТОР КЛАССОВ,
Генерал-маіор МАРТОС
СЕКРЕТАРЬ
Надворный совѣтник МИХАЙЛОВ

-----oooOooo-----

ПИСЬМО "В РЕДАКЦІЮ" Н.Н.СТРАШКЕВИЧА./Примѣчаніе. Помѣщено с разрѣшенія писавшаго и К.В.Соколова./

Дорогой Александр Николаевич, посылаю Тебѣ нѣкоторое дополненіе к вступительной части "Звѣріады", сообщенной К.В.Соколовым, а кстати выскажусь по поводу его замѣтки о Степанѣ Ниловичѣ Лавровѣ, помѣщенной в №5 "Суворовцы".

У С.Н.Лаврова было два прозвища: "Папаша" и "Крючек". Первое перешло от "звѣрей", называвших его так за глаза. Второе - чисто кадетское, вызванное не только его палкой с крючкообразной ручкой, но и довольно частым ея примѣненіем. Обычно в младших классах, послѣ команды "вольно", продолжалась возня, прерванная появленіем директора, и,в увлеченіи,возящіеся оказывались так близко от Лаврова, что рисковали налетѣть на него. Тогда на сцену выступал его "крючек", которым он захватывал одного из ближайших и подтягивал его к себѣ. Это относительно происхожденія прозвища "Крючек".

К.В.Соколов пишет: "Теперь, оглядываясь назад, мы видим все в розовом свѣтѣ и считаем Лаврова идеальным директором..." Я внимательно прочел все, что писалось о Лавровѣ в наших сборниках и не нашел ничего такого, что потверждало бы вывод, сдѣланный Константином Владимировичем. Всюду, гдѣ говорилось о Степанѣ Ниловичѣ, писалось не как о директорѣ, а как о человѣкѣ и, пожалуй, педагогѣ. Да и судить о нем,как о директорѣ мы не можем, т.к. совершенно не знакомы с его весьма большой и сложной работой, связанной с директорской должностью. Правда, в "Памяткѣ", в очеркѣ В.В.Крейтера /это единственный очерк/ приведен случай, гдѣ Степан Нилович показан не только как человѣк и педагог, но и как директор. Не прав Константин Владимирович и в своем утвержденіи, что мы теперь видим все в розовом свѣтѣ. Из этой, для отдѣльной личности почти исторической, дали выкристализовывается та или другая фигура. Два - три года роли не играют, а между тѣм в совершенно иных краскаx изображается А.Н.Ваулин - тоже директор. Цвѣт то оказывается не розовый, а весьма дымчатый.

Дальше К.В.Соколов пишет: "...и я не понимаю почему нѣкоторые куплеты, посвященные ему, были далеко недоброжелательными..." Не нѣкоторые куплеты, а всѣ без исключенія "недоброжелательны". Объясняется это очень просто. Как мы понимали тогда смысл и цѣль "Звѣріады"? Нам казалось, что надо всѣх только ругать и насмѣхаться над каждым "звѣрем". Обычно бралось что нибудь характерное для описываемаго, а в куплетах, посвященных Лаврову, нѣт ничего, кромѣ разсужденій о его будущей смерти. Почему? Да просто, потому что не к чему было придраться, а выругать все-таки надо.

Происходившій из старой дворянской семьи,Степан Нилович вдруг оказывается "полумалаец, полужид"! Дальше идут мечтанія о его смерти - как "сто-пудовою плитой могильный холм мы твой придавим и золоченый крест поставим. Спи с миром труженик святой..." и, наконец, "но полно, всѣ твои дѣянья, твои заслуги и названья, не счесть вовѣк, пора ей-ей начать нам пѣть других звѣрей". Но ни о каких заслугах ни в кавычках, ни без них, не упоминается; точно также как о "всѣх названьях", которых в то время /I выпуска/ было только одно - "Крючек".

"...быть может была в нем какая то неискренность, которую чувствовали юношескія души" - пишет дальше Константин Владимирович. Трудно, почти невозможно, простому смертному забраться в чужую душу. Поэтому судить об искренности или неискренности мы можем, основываясь только лишь на дѣлах.. Отношеніе же его, ко ввѣренным ему дѣтям, было всегда внимательное, заботливое и ровное. Я не помню, чтобы он когда либо возвысил голос, или говорил с замѣтным раздраженіем. Искренно или неискренно, но в случаѣ серьезной болѣзни кадета, он нѣсколько раз в день навѣщал его и, если было необходимо, то вызывались лучшіе спеціалисты Варшавы. В 1903 году, я сломал руку в локтѣ. Наши врачи обрекли меня на невладѣніе рукой. Желая спасти мою руку, меня возили к

лучшему хирургу Варшавы и дважды на рентген, в то время единственный на всю Варшаву, не считаясь с расходами. И спасли. Через пять лѣт я взял приз по гимнастикѣ. Было у нас два брата Бем. Младшій заболѣл скарлатиной, осложнившейся воспаленіем средняго уха. Лучшій хирург дѣлал трепанацію, но началось зараженіе крови. Коньяком и шампанским поили его и спасли. Тѣм серьезнѣе был болен кадет, тѣм чаще навѣщал его Степан Нилович. Во время страшной эпидеміи скарлатины, когда лазареты были переполнены и кадеты были распущены по домам, директор, не взирая на опасность заразы, по нѣсколько раз в день обходил больных и... занеся скарлатину домой, лишился единственнаго сына Вовы.

Мнѣ кажется достаточно и этих примѣров, но их можно привести значительно больше. И вот, напрашивается вопрос - поступал бы так человѣк, не и с к р е н н е расположенный к дѣтям? Нѣт. Тысячу раз нѣт! Допускаю еще, что неискренно можно было ассигновать деньги на врачей спеціалистов, но рисковать здоровьем и, возможно, жизнью единственнаго сына, из за чужих, не и с к р е н н е нельзя. Никакой служебный долг не заставит холоднаго, равнодушнаго человѣка пойти на такой риск. А он пошел и так же поступал в далнѣйшем. Но о таких дѣлах в "Звѣріадѣ" писать было не принято; надо было ругать и насмѣхаться, а не хвалить.

Что же касается "чуткости юношеских душ" и ея проявленія в "Звѣріадѣ", приведу примѣры. А.А.Матвѣеву приписали ложь: "...про батьку-ветерана легенды темныя слагал..." лишь потому, что ничего скверного за ним не числилось, а ругнуть всетаки надо. Четвертый выпуск не плохо отозвался о законоучителѣ О.Григоріи Модзолевском: "туманных проповѣдник бредней, священник лектор и поэт, оратор менѣе чѣм средній, и свѣж и молод в сорок лѣт." И этот, дѣйствительно, любимый большинством "юношеских чутких душ" человѣк, в началѣ революціи, скинул рясу и, переключившись в самостійники, служил в одном из "министерств" в Кіевѣ. Кстати скажу, что этот куплет написал кадет вѣрующій, а не атеист, но... для "духа" "Звѣріады" написавшій о "туманных бреднях".

"А человѣк он был незаурядный", говорит К.В.Соколов о Лавровѣ. Да, только человѣку незаурядному и, прибавлю еще, искренне преданному своему дѣлу и любящему его, по силам совершать такіе поступки.

Наконец, скажу еще, что, послѣ производства в офицеры, я переписывался с С.Н.Лавровым и могу засвидѣтельствовать, что он до самаго конца /октября 1917/ внимательно слѣдил за Суворовцами, радуясь их успѣхам, печалясь о них, их раненіях и с грустью упоминая убитых. Если бы он был неискренним - стал бы интересоваться какими то бывшими своими воспитанниками?

Тѣ теплыя и хорошія строки, которыя теперь посвящают его памяти бывшіе кадеты, безусловно свидѣтельствуют о том, что Степан Нилович был человѣком незаурядным и с большим хорошим сердцем.

Мир его праху.

Дополненіе к вступительной части "Звѣріады" /см.сборн.№5 стр.28/

Послѣ: "Кадетским корпусом зовут"

Мы в нем, отшельники, томились,
Была печальная пора,
Семь лѣт зубрили мы и бились,
Зато теперь мы юнкера.

Послѣ: "И помянем твоих звѣрей" и послѣ каждаго "звѣря" идет слѣдующій куплет:

Друзья, наполним же бокалы,
Пусть влага брызжет и шипит
И пусть сам Вакх, в пылу веселья,
Союз наш братскій закрѣпит.

ЛАВРОВ.

И первый звѣрь, как самый главный,
Достопочтенный наш Крючек
Правитель корпуса державный,
В мундир забрвшійся сморчек.

Тебѣ,тебѣ поем мы славу,
Полумалаец, полужид,
Пусть Бог твой род благословит
И укрѣпит твою державу.
И пусть всѣ блага на землѣ
Тебѣ судбинушка подарит,
А как подохнешь,пусть в котлѣ
Твою душенку дьявол сварит.
Останки бренные твои,
Мы на кладбищѣ похороним
И память вѣчную споем,
И слезы горькія уроним,
И скажем,был и нѣт Крючка,
Темна, страшна его могила,
Чья безпощадная рука,
Его так рано поразила.
И стопудовою плитой
Могильный холм мы твой придавим
И золоченый крест поставим,
Спи с миром труженик святой.
Но прочь несбыточныя грезы,
Он жив и нас переживет,
Таких могила не берет,
Им не страшны ея угрозы.
Одѣв монашескій клобук,
Они лѣт по сто проживают,
Друзей и ближних надувают;
Таков ты был, Папаша-Крюк.
Но полно, всѣ твои дѣянья,
Твои заслуги и названья,
Не счесть вовѣк; пора ей-ей
Начать нам пѣть других звѣрей.

О.Гр.МОДЗОЛЕВСКІЙ.

Туманных проповѣдник бредней,
Священник, лектор и поэт,
Оратор менѣе чѣм средній,
И свѣж и молод в сорок лѣт.

---oooOooo---

ПИСЬМО Е.Е.ПОЛЬ.

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВАУЛИН.

"Общая тетрадь" плюс "Памятка 1899-1949" плюс "Суворовцы" №1 - №6 плюс "Черновая тетрадь" 26 номеров "Кадетскаго голоса из провинціи" в суммѣ составляют, можно сказать, литературу Суворовцев послѣ Второй войны. Надо отмѣтить, что это воспоминанія людей зрѣлаго возраста, - мой X выпуск, в этом году, празднует 41-ю годовщину послѣ окончанія корпуса, - а поэтому и воспоминанія о втором директорѣ писались без страсти. Подход Ваулина к дѣлу нам может быть болѣе понятным именно теперь, т.к. он был тогда тѣх же лѣт, что мы нынѣ.

В очеркѣ "На рубежѣ" /"Суворовцы"№4 стр.II-I5/ Н.Н.Страшкевич пишет, что Начальник Главнаго Управленія Военно-Учебных Заведеній генерал Забѣлин, послѣ ухода генерал-лейтенанта С.Н.Лаврова, назначил директором генерал-маіора А.Н.Ваулина, с цѣлью подтянуть корпус.

Мнѣ кажется, что ген.Забѣлин своей цѣли не достиг. Он понизил уровень директора, а повысил ли уровень кадет, послѣ первых трех выпусков, - пусть каждый Суворовец сам себѣ отвѣтит. Я думаю, что мы шли на уровнѣ Лавровскаго типа кадет.

Внѣшнѣ, однако, может показаться, что корпус подтянулся. Ваулин имѣл склонность к "архитектурным композиціям". Фасад корпуса, у подъѣзда, украсился двумя пушками, а немного дальше, почти на углу улицы Багателя, каменный забор плаца покрылся рекламами, писаными масляной краской./Напр. "Бон-тон.Паста до бутув"/. В столовую он вкатил орудіе, должно быть 1812 года, придѣлал блестящую мѣдную мушку, ствол повернул на икону. Поручни перил парадной лѣстницы были обиты красным бархатом, он бархат сорвал и набил гвозди слесарной работы. Вид получился подтянутый.

Воспоминанія о Ваулинѣ можно найти в "Памяткѣ 1899-1949", в сборниках "Суворовцы" №2 и №4. Достаточно просмотрѣть эти номера и тип человѣка сам очертится.

В "Памяткѣ", мы видим полковника Ваулина инспектором классов нашего корпуса, преподававшаго французскій язык. Окончил Артиллерійскую ака-

---

Опечатка: в письмѣ Е.Е.Поль, во второй с
строкѣ сверху, послѣ "черновая тетрадь"
пропущено слово - плюс.

демію, чтобы преподавать французскій языкъ? Оригинальность, которую могъ себѣ позволить инспекторъ классовъ; или все равно - что преподавать лишь бы денежки шли. На склонѣ жизни, я в теченіи четырех лѣт преподавал физику, в двух старших классах гимназіи. В мое "педагогическое время," языковѣдам - "французу" или "нѣмцу"- не пришло бы в голову предложить педагогическому совѣту свои услуги по части преподаванія одной из точных наук.

В 1900 году А.Н.Ваулин был назначен директором Хабаровскаго Кадетскаго Корпуса. В 1905 г. получил Полоцкій Кадетскій Корпус. В 1908 г. генерал-маіор Ваулин принял Суворовскій Кадетскій Корпус и вскорѣ был произведен в генерал-лейтенанты. Из замѣтки в журналѣ "Военная Быль" /№16/,я почерпнул, что ген.Ваулин, Высочайшим приказом был зачислен в списки Хабаровскаго Корпуса.

Генерала Лаврова я никогда не видѣл в мундирѣ армейской кавалеріи. Генерала Ваулина я очень рѣдко видѣл в брюках без лампасов и в погонах с шитьем "Сув",но видѣл в мундирѣ полевой артиллеріи. Откуда такой мундир. Генералы Мартос и Носов тоже окончили Артиллерійскую академію, но носили мундир корпуса. Это все же показывает отношеніе директора к корпусу.

Артиллерійскій мундир дал возможность военному педагогу сдѣлать еще один прыжок - на "высокую должность" в Главное Артиллерійское Управленіе Красной арміи. Лови момент... в 1918 году.

А корпус? Директора корпуса замѣстил ген.-маіор Носов; Носова -капитенармус Еремин; Еремина - товарищ Орлов.

В то же время, т.е. во время прыжка, или непосредственно послѣ назначенія второго директора на "высокую должность",первый директор - генерал-лейтенант С.Н.Лавров был разстрѣлян большевиками в своем родовом имѣніи. Он не не мог, но не хотѣл никаких прыжков.

Каждый год, во всѣх городах земного шара, гдѣ молятся Суворовцы,в день корпусного праздника, в заупокойной панихидѣ, поминают раба Божія боярина Степана. Из освѣдомленій А.Н.Потапова видно, что панихиду служат кадеты Лавровских и Ваулинских выпусков. Но и в этом случаѣ всѣ оказались Лавровцами. Проводить параллель между такими двумя типами людей, как Лавров и Ваулин - невозможно. Лавров был дѣятелем; Ваулин - только генерал-лейтенантом.

Мнѣ кажется, что вкратцѣ, я сказал нѣсколько слов о А.Н.Ваулинѣ. Прибавлю описаніе двух трех случаев, тоже его характеризующих.

Это было II декабря 1913 года. Я был в УІ классѣ. Послѣ обѣда прогулки не было по случаю метели. Мы сидѣли за партами и зубрили. Вдруг кто то заявил: "господа, сегодня сочельник по новому стилю!" С какой радости - неизвѣстно, но предлог был, всѣ повскакивали со своих мѣст. Классную доску подвинули ближе к партам, нарисовали бѣлым по черному елку, под елкой разные подарки; помню среди них грамофонныя пластинки "пишущій амур" с надписью "отеческія слова!" /Отеческими словами неизмѣнно начинал каждый свой урок один из преподавателей/. Взялись за руки, танцевали кругом елки и пѣли: "о танненбаум, о танненбаум, ви грюн зинд дайне блеттер!" Лева /Де Бодо/ снял сапоги, надѣл щетки и натирал паркет. Я встал на парту и раскачивал лампу,/у нас в классѣ висѣло 5 ламп, а не одна дуговая, как у всѣх/.Ходили тѣни по стѣнам; от этого становилось еще веселѣе. Момент - и пѣсня оборвалась. Лева,со щетками на ногах, стал смирно, всѣ по своим мѣстам. Я оглянулся; в дверях стоял Ваулин. Я соскочил с парты и стал смирно. Первому досталось Левѣ /Де Бодо будущему вице-фельдфебелю/. "В полотеры записались! А вы,что вы дѣлали?" /Тут не передашь тона голоса./

"Я... я ваше превосходительство... я доказывал вращеніе земли."

"Давно доказано! Лампа в качествѣ маятника, опыт довольно неудачный. Мы еще поговорим о вашем опытѣ!" Повернулся и ушел.

Как его принесло в роту в это время? Как он вошел в ротный зал без

команды "смирно"? "Лимон" сбавит балл за поведеніе. Ясно как лимонад. На то он и "лимон".

"Лимон" на другой день пришел на урок физики и велѣл вызвать меня. Задал мнѣ перцу. Маятник опредѣлял вращеніе земли, маятник опредѣлял силу притяженія, маятник влѣзал всюду; и так 50 минут я маялся. Когда раздался звонок, возвѣщавшій конец урока и конец моему маятнику, Ваулин сказал преподавателю физики /А.А.Трусевичу/: "балл вчерашняго дня!"

В УІІ классѣ Ваулин преподавал космографію и преподавал ее хорошо. Возможно, что благодаря ему группу "астрономов" отпускали в обсерваторію Трындина, гдѣ студенты показывали нам,в телескоп,многія интересныя явленія. На одном из уроков, Ваулин, войдя в класс, замѣтил, лежавшую на печкѣ, стеклянную банку /от варенья вѣроятно./ В банкѣ была аэропланная пуля с привязаной пружиной, оловянная пуговица от подштанников и еще какая то дребедень. Банка лежала на печкѣ давно, никто не обращал вниманія. Ваулину пришло в голову снять ее с печки. Он разсматривал ее нѣсколько секунд, потом выпрямился и строго спросил: "это что?" Класс притих. "Я спрашиваю второй раз - это что? и чье?"

По тону голоса было ясно, что тут не шутка. Если никто не сознается, то послѣдній ученик вылетит из класса, сбавят ему балл за поведеніе,а может быть и до худшаго дойдет. Извѣстная тактика Ваулина.

Я был вице-унтер-офицером, по космографіи было II, был в группѣ "астрономов". Не рискнуть ли мнѣ. Мысль работала в долях секунды.

"Мое, Ваше превосходительство".

"Что вы дѣлали?"

"Я хотѣл выдумать перпетуум мобиле".

"Схоластик!"

Честь отдѣленія была спасена. Конец урока и два слѣдующих были посвящены невозможности осуществленія этой идеи.

Из рѣчей Ваулина, я запомнил одну, в Бѣлом залѣ, во время инспекціи корпуса генералом Попруженко. Оба генерала вошли в зал одновременно. Ваулин скомандовал: "батальон смирно!" Попруженко поздоровался.

Ваулин выступил с рѣчью: "Суворовцы! В стѣны нашего корпуса прибыл генерал Попруженко, Суворовцы! Очень строгій генерал, Суворовцы! Как для вас так и для нас, Суворовцы! Крикнем же громкое -ура- во здравіе генерала Попруженко, Суворовцы!"

Кто то из второй шеренги добавил шепотом:"не то меня выпрут,Суворовцы". Ура..а..а..а!

---oooOooo---

ИЗ ПИСЕМ С.В.НИТЦ.

ПОДПОЛКОВНИК ЧЕРНИКОВ.

Вспомнился мнѣ и такой случай. Пасху 16-го года я провел в корпусѣ и, как единственный из вице-унтер-офицеров, был и.д.фельдфебеля сводной роты. Была с нами и наша 4-я рота, помѣщавшаяся в I Московском Кадетском Корпусѣ. Как то раз, вечером, зовет меня дежурный офицер подполковник Черников. Прихожу в дежурную комнату. На кровати лежит пять-шесть мундиров.

"Вот что. Эти мундиры подобрал дежурный барабанщик на улицѣ под окнами. Очевидно их сбросили с 3-го этажа. Перепишите номера и узнайте собственников!" - "Слушаю, г.полковник!"

Переписываю номера. 3-я рота. "Ну," думаю,"влипли ребятишки, и то здорово!"

Прихожу в спальню и направляюсь в казомат 3-ей роты. "Чьи это номера?" Сознались сразу. "Как же ваши мундиры очутились на улицѣ?"- спрашиваю.

"А мы рѣшили удрать в город и чтобы мундиры не мѣшали нам спуститься через окно по водосточной трубѣ, мы их сбросили раньше, а барабанщик их залопал!"

"Да вы же могли себѣ шеи поломать. А потом, вы знаете чѣм это для

вас пахнет?" - говорю. "Знаем," - отвѣчают. Смотрю на них. Рожицы славныя. Свои же. "Ну," думаю, "былы но была!" Иду к Черникову.

"Ну, что узнали?" - спрашивает.

"Никак нѣт. Это невозможно. В 3-ей ротѣ,/вру и глазом не моргну/ на праздники всѣ мундиры сдаются в цейхауз, а оставшіеся получают без личных номеров!"

Черников посмотрѣл на меня и понял все. Лукаво улыбнулся. Протянул мнѣ мундиры и сказал: "Возьмите мундиры и раздайте собственникам".

"Слущаю, г.полковник!"

Вот что вспомнилось через сорок лѣт.

--o--

..."Выпускной класс имѣл значеніе в жизни корпуса: его вмѣшательство избавляло от вмѣшательства начальства, что было бы сопряжено с наказаніями, если не хуже - с увольненіем. Вспоминаю два случая.

Как то утром, перед началом уроков, прибѣгает к нам малыш и, со слезами на глазах, разсказывает, что в отдѣленіи не дают ему житья - бьют и т.д.; а сегодня еще и вымазали его чернилами и, раздѣваясь, показывает нам "бѣду" по всему тѣлу. Моцарскій,- вице-фельдфебель - обращаясь ко мнѣ, говорит: "возьми двух-трех человѣк и наведи порядок".

Втроем или вчетвером, мы отправились. При нашем появленіи отдѣленіе замерло. Виновники "художества" получили пару затрещин и мы им пообѣщали, что если еще раз жалоба на них повторится, то придем и выпорем всѣх по очереди. Больше жалоб не поступало.

Второй случай был такой. В Москвѣ, между казармами, гдѣ был корпус, и Покровской общиной был пруд; довольно большой, весь заросшій зеленью; какой глубины - не знаю, но думаю достаточной, чтобы утонуть. Так вот, как то послѣ обѣда, прибѣгают к нам 3-4-х классники с криком:"спасайте, наших бьют!" Отправилось нас много. Что ж мы увидѣли? Наши "орлы" на досках, в ящиках, бочках - словом на всем том что может плавать - пустились на середину пруда. С другой стороны - на подобных же "кораблях" - уличные и другіе мальчишки. По серединѣ пруда шел жестокій бой; морское сраженіе, абордаж и все что положено. Но т.к. мальчишки были до 16-17 лѣтняго возраста, а то и старше, то они и начали лупить наших,с риском утонуть самим и утопить противника. Мы оцѣпили пруд и быстро прикончили битву. Набили мальчишкам. Попало на орѣхи и нашим, чтоб впредь было неповадно. Я привел эти два случая, как вмѣшательство наше избавило от вмѣшательства в эти дѣла начальства. А это было бы сопряжено с большими наказаніями.

...В мое время выпускные экзамены начались 1-го апрѣля, на мѣсяц раньше. 15-го мая был пріем в пѣхотныя училища и мы все закончили 10-го."

---000---

ИЗ ПИСЬМА А.К.МЕРЦЕДИНА ..."В очерках и воспоминаніях о корпусѣ, в нашем сборникѣ, есть один пробѣл: было бы чоретвой неблагодарностью по отношенію к нашей старушкѣ, сестрѣ милосердія СУХОВОЙ, не вспомнить ея заботы и теплое участіе к больным кадетам. Развѣ это не правда?"...

---ooo---

ИЗ ПИСЬМА Я.Ф.СУББОТИНА ..."Читал статью Н.Н.Страшковича "На рубежѣ". Могу кое что прибавить о ген.Ваулинѣ. Был он,дѣйствительно,сух как выжатый лимон. Преподавал такіе интересные предметы, аналитическая геометрія и космографія, но так сухо, что из его преподаванія мало что оставалось в мозгах. Зубрили по учебникам, т.к. все же он был директор. Может быть,по старости,лѣт начал и свои предметы забывать.Помню, мнѣ разсказывали одноклассники моего брата Михаила, такой случай. На одном из уроков по аналитической геометріи ген.Ваулин дѣлал какой то вывод, да и запутался. Брат в то время был занят своим дѣлом - что то вычислял. Ваулин это замѣтил и, видимо, желая его поймать на невниманіи, в упор спрашивает: "Субботин 1-й, а вы что по этому вопросу думаете?" Брат поднимается и отвѣчает: "Ваше превосходительство, этот вопрос имѣет два рѣшенія. Вы в доказательствѣ допустили ошибку. Второе

рѣшеніе дѣлается так," - вышел к доскѣ и показал. Ген.Ваулин нѣкоторое время молчал, видимо, соображая можно ли согласиться с таким рѣшеніем. Потом сказал: "садитесь." Раздался звонок. Это было благополучіем для ген.Ваулина, т.к. не пришлось пережить смущеніе перед своими учениками. Когда я спросил об этом брата, то он мнѣ коротко отвѣтил: "не твое дѣло."

Со временем Ваулин стал, как будто, мягче, или мы к нему привыкли. Но мой выпуск уже устраивал и "ночной парад," и "похороны." Конечно, ген. Ваулина нельзя сравнивать с "Папашей," незабвенным С.Н.Лавровым."

---oooOooo---

СПИСОК КАДЕТ 5-го ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.БАЛК Евгеній	2.БРИЛЕВИЧ
3.БУХВОСТОВ	4.ГОРСКІЙ Владимир
5.ГУЛЕВИЧ Сергѣй Константинович Мих.Арт.Уч.	6.ЗИНКЕВИЧ Иван Павл.В.Уч.Застрѣл. в Красн.Селѣ 1911 г.
7.КЛОБУКОВ Иван Ник.Инж.Уч. Л.Гв.Павловск.п.	8.КОЛОСОВСКІЙ Николай
9.МЕВІУС I-й	I0.МЕЛЬНИКОВ 2-й А
II.МОЖАРОВСКІЙ 2-й Сергѣй	I2.НИКОЛАЕВ Борис из I Сиб.К.К.
I3.ОВСОВ Павловск.В.Уч.	I4.ПИРАТСКІЙ Петр на сторону
I5.РОМАНЕНКО 72 Тульск.п.п.	I6.РѢЗАНОВ Борис на сторону
I7.СЛОНИМСКІЙ Александр Мих.Арт. Уч.Пропал без вѣсти в вост.Пруссіи.	I8.СОСНОВСКІЙ Александр Ник.Кав.Уч. Татарск.улан.
I9.ТЕРПИЛОВСКІЙ 3-й Александр	20.ТЕРПИЛОВСКІЙ 2-й Леонид
2I.УТГОФ 4-й Владимир Разстр.бол. В Пружанах в 39-40 г.	22.ФЕДОРОВ I-й Николай Павл.Воен.Уч. Крѣп.артил.
23.ЦЕЙТЛИН 3-й Николай Конст.Арт. Уч. потом Никол.Инж.	24.ЧАРНЕЦКІЙ
25.ШЕВЧУКОВ Александр	26.ШМИДЕН Л.Гв.Литовск.полк.
27.ШРЕДЕР Александр	

СПИСОК КАДЕТ 5-го ВЫПУСКА 2-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.А Эразм /по прозвищу Роттердамскій/	2.АЛЬБРЕХТ 2-й Никол.Инж.Уч.
3.БРЖЕЗИЦКІЙ Петр	4.БѢЛЯЕВ 2-й
5.ВАМЕЛКИН Николай Мих.Арт.Уч.	6.ВОЛКОВСКІЙ 3-й Михаил Елис.Кав.Уч. 6 уланск.
7.ЕГОРОВ Иван по бол.на сторону	8.КУДИНОВ погиб в I В.В.1914 г.
9.ЛИСОВСКІЙ	I0.МАНОЦКОВ 2-й
II.МИХАЙЛОВ Сергѣй	I2.МИХНЕВИЧ Алексѣевск.Воен.Уч.
I3.МИХѢЕВ Николай Мих.Мих.Арт.Уч.	I4.НЕПЕНИН Константин Артил.Уч.
I5.НЕСМѢЯНОВ	I6.ПАЛЬЧИНСКІЙ 3-й
I7.РАЗВОЗОВ 2-й Александр	I8.РОЛЬКО 3-й
I9.РУБЦОВ	20.РЯБИНИН Владимир
2I.СИДОРОВИЧ Борис Адамович Мих. Артил.Уч.	22.СОЛОВСКІЙ Георгій Мих.Арт.Уч.застр. при окруженіи на Арханг. фронтѣ.
23.СЫСИН	24.ТЕР-САРКИСОВ Андрей Ник.Инж.Уч.
25.ТОЛМАЧЕВ	26.ЧЕКМАРЕВ 3-й
27.ЧИЖИКОВ 2-й	

СПИСОК КАДЕТ 5-го ВЫПУСКА 3-го ОТДѢЛЕНІЯ

I.АРДАШЕВ I-й Виктор Павл.В.Уч. 69 Рязанск.п.п.	2.БУДИЛОВИЧ Александр Кіевск.Воен.Уч. Корнил.умер в Болгаріи.
3.ВЕНСОВИЧ 2-й Николай Тимоф. Сотня Никол.Кав.Уч.	4.ГАККЕН Моряк Балт.флота
5.ГОЙНИНГЕН фон ГЮНЕ Леонид Сибирск.стрѣлк.	6.ЕФИМОВ 2-й Александр Морск.Корпус Убит на "Куницѣ"Балт.фл.

7.ЕФИМОВ I-й Владимир Алдр.В.Уч. 23 п.Низовск.полк. | 8.ЖВАЛИКОВСКІЙ Дмитрій Ник.Инж.Уч.
9.ІОГАНСЕН Владимир Алдр.В.Уч. 2I п.Муромск.полк. | I0.КОНСТАНТИНОВ
II.КРАШЕНИННИКОВ Андрей Ник.Кав.Уч! Новоарханг.ул. | I2.КРЫЛОВ 24 п.Симбирск.п.
I3.ЛЕВЧЕНКО | I4.МАНЮКИН Петр Никол.Пажеск.Корп. Л.Гв.Стрѣлк.
I5.Кн.МЕЛИКОВ Лоран Пажеск.Корп. | I6.ПИСЬМЕНСКІЙ Николай
I7.СКАЛОН Георгій Пажеск.Корп. | I8.СМИРНОВ Геннадій
I9.СОКОЛОВ Константин Владимирович Твер.Кав.Уч.I гус.Сумск! | 20.СТАДНИЦКІЙ-КОЛЕНДО Іосиф умер в Югославіи.
2I.СУББОТИН I-й Михаил Варш.универ! | 22.ТУГАН-МИРЗА-БАРАНОВСКІЙ Мечислав
23.ФИЛИППОВ | 24.ШРЕЙДЕР Дмитрій Л.Гв.3 арт.бр.
25.ГОЛОВИН Николай | 26.ДАВЫДОВ 2-й Алексѣй Мих.Арт.Уч.
27.ЖЕЛИХОВСКІЙ Денис | 28.ЖОНСОН
29.КОМАРОВ Илларіон Пажеск.Корп. | 30.ЛИНЧЕВСКІЙ Николай
3I.МАЛИНОВСКІЙ Евгеній

---oooOooo---

По дополнительным данным:
I.АНДРЕЕВ Сибирск.Стр.п. | 2.КУТЕЙНИКОВ I-й
3.ОЛЬХОВСКІЙ Михаил | 4.ПЕРЕЛЫГИН Николай убит в I В.В.

---oooOooo---

Отдѣлен.офицеры воспитатели: I-го Подполк.БЕНЕДИКТОВ Александр Иванович
Капитан ВОНСИК
Подполк.ГРИГОРЬЕВ Всеволод Григорьевич
2-го Подполк.ЛИПРАНДИ Павел Рафаилович
3-го Подполк.РЕВИШИН Николай Петрович.

---oooOooo---

ИСПРАВЛЕНІЯ.
В спискѣ личнаго состава /сб.№6 стр.34/ Шт.-Кап.РАДИМИНОВ /вмѣсто Радомнов/.

К списку I вып. 3 отд./сб.№4/ прибавить БОРОДИНСКІЙ
Из списка III вып./сб.№6/ вычеркнуть КОЧЕГАРОВ /№40/выбыл из IУ кл.
Из списка III вып./сб.№6/ вычеркнуть ВЕДЕНЯЕВ 2-й /см. сб.№5 список IУ вып.2 отд./
Из списка III вып/сб.№6/ вычеркнуть СОТНИКОВ и прибавить к списку IУ вып.I отд.

К списку IУ вып. I отд./сб.№5/ прибавить НЕПЕНИН I-й 8 п.Эстляндск.п.
Из списка IУ вып.I отд./сб.№5/ вычеркнуть ОВСОВ /см.сб.№7 5-й вып.I отд.
тоже СКАЛОН /см.сб.№7 5-й вып.3 отд.
тоже СТАДНИЦКІЙ-КОЛЕНДО Іосиф /см.сб.№7 5-й вып.3 отд./
Из списка IУ вып.3 отд./сб.№6/ тоже КУДИНОВ /см.сб.№7 5-й вып.2 отд./
тоже РУБЦОВ /см.сб.№7 5-й вып.2 отд./

---oooOooo---

ИЗ ПИСЬМА С.В.НИТЦ ..."Еще не был упомянут наш діакон О.РАДЗИВИНОВИЧ. Он тоже примѣтный человѣк. Помимо прекраснаго голоса, что очень украшало наши церковныя службы, он что то дѣлал и в учебной части.В частности просматривал, сдаваемые в концѣ года, учебники. Ты помнишь,что слишком небрежное обращеніе с ними, как то - вырванныя страницы, залитыя чернилом и т.д., являлось поводом к уплатѣ стоимости учебника виновным."

---oooOooo---

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ, ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ, ИЛИ ВИТТЕ ВСѢ СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ, А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ!

ИЗ ПИСЬМА Н.М.ВИТТЕ. ..."Мнѣ писал Н.Н.Якобсон об одном интересном случаѣ. Когда он отвѣчал на послѣднем выпускном экзаменѣ по химіи, то срѣзался. Во время отвѣта в классѣ оставался только преподаватель химіи Митрофан Алексѣевич Павленко. Он спросил: "куда выходите?" Получив отвѣт, что в Елисаветградское Кавалерійское Училище - сказал: "эта наука вам в жизни нужна не будет, коверкать вашу жизнь не хочу". Поставил 8, а в годовом было 7 баллов."

---oooOooo---

ИЗ ПИСЬМА А.И.ПЯТИБОКОВА /Германія/./К очерку на стр.29./..."Относительно "Объясненія в любви артиллериста"... оно дѣйствительно было сочинено, в тот же вечер, мною, по желанію Н.Н.Страшкевича... ясно, сравненія, для серьезнаго произведенія, не подходят, но они соотвѣтствовали настроенію... и все было утверждено обоими артиллеристами. Раньше I9-го года оно не существовало. Полный текст я забыл; распространилось оно быстро... Много лѣт спустя я его слышал в Парижѣ, в ресторанѣ "Сѣрый медвѣдь"... праздновало какое то артиллерійское объединеніе..." Примѣчаніе: знак /х/ на стр.30 указывает, что пропущена фамилія Харьковскаго улана - самого автора.

---oooOooo---

Примѣчаніе к стр.40. Дежурный воспитатель был ЛУКА ФЕДОТОВИЧ ЧЕРНИКОВ. /Скончался в Бѣлградѣ./

---oooOooo---

Примѣчаніе к стр.8. Из I-го выпуска ушло "на сторону" - один или два.

---oooOooo---

ИЗ ПИСЬМА А.И.ПЯТИБОКОВА ..."Когда я был в Елисаветградском Кавалерійском Училищѣ, то у меня был "сугубый" - нашего I-го выпуска - РУСАНОВ. У Тебя в списках его нѣт. Из корпуса он вышел на сторону." На до прибавить к списку I-го выпуска 3-го отдѣленія. См.сборник №4.

---oooOooo---

ОБЛОЖКА СБОРНИКА РАБОТЫ ХУДОЖНИКА СУВОРОВЦА Л.П.ЛИНЕВИЧА

---o---

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ, СНИМОК С КАРТИНЫ, НАХОДИВШЕЙСЯ В СОБРАНІИ ЛЕЙБ ГВАРДІИ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКА, ДАР СЕМЕНОВЦА В.И.МѢЩАНИНОВА.

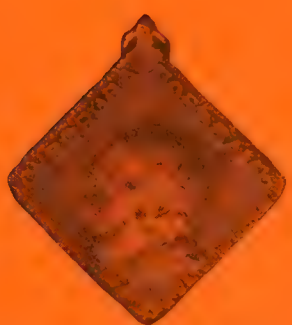
И З Д А Н І Е О Б Ъ Е Д И Н Е Н І Я Б.К А Д Е Т

С У В О Р О В С К А Г О К А Д Е Т С К А Г О К О Р П У С А.

Сборник. 8.

СУВОРОВЦЫ

Изданіе
Объединенія
б. кадет
СУВОРОВСКАГО
Кадетскаго Корпуса



«Суворовъ на часахъ».
Съ картины худ. Мазуровскаго.
Музей полка.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

С СВѢТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ, ОТ ИМЕНИ НАШИХ ОБЪЕДИНЕНІЙ, ОТДѢЛОВ И ВСѢХ СУВОРОВЦЕВ В РАЗСѢЯНІИ СУЩИХ И МОЕГО. ПЕРЕДАЮ ПРИВѢТЫ ОТ ВСѢХ ВСѢМ И ПОЖЕЛАНІЕ - СОХРАНЕНІЯ ВѢРЫ В ИСПОЛНЕНІЕ НАШИХ НАДЕЖД О СВѢТЛОМ БУДУЩЕМ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ.

ДА СОХРАНИТ ВСѢХ В ДОБРОМ ЗДОРОВЬИ И ПОМОЖЕТ В ЖИЗНЕННОМ ПУТИ НАША ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА.

А.Потапов
предсѣдатель всѣх
Объединенiй Суворовцев.

АПРѢЛЬ 1957 ГОДА.

Копія.

Герб
Императорской
Россіи.

П о ч т о - г р а м м а.

Александру Николаевичу Потапову.

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС И ВСѢХ БЫВШИХ КАДЕТ СУВОРОВСКАГО КОРПУСА С 50-ТИ ЛѢТІЕМ ВЫСОЧАЙШАГО ПОЖАЛОВАНІЯ КОРПУСУ ЗНАМЕНИ. ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЮ ЗА ПОДНЕСЕННЫЕ МНѢ СБОРНИКИ ОБЪЕДИНЕНІЯ, В КОТОРЫХ ЯРКО ОТРАЗИЛАСЬ ТРОГАТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ СУВОРОВЦЕВ К РОДНОМУ КОРПУСУ И ОДНОВРЕМЕННО КО ВСЕМУ СЛАВНОМУ ПРОШЛОМУ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІИ.

В Л А Д И М І Р

8 января 1957 г.
г.Мадрид.

/На подлинном подписано собственною Его Императорскаго Высочества рукою/.

-------oOo-------

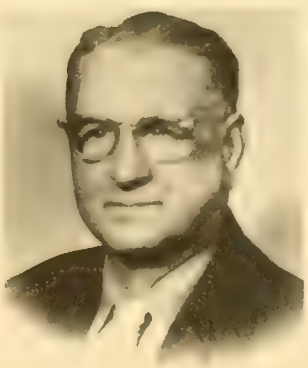
Группа членов Объединенія Суворовцев, присутствовавших на сборѣ в день корпусного праздника, I-I4 октября 1956 года, в Нью Іоркѣ.
Нижній ряд: в серединѣ Ея Высочество Княжна Вѣра Константиновна, /слѣва направо/ Наталія Александровна Эрвин, Анна Родіоновна Лобан, Клавдія Петровна Шредер, Алексѣй Михайлович Шредер /I выпуска/, Алексѣй Карлович Утгоф /I выпуска/, Елизавета Георгіевна Утгоф, Анна Федоровна Потапова, А.Н.Потапов.
Средній ряд: Ксенія Николаевна Буцько, Г.В.Веригин, Н.П. Эрвин, Б.А.Сидорович, Н.Н.Страшкевич, А.М.Есипов, С.К.Гулевич, С.А.Кашкин, В.Н.Орѣхов I-й, К.В.Соколов, А.Е.Владиславлев.
Верхній ряд: Г.Н.Парадіев, В.П.Князь Микеладзе, Б.И.Буцько.

Примѣчаніе. К сожалѣнію не всѣ присутствовавшіе смогли сняться и также очень жаль, что не удалось получить группу другого многолюднаго собранія членов Объединенія во Франціи, но будем считать, что это в будущем осуществится.

-------oOo-------

В этом сборникѣ было предположено помѣстить карточки членов Объединенія
НАШИХ СУВОРОВЦЕВ ПЕРВАГО ВЫПУСКА
и как бы составить их группу в память 50-ти лѣтія окончанія корпуса. К сожалѣнію это не удалось осуществить полностью, т.к. не всѣ карточки были получены, но все же почти всѣ члены Объединенія - Суворовцы I-го выпуска - здѣсь представлены.
На большой группѣ: АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧ ШРЕДЕР и
АЛЕКСѢЙ КАРЛОВИЧ УТГОФ
карточки: ГЛЬБ НИКОЛАЕВИЧ АКИМОВ /слѣва/ и
КОНСТАНТИН АЛЕКСѢЕВИЧ ГЛОБА-МИХАЙЛЕНКО /справа/.

-------oOo-------



ПЕРВАЯ ПЕРЕДАЧА "ЗВЕРИАДЫ"

Все относящееся к этой передаче и изложенное в дальнейшем почему то прекрасно запечатлелось в моей памяти.

Итак, в один из вечеров в конце мая 1906 г. вслед за последним выпускным экзаменом по спальне 1-ой роты стали бегать отдельные, юркие "личности" и каждому встречному таинственно шептать: "сегодня передача Звериады, когда притушат огни; форма одежды - мундир и подштанники на выпуск". Я как-то не обратил внимания на приготовления к этой передаче, хотя они несомненно были. Надо было написать текст, купить книгу для его увековечивания и тому подобное. На покупку книги был произведен сбор - это я знал. Кто разработал весь церемониал передачи - не знаю. Текст написали, как я узнал позже, два наши журналиста - кадеты УП класса Жиркович и У1 класса В. Крейтер. В особенности первый приложил к нему свою руку. Надо сказать, что наша "Звериада" была написана довольно бойко, порой очень остроумно, но вся в ругательных тонах, где поносились все наши воспитатели и педагоги. Должен ли был быть такой ее тон по традиции, я и сейчас не знаю. Около 10 ч. вечера после команды дежурного воспитателя "прекратить разговоры", все смирно улеглись по кроватям. Дежурный воспитатель был какой-то прикомандированный для прохождения стажа, маленький, черненький штабс-капитан, фамилию которого не могу вспомнить. Как только воспитатель удалился в свою комнату, сейчас же по рядам кроватей пронесся шопот: "вставать". Встал, конечно, и я. Надел мундир, сапоги, выпустил на них белые, трикотажные подштанники, и т.к. я был такие довольно юркая "личность" не в меру шаловливая, несмотря на свои 18 лет, то сейчас же стал пробираться к выходу из спальни. Там уже толпилось довольно много кадет, в своей форме напоминавших чем-то солдат не то Александровской, не то Николаевской эпохи (черный мундир и белые штаны). У самых дверей впереди всех стояла "кавалерия". Это были все кадеты, выходившие в кавалерийские училища. Были они на конях. Кони были в виде палочек с маленькой лошадиной головкой на конце. Такие палочки продавались для игр маленьких детей. Согласно приказа "юнкера", т.е. кончившие корпус (7-ой класс) должны были итти без строя, а шестой класс в строю. Вся рота двинулась в наш белый зал на третий этаж, мимо церкви и статуи Суворова. В роте было около 180 человек и когда все проходили у самой двери комнаты дежурного воспитателя, не слышать этого было нельзя. Однако он не вышел, что был обязан сделать. Думаю, он был напуган и ничего не хотел предпринимать до поры до времени.

В зал сначала прогарцевала "кавалерия", сильно горяча коней. Замыкающим был кадет моего отделения Мачихин. Это тот самый знаменитый Мачихин, который окончил корпус с "союзом" ("и" Ма--ин) и на пари съедал 10 наших котлет и выпивал графин квасу в один присест. А котлеты, надо сказать, Флор Иванович (наш эконом по наименованию "Звериады" - Вор Иванович) давал не маленькие, правда, больше с хлебцем. Впоследствии служил Мачихин во Владимирском уланском полку, который стоял в Ново-Минске у Варшавы. По слухам, он пал геройской смертью в разъезде, чуть-ли не в первую ночь после объявления воины Германией. За "кавалерией" вошли в зал и мы: артиллеристы, саперы и "матушка" пехота. Мы, седьмой класс, гурьбой, а шестой строем. Подумать только какая дисциплина и послушание приказу, неизвестно кем отданному, и без участия начальства, даже вопреки этому начальству! Когда все стали по

местам, мы по одну сторону, шестой класс - против нас, вышел вперед наш вице-фельдфебель Миша Ипатов (не уклонился и он от церемонии) с книгой в руках. Книга была толстая в прекрасном бархатном переплете, напоминающая книгу Евангелий в богатых церквах. Несмотря на тогдашнее мое легкомыслие и полную пустоту мальчишки, когда я узнал все содержание "Звериады", мне стало жаль такого богатства! Затем был вызван Крейтер, как предназначенный быть новым вице-фельдфебелем. Ему была прочитана и передана "Звериада" с суровым наказом и дальше не давать спуску "зверям", т.е. учителям и воспитателям. Конечно всего содержания "Звериады" я помнить не могу, но определенно знаю, что в ней никто пощажен не был, за исключением преподавателя русского языка Дмитрия Николаевича Фомина. Может быть у авторов просто не поднялась на него рука. Заключительные слова "Звериады" на прощание с Д.Н. Фоминым я запомнил. Надо только напомнить более младшим бывшим кадетам, что был он необычайно малого роста.

"Прощай Фомин, малютка слабый,
Мы все любили Твой предмет.
Тебя до гроба помнить будет
Лихой Суворовский кадет".

В особенности хлестко был продернут "Звериадой" наш командир роты полковник Серко-Соловьевич. Почему то кадеты не оценили этого хорошего воспитателя и прекрасного человека. Правда, ходил он всегда немного сутулясь, смотрел как-бы исподлобья, и во время своих очередных разносов перед строем роты несколько рычал и делал из наших шалостей, как нам казалось, самые неожиданные и не идущие к делу выводы. По молодости и неопытности мы не могли его оценить; он казался нам и строгим и сухим, а нравоучения его - глупыми. За это он, повидимому, и носил прозвище "Балдин". А между тем был он прекрасным воспитателем - по призванию, любил нас "кадетишек", многие из которых могли вывести из терпения даже святого. В числе их был и я. Не даром Степан Нилович много раз говорил мне: "я Тебя люблю, но Ты большой шелопай".

Надо сказать, что корпус мы кончали (в последних классах) во время Русско-Японской войны. Всех огорчали наши неудачи в этой войне, все искали их причин. В одной из очередных речей Соловьевич обрушился на нас за переделку казенной одежды. Наши казенные брюки были широкие и длинные, а мода того времени требовала, чтобы они были узкие и короткие со штрипками. В своей громовой речи Соловьевич рычал, что начинается с порчи казенного имущества, а кончается такими вещами, как наши поражения во время войны. Как видно, это показалось забавным авторам "Звериады". Выругав его сначала даже "черным словом", назвав "Балдой", они поместили и такие строчки, которые я случайно запомнил:

"Что брюки узим, подрезаем
И потому-де на войне,
Бараньим стадом убегаем,
Не побывав еще в огне".

Перед первой войной, когда я жил и учился в Петербурге, кажется в 1912 году, я как-то встретился с А.О. Соловьевичем на улице. Он был уже в форме отставного генерала и жил постоянно (кажется с сыном) в Петербурге. Я был мгновенно узнан, мы расцеловались и сейчас же перешли на дорогие нам воспоминания о нашем корпусе. Встречались мы и потом и я, уже взрослый и кое-что понимавший в жизни, по достоинству оценил этого доброго и прекрасного человека. Любил он и корпус и нас, наверное, до конца своих дней.

По каким-то неведомым каналам самый факт передачи "Звериады", а главное, точное ее содержание стали сейчас-же известны начальству. Узнали мы, что ее содержанием больше всего огорчился Соловьевич; говорили, что старик даже прослезился от обиды. Один "Антоша" ходил гоголем, чаще чем обычно салютовал своей палкой, нисколько не скрывая, что он знает содержание "Звериады", касающееся его. Хитро подмигивая, он что-то говорил о "бифуркации дурацкой", намекая, что он и этот стих запомнил. В самом деле, в "Звериаде" было написано, что он нас учил о "бифуркации дурацкой" (наносные явления, сделанные течением рек).

Продолжаю, переходя после такого большого отступления к самой передаче. После напутствия шестому классу мы тем же порядком вернулись в роту и улеглись по местам. Но прежде, чем заснуть, на трубе нашего солдата-сигналиста был дан Савлицким (большим) сигнал: отбой. На другой день в журнале дежурств было сказано дежурным воспитателем, что ночью в спальне кто-то проиграл сигнал:"отбой". Только и всего. Воспитатель так и не выходил из своей комнаты! Как я сказал, мгновенно все стало известно и Соловьевичу и всем нашим офицерам. Был сделан доклад С.Н. Лаврову. Он собрал нас вечером по обыкновению в кружок, не прибегая ни к каким уловкам, прямо заявил, что ему о вчерашнем происшествии все известно. Он много говорил нам о значении традиций и закончил тем, что если мы хотим, чтобы такие передачи делались и дальше, он ничего не имеет против. Не правда-ли мудро! Вот и все, что я могу сказать о первой передаче "Звериады" в 1906 году.

Чикаго. К.А. ГЛОБА-МИХАЙЛЕНКО (I Выпуска)

МАЛЕНЬКИЙ БУНТ ИЛИ КАК МЫ СТАЛИ "БОЛЬШИМИ"

Бывает, что случайно услышанная или прочитанная фраза вызывает в памяти целую картину. Это случилось и со мной, когда в очерке Н.М. Витте, помещенном в № 5 "Суворовца" (окончание), я прочел: "Под арест сажали лишь с третьего класса". Мне вспомнился случай, повидимому послуживший основанием, почему именно с 3-го класса начинали сажать в карцер. Оставшись во 2-м классе на второй год, я попал в 1-ое отделение к капитану Николаю Константиновичу Гулякову. Это отделение замечательно тем, что никогда не было в 3-ей роте.

В тот год, когда мы перешли в 3-й класс, в корпусе открылся только 6-й класс и необходимо было как-то распределить шесть классов по четырем ротам. 6-й и 5-й составили 1-ую роту, 4-й и первое отделение 3-го класса - 2-ую роту, второе отделение 3-го класса и 2-ой класс образовали 3-ю роту, а 1-й класс - 4-ую роту. Таким образом из 4-ой роты наше отделение перешло сразу во 2-ую роту. Можно себе представить, как мы задирали носы и с каким уничтожающим презрением смотрели на своих менее счастливых одноклассников в 3-ей роте.

Мой отделенный воспитатель Н.К. Гуляков капитан 38-го пехотного Тобольского полка, безукоризненно честный служака, достигший почти предела карьеры армейского офицера - роты, решил переменить строевую службу на педагогическую. Но, к сожалению, не будучи врожденным педагогом, заблаговременно не запасся необходимыми знаниями в области детской психологии и педагогики. Это и привело к "маленькому бунту" нашего отделения.

Попав во вторую роту и находясь одни среди трех отделений 4 класса, мы сразу почувствовали разницу в обращении воспитателей 4-го класса со своими кадетами и Н.К. Гулякова с нами. На 4-ый класс смотрели как на юношей, а нас Николай Константинович третировал как детей. В чем это выражалось? Трудно, почти невозможно, в коротких словах объяснить. Из многих причин, приведших к"бунту", только две можно определить; остальные, а их много, не поддаются определению. Это сочетание ощущений и для определения каждой из них пришлось бы пуститься в психологический разбор. Одна из легко определяемых причин - наказания. Кроме общих для обоих классов взысканий, как то: замечаний, оставления без сладкого, без отпуска и т.п., Гуляков попрежнему ставил своих "на штраф", что уже не практиковалось в 4-м классе. Легко себе представить кадета 3-го класса, стоящего у стены в ротном зале. Всякий проходящий четвероклассник издевается над несчастным. Принимая "кавалерийский" тон, начинает: "Стойте смирно! разверните носочки" и т.д., а другой тут-же добавляет: "Деточка, вы бы стали в угол носом". А то соберется несколько человек и начинают острить и потешаться над стоящим. Можно ли терпеть подобные издевательства? Другая причина: по существовавшему допотопному положению, как и в войсках, воспитатели должны были прочитывать получаемые и отправляемые кадетами письма. Это никогда не практиковалось; даже в первом классе мой прежний воспитатель подполковник Михаил Казимирович Пузыревский этого не делал, как не делали и другие воспитатели. Гуляков же, придерживаясь буквы, аккуратно вскрывал письма. Прочитывал ли он их или нет, мы не знали, но письма давались нам вскрытые. На это можно было не обращать внимания в 4-ой роте, но во второй....!

Мы протестовали против постановки нас "на штраф", вскрывания писем и тех мелочей, которые нам казались унизительными, но ничто не помогало. Тогда решено было перестать разговаривать с воспитателем. На все попытки Николая Константиновича заговорить с кем-нибудь, в ответ было короткое "так точно" или "никак нет". Такое положение долго продолжаться не могло; воспитатель не мог скрывать его от начальства и.... Гуляков "заболел". Первые дни мы были "беспризорными". Правда, иногда заходили к нам в класс воспитатели из 4-го класса; иногда ротный командир полковник Михаил Николаевич Дрейер - посмотреть, что у нас делается. Нужно сказать, что в это время мы вели себя "тихо". Но так как "болезнь" затянулась, то в течение этого времени у нас перебывало несколько, не имевших еще своих отделений, резервных воспитателей. Помню лишь одного артиллериста Шт. капитана Орлова. Однажды, почти в самом начале "безвластия", во время вечерних занятий, когда мы сидели одни, в класс пришел директор С.Н. Лавров. - "Ну, что это такое у вас происходит? Что сделал вам ваш воспитатель? Чем вы недовольны?" - Все молчали. Никто не решался говорить, да если бы и решился кто-либо, то просто не знал бы с чего начать. Прождав немного и видя,что все молчат, Степан Нилович сказал, что он не пришел к нам производить дознание, а хочет просто поговорить с нами и узнать, чем мы недовольны и, начав задавать наводящие вопросы, развязал нам языки.

Более часа беседовал с нами директор, не только терпеливо и внимательно выслушивая наши жалобы, большинство которых мы даже не умели точно выразить, но отлично схватывая самую сущность, помогал их формулировать.

Говоря с нами не как с детьми, а как с серьезными юношами - чем нам очень польстил - он убедил нас, что 9/10 наших жалоб лишь кажущиеся и основаны на нашем обостренном самолюбии, и что никто не хотел нас обижать. На нашу же просьбу дать нам другого

воспитателя, - ответил, что капитан Гуляков ничего противозаконного не сделал, а что он формалист - так это не преступление и сменять его не за что. Закончил же свою беседу, пообещав, что ни писем вскрывать, на "на штраф" нас ставить не будут, а уходя, как-бы спохватившись, спросил: "а как же вас наказывать, если не ставить "на штраф?" Сначала одиночные голоса, а потом хором, мы заявили: "Сажать в карцер". - "Ну, хорошо", согласился директор и посоветовал забыть все бывшие недоразумения, как он забудет наш теперешний проступок.

Когда через некоторое время Гуляков "выздоровел" и пришел в класс, он был другим человеком. Должно быть директор поговорил с ним, а он за время "болезни" подчитал психологию и педагогику. В дальнейшем мы жили дружно и он неоднократно выручал на комитетах из "тяжелых обстоятельств" своих кадет.

Итак, мы стали "большими." Писем наших не вскрывали и мы могли без опасения переписываться со своими дамами сердца; "на штраф" не ставили, а в случае необходимости преподаватели удаляли из класса, а воспитатели отправляли в карцер.

Кому выпала "честь" первым попасть в карцер, не помню, но твердо знаю, что не мне, хотя в дальнейшем я был одним из частых посетителей подземного царства Смирнова-Гефеста-Кулявого.

Н.Н. СТРАШКЕВИЧ (1У выпуска)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СУВОРОВСКОМ КОРПУСЕ

Весна 1909-го года внесла в нашу жизнь крупную перемену. В середине марта была получена телеграмма из Петербурга, извещавшая мою мать о серьезном состоянии здоровья Бабушки. После короткого совещания с отцом, она решила безотлагательно ехать в столицу. Засуетилась прислуга, наскоро были уложены мамины чемоданы и в тот же вечер она уехала в скором поезде. Провожала маму вся семья и по возвращении с вокзала домой все мы почувствовали какую-то угнетающую пустоту. Так, вероятно, бывает всегда, когда заботливая и любящая мать внезапно покидает свое гнездо. Отец ушел в свой кабинет, где что-то долго писал.

Мы с Александром, моим старшим братом, и маленькой сестренкой Ольгой ходили из комнаты в комнату, стараясь себя чем-нибудь занять, ибо буквально не знали, что с собой делать. Прислуга, состоящая из курьера моего отца, Брадковского, кухарки Анны и горничной Вероники, сидела на кухне и неторопливо пила чай "с блюдечка", изредка перебрасываясь несколькими ничего незначащими словами в пол-голоса.

Фрейлейн Мари, наша гувернантка, ходила с озабоченным видом то в кладовую, то в буфет, гремя связкой ключей и хлопая дверцами шкапов. Мы слышали как она зачем-то переставляла многочисленные банки с вареньем и маринадами и, громко пересчитав как те, так и другие, аккуратно все записывала в своей книжке. В общем, во всем доме чувствовалась какая-то невязка, а мы, дети, остро чувствовали отсутствие нашей матери и хозяйки дома.

Часам к 10 вечера в дверях нашей спальни внезапно появился усатый красавец Брадковский, наш общий любимец и заслуженный ветеран японской войны, на груди которого всегда красовались два серебрянных георгиевских креста. "Панычи, прошэ до Пана!" сказал он, посматривая на нас с какой-то необычной ему серьезностью. Мы с Сашей удивленно переглянулись и, не понимая в чем дело, молча прошли в кабинет отца.

Здесь будет уместно объяснить, что мы с Сашей в это время учились в гимназии. Мне шел четырнадцатый год, я готовился к переходу в 4-ый класс; я был отчаянным лентяем и сорванцом, чем часто огорчал своих родителей. Саше шел шестнадцатый год, он был одним классом старше меня и юношей примерного поведения. Благодаря своей тихой, скромной и кроткой натуре, он был общим любимцем как воспитателей, так и своих одноклассников.

В то время как я со своими сверстниками гонял по "Лазенкам" и "Ботаническому саду" в поисках всевозможных приключений и, часто, драк, Саша прилежно сидел за книгами и усердно учился. После недоброй памяти революции 1905/6 года гимназии и другие гражданские учебные заведения все еще продолжали быть рассадниками всевозможных революционных идей, насаждаемых какими то подозрительными лицами, явно не русского происхождения. Этот факт был общеизвестен и, повидимому, чрезвычайно беспокоил наших глубоко-патриотически настроенных родителей.

Отец мой в то время занимал видное положение в Судебной Палате Варшавского округа и, по общим отзывам, был выдающимся гражданским начальником, известным своей гуманностью, справедливостью и высокими принципами. Мать моя происходила из известной в Петербурге семьи и также была высоко-образованной и культурной русской женщиной (Высшие педагогические курсы в Петербурге).

x x
x

Когда мы с Сашей вошли в кабинет отца, он повернулся к нам и, испытующе поглядев на обоих, пригласил нас сесть. "Друзья мои" обратился он к нам - "я попросил вас зайти ко мне по особо важному делу!" Мы затаили дыханье и слушали. "Мне очень не нравится нездоровая атмосфера, создавшаяся в вашей гимназии," продолжал отец, не сводя с нас своих глаз, "и я решил сделать из вас обоих достойных граждан нашей великой родины". Мы продолжали молчать, вслушиваясь в каждое его слово. "Я только что написал директору вашей гимназии, объясняя ему, что освобождаю вас от дальнейшего посещения классных занятий, ибо имею намерение перевести вас обоих в Суворовский Кадетский Корпус. Завтра же вы приобретете себе все необходимые учебники и начнете подготовку к экзаменам в Корпус!" Мы с Сашей разинули рты от неожиданности и снова молча переглянулись. "Экзамены вы оба будете держать в конце мая" продолжал спокойно отец. "У вас в запасе два месяца и я совершенно уверен в том, что вы оправдаете мое доверие!" Промолчав немного, отец прибавил строгим голосом: "Надеюсь, что твердое решение, принятое мною, вам понятно! Не так ли?"

В моей голове был сумбур и пока я приводил свои мысли в порядок, Саша встал и ответил отцу за нас обоих: "Папа! нам опротивела гимназия. Там даже малыши занимаются критикой правительства и начальства, а взрослые устраивают сходки и записываются в какие то подпольные общества. Когда я выругал какого то длинноволосого и неопрятного типа, старающегося внушить моим одноклассникам, что патриотизм это пережиток старого и что России нужна еще одна революция, меня окрестили черносотенцем. Мы с Володей с удовольствием перейдем в Корпус!"

В моей полу-детской памяти быстро промелькнул подтянутый, аккуратный и всегда вылощенный кадет УП класса Борис Турцевич, сын приятеля моего отца генерал-майора Турцевича, и мой ровесник кадет Ш класса Римский-Корсаков, чрезвычайно представительный и красивый мальчик, с которым я изредка встречался у знакомых. Идея стать таким же аккуратным и подтянутым кадетом мне очень понравилась. Мой детский ум дальше этого не шел, ибо я в то время еще мало разбирался в создавшейся в гимназии обстановке.

"Хорошо!" сказал отец, поднимаясь и крепко пожимая нам руки, "завтра вы начнете свою подготовку. Бог вам на помощь!" и он трижды перекрестил нас. С этого дня в нашей с Сашей жизни начался глубокий перелом, оказавший впоследствии огромное для нас значение.

На следующий день мы действительно приобрели все необходимые руководства и каждый из нас начал подготовку к предстоящим экзаменам. Саша предпочел заниматься, запершись в своей комнате, я же, верный себе, шел в Лазенки с двумя или тремя учебниками подмышкой и там, сидя на скамейке у лебединого пруда, больше любовался пробуждающейся природой и только изредка кое-что подчитывал.

В конце марта скончалась в Петербурге наша бабушка, Поликсена Николаевна Кедрина, урожденная княжна Гагарина, и в начале апреля наша мама вернулась домой. Решение отца она приняла одобрительно и, будучи талантливой и высоко-образованной женщиной педагогом, начала помогать нам в более сложных вопросах подготовки.

x

x x

Я никогда не забуду этого прекрасного майского утра, когда отец наконец повез нас с Сашей на экзамен в корпус. Был теплый и солнечный день. Природа была в полном расцвете. Ярко-зеленые каштановые деревья, стройно выстроившиеся вдоль Уяздовской и Бельведерской аллей, выглядели весело и нарядно. Молодая листва блестела на солнце и радовала душу. Беззаботные стаи птичек перелетали с дерева на дерево, оглашая воздух своим громким щебетанием. Аромат цветов, смешанный с запахом изумрудной травы, заполнял легкие при каждом вдыхании молодой груди... Как легко, как радостно было вдыхать этот фимиам природы и чувствовать пробуждающуюся энергию своего молодого организма! Ровное цокание лошадиных копыт по гладкой торцовой мостовой звучало ободряюще и приятно для слуха.

Отец в парадном вицмундире, с трехуголкой на голове и Владимиром на шее, выглядел торжественно и до сурового серьезно. Рядом с ним сидел Саша и, пользуясь последними минутами, оставшимися в его распоряжении, просматривал какой то учебник. Я примостился на переднем сидении и мечтательно глядел на нарядную картину природы, развертывающуюся перед моими глазами. "Выдержу, или нет?" в сотый раз пробегала мысль в моей голове. "Должен!" отвечал я себе в решительной форме.

Вот мелькнуло из-за деревьев серое трехэтажное здание корпуса. Кучер замедлил ход и мягко подкатил к парадному подъезду. Я выскочил первым, за мною поднялся Саша, а затем и отец.

"Дети, сохраняйте спокойствие, не торопитесь и все будет хорошо", сказал он, проходя в открытую швейцаром дверь. Вестибюль был полон народу. Везде были видны разнообразные и подчас разноцветные мундиры военных, нарядно одетые дамы и подростки-мальчики в затейливых, повидимому, парадных костюмчиках. Все они стояли группами и переговаривались в полголоса. Отца кое-кто узнал и он, раскланявшись с несколькими военными, вступил в оживленный разговор с незнакомым нам полковником Лейб-гвардии Кексгольмского полка. Мы с Сашей остались на заднем плане и, переминаясь с ноги на ногу, чувствовали себя не в своей тарелке. Минут через десять с мраморной лестницы, выходившей в вестибюль, спустился полный, обросший седой щетиной бороды и усов, генерал с большим листом бумаги в руках. "Инспектор классов, генерал-майор Мартос" - услышал я шопот рядом.

Генерал сделал общий поклон и, подняв свой лист близко к очкам, начал выкликать фамилии. "Пожалуйте сюда, вот сюда!" говорил он скороговоркой, показывая место справа от лестницы. Из толпы стали выходить мальчики в костюмчиках больше в возрасте от 10 до 12 лет. Наконец очередь дошла и до нас с Сашей. Мы оба выделялись своим высоким ростом и гимназической формой. Генерал внимательно посмотрел на нас. "Вы в который класс держите экзамены?" спросил он, подняв брови. "Я в пятый, Ваше Превосходительство, а мой брат в четвертый" ответил за нас обоих Саша. "Так, так" проговорил генерал Мартос. "Подождите меня здесь, я сначала займусь первоклассниками!" Он увел куда то довольно большую группу мальчиков поменьше, затем, вернувшись, пригласил нас в Сашей следовать за собою. Мы поднялись по лестнице, повернули налево и очутились в каком то длинном помещении, увешанном картинами, с дверями по бокам. Впоследствии мы узнали, что это было помещение и классы второй роты.

Сашу отправили в один класс, меня в другой. Через несколько минут у меня начался первый экзамен по французскому языку. Если память мне не изменяет, экзаменовал меня мэсье Брюйер, пожилой толстяк с веселым лицом и живыми глазами. В первую очередь он открыл какой то учебник и попросил меня сначала прочитать, а затем перевести на русский язык небольшой рассказ. Сделал я это довольно бойко и свободно. Так как темой рассказа был бой французских войск за Аркольский мост, месье Брюйер спросил меня, знаю ли я историческое значение этого эпизода. Несмотря на серьезное значение этого экзамена на мою дальнейшую жизнь, я не мог отказать себе в чисто-детской шалости. "Так точно, господин преподаватель!" сказал я, смело смотря на его улыбающееся лицо. "Э бьен?" вопросительно поднялись брови господина Брюйера. "Это там Фельдмаршал князь Суворов разбил австрийцев и тем самым очистил дорогу для французов!" сказал я без запинки. Месье Брюйер поднял руки к небу, как бы призывая себе свидетеля такой исторической безграмотности, но снова, посмотрев на мою лукаво улыбающуюся физиономию, не мог удержаться от веселого смеха. "Французки вы знает", сказал он немного погодя, подымая свой указательный палец к моему носу, "зато ваш история очень кромает!" Затем он прибавил, снова расплываясь в улыбку: "Ви выдержал, ви имеете восмерка!" Это все, что мне надо было знать.

Следующие несколько экзаменов тоже были сданы мною на восьмерку, т.е. на наименьший балл, требующийся для приема в корпус со стороны. Наконец подошел экзамен немецкого языка. Многие годы жизни стерли в моей памяти фамилию преподавателя и его характерные черты. Помню только его чисто-детские вопросы: "Вас ист дас?" Отвечаю: "Дас ист айн хунд!" Опять: "Вас ист дас?" и т.д. Немецкий я в это время знал прекрасно и говорил как немец, но из-за своей мальчишески-шаловливой натуры тоже получил восьмерку. Не буду рассказывать своим друзьям все подробности "этого хождения по мукам", называемого вступительными экзаменами. Продолжались они два дня и в конце концов сильно утомили меня. Через неделю стали известными окончательные результаты. Я выдержал по всем предметам и был сразу же принят в корпус "своекоштным". Мой средний экзаменационный балл оказался 8,11. По какому то недоразумению учитель естественной истории поставил мне девятку и тем поднял мой средний балл чуть-чуть выше наименьшего.

У Саши же средний балл подходил к десяти, но он каким то образом провалился по алгебре, почему и должен был снова держать все экзамены осенью. В результате я, будучи принятым в корпус, "гонял за воробьями" все лето; усердный же и серьезный Саша

зубрил без конца. Осенью он, всетаки, блестяще выдержал и таким образом мы оба одели форму Суворовского Кадетского Корпуса к общей радости наших родителей.

х

х х

Брат мой Александр попал в 1-ое отделение 5-го класса, т.е. в старший класс 2-ой роты. Я, к своему глубокому огорчению, был зачислен в 3-е отделение 4-го класса и таким образом очутился в 3-ей роте. После обычного, и уже прекрасно описанного другими однокашниками, "священодействия" ротного "каптера" и "стригуна", я вышел из их мастерских рук высоким, длинноносым и худощавым подростком, весьма похожим на общипанного воробья. Черты мои были быстро подмечены одноклассниками, которые не замедлили дать мне прозвище "Шпицберген" или просто "Шпиц". Первые два, три месяца мне пришлось нелегко, особенно на строевых учениях, ибо я часто волновался и плохо поэтому отличал свою правую руку от левой. Тем не менее, будучи очень самолюбивым и способным юношей, я сравнительно быстро усвоил эту "муштру" и, как выражались одноклассники, "обломался" и приобрел кадетскую выправку. Одновременно я серьезно взялся за науку. Этот период был истинным переломом в моей жизни. Из развязного, ленивого и безалаберного подростка Корпус постепенно выковывал молодую, упругую сталь мускулов и разбудил дремавшие до того времени чувства сознания, ответственности, благородства, правды и беззаветного товарищества. Моим ротным командиром в это время был полковник Бенедиктов, близорукий, очкастый и очень снисходительный толстяк по прозвищу "Гора". Отделенным же офицером воспитателем - подполковник Александр Николаевич Зауэрвейт, маленький, неказистый и болезненный человек, но очень добрый и мягкий по натуре. Его легкое прихрамывание на левую ногу и полувоенный вид были быстро подмечены кадетами и он в нашем отделении получил кличку "Калики Перехожего". Достопримечательного в Александре Николаевиче особенно ничего не было, так что личность его как то стушевалась со временем. Помню только его редкие вспышки гнева, когда мы устраивали очередную проказу, и его неизменное восклицание: "А вот у нас во Втором Московском никогда ничего подобного не было".

Быт нашего Корпуса, распорядок занятий и другие подробности уже прекрасно описаны в предыдущих изданиях журнала "Суворовцы", так что на них я останавливаться не буду. Учиться мне было в общем легко и я без особого труда "осиливал" все науки, особенно математику, которую я очень любил. С переходом из класса в класс мой средний балл непрерывно повышался и окончил я Корпус в первом десятке. В первой роте у меня обнаружились некоторые способности к литературе, повидимому, наследство моей матери. Использовал я их, главным образом, в юмористической форме наших "Зверей" и в этом отношении даже получил некоторую известность. В это время мы все сильно увлекались футболом. Играли, когда это разрешало начальство, и играли с огромным воодушевлением. Состязались команды 6-го и 7-го классов, сводные команды 1-ой роты с 1-ой Гимназией, наконец команды Суворовского Кадетского Корпуса со студентами политехниками. Везде кадеты побеждали. Гимнастическая подготовка, глазомер, ловкость, необычайная смелость и совершенно невероятная и непостижимая для других кадетская спайка делали команду кадет единым монолитом, о который разбивались спортивные усилия всех соперников. Особенно отличался в нашей команде кадет 7-го класса Лучанинов, прекрасный гимнаст и идеальный спортсмен. Его трюки на футбольном поле неизменно вызывали аплодисменты как в публике, так и в воспитательском-преподавательском составе.

Прим.ред. 3-я строка снизу после "главным образом." вставить - описывая

Кадеты же, от мала до велика, буквально носили его на руках. Мой брат Саша, в то время уже кадет 7-го класса, как отличный футболист, часто выполнял обязанности "рэфэри", т.е. судьи. Я же, по недостатку необходимой сноровки на футбольном поле, обычно исполнял обязанности "корреспондента". Записывал подробности, особенности и результаты каждого футбольного "матча" и конечно делал всевозможные заключения в пользу кадет. Часто высмеивал наших противников и подчеркивал их ошибки. Кадетам моя роль нравилась и мои "бюллетени" неизменно читались и обсуждались в "курилке" при всяком удобном случае. Под впечатлением этого необычайного увлечения футболом я и решил, шутки ради, написать для друзей "сатириаду" на наших "зверей", изображающую их на футбольном поле. Подметив их особенности и подчас недостатки, применив их клички, я соответствующим образом составил две состязающиеся команды как из начальства и воспитателей, так и из преподавателей. Сейчас, после стольких лет жизни, главные подробности этого "необычайного состязания" улетучились из моей памяти. Сохранились только некоторые, наиболее типичные, выражения отдельных лиц. "Чичички" (частички) заикался на бегу за мячом штабс-капитан Демин, преподаватель физики. "Удрих Утарой любил картофель" осведомлял свою команду преподаватель истории, малоросс Маньковский. "Э-это б-брат н-не честно! Э-это т-тебе не резон!" сердился Ерема (командир 1-ой роты полковник Еременко), вырывая мяч у подполковника Жадан-Пушкина (прозвище общеизвестно, но, как всем нам понятно, не было бы пропущено цензором). "Гипотенуза!" свирепо ругается "Сапог" (подполковник Н.П. Ревишин), показывая кулак раскрасневшемуся и злому "Таракану" (офицер-воспитатель капитан Лнушевский), растянувшемуся вместе с мячом в луже. "Успокойтесь господа!" подняв палец, сухо прорек "Лимон", наш преподаватель космографии (директор Корпуса генерал-лейтенант Баулин) "таково свойство притяжения, регулируемое космическими силами". "Штабс-капитан Калиновский от слова калина-малина", аплодирует сам себе наш отделенный офицер-воспитатель, отбивая мяч от своих ворот. "Кислый, сернокислый натрий!", зажимая свой нос, бежит с поля "Морж" (инспектор классов и преподаватель химии генерал-майор Мартос). "Да, Ты его не бачу а он е!" летит за ним козлом Маньковский. Начинается суматоха. Команды "зверей" бросаются во все стороны, подозрительно оглядываясь на "Дрейфуса" (командир 2-ой роты полковник Дрейер), присевшего на середине поля от удара мячом в живот. Чтобы спасти катастрофическое положение, со скамейки зрителей срывается "Храбя Гробницкий" (наш знаменитый и достопочтенный преподаватель танцев статский советник Словацкий). Лихо становясь в "3-ю позицию", он браво командует: "Футбол - мазурка женераль! Пара за парой в атаку через пару, панове прошу!" В таком же духе были описаны и другие участники соревнования. Помню только, что "кадетская аудитория" одобрила, приняла и распространила мою "Сатириаду". Один из моих лучших друзей, Коля Пашкин, несравненный поэт и такой же юморист, не замедлил переложить ее с некоторыми видоизменениями в поэтическую форму "в назидание потомству". Помню только начало, да и то не совсем точно:

"Афиши яркие пестрели
Программой пышных номеров
Сегодня в цирке "Чинезелли"
Дебют всех новых скотов.
Два интересных представления
С участьем корпусных "зверей"
И сверх-футбольное сражение

Смотреть спешите поскорей.
О том гласили все газеты;
Ерема входит в каждый класс
Кричит: "К-которые кадеты
Желают в цирк идти сейчас,
П-пускай записку мне составят
И к-каптенармусу представят!"

Всего было написано страниц шесть и их частая декламация вызывала взрывы гомерического молодого хохота в "курилке". В один не очень удачный для нас вечер "в курилке" внезапно появился "Таракан" (дежурный по роте офицер-воспитатель капитан Янушевский) и потребовал у читавшего сборищу кадет 1-ой роты рукопись с нашими произведениями. "Нахальный" как то прозевал его. В результате поэма Машкина и моя "Сатириада" в прозе оказались в руках "Таракана". Это не предвещало нам ничего доброго, ибо капитан Янушевский был желчным, раздражительным и вспыльчивым человеком по натуре. С ним нам не раз приходилось сталкиваться еще до перехода в 1-ую роту. Зная его характер, мы сильно побаивались за последствия. Действительно "Таракан ударил в барабан" и в тот же вечер передал свою "находку" высшему начальству. В результате, "Лимон" назначил на следующий же вечер специальное собрание воспитательского комитета на предмет обсуждения такой вольности и злостной насмешки со стороны провинившихся кадет. Мы с Колей конечно волновались, но старались сохранить внешнее спокойствие. Как отнесутся "звери" к нашей проделке, мы не знали, но конечно от их решения не ждали ничего хорошего.

У нас кадет в это время был, однако, прекрасный способ, своего рода беспроволочный телеграф, узнавать заблаговременно все, что обсуждалось и решалось на таких заседаниях. Кто-либо из наиболее ловких и смелых гимнастов, знакомый с "катакомбами", по выбору всего класса забирался на чердак и, хорошо ориентируясь в лабиринте сообщений, устраивался у выхода вентилятора, ведущего в комнату заседаний. С этого стратегического пункта было слышно почти каждое слово. По словам нашего "разведчика", заседание открылось кратким и обычно сухим словом "Лимона". Затем он передал рукописи "Норжу" с предложением прочесть их вслух. Как ни странно, но впечатление, произведенное на присутствующих чтением первых строф поэмы Коли, имело совершенно не тот характер, который мы все ожидали. Повидимому воспитатели, сами по большей части бывшие кадеты, знакомые с характером любой кадетской "Звериады", не ждали никаких особенных похвал по своему адресу и поэтому приготовились смотреть на наш проступок скорее с юмористической точки зрения, и поэтому быть снисходительными к провинившимся. Так или иначе, начало поэмы, несмотря на ее явно насмешливый и подчас не совсем цензурный характер, было встречено громовым хохотом "зверей".

Сколько я сейчас помню, отделались мы с Колей сравнительно легко: нам сбавили по 2 балла за поведение и оставили на месяц без отпуска. На следующий день "Балдин" (готовящийся к выходу в отставку командир 1-ой роты полковник Соловьевич), сделав свирепое лицо, отчитал нас перед строем роты и закончил свой выговор своим любимым выражением: "Еще раз повторится, возьмете свои бэбихи и прямо нах хаузе!". Вечером того же дня "Ерема" вызвал меня из класса и, укоризненно смотря на меня, сказал: "Т-ты б-брат способный и учишься хорошо. Т-тебя б-брат все хвалят. А к-куда ты б-брат ударился? В-вот д-думаешь, что писатель. Д-да з-за таких писателей л-ломанного пятака за пару на б-базаре не

дают. П-подзаборная э-это б-брат литература, вот что. Т-ты у м-меня был на примете. А-а в-вот сейчас я т-тебя больше видеть не хочу. С-ступай б-брат в класс, д-да смотри у меня!"

Наше счастье было в том, что "влипли" мы в эту историю в 6-м классе; таким образом дело было еще поправимо. В нашем распоряжении был еще целый год времени с лишним. За это время я действительно подтянулся и одумался, и это в свою очередь заставило меня отказаться от остатков "глупого мальчишества". И только тогда мне стала понятна и я оценил по заслугам эту благородную снисходительность так называемых "зверей, высмеянных и обиженных мною из простого озорства. С этого дня я действительно приложил все усилия, чтобы встать в ряды образцовых кадет и лучших учеников. Таким образом серьезный урок, данный мне "зверями", не пропал даром. Кроме того, я прекрасно сознавал, что подобный проступок, сделанный в гимназии, грозил бы провинившемуся немедленным увольнением, да еще "с волчьим билетом", ибо гражданские воспитатели и начальство не умели, да и не старались разбираться в психологии подраставшего поколения, а кроме того были сухи и лишены чувства юмора, так присущего целым поколениям старых кадет.

Я видел, как внимательно следил "Ерема" за моим поведением и прилежанием и как одобрительно качал он головой, просматривая в журнале отметки, поставленные против моей фамилии. Тем не менее, в течение нескольких месяцев, пока Воспитательский комитет не признал меня окончательно реабилитированным возвращением мне высшего балла по поведению, "Ерема" был со мною подчеркнуто сух.

После возвращения с Рождественских каникул уже в следующем году мы, кадеты 7-го класса, стали серьезно поговаривать о поступлении в то или иное училище. Незаметно произошло разделение на группы. Наш вице-фельдфебель Лукашевич и его сосед по парте Резанов решили поступить в Политехнический Институт и стать "штафирками". Мой сосед по парте Миша Чернявский, сын инженера генерал-майора и один из моих самых близких друзей, возглавил небольшую группу выходящих в Николаевское Инженерное Училище. Целая плеяда "математиков", выходивших в артиллерию, стала заправскими "Михаилонами" и "Константинами". Страстные убежденные кавалеристы, число коих было весьма велико, записывались в "конники", кто "гвардейской", кто "южной школы". Создалась и значительная пехотная группа, мечтавшая выйти со временем в Варшавскую гвардию. Человек семь, в том числе и я, мечтали о военно-морской карьере. В свободное от занятий и учений время мы ходили развалистой походкой истинных "марсофлотцев". В разговоре неизменно употребляли морские наименования, позаимствованные главным образом из рассказов Станюковича, и собирали фотографии кораблей Российского Императорского Флота. Обсуждение кажущихся нам достоинств или недостатков того или иного линейного корабля Балтийского или Черноморского морей являлось обычно "квинт-эссенцией" наших дружеских бесед. Будущая кавалерия не замедлила окрестить нашу группу "самотопами". Мы же, не желая оставаться в долгу, прозвали ретивых "конников" своеобразной кличкой "уключники" (шпоры на нашем жаргоне являлись ничем иным, как уключинами). Будущие саперы получили по наследству название "гробокопателей", артиллерия - "пищальников", а "пешее сословие" - просто "не пыли пехота". В такой "добродушной вражде" отдельных групп пробежали последние месяцы пребывания в Корпусе и наконец подошли выпускные экзамены. Чтобы не ударить лицом в грязь, я зубрил с утра до вечера. Ложился поздно, вставал рано, задолго до побудки, и не выпускал учебников из рук.

Результаты не замедлили сказаться. Мой средний балл значительно поднялся и все однозначные цифры исчезли.

Накануне выступления 1-ой роты в лагерь, согласно распоряжению высшего начальства, из Морского корпуса за подписью его директора Вице-адмирала Русина была получена телеграмма в ответ на ряд прошений о зачислении туда. Увы, оказался принятым я один, ибо ввиду небывалого количества прошений и ограниченности вакансий Морское ведомство в 1913 году предоставило всем сухопутным корпусам Российской Империи только по одной вакансии. Это обстоятельство, по вполне понятным причинам, вызвало глубокое разочарование не только у меня, но и у всех моих друзей, так называемой"морской группы". Я даже заколебался, смотря на печальные лица около себя, и в течение нескольких минут думал, не идти ли в артиллерию, ради солидарности. Однако факты были налицо и мне предписывалось явиться в Морской корпус к 9 часам утра 4-го июня на предмет назначения меня в учебное плавание. При таком положении дел выбора больше не оставалось и для дальнейших колебаний уже не было места. Новость о моем зачислении в Морской корпус и почти немедленном отъезде быстро облетела выпускной класс и некоторые из моих друзей, готовящихся к отправлению в лагерь, укоризненно качали головой и звали меня "ловчилой". Конечно я был немедленно освобожден от необходимости идти в лагерь, ибо в моем распоряжении оставалось всего два дня для устройства личных дел и подготовки к отъезду в Петербург. А так хотелось отдохнуть после напряженных выпускных экзаменов и так хотелось погулять уже свободным человеком по Уяздовской аллее!

Когда я уже начал складывать свои вещи в спальне в дверях неожиданно появилась фигура дежурного офицера-воспитателя эсаула Черникова. Широко улыбаясь и сложив руки рупором, он закричал мне: "а ну-ка моряк, пожалуйте к ротному командиру!" Я немедленно бросил свой чемодан на кровати и прошел в ротное помещение, на ходу задавая себе вопрос: "что ему нужно? Не провинился ли я где-нибудь?" "Ерема", задумчиво опустив голову и заложив руки назад, медленно прохаживался по нашему теперь уже пустому классу. Увидя меня, стоявшего у дверей "смирно", он подошел ко мне и, протянув свою жилистую руку, крепко пожал мою. "Т-ты б-брат едешь в Морской корпус вице-унтерофицером", стараясь скрыть свое волнение, тихо сказал он. "Т-ты б-брат п-последний год был образцовым кадетом. Я д-два раза отставлял Т-тебя от производства и т-теперь об этом очень с-сожалею!" Мне было видно, что "Ерема" действительно тяжело переживал это расставание с первым из своих многочисленных птенцов и скорбил душою за допущенную им несправедливость. Его грустное и,ставшее необычайно мягким, обычно суровое лицо ясно отражало это чувство. "Господин Полковник!" сказал я,в свою очередь волнуясь и почувствовав себя глубоко растроганным таким мужественным признанием строгого по виду начальника, "разрешите поблагодарить Вас за все, что Вы лично для меня сделали. Я вполне заслужил наложенное Вами на меня наказание, и прошу Вас еще раз принять мое искреннее извинение за совершенный мною проступок!" Я увидел, как у "Еремы" задергались мускулы левой щеки и понял, что непритворный отец-командир снова пытается овладеть собою. После минутного напряженного молчания он снова протянул свою руку и, передавая мне незапечатанный конверт, адресованный директору Морского корпуса, сказал на прощанье, заикаясь больше обычного: "С-смотри б-б-брат, покажи себя в М-м-м-морском образцовым С-с-суворовцем!"
Это было мое последнее свидание с Григорием Марковичем, царство

ему небесное! Больше его я никогда не встречал.

Уже в поезде, по дороге в Петербург, я имел случай прочесть его письмо. "Ерема" рекомендовал меня как отличного кадета и такого же ученика. Инцидент, описанный мною выше, нигде не упоминался. Таким образом для меня открывалась широкая и ничем незапятнанная дорога к получению высшего специального образования, которое я избрал.

С тех пор прошли многие годы и пережиты были многие невзгоды. Тем не менее, яркий образ этого сурового на вид, но бесконечно честного и благородного рыцаря Российской Императорской Армии до сих пор четко сохранился в моей памяти. И рядом с ним встают образы тех "лучших из лучших", которые по мере своих сил старались сделать из нас всех достойных людей и честных сынов своей родины.

Вечная память тем наставникам и их достойным ученикам, которые уже положили свой живот, защищая до последней пяди свою порабощенную родину! Вечная память и всем убиенным и умершим! Честь и слава ныне здравствующим Суворовцам в рассеянии сущим! И да поможет Господь Бог всем нам снова вернуться на обновленную в своей крови и страданиях великую нашу Родину, великомученицу Россию, единую и неделимую!

Торонто

Владимир ЯСТРЕБОВ-БОУС
(УШ выпуска)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Читая прекрасно Н.М. Витте написанные очерки о родном корпусе, каждый из нас суворовцев, я думаю, с чувством глубокой благодарности вспоминает и вновь переживает это время юношества в стенах корпуса. То, что воспитанием, знаниями и привычками там нам дано оставалось и остается на всю жизнь. Этим очерком я хотел бы в дополнение к уже написанному Н.М. Витте напомнить суворовцам об исключительно развитом в корпусе чувстве товарищества, во всех его проявлениях. Оно было одной из прекрасных традиций нашего молодого корпуса. Лично мне, читая наши "Сборники", ярко вспоминаются примеры искреннего желания лучших учеников классов-отделений помогать более слабым ученикам в подготовке уроков, а затем и серьезных экзаменов. Без преувеличения и, не желая как-либо выдвигать лично себя, я могу сказать, что одной из причин моих учебных успехов - производства в вице-фельдфебеля и занесения на мраморную доску моего имени - был результат моей подготовки, необходимой для разъяснения заданных уроков и другой помощи моим товарищам-"разбойникам" (слова батюшки Модзалевского). Началось это с 3-го класса и кончилось последним выпускным экзаменом 1914 года. Кто из нас не помнит наши классные выезды "на дачу" для подготовки к экзаменам?

Начальство разрешало "устраивать" в классах "беспорядок". Раздвигались парты вдоль стен, делались укромные углы, завешиваемые географическими картами (не только для повторения географии); всем этим должна была создаваться какая-то особая, необходимая атмосфера для лучшего сосредоточения и зубрения и, главное без начальственного наблюдения. А накануне страшных экзаменов, на третий день подготовки, мои "лекции" по необходимости пользовались успехом и группы "слушателей" бывали многочисленны. Особенно по математике, программа которой была в корпусе исключительно обширна, а требования велики, эта помощь

слабым кадетам в учении неизменно практиковалась во многих отделениях нашего корпуса; именно это уже в корпусе зарожденное чувство и желание товарищеской помощи друг другу в наших маленьких нуждах и заботах было нашей прекрасной традицией. Эта традиция лучше всего подтверждается и теперь: она нашла свое выражение в сплоченности и идейном понимании ценности нашего Объединения. Равнение на-право на лучших было характерно для питомцев корпуса: хорошие поступки вызывали общее одобрение, ими сообща гордились, тогда как дурные замашки и привычки встречали общее, сплоченное порицание и борьбу против их распространения.

x

x x

В воспоминаниях "Сборников" отмечался некоторый кавалерийский дух, царивший в кадетской среде. Да, он несомненно был и, по-моему, начинался уже со 2-ой роты - с пятого класса. Помню в ее ротном зале за стеклянной дверью у первого отделения направо висели на стене таблицы, изображающие в цветах различные формы нашей армейской кавалерии. Это было как бы кавалерийской подготовкой для наших "пистолетов-конников". В Варшаве стояли Гродненские гусары и уланы Его Величества - наши "соседи". Красота форм, прекрасные лошади; перед окнами корпуса часто проходившие эскадроны, хоры трубачей, офицерские скачки на Мокотовском поле - все это своей красотой, выдержанным блеском, поражало юношеские сердца. Зарождалась мечта выйти в кавалерию, попасть в кавалерийское училище. Вспоминаются к тому же наши уроки верховой езды по пятницам (в синих брюках) в эскадронах уланского Его Величества полка. Внешнее проявление этого духа выражалось в помятой тулье кадетской фуражки, укороченных гимнастерках (не дай Бог подрезать - подшивали сами) и "как следует" затянутых поясах. У нас в выпуске был ряд убежденных конников и в связи с этим хотелось бы дополнить эти строки особенным переживанием, вероятно единственным в истории нашего корпуса.

Весною 1913 года, после перехода в последний класс было мне командиром роты полковником Еременко сообщено решение начальства о моем предстоящем назначении вице-фельдфебелем. Предстоящий переход в Пажеский корпус, куда дедушка меня зачислил кандидатом уже с 4 лет, был конечно отложен до окончания корпуса. По заведенному порядку новый фельдфебель сразу после летних каникул 15 августа производился в вице-унтерофицера; он оставался единственным "нашивочным" до дня нашего корпусного праздника. К 1-му октября производились после вице-фельдфебеля знаменщик и несколько "лучших" учеников в вице-унтерофицеры выпуска. Должен сказать, что мои друзья одноклассники, в первую очередь "кавалеристы", дали мне с начала учебного года прозвище "вахмистра". Накануне праздника, кажется, в столовой, 1-ая рота была выстроена и появился наш директор генерал Ваулин в сопровождении ротного командира. Мы поняли, что будут вызывать к производству. Первым был вызван назначенный знаменщиком Гординский, затем еще несколько кадет из 2-го и 3-го отделений. Я остался невызванным. Выйдя перед строем и, стараясь не терять лица, я сделал нужные команды и рота по приходе в зал перед классом была распущена. С радостью, такой даже еще теперь понятной, вновь испеченные унтера - юное "начальство" - спешили надевать погоны с двумя золотыми нашивками; при этом мне припоминаются эти две аккуратно вышитые под воротником гимнастерки находящиеся дырки для погонных тесемок. Мне же хотелось удалиться, попытаться проглотить нанесенную обиду, но я немедленно был вызван к полковнику Еременко, который, слегка, как обыкновенно

заикаясь, объяснил причину мне непонятного моего наказания. Оказывается, начальство считало, что тон моих команд был кавалерийский, т.е. слишком певуче-растянутый, а "кадетский корпус, т.е. боевая строевая рота, есть пехотная часть" - сказал полковник Еременко, "и ты должен научиться отчетливо и раздельно выкрикивать исполнительную часть команды". Подозреваю, что до слуха начальства дошла моя кличка "вахмистра" и при этом наказании тоже сыграла свою роль. Утешением бедному "вахмистру", его пораженному самолюбию, было все же сознание, что он своими двумя нашивками, уже от времени успевшими посеребреть, все же внешне продолжал выделяться перед новыми унтерофицерами. Через несколько недель и, уже "научившись" командовать по пехотному, я при втором производстве в унтерофицеры получил из рук директора погоны с тремя золотыми нашивками.

Стокгольм Н.М. фон ЭССЕН (IX ВЫП.)

О ПОДСКАЗКАХ, ШПАРГАЛКАХ И ПРОЧИХ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ

Общепринято считать, что помощь ближнему дело хорошее, заслуживающее поощрения. Исходя из этого соображения, мы и выручали друг друга в минуту жизни трудную, когда, не зная урока, приходилось отвечать или же, когда на экзамене, вытащив трудный билет, несчастный с тоской во взоре молчаливо умолял о помощи. Как тут не помочь? Я не собираюсь перечислять разные способы подсказок и виды шпаргалок - это не интересно, т.к. все знают их хорошо и неоднократно применяли их сами. Я же намерен рассказать несколько случаев, которые можно отнести к категории "самопомощи".

Итак случай первый: Экзамен французского языка. Экзаменатор мосье Брюйер. Ассистент штабс-капитан Латынин. Брюйер большой поклонник Виктора Гюго и, читая его стихотворения, приходит в раж. На экзамене языков требовалось сделать перевод или пересказ отрывка "а ливр увер", прочесть какое-либо стихотворение и ответить на несколько вопросов из грамматики.

Н. .. с грехом пополам сделал перевод. Надо прочесть стихотворение. Какое? Конечно Гюго. Став в позу, с чувством, с толком, с разстановкой, Н. начинает декламировать о листке, оторвавшемся от ветки родимой и гонимом ветром. Две первые строфы он хорошо выучил. Сделав паузу перед второй строфой, он внимательно смотрит на Брюйера, который, блаженно улыбаясь, наслаждается своим любимым Гюго. На третьей строфе роли меняются; Брюйер декламирует, а Н., кивая головой, повторяет за ним из пятого в десятое и наконец ясно произносит заключительные слова. Брюйер доволен. Экзамен выдержан даже без вопросов из грамматики. Латынин улыбается. Н. точно учел слабость экзаменатора и воспользовался ею.

Второй случай: Переэкзаменовка из геометрии. Экзаменует капитан Грамматикати. Известно, что он не из храброго десятка. Перед началом Г. обращается к нему с просьбой задавать все, что угодно, кроме площади круга из планиметрии и объема шара из стереометрии. Грамматикати обещает. Г. доволен и спокойно выходит к доске. Грамматикати смотрит на него и задает ... площадь круга. "Скотина!" думает Г., но первая парта близко. Острое зрение и небольшая словесная помощь. Ответ прошел сносно. - "Объем шара" - бросает Грамматикати и быстро отходит. В первую секунду Г. обалдел. Но вот глаза его загорелись

злобой и твердой решимостью. Кинув бешенный взгляд в сторону своего мучителя,Г. открыто подходит к ближайшей парте, берет книгу и, возвратясь к доске, не скрывая, списывает. Все застыли перед этой наглостью. Окончив переписывать, он спокойно возвратил книгу и стал у доски. Грамматикати был терроризирован такой наглостью и поставил 6. Г. перешел в 7-й класс.

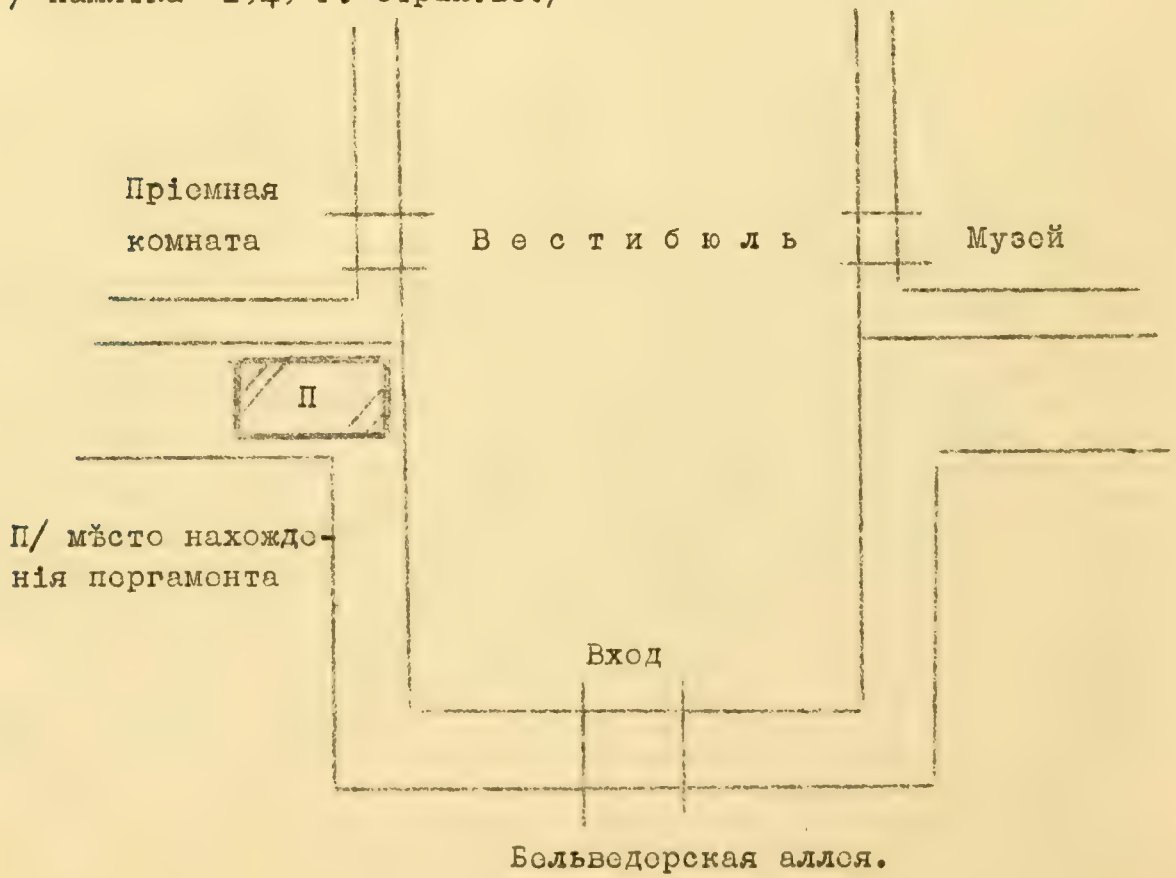
Случай третий. Выпускные экзамены проходят сравнительно благополучно. Но вот на одном из экзаменов "звери" замечают, что билеты отмечены. Взяли другую колоду и она отмечена; третья, четвертая - тоже. Выгоняют всех из класса. Остаются только отвечающие. Наше счастье, что это случилось в другом отделении. Есть время принять противомеры. Очередной экзамен у нас из законоведения. Предмет преподавал тошнотворно скучно гвардии капитан Болдескул. На его уроках всегда спали, а отвечали по подсказкам, к чему он относился как-то безразлично. Мы все стоим в ротном зале перед дверьми. Отвечают по желанию - без вызова. Первым идет знающий, не нуждающийся в помощи. Остальные толпятся у двери. Проходит больше половины экзаменующихся и все дают прекрасные ответы - прямо хоть в юридическую академию отправляй. А дело объясняется просто. В замазанных краской стеклянных дверях расчищена маленькая дырочка, к ней приставляется доставленный отцовский шестикратный Цейсовский бинокль. Входящий в класс первым берет нижний билет, приподнимая им другой. В бинокль хорошо виден номер и следующий, уже подчитав свой билет, выйдя, нерешительно его тащит, приподнимая другой, и т.д. Никто не получил меньше 8 баллов. И все довольны: "звери", что изобрели способ обезвредить отмеченные билеты, мы - нашли противомеру.

Это все случаи "самопомощи", а сейчас я расскажу веселый эпизод из области подсказки. В 6-м классе французский язык преподавал мосье Шарпантье. Маленький, худенький, с головой в виде треугольника основанием вверх и лицом напоминающий печеное яблоко; подвижной и нервный, точнее неврастеник и к тому же злой, как цепная собака. Плохо владея русским языком, он не мог выразить то, что хотел и чувствовал, особенно в минуты гнева, и ограничивался одним единственным словом "солдачина", что в русском переводе значило солдатня, вкладывая в него всю свою злобу и ненависть, при этом стучал костяшками рук и топал ногами. Наш полутехнический способ подсказки заключался в том, что склеивались листы из черновой тетради, вроде списка папируса, и на них крупными буквами писался перевод заданного отрывка рассказа, нужные слова, спряжения и пр. Такие свитки вставлялись в специальную рамку с ручками, поворачивая которые свиток разворачивался и вставленный между партами давал возможность стоявшему в полоборота к классу отвечающему читать. Ответ всецело зависел от зрения отвечающего, т.к. шпаргалкой владел "большой специалист" и с его стороны промаха не было. Так продолжалось долгое время. Но однажды у Шарпантье возникли подозрения и он стал присматриваться и ловить. Сидит француз сидит и вдруг быстро наклоняется в сторону, желая подсмотреть, что делается между партами и куда обращаются взоры отвечающего. Но наш брат не зевал. Подвижная физиономия француза выдавала его намерения, а мы проявляли большую осторожность. Свиток во-время исчезал и бедный Шарпантье, кроме ехидных улыбок на наших лицах, ничего не видел. Но вот беда, все чаще и чаще стал наклоняться француз и это влияло на качество ответов. Всем стало ясно, что так продолжаться не может. Необходимо переменить способ подсказки. На это нужно было время. К счастью, одному из нас пришла

"гениальная" мысль: проучить любопытного. Для этого потребовалось лишь несколько листов бумаги. К следующему уроку все хорошо подготовились, вызубрив все заданное. В подсказке никто не нуждался, но внешне все шло по-старому: украдкой бросались взгляды отвечающего, те же быстрые наклонения француза и та же всегдашняя неудача. Но вот подан знак. Легкое, как бы нетерпеливое движение отвечающего, быстрое наклонение преподавателя и его возмущенный крик "Солдачина". Стук костяшками по столу и топание ногами в одно и то же время показали высшую степень ярости Шарпантье. Но что же было причиной, вызвавшей этот приступ ярости? Сущий пустяк: восемь огромных, художественно исполненных кукишей, выстроенных шпалерами, глядели на него. Скандал? Преступление? Но ведь кукиши были предназначены отвечающему, а мы не виноваты, что француз оказался любопытным! Больше он никогда не подглядывал. Впрочем, он недолго пробыл в корпусе. В середине учебного года заболел и был отправлен в сумасшедший дом, где и окончил свою жизнь.

Н.Н. СТРАШКЕВИЧ (1У вып.)

Схема мѣста, гдѣ замурован пергамент.
/"Памятка" 1949 г. стран.18./



XIII ВЫПУСК - РОКОВОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Глава 2. 1-й класс, 1-ое отделение 1911/12 учебного года.

1-ое октября 1911 года - корпусной праздник. Парад и вечером бал. Эти картины жизни корпуса были уже описаны другими суворовцами, а потому я не буду подробно на них останавливаться. Скажу только, что этот первый парад в первый год моей кадетской жизни произвел на меня большое и ныне незабытое впечатление.

Вспоминаю я и наш огромный плац, как бы окаймленный черной лентой кадетских мундиров с погонами "алого сукна" и золотом галунов. И далеко на правом фланге, перед оркестром с сияющими на "ять" начищенными инструментами, строй всего личного состава - воспитательского и преподавательского - корпуса в парадных формах во главе с директором. А на левом фланге - группу гг. офицеров, бывших питомцев нашего дорогого корпуса, в блестящих формах гвардейских полков Варшавского гарнизона, а также и в скромных мундирах других частей. Несмотря на молодость нашего корпуса (в 1911 году был лишь У1 выпуск), эта группа была довольно многочисленна и в ней, за исключением моряков, были представлены все роды оружия.

Затем вынос нашего знамени под звуки марша "Гром победы раздавайся", когда замирало сердце от волнения и гордости. И, наконец, появление представительной фигуры Командующего войсками Варшавского Военного Округа Свиты Его Величества генерал-адъютанта Скалона; обход им рот, поздравление с праздником и громовое "ура" нашему Державному Вождю - Государю Императору, и торжественные звуки нашего русского, несравненного и незабываемого гимна.

Увидя, почти сорок пять лет спустя, изображение нашего знамени в "Общей тетради" С.Г. Двигубского, я почувствовал, как сильно до боли сжалось сердце, ибо мысленный взор обратился к корпусу и ко всему возвышенному и прекрасному, символом чего было знамя Императорской России.

После корпусного праздника наступили будни. Прошла первая четверть. Кончалась и вторая, когда мы в ожидании рождественского отпуска считали не только оставшиеся дни, но и часы, старательно вычеркивая на особых наших календарях и каждый прошедший урок.

Дома, в сочельник, в обстановке милых обычаев этого дня, я уже как "не маленький" получил от отца в подарок целый империал, который долго хранил как первую и самую большую драгоценность моей жизни. Тогда же, во время рождественских каникул, отец познакомил меня и с первой аттестацией, гласившей, что я мог бы учиться гораздо лучше. Замечание моего воспитателя Н.П. Ревишина меня подстрекнуло, слова отца подбодрили, и я решил "нажать" во втором полугодии. Приятны были каникулы; но и радостно было возвращаться в стены корпуса, уже ставшего родным, окунуться в семью однокашников и принимать участие в проказах и шалостях тех беззаботных лет.

Во втором полугодии я исполнил свое намерение - оправдал слова воспитателя, что мог бы учиться и лучше, и, выдвинувшись на первое место, был назначен старшим в отделении. Это второе полугодие промчалось как то особенно быстро и было очень интересным, потому что наша Родина готовилась к прославлению столетнего юбилея Отечественной Войны. Воспитатели и преподаватели часто вели с нами беседы об этих страницах истории

Государства Российского, пробуждая и укрепляя в наших, тогда еще детских, сердцах чувства патриотизма, спайки, сплоченности, дружбы и, как бы подготовляя нас к будущей почетной службе офицера - защитника Веры, Царя и Отечества.

За неделю до роспуска на летние каникулы мы совершали "походы" для ознакомления с окрестностями. "Походная" форма - скатанные шинели с притороченными котелками через плечо, "штаны в сапоги", да неизменные и такие вкусные на свежем воздухе котлеты с хлебом в сумке; все это нам особенно нравилось и представлялось "настоящим походом".

Побывали мы в Вилленове, где осматривали дворцы польских королей; на форту "литера Г"; в цитадели, где наш корпус провел первые три года после своего основания; познакомились с постройкой нового моста через Вислу у Иерусалимской аллеи, а также с сооружениями водоснабжения и фильтрования воды для всей Варшавы. Все это было и интересно и поучительно.

При переходе во второй класс экзаменов не было; нас переводили по баллам. В конце мая нас уже настоящих кадет второклассников распустили на летние каникулы.

Так кончился мой первый учебный год в нашем Суворовском кадетском корпусе.

Н.А.КОРЮС /XIII выпуска./

ИЗ "ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ" И ИЗ АРХИВА ОБъЕДИНЕНІЯ.

два скрещенных
погона
I899 внизу с В.К. I902.
сверху с СУВ.

П Р О Г Р А М М А М У З Ы К И
2I Ноября I902 г.
въ С У В О Р О В С К О М ъ
КАДЕТСКОМ КОРПУСѢ.

---.---

I. Маршъ военно-учебныхъ заведеній.
2. Торжественная увертюра I8I2 годъ .....Чайковскаго.
3. Вальсъ "На синемъ Дунаѣ" .....Штрауса.
4. Попурри изъ оп. "Жизнь за Царя".....Глинки.
5. Русскій дозоръ .....Иванова.
6. Романсъ "Я васъ любилъ".....Шереметева.
7. Увертюра изъ оп."Вильгельм Телль".....Россини.
8. Фантазія изъ оп."Орлеанская Дѣва".....Чайковскаго.
9. Вальсъ изъ балета "Спящая красавица"....Чайковскаго.
I0. Попурри изъ оп."Руслан и Людмила".....Глинки.
II. Торреадор и Андалузка .....Рубинштейна.
I2. Увертюра изъ оп."Орфей въ аду".....Оффенбаха.

---.---

/На оборотѣ./ Снимок главнаго зданія корпуса.

З А В Т Р А К ъ
въ СУВОРОВСКОМъ КАДЕТСКОМъ КОРПУСѢ
2I Ноября I902 г.

---.---

Разсольникъ.
Буліонъ.
Борщекъ.
Пирогъ съ капустой.
Осетрина подъ хрѣномъ.
Пулярда.
Салатъ, брусника.
Пломбиръ.

---.---

Примѣчаніе.А.Н.Потапова. Я получил от Полочанина Б.И.Сверчкова нѣсколько снимков из жизни нашего корпуса и среди них - программу музыки и меню завтрака в Суворовском Кадетском Корпусѣ 2I ноября I902 г. /напечатано выше/. Мнѣ вспомнилось, что, как будто, это торжество было по случаю перехода корпуса из Цитадели в новое зданіе, но мое воспоминаніе оказалось ошибочным, что и видно ...
ИЗ ПИСЬМА Н.Н.СТРАШКЕВИЧА ..."Этот торжественный день был не по случаю перехода в новое зданіе, а по случаю освященія храма и на этом торжествѣ присутствовал Великій Князь Константин Константинович. Служба была архіерейская. Служил Архіепископ Флавіан. Вспоминаю начало службы, происходившее перед закрытой дверью в церковь. Затѣм Архіепископ Флавіан, в сопровожденіи наших двух священников, вошел внутрь. Царскія врата были открыты и он прошел к престолу. Что дѣлал там не было нам видно, а потом обошел храм, окропляя стѣны и иконы святой водой. Послѣ этого нас ввели в церковь и началась архіерейская служба. Было нѣсколько обмороков с кадетами, так как освященіе и сама архіерейская служба были очень продолжительны."

---.---

ИЗ ПИСЬМА К.А.ГЛОБА-МИХАЙЛЕНКО ... "Я хотѣл бы, чтобы Ты помѣстил мою замѣтку по поводу воспоминаній в послѣднем номерѣ "Суворовцы" об А.А. Матвѣевѣ. Эта замѣтка, конечно,не принципіальное возраженіе, а просто поправка на болѣе раннее время. В статьѣ Н.Н.Страшкевича все в общем вѣрно, но в моей памяти сохранилось и еще кое что,/подчеркиваю - из моего времени/. Изученіе исторіи, в нѣкоторый період времени моей жизни, заставляло меня вспоминать об "Антошѣ" чаще, чѣм о других наших педагогах и образ его поэтому ярче запечатлѣлся в моей памяти.

Прежде всего я не вспоминаю, чтобы Антон Александрович преподавал нам что либо, хотя бы отдаленно напоминавшее лекціи Платонова,/не говорю об его учебникѣ русской исторіи - был и такой/,или Ключевскаго по русской исторіи. Требовал он от нас только по Иловайскому, да и то не всю его премудрость, а только в предѣлах, так называемаго, "размѣчиванія".Ах, это размѣчиваніе! У лѣнтяев, или вообще плохо учившихся, оно занимало больше времени, чѣм само изученіе урока. По каким то невѣдомым законам, или соображеніям, из Иловайскаго выпускались Антоном Александровичем цѣлыя фразы,или даже слова, которыя брались в скобки и учить их не требовалось. Правда, Иловайскаго он разнообразил нѣкоторыми, весьма скромными, добавленіями: показом иллюстрацій архитектуры, одежды, портретов замѣчательных людей различных эпох, в зависимости от того періода исторіи, который изучался в данном классѣ. Все было эпизодически и не в очень больших дозах. На многія вещи у него были оригинальные взгляды, а его отдѣльныя требованія подчас граничили со вздором. Маленьким тому примѣром был его коронный урок,который он давал в нашем классѣ два раза, при посѣщеніи Великим Князем Константином Константиновичем корпуса и уроков Антона в нашем классѣ. Эти уроки были посвящены доказательствам того, что Россія, по своему географическому положенію, историческим основам и "слабости" природных запасов, может быть только земледѣльческой страной. Заканчивал урок примѣрно такой фразой: кто ни утверждал бы вам обратное, не вѣрьте, ибо это такая ересь, которая не нуждается в большом и сильном отрицаніи." В свѣтѣ современности это звучит достаточно дико и заставляет предполагать,что у Антона Александровича было мало прозорливости.

По географіи у него было одно слабое мѣсто; он любил задавать вопросы по бассейнам океанов. Напримѣр: спрашивал - какой океан Азовское море,/надо было отвѣчать - Атлантическій/,или Охотское море,/надо было отвѣчать - Тихій/.Такіе вопросы смущали кадет,а не получая соотвѣтствующій отвѣт, Антон Александрович сердился и был неумолим в своем требованіи.

При мнѣ не было никаких стенографов и скорописцев с командой -"слоны на позицію".Это, навѣрно,пришло позже."Мишень," правда, была квадратная, но без всяких кругов внутри ея. До 4-го класса, она часто гуляла по головам малышей. В старших классах ее замѣнила обыкновенная записная книжка. Нѣчто вродѣ репетиціонной системы было и при мнѣ,особенно в старших классах. Мнѣ эта система была очень выгодна,т.к.сначала вызывались самые слабые ученики, а затѣм лучшіе. Я, вообще учившійся в корпусѣ крайне слабо,лѣниво, всегда у Антона Александровича получал II или I2 баллов,т.к. по исторіи и географіи меня вызывали одним из послѣдних и я все выучивал из предыдущих вопросов и отвѣтов, пользуясь своей прекрасной памятью. Конечно,такая система по математикѣ была не примѣнима и 7 или 8 баллов по ней для меня было уже улыбкой судьбы.

Да, оригинальный был педагог, что и говорить. Есть чѣм вспомнить этого большого чудака и добряка, искренно преданнаго корпусу и всѣх нас любившаго. Человѣк он был крайне вспыльчивый, иногда казалось больше им притворявшійся. Показателем его самаго большого раздраженія и неудовольствія, когда его становилось не совсѣм безопасно трогать, был возглас:"икону разобью",/что по всей вѣроятности значило - не пощажу ничего святого/.

В один из его припадков и послѣ выкрика - "икону разобью",кадет из нашего отдѣленія, Прохоров, стал что то ему возражать, за что немедленно был очень крѣпко выруган. Нас очень удивило, что этот случай стал извѣстен начальству, т.к. всѣ наши ссоры и дѣла с Антоном Антоновичем кончались между ним и нами. Завершилось это тѣм, что на одном из слѣдующих уроков, Антон Антонович сказал Прохорову: "вызывай меня на дуэль"! Да, Антон Атонович был большой чудак и оригинал.

Больших свѣдѣній по исторіи из корпуса я не вынес, а главное - интереса к ней; думаю, что так было и с другими нашими кадетами. Между прочим, чѣм должна быть настоящая наука, я узнал позднѣе и тогда же пріобрѣл интерес к ней. Из знакомства с ней, я вынес впечатлѣніе стройности, сказал бы, закономѣрности событій, даже логичность в их теченіи. В исторической наукѣ это называется "прагматизмом", хотя сильно и уже давно это теченіе раскритиковано."Прагматизм" замѣнили другія понятія. Может быть здѣсь играло роль само изложеніе ея тѣми или иными авторами. Надо сказать, что в военном училищѣ, послѣ послѣдняго экзамена,на старшем курсѣ, по военной исторіи, я пришел в помѣщеніе роты, бросил книги и заявил: "нѣт в моей жизни больше никаких исторій, кромѣ скандальных!" Судьба меня за это довольно быстро наказала. Потеряв года полтора, я именно ею стал заниматься. Я познакомился не только с лекціями Платонова, Ключевскаго,/позднѣе - Кизеветера/ по русской исторіи, но прочитал по всеобщей лекціи Петрова, Карѣева, Виноградова, даже старика Нибура и нуднаго Бокля. Читал и еще кое что. Изучал в академіи исторію русскаго права, что является частью русской исторіи вообще. Пишу это для того, чтобы потвердить, что и я до нѣкоторой степени могу судить о цѣнности того или иного преподавателя исторіи, тѣм болѣе, что мое знакомство с исторіей было оцѣнено при вступительном экзаменѣ в академію. Выдержал я этот, самый главный конкурсный, экзамен без труда, а главное сразу. Вообще вспоминая наших преподавателей, я не вижу никого выдающагося, кто мог бы возбудить болѣе или менѣе сильный интерес к своему предмету. Были хорошіе, нѣкоторые из них, учителя - вот и все. Были и анекдотическія фигуры. "Антоша" также был, в нѣкотором родѣ, анекдот, но он все же учил нас и предъявлял требованія, от которых не отступал. Если и были полныя невѣжды по его предметам, то в этом не его вина.

Среди наших воспитателей были болѣе яркія личности и первый из них - Степан Нилович Лавров, наш незабвенный директор корпуса.

Теперь нѣсколько слов по поводу замѣтки в сборникѣ "Из черновой тетради и из архива Объединенія" о постановкѣ в нашем корпусѣ пьесы "Измаил". В тетради сказано: "ставил "Измаил" 3-ій выпуск и это был первый кадетскій спектакль в нашем корпусѣ". Это не вѣрно,т.к. еще в 1904 или 1905 г.,т.е. когда я был в VI или VII классѣ, был поставлен кадетскими силами "Ревизор" Гоголя. В этой комедіи играл и я ни то Добчинскаго, ни то Бобчинскаго. Из участвовавших лиц, помню еще Слефохта старшаго,/фельдфебель 4-й роты Павловскаго Воен.Уч.,а затѣм офицер Л.Гв.Волынскаго полка./ Играл Слефохт Осипа и прекрасно. Я перед своим выходом сильно волновался и даже начал креститься; но сейчас же был "обложен", стоящим около меня, Слефохтом за малодушіе и трусость. Вот почему я и запомнил все это. Костюмы привезли нам из какого то театра. Женскія роли, насколько помню, также играли кадеты. Вот и все по поводу этой замѣтки. Ставились ли в мое время еще какіе нибудь спектакли и когда - не помню."

---.---

ИЗ ПИСЬМА С.В.НИТЦ ..."А.И.Пятибоков совершенно прав, утверждая, что в Варшавѣ у нас были 3-х линейныя винтовки кавалерійскаго образца.Онѣ с нами прибыли и в Москву. Лѣтом 1915 года, когда на фронтѣ был недостаток винтовок, их отобрали у нас и дали взамѣн берданки. Я думаю,что так было во всѣх корпусах. А.И.Пятибоков, в это время, уже окончил корпус и берданку не носил. Я в VII классѣ ее носил и скажу, что послѣ

Опечатка: строка 6 и 7 сверху - надо Антон Александрович,а не Антонович.

сравнительно легкой винтовки, берданка была слишком тяжела."
ИЗ ПИСЬМА М.А.МЕДЕР..."Наши 3-х линейныя кавалерійскія винтовки были отбраны в 1915 году и замѣнены берданками, так что не удивительно,что X выпуск не знал об этом."

---.---

ИЗ ПИСЬМА К.В.СОКОЛОВА ..."Перечитываю сборники, разсказы Линевича и думаю о том - откуда у нас привился воинскій дух, от семьи или корпуса; вѣрнѣе и оттуда и отсюда. Припоминается мнѣ такой незначительный примѣр. Как то в III классѣ и значит 3-й ротѣ, послѣ обѣда,на роту напал какой то психоз; кто то заорал и весь зал начал ему вторить, кричать, визжать, свистѣть. Дежурный воспитатель кричал, призывал к порядку: -"довольно, перестать кричать" - ничего не помогало. Как то воспитателя осѣнило и он скомандовал -"построиться" Всѣ моментально выстроились и шум прекратился. Потому - "строй святое мѣсто" Вот и разберись, откуда это было у нас, да еще в 3-м классѣ. Чтобы наши наставники особенно внушали нам такія идеи - не помню. Даже наоборот, подчас как будто старались искоренить военныя замашки, это, так сказать, в отношеніи традицій. Ну,"ночной парад" это еще можно понять - безпорядок, а вѣдь была другая традиція,/была ли она при тебѣ/ против которой боролось начальство. Как это повелось - не знаю, но до моего /5/ выпуска дошло. Послѣдній урок VII класса - и мы старались, чтобы вмѣсто звонка был "отбой" на трубѣ. Выбирался музыкант VI класса, с хорошим баллом по поведенію, и трубил отбой. Мотив был, если не ошибаюсь, артиллерійскій, а слова переиначенныя, конечно, с уставных - "полно вздором заниматься, трубач, труби отбой" Ты помнишь, что всегда на уставныя слова были другія, болѣе легко запоминавшіяся солдатами /да и нами/ вродѣ - "отрубили кошкѣ хвост","Настасія попадья","у папеньки, у маменьки просил солдат говядинки, дай,дай,дай","бери ложку, бери бак, хлѣба нѣту, бѣги так", и так без конца. Но я отвлекся. Традицію эту начальство преслѣдовало, трубачу сбавляли балл по поведенію; для того и выбирался с хорошим баллом. Вот теперь я и думаю, почему эта безобидная, и чисто воинская, традиція преслѣдовалась?"
Примѣчаніе. Как помнится мнѣ, традиція эта -"отбой"- повелась с I-го выпуска. Протрубил "отбой" в первый раз,/кажется не измѣняет память/ Зейфарт I-й на серебряном корнетѣ, который получил в подарок от Великаго Князя Константина Константиновича за прекрасную свою игру на этом инструментѣ. Кто трубил в нашем /2-м/ выпускѣ - не помню,но "отбой" был. А.Потапов.

---.---

ИЗ ПИСЬМА С.В.НИТЦ ..."Мой командир роты капитан Михальчук и мой курсовой офицер поручик Чижиков были убиты при попыткѣ захватить броневики, атаковавшіе Михайловскій замок со стороны Итальянской улицы. Пор.Чижиков - Суворовец, /спис.I отд.IУ вып./; окончил Николаевское Инженерное Училище и вышел в 24 саперный батальон. В концѣ 1916 года переведен в Ник.Инж.Уч. на должность курсового офицера."..."Ежегодно в Варшавѣ происходили скачки офицеров кавалеріи, конной артиллеріи и казачьих войск.Варшавскаго Военнаго Округа. В 1913 году было введено испытаніе строевой лошади. Испытаніе состояло из пробѣга в 40 верст при боевой укладкѣ, а в заключеніе скачки с препятствіями,на которыя допускались офицеры, прошедшіе и выдержавшіе пробѣг. На скачки вышло человѣк пятьдесят. Было нѣсколько заѣздов. В одном из них участвовали: ротмистр Бибиков, гвардейскій улан извѣстный спортсмен, и Гродненскій гусар Векилов - Суворовец /III вып./.Бибиков пришел на пол головы впереди. Во время скачки мы бодрили Векилова как умѣли и могли.Все же I-й приз, по числу всѣх очков, получил Векилов. В тот же день еще один приз, не I-й, взял Дрейер - 6 Волынскаго уланскаго полка, тоже Суворовец III выпуска. В этот день всего было 16 призов.

---.---

ИЗ ПИСЬМА Г.М.ГРИНЕВА... "Позволь воспользоваться этим случаем и высказать мое скромное мнѣніе и пожеланіе. Когда прочтешь всѣ номера /сборника/,то выходит, что мы были какой то кавалерійскій корпус - столько кавалерійских воспоминаній приходится читать. Но такой взгляд или вывод был бы ошибочен, т.к. даже принимая во вниманіе высокій процент Елисаветградцев, примѣрно 8 на 90, главное большинство наших выпусков выходило в пѣхоту, гдѣ и составили себѣ имя не хуже, чѣм в кавалеріи, к которой и я тоже имѣл честь принадлежать; это, собственно, и дает мнѣ право навести небольшую критику. Да и "ученыя училища" тоже давали не меньше Суворовцев, которые создали там себѣ имя и репутацію. Видимо наша категорія, воспитанная в "цукѣ," оказалась болѣе прыткой с пером в руках, чѣм другія, и поэтому мы все вспоминаем и вспоминаем. Напримѣр, нельзя ли попросить кого нибудь из пѣхотнаго училища написать как они там жили, как поддерживали наше славное имя, как оправдали свою репутацію впослѣдствіи на войнах. В этом отношеніи очень был тронут описаніем смерти Владимирова 2-го. Вѣдь сидѣніе мѣсяцами в окопах нельзя сравнить с раъѣздами, нѣсколькими конными атаками в год и стоянія мѣсяцами в тылах. Конечно, мы молодые в этом виноваты не были, но наш удѣл был значительно легче, наши потери совсѣм незначительны по сравненію с тѣми из нас кто пошел в пѣхоту. И чѣм болѣе блестящи были их полки, тѣм дороже они за это заплатили."

---.---

Перед тѣм как начать печатать списки выпусков,послѣ 5-го,я должен сдѣлать небольшое введеніе.

В одном из своих писем, С.В.Нитц высказал пожеланіе, чтобы в сборникѣ помѣщать списки не одного выпуска, а нѣскольких. Основаніем к такому пожеланію послужил очень простой разсчет: если в сборникѣ 7-м был список 5-го выпуска, а остается еще восемь, то - при двух сборниках в год - времени надо много. Пожеланіе и замѣчаніе справедливое. Поэтому,когда, послѣ переписки по этому вопросу, Н.М.Витте согласился взять на себя этот большой труд, то такое согласіе было мной встрѣчено с особенной благодарностью, ибо составить списки остальных выпусков, основываясь на имѣющихся данных, задача дѣйствительно весьма не простая и не легкая, если принять во вниманіе, что отдѣльныя фамиліи надо соотвѣтственно собрать во едино, а иногда и навести необходимыя справки. Конечно, среди этих, ранѣе собранных, данных могли быть неточности, которыя в дальнѣйшем будут исправляться, если - будут поступать дополнительныя свѣдѣнія от Суворовцев-однокашников. Есть уже нѣсколько таких поступленій, которыя будут помѣщены послѣ списков. В этом сборникѣ 8-м печатаются списки 6,7,8 и 9-го выпусков, а I0,II, I2 и I3-й будут помѣщены в слѣдующем сборникѣ, который, смѣю надѣяться, своевременно выйдет.

Суворовцы приносят, дорогому Николаю Михайловичу, искреннюю благодарность за его работу, такую трудную и сложную, исполнить которую, исходя из неполных и разрозненных свѣдѣній, можно было только при его большом желаніи и настойчивости в разборѣ всѣх этих данных.

---.---

А.Потапов.

СПИСОК КАДЕТ 6-го ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.АРВАНИТИ 3-й
2.БАЖАНОВ
3.ВОРОНОВ Илья
4.ГАВРИЛОВ в.у.о. Никол.Инж.Учил.
5.ГОФМАН Кіев.Воен.Учил.
6.ДАЦЕНКО
7.ДОМБКОВСКІЙ Александр Тверск. Кав.Уч.I4 гус.Митавск.полк.Ум.в Берлинѣ.
8.ДРИНЕВИЧ Серг.Дмитр.Ник.Кав.Уч. 9 уланск.Бугскій п.
9.ЗЫБИН Лѣсной инст.
I0.КАШКИН Серг.Александр.в.у.о.Александр.В.Уч.Л.Гв.Волынскій п.
II.ЛЕЙБИН
I2.Бар.МАЙДЕЛЬ в.у.о. Артил.Учил.
I3.МАШКИН Александр Л.Гв.Волынскій полк.
I4.ПЕТРОВ

15.ПОГОРЕЛКІЙ Дмитрій Александр. в.у.о.Елисав.Кав.Уч. 13 драг.Воен.Ордена п.
16.ПОТУЛОВ 2-й
17.РАЗУМОВСКІЙ
18.СЕЙФУЛИН Искандер в.у.о.Арт.Уч.
19.СИДОРОВИЧ Михаил Александр.В.Уч. 31 пѣх.Алексѣевск.п.
20.СТЕПАНЕНКО
21.СУРОВЦЕВ
22.ТЕР САРКИСОВ Андрей Александр. Воен.Уч.31 пѣх.Алексѣев.п.
23.УТГОФ Николай/Владимир/Л.Гв. Литовскій п.
24.ШИМКЕВИЧ
25.ЮЗЕФОВИЧ 2-й Константин в.у.о. Конст.Арт.Уч.Ум.в Парижѣ
26.ЯКОБСОН Морской Корп.
27.ЯХОНТОВ.

СПИСОК КАДЕТ 6-го ВЫПУСКА ДРУГИХ ОТДѢЛЕНІЙ.

1.АВЕНАРІУС Сергѣй Николаевич Никол.Инж.Уч.Умер в Парижѣ.
2.АНДЕРСОН I-й
3.АНУЧИН I-й Л.Гв.Кексгольмск.полк.
4.АШЕХМАНОВ 2-й
5.БОГДАНОВ I-й на сторону
6.БОЛОТИН I-й в.у.о. Морской Корпус
7.БРЖЕЗИЦКІЙ
8.ВАКУЛОВСКІЙ
9.ГЕРИЛЕВИЧ Александр
10.ГОРСКІЙ Владимир Павловск.Воен.Уч.Л.Гв.Кексгольмск.п.Ум.в Алжирѣ.
11.ГРЕШНЕР Сергѣй Александрович
12.ДМИТРІЕВСКІЙ Иван
13.ДРОННИКОВ
14.ДЬЯКОВ Петр
15.ЖИРКОВИЧ Юрій в.у.о.Констант.Арт.Уч. 16 артил.бригада.
16.ЖУРАКОВСКІЙ в.у.о. на сторону.
17.КАЛАКУЦКІЙ в.у.о.Николаевск.Инж.Уч.
18.КЛОБУКОВ I-й Николай Елисаветгр.Кав.Уч. 4 уланскій Харьковскій п.
19.КОЛЬМОВ
20.ЛАГОДА Николай
21.ЛЕБЕДЕВ Павел
22.ЛОБАН Лев Никол.Кав.Уч. 15 гус.Ураинск.п.Убит в Варшавѣ в
23.ЛОБУДЗИНСКІЙ Никол.Кав.Уч. Л.Гв.Драгунск.п. 1940 г.
24.ЛОМЗАКИ I-й Никол.Кав.Уч. 19 драг.Архангелогородскій п.
25.ЛУНЕВСКІЙ
26.ЛЮБА
27.МАЛИНКА
28.МАСЛЯНЫЙ
29.МЕВІУС 2-й Елисаветгр.Кав.Уч. 13 уланск.Владимирскій п.
30.МИХАЙЛОВ
31.МЯГКОВ Николай Александр.в.у.о. Фельдф.Павл.В.Уч.Л.Гв.Волынскій п.
32.НЕПЕНИН Константин в.у.о. Конст.Арт.Уч. 10 Сибир.стрѣлк.артил.бриг.
33.НЕСМѢЛОВ в.-фельдф.
34.НЕСМѢЯНОВ в.у.о.
35.НОВИКОВ I-й Юрій в.у.о. Михайл.Арт.Уч. Конная артил.
36.ОРѢХОВ I-й Владимир Николаевич Павловск.Воен.Уч.
37.ПАВЛОВ
38.ПЕРЕКРЕСТОВ
39.ПОДГОРНЫЙ Евгеній на сторону
40.ПРОКОФЬЕВ Михаил Александрович
41.ПЯСЕЦКІЙ 23 пѣх.Низовскій п.
42.РАЗУМОВ 6 драг.Глуховскій п.
43.РЕМИЗОВ
44.РОССИНСКІЙ I-й Сергѣй Венодиктович Елисаветгр.Кав.Уч.

45.СОБОЛЕВСКІЙ
46.СОКОЛОВ Кирилл
47.ТЕРПИЛОВСКІЙ 3-й Александр Елисаветгр.Кав.Уч. 4 уланск.Харьковск.п.
48.ТОМАШЕВСКІЙ
49.ФАЛѢЕВ Сергѣй в.у.о. Фольдф.Михайл.Арт.Уч. Конно-горн.арт.див.
50.ЦИГЛЕР
51.ШЕЛЬБАХ
52.ШРЕЙДЕР
53.ШУЛЯКОВСКІЙ на сторону
54.ЯБЛОНСКІЙ
Примѣчаніе.Но помѣщены в список не окончившіе Бунин,Голубенко,Грибскій.

---.---

СПИСОК КАДЕТ 7-го ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.АЛЛЕН Христофор — Михайл.Арт.Уч. Морской Корпус
2.ВАСИЛЕНКО Борис Николаевич — Елис.Кав.Уч. 6 улан.Волынскій п.
3.ВЛАДИМИРОВ I-й Анатолій — Кіевское Воен.Уч.
4.ГЕРМАН 2-й КОНСТАНТИН — Кіевское Воен.Уч.
5.ГОРѢЛОВ Георгій в.у.о. — Михайл.Арт.Уч.
6.ИЗУМРУДОВ Константин — Виленское Воен.Уч.
7.КОЗЛОВСКІЙ в.у.о. — Никол.Инж.Уч. 2I саперн.батальон
8.КОЛЛЕН — Никол.Кав.Уч.
9.КОЛТЫШЕВ
I0.КОНСТАНТИНОВ 3-й — Виленское Воен.Уч.
II.ЛЕНЧЕВСКІЙ 2-й Николай
I2.МИРОНОВИЧ Павел Игнатіевич — Павл.В.Уч.6I пѣх.Владимирск.полк авто-брон.танк.див. 3-й отряд танков.
I3.МОЖАРОВСКІЙ 2-й Лев — Никол.Кав.Уч.
I4.МЯКИНИН Александр — Павл.Воен.Уч.
I5.ПАКВАЛЕН Борис в.у.о. Михайл.Арт.Уч.8 арт.бриг. убит в I9I5 г.
I6.Фон ПЛОТТО Александр — Никол.Кав.Уч.
I7.РОДІОНОВ
I8.САМОЙЛОВ 2-й Игорь в.у.о. — Павл.Воен.Уч.
I9.СЕЙФУЛИН 2-й Ислам в.у.о. — Михайл.Арт.Уч. Гвард.артил.
20.СЕЛЕЗНЕВ в.у.о. — на сторону по болѣзни
2I.СКВОРЦОВ I-й Николай в.у.о. — Михайл.Арт.Уч. Л.Гв.Драгунскій п.
22.СУББОТИН 2-й Яков Федорович — Павл.Воен.Уч.
23.УТГОФ 6-й Евгеній
24.ЦЕХАНОВСКІЙ Василій — Елисаветгр.Кав.Уч.
25.ЯСТРЕБОВ I-й Александр — Павл.В.Уч.I4 Сибир.стр.п.Убит в I9I4 г.

---.---

СПИСОК КАДЕТ 7-го ВЫПУСКА ДРУГИХ ОТДѢЛЕНІЙ.

I.АРДАШЕВ 2-й Максимиліан — Виленск.В.Уч. 24 пѣх.Симбирскій п.
2.БОБЫРЬ
3.БОГУШЕВСКІЙ I-й Владимир — Елисаветгр.Кав.Уч. 6 драг.Глуховск.п.
4.БѢЛЯВСКІЙ — Николаевск.Кав.Уч.
5.ВАСИЛЬЕВ
6.ВЛАДЫШЕВСКІЙ — Александр.В.Уч.I2 пѣх.Великолуцкій п.
7.ГАНДУРИН — Александр.В.Уч.
8.ГАФФЕРБЕРГ
9.ГЕРЦО-ВИНОГРАДСКІЙ — Александр.В.Уч. 23 пѣх.Низовскій п.
I0.ГИРШФЕЛЬД I-й — Павловск.В.Уч.
II.ГНУЧЕВ
I2.ГОЛИКОВ Александр — Кіевск.Воен.Уч.
I3.ГОФМАН
I4.ГУЛЯКОВ 2-й Николай
I5.ДАВЫДОВ — Елисаветгр.Кав.Уч.
I6.ДАНИЛЕВСКІЙ Стефан — Морской Корпус
I7.ЗИННА
I8.ЗЮКОВ
I9.КАДУШКИН 2-й
20.КВАСНИКОВ 2-й в.у.о. — на сторону.

21.КИРИЧЕНКО Александр.Воен.Уч.
22.КРУЗЕ I-й в.у.о. Констант.Арт.Уч.
23.КУДРЯВЦЕВ 24.КУЗЬМИНСКІЙ
25.КУПРІЯНОВ 26.МАЛЛІО
27.МЕЛЬНИКОВ Александр Алекс.В.Уч.37 пѣх.Екатеринбургскій п.
28.НЕЧАЕВ Ум.в Парижѣ
29.ПОЖАРСКІЙ I-й Елис.Кав.Уч.II гус.Изюмск.п.Уб.во Франц.Иностр.Лег.
30.ПОСТНИКОВ-й в.у.о. 31.ПОТЕБНЯ Борис
32.Бар.РОЗЕНШИЛЬД-ПАУЛИН I-й в.у.о.Пажескій Корпус
33.РУСАНОВ
34.САМОЙЛОВ 3-й Сергѣй Елисав.Кав.Уч.
35.СИДНЕНКО 36.СНѢГОЦКІЙ
37.СОСНОВСКІЙ 2-й Михаил Ник.Кав.Уч.I5 улан.Татарскій п.Уб.в Гражд.войнѣ.
38.СОФІЙСКІЙ в.у.о. Констант.Арт.Уч.
39.СТЕПАНЦОВ Юрій Кіев.Воен.Уч. 3-й отряд танков.Уб.в Гражд.войнѣ.
40.СУРОВЦЕВ 3-й
41.СЫСИН 2-й Александр.В.Уч.Николаевская на Амурѣ крѣп.артил.
42.ТИМЕНКОВ
43.ТИХОНОВ
44.ТУПИЦА Иван в.фельдф. Никол.Инж.Уч.Уб.в I Вел.в. в I9I5 г.
45.ФЕДОТОВ Елисав.Кав.Уч.
46.Фон ФЕЛЬДМАН Евгеній Ник.Кав.Уч.20 драг.Финляндскій п.Ум.в Галлиполи
47.ФІАЛКОВСКІЙ Николай Ник.Кав.Уч.I5 драг.Переяслав.п.Уб.в I9I5 г.
48.ЦЕЙТЛИН 4-й
49.ЧЕРНИКОВ I-й Елис.Кав.Уч. 4 улан.Харьковскій п.
50.ЧЕРНЯВСКІЙ 2-й в.у.о. на сторону
5I.Бар.ШИЛЛИНГ в.у.о. Артил.Учил.

Примѣчаніе.Не вошли в список не окончившіе - Кисличенко /Мор.К./и Болотников. Во время выпускных экзаменов исключены за "кавалерійское стремленіе ввести цук" - I.ЖИРКОВИЧ Дмитрій держал экстерном с 8-м выпуском и вышел в Конст.Арт.Уч. служил В 3 Кавказск.морт.арт.див. 2.ДОЦЕНКО Геннадій - тоже, 3.ЛУЧАНИНОВ Дмитрій, 4.МЕЛЬНИКОВ, 5.ПІОТРОВСКІЙ и 6.САРАНДИНАКИ.

---.---

СПИСОК КАДЕТ 8-го ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.АГАПЬЕВ Георгій в.у.о. Мих.Арт.Уч. 3-й отряд танков.Убит в I9I9 г.
2.АГѢЕВ Сотня Никол.Кав.Уч.
3.БЛЕХЕРТ Елисав.Кав.Уч.
4.БОГОЯВЛЕНСКІЙ в.у.о. Никол.Инж.Уч.
5.БОГУШЕВСКІЙ 2-й Елисаветгр.Кав.Уч. 6 драг.Глуховскій п.
6.ВЕРИГИН Геннадій Влад. Павл.Воен.Уч. 20 пѣх.Галицкій п.
7.ВОЙЦЕХОВСКІЙ Алексѣй Елис.Кав.Уч. Л.Гв.Уланск.Его Величества п.
8.ЕЛЬЦОВ Николай
9.ИВАНОВ Павел Федорович Александр.В.Уч. II4 пѣх.Новоторжскій п.
I0.КАРЕЛИН в.у.о. Михайл.Арт.Уч.
II.КЕТОВ I-й Владимир Кіевск.Воен.Уч.
I2.КИРИКОВ Кіевск.Воен.Уч.
I3.КУЗЯЕВСКІЙ на сторону
I4.ЛЕВИЦКІЙ Владимир Александр.Воен.Уч.
I5.ЛУКАШЕВИЧ в.фельдф. на сторону
I6.НАДИКТ-РѢЗУНОВ в.у.о. на сторону
I7.Кн.ОБОЛЕНСКІЙ Борис Александр.В.Уч. Л.Гв.Преображенскій п.
I8.ПОДУШКИН Владимир Никол.Кав.Уч. I8 гус.Нѣжинскій полк.
I9.РИМСКІЙ-КОРСАКОВ Николай Никол. Ник.Кав.Уч.Л.Гв.улан.Его Величества п.
20.СЕРДОБИНСКІЙ Иван
2I.СКРЯБИН Павл.Воен.Уч.
22.ТАРАСЕНКО Павл.Воен.Уч.
23.ЦУРИКОВ Павл.Воен.Уч. Л.Гв.Волынскій полк
24.ЧЕРНЯВСКІЙ 3-й Михаил в.у.о. Ник.Инж.Уч. 4 желѣзно-дорожный батальон

25.ЯНОВ Георгій Павл.Воен.Уч.
26.ЯСТРЕБОВ 2-й Владимир Георг. Морской Корпус.

---.---

СПИСОК КАДЕТ 8-го ВЫПУСКА 2-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.ГАФФЕРБЕРГ Александр.В.Уч. I9I пѣх.Ларго-Кагульскій п.
2.ГУРЬЕВ 2-й Ник.Кав.Уч. Л.Гв.уланск.Его Величества полк
3.Кн.ЕНГАЛЫЧЕВ Сергѣй в.у.о. Конст.Арт.Уч.
4.ЗИНЕВИЧ Николай Конст.Арт.Уч.
5.ЗНОЙКО в.у.о. Конст.Арт.Уч.
6.ИВАНОВ Александр в.у.о.Никол.Кав.Уч.
7.КАЗАРИНОВ Михаил в.у.о.Конст.Арт.Уч.
8.КЛОБУКОВ 3-й Владимир Елис.Кав.Уч. 4 улан.Харьковскій п.
9.КРУЗЕ 2-й в.у.о. Констант.Арт.Уч.
I0.КРУШИНСКІЙ Сергѣй Серг.в.у.о.Мих.Арт.Уч.Кавк.кон.горн.див.Ум.в I956г.
II.КРЫЛОВ Николай Елисав.Кав.Уч. I7 гус.Черниговскій п.
I2.ЛЯШКЕВИЧ Борис в.у.о. Мих.Арт.Уч. Л.Гв.3 артил.бриг.
I3.МАШКИН Николай Никол. Тверское Кав.Уч. 4 улан.Харьковскій п.
I4.ПЛАТОВ в.у.о. Констант.Арт.Уч.
I5.ПОТАПОВ Кіевск.Воен.Уч.
I6.Бар.РОЗЕНШИЛЬД-ПАУЛИН 2-й в.у.о. Пажескій Корпус
I7.РОСТ Владимир в.у.о. Артил.Учил.
I8.РЪЗАНОВ на сторону
I9.САГАЙДАКОВСКІЙ Александр Конст.Артил.Уч.
20.СТЕЛЬМАШЕНКО Кіевск.Воен.Уч.
2I.СУРОВЦЕВ в.у.о. Михайл.Арт.Уч.
22.СУХОМЕЛЬ I-й в.у.о. Никол.Инж.Уч.
23.ТАРАНЦЕВ Павловское Воен.Учил.
24.ФЕДОРОВ Николай Тверское Кав.Учил.
25.ШТЕГМАН Михаил в.у.о. Никол.Инженерн.Учил.

---.---

СПИСОК КАДЕТ 9-го ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.БОЛОТИН в.у.о. Морской Корпус
2.ГАФФЕРБЕРГ Борис Павловск.Воен.Уч.
3.ГИРШФЕЛЬД Алексѣй Павловское Воен.Уч.
4.ГОРДИНСКІЙ Александр в.у.о. Мих.Арт.Уч.7 Туркест.стр.арт.див.Убит в I9I9 г. на Сѣверн.фронтѣ
5.ГРИНЕВ Геннадій Модест.Никол.Кав.Уч. 7 гус.Бѣлорусскій п.Л.Гв.Казач.
6.ДАВЫДОВ Михаил Елисав.Кав.Уч.
7.ДЕРКАЧЕВ в.у.о. Никол.Инж.Уч.
8.ЗАПОЛЬСКІЙ Глѣб Павл.В.Уч.Л.Гв.Волынскій п.Ум.во Франціи 54г.
9.ЗАЦѢПИН в.у.о. Никол.Инжен.Уч.
I0.КОНОНОВ Николай Елисав.Кав.Уч.
II.КОСЕНКО на сторону
I2.КОСТЕЦКІЙ Всеволод Алекс.В.Уч.Л.Гв.Кексгольмск.п.Уб.в I9I5 г.
I3.ЛОБАН Роман в.у.о. Мих.Арт.Уч. Кон.артил. Уб.в I943 г.
I4.ЛОМЗАКИ Морск.Корп.Ник.Кав.Уч. I9 драг.Архангелогор.п.
I5.МУРЗА-БАРАНОВСКІЙ Павл.Воен.Уч.
I6.ПАВЛОВСКІЙ в.у.о. Михайл.Арт.Уч.
I7.ПОЖАРСКІЙ Андрей Елис.Кав.Уч. II гус.Изюмскій п.
I8.РАЗВОЗОВ Павловск.Воен.Уч.
I9.СИТАРСКІЙ Лонгин Кіевское Воен.Уч.
20.СКЛЯРЕНКО Сергѣй Ник. Павл.Воен.Уч. 85 пѣх.Выборгскій п.
2I.СУХОМЕЛЬ 2-й в.у.о. Никол.Инжен.Уч.
22.Бар.Фон ФИТИНГОФ-ШЕЛЛЬ Федор Александр.Воен.Уч.
23.ХИЛЬЧЕНКО Петр Григ. Морск.Корп. Ник.Кав.Уч. Никол.Арт.Уч. Кавк. кон.горный арт.див. Ум.в I953 г.
24.ЯВЛЕНСКІЙ Дмитрій Александр. Елис.Кав.Уч. 9 улан.Бугскій п.
25.Фон ЭССЕН Николай Михайл. в.фельдф. Пажеск.Корп. Л.Гв.I артил.бриг.

СПИСОК КАДЕТ 9-го ВЫПУСКА 2-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.БОГДАНОВ Николай — на сторону
2.БУГОСЛАВСКІЙ Сергѣй Валентин. — Алекс.В.Уч. I5I пѣх.Пятигорскій п. Особ.п.на Франц.фронтѣ
3.ВЛАСОВ Николай — Никол.Инж.Уч.
4.ГОВОРСКІЙ Владимир — на сторону. Корниловск.ударн.полк
5.ГУЛЕВИЧ 2-й Николай в.у.о. — Мих.Арт.Уч. Дроздовск.арт.бриг.
6.ГУРЬЕВ 3-й Лев — Елис.Кав.Уч. Л.Гв.улан.Его Величества.
7.ЕВГЛЕВСКІЙ в.у.о. — Констант.Арт.Уч.
8.ЕСИПОВ Алексѣй Михайл. — 3-й отряд танков
9.ИВАНОВ Николай — Констант.Арт.Уч.
I0.ИГНАТЬЕВ — Александр.Воен.Уч.
II.ІОНИН в.у.о. — Константин.Арт.Уч.
I2.КАЗАНСКІЙ Михаил — Морской Корпус
I3.ЛЕВАНДОВСКІЙ Михаил в.у.о. — на сторону
I4.ЛЮБОВСКІЙ — Никол.Кав.Уч. 7 гус.Бѣлорусскій п.
I5.МАКЬЕВ
I6.МАРКОВ Александр в.у.о. — Михайл.Арт.Уч. Ум.во Франціи
I7.НЕВСРУЕВ Сергѣй — Елис.Кав.Уч. Заамурскій погран.конный п.
I8.НОВИКОВ Евгеній в.у.о. — Никол.Инж.Уч. Воен.летчик
I9.РОДІОНОВ Николай — Елисав.Кав.Уч.
20.СВИРИДОВ Александр — Александр.Воен.Уч.
2I.СИТКОВСКІЙ Леонид — Александр.Воен.Уч.
22.СОКОЛОВ Владимир — Никол.Инж.Уч.
23.СТЕПАНОВ — Елисавтгр.Кав.Уч. I2 гус.Ахтырскій п.
24.СУДАКОВ Виктор — Елисаветгр.Кав.Уч. 9 драг.Казанскій п.
25.ФЕДОРОВ Александр — Констант.Арт.Уч.
26.ЧЕРНИКОВ 2-й — Елис.Кав.Уч. 4 уланск.Харьковскій п.
27.ШЕРСТОБИТОВ — Кіевское Воен.Уч.
28.ЮХНОВСКІЙ в.у.о. — Констант.Арт.Уч.
29.ЯКУБОВСКІЙ Самуил — Павл.В.Уч. Л.Гв.Волынскій п.Уб.в I9I5 г.

---.---

СПИСОК КАДЕТ 9-го ВЫПУСКА 3-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.БЕРЗИН Георгій — Никол.Кав.Уч. /выпущен воен.чиновн./
2.БОГОМОЛЬЦ Владимир в.у.о. — Конст.Арт.Уч. Уб.в I Вел.в.
3.Венсович 3-й Александр — Сотня Ник.Кав.Уч. 2I Донск.Каз.п. 3I авіац. отряд.
4.Фон ВИТТЕ Николай Михайл. — Александр.Воен.Уч.I0 гренадерск.Малороссійскій п. Дроздовск.стр.полк
5.ГОВОРКОВ Виктор — Павл.Воен.Уч. Авто-брон.отряд
6.ЖАНДР Владимир — Александр.Воен.Уч.
7.ИВАНОВ Лев в.у.о. — на сторону по болѣзни
8.КИРЬЕНКО I-й Григорій — Сергіевское Арт.Уч.
9.КИТКИН Борис — на сторону по болѣзни
I0.КРАУЗ Константин в.у.о. — Констант.Арт.Уч.
II.ЛАПЧИНСКІЙ Владимир в.у.о. — Конст.Арт.Уч.I стрѣлк.арт.див.Дроздовск. арт.бриг.Погиб в Самурск.п. в I920 г.
I2.МАШКИН 3-й Евгеній — Елис.Кав.Уч. 6 драг.Глуховскій полк
I3.ОБОЗНЕНКО Евгеній Никол.в.у.о. — Мих.Арт.Уч. Кон.батар. в Гражд.в.
I4.ОЛЬШЕВСКІЙ Николай — Павловск.Воен.Уч.
I5.ПОСТНИКОВ
I6.ПЯТНИЦКІЙ Константин в.у.о. — Констант.Арт.Уч.
I7.РУДАНОВСКІЙ Николай — Александр.В.Уч. До присяги ушел из учил.
I8.СИНИЦИН Сергѣй — Павл.В.Уч. Л.Гв.Волынскій полк
I9.СОЛОДУХИН Михаил — Кіевск.Воен.Уч.
20.ФАЙНИЦКІЙ Илья — на сторону.Павл.В.Уч.Л.Гв.Измайловскій п. Убит в I9I5 г.
2I.ЮЗЕФОВИЧ 3-й Давид в.у.о. — Михайл.Арт.Уч.

22.ЯКОБСОН Николай Николаевич Елис.Кав.Уч. 2 лейб улан.Курляндскій п.
23.ЭРДМАН Евгеній Александр.В.Уч. перев.в Тверское Кав.Уч.

- - -

Де ВИТТ Борис в УІІ кл.перев.в Тифлисскій Корп.Павл.В.Уч.Л.Гв.Москов.
САПСАЙ Михаил в.у.о. перев. в Петровскій Полтавскій Корпус.
Примѣчаніе.Были в классѣ - выбыли в разное время:І.Александров Георгій, 2.Андерсон Михаил, 3.Веденяев Сергѣй, 4.Де Витт Александр/перев.во 2-й Кадетск./ 5.Гаврилов Борис /из 5 кл./,6.Жуков Сергѣй/из 6/,7.Зыбин Михаил, 8.Иванов Дмитрій/из 4 в Хабаров./, 9.Крауз Георгій, І0.Леошкевич Фавст, ІІ.Лобан Дмитрій, І2.Кн.Меликов Максимиліан /в Паж.Корп./, І3.Помая Іосиф/из 5/,І4.Развадовскій/из 4/,І5.Раздоров Геннадій, І6.Суражевскій Николай, І7.Токаев Иван/из 5/,І8.Федотов Гавріил/из 6/, І9.Фон Фельдман Николай,- еще из 4-й роты: І.Бем Владимир /умер/, 2.Данилевскій Григорій, 3.Краснокутскій Александр/перев./,4.Лейковскій Владимир, 5.Бар.Рауш-фон-Траубенберг, 6.Тихомиров Иван, 7.Шуляковскій Петр/умер/, 8.Яблонскій Александр/перев./.

---.---

ИЗ ПИСЬМА А.К.МЕРЦЕДИНА ..."В 3-м выпускѣ окончил ЯКУБОВСКІЙ Николай, вышел в Елисаветгр.Кав.Уч.,но пробыл недолго, был отчислен и /как мы слышали/ вернулся в Варшаву и поступил в университет".

---.---

ИЗ ПИСЬМА П.Н.МАНЮКИНА..."Прилагая схему распредѣленія кадет УІІ кл. 3 отдѣл. 5-го выпуска по партам -
лѣвый ряд парт: Ефимов 2-й и Давыдов, Ефимов І-й и Манюкин, Іогансен и Романенко/спис.І-го отдѣл.№І5/, Субботин І-й и Головин, Жонсон и Шрейдер.
Средній ряд парт: Жваликовскій и Соколов, Константинов и Крылов, Линчевскій и Крашенинников, Филиппов и Стадницкій-Колендо 2-й.
Правый ряд парт: Гойнинген-фон-Гюне и Будилович, Венсович 2-й и Скалон, Туган-Мирза-Барановскій и Письменскій, Смирнов и Ардашев, Гаккен и Левченко -
прошу кадет К.В.Соколова, В.М.Іогансен, А.П.Крашенинникова и Н.Т.Венсович, вспомнить состав нашего отдѣленія в УІІ классѣ в І909-І9І0 год. У меня довольно хорошая память и дуиаю, что составленная мною схема точна. Кадеты, в спискѣ сборника №7, 5-го выпуска 3-го отдѣленія: Кн.Меликов Леван /Паж.Корп./,Желиховскій Денис, Комаров Илларіон /Паж. Корп./,Малиновскій Евгеній - в 3-м отдѣленіи 5-го выпуска не были. По моему это ошибка, таких я не помню. Может быть они не были в нашем выпускѣ, или были в других отдѣленіях, но из нашего отдѣленія только Г.А.Скалон,/кавалергард,убит большевиками в Кіевѣ/,и я вышли в Пажескій Корпус. По Пажескому Корпусу я не помню и не знаю Комарова Илларіона. Кн.Меликов Леван был, но старше или моложе меня. Из 2-го отдѣленія поступил в Пажескій Корпус Володя Толмачев, но он попал в УІІ кл., и окончил годом моложе меня; по состоянію здоровья вышел не в часть,а был чиновником Министерства земледѣлія. Желиховскаго тоже у нас не было; думаю,что имя Жваликовскаго было не Дмитрій, а Денис; Костя Соколов это лучше знает."

---.---

ИЗ ПИСЬМА Н.М.ВИТТЕ ..."К УІІ выпуску. Совсѣм особо обстоит дѣло с Жирковичем, Доценко и др. Их всю компанію надо помѣстить, чтобы можно было вспомнить об этом случаѣ. Семь душ исключено во время выпускных экзаменов. Я помѣстил бы как у меня написано. Раз исключены, то уже не 7-го выпуска. Но держали экстернами за корпус. Может быть припомнишь, что в списках юнкеров,с баллами,у окончивших корпус просто писалось "Суворовскій корпус",а у экстерна -"аттестат Сув.корп." Значит они и не УІІІ выпуска. Совершенно исключительный случай. Я знаю со слов Мити Жирковича, как было нравственно тяжело держать эти экзамены с тѣми,из за которых был потерян год. Отец его сразу отдал в вольноопредѣляющіеся своего Ряжскаго полка, гдѣ он был помощником командира./У нас было

пять Жирковичей/.Митя,вмѣсто Константиновскаго Артиллерійскаго Училища, попал в пѣхотную учебную команду. Экзамены держал уже ефрейтором. С каким удовольствіем он танцовал в собраніи на Рождествѣ I3 года,уже юнкером Константиновскаго Артиллерійскаго Училища. Хоть год потерял, но добился своего."

---.---

ИЗ ПИСЕМ Я.Ф.СУББОТИНА..."9/I0 получил сборник.Большое спасибо.Упоминается Отец Григорій Модзолевскій, что он был в Кіевѣ. У меня есть и иныя свѣдѣнія; в бытность мою,в I9I9 году,в Полтавѣ, брат мой Субботин 3-й говорил мнѣ, что он был у О.Григорія. Он жил со своей семьей в Полтавѣ, снял рясу и преподавал в Учительской семинаріи философію и логику. Своей замѣткой я не доволен, т.к. надо еще нѣсколько дополнить. Г.-л.Ваулин не успокоился и мало разбирался в правых и виноватых. Для примѣра приведу случай с нашим выпуском. Развѣ "Папаша" допустил бы, чтобы во всем выпускѣ наивысшій балл по поведенію был II. "Папаша" разобрал бы всю исторію и каждый получил бы по заслугам,ибо не всѣ были повинны, что наш корпус "можно считать кавалерійским"/из статьи А.И.Пятибокова - I907-I9I4-I920/. Но ген.Ваулин рѣшил иначе, очевидно для устращенія младших выпусков. Вот кратко в чем заключалось дѣло, и что осталось в моей памяти.

Во время выпускных экзаменов "кавалерійская компанія" моего выпуска, /Бѣлявскій, Мельников и др.- не помню всѣх/,особенно 3-го отдѣленія Бѣлявскій, ввела "цук" перед тѣм как их будут "цукать" в училищах, и начали"свирѣпо" цукать УI класс. Но не каждый позволял себя "цукать" и по самолюбію, и по неимѣнію отношенія к кавалеріи. Конечно, мы,УII класс, всѣ были немного виноваты, что своевременно это не прекратили, тѣм болѣе что "конников" в нашем выпускѣ было не так много. В один из дней, во время выпускных экзаменов, и разразился скандал. Кого "цукали"из УI класса и кто устроил скандал - не помню. В "клубѣ" поднялся крик "конников", "цукаемый" им возбужденно возражал. В это время проходил дежурный офицер и захватил всѣх на мѣстѣ преступленія. Дошло дѣло до Ваулина и началась расправа. Посадили "конников" в карцер,сбавили им баллы за поведеніе, но не исключили и они всѣ продолжали держать экзамены. Послѣ экзаменов их также пожалѣли и поставили балл по поведенію, дающій право на поступленіе в военное училище. Но т.к. не было нашего дорогого "Папаши" и "Черномора", то наше начальство подвело под ответ весь выпуск, вмѣсто того, чтобы на все это дѣло посмотрѣть, как на мальчишескую выходку господ "корнетствующих".Весь выпуск был выпущен с наивысшим баллом по поведенію II, и одному только Селезневу поставили I2, т.к. он был забракован для военной службы,/по состоянію здоровья/,и его корпус устраивал военным чиновником. Это одна "казнь", другая - ни выпускного обѣда, ни вечера нам не устроили, а было только прощаніе со знаменем и на том мы с корпусом разстались. Я очень хорошо помню, что с тѣм же Бѣлявским я ѣхал в училище в одном вагонѣ и он все время не давал покоя, т.к. усиленно зубрил что такое "женская рубашка","корнет" и т.д. и все время препирался с сопровождавшим нас воспитателем, как "пѣхтурой", капитаном Калиновским. Это все я помню отчетливо. Несмотря на всѣ наши "казни", надо сказать в пользу Ваулина, что он не захотѣл портить "корнетствующим" карьеру,а нас наказал, что на них не оказали моральнаго давленія. Дѣла давно минувших лѣт, но все же какой то непріятный осадок остался."

---.---

ИЗ ПИСЬМА С.В.НИТЦ... "Во всѣх наших сборниках писалось о разнообразных сторонах жизни корпуса, а вот никто не описал кадетскую дачу в Зегржѣ. Что она из себя представляла, как кормили, как распредѣлен был день, занятія, развлеченія. Я на дачѣ был один раз,когда послѣ окончанія экзаменов в 5 классѣ сдѣлали военную прогулку Варшава - дача. Шли до Яблонны,ночевали в 8 пѣх.Эстляндском полку и на другой день дальше на дачу.День отдыха и также обратно. Всего 5 дней."

ДОПОЛНЕНІЕ К СПИСКУ ГЕОРГІЕВСКИХ КАВАЛЕРОВ - СУВОРОВЦЕВ.

БРАБИЧ Момчило /IУ выпуска/.....орден Св.Георгія 4 степ.

СОСНОВСКІЙ Александр /У выпуска/орден Св.Георгія 4 степ. I5 уланск. Татарск.п. награжден посмертно за отличіе во время командованія ротой ополченцев.

---.---

ИЗ ПИСЬМА Н.Н.СТРАШКЕВИЧА...."МУЗЕЙ. Путешествуя в стѣнах корпуса /№3-5 "Суворовцы"/ Н.М.Витте забыл упомянуть о нашем музеѣ,при мнѣ помѣщавшемся в комнатѣ против пріемной, с правой стороны от вестибюля. Позже музей был перемѣщен в одну из комнат, находившихся за Бѣлым залом.

Музей был небольшой;завѣдывал им капитан Павел Рафаилович Липранди.

На стѣнѣ против двери, сразу бросались в глаза два больших портрета Суворова, писанные масляными красками; один в темно-зеленом русском мундирѣ, а другой в бѣлом австрійском, исполненном в Вѣнѣ во время проѣзда его к войскам в Италію. Справа от двери длинная застекленная витрина, в которой, среди других предметов, двѣ реликвіи: лента ордена Св.Великомученика и Побѣдоносца Георгія I класса, с вышитой на бантѣ орденской звѣздой, и золотой офицерскій крест, кажется за взятіе Праги, принадлежавшіе Суворову. Из остальных предметов, находившихся в витринѣ, помню - серебряные подносик и молоточек, которым совершалась прибивка знамени, и массивную серебряную табличку с художественно выгравиранном на ней броненосцем "Князь Суворов"; она была прислана корпусу, как отвѣтный подарок экипажа за посланную корпусом броненосцу - "тезкѣ" икону. Был еще один подарок корпусу от "тезки" - 62 пѣхотнаго Суздальскаго Генералиссимуса Суворова полка: копія, с современной Суворову, иконы Нерукотворнаго Спаса, в широкой серебряной плоской рамѣ, сопровождавшей полк во всѣх его походах. Она помѣщалась в церкви на налоѣ у праваго клироса под знаменем. К музейным цѣнностям надо причислить и бронзовый бюст Суворова, работы Демут-Малиновскаго,подарок Великаго Князя Константина Константиновича, отлитый в I80I году, т.е. через год послѣ смерти великаго полководца. Бюст помѣщался в Бѣлом залѣ.

Но вернемся в музей. Двѣ или три вертикальныя вертящіяся витрины были заполнены гравюрами, изображавшими разные моменты из боевой жизни Суворова. Среди них были и весьма цѣнныя, современныя Суворову.

В музеѣ же хранилось сіяніе, окружавшее икону Тайной Вечери с нашего иконостаса /походнаго Суворовскаго/. Сдѣланное из толстой позолоченной жести, оно по каким то соображеніям, ни то по невозможности застеклить его, как застеклен был весь полотняный иконостас, ни то по каким либо другим причинам, было замѣнено массивным, спеціально сдѣланным из толстаго, амальгамированнаго золотом, стекла, не гармонировавшаго с общим видом легкаго походнаго иконостаса, хотя и застекленнаго.

Был в музеѣ и шкаф с литературой, относящейся к Суворову. Вспоминаю какія то старыя періодическія изданія на пожелтѣвшей бумагѣ, но какія именно - не помню. Хранились в музеѣ и Высочайшія повелѣнія об основаніи Варшавскаго Кадетскаго Корпуса, и о переименованіи его в I900 году в Суворовскій Кадетскій Корпус /копіи/, а также собственноручная надпись Государя на, представленной Военным Министром, копіи телеграммы директора корпуса: "Тронутъ чувствами чиновъ и кадетъ Суворовскаго корпуса. Имя великаго полководца, которое они носятъ, да будетъ имъ во всю жизнь путеводною звѣздою во всѣхъ обстоятельствах".

По стѣнам музея развѣшены были фотографіи исторических моментов из жизни корпуса.

Вот все, что я мог вспомнить. К сожалѣнію музей всегда был заперт и попасть в него можно было лишь когда там находился Павел Рафаилович. Возможно, что по этой причинѣ о нем никто не упоминает. Каким путем и на какія средства пополнялся музей - не знаю. По словам П.Р.Липранди

им составлялась брошюра-каталог, но была ли она закончена и отпечатана?..

Что музей был перевезен в Москву, я знаю от оставленнаго для охраны и эвакуаціи корпусного имущества капитана /фамилію не помню/,с которым я встрѣтился около зданія корпуса, когда мы,по плану мобилизаціи,задержались в Варшавѣ на 3 дня.

Но куда дѣлся музей в Москвѣ?

В очерках, помѣщенных в №7 "Суворовцы", Е.Е.Поль пишет: "...Кто то из малышей, будто бы, видѣл Ерему, как он ночью закапывал,на плацу I-й роты, бронзовый бюст Суворова. Вряд ли полковник Еременко мог один унести бюст Суворова. На пьедесталѣ в Бѣлом залѣ бюста не было, не было его и в Москвѣ".. В другом очеркѣ С.В.Нитц пишет: "..Знамя стояло в вагонѣ директора. Бюст Суворова я и в Москвѣ не видѣл; что с ним вообще не извѣстно"...

Конечно, о закапываніи бюста серьезно говорить не приходится, но безусловно точныя данныя, что бюста в Москвѣ в помѣщеніи корпуса не было. Это еще не значит, что его вообще не было в Москвѣ. Возможны два предположенія: I/ музейныя цѣнности, упакованныя в ящики, по прибытіи в Москву, так и не были распакованы, из за отсутствія подходящаго для музея помѣщенія, и находились в каком либо цейхгаузѣ или, возможно, в квартирѣ директора и 2/ были сданы куда либо на храненіе. Моя попытка, что либо узнать о судьбѣ нашего музея у П.А.Сорокина, единственнаго с которым мы не потеряли связь из учебно-воспитательскаго состава,потерпѣла неудачу, т.к. в Москвѣ с корпусом он не был.

Теперь остается лишь пожалѣть, что в первые годы существованія нашего Объединенія у нас не было сборника, который не только подстрекал бы нас, как нынѣ, на воспоминанія, но и сохранил бы /при многочисленности изданія/ много цѣнных свѣдѣній, полученных от бывших наших воспитателей Г.М.Еременко, Н.П.Ревишина и Л.Ф.Черникова, с которыми у нас была связь."

Примѣчаніе. Особенно интересны были воспоминанія Григорія Марковича Еременко, старѣйшаго из воспитателей, поступившаго в корпус в день его основанія в Варшавской Цитадели, но к сожалѣнію все это осталось в музеѣ I Русскаго Великаго Князя Константина Константиновича Кадетскаго Корпуса в Бѣлой Церкви /Югославія/,который не был вывезен. А.Потапов.

---.---

К списку III выпуска /сборник №6/ прибавить:
ЕГОРОВ

---.---

ПИСЬМО "В РЕДАКЦІЮ" Н.М.ВИТТЕ.

Через мои руки прошел очерк вице-фельдфебеля IX выпуска Николая Михайловича фон-Эссен, в котором он говорит, что не был произведен в вице-фельдфебеля I-го октября, когда это обычно происходило. По этому вопросу у меня с Николаем Михайловичем возник спор. Мы обмѣнялись нѣсколькими письмами. Наш "вахмистр" не был постоянен в своих утвержденіях, о чем я своевременно писал каждый раз А.Н.Потапову. Одним из запомнившихся мнѣ утвержденій было: "что Гординскій /знаменщик/ и другіе были произведены до корпусного праздника, а его обошли и не произвели с ними". От начала учебнаго года до I октября всего полтора мѣсяца; пусть каждый вспомнит - могло ли быть, за такое короткое время,до праздника еще одно производство. Других я не могу привести по памяти, но в послѣднем своем письмѣ, от 26-XII-56, Николай Михайлович пишет: "пришел к опредѣленному заключенію, что производство в вице-фельдфебеля было послѣ I-го октября, но до нашего ротнаго бала, о котором ты писал в своих воспоминаніях". Насколько и это является ошибочным,можно убѣдиться, просмотрѣв сборник №2 стран.4, гдѣ я описывал послѣдній корпусной праздник в Варшавѣ, производство Николая Михайловича в вице-фельдфебеля и бал в день корпусного праздника. О "журфиксѣ" в день ротнаго праздника I-й роты, т.е. 8-XI, там нѣт ни слова. Вѣроятно этот "журфикс" Николай Михайлович называет балом,/но на нем мы бывали в

гимнастеркахъ/. Этотъ №2 вышелъ къ Пасхѣ 1954 г. и до 56 г. никакихъ возраженій со стороны Николая Михайловича не было, хотя мы и переписывались. Даже помню, онъ самъ написалъ мнѣ съ кѣмъ он"открывалъ" балъ и не протестовалъ противъ фельдфебельской нашивки.

Видя его ошибку и желая установить истину, я списался съ кѣмъ могъ изъ кадетъ нашего выпуска и нѣкоторыми X выпуска, бывшими въ то время въ 6-мъ классѣ, т.е. въ I-й ротѣ, кто скорѣе могъ бы запомнить такое, изъ ряда вонъ выходящее, событіе, какъ задержка въ производствѣ вице-фельдфебеля ко дню корпуснаго праздника.

Моя точка зрѣнія, что при назначеніи Н.М.фонъ-Эссена и.д.вице-фельдфебеля и производствѣ его въ вице-унтеръ-офицеры I6 августа,полковникъ Еременко его предупредилъ,,чтобы онъ оставилъ "кавалерійскую манеру командовать пѣхотной ротой", иначе не получитъ фельдфебельскую нашивку къ корпусному празднику. Этого не произошло и нашъ и.д.вице-фельдфебеля былъ произведенъ, какъ и обычно,I-го октября. Ее раздѣляютъ почти всѣ,спрошенные мной, даже двое изъ отдѣленія Николая Михайловича /I-го/,правда съ оговоркой, что "что то было", но что именно за давностью лѣтъ вывѣтрилось изъ памяти. Но свою вице-фельдфебельскую нашивку Николай Михайловичъ получилъ къ корпусному празднику и съ ней былъ на балу.

Я считаю, что у нашего дорогого "вахмистра",по прошествіи 42-43 лѣтъ, "цук-предупрежденіе" ротнаго командира о задержкѣ производства,превратился въ свершившійся фактъ не производства ко дню корпуснаго праздника, ибо никто такого факта не помнитъ. Производство въ вице-фельдфебеля и въ вице-унтеръ-офицеры, ко дню Покрова Пресвятой Богородицы, стало прямо традиціей корпуса, нарушеніе чего - ясно врѣзалось бы въ память.

НИКОЛАЙ ВИТТЕ IX выпуска.

---.---

ИЗЪ ПИСЬМА С.В.НИТЦ..."Теперь хочу подѣлиться съ Тобой кусочкомъ прошлаго. Рѣчь о нашемъ преподавателѣ физики,доцентѣ Варшавскаго университета,К.И. Ивановѣ. Какъ человѣка,Иванова я знаю мало; знаю его,какъ педагога и то весьма выдающагося. Настолько онъ былъ хорошъ,что физику мы знали лучше, чѣмъ можно было знать. Вообще всѣ знанія,которыя мы пріобрѣли въ корпусѣ, были настолько основательны,что,напримѣръ,когда я въ 1934 году,т.е.черезъ I8 лѣтъ послѣ окончанія корпуса,державъ въ Софіи экзаменъ на аттестатъ зрѣлости,/т.к.мой корпусной остался въ Россіи/,то по тѣмъ предметамъ,которые я проходилъ въ корпусѣ,я выдержалъ легко,почти безъ подготовки,и очень хорошо. И,какъ иронія,по физикѣ и математикѣ меня экзаменовалъ тотъ же Ивановъ,/онъ тогда былъ профессоромъ Софійскаго университета/. На софійскихъ нашихъ встрѣчахъ,по случаю корпуснаго праздника,/при мнѣ конечно/,Ивановъ неизмѣнно присутствовалъ. За стаканомъ вина,иной разъ,дѣлился съ нами тѣмъ, что мы,кадеты,знать не могли. "Какъ то разъ" началъ Ивановъ, "въ одинъ изъ очередныхъ пріѣздовъ генеральской ревизіи изъ Петербурга,на засѣданіи педагогическаго и воспитательскаго персонала,одинъ изъ генераловъ обратился къ намъ съ вопросомъ - какія мѣры мы считаемъ необходимымъ принять,чтобы повысить знанія у учениковъ.Начался обмѣнъ мнѣній.Тогда я сказалъ,что хорошо было бы ввести практическія занятія по физикѣ,химіи и другимъ предметамъ, которые это позволяютъ. Генералъ внимательно выслушалъ это и сказалъ,чтобы я разработалъ этотъ вопросъ и прислалъ свой докладъ въ Петербургъ.Я сдѣлалъ это, хоть и не надѣялся на положительное рѣшеніе. Велико же было удивленіе, когда,очень скоро,былъ полученъ переводъ на I0000 рублей,съ приказаніемъ - начать практическія занятія и все время объ ихъ результатахъ доносить.Занятія начались. Выяснилось,что сильно повысились знанія по этимъ предметамъ,появился интересъ не только къ практической сторонѣ,но и къ теоретической,т.е.что и требовалось. Когда выяснился очень большой успѣхъ этого начинанія,то скоро эти практическія занятія были введены и въ остальныхъ корпусахъ. Этимъ нововведеніемъ заинтересовалось Министерство Народнаго Просвѣщенія и попросило дать ему необходимыя данныя. Введены ли были эти занятія и въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ - не знаю."

---.---

Примѣчаніе. К этому сборнику дѣлается приложеніе нѣсколькихъ документовъ изъ музея Суворовскаго Кадетскаго Корпуса. Документы эти сохранились въ музеѣ Анастасія Андреевича Вонсяцкаго. Онъ предложилъ сдѣлать съ нихъ фотографическія копіи, отпечатать и преподнести нашему Объединенію. Это примѣчаніе я намѣренно ставлю въ концѣ сборника, т. к. приложенія слѣдуютъ непосредственно за этой страницей.

---oOo---

ДОРОГОМУ АНАСТАСІЮ АНДРЕЕВИЧУ ВСѢ СУВОРОВЦЫ ПРИНОСЯТ ИСКРЕННЮЮ И ГЛУБОКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ЭТОТ ЦѢННЫЙ ВКЛАД В НАШ АРХИВ-МУЗЕЙ И ЖЕЛАЮТ ЗДОРОВЬЯ, БЛАГОПОЛУЧІЯ И УСПѢХА В ТРУДАХ ПО СБОРУ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ СЛАВНАГО ПРОШЛАГО НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ.

А.Потапов
предсѣдатель всѣх
Объединеній Суворовцев.

И З Д А Н І Е О Б ъ Е Д И Н Е Н І Я Б.К А Д Е Т
С У В О Р О В С К А Г О К А Д Е Т С К А Г О К О Р П У С А.

/На правах рукописи./

А П Р Ѣ Л Ь 1 9 5 7 Г.

Телеграфъ

Телеграмма

Собственной Его Величества рукой написано.
„Прочесть съ удовольствием"
1 Января 1906 года
Генерал-Лейтенант

СБОРНИК 9

Суворовцы

П о ч т о - г р а м м а

Александру Николаевичу Потапову.

В о и с т и н у В о с к р е с е !

Отъ Имени Моей Семьи и Своего искренне благодарю Васъ и б.кадетъ Суворовскаго Корпуса за сердечное поздравленіе съ Свѣтлымъ Праздникомъ. Раздѣляю Вашу вѣру въ грядущее воскресеніе нашей страждущей Родины.

Владимиръ

"30" іюня 1957 г.
г.Парижъ.

ОТ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА КНЯЖНЫ ВѢРЫ КОНСТАНТИНОВНЫ. 14 мая 1957 г.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Дорогой Александръ Николаевичъ и вся Суворовская Семья,
Отъ души благодарю за поздравленіе къ Свѣтлому Празднику Пасхи и со своей стороны желаю здоровья, бодрости духа и силы еще съ оружіемъ въ рукахъ послужить нашей Родинѣ.
Да поможетъ Вамъ Богъ.

Ваша ПОЧЕТНАЯ СУВОРОЧКА.

----oOo----

От имени всѣх Суворовцев и членов Объединенія - из всѣх мѣст нашего разсѣянія - и моего, поздравляю дорогих Однокашников, Членов Объединенія и их семьи с праздником Суворовскаго Кадетскаго Корпуса - Покрова Пресвятой Богородицы.
Передаю искренніе привѣты и лучшія пожеланія всѣх друг другу с повторенієм неизмѣнной нашей вѣры и надежды в свѣтлое будущее нашей Великой Родины Россіи.
Также от имени всѣх присоединяю привѣт: 2-му выпуску с 50-ти лѣтіем, 7-му выпуску с 45-ти лѣтіем и 12-му выпуску с 40-ка лѣтіем окончанія Корпуса.

А.Потапов
предсѣдатель всѣх
Объединеній Суворовцев
за рубежом.

О К Т Я Б Р Ь 1 9 5 7 г.

Памятник Суворовским Чудо-Богатырям в Германiи около гор. Вейнгартена. /см.стран.38 /

Образок Покрова Пресвятой Богородицы, которым Корпус благословлял выпускных кадет. Снимок прислал Яков Федорович Субботин/VII в./ из Бейрута. Приносим ему искреннюю благодарность. Конечно, послѣ многих лѣт нельзя было получить совсѣм отчетливый снимок, но важен общiй вид и точный размѣр.

Николай Владимирович ГЛАВАЦКIЙ

Николай Александрович ПОЛЕЖАЕВ

Александр Николаевич ПОТАПОВ

Члены Объединенiя - Суворовцы 2-го выпуска в память 50-ти лѣтiя окончанiя Корпуса.

ИЗ ЖИЗНИ В ЛАГЕРѢ.

I.

Вѣроятно не многіе из нас, в разсѣяніи сущих, проводили лѣто в кадетском лагерѣ. Этим и объясняется отсутствіе очерков из лагерной жизни. Правда, лагерная жизнь была болѣе бѣдна событіями, остающимися в памяти, как по краткости лѣтних каникул в сравненіи с учебной частью года, так и по незначительному числу оставшихся на лѣто кадет. Быть может еще потому, что в лагерѣ кадеты пользовались большой свободой. Мы были хозяевами своего времени. Собирались лишь к ѣдѣ, купанью и сну. Впрочем, среди нас были несчастные с переэкзаменовками, которые обязаны были заниматься от 9 до II часов. Какого либо разумнаго руководства в препровожденіи свободнаго времени, к сожалѣнію, не было. Если что либо происходило, из оставшагося в памяти, являлось или почином самих кадет, или толчком извнѣ. Впрочем, бывали и рѣдкія исключенія, но и то навѣянныя извнѣ.

Я не могу расположить очерки в хронологическом порядкѣ, так как не помню не только дат, но, в нѣкоторых случаях, даже года. Все же постараюсь соблюсти какую то постепенность.

--o--

Лѣто 1902 года, оставшіеся в корпусѣ, кадеты проводили на дачѣ Командующаго Войсками Округа, так как своей земли у корпуса еще не было. Дача была расположена у Большого форта крѣпости Зегрж. Собственно говоря, мы помѣщались не в самой дачѣ, а в отдѣльном одноэтажном домикѣ шагах в ста от главнаго дома.

Перед фасадом главнаго дома был разбит прекрасный цвѣтник; правѣе, ближе к форту, большой плодовый сад, сдававшіся в аренду, а с лѣвой стороны огромный старый парк, со столѣтними липами, каштанами, соснами, елями и дубами, удаляясь от центра и превращаясь в смѣшанный лѣс, спускался к берегу Буго-Нарова. Самым замѣчательным в паркѣ был "Чертов мост," как мы его называли. Он был переброшен через широкій и глубокій овраг, тянувшійся до самаго берега. Мост был висячій, державшійся на двух гигантских соснах, поднимавшихся со дна оврага и уходивших своими вершинами сажень на десять вверх от моста.

Развлеченій у нас было мало: городки, лапта и крокет - вот всѣ игры, бывшія в нашем распоряженіи. Но нам разрѣшалась прогулка по парку и цѣлые дни мы проводили в нем. Два, а в особенно жаркіе дни три, раза, под продводительством двух воспитателей, мы ходили на купанье. Прекрасная большая купальня с наклонным дном - для плавающих и не плавающих - была почти против выхода из парка. Для обученія плаванію была устроена "шлея": к толстому удилищу прикрѣплена веревка с подвязанной лямкой, поддерживавшей тѣло на поверхности воды. Впрочем, мало кто интересовался этим приспособленіем, а воспитатели, подполковник Иван Иванович Косинскій и, кажется, шт.-капитан Тихон Владимирович Львов, не сумѣли заинтересовать нас.

В серединѣ августа пріѣхал на дачу директор С.Н.Лавров и в первый же день, придя в купальню и видя наше безсмысленное барахтанье в водѣ, объявил, что через три дня сдѣлает смотр плавающим и кто будет хорошо плавать тѣх выпустит "на простор рѣчной волны." Надо было видѣть с какой энергіей начали всѣ стремиться к "шлеѣ"! Каждому захотѣлось выйти "на волю." Не видя возможности воспользоваться "шлеей", так как к ней устремились старшіе, в числѣ 2-3 человѣк, я рѣшил учиться самостоятельно. Понаблюдав за учащимися на "шлеѣ," я начал усиленно практиковаться и, проглотив изрядное количество воды, через три дня был готов к смотру, так как уже недурно плавал и на спинѣ, и на боку, и по лягушечьи, или как мы называли "по морскому." Послѣ смотра шесть лучших пловцов были выпущены в открытую рѣку. В числѣ их был и я. Это был мой первый шаг к увлеченію спортом.

Характерно, что появленіе С.Н.Лаврова и объявленная им "награда" в три дня сдѣлали то, чего не смогли достичь воспитатели в теченіи цѣла-

го лѣта. Всѣ кадеты, бывшіе в это лѣто на дачѣ, научились плавать. Кромѣ купанья одним из наших любимых развлеченій была ловля птиц. Идея заняться ею появилась совершенно случайно. Около занимаомаго нами дома была большая - аршин 6 в длину и 4 в ширину - клѣтка для домашней птицы, раздѣленная пополам деревянной перегородкой; передняя стѣнка была из проволочной сѣтки. Как то раз, еще в началѣ лѣта, из гнѣзда выпал птенчик. Его подобрали. Мать безпокойно летала вокруг. Один из воспитателей посовѣтовал посадить птенчика в клѣтку, оставив открытой дверь. Мать начала залетать в клѣтку - кормить птенца и постепенно стала привыкать. Когда птенец подрос и окрѣп, он первое время возвращался на ночь в клѣтку. Это и привело нас к мысли заняться ловлей птиц. Ловили самым примитивным способом: деревянный ящик, поставленный наклонно, поддерживался подпоркой, к которой привязана веревка. Под ящиком и около него разсыпаны зерна. Птица, поклевывая разбросанное зерно, заходит под ящик, веревка дергается, ящик падает, птица поймана и отправляется в клѣтку, в которой поставлено срубленное деревцо. Другое отдѣленіе было отведено под звѣрьков. Были там бѣлки, ежи и даже посадили крота, который тут же, на наших глазах, начал зарываться и благополучно ушел. Бѣлок обычно ловили на соснах "Чертова моста". На днѣ оврага кадеты, на мосту тоже. Бѣдная бѣлка мечется по голому стволу между нами и, наконец, выбившись из сил, попадает в наши руки. Ни звѣрьки, ни птички не держались нами долго. Несмотря на хорошій корм, они плохо ѣли и через нѣсколько дней кто либо тайно их выпускал.

Вспоминаю курьезный спор между болгарченком Миньковым и кѣм то из кадет. Как то к ловушкѣ приближался воробей. Нѣсколько человѣк в засадѣ внимательно слѣдили за ним. Кто то из близоруких спросил - что это за птица. Бывшій тут Миньков заявил, что это не птица, а воробей. Всѣ покатились со смѣху, а попытки доказать ему, что воробей тоже птица, не привели ни к чему; насмѣшки же привели к дракѣ.

Старшим воспитателем был подполковник И.И.Косинскій. К нему, время от времени, пріѣзжала жена с дочерьми Вавой и Катей. За ними, конечно, ухаживали, но иногда дѣлали и пакости. В паркѣ было много, так называемых, безногих ящериц, по виду настоящих змѣек, но совершенно безопасных, длиною в пол аршина. Поймав такую змѣйку, шалопай засунет ее в рукав, идет здороваться с дѣвочками и, пожимая руку, вытряхнет на платье змѣйку. Визг, писк, а первое время даже слезы. Но эти развлеченія, хотя и вызывали смѣх окружающих, все же не одобрялись большинством "ухажеров" и бывали случаи, что "рыцарь" тут же на глазах "дамы сердца" выступал на "турнир" с обидчиком.

Было еще одно развлеченіе: в паркѣ было много грибов и мы с большим усердіем собирали их. Первое время приносилось много несъѣдобных и даже ядовитых грибов, но постепенно мы научились различать их. Собранные грибы отдавались на кухню и являлись дополненіем к нашему казенному меню.

Так прошло первое лѣто.

II.

Слѣдующее лѣто 1903 года проводили уже на "собственной дачѣ". Пріобрѣтенная корпусом усадьба принадлежала князю Радзивиллу и находилась верстах в двух от Большого форта крѣпости Зегрж.

С большим нетерпѣніе ожидали мы дня выступленія в лагерь. Выѣзжали мы обычно дней через десять послѣ разъѣзда кадет по домам. Эта задержка вызывалась необходимостью приготовить лагерь к нашему пріѣзду. Эти переходные дни были весьма неопредѣленными в смыслѣ препровожденія времени. Еще не было лагерной свободы, но не было также и привычнаго зимняго уклада. Как было заполнено это время в том году, совершенно не помню, а послѣдующіе годы устраивались экскурсіи или, если таковых не было, старшіе кадеты отпускались в город, а младшіе, с воспитателем во главѣ, отправлялись в Уяздовскій парк или Лазенки. Иногда предпринимались общія прогулки за город в Вилла Нова, тогда завтрак - булка с кот-

лотой - брался с собой.

Всѣ оставшіеся кадеты сводились в одно из ротных помѣщеній. Утренній подъем был в 7 часов, а ложились спать в 10. В общем в это переходное время преобладало чувство неприкаянности. Огромное ротное помѣщеніе пусто; кое гдѣ мелькают одиночные кадеты и так непривычна тишина, смѣнявшая обычный шум. Гулко отдаются шаги или топот прошедшаго или пробѣжавшаго; обычно звонкіе голоса звучат как то глуше, теряясь в пустотѣ ротнаго зала...

Наконец наступает давно ожидаемый день выступленія. Подъем, как обычно, в 7 часов, но уже значительно раньше начинают подниматься одиночныя фигуры. Томительно долго тянется время до выступленія. Но вот наступает желанный час. Строимся и выступаем на Привислянскій вокзал. В этом, как и в прошлом году, нас было еще не так много и на вокзал мы ѣхали в спеціальном "кадетском" трамваѣ, а в послѣдующіе годы этот путь совершали пѣшком. На вокзалѣ не разрѣшалось никуда отлучаться. Один из двух, а позднѣе один из трех, воспитателей, шел узнавать, гдѣ находится наш вагон, и возвратившись вел на один из запасных путей. С гиком штурмовали вагон, стараясь захватить мѣста у окон. Вагон прицѣплялся к одному из пассажирских поѣздов, отходящих на Новогеоргіевск через каждый час. В вагонѣ выдавался завтрак - та же булка и котлета. Раз десять пересчитывали нас воспитатели, так как, несмотря на запрещеніе выходить из вагона, всегда кто либо выскакивал.

Но вот подан маневренный паровоз, мы снова пересчитаны и нас прицѣпляют к отходящему поѣзду. Дорога не дальняя, всего пол часа до станціи Яблонна-Штаб Фельдмаршала Гурко. Вылѣзли; вновь пересчитаны и, наконец, двинулись по шоссе ведущему на Пултуск. Идем в группѣ, так как никому из нас не знаком путь; его знают только "звѣри", но не говорят ничего и волей-неволей приходится придерживаться их. Вскорѣ обгоняют нас "жидовская балагула" или "карета 40 мучеников", набравшая пассажиров, ѣдущих в Сероцк и Пултуск. У них узнаем, что идти предстоит 7-8 верст и болѣе шустрые значительно опережают держащихся около воспитателей, из которых кое кто пытается словчиться - сѣсть на подводу, нагруженную шинелями, незатѣйливым нашим и солидным воспитательским багажом. Все же ушедшим вперед приходится время от времени останавливаться, особенно на перекрестках, поджидая плетущихся сзади. Не здѣсь ли сворачивать? Но вот, вправо от шоссе, среди полей, показалась какая то усадьба - навѣрно наша. Прибавили шагу... проселок и не далѣе как в четверти версты увидѣли идущаго нашего "дядьку". С криком "ура" бросились бѣжать. Каждому хотѣлось первым вступить в лагерь.

Помѣстительный двух-этажный с большой верандой дом, обращенный фасадом на восток, стоял в плодовом саду. К югу, за забором окружавшим усадьбу, маленькая сосновая рощица, повидимому насаженная для укрѣпленія песчаной почвы со стороны господствующих вѣтров, а дальше чистое песчаное поле, на котором впослѣдствіи /1904/ были выстроены жилые бараки, продуктовый склад и кухня. Столовая была открытая под навѣсом с цементным полом; дом стал обиталищем и "звѣрей" или попросту "звѣринцем". Размѣщены мы были в обоих этажах. Как устроились воспитатели - не помню. В дальнѣйшем, когда были выстроены бараки, у старшаго из воспитателей была комната в верхнем этажѣ; нижній этаж дома занимал командир 1-й роты полковник Соловьевич с женой, а двое других воспитателей помѣщались в комнатѣ при кадетском баракѣ.

К западной сторонѣ дома, отдѣленный узкой полосой сада, примыкал двор с хозяйственными постройками. Были тут: конюшня, коровник, каретник, сѣновал, голубятня и домик сторожа-садовника, жившаго в нем круглый год. Двѣ коровы, 4 лошади, нѣсколько кур, двѣ пары цесарок, по крику которых мы опредѣляли погоду, пара павлинов и голуби составляли живой инвентарь. Плуг, борона, телѣга, бричка и коляска - мертвый. Двѣ-три десятины пахотной земли, отдѣленныя от двора усадьбы проселочной дорогой, также принадлежали корпусу; обрабатывались онѣ сторожем и

урожай с них шел в его пользу, что вмѣстѣ с казенным инвентаром и квартирой служило ему жалованьем. Сторож, ни имени, ни фамиліи его не помню, из унтер-офицеров, хорошій работник, жил припѣваючи. К сѣверо-западу, в нѣскольких сотнях шагов по проселку, находилась молочная ферма-фольварк с большим числом голландских черно-бѣлых коров и 2 огромными, той же породы, быками вѣсом свыше 75 пудов каждый. Только два человѣка могли входить к ним безопасно, несмотря на то,что быки были прикрѣплены к стойлам цѣпями,пропущенными через кольцо в носу. С сѣверной и восточной стороны тянулись поля, засаженныя травой для пастбища.

Перечисляя живой инвентарь, я забыл упомянуть двух собак: "Кук" полупородистый рыжій ирландскій сеттер и "Сирена" неопредѣленной помѣси с большой примѣсью водолаза. "Кук" быстро привык к кадетам и гулял на свободѣ; "Сирена" же долгое время не признавала нас и сидѣла на цѣпи; но и она, в концѣ концов, привыкла и часто сопровождала нас на купанье. Лежа на берегу она внимательно слѣдила за купавшимися и,если кто либо "выбивался из сил," бросалась в воду и подхватывала его к себѣ на спину. Вспоминается мнѣ один случай, когда она проявила свою преданность. Среди кадет, проводивших лѣто в лагерѣ, был сын покойнаго моего перваго воспитателя подполковника Михаила Казимировича Пузыревскаго, Саша. Маленькій, худенькій, очень много читавшій и не по лѣтам развитой, почти всегда задумчиво бродившій в одиночествѣ, Саша как то отстал от группы кадет, возвращавшихся с купанія через поле, на котором паслось большое стадо коров не особенно кроткаго нрава. Никто из нас не замѣтил, как коровы окружили задумавшагося мальчика, постепенно суживая кольцо.Грозный лай "Сирены" обратил наше вниманіе на происходившее. Саша, окруженный коровами, размахивая полотенцем, безуспѣшно пытался отогнать их. "Сирена," с яростным лаем,бросалась на насѣдавших коров и пока мы добѣжали к мѣсту происшествія, успѣла обратить всѣх коров в бѣгство.

С купаніем дѣло обстояло значительно хужо, чѣм в прошлое лѣто. Рѣка от усадьбы была удалена на добрую версту и идти приходилось по открытому полю. В это лѣто пользовались еще купальней, хотя хорошо плавющим разрѣшалось выходить в открытую рѣку; но уже на слѣдующій год было найдено подходящее мѣсто с пологим дном. Вбитыо колья с протянутой между ними веревкой огораживали мѣсто. В дальнѣйшем отличным пловцам разрѣшалось переплывать, довольно широкій в этом мѣстѣ, Буго-Нарев сначала с воспитателем /Карпов/ а потом самостоятельно.

В это лѣто к нашим прошлогодним развлеченіям прибавилось катаніе на лодкѣ и рыбная ловля. Большая шести-весельная плоскодонная лодка "Кадет" свободно вмѣщала человѣк двѣнадцать. На ней мы учились грести, управлять рулом и простым четырехугольным парусом. Катаніе на лодкѣ доставляло нам большое удовольствіе и каждый норовил покататься. Можно смѣло сказать, что вскорѣ всѣ без исключенія научились управлять лодкой. Не могу вспомнить с этого ли года, или с одного из послѣдующих, наш обычный маршрут бывал вниз по теченію не дальше моста и назад. Не доходя моста, почти против форта, расположен был знаменитый "остров смородины." За исключеніем узкой песчаной полоски у самой воды, весь остров зарос кустами черной, красной и бѣлой смородины, ожовики и даже малины. В сезонѣ почти каждый день отправлялись туда, наѣдались до отвала и еще привозили с собой для оставшихся пріятелей. В дальнѣйшіе годы устраивались пикники на лѣвом лѣсистом берегу рѣки с варкой полевой каши, печеніем картошки и чаем, попахивавшими дымком, но все казалось очень вкусным, гораздо вкуснѣе, чѣм приготовленное на кухнѣ поваром.

Через нѣсколько лѣт у нас появилась вторая лодка поменьше, но килевая с косым парусом и кливером "Суворовец." Эта лодка от начала до конца была сдѣлана руками кадета Потулова. Им был составлен чертеж и сдѣланы всѣ разсчеты. Вѣроятно это все дѣлалось не без помощи какого то инженера, но чертеж был подписан "кадет Потулов." Весь строительный матеріял дан был корпусом. Конечно, не обошлось без предварительной провѣрки. Чертежи были отосланы куда то и возвращены с очень лестным отзывом о

Потуловѣ. Он своими руками сдѣлал абсолютно все, не принимая ничьей помощи. На работу у него ушло полтора лѣта, но когда лодка была спущена на воду и двое отличных гребцов,при рулевом Потуловѣ,налегли на весла, лодка показала замѣчательную легкость хода и послушность в управленiи. Испытанiе парусов дало столь же блестящiй результат. Катанiе на этой лодкѣ доставляло огромное удовольствiе и я искренно благодарен ея строителю и особенно рад, что мнѣ удалось вспомнить его фамилiю.

На этой лодкѣ мы предпринимали болѣе далекiя путешествiя, одно из которых произошло совершенно случайно.

В то лѣто дежурили подполковник Гуляков и капитан Заустинскiй, а третьяго не помню. Как то раз нас человѣк пять пошли кататься на лодкѣ. Надо сказать, что в то время кататься на лодках без воспитателя еще не разрѣшалось. С нами был Н.К.Гуляков. Оснастив "Суворовец" мы рѣшили идти вверх по теченiю. Под сильными взмахами двух пар весел лодка заскользила по зеркальной поверхности и через пол часа мы подошли к устью Западнаго Буга. Ни разу еще наши лодки не входили в Буг и послѣ коротких разговоров с Н.К.Гуляковым мы, как"пiонеры," вступили в "невѣдомыя воды." К сожалѣнiю недостаток времени не позволил нам углубиться в новыя мѣста и пришлось ограничиться разстоянiем около версты. Перед возвращенiем мы высадились на берег и на одном из возвышавшихся над лозняком, покрывавшим берега, деревѣ вырѣзали свои имена не забыв и нашего "капитана" Н.К.Гулякова.

Эта скромная экскурсiя, длившаяся каких нибудь два-три часа, породила у нас желанiе проникнуть возможно дальше в Буг. Послѣ довольно долгих просьб, обычно замѣнявшiй в лагерѣ директора, командир I-й роты полковник Соловьевич дал разрѣшенiе на трехдневную экскурсiю.

Запасшись кое какими продуктами и необходимыми кухонными принадлежностями, ранним утром мы погрузились в лодку и двинулись в путь. Из воспитателей был с нами капитан Заустинскiй. Буг значительно уже Бугo-Нарева. Берега густо заросшiе лозняком, создававшiе впечатлѣнiе большого и густого лѣса, замѣнялись лугами. Не часто попадались деревни, расположенныя вдоль самаго берега, а большинство их виднѣлось в нѣкотором отдаленiи. Легкiй вѣтерок позволил поставить парус и мы спокойно двигались вперед. Время шло. Всѣ мы, всѣ шесть человѣк,были курящiе и это прекрасно знал капитан Заустинскiй. Чтобы покурить нам надо было по очереди уходить на нос, прячась за парус. В первый день мы продвинулись довольно далеко. К вечеру, уже в темнотѣ, пристали у какой то деревни. Переговоры вел Заустинскiй и хозяева разрѣшили нам устроиться на сѣновалѣ. У лодки установили дежурство. На берегу быстро устроили полевую печку с двумя комфорками, поставили чайник, в котлѣ приготовили полевую кашу /на пикниках мы научились ее готовить/ а в золѣ спекли картошку. Ужин был лукуловскiй, так как обѣд был очень скромный из сухих продуктов - колбасы и сыра. Часовой был снабжен свистком, часами и... браунингом. Всѣм было объяснено как переводить с предохранителя на боевой взвод и дана самая точная инструкцiя для примѣненiя оружiя. Можете себѣ представить гордость, с которой каждый из нас принимал столь "грозное оружiе"! Смѣнялись через 2 часа, так что не всѣм приходилось быть "часовым," но каждый стремился "стать на пост",т.е. попросту сидѣть в лодкѣ и не спать. Ночь прошла благополучно. Никаких "нападенiй" не было и оружiе спокойно лежало в кобурѣ.

Рано утром послѣднiй "часовой" развел огонь, вскипятил чай и разбудил путешественников; доложив Заустинскому, что ночью никаких происшествiй не случилось, сдал ему пистолет, часы и свисток. Прочитав утреннюю молитву, принялись за чай и молоко, купленное в деревнѣ, запивая ими уже нѣсколько черствыя булки с холодной котлетой. С завтраком было быстро покончено и залив огонь отправились в дальнѣйшiй путь.

Легкiй утренник едва двигал лодку против теченiя, а часа через два и вовсе прекратился. Пришлось сѣсть на весла. Гребли усердно и продвигались довольно быстро, но... паруса, защищавшаго нас от взоров началь-

ства при куреніи, не было, а курить очень хотѣлось. Всѣ наши намеки "не понимались" Заустинским. Пришлось принять рѣшительныя мѣры: "мы устали грести" и предложили тянуть лодку на лямкѣ. Всѣ кадеты вылѣзали из лодки, трое впрягались в лямку, попросту тянули за довольно длинную веревку, а трое других отставали и закуривали, примѣняясь к мѣстности. Затѣм мѣнялись, а покурив снова садились на весла. Так было в теченіи всего второго дня. В полдень сдѣлана была 2-х часовая остановка, сварена полевая каша и вскипячен чай. На ночлег пришли поздно - часов в 9 вечера и опять расположились на сѣновалѣ, выставив "часового"! И эта ночь прошла благополучно. Мы были верстах в десяти от города, названія котораго не помню, может быть Волковыск, и хотѣли дойти до него, но Заустинскій заупрямился и пришлось повернуть назад. Обидно! Этот день был легкій, так как лодка шла по теченію и с попутным вѣтром. Парус был поднят и мы курили сколько душѣ угодно.

В концѣ пути, когда мы уже вошли в Буго-Нарев, воспитатель ухмыляясь сказал нам, что он прекрасно видѣл, как мы за парусом курили, а также хорошо понимал наш не хитрый маневр с лямкой, но хотѣл заставить нас почувствовать как иногда плохо бывает курильщикам. Грѣшный человѣк, я никогда не мог воздержаться от жоланія отомстить за причиненную начальством непріятность и тут же разсказал извѣстный анекдот о генералѣ Линевичѣ. /Да простит мнѣ наш дорогой Лев Платонович Линевич/. Как то в полѣ,разбирая какой то маневр, "папаша" Линевич по стариковски разболтался и никак не мог закончить свою рѣчь. Один из ротных командиров, страстный курильщик, не вытерпѣл, пробрался подальше от генерала и закурил. Некурящій Линевич сразу почувствовал табачный дым и, обратившись в ту сторону откуда тянуло дымом, грозно вопросил: "кто это здѣсь курит?" Бѣдный капитан, подняв руку на громоотвод, доложил: "я Ваше Высокопревосходительство!" - "Как,капитан,развѣ Вы не знаете, что в присутствіи высшаго начальника курить без разрѣшенія не разрѣшается?" - "Так точно знаю, Ваше Высокопревосходительство, но я думал, что на свѣжем воздухѣ...." - "Там гдѣ высшее начальство свѣжаго воздуха не бывает" - отрѣзал Линевич. Заустинскій сдѣлал вид, что не понял.

К ужину мы уже были в лагерѣ, дѣлясь своими впечатлѣніями и хвастаясь "стояніем на часах" с браунингом. Увы, только тут мы узнали, что Заустинскій и в этом случаѣ сыграл с нами шутку - в браунингѣ не было ни одного патрона.

Эта первая 3-х дневная экскурсія не была единственной. В это же лѣто были еще двѣ. Одна в Пултуск, вверх по Нареву, с воспитателем и вторая в Новогеоргіевск, вниз по Буго-Нареву, уже была без воспитателя. В крѣпости кадеты были приняты очень радушно. О благополучном прибытіи тотчас было сообщено телефонограммой через Зегрж в лагерь. Точно также было сообщено и о времени отплытія из Новогеоргіевска. К счастью вѣтер был свѣжій и попутный, так что путь из Новогеоргіевска в Зегрж был сдѣлан в один день.

Эти экскурсіи породили мысль предпринять болѣе продолжительное и интересное путешествіе. Было высказано пожеланіе пройти на лодкѣ из Зегржа в Кіев через Западный Буг, Буго-Днѣпровскій канал, Припять в Днѣпр. Тот же капитан Заустинскій согласился возглавить путешествіе. По тогдашним разсчетам путешествіе до Кіева заняло бы мѣсяц, а возвращеніе должно было состояться по желѣзной дорогѣ. Увы, это были лишь мечты. Видимо восьмисот-верстное путешествіе, особенно на участкѣ болотистой Припяти, никого из начальства не прельщало и так и не состоялось.

Другим новым развлеченіем, как я говорил, была рыбная ловля. Среди нас были настоящіе любители этого вида спорта, большинство же относилось к нему болѣе или менѣе равнодушно. Впрочем с теченіем времени нѣкоторые превратились,если не в страстных рыболовов, то все же охотно, а иногда и с увлеченіем, принимали в ловлѣ участіе. И это занятіе, как и всѣ наши развлеченія, развивалось постепенно самотеком. Среди воспитателей я не не помню ни одного рыболова. Даже Карпов не был им.

В первый год мы ограничивались самодѣльными удочками, ловя лишь верховодок: плотву, уклеек и красноперок, но уже на слѣдующій год кой у кого появились хорошія лески с соотвѣтствующими крючками и начали попадаться окуни и подлещики.

Самым рьяным рыболовом был Попков, увлекавшійся до самозабвенія. Ему принадлежит честь развитія этого спорта. Он первый обзавелся донной удочкой, он же начал плести сѣть-бредень, его же почину обязаны переметами, подпусками и вершами. Вокруг него самоорганизовалась компанія любителей. В складчину пріобрѣли шпагат и Попков сплел, правда небольшой, бредень, но начало было положено. Впослѣдствіи были отпущены казенныя средства и бредень был значительно увеличен. Ловлю бреднем любили всѣ, пожалуй кромѣ воспитателей, вынужденных лишнее время проводить на берегу и слѣдить как бы кто из увлекавшихся малышей не свалился в воду. Ловля бреднем привлекала к себѣ тѣм, что проходила быстро и почти каждому можно было принимать в ней участіе. Болѣе рослые заводили бредень, поменьше по бокам пугали рыбу, а самые низкіе гнали рыбу от берега, в то время как малыши, стоя на берегу, визжали от нетерпѣнія и удовольствія. Улов бывал различный. На нашем правом берегу слабѣе чѣм на лѣвом. Особенно удачен он бывал во время пикников на лѣвом берегу около дамб. Тогда готовилась уха. При заходѣ солнца, между камнями дамб вытягивали руками довольно крупных подлещиков. Подпуски, переметы и верши ставились с вечера на ночь, а рано утром, часто еще до чая, отправлялись за уловом. Обычно шли вчетвером. Попков устраивался на носу, там же помѣщался кто либо с сачком, третій на веслах, а четвертый на рулѣ. С большим волненіем слѣдили всѣ за выбираемым Попковым переметом или подпуском, несмотря на то, что из практики знали, что на эти снаряды большого улова почти никогда не бывает, но... надежда юношей питает - авось на этот раз будет особая удача. Обычно на перемет и подпуск попадались ерши, небольшіе окуни, щуки и сомики. Впрочем однажды на переметѣ оказалась большая, чуть не в аршин величиной, щука так глубоко заглотившая крючек, что его пришлось отрѣзать. Самое же удивительное, что взяла она не на щучій крючек. На кухнѣ выяснилось, что взяла она на.. ерша, в свою очередь прельстившагося червяком. В верши тоже рѣдко попадалось что либо путное. Иногда забредет угорь или щука, иногда рак, а большей частью какая либо мелочь и лягушки.

Но однажды произошло невѣроятное событіе, заставившее о себѣ говорить не только рыболовов, но и рабочих на фермѣ. Кому то из рыболовов пришла идея попробовать завести бредень в заброшенном прудикѣ, находившимся перед главным домом. Спросили разрѣшеніе у управляющаго. Тот только презрительно разсмѣялся, говоря, что кромѣ пустых бутылок и другой подобной дряни в прудѣ ничего нѣт, но всетаки разрѣшил. Бредень заводили служителя, умѣвшіе плавать. Прошли всего три раза и за эти три захода вытащили нѣсколько ведер великолѣпных жирных карасей. Цѣлое ведро отнесли управляющему, который чуть не упал со стула от удивленія. Больше мы не получали от него разрѣшенія ловить. Очевидно он нашел, или вѣрнѣе мы нашли ему новую статью личнаго дохода.

III.

Вижу, что придерживаться хронологическаго порядка мнѣ не удастся, да, впрочем, это и не важно, т.к. начиная с лѣта 1904 года, когда были выстроены бараки и мы поселились в них, наша жизнь, из года в год, текла по одному руслу. Утренній подъем в 7 часов, в 8 - чай, в 12 - обѣд, в 4 - полдник и в 8 - вечерній чай, а в 10 часов - укладываться спать. Послѣднее исполняли младшіе, а старшіе, хотя и противозаконно, задерживались до $10^{1}/_{2}$-11 часов. Это самоволіе молчаливо признавалось воспитателями, лишь бы не шумѣли.

Промежутки между ѣдой заполнялись нами по своему усмотрѣнію, кромѣ переэкзаменовочных, которые обязаны были заниматься от $8,^{30}$ до $10,^{30}$ часов. Часов около 11 и около 6 вечерв шли на купаніе, а в особенно

жаркіе дни еще и перед полдником, часа в 3 дня.

Предоставленные самим себѣ, мы заполняли свободное время по способностям и наклонностям. Нѣкоторые отправлялись в поле ловить бабочек и собирать разных букашек, пытаясь составлять коллекцію. Ловили сначала фуражками, потом самодѣльными сачками из марли, получаемой от фельдшера, и только в дальнѣйшем, возможно что лишь в слѣдующем году, были даны казенные сачки, жестяныя коробки и соотвѣтствующія булавки. "Урожай" перваго года был страшен, и когда на него осенью взглянул преподаватель естественной исторіи, фамиліи котораго я не помню, он только выругал нас за безполезное мученіе насѣкомых. Затѣм он разсказал нам как надо ловить, убивать эфиром,, расправлять и хранить пойманных насѣкомых. Видимо по его совѣту, корпус пріобрѣл расправилки разных размѣров и спеціалныя коробки со стекляной крышкой. Им же было указано, что бабочек надо собирать по два экземпляра, чтобы были видны с лицевой и обратной стороны. Придерживаясь его указаній, в теченіи послѣдующих лѣт, составилась вполнѣ приличная коллекція, находившаяся в естественном классѣ. Из года в год она пополнялась, не только остающимися на лѣто в корпусѣ кадетами, но бывали случаи, что кто либо из отпускных привозил новые виды бабочек или жуков,не водившихся в районѣ Зегржа. Были попытки собирать гербарій, но это занятіе не привилось,т.к. гербарій требует значительно больших знаній и болѣе тонкой наблюдательности, а главное - это болѣе скучное занятіе и результаты работы не так замѣтны и эффектны.

Хотя книг в лагерь бралось не много, но и чтеніе заполняло свободное время, особенно в дождливые дни.

К числу развлеченій можно отнести поѣздки, с экономом Флором Михайловичем Гавриловым, на базар в Сероцк. Эти пятничныя поѣздки до нѣкоторой степени разнообразили монотонно тянувшіеся дни. Не могу утверждать, но помнится, что онѣ начались совершенно случайно. Нашим рыболовам бывали нужны разныя мелочи - крючки, лески и т.п.,а эконом ничего не понимал в этом дѣлѣ, в чем и признавался, и, не надѣясь выполнить заказ, брал с собою кого либо из рыболовов, который и покупал все необходимое. В дальнѣйшем вошло в привычку, что с экономом всегда ѣздил кто нибудь из старших кадет, помогавшій ему - то разыскивая и прицѣниваясь к продуктам, то карауля уже купленное набричкѣ, в то время как эконом с кучером /лагерным сторожем/ ходил по базару. Покупались обычно молочные продукты, яйца, а главное цыплята. Лѣтом кормили нас разнообразнѣе, вкуснѣе и, пожалуй, обильнѣе. По воскресеньям,к обѣду на второе, всегда были фаршированные цыплята - по пол цыпленка;довольно часто давалось мороженое. На полдники бывали вареники с вишнями или черникой, смотря по сезону, а также с творогом со сметаной и маслом, или с мясом по польски. Бывало какао с булкой, маслом и сыром, рѣже с колбасой; конечно не обходилось без котлет, но онѣ были значительно вкуснѣе чѣм зимой; давалась окрошка и т.п.

С 1906 или с 1907 года, начали разрѣшать отлучки в Сероцк отдѣльным кадетам старших классов. Обычно собиралась компанія два-три человѣка и отправлялись "за покупками" сразу послѣ обѣда. Сероцк заштатный городишко, расположенный в 4 верстах от лагеря в направленіи на Пултуск, населенный исключительно, выражаясь по современному, израэлитами и до невѣроятія грязный. Нѣсколько десятков домишек вытянулись вдоль шоссе; конечно синагога и "хедер",из котораго слышится бормотаніе дѣтских голосов. Бывало не успѣешь подойти к первым домам, а уж на тебя набрасываются с распросами - что надо и приглашеніем зайти, т.к.чуть ли не в каждом домѣ чѣм либо торгуют. Приблизительно в центрѣ городка, на базарной площади, была единственная настоящая лавочка, в которой можно было найти все, начиная от коломази и керосина, кончая кондитерскими издѣліями и шампанским, двѣ бутылки котораго я видѣл ежегодно стоящими на полкѣ на одном и том же мѣстѣ. В этой лавочкѣ была "задняя комната," куда можно было пройти отдохнуть, съѣсть мороженое и даже выпить

стакан чая или распить бутылку пива. Дѣлать в Сероцкѣ было нечего, интересна же была сама по себѣ прогулка без воспитательскаго надзора.

С чистой совѣстью к числу развлеченій причисляю наши набѣги на плодовый сад, куда кадетам вход был запрещен. От нашей рощицы сад отдѣлялся досчатым забором. Отбитыя снизу двѣ доски являлись прекрасными лазейками, продѣланными в нѣскольких мѣстах со всѣх сторон забора. Ближайшія деревья к забору, к сожалѣнію, были зимних сортов, но почти у самаго угла, образуемаго нашей южной стороной и восточной, росли двѣ громадныя вишни. На них, а также на росшіе в этом мѣстѣ кусты крыжовника, в первую очередь дѣлались набѣги. Едва успѣют покраснѣть вишни, как между вѣтвями можно было видѣть бѣлыя пятна кадет, усиленно питающихся. Болѣе предпріимчивые направлялись в глубь сада, подбираясь к яблокам и грушам; но самым рискованным предпріятіем, в случаѣ успѣха покрывавшаго славой совершившаго этот подвиг, было - сорвать груши с карликоваго дерева, росшаго в непосредственной близости от веранды дома, гдѣ жил полковник Соловьевич с женой и один из воспитателей. Жена Андрея Осиповича, очень милая и добрая старушка, цѣлые дни проводила на верандѣ; частенько к ней подсаживался муж. На карликовой грушѣ бывало десяток-полтора крупных, сочных груш и всѣ онѣ были на счету у Соловьевича. Дѣйствительно, сорвать груши с дерева, находящагося в каких нибудь двадцати шагах от веранды и отдѣленнаго от нея совершенно открытым пространством - площадкой перед домом, дѣло не легкое и для выполненія его надо было обладать способностями знаменитаго севастопольскаго матроса Кошки; и все же каждое лѣто деревцо обиралось и Андрею Осиповичу, в лучшем случаѣ, доставались одна-двѣ груши. По неписанным законам налеты на сад могли производиться только днем. С наступленіем сумерок и до утренняго чая, набѣги не производились - относились к категоріи воровства и преслѣдовались самими кадетами.

Рѣдко кому удавалось совершить это предпріятіе в одиночку; обычно организовывалась "экспедиція," состоявшая из двух-трех человѣк. В то время как предпринимавшій налет подкрадывался к дереву, остальные появлялись в противоположной части сада, не особенно скрываясь. Замѣтив мелькающія между деревьев фигуры, Соловьевич шел в том направленіи, в надеждѣ поймать кого либо, но фигурф были неузнаваемы, т.к. рубаха закидывалась на голову, и при приближеніи начальства разбѣгались по разным направленіям и исчезали, пользуясь лазейками, а вкрайнем случаѣ ловко перебирались через забор и бѣжали в поле. Старушка же, сидя на верандѣ, слѣдила за присходившим, возможно с тайным желаніем успѣха удиравшим кадетам. Вот этим моментом пользовался организатор набѣга, чтобы сорвать нѣсколько груш и быстро исчезнуть.

Многочисленныя экскурсіи в плодовый сад частенько влекли за собой сигнал "тревога." Замѣтит бывало Андрей Осипович нѣсколько фигур в саду и прикажет сигналисту играть "тревога." По сигналу всѣ быстро сбѣгались и выстраивались на линейкѣ перед бараком. "Звѣри," никогда не удалявшіеся от барака, обычно были первыми и слѣдили за приходившими. Надо было много проворства и ловкости, чтобы успѣть спрятать нарванные плоды, привести себя в порядок и стать вовремя в строй. Первое время "любители ботаники," как мы их называли, удирали по полю на четверинках, но свѣжіе слѣды на колѣнках их выдавали, т.к. не всегда можно было объяснить их ловлей бабочек; потом наловчились бѣгать не касаясь колѣнями земли, но тогда выдавали испачканныя зеленью руки, т.к. очень рѣдко удавалось привести их в порядок. В этих случаях, послѣ грознаго разноса "свирѣпаго Балдина," на виновных накладывалось взысканіе - не отлучаться от барака день, два, а то и три.

Но бывали тревоги и по другим причинам. Однажды в 1905 году, в самый неурочный період, когда плоды еще не налились, а вишни уже отошли и, казалось бы, что нѣт никаких основаній для тревоги, раздался сигнал. Выстроились; оглядываем друг друга, пытаясь установить кого не хва-

тает,но всѣ,как будто,на лицо. Появляется полковник Соловьевич с двумя большими,в пол листа, конвертами в руках. Вынув из одного бумагу начал читать: "Главнокомандующій всѣми сухопутными и морскими силами дѣйствующими против Японіи кадету Александру Сотникову." Первую часть этого письма я не помню, но конец его запечатлѣлся в моей памяти дословно: "...выраженныя вами чувства дѣлают честь вам и тому учебному заведенію,которое воспитывает столь преданных Царю и Родинѣ молодых людей." Подпись:"Генерал от инфантеріи Линевич." Кписьму Главнокомандующій приложил свою фотографію кабинетнаго размѣра с собственноручной надписью: "Кадету Суворовскаго Кадетскаго Корпуса А.Сотникову.Генерал от инфантеріи Линевич." Второй пакет был такого же содержанія. Засим послѣдовало внушеніе Соловьевича, сводившееся к тому, что-де главнокомандующаго, занятого военными операціями, затруднять частной перепиской не годится. Но рѣчь его была даже слабѣе обычной. Андрей Осипович никогда не отличался краснорѣчіем, а тут еще совсѣм новая тема, да и чувствовалась неискренность и проскальзывало удовлетвореніе похвалой корпусу. Это эпилог, а началось все,по крайней мѣрѣ,за пол года до этого дня. Извѣрившись в "терпѣніе" Куропаткина, несшаго одно за другим пораженія, мы очень обрадовались Высочайшему приказу о замѣнѣ Куропаткина героем Китайской войны 1900 г. Линевичем. Нѣсколько человѣк из моего отдѣленія рѣшили написать поздравленіе новому главнокомандующему, но поразмыслив всѣ отказались и только двое - Сотников и я - остались при своем намѣреніи - написать. В наших письмах говорилось о горечи пережитых пораженій и о твердой увѣренности, что ему, герою Пекина, удастся загладить всѣ бывшія неудачи, прибавив новые лавры к нашим старым знаменам, и было поздравленіе с Высочайшей милостью. Письма были опущены в городской почтовый ящик и мы давно забыли о них.

Вспоминается первая ночная тревога. В каком году она была, не помню; возможно в 1905 или 1906. Обычно по прибытіи кадет в лагерь, старшій из нашего начальства представлялся коменданту крѣпости и представлял список численнаго состава с указаніем возраста /быть может классов/кадет. В описываемое время, комендантом крѣпости Зегрж был генерал-майор Петров, участник японской войны, энергичный и знающій генерал,привлекавшій кадет ко всяким торжествам и парадам. Время было революціонное, когда многіе нижніе чины награждались за заслуги по борьбѣ с бунтовщиками. Награжденіе обычно происходило послѣ церковной службы. Выстраивался свободный от службы гарнизон со "взводом кадет на правом флангѣ. Появлялся комендант, читал приказ, вызывал из строя награждаемых и раздавал им награды. Тут я в первый и послѣдній раз увидѣл награжденіе подпрапорщика орденом Св.Анны 4 степени с бантом для ношенія на груди. Торжественная раздача наград заканчивалась церемоніальным маршем перед комендантом, а в особых случаях, как напримѣр награжденія "Анной," и перед награжденным, стоявшим рядом с комендантом. Кадеты всегда приглашались на гарнизонные балы, гдѣ их радушно принимали и угощали. Вообще новый комендант стремился втянуть кадет в жизнь гарнизона.

Но вот однажды, когда мы уже спали и видѣли первые сны, из сладких грез нас пробудил рѣзкій звук горна, игравшаго "тревога". Сонные, ничего не понимавшіе, мы выстроились. Получена из крѣпости телефонограмма: - взводу кадет прибыть в такой то пункт, к такому то часу. Приложена десятиверстка. Мы рады, куда и сон дѣвался, а "звѣрям" приходится туговато. Уйдя давно из строя, они успѣли основательно забыть уставы, а артиллеристы и кавалеристы никогда и не знали пѣхотных уставов - можно легко оскандалиться. Но генерал Петров это учел. На указанном сборном пунктѣ мы застали команду,доставившую нам,старшим кадетам,винтовки, подсумки и холостые патроны. Взвод кадет придавался одной из рот, назначенных для наступленія на форт, а "звѣри" оставались не у дѣл. Впрочем, бывали случаи, когда взвод кадет получал отдѣльную задачу и дѣйствовал под командой воспитателя. Это бывало когда приводил взвод не штатный воспитатель, а прикомандированный участник японской войны,как

шт.-капитаны Заустинскій или Адамович, у которых были боевые ордена. С каким удовольствіем мы вооружались винтовками! Младшіе завидовали нам, упрашивая на привалах дать подержать винтовку. Иногда приходилось идти часа два до исходнаго положенія и потом вести наступленіе. Комендант большей частью был при наступавшем отрядѣ. В темную, безлунную, а иногда и дождливую ночь, двигались мы, чувствуя себя "настоящими солдатами!" По распоряженію коменданта нам давались несложныя задачи, которыя мы всегда удачно выполняли. Впослѣдствіи нам поручалась развѣдка и не было случая, чтобы кадеты не приносили цѣнных свѣдѣній, за что часто получали благодарность коменданта, объявляемую обыкновенно в ближайшее воскресенье послѣ церковной службы. Таким путем опытный начальник закладывал сѣмена военных знаній, подготовляя нас к будущей службѣ.

Послѣ первой ночной тревоги, всякая новая встрѣчалась нами с восторгом. Видя наш интерес к подобнаго рода развлеченіям, "звѣри" изрѣдка устраивали тактическія занятія с обозначенным противником всѣх трех родов оружія. Эти занятія увлекали нас настолько, что мы готовы были проводить за ними цѣлый день, даже забывая голод.

Однажды нас разбудили на час раньше и объявили, что "пропал" шт.-капитан Адамович. В послѣдній раз его видѣли в таком то мѣстѣ. Требовалось его найти. Нашедшій получал денежную награду. Шт.-кап.Адамович, будучи прекрасным математиком и преподававшим этот предмет, хотѣл и в этом случаѣ заставить нас поломать голову, указав, что размѣр денежной награды выяснится лишь послѣ рѣшенія приложенной арифметической задачи. Послѣ чая всѣ разбрелись по указанному району, пересѣченному в разных направленіях нѣсколькими глубокими оврагами и мѣстами поросших густым кустарником. Задача была тяжелая. Найти одного человѣка, спрятавшагося гдѣ нибудь в трещинѣ и закрытаго кустарником, не так легко. Конечно, нами принимались всѣ мѣры вплоть до криков - "я вас вижу, выходите!" Но ничто не дѣйствовало, а поиски оставались безплодными. Боевой офицер примѣнился к мѣстности отлично. Уже нѣсколько часов бродили мы безуспѣшно, даже надоѣдать начало и многіе, прекратив поиски, отправились в лагерь. Я был в числѣ немногих оставшихся упрямцев, рѣшивших продолжать поиски, хотя бы цѣлый день. Я тщательно осматривал всѣ овраги, обходя их по верху и по дну и вот, идя по краю обрывистаго оврага, послѣдняго не обойденнаго мною, я стал подыскивать мѣсто для спуска. Увидя подходящее, спрыгнул на маленькій выступ, с котораго можно было легко спуститься и вдруг увидѣл в маленькой расщелинѣ, удобно расположившагося в тѣни кустов, шт.-кап.Адамовича, читавшаго книгу. На мой крик:- "вижу вас, выходите!" - он не обратил никакого вниманія, даже головы не повернул; часто и до этого слышал он подобные возгласы. Но когда я крикнул вторично, добавив: -"довольно вам читать," он поднял голову и увидѣл меня, стоявшаго на выступѣ. Поднявшись ко мнѣ, он сказал: -"вам повезло; только с этого единственнаго мѣста меня можно было увидѣть". И дѣйствительно, сдѣлав два шага в сторону, маленькую расщелину, в которой он расположился, замѣтить было нельзя.

В то время когда мы производили поиски, самый сильный математик Михаил Ипатов трудился в лагерѣ над рѣшеніем задачи. Долго возился он с нею, настолько долго, что, вернувшись с найденным шт.-кап.Адамовичем, мы застали его еще рѣшающим. Наконец и это было закончено и мнѣ была вручена награда - в один рубль, которой я честно подѣлился с Ипатовым.

К сожалѣнію такія полезныя развлеченія были не часты. Большую часть времени, как я уже говорил, мы бывали предоставлены самим себѣ без всякаго руководства.

Еще надо упомянуть одно развлеченіе - это лѣтній бал, на который съѣзжались гости из Зегржа, Новогеоргіевска и даже из Варшавы. В послѣдніе годы моего пребыванія в лагерѣ, он устраивался 2-го августа в день Ангела директора С.Н.Лаврова, а в годы первых двух выпусков в іюнѣ; так вспоминают кадеты этих выпусков, а я совершенно не помню. Лѣтніе балы отличались от зимних большей скромностью. Небольшое число кадет, из

которых малыши не танцовали по недостатку подходящих по возрасту дам, а среди старших не всѣ были любителями танцев, пополнялось молодыми офицерами гарнизонов Новогеоргіевска и Зегржа, а также кадетами других корпусов, отцы которых служили в этих гарнизонах.

Не будучи любителем танцев и предпочитая ухаживаніе "на прторѣ", а не в толкотнѣ, не могу описать этих балов. В день бала из кадетскаго барака выносились кровати и ночные столики, воспитательская комната превращалась в дамскую уборную, досчатые полы натирались воском, стѣны и балки внутри украшались гирляндами и флажками; снаружи по фасаду-верандѣ, кромѣ гирлянд, развѣшивались цвѣтные фонарики, разбросанные также по рощицѣ; там же свѣтились транспоранты, подчас художественно исполненные. Вспоминаются мнѣ транспоранты с погоном, корпусным жетоном и фигурой Суворова, стоявшей на верхней площадкѣ лѣстницы в корпусѣ. Кто был художник их исполнившій совершенно не помню.

В послѣдній год моего пребыванія в лагерѣ /1909/ были устроены потѣшные огни, часть которых болѣе простая была сдѣлана мною, любителем пиротехники, а болѣе сложные куплены в Варшавѣ. Памятен, крѣпко памятен мнѣ этот послѣдній бал, чуть-чуть не окончившійся для меня трагично,/мой очерк "На рубежѣ"/. На мнѣ лежала забота произвести установку и опредѣлить порядок пуска. Легко мог бы я оскандалиться, если бы мнѣ раньше не пришла мысль записать порядок пуска, т.к. уже в самом началѣ программы я был не в состояніи руководить ею; мои помощники-пріятели пользовались составленным мною списком и только поэтому "звѣри" не замѣтили каков я был в это время. Спасибо дорогим друзьям, окружившим меня и скрывшим от глаз публики. Среди них вспоминаю Веденяева 2-го Бориса и "Темнѣйшаго князя Свѣтелкина" - князя Микеладзе, получившаго этот титул послѣ удачнаго исполненія роли Потемкина в пьесѣ "Измаил".

Говоря вообще о лагерных развлеченіях, нельзя обойти и директорских дочек, появившихся в большом домѣ в 1909 году. Ухаживаніе за ними открывало доступ в, запретный до этого времени, плодовый сад, не только ухажерам - "женатикам" как их называли, но и "холостякам", занимавшимся подтруниваніем над ними и этим вносившим оживленіе в скучный процесс безплоднаго ухаживанія. Впрочем, я ошибся, т.к. не всякое из таких ухаживаній оказалось безплодным. Лучшим доказательством служит кадет Мевіус, женившійся впослѣдствіи на одной из дочерей Ваулина, предварительно спрыгнув со второго этажа...

Прошу извинить меня за маленькое отступленіе, но упомянув о прыжкѣ из окна Мевіуса из за Ваулиной, мнѣ вспомнился мой отдѣленный командир в Кіевском Военном Училищѣ по фамиліи Ваулин, но кажется ни в каком родствѣ с директором Ваулиным не состоявшій. Этот Ваулин, подобно Мевіусу, прыгнул из окна 2-го этажа в училищѣ. Ротный командир, гвардіи капитан Галущинскій, желая отмѣтить "геройство" юнкера Ваулина, при посѣщеніи училища Великим Князем Константином Константиновичем, представил Ему Ваулина, доложив о совершенном им прыжкѣ. Великій Князь, внимательно посмотрѣв на представляемаго "изволил похвалить" Ваулина, сказав: "ну и глуп же ты". И оцѣнил правильно.

Говоря о постройкѣ Потуловым лодки "Суворовец", я забыл сказать, что это лѣто было еще ознаменовано постройкой солнечных часов. В теченіи многих дней большіе камни с рѣки, доставлявшіеся в лагерь перекатываніем, складывались в одном мѣстѣ между кадетским бараком и столовой. Цемент был куплен на казенныя деньги, а архитектура и работа ичключительно кадетскія. И опять таки, подчеркиваю, идея устройства солнечных часов возникла у кадет, а не у воспитателей, впрочем, в дальнѣйшем охотно шедших навстрѣчу, разрѣшая удаляться даже на рѣчку для доставки необходимых камней. К какому году это относится, я сказать не могу, но размѣчал эти часы Миша Ипатов, бывшій вице-фельдфебель 1-го выпуска, значит не позже 1906 года.

Приблизительно к этому же времени относится и другое наше увлеченіе.

Связано оно с именем инженера Демчинскаго, пользовавшагося большой популярностью не только как предсказателя погоды, но как и "новатора", проповѣдывавшаго грядковую культуру злаков. Узнали мы об этом, кажется, из газет. Сдѣлали нѣсколько грядок, посадили пшеницу, поливали и окучивали пробивавшіеся ростки. В общем дѣлали все, что предписывал Демчинскій. К сожалѣнію, у нас не хватило терпѣнія и мы забросили этот опыт, но помнится, что послѣ нѣскольких окучиваній из одного зерна получалось 3-4 стебля. Заколосились ли они - не помню.

Вот как будто и все, что я мог вспомнить о нашем житьѣ-бытьѣ в лагерѣ. Если вспомню еще что нибудь - охотно подѣлюсь.

Н.Н.СТРАШКЕВИЧ /IУ вып./

I 7 3 0 - I 8 0 0.

Г.Р.Державин.

Как ночью звѣзд стезя, по небу протяженна,
Дѣяній ваших цѣпь в потомствѣ возблестит
И мудрых удивит.
Уж ваши имена -
Тріумф, побѣды, труд, не скроют времена,
Как молньи быстрыя вкруг міра будут течь;
Полсвѣта очертил блистающій ваш меч,
И славы гром,
Как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род,
Прокатится, пройдет,
Промчится, прозвучит,
И в вѣчность возвѣстит
Кто был Суворов!
Черная туча, мрачныя крыла,
С цѣпи сорвав, весь воздух покрыла,
Вихрь полуночный летит богатырь!
Тьма от чела, с посвиста пыль,
Молньи от взоров бѣгут впереди,
Дубы грядою лежат позади.
Ступит на горы - горы трещат,
Ляжет на воды - воды кипят,
Граду коснется - град упадает,
Башни рукою за облак кидает;
Дрогнет природа, блѣднѣя пред ним,
Слабыя трости щадятся лишь им!
Ты - ль, Геркулес наш, новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный?
Твой ли, Суворов, се образ побѣд.

---o---

ИЗ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

Хочу подѣлиться воспоминаніями о моих воспитателях и учителях. Прошло много лѣт. Многіе забыты. Конечно, забыты и подробности. Но большинство из них стоит в памяти, как будто это было вчера. У всѣх нас есть теперь большой житейскій опыт. И вот нынѣ, вспоминая свои кадетскіе годы, каждый сможет безпристрастно оцѣнить и своих воспитателей и своих учителей. И многіе из них теперь представляются в другом свѣтѣ и не такими, какими мы их считали, будучи кадетами. Были среди них и выдающіеся, и очень хорошіе, и просто хорошіе. Были и посредственные, были и неудачные. Состав наших воспитателей был однороден. Это были офицеры арміи, рѣшившіе смѣнить строевую службу на педагогическую. Большинство шло по влеченію к роли воспитателя. Кромѣ этого, продвиженіе в чинах в корпусах было болѣе быстрое, чѣм в арміи и достичь перваго штабофицерскаго чина было не трудно. Многіе воспитатели, получив чин подполковника, уходили воинскими начальниками. Другіе ждали роту в корпусѣ, чтобы уйти в отставку генералом, что в арміи, без высшаго образованія, могло быть только мечтой. Если нѣкоторые из них не совсѣм удачно справлялись с трудной, сложной и деликатной работой воспитателя, то мнѣ кажется, это было главным образом потому, что учить и воспитывать солдата, взрослаго человѣка, гдѣ все строго было опредѣлено законом и уставами, было болѣе легким дѣлом, чѣм воспитывать юношу, в возрастѣ от I0 до I7-I8 лѣт. Для службы в строю, у каждаго офицера была соотвѣтствующая подготовка в военном училищѣ. Здѣсь же, если у офицера, пришедшаго в корпус воспитателем, не было соотвѣтствующей подготовки, в видѣ окончанія Военно-Педагогических курсов в Петербургѣ, или же он самостоятельно не подготовил себя для этого чтеніем соотвѣтствующей литературы и, наконец, если он не обладал способностью найти правильный путь в своей новой работѣ - получался воспитатель неудачный. А вѣдь сколько от него зависило. Если воспитатель вовремя тактично, но и рѣшительно поддержит случайно поскользнувшагося - он его выправит и сдѣлает в дальнѣйшем отличным кадетом. И наоборот. Вовремя не замѣтит, упустит момент и кадет, с хорошими задатками, зачастую споткнувшись случайно, может упасть совсѣм и поправить его уже будет нельзя. Каждый вспомнит не один такой случай из своих кадетских лѣт. Но каждый вспомнит и свои продѣлки, и вспомнит, как иногда мы кого то из них упорно, настойчиво и, иной раз, зло изводили. И если каждый поставит мысленно себя на мѣсто воспитателя, то, конечно, увидит какое это сложное дѣло. Сколько выдержки, терпѣнія и нервов надо было имѣть воспитателю в младших классах, сколько умѣнія и такта - старших. Но какіе бы они ни были - хорошіе или плохіе - они были офицерами Императорской арміи. Были пропитаны ея традиціями и славой. И все это, вмѣстѣ с любовью к Царю и Родинѣ, и тѣм рыцарским духом, который был присущ корпусу офицеров - словом все то духовное богатство, что было в арміи и чѣм она была сильна - они передавали нам, готовя будущих защитников Трона и Россіи. И за это мы должны быть им благодарны до конца своих дней. Перед первой войной, главное начальство старалось как можно большее число воспитателей и учителей пропустить через Военно-Педагогическіе курсы. Результаты этого начинанія замѣтно сказывались. Война помѣшала этому.

--o--

Первым директором корпуса был генерал-лейтенант Степан Нилович Лавров. Я его уже не застал, поступив в корпус в I909 году, но видѣл его. когда он, будучи Генералом для порученій при Великом Князѣ Константинѣ Константиновичѣ, пріѣзжал вмѣстѣ с Ним в корпус. Всѣ однокашники, в своих воспоминаніях, отдают должное С.Н.Лаврову, как человѣку с большим сердцем и как выдающемуся администратору и психологу. Достаточно прочесть воспоминанія о нѣкоторых событіях времен Лаврова, чтобы его вполнѣ и ясно представить. Он заложил прочныя и здоровыя основанія корпусу и тот дух, который был при нем, остался до конца. Вѣчная ему память!

Вторым директором был генерал-лейтенант Андрей Николаевич Ваулин. Наша корпусная "Звѣріада" так отмѣтила смѣну директоров:

Ушел от нас "папа", рыдая. Приказу спѣшному внимая,
Чтоб междуцарствію не быть, Тебѣ должно было прибыть!

Ваулин был,конечно, много ниже. Сухой и нѣсколько желчный. Кличка "Лимон" как нельзя лучше к нему подходила. Был большой формалист. И, конечно, такого подхода к кадетам, какой был у Лаврова, у него не было. Лавров был большой психолог и разбирал что хорошо, а что плохо, но поправимо и не страшно. Не было у Ваулина и такого сердца, какое было у Лаврова. Ваулина мы не любили, но боялись.

Инспектором классов при мнѣ был генерал-майор Носов. /Мартос ушел в год моего поступленія в корпус/. Как и директор Ваулин - Носов окончил Михайловскую Артиллерійскую Академію. Подтянутый и стройный. Был очень язвителен и строг. Когда в 5-м классѣ мы обложили физика Тойма и тот ушел, физику нам преподавал до конца года Носов. Знал он предмет отлично, но преподавал сухо и оцѣнивал знанія очень скупо. Случай, который я сейчас приведу, как нельзя лучше характеризует Носова. Дѣло было в 5-м классѣ. Экзамен по математикѣ /кажется по алгебрѣ/. Знанія у очень многих были непрочныя. Мы самых слабых учеников пустили отвѣчать в первую очередь, надѣясь, что до прихода большого начальства, они успѣют отвѣтить. Начался экзамен. И как на грѣх сразу появился Носов. И первому десятку /приблизительно/ отвѣчавших устроил погром. Что ни отвѣт, то пятерка. Тѣ у кого был такой балл, который сложенный с экзаменоціонным дал шестерку - отдѣлались волненіем и испугом, ну а были, что получили переэкзаменовку. Что дѣлать? Кому то пришла в голову мысль пригласить директора. Не помню как, но директора мы достали. С приходом Ваулина, Носов побыл еще немного и ушел и дальше экзамен пошел нормально. Все же директор в этом отношеніи был добрѣе. Носова мы не любили.

Помощником инспектора был при мнѣ полковник Марковскій. Очень высокій. К нам он никакого отношенія не имѣл и мы его и не знали.

Командиром 4-й роты был полковник Иван Иванович Косинскій. Средняго роста. Большая черная с просѣдью борода, пенснэ. Косинскій в корпусѣ почти с его основанія. Роту получил в 1906 году. Кличка была - "Извозчик!" Какое отношеніе имѣла к нему эта кличка - не знаю. Возможно, что вид его напоминал извозчика. В 4-й ротѣ, конечно, никаких серьезных проступков не было. Были вѣчный шум, крик и возня. Какое терпѣніе и уши надо было имѣть, чтобы выносить это. Косинскій был добрый. Развѣ иногда прочтет нотацію кому нибудь за слишком большую возню, или за приведенное в очень грязное состояніе обмундированія. Косинскаго кадеты любили.

3-й ротой командовал полковник Александр Иванович Бенедиктов.В корпус он перевелся из Кіевскаго Кадетскаго Корпуса, гдѣ был воспитателем. Высокаго роста и очень полный. Звали его "Бегемот!" Он нас мало касался. Был весьма добродушен. Иногда,перед строем роты,читал нотацію.Начинал ее спокойно, постепенно повышая голос и ускоряя. Обычно начинал ее так: "Я всегда говорил, что в 3-й ротѣ порядка нѣт,нѣт,нѣт..." Послѣднія слова произносились со скоростью пулемета. К Бенедиктову мы относились как то безралично. Он нас не трогал.

2-й ротой командовал полковник Михаил Николаевич Дрейер. Средняго роста. Стройный и подтянутый. Выхоленные усы. Рыжеватый. Относились мы к нему с почтеніем и уваженіем. В самом началѣ войны Дрейер ушел из корпуса и отправился на фронт с одним из Московских Гренадерских полков. Были у нас свѣдѣнія, что он пострадал под Ново-Александріей, но подробностей или не было, или я их забыл. Послѣ Дрейера 2-ю роту принял полковник Навроцкій. У него я не был и его не знаю.

Первой ротой командовал полковник Григорій Маркович Еременко.В корпусѣ он с его основанія. Сначала был воспитателем и роту получил в 1911-1912 учебном году, послѣ А.О.Соловьевича, ушедшаго в отставку. Ерема был стройный и подтянутый офицер. Вид у него был очень суровый,

но под этой суровой внѣшностью билось хорошее и благородное сердце. Когда я был в 5-м классѣ, Ерема внимательно к нам приглядывался, предвкушая удовольствіе получить такое отдѣленіе, слава о котором шла по корпусу. Встрѣчая меня, Ерема неизмѣнно говорил: "перейдешь ко мнѣ, это т-тебѣ не 2-я р-рота. Ты б-брат смотри у меня!" В 7-м классѣ, послѣ полученія нашивок, Ерема мнѣ сказал: "ты б-брат и учишься и ведешь себя хорошо. Я т-тобой доволен!" Это была большая похвала и она мнѣ доставила столько же радости, как и нашивки. Уже в эмиграціи, в Болгаріи, я обмѣнялся нѣсколькими письмами с Еремой. Его письма были очень трогательны. В них было много тепла и участія к своему бывшему воспитаннику и сквозила большая любовь к прошлому. К Еремѣ мы относились с большим расположеніем, но вполнѣ оцѣнили его только теперь. Владимир Георгіевич Ястребов, в №8 нашего сборника, дал такую характеристику Еремѣ: "С тѣх пор прошли многіе годы и пережиты были многія невзгоды. Тѣм не менѣе, яркій образ этого суроваго на вид, но безконечно честнаго и благороднаго рыцаря Россійской Императорской Арміи до сих пор четко сохранился в моей памяти!" Сказано хорошо и правдиво. Еремѣ вѣчная память!

Мой отдѣленный офицер-воспитатель подполковник Иван Іосифович Александрович. В I-м классѣ я попал в I-е отдѣленіе к нему. Он довел нас до выпуска. Высокаго роста. Небольшая бородка клинышком с просѣдью. Я его очень любил. Главным образом за то, что он умѣл подойти к каждому из нас. Это дѣло не легкое, так как мы всѣ были разных характеров и не похожи один на другого. Александрович это дѣлал и умѣючи и с большим тактом. Я сказал бы, что в младших классах он подходил к нам, как отец к своим дѣтям, а в старших, как чуткій и хорошій друг. Воспитатель он был отличный. Нашу кадетскую психологію он, конечно, знал хорошо. К примѣру. Если отдѣленіе сдѣлало какой нибудь проступок, то он знал, что сознанія не будет, если он задаст вопрос всему отдѣленію. Поступал он иначе. Для проформы задавался вопрос отдѣленію. Конечно - молчаніе. Тогда Александрович выходил в ротный зал и вызывал по одному. Кого вызвать он знал. И здѣсь никто не отпирался. "Это ты сдѣлал?" - "Так точно, я". "Ну иди!" Обычно этого было достаточно и виновный рѣдко наказывался. В 4 и 5 классах мы доставляли Ивану Іосифовичу массу непріятностей и волненій. Почти не было дня, чтобы кто нибудь из нас не попал в журнал. Учились мы скверно. Жалобы на нас сыпались со всѣх сторон. Но Александрович стоял за нас горой. Он отлично понимал, что это дань возрасту. Сквернаго и нехорошаго мы в общем то не дѣлали, а разбитое окно, или поимка кого нибудь из нас в столовой, куда часто направлялись за горбушкой чернаго хлѣба - есть избыток энергіи. Многих он спас от удаленія. И плоды своей работы он пожал в 6 и 7 классах, когда мы взялись за ученіе и блестяще кончили корпус. Александрович торжествовал. Он был прав. И такой рѣзкой перемѣнѣ удивлялись всѣ. А если мы и разболтались сильно в 4 и 5 классах, то этому была основательная причина. Когда мы перешли в 3-й класс, Александрович уѣхал в Петербург на Военно-Педагогическіе курсы, а его замѣнил поручик Слижиков, 2-го Стрѣлковаго полка, только что переведенный в корпус. Внѣшне он был воспитателем как и всѣ. Дѣлал замѣчанія, оставлял без отпуска, без сладкаго, ставил на штраф. А наша внутренняя жизнь от него то и ускользнула. Просто по недостатку опыта. А возраст наш был очень деликатный - I2 - I3-лѣтніе. И когда мы перешли в 4-й класс и к нам вернулся Александрович - он нас не узнал. "Что с вами сдѣлалось за один год!" Разгон был взят и только перейдя в 6-й класс мы остановились. Повторяю, что Иван Іосифович был очень хорошим воспитателем и ему горячее и искреннее спасибо за все добро, что он нам сдѣлал.

Воспитателем 2-го отдѣленія был подполковник Александр В. Станиславскій. Ниже средняго роста. Довольно плотный. Короткая шея с трудом затягивалась воротником кителя. Усы, торчащіе вверх. Бывшій офицер Лейб-Гвардіи Кексгольмскаго полка. Окончил юридическій факультет, что дало ему право преподавать нам в 7-м классѣ законовѣденіе. Кличка его была

"Бронтозавр!" Плохого он нам не дѣлал. Мы относились к нему дружелюбно; ну а какой он был воспитатель - надо спросить тѣх, кто был в его отдѣленіи. Сдѣлав в 1916 году выпуск, в котором он вел 2-е отдѣленіе всѣ 7 лѣт, он перевелся в I Сибирскій /Омскій/Кадетскій Корпус помощником инспектора классов.

При окончаніи корпуса, каждое отдѣленіе поднесло своему воспитателю подарок. 2-е поднесло Станиславскому серебряный бювар с соотвѣтствующей надписью. Мы - Александровичу серебряный жбан для крюшона и серебряные стаканчики. Все на серебряном подносѣ, на котором была надпись: "Дорогому Ивану Іосифовичу признательное и благодарное отдѣленіе. 1909 - 1916!" Эта надпись выразила наши чувства к Александровичу.

Поступило нас в 1909 году в I-й класс 78 человѣк и нас раздѣлили на три отдѣленія. При переходѣ в 5-й класс, нас свели в два отдѣленія. Кончило 54 человѣка. Но вот забыл и не могу вспомнить кто был воспитателем 3-го отдѣленія. Описать других воспитателей почти невозможно. Мы с ними сталкивались только тогда, когда они дежурили по ротѣ, будучи или выпуском старше, или выпуском младше. Я теперь совсѣм забыл кто были воспитатели 10-го выпуска и кто были 12-го. Были среди них разные. Одних мы любили, других нѣт, но это не дает права сдѣлать заключеніе какими они были воспитателями.

--o--

Состав наших учителей был пестрый. Конечно, чтобы быть учителем в корпусѣ надо было имѣть на это право, т.е. окончить высшее учебное заведеніе, дающее право преподаванія в средней школѣ. Это не касалось учителей иностранных языков. И среди учителей были разные: и толковые, и знающіе, и серьезные, которые умѣли нас научить; были и посредственные; были и неудачные. Что касается нашего ученія, то можно сказать, что по тѣм предметам, по которым у меня был все время один преподаватель - знанія были много лучше. И мы приспосабливались к учителю и учитель знал нас. Как общее правило, надо сказать, что большинство моих учителей, /за исключеніем пожалуй одного Коппеля/ хотѣло нас научить, а не поймать невыучившаго урок и поставить ему 5. По тѣм же предметам, по которым смѣнилось нѣсколько - знанія были хуже и в безпорядкѣ. Каждый из них имѣл свою систему и пока мы успѣвали приспособиться к нему - он уходил и появлялся новый. Да и нас преподаватель не успѣвал узнать. Когда прочтете мои воспоминанія, /сборники №№ 2, 7 и 8/ то увидите, что у меня неудачных учителей было мало. Большинство были или хорошіе, или выдающіеся. Знаній мы получили много и очень солидных. Когда я писал, что на нѣкоторых уроках я не могу вспомнить особых нарушеній порядка, то это не значит, что мы были институтками. И списывали, и подсказывали, и получали замѣчанія за разговоры - но все это было в, так сказать, нормальных для каждаго ученика предѣлах. Программа в корпусах мѣнялась и не помню какой выпуск уже шел по новой, болѣе современной, программѣ. Подбор учителей с каждым годом дѣлался все болѣе строгим и, конечно, такіе педагоги, которые могли быть раньше, при мнѣ уже преподавать не могли.

Что касается справедливой или несправедливой оцѣнки знаній, что часто вызывало наши разговоры и восклицанія: "несправедливо", "придирается", то конечно иной раз преподаватель, будучи в нервном возбужденіи, грѣшил против справедливости. Но обычно трудно было разсчитывать на хорошій балл без знаній. Это первое. А второе - хорошій ученик всегда мог встрѣтить "пристрастіе" в свою пользу, а плохой, не зная урока, всегда получал 5. Два случая, которые я приведу ниже могут быть хорошей иллюстраціей "пристрастія" преподавателя к хорошему ученику. Выпускной экзамен по русскому. Годовой балл II. Вытягиваю билет, который, как на грѣх, знал не особенно. И знаю, что II я не получу. Начинаю отвѣчать. По первым моим фразам, Залѣсскій увидѣл, что я знаю плохо. Пара наводящих вопросов и дальше вопросы по всему курсу. Получил II. Второй случай на выпускном экзаменѣ по физикѣ. Годовой

тоже II. Вытягиваю билет из начала электричества. Билет поганый. Ни чертежей, да и говорить нечего. Ну, думаю дѣло дрянь. Улучив удобный момент, подхожу к Иванову и тихо ему говорю: "Константин Иванович,разрѣшите мнѣ другой билет!" - "А Вы что, развѣ не знаете вашего?" - "Знаю," говорю, "да билет то не хорошій!" - "Идите к доскѣ!" Когда подошла моя очередь, Иванов, обращаясь к комиссіи, говорит: "ну для такого сильнаго ученика этот билет слишком простой. Мы его спросим что нибудь посерьезнѣе. Вот что. Разскажите ка Вы нам про якоря динамомашины!" Получил II. Много приходится слышать, что кадетскіе корпуса давали меньше знаній, чѣм гимназія. Протестую против этого категорически. В доказательство моего протеста привожу сравненіе. В мирное время в военныя училища поступала однородная масса - кадеты и немного гимназистов. В военное время картина была иной. В 1916 году я поступил в Николаевское Инженерное Училище. На курс поступило 120 кадет и 60 студентов. Это были студенты старших курсов технических высших учебных заведеній.Программа военнаго времени была большая. Были выкинуты только общеобразовательные предметы. Всѣ спеціальные были оставлены с добавленіем новѣйших достиженій шедшей войны. Для изученія многих предметов надо было знать высшую математику. Кадеты ее ранѣе не знали. Студентам же, /в большинствѣ без пяти минут инженерам/ и высшая математика и всякаго рода инструменты, вродѣ нивелира, бусоли, были извѣстны. Они с ними работали и в полѣ. Мы же все это видѣли впервые. И тѣм не менѣе мы не уступали им. Вѣрно, что нам было трудно. Но мой проэкт моста и мое желѣзно-дорожное изысканіе были не хуже, чѣм у студента, для котораго это были пустяки. Мы были болѣе развиты, лучше приспосабливались к любой наукѣ. Знанія математики у нас были очень солидныя. Словом, мы им не уступали ни в чем; и первым в выпускѣ кончил Аракчеевец. Развѣ это не показатель. А если бы всѣ наши гражданскія средне-учебныя заведенія воспитывали бы своих питомцев в том духѣ, в котором были воспитаны мы в корпусах, то смѣло можно сказать, что наша интеллигенція была бы настроена патріотически и національно, и исторія Россіи была бы другой.

Калифорнія. С.В.НИТЦ /XI вып./

ТАК БЫЛО... ПОТОМ.

Пелена, волнами укутывающая мысль, рѣдѣет... Какіе то звуки струйками проникают в сознаніе, начинают его тревожить... Слух спящаго реагирует первый и тормошит спящую мысль... Сначала лѣниво, потом живѣе, воспринимает она их... Закрытые вѣками глаза, незримо ощущая разлитый вокруг свѣт, их безпокоящій, понуждают ее. Просыпающійся поворачивается на другой бок. Звуки, нарастая, смѣшиваются в какой то знакомый,как будто привычный, шум. Скрипѣніе пружин в кроватях, осторожные шаги, приглушенный разговор... Сейчас откроется дверь и,в спальню второй роты, войдет горнист... Пара гвардейских сапог явственно отпечатает положенные три шага и польются рѣзкіе, сверлящіе мозг, звуки подъема: - "колонна храбрая вперед, равненіе направо!"... Или страшный грохот барабана, потрясающій внутренности... Не открывая глаз, еще не проснувшійся натягивает на голову одѣяло, стараясь этим хоть сколько нибудь ослабить грядущую напористость звука. Мысль, создавая образы,начинает работать... Кого сегодня принесет - барабанщика или горниста?... А может быть сегодня воскресенье?.. Уплывает нѣкоторое время. Ожиданіе непріятнаго понемногу теряет свою остроту. Мысль, остановившуюся на желательном лучшем, одолѣвает дремота. Мало по малу сознаніе уходит в небытіе... Нѣт сигнала, нѣт подъема...

--o--

"Панове офицерове, вставать, побудка!" - Громкій,повелительной интонаціи, голос, раздающійся вблизи, заставляет проснуться. На дворѣ бѣ-

лый день. Спальня второй роты залита свѣтом. На стоящем рядом с кроватью ночном столикѣ, вмѣсто кадетскаго "кубика" с лакированым поясом и его сіяющей бляхой наверху, лежит зеленая, американскаго военнаго образца, куртка со звѣздочками на погонах. Рядом - друзья похода, пара запыленных сапог. Іюнь 1920 года. Не далѣе вчерашняго поздняго вечера, их обладатель, с соотвѣтствующаго содержанія бумажкой в карманѣ, отправлен, с офицерскаго сборнаго пункта польской арміи в Варшавѣ, в казарму на улицу "Аллея войск." Родившемуся в Варшавѣ, бывшему кадету Суворовскаго Корпуса этот адрес не был извѣстен и, только послѣ разговора с постовым полицейским, пришлось ему узнать, что, раньше всегда строго выдержанная и нарядная, Уяздовская аллея переименована в "Аллею войск," а зданіе корпуса разжаловано в казарму.

Ручка парадной двери мягко поддалась нажиму, как бы привѣтствуя одного из старых знакомых. По лѣвой сторонѣ от входа, сейчас же за дверью ведущей в пріемную комнату, стоит старая знакомая - классная доска - с приколотой на ней бумагой, перечисляющей учрежденія, расквартированныя в помѣщеніях корпуса.

Спальня второй роты отведена для курсантов - офицеров. Кроватей меньше половины и не при каждой есть ночной столик. Стоят в ином порядкѣ и сгруппированы ближе к цейгаузу - царству унтер-офицера Цильке. Много свободных без одѣял. Имѣющіяся одѣяла разнаго происхожденія и цвѣта, но попадаются и старыя кадетскія. Окна запылены и без штор. Паркетные полы, как в ротѣ так и в спальнѣ, цвѣта давно-давно немытых, досчатых. У стѣны, с окном в комнату дежурнаго воспитателя, стоит нѣсколько столов и скамей прежняго образца. Из комнаты, через окно, передается в тарелках пища для курсантов. Система - самообслуживаніе. В самой же комнатѣ устроен примитивный буфет со спиртными напитками и скромными закусками. В спальнѣ помѣщается около пятидесяти человѣк офицеров, в обер-офицерских чинах, на днях поступивших в армію и проходящих курс командованія на польском языкѣ. Большинство служивших в Русской Императорской арміи, но есть по нѣсколько человѣк французской, австрійской и нѣмецкой армій. В помѣщеніях 3-й и 4-й роты расквартированы солдаты-летчики. В первой ротѣ - какой то склад или архив и дверь заперта на ключ. На площадкѣ лѣстницы, ведущей в столовую, устроено что то вродѣ баррикады, загораживающей вход на третій этаж в оба зала. Флигеля преподавательскаго персонала заняты семьями военных. На плацу первой роты, ближе к Уяздовской аллеѣ, построены показные окопы с блиндажами, ходами сообщенія и проволочными загражденіями. Грустная, болью хватающая, картина запущенности, опустѣнія...

Курс командованія - трехнедѣльный, но в девять дней он заканчивается и курсантов, в ускоренном порядкѣ, откомандировывают на фронт, к тому времени, стремительно катящійся, от Минска и Кіева, на запад.

Война Польши с большевиками, благодаря желанію поляков драться и благопріятно для них сложившимся обстоятельствам, побѣдоносно закончена. Послѣ шестилѣтней разрухи, грязная и обѣднѣвшая с искалѣченными мостовыми, Варшава мало по малу приходит в себя. Прихорашивается. Уяздовская аллея покрыта новой торцовой мостовой, единственной в Варшавѣ. Зданіе корпуса принимает прежній подтянутый вид. Окна чистыя. Травники в палисадникѣ освобождены от мусора и украшены во всю длину узкой цвѣточной клумбой. Желѣзная ограда свѣже покрашена. И только... в медальонѣ, над окном, из цвѣтных стекол, церкви - вмѣсто "Сув" желтыми буквами на красном полѣ - выведено "Хонор и Отчизна." Всѣ варшавяне знают, что в концѣ "Аллеи войск," напротив Лазенковскаго парка, в величественном зданіи, помѣщается пѣхотное военное училище - дѣтище Варшавы.

--o--

Май 1925 года. Іосиф Пилсудскій, при захватѣ власти, наталкивается на сопротивленіе, оставшихся вѣрными присягѣ и правительству, юнкеров, во главѣ с их начальником училища. Район корпуса, Бельведера, Лазенок и Мокотовскаго поля в руках юнкеров и симпатизирующей им горсточки

варшавских гимназистов и студентов. Кошиковая улица - передовая позиція. Соотношеніе сил: юнкера - армія. Послѣ отказа подчиниться требованію сдачи оружія, "революціонная" артиллерія открывает огонь. Фонарные столбы, деревья, трамвайные провода и битое оконное стекло лежат грудами по всѣм улицам близь Уяздовской аллеи. Крайнее угловое зданіе корпуса, ближайшее к церкви Л.-Гв. Литовскаго полка, повреждено снарядами. Послѣ трехдневнаго сопротивленія, по просьбѣ членов смѣщеннаго Пилсудским правительства, юнкера, понесшіе потери, сдаются на милость побѣдителя. Военное училище расформировывается, а потом переводится в провинцію. Злые языки утверждали, что вид юнкерской формы вызывал у Пилсудскаго приступы болѣзни печени. Слѣдует отмѣтить, что их существовавших тогда в Польшѣ пяти военных училищ, только Варшавское, при полной безнадежности положенія, с оружіем в руках защищало честь присяги; а из воинских частей только дивизьон танков, под командой майора Юзефовича, /б.кадета УІ вып./, оказали сопротивленіе, подошедшим к Варшавѣ, дивізіям Пилсудскаго. Сопостовленіе этих двух фактов наводит на размышленія...

Нѣкоторая строгая обособленность самого зданія корпуса, обращеннаго фасадом к королевским Лазенкам и величественной Уяздовской аллеѣ, вдали от повседневной жизни большого города, а также удачное внутреннее расположеніе помѣщеній и их благоустройство, в совершенствѣ отвѣчало условіям жизни военной семьи, проживавшей в сѣрых массивных стѣнах, и способствовало военной спайкѣ ея членов. Во время уличной пальбы двадцать пятаго года, среди гражданской публики, за углами безопасных от обстрѣла домов, было много разговоров на тему о сопротивленіи юнкеров. Одни - реалисты утверждали, что оно является безцѣльным, так как армія поддержала переворот, другіе - романтики восторгались поведеніем горсточки молодежи, вѣрной присягѣ. В одном из таких разговоров, кто то из участников, по виду ремесленник, исчерпав доводы в пользу юнкеров, воскликнул: "чему вы удивляетесь, развѣ на дворцѣ, гдѣ они живут не написано "Хонор и Отчизна" /Честь и Родина/ и развѣ москаль иначе воспитывал своих будущих офицеров!"

Усиленными стараніями новаго правительства Польши, южный район Варшавы вскорѣ был приведен в полный порядок. Спустя нѣкоторое время в зданіях корпуса водворяется инспекторат арміи, гдѣ и пребывает вплоть до второй міровой войны. В теченіи тринадцати лѣт, нижніе этажи по вечерам не излучают яркаго свѣта своих окон на деревья аллеи. По субботам и праздничным дням, гуляющая публика, в особенности ея прекрасная половина, не бросает больше украдкой взоров на дом, гдѣ жила раньше многочисленная и дружная семья, с ея повседневными радостями и огорченіями. Именно в эти дни всѣ зданія корпуса являют вид сугубо казенный и погружены в безмолвіе. По будням же, в теплую пору, через открытыя окна нижняго этажа, доносится стук пишущих машинок.

--o--

17 сентября 1939 года. Варшава с Прагой окружена со всѣх сторон нѣмецкими войсками. Нѣсколько десятков батарей трехдюймовых орудій, расположенных вокруг на разстояніи 7 - 12 километров от центра города, послѣ отвергнутаго поляками нѣмецкаго ультиматума о сдачѣ, начинают систематическій обстрѣл Варшавы и Праги. Рѣдкіе, с пятиминутными перерывами, выстрѣлы с каждой батареи. Десять дней по улицам города визжат и рвутся шрапнели. Кое гдѣ вспыхивают пожары, которые тушатся гражданами под постоянным, неослабѣвающим днем и ночью, артиллерійским огнем. 27 сентября, послѣ вторичнаго ультиматума, также отвергнутаго поляками, начинается бомбардированіе столицы Польши с воздуха. Варшава и Прага горят по всей площади, валятся дома, семьдесят тысяч убитых. Сопротивленіе защитников пассивное, слабое.

На плацу первой роты, тылом к Уяздовской аллеѣ, фронтом на сѣверо-запад, расположена польская восьмидюймовая мортирная батарея, обстрѣливающая нѣмецкія позиціи за православным кладбищем на Волѣ. 19 сентября, нѣмцы, обнаружив ея мѣстоположеніе, пристрѣливаются и сосредотачивают

огонь по ней и... по корпусу. Уничтожают батарею артиллерійским же огнем, причем загораются зданія корпуса. Первым загорается флигель первой и четвертой роты, потом горят дома преподавательскаго персонала, послѣдней сгорает середина. Пожар начался I9 сентября в 4 часа пополудни. Пламя бушевало всю ночь и было такой силы, что остатки несгорѣвшей желѣзной крыши разносились по всему Лазенковскому парку. Свирѣпствовавшій огонь уничтожил ряд роскошных многолѣтних лип немощеной части аллеи, расположенных ближе к палисаднику. К утру 20 сентября от корпуса остались только закоптѣлыя, еще дымящіяся, стѣны. Зданій Суворвскаго Кадетскаго Корпуса в Варшавѣ не стало.

Попыток к тушенію пожара не было предпринято, так как огонь непосредственно не угрожал сосѣдним домам, за их отсутствіем поблизости, и еще потому,что населеніе было занято тушенім пожара жилых домов.

30 сентября нѣмцы вошли в город.

--o--

Декабрь I939 года. Зимній,яркій день. Послѣ оттепели, ночью ударил мороз. Обильный иней,блестящим голубоватым покровом,застлал мостовыя, тротуары, запудрил слѣды ран на стѣнах домов. Телефонные провода бѣлыми кантами повисли в искрящемся воздухѣ. Ряды лип, покрытых небывалым для Варшавы инеем, придают Уяздовской аллеѣ волшебный, сказочный вид. Гладкія части стѣн корпуса блестят серебром, отчего амбразуры окон и обращенная к землѣ сторона карнизов рѣзче бросаются в глаза своей чернотой.

Упоенные побѣдой вожди устраивают парад своим войскам. В аллеѣ Шуха, фронтом к Мокотову, и на улицѣ Багателя, лицом к Бельведеру, во всю ширину улиц и тротуаров, расположены воинскія части, выступающія на парадѣ. Хитлер принимает парад. На подъѣздѣ для экипажей,напротив бывших парадных дверей корпуса, для него и ближайшаго военнаго и партійнаго его окруженія, устроено из свѣжих досок небольшое возвышеніе. Военний оркестр построен спиной к помѣщеніям третьей и второй роты. Под знакомый мотив "ди альтен камераден", перед группой начальства, салютуя знаменами, проходят церемоніальным маршем войска, взявшія Варшаву. Мороз приглушает звуки оркестра. Стѣны корпуса, поглощая их, не дают резонанса. Зіяющей пустотой своих окон они холодно, строго,с нѣмым укором смотрят на торжество завоевателей....

---oOo---

В началѣ двадцатых годов в Польшѣ проживало около двадцати пяти человѣк, бывших кадет Суворовскаго Корпуса. Из них половина обитала в Варшавѣ.

Каждый год,в день корпусного праздника /I4 октября н.ст./ между 6 и 7 часами вечера, собирались Суворовцы во дворѣ исторической церкви Князей Шуйских, на Подвальной улицѣ №5, и потом служили панихиду по мученикам Императорской Семьи и покойникам Суворовцам. Богослуженіе совершал протоіерей Отец Александр Субботин.

Послѣ службы обыкновенно устраивался ужин. Первые годы в ресторанах, впослѣдствіи же всегда только на квартирѣ одного из кадет.Обыкновенно ужин затягивался до поздней ночи и участники расходились по домам, унося с собой обновленныя воспоминанія о юности и о тѣх, которым мы, в значительной степени, обязаны тѣм, что мы есть.

В I939 году, в ужасные для Варшавы дни, в церкви на Подвальной улицѣ,состоялась панихида при участіи одного только Суворовца.

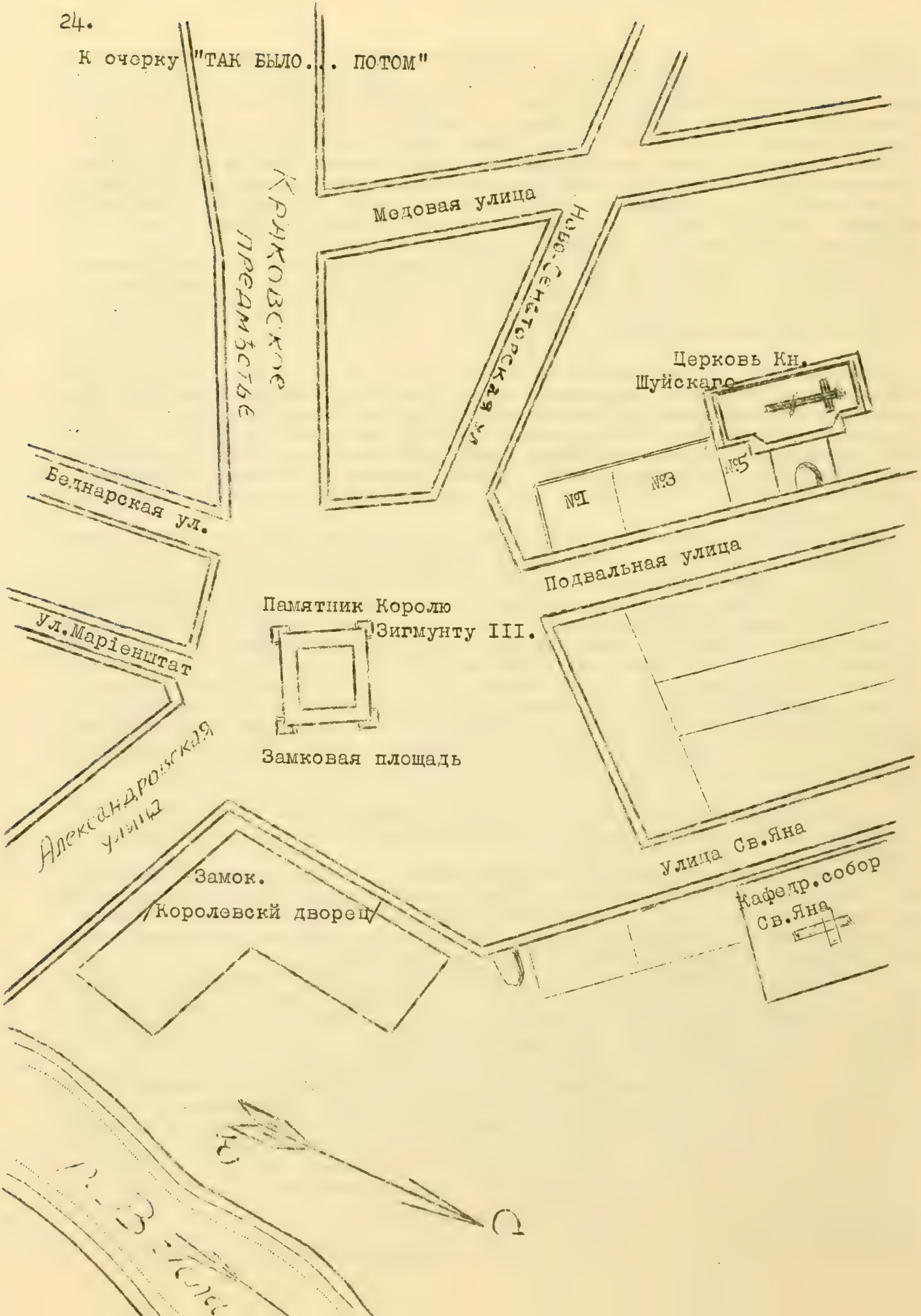
В I943 году, послѣ панихиды, бывшіе в церкви собрались на квартирѣ у В.А.Короткевича, гдѣ, благодаря стараніям гостепріимной хозяйки,его супруги, в послѣдній раз был устроен товарищескій ужин.

Год спустя, церковь на Подвальной улицѣ уничтожена, как и весь город, за исключеніем далеких предмѣстій и Праги.

Сан Пауло.Бразилія.

Іюнь I957 г. П.МАКЕДОНСКІЙ /XI выпуска/.

К очерку "ТАК БЫЛО... ПОТОМ"



ПАМЯТНАЯ ВСТРѢЧА.

В 1907 году мой отец служил в 3 Варшавском Крѣпостном пѣхотном полку, командуя 5-й ротой. Рота занимала один из фортов, а вся наша семья жила в Цитадели. Лѣтом этого года, я выдержал вступительный экзамен в Суворовскій Кадетскій Корпус и, в августѣ, моя мечта стать наконец кадетом должна была осуществиться. В Цитадели, в тѣ времена, жило немало кадет Суворовцев, а потому, еще до поступленія в корпус, я был уже во многом знаком с его порядками и обычаями. Слышал также разсказы о грозѣ всѣх кадет, строгом и требовательном комендантѣ города Варшавы, генералѣ Комаровѣ.

Наступил август и началась, новая для меня, жизнь в стѣнах корпуса. Как всѣ другіе мои товарищи, так и я был полон военным энтузіазмом и с нетерпѣніем ожидал того счастливаго момента, когда я в блестящей, по моему мнѣнію, формѣ кадета стану во фронт проходящему генералу на глазах онѣмѣвшей от восхищенія толпы... К сожалѣнію, первое время, по субботам и воскресеньям меня привозил домой и отвозил в корпус на извозчикѣ наш деньщик, а поэтому возможность отличиться на улицах Варшавы не представлялась.

Но вот наступил момент, когда дома рѣшили, что я уже достаточно знаком с городом, знаю хорошо дорогу от корпуса в крѣпость и обратно, а поэтому могу в отпускные дни передвигаться самостоятельно.

Помню то необычайное чувство восторга, смѣшаннаго с гордостью, когда я впервые сам очутился на больших и многолюдных улицах Варшавы в формѣ, которая меня ко многому уже обязывала.

Честь проходящим офицерам отдавалась с упоеніем, но случая стать во фронт, к глубокому моему огорченію, не представлялось. Мѣнял улицы, задерживался дольше на болѣе оживленных, но к великой досадѣ ни один генерал навстрѣчу не попадался.

И вот однажды, в одну из суббот, выйдя из дверей корпуса и повернув налѣво вдоль зданія, я совершенно неожиданно, совсѣм близко от себя, увидѣл, так хорошо извѣстнаго мнѣ по описаніям, генерала с желтыми отворотами на пальто. Почти невозможно передать того урагана переживаній, того неимовѣрнаго количества самых разнообразных чувств, охвативших меня при видѣ великолѣпнаго, в своей грозной красотѣ, зрѣлища - навстрѣчу мнѣ шел комендант города генерал Комаров, сопровождаемый казаком-ординарцем.

Раздумывать было поздно и с отчаянной рѣшимостью, взяв ногу, двинулся я вперед и через нѣсколько секунд стоял уже на вытяжку перед медленно проходившим генералом.

Что было написано в этот момент на моем лицѣ, не знаю, пришла ли в восхищеніе уличная толпа, далеко не увѣрен, но смутно, как в туманѣ, помнится едва уловимая улыбка и взгляд генерала, с любопытством разсматривающаго, попавшагося на его пути и замершаго от страха и восторга одновременно, маленькаго кадета.

Взяв руку под козырек, генерал прошел мимо, а я, точно по уставу, повернувшись, пропечатал как полагается дальше, пройдя мимо казака-ординарца, хитро и как бы сочувственно мнѣ улыбавшагося.

Я продолжал идти, не вѣря самому себѣ - никакого оклика сзади, обычно предшествовавшаго требованію ординарца отдать свой отпускной билет, за какой либо недочет, замѣченный генералом. Наконец я нерѣшительно оглянулся назад - уже далеко были видны удалявшіяся фигуры генерала и ординарца.

Безудержная радость наполнила мою душу. Опасность миновала и долгожданный генерал был наконец встрѣчен, да еще какой - самый строгій и требовательный в цѣлом Варшавском гарнизонѣ.

Завѣтная мечта благополучно осуществилась.

Евгеній ОБОЗНЕНКО /IX выпуска/

М О Н Т Е К Р И С Т О.

Братьям Лобан и Сашѣ Ястребову, славным Суворовцам, положившим свои жизни в борьбѣ с врагами нашей Родины, посвящаются эти скромныя воспоминанія юных лѣт.

Если мнѣ не измѣняет память, это было в 1910 году. Наша семья тогда снимала на лѣто одну из дачь в небольшом имѣніи госпожи Лобан, находившемся около Новоминска и недалеко от крѣпости Новогеоргіевск.

Здѣсь мы, со старшим моим братом Александром, близко познакомились и подружились с братьями Лобан. Помню их всѣх и сейчас.

Лев, старшій из них, успѣшно перешедшій в VII класс, был в то время довольно грузным, приземистым и крѣпким юношей. У него уже тогда отросла щетинка рыжеватых усов, чѣм он чрезвычайно гордился. На нас, младших, как он выражался, "несуразных подростков",/Александр, перешедшій в I-ю роту в эту категорію не входил/ он смотрѣл свысока и даже не пытался скрывать своего "олимпійскаго" пренебреженія. Лева, намѣревавшійся выйти в кавалерію, утонченно, но и весьма преувеличенно, подражал манерам молодых "корнетов", ходил как истый "конник", презирал велосипедистов, гимназистов, лицеистов, анархистов и вообще "шпаков" всѣх мастей и званій, вел себя очень самоувѣренно, но в то же время довольно неравнодушным к нѣжному полу.

В этом отношеніи он очень быстро сошелся с моим братом, Сашей, несмотря на многія противоположности их характеров.

Саша, по натурѣ кроткій, скромный, застѣнчивый и весьма учтивый юноша, тоже в то время мечтал выйти в кавалерію, поэтому "тон", который задавал Лева, ему очень нравился и он, быстро усвоив таковой, охотно превратился в "сугубаго", готоваго к услугам "корнету". Правда, наединѣ отношенія между обоими юношами были самыя дружескія и сердечныя. Но стоило только появиться на горизонтѣ кому либо из младших кадет, как оба начинали говорить в нос, раздѣляя слова по слогам и выраженія их лиц становились высокомѣрно-насмѣшливыми.

Ввиду недостаточнаго количества свободных верховых лошадей, "корнет" и "сугубый" должны были частенько, хотя и весьма неохотно, пользоваться своими велосипедами для поѣздок в город и визитов к мѣстным барышням. И там гдѣ, у какого либо крыльца, красовались их, блиставшія никелировкой, машины в саду, за зеленой изгородью, неизмѣнно раздавались взрывы молодого и задорнаго смѣха, сопровождавшагося солидными "басками" флиртующих "корнетов".

Дима, срединій из братьев и мой одноклассник, был смуглым, худощавым и стройным мальчиком. Мнѣ очень нравилась его особенная аккуратность в одеждѣ, истинно-кадетская выправка, мягкость движеній и скромность. Дима был хорошим товарищем, отличным компаніоном и великолѣпным гимнастом. Все это вызывало к нему чувства довѣрія, уваженія и юношеской привязанности. Единственно что поражало в нем - это не по лѣтам грустные и выразительные глаза на красиво очерченном овалѣ лица. Я часто думал о причинѣ этого, но никогда не рѣшался его спросить, боясь нарушить наружную личину спокойствія его внутренняго міра.

Рома, самый младшій из братьев, отличался небольшим ростом, круглой, румяной и упитанной физіономіей, вздернутым носиком и веселыми голубыми глазенками, полными неподдѣльной жизнерадостности и любопытства. Он тоже по своему характеру был тихим, скромным и привѣтливым мальчиком. На старших он смотрѣл с любовью и дѣтским восторгом, был очень почтителен и дружески услужлив. Благодаря, подмѣченной нами всѣми, его способности заливаться маковым цвѣтом от сильнаго словца или рискованнаго анекдота старших товарищей, Рома был быстро окрещен "красной дѣвицей" или "институткой в погонах". Как то так и другое

прозвище он воспринял одинаково добродушно и без какой либо затаенной обиды.

Ввиду того, что в "привилегированную касту конников" мы не попали, по причинѣ своего "несовершеннолѣтія," стало совсѣм естественным, что, оказавшись "за бортом," мы с Димой и Ромой образовали свою младшую группу. Позже к ней присоединилось еще нѣсколько мальчиков одного с нами возраста. Нашими любимыми занятіями были групповыя поѣздки на своих велосипедах за 10-12 верст по военному шоссе, ловля раков и мелкой рыбешки в небольшой рѣчушкѣ поблизости и сбор грибов и ягод в лѣсу.

На женскій пол мы смотрѣли косо и им совершенно не интересовались. Как то прехорошенькая дѣвочка с сосѣдней дачи, гимназистка лѣт 13, узнав о нашей особенно удачной ловлѣ раков накануне, стала упрашивать нас взять и ее с собой слѣдующій раз. Мы переглянулись от неожиданности и по мальчишески залились смѣхом, отчего она очень обидѣлась. Тогда, чтобы устранить неловкое положеніе, вперед вышел Дима и, нахлобучив фуражку на лоб, серьезно отрѣзал: "нельзя! Раки не переносят женщин! Всѣх распугаете, вот нам и будет ловля!"

--о--

Как то, в знойный іюльскій день, мы с Димой расположились на верандѣ полакомиться прекрасной простоквашей с молодой картошкой и лучком, по польски. Вдоволь напитавшись, мы лѣниво растянулись в тѣни. В это время, в нѣсколькихъ шагах от дома, появились знакомыя фигуры Саши и Левы. Оба оживленно переговаривались. За плечом у Левы висѣл на ремнѣ новенькій, казеннаго образца, карабин. У Саши, стоявшаго рядом, в рукѣ на веревкѣ, пропущенной через жабры, болталась щука на три четверти аршина длиной. Мы моментально сорвались со своих мѣст и, сбѣжав с крыльца, стали разсматривать рыбу.

"Гдѣ вы ее достали?" спросил я в изумленіи.

"Лева застрѣлил ее в прудѣ!" - улыбаясь, спокойно отвѣтил Саша.

"То есть как это - застрѣлил?" - вытаращил я глаза - "Развѣ рыбу можно стрѣлять?"

"Можно!"

"Ну, это вы брошете!" разсердился я, принимая эти слова за насмѣшку. "Навѣрно гдѣ нибудь купили!"

"Ты что это т а к о е сказал?" повернулся ко мнѣ Лева, окидывая меня уничтожающим взглядом и, переходя на официальный тон, прибавил: "Мо-ло-дой человѣк, запомните раз навсегда и на всю жизнь, что: - во пер-вых с корнетами, или в их присутствіи, ни-кто так не смѣет разговаривать, во вто-рых, за слово -брошете- можно получить и по загривку, и в треть-их, кор-не-ты все и всегда могут, если того желают!"

Я по привычкѣ вытянулся в струнку и замер. Работала только голова. Возражать или задавать дальнѣйшіе вопросы, при очевидном гнѣвѣ "корнета," было и опасно и не совсѣм умѣстно. С ними лучше было держать язык за зубами.

Когда, наконец, "господа конники" прошли в дом, мы с Димой вернулись на веранду. Я был настолько ошеломлен тѣм что видѣл и слышал, что долго не мог придти в себя. Молчаніе прервал Дима.

"Это правда, что Лева стрѣляет щук в прудѣ, я сам это видѣл," сказал он, откидывая фуражку на затылок. "Лева дѣйствительно замѣчательный стрѣлок, надо отдать ему справедливость!"

"Как же это так?" - развел я руками, "никогда не слышал о подобных чудесах!"

"Видишь ли," продолжал Дима, мечтательно закатывая глаза, "дѣло вот в чем: под берегом пруд очень мелкій и тинистый. Щука любит погрѣться на солнышкѣ, как мы с тобой. Если все тихо и никого нѣт кругом, в ясный солнечный день она выходит из глубины под берег и стоит там, как палка, без движенія часами напролет. Над водой видна только небольшая часть ея черной спины, которая, благодаря своему защитному цвѣту, сливается как с илистым дном, так и с погнившими сучьями деревьев, раз-

бросанных вокруг. Нужен очень зоркій глаз и большое терпѣніе, чтобы распознать такую "живую палку"; нужны - большое умѣніе и твердая рука, чтобы убить ее наповал прямым попаданіем непремѣнно в спинной хребет."

"Да это, брат, почище Майн-Рида!" - недовѣрчиво пробормотал я послѣ раздумья. "Почему же нужно стрѣлять непремѣнно в хребет?"

"Иначе уйдет," - неторопливо отозвался Дима, "щука рыбина долговѣчная и очень живучая. Вот Лева стрѣляет почти без промаха, а сколько их ушло у него подбитыми!" Он подвинулся ко мнѣ ближе и, приняв удобную позу, продолжал: "щуку надо знать и понимать. Это хищная, хитрая и очень осторожная бестія. Вѣдь она же сама живет охотой на других рыбешек, лягушек и тому подобную живность. Значит у самой есть охотничье чутье. Не была бы она такой по натурѣ, голодала бы всю свою жизнь. Так вот, нажрется такая щучина до отвала и лезет под берег погрѣться на солнышкѣ, да заодно и переварить свою жертву. Стоит там, дѣйствительно, как гнилая палка и будто спит. Да не тут то было! Хрустнет гдѣ нибудь на берегу сучок, упадет с дерева в воду шишка, а ея уже и слѣд простыл. Вот она какова!"

Видя мой разинутый рот и вытаращенные от удивленія глаза, Дима продолжал таинственным полу-шепотом: "ты думаешь, что я не пытался заниматься этим своеобразным спортом? Да мы с Ромой разстрѣляли столько патронов по этим гадам, что и не пересчитаешь".

"Что-же, все промазывали?" ухмыльнулся я, "вот вѣдь горе-охотники!"

"Конечно иногда промазывали," обидѣля Дима, "только далеко не всегда. Вѣдь стрѣляли то мы из Роминаго монтекристо пулями-дробинками. Иной раз и попадешь ей в самое пузо, а щука метнет хвостом, да и поминай ее как звали. Уж больно живучая она".

"Почему же вы не брали с собой Левин карабин? - удивился я.

"Пытались не раз," безнадежно махнул рукой Дима, "да не вышло."

"Почему?"

"Очень просто! Лева не довѣряет нам. Говорит, что нашему брату настоящее оружіе в руки давать нельзя, ибо вмѣсто щук перестрѣляем друг друга."

"А когда его не бывает дома?" - хитро прищурил я глаза.

Дима повторил свой безнадежный жест. "Тогда вынимает затвор из карабина и запирает его вмѣстѣ с обоймами и патронами так, что ни одним ключем не открыть".

Наступило долгое и томительное молчаніе. Я понимал, что Дима чувствует себя обиженным таким недовѣріем старшаго брата и потому искал, но не находил слов ободренія.

Наконец, чтобы разрядить атмосферу пессимизма, я хлопнул его по плечу и сказал ласково: "ничего, брат, вот дотянешь до первой роты, купишь себѣ карабин и тогда объявишь всѣм щукам войну!"

"Да," грустно вздохнул Дима, "к этому времени всѣ онѣ передохнут от тоски, не видя моей физіономіи на берегу пруда".

--o--

В эту ночь я почти не спал. Разыгралось воображеніе. Не давали мнѣ покоя щуки. Только зажмуришь глаза, а мимо кровати плывет цѣлая стая, одна другой больше. Плывут, хитро подмигивая одним глазом и исчезают гдѣ то в темном углу. Я отчетливо слышал бульканье воды и часто протягивал руку, чтобы поймать одну из них. Под утро щуки исчезли, но вдоль всѣх стѣн комнаты вытянулись стройным рядом новенькіе "карабинчики" с блестящими, воронеными стали, стволами и нарядными прикладами, раздѣланными под цвѣт карольской березы.

Встал я утром с безповоротной рѣшимостью проучить "корнетов" и показать им наяву как "несуразный подросток" может бить щук не из мощнаго карабина, что не составляет никакого труда, а простой дробинкой из презираемаго ими дѣтскаго ружьишка. Надо только попасть в спинной хребет и дѣло в шляпѣ, рѣшил я, по дѣтски упрощая сложную на дѣлѣ за-

дачу. На Диму, ясно было, разсчитывать нельзя. Бѣдняга уже успѣл обжечь свои крылья в безплодных попытках. Рома же, со своим дѣтским энтузіазмом и добродушной покладистостью, являлся, по моему мнѣнію, незамѣнимым сообщником в выполненіи намѣченнаго мною плана. Кромѣ этого он же и был неоспоримым хозяином чуднаго, с нарядной нарѣзкой на прикладѣ, монтекристо, то есть оружія, на которое мною дѣлалась ставка.

Послѣ утренняго купанія, мы с Ромой возвращались домой. Дима развалился в кустах на берегу рѣчки и сразу же заснул сном праведника. Будить его в мои планы, конечно, не входило.

Я начал издалека и предложил Ромѣ проѣхаться на велосипедах по военному шоссе, подальше. Стояло жаркое, солнечное и безоблачное утро. День обѣщал быть еще болѣе жарким, поэтому Рома, успѣвшій уже вспотѣть на ходу, особеннаго интереса к моему предложенію не проявил. Затѣя пойти в лѣс "по грибы" тоже не увлекла его. Тогда я постарался направить его мысли на предполагаемую мною охоту на щук.

"Ходить далеко не надо. Лежи себѣ на мягком и прохладном мху, да приглядывай рыбину побольше", сказал я с видом знатока.

"Не так просто это, как ты думаешь!" - добродушно усмѣхнулся Рома.

"Что, боишься ноги промочить или истратить пятак на патроны?"-съязвил я.

Рома повернулся ко мнѣ всѣм своим круглым личиком и, пристально поглядѣв на мою лукавую рожу, весело расхохотался: "вижу, брат, что со вчерашняго дня тебѣ щуки покоя не дают!"

"Хорошо," немного погодя прибавил он, "пойдем вмѣстѣ послѣ обѣда, а сейчас ты лучше послушай какого плана надо держаться." И он, в очень обстоятельной для его возраста формѣ, с прибавленіем множества новых подробностей, повторил урок, данный мнѣ Димой наканунѣ.

--o--

Во втором часу дня, согласно установленному плану, Рома постучал в окно моей комнаты. Я уже сидѣл готовым, с сачком в одной рукѣ и крѣпкой веревкой-петлей в другой.

Саша безмятежно раскинулся на своей кровати, похрапывая баском.

Через нѣсколько мгновеній, я был на дворѣ и присоединился к Ромѣ. Будучи мальчиком обстоятельным и предусмотрительным, Рома захватил с собой не только монтекристо и коробочку с патронами, но еще и довольно основательный холщевый мѣшок с домашними закусками и бутылкой квасу.

"Никогда не знаешь сколько времени мы будем там," сказал он, застѣнчиво улыбаясь, как бы в свое оправданіе.

До пруда было совсѣм недалеко и мы дошли до его топкаго, скрытаго густой зеленью, берега, придерживаясь колеи дороги, выходившей в поле. Здѣсь мы остановились и, передавая мнѣ мѣшок с провизіей, Рома сказал: "я пойду вперед, выберу себѣ подходящее мѣсто и буду высматривать щуку. Ты лучше оставайся здѣсь, или сядь на том вот бугрѣ под старой сосной и жди меня. Близко ко мнѣ не подходи, иначе можешь испортить все дѣло".

"Хорошо", недовольно отозвался я и подумал про себя: вот тебѣ и охота, так вѣдь ничего и не увидишь.

Рома пошел вперед по узенькой, слегка протоптанной в камышах, тропинкѣ, ловко перепрыгивая с кочки на кочку в болотистых мѣстах, то скрываясь в зарослях, то снова появляясь. Я слѣдил за его увѣренными движеніями с затаенным дыханіем. Наконец, он исчез за поворотом и я невольно почувствовал какое то щемящее одиночество среди этой спящей в знойный день, тихой, молчаливой и такой прекрасной природы.

Так прошло нѣсколько минут. Я все стоял и не двигался, внимательно прислушиваясь к каждому шороху. Наконец, любопытство взяло верх и я медленно, с большой осторожностью, выбирая каждый шаг в топкой почвѣ, двинулся по направленію к бугорку с сосной, указанному Ромой.

Под ногами угрожающе булькала вода и,с каждым шагом вперед,почва становилась все болѣе топкой. Вдруг, на полдорогѣ до намѣченной цѣли, мѣшок с провизіей перевѣсил на лѣвую сторону и я,потеряв равновѣсіе,провалился выше колѣн в липкій,чернильнаго цвѣта,ил. Ноги мои оказались на каком то скользком, полу-сгнившем бревнѣ и я, инстиктивно устремившись вперед, снова очутился на сравнительно твердой почвѣ. Отсюда до бугорка было только нѣсколько шагов. Когда я, наконец, добрался до цѣли вид у меня был весьма жалкій. Казенные сапоги были полны воды и ила. Брюки до самых карманов были покрыты густым слоем жидкой грязи, перемѣшанной с мелкими водорослями. Свѣжая гимнастерка вся в черных пятнах. Даже физіономія моя приняла оттѣнок африканскаго характера.

Вот тебѣ и горе-охотник, подумал я с досадой за свою неловкость. Только не увидѣли бы "господа корнеты," иначе засмѣют.

Придя в себя и оглянувшись кругом, я увидѣл шагах в пятидесяти,среди сочной зелени, бѣлую рубашку Ромы. Он неподвижно лежал на другом бугоркѣ, недалеко от берега, со своим ружьецом на вытянутых руках.Мнѣ было видно как он изрѣдка подымал его, точно прицѣливался, затѣм медленно опускал. Наконец раздался негромкій звук выстрѣла, больше похожій на треск переломаннаго сучка, и Рома неторопливо поднявшись подошел к берегу.

"Ну что, попал?" громко закричал я, складывая руки в рупор.

Рома сдѣлал досадливый жест рукой и спокойно отвѣтил: "попал. Здѣсь она. Да очень маленькая, всего вершков на десять в длину.Принеси сачек!"

Обрадованный таким неожиданным успѣхом, я побѣжал прямо через болотце, раздѣлявшее наши бугорки, уже не безпокоясь за свой наряд.

Увидя меня, опрятный как на парадѣ, Рома удивленно вытаращил свои глазенки. "Ты что, в болотѣ купался, что ли?" Но видя мое замѣшательство и неловкость, он перевел свой взгляд на мѣшок за моим лѣвым плечом. "Вот молодец!" - прибавил он весело улыбаясь, "хоть провизію и квас не утопил, а остальное - дѣло поправимое. Вот достанем сейчас рыбешку, а там и закусим".

Щука оказалась на фунт с четвертью. Выстрѣл был сдѣлан мастерски и я долго восхищался такой необыкновенной мѣткостью.

Рома, как и всегда, заливался яркой краской на пухлых щеках от моих похвал и, застѣнчиво улыбаясь, с апетитом уничтожал разложенную вокруг закуску. Я слѣдовал его примѣру, все еще досадуя за свой неказистый вид. Когда запасы вышли и бутылка квасу опустѣла, Рома вытянулся на мягком, ярко-зеленом мху и закрыл глаза.

"Вот что, брат," сказал он, "сними пока что брюки, да сапоги и повѣсь их на солнышкѣ сушиться. Так нам вѣдь нельзя возвращаться,не привлекая общаго вниманія. Иначе начнутся распросы и пойдут всякія непріятныя шутки. А этого я не хотѣл бы. Когда все хорошенько просохнет, я сбѣгаю домой и принесу сюда свѣжую гимнастерку, щетки и ваксу.Мы тогда все основательно подчистим и вернемся как ни в чем не бывало."

Я сейчас же послѣдовал этому благоразумному совѣту и, развѣсив вещи на вѣтвях деревьев, прилег рядом. Солнце, медленным движеніем на запад, пробилось сквозь вѣтви окружающих сосен, постепенно разгоняя тѣнь. Легкій вѣтерок, дувшій с утра, замер. Стало душно и очень жарко.Закрыв головы носовыми платками и прикрыв их сверху фуражками, мы с Ромой заснули молодым, безмятежным сном.

Когда, часа через полтора, мы проснулись, наш бугорок был снова в тѣни и от сочнаго мха вѣяло пріятной прохладой.

Брюки мои, бѣлье и сапоги были уже сухими и грязь с них легко отчищалась. Тѣм не менѣе Рома, согласно обѣщанію, сбѣгал домой и принес все необходимое для приведенія их в полный порядок. Когда всѣ слѣды непріятнаго происшествія были окончательно уничтожены, мы двинулись в обратный путь с Ромой во главѣ. Я слѣдовал его движеніям, соблюдая чрезвычайную осторожность. Выбрались мы,как и слѣдовало ожидать, вполнѣ благополучно.

Подходя к дому, мы увидѣли на дворѣ Леву. Он лихо ѣздил по кругу на красивом, статном конѣ сѣрой масти. Саша, умостившись на заборѣ и затягиваясь папиросой, дѣлал одобрительныя замѣчанія.

Увидя нас, Лева пришпорил коня и подъѣхал к нам вплотную. "Э-э-то что за селедка у вас там болтается," проговорил он, насмѣшливо прищуриваясь, "да я на такую рыбешку никогда не истратил бы ни одного патрона, даже из э-этого, как его там зовут, ружьишка".

Мы переглянулись, но молча проглотили "корнетскую пилюлю".

Спас положеніе, подошедшій к нашей группѣ, Саша. Привѣтливо улыбаясь, он по дружески похлопал Рому по плечу. "Молодец Роман, не даром Лобан!"- сказал он в рифму. "Рыба не плохая, а попаданіе прямо в очко. Вот меня научил бы так стрѣлять!"

Лицо Ромы зардѣлось от удовольствія. Улыбнулся снисходительно,втайнѣ радуясь за младшаго брата, и Лева.

Теперь Саша сѣл на коня и закружился по двору,стараясь сидѣть "по уставу.

--o--

На слѣдующій день, руководимый непреодолимым любопытством к этому необычайному спорту, я упросил Рому одолжить мнѣ свое "монтекристо". Хотѣлось и мнѣ испытать свою мѣткость и твердость руки. Рома дал мнѣ его неохотно.

"Вѣдь это же подарок моей мамы," сказал он, "посмотри только на этот рѣзной приклад; вѣдь такого нигдѣ не найдешь."

Я завѣрил Рому, что буду чрезвычайно осторожен в обращеніи с его завѣтным оружіем и, получив всѣ имѣвшіеся у него патроны, отправился в путь, на этот раз уже один. Сердце мое билось сильнѣе обыкновеннаго и все существо ликовало. Про себя я уже заранѣе рѣшил, что буду избѣгать болотистых мѣст и буду стрѣлять только по крупной рыбѣ.

Вот и пруд. Вот и знакомая уже тропа. Крѣпко зажав монтекристо в лѣвой рукѣ я, прыгая с кочки на кочку и повторяя всѣ движенія Ромы, быстро добрался до его излюбленнаго бугорка. Здѣсь, удобно распластавшись на мягком мху под старой елью, я принялся высматривать свою жертву. Солнце сильно било в глаза и весь пруд ярко сіял его отблесками. Вся его поверхность сливалась в один блестящій круг. Только под берегом,с противоположной стороны, представлявшем непроходимую и почти бездонную трясину, видны были в водѣ отраженія густых порослей камыша. Стояла мертвая тишина, только изрѣдка прерываемая щебетаніем птичек гдѣ то далеко наверху, да слышалось мелодичное журчаніе небольшого ручейка,впадавшаго в пруд между двух старых сосен лѣвѣе от меня.

Так я лежал,не двигаясь, больше часа. В это время мои, тогда еще очень зоркіе, глаза тщательно изучали всю поверхность пруда, отмѣчая положеніе всѣх гнилых коряг и обнаженных вѣтвей, щедро разбросанных вокруг. Наконец мое вниманіе было привлечено рядом безпрерывных пузырьков, выходивших на поверхность пруда рядом с почернѣвшей от времени толстой корягой.

Я приложил ружьецо к плечу и затаил дыханіе.

Как по мановенію жезла пузырьки остановились. "Вот хитрая," подумал я и опустил монтекристо. Рядом с корягой внезапно выросла голова зеленой лягушки с выпученными глазами и в слѣдующее мгновеніе под самым берегом раздался громкій всплеск, взбудораживший поверхность пруда. Когда я пришел в себя от этой неожиданности, лягушки больше не было,коряга плавно качалась на своем мѣстѣ и во всѣ стороны расходилась мелкая зыбь. "Вот гадюка!"- сердито пробормотал я и, поднявшись из за своего укрытія, подошел вплотную к берегу. Под самыми моими ногами раздался новый всплеск, сопровождаемый другими, как справа так и слѣва. "Да их здѣсь полно," проворчал я и с досады бросил камешек под противоположный берег. Отвѣтным эхо раздалось еще нѣсколько новых всплесков. "Ну, подождите, я еще до вас доберусь," окончательно разсердился я. Надо побольше выдержки и терпѣнія.

Солнце зашло на запад и часть пруда покрылась пріятной тѣнью. Всѣ

предметы на поверхности воды стали болѣе отчетливыми и ясными. Тогда я снова занял свою позицію и принялся выжидать. Все казалось мертвым. Ни пузырьков,ни зыби. Так прошло еще около двух часов. Теперь уже весь пруд был в тѣни; дѣло подходило к вечеру. От напряженной неподвижности все мое тѣло стало ныть. Наконец,желаніе двигаться и чувствовать себя живым человѣком преодолѣло. Хотѣлось хоть чѣм то поозабить себя, хоть что то сдѣлать. Тогда я встал во весь рост и начал ожесточенно стрѣлять по всѣм корягам и сучкам,торчавшим из воды. К моему величайшему изумленію, послѣ многих,безсмысленных на мой взгляд,выстрѣлов, на поверхность воды всплыла,брюхом вверх,небольшая щучка. Мнѣ удалось ее выловить длинной вѣткой. Оказалось,что шальная дробинка попала ей в голову.

От этой,казалось бы нелѣпой и непредвидѣнной случайности,я,по молодости лѣт,кипучему энтузіазму и полной неопытности в новом для меня спортѣ,пришел к поспѣшному заключенію,противоположному мудрым совѣтам Димы и Ромы, а именно: больше патронов не жалѣть! Вот завтра уже будет много лучше, весело пробѣгало в моей головѣ по дорогѣ домой.

--o--

Увы,ни это "завтра" и ни "послѣзавтра" не внесли никаких существенных перемѣн в положеніе вещей. Напуганная мною рыба соблюдала чрезвычайную осторожность и под ближайшій берег больше не подходила.

Так проходил день за днем. Наконец всѣ патроны вышли и я начал искать их гдѣ только мог. Случайно в столѣ Саши я обнаружил нѣсколько патрончиков очень похожих на тѣ,что дал мнѣ Рома. Я тут же взял их и вернулся к пруду. Заряжая монтекристо,я замѣтил,что патроны туговато входят в камеру,но не придал этому обстоятельству никакого значенія. Но с первым же выстрѣлом дробинка застряла в стволѣ. Тогда,памятуя пословицу, что "клин клином выбивают" я выстрѣлил во второй раз. Результат получился такой же. "Что же мнѣ дѣлать теперь?"- спохватился я,серьезно напуганный такими послѣдствіями,"ни рыбы,ни ружья!" Тѣм не менѣе моя голова продолжала работать и я на слѣдующее же утро поѣхал "за помощью" в Крѣпостной Оружейный завод.

Выслушав мой чистосердечный и такой "трагическій" разсказ,дежурный офицер весело разсмѣялся и понимающе похлопал меня по плечу. У него тоже был сынишка, маленькій кадетик.

Ромино монтекристо тотчас же было передано одному из мастеров, который и занялся его расклепкой. При мнѣ накалил до красна ствол и стал выбивать застрявшія дробинки шомполом,зажатым в станок. Это ему послѣ многих усилій удалось,но при выталкиваніи он нечаянно сломал рѣзной приклад. Дѣло приняло поистинѣ трагическій для меня характер.

Рома не раз справлялся о своем ружьѣ, а у меня просто не хватало гражданскаго мужества признаться ему в своей оплошности.

В концѣ концов,я должен был обратиться за помощью к своему отцу,чистосердечно "покаявшись" ему в происшедшем. Папа сочувственно отнесся к моему горю и,в первую же свою поѣздку в Варшаву,купил мнѣ прекрасное монтекристо французскаго производства. Увы,такой тонкой и красивой рѣзьбы на прикладѣ не удалось подобрать.

В результатѣ я всетаки должен был во всем признаться Ромѣ, на этот раз сам краснѣя от стыда. Принимая новое ружьецо он только укоризненно покачал головой. "Вѣдь это же был подарок мамы!"- тихо прошептал Рома. Я молча выслушал этот заслуженный упрек.

С тѣх пор прошло много,много лѣт,но этот выразительно-укоризненный взгляд добрых голубых глаз,на милом дѣтском личикѣ,навсегда врѣзался в мою память. Он заставил меня остепениться и внушил мнѣ чувство уваженія к чужой собственности. --o--

Заключительным аккордом этого моего неудачнаго увлеченія "корнетским спортом" явилось насмѣшливое прозвище,данное мнѣ "зубоскалами" нашего отдѣленія,когда Дима гдѣ то нечаянно проболтался, - "Горе-стрѣлок Щукин" он же "Граф Монтекристо!"

1957 г.Торонто.Канада. ВЛАДИМИР ЯСТРЕБОВ-БОУС /VIII ВЫП./

СПИСОК КАДЕТ X ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.АЛЕКСАНДРОВИЧ Николай	Павл.В.Уч. Л.-Гв.Литовскій полк
2.АНУЧИН Владимир	Елисав.Кав.Уч.Пограничн.стража
3.БАЕР Георгій	Алекс.В.Уч. Л.-Гв.Финляндск.п.Разстр. в 1925 г.
4.БАЙРАШЕВСКІЙ Али в.у.о.	Никол.Инж.Учил.
5.Бар.До БОДЕ Лев в.фельд.	Мих.Арт.Уч. 3 Гв.арт.бр.Гражд.в.16-й гус.Иркутск.
6.БОНЧ-БОГДАНОВСКІЙ Леонид в.у.	Констант.Арт.Уч.
7.ВЛАДИСЛАВЛЕВ Алексѣй в.у.о.	Мих.Арт.Уч.3 Кавк.стр.арт.бр.Гражд.в. кон.батарея
8.Фон ГАФФЕРБЕРГ Гарри Гуго	Александр.В.Уч.
9.ЗАТКАЛИК Владимир	Александр.В.Уч.191 п.Ларго-Кагульск.п. Гражд.в.Корнил.уд.и Дрозд.кон.п.
10.ЗУДОВ Дмитрій	Александр.В.Уч.
11.КЕТОВ Николай	Констант.Арт.Уч.
12.КОВЧЕГОВ Николай	Констант.Арт.Уч.
13.КУДРЯВЦЕВ Леонид	Елис.Кав.Уч.Гражд.в.5 гус.Александр.п.
14.ЛОБАНОВ Николай	На сторону.
15.ЛОБАНОВСКІЙ Адріан	Алекс.В.Уч.5 стрѣлк.п.Пом.курсов.оф.
16.ЛОНТКЕВИЧ Бронислав	Елис.Кав.Уч. 14 улан.Ямбургскій
17.МАРЧЕНКО Николай	Павл.В.Уч. 2 Туркестан.стр.полк
18.МЕЩЕРСКІЙ Борис в.у.о.	Никол.Инж.Уч. 24 саперн.батал.
19.Фон ПОЛЬ Евгеній в.у.о.	Конст.Арт.Уч. 5 Сибир.морт.арт.див.
20.ПЯТИБОКОВ Александр	Елисав.Кав.Уч. 4 улан.Харьковск.п.
21.РЫБАЛКО Георгій в.у.о.	Мих.Арт.Уч. Заамурск.кон.горн.батар.
22.САМСОНОВ Владимир	Алекс.В.Уч.Один из полк.3 Гв.див.Убит.
23.СЕЛИВЕРСТОВ Александр	Павл.В.Уч.Л.-Гв.Волын.п. или один из полков I Стрѣлк.бриг.
24.СИТКОВСКІЙ Анатолій	Павл.В.Уч. Корнил.удар.п. Убит.
25.ФЕДЯЙ Георгій	Павл.Воен.Уч. Л.-Гв.Кексгольм.п.
26.ХИЛЬЧЕНКО Владимир в.у.о.	Никол.Инж.Уч.
27.ХОПЕРСКІЙ Дмитрій	Мих.Арт.Уч.6 Донск.Его Волич.бат.Гвард. Конной арт.бр.
28.ЭСМОНТ Григорій	Алекс.В.Уч.Л.-Гв.Литовск.п.Умер в Крыму в 1920 г.

СПИСОК КАДЕТ X ВЫПУСКА 2-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.ВЕЙСБАХ Владимир	Елис.Кав.Уч.14 гус.Митавск.п.Гражд.в. I-й конный п.
2.ГАРАНИН	Тверск.Кав.Уч. 6 улан.Волынскій п.
3.Фон ГЕЛЬВИГ Владимир в.у.о.	Конст.Арт.Уч. 15 морт.арт.дивиз.
4.ЗАТОНСКІЙ	Елис.Кав.Уч. 6 Заамур.кон.полк
5.ЗЮЗИН Дмитрій в.у.о.	На сторону,потом Никол.Инж.Уч.
6.ЗЮЗИН Сергѣй	На сторону,потом Инж.Школа прапорщик.
7.ИГНАТОВ	Павл.Воен.Уч.
8.КАРПЕНКО	Никол.Кав.Уч. 9 улан.Бугскій п.
9.КИРѢЕНКО Петр	Серг.Арт.Уч. I Сибир.тяж.арт.див.
10.КОРОТКЕВИЧ Владимир	Павл. В.Учил.Л.-Гв.Литовскій п.
11.ЛЫЗЛОВ Владимир	Елис.Кав.Уч. 6 Заамурск.кон.полк.
12.МАКСИМОВ Леонид в.у.о.знам.	Мих.Арт.Уч.
13.МРОНГОВІУС Дмитрій в.у.о.	Конст.Арт.Уч. Заамур.кон.горн.батар.
14.ОБРУЧЕВ Владимир	Никол.Кав.Уч.Л.-Гв.Улан.Ея Велич.полк. Погиб в Польшѣ.
15.ОСТАПЕНКО Александр	

16.ПРЖЕВЛОЦКІЙ Николай в.у.о. Михайл.Арт.Учил.
17.РОССИНСКІЙ Павел в.у.о. Михайл.Артил.Уч.
18.СНИТОВСКІЙ Валентин Никол.Кав.Уч. I гус.Сумскій п.
19.СОКОЛОВ Борис Елис.Кав.Уч.14 улан.Новомиргородск.
Умер в Мюнхенѣ.
20.СУХАЧЕВСКІЙ
21.ТУНЦЕЛЬМАН Антон Елис.Кав.Уч. 6 Заамурск.кон.п.
22.ФРЕЙ Борис Никол.Кав.Уч. 9 улан.Бугскій п.
23.ФУРСОВ Николай

УШЛИ ИЗ УII КЛ. И ПОСТУПИЛИ В ВОЕННЫЯ УЧИЛИЩА

I отдѣл. ВАЛЬНЕР Владимир Тверск.Кав.Учил.
ЛЕОНТЬЕВ Владимир Тверск.Кав.Уч.14 улан.Ямбургскій
СОКОЛЬСКІЙ Алексѣй Тверск.Кав.Уч.10 драг.Новгородск.
2 отдѣл. ДЕНИСОВ Тверск.Кав.Уч. Донск.артил.
НИКОЛАЕВ Илья Тверск.Кав.Уч. 6 улан.Волынскій п.
ПРИСЕЛКОВ Алексѣй Тверск.Кав.Уч.
ШИМАНСКІЙ Владимир Кіевск.В.Уч. Л.-Гв.Литовскій п.
ШУРИГ Александр /выбыл из УII класса/.

ПЕРЕВЕДЕНЫ В ДРУГІЕ КОРПУСА:
ЮХНОВСКІЙ в Морской Корпус ЗРАЖЕВСКІЙ во 2 Московскій
БАБАДАГЛЫ в Аракчеевскій /был в Конст.Арт.Уч./

БЫЛИ В УI КЛАССѢ - возможно пропущены, или отстали:

I/АГАПОВ
2/АГУЛАДЗЕ
3/БОГОСЛОВСКІЙ
4/ВАГЕЛЬ
5/ГОЛИЦИН
6/ДЕШКОВСКІЙ Платон
7/КАРТАШЕВ
8/МУРАВЬЕВ/гр.Амурскій,кажется перев.в Пажеск.Корп.и вышел Л.Гв.Сводно-Казач.п.
9/ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ
10/ПИНЕГИН
11/ПЛАКСИН /6 др.Глух./
12/СИРОМАХОВ
13/СКВОРЦОВ Михаил
14/СОМОВ
15/ЮРЬЕВ Борис.

---o---

СПИСОК КАДЕТ XI ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

1.АЛЕКСАНДРОВИЧ Георгій Сергіевск.Арт.Уч.
2.АНИЧХИН На сторону Петр.Разум.Академ.
3.АРМАНДТ в.у.о. Артил.Учил.
4.БЕЗКИШКИН Нестор Павловск.В.Уч.
5.ГЕРБАНОВСКІЙ Георгій Елисав.Кав.Учил.
6.ГОРДИНСКІЙ Павел Елис.Кав.Уч. 2 л.улан.Курляндск.п.
7.ГОСНЬВСКІЙ Георгій в.у.о. Мих.Арт.Уч. Гражд.в.бронепоѣзд "Георгій Побѣдон" Умер во Франціи
8.ГУЛЬБЕ Андрей Павл.В.Уч. Инжен.части
9.ДУДАРЕВ Иван Никол.Кав.Уч.Сотня.
10.ЖУКОВ Николай Павловск.В.Учил.
11.КРАСНОКУТСКІЙ Николай в.у.о. Констант.Арт.Уч.
12.КРЕМЕНЕЦКІЙ Виталій Никол.Кав.Учил.
13.КРИНИЦКІЙ Николай в.у.о. Констант.Арт.Уч.
14.КРИЧИНСКІЙ Селим в.у.о. Михайловск.Арт.Уч.
15.МАРКОВ Георгій Елисаветгр.Кав.Уч.
16.МОЦАРСКІЙ Валеріан в.фельд. Мих.Арт.Уч. Л.-Гв.Стрѣлк.арт.бриг.
17.НИКОЛАЕВ Георгій Елис.Кав.Уч. II улан.Чугуевск.п.
18.НИТЦ Сергѣй в.у.о. Никол.Инж.Уч. 21 саперн.бат.
19.НИКОЛАЕВ Сергѣй в.у.о. Михайл.Арт.Уч.
20.ОРѢХОВ Василій Елис.Кав.Уч. II улан.Чугуевск.п.
21.РОНЧЕВСКІЙ Ростислав Михайл.Арт.Уч.
22.РЯПКИН Владимир в.у.о. Констант.Арт.Уч.
23.СОЛОВСКІЙ Владимир Елис.Кав.Уч. II улан.Чугуевск.п.
24.СУВОРОВ Иван в.у.о. Михайловск.Арт.Уч.
25.ТЕР-САРКИСОВ Яков в.у.о. Николаевск.Инж.Уч.
26.УЛИХ Георгій Елисаветгр.Кав.Уч.
27.ЧИБИСКОВ Евгеній Тверское Кавлер. Учил.

СПИСОК КАДЕТ XI ВЫПУСКА 2-го ОТДѢЛЕНІЯ

I.АДАМОВИЧ Николай	2.АНИСИМОВ Евгеній
3.БАКУРЕВИЧ Сергѣй	
4.БОЛОГОВСКОЙ Николай в.у.о.	Конст.Арт.Уч. 3 Гв.Арт.Бр./в гражд.в./ Конная артил.
5.БОРОДАЕВСКІЙ	6.ГЕЛЬФРЕЙХ Георгій
7.ДВИГУБСКІЙ Георгій	Никол.Кав.Уч.
8.ЖИРОМСКІЙ Владимир	9.ЖУКОВСКІЙ Владимир
I0.ЗЮКОВ	
II.ЛИНЕВИЧ Лев	Охотн.флота.Художествен.академ.
I2.МАКЕДОНСКІЙ Платон	
I3.МАРКОВ Александр	Елисаветгр.Кав.Учил.
I4.ПРЕЙСФРЕНД Борис	На сторону.
I5.ПРУЖАНСКІЙ	
I6.РАКИЧ Божидар	Гвард.кав.полк Югославянск.арміи
I7.СКЕРСКІЙ	I8.ТВЕРСКОЙ Михаил
I9.ТИМЕНКОВ	
20.ФЕДОРОВ Сергѣй	Констант.Арт.Уч. Кон.артил.
2I.ЧАУСОВ в.у.о.знаменщ.	Морской Корпус
22.ШУМСКІЙ Петр	Кавлер.Уч. 2 л.гус.Павлоградск.п. Убит в I920 г.
23.ЭСМОНТ Сергѣй	Арт.Уч. 3 Гв.Арт.бриг.
24.ЯНСОН	

Не вошли в отдѣленія: ГЕЙМАН, ПОЛТОРАЦКІЙ Николай, СМИРНОВ.

Отдѣл.офиц.воспитатель I-го отд. Подполковник АЛЕКСАНДРОВИЧ
2-го отд. Подполковник СТАНИСЛАВСКІЙ

--o--

СПИСОК КАДЕТ XII ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

I.ГЕМПЕЛЬ Леонид	2.ДВИГУБСКІЙ Владимир
3.ДЖУРИЧИЧ	4.ЖОЛТКЕВИЧ
5.ЖИРКОВИЧ Евгеній	6.ИВАНОВ Георгій
7.КАЛАГЕРГІЕВ-АЛКАЛАЕВ Михаил	8.КОЧЕРГА Георгій
9.КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКІЙ	I0.КУНДИН Андрей в.у.о.знаменщ.
II.ЛЕВОНЕНКО Петр	I2.МАЛИНОВСКІЙ
I3.НЕВѢРОВИЧ	I4.СЕМЕНОВ
I5.СЕРЕБРЯКОВ	I6.СИДОРОВИЧ
I7.ФРОЛОВ /запис.и в XIII вып.	I8.ФУРСОВ Николай /запис.и в X вып./
I9.ХОРЬЯНОВ	20.ЧИБИСКОВ 2-й /зап.и в XIII вып./
2I.ШУЛЯКОВСКІЙ Георгій	
22.ЯКОВЛЕВИЧ Спасое	Елисаветгр.Кавал.Учил.

СПИСОК КАДЕТ XII ВЫПУСКА 2-го и 3-го ОТДѢЛЕНІЙ.

I.АЛФЕРОВ	2.АНДРЕЕВ
3.АРГУТИНСКІЙ	4.АТРЯСКИН-НЕЙМАН Дмитрій Морск.Корп.
5.АХМАТОВИЧ	6.БАРАТОВСКІЙ
7.БАРНАБОВ	8.БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ
9.БЛАГОВО Михаил в.фельд.	Констант.Арт.Уч. /фельд.- бат./
I0.ВЕНСОВИЧ Алексѣй	Елис.Кав.Уч. 6 улан.Волынскій п.
II.ВЛАДИМИРОВ 2-й Михаил	Елис.Кав.Уч. Убит в I9I8 г.
I2.ВОЛХОВСКОЙ	
I3.ГЕОРГІЕВСКІЙ	I4.ГЕСКЕТ Сергѣй /перев.в др.корп./
I5.Кн.ГОЛИЦИН Сергѣй	
I6.ДВИГУБСКІЙ Сергей	Елис.Кав.Уч. I2 драг.Стародубовск.п. Алексѣевск.кон.п.

17.ЗАГРЖЕВСКІЙ
18.ЗИННА
19.ИЛЬЯШЕВИЧ
20.КАЛАКУЦКІЙ Федор
21.КАМНЕВ Дмитрій Елис.Кав.Уч.
22.КЕРШ Владимир Елис.Кав.Уч.
23.КОВАЛЕВ
24.ЛЕБЕДЕВ
25.ЛЕВАШОВ
26.ЛОБАНОВ Владимир Констант.Арт.Уч. Убит в отрядѣ Чернецова в 1918 г.
27.ЛУКИРСКІЙ Юрій
28.ЛЮТОМСКІЙ Борис Доктор-хирург.
29.МАКСИМОВ Анатолій
30.МАТВѢЕВ
31.МИХАЛЮКИН Сергѣй /в.ф.умер в VII кл./
32.ПЕТРОВ Ростислав /записан и в XIII выпускѣ./
33.ПЕТРОВСКІЙ Евгеній
34.ПИЧУГИН Павел
35.ПРЖЕВЛОЦКІЙ Виктор /Владимир?/
36.ПУХЛОВСКІЙ Алексѣй в.у.о. Констант.Арт.Уч.
37.ПУХТАЕВИЧ Георгій Елис.Кав.Уч. 12 драг.Стародуб.п.
38.РАДЗИШЕВСКІЙ Евгеній Конст.Арт.Уч. Убит в отрядѣ Чернецова.
39.РОЗЕНБЛЮМ /РОЗОВ/
40.РѢШЕТНИКОВ Анатолій
41.СТЕФАНОВИЧ Александр /запис.и в XIII вып./
42.СТРѢЛЬБИЦКІЙ Георгій Л.-Гв.Литовскій п.
43.СУББОТИН Павел Л.-Гв.Егерскій п. /запис.и в XIII в./
44.СУВОРОВ Монин Констант.Арт.Уч.
45.ТРАУБЕНБЕРГ Владимир /запис.и в XIII вып./ Л.-Гв.Волын.п./~~или Конст.~~/
46 ТУНЦЕЛЬМАН Елисаветгр.Кав.Уч.
47.ЦЕВЛОВСКІЙ Федор в.у.о. Констант.Арт.Уч.
48.ЧЕРНОГЛАЗОВ Владимир Констант.Арт.Уч.
49.ШЛИППЕР Борис
50.Бар.ШТАКЕЛЬБЕРГ Николай Убит в Крыму.Фельд.Кіев.В.Уч.
51.ЭСМОНТ Александр

XVI

--o--

СПИСОК КАДЕТ XIII ВЫПУСКА I-го ОТДѢЛЕНІЯ.

1.АВКСЕНТЬЕВ Николай
2.БЕРДЯЕВ Виктор
3.БУБНОВ Димитрій
4.ВЛАДИСЛАВСКІЙ-ПАДАЛКО Николай
5.ГЕЛЬФЕРТ Петр
6.ДЕРЖАНСКІЙ-ДЕХТЕРЕВ Михаил
7.ДОРОШЕНКО Николай
8.ЕЩЕНКО Михаил
9.ЖДАН-ПУШКИН Борис
10.ЗАБРОДИН Владимир
11.КАРПИНСКІЙ Борис
12.КЛЕПАЦКІЙ Леонид
13.КОРЬЮС Николай
14.ЛЕВИЦКІЙ Борис
15.ЛИНДБЕРГ-КОЛЬ Владимир
16.МАНДРЫКО Георгій
17.МАРКЕВИЧ Владимир
18.МЕДИ Николай
19.МОИСЕЕВ Михаил
20.НОВИЦКІЙ Николай
21.РАТКИН I-й Константин
22.РАТКИН 2-й Владимир
23.САДЛУЦКІЙ Василій
24.СЕЛЕЗНЕВ Петр
25.СОКОЛЬСКІЙ Евгеній
26.СОМОВ Георгій
27.СТРѢЛЬБИЦКІЙ Борис
28.ФЕДОРОВ Георгій
29.ШЕВЧЕНКО Борис
30.ШУЛЬЦ Арсеній

СПИСОК КАДЕТ XIII ВЫПУСКА ДРУГИХ ОТДѢЛЕНІЙ.

1.АЛЕКСАНДРОВИЧ Константин Л.-Гв.Литовск.п.
2.БОГУЧАРСКІЙ
3.ЗАЛѢССКІЙ Николай
4.ЗИЛЬБЕРКРЕЙТ
5.КУТЕЙНИКОВ Михаил
6.ЛЕВИС
7.МАРКОВ Петр
8.МЕДЕР Михаил Л.-Гв.Волынск.п.
9.МОСКВИН Иліодор Погиб во 2-й В.В.
10.МУРЗА-БАРАНОВСКІЙ
11.ПЕТРОВ Николай
12.ПОЛТОРАЦКІЙ Михаил
13.РЕКС
14.РУССОВ
15.СТЕФАНОВИЧ Александр /зап.и в XII в./
16.СУББОТИН Павел /зап.в 12 в./
17.ТРАУБЕНБЕРГ Владимир /зап.в XII вып./
18.ЧЕРНЕНКО Петр
19.ЧИБИСКОВ 2-й /запис.и в XII вып./ Кіевск.В.Уч./порт.юнкер./
20.Бар.ШТАКЕЛЬБЕРГ Юрій

ИСПРАВЛЕНІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ К СПИСКАМ, ПОЛУЧЕННЫЯ ОТ СУВОРОВЦЕВ.

К I вып.	РЫЛЬКЕ	2I саперн. бат.
" II "	АРТИСЕВИЧ I-й Борис	вышел в Сибирск.стрѣлк.п.
" III "	ЕГОРОВ /маленькій/	прибавить к списку. Вышел в артил.уч.
	ТАТЛИН I-й	прибавить к списку
" IУ "	ТУРЦЕВИЧ Борис	Л.Гв.Кексгольмскій полк.
	ПЕТРОВ Павел	5 Сибирск.саперн.бат.
" У "	ЖЕЛИХОВСКІЙ	вычеркнуть из списка - не был.
	ЖВАЛИКОВСКІЙ	имя Денис
	СОЛОВСКІЙ Александр	I9 мортирн.артил.див.
" УI "	БОЛОТИН I-й	вышел в Балтійск.флот
	ПАЗУХИН	прибавить к списку
	ТЕРПИЛОВСКІЙ 3-й Александр	- записан в 5-м вып.
	УТГОФ	Л.Гв.Петербургск.п.а не Литовскій
	ЯКОБСОН I-й Антон Ник.	вышел в подводн.флот Балтійск.моря. Разстрѣлян в Москвѣ красными.
" УII "	АЛЛЕН Христофор	из Мих.Арт.Уч.не в Морск.Корп.а в отдѣльн.Гардемаринск.классы, сформир.во время войны.
	ДАНИЛЕВСКІЙ Степан	из УII кл.перевед.в Морской Корп.
	КАЛАКУЦКІЙ	записан в УI вып.
	КОЛЛЕН	6 гус.Клястицкій п.
	ЛУЧАНИНОВ Димитрій	прибавить к списку
	ПОТЕБНЯ Борис	Павловск.Воен.Уч.
	САМОЙЛОВ Сергѣй	I5 гус.Украинскій п.
" УIII "	РОССИНСКІЙ	прибавить к списку. Вышел в кавал.уч.
	ФЕДОРОВ	4 драг.Новотроицко-Екатеринославск.п.
" IX "	БОЛОТИН 2-й	вышел в Балтійск.флот
	НЕВСТРУЕВ	Сибирск.Каз.Войско /не в Заамур.кон.п./
	ЛАМЗАКИ и ХИЛЬЧЕНКО	в Морск.Корп.не были. Возможно, что были приняты, но в этом случаѣ переведены во время учебнаго плаванія до производства в гардемарины.
" XI "	БОЛОГОВСКОЙ Николай	Констант.Арт.Уч. /а не Мих.А.У./
	ПРЖЕВЛОЦКІЙ 2-й	умер в началѣ I9I4/I5 уч.года в Москвѣ.
" XII "	ЛЕВОНЕНКО	прибавить имя Петр.

---o---

Примѣчаніе. В этом сборникѣ закончены списки кадет по выпускам и внесены поправки и дополненія, полученныя до настоящаго времени. Несомнѣнно однокашники могут еще болѣе дополнить списки и внести необходимыя исправленія, чтобы списки были возможно точнѣе. Всѣ такія свѣдѣнія прошу прислать мнѣ не позже 3I декабря I957 г. Особенно прошу соблюсти этот срок, т.к. всякая задержка в присылкѣ данных создает мнѣ не мало затрудненій. К этому же сроку прошу всѣх желающих однокашников и членов Объединенія прислать мнѣ свои очерки и воспоминанія для очереднаго сборника №I0.

А.Потапов.

-----oOo-----

К III вып.	ГЛАВЧЕ Александр	Николаевск.Кав.Учил.
" IУ "	АБАМЕЛИКОВ	I4 гус.Митавскій п.
" У "	КОМАРОВ Иларіон	был во 2-м отд.у П.Р.Липранди. Послѣ Паж.Корп. Л.Гв.Преображенскій п.
	МАЛИНОВСКІЙ Евгеній	
	Кн.МЕЛИКОВ Леван	оба коренные III кл. 3-го отд. при его образованіи в I905 году; затѣм перешли в IУ класс I-е отдѣл.

/см.слѣд.стран./

ПАМЯТНИК СУВОРОВСКИМ ЧУДО-БОГАТЫРЯМ

в г.Вейнгартен в Вюртембергѣ - Германiя.

В 1946 г. поручик 8 Финляндскаго стрѣлковаго полка В.Н. Смолинскiй обнаружил в г.Вейнгартенѣ, в 2-х километрах от католическаго монастыря "Капля крови",в лѣсу, который и понынѣ называется "Руссише вальд",кладбище, гдѣ когда то был поставлен памятник. Из поисков в архивѣ г.Вейнгартена были найдены документы,которые установили,что в 1799 г. в этом монастырѣ был открыт лазарет для раненых Суворовских чудо-богатырей; умершiе раненые были похоронены на кладбищѣ в Русском лѣсу.

В 1947 г. группой г.г. офицеров эмигрантов в г.Равенсбургѣ был создан комитет, под предсѣдательством подполковника Кесаря Карповича Македонова /члена Объединенiя кадет Суворовцев/. Этот комитет избрал мѣсто на вышеуказанном кладбищѣ,поставил временный крест и,осенью 47 г.,организовал торжественное его освященiе. На этом освященiи присутствовало большое количество офицеров из всей французской зоны Германiи,были возложены вѣнки, а по порученiю Объединенiя Суворовцев,член его, в.-фельдфебель II вып.Ген-майор В.В.Крейтер произнес соотвѣтствующую рѣчь.

В дальнѣйшем, русской эмиграцiей были собраны средства, а в 1948 г. был освящен уже и новый памятник.

В.К.

Примѣчанiе. Эта замѣтка,покойнаго нынѣ Владимира Владимировича Крейтера, перепечатана из "Памятки Суворовскаго Кадетскаго Корпуса 1899-1949"/стран.38./

--o-- А.Потапов.

В настоящее время у памятника закончены и дополнительныя работы по сооруженiю площадки вокруг него, ограды и лѣстницы для удобнаго подхода; кромѣ того высѣчен большой каменный крест для постановки на братской могилѣ. Объединенiе Суворовцев со своей стороны приняло участiе в сборѣ средств на всѣ эти работы и как сообщалось в освѣдомленiях - Объединенiя в Соединенных Штатах, Канадѣ, Францiи, Германiи и Бельгiи внесли свои взносы;/всего 106 дол./.

15-го сентября предположено совершить освященiе креста на братской могилѣ и всего вполнѣ законченнаго памятника,при участiи представителей разных организацiй. Представителем Объединенiй Суворовцев на этом торжествѣ будет Сергѣй Александрович Кашкин, который уже вошел в связь с исполнителями работ и предпринял всѣ необходимые шаги. Отчет обо всем, что будет происходить 15-IX и соотвѣтствующiе снимки предположено помѣстить в слѣдующем нашем сборникѣ.

-----o------ А.Потапов.

К VI вып. БАЖАНВ — так слѣдует быть в спискѣ вмѣсто БАЖАНОВ /случай с выстрѣлом сборн. №4/. Он был исключен, а потом держал выпускной экзамен в формѣ вольноопредѣляющагося сапернаго батальона, стоявшаго в Варшавѣ. /см.предыдущ.стр.Из дополненiй полученных позже./

КРАТКАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ПРОХОЖДЕНІЯ СЛУЖБЫ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА И ЕГО СВЕРСТНИКОВ Л.ГВ. ПО СЕМЕНОВСКОМУ ПОЛКУ ГРАФА ИВАНА ПЕТРОВИЧА САЛТЫКОВА И КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПРОЗОРОВСКАГО.

	Суворов	Салтыков	Прозоровскій
Родился	I730	I730	I732
Зачислен рядовым Л.Гв. в Семоновскій полк	I742	I74I	I742
СЕРЖАНТ	I75I	I750	I752
Произведен в офицеры	по арміи поручиком I754	по гвардіи подпоручиком I755	по арміи поручиком I754
БРИГАДИР	I768	I760	I764
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР	I770	I76I	I766
Орден Св.Георгія 3 степ.	I77I	-	I770
Орден Св.Александра Невскаго	I772	I766	I769
Орден Св.Георгія 2 степ.	I772	I774	I778
ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИК	I774	I766	I775
Шпага, украшенная брил.	I778	I774	I775
ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ	I786	I774	I782
Орден Св.АНДРЕЯ Первозваннаго	I787	I782	I790
Шпага, украшенная брил. /вторично/	I789	I790	-
Алмазы к ордену Св.Андрея Первозваннаго	I789	I790	-
Орден Св.Владимира I ст.	I789	I789	I795
Орден Св.Георгія I степ.	I789	-	-
Чин ПОДПОЛКОВНИКА	Л.Гв.Преображенскаго полка I790	Л.Гв.Коннаго полка I790	-
ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ	I794	I796	I807
ГЕНЕРАЛИССИМУС	I799	-	-

---o---

Составил В.И.Мѣщанинов. С разрѣшенія составителя, прислал Объединенію С.К.Намѣстник. Объединеніе приносит благодарность многоуважаемым Виктору Ивановичу и Сергѣю Константиновичу.

---ooo---

НАДО НЕ ЗАБЫТЬ ПОСЛАТЬ ПОТАПОВУ, ИЛИ ГЛАВАЦКОМУ, ИЛИ ВИТТЕ ВСЬ СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ У МЕНЯ ЕСТЬ, А ТАКЖЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ СУВОРОВЦАМ!

Примѣчаніе. Также как и в прошлом сборникѣ, я ставлю это примѣчаніе в концѣ, потому что непосредственно за этой страницей слѣдует приложеніе копій документов Суворовскаго Кадетскаго Корпуса, сохранившихся в музеѣ Анастасія Андреевича Вонсяцкаго.

-о-

Дорогого Анастасія Андреевича всѣ Суворовцы еще раз искренно благодарят за, сдѣланныя и пожертвованныя архиву-музею нашего Объединенія, фотографическія копіи документов Суворовскаго Кадетскаго Корпуса и желают здоровья, полнаго благополучія и успѣха в трудах по храненію и сбору памятников славнаго прошлаго Великой Россіи.

А.Потапов
предсѣдатель всѣх
Объединеній Суворовцев.

------о------

Примѣчаніе к стран. I-й. I2-й выпуск был послѣдній КОРПУСНОЙ выпуск, потому что I3-му выпуску были выданы аттестаты за окончаніе СУВОРОВСКОЙ ГИМНАЗІИ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА. Такой аттестат Иліодора МОСКВИНА был в нашем архивѣ, который остался в музеѣ I Русскаго Корпуса в Югославіи. Музей же вывезен не был.

Прошу кадет I3-го выпуска - если у кого нибудь сохранился такой аттестат - дать мнѣ копію для помѣщенія в сборникѣ, принимая во вниманіе сроки, указанные на страницѣ 37.

А.Потапов.

И З Д А Н І Е О Б ъ Е Д И Н Е Н І Я Б.К А Д Е Т

С У В О Р О В С К А Г О К А Д Е Т С К А Г О К О Р П У С А.

/На правах рукописи./

ОБЛОЖКА СБОРНИКА РАБОТЫ ХУДОЖНИКА СУВОРОВЦА Л.П.ЛИНЕВИЧА.

О К Т Я Б Р Ь I 9 5 7 г.

Согласен

Въ б. королевскомъ Замкѣ въ Варшавѣ хранится складной холщевой иконостасъ.

По свидѣтельству Фельдмаршала Паскевича, воспроизведенному въ 1853 году "Въ церковно-историческомъ и статистическомъ описаніи Варшавской православной епархіи", этотъ иконостасъ еще въ исходѣ минувшаго столѣтія находился въ дѣйствовавшей въ то время русской арміи, вступившей въ Варшаву въ 1794 году подъ предводительствомъ Генералиссимуса Суворова, который, устроивъ тогда же церковь арміи въ Варшавѣ, поставилъ въ ней этотъ иконостасъ, самъ часто посѣщалъ эту церковь, молился въ ней, читалъ и пѣлъ на клиросѣ.

Въ виду существующаго предположенія присвоить Варшавскому кадетскому корпусу наименованіе "Суворовскаго", испрашиваю ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволеніе на передачу означеннаго иконостаса въ собственность церкви этого корпуса.

Генералъ-Адъютантъ Князь Имеретинскій

22 Марта 1900.
г. Петербургъ.

Директору Суворовскаго кадетскаго корпуса.

Посылаю въ даръ Суворовцамъ бронзовый бюстъ великаго Суворова, исполненный въ 1801 году Гишаромъ.

Я увѣренъ, что Суворовскіе кадеты никогда не забудутъ какое славное имя они носятъ и что всегда будутъ почерпать уроки доблести въ дѣяніяхъ дивнаго выразителя русской силы и русской славы.

Константинъ

Петербургъ. 2 декабря 1901 г.

Его Превосходительству
Степану Ниловичу
Лаврову.
Господину Директору Суворовскаго кадетскаго корпуса.
Варшава.

СБОРНИК 10

Суворовцы

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ
1858 - 1958

СУВОРОВЦЫ, КАК И ВСѢ КАДЕТЫ КОРПУСОВ
ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІИ И ЗАРУБЕЖНЫХ,
ДО КОНЦА ДНЕЙ СВОИХ ХРАНЯТ В СЕРДЦАХ
СВѢТЛЫЙ И НЕЗАБВЕННЫЙ ОБРАЗ
НАШЕГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.

ЕЯ ВЫСОЧЕСТВО
КНЯЖНА
ВѢРА КОНСТАНТИНОВНА

ПОЧЕТНАЯ
ПРЕДСѢДАТЕЛЬНИЦА
ОБъЕДИНЕНІЙ
СУВОРОВЦЕВ.

20-го января 1958 г.

РОДНЫЕ СУВОРОВЦЫ И СУВОРОЧКИ, ДОРОГОЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

ОТ ДУШИ БЛАГОДАРЮ ВАС ЗА ПОЗДРАВЛЕНІЕ И ВЗАИМНО ЖЕЛАЮ ВСЕГО САМАГО ЛУЧШАГО И УСПѢШНАГО НА МНОГІЯ ЛѢТА. ВСЕГДА С УДОВОЛЬСТВІЕМ ВСПОМИНАЮ НАШИ СУВОРОВСКІЯ ВСТРѢЧИ И РАДУЮСЬ ВАШЕЙ СПЛОЧЕННОСТИ, ДРУЖБѢ, ЧУВСТВУ ЛОКТЯ И СТРЕМЕНИ. БОГ ВСѢМ НА ПОМОЩЬ.

ВАША ПОЧЕТНАЯ СУВОРОЧКА
ВѢРА.

Борис
Яковлевич
ДОБРОВОЛЬСКІЙ

Николай
Григорьевич
КАЛАГЕОРГИ

Александр
Константинович
МЕРЦЕДИН

Роман
Михайлович
СУДАКОВ

Члены Объединенія - Суворовцы 3-го выпуска в память 50-ти лѣтія окончанія корпуса.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ.

В этом году исполняется 100 лѣт со дня рожденія Великаго Князя Константина Константиновича. Про себя Великій Князь сказал, что Он "баловень судьбы," которая наградила Его с рожденія богатством и знатностью. Но кромѣ этих даров, Великому Князю были даны: чуткая душа и большое сердце. Все духовное богатство Великаго Князя видно в Его стихотвореніях. От них вѣет неотразимой прелестью, сердечностью, душевностью и каким то необъяснимым очарованіем. И каждое слово находит прямой путь к сердцу читателя. Став во главѣ Военно-Учебных заведеній, Великій Князь вложил в дѣло воспитанія и обученія военной молодежи всѣ свои силы, широкій и ясный ум, большой житейскій опыт и исключительныя способности. В одном из стихотвореній, посвященных кадету, Великій Князь сказал:

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой;
Ты не один - орлиная вас стая!

-о-

Настанет день и крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой,-
Завидна смерть за честь родного края!

-о-

Но подвиги и славныя дѣла
Свершать лишь тѣм, в ком доблесть расцвѣла;
Ей нужны труд, и знанья, и усилья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.
Пускай твои растут и крѣпнут крылья!

А другое стихотвореніе Великій Князь закончил так:

Все благородное: отвага, доблесть, долг,
Лихая удаль, честь, любовь к отчизнѣ славной,
К Великому Царю и вѣрѣ Православной,
В едином словѣ том сливается - наш полк!

Вот как Великій Князь понимал какой должна быть военная молодежь. И для достиженія этого Великій Князь приложил всѣ свои силы. Кадетскіе корпуса Он приблизил к арміи. Мы участвовали во всѣх торжествах, церковных парадах наравнѣ с войсками. Надо было видѣть нашу гордость при видѣ нашего знамени, стоявшаго рядом с боевыми знаменами полков. Старѣйшим корпусам вернули их прежнія отличія. Молодым - Великій Князь старался лично вручить Высочайше пожалованное знамя, знал какое громадное воспитательное значеніе имѣет эта Святыня.

Чье сердце за твои лоскутья не готово,
Всѣ блага позабыть и жизнь отдать свою!

Так выразил это Великій Князь.

Нас воспитывали так, чтобы мы "горѣли святым огнем" любви к Царю, Россіи и Арміи. Ни одно крупное историческое событіе из великаго прошлаго Россіи, ни одно славное и геройское дѣло из прошлаго арміи - не оставались неотмѣченными. Мы очень серьезно и подробно изучали исторію и географію Россіи. Нам неустанно внушали безграничную любовь к Царю. Воспитывали нас в духѣ истиннаго христіанина. Какое громадное значеніе имѣет прошлое на воспитаніе молодежи, Великій Князь указал в письмѣ, присланном директору корпуса, вмѣстѣ с бюстом Суворова, подарком Великаго Князя:

"Я увѣрен, что Суворовскіе кадеты никогда не забудут какое славное имя они носят и что всегда будут почерпать уроки доблести в дѣяніях дивнаго выразителя русской силы и русской славы."

Но для этого надо имѣть знанія, надо трудиться - писал Великій Князь. И знаній нам дали много. А для их пріобрѣтенія нам пришлось не мало потрудиться и не мало приложить усилій. В учебном отношеніи кадетскіе корпуса были подняты Великим Князем на большую высоту. Мы не уступали гражданским средне-учебным заведеніям, а во многом и превосходили. Постановка учебнаго дѣла непрерывно улучшалась. Вводились новые предметы. По другим программа измѣнялась, сообразуясь с требованіми жизни. Много вниманія удѣлялось практическим занятіям. Непрерывно улучшался состав преподавателей. Какую бы сторону жизни корпуса ни взять - вездѣ видна была умѣлая рука Великаго Князя. Надо прочесть письма Великаго Князя, которыя Он писал своей Сестрѣ - Королевѣ Эллинов, чтобы увидѣть, как внимательно слѣдил Он за жизнью каждаго корпуса. И при своих посѣщеніях, Он входил во всѣ подробности, улучшая то - что по Его мнѣнію хромало и дѣлая хорошее еще лучшим.

И первые выпуски Его питомцев дали знающих офицеров, именно горѣвших любовью к Царю, Родинѣ и Арміи. В Высочайшем манифестѣ, изданном по случаю смерти Великаго Князя, говорилось: "Великій Князь ..... положил много труда и забот по высшему руководству дѣлом военнаго образованія юношества, давшаго столь доблестный состав офицеров, геройскіе подвиги коих в настоящую войну навсегда запечатлѣются в исторіи русской арміи".

Став во главѣ воспитанія военной молодежи, Великій Князь сдѣлал ее своей второй семьей и отдал ей любовь своего большого сердца. Если только теперь мы вполнѣ оцѣнили Великаго Князя, положившаго много труда и забот в этом дѣлѣ, то Его любовь к нам мы видѣли и чувствовали тогда. Наши сердца были завоеваны Великим Князем навсегда; и в сердцѣ каждаго из нас, кто только один раз увидѣл Великаго Князя, до конца дней сохранился Его свѣтлый образ.

Я видѣл Великаго Князя нѣсколько раз. Суворовцы были болѣе счастливы, чѣм другіе корпуса. Кромѣ обычных посѣщеній корпуса, когда Великій Князь проводил среди нас нѣсколько дней - Он часто ѣздил лечиться за границу и, проѣзжая через Варшаву, никогда нас не забывал. Я не ошибусь, если скажу, что иной раз мы видѣли Великаго Князя два-три раза в году. В первый раз я увидѣл Великаго Князя, когда был во 2-м классѣ /в концѣ 1910 или началѣ 1911 года/. Пріѣхал Великій Князь в корпус поздно вечером, когда мы были уже в кроватях. Заснуть мы, конечно, не могли. Всѣ были в возбужденном состояніи. Ждали, что Великій Князь зайдет в спальню. И не ошиблись. Великій Князь, в сопровожденіи небольшой свиты, вошел к нам, медленно прошел до конца спальни, внимательно осматривая нас, и также медленно вернулся. От радости и волненія мы притихли. В спальнѣ был ночной свѣт, полу-мрак, и мы тогда хорошо разсмотрѣть Великаго Князя не могли. Зато насмотрѣлись мы на Него на другой день.

Помню гимнастическое утро в присутствіи Великаго Князя. Я был тогда, вѣроятно, в 4-м классѣ /конец 1912 или начало 1913 года/. Сначала были под музыку вольныя движенія, а потом работа на снарядах. Было показано много ловкости и умѣнія и Великій Князь остался очень доволен.

Вспоминаю встрѣчу Великаго Князя в бѣлом залѣ. Корпус был выстроен буквой П. Парадная форма. Знамя. Музыка. Возбужденно суетилось начальство, выравнивая и без того идеально выравненныя роты и поправляя на нас пояса и фуражки. Еще больше, конечно, были возбуждены мы. Наконец раздались команды. Все замерло. И под звуки встрѣчнаго марша корпуса - "Гром побѣды раздавайся" - в зал вошел Великій Князь. Когда стихли звуки оркестра, мы услышали гортанный, ласковый и такой знакомый нам уже голос Великаго Князя:

"Здорово Суворовцы!"

И сразу, послѣ нашего дружнаго отвѣта, вспыхнуло "ура". Суворовцы привѣтствовали любимаго Великаго Князя.

Я был тогда в 5-м классѣ /конец 1913 или начало 1914 года/. В этот же пріѣзд Великій Князь зашел к нам во 2-ю роту. Сѣл в залѣ на первую

скамейку. Мы толпой окружили Его. Начал нас распрашивать, живо интересуясь подробностями нашей жизни. И вдруг спросил: "а кто у вас первый ученик?" "Я" - ответил Моцарский. "Ну, а кто послѣдній?" Вышел Смирнов. Моцарскій был самый высокій, а Смирнов послѣдній на лѣвом флангѣ. Великій Князь внимательно посмотрѣл на обоих и, смѣясь, сказал: "значит успѣхи зависят от роста!" Смутно вспоминаю, что как то Великій Князь зашел к нам в отдѣленіе на урок. Но когда это было и на какой урок - не помню; к сожалѣнію, память сохранила только то, чѣм я выше дѣлюсь.

От Великаго Князя исходило царственное обаяніе. А вмѣстѣ с этим и обаяніе человѣка. Во взглядѣ умных и ласковых глаз, в каждом жестѣ, в чарующей улыбкѣ и в каждом словѣ - мы видѣли и чувствовали большую и искреннюю любовь Великаго Князя к нам. И надо было видѣть каким восторгом горѣли наши лица, с какой любовью были устремлены на Великаго Князя наши глаза, чтобы понять, что и мы искренне и горячо любили Великаго Князя.

Теперь, когда я пишу об этих дорогих для меня воспоминаніях, теплая волна охватывает меня. Мысль уносит меня в далекое прошлое и я вновь вижу наши юношескія лица с восторгом и любовью смотрѣвшія на нашего любимаго Великаго Князя.

Любимаго, потому что мы Его искренне любили и Нашего, потому что мы были Е г о, а Он был Н А Ш.

Калифорнія 1958 г. С.В.НИТЦ /XI выпуска./

С разрѣшенія Ея Высочества Княжны Вѣры Константиновны, печатаю выдержку из "ОТРЫВКИ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНІЙ," как дорогое сердцам кадетским потвержденіе, что значило для них Н А Ш ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

ОТРЫВКИ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНІЙ. /"Военная Быль"№19 іюль 1956 г./ /Слово Ея Высочества 24-II-1956./

В 1900 г., по Высочайшему повелѣнію, на отца было возложено ответственнѣйшее дѣло воспитанія военной молодежи. Всѣм в достаточной степени извѣстно, какой это был счастливый выбор, и на какую высоту мой отец поднял кадетскіе корпуса и военныя училища. Всѣ знают, как искренне любил он своих питомцев, как близко входил он в их нужды, интересы, в их личную жизнь, в их радости и горести. Он обладал замѣчательной памятью на лица, фамиліи и даже прозвища, которыя, иногда, давал он сам. Он знал и помнил множество кадет и юнкеров. Можно было бы составить цѣлый том кадетских разсказов о моем отцѣ, и как бы хотѣлось мнѣ это сдѣлать, к недалекому столѣтію со дня его рожденія, приходящагося на 1958 год.

Кадеты и юнкера обожали своего Шефа. Маленькой иллюстраціей их любви и довѣрія к нему, может послужить слѣдующій случай. Один кадет, по фамиліи Середа, за "тихіе успѣхи и за громкое поведеніе," был исключен из двух корпусов: Полтавскаго и Воронежскаго. Тогда он рѣшил обратиться за помощью к моему отцу. Он отправился в Павловск. Швейцар его не допустил. Тогда, не долго думая, он обошел парк, влѣз на дерево, чтобы произвести развѣдку. Увидѣв, что мой отец находится в своем кабинетѣ, он туда вошел. Услышав шорох, отец поднял голову и, сразу же узнав мальчика, спросил:

- Середа, что ты тут дѣлаешь?

Середа, сильно заикаясь, ответил:

- ВВаше ИИИмператорское ВВВысочество - выперли.

-Так, - сказал отец, - что же ты теперь думаешь дѣлать?

На это, Середа, не задумываясь, воскликнул:

- ВВаше ИИмператорское ВВВысочество, дддумайте ВВВы!

Отец мой "подумал" и шалун был назначен в Одесскій корпус,который он окончил, выйдя в кавалерію. В I-ю міровую войну он отличился, заслужил Георгіевскій крест и пал смертью храбрых.

---o---

ВОСПОМИНАНІЕ О ПОСѢЩЕНІИ КОРПУСА ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ КОНСТАНТИНОМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ.

В I909-I0 учебном году, Великій Князь Константин Константинович посѣтил наш корпус. Насколько помню это было в ноябрѣ I909 года, так как было холодно и форма одежды была уже зимняя.

Великій Князь прибыл в корпус вечером. Для встрѣчи всѣ четыре роты были построены шпалерами вдоль лѣстницы, от вестибюля до бѣлаго зала. За бѣлым залом были приготовлены комнаты для Великаго Князя и свиты. Никакого особеннаго парада не было и были мы в гимнастерках.

Помню я стоял на поворотѣ лѣстницы, между учительской и церковью. Слышим, распахивается входная дверь и директор, генерал-лейтенант Ваулин, подходит с рапортом. Послѣ представленія начальствующих лиц, Великій Князь начал медленно подниматься по лѣстницѣ, здороваясь с нами и задавая вопросы многим кадетам. Около меня, Великій Князь обратил вниманіе на Гофмана,нашего"майора",обладавшаго усами,на много переросшими возраст кадета 5-го класса,и задал и ему ряд вопросов.

На слѣдующій день, утром, Великій Князь обходил классы и оставался на нѣкоторых уроках.

Во время завтрака, Великій Князь присутствовал в столовой, гдѣ Ему представлялись нѣкоторыя должностныя лица города; в том числѣ и доктор Юргенс, директор дома глухонѣмых; этот доктор лечил кадет от болѣзней уха, горла и носа.

Когда представленія были закончены, Великій Князь не пожелал завтракать за особым столом, накрытым для Него против иконы, но прошел по столовой и сѣл за правофланговый - первый стол первой роты, куда Ему немедленно подали прибор.

Я сидѣл напротив - за первым столом 2-й роты - и от нас было хорошо видно, как Великій Князь оживленно разговаривал со своими сосѣдями. Когда завтрак подходил к концу, видим мы, как поднимается Великій Князь и /покойный нынѣ/ Володя Горскій, самый высокій человѣк корпуса, и становятся спиной друг к другу, чтобы помѣриться кто выше. Сосѣди по столу принимают самое дѣятельное участіе. Оказалось, что Горскій чуть выше Великаго Князя.

Вечером Великій Князь обходил роты, бесѣдуя с кадетами.

Весь слѣдующій день Великій Князь пробыл Л.Гв. в 3-й Артиллерійской бригадѣ.

На третій день своего пребыванія, Великій Князь вновь обходил классы, интересуясь нашими успѣхами. Вечером Он отбыл в Петербург. Для проводов мы были так же построены, как и для встрѣчи. Великій Князь, медленно спускаясь по лѣстницѣ, прощался с нами и желал нам успѣхов.

Когда Великій Князь вышел садиться в экипаж, то строй был нарушен и всѣ с криком "ура" ринулись к главному входу; но дальше нам не пришлось проводить Великаго Князя, так как были поставлены "загражденія", в составѣ начальствующих лиц. Многіе потом бросились в комнаты, которыя занимал Великій Князь - поискать что еще осталось на память.

Между прочим нашли рисунок проэкта новаго погона - с вензелем Суворова,воспроизведенный П.Р.Липранди. Образец Великій Князь увез с собой для утвержденія в Петербург,но утвержденію,к большому нашему огорченію, не суждено было состояться.

Уѣзжая Великій Князь подарил нам три дня отпуска.

Я.Ф.СУББОТИН /УII выпуска./

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ.

10 августа ст.ст. 1858 года, в семьѣ брата Царя-Освободителя, Великаго Князя Константина Николаевича и его супруги Великой Княгини Александры Іосифовны, родился сын, нарѣченный в честь Отца Константином.

Великій Князь Константин Николаевич был ближайшим сотрудником и единомышленником Царя-Освободителя, с первых и до послѣдних дней Его. Послѣ мученической смерти Императора Александра II, Великій Князь Константин Николаевич удалился в Крым.

Вліяніе Отца, конечно сказалось и на Сынѣ, облик котораго извѣстен нам своим высоким благородством, честностью, глубочайшей интеллигентностью - всѣ лучшія свойства и качества ума и души, доступныя человѣку, скопились в личности сына.

Пройдя этапы военной и морской службы, необходимые для члена Императорскаго Дома, в 1900 году, Великій Князь Константин Константинович получает назначеніе на пост Главнаго Начальника Военно-учебных заведеній и с тѣх пор имя его неразрывно связалось с русским юношеством, с военной молодежью, которая, под его руководством, готовилась стать офицерами.

Кадетскіе корпуса, созданы XIX вѣка, были учебными заведеніями с суровой воинской дисциплиной и слабой постановкой учебнаго дѣла. При гр.Милютинѣ и Ростовцевѣ черезчур рѣзкій поворот в другую сторону - вмѣсто корпусов военныя гимназіи, отталкиваніе от военной подготовки, от военной сущности, военной романтики. Правда, уже в началѣ царствованія Императора Александра III, гимназіи снова переименовываются в корпуса, но постановка в них учебнаго дѣла оставляла желать лучшаго.

С 1900 года начинается совершенно другой період в жизни корпусов; они перерождаются и становятся постепенно лучшими средне-учебными заведеніями в Имперіи. С одной стороны - возвращеніе к старой военной романтикѣ, корпусныя знамена, винтовки в строевой ротѣ, подчеркиваніе военнаго характера этих учебных заведеній; с другой - прекрасная постановка учебнаго дѣла, постепенное расширеніе программ, воспитаніе дѣтей на совершенно новых началах и в связи с этим особо тщательный и умѣлый подбор главных сотрудников - директоров корпусов.

Главная основа воспитательной дѣятельности Великаго Князя, доселѣ нигдѣ невиданная и неиспытанная - это любовь, ласка, довѣріе к воспитанникам, индивидуальный подход - один к маленьким, совершенно другой к старшим. Полное отсутствіе всякаго формализма, недопустимаго в дѣлѣ воспитанія молодежи, желаніе всегда придти на помощь и кадету, и его родителям, простое, от души искреннее, обаятельное отношеніе ко всѣм, начиная с десятилѣтняго малыша - все это дѣлало облик НАШЕГО Князя в глазах всѣх, кто хоть однажды имѣл честь и радость с ним общаться, недосягаемо высоким, излучающим от себя какія то особыя искры непостижимаго благородства, высшей порядочности и любви. Вспомним, мы всегда, в присутствіи Великаго Князя, сами чувствовали, что мы стали как то лучше, чище, нравственно выше, старались инстиктивно быть достойными его близости и высокаго к нам довѣрія. Мы чувствовали всѣм своим существом, что в обращеніи с нами Великаго Князя не было ничего неискреннаго, Он не спускался к нам со своей высоты, нѣт, Он искренно, со своей открытой, чистой душой входил в нашу среду, так естественно и искренно интересовался нашей жизнью, нашими радостями и нашими неудачами. Вот эта простота и искренность НАШЕГО Великаго Князя и влекла к себѣ неудержимо молодыя сердца, сразу чувствовавшія всю сердечность и любовь, носителем которых Он был.

И не только кадеты, дѣти одной военной среды, но и юнкера, часто собранные из различных гражданских учебных заведеній, принадлежавшіе к различным слоям общества, впервые увидѣвшіе Великаго Князя уже в зрѣ-

лом возрастѣ, сразу подпадали под его неотвратимое обаяніе и обожали Его не менѣе кадет.

И в преддверіи столѣтней годовщины со дня рожденія этого Великаго Человѣка, мнѣ становится грустно, потому что Россіи не пришлось использовать полностью все богатство души Великаго Князя. Сколько пользы мог бы Он принести на болѣе широком поприщѣ - руководителя воспитанія всей русской молодежи; его обаяніе, высшій такт побѣдил бы все то злое, что было в наших гражданских учебных заведеніях.

Я ни слова не говорю о Великом Князѣ, как о великом поэтѣ. Пусть за меня говорят другіе.

Года полтора тому назад полковник Сергіевскій издал сборник избранных стихотвореній К.Р. Но необходимо болѣе запечатлѣть для будущаго благороднѣйшій, высокій, непостижимо чистый облик Царственнаго поэта и воспитателя молодежи, НАШЕГО Великаго Князя. И кадеты должны издать на память будущей Россіи Его подробное жизнеописаніе и полное собраніе сочиненій.

Он вкладывал свои лучшія качаства души для нашего воспитанія,- пусть описаніе Его жизни и Его творчества будут воспитывать будущія поколѣнія.

Аргентина 1958 г. А.В.КРИШТАНОВСКІЙ /IУ выпуска./

О ЧЕМ РАЗСКАЗЫВАЕТ СТАРЫЙ ЛѢС.

...Быть может,кто нибудь...
....Одинокой мечтой сюда приведенный
Знать пожелает о том,что случилось..
...И славны их дѣла
Потомкам возвѣщать...
Жуковскій.

I.

В странѣ далекой, гдѣ высоко на горах снѣга бѣлѣе цвѣтет эдэльвайс, гдѣ луга сочной травой зеленѣют, средь озер глубокодонных, громкоструйных ручьев - вырос лѣс... Дремучій, вѣковых деревьев. Не мало видѣл старый лѣс . Знает и хранит не одно преданіе... Порой чуть шелестя вѣтвями он манит к севѣ ,послушать о том ,что было когда-то.

Давно , на крутом обрывѣ холма, над широкой долиной, гдѣ голубыми извилинами катил свои воды ручей, построили люди Божій Храм сверкающей бѣлизны.Около него сложили обитель с крѣпкими сводами в широких стѣнах и поселились там.

Ночь еще своим покровом окутывала землю ,туман застилал низины,звѣзды еще мерцали на темном небосводѣ, когда колокол храма в дремлющем разсвѣтѣ призывал к молитвѣ. Едва утро ,явившись легким вѣтерком разбудит природу, с высокой башни тот же колокол зовет к труду. В неизмѣнном величіи, медленно проходя по небу ,солнце задержится в зенитѣ, - звон колокола громче и шире раздается над цвѣтущими полями, напоминая , что пора подкрѣпить себя духовно ,а силы свои пищей. Вѣя прохладой,незамѣтно приблизится вечер , -розовый отблеск заката на мѣдном колоколѣ озарит звонницу и летит в простор благовѣстный звон, возвѣщая об уходящем днѣ..., законченом трудѣ, о наступающем мирном отдыхѣ...

Всегда, в одно и тоже время, колокол оглашая звоном окрестность, привлекал к себе сердца людей, работающих на зеленых склонах холмов. Там ухаживали они за виноградом.

На юг , поодаль от Бѣлаго Храма, на горѣ поросшей деревьями, в замкѣ своем , жил властелин той земли. Пятнадцать башен возвышались над стѣнами окружавшими его славный город Равенсбург, издревле расположившійся при большой дорогѣ , из многих чужих стран , к далеким степям востока. Купцы со своими товарами и челядью,пилигримы к Святым мѣстам, знать и простой люд, пѣшіе и конные,всѣ проходили через город и отдохнувши в нем, продолжали свой путь дальше. Равенсбург богатѣл, а властелин его был самым могущественным в странѣ Швабов.

Но тѣсно стало горожанам за стѣнами с пятнадцатью башнями и их потянуло в широкую долину, ближе к Бѣлому Храму. За право поселиться там властелин обязал их ухаживать за его виноградным садом, простиравшимся от замка к долинѣ. К концу каждаго лѣта они относили в замок корзины наполненные крупными гроздьями винограда , из котораго умѣлые мастера приготовляли вино.

Шли годы...В награду за труд виноградарям ,живущим в долинѣ, поселок их получил права города, они, -права горожан, а сам город названіе- - Вайнгартен.

-o-

Стояла пора холодных вѣтров. Низко нависшіе сизыя тучи роняли мокрыя хлопья перваго снѣга. Потерявшіе листву кусты и деревья почернѣли от влаги.Разъѣзженныя, покрытыя лужами, дороги опустѣли. Все живое спѣшило укрыться от осенняго ненастья в сухом и теплом убѣжище.

Вечерело. Из темнѣющей дали большой дороги, на поворотѣ к Равенсбургу появились люди.Их было много,очень много...

Они не были похожи на обычных путников, испокон вѣков проходивших эти мѣста с запада на востск и с сѣвера на юг. Их одежда, грязная от лежанія на сырой землѣ, прожженная огнем костров, при которых они сушили ее,

обогрѣваясь сами, порванная на скалистых кручах их долгаго тягостнаго пути, была одинаковаго цвѣта и покроя. У многих на тѣлѣ были повязки, пропитанныя кровью. Большинство из них, обезсиленные страданіем,ѣхали на устланных соломой повозках. Остальные, кто поддерживая друг друга, кто держась за повозку, брели усталым шагом.

Настороженно смотрѣли жители Равенсбурга на проходивших по улицам их города, дотолѣ им невѣдомых, людей..С опаской вглядывались они в изнуренныя,сѣрыя лица, впалыя щеки, в глаза их горящіе жаром... Смущало горожан и то, что пришельцев было так много. Но прибывшіе, не задерживаясь,шли дальше и дальше. Выйдя из города,они свернули на дорогу в Вайнгартен,направляясь к Бѣлому Храму. Розовый отблеск заката не озарял звонницу... Сыпля снѣг,ниже нависли темныя,сизыя тучи... Длинной чередой медленно подвигались пришельцы по широкому всходу к Бѣлому Храму,стремясь в стѣнах его обители найти сухое и теплое убѣжище. Им навстрѣчу,замирая в сумерках,вѣствовал колокол об уходящем днѣ,законченном трудѣ, о наступающем отдыхѣ...

-o-

Всю ночь бушевал холодный вѣтер, бился о стѣны обители, рвался в плотно закрытыя окна... Утихал, прислушиваясь... Неожиданно чѣм то вспугнутый, отлетал порывами, унося с собой стон. Всю ночь метались во мглѣ гонимыя вихрем хлопья снѣга, покрывая бѣлым саваном деревья,крыши, дороги.

-o-

К разсвѣту непогода утихла. Раньше обычнаго в это утро проснулись Вайнгартен и Равенсбург. Дивились горожане выпавшему за ночь глубокому снѣгу. Привлекал их вниманіе скакавшій порой с озабоченным видом вооруженный всадник.

Во всѣ дома проникла вѣсть о том,что там, гдѣ кончается страна мирных швабов, в городѣ Линдау, стали станом тысячи полуобутых, оборванных, томимых голодом, изнемогавших от усталости, но в блескѣ побѣды,в сіяніи славы героическех подвигов, тысячи, тысячи чудо-богатырей!

Через сосѣднюю страну, недоступных человѣку оледенѣлых горных громад, по непроходимым ущельям,над бездонными пропастями,сквозь туманы и стужу,их привел - Старец сѣдой и хилый тѣлом, мощный духом исполин.

Доблестныя дѣла свершили они по ту сторону оставленных ими гор,под лазоревым небом южнаго,нѣкогда славнаго,царства. Придя туда из широкоравнинной страны своей в помощь слабым, в защиту их крова и обычаев предков,водимые всегда побѣждавшим старцем - их полководцем,они в жарких битвах грудью опрокинули и уничтожили врага. Большой кровью своей и вражьей обагрили они поля сраженій, многих своих соратников оставили они навѣки лежать в землѣ яркаго солнца итальянскаго края.

Завершив свое милостивое дѣло, дав радость угнетенным,провожаемые повсюду ликованіем,в громких пѣснях благодарности,их славящаго народа, чудо-войско,возвращаясь в свою страну,стан свой утвердило,на берегу швабскаго моря, для роздыха. Но борьба,с суровой чуждой им природой гор, у многих богатырей похитила их силу для дальнѣйшаго пути через земли баваров и саксов. Простившись с любимым вождем, разстались они с товарищами славных побѣд и геройскаго похода, прошли через Равенсбург и войдя в обитель Бѣлаго Храма - остались там.

-o-

Миновала одна только ночь. Вѣтер затих и, еще кружась,нес с собой снѣжинки. В дремлющій разсвѣт ударил колокол, зовя к молитвѣ, но на этот раз отзвучал протяжнѣе, улетая к горним предѣлам... Солнце взошло. Не ярким свѣтом разстелился день. А в обители Бѣлаго Храма,среди вчера пришедших, смиренно и тихо читались молитвы над смѣжившими вѣжды сном безпробудным.

День ушел и еще дни ушли. Недѣля смѣнялась недѣлей. Все меньше и меньше оставалось в обители страждущих ратников. Все чаще с высокой башни Бѣлаго Храма раздавался погребальный звон...

-o-

О, вы! Сыны далекой Родины! Кто, сколькими слезами оплачет гибель вашу?! Неожиданностью, для живущих в обители, было ваше появленіе. Неожиданностью стало для них число вашей смерти. Озабоченно размышляли они о том, гдѣ сокрыть землей прах ваш...

Лѣс... Лѣс; далеко раскинувшійся по склонам горы, к сѣверу от обители, вѣчно зеленый, вѣтром шумящій... Там уготовить мѣсто для братских могил... было рѣшеніем их.

-о-

Наступила снѣжная зима. Не ты ли русская?! В парчевом сарафанѣ, придя сюда, здѣсь на лѣсной полянѣ, над могильными холмами витязей, разсыпала ты сверкающіе алмазы обильнаго снѣга? Не ты ли пришла сюда первая почтить их доблесть?! Не твои ли вьюги - плач и стенанья о взятых жестокой смертью?!

-о-

Смѣнялся вѣк, уводя с собой чудо-богатырей, в побѣдоносных лаврах путь жизни свой завершивших.

С ними ушел и вождь их, славу их возвышавшій.

-о-

С исходом одного началом другого прошлых вѣков, новая весна, дав свободу водам, вдохнула жизнь дремлющим в похитях злакам, покрыла цвѣтными коврами луга, обдарила лѣс свѣжей зеленью, лучами своего солнца обласкала все живущее...

Повседневный труд, очередныя людскія заботы, воскресный досуг с его утѣхами, заполняли время граждан Вайнгартена и Равенсбурга. Все рѣже говорили они между собой о воинах, пришедших из за гор, вѣчно покрытых снѣгом... Все рѣже вспоминали о погребенных в лѣсу за обителью Бѣлаго Храма.

Солнце не раз повторяло свой круг лѣта.

В старом лѣсу, молодая поросль все ближе и ближе подступала к холмам братских могил, закрывая их своей густой зеленью от остального міра. Кругом же, строем стояли сосны-великаны, безсмѣнной стражей, охраняя мѣсто вѣчнаго упокоенія. Неслышной поступью проходило время.

-о-

Но... вот, лѣсная тишина нарушена звуком скрипа колес, ржаніем коней, людскими голосами. У могил витязей появились люди. По указу Царя могучей Россійской Державы, они привезли с собой краснаго гранита большой плоскій камень с высѣченными на нем - крестом и надписью.

Порфироноснаго повелѣніем он установлен был среди могил, поколѣніям во свидѣтельство о том, что сыны Его народа тут на чужбинѣ с жизнью своею разстались, а на Родину вернулась их слава.

-о-

Все шире и шире разрастался город Вайнгартен. В лѣсу за обителью, протаптывались все новыя тропинки. Все чаще проходили люди мимо холмов-могил. Взоры их обращал на себя большой, краснаго гранита, широкій камень, в тѣх мѣстах невиданный.

Побуждаемый тщеславіем, один из жителей сосѣдняго селенія предложил магистрату Вейнгартена уступить ему его за деньги... И в сердцѣ человѣчьем жадность взяла верх над любовью к благородству. Получив три гульдена, ему позволили увезти краснаго гранита, широкій, гладкій камень... Расколов его на части, им украсил он двор своего жилища.

---о---

II.

...Мы там найдем их
Славный прах...
Жуковскій.

Сто лѣт прошло и еще пол ста.

Неслыханная, во всѣ времена народов, война омрачила лицо земли лютѣйшими бѣдами без числа. Неслыханная по своей безжалостности, продуман-

наго уничтоженія созданнаго природой и человѣком. В воздухѣ, на сушѣ, на морях и под водой.Неслыханная и потому что враги убивали один другого даже не видя противника. Народы очутились во времени когда правды не стало в словах, а чести в поступках. Когда одни всѣми побужденіями своими стремились к чему-то, называя то счастьем от чего иные бѣжали как от проклятія.

- о -

И снова начали прибывать в Равенсбург люди, на этот раз, по разным дорогам, из многих чужих стран. В железнодорожных поѣздах, с чемоданами в руках, пѣшком, таща за собой ручной возок с наскоро из дома взятым самым необходимым и, просто,с ранцем за плечами. Они говорили на разных языках, не понимали друг-друга. Молодые и старики,мужчины, женщины и дѣти,семьями и в одиночку, они лишенные благополучія и крова, толпами стекались сюда из разрушенных городов и селеній на восток и запад, на юг и сѣвер от Равенсбурга.

Город пятнадцати башен, в тихой долинѣ расцвѣтал нарядным апрѣлем. Его тысячилѣтней древности не коснулись ужасы грозной войны. А с ним, и Вайнгартена с его Храмом сверкающей бѣлизны, на крутом обрывѣ холма.

По прежнему, всегда в одно и тоже время колокол,оглашая звоном окрестность привлекал к себе усталыя сердца людей, напоминая им о Вѣчном, Святом...

- о -

Оставив послѣ себя вражду между народами и в самих народах, война кончилась. Многіе возвращались на свои пепелища в родных странах...Многіе-же рѣшили в странах далеко на запад,одни построить новую жизнь,- другіе прожить остаток ея. Но что-бы уѣхать за море нужны были сроки, и время, в медлительности своей, проходило для них тягостно.

- о -

Мало кто из жителей Вайнгартена обращал вниманіе на прибывшаго и поселившагося там сѣдого человѣка с его другом-женой. Испытанный в войнах, вѣрный сын Великой Родины он не раз на дѣлѣ и словом защищал честь Ея. Высокій, крѣпкій тѣлом, не по лѣтам серебряной сѣдины, лицом румян, он прожил годы свои пылким юношей, нравом оставаясь скромен.
И было ему имя - Виталій.
Томительно для него проходили дни в бездѣйствіи ожиданія...В далеких прогулках по окрестностям коротал он свой вынужденный досуг. Особенно манил его лѣс...вѣчно зеленый, вѣтром шумящій,о дѣтствѣ ему напоминающій... Однажды проходя по лѣсной дорогѣ,на одном из поворотов ея он неожиданно увидѣл надпись на дощечкѣ,прикрепленной высоко к стволу вѣковой сосны, " Руссишес Холц "- Прочитав ее, он задумался... Полон волнующих догадок, он попросил встрѣченнаго им немолодого лѣтами поселянина объяснить ему ея значеніе. И тот, довольный возможностью разсказать иностранцу о прошедшем в его родных мѣстах, указав, в сторону от дороги на виднѣвшійся вдалекѣ, среди зелени купол Бѣлаго Храма сказал,что когда-то очень давно, там, в монастырѣ,был госпиталь для русских воинов, пришедших из-за альпійских гор...Число их шло в тысячи, а выздоровѣли немногіе.
Умершіх же хоронили в братских могилах тут, в лѣсу, неподалеку от обрыва. Потом, когда на могилах выростали молодые деревья, их рубили на топливо... И еще сказал крестьянин, что в ратхаузѣ гор. Вайнгартена есть архив, гдѣ можно подробнѣе узнать о большем, если что интересует... - Поблагодарив поселянина за его разсказ, прошел он в указанную сторону лѣса к чудесно найденным могилам чудо-богатырей,-воинов славнѣйшаго из славных полководцев,- Суворова.

-с-

Другого дня и в третій день,- нѣсколько дней подряд приходил высокій, не по лѣтам сѣдой человѣк на лѣсную прогалину, окруженную с трех сторон лѣсом, неподалеку крутого ската в долину...В раздуміи подолгу

пребывал он у могил своих сородичей, - русскаго ратнаго дѣла людей. Вид, возвышавшихся без какого либо особаго порядка, на разных разстояніях один от другого, поросших мохом и лѣсными травами, холмиков - могил, печалил его... Скорбѣла душа его о безвременно погибших за чужое дѣло, тут на чужбинѣ погребенных, народной памятью забытых...

Побывал он в архивѣ ратхауза и, при помощи Ольги, жены своей, узнал из хранившихся там записей сколько продовольствія и какого доставлялось магистратом в госпиталь для больных и раненых русских воинов, узнал, что госпиталем вѣдал Фанагорійскаго гренадерскаго полка капитан, что в царствованіи Императора Николая I была привезена и положена среди могил каменная плита, с высѣченным на ней крестом и надписью, а потом продана за три гульдена... Солнечным лучем мелькнула мысль, освѣтив чувство радости... Не допустить преданія полному забвенію лѣсного кладбища. Поставить новый памятник! Освятить его и, силой совершеннаго Таинства, вызвать у окрестных жителей уваженіе к мѣсту вѣчнаго упокоенія русских воинов. Своим же соотечественникам напомнить, а кто не знал - сдѣлать им извѣстным о геройских подвигах Суворовских чудо-богатырей...

-о-

Но время было не мирное и военная власть в Вюртембергѣ, странѣ швабов, исполнялась побѣдившими, потомками тѣх, чьих предков в жарких битвах на Итальянской землѣ грудью опрокинуло и уничтожило Русское воинство. У этих властей надлежало исхлопотать согласіе на воздвиженіе новаго памятника...

-о-

Посовѣтовавшись с друзьями, Виталій предложил группѣ соотечественников провести необходимыя формальности перед властями, что и было исполнено. Быстрокрылой птицей пролетѣла вѣсть по Равенсбургу и по всему Вюртембергу и дальше о том, что в Вейнгартенѣ найдены забытыя, столь дорогія русскому сердцу, могилы солдат Суворовских полков, нѣкогда проходивших эти мѣста, и что в городѣ Линдау, шагах в ста от ратхауза, в узком переулкѣ и по сей день стоит дом - мѣсто отдыха Генерала-фельдмаршала, графа Рымникскаго Александра Васильевича Суворова. Об этом свидѣтельствует надпись на мѣдной доскѣ, на стѣнѣ у входа.

-о-

Пришед из края дальна,
Краса славянских дѣв,
Задумчива, печальна... ...
...Сюда придет отчизны сын,
Героев племя, славянин,
Дѣлами предков распаленный;
Обымет падших гроб, и вонмет глас священный
К нему из глубины текущій: - будь велик!
Жуковскій.

Не тая нетерпѣнія, ожидали Русскіе, занесенные сюда бурей войны, придти на поклоненіе праху в могилах, ушедшим, временем сохраненных, во всѣ вѣка грядущіе - незабвенных... Но медленно подвигались работы по сооруженію памятника... А сроки близились, когда Русскіе должны были уѣзжать в заморскія страны. Надо было торопиться, чтобы дать возможность всѣм принять участіе в торжествѣ освященія памятника. И эта возможность была им дана.

Настал погожій, солнечный день. Осенній прозрачный воздух, широким простором без края, заполнял дали. Под бирюзовым небом, ярче сверкая своей бѣлизной, возвышался, на крутом подъемѣ, Бѣлый Храм. Направляясь к нему, шли люди... Женщины, дѣти, мужчины... Дойдя до подножія Бѣлаго Храма, они сворачивали к лѣсу вѣчно зеленому и, уже по лѣсной дорогѣ, по тропинкам, шли дальше... Много их было. Нѣкоторые из них несли цвѣты осени, другіе - вѣнки из вѣтвей ели, перевитые лентами. Лѣс наполнялся негромким людским говором. Сигнал автомобильнаго рожка, донынѣ

тут неслыханный, заставлял идущих уступать дорогу пріѣхавшему носителю высокаго духовнаго сана, а самим ускорять шаги.

-о-

Стройное пѣніе многогласнаго церковнаго хора оглашало поляну. Высокій православный крест, из дерева, возвышался на одном из холмиков, которому был придан вид свѣжей большой могилы. В голубоватых дымках душистаго ладана из кадил, переливались самоцвѣтные камни на митрѣ. В окруженіи духовенства, в расшитой золотом ризѣ, Митрополит совершал Богослуженіе. Под сѣнью вѣковых сосен, у края поляны, и посреди остальных могильных холмов, поросших травой, стояли группами и в одиночку пришедшіе помянуть тѣх, - имена коих Господи вѣси.-

На пригоркѣ, за хором, собрались мѣстные жители в одеждѣ пристойной совершаемому торжеству. Среди них был и бургомистр города Вейнгартена. Благолѣпіе православнаго Богослуженія вызвало у них чувство умиленія. Настроеніе Русских, молящихся за упокой души своих сородичей, передавалось и им и, вмѣстѣ с ними, опускались они на колѣни, осѣняя себя своим крестным знаменіем.

Солнце клонилось к западу. Косые лучи его, пронизывая вѣтви, золотили стволы деревьев, золотыми пятнами разстилались по полянѣ...

Среди сотен присутствовавших было двое... Оба награжденные Родиной крестами за храбрость в защитѣ ея. Юность обоих прошла в стѣнах Школы, носившей славное имя Суворова. И думалось одному из них о том - как часто он, будучи еще мальчиком, в длинном свѣтлом залѣ своей школы, подолгу смотрѣл на стоящее, за оградой из мѣдных прутьев, большое полотно картины, изображавшей переход Суворовских полков через Альпы. И не мнилось тогда, что придется ему когда либо быть так близко у праха тѣх, о чьих подвигах писалась картина. Другой же годами старше, высокаго военнаго чина, подойдя ближе к освященному памятнику - кресту, обратился ко всѣм и в кратких выраженіях указал на отличительныя качества Суворовскаго воина в сравненіи с современниками - воинами иных народов. Он сказал, что Суворов своим кличем - "мы Русскіе, с нами Бог!" - в труднѣйших переходах, чудесным образом, придавал бодрости своим солдатам, а в рукопашном бою создавал из них богатырей, что Суворов, будучи сам геніем побѣд, личным примѣром воспитывал своих чудо-богатырей и преподал им свою науку всегда побѣждать. Освященіе временнаго памятника свершилось, Богослуженіе близилось к концу. Среди пѣвчих хора, выдѣляясь ростом и бѣлой сѣдиной своей, стоял Виталій Николаевич Смолинскій. Извѣстныя ему на память церковныя пѣснопѣнія исполнял голос его, а душа его пѣла.

-о-

В отсвѣтѣ зашедшаго солнца нѣжными красками пышно украсился бирюзовый свод неба. К небу, ввысь, рѣяла гармонія звуков, рожденная лучшими побужденіями человѣчьими, чистая. Кладбище в лѣсу опустѣло. Розовѣющій пламень заката скрылся за лѣсом. За ним из долины набѣжала синяя тѣнь. Настала ночь. Величаво блеск свой изливали звѣзды.

-о-

Мало по малу гасли огни в домах и вскорѣ Вейнгартен погрузился в сон. Но не спалось Виталію. Все видѣнное им в теченіи дня проходило живыми образами перед его глазами. Его потянуло в лѣс к могилам, к чудо-богатырям, память о которых была сегодня так торжественно оживлена. Он вышел из дому и по знакомой дорогѣ пошел в лѣс. Вот и кладбище. Но что это?! Затаив дыханіе, он остановился. Большая, свѣжевскопанная могила, с православным крестом, излучала из себя слабое, зеленовато-голубое переливающееся сіяніе. Оно придавало кресту свѣтлаго дерева, сооруженному по рисунку Виталія, какую то особенную, чудесную явственность, а сама могила казалась озаренной неизъяснимым свѣтом, исходящим из глубины ея... Не отрывая глаз он направился к ней. Подойдя ближе, он увидѣл, что вся поверхность могилы была усѣяна земляными свѣтлячками. Их было много, так много... очень много. В темнотѣ ночной струилось их безлучное мерцаніе.

При его приближеніи, казалось, они быстрѣе шевелясь, мерцали ярче, будто привѣтствуя... И грудь его преисполнилась ликованіем, а сердцем понял он, ч-т-о влекло его в эту пору на лѣсную поляну, к этим безмолвным холмам...

--о--

И еще раз солнце свершило свой круг лѣта. На возвышенном мѣстѣ поляны установлен был, скалѣ подобный, новый памятник сѣраго камня. И освящен.

- -о- -

Встарь бывало:
...Боянъ бо вѣщій
Аще кому хотяше пѣснь творити...
...Братіе, не десять соколовъ
На стадо лебедей пущаше,
Нъ своя вѣщіа пръсты
На живая струны въскладаше,
Они же сами княземъ славу рокотаху.

Росса бард сѣдиной вѣнчанный! - Из глубины столѣтій, невѣдомой стезей, пришел Ты в в страну далекую... На полянѣ в лѣсу, у сѣраго камня, прозвучали гусли твои громче ручьев громкоструйних... И услышал лѣс и другим прошумѣл и, шумя, до сих пор он разсказывает как свою пѣснь Ты достойным воспѣл. -

Сан Пауло
Декабрь 1957. М.МАКЕДОНСКАЯ.

---оОо---

ДОПОЛНЕНІЕ.

В прекрасном очеркѣ Марины Петровны Македонской, при описаніи пути к кладбищу, упомянуто названіе - "руссишес хольц", тогда как в замѣткѣ В.В.Крейтера /"Памятка" и сборник №9/, а также в газетных отчетах и в программѣ торжеств - всюду стоит наименованіе - "руссишер вальд". Изложенное в очеркѣ дает нам представленіе как появилось - "хольц", сохранившееся на надписях. Дощечки с таким названіем видѣли лично, проживавшіе в тѣх краях, М.П. и П.П.Македонскіе, одну - на дорогѣ, ведущей в направленіи кладбища от Вейнгартена, а другую на той же дорогѣ от деревни Фохт. Настоящее дополненіе сдѣлано мною согласно подробному письму П.П.Македонскаго.

Невольно является вопрос - откуда же появилось названіе "руссишер вальд", упоминаемое во всѣх отчетах. Можно думать, что нынѣ, быть может и по почину наших соотечественников, а особенно комитета, воздвигавшаго памятник, оно утвердилось, как болѣе соотвѣтствующее положенію кладбища в большом лѣсу, - и в русских кругах, и в городѣ Вейнгартенѣ послѣ всѣх работ по сооруженію памятника и торжеств освященія от 1946 по 1957 год.

-о-

В очеркѣ также сказано, что среди присутствовавших было двое, юность которых прошла в стѣнах школы, носившей славное имя Суворова. Считаю своим долгом, в этом дополненіи, назвать наших Суворовцев; это были:
Владимир Владимирович Крейтер 2-го выпуска /нынѣ покойный/ и
Платон Платонович Македонскій II-го выпуска.

-о-

В этом же очеркѣ упомянуто, что в архивѣ ратхауза города Вейнгартена хранятся нѣкоторые документы тѣх далеких лѣт.

Наш однокашник Э.Н.Суражевскій прислал в дар архиву-музею Объединеній нѣсколько, сдѣланных им, фотографических копій, дающих полное представленіе о подлинниках, написанных по нѣмецки. Эти копіи слѣдующія:
I.Список медицинскаго персонала Русскаго Императорскаго главнаго поле-

вого госпиталя в городѣ Вейнгартенѣ. I799 г.
2.Маршрут батальонному хирургу /Фрозин?/, который вмѣстѣ со своим солдатом призваны в гор.Аугсбург. 5 дек.I799 г.
3.Маршрут ротмистру /фамилія не разборчива/ Кирасирскаго Императрицы Екатерины полка, который как раненый отправляется в госпиталь Вейнгартена. I5 дек. I799 г.
4.Маршрут прапорщику Абинскому, лечившемуся в полевом госпиталѣ и по возстановленіи здоровья желающему присоединиться к арміи, в полк генерал-лейт.Козлова. 2 дек. I799 г.
5 и 6.Подлинник и черновик. Переписка между Швабо-Австрійским магистратом и госпиталем Вейнгартена относительно снабженія госпиталей лошадьми и повозками. 6 дек.I799 г.

За этот цѣнный и интересный дар архиву-музею, приношу, дорогому однокашнику Эрасту Николаевичу, глубокую благодарность от имени Объединеній Суворовцев.

А.Потапов.

Схема к очерку Н.Н.Страшкевича "Из жизни в лагерѣ"./Сб.№9./

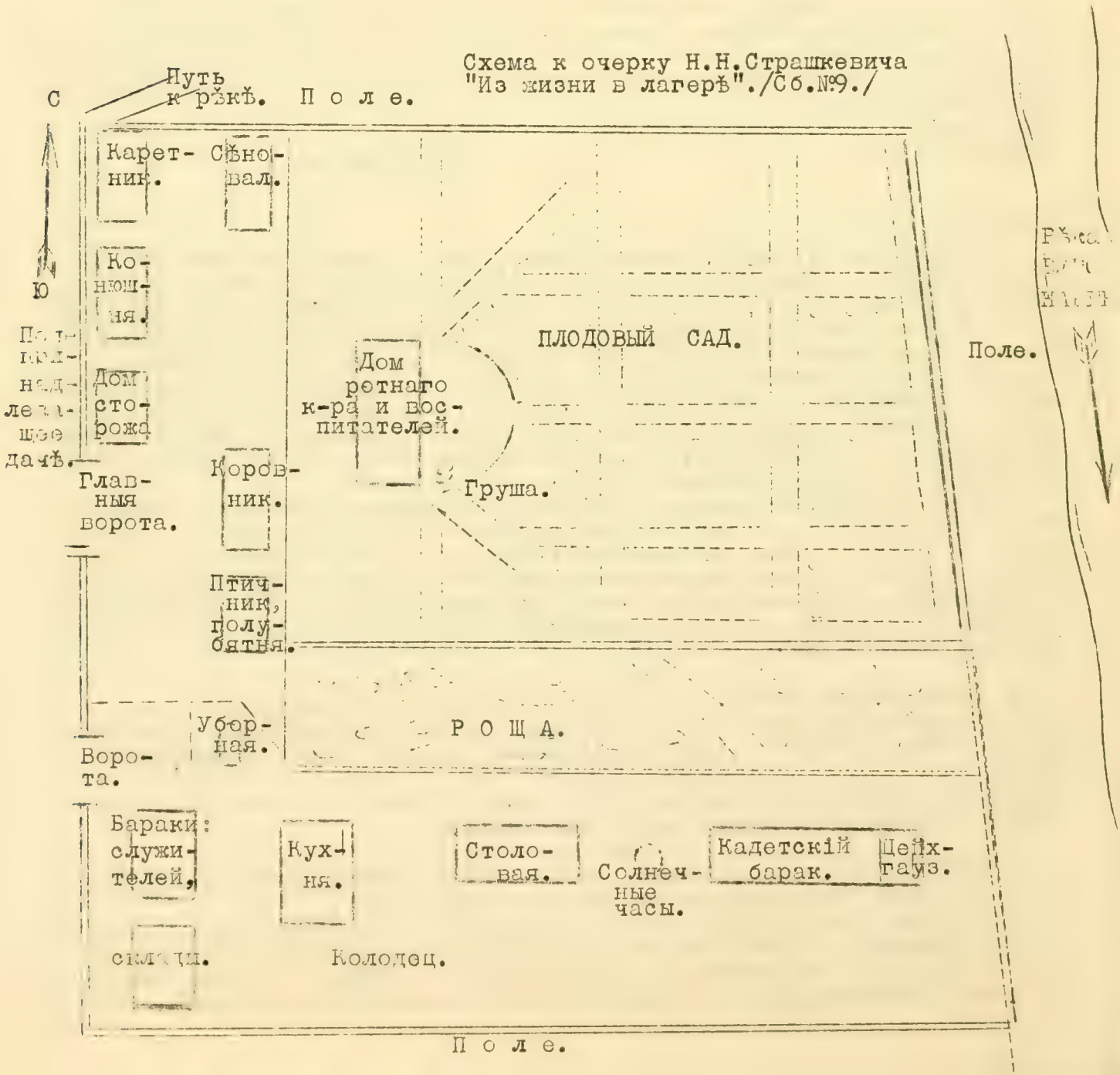


Схема к очерку М.П.Македонской
"О чем разсказывает старый лѣс."
/стр.9./

Город I5 башен тысячелѣтняго возраста, которыя разнятся своим видом. Воспроизвести их точно, на этой схемѣ, невозможно.
Кружком отмѣчено мѣсто, гдѣ жили М.П. и П.П.Македонскіе.

Всенародная панихида и чин освященія креста. Архіепископ Берлинскій и Германскій Александр, слѣва Игумен О.Георгій и Протодіакон О.Ѳеодор. Справа представители воинских организацій, над посохом представитель Объединеній Суворовцев Сергѣй Александрович Кашкин.

Крест, поставленный на братской могилѣ в 1957 г.

Внизу справа - С.А.Кашкин и вѣнок Объединеній Суворовцев.
Внизу слѣва - возложенный вѣнок у подножія креста под цифрой 1799.

ПАМЯТНИК СУВОРОВСКИМ ЧУДО-БОГАТЫРЯМ.

/См.сборн."Суворовцы" №9 стран.2 и 38./

Послѣ окончанія всѣх дополнительных работ и водруженія, на устроенной символической братской могилѣ, каменнаго креста с высѣченной на нем надписью на русском и нѣмецком языках: "Здѣсь покоятся Суворовскіе чудо-богатыри 1799 - 1957", 6 октября 1957 года, была отслужена торжественная панихида и чин освященія креста.

Чин освященія креста и всенародную панихиду совершил, прибывшій из Мюнхена, Архіепископ Берлинскій и Германскій Александр. На торжествѣ присутствовали представители русских воинских организацій, русскіе люди, прибывшіе из Мюнхена и из других мѣст, а также мѣстные жители, во главѣ с бургомистром города г.Маером.

Послѣ освященія Архіепископ Александр произнес слово о святости и величіи долга и христіанской любви русских воинов.

Послѣ Архіепископа Александра говорил бургомистр города Вайнгартена г.Маер, подчеркнув величіе подвига, совершеннаго солдатами Суворова.

Слѣдующим выступал начальник 2-го отдѣла РОВС-а полковник Бѣляков.

Затѣм слово было предоставлено нашему представителю - Объединеній Суворовцев - Сергѣю Александровичу Кашкину. Приводимая ниже выписка из его письма является необходимым и существенным дополненіем к этому краткому отчету о торжествѣ.

"Мнѣ, как представителю Суворовских Объединеній, было оказано большое вниманіе, главным образом со стороны устроителей этого торжества - руководства Обще-Воинскаго Союза. Первым послѣ освященія говорил Владыка Александр, послѣ него бургомистр г.Маер, потом полк.Бѣляков. Затѣм я. Сказал я так:

"Мы всѣ, здѣсь присутствующіе, стоим перед освященным крестом-памятником на могилах Суворовских чудо-богатырей.

Пятьдесят восемь лѣт тому назад, в царствованіе мученически убіеннаго Государя Императора Николая Александровича, в Варшавѣ был основан Суворовскій Кадетскій Корпус.

В своем обращеніи к корпусу Государь Император всемилостивѣйше написать соизволил: "Тронут чувствами чинов и кадет Суворовскаго Корпуса. Имя великаго полководца, которое они носят, да будет им во всю жизнь путеводною звѣздою во всѣх обстоятельствах".

Кадеты Суворовцы свято хранили этот завѣт и слѣдовали ему, как в мирные годы, так и на полях сраженій мировой войны, а также и в годы борьбы с совѣтской властью за освобожденіе своей Великой Родины от коммунистической тираніи.

Оказавшись в изгнаніи и разсѣяніи, Суворовцы уже тридцать шесть лѣт тому назад создали Объединеніе кадет Суворовцев, которое существует и понынѣ во многих странах разсѣянія. Предсѣдатель Объединеній Суворовцев за рубежом Александр Николаевич Потапов поручил мнѣ присутствовать и представлять кадет Суворовцев на освященіи креста - памятника на могилах Суворовских чудо-богатырей.

Сегодня здѣсь незримо среди нас витает дух великаго Вождя, всѣх Суворовских чудо-богатырей и всѣх Суворовцев за Вѣру, Царя и Отечество живот свой положивших, в смутѣ убіенных и в мирѣ скончавшихся.

В далеком Петроградѣ, в Александро-Невской Лаврѣ покоится легендарный Русскій Вождь Генералиссимус Князь Италійскій граф Суворов Рымникскій - на надгробной плитѣ его могилы начертано "Здѣсь лежит Суворов" - здѣсь на чужой землѣ, в предгорьях Альп, лежат его чудо-богатыри...

"Спите, орлы боевые, спите с спокойной душой,
Вы заслужили, родные, славу и вѣчный покой!"

Послѣ меня выступали представители всѣх воинских организацій. По отзывам присутствовавших мое выступленіе было ниболѣе удачным. На

снимкѣ креста у подножія виден нашъ вѣнокъ. Во время обѣда мнѣ было предоставлено мѣсто за почетным столом, напротив Владыки Александра".

Этот обѣд был устроен в г.Вайнгартенѣ заботами официальных лиц города.

Начало всѣх дополнительных работ у памятника положил, нынѣ покойный, начальник 2-го отдѣла РОВС-а полковник Евгеній Васильевич Кравченко. Программа и организація торжества 6-X-1957 г. была выработана и проведена также 2-м отдѣлом РОВС-а.

Послѣ всѣх выступленій представителей воинских организацій,во время торжества у памятника, было прочитано стихотвореніе г-жи Полуэктовой, посвященное Суворовским чудо-богатырям, которое помѣщается ниже.

В заключеніе этого краткаго описанія - приношу искреннюю благодарность, дорогому Сергѣю Александровичу, от имени Объединеній Суворовцев, за выдержанное и отличное слово и за такое же представительство Суворовцев на торжествѣ освященія.

А.Потапов.

Е.В.Полуэктова

НА МОГИЛАХ СУВОРОВСКИХ СОЛДАТ.

Здѣсь тѣнь Суворова, бойцов уснувших тѣни,
Невидимо парят над куполом древес,
Святой молитвой и вдохновенным пѣньем,
Звучит сегодня старый лѣс.
Героям русским - русскіе изгои
Цвѣты свои с любовью принесли...
Вѣдь, на землѣ чужой здѣсь мѣсто нам родное -
Здѣсь Русскіе за Родину легли.
Россію видѣли счастливой и свободной,
Как витязи ея, пошли на честный бой;
Нашъ жребій не таков - с тоскою безысходной
Бредем изгнанія тропой.
Родным богатырям - немеркнущая слава,
И слава Родинѣ, и всѣм ея сынам,
Еще томящимся в сѣтях лукавых,
Разсѣянным по всѣм краям.
И хочется сказать вам тѣни дорогія,
Что духа вашего незыблема печать,
Что ваши правнуки за счастіе Россіи,
Как вы, готовы жизнь отдать.

-o-

НЕИСПОВѢДИМЫ СУДЬБЫ НАШИ.

Урок рисованія в пятом классѣ близится к концу. Закончившіе срисовку гипсовой чаши с шаром в серединѣ разгуливают по этажам класснаго амфитеатра, присматриваются к чужим работам, критикуют их.

Я доволен своей. "Сегодня" - думаю - "десятка вѣрная!" Правда, нѣсколько смущает то, что чаша с щаром вышла немного темноватой. У ниже сидящих сосѣдей она как то мягче, воздушнѣе, свѣтлѣе..."ничего,десять баллов во всяком случаѣ будет". Разсѣянно поправляю свою подпись в верхнем правом углу большого листа.

"Э-э-э, да что это у тебя, братец, оно такое брюнетистое изображено?!" - неожиданно раздается позади меня голос Льва Андреевича Гейне.

Неясное предчувствіе понуждает к самозащитѣ. "А я,Лев Андреевич, постарался как можно ярче изобразить игру свѣта и тѣней; посмотрите, как удачно-отчетливо сдѣлано; мнѣ даже очень нравится".

Длинный, шестигранный, желтаго цвѣта карандаш "Хардмут" №3,очинен-

ный лопаточкой, в вытянутых пальцах руки Льва Андреевича, обрамленной безукоризненно бѣлой накрахмаленной манжетой с великолѣпной золотой запонкой, остановился, как бы в раздумьи, на высотѣ моего праваго уха. "М-м да..." это прозвучало нѣсколько меланхолически, "мнѣ...тоже нравится, но не очень даже! Мы рисуем сегодня гипс; вот если бы это был чугун или графит, тогда было бы очень и очень и даже! Ну что-ж, рисунок не плох, перспектива соблюдена и поэтому ты заслужил и красивую.." Тут острее карандаша, приблизившись к бумагѣ, старательно вывело под моей подписью огромную, жирную восьмерку. Она дѣйствительно была красиво изображена и, написанная с большим нажимом, как нельзя лучше гармонировала с моим рисунком.

Узнав как то от меня, что моя старшая сестра училась в Академiи Художеств в Петербургѣ, приблизительно в одно время с ним, Лев Андреевич пригласил меня к себѣ на чай и показывал свои студенческiя работы. Я не припоминаю ни одного случая проявленiя неудовольствiя со стороны моих одноклассников по полученiи от него замѣчанiя или малой отмѣтки. В худшем для кадета случаѣ, когда Лев Андреевич был недоволен его работой, он чувствовал себя смущенным и, не протестуя, старался впредь, как мог, чтобы не быть на замѣчанiи. И что удивительнѣе всего, - непрiятность получить низкiй балл отходила как то на второй план. Гораздо болѣе существенным казалось не заслужить неудовольствiя Льва Андреевича. Он ничего не имѣл против наших разговоров во время его уроков, но зато никто из нас не злоупотреблял его терпимостью. Единственно, что выводило его из себя - это грязно исполненная работа. Часто случалось, что звонок, возвѣщавшiй окончанiе урока, принимался с нѣкоторой досадой, как препятствiе к возможно лучшему исполненiю заданнаго. Выходя из рисовальнаго класса мы вели себя степенно и с нѣкоторым даже достоинством, чего не наблюдалось послѣ уроков многих других преподавателей, когда с началом звонка в классѣ подымался адскiй шум.

Будучи состоятельным петербургским домовладѣльцем и не нуждаясь в заработкѣ ради хлѣба насущнаго, Лев Андреевич преподавал рисованiе у нас в корпусѣ из побужденiй лучшаго, высшаго порядка. Свою любовь,к изображенiю окружающих нас предметов, он старался привить и нам, что ему в значительной степени удавалось. Мнѣ и большинству моих одноклассников его уроки доставляли хорошее и прiятное и не утомляя давали внутреннее удовлетворенiе.

-о-

В слякотный и холодный вечер Сочельника 1919 года, на вокзалѣ в Ростовѣ н/Д, я встрѣтился с Львом Андреевичем. Он был в форменной черной шинели с "Сув" на погонах статскаго совѣтника; показался мнѣ похудѣвшим и как то меньше ростом. В хаосѣ эвакуацiи он потерял связь со своей семьей; сам же, получив назначенiе ни то во Владикавказскiй, ни то в Тифлисскiй Кадетскiй Корпус, был в растерянности и не знал, что предпринять. Продрогшiе,мы выпили в буфетѣ по стакану чая и разстались без надежды когда либо встрѣтиться вновь. Он остался в ожиданiи поѣзда на юг, я же отправился к ещо оставшимся здоровыми чинам моей пулеметной команды.

Два мѣсяца спустя, я встрѣтил госпожу Гейне в Новороссiйскѣ, накануне ея отъѣзда в Польшу, когда связь с Кавказом была уже прервана. Из разговора с ней выяснилось, что тогда она не знала гдѣ находится ея муж, а свирѣпствовавшiй тогда сыпной тиф заставлял ее предполагать самое худшее. Два года спустя ей удалось выхлопотать ему возвращенiе в Польшу. Лев Андреевич прибыл в Варшаву как репатрiант. Очень плохо владѣя польским языком, он одно время преподавал рисованiе в гимназiи, гдѣ учились дѣти репатрiантов, но скоро это учебное заведенiе было закрыто и Лев Андреевич остался без занятiя. В это время его пребыванiя в Варшавѣ, мы его видѣли каждый год I-го октября среди нас.

Послѣ смерти его супруги и ея похорон, на которых присутствовали многіе, проживавшіе в Варшавѣ, Суворовцы с подполковником И.О.Александровичем во главѣ, Лев Андреевич переселился в город Катовицы к сыну инженеру, работавшему на одном из каменноугольных рудников, и мы надолго потеряли его из вида.

--o--

Зима с 41 на 42 год была зимой сорока-градусных морозов и небывалых снѣгов, каких не запомнят старожилы.

В Сочельник у меня случилась продолжительная задержка в пути на ст.Катовицы. У меня был в распоряженіи цѣлый день принудительнаго ожиданія и я рѣшил разыскать и навѣстить Льва Андреевича. По прежнему довоенному адресу я его не нашел и мнѣ с трудом удалось узнать его мѣстожительство. Придя на далекую окраину города, я очутился перед длинным каменным забором. Имѣвшаяся над воротами вывѣска гласила о существованіи фабрики каких то химическихъ издѣлій. Потянув за петлю ручного звонка у калитки, я услышал далекій, дребезжащій звук колокольчика. Стоять пришлось по икры в снѣгу в ожиданіи пока откроют; у меня было достаточно времени, чтобы осмотрѣться. За фабричным забором, с одной стороны, простиралась занесенная снѣгом долина болотистой рѣчки, без признаков какого либо жилья. С другой стороны "улицы" город остановился далеко не доходя до расположенія фабрики. Судя по слѣдам на снѣгу, прохожіе тут появлялись рѣдко. Картина полнаго безлюдія на окраинѣ большого фабричнаго города. Невольно зарождалось сомнѣніе - живет ли тут кто нибудь вообще. Прождав нѣкоторое время, я энергичнѣе дернул нѣсколько раз за петлю. Тот же колокольчик отозвался и на этот раз громче. Немного спустя послышался звук отодвигаемаго засова, ключ дважды проскрипѣл в ржавом замкѣ и в открывшейся калиткѣ, как в рамѣ на фонѣ огромнаго, занесеннаго снѣгом, фабричнаго двора, я увидѣл Льва Андреевича.

В мѣховой шапкѣ, видавшей лучшія времена, в пальто с поднятым воротником и в соломенных галошах поверх ботинок, сильно похудѣвшій и совсѣм сѣдой, он внимательно присматривался к моей особѣ. Узнав меня, он с какой то радостной поспѣшностью потянул меня за рукав во внутрь и, выглянув на улицу и осмотрѣвшись по сторонам, закрыл калитку. Пригласив меня слѣдовать за собой, он пошол впереди, указывая дорогу. Утопая в снѣгу, мы прошли двор и очутились в низком каменном строеніи фабричной конторы. Помѣщеніе состояло из двух комнат без передней. Окно и стеклянная дверь первой комнаты выходили во двор, с видом на ворота. В ней помѣщалось нѣсколько небольших конторских столов и стулья. В два окна второй, меньшей комнаты, заглядывала пустыми глазами безконечная заснѣженная равнина. Там, кромѣ двух письменных столов и шкафа, стояла клеенчатая кушетка с цвѣтной подушкой и нѣсколькими одѣялами; под одним из окон маленькая жестяная печурка, а рядом с ней охапка грязных, порубленных дощечек.

Послѣ первых распросов о жизни в Варшавѣ, о погибших во время осады общих знакомых, о Суворовцах и о военных дѣйствіях на востокѣ, Лев Андреевич засуетился и принялся растапливать печурку, чтобы угостить меня чаем. Топливом служили упомянутыя дощечки, остатки одной из бочек, в большом количествѣ валявшихся во дворѣ фабрики.

Глядя на него, хлопотавшаго по своему немудреному хозяйству, вспомнился мнѣ наш рисовальный класс в корпусѣ, с его прекрасным оборудованіем, с пюпитрами и табуретками из свѣтлаго дуба, с его стѣнами, на которых развѣшаны были гипсовыя модели для наших рисунков и нѣсколько работ отличных учеников, разных классов и выпусков. Вспоминалось то время, когда Лев Андреевич, всегда опрятный и подтянутый, обходил всѣх нас, осматривал исполненную работу и ставил отмѣтку, хваля или порицая в каждом отдѣльном случаѣ. И с каким благодушным юмором это у него было соединено. - Да.

Заваркой была сушеная ромашка, нѣсколько кульков которой красова-

лись на шкафу,- дѣло рук Льва Андреевича, собравшаго ее лѣтом на близлежащем лугу. Сахара у него не было, как и у большинства жителей Польши того времени, и мы подѣлились моим дорожным запасом. В помѣщеніи было холодно. Двадцати-градусный мороз давал себя знать. На мой вопрос, топит ли он большую кафельную печь, долженствовавшую обогрѣвать обѣ комнаты, Лев Андреевич, покачав головой,возразил: "что Вы,что Вы, тут этих бочек не так уж много и если ими топить, чтобы было тепло, то их хватило бы на недѣлю, а я должен экономить на всю зиму". С продуктами питанія дѣло обстояло не лучше. Нѣсколько раз в мѣсяц сын навѣщал старика, в его уединеніи, и приносил минимальные, необходимые для жизни, запасы съѣстного. Сам Лев Андреевич, будучи сторожем заброшенной во время войны фабрики, чувствовал себя заключенным в ея стѣнах. В его рѣчи, движеніях, интонаціи голоса ясно замѣтно было крайне подавленное состояніе духа. Когда разговор затронул темы, касавшіяся его преподаванія в корпусѣ, он нѣсколько оживился, но не надолго. В Варшаву, к проживавшей там его замужней дочери, он не хотѣл переѣхать, несмотря на то, что там он мог бы жить в значительно лучших условіях. В польской средѣ, в которой она пребывала, что относилось также к его сыну, он чувствовал себя чужим и, попрежнему плохо владѣя польским языком, не желал этим их стѣснять и предпочел уединеніе. Когда я напомнил Льву Андреевичу нашу встрѣчу в Ростовѣ, когда ближайшее будущее казалось безнадежным и мрачным, послѣ чего для него и его семьи все же наступил длительный період хорошей жизни, он, устало махнув рукой, произнес: "голубчик Вы мой, вѣдь тогда мы были моложе на четверть вѣка, а для большинства - это быть моложе вдвое".

-о-

Раскалившаяся печурка, при быстро уменьшавшемся дневном запасѣ топлива, давала пріятное тепло, а с ним и нѣкоторый уют. Вечерѣло. Декабрьское солнце повисло над горизонтом. Фіолетовыя тѣни ложились в неровностях снѣга. Приближался запретный час, когда лицам, не имѣвшим спеціальных пропусков, или не носившим нѣмецкую форму, нельзя было появляться на улицах. Мнѣ надо было торопиться, чтобы попасть на вокзал до наступленія темноты. Лев Андреевич проводил меня к воротам и там мы простились. Отойдя на нѣкоторое разстояніе я, оглянувшись, увидѣл его еще стоящим у открытой калитки. Мы обмѣнялись прощальным жестом руки... Пройдя еще нѣсколько шагов, я оглянулся вторично... Калитка была закрыта...

Сан Пауло. 1957 г. П.МАКЕДОНСКІЙ /XI выпуска/.

ЧЕТЫРЕ ИНСПЕКТОРА КЛАССОВ.
/1899 - 1906/

В теченіи семи лѣт, которые я провел в нашем корпусѣ, смѣнилось четыре инспектора классов: полковники Лазерев-Станищев, Ваулин, Попов и Жолтиков. Ваулин и Попов были академики артиллеристы; Жолтиков, кажется, окончил Николаевскую Военную Академію по второму разряду;а какую из академій окончил Лазарев-Станищев, я не могу вспомнить, но повидимому был также академик артиллерист.

"Когда наш корпус основался" нас, кадет, было всего один класс,состоявшій из двух отдѣленій. Конечно, при таком составѣ, да еще в період формированія корпуса, не могло быть и рѣчи о полном составѣ всего полагающагося по штату начальства. Поэтому наш первый инспектор классов полковник Лазарев-Станищев был также и первым командиром роты. Прошло уже почти 60 лѣт, но я и сейчас, как живого, вижу его. Довольно высокій, грузный, в больших очках, с развѣвающейся черной бородой, /как раньше говорили "вѣером"/ он ходил тяжелой, немного ныряющей по-

ходкой, не говорил,а"рявкал." На нѣкоторых малышей, в том числѣ и на меня, он наводил панику уже одним своим грозным видом. Когда же разносил за плохое поведеніе или ученіе, душа просто уходила в пятки. Лазарев-Станищев часто приходил в классы и высиживал цѣлые уроки,слушая объясненія учителя или наши отвѣты. Это было тоже страшно. В то время, мальчиком I0-II лѣт, я не мог понять или оцѣнить Лазарева-Станищева ни как воспитателя, ни как педагога, ни как инспектора классов. Но все же и тогда, от дѣтскаго взгляда, не могла ускользнуть его необыкновенная добросовѣстность в отношеніи своих обязанностей, его желаніе войти во всѣ мелочи нашей жизни, устроить нас дѣтей, оторванных от семей, как можно лучше и удобнѣе. Слѣдил он с необычной ревностью и за первыми нашими преподавателями. Нѣкоторые из них были не совсѣм удачно им выбраны. Он первый это обнаруживал и тяжело, видимо, переживал свою ошибку. Чтобы не ходить далеко за примѣром, стоит только вспомнить нашего перваго "нѣмца" г.Эмиліуса Паулюса. Это был видный мужчина, но типичный, необразованный прусскій фельдфебель в отставкѣ. Как только,и откуда, мог выискаться такой тип. Правда, Лазарев-Станищев едва мог дождаться конца года, чтобы избавиться от Паулюса.

Между прочим у Лазарева-Станищева было двѣ дочери подростки; обѣ очень милыя, но не блиставшія миловидностью. Учились онѣ в Варшавской I-й гимназіи, вмѣстѣ с моей сестрой и очень дружили с ней. Моя сестра, иногда по праздникам, бывала у Лазаревых в домѣ. Сестра и меня звала сопровождать ее туда. Я всегда рѣшительно отклонял эти приглашенія.С меня было достаточно трепета и в корпусѣ перед папашей, чтобы я еще добровольно шел, так сказать, в пасть льву. Когда Лазарев-Станищев был назначен в Новочеркасск, директором Донского Кадетскаго Корпуса, его дочери очень скучали по сестрѣ и раз лѣтом она ѣздила к ним погостить на Дон.

Два эпизода мнѣ особенно хорошо запомнились за время пребыванія Лазарева-Станищева в корпусѣ. Эти эпизоды,до нѣкоторой степени,характеризуют его как человѣка. Первый случай связан с пріѣздом к нам в корпус,в I900 или в I90I году, военнаго министра ген.Куропаткина.Надо сказать, и это очень умѣстно вспомнить, что никто другой,как ген. Куропаткин, настоял на открытіи Варшавскаго Кадетскаго Корпуса,чтобы облегчить воспитаніе дѣтей офицеров, в самом большом из военных округов, по численности квартировавших в нем войск, в большинствѣ случаев в мѣстечках, городках и даже в так называемых "штабах".

Дѣло было в том, что когда пріѣхал ген.Куропаткин в корпус со своей свитой, и был подобающим образом встрѣчен, поздоровался с кадетами, осмотрѣл всѣ помѣщенія, то затѣм приказал вывести "роту" /т.е. малышей I и 2 класса/ на плац перед гауптвахтой /см.схему в сборн.№I/. Плац, как навѣрно помнят б.кадеты первых трех выпусков, был не маленькій. Когда нас построили и вывели на этот плац, пришел туда и генер. Куропаткин, со всѣми пріѣхавшими и нашим корпусным начальством. Во главѣ "роты" стоял, как полагается, Лазарев-Станищев. Его подозвал к себѣ ген.Куропаткин и отдал какое то приказаніе. Когда ротный командир вернулся к нам, то своим рявкающим голосом передал нам приканіе министра - пробѣхать строем весь плац кругом. Передал это приказаніе он,приблизительно,в таких выраженіях:"вы получили трудную и тяжелую задачу - пробѣжать строем вокруг плаца!" Было это сказано таким тоном, что даже нам стала ясна критика такого распоряженія, которое для нас малышей, наш воспитатель, считал непосильным. Ген.Куропаткин стоял близко и все слышал. Военный министр, давая такую задачу,мнѣ думается, провѣрял нашу физическую закалку. Надо принять во вниманіе, что дѣло было 58 лѣт тому назад, когда и косвенная критика такого высокаго начальника считалась немыслимой и,во всяком случаѣ, требовала большого мужества.

Второй эпизод случился, когда Лазарев-Станищев был назначен директором Донского Кадетскаго Корпуса. Пріѣхал, к тому времени, новый ко-

мандир роты полковник Серно-Соловьевич. Для прощанія и выслушиванія послѣдней рѣчи Лазарева-Станищева, мы были выстроены уже Соловьевичем. Когда он,т.е.уѣзжающій, начал говорить, то нѣсколько раз прерывал свою рѣчь, т.к. рыданія мѣшали ему. Он выбѣгал в сосѣднее помѣщеніе, немного успокаивался и снова говорил. Помню лицо Серно-Соловьевича в это время. Он смотрѣл на Лазарева-Станищева ни то с удивленіем, ни то с порицаніем.

Лазарев-Станищев, как теперь я его понимаю, был человѣк добраго, отзывчиваго сердца, сжился с корпусом и с нами дѣтьми. Ему дѣйсвительно было тяжело разставаться с первым своим дѣтищем Суворовским Кадетским Корпусом и его воспитанниками. От б.кадет Донскаго корпуса я слышал только самые лестные отзывы о своем директорѣ генералѣ Лазаревѣ-Станищевѣ.

Второй по времени инспектор классов в корпусѣ, как уже сказано выше, полковник Ваулин. Пробыл он не долго, кажется один год. Преподавал в моем отдѣленіи арифметику. Как преподаватель и инспектор классов оставил у меня самое лучшее впечатлѣніе. Был терпѣлив, снисходителен и даже ласков с кадетами. Бодрый, энергичный и молодой полковник нам чѣм то импонировал. Воспоминанія о Ваулинѣ, как о директорѣ нашего корпуса, сильно расходятся с тѣм, что я пишу здѣсь. Объясняю это гибкостью его характера, т.к.видимо он хорошо понимал как надо вести себя, находясь постоянно на виду у Степана Ниловича Лаврова. Пребываніе Ваулина на посту инспектора классов, за краткостью времени, ничѣм не ознаменовалось, не считая того, что он набрал в корпус нѣскольких учителей арифметики из молодых капитанов артиллеристов - академиков. Преподавателями они оказались крайне неудачными и исчезли с нашего горизонта вмѣстѣ с Ваулиным.

Начиная с 1902, уже в новом зданіи корпуса на Уязовской аллеѣ, инспектором классов был полковник Попов. Он был невысокаго роста, с пушистыми бакенбардами, ходил слегка пружиня ноги в колѣнях и немного выворачивая носки в стороны. Говорил нѣсколько в нос. Он сразу чѣм то не понравился кадетам и не пользовался их симпатіями. Повидимому,потому что считали его надменным, гордым и обращавшимся с нами с нѣкоторым,если не презрѣніем то высокомѣріем. Как примѣр приведу случай,якобы,происшедшій с инспектором классов на плацу первой роты. Свидѣтелем его я не был, но о нем очень любили разсказывать кадеты. Играли на плацу в городки и одна из палок попала под ноги, случайно и стороной, проходившаго инспектора. Он остановился и процѣдил сквозь зубы и в нос:"хамская игра!" Другой случай, уже в моем присутствіи, произошел как то утром перед первым уроком. Кто то в классѣ вдруг крикнул:"господа, угар!"/это при центральном отопленіи/. Сейчас же часть кадет выбѣжала из класса в ротный зал; конечно, все дѣлалось из желанія как то пошалить. Неожиданно появился инспектор и сейчас же всѣх выскочивших загнал обратно в класс. Когда всѣ встали по мѣстам и Попов узнал в чем дѣло, то обратился к классу с вопросом: кто первый почувствовал угар. Один из сидѣвших на задних партах признался, что именно он. Взглянув на него исподлобья, с уничтожающим видом, инспектор изрек: "да будет вам всѣм извѣстно, что угарный газ не имѣет ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса, а присутствіе его можно узнать только с помощью синей лакмусовой бумажки." Затѣм, протянув руку к первому почувствовавшему запах газа, уже совершенно в нос, сказал: - "выйдите вон из класса - трутень." Совершенно правильно все было сказано об угарном газѣ,но обыкновенно простые смертные узнают его присутствіе и без лакмусовой бумажки,т.к. он почти всегда сопровождается другими газами специфически пахнущими. Прошло лѣт десять. Попов давно уже был директором Полтавскаго Кадетскаго Корпуса, я также был уже офицером. В один из моих пріѣздов в Полтаву, к родителям, я совершенно случайно, в порядкѣ ухаживанія, попал в корпус на концерт,

куда я сопровождал аккомпаніаторшу. Послѣ концерта она, как одна из участниц его, была приглашена к директору на ужин. Был позван при этом и я, как "сопровождающій" Сидѣл я за ужином против Попова и в разговорѣ напомнил ему, что являюсь, в нѣкотором родѣ, его бывшим воспитанником, хотя ему и трудно узнать меня. Он оживленно вспоминал со мной Суворовскій Кадетскій Корпус и тут я ему разсказал всю исторію с угаром, конечно не копируя его носовое произношеніе. Попов очень смѣялся и удивлялся только,как я это все хорошо запомнил. Когда Попов от нас уходил, большинство кадет не особенно печалились этим. Был он достаточно строг, не чувствовалось у него доброе сердце, а дѣти это хорошо угадывали. Привлечь наши сердца он не мог.

Теперь о послѣднем инспекторѣ классов полковникѣ Жолтиковѣ нѣсколько слов. Прямой, подтянутый, как бы проглотившій аршин, полковн. Жолтиков и внутренне казался застегнутым на всѣ пуговицы. Всегда был сух, формален и молчалив. Любил тихо подходить к окну в дверях класса и долго смотрѣть внутрь. Дѣлали это и другіе наши начальники, но Жолтиков дѣлал это особенно часто. Не припоминаю, чтобы он преподавал какой нибудь предмет. Во всяком случаѣ в первом выпускѣ он ничего не преподавал. У полк.Жолтикова было такое, данное кадетами, прозвище, что обойти его невозможно, но и назвать тоже нельзя. Почему его так прозвали - неизвѣстно. Это прозвище однажды сыграло злую шутку с одним из малышей, который,видимо,не понимал его значенія. Один из маленьких кадет, при своем поступленіи в корпус, написал первое письмо родителям, гдѣ дѣлился с ними впечатлѣніями о корпусѣ и перечислял кто является корпусным начальством. При упоминаніи об инспекторѣ классов, он, вмѣсто фамиліи полк.Жолтиков, написал его прозвище, наивно полагая, что это и есть фамилія. Можно себѣ представить впечатлѣніе папаши, который сейчас же сдѣлал запрос в корпус. Так это и стало извѣстно,сначала начальству,ну а затѣм и старшим кадетам. В корпусѣ, по счастью, я никогда не сидѣл в карцерѣ, хотя и не раз заслуживал этого. Но за нѣсколько дней перед самым окончаніем корпуса я чуть-чуть туда не попал. На послѣднем выпускном экзаменѣ, я пытался что то подсказать, кажется Мачихину. Мои попытки, из окна в класс, увидѣл Жолтиков, вошел и без дальнѣйшаго приказал: "марш в карцер" Я остался стоять столбом, но в карцер не пошел. Жолтиков постоял, постоял около меня и ушел сам. До сих пор не могу понять,как это мнѣ сошло.

В связи с моими воспоминаніями о наших инспекторах, хочется мнѣ сказать нѣсколько слов вообще о постановкѣ учебнаго дѣла не только у нас, но и в других корпусах. Конечно, лучше всего я могу судить о нашем корпусѣ. Заранѣе приношу свои извиненія перед дорогими однокашниками, если мой взгляд покажется им ложным, односторонним, или чѣм либо в этом родѣ. Вѣдь мое мнѣніе не может быть ни для кого обязательным.

Надо сказать, что в Варшавѣ, кромѣ корпуса, было семь мужских гимназій, два реальных училища, пять женских гимназій. Выбор преподавателей был для наших инспекторов огромный. В корпус учителя шли очень охотно,т.к. годовой учебный час оплачивался у нас 90 рублей, в то время, как в гимназіях платили только 60 рублей. Классы в корпусѣ были небольшіе - 24-28 человѣк /отдѣленіе/ тогда как в гимназіях бывало в классѣ по 35-45 человѣк. Значит преподавателю и учить было легче. И, несмотря на это, все же подготовка /в общем - не отдѣльные случаи/ в корпусѣ была слабѣе, чѣм в гражданских учебных заведеніях. Объясняется это, главным образом, самым характером закрытых учебных заведеній. Внѣклассная работа слабѣе в каждом таком заведеніи. Практикуется списываніе вмѣсто того, чтобы самому рѣшить задачу,сдѣлать перевод и т.п. Ученику, живущему дома, все это сдѣлать много труднѣе, часто невозможно, за дальностью разстоянія и потерей времени. Затѣм, иногда ложно понятое, чувство товарищества заставляет лѣнтяев обра-

щаться к болѣе сильным товарищам и требовать от них, чтобы им вдалбливали в голову урок, под видом его объясненія. Практиковал это и я. Иногда такія требованія предъявлялись и мнѣ. Подсказки, шпаргалки особенно практикуются в общежитіях, из чувства того же товарищества. В военных училищах /не в артиллерійских и не в инженерном/ поступившіе со стороны всегда в массѣ учились лучше кадет. Конечно, надо всегда помнить, что лучшіе кадеты уходили в спеціальныя училища, а остатки в пѣхотныя и кавалерійскія. Но и поступавшіе со стороны не всегда были медалистами. Кадетам не стоит это принимать как то в укор. Вѣдь кадетскіе корпуса дали своим воспитанникам такія качества, как показала первая міровая война и особенно революція, которыя могли возникнуть только в стѣнах корпусов. Патріотизм, жертвенность, непримиримость к врагам, были присущи почти всѣм кадетам. А что слабѣе были изучаемы нѣкоторыя науки, так это и не такая уже и бѣда. Хочу оговориться, что математика в корпусах преподавалась прекрасно, это был главный предмет, на который обращалось особенное вниманіе.

Вышел я из корпуса, как теперь вспоминаю, не особенно "сильным". Когда же мнѣ, через 15 лѣт послѣ окончанія корпуса, пришлось "задѣлаться" в Прагѣ студентом политехникума и приступить к изученію высшей математики, я должен был начать с повторенія средней. Казалось бы я ее забыл начисто, т.к. никогда послѣ корпуса ею не занимался. Служил я в артиллеріи, но окончил военное училище, гдѣ математика не проходилась. Занимался перед тѣм я, как говорят студенты техники, "болтологическими науками". К моему удивленію повторил я всю среднюю математику что то в двѣ-три недѣли. Тут я помянул добрым словом Ивана Кондратьевича Окоемова, нашего математика. А получал я у него самое большое 7-8 баллов. Часто получал 5 или даже 4 и был гоняем от доски на мѣсто за непониманіе заданнаго.

Чтобы закончить эти краткія, неполныя и, несомнѣнно, субъективныя воспоминанія, надо сказать нѣсколько слов о неизмѣнном помощникѣ инспектора классов полковникѣ Марковском. Бывшій офицер Л.Гв.Литовскаго полка, окончившій перед военной службой естественный факультет университета, был он у нас первое время, правда краткое, только преподавателем естественной исторіи. Затѣм был сдѣлан помощником инспектора классов. Пережил в корпусѣ семь инспекторов, но сам инспектором назначен так и не был. Полковник Марковскій обладал довольно представительной наружностью, но дальше этого не шел. Как педагог и помощник инспектора классов, полковник Марковскій был наименѣе яркой личностью среди наших учителей и воспитателей.

На этом я и заканчиваю свое воспоминаніе о руководителях нашей учебной частью в корпусѣ.

Чикаго. 1958. К.А.ГЛОБА-МИХАЙЛЕНКО /I выпуска./

О ВОЕННЫХ ПРОГУЛКАХ.

Году в 1909-10, у нас в корпусѣ были введены эти прогулки. Справедливость требует сознаться, что не всегда онѣ носили военный характер. Онѣ бывали послѣ завтрака, если прогулка не выходила из границ города.

Запомнилось посѣщеніе и осмотр политехническаго музея, Лазенковскаго дворца, городского водопровода с фильтрами; осматривали ковровую фабрику и, кажется, шоколадную. Большое впечатлѣніе произвело посѣщеніе пожарной части на Новом Свѣтѣ, гдѣ бранд-майор, сам бывшій кадет, был рад и польщен нашим визитом. Нам была показана пожарная тревога. Поразила скорость, с которой команда выѣхала на улицу. Не говоря уже о выучкѣ пожарных, даже и лошади в стойлах, по тревогѣ, сами поворачивались к выходу, подставляя головы под хомут. Было по-

казано и пожарное ученье.

По моему, выбор таких прогулок зависѣл от предпріимчивости и энергіи отдѣленнаго воспитателя. Иногда ходили в составѣ всей роты, или класса, но чаще по отдѣленіям. Прогулки бывали,приблизительно,раз в мѣсяц /или в четверть - забыл/. Первая рота иногда выходила в город с винтовками и с оркестром.

Для прогулок за город даже появилось что то в родѣ "снаряженія". Так,голенища у сапог /короткія,рыжія/ стали дѣлать длиннѣе; чернились то они уже нами. Сдѣланы были баклаги, из бутылок обшитых сукном на тесьмѣ, ранцы типа альпійских мѣшков. При больших прогулках, в концѣ года, когда уходили на нѣсколько дней, то дѣлались и скатки, появились и трынчики для них. При "походной формѣ" - брюки в сапоги. Выход за город уже с утра; вмѣсто завтрака выдавались котлеты с хлѣбом. Осматривали форты, дворец в Виляновѣ. Выходя за город, шли с пѣснями. Высылались дозоры; кажется, составлялось что то в родѣ кроки; писались донесенія, давались задачи. Так было в отдѣленіи,у строевика,подтянутаго подполковника Навроцкаго. Всегда было стараніе попасть в дозор, вырваться из под ока начальства. Из за соблазнов можно было попасть и под взысканіе. Пѣніе тоже,иногда,при удаленіи от воспитателя, из строевого переходило в другой жанр,что также грозило запѣвалам наказаніем. Во избѣжаніе таких срывов, Навроцкій иногда держал неспокойный элемент при себѣ, в "свитѣ".

Ходили на Бѣляны, в лагерь 30 пѣх.Полтавскаго полка, гдѣ нас всегда любезно принимал командир полка, генеральнаго штаба полковник Мадритов, внушавшій нам,кадетам,уваженіе своим Золотым оружіем и двумя Владимирами с мечами,за японскую войну. Кормили нас там и обѣдом; тамада хозяином бывал фельдфебель учебной команды, подпрапорщик - тоже Георгіевскій кавалер. Помню одно возвращеніе оттуда на пароходѣ по Вислѣ. Когда вернулись в корпус было уже темно. Были мы в составѣ всей 2-й роты, с неполным оркестром, из числа музыкантов 2-й роты. Возможно, что это был ротный праздник 2-й роты - 9 мая.

По окончаніи экзаменов, при переходѣ в УІ класс, была прогулка всего класса на нашу дачу около крѣпости Зегрж. Ѣхали до ст.Яблонна по желѣзной дорогѣ. Ночевали на гауптвахтѣ пустых казарм 8 пѣхотнаго Эстляндскаго полка, в штабѣ Фельдмаршала Гурко; там нас и кормили.По прибытіи в Яблонну, там нас встрѣтил кадет І-го отдѣленія Бюнтинг,/в то же лѣто он умер/,верхом, с лошадью для подполковника Навроцкаго,в сопровожденіи вѣстового,гродненскаго гусара;/отец кадета командовал этим полком/. Нас вел Навроцкій, а Дрейер пріѣхал уже прямо на дачу. Разстояніе,от Яблонны до дачи,мнѣ показалось больше 10 верст. Дачу отлично описал,в своем очеркѣ, Н.Н.Страшкевич. Да мнѣ мало что и запомнилось. Большой барак-казарма,без потолка,гдѣ мы спали на полу,на соломенных тюфяках. Кругом сад,других построек не помню. "Натерли ноги," "порвались сапоги" послѣ похода. Это послужило уважительной причиной, чтобы не идти со всѣми в крѣпостную церковь к обѣднѣ. Манил Нарев, с нашими лодками. Ускользнуть удалось. Катаніе удалось. Но - возвращеніе было замѣчено - "удиралы" были записаны, а по возвращеніи в корпус, неудачным любителям гребного спорта, были сбавлены баллы по поведенію. Обратный путь был пройден в том же порядкѣ.

Больше всего осталось воспоминаній о послѣдней прогулкѣ, по окончаніи корпуса. Наше отдѣленіе /УІІ кл.З-е/ посѣтило лагерь І Стрѣлковаго полка в дер.Радуч, гдѣ стояла вся І-я Стрѣлковая бригада. По желѣзной дорогѣ ѣхали до ст.Скерневицы, гдѣ ночевали в пустом офицерском собраніи 31 пѣх.Алексѣевскаго полка; спали на кроватях "гинтерах." До лагеря было верст 12-15. Наше раннее выступленіе,"по холодку," нарушило разсчеты полка, выславшаго,для встрѣчи нас, свой оркестр. Уже подходя к лагерю, гдѣ дорога дѣлала поворот, мы видѣли, что от лагеря, среди полей по межам, сокращая путь, проходили музыканты,сверкая

трубами. Нам не пришло в голову, что это нас идут встрѣчать. Так и разошлись с ними. В полку были удивлены нашему приходу без музыки и так рано.

Отдѣленіе было не полнаго состава; оставались в корпусѣ тѣ - у кого были переэкзаменовки, чтобы держать их еще в іюнѣ, а участвовало в этой прогулкѣ всего 13 человѣк. Помѣстили нас в комнатѣ при собраніи /читальная/; рядом через дверь, в комнатѣ дежурнаго офицера, наш воспитатель. Трое, у кого были родные в этом лагерѣ, были отпущены спать по домам. Мы спали на полу, на новых соломенных тюфяках,/они были как горы/;новыя одѣяла сильно пахли нафталином. Хотѣли нас кормить при офицерском собраніи, но Навроцкій не согласился на это и нам приносили ѣду из ротной кухни. Собранская веранда была нашей столовой. Мы были центром вниманія, за нами прямо ухаживали.

Ходили на стрѣльбу из пулеметов; нажимали и сами спуск под присмотром пулеметчиков; стрѣляли,кажется,и из винтовок. Показано нам было ночное ученіе с примѣненіем новинки - прожекторов; нам была дана возможность и наступать под лучами прожектора. Начальник команды связи учил желающих вольтижировкѣ,чуть ли не два раза в день. В субботу послѣ обѣда, когда не было в полку занятій, нам были даны верховыя лошади и, совмѣстно с желающими офицерами, мы совершили пробѣг, разными аллюрами, верст в 15-20. На другой день ходили строем в бригадную, лагерную церковь. Послѣ обѣдни, командир бригады поздоровался с нами и поздравил с окончаніем корпуса.

Наш поход состоялся при соблюденіи условія, поставленнаго директором корпуса, что,за время нашего пребыванія в полку,нам не будет дано офицерами ни капли спиртного. Это и было строго выполнено. Но послѣ укладки спать /кажется в 10 часов/ к нам неоднократно заходили молодые офицеры, с рюмками в руках, и пили за наше здоровье,поздравляя с окончаніем корпуса. Мы шумно выражали свой свой восторг. Утром получили строгій разнос, от нашего начальства, за шум послѣ укладки спать. Особенно досталось дежурному по отдѣленію, только что получившему вице-унтер-офицерскія нашивки, Пятницкому. Старшій наш, Обозненко, спал дома. Быстро прошли эти нѣсколько дней, доставившіе нам много разнообразных впечатлѣній. По той же дорогѣ, уже не задерживаясь в Скерневицах, мы вернулись в корпус и сейчас же были отпущены по домам. Мы не подозрѣвали, что через полтора мѣсяца начнется война, так рѣзко измѣнившая нашу намѣчавшуюся мирную жизнь. Многих больше не удалось и встрѣтить...

Значеніе этих прогулок - нас, горожан, пріучали к выходам в поле, знакомили ближе с военным бытом, соприкасаясь с разными воинскими частями, со стороны которых мы неизмѣнно видѣли самое отзывчивое и внимательное к нам отношеніе.

Калифорнія. Н.М.ВИТТЕ /IX выпуска./

XIII ВЫПУСК - РОКОВОЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

Глава 3. 2-й класс, I-е отдѣленіе, 1912/13 уч.год.

Первые каникулы промчались быстро. Сестра моя была классом старше меня и, к ея большому огорченію, получила переэкзаменовку по арифметикѣ. По настоянію отца, считавшаго, что и в каникулярное время человѣк должен заниматься "умственным трудом," мнѣ пришлось присутствовать при всѣх его объясненіях Нинѣ и таким образом я легко, но и основательно, постиг всю премудрость простых и десятичных дробей, что потом оказалось мнѣ очень полезным. Жили мы на дачѣ, в окрестностях небольшого провинціальнаго города Лукова, Сѣдлецкой губерніи, наслаждаясь лѣтними удовольствіями - прогулками в прекрасном лѣсу и купаньем.

Так как отец мой должен был быть в корпусѣ 10-го августа, а мама с сестрами,в Варшавѣ, в концѣ августа, то 15-го августа, в день Успенія,

я поѣхал в корпус совершенно самостоятельно.

Поразительно, как нѣкоторыя мелочи могут долго оставаться в памяти. Так помнится мнѣ, что с самым важным видом я предъявил станціонному кассиру, выданную мнѣ корпусом,"скидку" и был поражен, когда он мнѣ сказал, что билет 3-го класса,от Лукова до Варшавы,стоит один рубль и пять копѣек. Разстояніе это было 105 верст, т.е. по копѣйкѣ за версту. Как дешево путешествовали кадеты Императорской Россіи. Так как перед отъѣздом, папа дал мнѣ пять рублей, а это были большія деньги в то время, то у меня на расходы осталось еще три рубля и девяносто пять копѣек и я чувствовал себя чуть ли не милліонером. Послѣ второго звонка - "Луков-Сѣдлец-Варшава," мама, благословив меня, проводила меня на перрон, гдѣ подбѣжавшій носильщик предложил посадить меня в "кадетскій вагон," о существованіи котораго я тогда еще не знал. Я,конечно,сразу же согласился и через минуту очутился в вагонѣ, окруженный кадетами Суворовцами разных классов, которые дружески меня встрѣтили. Четыре часа пути пролетѣли очень быстро и незамѣтно. Самым важным происшествіем было то, что фуражка кадета Москвина вылетѣла из окна и мы стали оживленно обсуждать вопрос о том - как он поѣдет по Варшавѣ без фуражки, и что будет, если попадется на глаза особенно строгому коменданту, генералу Комарову.

Когда мы прибыли в Варшаву, то три старших кадета предложили мнѣ взять с ними в складчину пароконнаго извозчика, на резиновых шинах, разъѣзжать на которых вообще кадетам не разрѣшалось. Но... Надѣв бѣлыя как снѣг перчатки и осмотрѣв, с головы до ног, нѣсколько раз друг друга, мы, в гимнастерка и шинелях в накидку, важно покатили на "дрожках." Вскорѣ показалась красавица Бельведерская аллея и на темно-синем фонѣ осенняго неба начал все яснѣе вырисовываться силуэт нашего родного корпуса.

Улыбающійся швейцар Иван, в полном парадѣ, со всѣми медалями, открывая нам двери, привѣтливо с нами поздоровался. Мы распрощались и разошлись по ротам.

Явившись дежурному офицеру-воспитателю и сдав ему свой отпускной билет, я отправился в спальню, гдѣ происходило,уже хорошо извѣстное мнѣ,"крещеніе баранов," как называли новичков-первоклассников. Разница заключалась только в том, что на сей раз уже мы сами были в роли "крестных." Встрѣча и оживленный обмѣн впечатлѣніями со своими одноклассниками, баня и наконец чай с кадетской булкой - все это прошло как один миг и в 10 часов вечера все утихло.

16-го августа, обычно, до завтрака служился молебен и выдавались книги. Послѣ завтрака начинались уроки новаго учебнаго года.

Так как дежурнаго по отдѣленію назначено не было, то я, как старшій,встрѣтил с рапортом вошедшаго нашего отдѣленнаго офицера-воспитателя. Как и в 1-м классѣ нас было по списку 28; но состав нѣсколько измѣнился. За счет выбывших по различным причинам, появились второгодники: Агапов, Булгаков, Иванов Георгій, Кабалов Александр, Масальскій Константин и Федоров Георгій. Всѣ были налицо.

Подполковник Николай Петрович Ревишин с нами поздоровался;мы ему лихо и дружно отвѣтили. Пройдя для ознакомленія весь список и вызывая нас поименно, он разсказал о своем отпускѣ, проведенном им в Германіи. Каждому из нас он подарил, со своей подписью, открытку,в красках, с изображеніем нижних чинов и офицеров разнаго рода оружія германской арміи. Мнѣ попался фейерверкер 24-го артиллерійскаго полка. Эти открытки мы потом изучали, вдаваясь в подробности обмундированія и вооруженія. Никому из нас,в то время, и в голову не могло придти, что через два года начнется первая міровая война, в которой германцы будут нашими врагами.

Послѣ молебна и завтрака начались уроки и как хорошо заведенная машина новый учебный год пошел полным ходом.

26-го августа, в день столѣтней годовщины Бородинской битвы, был

отслужен торжественный молебен, послѣ котораго на плацу I-й и 4-й рот был парад всего корпуса. Послѣ парада нас отпустили в отпуск. Вечером Варшава была иллюминована. На домах развѣвались русскіе національные флаги. Солдаты гвардейской кавалеріи и пѣхоты ходили по городу в полной парадной формѣ, что было и торжественно и красиво.

Педагогическій состав также нѣсколько измѣнился; из новых "звѣрей" надо особенно отмѣтить преподпвателя арифметики - капитана Обыденнаго, которы перевелся к нам из Вольскаго Кадетскаго Корпуса. Человѣк он был совсѣм не обыденный и это мы сразу почувствовали на его первом урокѣ, на котором он ко всѣм обращался на "ты," что нам показалось очень странным, ибо всѣ остальные преподпватели всегда говорили нам "вы". Еще болѣе странным было его заявленіе, что - Бог знает математику на I2 баллов, директор корпуса на II, он - капитан Обыденный - на I0, а кадет может знать только лишь на 9 баллов, которые он и считает высшим баллом для оцѣнки кадетских познаній. Разсужденія подобнаго рода, конечно, нам очень не понравились. Объяснял он хорошо и очень толково, но требователен был до крайности. Двойки и колы ставил безпощадно, совершенно не считаясь с тѣм, что уже пять баллов лишали кадета возможности пользоваться полным отпуском, а за три неудовлетворительныя отмѣтки,за недѣлю, оставляли кадета без отпуска вообще. Меня его строгость и требовательность нисколько не пугали, ибо, хорошо подготовленный лѣтом из за сестриной переэкзаменовки, я знал курс и только должен был приноравливаться к его, поистинѣ, непомѣрным требованіям к рядовому кадету. К счастью, капитан Обыденный пробыл в нашем корпусѣ всего лишь один год; его перевели в другой корпус.

Вскорѣ послѣ начала учебнаго года приступили к усиленной подготовкѣ к ротному празднику. Наша преподавательница французскаго языка - мам Винокурова /муж ея преподавал математику/- рѣшила, в этот день, поставить,на французскм языкѣ,сказку "Кот в сапогах." Павлуша Линдберг-Коль должен был играть роль маркиза де-Карабаса, я изображал кота. Эти двѣ главныя роли были довольно длинныя, так что зубрить пришлось изрядно. Петунин был королем, а Зильберкрейта нарядили королевой. Братья Богдановы, малыши с лѣваго фланга, были пажами. Представленіе этой пьесы, на нашем ротном праздникѣ, прошло с таким успѣхом, что директор корпуса выразил желаніе, чтобы ее повторили перед всѣм корпусом. Послѣ дополнительных репетицій, нас снова нарядили в костюмы, загримировали и это вторичное представленіе прошло также блестяще. Лев Андреевич Гейне, наш незабвенный учитель рисованія, сдѣлал очень красивый эскиз заключительной сцены, который он подарил на память мнѣ. К величайшему сожалѣнію этот рисунок пропал в вихрѣ послѣдовавших событій.

Лев Андреевич был одним из талантливѣйших преподавателей. Он сумѣл вселить в нас не только пониманіе и любовь к искусству вообще,но и вложил в каждаго из нас, соотвѣтсвенно его дарованіям и способностям, много теоретических знаній, которыя и мнѣ лично оказались очень полезными в дальнѣйшей жизни.

Разбор и описаніе всѣх преподавателей, я опускаю. Каждый из них был своеобразен со своими,ярко выраженными,характерными особенностями.

Проживая в различных странах и занимаясь, временно, педагогическою дѣятельностью, я имѣл возможность ближе познакомиться с постановкой учебнаго дѣла, программой и способами обученія и могу смѣло сказать, что по сравненію с ними наш учебный, также как воспитательскій состав были образцовыми. Поэтому каждый из нас может гордиться тѣм,что он учился в таком несравненном учебном заведеніи, каковым был наш дорогой Суворовскій Кадетскій Корпус.

Начавшаяся, в октябрѣ I9I2 года, война на Балканах вызвала среди нас живой интерес и мы с большим вниманіем слѣдили за ходом военных дѣйствій.

По случаю эпидеміи скарлатины и кори, мы были распущены. Это время я проводил дома и оно было пріятным разнообразіем и, так сказать, уходом из обычных будней. Здоровьем я отличался превосходным и за все корпусное время провел в лазаретѣ всего один день; в лазарет я попал "по подозрѣнію в вѣтряной оспѣ".

Благодаря карантинным отпускам и обычным двухнедѣльным Рождественским каникулам, этот учебный год прошел как то необычайно быстро и мы не успѣли оглянуться, как прошла и третья четверть.

По случаю 300-лѣтія Дома Романовых, в февралѣ 1913 года, послѣ торжественнаго молебна, был парад с выносом знамени в бѣлом залѣ, прекрасный завтрак и каждому из нас, по этому случаю, была подарена книга - "Трехсотлѣтіе Дома Романовых," великолѣпно изданная. Кромѣ того нас отпустили в отпуск. Варшава была иллюминована гораздо лучше, чѣм это обычно дѣлалось по Царским дням.

Время очень быстро летѣло; подошли Пасхальныя каникулы, а затѣм послѣ окончанія четвертой четверти нас без экзаменов - по баллам - перевели в 3-ій класс. Военными прогулками, экскурсіями и "походами" закончился второй учебный год и в серединѣ мая нас распустили на лѣтнія каникулы.

Н.А.КОРЬЮС /XIII выпуска./

ПРИМѢЧАНІЯ Н.А.КОРЬЮС:

Список XIII выпуска /сб.9 стран.36./
Прибыли за счет убывших в I-е отдѣленіе -
АГАПОВ Владимир
БУЛГАКОВ Владимир
ИВАНОВ Георгій
КАРТАЛИНСКІЙ Николай
КУДРЯВЦЕВ Леонид
МАСАЛЬСКІЙ Константин
СУХОМЕЛЬ Николай
ГОЛЬФЕРТ /а не Гельферт - исправить/
ЖДАН-ПУШКИН Михаил /а не Борис; Борис 2-й сын воспитателя на 2 года младше./
ЛЕВЕЦКІЙ /а не Левицкій - исправить/
ЛИНДБЕРГ-КОЛЬ Павел /а не Владимир - исправить/

К списку других отдѣленій - прибавить:
БОГДАНОВ I-й
БОГДАНОВ 2-й
ПЕТУНИН - старшій 2-го отдѣленія
ПОЛТОРАЦКІЙ Николай
ПОПРУЖЕНКО

-.-

МУРЗА-БАРАНОВСКІЙ имя Владимир окончил в XII выпускѣ. Его брат Евгеній IX вып./сб.8 стр.33./
Бар.ШТАКЕЛЬБЕРГ - был еще один, третій брат.

-.-

КЕРШ Михаил /а не Владимир. XII вып.сб.9 стр.36./

---o---

И С П Р А В Л Е Н І Я И Д О П О Л Н Е Н І Я К С П И С К А М.

Список Георгіевских кавалеров дополнить:
МАКЕДОНСКІЙ Платон /XI выпуска/ - Орден Св.Георгія IУ степ.

Список I выпуска /сб.3 стр.26 и сб.4 стр.30/из писем Н.М.Витте и С.В.Нитц.

ЖИРКОВИЧ Борис Никол.Инж.Уч. 5 Сибир.сапер.бат.
ПРОХОРОВ I5 гусар.Украинск.п.
ШРЕДЕР Алексѣй 4I Артил.бриг.
ШАХ-НАЗАРОВ Андрей
МАЧИХИН I3 ул.Владимирск.п. Убит в I Вел.В.
ФЕЛЬДМАН I-й Ник.Кав.Уч. I5 гу. Украинск.п.
РЫЛЬКЕ 2I саперн.бат.

Список II выпуска /сб.4 стр.30,3I и сб.6 стр.32/,из писем Н.М.Витте, Е.Л.Янковскаго и Д.И.Ходнева.

ЮЗЕФОВИЧ I-й Александр I7 пѣх. Архангелогородск.п. перев.в желѣзнодорожный бат.
ГАЛДОБИН 2-й Л.Гв.Литовскій
РЕУТ 2-й I3 гус.Нарвскій п.
Фон МЕЙЕР I3 драг.Воен.Орд.
ЛИДЕРС исправ.на Л.Гв.Финляндск.
ЗАХАРЬИН Елеазар не убит в I В.В. а застрѣл.в Гражд.В.будучи в окруженіи и разстрѣл. всѣ патроны.
КОРЧИНСКІЙ I3 драг.Военнаго Ордена.
ВЕДЕНЯЕВ I-й Л.Гв.Волынскій п.
ЖДАНОВ убит I7.XII.I9I4.

Список III выпуска /сб.6 стр.33,34/,из писем Н.М.Витте и А.И.Пятибокова.

БОНЧ-БОГДАНОВСКІЙ Л.Гв.I Стрѣлк.п.
АЛЕКСАНДРОВИЧ Стрѣлк.полк 3 бриг. Воен.Летчик.Умер в Болгаріи.
ДРЕЙЕР 6 улан.Волынскій п.
РОДІОНОВ 6 гус.Клястицкій п. убит в Гражд.войнѣ
ВЕКИЛОВ Ник.Кав.Уч.Л.Гв.Гродн.гус.
ОСКАЛЕНКО Ивангородск.Крѣп.Артил.
МОЗОЛЕВСКІЙ Л.Гв.ЛИТОВСКІЙ.Умер в Варшавѣ до I В.В.
ТЕРПИЛОВСКІЙ 4 улан.Харьковск.п.
ДРЕЙМАН 8 артил.бриг.
ЭРДМАН Гвард.стрѣлк.арт. див.Убит в I9I4 г.

Список IУ выпуска /сб.5 стр.26,27/,из писем Н.Г.Калагеорги,Н.М.Витте, С.В.Нитц и Е.Л.Янковскаго.

БЕМ Констант.Арт.Уч.
ОГОНЬ-ДОГАНОВСКІЙ Ковен.крѣп.арт.
ШОРОХОВ Алекс.В.Уч. 30 пѣх.Полтавскій п.
РАУШ-ФОН-ТРАУБЕНБЕРГ разстр.красн. в I9I8 г.
АЛТУФЬЕВ /сб.6-34/ I2 драг.Стародубовск.п.
ТАРАСЕНКО/с.6-34/8 стрѣлк.полк
ГАФФЕРБЕРГ Арт.Уч.I8 артил.бриг.
НАРБУТ Пажеск.Корпус./сб.6 с.34/
ПЕТЕРС Ник.Кав.Уч. Крымскій Кон.полк./сб.6 стр. 34/
ЧИЖИКОВ Ник.Инж.Уч. 24 сап.бат. Курс.офиц.Ник.Инж.Уч.
КАДУШКИН /сб.6-34/Кіев.В.Уч.4 стрѣл. полк. Умер в Сибири.
ЯНОВ перенести из III вып./с.6-34/ в IУ вып./СБ.6-34/

ВЕДЕНЯЕВ 2-й /6-33/ перенести в IУ вып./6-34/ Л.Гв.Волынскій п.
НЕПЕНИН /6-33/ перенсти в IУ выпуск /6-34/ 7 пѣх.Ревельскій п.
БРАНДТ /6-34/ если Александр,то возможна ошибка - он не IУ, а УI вып. и Л.Гв.Кексгольмск.полка.

Список У выпуска /сб.7 стр.42,43/,из писем Г.Н.Акимова,Н.В.Главацкаго, П.Н.Манюкина,Н.М.Витте,А.И.Пятибокова и Е.Л.Янковскаго.

БАЛК I3 улан.Владимирскій п. Убит в I9I5 г.
КЛОБУКОВ прибавить 2-й. 4 улан. Харьковск. п.
РОМАНЕНКО Александр.В.Уч.
ГОРСКІЙ Павл.В.Уч. перевед.из арм. пѣх.Л.Гв.в Кексгольмск.п.
КОЛОСОВСКІЙ Александр.В.Уч. 7 пѣх. Ревельскій п.
ШМИДЕН Александр.В.Уч.

СИДОРОВИЧ I9 морт.Артил.див.
МЕВІУС I-й на сторону.В грахд.в. I3 улан.Владимирск.п.
БУДИЛОВИЧ I стрѣлк.полк.
ДАВЫДОВ 5 морт.артил.див.
СКАЛОН Л.Гв.Кавалергард. Убит больш.Кіев I9I8г.
ШРЕДЕР II гусар.Изюмск. п.
НЕПЕНИН Констант.Арт.Уч. I0 Сиб. стр.артил.бриг.
СМИРНОВ Л.Гв.Волынскій п.
ТЕРПИЛОВСКІЙ 2-й 4 улан.Харьковск.п.
ЧЕРНЕНКО Петр прибавить к списку

К У выпуску. из письма П.Н.Манюкина. "В послѣднем сборникѣ /№9-37/снова упомянут Иларіон /Иларіонович/ КОМАРОВ, наш кадет У выпуска,потом Пажеск.Корп. и Л.Гв.Преображенскаго полка. Я всегда увѣрял,что такого не было в моем выпускѣ,по крайней мѣрѣ в 6 и 7 кл. со мной,и не было в отдѣленіи у Липранди. Но я знаю,что в Пажеском Корп.со мной вмѣстѣ был Ипполит Ипполитлвич КОМАРОВ,дѣйствительно вышедшій Л.Гв. в Преображенскій полк. Возможно,что раньше он и был в нашем корпусѣ, но из одного из младших классов перевелся в Пах.Корп.,что многіе дѣлали. Странно только,что я от этого Ипполита И.Комарова никогда ничего не слыхал,что раньше он был в Суворовском Корпусѣ. Интересно, что сходятся - год выпуска,полк и нач.буквы имени и отчества."

Список УІ выпуска /сб.8 стр.29,30,3I/,из писем Н.В.Главацкаго,Д.А. Погорецкаго, Н.М.Витте, Г.М.Гринева и Е.Л.Янковскаго.
ГРЕШНЕР Александр.В.Уч. I5I пѣх.Пятигорскій.Особ.пѣх.п.на Франц.фронт.
ЛУЧАНИНОВ Дмитрій - прибавить к списку УІ выпуска /8-32, 9-37/.
СИДОРОВИЧ Кіевск.В.Уч.
ПРОКОФЬЕВ Артил.Учил.
АНУЧИН I-й разстрѣл.больш.в Крыму дек.I920 г.
ЛЮБА на сторону.
СОКОЛОВ Артил.Учил.
ЛОБУДЗИНСКІЙ имя Борис
ШРЕЙДЕР имя Александр.

Список УІІ выпуска /сб.8 стр.3I,32/ из писем Н.М.Витте и Г.М.Гринева.
КОЛЛЕН Константин 6 гусар.Клястицкій п.
ГИРШФЕЛЬД Л.Гв.I стрѣлков.п.
БѢЛЯВСКІЙ I5 улан.Владимирск.п.
РОЗЕНШИЛЬД-ПАУЛИН I-й Л.Гв.Преображенскій п.
МОЖАРОВСКІЙ 6 драг.Глуховскій п.

Список УІІІ выпуска /сб.8 стр.32,33/ из писем Н.М.Витте и Г.М.Гринева.
АГѢЕВ имя Сергѣй
РОЗЕНШИЛЬД-ПАУЛИН 2-й Л.Гв.Преображенск.п.
РОЗВАДОВСКІЙ К.М. прибавить к списку,/есть на выпускной группѣ/.
ИВАНОВ Александр 9 драг.Казанск.п.
ДАВЫДОВ А.Д. прибавить к списку, /есть на выпуск.группѣ/.

Список ІХ выпуска /сб.8 стр.33,34/ из письма Н.М.Витте.
ГИРШФЕЛЬД 2-й Л.Гв.I стрѣлк.п.
БОГОМОЛЬЦ убит в грахд.войнѣ.
ЛОБАН Роман 23 конная батарея.
РОДІОНОВ 6 гусар.Клястицкій п.
ГОВОРКОВ убит в I Вел.войнѣ.

Список Х выпуска /сб.9 стр.33,34/,из писем Е.Е.Поль, А.Ф.Приселкова и А.И.Пятибокова.
КОВЧЕГОВ прибавить в.у.о.
ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ прибавить к списку,в.у.о.
ЛОБАНОВ военный летчик.
КУДРЯВЦЕВ Тверск.Кав.Уч./не Елис./
ЛЕОНТЬЕВ Владимир - в декабрѣ I9I4 г. в Тверск.Кав.Уч. В формѣ юнкера держал выпускной экзамен; корпус кончил.
ПРИСЕЛКОВ Алексѣй - в Тверск.Кав.Уч.не был; ушел из УІІ кл.добровольцем на войну. В I4 г.ранен.В Добр.арм. 6 уланск. Волынскій
ХОПЕРСКІЙ прибавить в.у.о.
разжалован,Конст.Арт.Уч.
ФЕДЯЙ Военно-Топографич.Уч.
ВЕЙСБАХ Тверск.Кав.Уч./не Елисав./

ПЛАКСИН, СОМОВ и ЮРЬЕВ Борис - Елис.Кав.Уч. Всѣ трое кончили корпус.
ДЕШКОВСКІЙ перевед.в Аракчеевскій Корпус.
БАБАДАГЛЫ перев.в Морск.Корп. из УІ класса.

Список XI выпуска /сб.9 стр 34,35/,из писем О.В.Гурьевой, Н.В.Бологовского, З.В.Нитц и А.Ф.Приселкова.

БОРОДАЕВСКІЙ имя Павел Морск.Корп.
СКЕРСКІЙ Георгій в.у.о. Конст.Арт. Учил.
ЗЮКОВ Петр в.у.о. Конст.Арт.Уч. 28 артил.бриг.
ТИМЕНКОВ Сергѣй Елисав.Кав.Уч.
ЭСМОНТ Николай/не Сергѣй/Констан. Артил.Уч.
ЧАУСОВ имя Борис
ТВЕРСКОЙ Михаил Констант.Арт.Уч.
АДАМОВИЧ Николай Павловск.Воен.Уч.
СМИРНОВ Петр прибавить к списку I отдѣленія
ГУРЬЕВ Андрей прибавить к списку 2 отдѣл. Ник.Кав.Уч. Л.Гв.Улан Его Велич.
ПОЛТОРАЦКІЙ Михаил /не Николай/ко 2 отдѣл.Серг.Арт.Уч.
УГРЮМОВ Александр прибавить к списку 2 отдѣл. 6 улан Волынскій п.

Список XII выпуска /сб.9 стр.35,36/,из писем Н.В.Главацкаго, А.Ф.Приселкова, В.Н.Черноглазова и П.Ф.Субботина.

МАЛИНОВСКІЙ имя Иван
СУВОРОВ имя Леонид /исправить/
КОЧЕРГА Георгій убит в Кубанском походѣ,ночью при переходѣ жел.дороги под Усть-Медвѣдицкой.
БАРНАБОВ - убит в Кубанском походѣ под Кореневской.

Не вошли в списки - прбавить:

САЛТАНОВСКІЙ Михаил - убит под Каховкой в 1920 г.
СТЕПЕНСКІЙ - убит в отрядѣ Черницова.
ПУЗЫРЕВСКІЙ Владимир - умер в санаторіи Сурдулица в Югославіи.
ДАНИЛЕВСКІЙ брат Степана УII выпуска; по свѣдѣніям оба погибли на броне-поѣздѣ "Морской" около Невинномысской.
ЗАМОЙСКІЙ Николай
СЛАНСКІЙ - Клястицк.гус.в Добр.Арм.
ЛОБКО-ЛОБАНОВСКІЙ Владимир
ШИМАН Владимир 6 улан.Волынск. в Добров.арміи.
КИШИНСКІЙ /2-е отдѣл./
СКАЧЕВСКІЙ /2-е отдѣл./
МУРАВЬЕВ /2-е отдѣл./
УСТИМОВИЧ - не кончил корпус.В Югославіи убит в Русск.корпусѣ на Дунаѣ под Горним Милановцем.

-о-

Примѣчаніе из письма А.Ф.Приселкова. "В Добров. арміи в Волынскій уланскій эскадрон съѣхались Суворовцы, кромѣ меня: Вруцевич Геннадій Иванович /II в./, Дрейер /III в./, Василенко Борис Николаевич /УII в./ Николаев Илья /X в./, Угрюмов Александр /XI в./,Шиман Владимир/XII в./

-о-

Примѣчанія из письма Н.Н.Страшкевича. I/В сборникѣ №8 стр.25, гдѣ я писал об освященіи церкви, надо исправить: Архіепископ не Флавіан, а Іероним,т.к. Флавіан в этом 1902 г. был уже Экзархом Грузіи.
2/В №8 "Суворовцы" помѣщена выдержка из моего письма о музеѣ. Говоря о бюстѣ Суворова, находившемся в бѣлом залѣ, я указал, что бюст был работы Демут-Малиновскаго. В приложеніи к 9 сборнику помѣщена фотографическая копія собственноручнаго письма Великаго Князя Константина Константиновича к директору корпуса, из котораго явствует, что бюст исполнен Гишаром. Ошибка произошла, потому что в одном из книжных магазинов я увидѣл,посвященный Суворову, юбилейный альбом. В нем были фотографіи нѣскольких бюстов, исполненных в разное время. Среди них два в 1801 году - Гишара и Демут-Малиновскаго. Фотографіи нашего бюста в руках у меня не было; воспроизводя его по зрительной памяти и не обладая глазом художника, возможно сумѣвшаго бы найти разницу в подробностях, я и выбрал бюст Демут-Малиновскаго, показавшійся мнѣ болѣе схожим. Ошибку прошу исправить.
3/И еще одна ошибка,требующая исправленіе. В послѣднем №9 в моем очеркѣ из лагерной жизни,на стран.12, говорится о награжденіи подпрапорщика "орденом Св.Анны 4 степени с бантом для ношенія на груди." Надо читать:"знаком отличія Св.Анны с бантом для ношенія на груди." Сердечное спасибо Н.М.Витте, указавшему мою ошибку.

-о-

ИЗ "ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ" И ИЗ АРХИВА ОБъЕДИНЕНІЯ.

Из письма С.В.НИТЦ..."Вот что еще пришло в голову. В сборникѣ №8 и К.В.Соколов, и Ты вспоминаете об отбоѣ, который исполнялся на корнетѣ в концѣ послѣдняго урока, в выпускном классѣ. Это, конечно стало традиціей. Отбой на корнетѣ был и в моем выпускѣ - XI. Была только небольшая разница в "нарушеніи правил корпуса." В Варшавѣ начало и конец каждаго урока обозначался электрическим звонком и поэтому отбой на корнетѣ обращал на себя вниманіе и начальством преслѣдовался. В Москвѣ звонка не было, его замѣнял горнист. Отбой в концѣ урока был пѣхотный. Послѣдній урок заканчивался отбоем на корнетѣ; исполнял кадет 6-го класса. Отбой был красивый; какой не помню. Начальство у нас это не преслѣдовало и, кажется об этом говорилось заранѣе. Вошло это в жизнь корпуса прочно.

"Звѣріаду" хранил и передавал слѣдующему выпуску у нас уже не вице фольдфебель, а "генерал." С какого выпуска это началось - не знаю, но у нас было так. Никакой особой церемоніи не было; не было у нас и ночного парада. IO-й выпуск устраивал его, но очень скромно, т.к. условія в Москвѣ не позволяли его устроить так - как дѣлали его первые выпуски в Варшавѣ."

Из писем Л.П.ЛИНЕВИЧА... "Есть у нас тут мальчик лѣт пятнадцати, сын совѣтскаго полковника, избравшаго свободу. Мальчик мнѣ и говорит: "Вы, дядя, Царскій Суворовец, а я совѣтскій кадет Суворовец. Видите, власть перемѣнилась, а Суворов так и остался Суворовым. Хотѣлось бы почитать ваш журнал, чтобы узнать, как жили Царскіе Суворовцы". "Ладно" - говорю ему - "журнал получишь. А ты, конечно, не виноват, что власть перемѣнилась." Мальчик смышленый и очень горд, что носил алый погон. Он с азартом читает наш сборник и я ему должен разсказывать как мы учились, что учили, как ѣли, как спали, как танцовали на балах... Он слушает и приговаривает: "вот это было здорово! У нас не так, хуже. Мы это слышали." "А от кого слашали" - справшмваю. "От дядек. У меня был дядька из Псковскаго корпуса, старичек, он нам и разсказывал." - "Видал миндал," откуда старые вѣтры задувают - от наших дядек - вот она закваска!"

..."Я думаю - будет еще один скромный жертвователь на усиленіе нашего сборника. Это варшавянин - пан Сигизмунд Ведецкій, сын смотрителя малаго дворца в Лазенках, т.е. наш сосѣд. Кончил в Варшавѣ реалку, был в Варшавском политехникумѣ, потом во время войны призванный, как резервный офицер артиллеріи. Знал и водил дружбу с нашими кадетами 2,3 и 4-го выпусков. Бывал на наших балах. "Я, как поляк" - говорит он, "конечно, привѣтствовал возстановленіе самостоятельной Польши, но с искренним и теплым чувством вспоминаю и старую, Царскую Варшаву. В ней не было плохо. И когда я читаю ваш сборник, на глаза невольно навертываются слезы. Вѣдь вы пишете о моей юности." Видишь, кунак, сборник то наш и поляков доводит до чистой слезы. Твоего выпуска вспоминает Криденера, Кройтера и Венцковича. Знает хорошо Мевіуса и сына доктора Казаринова по политехникуму. Передает Тебѣ сердечный привѣт, как Суворовскому кадету, артиллеристу и основателю сборника. Так и сказал: "пану Потапову привѣт в кубѣ."... "Есть у меня тут и другой пан Казимир Яновскій, тожо варшавянин и реалист моего времени. Его я помню. С кадетами водил дружбу. Вѣришь ли, мнѣ с ним пріятно проводить время. Сам посуди: начнешь говорить и вспоминается все родное - и красавица Варшава, и Бельведерская, и знакомыя, близкія сердцу фамиліи"..."Придет сегодня и Сильяндер; по душѣ хорошій, а главное, что Суворовец! Симбирскій вспоминает без энтузіазма и ждет не дождется наших сборников; говорит: "читаю и молодѣю душой, так и кажется, что на плечах алѣют Суворовскіе погоны." Значит от сборников польза идет - попадают в цѣль".

Из письма Д.И.ХОДНЕВА /Л.Гв.Финляндскаго полка/... "Александр Иванович ЛИДЕРС /2-го вып./ в 1909 году, окончивши Александровское Военное Училище, из портупей-юнкеров был произведен в подпоручики Л.Гв. Финляндскаго полка. Вскорѣ был назначен в роту Его Высочества младшим офицером, в каковой должности выступил с полком в поход в 1914 году... В ночь с 26 на 27 ноября 1914 года, венгры,на участкѣ 1-го батальона у Янгрота, атаковали густыми цѣпями Его Высочества роту, которой командовал поручик Лидерс. Атака была отбита. Послѣ этого Лидерс пошел вдоль роты, с электрическим фонарем, благодаря солдат. Большинство венгров, оставшихся в живых, повернуло назад; нѣкоторые залегли. Один из венгров, доползших до нашего бруствера, выстрѣлил в Лидерса, почти в упор в голову, и убил наповал. Солдаты, очень любившіе Лидерса, стащили венгра в окоп и тут же его прикончили.

А.И.Лидерс был убит разрывной пулей, вслѣдствіе чего голова его была совершенно разбита. Тѣло его, с другими убитыми офицерами полка под Краковом, было доставлено в Петербург и погребено на полковом Смоленском кладбищѣ. А.И.Лидерс был уважаем и любим в полку всѣми - и офицерами и солдатами. Отличный офицер, прекрасный строевик и доблестный в боях - храбрый, спокойный, рѣшительный. Кадеты-Суворовцы, юнкера-Александровцы и однополчане его, финляндцы, всегда будут чтить его память."

Из письма Е.Л.ЯНКОВСКАГО /Л.Гв.Кексгольмскаго полка/... "Елеазар Ипполитович ЗАХАРЬИН, окончив в 1907 году Суворовскій Кадетскій Корпус, поступил в Елисаветградское Кавалерійское Училище, по окончаніи котораго был выпущен Л.Гв. в Кексгольмскій полк. Названный полк, в 1909 году, по повелѣнію Государя Императора, был вызван в Красное Село,для отбыванія лагернаго сбора. Полк стоял в главном Красносельском лагерѣ... Выйдя из офицерскаго барака, я замѣтил лихого корнета-юнкера Елисаветградца, во всем блескѣ кавалерійской формы,неувѣренно бродившаго по лагерным тропам. Лихо вытянувшись и щелкнув шпорами, юнкер попросил меня указать мѣсто расположенія полковой канцеляріи. Удовлетворив его желаніе, я направился в офицерское собраніе. Каково же было мое удивленіе, когда тот же лихой "корнет," в сопровожденіи полкового адъютанта Барона Штакельберг, явился для представленія г.г.офицерам, по случаю желанія выйти в наш полк. У нас в полку были офицеры, кончившіе не только Кавалерійское и 3-х лѣтній курс Артиллерійскаго училища, но и окончившіе Морской корпус. Попав в полк, Е.И.Захарьин, в первый год службы, должен был усиленно подзубривать пѣхотныя уставы и наставленія... Вскорѣ он был назначен на конную должность младшаго офицера пулеметной команды...

Участвуя в Бѣлом движеніи в должности начальника пулеметной команды, попав в окруженіе и видя безвыходность положенія, полковник Захарьин, приказав своим пулеметчикам спасаться, сѣл за пулемет и выпустив послѣдній патрон пулеметной ленты - застрѣлился. Так безстрашно рѣшал вопрос жизни этот рыцарь долга и чести. Е.И.Захарьин был скромный, отличный офицер и товарищ в полном старом значеніи этого слова. Всегда спокойный, воспитанный и выдержанный, за всю свою службу в полку, он ни разу не вышел из своего всегдашняго равновѣсія. Корпус, училище и полк с гордостью могут вспоминать имя этого рыцаря чести,однокашника и однополчанина Елеазара Ипполитовича Захарьина.

-.-

Из данных Е.Л.ЯНКОВСКАГО. Выписка из описанія боевых дѣйствій "Л.Гв. КЕКСГОЛЬМСКІЙ ПОЛК НА ГОЛГОФѢ САМСОНОВСКОЙ АРМІИ," об участіи Константина Георгіевича АНУЧИНА в спасеніи знамени.

"Согласно мобилизаціонному плану, Л.Гв.Кексгольмскій полк,первым из частей 3-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, выступил в поход на германскій фронт. Ввиду тяжелаго положенія, сложившагося в районѣ дѣйствій 2-й Самсоновской арміи, не ожидая сосредоточенія ни 23 армей-

скаго корпуса,к которому была придана 3-я гвардейская дивизія, ни даже полков своей дивизіи, Л.Гв.Кексгольмскій полк был брошен в бои одиночным порядком. Выхваченный из своей организаціонной единицы, Л. Гв.Кексгольмскій полк был совершенно оторван от своих питательных баз - продовольствія и боевых припасов. Заполняя всѣ слабыя мѣста фронта, Кексгольмцы неоднократно перебрасывались с мѣста на мѣсто, на поддержку той или иной части 2-й арміи... Послѣ боя у селенія Рончкен, Кексгольмцам было приказано задержать противника у сел.Радомин. Подойдя к селенію Радомин, полк был встрѣчен сильным артиллерійским огнем.На нас обрушился нѣмецкій корпус, переброшенный с французскаго фронта. Полк и здѣсь, своими 10 ротами с одной батареей, сдерживал натиск нѣмецкаго корпуса в теченіи 12 часов. К 7 часам вечера полк, получив приказаніе отступать, без точнаго указанія пункта отступленія,и собрав свои остатки, около двух рот со знаменем, в хаосѣ отходивших по его тылам частей 2-й арміи, дошел до Мушакенскаго лѣса. Знамя не позволяло пускаться в очень рискованныя предпріятія, из опасенія оставить его в руках противника... К разсвѣту, 17-X-1914, выйдя с небольшой группой на опушку лѣса, командир полка,в виду полной безнадежности положенія, приказал отдѣлить полотнище знамени от древка,а навершіе закопать,в обозначенном на картѣ мѣстѣ. Незадолго перед тѣм,наша батарея, выпустив послѣдній патрон по ѣхавшему вдали нѣмецкому штабному автомобилю,с полным попаданіем,заклепала орудія. Приложившись к знамени, остатки Кексгольмцев простились со своей святыней.Выбрав из числа младших офицеров подпоручика Анучина,как высокаго,сухощаваго и болѣе молодого, командир полка приказал ему обмотать полотнище знамени вокруг тѣла,надѣв сверху рубашку. В качествѣ охраны,командир полка поручил лучшему из состава, сверхсрочному старшему унтер-офицеру Васильеву, оберегать полковую святыню, и дал им двух верховых лошадей. Благословив знаменосцев на подвиг спасенія знамени, командир приказал им пробиться в Россію и положить к стопам Верховнаго Вождя священный Кексгольмскій Стяг. С болью в сердцѣ,грустными взорами, провожали Кексгольмцы удалявшихся знаменосцев, моля Всевышняго о чудѣ спасенія... Медленно продвигались по укромным мѣстам Кексгольмскіе знаменосцы. Попав раз под перекрестный огонь, они потеряли своих лошадей. Ползком пробираясь по зарослям, подойдя к выходу на опушку лѣса, ст.унтер-офицер Василев рѣшил освѣтить мѣстность. Выглянув из за кустов, он увидѣл в 50 шагах нѣмецкую заставу, охранявшую свой участок. Взоры противников скрестились. Не долго думая,этот беззавѣтно храбрый воин,исполняя свой долг, рѣшил пожертвовать жизнью для спасенія знамени. Крикнув подпор.Анучину:"спасайтесь,я их задержу," он, став во весь рост, начал в упор разстрѣливать нѣмецкую заставу. Залп из десятка винтовок сразил героя. Плутая по неизвѣстной мѣстности,подпор.Анучину пришлось вновь переползать эту страшную тропу. Ст.унтэр-офицер Васильев,совершив подвиг неподражаемой красоты, лежал изрѣшетенный пулями... Не настал еще час знамени попасть в родные края. Одиноко скрываясь по зарослям,подпор.Анучин был схвачен,повсюду шнырявшими нѣмцами. Послѣ многих безплодных попыток пробиться,попав в руки противника, Кексгольмцы, к своему ужасу,увидѣли в одной из групп,сопровождаемых нѣмцами, подпор.Анучина. Обмѣном нѣмых взглядов выяснилось, что знамя при нем... В началѣ в руки нѣмцев попало лишь небольшое количество русских знамен, а поэтому в поисках таковых,нѣмцы принялись за обыски. Знамена нѣсколькихполков были уже найдены. Принимая во вниманіе безвыходность создавшагося положенія, командир полка приказал: поздней ночью,между обходами нѣмецких дозоров,выставив к дверям офицерскіе посты, раздѣлить знамя на двѣ части. Два массивных парчевых полотнища не давали возможности скрыть их и в таком видѣ при обыскѣ. Вырѣзав с одной стороны знамени Лик Нерукотворнаго Спаса, а со второй его части два куска с Императорским вензелнм, командир прика-

зал всѣ остальныя части его уничтожить,постепенно сжигая в печкѣ.... Вырѣзанныя три части знамени служили несомнѣнным доказательством его сохранности. Вся эта работа была закончена на разсвѣтѣ... До конца плѣна ни одна часть Кексгольмскаго знамени не была обнаружена нѣмцами. Так удалось спасти полковую святыню. Из плѣна было послано сообщеніе капитану Лазареву - Кексгольмцу, состоявшему адъютантом Собственнаго Его Величества Своднаго пѣхотнаго полка, что - "Зина жива и здорова", т.е.знамя полка в сохранности. Эти свѣдѣнія капитан Лазарев передал Государю Императору... Послѣ разслѣдованія дѣйствій полка, Его Величество повелѣть соизволил: по возвращеніи из плѣна,всѣх г.г.офицеров произвести в чины для уравненія со сверстниками... Впослѣдствіи части спасеннаго знамени хранились в Югославіи в музеѣ полка у генерала Адамовича, послѣ сметри котораго были переданы на храненіе полковнику Янковскому....
Полковник К.Г.Анучин принимал участіе в Добровольческой компаніи вооруженных сил Юга Россіи. Послѣ эвакуаціи Крыма, оставшись в партизанских отрядах, скрывавшихся в горах, по дошедшим до полка слухам, был разстрѣлян большевиками или зелеными. К.Г.Анучин окончил Суворовскій Кадетскій Корпус в 1911 году, поступил в Павловское Военное Училище, из котораго в 1913 году был выпущен Л.Гв. в Кексгольмскій полк."

-.-

Выписка из журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" №26 сентябрь 1957 г.

"СЛАВА СУВОРОВСКИМ КАДЕТАМ, СЛАВНОЙ ШКОЛѢ И ЦАРЕВЫМ УЛАНАМ"

Ноябрь 1920 года. Набережная г.Феодосіи....
Неожиданно, я увидѣл стоящаго на берегу нашего "Земного бога" Васю Гурѣева и, если не ошибаюсь, его младшаго брата.

На мой вопрос, что он хочет дѣлать - машет рукой, указывая на пароход и объявляет:

- Проводил своих, остаюсь в Крыму, может быть переберусь на Кавказ, в горы, буду продолжать борьбу.

На мое предложеніе ѣхать со мной в Керчь, гдѣ погрузиться на какой нибудь пароход, категорически отказывается. Мы прощаемся, и он уходит в город....

Что стало с моим милым Васей, гдѣ сложил свои кости этот кадет - Суворовец, лучшій из выпуска Славной Школы 1908 года и, вѣроятно, такой же общій любимец офицеров Л.Гв.Уланскаго Его Величества полка?

Г.Алѣев.

---o---

Из письма Ольги Владимировны ГУРЬЕВОЙ - данныя о братьях - всѣх четырех, погибших во время грахд.войны.

ГУРЬЕВ 1-й Василій 1-го вып. погиб в Крыму.

ГУРЬЕВ 2-й ЮРІЙ 8-го вып.Елис.Кав.Уч.Улан Его Величества, погиб в Крыму.

ГУРЬЕВ 3-й Лев 9-го вып.Ник.Кав.Уч. Улан Е.В.погиб во время похода из Екатеринослава в Крым в 1919 г.

ГУРЬЕВ 4-й Андрей 12-го вып.Ник. Кав.Уч.в гр.войнѣ улан Е.В. погиб в Крыму

-.-

Ольга Владимировна Гурѣева вступила в число члено Объединенія Суворовцев во Франціи.

-.-

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИСПРАВЛЕНІЯ К СПИСКАМ.

I-й вып. ГЛОБА-МИХАЙЛЕНКО Константин - Александр.Воен.Уч. Новогеорг. крѣп.арт. перенести в I-е отд./сб.4-30 и сб.3-26/.

Из письма А.В.КРИШТАНОВСКАГО:
IУ вып. /сб.5 стр.26./

КИРА-ДАНЖАН вычеркнуть,не был.

БРОЕРСКІЙ - прибавить к списку Психо-Неврол.Инст.

НАУМОВ летчик.

ХАБАРОВ - прибавить к списку Конст. Артил.Уч.

КРАЕВСКІЙ Никол.Инжен.Уч./не Кіевск./ 9 саперн.батальон.
СЕМЕНОВ Л.Гв.Стрѣлк.артил.бриг. Погиб в Крыму.
Список 6-го выпуска./сб.8 стр.30/
БРАНДТ Александр Павл.В.Уч.дальше по примѣчанію к сп.IУ вып./пом.выше/.
ЛУНЕВСКІЙ Михайл.Артил.Уч.I Сибир.стр.арт.бр.Погиб в Вел.В.

Из письма А.И.ПЯТИБОКОВА... "В одном из предыдущих сборников упоминалось мое имя,в связи с "кавалерійским духом" и "цуком." Прошу Тебя отмѣтить, что "цука" я не касался в моих очерках,а употребив выраженіе "кавалерійскій" корпус,основывался просто на подсчетѣ. В моем I0-м выпускѣ было больше двадцати человѣк,вышедших в кавалерію, что составляло почти половину выпуска."

-.-

Привожу копію аттестата,который выдавался нашему XIII выпуску.

А Т Т Е С Т А Т. Копія.

От Суворовской гимназіи военнаго вѣдомства дан сей аттестат воспитаннику УII класса Николаю Артуровичу КОРЬЮС, родившемуся 27-го іюля I90I года, в том, что названный воспитанник, при отличном поведеніи, успѣшно окончил полный курс гимназіи и на основаніи результатов окончательных испытаній получил нижеслѣдующую оцѣнку познаній:

Из Закона Божія	"5"	пять
" Русскаго языка	"5"	пять
" Французскаго языка	-	
" Нѣмецкаго языка	"5"	пять
" Ариѳметики	"5"	пять
" Алгебры	"5"	пять
" Геометріи	"5"	пять
" Тригонометріи	"5"	пять
" Аналитической геометріи	"5"	пять
" Анализа безконечно-малых ...	"5"	пять
" Естествовѣдѣнія	"5"	пять
" Физики	"5"	пять
" Химіи	"5"	пять
" Космографіи	"5"	пять
" Географіи	"5"	пять
" Исторіи	"5"	пять
" Законовѣдѣнія	"5"	пять
" Рисованія	"5"	пять
Сумма баллов	"85"	восемьдесят пять
Средній балл	"5"	пять

В виду сего, означенный воспитанник, как успѣшно окончившій полный курс средняго учебнаго заведенія, может пользоваться вообще служебными преимуществами, сопряженными с полученным им образованіем, а при поступленіи на военную службу - правами I-го разряда вольноопредѣляющихся или первой степени поступающих по жеребью. В удостовѣреніе чего и выдан ему Николаю Корьюс сей аттестат, за надлежащею подписью с приложеніем печати гимназіи.

Город Москва I9I8 года марта "II"дня.

Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта: Цвѣтковскій
Инспектор классов: Салатко-Петрище.
Члены Педагогическаго Совѣта: Ь.Бабенчиков, В.Носов, А.Трусевич,
/Мѣсто К.Иванов, О.Коппель, Маньковскій.
печати./ Секретарь Педагогическаго Совѣта: Марковскій.
Секретарь гимназіи: Михайлов.

О Г О Н Ь К И.

Ты помнишь: маленьким ребенком,
Ты ѣхал в поѣздѣ давно,
Раскрыв чуть сонные глазенки,
Смотрѣл в замерзшее окно.
  Была зима и ночь глухая,
  Как будто мір покрыла сѣть,
  Но ты прильнул к окну, пытаясь,
  Средь мрака что то разсмотрѣть.
И постепенно, понемногу,
Как из коробочки чудес,
Ты видишь смутно, вдоль дороги
Бѣжит дремучій, страшный лѣс.
  Бѣжит оснѣженным забором,
  Вот вѣтка, словно как рука;
  Чуть порѣдѣло, на просторѣ
  Видна застывшая рѣка.
Все чудно, страшно, словно в сказкѣ,
И лѣса мрак, и сон рѣки;
Вдруг страх прошел и нѣжной лаской
Вдали блеснули огоньки.
  В сердечкѣ дѣтском защемило
  И взор ты оторвать не мог
  От точки, гдѣ сіяет милый
  И сердцу близкій огонек.

Кто там живет? Быть может старец,
Быть может бѣдная семья,
Не все ль равно. Ребенок знает,
Кто б не был там, там ждут друзья.
  Ребенок знает: ночью, в зиму,
  Всегда он может постучать,
  Как сына, как родного примут,
  Накормят и уложат спать.
Он видит, что в странѣ чудесной
Горят святые огоньки,
Средь темной ночи безпросвѣтной,
Являясь символом любви.
  Я вижу - луч воспоминаній
  Тебя в веселый вид привел.
  Смѣешься - гдѣ чудак, ты пьяный,
  Чудесную страну нашел?
Не укоряй - я с горя пьяный,
Я огоньки забыл давно;
Ты знаешь - сердце - это рана,
А рану растравлять грѣшно.
  Но все же я припоминаю,
  Звалась как дивная страна;
  Ея названье - Русь Святая!
  Чего ж я плачу? Дай вина!

СЕРГѢЙ АВЕНАРІУС /УІ выпуска
нынѣ покойный./

16 сентября 1951 г. Париж.

---o---

Примѣчаніе. Присланная С.Г.Двигубским, "Краткая исторія" служит как бы сводкой, обнимая, именно вкратцѣ, все сказанное в "Памяткѣ", изданной в год 50-ти лѣтія основанія Суворовскаго Кадетскаго Корпуса, и в наших сборниках от I-го до I0-го, почему и помѣщаю ее в заключеніе настоящаго десятаго сборника.
А.Потапов.

С У В О Р О В С К І Й К А Д Е Т С К І Й К О Р П У С.
/Краткая исторія./

Многолѣтнія ходатайства и просьбы о настоятельной потребности крупнѣйшему Россійскому Военному Округу - Варшавскому - имѣть свое Военно-учебное заведеніе были уважены и в 1899 году, волей Императора Николая Александровича, был учрежден Варшавскій Кадетскій Корпус, временно помѣстившійся в Варшавской крѣпости, в казармах Л.Гв.Кексгольмскаго полка, перешедшаго в город на новыя квартиры.

Уже в 1900 году Варшавскій Кадетскій Корпус был переименован в Суворовскій и в том же году, в торжественной обстановкѣ, в присутствіи Командующаго Войсками Округа Генерал-Адъютанта Свѣтлѣйшаго Князя Имеретинскаго, в лучшем мѣстѣ Варшавы - на Бельведерской аллеѣ - состоялась закладка новаго зданія корпуса.

Для церкви корпуса был Высочайше пожертвован иконостас, находившій-

ся при Арміи Князя Суворова при вступленіи в Варшаву в 1794 году, а затѣм при главной квартирѣ Императора Александра I Благословеннаго во время Его походов заграницу в 1813-14 г.г.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы была освящена 21 ноября 1902 года и день этого праздника - 1 октября ст.ст. - стал незабвенным днем Праздника Корпуса.

В память столѣтія со дня кончины Генералиссимуса Князя Суворова, приказом по Военному Вѣдомству /18 мая 1901 г. №163/, были учреждены 10 Суворовских стипендій.

С первым выпуском, в 1906 году, корпусу было Высочайше пожаловано знамя гвардейскаго образца. Особенностью Корпуса был присвоенный ему встрѣчный марш "Гром побѣды раздавайся".

Корпус был 4-х ротнаго состава и при нем пріют для малолѣтних, носивших кадетское обмундированіе, но без металлических пуговиц и кадетскаго пояса с бляхой; на контр-погонах и на фуражкѣ вмѣсто кокарды был трафарет "Сув".

При корпусѣ был Суворовскій музей, в котором кромѣ цѣнных исторических документов, портретов и предметов, выдѣлялась застекленная витрина с двумя реликвіями: лента Ордена Св.Великомученика и Побѣдоносца Георгія I класса с вышитой на бантѣ орденской звѣздой и золотой офицерскій крест за взятіе Праги, принадлежавшіе Суворову. В Бѣлом залѣ на мраморном цоколѣ был установлен бюст Суворова, присланный в дар корпусу, 2 декабря 1901 года, незабвенным Великим Князем Константином Константиновичем при собственноручном письмѣ: -"Посылаю в дар Суворовцам бронзовый бюст великаго Суворова, исполненный в 1801 году Гишаром. Я увѣрен, что Суворовскіе кадеты никогда не забудут какое славное имя они носят и что всегда будут почерпать уроки доблести в дѣяніях дивнаго выразителя русской силы и русской славы".

Великій Князь проявлял свои заботы и любовь к молодому корпусу до самой своей кончины.

Государь Император неоднократно оказывал корпусу свое Высокое и Милостивое вниманіе, чему свидѣтельствуют сохранившіеся и по сей день документы:

- "Тронут чувствами чинов и кадет Суворовскаго Корпуса. Имя великаго полководца, которое они носят, да будет им во всю жизнь путеводною звѣздою во всѣх обстоятельствах." /5 октября 1905 года./
- "Искренно благодарю чинов корпуса и молодых Суворовцев". /8 октября 1904 года./
- "Сердечно тронут выраженіем высоких чувств одушевляющих Суворовскій Кадетскій Корпус. Увѣрен, что питомцы его докажут будущей службой своей непоколебимую и самоотверженную преданность Престолу и дорогой Родинѣ". /18 мая 1906 года./

---o---

Директорами Суворовскаго Кадетскаго Корпуса были:

1899 - 1908 г. - Генерал-Лейтенант Степан Нилович Лавров, назначенный потом помощником Главнаго Начальника Военно-учебных заведеній.

1908 - 1917 г. - Генерал-Лейтенант Андрей Николаевич Ваулин.

---o---

С объявленіем войны, осенью 1914 года, по плану мобилизаціи, Суворовскій Кадетскій Крпус был переведен в Москву, гдѣ расположился в казармах Гренадерскаго сапернаго батальона, постепенно переоборудованных для этой цѣли. Младшая - 4-я рота - так и осталась прикомандированной к I-му Московскому Императрицы Екатерины II Кадетскому Корпусу.

Зимой 1914 года корпус удостоил своим посѣщеніем Государь Император с Наслѣдником Цесаревичем и с Великим Князем Константином Константиновичем.

---o---

За время своего существованія Суворовскій Кадетскій Корпус сдѣлал

13 выпусков: 9 до Великой войны, 3 во время ея, а 13-му кое как удалось в 1918 году закончить корпус, уже преобразованный в нѣчто похожее на военную гимназію, но дух сохранили они старый кадетскій; приходилось нѣкоторых встрѣчать потом - это были настоящіе наши Суворовцы. Обидно и грустно дѣлается за тѣх, кто шел слѣдом, кому не выпала честь быть выпущенным из корпуса, но... против судьбы не пойдешь, испытанія особаго рода выпали на нашу долю... Не опускайте головы! Слышите, Вы - далекіе! Мы, кадеты, одна семья, и тѣ, кто значительно старше, и Вы, носившіе на своих дѣтских плечах, хотя бы год, Царскіе погоны - той же Суворовской семьи кадеты!

На бѣлых мраморных досках Бѣлаго зала не выбиты золотом имена многочисленных наших кавалеров Ордена Св.Георгія, в нашей церкви не укрѣплены траурныя доски с именами сотен Суворовцев, безропотно отдавших свои молодыя жизни для блага Родины.. Рухнула Имперія, погибло зданіе, был невиданный в исторіи великій исход, но Духом жив Славный Корпус и понынѣ.

Разсѣянные Россійской бурей по четырем вѣтрам земным, Суворовцы уже 36 лѣт как объединены за рубежом, храня старые завѣты Вѣры и Вѣрности, дружбы кадетской, имѣя свой печатный орган связи, собирая по крупинкам все касающееся Родного Корпуса, помогая впавшим в бѣду однокашникам, гордясь Великим Именем, иниціалы котораго красовались на наших алых погонах. Парижская группа Суворовцев во главѣ с большим "тоннягой" Николаем Владимировичем Главацким, объединяющая группы и одиночек французской провинціи и сѣв.Африки /т.е.Объединеніе Суворовцев во Франціи и сѣв.Африкѣ/, стройная организація дѣятельных представителей в Америкѣ и других странах, возглавляются уже болѣе 1/4 вѣка единым предсѣдателем всѣх Суворовских Объединеній Александром Николаевичем Потаповым, большим патріотом корпуса, отдающему дѣлу этому средства, знанія,волю,время и..здоровье,и пользующемуся любовью,довѣріем и признательностью всѣх Суворовцев.

С 1-го октября 1957 года Почетное Предсѣдательство приняла на себя Ея Высочество Княжна Вѣра Константиновна, младшая дочь незабвеннаго Великаго Князя Константина Константиновича.

Ріуперу. Январь 1958 года. СЕРГѢЙ ДВИГУБСКІЙ /XII выпусвка./

---o---

ДОПОЛНЕНІЯ /к предыдущим страницам/.

Из письма М.А.МЕДЕР... "В XIII выпускѣ в 3-м классѣ был, короткое время,воспитатель 20 пѣх.Галицкаго полка Поручик БОКОВ.

Не установлен - ни год, ни номер выпуска.

БОГОСЛОВСКІЙ /XI - ?/
ГАВРИЛОВ 2-й Борис
ГОЛУБЕНКО
ПАСЫНКОВ
ПОДОЛЬСКІЙ
ТАРАНЦЕВ 1-й
ЮХНОВСКІЙ 2-й
БУНИН 2-й /II или III - ?/
ГАВРИЛОВ Феодосій /сын эконома/
ГУЛЯКОВ 3-й
ПЛОТТО /III или IУ - ?/
САХНОВСКІЙ Константин /не кончил -?/
ЧЕРНАВИН

-.-

К списку 2-го выпуска прибавить в.у.о.

в 1-м отд. к номерам - 4,7,12,15,17,19,28,29.
во 2-м " " - 1,7,8,11,14.
в 3-м " " - 4,6,11,23,26.

---o---

О СБОРНИКѢ. Послѣ разсылки освѣдомленія "ДЕКАБРЬ 1957", я получил довольно много писем с пожеланіями не прекращать изданіе сборника, а по возможности расширить его содержаніе, оставляя все же связь с жизненным путем Суворовских кадет, а также и членов нашего Объединенія. Я понимаю эти пожеланія, особенно со стороны тѣх, кто волею судьбы заброшен в самые далекіе уголки, или оторван от больших центров. В том же освѣдомленіи я обращал вниманіе всѣх на затрудненія в работѣ, которыя неизбѣжно появятся в таком, болѣе расширенном, изданіи и на невозможность справиться одному с этим дѣлом. В отношеніи же каких либо измѣненій во всем дѣлѣ изданія, или раздѣленія работы, я никаких опредѣленных предложеній не получил, /не считая предложенія перехода к выпуску сборника без опредѣленных сроков, а по мѣрѣ накопленія матеріялов/.

Что касается матеріялов, то послѣднее время, к сожалѣнію часто, была неизвѣстность будут они или нѣт; иногда они появлялись и неожиданно, и с опозданіем; поэтому заранѣе невозможно было распредѣлить работу, дабы избѣжать спѣшки и связанных с ней затрудненій, упущеній, или же переслать лицу, выражающему желаніе помочь в печатаніи.

Если предположить, что выпуск сборников будет и далѣе пріурочен к праздникам Пасхи и Корпусному, то, независимо от того кто и как будет продолжать дѣло, очерки, воспоминанія, статьи и т.д. - должны быть в издательствѣ /или пока что у меня/ ни в коем случаѣ не позже 31-XII к апрѣльскому и 30-VI к октябрьскому выпуску, чтобы было достаточно времени для распредѣленія и приготовленія.

Необходимо напомнить, что не раз обращалась просьба ко всѣм - воспоминанія свои писать с одной стороны листа и как можно разборчивѣе, чтобы избѣжать излишней траты /почти тройной/ времени при печатаніи, не говоря о других попутных затрудненіях. Кромѣ того я должен также просить - обратить вниманіе на помѣщенныя в освѣдомленіи рѣшенія нашей повѣрочной комиссіи и на мою просьбу в отношеніи сборников, потому что все это неразрывно связано и с изданіем и с пожеланіями члено Объединенія о дальнѣйших выпусках. И еще одно: если появятся новыя дополненія и исправленія к спискам, то не упоминать о них в письмах, а писать на отдѣльных листах или листках.

А.Потапов.

И З Д А Н І Е О Б ъ Е Д И Н Е Н І Й Б.К А Д Е Т

С У В О Р О В С К А Г О К А Д Е Т С К А Г О К О Р П У С А

/На правах рукописи./

ОБЛОЖКА СБОРНИКА РАБОТЫ ХУДОЖНИКА СУВОРОВЦА Л.П.ЛИНЕВИЧА.

А П Р Ѣ Л Ь 1 9 5 8 Г О Д А.

Х Р И С Т О С В О С К Р Е С Е !

ОТ ИМЕНИ ВСѢХ ОБЪЕДИНЕНІЙ, ОТДѢЛОВ, ГРУПП, ВСѢХ СУВОРОВЦЕВ - В РАССѢЯНІИ СУЩИХ, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНІЯ И МОЕГО - ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ С СВѢТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА.

ПЕРЕДАЮ СЕРДЕЧНЫЕ ПРИВѢТЫ ОТ ВСѢХ - ВСѢМ И ДРУГ - ДРУГУ И ИСКРЕННІЯ ПОЖЕЛАНІЯ ЗДОРОВЬЯ, СИЛ И ПОЛНАГО ВО ВСЕМ БЛАГОПОЛУЧІЯ.

А.Потапов

председатель Объединенiй Суворовцев.

СБОРНИК 11-12

Суворовцы

СБОРНИК

СУВОРОВЦЫ

Х Р И С Т О С В О С К Р Е С Е!

ОТ ИМЕНИ ВСѢХ ОБЪЕДИНЕНІЙ, ОТДѢЛОВ И ГРУПП СУВОРОВЦЕВ И МОЕГО, ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГИХ ОДНОКАШНИКОВ, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНІЯ И ИХ СЕМЬИ

С ВЕЛИКИМ ПРАЗДНИКОМ

ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА.

ВСѢ ЧЛЕНЫ НАШЕЙ СУВОРОВСКОЙ СЕМЬИ, СО ВСѢХ КОНЦОВ СВѢТА, ШЛЮТ ВСѢМ - ВСѢМ И ДРУГ - ДРУГУ СЕРДЕЧНЫЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ И ИСКРЕННІЯ ПОЖЕЛАНІЯ ЗДОРОВЬЯ, БЛАГОПОЛУЧІЯ И ИСПОЛНЕНІЯ НАШИХ ЧАЯНІЙ. ПЕРЕДАВАЯ ЭТИ ПРИВѢТЫ И ПОЖЕЛАНІЯ, Я ПРОШУ ПРИНЯТЬ ИХ И ОТ НАШЕЙ СЕМЬИ.

А.Потапов.

-----oOo-----

В ЭТОМ ГОДУ МЫ ОТМѢЧАЕМ:

60-ти лѣтіе основанія нашей родной и незабываемой школы - СУВОРОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.
День основанія 2 сентября 1899 г.
Да будет всегда с нами свѣтлая и добрая память о нем!

50-ти лѣтіе со дня производства в офицеры Суворовцев I-го выпуска из Михайловскаго и Константиновскаго Артиллерійских и Николаевскаго Инженернаго Училищ.
Привѣтствуем с этим знаменательным многолѣтіем членов нашего Объединенія, дорогих Однокашников -
Глѣба Николаевича Акимова и
Алексѣя Михайловича Шредера.

50-ти лѣтіе окончанія корпуса 4-го выпуска.
Перваго выпуска послѣ перелома, о котором вспомнил в своем очеркѣ "На рубежѣ" Н.Н.Страшкевич /сборник "Суворовцы"№4/.
Привѣтствуем с этим многолѣтіем членов нашего Объединенія, дорогих Однокашников 4-го выпуска.

45-ти лѣтіе окончанія корпуса 9-го выпуска.
Послѣдняго Варшавскаго выпуска перед I Великой Войной.
Привѣтствуем с этим многолѣтіем членов нашего Объединенія, дорогтх Однокашников 9-го выпуска.

ОБЪЕДИНЕНІЕ СУВОРОВЦЕВ.

В освѣдомленіи "Августъ 1958" было дано описаніе иконы Покрова Пресвятой Богородицы, сооруженной в Парижѣ, по почину Николая Владимировича Главацкаго, в память кадет Суворовцев в войнах убіенных и в мирѣ скончавшихся.

Помѣщенный снимок дает полное представленіе о прекрасном исполненіи иконы, на которой, на соотвѣтствующей доскѣ, с обратной стороны, будут выгравированы имена и фамиліи членов Объединенія Суворовцев, о чем сказано в освѣдомленіи "декабрь 1958 г."

Нашему дорогому Николаю Владимировичу, Объединеніе Суворовцев приносит глубокую и искреннюю благодарность за его прекрасный почин и за неутомимые труды и хлопоты в дѣлѣ сооруженія иконы.

И еще одну, и самую сердечную благодарность вся семья Суворовцев приносит нашей дорогой Суворочкѣ, Нинѣ Болеславовнѣ Собецкой, сестрѣ нашего кадета IУ выпуска Бориса Турцевича, приславшей в Париж, Н.В. Главацкому, драгоцѣнный, по своему глубокому духовному значенію, дар - лампаду к нашей иконѣ Покрова Пресвятой Богородицы.

-----oOo-----

Члены Объединенія - Суворовцы 4-го выпуска в память 50-ти лѣтія окончанія корпуса

Борис Аркадіевич
ЛАГОДОВСКІЙ

Анатолій Николаевич
РЕШКО

Николай Николаевич
СТРАШКЕВИЧ

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ...

Со мной в 7 классѣ, но во 2 отдѣленіи, был кадет Александр Абамеликов, в дальнѣйшем офицер 14 гусарскаго Митавскаго полка и мой одногарнизонник. В корпусѣ он увлекался физикой, а кромѣ того обладал большими способностями к разнаго рода ремеслам. Между прочим он прекрасно дѣлал наш корпусной жетон из полтинника.

Однажды ему пришла мысль сдѣлать модель - точную копію броненосца "Князь Суворов." Данныя он почерпнул из серебряной таблички, с выгравированным на ней броненосцем, отвѣтном подаркѣ кают-компаніи корпусу за присланную корпусом икону, и из литературы о броненосцѣ. Сколько времени было потрачено на эту работу, сказать не могу; но в концѣ концов броненосец, сдѣланный из жести и окрашенный был готов и даже вооружен, бывшими в то время в продажѣ, игрушечными пушками, заряжавшимися с казенной части и могшими стрѣлять дробинками.

Случилось так, что в этот год корпус посѣтил Великій Князь Константин Константинович. Зайдя в класс 2-го отдѣленія, Он увидѣл модель, стоявшую на этажеркѣ и заинтересовался ею; внимательно осматривая броненосец, вызвал строителя и распрашивал его о подробностях, задавая "каверзные" вопросы вродѣ: какое водоизмѣщеніе корабля, каково его вооруженіе, сколько узлов дѣлает в час и т.п. Узнав что модель снабжена мотором, Великій Князь выразил желаніе посмотрѣть броненосец на ходу. Вспоминаю эту картину. Всѣ вѣроятно помнят нашу умывалку, в ней - большое, глубокое во всю стѣну корыто и над ним никелевые краны. Вот в этом корытѣ и был показан броненосец на ходу. Корыто было наполнено водой, в него поставлен броненосец, украшенный флагами. Абамеликов включил моторчик, броненосец освѣтился и медленно двинулся. Подожженная пороховая нитка, проведенная к орудіям, подожгла "заряды" и грянул салют из всѣх орудій. Броненосец, слегка закачавшись, продолжал свой ход.

Похвалив Абамеликова за прекрасную работу, Великій Князь поинтересовался какой балл у него по физикѣ. Радостный и гордый строитель просил Великаго Князя разрѣшить поднести модель Князю Олегу Константиновичу. Подумав немного, Великій Князь поблагодарил и от имени сына принял подарок, а через нѣкоторое время Абамеликов получил отвѣтный - золотые часы с соотвѣтствующей надписью.

---o---

Возможно, что это было в тот же пріѣзд Великаго Князя. Как всегда в этих случаях корпусное начальство отсутствовало и мы оставались наединѣ с Ним. Толпа кадет окружала Его и непринужденные разговоры велись на всякія темы. Среди разговора коснулись также, казавшагося нам важным, вопроса о наших погонах. Бывало частенько, мало свѣдующіе люди, читая на наших погонах трафарет "Сув", разшифровывали его как - Сувалки, что нас,конечно,обижало. Мы просили Великаго Князя замѣнить этот трафарет на вензель Князя Суворова. Великій Князь долго и терпѣливо слушал нас и наконец произнес: "Ваш корпус Суворовскій, а не Варшавскій, Генералиссимуса Князя Суворова, а Нижегородскій называется Нижегородским Графа Аракчеева Корпусом; пусть несвѣдующіе читают Сувалки, а кто понимает тот знает, что вы Сувровцы". Великій Князь упомянул этот корпус, потому что мы ссылались на его трафарет - "Г.А."

---o---

Почти такой же случай был в Кіевском Военном Училищѣ,когда я был там.

Зимою 1909/10 г.,ѣдучи на открытіе мощей Св.Княгини Анны Кашинской, гдѣ должен был представлять Особу Государя Императора, Великій Князь заѣхал в Кіев и посѣтил Военное Училище.

В военных училищах, как и в кадетских корпусах, по раз навсегда данному приказанію Великаго Князя, училищное начальство должно было

удаляться, оставляя юнкеров наединѣ с Ним. Юнкера, главным образом бывшіе кадеты, тѣсной толпой окружали Великаго Князя, в то время как юнкера "со стороны" стояли подальше, удивляясь такой свободѣ общенія с Членом Императорской Фамиліи, тогда как к ротному командиру, не говоря о батальонном, а тѣм болѣе о начальникѣ училища, приходилось подходить с "трепетом душевным!" Многих из нас Великій Князь узнавал, называя корпус, который тот или иной окончил, а нѣкоторых называл по фамиліям.

Кадеты-юнкера также, как мы будучи в корпусѣ, говорили о перемѣнѣ трафаретов на погонах, просили о назначеніи училищу Шефа. Дѣйствительно было обидно: из первых 4-х Военных Училищ три были шевскія /Павловское, Александровское и Алексѣевское/ и даже Петербургское стало Владимирским. Как и в корпусѣ кадет, Великій Князь терпѣливо слушал нас и, наконец, как бы в раздумьи, шутливо спросил: "Да кого же дать вам шефом... Развѣ Княгиню Анну Кашинскую?"

"Никак нѣт, Ваше Императорское Высочество, Вас!" - раздались отдѣльные голоса, дружно подхваченные остальными.

На эти возгласы Великій Князь, уже серьезно, отвѣтил:"Это зависит от Его Величества Государя Императора!"

Через нѣсколько лѣт Кіевское Военное Училище стало шефским и юнкера на погонах носили вензель Великаго Князя Константина Константиновича.

---o---

И еще один случай вспоминается мнѣ, но в какой из пріѣздов Великаго Князя не помню. По обыкновенію, окруженный толпой, Великій Князь разговаривал с нами. Кто-то из кадет обратил вниманіе на иностранный орден, висѣвшій на шеѣ Великаго Князя, и спросил Его - что это за орден. "Пур ля мерит - за заслуги, а мнѣ его дали, потому что я Великій Князь," с великолѣпной ироніей отвѣтил Он.

Напрасная скромность. Всѣ культурные люди, не только в Россіи, но и заграницей, знали Президента Россійской Академіи Наук, знали Его и как поэта К.Р., а наш военный мір знал Его еще и как защитника и покровителя их дѣтей. Среди многих тысяч доблестных русских офицеров много было таких, которые лишь благодаря сердечной добротѣ, любви к дѣтям и их отцам, умѣнію Великаго Князя отличать "шалопайство" от дѣйствительной испорченности, окончили кадетскій корпус, военное училище и в рядах Русской арміи вплели новые лавры в сѣдыя знамена своих полков, а в тяжелые годы русской смуты пріяли терновый вѣнец.

"Пур ля мерит - за заслуги. Орден, пожалованный, по замѣчанію Великаго Князя, за принадлежность Его к Россійскому Царствующему Дому, из каких то политических соображеній, быть может, в то время, и не говорил так много, но посмертная оцѣнка трудов, сдѣланная Королем Александром I, давшим имя Великаго Князя Русскому Кадетскому Корпусу в Югославіи, вопреки политической обстановкѣ, является дѣйствительно - "Пур ля мерит"- за заслуги.

Н.Страшкевич /IУ выпуска./

И З В О С П О М И Н А Н І Й.

В августѣ 1958 года исполнилось 50 лѣт, как наш первый директор, Генерал-лейтенант Степан Нилович Лавров, получив новое назначеніе - дежурнаго генерала при Великом Князѣ Константинѣ Константиновичѣ - покинул наш корпус. Считая, что это было в жизни корпуса чрезвычайным событіем, было бы большой нашей оплошностью не отмѣтить этого на страницах нашего сборника. Событіе это чрезвычайное, потому что с уходом "Папаши," каково было прозвище,данное кадетами незабываемому директору, для корпуса кончилась одна и началась другая страница его исторіи.

Правда, наслѣднику "Папаши" не удалось вывѣтрить из корпуса тѣ традиціи, которыя были установлены, со дня его основанія, "Папашей", и которыя оставались в силѣ до послѣдних дней существованія корпуса, о

чем свидѣтельствуют младшіе по выпуску Суворовцы на страницах сборника. Эта "Папашина закваска" сдѣлала нас тѣм - чѣм мы стали...

Вспоминая эту годовщину, я хочу в кратких словах разсказать, как и что помню, о проводах "Папаши".

Возвратившись с лѣтних каникул, в началѣ 1908/09 учебнаго года, не успѣли мы, три брата, переступить порог вестибюля, как получили упрек от "третьяго лица корпуса" - нашего швейцара Ивана - за то, что мы опоздали ко времени, когда Генерал Лавров прощался с корпусом. Это была для нас ошеломляющая новость. В грустном настроеніи мы отправились в свои роты.

В то время корпус был собран в Бѣлом залѣ, гдѣ происходила смѣна директоров. Генерал-лейтенант Лавров прощался, новый - Генерал-майор Ваулин вступал в должность. Что и как там было не могу сказать, т.к. лично не присутствовал.

Послѣ сдачи "Папаша" пробыл еще в стѣнах корпуса приблизительно 2-3 недѣли. Неизмѣнно, как и раньше, каждый день обходил всѣ четыре роты и присутствовал в столовой за завтраком. Иногда его сопровождал новый директор Генерал Ваулин, немедленно по прибытіи получившій от кадет прозвище "Лимон". При одном таком обходѣ, мы слышали, как "Папаша", на замѣчаніе "Лимона" о корпусѣ, отвѣтил - что касается Суворовскаго корпуса, то -"большому кораблю, большое и плаваніе".

В день отъѣзда, как обычно, "Папаша" присутствовал в столовой за завтраком и был вмѣстѣ с Генералом Ваулиным. В этот день состоялось разставаніе Суворовских кадет со своим незабвенным директором, которому они были многим обязаны.

Послѣ молитвы и команды садиться, всѣ четыре роты остались стоять смирно. К Генералу Лаврову подошел вице-фельдфебель Н.Семенов и попросил разрѣшеніе обратиться к нему от имени всѣх кадет. Получив таковое, он в своем словѣ поблагодарил "Папашу" за всѣ его заботы о нас, его воспитанниках, и попросил принять на память икону. Икона-складень была художественной работы, серебряная позолоченая, по серединѣ икона Покрова; какія были по сторонам - не помню.

Выслушав внимательно слово вице-фельдфебеля Н.Семенова, Генерал Лавров проговорил только одно слово: "Благослови!" И опустился "Папаша" на одно колѣно, со своей палочкой, и принял благословеніе от своего воспитанника... С трудом поднялся, приложился к иконѣ, сложил ее и до конца завтрака так и проходил с иконой.

В этот день послѣ обѣда, т.е. послѣ 4-х часов дня, всѣ четыре роты, в пѣшем строю, отправились на Прагу, на Брестскій вокзал, провожать своего "Папашу"; он уѣзжал вечером, сначала в свое имѣніе, а потом уже, к мѣсту новой службы, в С.Петербург. На вокзалѣ нас выстроили на перронѣ развернутым фронтом. По второму звонку Генерал Лавров вышел из зала I класса и стал обходить весь фронт; пока не был закончен обход фронта, отправленіе поѣзда было задержано. Войдя в вагон, "Папаша" открыл окно, снял фуражку и низко нам поклонился. Поѣзд медленно стал двигаться, унося нашего "Папашу" под наше громогласное "ура".

Я.Субботин /VII выпуска./

И З Л А Г Е Р Н О Й Ж И З Н И.

Экскурсіи.

В прошлом очеркѣ "Из лагерной жизни" я упоминал, что переходное время, т.е. время между отъѣздом кадет на каникулы и выступленіем в лагерь оставшихся, мы чувствовали себя неприкаянными, заполняя его прогулками в город, или недалекими загородными, вродѣ поѣздки в Вилла Нова. Это относится к первым двум годам. Насколько помню, начиная с лѣта 1904 года, переходное время стало заполняться с большой поль-

зой. С этого года начались планомѣрныя экскурсіи для ознакомленія нас с хозяйственной жизнью нашего /Варшавскаго/ района.

За 1904 и 1905 годы, мы посѣтили цѣлый ряд фабрик и предпріятій. К сожалѣнію у меня в памяти осталось очень мало, но не потому что посѣщаемыя мѣста были неинтересны; может быть возраст, а возможно и неумѣніе заинтересовать сыграли, в этом случаѣ, роль.

Мы побывали в Домбровских угольных копях; спускались в шахты; но не всѣ рискнули сѣсть в ящик лифта, объясняя свое нежеланіе опасеніем запачкать бѣлую рубаху. Под землей, при тусклом свѣтѣ лампочек Дэвиса, видѣли всю тяжелую работу шахтеров, начиная с забойщиков. Присутствовали при взрывах породы, наблюдали крѣпленіе упоров; неоднократно приходилось прижиматься к стѣнкѣ галлереи, чтобы пропустить вагонетки, влекомыя слѣпыми лошадьми, весь свой вѣк проводящими под землей. Объясненія давал инженер, вѣроятно очень знающій, но не умѣвшій своими объясненіями заинтересовать, не говорю нас, а меня. Правда, прошло уже свыше 50 лѣт, а я кое что помню; но вспоминаю больше по зрительной памяти, а не по его разсказам.

Точно также промелькнули сталелитейный и стекольный заводы. Но и сейчас, когда пишу эти строки, вижу перед собой доменную печь, выпускающую добѣла раскаленную массу, текущую по деревянному желобу, который не загорается, что казалось мнѣ невѣроятным; и помню, что не инженер, а простой рабочій, увидя мое недоумѣніе, объяснил, что в желобѣ непрерывно течет вода. Видѣли месмеровскую печь и около нея стараго с большой просѣдью мастера, одним взглядом в окошечко опредѣлявшаго время выпуска расплавленной массы. Смотрѣли как здоровенныя болванки расплющиваются огромными молотами и, проходя ряд машин, превращаются в листы или рельсы.

На стекольном заводѣ наблюдали зарядку печи и выпуск жидкаго стекла; выдуваніе изящных цѣнных издѣлій и производство обыкновенных бутылок; присутствовали при нанесеніи рисунков на графины и стаканы, при помощи кислоты и парафина; видѣли как при помощи струи мельчайшаго песка дѣлаются матовыя рисунки.

В Жирардовѣ познакомились с ткацкими станками и работой на них. Осматривали и рабочій поселок предпріятія и заходили в нѣсколько квартир, из одной - для холостых, двух и даже трех комнат с кухней для семейных. Перед каждым корпусом просторный палисадник, гдѣ всякій жилец имѣл свой клочок земли и мог по своему вкусу устраивать огород или цвѣтник./Было и то и другое./ Имѣлась и заводская лавочка, гдѣ можно было достать все необходимое, кромѣ спиртных напитков, но было что то вродѣ ресторана, куда мы не заходили.

Посѣтили также и бумажную фабрику, гдѣ из грязнаго тряпья выдѣлывалась прекрасная бумага. Вспоминаю и кожевенный завод с его отвратительным запахом, от котораго постыдно бѣжал на свѣжій воздух, но который еще долго преслѣдовал меня, повидимому впитавшись в одежду.

Не могу вспомнить всѣх фабрик и заводов посѣщавшихся нами. Уж очень много времени прошло с тѣх пор. Многое не сохранилось в памяти, но и мимо многаго было пройдено без должнаго вниманія и ко многому не было проявлено достаточнаго интереса.

Почему? Полагаю, что одной из главных причин было отсутствіе в наших экскурсіях педагогов. Всѣ объясненія давали нам инженеры спеціалисты, но не педагоги, и их учено-техническій язык был нам мало доступен. Мнѣ вспоминается мой преподаватель физики Трусевич - главный городской инженер Варшавы. Человѣ он был безусловно знающій, но не педагог. Объясняя что либо из физики он доходил до какого то мѣста и "ставил точку" - все остальное понятно само собой. Мы же, как раз этого "само собой" и не понимали, а он нам разъяснить не умѣл. Вспоминаю и Фофанова, преподававшаго в нашем отдѣленіи географію и космографію. Его знаменитое - "земля вращается потому что маятник качается" или наоборот -"маятник качается потому что земля вращается!" Вот в какую фра-

зу улеглось в моем сознаніи доказательство о вращеніи земли. Нѣсколько уроков посвятил он этому несчастному маятнику, прежде чѣм сумѣл найти необходимыя слова, чтобы изложить обще-понятно это, далеко не замысловатое, доказательство. Мы искренно жалѣли, что нельзя было привести "самое простое из доказательств," изложенное в четверостишіи: "Коперник цѣлый вѣк трудился, чтоб доказать земли вращенье, дурак, зачѣм он не напился, тогда бы не было сомнѣнья".

Но я отвлекся от темы, предавшись разсужденіям.

В одной из таких экскурсій мы, совершенно неожиданно, попали заграницу в Катовицы. Эту поѣздку устроил нам жандармскій полковник на станціи Александрово. Помнится, что послѣ осмотра какого то предпріятія у нас оказалось что то много часов свободнаго времени до отхода поѣзда в Варшаву, а заполнить время было не чѣм. Вот тут то и пришел нам на помощь полковник, кажется отец одного из наших кадет, предложив устроить поѣздку. Переговорив с пограничными нѣмецкими властями и получив их согласіе, снабдив нас групповым документом, посадил в вагон отходящаго в Катовицы поѣзда и через нѣсколько минут мы оказались заграницей. Кто из воспитателей был с нами - не помню; но от них мы получили строгое приказаніе не зѣвать, отдавать честь нѣмецким офицерам и вообще показать себя нѣмцам с лучшей стороны. Подтянув до отказа пояса и лихо на бекрень надѣв фуражки, мы вышли из вокзала.

Небольшой городок поразил нас своей чистотой, прекрасными асфальтированными улицами, красивыми витринами в окнах магазинов; опрятно одѣтая публика... все это так не похоже на только что оставленное нами грязное мѣстечко. Чтобы не ходить толпой мы разбились на группы по 3-4 человѣка и разбрелись по городу.

Нас было трое. Побродив, нѣкоторое время, по городу и не найдя никаких достопримѣчательностей, мы очутились опять на главной улицѣ. Честь отдавали во всѣх подозрительных случаях, слабо разбираясь в нѣмецких формах одежды. Уж очень много появлялось чинов в формѣ и как будто с офицерскими погонами. Кто их разберет - офицер или какой нибудь чинуша - вали подряд. Но вот, навстрѣчу нам появляется шарообразная фигура - то ли генерал, то ли полковник; на плечах плетенки, кто его разберет. Рѣшили, что генерал и лихо стали во фронт. Лунообразное лицо "генерала" расплалось в широкую улыбку. Откозырнув, подошел к нам и стал распрашивать кто мы, да откуда и т.д. К счастью двое из нас владѣли нѣмецким языком и отчетливо отвѣчали на всѣ вопосы. При ответах начали величать превосходительством, но он поправил - "хэр обэрст!" Плетенки то оказались из тонких жгутов.

Узнав, что мы из "кадетен шуле фон принс Суваров аус Варшау" и, видимо, приняв нашу ошибку как знак к скорому производству в генералы, он окончательно умилился и повел нас в находящійся поблизости ресторан, усадил за столик, под тѣнью развѣсистаго каштана, и потребовал на всѣх пива. Важно сидѣли мы за большими пол-литровыми кружками пива и разговаривали с обэрстом, как вдруг увидѣли приближающагося воспитателя. Замѣтил и он нас и "глаза его стали рогом," как, дескать, смѣете вы сидѣть в ресторанѣ, да еще пить пиво! Но видя, что мы сидим с нѣмецким офицером, не знает что предпринять и как отнестись к нашему столь дерзостному поведенію. Признаться и мы себя почувствовали не хорошо; надо что то предпринять, как то "выкрутиться!" Указывая глазами на воспитателя, мы объясняем обэрсту наше положеніе. Нѣмец понял и проявил почин: привстав отдал честь и жестом пригласил воспитателя, продолжавшаго стоять и грозно смотрѣть на нас, к столику. Обэрст обратился к нему с самым любезным видом, предлагая занять свободное мѣсто. Мы стояли вытянувшись в струнку. К счастью воспитатель не владѣл нѣмецким языком и мы явились переводчиками. Потребовав для новаго гостя пива, обэрст, обращаясь к воспитателю, начал расхваливать дисциплину и выправку кадет и их умѣніе держать себя, что мы с удо-

вольствіем, и даже немного преувеличивая похвалы, переводили ему. Покончив с пивом и поблагодарив обэрста, мы, под конвоем воспитателя, направились к вокзалу. По дорогѣ пришлось выслушать цѣлую проповѣдь, но у нас было хорошее оправданіе: просьба начальника есть вѣжливое приказаніе и мы повиновались, даже против воли.

В 1906 и 1907 годах был перерыв в наших экскурсіях, вслѣдствіе забастовок и безпорядков, и слѣдующая была лишь в 1908 году. В отличіе от прежних мѣстных экскурсій, имѣвших цѣлью ознакомить нас с отечественной промышленностью, экскурсія 1908 года была дальняя историческаго характера характера на Волынь. Конечным пунктом намѣчена Почаевская лавра. В этой экскурсіи, кромѣ воспитателей, нас сопровождал Антон Александрович Матвѣев. Из воспитателей, сопровождавших нас, помню лишь капитана Л. Запомнился он мнѣ по двум причинам. Во-первых - потому что очень краснорѣчиво описывал прелести предстоящаго многоверстнаго похода, подчеркивая все время, что всѣ мы, не исключая воспитателей, будем жить "по походному" и поэтому надо ограничиваться таким багажом, какой каждый мог нести на себѣ; а во-вторых - из за того, что нѣкоторые эпизоды этой экскурсіи, нѣсколько мѣсяцев спустя, едва не привели к весьма серьезным послѣдствіям.

В назначенный день и час, мы прибыли на Брестскій вокзал. Чистенькій, видимо недавно окрашенный, большой пульмановскій вагон 3-го класса стал нашим жилищем на 2 недѣли. Спальных мѣст хватало на всѣх и борьба происходила лишь за нижнія и верхнія мѣста. Нижнія имѣли то преимущество, что обладавшіе ими садились у самаго окна, но были и минусы, т.к. верхній пассажир, спустившись вниз, не давал возможности растянуться нижнему. Устроившись, т.е. размѣстив свой багаж, состоявшій из шинели, умывальных принадлежностей и нѣскольких книжек "универсальной библіотеки", взятых с собой без воспитательскаго контроля, мы, расположившіеся в одном отдѣленіи, пошли по вагону посмотрѣть как кто устроился. Легко себѣ представить впечатлѣніе произведенное на нас, когда, в отдѣленіи занятом воспитателями, увидѣли, на одной из нижних скамеек, разложенную перину, подушки и одѣяло. Владѣльцем этого "походнаго" багажа был капитан Л. Не обошлось без ѣдких замѣчаній с нашей стороны. Вспомнились его слова, что "всѣ мы будем по походному". Глядя на наши удивленныя физіономіи Л. спросил, что нас так удивляет.
-"Да вѣдь мы в поход идем, а перину и подушку с одѣялом на себѣ не понесешь!"
-"Ну, я уже свое отломал в разных походах," - отвѣтил Л.
-"А почему другіе воспитатели да и Антон Александрович, который значительно старше, не взяли с собой перин?" - Этот вопрос остался без отвѣта. "Мальбрут в поход собрался" запѣли мы удаляясь. Подговорили остальных кадет и началось "паломничество" полюбоваться "походным уютом". Это столь рѣзкое расхожденіе слов с дѣлом вызвало у многих чувство непріязни к Л. и явилось началом "враждебных дѣйствій".

Антон Александрович расположился отдѣльно, заняв служебное купэ. Ему бѣдному не давали покоя, цѣлые дни появляясь группами или в одиночку, но его не тяготило наше присутствіе. Разные историческіе и охотничьи анекдоты и разсказы сыпались из него как из рога изобилія. Здѣсь мы себя чувствовали как дома. Он не только разрѣшал нам /старшим/ курить в его купэ, но иногда давал свои сигары. Надо признать, что его сигары были отвратительны и никто из нас, раз попробовав их, не пользовался любезностью Антона. -"Антон Александрович, ну как можно курить такую дрянь?" - спрашивали его. -"Вы ничего не понимаете, это спеціальный высшій сорт охотничьих сигар и называется "мухобой"; от них вся мошкара дохнет".
-"Ну, мы хоть и не мошкара, а также почти дохнем," - возражали ему. К счастью он их курил рѣдко, а уж когда закурит, да дверь в купэ не заперта, по всему вагону разносится убійственный запах тлѣющаго навоза

и, несмотря на открытыя окна, долго держится в вагонѣ.

Поскольку память мнѣ не измѣняет, первая наша остановка была в Брест Литовскѣ. Кормили нас в крѣпостном собранiи в цитадели. Единственно что сохранилось у меня в памяти - это поѣздка для осмотра строящагося, по послѣднему слову инженернаго искусства, форта. Тут мы увидѣли что такое эскарпы, контр-эскарпы, капониры и т.д. до этих пор бывшiе лишь словами, знакомыми по книгам. Особенно мнѣ запомнились казематы для крупнокалиберных орудiй с невѣроятным сквозничищем. Удивительно, что никого из нас, даже воспитателей, не поразила сравнительно легкая доступность к мѣсту постройки посторонних лиц. По крайней мѣрѣ я не помню, чтобы слышал от них какое либо замѣчанiе по этому поводу. Правда, нас сопровождал офицер крѣпостной артиллерiи, но все же...

Из Бреста отправились на Луцк, гдѣ была намѣчена вторая остановка. Из всего города запомнился мнѣ лишь район дворянских усадеб, окруженных тѣнистыми садами. В одной из этих усадеб мы, совершенно случайно, оказались гостями. В эту пору года обычно большинство усадьбо-владѣльцев уѣзжало в свои имѣнiя. Антон Александрович, знавшiй все и вся в городѣ, привел нас в эту усадьбу, потому что в ней в 1811-12 годах проживал Багратiон. В саду был скромный памятник - небольшой камень, на котором была выбита надпись, свидѣтельствовавшая об его пребыванiи здѣсь. Позвонили у калитки, разсчитывая застать лишь сторожа, но дома оказался сам владѣлец. Гостепрiимный хозяин,поляк,не только разрѣшил осмотрѣть памятник, но пригласив всѣх в дом, и напоив вкусной холодной водой, разсказал фамильное преданiе о пребыванiи в усадьбѣ главнокомандующаго второй армiей и в заключенiе приказал принести бутылку мода. Сладкiй, густой мед понравился всѣм. Воспитатели зорко слѣдили, чтобы кадеты не получили по второй рюмкѣ, но сами от повторенiй не отказались. Добрый час провели мы, отдыхая от жары, в домѣ любезнаго хозяина.Антон Александрович не преминул воспользоваться историческим мѣстом и прочел нам лекцiю о дѣйствiях армiи Багратiона в Отечественную войну, как в Брестѣ говорил о походѣ Суворова. Время было уходить; начали подниматься и каково было удивленiе всѣх нас, когда изрядное число кадет во главѣ с воспитателями не могли подняться. Мед то оказался почтеннаго возраста. Хозяин был в восторгѣ от своей шутки и искренне и весело смѣялся. Хохотали и мы, но "Звѣрям" было не до веселья. Пришлось посидѣть еще с часик, а милый хозяин угощал нас черным кофе. Наконец, поблагодарив гостепрiимнаго хозяина, мы покинули усадьбу. Еще долго разговоры об этом приключенiи забавляли нас, давая повод посмѣяться над попавшими впросак воспитателями.

Слѣдующая остановка была Дубно. Не имѣя намѣренiя описывать всѣ историческiя мѣста и памятники, которые мы проѣзжали и осматривали,я не останавливаюсь на Дубно, т.к. с этим городом не связано никакого ни веселаго, ни печальнаго происшествiя.

Наконец мы прибыли в Кременец - конечный пункт нашего путешествiя по желѣзной дорогѣ. Впереди предстоял поход, а Кременец стал нашей базой. На долгое время наш вагон был поставлен на запасный путь. Жили мы в нем, а довольствовались в офицерском собранiи, кажется, 41 пѣхотнаго Селенгинскаго полка. Довольствiе было прекрасно организовано начальником команды, оставшейся для охраны казарм и несенiя караульной службы, по выходѣ полка в лагерь. Кормили отлично, даже лучше чѣм в корпусѣ. Соблюдалась и полковая традицiя: первое блюдо из солдатскаго котла,остальныя готовились в собранiи.

Город расположен в котловинѣ, окруженной со всѣх сторон довольно высокими горами. Из окон собранiя видна конусообразная гора с развалинами, на ея вершинѣ, замка Королевы Боны, именем которой называется вся гора. Будучи выше всѣх, образующих котловину, она превосходила их и своей крутизной. Как то во время обѣда разразилась сильная гроза. Дождь лил как из ведра, по ложбинам текли цѣлые потоки. Наш хозяин по-

ручик, глядя в окно, сказал, что послѣ такого дождя невозможно подняться на гору по прямой линіи. Эти слова подзадорили нас и нѣсколько кадет рѣшили доказать, что подъем возможен. Вѣдь для Суворова и его Чудо-богатырей оказалось возможным перевалить через Росшток и Риннен-копф, так развѣ мы Суворовцы не сможем одолѣть эту "паршивую горку". Дождь перестал, выглянуло солнце и лучи его заблистали на громадных лужах и серебрили все еще струящіеся потоки с вершины горы. Мы взяли салфетку, чтобы ею подать побѣдный знак оставшимся в собраніи. Подъем был дѣйствительно труден. Ноги скользили по размокшей глинистой почвѣ и частенько с трудом завоеванное пространство приходилось брать по два и три раза. Цѣпляясь за траву и рѣдкіе кустики, мы все же поднимались все выше и выше, достигли вершины и оказались у подножія замка. Отдышавшись рѣшили взобраться на стѣны и только оттуда подать побѣдный знак. Разрушенныя стѣны не представляли большой трудности для подъема и через нѣсколько минут на стѣнѣ стояла группа кадет размахивавшая салфеткой. Снизу отвѣтили тѣм же. Спуск был нѣсколько легче, т.к.мѣстами просто катились "на салазках" Мы чувствовали себя героями и приближаясь к собранію, несмотря на облѣпившую нас грязь, носы наши гордо смотрѣли на солнце.

Проведя в Луцкѣ дня два, потраченные на подготовку к предстоящему походному движенію, мы рано утром выступили в Почаевскую Лавру, но уже без А.А.Матвѣева, отправившагося по желѣзной дорогѣ на Рудню Почаевскую, в районѣ которой у него был хутор. Перед отъѣздом он взял с нас слово посѣтить его на обратном пути.

Состав "отряда": три воспитателя, "икс"кадет, фельдшер и дядька.

Обоз составляла нанятая крестьянская подвода, на которую были поружены походныя палатки, полученныя из полка, наши шинели, кое что из провизіи с необходимыми кухонными принадлежностима и офицерскія вещи.

Шли по уставу с малыми и большими привалами.

Поход начали "по холодку" Шли бодро и весело; пѣсни смѣняли одна другую. Вокруг разстилались поля и лишь изрѣдка попадались рощицы; ближе к полудню солнышко стало все больше припекать, шаг становился тяжелѣе и все рѣже и рѣже звучали пѣсни; хор становился болѣе жидким и в концѣ концов какой нибудь одинокій голос пытался поднять настроеніе, а потом и он замолк. Чаще обращались к воспитателям с вопросом - когда же будет большой привал. Наконец показалась небольшая тѣнистая рощица, намѣченная для большого привала. Усталыя ноги зашагали быстрѣе в стремленіи добраться до тѣни, уйти от знойнаго полуденнаго солнца, сбросить раскаленные сапоги и дать отдых натруженным ногам, но... надо было собрать валежник для костра, чтобы приготовить горячую пищу. Немного охотников нашлось заняться этим дѣлом и тѣ отказались, видя нежеланіе подавляющаго большинства. Ѣсть не хотѣлось, томила жажда. Пить, пить и только пить. Манерки, полученныя из полка, были давно пусты. Одинокій хутор, скрывавшійся подругой сторонѣ рощицы, снабдил нас водой. Хутор был нанесен на карту и о нем знали "Звѣри," но умышленно сразу не сказали об этом, видимо желая опредѣлить нашу выносливость. Надо было видѣть как вскочили и побѣжали за водой только что увѣрявшіе, что они не в силах идти собирать хворост. Напившись всѣ ожили и с волчьим аппетитом принялись уничтожать котлету с хлѣбом. Вопрос с костром был также поднят с той же цѣлью. Здѣсь интересно отмѣтить, что, придя на большой привал и получив предложеніе /не приказаніе/ собирать хворост для приготовленія горячей пищи, никто из нас не задал вполнѣ естественный вопрос - а гдѣ же вода, точно также никѣм не было высказано удивленіе, что большой привал устроен в безводном мѣстѣ. Один из воспитателей, безусловно пѣхотинец, дал нѣсколько цѣнных совѣтов. Из них помню два; чтобы дать ногам лучшій отдых, надо лечь задрав их кверху; и второй - никогда во время ходьбы не пить, а если надо то только прополоскать рот.

Напившись вдоволь воды, поѣв и отдохнув, наполнив манерки водой,

двинулись в дальнѣйшій путь.

Вновь зазвучала пѣснь, но не так звонко как утром. Сказывалась невтянутость, усталость брала свое; шаркающія ноги поднимали облака пыли и, хотя солнце начало склоняться к западу, духота стояла страшная. Ни малѣйшаго колебанія воздуха. Шли разстегнув воротники рубашек, обливаясь потом и припудриваясь пылью. Появились отставшіе,т.е.ловчившіеся сѣсть на подводу. Оказался и один больной. Разгоряченный набросился на холодную воду и "скис!" На совѣт воспитателя - не пить,а только споласкивать рот - никто не обратил вниманія и вскорѣ манерки снова опустѣли. К счастью ночлег был близок. Еще задолго до наступленія темноты подошли к мѣсту ночлега. За околицей села небольшой лѣсок, на полянѣ котораго разбили палатки. Предвечерняя прохлада, лѣсок и небольшой ручеек, а главное сознаніе, что предстоит длительный отдых,моментально подняли настроеніе. Даже ловчил, уклонявшихся от хозяйственных работ, почти не было. Впрочем эти работы были невелики, т.к.дальновидный дядька захватил с собой из Кременца порядочное количество дров и даже щепок на растопку. Но наибольшую радость доставил нам ручей. С каким удовольствіем мы вымылись с головы до ног. Усталости как не бывало. Разбив палатки, из села притащили соломы. Капитан Л.,устроившій свои подушки и перину, поинтересовался больным и, узнав от фельдшера, что температура довольно высокая, подойдя к палаткѣ, гдѣ лежал больной Т.,сладеньким голосом спросил - "достаточно ли у вас,Жоржик, соломки?" Что отвѣтил больной - не знаю, но из нашей палатки раздался возглас - не лучше ли больного на перину положить. Л. сдѣлал вид, что не слышит, но поторопился отойти.

Чистый лѣсной воздух, здоровая усталость от перехода в 30-35 верст сдѣлали свое дѣло. Едва успѣв поужинать полевой кашей и даже отказавшись от чая, всѣ заснули мертвым сном.

Проснувшись утром и напившись чая с зачерствѣлым хлѣбом, мы узнали пріятную новость. Боясь переутомлять нас и желая избѣжать тяжелаго перехода, под палящими лучами солнца, воспитатели рѣшили сдѣлать дневку и выступить лишь с заходом солнца, продѣлав переход ночью. Мы искренне обрадовались этому рѣшенію. Провести день в лѣсу и совершить ночной переход, при нѣжном свѣтѣ луны, не страдая от жажды и солнца, было очень заманчиво. С большой охотой, без всякаго напоминанія, натащили громадную кучу хвороста,для приготовленія обѣда, и разбрелись по лѣсу в тщетных поисках земляники. Проходило время, разыгрывался аппетит и понемногу со всѣх сторон начали сходиться к костру. Очень вкусными нам показались кулеш и черствый хлѣб. Казалось ничего вкуснѣй и не придумаешь.

Не успѣли мы кончить обѣд, как на полянѣ появилась фигура очень важнаго вида, подошла к воспитателям и о чем то заговорила с ними. Должно быть лѣс частновладѣльческій и пришедшій собственник протестует против разведенія костра - мелькнула мысль. Казалось, что мы угадали, т.к.,по удаленіи фигуры,воспитатели приказали залить костер и начали собирать разползавшихся по лѣсу кадет. Но мы ошиблись. Недалеко от мѣста нашего расположенія находилась помѣщичья усадьба "Горенки," принадлежавшая какому то генералу проживавшему в ней. Узнав о том, что в лѣскѣ расположились кадеты, генерал приказал своему дворецкому пригласить всѣх в усадьбу. Собравшись и выслушав соотвѣтствующія наставленія мы двинулись в гости.

Солидный каменный дом расположен в большом тѣнистом паркѣ. На крыльцѣ нас встрѣтил бодрый старик в разстегнутом кителѣ без погон. К сожалѣнію его фамилію я не помню. Он добродушно, попеняв воспитателям за то, что не остановились у него и он лишь случайно узнал о нас от крестьян, объявил, что мы его гости и на весь завтрашній день.При других обстоятельствах быть может было бы принято его приглашеніе, но наше время было строго разсчитано и тот небольшой, всего лишь однодневный,

запас, оставленный на всякій случай, был уже предназначен на посѣщеніе А.А.Матвѣева. Предоставив нам полную свободу пользоваться парком, указав, что есть пруд и купальня, и предложив воспользоваться ими, предупредил, что по звуку гонга надлежит явиться на обѣд. Нам не надо было повторять разрѣшенія и мы моментально бросились разыскивать пруд. Не думаю, чтобы мы вылѣзли из пруда ранѣе призыва гонга, если бы не один из воспитателей послѣдовавшій за нами.

Парк поистинѣ был роскошный. Часть его была отведена под плодовый сад, другая, осѣненная громадными липами и каштанами, служила надежным убѣжищем от южнаго солнца. В плодовой части были расположены парники и небольшая оранжерея.

Долетѣвшіе звуки гонга заставили вспомнить о времени, а вспомнив о нем почувствовать аппетит.

Столовая - огромная комната, посреди которой, почти во всю ея длину, стоял прекрасно накрытый стол, за которым могло усѣсться человѣк сто, т.к. мы всѣ занимали едва половину стола. По очереди представлялись хозяйкѣ дома, прикладываясь к ея ручкѣ. На отдѣльном столикѣ, заставленном разноцвѣтными графинчиками, красовалось нѣсколько сортов домашних закусок. Генерел пригласил воспитателей выпить по рюмочкѣ,но они отказались. Надо было видѣть, что стало с ними, когда генерал, обратившись к кадетам, предложил сдѣлать то же старшим. Само собой понятно, что желающих не оказалось. Обѣд был вкусный, сытный и настолько обильный, что, несмотря на наши кадетскіе аппетиты, мы не могли уничтожить всего подававшагося. Из многочисленных блюд мнѣ запомнились - прекрасный бульон с цѣлой горой превкусных пирожков, жареные цыплята и какія то жаркія с разнообразным гарниром, из котораго вспоминаю салат из свѣжих огурцов - в маѣ из парников. К сладким блюдам я был равнодушен и поэтому не помню что подавалось, но было их тоже нѣсколько.

Хозяева всѣми силами старались разогнать нѣкоторую нашу натянутость, что им слабо удавалось до тѣх пор пока не были опустошены нѣсколько смѣн больших графинов с красным вином, разбавленным водой.Бѣдные "Звѣри" страдали, дѣлали страшные глаза, но,увы, не могли дѣлать замѣчаній в присутствіи хозяина-генерала, приказывавшаго наполнять быстро "высыхающіе графины.

Пока мы обѣдали, в большую оружейную комнату была нанесена солома и перед предстоявшим ночным походом нам было приказано лечь.

С выступленіем мы опоздали и двинулись уже в темнотѣ. По всему было видно, что вышедшіе провожать хозяева искренне были рады нашему появленію, нарушившему их монотонную жизнь и звали на обратном пути посѣтить их, но и это было невозможно.

Ночной переход был значительно легче и пріятнѣй. Путь наш освѣщал серебристый свѣт луны, а перед разсвѣтом, когда усталость начала давать себя знать, легкій утреник освѣжал воздух и бодрил нас-паломников.

Этот переход ознаменовался забавным присшествіом с тѣм же капитаном Л. Когда мы проходили какую то деревню, расположенную у самаго шоссе, на звуки нашего пѣнія выскочили собаки с отчаянным лаем. Ближайшим к ним оказался Л. шедшій не по шоссе, а по обочинѣ. Выхватив из ножен свою и.д.шашки - шашченку, он стал размахивать ею, отбиваясь от насѣдавших собак. С нашей стороны раздались смѣх и выкрики - как,шашку обнажить на собак!Бей их,руби! Видимо раздраженный Л. неудачно отмахнулся, зацѣпив концом клинка землю и... шашка согнулась. Смѣх усилился и долго еще на эту тему раздавались разныя остроты, вынудившія, в концѣ концов, Л. отстать от строя.

Шли всю нлчь и уже поздно утром остановились на большой привал. Варить было не надо ничего, т.к.остатков вчерашняго генеральскаго обѣда, данных нам на дорогу, было вполнѣ достаточно, чтобы насытиться. Кипятили лишь чай и наѣвшись и напившись завалились на нѣсколько часов спать. Лавра была близко. Часа через 2-3 пути мы были уже у цѣли.

В "чистой" гостинницѣ нам дали большую комнату, из которой были вынесены кровати, а мы, опасаясь паразитов, устроились на полу на соломѣ, принесенной гостинничными послушниками. Всѣ были сильно утомлены и норовили скорѣе лечь. Лишь 2-3 человѣка пошли ко всенощной и то на нѣсколько минут. Однако, несмотря на "чистую" комнату, свѣжую солому и изрядную усталость, сон был тревожный; проворныя блохи и злющіе, вѣчно голодные клопы безжалостно питались нами. Все же проснулись рано и в бодром настроеніи. Впрочем мудрено было бы не проснуться живому человѣку, когда над головой зазвонили лаврскіе колокола, призывая к ранней обѣднѣ.

Почаевская Лавра четвертая по счету и самая молодая из лавр в Россіи. Она принадлежала раньше уніатам и только в царствованіе Императора Николая Павловича перешла к православным. Главный храм-собор расположен высоко на горѣ, над обрывом. Оттуда видна австрійская граница древне-русская Галичина.

Послѣ весьма длинной монастырской службы с акафистом, приставленный к нам монах показал нам всѣ достопримѣчательности и хозяйство лавры: храмы, просфорню и хлѣбопекарню, иконописную и свѣчную мастерскія, пасѣку и другія хозяйственныя предпріятія, а также гордость лавры - типографію и архив. Архив не был еще полностью разобран и приведен в порядок. Многіе цѣнные документы и рукописи лежали в кучѣ неразобранные, но большинство уже было размѣщено на полках в строгом порядкѣ. Насколько помнится этим вѣдал іеромонах Виталій, нынѣшній Архіепископ Сѣверо-Американскій и Канадскій, Синодальной юрисдикціи.

Ко времени нашего посѣщенія лавры уже закончилась борьба с еврейским засильем. Мѣстечко Почаев населено почти исключительно евреями, в руках которых находилась вся торговля. Торговали всѣм, вплоть до икон и крестов, и торговали под самыми стѣнами лавры и даже у Святых ворот. По почину того же іеромонаха Виталія, лавра началу борьбу с этим безобразіем, открыв в стѣнах лавры монастырскую лавку, в которой богомольцы могли получить все по болѣе дешевым цѣнам. Евреи не смогли выдержать конкуренціи и вынуждены были прекратить эту торговлю; и ко времени нашего прихода в лавру ни одного еврейскаго лотка у стѣн лавры не было.

Несмотря на обширное хозяйство осмотр его не мог заполнить всего нашего времени; иногда сопровождавшій нас монах прерывал обход, отлучаясь для исполненія своих монашеских правил; в такіе перерывы всѣ разбредались кто куда. Вспоминаю веселый случай, происшедшій с группой кадет бродившіх по мѣстечку. От скуки рѣшили заходить в лавченки "за покупками!" Заходят в какую нибудь лавченку и спрашивают есть ли - гипотенуза или катет, парабола, синус и т.п. вспоминая математическія названія. Еврей показывает то одно, то другое, но в концѣ концов должен признать, что такового товара у него нѣт и весь вышел, но дня через два будет. Переходя из одной лавки в другую, забрели в мануфактурную и спросили - діагональ; вдруг к общему удивленію услышали в отвѣт:"ну, конечно, есть!" Случилось, что никто в группѣ не знал о существованіи матеріяла под таким названіем, а еврей снял с полки нѣсколько штук и разворачивает их, расхваливая качество товара. Обалдѣвшіе, в первую минуту, "покупатели" скоро нашлись и, разсматривая выложенный товар с видом знатоков, сказали, что нѣт подходящаго по цвѣту - им был нужен бутылочнаго цвѣта, а такого, к счастью, не оказалось. Послѣ этого случая "покупки" прекратили, чтобы еще на чем нибудь не нарваться.

Кормили нас в лаврѣ так - как только в русских монастырях кормили в доброе старое время. Даже при нашем кадетском аппетитѣ невозможно было съѣсть подаваемое.

Безконечное всенощное бдѣніе выстоять было невозможно. Проснувшись среди ночи все еще видишь освѣщенныя окна собора, а выйдя во

двор слышишь доносящееся из храма пѣніе.

На слѣдующій день, напившись чаю и захватив нѣсколько свѣже-выпеченных хлѣбов, по просьбѣ А.А.Матвѣева, мы покинули гостепріимныя стѣны лавры и двинулись в гости к Антону Александровичу. Переход был недалекій и, прекрасно отдохнувшіе в лаврѣ, мы сдѣлали его легко.

Небольшой хутор расположен был в сторонѣ от большой дороги на совершенно открытой мѣстности. Какой нибудь десяток, посаженных молодых еще, деревьев не давали тѣни. Обслуживался хутор одной семьей из четырех с половиной душ: старой, лѣт под пятьдесят, супружеской парой, их женатым сыном и внуком лѣт шести. Хозяйскій дом, вѣрнѣе большая крытая соломой хата, другая такая же, гдѣ помѣщались люди, и необходимыя хозяйственныя постройки занимали небольшое пространство. Пара волов, двѣ-три коровы, десяток овец и баранов, нѣсколько свиней и кур составляли живность хутора. В общем хозяйство скромное, но вполнѣ достаточное не только для безбѣднаго существованія проживающих рабочих, но и позволявшее снабжать владѣльца колбасами, окороками и салом.

Антон Александрович встрѣтил нас с распростертыми объятіями. Обѣд уже ждал нас. Из за отсутствія тѣни расположились во всѣх трех комнатах. Прислуживали обѣ бабы. На первое был подан великолѣпный малороссійскій борщ с ватрушками величиной с закусочную тарелку, за ним слѣдовали вареники с творогом, величиной с хорошій кулак, с безграничным количеством сметаны и масла, а на третье - сладкій пирог; все это в таком количествѣ, что уничтожить предложенное оказалось нам не по силам,а Антон Александрович все потчевал и упрашивал. Наѣвшись до отвала, едва дыша, разбрелись кто куда, чтобы утрясти съѣденное. Но какая же может быть прогулка на солнцепекѣ. Вскорѣ, в поисках тѣни, всѣ оказались лежащими в тѣни строеній, за исключеніем клуни, гдѣ устроиться было немыслимо, ибо у этого мѣста было свое "хозяйственное" назначеніе.

Между 3 и 4 часами был полдник, состоявшій из простокваши и свѣжаго молока и оставшихся от обѣда поджареных на маслѣ вареников. Надо признать, что наши кадетскіе желудки имѣли свойство расширяться чуть ли не до безконечности. Невѣроятно, но простокваша и вареники исчезли безслѣдно и Антон Александрович сіял от удовольствія.

Часов в 7 позвали на ужин. Подали огромныя миски галушек. Не знаю, быть может и онѣ были бы уничтожены, если бы оказались съѣдобными. Видимо только хохлацкіе зубы и желудки приспособлены к этому блюду, но мы подавились на первой же. Тѣсто из гречневой муки было замѣшано так круто, что если бы такой галушкой запустить кому либо в голову, то шишка была бы обезпечена. Никакіе уговоры Антона Александровича не смогли принудить нас к ѣдѣ. Он обезкураженно разводил руками, приговаривая, что хотѣл нас угостить самыми настоящими хохлацкими кушаньями. Мы просили его не печалиться, а попробовать вымостить галушками дорогу ведущую от шоссе к хутору, увѣряя, что по ним, как по булыжникам, сможет проѣхать даже тяжело груженая телѣга.

На ночлег расположились в двух комнатах и на сѣновалѣ, в третьей устроились Антон Александрович и воспитатели.

Отлично выспавшись, мы были готовы снова приступить к ѣдѣ.

Забыл упомянуть, что в задней комнатѣ-кабинетѣ,на одном из нѣсколькихъ книжных шкафов, стояла четвертная сулея с какой то настойкой,а на других такія же сулеи с вишневой наливкой. Намѣренію Антона Александровича попотчевать нас послѣ обѣда наливкой, "Звѣри" категорически воспротивились, но это не помѣшало ему тайком угостить кое кого из старших, заходившихъ в кабинет "посмотрѣть книги." Впрочем произошел случай когда и "Звѣри" не могли воспротивиться. Один из кадет, объѣвшись за обѣдом, почувствовал сильныя рѣзи. У фельдшера необходимых лекарств не было, а Антон Александрович рѣшительно заявил, что его лекарство в два счета вылечит. Налил большую рюмку из сулеи с настойкой и заставил выпить больного. Дѣйствительно, через нѣсколько минут боли утихли и боль-

ной заснул, а проснувшись не только не чувствовал болей, но энергично "навалился" на полдник. Эта цѣлебная настойка оказалась водкой, настоенной на 101 травѣ или, как говорил Антон Александрович, на ста чертях и одной вѣдьмѣ - старое народное средство от всѣх желудочных заболѣваній и отличное противохолерное средство. Кое кому удалось "убѣдить Антона Александровича, что его чудодѣйственное лекарство необходимо употреблять перед ѣдой, во избѣжаніе заболѣваній, и на слѣдующій день, перед обѣдом, кое кто "сдѣлал прививку".

Итак утром, с новым аппетитом, приступили к ѣдѣ. Из питья было предложено на выбор чай, кофе, какао и молоко. Из ѣды - яичница на салѣ, творог, хлѣб /лаврскій/ и масло. К обѣду был подан такой же вкусный борщ с ватрушками и жареный барашек с жареным картофелем и сладкій пирог. Не удивляйтесь, что описаніе времени пребыванія нашего на хуторѣ я ограничил лишь описаніем ѣды. Я уже говорил, что хутор был расположен на открытой мѣстности; гулять было негдѣ, осматривать нечего, а послѣ такой плотной ѣды мозги притуплялись и, подчас, очень интересныя бесѣды Антона Александровича оставляли мало слѣда. Упомяну лишь что бесѣды эти вызывались каким нибудь вопросом, выхваченным из книг, находившихся в шкафах; книгами же он предоставил нам право пользоваться не вынося из кабинета.

Послѣ обѣда, отдохнув часок другой, мы покинули гостепріимнаго и радушнаго хозяина и его хутор.

У меня совершенно не сохранилось в памяти что либо из обратнаго пути. Мнѣ кажется, что мы пошли на станцію Рудня Почаевская и оттуда по желѣзной дорогѣ доѣхали до Кременца, куда прибыли часов в 5 дня. В этот же день мы посѣтили сельско-хозяйственную школу в Бѣлой Криницѣ. Осмотром этого прекрасно поставленнаго хозяйства закончилось наше пребываніе на Волыни и мы уже безостановочно покатили в Варшаву. Во время пути по желѣзной дорогѣ, мы довольствовались на больших станціях. Заблаговременно давалась телеграмма коменданту станціи с просьбой позаботиться приготовленіем горячей пищи - обычно два блюда. Кипяток для чая был на всѣх станціях.

Экскурсія 1909 года, послѣдняя за время моего пребыванія в корпусѣ, была экскурсія в Кіев. Не могу вспомнить ни одного воспитателя, сопровождавшаго нас в этой экскурсіи, не помню никаких приключеній, связанных с нею.

Брат Сергѣй и я взяли вакансіи в Кіевское Военное Училище; в Кіевѣ предстояло нам начать свою военную службу. Кіев - мать городов русских. Кіев почти родной мой город; много раз бывал я в нем и кажется нѣт ни одного мѣстечка, гдѣ я не побывал; нѣт ни одного историческаго памятника, перед которым я не останавливался. В Кіевѣ я чувствовал себя так же как в корпусѣ - каждый уголок его был мнѣ знаком и поэтому, пріѣхав в Кіев, мы с братом оказались проводниками. Вот почему у меня нѣт никаких четких воспоминаній о пребываніи нашей экскурсіи в Кіевѣ.

Остановились мы во Владимирском Корпусѣ. Помѣстили нас в 5-й ротѣ. Кіевскій корпус единственный, состоявшій из пяти рот. Дежурным ротным командиром, т.е. наблюдающим за порядком, ремонтом и т.п. в лѣтнее время, по выходѣ кадет в лагерь, был как раз командир 5-й роты. Кормили нас отлично. Надо признать, что если всегда так вкусно готовили в Кіевском корпусѣ, то довольствіе в нашем корпусѣ было далеко позади. Правда Варшава не Кіев. В ней все дороже, а отпуск средств на всѣ корпуса был одинаков; да и малороссійскій скот можно ли сравнить с привисляньским.

На одном из самых высоких холмов, на которых разбросан красавец Кіев, вблизи житомирскаго шоссе, находится Кадетская роща, среди которой расположен корпус. Это была наша штаб-квартира. Отсюда мы выступали для осмотра достопримѣчательностей города и сюда возвращались утомленные, полные впечатлѣній от видѣннаго, для ночного отдыха с тѣм - чтобы утром вновь двинуться для осмотра богатѣйших исторических памят-

ников. На меня всегда производило большое впечатлѣніе посѣщеніе Лавры с ея ближними и дальними пещерами. И в этот раз единственно о чем я упомяну - это о посѣщеніи лавры и пещер. Обычно группы богомольцев собираются поред входом в пещеры, запасаясь свѣчами. Предволительствуемая монахом, с зажженными свѣчами, толпа богомольцев спускается в пещеру. Яркій солнечный свѣт рѣзко переходит во тьму, освѣщаемую колеблющимся пламенем свѣчей в руках богомольцев. Сам по себѣ этот рѣзкій переход, от яркаго свѣта во тьму, производит сильное впечатлѣніе, а по мѣрѣ углубленія, встрѣчая на каждом шагу гробы с мощами св.угодников, подземныя церковки, в которых они молились, глухо звучащій под землей голос идущаго впереди монаха, дающаго объясненія, и колеблющійся свѣт свѣчей, создают непередаваемое настроеніе. Человѣк отрывается от всего земного и душа его невольно тянется к Богу - Свѣту Неугасимому.

На этот раз нам, как экскурсантам, с благословенія Митрополита показано было хозяйство лавры. В сравненіи с Печерской, видѣнная нами в предыдущем году, Почаевская Лавра казалась бѣдной.

Упомяну еще о богатѣйшей ризницѣ лавры, гдѣ наряду с неоцѣнимыми сокровищами - златотканными, обшитыми жемчугом ризами и сакоссами,унизанными самоцвѣтами митрами, хранятся желѣзныя митры подвижников чуть ли не в I/4 пуда вѣсом.

Кіев был нами осмотрѣн настолько - насколько можно было осмотрѣть в нѣсколько дней. Всѣ главнѣйшіе памятники древней Руси были обойдены;посѣщены историческіе храмы; погуляли в садах на Владимирской горкѣ,Купеческом и Маріинском; побывали и в Ботаническом. Но срок ограничен.Предстояла еще поѣздка по Днѣпру в Екатеринослав, а оттуда на пороги.

И вот пристань...пароход...и Днѣпр. Отчалили. С высокаго берега Святой Владимир, с высоты Владимирской горки, благословляет наш путь Крестом. "Чуден Днѣпр при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчит, сквозь лѣса и горы, полныя воды свои" - сказал Гоголь. Да, Днѣпр прекрасен;прекрасны и берега его. Прогулка по Днѣпру великолѣпна. Толпимся на палубѣ и не замѣчаем времени.

В Екатеринославѣ помѣстили нас ни то в какой то школѣ, ни то в гимназіи. Спали на соломѣ на полу. Не помню было ли в Екатеринославѣ что либо для осмотра, кромѣ прекраснаго памятника Императрицѣ Екатеринѣ II. Вспоминаю еще крутой спуск к Днѣпру с крутым поворотом к пристани.Вспоминаю вагоновожатаго трамвая, котораго удалось уговорить пустить трамвай полным ходом, и едва успѣвшаго затормозить на поворотѣ, а то влетѣли бы в Днѣпр. Вот и все, что осталось у меня об Екатеринославѣ. Сколько времени мы в нем пробыли не помню - не за что было зацѣпиться памяти; но надо было дождаться прохожденія плотов через пороги, а они проходили не каждый день. Повидимому еще в Кіевѣ было разсчитано время.

Нас рано уложили спать, предупредив, что еще ночью придется выѣхать на пороги. Было темно, когда нас подняли. Сонные куда то шли в темнотѣ. Возы с сѣном ожидали нас. Было свѣжо и зарывшись в сѣно большинство, в том числѣ и я, заснули. Мѣрное колыханіе возов, влекомых волами,пріятно убаюкивало. Проснулся, когда мы пріѣхали к порогу.

Не помню к какому порогу мы подъѣхали. На Днѣпрѣ считалось официально 9 порогов, но мѣстные жители насчитывали их I2, видимо нѣкоторыя гряды /заборы/ считая порогами. Первый порог Старо-Кайдацкій,или просто Кайдацкій, отстоит от Екатеринослава верст на I5 по водѣ, а по дорогѣ нѣсколько дальше. Это один из больших порогов и по трудности преодолѣнія может быть 3-й или 4-й. На первом мѣстѣ стоит самый страшный Ненасытец или,как его называют,"Дид" На втором его "Внук" - Волнигскій, а третье мѣсто занимает ни то Кайдацкій, ни то Будил - не знаю кому из них принадлежит первенство, т.к. и тот и другой одинаково опасны и трудны для перехода. Я не помню на какой порог мы пріѣхали, но думаю, что на Кайдацкій, т.к. слѣдующій за ним порог Сурскій, а потом Лоханскій и Звонец по сравненію с ним небольшіе и переход через них менѣе труден,

а Дѣд, Внук и Будил находятся черезчур далеко и едва ли мы могли бы добраться до них в один день.

Прибыли мы как раз к восходу солнца. Плоты еще стояли, но на них уже было видно движеніе. Шум от порога был настолько силен, что заглушал голос и надо было почти кричать, чтобы быть услышанным в 3-х, 4-х шагах.

С восходом солнца, плоты двинулись к какому то, видимому лишь плотовщикам, проходу. Сверху мы видѣли лишь торчащіе из воды и уходящіе вдаль черные камни, вокруг которых бѣшено пѣнилась вода. При, легких даже, порывах вѣтра водяная пыль долетала до нас. Первый плот все быстрѣй и быстрѣй приближался к порогу. Вѣроятно всѣ плотовщики стояли у правила и только лоцман стоял впереди. Плот втянуло в кипень. Подавалась ли какая нибудь команда, или управлялись знаками - не знаю,но думаю, что никакой голос не мог быть слышен в этом ревѣ. А команда какая то подавалась, т.к. стоявшіе на правилѣ вдруг наваливались то на одну, то на другую сторону и бѣшено мчавшійся плот слегка мѣнял направленіе и как то проскакивал по невидимому проходу, между торчащими из воды скалами.

Думалось; нѣт,в этот момент ни о чем не думалось, т.к. всѣ чувства и мысли обратились в зрѣніе. С замираніем сердца слѣдили мы за борьбой человѣка с бѣшеной стихіей. Первый плот прошел благополучно и мы с облегченіем вздохнули. Вот только тогда вернулась способность думать и думалось, как должны себя чувствовать плотовщики, если мы, только смотрящіе, так переживали эту героическую борьбу. Вѣдь перед ними еще восемь порогов, из которых два самых страшных. Вот истинные незамѣтные герои в теченіи всей своей жизни рискующіе ею; и можно ли сравнить их даже с древними моряками, ходившими в море на своих скорлупах.

Приближался второй плот. С тѣми же усиліями и с той же ловкостью проскользнул и он, за ним третій, четвертый и т.д. Обычно плоты идут партіями, но пороги проходят с очень большой дистанціей между каждым, поэтому промежуток между прохожденіем двух плотов около часа.

Сколько было плотов в партіи - не знаю, прохожденіе скольких мы видѣли - не помню. Во всяком случаѣ солнце уже давно перевалило за полдень, когда мы двинулись в обратный путь.

Всю дорогу, лежа на возах, обмѣнивались впечатлѣніями, вспоминая тот или иной момент. Да, это была незабываемая картина. Прошло почти пол вѣка, а и теперь, воскресив в памяти это время и закрыв глаза, я ясно вижу перед собой бѣшено ревущій порог и посреди его плот с горсточкой людей на нем, мужественно борющихся со стихіей.

К вечеру вернулись мы в Екатеринослав, а утром на слѣдующій день по Днѣпру поднялись до Кіева, а оттуда в Варшаву и в лагерь.

Это была моя послѣдняя экскурсія в корпусѣ.

Н.Н.Страшкевич /IУ выпуска./

М А Л Е Н Ь К О Е В О С П О М И Н А Н І Е.

1906 год. Я в УІ классѣ 3-м отдѣленіи. Отдѣленный офицер-воспитатель подполковник Григорьев. Как он, так и мы, кадеты, друг к другу симпатіи не питали. Он отбывал свои часы на вечерних занятіях и иногда читал нотаціи провинившимся. Когда мы были им недовольны, то устраивали ему "землетрясеніе," т.е. переворачивали его стол, а также и шкаф и, конечно, все содержимое перемѣшивалось и ему приходилось, на вечерних занятіях, тратить много времени, чтобы привести все в порядок.Зная что никто не сознается в совершеніи "землетрясенія", он и не пытался узнать кто это устроил. Меня он не переваривал. Мой вид приводил его в нервное состояніе. И поэтому, при переходѣ из УІ в УІІ класс,у меня по поведенію была скромная "шестерка," которая не давала права ходить

в отпуск в город на прогулку. Почему он так ко мнѣ относился, я никак не мог понять. Проступков я никаких не совершал, чтобы можно было считать меня плохим кадетом, а когда я его спрашивал, почему мнѣ не прибавляют по поведенію, он мнѣ всегда отвѣчал: "Вы слишком веселы." Ротный командир полковник Соловьевич относился ко мнѣ очень хорошо.И вот, когда я хотѣл идти в отпуск, я обращался к нему и он, помимо воспитателя, подписывал мой отпускной билет. Я торжествовал, переодѣвался в отпускное обмундированіе и приходил в класс, чтобы подполковник Григорьев обратил на меня вниманіе. Видя меня в отпускной шинели, он меня спрашивал: "куда это вы собираетесь," на что я ему заявлял: "в отпуск,господин полковник." "Раздѣвайтесь. Выне имѣете права." Тогда я торжественным тоном говорил, - "ротный командир мнѣ разрѣшил" и отчетливо подходил с рапортом. К Рождеству мнѣ прибавили за поведеніе на 7 и тогда я уже не прибѣгал к помощи ротнаго командира.

Но вот случилось непріятное происшествіе. Наш преподаватель исторіи, по фамиліи Чиж, служил одновременно в судебном вѣдомствѣ и, по судейской линіи, его перевели в какой то другой город; ему пришлось оставить корпус. Ничѣм особенным он не отличался и поэтому уход его для нас кадет был безразличен. Но традиція, а в данном случаѣ пожалуй больше озорство, требовали от нас каких то проводов. Когда Чиж кончил урок и сказал прощальную рѣчь, мы всѣ заорали "ура," начали его качать, вытащили на руках из класса и, с тѣм же криком "ура," потащили в учительскую.Все казалось вышло по хорошему - так нѣт же. Через I/2 часа вызывает меня подполковник Григорьев и говорит: "это вы ущипнули преподавателя Чижа за извѣстное мѣсто, когда его несли в учительскую?"

"Никак нѣт. Я его не нес, а бѣжал около и кричал "ура," - отвѣчаю.

"Преподаватель Чиж сказал, что это вы. Ступайте под-арест".

Попал в карцер к хромому Смирнову и думаю: - вот так влип; Чижа не щипал, а сижу в карцерѣ. Не мог же Чиж сказать в учительской, что вот, мол, как меня кадеты любят - на руках принесли в учительскую и вдруг - кто то меня ущипнул.

Сижу день; вечером приходит подполковник Григорьев и говорит: "сознайтесь, что вы ущипнули".

"Нѣт, не щипал," отвѣчаю.

"Я вам сбавлю балл за поведеніе, кончите корпус по 2 разряду и выйдете в юнкерское училище," говорит он.

"Выпускайте хоть по 3 разряду, а я Чижа не щипал," - говорю ему.Ушел.

Ночь я провел на досках. На слѣдующій день приходит ротный.

"Ну что - доигрались," говорит.

"Господин полковник, даю честное слово, что я не щипал.Не выдумал ли это воспитатель?" Покачал головой Соловьевич и ушел.

Приходит директор генерал Лавров, который меня любил и я иногда ходил к нему пить чай.

"Ну что, Николаша, накуролесил?"

"Никак нѣт, Ваше Превосходительство. Я не щипал Чижа и посадили меня напрасно, в чем даю слово кадета" - отвѣчаю. "Ну ступай".

Кончил корпус и так и не узнал кто ущипнул Чижа и был ли такой случай.

По окончаніи училища, я вышел в артиллерійскую бригаду, стоявшую в Варшавѣ. Молодость, жизнь в большом городѣ - красота! Конечно, каждое 1 [illegible] октября я на парадѣ, обѣдѣ и на балу в корпусѣ. Отношеніе воспитателей сильно измѣнилось, как к равному; бывал даже на воспитательских семейных вечерах, гдѣ за рюмкой водки вспоминали юныя проказы. Как то ѣду я в трамваѣ. Вижу сидит Григорьев; я к нему. "Господин полковник, разрѣшите сѣсть?" "Пожалуйста". Тут я рѣшил выяснить почему он так плохо ко мнѣ относился и поставил вопрос ребром.

"А потому," говорит, "что у вас постоянно была такая улыбка, как будто вы всегда смѣялись надо мной."

"Вы, господин полковник, плохой психолог. Никогда я над Вами не смѣялся, а вообще был веселаго характера; и поэтому смѣялся и с поводом и без повода".

Прошел год. Назначают меня членом комиссіи по повѣркѣ денежной отчетности Управленія Варшавскаго Воинскаго Начальника. Приходим мы:командир батареи, я и еще один офицер, к Воинскому Начальнику и в канцеляріи нас встрѣчает полковник Григорьев. Я был очень удивлен, т.к.не знал, что он оставил корпус и был назначен помощником Варшавскаго Воинскаго Начальника. Я здороваюсь и говорю: "забавная вещь, я пришел провѣрять моего бывшаго воспитателя". "Да, на свѣтѣ все бываетъ" - отвѣтил он. Послѣ повѣрки денежной отчетности, мы разстались пріятелями.

Н.Главацкій /II выпуска./

XIII ВЫПУСК - РОКОВОЙ И ПОСЛѢДНІЙ
III класс I-ое отдѣленіе 1913/1914 учебный год.

Лѣтнія каникулы мы проводили снова в Лапигузах.

Испытав преимущества подготовки курса вперед, а также вслѣдствіе пробудившагося большого интереса к математикѣ, перед обѣдом, я рѣшал с большим рвеніем всѣ задачи по Верещагину и под опытным руководством отца, без особых затрудненій, прошел как по Киселеву, так и по Малинину и Буренину всю премудрость арифметики. Кромѣ этого занимался исторіей и географіей и зачитывался единственными по тонкости и изяществу, прекраснѣйшими, досель непревзойденными, классическими произведеніями русской литературы, читая иногда вслух мамѣ и сестрам.

Лапигузы - это небольшой поселок, расположенный недалеко от провинціяльнаго города Лукова, Сѣдлецкой губерніи, соединеннаго одноколейной желѣзной дорогой с крѣпостью Ивангород. Достопримѣчательностью Лапигуз было то, что там был расквартирован 6-й мортирный артиллерійскій дивизіон и там же находились огромные и довольно многочисленные интендантскіе склады.

Здѣсь, лѣтом, я подружился с Шурой Ковалевым, отец котораго служил подпрапорщиком в дивизіонѣ, куда мы с ним, с разрѣшенія родителей, частенько хаживали. Как послѣдствіе этих посѣщеній, во мнѣ развилось влеченіе к пушкам, лошадям и артиллеріи вообще или, по старому наименованію,"пушкарскому дѣлу".

6-й мортирный дивизіон, как всегда, проводил лѣто в лагерѣ в Рембертовѣ, верстах в 12-ти от Варшавы. В Лапигузах же находилась, так называемая,"ремонтная команда," гдѣ выѣзжали молодых лошадей, для пополненія строя взамѣн выбывших. Этой ремонтной командой завѣдывал поручик Красовскій. Почему то полюбив меня и видя мой интерес, он дал мнѣ в общих чертах первое представленіе о нѣкоторых хитростях артиллерійскаго дѣла. Он разъяснил мнѣ разницу между стрѣльбой с открытой и с закрытой позиціи, между гранатой и шрапнелью, растолковал трубку двойного дѣйствія, познакомил с панорамой и принципом построенія параллельнаго вѣера и дал представленіе о матеріяльной части орудія. Кромѣ всего этого он научил меня основным правилам верховой ѣзды. Мама и сестры так и ахнули, когда однажды,во время прогулки,мы втроем - поручик Красовскій, Шура и я заѣхали к нам на дачу.

Мысленно я представлял себѣ как, вернувшись в корпус, буду дѣлиться с моими однокашниками всѣм тѣм чему научился, будучи заранѣе увѣрен в том, что ко всему этому они отнесутся с большим интересом.

Но вот приблизилось время возвращенія в корпус, куда, как и в прошлом году, я поѣхал самостоятельно, чувствуя себя уже почти совершенно "взрослым".

Пріѣхав в корпус,я свернул в корридорѣ не налѣво, как ранѣе, а направо в 3-ю роту, которой командовал полковник Бенедиктов,по прозвищу "Бегемот".

С перваго же момента все показалось иным чѣм в, ставшей уже родной, 4-й ротѣ, нашего милѣйшаго "Извозчика" полковника Косинскаго. Другой каптенармус, треугольник с цифрой 3 на всѣх казенных вещах, вмѣсто привычнаго квадрата, со вписанной в него четверкой. Четыре отдѣленія /3 третьяго класса и одно отдѣленіе четвертаго класса/, вмѣсто шести, как это было в 4-й ротѣ. Новые личные номера и иное расположеніе кроватей в спальнѣ.

Сколько нас было по списку в III классѣ точно не помню, но личности двух попавших к нам второгодников врѣзались в память с поразительной ясностью. Леонид Кудрявцев, или как мы всѣ его величали "Леночка," и Николай Сухомоль, по прозвищу "Дылда," были с перваго же дня большими и неразлучными друзьями и усѣлись, конечно как полагается истинным "майорам," на "камчаткѣ," т.е. заняли послѣднюю парту. Замѣчу здѣсь, что в 4-й ротѣ кадет разсаживали по партам воспитатели, а начиная с третьяго класса каждый мог сѣсть там гдѣ ему угодно; причем тѣ неудачники, которые не успѣли или не сумѣли занять подходящее их личным вкусам мѣсто, могли по обоюдному соглашенію помѣняться, но, конечно, за соответствующее возмѣщеніе. Торгов приэтом не бывало, но условія были кѣм то и когда то выработаны и установлены. Выше всего расцѣнивалась "камчатка" и за такое мѣсто желающій должен был предложить не меньше восьми котлет и четырех французских булок. Мзда, как видно, совсѣм не легкая и подобная мѣна совершалась только в том случаѣ, если на "камчаткѣ" удавалось найти "саможрала," который скрѣпя сердце, но с дѣланным великодушіем, всетаки уступал свое мѣсто.

Незабываемая "Картофела" Маньковскій поучал нас Русской исторіи, которую мы принялись изучать по объемистому и прекрасно написанному учебнику академика Платонова; одновременно с этим начали вникать в исторію древняго Египта, со всѣми ея фараонами и богами, которая нас интересовала сравнительно мало. Исторія древней Греціи была значительно интереснѣе. Когда же мы перешли к изученію исторіи древняго Рима, то интерес стал общим не столько к исторіи как таковой, но к "состязанію гладіаторов," которых изображали "Леночка" и "Дылда." Оба были, несмотря на возраст, поразительной физической силы и, прекрасно сложенные оголенные до пояса, представляли восхитительных "гладіаторов". Перед "боем" парты отодвигались к стѣнам и середина класса представляла собой арену. Выставлялись "махальные", которые должны были слѣдить за движеніем дежурнаго офицера-воспитателя и, в случаѣ необходимости, давать установленный заранѣе сигнал, для немедленнаго прекращенія этого зрѣлища; обычно оно начиналось "торжественным выходом гладіаторов" и заканчивалось самой настоящей французской борьбой, по всѣм правилам, и продолжавшейся до тѣх пор пока один из участников не был положен на обѣ лопатки. Для поднятія духа и усиленія рвенія участников, зрители бились об заклад - кто побѣдит; конечно опять на котлеты; причем поѣдал их не выигравшій зритель, а побѣдившій "гладіатор," который иногда, когда их набиралось слишком много, по братски дѣлился со своим соперником. Шутки, остроты, здоровый юношескій юмор и смѣх, обычно сопровождавшіе подобныя зрѣлища, скрашивали наши будни.

Важнѣйшим событіем этого учебнаго года, несомнѣнно, было посѣщеніе нашего корпуса Его Императорским Высочеством Великим Князем Константином Константиновичем, по пути в Египет, куда Он ѣхал на леченіе.

Великій Князь прибыл в Варшаву 15 января. Принимая во вниманіе болѣзненное состояніе Великаго Князя не было точно извѣстно осчастливит ли Он на сей раз посѣщеніем наш корпус или нѣт. Несмотря на это предварительныя приготовленія были сдѣланы. Утром нас предупредили, что если во время урока будет дан звонок, то мы должны бѣгом направиться в спальню и, быстро одѣв парадные мундиры, построиться в залѣ роты, дабы быть готовыми к встрѣчѣ Августѣйшаго гостя.

Нечего и говорить, что на уроках мы сидѣли как наэлектризованные,

больше прислушиваясь к ожидаемому сигналу, чѣм к поученіям взволнованных немного педагогов. Наконец, во время третьяго урока /это был послѣдній перед завтраком/, раздался продолжительный, долгожданный звонок. Через нѣсколько минут 3-я рота, в безукоризненно выравненном строю, ожидала Великаго Князя, начавшаго обход с 1-й роты. Минуты казались часами. Но вот раздалась громогласная команда дежурнаго воспитателя Николая Петровича Ревишина, встрѣчавшаго Великаго Князя. Обратив глаза ко входу, гдѣ появился высокій силуэт, окруженнаго свитой, Великаго Князя, мы всѣ положительно замерли. Как старшій в отдѣленіи, я стоял в первой шеренгѣ на правом флангѣ нашего отдѣленія, а поэтому ни одна подробность не ускользнула от моих глаз.

Высокая фигура Великаго Князя в сюртукѣ, с украшавшим его грудь Георгіевским крестом, производила величественное впечатлѣніе. Характерныя черты лица, так хорошо знакомыя нам по портретам висѣвшим в каждом отдѣленіи, утомленныя сравнительно долгим путешествіем, также как и вся Его внѣшность и осанка, вѣяли безграничной добротой и особенной, необъяснимой теплотой, вызывавшей трепет и волненіе в моей груди. Подобное этому чувству, в еще большей степени, я пережил еще один раз при посѣщеніи Государем Императором нашего корпуса в Москвѣ, в Сокольниках.

Великій Князь медленно обошел фронт роты, смотря каждому из нас в глаза и взгяд этот, немного грустный и печальный, на всю жизнь глубоко запал в мою юную душу. Нѣсколько раз останавливаясь и задавая вопросы нѣкоторым из нас, Великій Князь, во время одной из таких остановок разговаривая с кадетом, стоявшим на нѣсколько рядов правѣе меня, взял его за пуговицу мундира; послѣ команды разойтись, пуговица эта сейчас же была отрѣзана, считавшим себя особенным счастливцем, кадетом и как особая реликвія показывалась остальным, без права прикасаться к ней, и хранилась владѣльцем как драгоцѣнная память о достопримѣчательном днѣ. Всѣм нам хорошо извѣстно то дѣтски-чистое обожаніе кадетами своего Главнаго Начальника. Послѣ обхода Великій Князь обратился к нам с кратким привѣтственным словом, послѣ чего, сопровождаемый громовым "ура," направился в сосѣднюю 4-ю роту.

В надеждѣ, что наш почетный гость удостоит позавтракать с нами, мы пошли в столовую в парадных мундирах. Завтрак был накрыт как в "царскіе дни." К сожалѣнію наши надежды не оправдались и, по всей вѣроятности, желая не утомлять больного и уберечь его от выражаемых, в избыткѣ чувств, овацій почти что шестисот кадет, было сдѣлано так, что Великій Князь уѣхал, провожаемый только директором и высшими чинами корпуса, в то время когда мы завтракали.

В один из воскресных дней, который я проводил в отпуску, около полудня из корпуса пришло с нарочным письмо, адресованное на мое имя. Мой отдѣленный офицер-воспитатель Николай Петрович Ревишин увѣдомлял меня о том, что я назначен на бал в институт. В Варшавѣ, как извѣстно был Маріинскій или Александро-Маріинскій /простите, дорогія институтки, но названіе точно не помню/ Институт. В день институтскаго праздника, по установленной традиціи, от корпуса назначались на бал хорошо танцующіе кадеты из разных классов. Со своей стороны директор всегда приглашал институток на наш бал, в день корпусного праздника, на котором институтки пользовались особым вниманіем и большим успѣхом.

Послѣ ранняго обѣда я вернулся в корпус к 6 часам вечера; вскорѣ. послѣ тщательнѣйшаго осмотра, нас построили и под командой воспитателя мы пошли в институт. Нас встрѣтили очаровательнѣйшія барышни, всѣ как одна, одѣтыя в форменныя довольно длинныя платья, украшенныя бѣлой пелеринкой и нарукавниками. Бал проходил очень весело и к концу бала, когда заиграли марш, то, упоенные танцами и воздушными созданіями, кадеты вошли в такой азарт, что вмѣсто того, чтобы идти прощаться с начальницей, перед уходом с бала, начали танцовать польку. На-

чальница, или как институтки ее называли "маман," сильно разгнѣванная этим, сообщила директору . Хотя нас за это не наказали, но,кажется, кадетам старшей роты было сдѣлано замѣчаніе в том, что они подали такой примѣр младшим. Вслѣдствіе послѣдовавшаго перевода корпуса из Варшавы в Москву, из за разразившейся первой міровой войны, а за ней революціи, это был мой первый, но к сожалѣнію и послѣдній институтскій бал. Гдѣ вы теперь, милыя и славныя институтки? Вспоминая нынѣ, почти сорок пять лѣт спустя, о всей нашей чудной, незабвенной и беззаботной юности, могу только, тяжело вздохнув, повторить слова поэта: "куда, куда вы удалились весны моей златые дни!"

Вторая половина учебнаго года промчалась очень быстро и вскорѣ наступило время экзаменов; самыми серьезными и трудными из них были экзамены по русскому языку и арифметикѣ - оба устные и письменные. Зубрили мы во всю и подготовлялись к ним с поразительной для нашего возраста сознательностью. Всѣм нам без исключенія, кадетам III класса I-го отдѣленія, хотѣлось попасть во 2-ю роту. Тѣм не менѣе, несмотря на все это, второгодников и получивших переэкзаменовки было сравнительно много,т.к. требованія предъявлялись очень строгія. Эти требованія свидѣтельствуют с очевидной ясностью о той тщательности, с которой в тѣ времена производилась подготовка и отбор будущих офицеров и лучше всего говорили о том - как было поставлено учебное дѣло в Россійских Императорских кадетских корпусах.

Из трех отдѣленій III класса, послѣ экзаменов и переэкзаменовок, при переходѣ в 4-й класс осталось только два отдѣленія, из которых 2-е отдѣленіе оставалось в 3-ей ротѣ, а первое переходило в состав 2-й роты.

Учебный год закончился военными прогулками и экскурсіями, которыя и на этот раз были очень интересны и чрезвычайно поучительны. Особенно хочу отмѣтить тот день, когда мы ходили на аэродром. Военная авіація в Россіи только что начинала развиваться и в Варшавѣ, на Мокотовском полѣ, находился авіаціонный отряд. Послѣ ознакомленія, в общих чертах, с самолетами, офицер-летчик, дававшій нам объясненія, предложил прокатить одного из нас; т.к.желающими оказались всѣ, то наш мудрый офицер-воспитатель приказал бросить жребій. Мнѣ посчастливилось и этот первый полет, на одном из первых военных аэропланов, также как и панораму Варшавы с воздуха, я никогда не забуду. Какой несовершенной кажется мнѣ теперь та машина Ньюпора, на которой мы поднялись,в сравненіи с военными самолетами настоящаго времени, скорость полета которых превратила фантастическіе романы Жюль Верна в дѣйствительность.

Наконец все было за спиной и мы снова поѣхали на дачу в Лапигузы проводить беззаботныя каникулы.

Но, совершенно неожиданно, как внезапный гром в знойный лѣтній день, грянула война 1914 года, а за ней обрушились несчастья и катастрофы, от которых не только Россія, но и весь мір до сих пор не в состояніи придти к покою.

Наша тихая, мирная и спокойная жизнь на дачѣ вдруг оборвалась... Однажды вечером, в концѣ іюля, мама поѣхала на вокзал провожать,гостившую у нас,свою сестру и вернувшись, около полуночи, принесла страшную вѣсть о началѣ войны. Слѣдующіе дни прошли в быстрых сборах и мы вернулись в Варшаву, которая измѣнилась до неузнаваемости, превратившись в военный лагерь.

О приготовленіях к переводу корпуса в Москву - знаю мало,т.к. помогая родителям был дома и в корпусѣ побывал лишь нѣсколько раз, отвозив туда на храненіе часть наших вещей, пропавших потом цѣликом,в вихрѣ послѣдовавших событій. Помню только, что все шло лихорадочным темпом и, наконец, мы были погружены в длинный смѣшаный состав, спеціально предназначенный для перевозки корпуса. Родители и сестры ѣхали с другими воспитателями и преподавателями и их семьями в вагонах

второго класса. Нас кадет, которых собралось около ста человѣк, размѣстили в вагонах 3-го класса. Служителя, каптенармусы и другіе служащіе ѣхали в товарных вагонах, вмѣстѣ с имуществом корпуса.

Прощай корпус на Бельведорской аллеѣ и ставшая родной Варшава-красавица.

Так кончился третій учебный год. Так кончилось мое дѣтство и отрочество.

Мы ѣхали в далекую Москву - сердце Россіи, навстрѣчу новѣдомой новой жизни.

Н.Корьюс /XIII выпуска./

И З Л Ѣ Т Н Я Г О Д Н Е В Н И К А.

Конец іюня. Скоро открытіе охотничьяго сезона и я с нетерпѣніем ожидаю пріѣзда своего однокашника и закадычнаго друга Женю Н. Отец мой разрѣшил мнѣ пригласить его на всю вторую половину лѣта, потому что Женя тоже охотник и получил в этом году в подарок от своих родителей, за переход без переэкзаменовок в слѣдующій класс, двустволку Тульскаго завода I2-го калибра. Мы с братьями давно уже охотились самостоятельно и пользовались ружьями из охотничьяго арсенала отца и у каждаго из нас было свое излюбленное ружье, с которым мы обычно охотились, и за которым ухаживали. Эти послѣдніе два мѣсяца мы всегда посвящали приведенію в порядок своего охотничьяго снаряженія и набивкѣ патронов. Старый англійскій пойнтер "Рипп I-й" и его многочисленное потомство не отходили от нас ни на шаг, прекрасно зная что означают всѣ эти сборы и хлопоты в охотничьей комнатѣ "зеленаго" павильона.

Наконец со станціи привезли телеграмму: Женя просит выслать ему лошадей к завтрашнему вечернему поѣзду. Надо сказать, что усадьба наша находилась в шести верстах от станціи желѣзной дороги. Женя у нас никогда еще не был и ѣхал сюда из далекаго приволжскаго городка, гдѣ отец его был воинским начальником. Необходимо было устроить ему достойную встрѣчу. В имѣніи у нас часто гостили родственники, друзья и сверстники наши; часто бывали и кадеты, главным образом, конечно, Суворовцы. Но кто бы ни пріѣзжал к нам в первый раз, тот обязательно и без исключенія проходил своего рода искус и только послѣ того считался полноправным членом нашей молодой компаніи. Это была своего рода традиція.

На другой день, за нѣсколько минут до прихода пассажирскаго поѣзда, я въѣзжал на легком англійском брекѣ во двор жел.-дор. станціи и, привязав лошадь к столбу, пошел на вокзальный перон. Одѣт я был деревенским парнем и загримирован до полной неузнаваемости. Но вот, окутанный клубами пара и тяжело пыхтя, подходит пассажирскій поѣзд. На площадкѣ вагона 3-го класса стоит Суворовец Женя Н. и зорко всматривается в небольшую группу встрѣчающих, в надеждѣ увидѣть какую нибудь знакомую душу. Когда поѣзд остановился, он еще раз разочарованным взглядом окинул перон и спрыгнул на землю. В руках у него был большой чемодан и ружье в кожаном футлярѣ. Шинель в накидку, собственный "фуражимент" на-бекрень. Безпокойно озираясь по сторонам, он направился к выходу. Я слѣдовал за ним, а в полутемном проходѣ быстро подошел и, измѣнив голос, спросил: "не будете ли вы, барчук, тот, что к господам К. пріѣхали?"

"Да, да" - обрадовался как родному Женя.

"Так это меня господа прислали за вами," продолжаю я, протягивая руку за багажем. Женя передал мнѣ чемодан, но ружье, как особую драгоцѣнность, оставил при себѣ.

Выйдя во двор, мы уложили вещи в экипаж, удобно усѣлись сами и двинулись в путь. Дорога наша шла по полям и перолѣскам и почти все время вдоль линіи жел.-дороги. Лошадь бѣжала лѣнивой рысцой и мнѣ приходи-

лось постоянно ее подхлестывать. Оба мы упорно молчали, но по разным причинам, и я чувствовал, что Женя искоса на меня поглядывал. Проехав так версты полторы, я, как бы случайно, уронил свой длинный бич и,рѣзко остановив лошадь, попросил Женю поднять "пугу," а то лошадь еще его не знает и если я сойду, то удержать ее для него будет трудно.Он охотно взялся мнѣ помочь и,лихо спрыгнув на дорогу, побѣжал за бичем. В этот момент я сильно ударил возжами по крупу лошади и с гиканьем пустил ее вскач. Сзади донеслись до меня невѣроятныя проклятія и отчаянные вопли. Проскакав так шагов 300-400, я свернул в боковую дорожку за небольшую рощу и остановился так, чтобы с большой дороги меня не было видно. Спрыгнув на траву, я быстро снял с себя крестьянскую одежду и, стерев тряпкой грим, вмѣсто соломенной шляпы с широкими полями, надѣл кадетскую фуражку. Поднимая пыль и тяжело дыша, Женя медленно приближался к рощѣ. Изрѣдка он что то выкрикивал и,неизвѣстно кому,махал рукой. Но вот он вышел на эту сторону и вдруг увидал стоящій знакомый экипаж,лошадь и,наконец, меня - Суворовца Колю К. Остановившись как вкопаный, Женя широко открыл рот и удивленно уставился на меня.Затѣм он стал медленно ко мнѣ подходить, как к какому то привидѣнію и задыхающимся, полным упрека, голосом сказал: "ну зачѣм, ну к чему этот маскарад,Коля?" Физіономія его, с которой еще не сошел слѣд безнадежнаго отчаянія, была так уморительна, что меня буквально корчило от смѣха. Расцѣловав его затѣм в обѣ щеки и усадив на траву, я старался успокоить его и дѣлал все, чтобы он скорѣе пришел в себя от пережитого волненія.

"Понимаешь," говорил он жалобно, "вѣдь я здѣсь первый раз и больше чѣм за 1000 верст от своего дома... никого и ничего не знаю... В твоем брекѣ оставалось все самое мнѣ необходимое и все самое для меня дорогое... моя новенькая двустволка... в чемоданѣ револьвер моего папы, который я взял без его разрѣшенія... фотографическій аппарат,документы, деньги и вообще все мое имущество. И вдруг... все одним махом... и так просто. Ах дурак, дурак... как же это я не сообразил сразу... так легко дал себя провести, а еще воображал... дубина. К тому же, вот - те крест святой, с самаго начала я что то уже подозрѣвал неладное... Вот идіот, простофиля,ишак... и это тебѣ наука!" Женя залился неудержимым смѣхом. Затѣм он вскочил, облапил меня как косолапый медвѣдь и стал тискать так, что бѣдныя мои кости жалобно затрещали. Надо сказать,что Женя Н. отличался совершенно необыкновенной силой. Когда ему было лѣт 14-15, он,во время медицинскаго осмотра, выжал полный силомѣр. Доктор корпусный не повѣрил и потребовал продѣлать это еще раз у него на глазах. Женя разсердился и так сдавил машинку, что стальная пружина хрустнула и стрѣлка силомѣра отломалась.

Несмотря на свою силищу, Женя был добрый как теленок. Не будучи трусливым, он однако от неожиданности всегда балдѣл и в нужную минуту бывал нерѣшительным. Теперь же,когда он пришел в себя, то стал умолять меня, чтобы я никому не разсказывал о сегодняшнем происшествіи. "Побожись, что никому не скажешь, а то вѣдь, дѣйствительно, стыдно... форменным ишаком оказался!"

"Хорошо, хорошо," утѣшал я его,"ты мнѣ лучше скажи,Женя,только не ври, куда ты пер манежным галопом за экипажем; надѣялся ли ты догнать его, что ли? Сколько времени ты собирался бѣжать еще и куда? А что ты вообще думал, когда я дал ходу со всѣм твоим приданым?"

Женя задыхался от неудержимаго смѣха и лишь махал руками.

Но вот стало темнѣть, что собственно входило в мои планы. Не торопясь, мы вновь усѣлись в экипаж и крупной рысью тронулись дальше.Женя, конечно, не мог знать какія дороги ведут к нам в усадьбу и потому не придавал значенія тому, что я свернул с большой дороги в дремучій лѣс. Здѣсь было уже порядочно темно и прохладно. Лошадь, не желавшая удаляться от дороги, ведущей к ея конюшнѣ, начала капризничать, фыркать, останавливаться, или сворачивать в сторону от дороги. Женя,который не

был знаком с поганым характером этой лошади, удивлялся, а когда я стал подливать масла в огонь, говоря с озабоченным видом, что поведеніе ея мнѣ что то не нравится, он насторожился. Мы перешли в шаг и зорко поглядывали по сторонам в темнѣющую густоту столѣтних дубов и елей. Вдруг гробовую тишину засыпающаго бора нарушил пронзительный свист. Какія то большія птицы испуганно шарахнулись в вѣтвях; мы вздрогнули и переглянулись. Я остановил лошадь и шепотом говорю: "Женя, гдѣ твой револьвер. Давай скорѣе сюда!" Он быстро повернул свой чемодан и стал открывать его. Пальцы его дрожали и он не мог никак попасть ключем в замочную скважину. Раздался еще раз рѣзкій свист, на этот раз уже совсѣм близко. Я, взволнованный, торопил Женю, который уже совершенно растерялся и казался безпомощным. В этот момент раздался оглушительный выстрѣл, один, другой. Засверкали огоньки в темнотѣ придорожных кустов. Лошадь наша взвилась на дыбы и какая то тѣнь схватила ее под уздцы. Одновременно, громовой голос скомандовал: "Стой. Руки вверх!" Но Женя повидимому этого уже не слыхал, т.к. старался улизнуть с экипажа; но я помог своим братьям надѣть на голову ему мѣшок и скрутить ему руки за спину. Когда все было кончено, вновь раздался громовой голос, приказывавшій вести плѣнников за ним. Тут Женя, с опозданіем, пришел в себя и начал вырываться, крича, чтобы я помог ему и что его хотят убить. Нам стоило не мало труда справиться с ним. Мнѣ же приходилось разыгрывать комедію сопротивленія. Я неистово кричал, зажимая себѣ ладонью рот, шумѣл и хлопал палкой по кустам и землѣ. Но дальнѣйшій наш путь не был долог. Мы пошли за небольшой пригорок и вышли на открытую поляну, гдѣ мирно горѣл большой костер. Там мы всѣ разсѣлись вокруг огня, подбросили сухого можжевельника и, когда высокое пламя всѣх нас ярко освѣтило, брат Володя, в картонный рупор, громко скомандовал: "теперь, ребята, снимай с них колпаки и начинай поджаривать пятки!"

Мѣшок с Жениной головы был сорван и... перед его мутным взором предстала живописная живая картина: вокруг горящаго костра, в бѣлоснѣжных гимнастерках с красными погонами, в лѣтних фуражках, молча улыбаясь, сидѣли кадеты Суворовцы - Шура Б., Ваня Т. и три брата - разбойники К-вы.

Женя сначала тоже молчал, внимательно разглядывая эту картину, медленно переводя взор с одного на другого. Рот его долго беззвучно открывался и закрывался и наконец он вымолвил:

"Сволочи!"

Всѣ мы вскочили с мѣст, бросились к нему, повалили и, с криками "ура!" начали качать его, подбрасывть вверх. Он сопротивлялся, ругался, но наконец покорился буйному плѣну нашей шайки, к которой он с этого момента и сам принадлежал.

Когда все успокоилось и угомонилось, всѣ мы с горящими факелами - смоляками в руках двинулись назад. Около экипажа стояло четыре осѣдланных лошади, нетерпѣливо нас ожидавших. Женѣ мы предложили выбрать любую из них, но он весьма энергично послал всѣх нас к чорту и заявил, что устал, что с него на сегодня довольно, и что теперь он хочет спокойно доѣхать со своими вещами домой и надѣется, что всѣ эти исторіи уже кончились.

И вот экипаж, освѣщаемый конными факельщиками, бойкой рысью тронулся в путь. Лошади дружно и охотно шли домой.

По спящим уже лѣсам и долинам неслись довольно стройные звуки кадетской "Звѣріады". Факелы наши догорѣли уже невдалекѣ от усадьбы и остаток этого пути мы продѣлали шагом, в полной темнотѣ, распѣвая хором: "И тучки понависли..."

А Женя пѣл громче всѣх.

Н.Клобуков I-й /УI выпуска./

ГОД в ЦИТАДЕЛИ.

1901-1902 учебный год был годом моего поступленія в корпус и послѣдним годом пербыванія корпуса в цитадели.

Корпус - первый этап в жизни внѣ родной семьи, первый шаг в жизнь...

Длинный путь до цитадели я был спокоен и почти увѣрен, что выдержу экзамены; но с приближеніем к цѣли, въѣхав в крѣпостныя ворота, увѣренность нѣсколько поколебалась, а "почти" - этот червячек сомнѣнія, начал шевелиться, рости и когда, наконец, я оказался в помѣщеніи, гдѣ уже находилось изрядное число папаш, мамаш и разных тетушек, привезших своих чад и видя их волненіе, моя увѣренность стала совсѣм маленькой.

Гдѣ, т.е. в какой комнатѣ происходил экзамен, не помню; не помню также гдѣ мы ожидали вызова.

Один за другим уходили вызываемые с блѣдными напряженными лицами, а возвращались в приподнятом настроеніи, раскраснѣвшіеся, с потными физіономіями и на вопросы родных не могшіе дать точных отвѣтов.

Время тянулось безконечно медленно, но все же подошел момент, когда была названа моя фамилія.

Сколько было вступительных экзаменов и по каким предметам, не знаю. Помню лишь три: по Закону Божіему, русскому языку и арифметикѣ.

Рыжеватый священник /О.Садиков/ не производил впечатлѣнія добраго, каким был наш приходской священник О.Михаил. Спросив 2-3 молитвы, заставив прочитать нѣсколько строк из Евангелія и сказав "хорошо" отпустил.

Слѣдующим был экзамен по русскому языку. Экзаменовал бородач маленькаго роста - Фомин. Он не был страшен. Спросив какія стихотворенія я знаю, одно из названных мною, помнится басню "Лисица и виноград," заставил сказать наизусть; сунул в руки хрестоматію, указал что прочитать. По окончаніи чтенія приказал сѣсть за одну из парт, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человѣк, прежде меня прошедших устное испытаніе, роздал листы бумаги и началась диктовка. Диктовал Фомин медленно, отчеканивая каждую букву, но он шепелявил, выговаривая букву "ш" как "ф." При нашем сильном волненіи не сразу можно было догадаться, что это за незнакомое и непонятное слово "фалун," но когда за ним слѣдовало "отморозил пальчик" становилось ясным, что не "фалун," а "шалун." Приходилось исправлять. Одинаковыя у всѣх ошибки на "ш," у нѣкоторых исправленныя, а у других нѣт, не сыграли роли в оцѣнкѣ. Видимо Фомин понял причину этих ошибок.

От экзамена по русскому языку перешли к арифметикѣ. Экзаменатор коренастый, крѣпко скроенный мужчина, с рыжеватыми усами, с грубым голосом, нагнал на меня страх. Все же испытаніе из таблицы умноженія на 2 и 3, а затѣм колонки цифр на сложеніе и вычитаніе прошли благополучно; какая то письменная задачка была рѣшена.

Вот и все что запомнилось об экзаменах.

Очутившись за дверьми экзаменаціонной комнаты, среди ожидавших результатов и набросившихся на меня с вопросами взрослых, я как то сразу почувствовал себя увѣренно и без колебанія отвѣчал - "конечно выдержал".

Когда экзаменаціонная гора свалилась с плеч, началось знакомство и сближеніе с будущими одноклассниками и стали даже пошаливать.

Время шло и появился послѣдній испытывавшійся, а немного спустя вышел директор и прочитал результаты. Провалился лишь один, а всѣ остальные выдержали. К 1-му сентября нас должны были доставить в корпус.

Немного дней оставалось еще гулять на свободѣ и они казались то очень длинными - нетерпѣлось скорѣе надѣть погоны, то будто черезчур быстро бѣгущими - приближающими разлуку с родными. Чувства эти перелетались между собой так тѣсно, что неизвѣстно было которое из них преобладает. Все же когда пришдо 31 августа и наступил момент отъѣз-

да в корпус, сердечко сжалось - погоны погонами, а остальное?...

В замѣткѣ примѣчанія к плану, помѣщенному в №I нашего сборника под I. сказано: "Зданіе корпуса.Здѣсь в в 1899 году был только первый класс,а в слѣдующіе два года прибавилось еще два!" На самом дѣлѣ в этом зданіи в 1901 г. помѣщались только два старших класса,а для нас первоклассников в этом зданіи мѣста не оказалось. В первые два года в зданіи, помѣченном под 5./Офицерское собраніе Крѣпостной артиллеріи/, была квартира директора, а когда открылся 3-й класс нас помѣстили в этом зданіи, предварительно приспособив его, а директор переѣхал в город.

Мы,первоклассники, оказались совершенно отдѣленными от старших двух классов и встрѣчались с ними только в столовой. Я даже думаю,что никто из нас ни раза не побывал во внутренних комнатах старших и я совершенно не представляю себѣ их размѣщенія.

Дом, в котором мы помѣстились, был двух-этажный,выходящій фронтом на вал, обозначенный на планѣ под II. Между домом и валом,на котором стояли двѣ старыя мортиры, служившія для салютов в царскійе дни, был довольно просторный плац, служившій нам мѣстом для игр. Впрочем и вал не был под запрещеніем. Не твердо помню внутреннее расположеніе комнат в домѣ, поэтому даже приблизительнаго плана приложить не могу. Вспоминается оно так:войдя через парадную дверь попадаешь в маленькій вестибюль, из котораго, примыкая к правой стѣнѣ,поднимается деревянная лѣстница во второй этаж. Между лѣстницей и лѣвой стѣной узкій проход, ведущій в комнаты нижняго этажа. Этот проход служил нам шинельной. На прибитых к стѣнѣ вѣшалках, с надписанными масляной краской номерами, висѣли наши шинели и фуражки. Из прохода попадали в большую комнату, очевидно танцовальный зал, служившую нам спальной.Здѣсь размѣстили I-е отдѣленіе. Вправо от зала, отдѣленная аркой, была небольшая комната, занятая также под спальню I-го отдѣленія. Влѣво нѣсколько комнат, в которых было размѣщено 2-е отдѣленіе. За ними комната дежурнаго воспитателя, а еще дальше цейхгауз и бывшая кухня, занятая дядьками.

Во втором этажѣ помѣщались классы. На лѣстничную площадку выходили три двери; по стѣнѣ против лѣстницы влѣво класс 2-го отдѣленія,а вправо I-го. Дверь в дверь,против I-го отдѣленія,небольшая комната - преподавательская, гдѣ раздѣвались и отдыхали приходящіе преподаватели. За классом I-го отдѣленія,по корридору,отдѣленная пустой комнатой, умывалка, а за нею спеціально устроенная уборная, за которой короткій корридорчик и еще одна ни то комната, ни то веранда очень свѣтлая;ее мы приспособили под "зимній сад." Каждый из, живших в Варшавѣ, кадет нашего I-го отдѣленія считал своим долгом принести из отпуска какое либо декоративное комнатное растеніе или цвѣток. Как то сразу из нашей среды выдѣлились любители цвѣтов, ухаживавшіе за растеніями. Начальство шло навстрѣчу этому полезному увлеченію. Были сдѣланы цвѣточныя горки, лѣстнички, корзины для свисающих трав и комната дѣйствительно была красива. Расположенія комнат за классом 2-го отдѣленія совершенно не помню, но думаю, что приблизительно такое же. Должен сказать, что мы рѣдко посѣщали класс 2-го отдѣленія, как и они наш. Общеніе происходило на перемѣнках или в спальнѣ.

Говорить о первых шагах, пожалуй,не стоит; они каждый год одинаковы и всѣм хорошо знакомы. Стрижка под машинку №I, пригонка обмундированія, построеніе по ранжиру отдѣленій и назначеніе личных номеров, распредѣленіе по кроватям, раздача умывальных принадлежностей.На слѣдующій день молебен, раздача книг, тетрадей, ручек и карандашей.

Знакомились друг с другом быстро каким то интуитивным путем, чувствуя кто хорош, а кто подозрителен и таких слѣдовало испытать. Впрочем "испытаніе" проходили всѣ без исключенія, но одни лишь "формально," а иных "брали в оборот." "Испытаніе" производилось и изводом. В

чем заключался извод. Обычно большая группа, а иногда и все отдѣленіе, начинает хором выкрикивать прозвище, если таковое уже дано испытуемому, или какое либо, часто даже безсмысленное, слово или фразу, которой преслѣдует очередную жертву и в зависимости от впечатлѣнія испытуемаго, опредѣляет к нему свое отношеніе. Были "нюни" начинавшіе плакать, были и другой крайности - бросавшіеся с кулаками на преслѣдующих. Первые вызывали чувство презрѣнія, вторые - уваженія. Случались и курьезы: вдруг изводимый присоединялся к своим преслѣдователям и сам начинал выкрикивать с ними "изводное" слово или фразу, что приводило в недоумѣніе изводящих и заставляло их оставлять в покоѣ свою жертву. Такіе случаи были очень рѣдки, всего один-два, а примѣнившіе такой способ самозащиты относились к категоріи уважаемых. Но среди кадет моего I-го отдѣленія оказался один "фискал" и фискал упорный, ничѣм неисправимый, полячок Марциновскій. Как он попал в наш корпус - не знаю, т.к. в Суворовскій Корпус поляков не принимали, а выдержавшіе вступительные экзамены назначались в другіе корпуса. В моем отдѣленіи оказались два поляка, прямо противоположные по характеру, Хлусович и Марциновскій. Хлусович упитанный, всегда веселый славный мальчик и товарищ, вскорѣ был переведен в другой, кажется в Псковскій, корпус, а перевод Марциновскаго задержался на 2-3 мѣсяца. Марциновскій маленькій щупленькій, с мелкими острыми зубами, которые часто скалил, напоминал слабаго, но злобнаго неспособнаго к открытой борьбѣ, но готоваго в любой момент укусить из за угла, звѣрька. Едва "взяли его на мушку", он побѣжал жаловаться воспитателю. На первый раз его поколотил болѣе сильный и опять жалоба, а виновному наказаніе. Еще и еще раз наставляли его на путь истинный, но взбучка не помогала. Объявили его "внѣ закона", т.е. каждый мог его бить походя, даже слабѣйшій, т.к. к нему на помощь обязан придти всякій оказавшійся поблизости; но Марциновскій был неисправим. Самое же скверное то, что он был еще и доносчик. Перенес он нѣсколько "темных" и ничуть не исправился. При "темных" виновных никогда не находилось и наказывался весь класс. Его эпопея закончилась траги-комично. Послѣ одной из "темных", но по прошествіи достаточно долгаго времени, Марциновскій рѣшил "выброситься из окна!" Выждав подходящій момент, когда всѣ были на дворѣ, он взобрался на подоконник и стал во весь рост. Рѣшеніе его было хорошо продумано. Постояв на подоконникѣ нѣкоторое время и увидя, что на него обратили вниманіе, он сѣл, а затѣм, осторожно спустил ноги и уцѣпившись руками за подоконник, повис угрожая спрыгнуть, давая время дежурному воспитателю подняться во 2-й этаж. Дежурный капитан Гуляков схватил его за руку и втащил внутрь. Сейчас же был сдѣлан доклад по командѣ и Марциновскаго помѣстили в лазарет, гдѣ он и пробыл до перевода в один из внутренних корпусов. Удалось ли там его отучить от ябедничества?

Но я не упомянул еще о наших воспитателях. Их было трое. В моем I-м отдѣленіи был подполковник Михаил Казимирович Пузыревскій, переведенный в наш корпус из Владимирскаго Кіевскаго. 2-е отдѣленіе принял поручик Леонид Георгіевич Карпов и третій резервный воспитатель, не имѣвшій отдѣленія, капитан Николай Константинович Гуляков, сын котораго был со мной в отдѣленіи.

М.К.Пузыревскій, единокровный младшій брат извѣстнаго генерала А.К. Пузыревскаго, Начальника Штаба Варшавскаго Военнаго Округа, был человѣк пожилой с изрядной сѣдиной, пробивавшейся в коротко подстриженной бородкѣ и на вискаx. Страдая пороком сердца, нервный, он тяжело переживал всякія непріятности, связанныя с нашими шалостями. Должность воспитателя, в младших классах, явно была уже ему не по силам и через год, на дежурствѣ, он скончался от разрыва сердца. Его слушались.

Л.Г.Карпов молодой, полный энергіи, всегда веселый, изобрѣтавшій всевозможныя игры и развлеченія и принимавшій в них самое дѣятельное участіе, был любим нами. Его любили и слушались. В дальнѣйшіе годы, когда я отстав на один год был в 6-м классѣ, он женился и отпустил бо-

роду. По мѣрѣ отростанія бороды, он становился все желчнѣй и нетерпимѣй; придирался ко всяким мелочам и становился несносным. Через нѣкоторое время он бороду сбривал и опять становился "человѣком"; эти перемѣны происходили раза 2-3 в год. Мы посмѣивались, приписывая их неурядицам семейной жизни: капризная жена требует отпустить бороду, он покоряется, но внутренно протестует, нервничая и злясь вымѣщает все на несчастных кадетах. Наконец, усмирив жену, сбривает бороду и становится сам собой др новой "побѣды" жены, послѣ чего вновь отпускает бороду. Впрочем возможно и наоборот - сам хочет отпустить бороду, а жена не разрѣшает и устраивает сцены. Кто их разберет. Вѣдь всезнающих деньщиков у воспитателей не было.

Н.К.Гуляков имѣл к нам лишь косвенное отношеніе, проявлявшееся во время дежурства. Мнѣ очень трудно говорить о нем по первым впечатлѣніям, т.к.через два года он оказался моим отдѣленным воспитателем, доведшим меня до выпуска. Я уже говорил о нем в очеркѣ "Маленькій бунт или как мы стали "большими."/№8 Суворовцы./ Николай Константинович был сдержан, педантичен, формалист совершенно не умѣвшій подойти к дѣтям с их особой психологіей, а привыкшій имѣть дѣло с солдатами, не мог пользоваться большой симпатіей.

Нехорошее чувство он вызвал во мнѣ уже в слѣдующем году,когда я еще не был в его отдѣленіи. Мы были в новом зданіи. 4-ю роту составляли 2-й и I-й классы. Гуляков был воспитателем в I-м отдѣленіи I-го класса, а я во 2-м классѣ. Как то на его дежурствѣ, на перемѣнкѣ между вечерними занятіями, забрался я в спальню, гдѣ у меня хранились папиросы,покурить. Устроившись между кроватями, я закурил "затяжку" - были и такія папироски толщиной в хорошую спичку,а длиной вершка полтора. Вдруг открываются двери и в спальню входит Гуляков. Пока он дошел до меня всѣ "вещественныя доказательства" были уничтожены,"затяжка" потушена и съѣдена. Надо сказать, что в спальню нам заходить не разрѣшалось.

"Что Вы здѣсь дѣлаете?" - спросил Николай Константинович, усиленно нюхая воздух. "Пришел взять"... - "Уходите".

Я ушел и он за мной через короткое время. Видимо искал папиросу. В залѣ подзывает меня и начинает читать лекцію о вредѣ куренія, /он был некурящій/,все время пытаясь вырвать у меня признаніе в куреніи, но я молчал, разсѣянно слушая его, а больше думая - поймал ли он меня или нѣт. Вѣдь курящим он меня не видѣл, доказательств нѣт никаких,а невещественное - запах табака мог быть послѣ курившаго дядьки. Придя к заключенію, что раз не пойман - не вор, я начал болѣе внимательно прислушиваться к его словам. Рѣчь его была мягка и доброжелательна; создавалось впечатлѣніе, что этим нравоученіем все закончится и мой проступок дальнѣйшей огласки не получит. Исходя из таких наивных разсужденій и впечатлѣній, я признался, что курил. Еще нѣкоторое время водил меня по залу Гуляков, видимо никак не могшій закончить свое нравоученіе. Наконец отпустил меня ласково. Войдя в класс, я подѣлился кое с кѣм происшедшим и получил в отвѣт - дурак, зачѣм сознался. И вѣрно. Через день пришедшій в роту директор, увидя меня еще издали, показывает один палец, а подозвав меня говорит: "за поведеніе тебѣ кол, курильщик." Вот и сознался в увѣренности, что не пойман - не вор и повинную голову и меч не сѣчет. Вперед наука.

Умѣстно будет сказать, что одним из излюбленнѣйших педагогических его пріемов было "выматываніе души" чтеніем безконечных нотацій. Бывало чѣм нибудь провинишься и он замѣтит, остановит и начнет отчитывать. Отчитывает тягуче, нудно и весьма продолжительно; настолько продолжительно, что перемѣнка окончится, горнист или барабанщик/впослѣдствіи звонок/ проиграет или пробьет "сбор," а он еще не может закончить и только появленіе преподавателя заставит его прервать нравоученіе. В послѣдующіе годы мы нашли способ прекращать его словоизверженіе. Прослужив много лѣт в строю, дослужившись до ротнаго командира и живя исключитель-

но на жалованіе, ему приходилось соблюдать строгую экономію и поэтому его строевые сапоги были на двойных подошвах,приблизительно в сантиметр толщины, и конечно не на ранту. На дежурствѣ шарф он носил оригинально: заложенный за верхнія пуговицы задних карманов сюртука,спереди он опускался ниже живота. Толстенныя подошвы и низко опущенный шарф не ускользнули от наблюдательных кадетских глаз;и кто то сдѣлал открытіе: если начать упорно разсматривать низко опущенный шарф и толстыя подошвы, Гуляков начинал терять свою выдержку, спотыкаться в своей рѣчи и,наконец, отпускал отчитываемаго не закончив наставленіе.Мы использовали это открытіе и когда приходилось выслушивать его нравоученія наши взоры перебѣгали от глаз начальства на его шарф, опускались до сапог и опять возвращались к его очам, чтобы вновь и вновь продѣлать тот же путь. Видимо "выматываніе души" он считал лучшим педагогическим пріемом и этот способ воздѣйствія примѣнял до 7-го класса включительно. С самых младших классов он обращался к нам на "Вы", а в старших добавлял "господин." Сидишь бывало на вечерних занятіях и читаешь интересную книгу, контрабандой полученную, и вдруг - когда Атос, сидя в погребѣ, уничтожает припасы кабатчика и грозит ему пистолетом - раздается тягучій голос Гулякова,сидящаго за учительским столом.

"Господи-и-ин Страшкевич, почему Вы читаете постороннюю книгу, а не готовите уроки?"

"Господи-и-ин полковник, я их уже приготовил," отвѣчаешь ему в тон, но опасную, запрещенную книгу стараешься спрятать, подмѣнив вынутой из парты и взятой из кадетской библіотеки. Отмѣчу,что Николай Константинович никогда не требовал показать ему читаемую книгу.

Но я черезчур долго задержался на Н.К.Гуляковѣ; пора перейти к другим начальствующим лицам.

Всѣ три класса составляли одну роту, которой командовал полковник Давыдов, участник Русско-турецкой войны 1877-78 г.г. Его появленія у нас были рѣдки, раза два в недѣлю. Будучи полным инвалидом, тяжело опираясь на двѣ палки и едва передвигая ноги, вылѣзал он из экипажа, при помощи дядьки, и входил в вестибюль; усѣвшись тут же на стул,наблюдал проходящих кадет и дѣлал замѣчанія, почти всегда находя к чему придраться. Голосом он обладал сильным и звучным, но грубым и непріятным. Мы охотно оставались, во время перемѣн, в классѣ, лишь бы не проходить мимо него. Болѣе отчетливыя воспоминанія относятся к слѣдующему году, когда он командовал нашей 4-й ротой./3-ю роту,состоявшую из 4-го и 3-го классов, принял полковник Соловьевич/. Появленіе Давыдова всегда охлаждало наш пыл и всѣ старались уйти подальше от занимаемаго им поста - второй скамейки-дивана от входа.

Команда - "смирно!" Рапорт дежурнаго воспитателя и зычный голос ротнаго: -"здорово "гренадёры!" Удареніе на "ё". Звонкіе дисканты и альты "гренадёров" отвѣчали на привѣтствіе и послѣ "вольно" удалялись в противоположный конец зала. Наших фамилій он не знал, но в лицо помнил всѣх и "грѣхи" каждаго. Сидя на своем наблюдательном посту,останавливал то одного то другого из проходящих мимо кадет, чѣм либо обративших на себя его вниманіе, возгласом: "эй,ты,поди сюда" и найдя к чему придраться - большею частью плохо "початал" или недостаточно отчетливо повернул голову, проходя мимо него, или же послѣ возни плохо оправил рубаху - дѣлал замѣчаніе или ставил около себя "на штраф" до конца перемѣны. От старших перешло к нам его прозвище - "Боб австрійскій." Почему "Боб," не знаю; возможно от имени, которое не помню, а "австрійскій" от Л.Гв.Кексгольмскаго полка. В слѣдующем году он ушел в отставку.

Еще рѣже появлялся у нас инспектор классов полковник Лазарев-Станищев. Его посѣщенія бывали во время уроков и появленіе дородной фигуры инспектора как то сразу заполняло класс. Я не помню чтобы он дѣлал нам замѣчанія или налагал взысканія, но один вид его,с окладистой

черной бородой и очками в золотой оправѣ,приводил в страх и трепет.

Самым частым посѣтителем был директор Генерал-Лейтенант Лавров. Как ни странно,но,несмотря на высокую должность и генеральскій чин, перед ним не трепетали. Его посѣщенія были всегда по утрам часов в 10, но довольно часто появлялся и вечером,перед отъѣздом из корпуса домой.

Из преподавательскаго состава, кромѣ трех производивших вступительныя испытанія, помню лишь преподавателя чистописанія Гаммера. Внѣшній вид его у меня улетучился, но его приставанія с требованіем каллиграфическаго изображенія палочек, крючков, нажимов, а затѣм и букв до сих пор памятны. Напишет на классной доскѣ палочку или крючек и требует изобразить их в тетради, да не одну-двѣ, а строчки 3-4. Бывало выведешь штук 5-6 аккуратно,а затѣм начинается частокол. Подходит Гаммер, взглянет, тяжело вздохнет, возьмет ручку и изобразит у тебя в тетради как надо писать и отойдет к другому. Подойдя к тебѣ вновь,увидит ту же картину: нѣсколько аккуратных, а остальныя наклоняются в разныя стороны. Было нас нѣсколько человѣк не поддававшихся искусству чистописанія и он называл нас "своими грѣхами!" Еще подходя к такому "грѣху," он уже вздыхает, качает головой - "ну какая же это черта,гдѣ у Вас нажим? Ох,мой грѣх, не знаю что дѣлать с Вами!" Всетаки годовой балл поставил 6 - переводной.

Помяну здѣсь еще одного никѣм не вспоминавшагося нашего эконома штабс-капитана Паисія Ивановича Кравченко. О нем сказать ничего не могу,т.к. непосредственно с ним никаких дѣл не имѣли. Запомнилась только его довольно большая темная борода и фуражка с коричневым околышем.

Корпусным врачем был статскій совѣтник Мышкин, производившій медицинскій осмотр послѣ вступительных экзаменов, а в дальнѣйшем раз в год. О нем можно было бы сказать много забавнаго, но вышел бы цѣлый очерк. Одно скажу,что врачем он был неважным.

Этим закончу перечисленіе лиц, оставшихся в памяти из перваго года моего пребыванія в копрусѣ.

Как и во всѣ послѣдующіе годы, день наш начинался в 6 часов.Дежурный горнист или барабанщик прорывали наш крѣпкій сон. Утренній осмотр, происходившій в спальнѣ, молитва и путешествіе в столовую, помѣщавшуюся в зданіи занимаемом 3-м и 2-м классами. В 8 часов начинались уроки; затѣм хожденіе на завтрак и большая перемѣна, опять уроки или строевыя занятія, прогулка на обѣд, свободное время до 6 часов, вечернія занятія для приготовленія уроков, вечерній чай и на боковую.

Так как помѣщеніе у нас было маленькое, всѣ перемѣны, большую и малыя, и послѣобѣденное свободное время мы проводили на воздухѣ; конечно, кромѣ дождливых дней. Малыя перемѣнки обычно заполнялись возней, иногда драками, а большую и послѣобѣденное свободное время, большею частью, проводили в организованных играх под руководством поручика Л.Г.Карпова, преподававшаго всему классу гимнастику. Впрочем первый мѣсяц игры часто замѣнялись одиночной выправкой и особенно отданіем чести. Мы не были в претензіи на такой захват нашего свободнаго времени, т.к. от успѣшности в искусствѣ отданія чести зависѣл наш первый отпуск. Помимо того надо было готовиться к параду в день корпусного праздника. Поручик Карпов был молод, энергичен и изобрѣтателен на всевозможныя игры. Играли в палочку-стукалочку, пятнашки, в кошки-мышки, в жгуты, бѣгали в перегонки, перетягивались на канатѣ и т.п. Но были двѣ излюбленныя игры: "штурм вала" и "конный бой!" В обѣих этих играх принимали участіе оба отдѣленія - одно против другого.

Первая игра заключалась в оборонѣ и штурмѣ крѣпостного вала. Одно из отдѣленій обороняло, другое атаковывало. Атакующіе должны были захватить вал, сбросив с него обороняющих. Игра имѣла свои правила.Фронт атаки был строго ограничен и нарушившій границу лишался права принимать дальнѣйшее участіе в игрѣ; раз сброшенный с вала обороняющійся считался выбывшим из строя; что либо похожее на драку строжайше вос-

прещалось и если кто либо в азартѣ начинал драться наказывался - не только исключеніем из игры, но отправлялся к зданію, гдѣ ставился "на штраф". Само по себѣ непріятное это стояніе усиливалось еще мученіем бездѣятельнаго наблюденія за происходящей игрой. Наступающіе могли быть "взяты в плѣн" или окончательно "выбывали из строя". Плѣнными считались тѣ - кого обороняющіеся втаскивали на вершину вала; их держали вдали от "линіи боя". Плѣнных можно было"освободить" Освобожденными они считались если наступающим удавалось сбросить охрану с вала. С уничтоженіем охраны плѣнные обращались в бойцов и имѣли право принять участіе в дальнѣйшем бою; поэтому удачное освобожденіе плѣнных частенько рѣшало участь боя,т.к. плѣнные нападая с тыла на обороняющихся легко сбрасывали их вниз. За исполненіем этих правил слѣдил не только Карпов, но и сами "воюющіе". Все же, несмотря на строгое наблюденіе, почти никогда не обходилось без нѣкотораго жульничества. Обычно наступленіе начиналось сигналом "атака", пѣвшимся наступающими. "Колонна храбрая вперед", запѣвал Карпов и всѣ подхватывали дальнѣйшія слова, -"равненіе направо, кто первый на стѣну взойдет тому и честь и слава, та-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра-ра", переходившія в "ура" и начинался штурм.

Вторая игра "конный бой" происходила на площадкѣ между домом и валом и велась также отдѣленіем против отдѣленія. Каждая сторона выбирала наиболѣе тяжелых и крѣпких, долженствовавших изображать лошадей, а болѣе легкіе были всадники. Порядок игры мѣнялся: иногда обѣ "конныя массы" сразу, сорвавшись с мѣста, сталкивались и завязывалась общая свалка, а иногда начиналась борьбой отдѣльных "всадников" и затѣм переходила в общее столкновеніе; иногда же происходило нѣчто вродѣ турнира, когда схватывались лишь отдѣльными парами. И в этой игрѣ были правила вырабатывавшіяся постепенно. Напримѣр: если "всадник" падал вмѣстѣ с "конем" - оба считались "убитыми" и выходили из игры; если свалился с "коня" "всадник" он был "мертв", а конь мог принимать дальнѣйшее участіе в игрѣ с другим всадником; и наоборот - упавшій "конь", при устоявшем на ногах "всадникѣ", считался "убитым", а всадник мог пересѣсть на другого коня. При борьбѣ отдѣльными парами уцѣлѣвшіе кони или всадники брались в плѣн. В "конном бою" слѣдить за исполненіем правил игры было еще труднѣе и поэтому было больше случаев когда "покойники" оживали.

Обыкновенно послѣ этих двух игр, приходившим по вечерам, портным, а частенько и в швальнѣ, было много работы; а если к несчастью появлялся ротный командир, около него выстраивалась длинная шеренга стоящих "на штрафу", с висящим на рубахѣ погоном, оторванными пуговицами, или лопнувшим по шву мундиром- бушлатом. В классѣ долго не могли успокоиться, обсуждая всѣ событія происходивших "боев".

Когда выпал снѣг - новыя развлеченія: лѣпка снѣжных баб, игра в снѣжки, иногда,хотя и рѣдко,сопровождавшаяся разбитым окном, послѣ чего обычно слѣдовал строгій приказ дежурнаго воспитателя - прекратить игру; но разбитые носы не являлись основаніем для прекращенія ея. Отношеніе директора к разбитым носам, висящим погонам или оторванным пуговицам, было благожелательное. Посмотрит на кого либо с распухшим покраснѣвшим носом, подзовет и улыбаясь глазами спросит: "кто это тебѣ нос в картошку превратил?" Отвѣт обычный: "снѣжком, Ваше Превосходительство". Не взыскивал и за оторванную пуговицу, или болтающійся погон, -"пойди и приведи себя в порядок". Это значило бѣги к дядькѣ,у котораго всегда есть иголка с ниткой, чтобы приметать погон.

Так проходили дни за днями. Уроки, строевыя занятія - фронт и гимнастика, игры на перемѣнках и хожденіе четыре раза в день для принятія пищи, а вечером в кровати мечты о приближающейся субботѣ и связанном с нею отпускѣ. Помнится, что в этом году неудовлетворительный балл не вліял на отпуск, как это было впослѣдствіи, а оставленіе без отпус-

ка для мѣстных жителей являлось высшим наказаніем лишь за дурное поведеніе.

Разнообразіе в нашу размѣренную жизнь внесла эпидемія инфлуэнцы, принявшая такіе размѣры, что в лазаретѣ не хватало мѣст и больные лежали в спальнях. В наше помѣщеніе были командируемы фельдшера, несшіе суточныя дежурства; доктор Мышкин появлялся два раза в день. Вот когда было раздолье ловчилам! Трудно, да почти и невозможно, было выловить ловчил, т.к. подавляющее большинство были дѣйствительно больные, а стоять над каждым при измѣреніи температуры было немыслимо. Ловчилам не приходилось даже прибѣгать к искусственному повышенію температуры; просто передавался градусник дѣйствительно больному и через I-2 минуты возвращался с повышенной температурой, а при обходѣ врача физіономія натиралась одѣялом до красноты - явный жар.

Два крупных событія произошло в этом году. Первое - посѣщеніе корпуса Великим Княземъ Константином Константиновичем /"Суворовцы"№4/ и второе - измѣненіе формы одежды. Наши гладкія пуговицы и бляхи на поясах были замѣнены Высочайше утвержденными для всѣх Военно-учебных Заведеній - с орлами в сіяніи. Помню с какой гордостью я проходил по городу первый раз с новыми пуговицами и бляхой. Казалось, что всякій проходящій офицер смотрит на них и даже гвардейскіе, с их пуговицами с орлом, завидуют нашим - вѣдь у нас то орел в сіяніи!

Приближалась весна, а снею и конец учебнаго года. За протекшее время я ни раза не сидѣл без отпуска, а поэтому не помню как проводились воскресные и праздничные дни. Говорю "не помню", а не "не знаю", т.к. первое время, по поступленіи до "сдачи экзамена" по отданію чести и одиночной выправкѣ, пришлось проводить праздники в корпусѣ.

При всем напряженіи памяти не могу установить - праздновали ли мы, находясь в цитадели, день I-го октября, или корпусной праздник был отмѣчаем лишь с переходом в свое зданіе с церковью во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Очень смутно вспоминается будто всѣ три класса собирались гдѣ то на плацу, вѣроятно на мѣстѣ игр 3-го и 2-го классов /план в №I "суворовцы"/, но был ли это парад по случаю корпусного праздника или для встрѣчи Великаго Князя - не знаю. Может быть кто нибудь из старших вспомнит и не полѣнится написать свои воспоминанія о первых двух годах существованія корпуса. Спасибо Глѣбу Николаевичу Акимову, единственному из старших, сказавшему нѣсколько слов о том времени.

Н.СТРАШКЕВИЧ /IУ выпуска./

К I Е В.

На берегах рѣки Дуная,
Я живу с моей тоской
И дни славы вспоминая,
Слезы, слезы лью рѣкой.
И мечтою своенравной
Я не Днѣпр перенесен,
Гдѣ рукой святого, славной,
Крест Господен водружен.
На брегах его священных
Сам святой Апостол был
И, в словах нам незабвенных,
Горы славы освятил.
И создался град чудесный,
Златоглавый Кіев-Град,
Он красой своей небесной
Краше градов всѣх сто крат.
Там святые подвизались
В норах темных, в глубинѣ,
Мощи славные остались
И сіяют там во тьмѣ.

Днѣпр серебряной волною
Обтекает град святой
И его святой струею
Был крещен народ честной.
С той поры на поклоненье
Тѣм пещерам, водам тѣм,
Шел народ, ища забвенья
Бѣдам всѣм, невзгодам всѣм.
И болѣзни исцѣляли
Мощи тѣх священных нор,
И во всей Россіи знали
Славу тѣх священных гор.
Богомольцы отовсюду,
Со всѣх мѣст земли родной
Притекали к Граду-Чуду,
Ища помощи святой.
С Енисея и с Алтая,
С Оби, Лены, Ангары
Шла к нему толпа босая
И несла свои дары.

Октябрь 1956. П.СОРОКИН
/б.преподав.математики/.

М И Р Н Ы Й С Л У Ч А Й I-ой В О Й Н Ы.

Ранняя весна 1916 года. Нас, т.е. мой родной 191 пѣхотный Ларго-Кагульскій полк, извѣстной 48-ой дивизіи, перебрасывали с фронта на фронт, чтобы дать "отдохнуть" и размять кости в походѣ. В полк я попал 9 сентября 1915 года, на 9-й день послѣ производства и на 3-й день послѣ смерти Гафферберга, убитаго в ночной атакѣ.

Часов 12 дня. Идет дождь и мы, проходя через какое то село, от души завидуем гусарскому полку, расквартированному здѣсь, который "высыпал смотрѣть на нашу поющую пѣхоту. Надо сказать, что у нас в полку роты соревновались в пѣніи и поэтому пѣли очень хорошо. Идем по селу и проходим мимо полевого лазарета. В то время я был в пулеметной командѣ и поэтому был верхом на своем "Армаѣ"- иноходцѣ. Порода -"туркестанскій аргамак! По молодости лѣт, мнѣ захотѣлось показать перед сестрами и бывшими с ними офицерами - гусарами своего коня. Чуть взял его в шенкеля, он рванулся, но, поскользнувшись на мокрой глинѣ, упал. Упал и я вмѣстѣ с ним, да так стремительно, что не успѣл соскочить. Как получилось дальше, я и сам не знаю, т.к. все произошло в нѣсколько секунд. Почувствовав, что мой "Армай" поднимается, я как то сжался и он меня поднял вмѣстѣ с собой. Тут произошло нѣчто замѣчательное: гусары от смѣха перешли к рукоплесканіям! Этим я горжусь и по сей день еще и потому - что, хотя к коню я привык с дѣтства, но школы у меня /кромѣ училищной/ не было никакой, ибо я... пѣхота!

В.Заткалик /X выпуска./

И З Д Н Е В Н И К А...

Ой, уж гдѣ вы могучіе витязи,
Удалые братья названные?
--o--
Как садились на добрых коней,
Как бросались на силу воителей...
...Как подняв коня борзаго
Налетали на силу вражію,
Стали силу колоть-рубить со всего плеча...

Л.А.Мей.

Палящій зной полуденнаго солнца разлит кругом. За оградами, перед домами, кусты распустившейся азаліи. В скверах, кое гдѣ, с невиданных деревьев свѣшиваются краснаго цвѣта ліаны, как будто безпредѣльно длинныя, причудливо тонущія в отраженіи воды едва бьющаго фонтана. Витрины цвѣточных магазинов украшает королева красоты тропической флоры - холодная и без всякаго запаха - орхидея. Их много. О! Сколь разнообразен их вид. На углах улиц, на широких лотках - горы апельсинов и бананов. Томно дремлют пальмы. Сегодня наш праздник Рождества Христова. Я приглашена на елку...

--o--

Продолговатая комната. В углу, против дверей, перед Ликом Спасителя, теплится лампадка. Вправо, у стѣны, стоит, раскинув хвойныя вѣтви, "пиньоринія" - мѣстная елка. На ней шарики, комки бѣлой ваты - снѣжинки. Горят разноцвѣтныя свѣчи.

Во всю комнату стоят два стола. За почетным, под образами, сидит Архіепископ всея Бразиліи, рядом с ним Епископ Монтевидейскій, члены благотворительнаго общества, гости. За вторым - свои обычныя мѣста занимают опекаемые. Младшему из них - годы давно уже посеребрили виски.

--o--

Было вино... Его пили, но оно не развеселило собравшихся; не было тостов, не произносились рѣчи. О безвозвратно ушедшем была бесѣда. Вол-

нія жизни были забыты сейчас. Дорогое прошлое оживало в сердцах...

--о--

Обѣд кончился. Старшая из дам устроительниц,в пол-голоса, обратилась комнѣ: "там,под елкой,лежат подарки нашим старичкам.Пожалуйста, раздайте им!"

На подносѣ, прикрытом салфеткой, были уложены пакетики; поровязанные розовой ленточкой для дам - старушек; синей - для мужчин. На каждом пакетикѣ написаны - имя, отчество и фамилія. Опекаемые уже отошли от стола и смѣшались с гостями. В руках у меня остался послѣдній,перевязанный синей ленточкой. Читаю: "Александр Павлович Балк!" Оглядываю присутствующих. Среди них его нѣт. Выхожу на веранду. Высокаго роста, широкій в плечах, со слѣдами былой выправки, опираясь на палку,стоит генерал. Он задумчиво смотрит на клумбы в палисадникѣ.

"Александр Павлович! А Вам подарок," - обращаюсь к нему.

"Вот как! Осмѣлюсь спросить от кого?"

"От дѣдушки мороза," улыбнулась я.

"Да что Вы, помилуйте! Какой здѣсь дѣдушка мороз!.. Взгляните!Кругом зелень и какая жара."

"А это от нашего, русскаго... там вѣдь теперь зима,сугробы снѣга!"..

Чуть уловимая тѣнь проскользнула по лицу генерала. Короткое молчаніе.

"Теперь там зима!"..Генерал, не договорив фразы, погрузился в раздумье; затѣм добавил: "когда то,в своей семьѣ, я тоже устраивал елку, дарил подарки дѣтям. У меня,кромѣ дочери, был еще сын. Он старше ее. Вы же знаете мою дочь и ея мужа.. Я вчера навѣстил их. Внучка то моя выросла как. Скоро и замуж ей... Нѣт, не дождусь, стар... девятый десяток кончается. Так бы еще ничего, да вот склероз докучает, слышу плохо и стал забывать многое... Умру - не станет Балков... А сын мой молодцом был у меня. И выправка у него была, и роста хорошаго, и учился не плохо... Погиб геройски! Государь наградил его Золотым оружіем послѣ смерти... Потом как то два офицера привезли мнѣ документы сына и золотую шашку... А бывшіе с ним тогда, всѣ живы остались"...

Незамѣтно для самих себя, пройдя по верандѣ, мы сѣли в плетеныя кресла, стоявшія вдоль перил. Не прерывая генерала, я наблюдала за его лицом. Без морщин, старчески нѣжнаго цвѣта, оно могло казаться дѣтским, если бы не сѣдые усы и такая же бородка. Его глаза временами ни то слезились, ни то блестѣли слезой. Чѣм дальше он углублялся в свои воспоминанія, разсказывая о сынѣ, тѣм болѣе краткими были его выраженія; порой он с трудом подбирал слова, а иногда просто не досказывал начатого. Я внимательно слушала о том, как, окончив Суворовскій Кадетскій Корпус, сын его поступил в училище и, по окончаніи его, вышел в конную артиллерію. Начальство было им довольно за его исполнительность. Товарищи любили его за прямодушіе и веселый характер. Солдаты его батареи были готовы идти с ним и в огонь и в воду.

Грянула война, отнявшая весенніе годы у милліонов. Для молодого Балка наступила боевая страда рядового офицера артиллериста. Бои под Варшавой и Лодзью, - с неопредѣленным исходом... Красник, Янов, Рава Русская - свидѣтели кровавых сраженій, давших торжество русскому оружію взятіем Львова... Многих уже не стало в батареѣ, в которой продолжал служить поручик Евгеній Александрович Балк.

В рядах отступающаго фронта очутился он, со своей батареей, на рубежѣ исконной Россіи. Настала осень. Фронт готовился к зимѣ и стал неподвижным. В окрестностях Барановичей стала на позицію его конная батарея. На разсвѣтѣ одного ноябрскаго утра неожиданно в тылу батареи затрещал пулемет. Нѣсколько солдат из орудійной прислуги оказались раненьми. Выбѣжав на выстрѣлы из своего блиндажа, поручик Балк узнал, что непріятель ночью прокрался в глубь расположенія русских частей. Положеніе батареи становилось безвыходным. Запречь лошадей и вывезти

пушки, находясь под прямым обстрѣлом пулемета, было дѣло невозможным. Для принятія рѣшенія были секунды... Для исполненія его оставались минуты. Для спасенія батареи необходимо уничтожить пулемет.

Отрывисто, на ходу, бросив распоряженіе своему замѣстителю, он быстро пробѣжал до конца батарейнаго окопа и скрылся в кустах.

Немного погодя, через лощину проскакал десяток всадников, с офицером во главѣ, и исчез за перелѣском.

На небольшом пологом бугрѣ, поросшем вереском, чуть ниже его вершины, около пулемета, размѣстилась группа непріятельских солдат.

Близкій лошадиный топот, громкое "ура" вид русских, несущихся на них сбоку во весь опор, с шашками наголо, привел нѣмцев в замѣшательство. Вскочив, нѣкоторые из них побѣжали по склону в сторону лѣса. Оставшіеся лихорадочно засуетились у пулемета...

Вихрем мчат кони презрѣвших смерть... Вот уже враг на разстояніи брошеннаго камня...Искаженныя страхом лица пулеметчиков... Оглушительный треск в упор стрѣляющаго пулемета... Вороной конь передового всадника,на всем скаку,падает через голову на пулемет и на стрѣлявшаго... Мимо с размаху пронеслись смѣльчаки... Ключем закипѣла в них безпощадная злоба... Врагов всѣх, что попались под руку,всѣх изрубили... Ни один не ушел...

Вражескій пулемет стал трофеем. Батарея была спасена. На мягком коврѣ сѣро-краснаго вереска лежал ея командир. Он был мертв. Пять пуль прошли через его грудь...

--o--

Таков был подвиг,такой была кончина Суворовца Евгенія Балка.

Сан Пауло.1958. М.П.Македонская.

НА СѢВЕРНОМ /БѢЛОМ/ ФРОНТѢ.

Важнѣйшія событія гражданской войны происходили на югѣ и востокѣ Россіи, гдѣ арміи генерала Деникина и адмирала Колчака, в борьбѣ с красной арміей, рѣшали судьбу Россіи. Сѣверный фронт был второстепенным. Но и он приковал к себѣ значительныя силы красных и,тѣм самым, облегчил борьбу бѣлым арміям на югѣ и востокѣ. О гражданской войнѣ написано много книг. Среди них есть и о Сѣверном фронтѣ. Но,несмотря на это, очень многіе мало что знают об этом далеком фронтѣ,проходившем по лѣсам Архангельской и Олонецкой губерній. То, чѣм я хочу подѣлиться с читателем, не есть исторія, а есть отрывочныя и очень неполныя воспоминанія рядового офицера.

Я пріѣхал на Сѣверный фронт в началѣ іюня 1919 года из Англіи.Пріѣхало нас 500 офицеров: 98 на Мурман, остальные в Архангельск. Каждому из нас, еще в Англіи, было предоставлено право - выбрать тот или иной пункт.

Сѣверный фронт дѣлился на два самостоятельных участка: Мурманскій, от границы Финляндіи и до Онежскаго озера включительно, и Архангельскій - дальше на восток, почти до Уральских гор. Непосредственной боевой связи не было. Командующим войсками Мурманскаго района,с правами командира отдѣльнаго корпуса, был Генеральнаго Штаба генерал-майор Скобельцын,/бывшій финляндскій стрѣлок/. Сокращенно он назывался "комурай" Мы, смѣясь, говорили:"кому рай, а кому и нѣт" Войска состояли из четырех Сѣверных стрѣлковых полков /2,9,II и I2/ и стрѣлковаго запаснаго батальона, который к концу I9-го года развернулся в полк /I3-й/. Полками командовали /по порядку номеров/: полковники Гофман, Бродянскій и Кругликов и подполковники - Малинин и Рауш-фон-Траубенберг./В большинствѣ тоже бывшіе финляндскіе стрѣлки/. Полки были сведены в двѣ бригады - 5 и 6. Пятой командовал генерал-майор Клименко, 6-й - генерал-майор Иванов.

При каждой бригадѣ был артиллерійскій дивизіон,/с тѣм же номером. Сколько батарей в дивизіонѣ и сколько орудій в батареѣ - не помню. На вооруженіи были легкія полевыя англійскія и французскія орудія. В упряжках были мулы. Полки были трех-батальонные. В батальонѣ три роты и пулеметная команда. В ротах 50-60 стрѣлков. Главную огневую силу пѣхоты составляло большое количество легких пулеметов Льюиса. В тѣх ротах, с которыми я сталкивался, их было 6-8. Командир роты, перебрасывая их по фронту, создавал в нужном мѣстѣ сильную огневую группу. На этот случай, мы всегда дѣлали нѣсколько запасных пулеметных гнѣзд. Вспомогательныя войска состояли из рот: телеграфной, желѣзнодорожной и инженерной. Было три самодѣльных бронепоѣзда: №№I,2 и3. Первые два были вооружены легкими орудіями. На №3, называвшимся морским,т.к.частично обслуживался моряками, была 6 дюймовая пушка Канэ.

Было два авіаціонных отряда - сухопутный и морской. В каждом по нѣсколько аппаратов. Господство наше в воздухѣ было безспорное. У красных авіаціи не было. В морском отрядѣ были летчики, прославившіеся в германскую войну; к сожалѣнію, их фамиліи я забыл.

Наши морскія силы на фронтѣ состояли: из двух рот матросов, нѣсколких орудій, флотиліи Онежскаго озера и базы. Командовал ими капитан I ранга Кира-Данжан. Флотилія Онежскаго озера состояла из нѣскольких катеров. Катера были небольшіе и длина катера равнялась, приблизительно, длинѣ двух желѣзно-дорожных четырех-осных платформ. Катера были очень быстроходны. Вооружены они были пулеметами и,если не ошибаюсь, легкой пушкой,/что то вродѣ 37 мм Гочкиса/. Сколько было пулеметов на катерѣ,не знаю. Обслуживали их гардемарины. Эти катера, пользуясь своим большим ходом, часто атаковывали на Онежском озерѣ красные пароходы, которые, хотя и были значительно сильнѣе катеров,/больше пулеметов и трех дюймовая артиллерія/,но были тихоходами, мало подвижными и команды их не были особо стойкія. В двух случаях команды атакованых пароходов бросили их и сбѣжали на берег. Эти пароходы вошли в состав нашей флотиліи.

Красный флот на Онежском озерѣ был значительно сильнѣе нашего. В нем были пароходы, вооруженные легкой артиллеріей и баржи с 6 дюймовыми орудіями. Но его главную силу составляли нѣсколько миноносцев, пришедших из Балтійскаго моря. Нашим катерам бороться с ними было не по силам. Когда к осени 1919 года, красный флот проник в "наши" воды и прижал наш флот к берегу, то с сѣвера пришла минная рота, которая заминировала подступы к нашим берегам, что,вмѣстѣ с удачным дѣйствіем наших кинжальных орудій, которыя потопили и повредили нѣсколько красных пароходов, заставило красный флот быть осторожным и держаться далеко от берега. Наступившая вскорѣ зима сковала озеро льдом и прекратила всякія боевыя дѣйствія на водѣ.

В тылу,конечно,были необходимыя учрежденія:интендантства, госпиталь и т.д.

Мѣстность, по которой проходил фронт, была - сплошной, вѣковой лѣс, многочисленныя озера /многія и большія и глубокія/ и болота. Занимались деревни, дороги, т.е. тѣ пункты, которые имѣли боевое значеніе. Промежутки не охранялись, т.к.пробраться там было трудно - или из за болота, или из за непроходимой чащи. Зимой все это было занесено снѣгом, мѣстами до груди. Пробраться пѣшеходу было трудно, но зато было раздолье для лыжников.

Вся пѣхота была на фронтѣ. Резервов в тылу не было. Восточнѣе Онежскаго озера, впереди уѣзднаго города Повѣнец, стоял II-й полк. Я там ни разу не был. Западнѣе озера,верстах в I5-ти, начинался участок 2-го полка. Штаб дер.Уница. Промежуток, между позиціей полка и озером, наблюдался партизанами. Правѣе 2-го полка шла позиція I2-го. Штаб дер. Капсельга. Полк оборонял шоссе и желѣзную дорогу. При полку бронепоѣзд. Правѣе шел участок нѣскольких рот I3-го полка и дальше позиція 9-го полка со штабом в дер.Тивдія. Все пространство от 9-го полка и до Фин-

ляндской границы наблюдалось партизанами. Сколько их было, не знаю.

На Архангельском фронтѣ было 8 стрѣлковых полков. Нѣсколько партизанских отрядов. Все было сведено в четыре бригады. При бригадах артиллерія. Были и тяжелыя батареи. Полки такіе же как и на Мурманѣ, кромѣ 3-го, в составѣ четырех батальонов. Инженерныя роты /3/, связь. Был танковый дивизіон с нѣсколькими танками. По рѣкам - флотиліи. Был и драгунскій дивизіон, но был ли он конный или пѣшій - не знаю. Среди летчиков был лучшій летчик Императорской арміи полковник Казаков. По сводкам штаба его знала вся Россія. При посадкѣ его аэроплан перевернулся и Казаков был убит.

На Мурманѣ промежутки между позиціями частей были сравнительно небольшіе. Осью служила желѣзная дорога. От нея на запад и на восток располагались полки. Архангельскій же фронт состоял из нѣскольких совершенно самостоятельных участков, далеко отстоящих друг от друга. По рѣкам: Печорѣ, Вагѣ, Мезени, Сѣв.Двинѣ; на шоссе и желѣзной дорогѣ.

Возвращаюсь к Мурману. Офицерскій корпус состоял из офицеров бывших здѣсь, когда образовывался фронт, из прибывших из Финляндіи и Англіи и из взятых в плѣн. Всѣ офицеры были полноправными членами офицерской семьи, независимо откуда они. Жили мы удивительно дружно. Взятые в плѣн офицеры не подвергались никаким оскорбительным реабилитаціям.Ставши в ряды арміи, они становились равными нам. Если были свѣдѣнія, что взятый в плѣн офицер коммунист - его сажали в лагерь. Такіе случаи были. Офицеров было мало. В пѣхотѣ на роту 1-2 младших офицера. Дисциплинарная власть наша была такая же как в Императорской арміи. Упразднена была постановка под винтовку. Введено было право штрафовать на какую то часть жалованья /на какую - забыл/.

К командующему мы относились довольно сдержано. А послѣ развала фронта даже холодно, т.к. мы считали, что командующій мог дать возможность уйти большему количеству офицеров. Командира 5 бригады просто не любили и относились к нему враждебно. При отходѣ нашем в Финляндію,генерал Клименко имѣл,конечно,полную возможность уйти, но предпочел остаться. Был он довольно розовый. Случай, который я привожу ниже,дает ему хорошую характеристику. В 1918 году, при гетманѣ Скоропадском, генерал Клименко в Кіевѣ занимает высокую командную должность в сердюцкой дивизіи. И вот,по какому то дѣлу к нему обратился Непенин /IУ выпуска/.Пришел он в кабинет генерала. Клименко сидит за столом и рядом с ним переводчик. Непенин говорит по русски, а тот переводит генералу. Проходит, приблизительно, меньше года и картина мѣняется. Генерал Клименко командует бригадой в русской бѣлой арміи. Капитан Непенин,как дважды очень тяжело раненый в германской войнѣ, штабом командующаго направлен был в штаб 5-й бригады для занятія штабной должности.Штаб бригады в поѣздѣ. Прибыв, Непенин попросил адъютанта провести его к генералу. Тот провел. Вошел Непенин в кабинет, вытянулся и стал оглядываться. Генерал замѣтил это и спросил: "что это Вы озираетесь,капитан?" - "А я, Ваше Превосходительство, ищу переводчика.Вы вѣдь по русски не понимаете," - отвѣтил Непенин. Конечно в штаб он не попал,а был назначен в 9-й полк, гдѣ командовал ротой,и гдѣ вновь был тяжело ранен. К другому бригадному - генералу Иванову относились мы безразлично. Он нас очень мало касался.

Вооружена армія была отлично. Винтовки были русскія. Пулеметы разные - Шварцлозе, Максимы. Много было легких пулеметов. Много гранат. Гранаты были очень удобныя - размѣром с крупный лимон и с очень сильным дѣйствіем. Боевых припасов было вдоволь. Одѣта Сѣверная армія была так, как не была одѣта ни одна Бѣлая армія. Чего,чего только не было у солдата. Все англійское и добротное. Зимой - валенки, мѣховыя шапки, теплое бѣлье, рукавицы. В пѣхотѣ - постовыя мѣховыя шубы. Если что либо приходило в негодность, выдавалось новое. Англійское интендантство создало очень большіе склады всего необходимаго для своих войск.

Когда англичане ушли, всѣ склады были переданы нам. Наша же армія была численно меньше англійской и, конечно, этих запасов для нас было вполнѣ достаточно. Кормили нас сытно. Паек был для всѣх одинаков. Свѣжаго мяса мы не получали, так же как и овощей. Все были консервы. Я забыл что входило в паек, но он был достаточен. Одно время мы получали свѣжую и очень вкусную селедку, которую наши команды ловили в морѣ. В паек входил и табак. Его для средняго курильщика было вполнѣ достаточно. Деньги при союзниках были двух видов. Одни были выпущены и обезпечены англійским банком. По размѣру, цвѣту и рисунку онѣ были очень похожи на царскія. Курс их был 40 рублей за фунт стерлингов. Другія - были выпущены Сѣверным правительством. Онѣ были очень большого размѣра и мы их называли "шпалами," т.к.и дѣйствительно онѣ своим размѣром были похожи на жел.-дорожную шпалу. Онѣ стоили вдвое дешевле первых. Жалованіе мы получали - половину одними и половину другими. В памяти у меня осталось только три размѣра жалованія. Рядовой получал 150 рублей, фельдфебель что то около 550. Я, по послѣднему офицерскому чину и должности младшаго офицера, получал 1300. Что можно было на них купить? При союзниках было много кантин, гдѣ продавалась всякая всячина. Я ни разу там ничего не купил. У меня все было, а к спиртному я равнодушен.Послѣ ухода союзников у населенія можно было купить: масло по цѣнѣ 60 рублей фунт, картофель - 2 р.фунт, рябчики - 5 р.пара, тетерева - 25 рублей пара. Масло я покупал. Когда союзники уходили, они попросилс сдать их деньги и получить взамѣн правительственныя. Кто не сдал и случайно их сохранил, по приходѣ в Финляндію, получил за них фунтами.

Союзников на Мурманѣ было много. Англичан была пѣхотная бригада с артиллеріей, инженерной ротой и всѣми необходимыми учрежденіями.Был батальон сербов, под командой майора Дукича. В тылу были итальянцы и французы. И тѣх и других было немного; я их и не видѣл. Общее число союзников доходило до 10-12000 человѣк.

Из кого состояла наша армія? Из небольшого количества мѣстных жителей и,главным образом,из военно-плѣнных. 12-й полк был добровольческим и состоял из карел. Они люто ненавидѣли большевиков за тѣ звѣрства,которыя производили красные карательные отряды в Карелiи. Дрался полк прекрасно. 13-й полк был из военно-плѣнных. Во 2-м полку тоже было подавляющее число военно-плѣнных. 9-й и 11-й полки имѣли в своих рядах нѣкоторое количество партизан. В зависимости от состава полка,был и его удѣльный боевой вѣс. В артиллеріи было большинство военно-плѣнных. В телеграфной и желѣзнодорожной ротах было нѣкоторое количество мобилизованных желѣзнодорожников и телеграфистов. Инженерная же рота была исключительно из военно-плѣнных и по составу своему была самой худшей. В сентябрѣ или октябрѣ, младшій офицер инженерной роты прапорщик Соловьев,/в германскую войну - гвардейскій сапер/,пошедшій в развѣдку со своим взводом, был вмѣстѣ со взводным и двумя отдѣленными убит,а взвод, в числѣ 24 человѣк, ушел к красным. Случаи ухода к красным были и у меня нѣсколько раз. Уходили группами по 2-5 человѣк. И я, признаться, и не жалѣл, потому что уходила такая рвань, что без нея было лучше.Если уход был замѣчен своевременно, то посланная погоня обыкновенно настигала бѣглецов и приводила их обратно. Их предавали военно-полевому суду. Но уходили очень часто.

Населенія было мало. Деревни были, в общем, небольшія, а попадались и совсѣм маленькія по 5-6 дворов. Располагались они обычно на берегу озера. Чѣм ближе к Финляндіи, тѣм деревни были рѣже и разстояніе между деревнями доходило до 20-25 верст. Дома были добротные из толстаго лѣса. Мѣстами дома были двух-этажные. Внизу стоял скот, наверху жили. Я работал во многих деревнях. Вездѣ были хорошіе дома и хорошо обставленные внутри. Жило населеніе охотой, рыболовством и было подсобное земледѣліе. Пушного звѣря было много и отмѣннаго качества. Так же и рыбы. Ну,а земледѣліе давало овощи и рожь. Как то работая в одной деревнѣ,я

увидѣл крестьянина, который пахал. Я остановился и стал наблюдать.Небольшая лошаденка,/как и всѣ лошади там/,тянет самую простую соху.Короче говоря - заостренный кол. Когда он поровнялся со мной, я и говорю ему: "что-ж ты, брат, этой палкой наковыряешь?"

"Да я знаю, что плугом лучше. А глянь - камня то сколько.Развѣ плугом здѣсь можно," отвѣтил он.

"Это вѣрно. Да что у тебя здѣсь уродится. Земля то какая скверная," возразил я.

"Ну,да уродится больше, чѣм посѣю. И за то слава Богу!"

Земельный вопрос здѣсь не играл никакой роли. Помѣщиков не было. Земли же было сколько угодно. Но надо было затратить очень большой труд, чтобы ее освободить из под лѣса. И земля не прельщала крестьян. Другія занятія были доходнѣе. Желѣзная дорога была закончена только в 1916 году и не успѣла оказать никакого вліянія на жизнь населенія. До ея проведенія, нѣкоторая часть населенія занималась извозом. Перевозили грузы и пассажиров. При перевозкѣ пассажира соблюдался такой обычай: пассажир платил ямщику какую то сумму денег и тот вез его,кормил и устраивал на ночлег.

По берегу Бѣлаго моря жили поморы - потомки новгородских ушкуйников. Высокаго роста, бѣлокурые с голубыми глазами. Жили они исключительно богато. А опасность, связанная с рыболовством, выработала из них смѣлых, рѣшительных и волевых людей. В ротѣ их было двое и оба были нашивочные, невзирая на свой 20-ти лѣтній возраст. Их отношеніе к службѣ видно из примѣра, который привожу. У нѣкоторых офицеров поморы были вѣстовыми. Когда мы начали отходить в Финляндію, они не бросили своих офицеров, а,невзирая на протесты послѣдних, проводили их до границы, попрощались и на лыжах пошли домой.

Относилось населеніе к нам очень хорошо. Мы его не обижали.Всякое насиліе и грабеж - безпощадно преслѣдовались. И это не были только слова. Каждый знал, что за насиліе или грабеж он будет предан суду. Когда мы уходили, населеніе со слезами провожало нас. Меня, так же как и других, крестьяне обнимали и выражали свое искреннее сожалѣніе, что мы уходим.

Конечно, населеніе страдало. Первое - от постоя войск. Я,иной раз, располагался с 70 саперами в деревнѣ из 6 дворов. Посчитайте, сколько человѣк приходилось на двор. Думаю, что это сильно стѣсняло хозяина. Второе - населеніе фронтовой полосы привлекалось к транспотру.На лодках перевозили грузы и солдат через озера. На лошадях перевозили посуху. Здѣсь я впервые увидѣл оригинальный мѣстный "экипаж." Представьте себѣ оглобли, в которыя запряжена лошадь. Вторые концы их лежат на землѣ и на них набито нѣсколько досок. На доски кладется багаж и привязывается веревкой. Лошадь все это волочит. Названіе этого"экипажа" - "волокуша." Пассажир идет пѣшком. В болотистых мѣстах другим способом перевезти груз нельзя. Если населеніе привлекалось к работам по укрѣпленію позицій, то его труд оплачивался. Чернорабочій получал 40 рублей в день, плотник 50 и рабочій с лошадью 60. Но деньги их мало прельщали. Прельщал их паек. За каждый рабочій день - рабочій получал солдатскій паек, а лошадь армейскую дачу фуража. Полученіе всего этого было очень простое. Деньги моим рабочим платил я. На полученіе пайка я выписывал требованіе, на бланкѣ с ротной печатью, которыя у меня были. И рабочій по этому требованію, в ближайшем интендантском складѣ, получал продукты. И все.

Правительственные служащіе с семьями, рабочіе и тоже с семьями - всѣх вѣдомств - также получали паек. Я не знаю из чего он состоял,но смутно припоминаю, будто он был трех категорій - мужской,женскій и дѣтскій. В первой было 30 фунтов муки, во 2-й - 20 и в третьей - 10. Ту и всякіе другіе продукты.

На желѣзной дорогѣ,на крупных /по сѣверному масштабу/ станціях,как

то Мурманск, Кемь, Сорока, Кандалакша, образовались небольшія группы жел.-дорожных рабочих. Они были настроены большевицки. Когда они начинали очень "шумѣть," то для их "вразумленія" приходилось присылать с фронта I-2 роты I2-го полка и бронепоѣздную орудійную площадку.

Изучая географію Россіи мы, конечно, имѣли представленіе и об ея сѣверѣ. Но только тогда, когда я своими глазами увидѣл все это богатство - я понял, какая это крупная жемчужина в коронѣ Россіи. Писать о неисчерпаемых богатствах этого края можно без конца. Я только слегка коснусь лѣса. Представьте себѣ на сотни и тысячи верст - вѣковой, строевой лѣс. Да какой! Надо было хорошо задрать голову, чтобы увидѣть верхушки. И стоят эти великаны-ели одна около другой; иные в три четыре обхвата. Нельзя повѣрить, что в наши дни может быть такой лѣс.

Когда я пріѣхал, то меня назначили в запасный стрѣлковый батальон на станцію Масельская. Недолго я пробыл в нем. Перевели меня на центральную телефонную /фронтовую/ станцію, на станціи Медвѣжья Гора. И здѣсь недолго задержался. Перевели меня в Инженерную роту,которая закончила свое формированіе. Рота была большая - 220 человѣк и полный штат офицеров - 6. Сапер настоящих не было. Было 2-3 сапера военнаго времени с очень слабой выучкой. Настали холода. Занесло все снѣгом. И из всѣх полков поступили требованія - прислать сапер. Много я перемѣнил мѣст работы. В началѣ декабря с полуротой приступил к укрѣпленію позиціи I2-го полка. Работы по горло. Стрѣлки стояли в лѣсу без всякаго крова. Работа закипѣла. Было трудно сначала: все надо было показывать. Но русскій человѣк смекалист. Дальше пошло легче. Проработал я здѣсь что то полтора мѣсяца. В двадцатых числах января получаю приказ: с I2 саперами отправиться на восток и приступить к укрѣпленію деревни Діановы Горы. Начал я и там налаживать работу. Работало у меня и нѣсколько крестьян и подводы. Настала масленая /это значит I7 февраля/. Получаю, в концѣ масленой недѣли, приказаніе от командира роты: людей и имущество отправить к старшему офицеру, а самому прибыть в штаб роты на Медвѣжью Гору.

Сдѣлаю перерыв в описаніи событій. Против Сѣвернаго фронта красные держали двѣ арміи: одну против Мурмана, другую против Архангельска. Если не ошибаюсь 6 и 7. Стоявшая против нас красная армія значительно превосходила нас численностью. Перевѣс в техникѣ и лучшее командованіе эту разницу уравновѣшивали. Подвозить резервы, в случаѣ необходимости, красным было далеко. Поэтому они страховали себя тѣм, что держали приличныя в боевом отношеніи части: курсантов, матросов, добровольцев. Когда генерал Манергейм очистил Финляндію от красных,то разбитыя красныя части финнов укрылись на территоріи большевиков.Нѣсколько таких отрядов, численностью в нѣсколько сот человѣк каждый, были наняты по контракту красным командованіем и появились у нас на фронтѣ. Были наняты и двѣ роты красных финок. Онѣ отличались исключительной жестокостью. Их держали в тылу. Будучи на Мурманѣ, я знал какія части красных стояли против нас и их приблизительную численность. Сейчас совершенно забыл.

В августѣ мѣсяцѣ 9-й полк пытался взять деревню Койкоры. Помогали и англичане. Обороняла деревню Петрозаводская школа курсантов,человѣк в 300. Атака успѣхом не увѣнчалась. Деревня была на буграх. Одна из причин неудачи - был выход из строя всѣх офицеров, а стрѣлки, оставшись без руководства, атаки продолжать не могли. Там был ранен Непенин. Рана как будто была и пустячная - в мякоть лѣвой руки, выше локтя, но оказалось, что были перебиты какіе то нервы; и через 6 мѣсяцев послѣ раненія он еще не шевелил пальцами. В Финляндіи Непенина отправили в какую то санаторію для спеціальнаго леченія электричеством. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Когда генерал Юденич начал наступленіе на Петроград, то по сговору, между начальниками его и нашего штабов, наши войска перешли тоже

в наступленіе, с цѣлью отвлечь силы красных. Главный удар наносил 2-й полк вдоль желѣзной дороги. В наступленіи участвовали и англичане. Атака увѣнчалась полным успѣхом. Был прорван фронт красных, взята станція Лижма и наши войска погнали красных дальше. Но в разгар наступленія, англичане начали эвакуироваться и сняли свои части с фронта. Получились дыры, заткнуть которыя нам было нечѣм. Вдобавок к этому, красные высадили нам в тыл дессант матросов. Положеніе было очень серьезное. Все что можно было бросить - было брошено в бой. Но благодаря непонятной бездѣятельности красных, 2-й полк, который фактически был отрѣзан, благополучно отошел. В началѣ декабря красные повели наступленіе на желѣзную дорогу и шоссе, которыя оборонял I2-й полк. Встрѣченные огнем большого числа пулеметов, красные в безпорядкѣ отошли. Подгоняемые сзади и идя по пояс в снѣгу нѣсколько раз пытались они атаковать нас, но без успѣха. В концѣ концов они укрылись в какой то складкѣ мѣстности и день-другой кричали "ура!" Потом ушли. Участвовало их в атакѣ около 2000 человѣк. Стычки и поиски развѣдчиков происходили все время, причем болѣе дѣятельны были мы. Зимой красные лыжники налетѣли на наш ближайшій тыл и надѣлали большой переполох. В дальнѣйшем и в тылу надо было быть на-сторожѣ. Командир 2-го полка любил немного пріукрасить свои донесенія, а послѣ возвращенія полка из неудачнаго наступленія - и вовсе. Эту его слабость подмѣтили и его донесенія мы называли "Сказки Гофмана!" Кто то из офицеров сочинил стихи на музыку из той же оперы. Приведу, что помню:

I-й голос. "Что за шум?... Я ясно слышу!"
2-й голос. "Это по индукціи,
Гофман пишет донесеніе
Собственной конструкціи!"..
Донесеніе. Там, там, там,
...Море крови!.. Горы трупов! Там, там, там.
Пять полков красноармейских
Сброшены в рѣку Нурмис... Дальше я забыл.

Зимой при полках были сформированы команды лыжников. Предполагалось собрать их вмѣстѣ и по Онежскому озеру сдѣлать налет на глубокій тыл красных. Приготовленія уже были начаты, но ликвидація фронта не позволила сдѣлать эту интересную операцію. В глубоком нашем тылу бродила шайка "Ваньки Каина!" Иной раз она портила желѣзную дорогу. Поймать его нам никак не удавалось.

Итак, возвращаюсь к прерванному описанію событій. В воскресенье 23 февраля /послѣднее перед Великим постом/я, согласно приказу, отправил сапер и имущество к старшему офицеру /он смѣнил меня и работал при I2-м полку/, а сам с вѣстовым на санях отправился в штаб роты на Медвѣжью Гору. Проѣхали мы версты 4 до деревни Федотово, на берегу Онежскаго озера, и повернули на сѣвер. Дорога пошла вдоль озера. Проѣхали мы нѣсколько верст. Смотрю, навстрѣчу идут кучками крестьяне. Я их остановил. "Вы куда? - спрашиваю. /Надо пояснить, что нами была объявлена мобилизація/. "Домой" - говорят. "Почему?" "А нас отпустили" - отвѣтили. Странно думаю. Что то неладное. Поѣхали дальше. Вижу, навстрѣчу нам ѣдут двое саней, полные вооруженных солдат. Кто - не знаю. Я освободил одну ногу, чтобы можно было выскочить из саней если надо, и положил винтовку на колѣни. Мы разминулись. Не успѣли мы проѣхать нѣсколько шагов, я слышу, что нас окликают. Мы остановились. Я оглянулся и вижу, что к нам идет человѣк. Я вылѣз из саней и пошел к нему навстрѣчу. Мы встрѣтились.

"Вы офицер? - спрашивает меня он. Я говорю - "да".

"Разрѣшите представиться - ротмистр С." Представился и я.

"Вот какое дѣло," говорит ротмистр, "мы ѣдем с Медвѣжьей Горы. Там возстаніе. Взбунтовались матросы. Освободили военно-плѣнных из лагеря. Здѣсь Вы не проберетесь. Садитесь ка к нам и мы с Вами попытаемся

проскочить вдоль фронта";и немного погодя,добавил,"если успѣем." Пересѣл я к ним и мы тронулись. Доѣхали опять до Федотова. Ротмистр и говорит партизанам,/он был начальник партизанскаго отряда и с ним было 6-7 его партизан/: "прощайте ребята. Спасибо за службу. Свою семью оставляю вам."

"Будьте покойны.Сохраним.Счастливаго пути" - отвѣтили тѣ.Ротмистр расцѣловался со всѣми. Партизаны поѣхали дальше на юг, а мы вдвоем повернули на запад. Стало темнѣть. Когда, приблизительно через час, мы добрались до Діановых Гор стало совсѣм темно. Было навѣрно часов 5-6 вечера. До деревни Уница было еще верст 10-12. Наша же лошаденка совсѣм выбилась из сил и ѣхать на ней было нельзя. Я проработал в этой деревнѣ около мѣсяца и навѣрно знал, что ни у кого из крестьян лошади не было. Я и говорю ротмистру:"а наше дѣло дрянь." "Н-да," говорит он. Пошли мы к старостѣ. Когда мы вошли к нему, он очень обрадовался.

"А! Ваше благородіе! Пожалуйте к столу.Как раз попали на заговѣнье."

"Нѣт," говорю,"спасибо. Поди-ка сюда." Мы вышли с ним в сѣни и я прямо и говорю ему: "фронт лопнул. Нам надо спасать свои жизни.И надо спѣшить. Достань лошадь".

Он подумал немного и говорит мнѣ: "Ваше благородіе, за Вашу доброту и человѣческое отношеніе, я Вам помогу. Идемте." Мы вышли и он, показывая на крайній дом, на другой сторонѣ улицы, говорит: "у этого человѣка лошадь есть. Но только она так спрятана, что ни одна комиссія не могла ее найти. Я и сам Вам помог бы, да я с ним враждую. Идите к нему и требуйте лошадь. Жаль, что Вы от нас уходите," и,обнимая меня, сказал: "спасибо Вам еще раз. Счастливаго пути. Да поможет Вам Бог." И твердо повторил:"Ваше благородіе, у него лошадь есть."

Я горячо поблагодарил его и, вмѣстѣ с ротмистром, пошел к указанному дому. Стучу в ворота. Открывает нам старик.

"Здравствуй, дѣдушка," говорю. "Здравствуй" - отвѣчает.

"Вот что; запряги-ка лошадь, да отвези нас в Уницу," - говорю я.

"Что? Лошадь? Какая Лошадь? У меня никакой лошади нѣт," говорит он. А у меня в ушах стоят слова старосты: - Ваше благородіе,у него лошадь есть. "Ну, дурака то ты не валяй, а запрягай-ка скорѣе," говорю ему.

"У меня лошади нѣт. Ищите".

Вошли мы во двор. У меня был сильный электрическій фонарь. Я освѣтил им кругом. Чуть в глубинѣ - жилой дом. Вправо сарай. У нѣкоторых крестьян и сараи были двух-этажные. Внизу лошади и скарб, а наверху сѣно. Так было и здѣсь. Сбоку ворота. "А ну, открой ка их," говорю. Открыл. Вошел я внутрь. Освѣтил. Вдоль стѣн, справа и слѣва, крестьянскій скарб: бочки, ящики, корыта. Прошел немного внутрь и уперся в стѣну. На ней тоже висит всякая всячина: веревки, сита. Вышел я наружу. Прошел к другой сторонѣ сарая. Там такія же ворота и когда вошел внутрь, то наткнулся на такой же скарб и опять уперся в стѣну. Вышел я и стою в раздумьи. Ротмистр и хозяин стоят и молча наблюдают. И вдруг, как искра, мелькнула мысль. Почему внутри сарая стѣна и как то очень близко от входа! У многих крестьян я видѣл сараи сквозные.В возбужденіи прошел я вдоль сарая снаружи и посчитал его длину шагами. Я забыл настоящій его размѣр. Ну, скажем 25 шагов. Захожу сбоку в одно отдѣленіе и считаю шагами разстояніе от входа до стѣны. 10 шагов. Потом, почти бѣгом, в другое отдѣленіе. Тоже 10 шагов. Итого внутри 20, а снаружи 25. Значит стѣна двойная и между потайное отдѣленіе. Подхожу к хозяину. "Запрягай. Лошадь стоит у тебя там," сказал я, показывая на внутреннюю стѣну.

"Здорово! Никто не мог найти, а вот Вы нашли." Сказал он и по интонаціи голоса было видно, что он даже доволен. Подошел к стѣнѣ, что то нажал, открыл дверь, которая очень хорошо была пригнана и не была замѣтна и вывел лошадь. Такой лошади я у крестьян не видѣл. Небольшая, но кормленая и выхоленная. Запрег он ее в сани. Мы усѣлись и двинулись.

Дорога была хорошая, укатанная и с небольшим уклоном вперед. Конь шел все время крупной рысью. Эти 10-12 верст мы проехали, вероятно, минут за 50. Стали подъезжать к Унице. Лес кончился и дорога пошла по открытому месту. На дороге блокгауз, а вправо и влево тянулось проволочное заграждение. Подъехали мы к блокгаузу. Часовой осветил нас фонарем. Увидев офицеров, отдал честь и открыл рогатку. Мы тронулись. Въехав в село, подъехали к штабу полка. Я поблагодарил старика и щедро ему заплатил. Штаб полка, офицерское собрание и телефонная станция были на 2-м этаже. Поднялись мы и, пройдя телефонную комнату, вошли в собрание. В нем никого не было. Ротмистр и говорит мне: "Вы подождите здесь, а я пойду к командиру полка и узнаю в чем дело!" И ушел. Я сел за стол, достал с полки "Ниву" и стал ее рассматривать. Стояла тишина. Только из телефонной комнаты чуть-чуть и глухо слышны были голоса. Сколько времени прошло, я не знаю. Может быть час, может больше. Вдруг в собрание входит телефонист. "Вы офицер нашего полка? - спрашивает он меня. "Нет," говорю, "а в чем дело?"

"А так что с заставы звонят и говорят, что нет офицеров и люди волнуются," ответил он.

"Хорошо.Ступайте!" Ну, думаю, надо сматываться. Вышел я на улицу.У входа горит большой фонарь и стоит кучка солдат человек в 10. "Ребята," обратился я к ним, "где дорога на Викш озеро?" /Это левый фланг 12-го полка/.

"А вот по-за домиками", ответил кто то из них.

"Если не найду, я крикну и пусть кто нибудь придет и покажет," сказал я.

"Не извольте безпокоиться. Подсобим!"

Я быстро двинул по улице. Дойдя до домиков, я повернул направо и сразу нашел дорогу. Я по ней ходил и раньше. Попав на дорогу, я стал усиливать свой ход до возможных пределов. Дорога шла сначала через озеро. Не успел я пройти половины его, как сзади в деревне раздался выстрел, другой... третий, пулеметная очередь - одна... другая... бахнула граната и пошла трескотня. 2-й Северный стрелковый полк переменил цвет: белый на красный. Пройдя озеро и перешеек, я спустился к другому озеру. Это был уже район 12-го полка. Стало легче. Добрался я и до деревни, где были саперы. Старший офицер еще не спал. Было, наверно, часов 10-11 вечера. Не успел я толком рассказать о своих приключениях, как в дверь постучали и в комнату вошли два лыжника в белых одеяниях. "Господин капитан, начальник команды приказал Вам передать, что команда снялась с позиции," сказал один из них./На позиции, впереди деревни, в которой жили саперы, стояла команда лыжников 12-го полка./

"А где сейчас команда?" - спросил их старший офицер.

"О, уже далеко. Мы ее будем догонять", - ответили они.

"Спасибо вам. Счастливаго пути!"

"И вам тоже", сказали лыжники и ушли.

Подняли мы сапер и стали грузить имущество в сани. Когда все было погружено, двинулись на север. Уже было светло /часов 7-8 утра/, когда мы подошли к железной дороге у дер.Кяпсельга. На линии стоял бронепоезд, который нас ждал. Как только мы сели в него, он тронулся. Пришли на станцию Медвежья Гора. Я вышел на разведку. Встречаю начальника штаба 5-й бригады. На мой вопрос - в чем дело, он только безнадежно махнул рукой и побежал. Сунулся я на станцию. На перроне черно от матросов. Красные флаги. Я "отступил" на бронепоезд. Постояли мы немного, паровоз наш набрал воды и мы двинулись дальше. Первым шел бронепоезд №2, за ним несколько моторных дрезин, а затем мы. Стали мы подъезжать к станции Масельская. №2 уже вошел на станцию, а мы только начали входить. Смотрим на бронепоезде №2 взвился красный флаг; к нам прибежали с него офицеры. Бросили мы и наш бронепоезд и группой чело-

вѣк в 25 сошли на землю. Обошли мы станцію и вышли на дорогу,по которой прошли наканунѣ наши. И на другой день их нагнали. Части Мурманскаго района уходили тремя группами. В южной шел 12-й полк и офицеры других частей. Когда полк уже подошел к границѣ Финляндіи, его нагнала красная пѣхотная бригада - ни то красные черти," ни то "красные дьяволы." Полк ее отбросил. В средней колоннѣ шел штаб фронта, офицеры 13-го полка, да мы. Никакого противника не было. Была борьба с природой. Первые дни дорога была, а потом приходилось ее самим прокладывать в снѣгу до груди. И наше продвиженіе в день исчислялось двумя - тремя верстами. Деревни были рѣдки и очень часто ночовали в лѣсу.Наломаем вѣток, положим их на утрамбованный снѣг и спим. Костра разложить нельзя было; все мокрое и только дымит, но не горит. Все время попадались озера. Дорога шла через них. Они были покрыты на четверть водой, от наступившей оттепели, а потом снова ударил мороз и сверху образовалась тонкая корка льда. И пришлось идти по водѣ перемѣшанной с кусками льда. Это было тяжело. Пищей дѣлились и не голодали.За один переход до границы, финны навстрѣчу нам выслали продовольствіе.Поход занял двѣ недѣли. Третья колонна шла еще сѣвернѣе. Это были двѣ роты 12-го полка, бывшія на усмиреніи рабочих, и присоединившіеся к ним офицеры тыла. Эта колонна имѣла небольшія непріятности с какими то "республиками," образовавшимися там. С Архангельскаго фронта вышли к нам походом войска желѣзнодорожнаго участка. Когда они подошли к нашей желѣзной дорогѣ, то нас уже не было и их встрѣтили красные.Измученные походом, они сдались. Группа в 19 человѣк, в том числѣ одна женщина, прорвалась и налыжах пришла к нам, когда мы были в Финляндіи.

Какая причина развала Сѣвернаго фронта? Когда на югѣ и востокѣ были успѣхи, был крѣпок и сѣверный фронт. Подавляющее число солдат было из военно-плѣнных, главным образом сѣверных губерній. Это были солдаты, вкусившіе 1917 года и зараженные ядом большевизма. Агитація большевиков шла во всю. В подпольной работѣ, агитаціи и лжи - большевики мастера непревзойденные. Началось возстаніе в 3-м полку. Ликвидація Архангельскаго фронта,неизбѣжно влекла за собой ликвидацію Мурмана. Мы боролись с агитаціей случайными арестами агитаторов. Достаточно сказать, что центр всей агитаціи Мурманской фронтовой полосы был в инженерной ротѣ и его возглавляли наши два фельдшера. Рядом с нами, а мы узнали об этом послѣ развала.

Суворовцев на Сѣверном фронтѣ я знаю, кромѣ меня, четырех: 4-го выпуска Непенина,
5-го выпуска - Соловскаго,/погиб в городѣ Онега,/
9-го выпуска - Гординскаго и Маркова. С Гординским судьба столкнула меня в 1918 году. 1919 и 1920 годы мы были все время вмѣстѣ. Если наши пути временно расходились, то вскорѣ соединялись вновь. В Крыму наши пути разошлись и Гординскій погиб смертью храбрых в Сѣверной Тавріи, под Федоровкой.

Нас сѣверян пріѣхала в Крым первая партія в 400 с чѣм то человѣк. В Галлиполи нас было 77. Нѣкоторое количество моряков было в Бизертѣ. Большинство остальных погибло в Крыму. И послѣдним погиб наш Главнокомандующій Генерал Миллер, отдав свою жизнь за величіе и свободу Россіи, за которую отдавали свои жизни и его сѣверяне.

С.В.Нитц /XI выпуска./

"М Ы Л Ь Н И Ц А."
/Случай из гражданской войны./

В жизни каждаго человѣка были обстоятельства, которыя оказали рѣшающее вліяніе на его судьбу. В моей жизни такую роль, однажды,сыграла обыкновенная мыльница. Как? А вот послушайте.

Декабрь 1918 года. Зима холодная и снѣжная. Бывали морозы больше 20 градусов и то часто с вѣтром. Лежал глубокій снѣг. Я рядовой 2-го взвода 2-й сводной офицерской роты. 1-я сводная, наша, да Сибирская офицерская полурота, т.е. двѣ с половиной роты - это все что осталось от 9-ти ротнаго офицерскаго отряда, в каждой ротѣ котораго насчитывалось по 110-120 человѣк. Это послѣдствіе нѣсколькихъ боев в ноябрѣ и началѣ декабря 1918 года. 2-я сводная рота насчитывала 85 человѣк. Занимали мы позицію у мѣстечка Святошино. Это что то в 14-ти верстах от Кіева на запад. Во взводѣ около 20-ти человѣк. Взвод лѣвым флангом упирался в шоссе Кіев-Житомир. Лѣвѣе шоссе наш 1-й взвод. Справа от нас, уступом назад, третій. Впереди, сильно вправо, деревушка. Ея названія не помню. До нея от нас верста; может быть больше. Ее занимала Сибирская офицерская полурота. Сзади офицерская батарея. Это и все. Никакого резерва не было. Во взводѣ два пулемета: Максим и легкій Льюис. Перед фронтом взвода мы провели проволочное загражденіе в три ряда. Это, по условіям гражданской войны, весьма серьезное препятствіе. Участок взвода шагов 300-400 и занимали мы его группами по 3-5 человѣк. Вырыли кое гдѣ окопы. Впереди шагах в 50-ти рѣчушка, протекавшая по болоту. Лѣтом топь, ну а зимой все это замерзло и проходимо легко. Дальше, шагах в 200-250 от нас, начинался лѣс. 13 декабря, часов около 4 утра, когда еще была темная, зимняя и морозная ночь, наши посты открыли стрѣльбу. Загрѣмѣли выстрѣлы и со стороны противника. Помѣщались мы в хатѣ, шагах в 30-ти от позиціи. Собраться и занять позицію, было дѣлом нѣсколькихъ секунд. Сколько видѣл глаз - опушка лѣса представляла сплошную огневую линію от слившихся ружейных выстрѣлов. Открыли стрѣльбу и мы. Заработали наши пулеметы. Вступил в бой и 1-й взвод. Слышна была ружейная и пулеметная стрѣльба и со стороны деревни. В 3-м взводѣ было тихо. Наша батарея помогала всѣм нам, по очереди перенося огонь от нас к деревнѣ и обратно. Стрѣльба противника все время усиливалась. Стало сѣрѣть и было видно, как из глубины лѣса подходили новыя цѣпи и вливались в первую линію. Стрѣлял противник исключительно скверно. Пули летѣли высоко, щелкая по верхушкам сосен. У нас потерь не было. Стало совсѣм свѣтло. Стрѣльба вдруг сразу прекратилась. Противник ушел. Со стороны лѣса послышался крик: "помогите. Спасите. Я ранен. Замерзаю!" Пошли мы туда и подобрали раненаго и взяли одного плѣннаго. Оба крестьяне лѣт по сорока. Раненый был в тяжелом положеніи. Раненіе в пах. Как умѣли перевязали его и отнесли в наш лазарет. Плѣннаго напоили чаем и тоже отправили в тыл. По его словам, сегодняшняя перестрѣлка была развѣдкой, в которой против нас участвовало 7 пѣших рот, 3 конных сотни и 14 пулеметов. Против нас стоит 2-я Днѣпровская дивизія. Точно ея численности он не знает, но слышал, как называли цифру около двух с половиной тысяч. Пополнена она была мобилизаціей окрестнаго населенія. И он и его земляк - раненый были взяты нѣсколько дней тому назад. Одѣть их в солдатскую форму и не успѣли, или ея не было, т.к. оба они были в своем крестьянском платьѣ. Особаго желанія драться у них не было. Этим обстоятельством, вѣроятно, надо объяснить их скверную стрѣльбу.

На другой день, 14 декабря, противник повел общее наступленіе. Его усилія, перед нами, были направлены на деревню и на мост на шоссе. Бой начался тоже что то около 4 часов утра в совершенной темнотѣ. Немного помогал видѣть лежавшій снѣг. 1-й взвод и мы, перекрестным огнем наших пулеметов, отражали неоднократныя попытки противника прорваться через мост. Когда разсвѣло на подступах к мосту видны были кучи убитых и раненых. Против нас противник попробовал один раз броситься в атаку, но как только высунулся из лѣса и увидѣл проволоку - поспѣшно убрался обратно. В деревнѣ шел сильный бой. Слышны были крики "ура" и доносилась сильная ружейная и пулеметная стрѣльба.

Наша батарея бѣглым огнем стрѣляла по противнику, наступавшему на деревню. Стало свѣтло. Часам к 7 утра, противник задавил численностью офицерскую полуроту и деревню взял. 3-й взвод сообщил нам, что он уходит вправо, чтобы заткнуть прорыв и свой участок передает нам. Туда мы выслали трёх наблюдателей. Перед нами положеніе было без перемѣн. Сильная ружейная стрѣльба из лѣса. Всѣ атаки противника на мост мы отбивали. Потерь у нас не было. Но вот стали раздаваться рдкіе ружейные выстрѣлы справа. С каждой минутой они стали слышаться все болѣе и болѣе в нашем тылу. Стало ясно, что противник обошел нас справа и заходит нам в тыл. Телефон перестал дѣйствовать и узнать положеніе в штабѣ роты было нельзя. Взводный приказал сниматься. Собрались мы и цѣпочкой пошли по тропинкѣ,по улицѣ. Противник стрѣльбы не усилил, хотя было свѣтло, улица поднималась вверх и, конечно,мы ему были хорошо видны. Прошли мы шагов 50-60. Вдруг я вспомнил, что в хатѣ забыл мыльницу. Обращаясь к взводному,говорю: "г-н капитан, разрѣшите мнѣ вернуться на заставу и взять мыльницу!"

"Хорошо. Только скоренько.Да смотрите не попадите в лапы противнику. Потом догоняйте нас!"

Насколько мог быстро добѣжал я до хаты и взял мыльницу. Когда я вернулся и дошел до того мѣста, гдѣ покинул взвод - впереди его не было видно. Прошел я немного вперед до перекрестка улиц. Сколько видѣл глаз ни впереди, ни влѣво, ни вправо никакой цѣпочки не было. Стал я в раздумьи - куда идти? Впереди и влѣво рѣдкая ружейная стрѣльба. Вправо же на шоссе слышна была оживленная ружейная и пулеметная стрѣльба. Значит там идет бой и там наши. Повернул я вправо и вскорѣ вышел на шоссе. Вижу лежит цѣпь - часть нашей роты и каких то других частей. Строчат пулеметы. На шоссе стоит наш броневик и тоже стрѣляет по противнику. Я присоединился к цѣпи и с ней потом ушел. Из моего 2-го взвода я больше никого не видѣл. Через нѣсколько дней к нам добралась наша сестра милосердія. Она не смогла своевременно с нами уйти. Она и разсказала нам, что видѣла как взвод был окружен превосходными силами противника и послѣ боя погиб.

Так вот, как простая мыльница измѣнила мою судьбу. Не вернись я за ней, я не оторвался бы от взвода и, вѣроятно, и меня постигла бы та же участь, что постигла и взвод.

С.В.Нитц /XI выпуска./

С М Е Р Т Ь В О Л О Д И Б О Г О М О Л Ь Ц А/IX выпуска./

Новороссійск. Цементный завод. Апрѣль 1919 года. Выздоравливаю от сыпняка. Хожу в халатѣ по горам и собираю красные и желтые тюльпаны, которых множество. В один прекрасный день передают мнѣ, что меня ожидает капитан конной артиллеріи, из пріѣхавшаго из Польши отряда генерала Бредова. Выхожу. Оказывается это капитан К.Н.Николаев, один из нас четверых оставшихся в живых от отряда полковника Выграна в Евпаторіи. Послѣ радостной встрѣчи, переходим к дѣлу. Он назначен командиром 7-й конной батареи и ему по штату полагается пулеметная команда. Должность эту он мнѣ предлагает. С радостью соглашаюсь. Батарея уходит в Ростов, гдѣ я должен ее нагнать, когда доктор выпустит меня из госпиталя.

Через недѣлю я в Ростовѣ. Помѣщаемся в каком то красно-кирпичном заводѣ, недалеко от кладбища, куда я ходил гулять. Дают мнѣ койку, англійское обмундированіе кавалерійскаго образца и посуду, что самое главное, ибо аппетит страшный, а кормят отлично. Каково было мое удивленіе, когда,идя спать, я встрѣтил Володю Богомольца, койка котораго оказалась рядом с моей. Проболтали до поздняго часа и вот что я узнал: вышел В.Богомольц из Константиновскаго Артиллерійскаго Училища в Ивангородскую крѣпостную артиллерію. Повоевал немного и попал в плѣн.

Послѣ войны, вернувшись в Варшаву, узнал о существованіи интернированнаго отряда генерала Бредова, который поляки отпускают в Добровольческую армію. Он поступил в одну из батарей этого отряда и с ней пріѣхал в Новороссійск. Мнѣ было как то неловко, т.к. он был прапорщик, а я капитан и он почему то вставал, когда я к нему обращался. Однажды я не выдержал: "Володя, брось это вставаніе.Не важно оба ли мы прапорщики или оба капитаны. Главное, что мы бывшіе Суворовцы;и если бы я не"сѣл" в 4-м классѣ на второй год, то быть может и я попал бы с тобой в плѣн в Ивангородѣ и замерз бы в чинѣ."

Из Ростова мы пошли воевать с Махно. Все проходило благополучно. Наша батарея стрѣляла мѣтко, а Нижегородцы и Переяславцы,под командой Князя Львова, дрались хорошо,/все хотѣли поймать Буденнаго/. Но вот стали мы на ночлег в какой то деревушкѣ под станціей Христиновка, Херсонской губерніи. Говорили, что будем ожидать здѣсь конца переговоров между представителями генерала Деникина и Петлюрой. Выставили дневальных и пошли спать. Богомольц с офицерами бытареи, а я со своими. Просыпаемся от стрѣльбы и криков. Помню, что только успѣли одѣться, как в хату врываются два петлюровца в "жупанах" с винтовками на перевѣс. Два выстрѣла и "жупаны" растягиваются на порогѣ. Мы, четверо, выскакиваем в окна, выходящія в сад и прячемся за скирду сѣна. Слышим голоса и команду - "гарматчики до гарматив!" Думаем дѣло плохо: наши пушки захвачены. Рѣшили через сад и рѣчку идти в сосѣднюю деревушку, гдѣ стояла тоже часть нашего отряда. Встрѣчаем, идущих на помощь Нижегородцев. Подсаживаемся на первую тачанку с пулеметом. Через 20 минут мы снова в деревнѣ. Часть "куреня" удрала,уведя наши пушки. За ними послали погоню, которая их настигла и поголовно уничтожила. Наши пушки были отбиты, к сожалѣнію, испорченными.

Вошел я в хату командира батареи капитана Николаева. Солдаты батареи стоят с обнаженными головами. Чувствую бѣду. Картина дѣйствительно ужасная. Лежит командир с проломленной,чѣм то тяжелым,головой. /Он выжил благодаря тому,что сразу попал к извѣстному хирургу, который вставил ему металлическую пластинку./ На нем обезглавленное тѣло поручика Моисеева,/Московскаго кадета/,а в другом углу, на походной кровати, Володя с перерѣзанным до позвонка горлом. Похоронили их обоих около церкви на станціи Христиновка. Мы не ожидали подлаго нападенія, считая, что идут переговоры. Охраненіе наше очевидно дремало. Ошибкой было, что артиллерію поставили без прикрытія. Потом выяснилось, что провели петлюровцев мѣстные евреи, думая этим спасти свои шкуры от этих погромщиков.

В.Заткалик /X выпуска./

XIII ВЫПУСК - РОКОВОЙ И ПОСЛѢДНІЙ./Окончаніе./
Московскій період 1914 - 1918.

М О С К В А.

Город чудный, город древній,
Ты вмѣстил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестрѣешь ты в садах,
Сколько храмов,сколько башен
На семи твоих холмах!

Исполинскою рукою
Ты, как хартія, развит
И над малою рѣкою
Стал велик и знаменит!

---o---

Разстояніе Москва - Брест - Варшава, составляющее 1224 версты,было покрыто приблизительно в одну недѣлю,т.к. по пути приходилось довольно часто останавливаться для пропуска поѣздов с воинскими частя-

ми отправлявшимися на фронт.

Мы шли в эшелонѣ "на казенный счет," но ради интереса отмѣчу, что в 1914 году подобное путешествіе, "без скидки," стоило: в I-м классѣ 24 рубля 50 копѣек, во 2-м - 14 рублей 70 копѣек и в 3-м - 9 рублей 80 копѣек. Из промежуточных станцій как то особенно ярко врѣзались в память Смоленск, Вязьма, гдѣ мы покупали настоящіе "вяземскіе пряники," и Бородино. Быть может это объяснялось свѣжестью впечатлѣній недавняго столѣтняго юбилея Отечественной войны и эти мѣста были тѣсно связаны с историческим прошлым Россіи.

И как то не вѣрилось, что снова разразилась война, в которой, быть может, и нам придется принять дѣятельное участіе. Все настоящее казалось нам каким то ничтожным, переходящим и проходящим, в то время как будущее, полное неизвѣстности, казалось грозным, непонятным и необъятным.

С.В.Нитц /XI выпуска/ в своем очеркѣ "Переѣзд корпуса," помѣщенном в №7 сборника "Суворовцы," в кратких чертах, довольно точно, описал это событіе и можно только, дѣйствительно, пожалѣть, что написанное им в журналѣ, который издавался его выпуском в 1916 году, не сохранилось.

В Москвѣ нас выгрузили на станціи Москва-Сокольники и около полудня, в строю, мы пошли в один из трактиров на Гавриковом переулкѣ, гдѣ были накормлены досыта обильным и вкусным обѣдом.

Все было каким то странным, новым и необычайным - и оруженіе, и обстановка, и люди. Половые в длинных бѣлых рубахах и таких же брюках "на выпуск," многіе посѣтители, подстриженные "в скобку," совершенно новые, ранѣе невиданные типы людей в своеобразных нарядах, поражавших пестротой красок и так рѣзко отличавшихся от всего того к чему привык глаз в Варшавѣ. Во время обѣда, продолжавшагося довольно долго, неустанно играл рапсодію Листа довольно странный музыкальный инструмент, заглушавшій говор обѣдавших.

Послѣ обѣда, также в строю, мы отправились в Лефортово, гдѣ нас временно размѣстили в 3-м Московском Корпусѣ. Какой рѣзкій контраст представляли собой помѣщенія этого корпуса в сравненіи со зданіем на Бельведерской аллеѣ №21, которов можно было назвать дворцом. Здѣсь мы провели болѣе двух недѣль, потому что в предназначенных для нас помѣщеніях, в казармах Гренадерскаго сапернаго батальона, в Сокольниках, производился ремонт и перестройка.

Это время оставило на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе, ибо ежедневно нас водили осматривать достопримѣчательности Москвы, с которой, благодаря этому, мы в такой короткій срок успѣли основательно познакомиться. Мы осмотрѣли всѣ памятники, важнѣйшіе храмы и монастыри, кремлевскіе дворцы, Оружейную и Грановитую палаты, Третьяковскую галлерею, Румянцевскій музей, а также музей изящных искусств имени Императора Александра III и много интересных мѣст, включая помѣщенія I и II Московских Кадетских Корпусов.

Из церквей наибольшее впечатлѣніе на меня произвел Храм Христа Спасителя, сооруженный в память Отечественной войны 1812 года, который строился свыше сорока лѣт /1838-1882/ и стоил 15 милліонов рублей. В нем могли помѣститься до 10.000 молящихся. Этот храм поражал своим великолѣпіем и огромными размѣрами, а главное прекраснѣйшими трудами величайших русских художников. И этот поразительный образец русскаго творчества, вскорѣ послѣ октябрьской революціи, был взорван... Кому и зачѣм надо было это дѣлать?...

В Третьяковской галлереѣ, наш преподаватель рисованія, Лев Андреевич Гейне, давал цѣнныя объясненія и мы, внимательно слушая, любовались лучшими картинами - Айвазовскаго, Верещагина, Шишкина, Маковскаго, Полѣнова, Ге, Левитана, Васнецова и других. Также внимательно мы слушали и запоминали всѣ поясненія даваемыя, сопровождавшими нас, в этих чрезвычайно полезных в образовательном отношеніи экскурсіях, другими препо-

давателями и воспитателями. Как много новаго, досель невѣдомаго познали мы за этот,сравнительно короткій,срок из русской исторіи и искусства.

Однако, в общем, первое впечатлѣніе о Москвѣ, как городѣ,в сравненіи с красавицей-Варшавой, было не в пользу Первопрестольной.За малым исключеніем московскія улицы, вымощенныя булыжником, не отличались особенной чистотой; разбросанность построек представляла довольно безотрадный вид; и мы только с теченіем времени начали постепенно привыкать к виду и жизни этого новаго для нас города. Благоустройство Москвы оставляло желать много лучшаго.

Особенно, сразу же, бросилась в глаза набожность москвичей,проявлявшая как бы выраженіе христіанскаго духа всей Царской Россіи.О Москвѣ было принято говорить как о городѣ "сорока сороков" церквей. На самом дѣлѣ в 1914 году в Москвѣ было: 9 православных соборов, 25 монастырей, 270 приходских и 50 домовых церквей, 80 часовен и болѣе тысячи придѣлов. Наиболѣе замѣчательным мѣстом, куда стекались милліонами богомольцы со всей Святой Руси, была часовня Иверской Божіей Матери, помѣщавшаяся между проѣздами Воскресенских или Иверских ворот, в которой хранилась высокочтимая, чудотворная икона Божіей Матери, привезенная в Москву в 1648 году настоятелем Иверскаго монастыря с Афона.

Послѣ революціи, на красной кирпичной стѣнѣ против часовни, большими бѣлыми буквами, была сдѣлана надпись:"религія это опіум для народа!" Однако, ни разрушенія церквей, ни превращеніе их в склады и музеи, ни насилія, ни гоненія безбожников, за послѣдніе сорок лѣт, не смогли сокрушить или уничтожить слѣды тысячелѣтняго воспитанія русскаго человѣка на основах христіанскаго міровоззрѣнія и связаннаго с этим понятія о добрѣ и злѣ.

Мы застали Москву в расцвѣтѣ ея роста, ибо Москва росла также быстро, как неслась удалая московская тройка, олицетворяя Россію, по мѣткому сравненію Гоголя. Насчитывавшая свыше милліона жителей,Москва в 1914 году, по количеству населенія, занимала 8-е мѣсто в мірѣ. Населеніе Москвы было смѣшаное и состояло из представителей всѣх сословій с преобладаніем крестьян. В Москвѣ был доподлинно не только "русскій дух," но и дѣйствительно "пахло Русью," как сказал Пушкин. Во всяком случаѣ московскій період для нас был чрезвычайно полезен, ибо мы очень близко познакомились с бытовой русской жизнью во всѣх ея проявленіях. Меня же лично 6 лѣт /1914-1920/,в Москвѣ-сердцѣ Россіи, сдѣлали очевидцем величайших исторических событій и, несмотря на мою молодость, дали возможность проникнуть в глубокую сущность тысячелѣтней русской государственности; пережил я, в этот сравнительно короткій срок, три различных эпохи - Императорскую Россію, революцію и начало совѣтской власти.

В концѣ августа нас перевели в Сокольники. Несмотря на еще не вполнѣ законченную перестройку, значительныя перемѣны учебнаго и воспитательскаго состава, множество других препятствій и всяких неудобств, все возможное было сдѣлано и мы начали наш четвертый 1914/15 учебный год.

Интереснѣйшим событіем этого года была встрѣча Государя Императора в августѣ 1914 года, которую с достаточной точностью описал С.В.Нитц, в №5 сборника "Суворовцы." Что же касается Царскаго посѣщенія нашего корпуса в Сокольниках, то насколько и мнѣ помнится это было осенью 1915 года.

Относительно двух случаев, о которых упоминает М.А.Медер /в том же 5-м сборникѣ/,я позволю себѣ сдѣлать слѣдующія замѣтки. Во-первых - случая с "каким то мальчиком, оказавшимся потом сыном рабочаго," я рѣшительно не помню и считаю, что при сравнительно малой скорости передвиженія автомобиля Государя по улицам, окаймленным шпалерами воинских частей и бдительно охраняемым, подобное происшествіе вряд ли воз-

можно. Во-вторых, скажу два слова относительно "случайно валявшагося мундира 4-й роты." Подобной "легенды" я никогда ранѣе не слышал. Припоминая с какой тщательностью чистили, мыли, приводили в порядок и осматривали всѣ помѣщенія перед пріѣздом Государя, откровенно говоря,не считаю возможной такую оплошность, чтобы никѣм ранѣе незамѣченный мундир, именно 4-й роты, мог бы"валяться"в корридорѣ классов 3-й роты. Сергѣй Викторович прав, упоминая там же, что 4-я рота была при I Московском Корпусѣ. Каким образом мундир 4-й роты, в таком случаѣ, мог попасть в расположеніе 3-й роты? Там же С.В.Нитц говорит о том, что "для корпуса была отведена одна большая трех-этажная казарма." Столовая и классныя помѣщенія 3-й роты находились на первом этажѣ, а не в полуподвальном помѣщеніи, на уровнѣ столовой, как замѣчает М.А.Медер, который надѣюсь простит мнѣ эти замѣтки.

Другим достопримѣчательным днем этого учебнаго года был парад по случаюнагражденія Георгіевским крестом 4-й степени кадета Шуляковскаго, тайком сбѣжавшаго на фронт, но снова водвореннаго в корпус из дѣйствующей арміи. В своем обращеніи, директор корпуса похвалил его за храбрость, предупредив нас,однако, воздерживаться от желанія слѣдовать его примѣру и пригрозив, что подобные "бѣглецы," в случаѣ поимки, будут наказаны со всей строгостью, вплоть до исключенія из корпуса. Несмотря на подобную и серьезную угрозу, все же было еще нѣсколько побѣгов на фронт. Никого из сбѣжавших не поймали и о дальнѣйшей судьбѣ их мы болѣе ничего не слышали. Должен отмѣтить, что главным мотивом к побѣгу было не столь свойственное нашему возрасту "исканіе приключеній," сколько горячее чувство любви к родинѣ.

Патріотизм, охватившій в началѣ войны всю Россію, по всей вѣроятности, нигдѣ не находил такого искренняго выраженія как в Москвѣ. Несмотря на то, что,как истинный военный, я никогда не любил толпу и вообще всякія сборища и нестройныя скопища народа, московскія манифестаціи поражали меня грозной стихійностью и мощью. Кто из нас мог тогда подумать, что эти самые люди, несшіе иконы, портреты Царя и русскіе національные флаги, всего лишь нѣсколько лѣт спустя, превратятся в тот обалдѣлый революціонный пролетаріат, которым воспользуются чуждые Россіи по духу и по крови люди,чтобы закабалить эту великую страну.

Событія на фронтѣ живо обсуждались и по большой картѣ мы слѣдили за движеніем войск, обозначая линію фронта флажками. Первые неудачи на Мазурских озерах и под Танненбергом охладили пыл, почувствовалась вся вся тяжесть войны и всѣ поняли,что она не будет кратковременной.

Начавшійся, при таких необычайных условіях, четвертый учебный год, в общем, протекал нормально и только появленіе все возрастающаго количества раненых напоминало о войнѣ. Как бы сознавая всю серьезность положенія мы учились с особенным рвеніем и старались вести себя как взрослые, находясь уже во второй ротѣ. Наш милѣйшій "Сапог," незабвенный отдѣленный офицер-воспитатель Николай Петрович Ревишин, направился из Варшавы в Сердобск, куда был назначен воинским начальником. Его смѣнил капитан Реммерт, который вел наше отдѣленіе до окончанія корпуса. Он был чрезвычайно молчаливый и замкнутый человѣк,но жили мы с ним дружно. Мнѣ было очень интересно читать свѣдѣнія о нем, данныя в №3 сборника "Суворовцы" из письма Н.В.Главацкаго. Не менѣе интересна была помѣщенная там же замѣтка о Суворовцѣ Новицком, с которым в Варшавѣ я сидѣл цѣлый год на одной партѣ. Живы ли они еще?..

Первое полугодіе промчалось очень быстро и нас распустили на Рождественскія каникулы, которыя я провел дома. Жили мы недалеко от корпуса в домѣ принадлежавшем совершенно обрусѣвшему нѣмцу, который, все же как сохранившій германское подданство, был выслан со всей своей семьей в Вологодскую губернію. Дом был бревенчатый, двух-этажный с верандой и водопроводом.

Во время Рождественских каникул было сдѣлано одно очень важное рѣ-

шеніе, которому, волею судьбы, не суждено было осуществиться. Завѣтной мечтой моего отца было, чтобы я пошел по стопам покойнаго дяди, инженера-механика Императорскаго Балтійскаго флота. К этому у меня была склонность и способности. Послѣ окончанія 4-го класса, выказав соотвѣтствующія познанія, особенно по математикѣ и рисованію, можно было переходить в Морской Корпус. Чтобы дать мнѣ возможность основательнѣе подготовиться, отец рѣшил сдѣлать меня "приходящим" и предоставил свой кабинет и библіотеку в мое полное распоряженіе. Это конечно сказалось с одной стороны в том, что, продолжая все время идти первым,я кончил 4-й класс со средним баллом почти одиннадцать. С другой стороны, уходя послѣ занятій домой и проводя всѣ отпускные дни дома, я с теченіем времени все больше и больше удалялся от корпусной жизни,во всѣх ея иных проявленіях, кромѣ учебной части. Когда же приближалось время начать хлопоты о переводѣ в Морской Корпус, то по настояніям матери, но не мѣняя своего основного рѣшенія, отец постановил отложить мой перевод до окончанія Суворовскаго Корпуса с тѣм - чтобы послѣ этого я поступил прямо в спеціальный класс Морского. Дальнѣйшее развитіе событій показало как мудро поступили тогда мои родители.

22-е матра 1915 года, день капитуляціи Перемышля, был отмѣчен тѣм, что "блестящій", как мы прозвали нашего командира 2-й роты полковника Николая Яковлевича Навроцкаго, признес перед выстроенной ротой рѣчь, которая была покрыта громовым "ура!" По случаю этого радостнаго событія послѣ завтрака занятій не было и желающіе могли пойти в город.

Первый учебный год в Москвѣ прошел как то особенно быстро. Объясняется ли это рѣзкой перемѣной всей нашей жизни, или же новизной окружавшей нас обстановки, или,быть может,мѣнявшимися быстро событіями на театрѣ военных дѣйствій, я не знаю. Во всяком случаѣ третья и четвертая четверти пролетѣли незамѣтно и в маѣ начались экзамены, которых, по опыту прошлаго года, мы побаивались. Вѣдь главным образом из за обилія провалившихся, при переходѣ из 3-го класса в 4-й, из трех отдѣленій, состоявших почти из 90 кадет, образовали только два отдѣленія 4-го класса, сократив личный состав почти на половину. Ловчилы и болѣе слабые в науках хотя и надѣялись, что быть может экзамены будут на сей раз полегче, т.к.офицеры вѣдь на войнѣ нужны, все же зубрили, как говорится,"во всю ивановскую!" Это выраженіе у нас кадет звучало немного иначе, ибо эту мысль мы передавали словами "до отупѣнія", умышленно мѣняя в "отупѣніи" вторую букву. Экзамены прошли сравнительно благополучно и нас распустили на лѣтнія каникулы. На это же время отец мой был назначен в штаб начальника дивизіи,генерала Сила-Новицкаго, завѣдывавшаго и Ходынским военным лагерем, гдѣ производилась усиленная подготовка запасных для пополненія фронта. С разрѣшенія генерала, я провел нѣсколько недѣль в лагерѣ с отцом и за это время смог познакомиться со всѣми условіями жизни русскаго строевого солдата. Чрезвычайно интересным было также ознакомленіе с Московской военной радіо станціей на Ходынкѣ, куда меня взял с собой однажды отец,командированный для производства повѣрки хозяйственной части станціи. По дополнительному микрофону я собственными ушами слышал передачу сводки из штаба Верховнаго Главнокомандующаго; видѣл также как передаются радіо-телеграммы. Симпатичный молоденькій поручик-радист дал мнѣ очень понятныя и цѣнныя объясненія о работѣ станціи.

1915/16 учебный год начался своевременно и очень дружно. Мы были в 5-м классѣ и "держали равненіе" на 1-ю строевую роту.

Важнѣйшим событіем этого учебнаго года несомнѣнно было посѣщеніе корпуса Государем Императором, прекрасно описанное С.В.Нитц в №5 сборника "Суворовцы." Я не мог читать его строк без глубокаго умиленія и тяжелый вздох грусти, вырвавшійся из моей груди, постепенно уступил мѣсто другим, болѣе отрадным мыслям. Мнѣ было пріятно и радостно установить, что мы, Суворовцы, в разсѣяніи сущіе, не только думаем,но и чувствуем одинаково. Честь и слава нашему дорогому Корпусу,объединив-

шему нас таким крѣпким, неразрывным кольцом. Хвала и низкій поклон всѣм преподавателям и воспитателям, сумѣвшим влить в наши, тогда юныя и восприимчивыя, души это глубокое чувство дружественной спайки. Мы, Суворовцы, как родные братья, памятуя об этом и дѣлая честь нашему корпусу, должны всегда свято и бережно хранить это благородное чувство искренней дружбы.

Варшава пала 4-го, крѣпость Новогеогіевск, нам всѣм так хорошо знакомая, 20 августа 1915 года. Враг глубоко врѣзался в границы Россійской Имперіи и линія фронта проходила приблизительно от Риги через Двинск - Пинск - Дубно и Черновицы. Ощущалоя недостаток снарядов и все болѣе замѣтной становилась нехватка винтовок. Гордость и украшеніе нашей I-й роты - укорочнныя винтовки драгунскаго образца были взяты для дѣйствующей арміи и были замѣнены длинными, тяжелыми, на первый взгляд казавшимися неуклюжими - берданками. Эта перемѣна хуже всего отразилась на низкорослых кадетах - лѣвофланговых. Когда они шли в отпуск, то на них длинные и тяжелые берданочные штыки были похожи больше на палаши, вродѣ тѣх, которые носились в Морском корпусѣ. Были ловкачи, сумѣвшіе раздобыть себѣ штыки трехлинеек, чѣм они очень гордились. Носить эти штыки, в отпускное время, не запрещалось, но на дежурствах всѣ должны были носить штыки от берданок.

В общем, пятый учебный год проходил нормально, несмотря на, до нѣкоторой степени, подавленное настроеніе из за неудач на фронтѣ и довольно существенныя перемѣны педагогическаго и воспитательскаго состава. Статскіе преподаватели переходили в другія московскія учебныя заведенія; воспитатели же - либо переводились в другіе корпуса, либо уходили на фронт. Значительныя перемѣны начальствующих лиц в сильной степени на измѣненіе общаго настроенія корпуса. Закончился же учебный год сравнительно спокойно. Прошла страдная пора экзаменов, послѣ которых мы, как обычно, разъѣхались на каникулы.

1916-1917 учебный год начался в достаточно подавленной атмосферѣ. Первое полугодіе, с грѣхом пополам, прошло, но послѣ возвращенія с Рождественских каникул положеніе становилось болѣе зловѣщим. Предреволюціонныя настроенія начали проникать в стѣны корпуса. Вольнодумства не было; наоборот всѣ становились болѣе и болѣе угрюмыми и молчаливыми, как начальствующія лица так и кадеты. Разсужденій на политическія темы не происходило. Мы все же в I-й строевой ротѣ, дисциплина в которой, поддерживаемая "капралом," дорогим покойным ротным командиром, полковником Еременко, была суровѣе чѣм в других ротах; дисциплинарныя наказанія строже. Тѣм не менѣе, под вліяніем общих событій, все же стала проявлять себя извѣстная недисциплинированность. Случаи "обкладки" дежурных воспитателей и устройства "бенефисов" преподавателям участились; характер их, из полу-шутливаго полу-безобиднаго, измѣнился, к сожалѣнію, в болѣе дурную и обидную сторону. Появилась "новая мода" устраивать что то вродѣ забастовки, отказываясь всѣм классом писать письменную работу. Были одиничные случаи открытаго неповиновенія, которые наказывались очень строго. Нѣсколько кадет было исключено из корпуса. Карцер всегда был полон и попасть туда можно было только "по очереди!" Питаніе, по сравненію с Варшавой, хотя и немного ухудшилось, но было достаточным. Еще давались, хотя и такія вкусныя, пирожныя и неизмѣнныя котлеты.

Февраль 1917 года подходил к концу и все как то внезапно оборвалось... Началась "безкровная февральская," за которой послѣдовало отреченіе Государя Императора от Престола, затѣм временное правительство и керенщина.

В связи с потрясающими событіями, конец шестого учебнаго года и экзамены прошли чрезвычайно тревожно.

С возрастающим напряженіем всѣ ждали, что предстоящее Учредительное собраніе успокоит эту, стихійно разбушевавшуюся, бурю и вернет страну и ея жизнь в болѣе нормальныя и почныя формы. Но всѣ эти ожиданія и

надежды были тщетными. Общее положеніе, вмѣсто улучшенія, все быстрѣе и быстрѣе ухудшалось.

Лѣтнія каникулы я проработал на гранато-гильзовом заводѣ, открытом во время войны при мануфактурной фабрикѣ Эмиля Циндель. Сначала рабочим у станка, а затѣм помощником табельщика. Работали мы в три смѣны и так как фабрика была расположена от Сокольников сравнительно далеко, то я нанял себѣ комнату в Кожевниках. Работая на заводѣ и проживая в рабочем кварталѣ Москвы, я мог хорошо познакомиться с жизнью русскаго рабочаго и наблюдать за настроеніем рабочих и отношеніем их к революціи.

1917-1918 - седьмой и послѣдній год нашего рокового выпуска протек в необычайных, очень тревожных и чрезвычайно тяжелых условіях. Жизнь стала какой то мимолетной; жили как бы только сегодняшним днем, пребывая все время в состояніи полной неизвѣстности чѣм и как все это кончится.

В концѣ октября, по старомй стилю, в Москвѣ загремѣли выстрѣлы из орудій, затрещали ружья и пулеметы. В Россіи снова грянул гром, раскаты котораго вот уже сорок лѣт слышатся все яснѣе и отчетливѣе всѣм міром.

Вскорѣ нам приказали сдать винтовки и снять погоны, которыми мы так гордились, и которые раньше снимались как позорная мѣра наказанія за особо тяжелые проступки.

Генерал-лейтенант Ваулин исчез и вмѣсто директора вѣдал всѣми дѣлами и распоряжался комиссар Цвѣтков, которому с особым усердіем помогал, сильно себя уронившій в глазах кадет, подполковник Б.А.Раздеришин.

По Москвѣ вновь стали сновать нестройныя толпы "передового революціоннаго пролетаріата". Какой контраст они представляли в сравненіи с патріотической манифестаціей, которую я видѣл впервые осенью 1914 г. Вмѣсто икон - кумачевые плаката с многообѣщающими надписями. Вмѣсто портретов Царя - изображенія Маркса и, наконец, вмѣсто русских національных флагов - красныя тряпки, на которых, с теченіем времени, появился знак серпа и молота, смѣнившій государственный герб Двуглаваго Орла, олицетвореніе тысячелѣтняго величія, силы и мощи Россіи.

Учебныя занятія шли с перебоями. Наш 7-й класс на Рождественскія каникулы не распустили. Мы должны были очень усиленно заниматься для того, чтобы успѣть закончить курс наук для "ускореннаго выпуска".

Наконец, в мартѣ мѣсяцѣ 1918 года настал этот так долгожданный день, который прошел сѣро и обыденно. Не было ни торжественной выдачи аттестатов, ни выбора вакансій в военныя училища, большинство которых было закрыто. Ни подъема, ни оживленія. Послѣ прочтенія, перед строем, имен выпускных кадет, нам было объявлено, что мы можем получить наши аттестаты в канцеляріи корпуса, и что по сдачѣ казенных вещей, за исключеніем личной одежды /включая мундир, шинель и одѣяло/ мы свободны. День этот, о котором мы так много мечтали, в теченіи семи лѣт нашей юности, оказался не радостным днем, а днем глубокаго траура.

Несмотря на особыя условія нашего выпуска, мы были послѣдніе царскіе кадеты, хотя и сироты, ибо нашего Царя-Батюшки больше не было. Не стало и Императорской Россіи, и вся эта великая и необъятная страна была залита таррором. Перед нами стояло полное ужасов, неизвѣстности и лишеній время, грозность котораго, как бы в предчувствіи, подсознательно занимала мысли юнаго кадета, однажды, в вагонѣ эшелона, покидавшаго Варшаву.

Суворовскій Кадетскій Корпус прекратил свое существованіе, но свѣтлая память о нем живет и будет жить вѣчно в душѣ каждаго Суворовца.

Так печально закончился XIII роковой и послѣдній выпуск.

Н.Корьюс /XIII выпуска./

Из архива. Из письма Ф.Г.Цевловскаго /XII выпуска/. "Директором был генерал-лейтенант Ваулин; инспектором классов - генерал-майор Салатко-Петрищев; командиром I-й роты полковник Еременко. Отдѣленные офицеры-воспитатели: I-го - подполковник Теплов; 2-го - шт.-капитан Калмыков; 3-го - капитан Ремерт. Выпуском был возстановлен "юнкерскій комитет", руководившій традиціями. Предсѣдателем его был Алферов; члены: Сидорович, Двигубскій, Зинна и Цевловскій. Послѣ начала революціи, по предложенію директора Ваулина, был выбран представителем кадет Ф.Цевловскій, с замѣстителями - С.Руссов и Зинна. Условія, в которых кончал наш выпуск, значительно отличались от нормальных и привычных. Выпуск был дружен. Твердо осталась в памяти рѣдкая товарищеская поддержка друг друга, от самых маленьких до самых больших, в тяжелые дни в Москвѣ".

---o---

Письмо в редакцію. "В нашем послѣднем №10, в очеркѣ Н.А.Корьюса, есть неточности, которыя я, как бывшій тогда в 6-м классѣ,хочу и исправить.

На стр.30 он пишет, что 26 августа, в годовщину Бородинской битвы, был парад всего корпуса на плацу I-й и 4-й рот. Был ли там парад,я не знаю. Но утверждаю, что I-я рота принимала участіе в парадѣ гарнизона около собора. Забыть этого нельзя. Мой класс только что перешел в I-ю роту и нас, за десять дней, срочно, пользуясь каждым свободным уроком, которых в началѣ года бывало порядочно, приготовили к параду.Конечно, только нужные пріемы для этого, нашего перваго, выступленія с винтовками. Жучили нас здорово. Конечно, мы ходили с оркестром музыки; про знамя - утверждать не могу.

Парад был не блестящій. Гвардіи не было; она была на маневрах, что мнѣ потвердил письмом бывшій полковой адъютант Л.Гв.Кексгольмскаго полка. Лѣвѣе нас стоял 7 пѣх.Ревельскій полк, пришедшій в Варшаву для несенія караульной службы, вмѣсто отсутствовавшаго, на маневрах, постояннаго гарнизона. Поэтому не могли солдаты гвардейских кавалерійских и пѣхотных полков украшать своим видом улицы города, в парадных формах; они отсутствовали. Да и было это 26 августа; форма парадная - лѣтняя - гимнастерки. Не блестящая.

На стр.32, Николай Артурович пишет, что в день 300-т лѣтія Дома Романовых, послѣ молебна, был парад в Бѣлом залѣ с выносом Знамени. Парад мог и быть, но без I-й роты и Знамени, ибо I-я рота ходила на парад к собору. Забыть это тоже трудно, потому что I-ю роту задержали на день-два от роспуска на масленицу; из за участія в парадѣ, я не мог поѣхать домой.

Как участник этих двух юбилейных парадов, могу еще напомнить,что мы в глубинѣ души мечтали о медалях, пріуроченных к этим торжествам. Мечты, кадетскія, мечтами и остались. Московскіе корпуса получили медали; они были на Бородинском полѣ,/к нам перевелся Переслени с медалью/,а за Романовскія торжества были награждены ими лишь состоявшіе на дѣйствительной службѣ, и вообще на государственной. Так и пропала даром гонка в приготовленіи нас к параду Бородинскому и два дня отпуска по случаю Романовскаго парада."

Н.Витте /IX выпуска./

---o---

Добавить к списку Георгіевских кавалеров:
XII выпуска ГЕМПЕЛЬ Леонид - Георгіевскій крест 4-й степени.

---o---

Согласно полученным от Суворовцев данным, вносятся слѣдующія исправленія и дополненія к выпускным спискам.

I выпуск. АКИМОВ Глѣб - перенести в 3-е отдѣленіе.
БОРОДИНСКІЙ Николай - Николаевское Инженерное Училище.
ГОФМАН Владимир - Николаевская Военная Академія.
БОРОДАЕВСКІЙ Михаил - Сибирскій стрѣлок.

I выпуск. САДИКОВ Сергѣй - Константиновское Артиллерійское Училище.
ГИРШФЕЛЬД Николай - Николаевское Инженерное Училище, Л.Гв. I Стрѣлковый полк.

II выпуск. БОГУШЕВИЧ Константин - Никол.Инж.Уч. Л.Гв. I Стрѣлковый полк. Убит в I Вел.в.
ГЕЙМАН Петр - Л.Гв.Волынскій полк.
ВРУЦЕВИЧ Геннадій - 6 уланскій Волынскій полк.
ПЕТРОВ Владимир - добавить к списку. Никол.Инж.Уч. Застрѣлился в 1908 г.

III выпуск. ЛИМАНТОВ - кавалерія.

IУ выпуск. СЕМЕНОВ Николай - убит не в Крыму,а на Сѣверном фронтѣ генерала Миллера.
ПЕТЕРС Николай - Елисаветградское Кавалер.Училище, а не Николаевское.

У выпуск. БАЛК Евгеній - не 13 уланскаго Владимирскаго полка,а конно-артиллерист.
МОЖАРОВСКІЙ - добавить к списку I отд.У вып./а не УII в./
ПАСЫНКОВ Петр - 15 гусарск.Украинскій полк. Убит в I В.В.
ШРЕЙДЕР Павел - Николаевское Кавалерійское Училище.
ГОЛУБЕНКО Михаил - из 2 или 3-го класса перевелся в Симбирскій Корпус.

УI выпуск. ШРЕЙДЕР Димитрій /а не Александр/ - Константин.Артил.Уч. Л.Гв.3 артил.бригада.

УII выпуск. ПЛОТТО Александр - не Никол.Кав.Уч.,а Константин.Учил.
САХНОВСКІЙ - выбыл в 1910 году.
ЧЕРНАВИН Николай - добавить к списку.

УII или УII выпуск. РОЗЕНШИЛЬД-ПАУЛИН Владимир - Пажескій Корпус. Л.Гв.Преображенскій полк. Убит в 1919 году под Кіевом.

X выпуск. ЛЕОНТЬЕВ Владимир - убит в бою с партизанами в Русском корпусѣ.
ПИНЕГИН - убит под Кичкасом в 1919 году.

XI выпуск. ГАВРИЛОВ Феодосій - ушел добровольцем на войну в 1914 году и убит под Лодзью.
ГЕНЗЕЛЬ - добавить к списку 2-го отдѣленія.
ГАВРИЛОВ Владимир /сын эконома/ - был в Варшавѣ.В Москвѣ его не было.
ЭСМОНТ Николай - не Констант.Артил.Уч.и 3 гвард.бригада,а Павл.Воен.Уч.и Л.Гв.Литовскій полк.
СМИРНОВ Петр - из 5-го класса исключен с переводом в другой корпус.

XII выпуск. ЛОБКО-ЛОБАНОВСКІЙ Владимир - добавить к списку.
КОЛОСОВ /Михаил -?/ - добавить к списку.
ЭСМОНТ Александр - Павловск.Воен.Уч.Л.Гв.Литовскій полк.
КОЧЕРГА Георгій - убит под Усть-Лабинской /а не Усть-Медвѣдицкой/.
ЛОБАНОВ Борис - Александровское Воен.Уч. Убит при оборонѣ Кремля в 1917 году.
ЖОЛТКЕВИЧ Сергѣй - убит под Маріуполем в 1919 году.
КАЛАКУЦКІЙ
ПИЧУГИН
СЕМЕНОВ
КУНДИН
ВЕНСОВИЧ - всѣ 5 Константиновское Артиллерійское Училище.

---o---

Из архива Объединенія.

Копія.

1741
Государственный
орел.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАЯ, ДЕРЖАВНѢЙШАЯ
ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА
ЕЛИСАВЕТ ПЕТРОВНА,
САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ

Бьет челом недоросль Александр Васильев сын Суворов, а о чем тому слѣдует пункт

I

Понеже я в службу Вашего Императорскаго Величества еще нигдѣ не-опредѣлен - к сему прошеніе

2

А имѣть бы я желаніе служить Вашему Императорскому Величеству Лейб Гвардіи в Семеновском полку
/Александра/
и дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом повелѣ-но было меня именованнаго опредѣлить в означенный Семеновскій полк солдатом.
/Суворова/

Это прошеніе 22 октября 1742 года подал в канцелярію Л.Гв. Семеновскаго полка, на имя Императрицы Елисаветы Петровны, недоросль Александр Васильев сын Суворов.

Переснято с подлинника в Нью Іоркѣ, в библіотекѣ, из книги "ИЗ ПРОШЛАГО" - Историческіе матеріалы Л.Гв.Семеновскаго полка СПБ.1911 г.
Дар б.Семеновца Виктора Ивановича Мѣщанинова.
Переснимок находится в ящикѣ №I архива Объединенія Суворовцев.

Дополнительно к выпускным спискам.
X выпуск. КАРПЕНКО - не был в 9 уланск.Бугском п.
ПРИСЕЛКОВ Алексѣй - не был в Тверском Кавалер.Учил. В 1914 г.ушел добровольцем на войну.Во время ночной атаки,у Ленчицы, ранен и взят в плѣн.Из плѣна вернулся,прибыл в Добров.армію и зачислен в Волынскій уланскій эскадрон.
XII выпуск. СЛАНСКІЙ - добавить к списку.

---o---

Суворовцы в 9 уланском Бугском полку:
ДРИНЕВИЧ Сергѣй - до I Вел.В.
ЯВЛЕНСКІЙ Димитрій - с 1914 года.
ФРЕЙ Борис - во время Гражданской войны.
ПИНЕГИН - короткое время; убит под Кичкасом.
ЖОЛТКЕВИЧ Сергѣй - в формѣ юнкера Елисавтгр.Кав.Уч.Убит под Маріуполем.
РОГОЖИН - в формѣ Суворовскаго Корпуса. Вѣроятно из кадет послѣ XIII выпуска.

---o---

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И ОСВѢДОМЛЕНІЕ.

Заканчивая печатаніе настоящаго сборника, я хочу предупредить всѣх членов нашего Объединенія, что я не в состояніи, по многим причинам, продолжать дѣло дальнѣйшаго изданія.

Ко мнѣ поступает не мало писем с выраженіем пожеланій не прекращать изданія, находя, что оно служит не только сборником воспоминаній о корпусѣ и о былом, но и связью членов Объединенія, разсѣянных волею судьбы по всѣм частям свѣта и многим странам.

Я понимаю эти пожеланія, но так как я лично не могу продолжать это дѣло, то, от имени членов семьи Суворовцев, обращаюсь с призывом к тѣм - кто пожелает взять на себя этот труд.

За помощь мнѣ, ранѣе оказанную в дѣлѣ изданія, я приношу глубокую и искреннюю благодарность, дорогим - Аннѣ Родіоновнѣ Лобан и Константину Владимировичу Соколову, а за помощь в этом послѣднем выпускѣ приношу такую же - дорогому Сергѣю Викторовичу Нитц.

Также искренно благодарю всѣх членов Объединенія, давших свои очерки и всѣх принесших вклыды, снимками и документами, в наш сборник.

В заключеніе могу повторить просьбу Суворовцев - продолжать изданіе нашего сбрника "СУВОРОВЦЫ" и сообщить кто желает взять в свои руки это дѣло.

Если же, по каким либо причинам, не найдется сил среди Суворовцев для дальнѣйших выпусков своего сборника, то мысль моя идет к тому - что членам нашего Объединенія слѣдует и необходимо поддерживать наш единственный военный, зарубежный и прекрасный журнал "Военная Быль", издаваемый Обще-Кадетским Объединеніем в Парижѣ, под редакціей его предсѣдателя Алексѣя Алексѣевича Геринг, посылая туда свои очерки и воспоминанія о былом.

А.Потапов.

И З Д А Н І Е О Б Ъ Е Д И Н Е Н І Й Б.К А Д Е Т

С У В О Р О В С К А Г О К А Д Е Т С К А Г О К О Р П У С А

/На правах рукописи./

А П Р Ѣ Л Ь 1 9 5 9 Г О Д А.

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Надо
6	сверху I0	шевскія	шефскія
I0	" I0	характера характера	один раз это слово
I2	" 26-27	поружены	погружены
I4	" I9	генерол	генерал
I4	снизу 5	нлчь - - - - - - - - -	ночь
22	сверху I8	приэтом	при этом
35	" 22	снею - - - - - - - - -	с нею
35	снизу I5 /лѣв.столб./	не - - - - - - - - -	на
38	сверху I	дѣло	ДѢЛОМ /мал.буквы./
50	" I6	бытареи	батареи
5I	" 2I	оруженіе	окруженіе
53	" I5	случаюнагражденія	раздѣлить слова
54	" 2I	признес	произнес
55	" I2	укорочнныя	укороченныя
55	" 26	- - - - - - - - - -	послѣ слова степени вставить "вліяли"
56	" I6	старомй	старому
56	снизу 7	таррором	террором

--------o--------

"С У В О Р О В Ц Ы"

Журнал Об'единений Суворовского Кадетского Корпуса.

№ 13. П а р и ж. Март 1963 года.

Издатель:
N.V.Glavatsky,
6,rue Voisembert,
ISSY-LES-MOULINEAUX (Seine)
France.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Милые Суворочки и дорогие Суворовцы, поздравляю Вас с Великим Праздником Воскресения Христова. Желаю Вам и Вашим семьям здоровья и благополучия.

Многие годы мы встречаем этот красивый русский Праздник на чужбине, но нигде он так не празднуется, как праздновался у нас на нашей Родине.

Я верю, что все-же придет тот радостный момент, когда мы будем христосоваться на нашей земле. Так вот, я желаю, чтобы мы все дожили до этого прекрасного момента.

К счастью, никаких печальных перемен в жизни Об'единений за это время не произошло.

Суворочкам целую ручки, Суворовцев обнимаю.

Н. Главацкий.
Председатель Об'единений.

В сборнике "Суворовцы" № 11-12, в заключении и осведомлении, я известил наши Об'единения, что, по многим причинам, не в состоянии продолжать издание. Сообщил также о поступлении многих писем с пожеланиями и настойчивыми просьбами не прекращать издание сборника, так как он служит не только собиранию воспоминаний о дорогом нам Корпусе и о былом, но и связью членов Об'единения. Тогда же я повторил просьбу членов Об'единений Суворовцев и свою продолжить издание сборника.

Просьба не осталась без ответа: наши дорогие однокашники, Николай Владимирович Главацкий и Геннадий Модестович Гринев, решили не дать заглохнуть живому слову Суворовцев и всех нас обрадовать выпуском очередного сборника, верного заветам старых кадет.

Уверен, что все члены Об'единений Суворовцев дружно, в отношении сотрудничества и распространения, поддержат свой сборник. Я лично искренне приветствую возобновление издания и от души желаю дорогим Николаю Владимировичу и Геннадию Модестовичу здоровья, благополучия и успеха в этом хорошем кадетском деле.

Март 1963 г.

А. Потапов.

Дорогой Суворовец,

Итак, созданный инициативой Н.В.Главацкого, перед Тобой лежит № 13 нашего журнала. Как Тебе известно, первые 12 номеров, равно как и юбилейный Сборник, были выпущены после второй войны в, иногда казалось бы, невозможных условиях А.Н.Потаповым, здоровье которого затормозило этот самоотверженный труд. Центр нашей кадетской жизни был опять перенесен в Париж и журнал решено было продолжать. В своем послесловии к юбилейному Сборнику 1949 года наши инициаторы говорили о сборе материалов о Корпусе. Нам сейчас, в 1963 году, думается, что, за исключением очень немногих, каждый дал свою лепту воспоминаний о кадетской жизни и мало материала осталось не напечатанным в этих 12 номерах, блестящих по содержанию и по внешнему виду.

Но, вылетая из своего гнезда, Суворовцы оставались таковыми, неся форму юнкера, пажа или офицера. Они рассеялись по всей великой России от восточного меридиана Орденского драгуна Пинегина, где-то в Пограничной страже необ'ятной Сибири, до западного Малороссийского драгуна Михайловского в Калише. Тоже произошло и по широте от Фельдмана в финском Вильманстранде до Потапова и Толпыго в Тифлисе. Жизнь Суворовцев в училищах и воинских частях мирного времени, иногда серьезная и тяжелая, иногда веселая и, может быть, даже несколько легкомысленная, нам-старикам сейчас очень интересна, а в нашей, идущей к закату, жизни и погрустить и посмеяться не повредит. Поэтому мы просим присылкой статей осветить этот период жизни Суворовцев перед войной.

Наступила война, потом ..., но что потом случилось, мы все по сей день чувствуем. Здесь Суворовцам пришлось держать тяжелый экзамен на аттестат государственной и воинской зрелости. И этот экзамен был выдержан честно, открыто и достойно нашего великого имени. Поведение Суворовцев в последующих войнах представляет интерес для каждого из нас. Пиши и об этом периоде нашей жизни.

Читать и изучать эти материалы будет историк уже тогда, когда мы в Великой Армии Господа Бога будем плотно стоять за нашим Шефом, но нашу связь с Шефом этот историк должен будет почувствовать и понять.

Поэтому мы выпускаем этот 13-й номер, зная, что Ты нас поддержишь.

Редакция.

СУВОРОВСКОЕ ЗНАМЯ.

Отступать ... И замолчали пушки,
Барабанщик-пулемет умолк.
За черту пылавшей деревушки
Отошел Фанагорийский полк.

В это утро перебило старших
Офицеров, командир сражен,
И совсем молоденький поручик
Наш четвертый принял батальон.

А при батальоне было знамя,-
И молил поручик в грозный час,
Чтобы небо сжалилось над нами,
Чтобы Бог святыню нешу спас.

Но уж слева дрогнули и справа,-
Враг наваливался, как медведь...
И защите знамени со славой
Оставалось только умереть.

И тогда,- клянусь, не мало взоров
Тот навек запечатлело миг!-
Сам Генералиссимус Суворов
У седого знамени возник.

Был он худ и с пудреной косицей,
Со звездою был его мундир.
Крикнул он:"За мной, Фанагорийцы!
"С Богом, батальонный командир!"

И обжег приказ его, как лава,
Все сердца: святая тень зовет!
Мчались слева, подбегали справа,
Чтоб, сомкнувшись, ринуться вперед...

Ярости удара штыкового
Враг не снес: мы ураганно шли!
Только командира молодого
Мертвым мы в деревню принесли.

И у гроба,- это вспомнит каждый
Летописец жизни полковой,-
Сам Суворов плакал: ночью дважды
Часовые видели его.

Арс.Н.

Судьбы Суворовцев.

	1 вып.	2 вып.	3 вып.	4 вып.	5 вып.	6 вып.	7 вып.
Выпущено:	80	84	86	79	88	84	79
Паж.Корпус		2	1	1	4		1
Павл.В.У.	3	5	1	6	4	5	7
Алекс.В.У.	5	6	2	6	6	3	6
Киев.В.У.	8	1		6	1	2	4
Вил.В.У.							3
Мих.Арт.У.	4	6	4	7	7	3	5
Конст.А.У.	9	10	2	5	3	5	2
Ник.Инж.У.	9	4		5	2	2	4
Ник.Кав.У.(э)	8	2	5	2	3	3	7
Ник.Кав.У.(с)		2		1	1		
Елис.Кав.У.	6	8	6	2	1	6	8
Твер.Кав.У.					1	1	
Морск.Корп.	5		4	4	2	2	1
Роды оружия:							
Пехота	2	8	6	2	4	5	
Артиллерия	3	1	4	4	1	3	1
Кавалерия		2	2	2	5	2	
Инж.войска	1	1		1			
Фельд.Корп.			1				
На сторону	1	7	4	2	4	6	3
Неизвестно	16	19	44	23	40	36	27
Награждено:							
Орд.Св.Георгия	3	2	1	4	2		
Георг.Оружием	2	2	3	2	2	2	2
Орд.Св.Николая		1	1				
Убито:							
Вел.война	3	5	1		6	1	5
Гражд.война	2	5	2	6	4	2	4
Умерло:							
в мирн.время	3	1	1	1	1		
в эмиграции	2	3	1		3	4	2

(см.стр.5)

	8 вып.	9 вып.	10 вып.	11 вып.	12 вып.	13 вып.
Выпущено:	52	76	60	56	83	60
Паж.Корпус	1	1				
Павл.В.У.	6	10	6	5	1	
Алекс.В.У.	4	10	7		1	
Киевск.В.У.	4	3				
Мих.Арт.У.	5	7	7	6		
Конст.Арт.У.	8	9	7	8	11	
Ник.Инж.У.	4	6	3	2		
Воен.Топ.У.			1			
Ник.Кав.У.(э)	3	3	4	3		
Ник.Кав.У.(с)	1	1		1		
Елис.Кав.У.	6	12	10	9	10	
Твер.Кав.У.	2		4	1		
Морск.Корпус	1	4		2	1	
Роды оружия:						
Пехота					4	2
Артиллерия				1		
Кавалерия			2	2	2	
На сторону	4	7	3	2		
Неизвестно	2	2	5	12	52	58
Награждено:						
Орд.Св.Георгия	1	2				
Георг.Оружием			1			
Орд.Св.Николая			1			
Георг.крестом					2	4
Георг.медалью					4	3
Убито:						
Вел.война	3	5	1			
Гражд.война	3	5	6	2	10	
Умерло:						
в [illegible]	2	8	3	1		1

Составлено одним из самых энергичных членов нашего Об'единения Н.М.Витте по данным из наших журналов и переписки. Данные эти далеко не полны и автор просит подвергнуть их тщательной проверке и, по возможности, дополнить недостающее.

Всего наш родной Корпус дал России в своих 13 выпусках 967 человек, из коих только по нашим неполным сведениям 82 было убито в обоих войнах, а сколько их было в действительности "только Ты, Господи, веси".

В Восточной Пруссии.

Август 1914 года. После первой ночевки на немецкой территории в городе Нейденбург Артиллерийская бригада была придана подивизионно пехотным бригадам.

Колонны выступили в 1 ч.дня из города в западном направлении на Алленштейн. Прошли несколько километров от Нейбурга по чудному немецкому шоссе, что очень почувствовалось после наших песчаных дорог, по слегка волнистой местности, кой-где пересекая линии железных дорог с аккуратными станционными постройками, или переходя через ручейки, которые текут не туда, куда они хотят, как у нас, а протекают там, где им положено орошать поля и огороды. В эти чудные дни природа как-бы притаилась, нет буйного роста зелени ... плоды начинают зреть. Даже птички как-то успокоились, выводки еще не научились петь, а старое поколение отдыхает после хлопот и забот о своих детеньшах. Эту красоту и война не изменила.

В 4 часа дня наши правые пехотные заставы были обстреляны ружейным огнем. Колонны остановились и начали разворачиваться в боевой порядок. Всё зашевелилось, отдельные всадники поскакали с приказаниями в разные стороны, батареи на рысях выехали вперед и заняли позиции. Немцы открыли орудийный огонь. Бой начался. Как-то странно было видеть наших пехотинцев, идущих цепями, а над ними белые облачки разрывов шрапнели. Штаб дивизии медленно двигался за цепями. К вечеру стрельба начала стихать. Темнота опустилась на землю и бой затих. Штаб дивизии заночевал в лесу на дороге в 2 км.от дер.Лана, которую атаковала наша пехота.

Будучи ад'ютантом Артиллерийской бригады, я был с моим командиром при штабе пехотной дизии. Здесь, кроме чинов штаба, были конные ординарцы и пешая связь от полков дивизии. Группа была довольно многочисленна. По молодости лет я скакал целый день с приказаниями и без всяких приказаний,- первый же бой! Все мне казалось незнакомым и мне, конечно,"надо" было везде побывать и все видеть! Вечером, доложив о всем виденном командиру бригады, я лег в придорожную канаву и моментально крепко заснул. Проснувшись утром, я сразу не мог мообразить где я, лежу на чем-то твердом, укрыт с головой и что-то теплое около меня. Сознание начинает работать и я прихожу в себя: да ведь я-же на войне! В это время около меня что-то зашевелилось и, я вижу, из-за моего плеча поднимается круглое улыбающееся лицо настоящего русского парня, на погоне цифра "32" (Кременчугский пехотный полк)."Как это ты очутился около меня?" - спрашиваю его.

"Вижу это я вчера, что лежите, Ваше Благородие, да спите, ну, думаю, замерзнет Их Благородие утром, так я лег около вас и накрыл вас и себя полотнищем палатки,- так нам теплее будет." "Ну, спасибо, молодец, благодаря твоей заботливости выспался я на славу." "Рад стараться, В.Б." ответил пехотинец и начал скатывать шинель и полотнище.

В какой армии вы найдете такую заботу солдата о совершенно незнакомом ему офицере? - Ни в какой. Это могло быть только в Русской Императорской Армии, где мы были господами офицерами, знали и любили своих солдат и умели их воспитывать. Солдаты же нам доверяли и берегли своих офицеров.

"Вот воинское воспитание, г.г.офицеры, какой восторг!" - - сказал бы наш Шеф, непобедимый Суворов.

Г.Н.

Цирк в Борисоглебске.

Весной 1915 г. в г.Борисоглебск Тамбовской губерии, где была стоянка 6 запасного кавалерийского полка, прихал цирк, - событие черезвычайно важное для населения и, особенно, для многочисленной молодежи запасного полка, питавшего 7 и 11 кав.дивизии и распухшего из своих кадровых 6 эскадронов до 42 эскадронов.

В головном маршевом эскадроне Белорусских гусар были два Суворовца 9 выпуска, Гринев и Любовский, и особенно этого последнего известие о цирке очень заинтересовало. В первое же представление оба они сидели в одной из барьерных лож и Л.особенно интересовался работой на трапециях, а чем интересовался Г., он уже сейчас не помнит. Было много нарядной публики, в том числе офицеров и полковых дам. Обоих их, Г.и Л.,как и всех других молодых в нижних ложах (сидеть там считалось шикарным) обдавало по временам опилками и землей из манежа, но это входило в программу и было даже приятно. Вспоминался цирк Чинизелли в Варшаве, который был, правда, не в шатре, а в солидном каменном здании на Ординацкой, но запах был тот-же, цирковой и конюшенный. В Варшаве офицеры тоже сидели в нижних ложах. Словом было весело и приятно. В антракте нужно было пройти в конюшни, похлопать по крупам лошадей, познакомиться с артистами и артистками и пригласить некоторых из них на завтра вечером на ужин в скромной квартире обоих молодых на Базарной улице, недалеко от цирка. На следующий день Г.,вр.командовавший эскадроном, проезжал мимо

цирка из слободы, где стоял эскадрон, в штаб полка и на завтрак и у входа в цирк увидел "Азбуку", вороную кобылу Л. с вестовым. Оказалось, что Л. в цирке. Когда Г. туда вошел, он увидел распятую сетку, над нею трапеции и на одной из них в белой рубашке, красных штанах и в ботиках Л., который как раз полетел навстречу другой трапеции с артистом, подхватившим Л. за руки и доставившим его на свою стойку. Тогда Г. вспомнил, что Л. был еще в корпусе прекрасным гимнастом и имел даже золотой или серебряный жетон-ромб за гимнастику. После еще нескольких упражнений друзья распрощались с артистами до вечера.

Вечером после представления приглашенные артисты и артистки, преимущественно гимнасты и ездоки, прибыли на ужин на Базарную, где уже был накрыт стол, деньщик Г. Алексей Титыч потел в доломане и белых перчатках, а из передней шел крепкий дух эскадронных песенников."Бал" проходил очень удачно, мешало только то, что на этой людной улице прохожие останавливались у открытых высоких окон дома и слушали не только пение, но разговоры гостей и их хозяев. Тогда Г. приказал песенникам , по возмеожности незаметно, очистить от незванных свидетелей тротуар перед домом, что песенники и сделали с большим рвением и, вероятно, с некоторым удовольствием, т.к. слышны были не протесты, а скорей радостные взвизгивания местных девиц, задетых скорей физически, чем морально, несколько подвыпившими песенниками. "Бал" закончился вполне солидно, т.е.все выпили, сколько могли или хотели, и разошлись по домам.

На следующий день ординарец из штаба полка привез две записки одинакового содержания от ад'ютанта шт.ротм.Говорова прапорщикам Г.и Л. прибыть "по делам службы" к Командиру запасного полка, форма одежды походная. Ничего не понимая, в 11 часов, как раз перед завтраком в собрании, оба явились командиру полка полк.Мациевскому, старому лейб-драгуну. Первым получил Л. несколько дней домашнего ареста за появление в цирке баз кителя."Вас воспитывали для войны и службы, а не для цирка" - были слова грозного на вид, но не особенно строгого полковника. "А вот, что делать с вами, прямо не знаю! Выпустить песенников, как диких зверей, на проходящую жену председателя окружного суда с дочкой, да еще дочку-то, девицу, они, подлецы, помяли! Бибка, пошел вон!" Последнее относилось к старому черно-белому кобелю-спаниелю командира полка. Остальное касалось Г.непосредственно. Было бесполезно оправдываться и что-либо доказывать. Решение командира полка: Г-ву ехать с визитом, с цветами, об'ясняться, извиняться, если нужно, хоть целый день и хоть на коленях, но вымолить прощение, все-равно у кого, у матери или дочери.

От решения дам будет зависеть величина наказания,"может быть прямо отправлю в полк на войну: там вы увидите другой цирк!" После разноса, имея за собой возможность максимального наказания желанной отправки в свой полк на войну, было не трудно поехать с визитом, заехав по дороге в цветочный магазин. Страшно было только в начале, пока пришлось ждать в гостинной. В течении об'яснения дамы оказались умеренно строги, оказывается рассердился папа, который к счастью во время визита был в суде. Он был приятелем командира полка и игрывал с ним в винт. Дамы немного повздыхали и простили. Пригласили бывать, но Г. так впоследствии никогда у них и не был: все побаивался папы. Пришлось просить записку для командира полка, которая потом и была передана Г-м ад'ютанту. Резолюция командира полка:"Сидеть домашним арестом, пока не уедат цирк." А жалко,- в цирке было так интересно! Просидел около недели. В приказе оба наказания отданы не были.

Два вопроса так и остались неразрешенными: действительно ли дамы только проходили мимо и не задерживались, и кто донес "Пупсу", т.е.командиру полка, на Любовского?

Г.Г.

Первая звездочка.

Начавшаяся война 1914 года на месяц сократила летние каникулы и мы вместо 1 Сентября поступили в училища 1 августа. Все было так необычно!

Пишу про свое Александровское Училище. Прибыли мы в лагерь на Ходынку. Сокращенный курс наук, некоторых предметов мы совсем не проходили. По основным - жучили здорово.

На четвертый день пребывания в училище мы перестали уже быть "прикомандированными кадетами", а стали "юнкерами". В этот день мы приняли присягу. Такая спешка была вызвана приездом Царской Семьи в Москву. Отпуск после присяги, три дня отпуска после Императорского смотра. Потом засели без отпусков недели на 3 - 4. Молоды были еще ходить в отпуск! Лекции в бараках, сидя на кроватях; репетиции. Строевые занятия: утром час до лекций, после обеда часа 3-4. Стрельбы, с'емки. Пробыли в лагере до 13 Сентября. Спать было уже холодновато, как и на первом часу утренних занятий. Иногда на вечернюю поверку выходили в шинелях.

Начальство не знало продолжительности нашего курса, вначале говорилось о 8 месяцах, позже выяснилось, что будет всего 4 месяца; 1 октября производство старшего курса в подпоручики. Мы уже на старшем курсе. Прием на младший курс был вдвое больше нормального, в ротах стало до 180 юнкеров. На младший курс принимались до 30-летнего возраста, женатые, было много и с высшим образованием. Мы-же были в 17-19-летнем возрасте. Всего недели 2-3 мы ходили в отпуск в мундирах и безкозырках, но вскоре пришел приказ об установлении походной формы одежды и в ноябре, по снегу и при морозе мы ходили в отпуск в летних гимнастерках и фуражках, конечно, шинели носили в рукава, однако было здорово свежо. На занятия ходили, помимо наших двух двух плацов, в городской манеж в Кремль, где занимались и сторожевой службой ... Подходило и время нашего производства. В какой чин? Уже нам шили офицерское обмундирование в Московском Экономическом обществе. Благодаря его близости к училищу в свободное от репетиций время, после обеда, командами ходили "на примерку". И даже в офицерском отделении еще не знали, какой делать погон. Продавщицы при виде подходящего юнкера, не ожидая вопроса, сами сообщали, что пока погоны без звездочек. Наконец стало известно - одна звездочка будет украшать наш первый офицерский погон! Для некоторых это было конфузом: при переходе на старший курс некоторые юнкера (г.г. офицеры!) рядом со своим кадетским погоном вывешивали в изголовьи кровати и офицерский погон подпоручика. Пришлось это поспешное предположение ликвидировать при косых улыбках соседей - юнкеров младшего класса.

26 ноября была разборка вакансий. Разнообразия было мало: с десяток именных вакансий в гвардию, казаки по своим войскам. Всего было две вакансии в железно-дорожные батальоны, 50-60 вакансий в 13 армейский корпус, формировавшийся в Риге после разгрома в Восточной Пруссии. Десяток вакансий в штаб Минского Военного округа на театре военных действий (эвакуированный Варшавский Военный Округ), куда мне и удалось взять вакансию. Остальные, по 4-5 человек, в запасные батальоны Московского округа, тогда увеличенного: входил в него Харьков и чуть-ли не Крым. Было 2 вакансии в Казанский округ. Окончило нас около 270 человек. 8-10 было произведено по 3 разряду в унтер-офицеры, один по болезни в военные чиновники.

После разборки вакансий занятий уже не было. По утрам ходили в Кремль, в запасный батальон для занятий с молодыми солдатами, и удирали для осмотра Кремлевских соборов. После обеда "примерка" - скрытый отпуск. Накануне производства нас никуда не выпускали, мы получала все свое - офицерское и наряжались.

Настало и 1 Декабря,- день нашего производства ... Телеграмму ждали долго, она пришла около 5 час.вечера, уже при электрическом свете. Прочел приказ и поздравил нас с производством ген.лейт.Яковлев из Глав.Упр.Военно-Учебных заведений, наш бывший Александровец. Громко гремело "ура" молодых офицеров в честь Государя Императора. В тот день, из-за позднего времени, денег нам не дали и мы были отпущены до 12 час.ночи. На другой день в 8-9 час.утра в городском манеже нас и Алексеевцев смотрел Командующий Войсками ген.Сандецкий, а уже после молебна и завтрака с нами был произведен денежный расчет. И господа офицеры раз'ехались по домам, а в части нужно было явиться 6 декабря. Начиналась новая служба ...

В штабе округа в Минске нас продержали несколько дней до получения назначений, но сразу попасть в полки Действующей армии нам не удалось: таково было распоряжение. Я стремился попасть в полк, где служил отец и где я родился,- 70 пехотный Ряжский,но и этому не суждено было сбыться. Запасные батальоны в распоряжении Минского В.О. были расположены даже в Галиции, но я выбрал знакомый мне Люблин, тем более, что там должен был стоять 70 пех.зап.батальон, а в штабе мне сказали, что возможно, что он питает и 70 пех.Ряжский полк. Сведения штаба оказались неточными и мне пришлось вместо Люблина попасть, тоже в знакомую мне Ново-Александрию на р.Висле. В запасном батальоне я, считаясь младшим офицером, фактически был командиром маршевой роты, вернее вел занятия с ней. Двумя такими ротами командовал кадровый ротный командир-капитан.

На Татьянин день в январе 1915 г. мы, четверо молодых прапорщиков 1-го ускоренного выпуска получили назначение в 3 гренадерскую дивизию. По пути туда в г.Кельцы обнаружили штаб нашего корпуса, где получили указания, как нам добраться до штаба дивизии. Самим это было сделать трудно, т.к. до штаба дивизии было верст 20. Туда каждый вечер посылали поезд в 2-3 вагона с интендантскими грузами и один классный вагон. Это нас выручило, ибо в городе получить подводу было почти невозможно.

В штабе корпуса все, начиная с Начальника Штаба, смотрели на нас с удивлением: мы были первыми офицерами ускоренного выпуска, прибывшими в корпус. Прапорщики со знаками Военных училищ.

Мой приятель Р. и я попали в Малороссийский гренадерский полк. Безусловно в полку мы были самыми молодыми по возрасту. Но, оказалось, что мы имеем на 4 дня больше старшинства, чем недавно произведенные в прапорщики из вольноопределяющихся, что впоследствии и сказалось. В мае командир батальона и ротный командир поехали выбирать позицию и в их отсутствии я,

как старший, остался "за Командира батальона". Моему приятелю Р. уже исполнилось 18 лет, мне нужно было ждать еще полтора месяца. На следующий день после этого важного события я вступил во вр.командование ротой. Два соседа ротных командира-капитана издевались надо мной: "ясно, Витте исполнилось 18 лет, сразу и роту дали". Когда мы являлись в штаб полка, то по выяснении откуда мы и что из себя представляем, полковым ад'ютантом было сказано:"довоевались!"

Вообще же начинать службу было легко. Ротный командир - капитан, фельдфебель, три взводных, весь хозяйственный аппарат роты - кадровые. Командир роты капитан Г. был человеком хозяйственным. В роте была сверх штата лишняя парная подвода. Для мл.офицера была верховая лошадь, трофейная, высоченная и страшно тугоуздая. При передвижениях мне было горе с ней. Перегоняла шагом моих командиров роты и батальона. Поводьями натирал пузыри на пальцах. Раз показал их батальонному и тот не понял отчего они. Пришлось пояснить, что не могу-же я перегонять их и ехать впереди батальона. Оба мои капитана рассмеялись и разрешили мне перегонять их, не мучая ни себя ни лошади. Понятно, что эта верховая лошадь мне иногда боком выходила. Я был мл.офицером в головной роте батальона и меня гоняли на ней в очередь и вне очереди квартирьером, и как нештатного батальонного ад'ютанта. Наконец во время отступления ротой был захвачен австрийский улан с конем, который и заменил моего верблюда. Стало гораздо удобнее ездить. В роте был свой телефонный аппарат, австрийский, катушки кабеля, несколько своих гренадер было обучено телефонному делу. С телефонами тогда было туго, но 9 рота совершенно не зависела от полковой команды связи.

Конец зимы простояли спокойно в окопах, противника отделяла от нас широкая река Нида. Весной начались стычки в сторожевом охранении нашего лесного участка. Лес шел в сторону немцев. Однажды соседняя с моей застава была под командой прап.С.,который очень хотел взять пулемет у немцев. Он, будучи уже раненым, перешел в контр-атаку со своим взводом на наступавших с пулеметом немцев. Их оказалось две роты и пр. С. был вторично ранен и, вместо пулемета, попал в плен.

Ждали весны и приказа о переходе в наступление. В конце апреля неожиданно получили приказание срочно и скрытно оставить позицию и отходить по указанному маршруту. Для прикрытия отхода было на сутки оставлено в окопах по взводу от каждой роты. Оказывается мы выравнивали фронт в связи с неудачей левее нас в 3 Армии на р.Дунайце.

Оторвавшись от противника сделали три перехода, первый был верст 40, и вся дивизия подошла и стала в районе г.Островец, небольшого уездного городка. Наверное за все его существование никогда так хорошо не торговали кафе, кондитерские, рестораны и не работали парикмахерские. На следующее утро выступили назад на пол перехода, заняли позицию, а дня через три перешли в наступление на подошедшего противника в направлении на г.Опатов, разбили "Венскую" австрийскую дивизию, взяли много пленных, пулеметов. Кажется наступала вся дивизия, за исключением нашего батальона, который стоял неподвижно на своей возвышенности. Обзор был чудный. Весь день просидел я с ротным командиром на крыше дома, наблюдая в бинокль за боем. Видно было продвижение наших цепей, батареи меняли позиции. Перед нашим участком Оренбургские казаки ходили в атаку на австрийские цепи, их лихо сопровождали два орудия нашей бригады. Увы, мы были только зрителями!

Через день ночью получили приказание утром прибыть к г. дв.Б., впереди нас, для присоединения к полку и дальнейшего наступления. Наш батальон, как ближайший, пришел раньше остальных частей полка. Успели хорошо закусить и г.г.офицеры пошли пройтись по парку. Там оказался целый гимнастический городок. Не утерпело кадетское сердце, вскочил я на параллельные брусья, как был в снаряжении с шашкой, забыв, что она очень легко вынималась из ножен. Только раскачался, как шашка выскочила и вонзилась мне в ногу, в верхнюю часть бедра, сантиметра на 3-4. Вызванный ротный фельдшер наложил повязку. Как раз в этот момент подошли и остальные батальоны. Командир батальона иронически улыбнулся и сказал:"Идите в околодок, сейчас начнем наступление". Конечно, я горячо отверг это предложение. Перед первым настоящим наступлением, да сам себя ранил! Еще кому-нибудь может придти в голову мысль, что это было сделано нарочно, чтобы избежать боя! Пошел со своим первым взводом. Потом месяца полтора ходил с перевязкой,- место неудобное, повязка вечно сползала вниз.

Так была на войне пролита первая кровь. Шрам остался на память. В тот день мы "прогулялись" цепями верст 10-12 и вместо противника вспугнули много зайцев и куропаток в низких еще восходах на полях. Лишь к вечеру попали под слабый артиллерийский огонь. Так в цепях и заночевали. Ночью пришло приказание перед рассветом перейти в наступление. Серело. Вошли в небольшой лесок. Я - при взводе на правом фланге, правее - никого, лишь мой дозор. Стало уже светло, впереди была видна

и опушка леса. Слева услышали "ура". Командует и ротный командир:"Вперед, ура!" Бежим, хотя никого и не видно еще. Выхватил шашку. Подбегая к опушке увидели и немцев, как раз их фланг, к счастью, оказался против моего фланга, они принимали влево к своим. Вижу, что шашкой мне вряд-ли придется рубить, но и нет времени вложитьее в ножны. Передаю ее в левую руку, вешаю на темляк. В правой руке уже Наган. В кого то стрелял, может быть и не я один, показалось, что моя цель как-то осунулась. Упал-ли? Не заметил. Добежав до немецкой цепи, всех их перебили, во всяком случае тех, кто не успел проскочить в глубокий овраг, шедший в их тыл. У меня же во время этого бега в атаку ножны попадают между ног и ломаются, болтаясь внизу и держась лишь на коже. Как на зло обрывается ремешок у бинокля и он падает. Не лишаться-же его! Быстро нагибаюсь, поднимаю его и наматываю ремешок тоже на левую руку к шашке. Тем временем сбитые немцы собрались в этом овраге. Мы по его краям. Стреляем друг в друга, мы вниз больше, они меньше. Решаю их взять в плен. Даю свисток, чтобы прекратить стрельбу. Удалось это не сразу: перемешались люди двух рот. Наконец на "шикарном" немецком языке (в корпусе больше 7 не бывало) зову их наверх, призывая к сдаче. Убедившись, что их сопротивление дальше бесполезно, начали они бросать винтовки и выходить наверх. Тем более, что офицер по-немецки зовет. У них один офицер был ранен в руку, санитар его перевязывал и поддерживал, когда он поднимался наверх. Может быть и это обстоятельство помогло мне их взять. Хотелось мне их построить и под командой их-же офицера отправить в тыл. Но сцена эта была замечена немецкой артиллерией, которая открыла такой огонь, что было уже не до строя. Скорее назначил конвой и отправил.

Конечно, тогда этим неудачникам было не до моего "боевого вида", а то бы посмеялись. Шашка и бинокль висят на кисти левой руки, болтается сломанная ножна, в правой руке Наган. Даже свисток был использован!

Артиллерия противника долго мстила нам за неудачу. Оказалось, что мы захватили и удержали важную высоту. Через несколько часов нам принесли телефонограмму Командующего Армией с благодарностью за этот бой. Командир батальона был представлен к ордену св.Георгия. Вечером нас сменили в резерв. В этом бою батальон потерял 2 офицеров и около 150 гренадер.

Два месяца спустя, я командовал ротой и мы занимали позицию уже в Л.губернии. В необычное время звонит по телефону батальонный командир и говорит:"послал вам приказ, есть и интересное: награды, есть и вам." Больше ни слова. Выхожу из зем-

лянки и смотрю в тыл. Наконец замечаю пробирающегося по межам связного. Так медленно идет, прямо не двигается! Все же в конце концов пришел. Физиономия расплывается в улыбку. "Так что разрешите поздравить". Из приличия спрашиваю: "С чем?", будто и не знаю."Сказывают награды вышли и вам есть." Беру у него приказ, не терпится, но приличия соблюдены. Разворачиваю, смотрю:"Св.Анны 4 ст.с надписью 'за храбрость'". КЛЮКВА!

Скромная мечта прапорщика сбылась: красный темляк - доказательство об участии в войне, на всю жизнь ... Это была моя первая награда.

Еще зимой, развлекаясь в лесу рубкой молодых елочек, совершенно расколол рукоять моей шашки и деньщик приделал новую, белую сосновую, а сверху наглухо закрутил гайкой. Теперь эта шашка со сломаной ножной украсилась красным темляком.

Недели через две я был тяжело ранен в ту-же ногу и с этой шашкой попал в Москву, будучи уже представленным в подпоручики. Вернуться в полк смог лишь почти через год. Инвалидом. Красного темляка давно нет, инвалидность осталась неизменной памятью о войне.

Н.Витте.

ПАМЯТИ ГЕРОЯ.

Однажды в начале 20-х годов я разговорился с профессором ген.шт.полк.Зайцовым, ныне покойным, и он мне рассказал следующее:

Оба Розеншильда считались выдающимися офицерами в Преображенском полку. Старший был убит в Великую войну, младший же, кавалер ордена св.Георгия, был пять раз ранен, несколько раз оставаясь в строю, потерял руку и опять возвратился в строй. В гражданскую войну он был в составе полкового формирования Добровольческой Армии.

Полк.Зайцов, коренной Семеновец, командовал Сводным полком Петровской бригады во время отступления с так называемого Московского направления. Нашим частям пришлось очень трудно и

они не могли оторваться от противника. Для задержания наступавших красных нужно было назначить какую-то часть и полк. Розеншильд-Паулин 2, наш кадет 8 выпуска, вызвавшись добровольно с горстью Преображенцев, блестяще выполнил свою задачу ценой собственной жизни.

Г.Гринев (9 вып.)

Тридцать лет спустя.

В июне 1914 г.,окончив Корпус, я уехал из Варшавы и в июне 1944 г. в разгаре войны, формируя отдельный русский батальон около Ченстохова, мне удалось вырваться на несколько дней в отпуск в Варшаву. Приехал ночью, комнату отвели в гостиннице "Полония" против Венского вокзала. На следующее утро взял извощика (одноконка на "гумах") и поехал через Иерусалимскую аллею на Уяздовскую посмотреть на здания Корпуса. По всей линии заставы немецкой полиции, но военная форма и офицерский чин препятствий не встретили. Уяздовской парк и ... слева пустое место там, где когда-то стояла так хорошо знакомая церковь Литовского полка. Слева Агриколя вниз к Лазенкам, а справа почерневшие развалины зданий Корпуса. Уцелело только два нижних этажа последнего здания офицерских квартир в сторону аллеи Шуха. Главное здание, дом директора и другие офицерские флигели разрушены до основания ... Походил перед развалинами,- тротуар сохранился, аллея для верховой езды тоже. В последнем уцелевшем здании увидел вывеску немецкого офицерского магазина. Зашел туда и был любезно встречен девицей-немкой. Купил пару погон и на очень плохом немецком языке попробовал об'яснить девице, что для меня значат эти развалины. Девица, видимо, ничего не поняла, но продолжала любезно слушать. Ушел. Поехал обратно к Новому Свету. Слева торчали обгоревшие остовы Литовских казарм. Новый Свет совсем не изменился, только постарел: домики стали небольшими, некрашеными, с обсыпавшейся штукатуркой. В наше время они производили совсем другое впечатление. Проехал Ординацкую справа и Лярделли слева, кондитерская осталась на месте. Первая гимназия с памятником Копернику тоже.Завтракал в Бристоле в круглом зале с куполом. Все то же. Пошел на Саксонскую площадь,- пустое место нашего собора. В Европейской пил чай, т.е.нечто ему подобное. Сел на трамвай и поехал до последней остановки на Праге. Трамвайные вагоны остались теми-же. Королевский замок, под ним конюшни Кубанского дивизиона, Висла. Собор на Праге был цел. Все по старому. На последней ос-

тановке перед вокзалом новый кондуктор галантно поцеловал ручку кондукторше и ее сменил. Обратно до Иерусалимской аллеи,- самой представительной улицы того времени. Зашел в кафе "Кристал", то же название, на углу, кажется, Видок, где когда-то была подготовительная школа Е.М.Бедай. Прошел на Маршалковскую. Улица, т.е. дома ничуть не изменились, то же, что и на Новом Свете, только магазины почти пусты и все больше надписи в витринах:"Вудка чиста и сивуха звычайна". Мокотова и всего района за костельной площадью в конце Маршалковской узнать было нельзя: это были новые нарядные виллы. Ужинал в Европейской по карточкам. Поляки на меня косились, впрочем как и раньше.

На следующее утро поехал на Натолинскую № 9, где мы когда-то жили в квартире № 1, из "брамы" вправо. Вывеска зубного врача на дверях. Хотел позвонить, но в германской форме не решился, да и на каком же языке было об'ясняться? Зашел во двор, посмотрел на большое угловое окно столовой и окна будуара мамы и моей комнаты. Все осталось тем-же, то да не то! Ушел чуть не со слезами на глазах.

В этот день я был приглашен к завтраку полк.Семеновым, гв. сапером, на Новом Свете № 3. Там ждал меня сюрприз. Со мной были приглашены ф.Дервиз и Шутлеворт, Гродненские гусары. Когда я посмотрел на них в их более чем скромных пиджаках, пожалел, что приехал не в штатском, а в хорошо сшитой форме. Это были те, перед которыми я когда-то благоговел и на балах в Русском собрании не мог оторвать глаз от их зеленых зимних венгерок! Завтрак продолжался до позднего вечера и ночью я уехал.

Все это было в июне 1944 года, а через месяц началось восстание и Варшава пошла по пути окончательного разрушения. Заметка эта пришла мне в голову при чтении выдержки из письма Е.Е.Поль, где со слов польского офицера говорится,что здания Корпуса были разрушены в 1944 году. Произошло это, по словам моих тогдашних собеседников в начале войны, осенью 1939 года, когда немцы ее осаждали, а защищал русский гв.артиллерист ф.Руммель, ставший польским генералом "паном Роммелем" и, кстати, забывший русский язык ...

Г.Гринев (9 вып.)

От Редакции.

Рукописи просим посылать для удбоства Н.В.Главацкому или Председателям своих Об'единений в странах рассеяния. Надеемся, что Н.В.Главацкий будет с трудом справляться с пересылкой такого количества рукописей в редакцию.

Встреча друзей в Париже.

Здесь собравшися вдвоем
За Твое здоровье пьем,
Пожалев уже не раз,
Что не с нами Ты сейчас.

Коля - конник и пушкарь "/
Любит конницу, как встарь,
Но увы, у пушкарей
Нет ни пушек, ни коней ...

Только юные сердца
В нас остались до конца.
Так прими-ж привет пока
Для драгунского полка.

А.Коровай-Метелицкий.
Н.Главацкий "/

Шт.Ротм.Михайлову.

26 сентября 1958 г.
Париж.

Капитанам 8 Артиллерийской бригады Главацкому и Коровай-Метелицкому.

Пусть нет ни пушек ни коней
У славных царских пушкарей,
Но сберегло сь у них зато,
Что быть не может отнято
Ни временем, ни красным злом:
Святая память о былом,
Честь офицерских эполет,
Традиций незабвенных лет,
Ваш труд тяжелый, боевой,
И узы дружбы войсковой.
Ведь,полк наш был бы стерт
во прах
Без артиллерии в боях!
За Ваши подвиги в бою,
За артиллерию я пью
И пусть грядущая заря
Нам озарит приход Царя.
И Южной Школы я корнет,
Вам шлю сердечный свой привет.

Афины. Сентябрь 1958 г.

Шт.Ротм.Михайлов.

Выпуская № 13 журнала "Суворовцы", считаю своим долгом от лица Об'единений принести нашу искреннюю благодарность нашему редактору Г.М.Гриневу. Он с такой энергией принялся за работу, что журнал вместо октября выходит теперь. Пожелаем Г.М., как кавалеристу, чтобы он не закинулся, а продолжал бы так-же пылко начатое им такое полезное и интересное дело. Надеюсь, что, ознакомившись с журналом, не только Суворовцы, но и Суворочки отзовутся и пошлют свои воспоминания.

Не теряйте времени, его у нас мало, а воспоминаний много.

Н.Главацкий.

Сборник ..14..

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парижъ

СУВОРОВСКИЕ БОГАТЫРИ (1799).

Мне грезится Италии теплица,
Штыки над Аддой, грохот батарей,
Палатки белоснежных лагерей
И солнечной Ломбардии столица.

Мне грезится степной Руси орлица,
Вскормившая Твоих богатырей -
Седых драгун и бравых егерей,-
И казаков обветренные лица.

И мы - Твои! Пусть жребий наш суров,
Пусть нет в степи Царицынских костров,
Но в лагере, в порту, в каменоломне

На нас всегда сражений благодать.
Помилуй Бог! Мы все же крепко помним
Твою науку побеждать!

Н.Белогорский.

Милые Суворочки и дорогие Суворовцы!

Поздравляю Вас с Рождеством Христовым и наступающим Новым Годом. Желаю Вам здоровья, земного благополучия, весело и хорошо встретить Новый Год.

Последний год вывел из строя несколько однокашников, ряды сомкнулись, бодрость духа не должна угасать. Мы должны, с надеждой на лучшее будущеее, смотреть вперед. Не забывайте, что каждый год нас приближает к светлому дню воскресения нашей Родины.

Дай нам Бог дожить до этого дня.

ххх

В этом году, - юбилей 8-го выпуска. Г.В.Веригин, А.А.Войцеховский, П.Ф.Иванов, Н.Н.Машкин, Н.Н.Римский-Корсаков и В.Г.Ястребов, обращаюсь к Вам, дорогие однокашники. 50 лет тому назад Вы окончили корпус и раз'ехались по военным и специальным училищам. За эти полвека Вы перенесли много горя и радостей. Несмотря на страшный ураган, пронесшийся над нашей Родиной и захвативший Вас, Вы все-же устояли, и то чувство спайки и дружбы, которое Вы впитали в себя в Корпусе, Вы донесли до наших Суворовских Об'единений за рубежом.

Слава Вам на многие лета.

ххх

ххх

А.Ф.Потапова, А.М.Шредер, Н.Н.Страшкевич и А.Е.Владиславлев окончили свою трудовую жизнь и получили пенсию. Желаем дорогим пенсионерам, живущим теперь своими интересами, здоровья и процветания.

ххх

Суворовцы понесли безвозвратные потери:
- 30 июня с.г.на 83 году жизни скончалась Ольга Фоминична Решетникова, мать нашего однокашника Анатолия Константиновича. Ольга Фоминична была настоящей мамой кадет, она с большой любовью вспоминала наш Корпус, а особенно тот случай, когда ее Толя заболел и ей была предоставлена комната в корпусном лазарете, что дало ей возможность все время быть около больного сына. Внимание это она очень ценила. Ушла в вечность последняя мама кадета, горе которого мы все разделяем.
- 13 марта с.г.в Париже скончался В.В.Шиманский, 10 выпуска, и похоронен на кладбище Ст.Женевьев де Буа.
- 3 июня с.г. в Нью-Йорке отошел в лучший мир А.М.Есипов и похоронен в Ново-Деевом монастыре.
- 22 сентября с.г.в Чили скончался Д.И.Бубнов, 13 выпуска.

ВЕЧНАЯ ИМ ВСЕМ ПАМЯТЬ!

Н.Главацкий,
Председатель Об'единений.

Из Бельгийского Отдела.

Бельгийский отдел Об'единения Суворовцев, по инициативе А.П.Крашенинникова (5 в.) пожертвовал икону Феодоровской Божией Матери в церковь св.Иова Многострадального, называемую Храмом-Памятником, воздвигнутую в Брюсселе в память Царя-Мученика Николая П, Царской Семьи и всех, в смуте погибших.

Киот иконы орехового дерева и внутри его икона обрамлена золоченой резьбой. Верх киота украшен выпуклым, резного дерева двуглавым орлом. Короны, скипетр и держава позолочены и от центральной короны к главам развевается Андреевская лента. На груди орла наш эмалевый корпусный погон. Внизу киота серебряная дощечка с надписью славянской вязью:"ХРАМУ ПАМЯТНИКУ - КАДЕТЫ-СУВОРОВЦЫ в БЕЛЬГИИ".

Вручение иконы и ее освящение было 7 апреля н.ст.с.г.,а через некоторое время было получено от Архимандрита Феодосия, совершавшего чин освящения иконы письмо с благодарностью "Суворовцам Бельгии за прекрасный Дар Святой Иконы Божией Матери".

Г.Акимов (1 в.)
Председатель Отдела.

Производство.

Это было давно. Свыше полвека протекло со дня, когда по Царскому слову мы превратились из нижних чинов - юнкеров в господ офицеров.

Невозможно забыть этот день. Закрыв глаза и уносясь в прошлое, переживаешь этот день во всех деталях, перечувствываются все ощущения и даже всплывают те же мысли.

6-е Августа. Двунадесятый праздник, праздник Преображения Господня ... Для меня это был праздник двойного преображения. Почти 1900 лет тому назад на горе Фавор преобразился Христос и "лицо Его просияло, как солнце и одежда Его стала белее снега",- передают нам апостолы. Это была первая мысль, мелькнувшая при утреннем под'еме. И тут же, перебивая ее, и вторая: еще 5-6 часов, преобразимся и мы. Из куколок вылетят бабочки, из юнкеров - офицеры. Нас много, свыше сотни, и каждый засияет своим светом, своими красками, Армия, Гвардия и казачьи части пополнятся свежими молодыми силами, несущими с собой новую энергию, новый порыв и страстное желание принести как можно больше пользы родной доблестной Армии.

Нервное возбуждение так велико, что, несмотря на молодость, утренний чай не пьется и булка застрявает в горле. С минуты под'ема мы уже наполовину господа офицеры, так как исподнее белье одето свое, и только внешне мы еще юнкера. На кроватях аккуратно разложены "внешние оболочки", у стен стоят громадные сундуки "казенного образца", хранящие всю экипировку молодого офицера, несколько дней тому назад проконтролированную курсовым офицером.

Господи! Как медленно тянется время ... В бараке сидеть невыносимо. Царящее вокруг возбуждение раздражает и без того натянутые нервы. Нужно побыть одному и, по возможности, успокоиться. Пройдусь еще раз по лагерю, где протекло много приятных, а еще больше неприятных дней, прощусь с ним, обойдя все знакомые места.

Перед входными дверьми с узкой стороны барака, обращенной к передней линейке, устроены из земли диваны и пуфы, обложенные дерном; между ними и посредине клумбы,- уютная гостинная, где вечерами собирались для отдыха после тяжелого дня, хотя и усталыми, но бодрыми. Здесь пелись песни, велись всевозможные беседы, мечталось о сегодняшнем дне и о будущем, полном светлых надежд. От этого места близка передняя линейка, а влево - дорога, ведущая к шоссе, на котором находится самый важный в этот день пункт - телеграфный пост. С этого поста придет так страстно ожидаемая весть,- короткая Высочайшая телеграмма. Мы хорошо знаем, что телеграммы до 12 часов быть не может, но, все-таки, все взоры с раннего утра обращены в этом направлении, и я, выйдя из барака, невольно посмотрел туда. Обогнув барак, напра-

вился к столовому навесу, где еще недавно мы разбирали вакансии, по пути встречая такие же бродящие фигуры, снующие в разные стороны. "Еще три часа осталось", говорит кто то, и я машинально смотрю на часы. Нет, не три, а четыре: ведь раньше часу дня телеграмма не может притти. Подальше, вглубь от передней линейки и несколько в сторону, офицерские домики. Там все мертво. Ни на веранде, ни у окон никого не видно. Их жизнь течет нормальным порядком. Для них наше производство не событие, а обычное явление, совершающееся ежегодно. Не знаю, многие ли из них думают о нас и наших переживаниях в этот великий для нас день. Быть может двое или трое, а остальные радуются окончанию лагерного сбора и предстоящему отпуску. В глубине, за лагерем в лесу, пороховой погреб, где как то раз мой ротный командир чуть не нарвался на пулю, подкрадываясь ночью к погребу для проверки бдительности часового. Лес пуст. Ни одного "шакала" нет,- знают, что в этот день никто не польстится на их мороженое, а должники расплатятся только завтра после выплаты прогонных господам офицерам.

Обойдя весь лагерь, возвращаюсь в барак. Картина та же. Час, полтора, ну, может быть, два, отделяют нас от заветной минуты. Кое-кто не выдерживает и, одевшись в офицерскую форму, разгуливает по бараку и, проходя мимо "юнкеров", требует отдания чести. В ответ огрызаются, но "самозванцы" благодушно проходят к следующим. Ведь еще какой-нибудь час и, незаконно одетая форма станет обычной законной одеждой на много лет. А часовая стрелка движется, уже приближаясь к 12. Перед каждым бараком стоят по несколько человек, вперив взоры на дорогу, ведущую к шоссе: вот-вот появится вестник с заветной телеграммой ...

Раздается сигнал: "Бери ложку, бери бак, хлеба нету, иди так". Какой, к черту, может быть завтрак! Кому полезет в горло кусок, когда ежеминутно может притти телеграмма и можно будет позавтракать в хорошем ресторане. В необычно короткий срок завтрак окончен,- почти нетронутым остался он на столе.

Теперь минуты только отделяют нас от офицерства. Все взоры обращены к шоссе. Вот появляется солдат, идущий в нашем направлении. Телеграмма! - раздается многоголосый крик. Все выскакивают из барака. Увы, солдат проходит мимо. Еще и еще раз повторяются такие крики, но все они вызывают лишь ложную тревогу, а уже час дня! Утешаем себя, что, несмотря на почти абсолютную точность расчета времени в местах, где должен присутствовать Государь, могла произойти задержка с окончанием маневров и, связанным с этим , производством юнкеров петербургских училищ, а, значит, и разсылка телеграмм. А время идет. Уже два часа, а телеграммы нет ... Три часа! Раз двадцать раздавались крики "телеграмма!" и каждый раз тревога была напрасной. Мысли невольно обращаются в недалекое прошлое. Недели две тому назад мы,

лучшие гимнасты Училища, вернулись с Высочайшего смотра гимнастики Военных училищ в Дудергофе. От нашего Киевского училища было 10 человек, а из них три Суворовца: два Страшкевича и Веденяев. Еще во время перестроения для упражнений на снарядах разнеслось, что по окончании смотра мы будем произведены лично Государем. Никакого производства не произошло, хотя Государь и остался очень доволен. Говорили, что Государь хотел нас поздравить, но Его отговорил Сухомлинов, доложивший, что такое производство даст нам старшинство даже перед фельдфебелями и вахмистрами военных училищ, а, кроме того, затруднит работу Главного Штаба. И, вдруг, вместо этого отсрочка?

Уже прошло и три часа, а телеграммы все нет и нет. С тоской смотрим в сторону шоссе. Ложные тревоги повторяются. Нервы напряжены до отказа. Четыре часа пополудни. Наступает реакция, появляется какое-то отупение, апатия. По инерции поглядываем еще изредка на шоссе, но уже без надежды. Кто-то пустил слух, что производство отложено на 15 августа. И верим и не верим. Извозчики-лихачи, стоявшие с утра в ожидании подпоручиков, начинают раз'езжаться.

Шестой час. Почти все юнкера разошлись по баракам, мрачные и обезкураженные, складывать в сундуки офицерское обмундирование. Я сидел на дерновом диване перед бараком в каком-то отупении, но усидеть на месте не мог. Ведь все рушилось. Праздник Преображения оказался обычным праздником, а не двойным, как я думал утром. Неужели еще 9 дней ждать? Нет, это непосильно; не может быть, чтобы нас постиг такой удар. Нас бы предупредили ... Но начальство молчит.

Уже без всякой надежды я встал и направился на переднюю линейку. Машинально посмотрел в сторону шоссе и вдруг ... вижу фигуру, бегущую к лагерю от шоссе. Приближаясь, она машет над головой маленькой бумажкой. Как безумный, я завопил:"ТЕЛЕГРАММА!" Этот крик, раздавшийся, быть может, уже в сотый раз сегодня, не произвел должного впечатления и только мой вид, вихрем влетевшего в барак, всколыхнул уставших и уже инертных юнкеров. Все бросились к дверям. Запыхавшийся телеграфист, потрясая конвертом, спешил к бараку дежурного офицера. Сомнения исчезли: телеграмма здесь,- мы господа офицеры! Юнкерская безкозырка начала наполняться деньгами. Дежурный телеграфист сразу разбогател, получив пару сотен рублей. Это традиция,- принесший телеграмму получает полную фуражку денег.

Минут через пять раздался сигнал "сбор". Офицерский! Офицерский! раздаются крики с разных сторон, но сигнал не меняется и звучит по-прежнему: "сбор" для нижних чинов. С криками "офицерский!" все,сломя голову, бегут на переднюю линейку, где и выстраиваются. Один за другим появляются курсовые офицеры, ротные командиры, батальонный и,

наконец, начальник училища. Последний раз мы слышим:"Здравствуйте, юнкера!" и отвечаем "Здравия желаем, Ваше Превосходительство!" Нам кажется, что очень медленно, как будто нарочно, затягивая, начальник училища разворачивает телеграмму. Раздается команда:"Смирно!Господа офицеры!" Мы застыли, а офицеры взяли под козырек."Его Императорское Величество Государь Император поздравляет юнкеров с производством в подпоручики. Военный Министр Генерал от кавалерии Сухомлинов". Могучее "ура" вырвалось из сотни молодых грудей, заглушая поздравление начальника училища."Господа офицеры, вы свободны". Эта фраза была услышана и крики смолкли на минуту, руки молча поднялись к безкозыркам и господа офицеры щелкнули каблуками.

Снова загремело "ура" и началась бешеная скачка г.г.офицеров, по пути в бараки берущих все препятствия в виде цветочных клумб, дерновых диванов и пуфов. Еще несколько минут, и молодые офицеры, с иголочки одетые, направились к шоссе, где еще оставалось несколько самых упорных лихачей, которых и захватили прибывшие первыми, а большинству пришлось путешествовать пешком через Цепной мост в город. Но мы, уехавшие, были великодушны и всех встречавшихся лихачей и извозчиков направляли к ним навстречу.

Сборный пункт Суворовцев был назначен в ресторане гостинницы Гладынюка. Собрались точно к назначенному времени и, первый раз за сегодняшний день, с аппетитом поели. Это был последний "семейный" сбор Суворовцев, так как на следующий день уже начался раз'езд по домам. Как всегда в таких случаях, за стаканом вина говорилось много и высказывались искренние пожелания поддерживать связь и, по возможности, встречаться в день Корпусного праздника в стенах корпуса, и много других хороших пожеланий.

Закончив ужин около 11 часов, отправились в Шато-де-Флёр, где был назначен общий сбор. Вся "вторая рота" была на месте и, среди молодежи, выделялся один с бородой,- курсовой офицер Штабс-капитан Карсницкий, единственный наш гость, так как только он втечение двух лет нашего юнкерства видел в нас будущих офицеров, своих младших товарищей, а не нижних чинов.

Как и везде, этот день был "нашим днем", когда нам разрешались известные вольности, и когда ни комендант, знаменитый генерал Медер, ни его, не менее известный плац-ад'ютант Шт.кап.Биман, не вмешивались в веселье молодых подпоручиков. Поздней ночью можно было видеть десятки лихачей, носившихся по Крещатику, производя "учение": то строя колонну со "вздвоенными рядами" (по 4 в ряд), то "по отделениям" (по 8 в ряд), то опять, разсыпаясь и несясь кто куда. Только с разсветом на тех же лихачах вернулись мы в лагерь.

На следующее утро от 8 до 11 часов производился денежный расчет: получали прогонные и суточные, из которых удерживалось за неисправные винтовки, испорченные или пропавшие (не сданные) учебники или одежду. Отойдя от казначея, с хрустящими кредитками в руках, поджидали свою компанию, с которой предстояло отбыть самый неприятный номер,- прощальные визиты. Бо́льшими или ме́ньшими группами отправлялись мы "визитировать", начиная с Начальника училища. Эти визиты,- простая формальность, но вещь не всегда приятная. Многие из нас, в том числе и я, охотно бы обошли своего ротного командира, но ... Единственно чем мы выказали свое к нему отношение, - отказались войти в комнату, куда он нас приглашал, отговариваясь недостатком времени,и тут же, зайдя в домик своего курсового офицера, просидели у него минут двадцать. А домики то стояли рядом.

Визитами закончилась последняя связь с училищем и я облегченно вздохнул. Мало приятных воспоминаний осталось у меня за протекшие два года пребывания в нем!

Последний раз крепко обнялись Суворовцы и разлетелись в разные стороны по беспредельным просторам своей великой Родины.

Н.Н.Страшкевич (4 вып.)

От редакции.

Судьбы Суворовцев.

В № 13 на стр.5 пропущено Сергиевское Артиллерийское Училище, в которое были выпущены:

9 выпуска - 1,
10 " - 1 и
11 " - 2 кадета.

За пропуск редакция просит извинить и делает исправление охотно, а не под давлением автора, пригрозившего написать "письмо в редакцию"!

Браконьер.

После окончания пятого класса я был на каникулах дома. Отец мой командовал отрядом Ченстоховской Пограничной бригады на границе с Германией.

По ту сторону границы простирался огромнейший заповедник графа Доннерсмарка из свиты кайзера Вильгельма, который там тоже иногда охотился. В заповеднике была уйма всякой дичи вплоть до благородного оленя, из-за присутствия которого заповедник был опоясан двумя заборами в 25 саженях один от другого и с вырубленым лесом между ними. Заповедник охранялся многочисленными егерями, которые и обходили его довольно регулярно: их можно было видеть с нашей стороны. Переход границы в обе стороны, вне пропускных пунктов с таможнями, строго воспрещался абсолютно всем. Да за этим и должна была следить Пограничная Стража. Граница, разделенная на участки, охранялась днем и ночью часовыми, патрулями, раз'ездами и секретами. Вдоль всей границы шла дорога, по которой посты сообщались между собой, и называлась эта дорога "патрульной".

Однажды ранним утром мы вышли на охоту. Мы: это я и мой дядя по свойству, кадет 5 класса Нижегородского Графа Аракчеева кад.корпуса ("голодный арестант") Митя. Я стрелял очень не плохо, у меня было собственное охотничье ружье и отец мне даже позволял иногда брать его отличную двустволку с "чок-бором" 12 калибра. А Митька был коряавый стрелок и исполнял при мне обязанности оруженосца. Я взял себе на охоту отцовскую двустволку, а Митьке дал нести Берданку (4-линейную винтовку) на тот случай, что могут попасться дикие козы, которые близко не подпускают и их надо бить из винтовки.

Лес, куда мы направлялись, находился верстах в пяти от нас около соседнего пограничного поста "Лысогорка", конечно, на нашей стороне. Выходило пять верст, считая по патрульной дороге, но граница в этом месте делала колено, вдававшееся в нашу территорию, так что по прямой, воздушной линии до Лысогорки было, собственно, только $3\frac{1}{2}$ версты, но это была запретная германская территория да, к тому же, препятствовал заповедник, отгороженный двойным забором сажени $1\frac{1}{2}$ или две высоты.

Вот тут-то я и решил перейти запретную зону, чтобы сократить дорогу, предложил Митьке следовать за мной (несмотря на его робкие протесты) и полез через забор. Взяв направление по солнцу, мы углубились в лес. Это был чудесный, воистину заповедный, высокий и густой лес. На просеках и полянах - трава по колено. Дичи тьма,- на каждом шагу вылетают тетерева, фазаны; зайцы прыгают чуть ли не из

под ног. Словом, для охотника соблазн большой. Но мы с Митькой гуськом пробираемся к нашей цели, затаив дыхание и стараясь не делать шума: ведь егеря могут вынырнуть из-за каждого дерева!

Прошли версты полторы, лес поредел и, вдруг! - шагах в трехстах, среди золотистых солнечных столбов открылась широкая поляна, покрытая травой чуть ли не по пояс. А на поляне пасется большое стадо оленей, голов в 25. Вожак, прекрасный гордый красавец с короной ветвистых рогов, не опуская головы, зорко поглядывает вокруг.

Мы притаились и любуемся. Тих. В воздухе жужжание мелкой лесной летающей твари. Прижались к стволу дерева и ждем. Чего? Да не знаю, чего ждем. Видимо, какого-то решения. И оно пришло."Митька, давай винтовку!" Тихонько скольжу хорошо смазанным затвором, досылаю патрон. Прижался к дереву и подвожу мушку под лопатку вожака. Раздался выстрел,- точно грохнуло двенадцатидюймовое орудие. Казалось, что он слышен был всем егерям во всем заповеднике. Это-же была берданка, да еще в лесу. А, кроме того: у страха не только глаза велики, но и в ушах звукоусилители. Я увидел, как вожак высоко подпрыгнул и рухнул в траву. Стадо вмиг исчезло.

Мы - на утек по кратчайшему направлению к заборам и границе. Ветки хлещут по лицам, сучья цепляются за одежду, один погон оторвался. Изодранные, исцарапанные, в испарине и четь не высунув языки, мы перемахнули через заборы и скорее двинулись тылами по перелескам домой. Переоделись, помылись, почистились, повесили ружья на место, и я пошел к приятелю за советом.

Приятелем моим был начальник поста мл.унтер-офицер Бобошко (должность соответствующая взводному ун.оф.в армии). Бобошко был умный и хитрый хохол и, выслушав мою историю, сразу заявил, что, если олень убит (а это я утверждал), то надо ночью его перетащить через границу и, где-нибудь в сарае, освежевать и скрыть следы преступления. Для этого он назначил на участок, где мы собирались перетаскивать оленя, "своего" часового и с наступлением темноты, на казенной фурманке,запряженной парой лошадей, мы с Митькой, Бобошко и кучер отправились тыловой дорогой этому месту у границы. Кучер остался при лошадях невдалеке от патрульной дороги, а мы трое перебрались на германскую сторону и довольно легко, благо была луна, нашли поляну. Разсыпались в цепь и стали шарить в траве. Минут через 20-25 нашли мою жертву и, впрягшись втроем, потащили оленя волоком за рога. На росистой траве ложился широкий след. С большим трудом через чащу, часто останавливаясь, чтобы отдохнуть и прислушаться, притащили оленя к забору, разобрали низ (гвозди были ржавые, а дерево гнилое) и протащили эту громадную тушу на нашу сторону. Взвалили на телегу и привезли на

пост. Часа через два часть оленя была в котле, а шкура и рога запрятаны на чердаке.

Тут было совершено много правонарушений: переход границы, браконьерство, порча заборов и т.п., а, главное, что, если бы это было обнаружено, то пришлось бы впутать в это дело Министерство Иностанных Дел. Если бы дело всплыло, то могло бы дойти и до Директора корпуса. Может быть выперли бы. И все это, не говоря уже о громадной ответственности моего отца.

Дня через два к посту, где жил командир отряда, т.е.мой отец, с немецкой стороны подошел немец-старший егерь и спросил"ритмайстера" (ротмистра). Отец вышел к нему."В чем дело?" - "Оленя ваши у нас убили и уволокли в Россию: след показывает." Опросил отец вахмистра, унтеров, те, в свою очередь, солдат. Никто ничего не знает.

Егерь потом приходил опять, но отец так и не смог ему ничего сказать, хотя немец и уверял, что ему лишь рога нужно сдать, так как они были у них на особом учете.

Завеса над делом опустилась.

Года через три, когда отец уже те командовал тем отрядом, где произошло выше описанное, а я был уже юнкером в отпуску,- мы как-то беседовли об охоте. Вот тут-то я отцу и рассказал, как я убил благородного оленя, и как егерь просил его о рогах, которые тогда были запрятаны на чердаке.

"Ну, счастлив твой Бог, Сергей, что я тогда этого не узнал!"- сказал отец. Но я так и не узнал от него, как бы я был наказан.

Сергей Грешнер (6 вып.)

На наблюдательном пункте

(Из воспоминаний.)

Часов около 10 утра на батарею привезли почту. Только что мы ею занялись, как командира вызывают к телефону. Неожиданные вызовы всегда несли с собою неприятности. Так было и на сей раз: командир самостоятельного взвода № артиллерийской бригады, охранявшего своим огнем поляну в лесу, справа на соседнем участке, был убит. Его сбили пулеметным огнем с дерева. Нам было приказано выставить в лес своего наблюдателя и принять поляну в свое ведение. Ж.еще с вечера уехал в хозяйственную часть и из молодых налицо только я. Приходится итти.

На месте узнаю: батальон расположен на бугре в лесу; впереди окопов, шагов на 160-180, по всему скату кустарник, дальше поляна, шириной шагов 150-200; на противоположной опушке - немцы. Сквозь кустарник ничего не видно. Батальонный любезно показал дерево, с которого был сбит мой предшественник. Лезть кому-нибудь туда опять,- значит следовать его примеру, ничего не сделав. Так не идет. А предпринять что-то надо. Решил вылезть вперед окопов к подножию бугра на край кустов туда, где на ночь выставлялись секреты и где были одиночные окопчики. Телефон оставил наверху. Ориентировавшись, нашел сразу и подходящую цель: прямо против себя пулемет. Дал первый выстрел бомбой, на глазок, чтобы, если не увидеть, то хоть услышать разрыв. Удалось наблюсти его сильно влево в тылу немцев. Выправляя разрывы на линию наблюдения, чуть не угодил в себя, всего каких-нибудь 12-15 шагов. Третьим выстрелом получил трех-деленную вилку.

Своя пехота отнеслась к близкому разрыву спокойно, не то соседи: едва успел я дать третий выстрел, как командир передает приказание штаба дивизии стрельбу прекратить, так как "стреляем по своим". Сообщая об этом, он, для выяснения обстановки, вызывает меня к телефону. Но где же лезть, когда меня уже открыли и взяли на мушку. Пришлось долго его уламывать, пока он разрешил дать два последовательных выстрела на увеличенном прицеле, чтобы под звук полета снаряда я смог бы перебежать к телефону. Об'яснив командиру всю обстановку, опять под прикрытием двух выстрелов, вернулся в окопчик Первое, на что обратил внимание, было, что пулеметный щит исчез. Но не прошло и двух минут, как затрещал пулемет справа от меня. Только я направил на звук малую стерео-трубу, как она была разбита. Положение создалось прямо безвыходное: взят на мушку, наружу носа не кажи; свои далеко и им меня не видно, можем только перекликаться. Так и кажется, что подняв взор вверх, увижу над собой немца. Для проверки надел на стерео-трубу фуражку и начал высовывать из окопчика. Вмиг затрещал пулемет и фуражка и стерео-труба оказались пробитыми.

Встревоженный телефонист закричал сверху:"Ваше Благородие, не ранены?" - "Нет, нет: это я сам дразню немцев", ответил я, чтобы не показать, что падаю духом. Пролежал я без движения минут 20, а то и все полчаса. Опять, тем же порядком, высунул фуражку,- опять затрещал пулемет, - опять сверху спрашивают, жив-ли. Пролежал я еще с полчаса, но от боли в боку стало невтерпеж. Дело в том, что окопчик для сухости был выстлан ветками, пальца, этак, в два толщиной, да сверх того, какой-то сучек форменно впился мне в бок. Только я зашевелился, чтобы повернуться на другой бок, как затрещал пулемет и я почувствовал, что что-то дернуло меня за рубашку на спине. Сердце екнуло, но тут же я, успокоившись, сообразил, что немец во время стрельбы подойти к

окопчику не может, а это пуля зацепила рубаху.

И вот этак, от времени до времени перекатываясь с боку на бок и прислушиваясь к малейшему шороху, да изредка проверяя фуражкой бдительность немцев, пролежал я часов 5-6. А сверху, от телефона, чуть ли не каждые 10 минут раздается крик:"Ваше Благородие, вы живы?" Пытался не отвечать, тогда начинали орать громче и в несколько голосов. "Да замолчите вы, черти, не раздражайте, если ранят, сам заору". Нервы так напряглись, что начал уже подумывать, а что, если рискнуть и выскочить наверх. Сверху же, как будто угадав мои мысли, кричат: "Ваше Благородие, сейчас 8 часов, через полчаса начнет темнеть, терпеть уже не много осталось!" Лежу, терплю. Вот начало смеркаться, а уткнувшемуся носом в землю кажется, что уже совсем темно. Но нетерпение берет: высунул свою веху, пулемет затрещал, значит видят, - еще рано. Вдруг, ни с того ни с сего, затрещал пулемет; сейчас же после очереди высунул фуражку,- затрещал опять: значит еще видят. Еще выждал, поднимаю фуражку,- молчек; поднимаю выше,- молчок. Вдруг пулемет опять заговорил. Теперь совершенно ясно, что меня уже не видят. Решаю высидеть еще, пока не затрещит пулемет, и потом сразу выскочить. Пулемет затрещал, а я замешкался, надевая не шею ремень стерео-трубы. И к счастью, так как через 10 секунд дали вторую очередь. Выскакиваю и во всю прыть пробираюсь по кустам вверх. Ноги отекли, спотыкаюсь. Немцы, видно, услышали, так как пулемет опять затрещал; я прилег. Пропустили очередь по окопчику, хотя зашуршали и кусты. Наверху в окопе собрались у телефона батальонный, два ротных и много солдат, все - посмотреть на затравленного зайца.

Через 20 минут я был уже на батарее, где меня встретили, как встречают только прибывшего из отпуска. А еще через несколько минут явился Ж., который уже успел смотаться в деревню и достать в полковой лавочке безалкогольной рябиновки, и мы засели ужинать.

Б.А.Сидорович (5 вып.)

Из писем.

В.В.Нарбут, Александровского кад.корпуса, пишет:

"С Суворовским корпусом меня связывают детские воспоминания: в годах 1900-05 мы жили в Варшаве. Мой пок.отец, коренной офицер л.гв.Литовского полка и георг.кавалер войны 1877-78 гг.,командовал бригадой 3 гв.пех.див.,а оба мои старшие братья учились в Суворовском корпусе. Впоследствии оба они перешли в Пажеский, старший бросил военную службу, а второй вышел в л.гв.Измайловский полк и был тяжело ранен (6 пулеметных пуль в груди и ногах!) под Люблином в 1914 году."

Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк.

Зная по личному опыту, что подавляющему большинству даже военных, в том числе и кадровых офицеров пехоты, очень мало известно, что это за полк, в котором я имел честь и счастье служить, хочу дать историческую справку о возникновении полка, его назначении и его составе.

После цареубийства 1 марта 1811 г.(все даты по старому стилю) было решено создать специальную часть для охраны Особы Государя Императора. 18 марта 1881 г.было приказано сформировать Сводно-Гвардейскую роту из расчета: 1 офицер, 1 унтер-офицер и 25 рядовых от каждого полка 1 и 2 Гвардейских пехотных дивизий. Но уже в 1883 г.в составе роты были представлены 3 Гвардейская пехотная дивизия, Гвардейская Стрелковая и Гвардейский Экипаж. Первым командиром роты был Л.Гв. Егерского полка Флигель-адьютант капитан Богаевский. Рота была размещена в доме против Аничкова Дворца, местопребывания Императора Александра Ш. В этом же доме были и квартиры офицеров.

Так началась служба охраны Государя и Его Августейшей Семьи Сводно-Гвардейской ротой, развернутой в 1884 г.в Сводно-Гвардейский батальон, а последний в 1907 году - в Собственный Е.И.В.Сводный пехотный полк.

При всех переездах Царя и Его Семьи, как например, в Гатчину, Петергоф, Царское Село, Ливадию, Беловежскую Пущу, Москву и другие места России, Их сопровождала та или другая часть роты, батальона или полка. Когда, например, Государь Император принял на Себя Верховное командование, а Вдовствующая Императрица поселилась в Киеве, то часть полка была в Ставке, другая в Царском Селе, где пребывала Семья, а одна рота в Киеве.

Служба охраны неслась: 1) внутренними постами во Дворце, где стояли унтер-офицеры. Они были только при тесаках гвардейского образца, который носили вообще все солдаты полка, и 2) внешними постами, расположенными вне ограды дворцового парка и у всех входов в него. Часовые, ефрейторы и рядовые, были при винтовках с патронами. На всех постах, внутренних и внешних, были всегда одни и те-же чины, что позволяло им лучше усвоить свои обязанности и легче запомнить лиц, имевших право прохода через их пост.

Внутренние посты были соединены звонком с караульным помещением полка во дворце, а внешние - телефоном с дежурной комнатой во дворце, где всегда находился дежурный по дворцу офицер полка и офицер дежурный по внешним постам и полку. Последний временами отлучался для про-

верки внешних постов и полка. Система звонков и телефонов была для немедленного доклада дежурным офицерам о всяком лице, прошедшем через пост. Лица эти были двух категорий: 1) известные часовым, как имевшие право постоянного прохода через их пост, и 2) такого права не имевшие, но часовому уже было дано распоряжение об их пропуске. Всех других часовой задерживал, немедленно докладывая дежурному офицеру. Добавлю, что в полку все часовые должны были исполнить приказание всякого офицера полка. Дежурная комната была соединена с тревожным звонком на ночном столике в Царской опочивальне и сама комната находилась под опочивальней.

Хотя мы, офицеры полка, всегда имели счастье быть вблизи Царской Семьи, но правилом было не искать, и даже избегать встреч с Ней, дабы не стеснять. Так, дежурный по дворцу делал обход только ночью и, конечно, не имел права входа в Собственные покои. А дежурный по внешним постам появлялся в парке только в 6 час.утра, когда проходил с цепью солдат весь парк.

Теперь несколько слов о составе полка. В Собственный полк командировались, а не переводились, под личной ответственностью командира части, как офицеры, так и нижние чины. Первые в чине поручика или, чаще, старого подпоручика, вторые - отбывшие год после призыва, из крестьян и более развитые и молодцеватые. Первое, т.к.иначе им было бы трудно справиться со службой. Солдаты оставались в полку до конца своей призывной службы, но были и сверхсрочные,- унтер-офицеры, фельдфебели, подпрапорщики. Срок службы в полку был совершенно неопределенным. Мы, ведь, все продолжали числиться в списках своих коренных полков, форму которых сохраняли, как и солдаты. Поэтому младший офицер мог получить роту или в Собственном полку или у себя в коренном в зависимости от того, где таковая раньше окажется вакантной. То же было и со штаб-офицерскими должностями, которых было три: два командира батальона и заведывающий хозяйством, и все они занимались офицерами Гвардии. Благодаря такому порядку продвижения по службе случалось, что офицер оставался в полку 3-5 лет, но знаю случай, когда, прибыв подпоручиком в Собственный полк, офицер его покинул командиром армейского полка. Командировались в полк: офицеры Гвардии по одному от каждой бригады и Армии, сначала от Шефских полков, а потом по порядку, установленному Дворцовым Комендантом.

До 1916 года штат полка был:

Командир полка - генерал-майор Свиты Его Величества.
Штаб-офицеров от гв.пехотных и стрелковых полков 3
Обер-офицеров, по одному от гвардейской бригады..... 8
От армейских пехотных и стрелковых частей..... 9
От Л.Гв.Саперного батальона..... 1

От Гвардейского Экипажа 1
От экипажей Балтийских и Черноморских, по очереди ... 1

Всего 23

Нижних чинов:
От 16 гвардейских полков по 17 человек 272
От Л.Гв.Саперного батальона 13
От Гвардейского Экипажа 12
От Гренадерских полков по 3 человека
От Армейских пехотных и стрелковых пп.по 1-2 чел.
От Балтийск.и Черномор.экипажей по 4 человека..... 553

Всего ..... 883 человеак.

С 1916 г.стало назначаться по одному офицеру от каждого гвардейского полка, т.е. состав увеличился на 8 офицеров Гвардии, а контингент нижних чинов от каждого гвардейского полка был дсведен до 30 человек.

Собственный Е.И.В.Сводный пех.полк подчинялся:

Государю Императору,
Министру Императорского Двора и
Дворцовому Коменданту.

В отсутствии последнего его обязанности нес Командир полка.

Служба в полку заключалась почти что исключительно в дежурствах, случавшихся 2-3 раза в неделю. Было это утомительно не столько физически, сколько требовало нервного напряжения и большого внимания. Но каждый, как офицер, так и солдат, был горд и счастлив оказанным ему доверием и своей почетной задачей - охранять Государя Императора и Его Семью.

Служба в Собственном полку давала нам возможность и счастье видеть Их часто, близко и, иногда, в неоффициальной обстановке. Так например, каждый год на Рождество устраивалась елка в Придворном манеже Царского Села для чинов полка и Собственного Е.И.В. Конвоя. На этой елке неизменно присутствовала Августейшая Семья. В манеже возвышалась громадная и богато украшенная елка, на особой эстраде были столы с коробками сладостей и полки с занумерованными подарками для нижних чинов. Каждый из них по очереди брал из урны билетик, передавал его младшему офицеру полка, последний находил подарок и, сопровождаемый солдатом, подносил подарок одному из Царских детей для вручения его солдату. Все происходило быстро, весело и очень просто. Казалось, будто мы в гостях у Царской Семьи. Все это время играл наш хор балалаечников или пели, по очереди, хоры наш и Конвоя, а также плясали конвойцы. В более молодые годы Его Величества, офицеры полка приглашались играть в тенис или на бильярде. В

этих отраслях спорта Государь был игроком незаурядным.

Когда Государь принял на Себя Верховное командование и часть полка (2-3 роты) находилась в Ставке, то наши офицеры приглашались по очереди в воскресенье к Царскому столу. За время моего пребывания в Ставке, я удостоился этого приглашения три раза. На Пасху 1916 года я имел радость христосоваться с Его Величеством и даже, конечно случайно, был снят в этот момент. Эта фотография, увы!, у меня не сохранилась.

Прежде чем закончить свои воспоминания, хочу заранее ответить на вопрос, могущий явиться у читателя, вопрос уже задававшийся и мне и другим офицерам нашего полка,- как-же полк, имевший задачей охранять Царя и Его Семью, не справился с этой задачей? Почему он не боролся с оружием в руках, как швейцарская гвардия Людовика 16-го, и без сопротивления допустил Их заключение и мученическую смерть? Отвечу изложением хода событий.

До вечера 27 февраля 1917 г.в Александровском дворце, где пребывала Императрица и все Дети, жизнь шла нормальным порядком. Конечно были тревожные, вернее, катастрофические новости из Петрограда и Ставки, но в Царском Селе было, будто-бы, тихо. Наша служба охраны отправлялась, как всегда, но всем чинам полка было приказано не отлучаться из района казарм. Вечером того-же дня, около 10 часов, полк был срочно вызван во дворец. Туда-же был вызван Конвой и еще некоторые части, например броневики противо-авиационного отряда. Между прочим их офицером оказался наш Суворовец Жигадло, кажется 1-го выпуска. Все выстроились в парке перед дворцом. Очень скоро вышла Государыня с Великой Княжной Марией Николаевной, все другие Дети лежали в кори. Ее Величество, с поразительным самообладанием, обошла фронт, останавливаясь и спокойно разговаривая, ничем не выражая своей тревоги. А тревожиться было чему,- власть в Петрограде была уже в руках возставших, вести из Ставки - плохими. В самом Царском Селе уже виднелись зарева пожаров, слышны были отдаленные выстрелы и крики. Обойдя наш фронт, Императрица высказала пожелание - приказ - избегать всякого кровопролития, а также, так как сильно морозило, ввести людей в подвальный этаж дворца и дать им горячего питья. После этого Она удалилась во внутренние покои. Ночь прошла спокойно, а утром приехал новый Начальник гарнизона (в Царском в это время было около 40 тысяч солдат, главным образом в запасных батальонах). Новый комендант, полковник (фамилии не помню) заверил нас, что Дворцу ничего не угрожает. Действительно, никаких враждебных выступлений перед дворцом не было. Войска, вызванные по тревоге 27-го, ушли в течении ночи. Так прошло несколько дней, мы продолжали нести свою обычную службу. Стало известно об отречении Государя и ожидалось Его возвращение. 8 марта, около 11 час.утра, явился караул от запасного батальона Гвардейских стрелков и нам было приказано сдать посты и

покинуть дворец,- все по распоряжению Временного правительства, - высшей и законной, в тот момент, власти. Все пришло так быстро и неожиданно, что Командир полка успел только попросить Государыню его принять. Ее Величество, при приеме, поручила ему передать благодарность за службу и Ее благословение офицерам - нательные серебряные иконки. Эта иконка и сейчас при мне и хранится, как ценнейшее воспоминание.

Дальнейшая судьба полка? Когда предполагалось, что Великий Князь Николай Николаевич будет Верховным Главнокомандующим, то нам было приказано от правиться в Ставку для охранной службы. Но сборы и переезд полка - дело не скорое, и когда полк прибыл в Ставку, то Великий Князь уже отказался от командования и наше присутствие теряло свой смысл. Нам было приказано отправиться в Рогачев, уездный город Могилевской губернии и ждать распоряжения, а оно было: полк расформировать и всем вернуться в свои коренные части.

Добавлю, что после нашего ухода 8 марта из Дворца, туда, часа через 1½-2, прибыл Государь. А первым проявлением "революционной бдительности" нового караула, была пальба по сернам, диким козам и зайцам, жившим на свободе в парке. Мы даже еще не успели смениться и уйти, и встревоженная Императрица прислала узнать у нашего дежурного в чем дело. К счастью эта "охота" скоро прекратилась.

Вся служба охраны Царя и Его Семьи неслась параллельно с Собственным Е.И.В.Конвоем. Последний высылал конные дозоры вокруг парка, а на ночь приходил во дворец офицерский караул от Конвоя, но, конечно, все наши внутренние посты оставались на своих местах. Дружба между нашими двумя частями была тесной,- мы были кунаками. Когда-то было даже общее офицерское собрание. И в память этих незабвенных лет совместной службы были заказаны, офицерами Конвоя и нашими, кольца вороненого серебра с двумя параллельными золотыми обручами. Внутри кольца была выгравирована надпись: фамилия владельца и "8-3-1917",- дата конца нашей почетной службы.

Г.Акимов.(1 вып.)

Три встречи.

После подвижных сборов в 1910 году 8-я Артиллерийская бригада перешла из Пултуска на новую стоянку в Варшаву. Попасть из захолустья в столицу Польши для нас, только что вышедших из училищ молодых офицеров, было большой и значительной переменой. Мы начали жить новой жизнью: по военной линии,- сообщения в Генеральном штабе, военные игры в других частях, лекции в собрании,- все это, правда отнимало много вечеров, но все-же позволяло нам бывать и в театрах, и в кабаре,

которые там были на высоте. Однако меня все-же тянуло познакомиться с Россией, которую я знал лишь по рассказам наших воспитателей или приятелей-кадет, проживавших вне Польши, но это были одиночки, т.к. корпус комплектовался детьми офицеров Варшавского Военного округа. Детство я провел в г Серпце Плоцкой губ., где отец мой командовал лейб-эскадроном 48 драг. Украинского ЕИВ ВК Ксении Александровны полка. Корпус я окончил в Варшаве, училище в Елисаветграде, и опять судьба возвратила меня в Варшаву в 8 Арт. бригаду. И первым делом хотелось мне побывать в наших столицах, Петербурге и Москве, что я и не преминул сделать, воспользовавшись первым 28-дневным отпуском. Обе столицы с их дворцами, музеями и театрами произвели на меня такое впечатление, что последующие маршруты моих отпусков были только Петербург и Москва.

В декабре 1913 г. я приехал в Петербург и, как всегда, остановился у своего дяди с материнской стороны. Он был доктором медицины и начальником Николаевского военного госпиталя, у него была большая квартира, обширная практика в лучших кругах, вообще все, чем можно было воспользоваться для знакомства со столицей и ее обществом.

Во время Японской войны дядя был личным врачем Главнокомандующего на Дальнем Востоке ген. Куропаткина, был с ним знаком домами и иногда генерал заходил к нему запросто, посидеть и вспомнить старое время. И вот как-то дядя говорит мне, что Алексей Николаевич Куропаткин звонил по телефону и собирается быть у него. Переживания мои по поводу предстоящей встречи были огромны: увидеть сподвижника Скобелева, героя Геок-Тепе, Главнокомандующего Манджурской армией ... Жду с нетерпением вечера ... Звонок в передней и через некоторое время в гостинную входит небольшого роста генерал в сюртуке с золотым генерал-ад'ютантским аксельбантом и императорскими вензелями на погонах. Я подхожу к нему и отчетливо представляюсь. Генерал осматривает меня с ног до головы своими маленькими глазками и, обращаясь к дяде, говорит: "Во такие офицеры нужны нашей армии".

Через день иду я по Невскому, прохожу мимо магазина Главного Штаба и вижу в витрине много интересных книг. Заинтересовавшись нашумевшей в то время книгой "Из жизни маленького гарнизона" (если мне не изменяет память), захожу в магазин, беру книгу и начинаю выбирать открытки из военного быта. Входит генерал, я отдаю ему честь, он ее принимает, и я продолжаю заниматься своими открытками. Прошло некоторое время и вдруг я слышу сзади себя: "Поручик, почему вы не отдаете мне чести?" Я оборачиваюсь и, к своему удивлению, вижу перед собой того-же генерала. Фуражка с красным околышем, на погонах пальто нет звездочек, вензель Госу-

даря Императора. Вопрос меня несколько смутил, но я ответил:"Ваше Высокопревосходительство, я вам только что отдал честь", на что последовал довольно сердитый ответ:"Вам солдат отдает честь все время, так и вы мне должны все время отдавать честь!" Тут я уже совсем возмутился,- мне, офицеру, в присутствии приказчиков и посетителей какой-то генерал делает необоснованное замечание! "Ваше высокопревосходительство, под отданием чести я понимаю воинское приветствие ...", не успел я окончить фразу, как увидел, что мой генерал совсем разсвирипел и ..."Как, вы приветствуете генерала?" - "Так точно". - "Сейчас же на гауптвахту, как ваша фамилия, какой части, почему вы в Петербурге" и т.д. Когда злое любопытство генерала было удовлетворено, он повернулся и вышел из магазина. Я же остался в состоянии обалдения, которое, однако, продолжалось недолго. А кем-же я арестован и на какой срок?- промелькнуло у меня в голове. Выхожу на улицу, догоняю генерала и спрашиваю: "разрешите узнать, кем я арестован и на какой срок?" - "Командир Гвардейского корпуса ген.ад'ют.Данилов, а арестовал я вас на одни сутки". Отчетливый поворот налево кругом, и мы разошлись в разные стороны, чтобы никогда в жизни больше встречаться. И тут-то я понял, что я, приехавший откуда-то из Польши, вдруг решил "приветствовать" командира гвардейского корпуса, который на парадах ходит в двух шагах за Царем, перед которым все трепещут, а тут, не угодно-ли, какой-то поручик заговорил!

Прихожу домой, говорю тете, что еду на дачу к ген.Троцкому (тогдашний комендант Петербурга) и рассказываю всю мою историю."Это пустяки", говорит тетя, "дядя позвонит Троцкому по телефону и все уладится". Но я на это не согласился, желая узнать, что такое гауптвахта и как сидят офицеры под арестом. Наскоро обедаю и к 1 ч.дня являюсь в Комендантское управление. Развязный писарь в длинных штанах подходит ко мне и спрашивает, что мне угодно. Говорю:"доложи дежурному офицеру, что я хочу его видеть", - "а по какому делу?" - "Это тебя не касается, а когда разговариваешь с офицером, стань, как следует!" Вытянулся писарь с недовольной физиономией и скрылся. Жду, осматриваюсь и взор мой останавливается на стойке с шашками и саблями,- полегчало: я не один. Приходит ротмистр, которому об'ясняю кем, за что и на какой срок арестован. "Этого не может быть, - у нас за неотдание чести полагается трое суток", на что я ему посоветовал позвонить по телефону ген.Данилову. Он промолчал, записал мою фамилию в каую-то толстую книгу, попросил мою шашку, и повел меня какими-то коридорами. В конце одного из них открыл дверь и сказал:"Вот ваш номер". Я его поблагодарил и "фазан" (так их называли за их пеструю форму) ушел. Не успел я переступить порог полутемной комнаты, как навстречу мне поднимается прапорщик запаса, чуть-ли не с распростертыми об'ятиями.

"Здравствуйте, наконец-то! Целую неделю уже сижу,- скука адская!" Знакомимся. "Скорей снимайте воротничек и манжеты,- ни в одном уставе нет о ношении таковых" - "А не прибавят?". Снимаю и располагаюсь. Небольшая комната, два клеенчатых дивана, стол, два стула, окно с решеткой, дверь с глазком. В коридоре - гвардейский солдат из караула, но без винтовки. По инструкции, которая здесь-же висит, арестованному офицеру честь он не отдает, а должен становиться смирно. Проходя мимо него вижу, стал он так, что можно было бы на него прикрикнуть, но в голове мелькнуло, что связываться не стоит, а то еще прибывать. В обязанность этого солдата входило наблюдать, что, мол, делают г.г.офицеры и докладывать караульному начальнику. За простынями, подушкой и одеялом нужно было посылать служителя домой, а также за едой в соседний ресторан, выпивки никакой.

Сожитель мой оказался очень разговорчивым и, так как он был уже старожилом, то поучал меня, как себя надо держать, чтобы не "прибавили". Я ему рассказал историю моего ареста. "Трое суток",- убедительно заявил он. Тут я уже заколебался,- неужели трое суток придется сидеть из-за злющего генерала. За галстук, если его нет, одни сутки, а за неотданную честь - три. Ну, думаю, полюбопытствовал, как сидят офицеры на губе, и влип. Но что-ж делать, завтрашний день покажет. Завтра утром, продолжал мой сожитель, придет "фазан" и спросит, есть ли претензии, отвечайте, что нет, а то будут дознаваться, откуда у вас появились претензии, и придется вам сидеть до выяснения. Я последовал его мудрому совету и утро прошло благополучно.

Прапорщик (фамилию по давности забыл) рассказал мне свою историю. Кутил он со своими штатскими друзьями. Возвращаясь на рассвете домой, решили зайти в ближайший ресторн выпить по последней. Швейцар ресторана, очевидно видя подгулявшую компанию, захлопнул дверь перед носом прапорщика. Честь мундира была задета, да еще перед штатскими друзьями, он выхватил револьвер и выстрелил в дверь. Никого не задел, но на выстрел сбежались городовые и, так как они не имели права арестовать офицера, то вежливо пригласили его в околодок для составления протокола, а там уже предупредили Комендантское управление. В околодке прапорщика встретил комендантский ад'ютант, который его арестовал и доставил на гауптвахту. Он мне показал вырезки из газет, которые он купил на следующий день после этого события. Чего только не придумали репортеры."Покушение на самоубийство","Из-за любви","Подвыпившая компания","Стрельба ночью" и т.д. Это только то, что я запомнил, а была масса вырезок. Впоследствии, вернувшись из отпуска недели через три, я получил от него открытку, где он радостно сообщил, что его освободили за недостатком улик.

На следующий день ровно в 13 часов караульный начальник, поручик

гвардейский стрелок, принес мою шашку:"Вы свободны".

Это была моя вторая встреча. Хотя я и просидел только одни сутки, на меня это произвело отвратительное впечатление и, чтобы его сгладить, я на следующий-же день уехал в Москву. Там было меньше войск, чем в Петербурге, и, конечно, меньше ворчливых генералов. Осмотр исторических памятников и музеев, посещение театров, помогли мне скоро забыть мою петербургскую неприятность. По окончании отпуска, возвратясь в Варшаву, я пошел являться командиру бригады. Не успел я начать рапорт, как ген.Зедергольм меня прерывает, здоровается и говорит:"Итак, целый отпуск вы провели под арестом?"- "Никак нет, только одни сутки". Улыбнулся генерал и даже не спросил по какому поводу я был арестован: так был он уверен в своих офицерах.

Эмиграция. Париж 1946 года. Захожу я как-то вечером к князю Александру Николаевичу Эристову, председателю Общества Офицеров-Артиллеристов, в котором я был секретарем. Здесь я отклоняюсь несколько в сторону, т.к.хочу рассказать о необычайном прохождении службы князем Эристовым. По окончании Тифлисского В.К.Михаила Николаевича кад.корпуса и Михайловского Арт.училища князь берет вакансию в 21 конную батарею с прикомандированием Лейб-Гвардии к Конной Артиллерии, так как в то время непосредственно в гвардию не выпускали. По окончании Михайловской Арт.Академии князь Александр Николаевич возвращается в строй и в 1914 г.под Каушеном командует Л.Гв.1-й Его Величества батареей Л.Гв.Конной Артиллерии. За артиллерийскую поддержку атаки эскадрона ротм.бар.Врангеля он награждается орденом св.Георгия 4 ст. В ноябре 1914 г.назначается командиром Кавалергардского Е.И.В.Г.Н. Марии Федоровны полка с производством в генерал-майоры и назначением в Свиту Его Величества. За лихие действия полка получает Георгиевское оружие. В 1916 году командует 1 бригадой 1 гв.кав.дивизии. Вскоре становится начальником этой дивизии и кончает войну Командиром 3 Кавказского корпуса. Надо полагать, что такой послужной список был очень редким в нашей армии. Возвращаюсь к своему повествованию. На мой звонок открывает мне дверь А.Н. и говорит:-Вот хорошо, что вы пришли,- у меня Великий Князь Андрей Владимирович, я вас с ним познакомлю, он очень симпатичный и интересный человек. В этих качествах Великого Князя я убедился, когда он был на 50-летнем юбилее нашего Корпуса. Обыкновенно, когда воинские организации приглашали Великих Князей на обед, высокие гости выпивали рюмку водки и через четверть часа уходили. В.К.Андрей Владимирович остался на нашем юбилейном обеде до самого конца и, когда я с группой Суворовцев, его провожал к автомобилю, он мне сказал: "Сколько лет я в эмиграции, а это первый раз, что я так приятно провел время в вашей Суворовской компании. Благодарю вас и Суворовцев".

Итак я вхожу и представляюсь Великому Князю в уютной комнате, стены которой увешаны портретами из времен Царской России. Словом, это был уголок старой России. Особенно мне запомнилась гравюра в красках, изображавшая песенников-кавалергардов с бунчуком и тарелками. И вот за столом, Великий Князь, кн.Эристов и я, артиллерии капитан ... Пошли воспоминания о былом-прошлом: артиллерийская стрельба, парады, конные учения, маневры и т.д. Великий Князь окончил Михайловское Артиллерийское училище, Военно-Юридическую Академию, командовал л.гв.6-й Донской Его Величества батареей и Лейб-Гвардии Конной Артиллерией, и был очень интересным рассказчиком, кн.Эристов был всесторонне образованным человеком и умел делать очень интересные выводы из разнообразных тем разговора.

Это была моя третья встреча и я предлагаю читателям самим сделать выводы о высоко стоящих генералах.

Г. К.

Из прошлого.

В 1915 году, когда Корпус был в Москве, нам удалось достать марш Фанагорийского гренадерского полка. Марш был написан для оркестра и хора. Сначала начинает играть оркестр. Проиграв некоторое время, ведущие инструменты прекращают играть мелодию, а под аккомпанимент оркестра вступает хор (полк). Пропев колено, хор умолкает и снова играет оркестр мелодию И так чередуются. Марш был красивым, несколько старинного типа, но бодрым. Первое колено я запомнил, остальные забыл

"Суворов, наш вождь незабвенный,
Примером солдатам служил.
Царя своего прославляя,
Он полк наш ко славе водил!" два раза

Мы его хотели разучить и вместе с оркестром исполнить на очередной прогулке. Но как-то это не вышло. Может быть потому, что мы были слишком перегружены учебными занятиями и свободного времени у нас почти не было. Даже послеобеденный перерыв тоже уходил на зубрежку.

С. Н и т ц (11 вып.)

Выпускные экзамены.

49 лет тому назад, 28 мая 1914 года, в моем последнем Варшавском выпуске были закончены выпускные экзамены. В третьем отделении этим предметом была химия, "сугубая химия". Экзамен не страшный, последний, его уже не боялись, о переэкзаменовках не могло быть и речи. Павленко, наш преподаватель, начиная первый урок в 7 классе, пытался нас убедить, что химия - чуть ли не самый важный предмет, и приводил доводом как раз слово "сугубая", что по его мнению и определяло важность химии, ибо слово это значит "усиленный, удвоенный". Предмет был нетрудным и интересным, т.к. развлекали опыты в химическом классе, которые назывались "фокусами".

Да было и не до подготовки к химии, т.к.в это время шли вступительные экзамены для "малолетних". Интересно было появиться в приемной, где был небывалый наплыв мамаш и папаш, а были и сестры ... Почти всегда можно было найти знакомых по своему городу, полку и т.д. Отцы были в самых разнообразных формах и чинах. Впервые, в этом году к экзаменам были допущены сыновья подпрапорщиков-георгиевских кавалеров, было их несколько и держались они степенно своей маленькой группой. Периодически в приемной появлялся дежурный воспитатель и удалял оттуда кадет, но через некоторое, очень короткое время они просачивались туда опять. Надзор за нами был ослаблен,- в корпусе оставалась только 1-я рота. С началом выпускных экзаменов мы пользовались гораздо большей свободой, чем до сих пор. 13 апреля мы возвратились с пасхальных каникул, а с 14-го уже начались экзамены.

Первый экзамен, для всего класса, был по русскому письменному. Весь класс писал в гимнастическом зале диктовку и сочинение, как и обычно, за отдельными столиками. Для сочинения было дано на выбор три темы. Из двух баллов выводился средний. Все остальные экзамены шли уже по отделениям. Письменные бывали по вечерам накануне устных.

Еще до начала этой страдной поры кадетами занимались места в классе для парт у стен. По окончании уроков парты раздвигались к стенам, оставив средину класса пустой. Места выбирались по вкусу и настроению: некоторым нравилось сидеть у сорного ящика, другим - смотреть в окна. Для экзамена парты возвращались на свои места. Разрешалось также заниматься и вне роты, на площадках уединенных лестниц, в гимнастическом зале, во всех укромных местах большого корпусного помещения. В таких случаях собственным иждивением находился и ставился туда стул и стол и вывешивалось об'явление, что место занято таким-то.

Была и область "таинственного", несколько отдающая пинкертоновщиной. Начиналось это в период годовых письменных работ, коими и заканчивались уроки. Шли таинственные приготовления для иллегального добы-

вания тем для предстоящих экзаменационных письменных работ. Вставали, как бы для усиленных занятий, рано, еще до общего под'ема, забирались в инспекторскую, исследовали там ящики письменных столов и шкафы, хотя они и были заперты на ключ ... Все это было сопряжено с большим и, пожалуй, ненужным риском, так как результаты были минимальными: иногда находили какой-нибудь листок с темой, но без указания даты, что могло означать, что тема эта уже была исчерпана, скажем, в прошлом году. Однако среди нас были и оптимисты, и любители сильных ощущений! Другие приготовления относились к кропотливой работе по писанию шпаргалок, где тоже работа едва ли могла быть названа продуктивной, так как, вероятно, проще было выучить слабые места предмета, чем часами корпеть за писанием шпаргалок. Самым простым и зачастую успешным способом были подсказки. Если в классе оставались только экзаменующиеся, то можно было им подсказать через стеклянное окно входной двери, для чего пользовались грифельной доской. Удачным случаем считалось, если экзамены продолжались после большой перемены, когда во время отсутствия экзаменаторов можно было открыть шкаф, где хранились оставшиеся билеты и их пометить для тех, которым еще предстояло отвечать. Те, у кого были неудовлетворительные годовые баллы, отвечали в присутствии инспектора классов, обходившего отделения для вызова таких неудачников. Вызывали их внезапно и это было их печальным уделом. Мне посчастливилось во время экзамена по французскому языку получить помощь через окно входной двери и я удивил своими познаниями очень строгого и неприязненного подполк.Москалева.

Страдная экзаменационная пора, конечно, очень вымотала наши нервы, но, как и всему на свете, и ей пришел конец. Вечером по окончании последнего экзамена состоялось заседание педагогического комитета. Чтобы скоротать время мы, пользуясь свободой, гуляли на плацу 2 роты и Говоркову моего отделения пришла в голову мысль забраться по водосточным трубам в воспитательскую бильярдную, что была за помещением для ручного труда. В доказательство лихости своего поступка он возвратился с бильярдным шаром в руках, который, однако, представлял из себя неприятное доказательство его проступка и, поэтому, было решено выбросить шар через забор на улицу. Но, как на грех, в это время проходил городовой, который шар подобрал и передал швейцару Ивану. Иван же ничего лучшего не придумал, как пойти в инспекторскую и передать его на заседание комитета. Никто из нас ничего не подозревал, как вдруг перед вечерним чаем в роте появился "Тема" и об этом об'явил, требуя немедленного сознания виновного, иначе кадет Ф.,другого отделения, известный лихостью своего поведения, будет исключен. Говорков вышел из строя и был сразу же водворен под арест, где он и просидел до нашего от'езда по домам. Сбавлять с балла за поведение ему дальше

уже нельзя было. Эта небольшая неурязка не помешала Говоркову, однако, хорошо окончить Павловское училище, а в начале 1915 года жизнь сою положить "за други своя".

На другой день утром состоялся акт. Мы стояли в строю в Белом зале. Директор поздравил с окончанием корпуса и произнес соответствующую, как всегда, сухую речь. Первым кончил, кажется с круглым 12 в среднем, вице-фельдфебель Николай фон-Эссен, с занесением на мраморную доску, а вот последнего не помню. Окончило всего около 75 человек, из которых человек 25 получили переэкзаменовки, главным образом, по французскому языку. В одном из отделений на письменном экзамене только один получил семерку, было несколько шестерок, а остальные должны были удовлетвориться 1-2 баллами, так что при невысоком годовом балле все они должны были готовиться еще раз. Держать можно было или через несколько дней, или осенью.

После акта был молебен на плацу и передача знамени новому 7-му классу. Мы прощались со знаменем, прикладываясь к нему, а о.Григорий Модзалевский вручал каждому благословение корпуса - овальную иконку Божией Матери. Возвратились в роту и в последний раз поставили винтовки в пирамиды ...

Затем был торжественный завтрак с пломбиром. Всего этого был лишен сидевший под арестом В.Говорков. После завтрака я пошел на кухню к эконому Ф.М.Гаврилову и просил дать пломбира арестованному юнкеру. Хоть это было и незаконно, но он приказал дать. Говорков выгадал: вместо нормальной порции я ему принес целуй стакан пломбира в кармане! После обеда наше отделение поехало по железной дороге до ст.Скерневицы, где переночевало в пустом офицерском собрании 31 пех. Алексеевского полка, а на следующий день двинулось в дер.Радучь в лагерь 1 Стрелкового полка. Там мы были очень любезно встречены и приняты.

2 июня 1914 года, получив вещи и денежный расчет, мы распрощались с родным корпусом. Для многих это было последнее "прости" корпусу и для всех - "прощай Варшава, русская Варшава".

Н. Витте (9 вып.)

Старт в неизвестность.

Помимо своей воли, его осуществили семь выпусков Суворовцев, начиная с 12-го и кончая 18-ым.

На дворе было пасмурное февральское утро. После завтрака нам, 1-й и 2-й роте было приказано итти в классное здание в строю. Казарменный двор запасных частей Сокольнического района города Москвы, в котором помещались классы старших рот, был необычно оживлен. У его ворот группировалась шумная толпа штатских и военных. В глубине двора, на высоте классного здания, перегораживая ведшую к нему дорогу, стоял в боевой готовности взвод Запасного телеграфного батальона. Мы спустились во двор по главной лестнице и в строю, четко отпечатывая шаг, направились к классам. Длилось это не долго, расстояние было невелико, но говор толпы мгновенно затих. В абсолютной тишине, отделение за отделением, продефилировали мы из здания в здание. На этаже, из окон отделений, перед нашими взглядами развернулась панорама одного из углов Москвы, до которого докатился революционный февраль. Толпа протиснулась с улицы в ворота. Тотчас ж-, как вода в половодье, она разлилась по казарменному двору. Потоптавшись несколько минут в нерешительности, она перегруппировалась: в центре ее оказался рослый мужчина с барашковой шапкой на голове, державший в руках красное полотнище на самодельном древке.

Толпа шумела и жестикулировала. Знаменосец двинулся вперед, шагая чинно и степенно, к взводу солдат, толпа за ним. Расстояние между ней и солдатами уменьшалось. Когда они прошли половину отделявшего их от солдат пространства, воздух прорезал фальцет офицера: "Взвод, слушай мою команду!" Солдаты замерли в положении "смирно". "По толпе мятежников, беглый огонь!" Как автоматы, винтовки от ноги перенеслись к плечу в положение прицеливания. Гул говора толпы затих. Она остановилась и замерла. Лишь кумачовое полотнище само продолжало неторопливо и размеренно свой путь. Казалось, что несший его человек был глух.

Один, пять, восемь,- шопотом кто-то считал шаги у моего уха. Каждую секунду могло раздаться роковое "взвод, пли!" Но офицер молчал. В двадцати шагах от солдат человек с флагом остановился. Толпа зашевелилась, помялась и двинулась к человеку с флагом. Окружив его, она расплеснулась влево и и вправо вдоль фронта взвода. Офицер усталым движением вложил Наган в кобуру. Толпа и солдаты перемешались, братаясь. Вскоре все они исчезли из нашего поля зрения по бесчисленным закоулкам нашего казарменного двора и его зданий.

В нем, в казармах Гренадерского Саперного батальона, приютили нас, Суворовцев, после эвакуации из Варшавы. Этот военный городок в Сокольниках мне напоминал вокзал, где пути пассажиров скрещивались на короткий срок. Каждого интересовало лишь свое расписание поездов, до соседей дела не было. Для офицеров и солдат запасных батальонов и маршевых рот мы были детьми, лишенные, как и они, войной очага и спокойствия. Мы были просто Суворовцы, такие-же, как и они, с понятными им шалостями и выходками, от которых их не отделял никакой, даже символический рубеж. Их часовые и дежурные офицеры становились близорукими, когда в вечерних сумерках на заборе с Суворовской стороны, после вечерней молитвы, начинали мелькать таинственные тени то в одном, то в другом направлении. Не раз с непроницаемым лицом они принимали жалобы на снежки или камни, от которых вдребезги разлетались бутыли, проносимые по смежной улице. Никому в голову не приходило направить жалобу по настоящему адресу. Часто, за классным зданием, мы смешивались с ними, наблюдая за сидевшими на земле игроками в карты. Наш смех вливался в их хохот, когда колодой карт ласкался нос проигравшего, и нос багровел от этой ласки.

Этот февральский день, разрушив рутину предвиденных родными и средой карьер, вывел все наши семь выпусков, заключенных в стенах корпуса, на принудительный старт в неизвестность. Единственным не изменившимся злом оставались экзамены. Для 12-го выпуска - выпускные, для остальных - переходные. Подавленность и настороженность первых дней революции была разсеяна оптимизмом, струившимся от преподавателей, близких к либеральной среде Москвы. Под дружный свист и улюлюканье математик Зрене писал на доске лозунги Астрова и Милюкова. Враждебно и внимательно следили мы за попытками интриг против нашей старой иерархии, исходивших от Цейтлина и других, пополнивших места воспитателей, опустевшие из-за войны. Авторитет начальства становился в наших глазах все более и более условным и чисто формальным. Связь с родными затруднялась. У семей появились сови, новые проблемы и им было не до нас. По обычаю прошлого, таким-же кривым зеркалом традиций, каким был в училищах корнетский комитет, у нас был юнкерский. Сначала мы остановились на нем, несколько позже был создан другой, высший орган, - Орден Романовцев, куда также были выбраны трое тринадцатого выпуска. В то время, как юнкерский комитет группировался около неуспевающих и возглавлялся генералом, самым матерым из второгодников, Орден Романовцев собрал самых авторитетных и динамичных кадет обоих старших классов. На полщадке черной лестницы, вне оффициальной зоны первой роты, была комната, предоставленная Мурзе-Барановскому для фотографических работ. Там установили мы наш линотип для печатания брошюр и прокламаций и нашу генеральную квартиру. Для корпуса нашим исполни-

тельным органом остался юнкерский комитет. Первым его решением было не выходить в Михайловское Артиллерийское и Николаевский эскадрон,- они были отравлены элементами, старавшимися, благодаря офицерской форме, скрыться от невзгод фронта. Многих связывали с этими училищами семейные традиции, но выпуск дословно выполнил это постановление. И у меня лично многое осложнилось. Специальные классы Пажеского корпуса, куда я собирался выйти, не существовали. Мой отчим перенес тяжелую операцию в Харькове. Он не мог в свой инженерный полк. Как всегда деликатно и тактично, он мне намекнул в письме на возможность карьеры инженера. Все свои отпуска за $2\frac{1}{2}$ года войны я провел у него на фронте. Его совет заставил меня призадуматься и пока я воздержался занять вакансию в одно из военных училищ. Начались экзамены, но мне было не до них. Наши внешние контакты росли. Дошел слух, что воспитатели Московских корпусов с офицерской организацией Московского гарнизона создают активный центр. Мы обсудили этот вопрос и я отправился в Лефортово к их главе, полковнику Полковникову. Меня встретил озабоченный, усталый пожилой офицер. Он взвешивал слова, они были сдержаны и нерешительны. Нам, динамичным юношам, он показался поблеклым и угасшим. Не нашлось ни понятных слов, ни базы для сотрудничества.

Экзамены кончились, оставалась формальность,- получить аттестаты. Начиналя раз'езд. Не было веселья, скорей чувство подавленности из-за политических событий, менявшихся, как в калейдоскопе. Фронт разваливался, начинались формирования ударных батальонов. Внешние контакты наши множились, росло количество приглашений на совещания. Особенно запомнилось одно, на котором я был вместе с Зина. Оно произошло в одном из особняков Морозова в аристократической части Москвы. На собрании было много молодежи: офицеры, курсистки, студенты, но были и пожилые люди. Динамизм, жертвенность и устремленность доминировали в словах выступавших. Много позже, в списке жертв Ярославского возстания, я нашел ряд имен из присутствовавших на этом собрании.

Неожиданно осложнилось положение в корпусе. Нас собрал директор Баулин в гимнастическом зале, вернее, он уже ждал нас в нем, когда нас об этом известили. Стояли мы не в строю, а толпой перед ним. Когда дежурный офицер ему доложил, что все собрались, он сказал: "Господа, вам надлежит выбрать от вас представителя,- от нас, воспитателей и преподавателей, мы уже выбрали". Я недоуменно посмотрел на Руссова, стоявшего рядом, тот на меня. К нам протискался Зина, недоумевая, как и мы. Вдруг сзади из среды прибывших последними малышей третьей и четвертой роты зазвучали голоса, подхваченные стоявшими около Баулина старшими:"Цевловский, Цевловский".

Ваулин улыбнулся: "Вы хотите Цевловского?" – "Так точно, да, ура!" Я от себя добавил имена Зина и Руссова, но они были заглушены гвалтом малышей. Директор подождал, пока шум утихнет, и сказал: "Утверждаю выбор". Повернулся и вышел. "За этим что-то кроется",- задумчиво сказал Зина. Я был с ним совершенно согласен. Могла быть утечка, во всяком случае надо было быть на чеку. В этот момент появился Лебедев и рассказал, что в третьей роте к одному из кадет третьего дня пришла мать на прием. Он сидел с ней в приемной. В это время пришел Голицын, вошел в телефонную будку и в ней заперся. Горнист тотчас же прильнул к двери будки с целью подслушивать. Мы переглянулись: опасения наши оправдывались! По словам Лебедева, Голицын так кричал, что было слышно во всей приемной,- не надо было и подслушивать. О чем он говорил? Об оружии, о выступлении, о том, что "мы им покажем, где раки зимуют!" Что за горнист был в приемной?- спросил я Лебедева. "Тот, из ячейки каптенармуса Пременко", ответил он. Каптенармус был коммунистом. В этот момент меня позвали к дежурному офицеру. Я явился и он мне сказал, что послезавтра у нас в корпусе состоится митинг военных частей Сокольнического района. Я поинтересовался, по какому поводу. "Кажется, будут говорить о пополнениях на фронт", ответил дежурный офицер, "по крайней мере я так понял".

(Продолжение в следующем номере)

Ф.Цевловский (12 вып.)

Из писем.

П.Н.Манюкин пишет:

"Мой однокашник по Пажескому корпусу Ипполит Ипполитович Комаров, офицер Л.Гв.Преображенского полка, сейчас проживающий в Нью-Йорке, вошел со мной в связь и сообщил, что три Суворовца – Бибиков, Кавалергард, Ольховский, Лейб-Драгун, и он в 1906 году перешли из Суворовского корпуса в 4 класс Пажеского, Бибиков даже в 5 класс. Первые два – уже покойники. Комарова уже давно упоминали наши Суворовцы, но по ошибке называли его Илларионом Илларионовичем. Странно, что сам Комаров мне никогда в Пажеском корпусе не говорил, что раньше он был в Суворовском, и, поэтому, я в моих письмах (сборники №8 и №10) писал, что, вероятно, паж Комаров не Суворовец."

Авто-Броневой Дивизион гв.полк.Мещеринова.

Бессарабия, весна 1919 г.

В 1918 г. я жил в Киеве и служил в Вербовочном бюро полк.П.Р.Бермонд-Авалова. Мы отправляли офицеров в Южную Армию ген.Миллера. Украина была занята немецкими оккупационными войсками, а в Киеве был Гетманом ген.Скоропадский. Положение это, однако, долго не продолжилось: немцы стали покидать Украйну и на место Скоропадского пришли Петлюровцы. Бюро наше прекратило свое существование. Пережив много тревожных недель, мне удалось осенью 1918 года покинуть Киев и благополучно добраться до Одессы. Там такая-же служба в бюро до ранней весны 1919 г. С фронта поступали тревожные сведения: красные, вернее банды Григорьева, приближались к Одессе; началась эвакуация. В одиночном порядке я отправился на Румынскую границу с целью переправиться через Аккерманский лиман в Бессарабию, но, прибыв к месту переправы, я узнал, что румынские военные власти отказываются принимать русских офицеров для перевозки на пароме. Положение мое было ужасным, я стоял недалеко от места переправы около большой дороги к лиману и не находил никакого решения, как мне выйти из этого действительно очень тяжелого положения. Вскоре я увидел, что к месту переправы на рысях подходит какая то конная часть. По форме одежды и головным уборам я понял, что это Польские уланы. Они остановились и спешились невдалеке от меня. Командир эскадрона, красивый, крупный офицер, смотрел по сторонам и увидел меня; некоторое время он с меня не сводил глаз, а потом двинулся в мою сторону. Тут только я заметил, что на его мундире красуется Мальтийский значек, такой-же самый, как был и на моем кителе. Подойдя ближе, он громко спросил:"Паж?" Я ему ответил утвердительно. "В чем-же дело?" Тут я ему об'яснил все мои затруднения; мы представились друг другу,- он оказался пажем и ротмистром 8-го уланского Вознесенского полка графом Грабовским; теперь он был командиром эскадрона польского уланского полка. "Ну, я тебя здесь не оставлю", сказал он, вызвал какого-то унтер-офицера и, через несколько минут, я сидел уже в подводе польского обоза. Вскоре началась переправа и я благополучно оказался на другом берегу лимана в Аккермане. Вечером я был приглашен к Грабовскому на ужин; вспоминал он Пажеский корпус и службу в Вознесенских уланах, удивился, что я так хорошо знаю польский язык. На следующий день, по его совету, я отправился в 13 польский пехотный полк, там меня зачислили в нестроевую роту, в которой уже было человек 20 наших офицеров, юнкеров и кадет, таких же счастливчиков, как и я, которым, благодаря полякам, удалось переправиться на другой берег Днестра. Польская дивизия должна бы-

ла через неделю двинуться в Польшу и я стал обдумывать, что мне делать дальше. Случайно я узнал, что недалеко от нас в одной деревне стоит русский Авто-Броневой дивизион и решил поехать туда, но в этот момент пришел польский офицер и сказал мне, что командир 13-го польского лах.полка хочет со мной познакомиться. Отправился я к нему. Полковник Сахновский очень любезно меня принял и предложил мне стать польским офицером и сразу быть назначенным на должность, соответствующую моему чину; было бы, конечно, хорошо, если бы я сразу же и принял присягу, а в будущем перешел в католичество и женился бы на польке. Мне было ясно, что я этого никогда не сделаю, но мне не хотелось своим отказом сразу обидеть этого симпатичного офицера и я попросил его дать мне время на размышление. Простились мы по-хорошему и я вернулся в мою нестроевую роту. По дороге я заехал к ротм.гр.Грабовскому и все ему рассказал. "И что-же ты решил?" спросил меня Грабовский. Я ему сказал, что этого сделать я не могу. Грабовский встал, подошел ко мне, обнял меня и сказал: "Я так и ожидал: от пажа и офицера славного Российского полка другого ответа быть не могло,- ты ведь не поляк. Другое дело у меня: теперь я должен исполнить мой долг в отношении моей родины, но, поверь мне, с гордостью и дальше буду носить Мальтийский крестик и вспоминать чудное время в корпусе и мою службу в Вознесенском полку". Расстались мы большими друзьями; еще раз поблагодарил я его за оказанную услугу. На следующий день я двинулся дальше в путь, в 20 верстах от нас я нашел деревню, в которой был расположен Авто-Броневой дивизион гв.полковника Мещеринова.

Представился я полк.Мещеринову и просил меня зачислить в его часть. Он меня любезно встретил, он был тоже бывшим пажем; узнав от меня, что в Л.Гв.4 Стрелковом Императорской Фамилии полку я был начальником пулеметной команды, он сразу назначил меня офицером-пулеметчиком на первую машину. В этом дивизионе я нашел знакомых мне офицеров: Л.Гв.Петроградского полка полк.Линейского (помощника Мещеринова) и капитана Монигетти, и моего однополчанина капитана Дейтриха 2-го. В дивизионе было 8 боевых машин, каждая была вооружена двумя пулеметами, а также около 20 вспомогательных машин; всего было около 90 офицеров и нижних чинов. Стоял дивизион в деревне уже 10 дней и никто не знал, что с нами будет дальше. Над нами повисли темные тучи и со всех сторон мы были окружены врагами. Особенно скверно к нам относился комендант города Аккеман, французской армии полк.Д'Ансельм. Он все говорил, что наше положение безнадежно, что мы находимся на чужой территории и что, в конце концов, нас интернируют румынские власти, а броневые машины отберут. Нас очень удивляло, что такие слова мы слышим от офицера, нашего союзника. Через несколько дней Д'Ансельм вызвал полк.Мещеринова и приказал ему сдать ему броневые машины, в

случае отказа, это будет сделано силой. Мещеринов отказался исполнить приказание и предложил Д'Ансельму применить силу. Он возвратился в дивизион и было решено принять все меры предосторожности. Мы покинули деревню и для лучшей обороны заняли позицию на небольшой возвышенности недалеко от деревни, чтобы в случае чего лучше встретить наших "милых союзников". Машины дивизиона были в образцовом порядке и очень "нравились" румынам, да и полякам, и мы догадывались, что во всех угрозах по нашему адресу и последние были замешаны. Мы простояли на нашей "боевой позиции" три дня и ничего не произошло; на четвертый день приехал на автомобиле один французский штаб-офицер и передал полк.Мещеринову телеграмму Командующего Салоникским фронтом генерала Франше д'Эспере. В ней говорилось, что по приказанию французского Верховного командования в Париже нашему дивизиону надлежит прибыть в порт Галац, в старой Румынии, расположиться в казармах и ожидать прихода военно-транспортного судна для погрузки и отправки в Добровольческую Армию в Новороссийск. Через два дня дивизион был в Галаце. Больше месяца прожили мы там в казармах, ожидая погрузки, конечно, на полном иждивении французской армии. Жилось нам в Галаце хорошо: гуляли по главной улице Страда Домнеска, посещали рестораны и кафе. Отношение румын к нам было корректное, но сдержанное. Наконец наступил день погрузки; грузились мы на какое-то допотопное австрийское судно "Виолетта". Плывя по Дунаю к Черному морю, мы заходили в другие порты: Рени, Тульча, Браила. Там на этот же пароход грузились части русской армии генерала Тимановского из Добруджи. Все трюмы были наполнены снарядами, гранатами, на палубе стояли орудия и пулеметы. Последней остановкой был порт Сулин при выходе в море. Скорость судна была минимальной, нагрузка максимальной. Покинули берега Румынии, взяли курс на Новороссийск, погода была чудной и море спокойным. Но на второй день плавания ночью у нас чуть не началась паника: кто-то в море в северном направлении увидел огонек и со страху закричал:"подводная лодка!". Мы тогда находились на примерном меридиане Крыма, занятого в тот период большевиками. На палубе началось что-то невероятное: стали разставлять орудия, заряжать, вытащили пулеметы. Но эта тревога продолжалась недолго: какой-то знаток моря сказал, что это не подводная лодка, а огни Ай-Тодорского маяка в Крыму. Еще день плавания и мы благополучно входили в Новороссийский порт. Тут и закончилась моя служба в Авто-броневом дивизионе. Мне сразу же пришлось отправиться на фронт, где я, недалеко от ст.Лозовой принял командование 4 ротой Л.Гв.Сводно-Стрелкового полка. Прощаясь с сослуживцами по дивизиону, мы радовались благополучному концу нашей одиссеи.

П.Манюкин (5 вып.)

Мои "сателлиты".

В нашем возрасте мы склонны к воспоминаниям. Впрочем, вероятно, это не столько влияние возраста, как желание уйти в себя от неприятной действительности, окружающей наши нынешние дни.

Вспоминаются военная служба и лица, с которыми приходилось постоянно соприкасаться, которые составляли тот "дом" молодого офицера, где он был несомненным и неоспоримым главой,- деньщики и вестовые.

Алексей Титыч.

По тем временам старый солдат, запасный присяги 1908 года. В строю, кроме новобранческого периода, не был, так как, вероятно вследствие своей шляповатости, был назначен ходить за скаковыми лошадьми ротмистра Сиверса в Волынском уланском полку. Бздок посредственный, хотя и кривоногий. Краснорожий с небольшими, лихо закрученными усами. Кавалер. По мобилизации попал в маршевый эскадрон Белорусского гусарского полка и был назначен ко мне в деньщики. Здесь он оказался, как нельзя более, к месту, проявил хозяйственные способности, купил барину бритву и выучил его бриться, хотя в 17-18 лет это не было необходимым. Постепенно забрал в руки домашнее хозяйство, командовал вестовыми и извозчиками. Пробрался в полковой цейхгауз и за 5 рублей моих денег получил у каптенармуса доломан и красные штаны, которые одевались при "приемах" и для зубоскальства на лавочке перед домом по вечерам. Несмотря на запрещение, носил шпоры, ему, как нестроевому, не полагавшиеся. Оговаривался, что иначе над ним смеются вестовые. Влез в доверие моих родителей и, вероятно, немного на меня ябедничал. Но, в общем, среди других деньщиков считался выдающимся. Карьера его закончилась с моим откомандированием на фронт, когда он при известии о предстоящей отправке заболел "медвежьей болезнью", буквально, и обязанности сдал Кузьме Зелинскому, молодому гусару присяги 1915 года.

Кузьма Зелинский.

Прибыл в действующий полк со мной в составе маршевого полуэскадрона, попал в среду деньщиков 3 эскадрона и стал, как младший среди них, у всех на побегушках. Старшинство деньщиков исчислялось ими самими строго согласно положения барина. Постепенно приучился к заведыванию несложным хозяйством: вьюком с моими (и его) вещами, двумя чемоданами в обозе и походной кроватью. В уборке своей и вьючной лошади особенно силен не был. С вьючной лошадью в поводу болтался в хвосте эскадрона, вместе с другими деньщиками, под присмотром вахми-

стра подпрапорщика Бадина. Вся эта "деньщичья сила" мешала движению эскадрона на походе, они вечно отставали, и деньщиков всегда ругали и подгоняли. Кузьма прославился тем, что однажды, когда эскадрон из походного порядка развернулся и, внезапно для хвоста, пошел в атаку, то лошади Кузьмы его понесли и, несмотря на ругань и, вероятно, рукоприкладство вахмистра, Кузьма с вьючной лошадью и трепавшимся на галопе вьюком, принял участие в конной атаке сзади эскадрона. Слава эта ему, видимо, вскружила голову и он потом скромно просил, нельзя ли его представить к медали, но не настаивал, вероятно, опасаясь реакции вахмистра. "Геройство" Кузьмы сделалось предметом насмешек всего эскадрона, которые он переносил стоически. Уезжая однажды в отпуск, он снял с моих запасных погон вензеля Императора Александра 1, прикрепил их к своим погонам и таким щеголем ездил показываться к себе домой, в село Воронежской губернии. Во время революции был тих, предан и надежен, как, впрочем, и громадное большинство нижних чинов.

В 1919 году, уже будучи ад'ютаном л.гв.Казачьего полка, я вдруг вспомнил, что в деревне, куда мы пришли на короткий привал, должен был жить мой Кузьма. По справке у старосты оказалось, что он жив и здоров, и вскоре он появился в нашей хате, мужик-мужиком. Провели мы вместе пару часов. Помню, что он все смотрел на меня, потом попробовал на ощупь материал на моем кителе и сказал: "Эх,времена-то какие,- раньше мы получше кителя носили да и штаны-то были красные!"

Афанасий Шадрин.

Гусар действительной службы, призыва 1911 года, из крестьян Новгородской губернии. Участник атаки 3 эскадрона в августе 1914 года, когда тяжело раненый командир эскадрона ротмистр Вязьмитинов был награжден Государем орденом св.Георгия, а весь строевой наличный состав получил Георгиевские медали. Образцовый солдат, попавший ко мне в вестовые, вероятно, по недосмотру вахмистра Бадина. Легко и умало ходил за лошадьми, собственной, казенной и своей, и успел еще на походе "приобрести" для меня австрийскую стриженую кобылу и двуколку для вещей, которые ходили в обозе. Ладно скроенный солдат, блондин с небольшими усами, был он всегда весел, опрятен и ловок. Во время революции, когда мне пришлось осенью наспех покидать полк, взял на свою ответственность (!) двух моих лошадей и вещи. Обещал попробовать как-нибудь перевести их в имение корнета Т.в Курской губернии. На всем этом, конечно, я поставил крест ...

В 1918 году в Ростове я встретил Т.,который ехал в Добровольческую Армию, и, вдруг, он рассказал мне, что однажды зимой 1917-18 года к нему во двор в'ехал Шадрин на моем жеребце, с какой-то его

"земляк" погонял австрийскую кобылу в двуколке. Конечно, оба были награждены Е., как только это было тогда возможным. Сдав вещи, Шадрин, уже по железной дороге отправился к себе в Новгородскую губернию. Это из Курской-то, куда он походным порядком прибыл из под Хотина!

И лошади и вещи, кроме папирос, которые Е.выкурил, остались в имении, когда самому Е. пришлось бежать на юг.

Петр П.

Во время нашего отступления в Новороссийску, мой деньщик Петр П., казак призыва 1918 года, оставшийся по болезни в Ростове и выздоровевший, в своем хуторе Старочеркасской станицы скрывал два месяца моего отца, быв.Атамана Новочеркасской станицы, пока, наконец, все не "успокоилось" и мой отец не уехал навстречу большевицкому концентрационному лагерю в Александровск-Грушевско.

.....

Мои дорогие, спасибо вам за все!

Г.Гринев (9 вып.)

Имение "Маркутье".

В доме для престарелых на юге Франции проживает г-жа Г.,дама довольно почтенного возраста. В марте этого года ей исплнилось 90 лет и она жалуется, что после гриппа она так ослабела, что не может работать в саду, ухаживая за цветочками.

Спасаясь от большевиков во время "безкровной", г-жа Г.со своей матерью, старушкой 80 лет, попала в Троицкий женский монастырь около гор.Вильно. Сердечное отношение монахинь, после ужасов революции, очень их тронуло. Здесь они познакомились с председательницей русского благотворительного общества, Варварой Алексеевной Пушкиной, женою младшего сына поэта, Григория Александровича, о жизни которого мало кто знает. Жила Варвара Алексеевна в своем имении "Маркутье." Г-жа Г.с матерью часто ездила в это имение, где хозяйка их всегда любезно, как родных, принимала. В.А.была высокого роста, худощавая, всегда просто, но со вкусом одета. О покойном муже она говорила, что из всей семьи А.С.Пушкина он был больше всех похож на своего отца и тоже писал стихи. Она им показывала кабинет своего мужа, где были собраны реликвии ее знаменитого свекра А.С.Пушкина. В углу кабинета стоял большой ствол сосны, под которой Пушкин написал стихотворение "Родина", большое кресло, в котором поэт любил сиживать,

поджав под себя ноги, его письменный стол, на нем лежали его письменные принадлежности. В свое время В.А. с мужем перевезли все это в свое имение. Здесь В.А. жила и скончалась. Навдалеке от дома она построила маленькую церковь. Вся внутренность церкви была украшена ее ручной работой. Около церкви,- небольшое кладбище и тут-же могила ее мужа Григория Александровича.

"По воскресеньям В.А.приглашала к себе всех нас, несчастных",пишет Г-жа Г.,"угощала нас обедом. В такие дни мы забывали все наши невзгоды и отдыхали душой. Она нам помогала всем, чем могла. Меня устроила учительницей французского языка и музыки, а моей мамочке предложила давать уроки французского языка архиерею Духова монастыря, чем моя мать была очень горда. Вскоре В.А.заболела, я продолжала ее навещать, и в последний раз, когда я ее видела, она мне грустно сказала:'Ничего мне не жаль оставлять на этом свете, кроме этого дивного пейзажа, которого я больше никогда не увижу'. Это был чудный вид на Вильно. В.А.была художницей и часто рисовала тушью незаурядные картины. После ее смерти мы опять остались одинокими и раз'ехались в разные стороны".

На этом кончаются воспоминания этой милой старушки. Григорий Александрович Пушкин, младший сын поэта, был членом Виленской Судебной палаты. Умер он в г.Вильно в 1905 году.

Г.Н.

Празднование Корпусного Праздника.

Наш корпусный праздник был отмечен во всех странах света. Где группами, а где и в одиночку, вспомнили Суворовцы павших и живых и то родное гнездо, в котором провели много хороших лет.

Париж. 13 октября в воскресенье после литургии в Введенской церкви перед образом Об'единения, Покрова Пресвятой Богородицы митр.прот.о.Виктор Юрьев отслужил молебен с поминовением усопших. После молебна во французском ресторане "ЛЮС" собрались Суворочки и Суворовцы. Прежде чем приступить к явствам, вспомнили молитвенным молчанием Суворовцев, в этом году отошедших в лучший мир. Затем были прочитаны поздравление от А.М.Шредера (1 в.), А.Н.Потапова (2 в.),Н.Н.Страшкевича (4 в.),Н.М.Витте (9 в.)из США; П.Н.Манюкина (5 в.),Д.А.Погорецкого (6 в.),Н.Н.Римского-Корсакова (8 в.),А.И.Пятибокова (10 в.) и С.А.Наместника из Германии; Г.Н.Акимова (1 в.),П.А.Черненко (5 в.) из Бельгии; Н.Б.Собецкой из Саарской области; Р.С.Судакова (3 в.)из Англии; Н.Н.Якобсона (9 в.)из Турции; Я.Ф.Субботина (7 в.)из Ливана; Ф.Г.Цевловского (12 в.) и Н.М.Полторацкого (13 в.) из Туниса; В.Н.Черноглазова

(12 в.) из Аргентины; К.И.Ершова (2 в.)из Швейцарии; из французской провинции Е.Б.де Витт (9 в.),А.Ф.Приселкова и С.Г.Двигубского (12 в.); от председателя Обще-Кадетского Об'единения А.А.Геринга и были переданы поздравления от Об'единений л.гв.Казачьего Е.В.полка и 6-й л.гв.Донской Казачьей Е.В.батареи л.гв.Конной Артиллерии. Всем вспомнившим собравшиеся Суворовцы выразили свою благодарность и подняли бокал за их здоровье. На своем празднестве Суворовцы чествовали редактора нашего журнала Г.М.Гринева (9 в.),приехавшего из Австрии специально на наш праздник. Обед прошел, как всегда, мило, весело и уютно. Д.Г.Лучанинов сделал несколько цветных снимков, а в конце обеда на экране показал предыдущие встречи, свое путешествие по Сан-Готарду, памятник Суворовским Чудо-богатырям и жизнь Суворовцев на чужбине. На обеде присутствовали: Н.В.Главацкий (2 в.), С.А.Грешнер (6 в.),Д.Г.Лучанинов (6 в.),М.А.Прокофьев (6 в.),С.В. Россинский (6 в.),Н.Б.Сейфулин (7 в.),С.В.Бугославский (9 в.), Г.М. Гринев (9 в.),Д.А.Явленский (9 в.),Н.М.Замайский (12 в.),А.К.Решетников (12 в.) и Андрей Цевловский, наследный член Об'единения. Суворочки, оказавшие честь своим присутствием: Е.А.Главацкая, Н.А. Грешнер, В.К.Замайская, Л.Е.Звонникова, А.М.Лучанинова, М-м Прокофьева, М.В.Россинская, Н.В.Цевловская и Н.Г.Явленская.

Соединенные Штаты. На сборе 12 октября в Нью-Йорке присутствовали: К.П.Шредер, К.В.Деникина, А.М.Шредер (1 в.),Н.Л.Постникова, А.Ф. Потапова, Н.Н.Страшкевич (4 в.),В.П.Заткалик (10 в.),С.К.Гулевич (5 в.), Б.А.Сидорович (5 в.),Г.В.Веригин (8 в.),Н.А.Эрвина, Н.П.Эрвин, Н.Б.Лабудзинская, О.Б.Лабудзинская, о.Сергий Лягин, З.П.Стрельбицкая, Г.Г.Стрельбицкий (12 в.),В.Н.Орехов 2-й (11 в.),А.Е.Владиславлев (10 в.), В.П.Микеладзе, А.Н.Потапов (2 в.). Устройство сбора взяли на себя наши дорогие дамы-Суворочки, поэтому все было особенно хорошо; присутствовавшие принесли им сердечную благодарность, подкрепленную заздравной чарой. Ея Высочество Княжна Вера Константиновна пожаловать не могла, т.к.была занята по службе в "Обществе помощи русскому ребенку", и прислала поздравление.

Аргентина. Из письма В.Н.Черноглазова: "На наш праздник мы будем на молебне в церкви св.кн.Владимира, где и раньше бывали в этот день. После молебна пойдем обедать в ресторан."

Бельгия. Праздник был отмечен обедом у председателя Г.Н.Акимова, присутствовали П.А.Черненко и Крашенинников с супругой. Тер-Саркисов по болезни быть не мог.

От редакции.

Не забудьте снабдить нас рукописями для № 15, который предполагаем выпустить, если Бог даст, весной будущего года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
От Председателя Об'единения	1
От Бельгийского отдела	2
Производство. Н.Страшкевич.	3
От редакции	7
Браконьер. С.Грешнер.	8
На наблюдательном пункте. Б.Сидорович.	11
Из писем (В.В.Нарбут)	12
Собственный Е.И.В.Сводный Пехотный полк. Г.Акимов.	13
Три встречи. Г.Н.	17
Из прошлого. С.Нитц.	22
Выпускные экзамены. Н.Витте.	23
Старт в неизвестность. Ф.Цевловский.	26
Из писем. (П.Манюкин)	29
Авто-броневой дивизион полк.Мещеринова. П.Манюкин.	30
Мои "сателлиты". Г.Гринев.	33
Имение "Маркутье". Г.Н.	35
Празднование корпусного праздника	36
От редакции	37

Издатель: Н.В.Главацкий.
Рукописи просим направлять ему по адресу:
Monsieur N.V.Glavatsky,
6,rue Voisembert,
ISSY-LES-MOULINEAUX (Seine)
F r a n c e.

Сборник №...

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парижъ

"С У В О Р О В Ц Ы"

Сборник № 15.

Издание Об'единений б.кадет Суворовского кадетского корпуса.

Апрель 1964 года. П а р и ж.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От Председателя Об'единений..... 1

О Суворове. С.Двигубский..... 2

Перевооружение остроконечной пулей. Н.Страшкевич..... 2

Артиллерийские курсы стрельбы. А.Потапов..... 7

Полковые знамена. С.Грешнер..... 8

Мои воспитатели. Н.Витте..... 12

Памяти друга. Из архива Харьковских улан..... 14

Последние дни на Родине (1920 год) П.Манюкин..... 16

"Гром победы раздавайся!" С.Двигубский..... 19

Встреча с "Варягом". С.Грешнер..... 21

Первые уроки на служебном поприще. Б.Сидорович..... 23

Старт в неизвестность (окончание). Ф.Цевловский..... 24

Генерал П.Н.Лазарев-Станищев. В.Поляков..... 28

Манифест. И.Сагацкий..... 30

Справка. Александровское военное училище..... 31

Хроника. Лейпцигский юбилей..... 33

Из жизни Об'единений..... 34

Из писем..... 34

Звериада..... 35

Суворовцы в жизни общественной..... 36

Милых Суворочек и дорогих Суворовцев поздравляю с предстоящими праздниками Светлого Христова Воскресения и шлю пожелания здоров и благополучия на многие лета,

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Этой весной, примерно через месяц, будет 50 лет с того радостно и, может быть, немного грустного момента, когда наш 9-й выпуск окончил корпус и покидал Варшаву. Некоторая грусть разлуки навсегда со стенами корпуса, в которых было проведено семь лет, а иногда и боль юношеской жизни, обильно возмещалась радостью птенцов, расправлявших свои крылья и имевших перед собой исполнение заветного желания, - службы Царю-Батюшке. Кроме того, считалось, что все, все без исключения, будут ежегодно встречаться на корпусном празднике в Варшаве и вспоминать былое ...

Дорогие С.В.Бугославский, Н.И.Витте, Г.М.Гринев, Б.В.Де-Витт, С.Н.Невструев, Н.Е.Родионов, Д.А.Явленский, Н.Н.Якобсон, поздравляю Вас с этим знаменательным юбилеем, желаю Вам и дальше бодрости духа и успеха во всех начинаниях.

Об'единения Суворовцев понесли потери:

- 22 сентября 1963 г. в Чили скончался Д.И.Бубнов, 13 выпуска;
- Н.В.Бологовской, 9 выпуска, скончался 7 декабря 1963 года в Вашингтоне, США.

Вечная память нашим славным Суворовцам!

Владимир Всеволодович фон Кутше принят наследственным членом Об'единения в Германии. Он - сын родной сестры нашего Суворовца 10 выпуска В.М.Вейсбаха, бывшей Варшавской институтки.

Милой Суворочке Татьяне Михайловне и ея сыну В.В.ф.Кутше шлем привет и наилучшие пожелания.

---

12 января с.г. состоялось бракосочетание Н.И.Абрамовой, дочери Суворочки Татьяны Константиновны Абрамовой, племянницы Суворовца А.К.Решетникова, с О.Г.Яблоновским.

Пожелаем новобрачным полного успеха в их жизни.

Н.Главацкий.

О СУВОРОВЕ.

Все мы, кадеты-Суворовцы, знали многое о Великом Суворове и, конечно, помним, что имя его в Российской Императорской Армии было увековечено тем, что в списках Армии оно оставалось НАВСЕГДА и было присвоено нижеследующим воинским частям, именовавшимся:
- 11-й Гренадерский Фанагорийский Генералиссимуса Суворова полк;
- 62-й Пехотный Суздальский Генералиссимуса Суворова полк;
- 1-й Донской Казачий Генералиссимуса Суворова полк, и
- Суворовский Кадетский корпус.

(Эскадренный броненосец "Князь Суворов", 2-ой Тихоокеанской эскадры, во время Русско-Японской войны погиб в Цусимском бою), но ... едва-ли все мы знали, что 8-я рота Лейб-Гвардии Семеновского полка, в которой Суворов начал свою солдатскую службу, в царствование Императора Николая II была наименована "8-ой Генералиссимуса Суворова" ротой Лейб-Гвардии Семеновского полка, о чем мне стало известно лишь в 1956 году из писем в редакцию моего журнала "Кадетский Голос из провинции" генерала Лампе и полковника Попова,- бывшего последнего командира полка, ныне уже покойного.

Еще одна подробность о службе Суворова Л.Гв.в Семеновском полку: как грамотный солдат он нес в роте обязанности каптенармуса и, помимо оффициального увековечения дарованием этой роте его имени, интересно было узнать из тех-же писем, что оно было увековечено и самими солдатами, которые до самого последнего до-революционного времени каптенармуса 8-ой роты величали Суворовым.

С.Двигубский (12 в.)

СУВОРОВЦЫ И ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ АРМИИ ОСТРОКОНЕЧНОЙ ПУЛЕЙ.

Немногие из современников, быть может, знали, а более молодые и не могли знать, что вопрос о перевооружении русской армии остроконечной пулей в 1913 году висел на волоске. Благоприятное его разрешение в значительной степени принадлежит 7-му Стрелковому полку, а, в частности, его учебной команде и ее начальнику капитану Уланову.

Сделаю маленькое отступление от темы, чтобы в кратких чертах обрисовать благоприятные условия, позволившие сыграть полку выдающуюся роль в этом деле.

До перемены дислокации в 1910 г.в гор.Ченстохове стояли два Стрелковых полка, 7-й и 8-й. Стрелковые полки сводились в Отдельные

Стрелковые бригады, не входившие в состав дивизий и корпусов, а подчинявшиеся непосредственно Командующему Войсками Округа. Такое положение сохранялось до 1913 года, когда стрелки были включены в состав армейских корпусов. Наша 2-я Стрелковая бригада и 3-я Гвардейская пехотная дивизия образовали 23 Армейский корпус, командиром которого был ген.бар.Рауш фон Траубенберг, но вскоре бригада была передана в 40-й корпус, которым командовал ген.от.инф.Войшин-Мурдас-Жилинский, и в составе которого бригада вышла на войну. До вхождения в корпуса стрелки не выходили в лагерь и только осенью принимали участие в подвижных сборах. Поэтому, в местах их расположения сделано было все возможное для обучения в условиях, близко подходящих к лагерным.

Казармы были расположены на окраине города и к ним примыкало огромное поле с благоустроенным стрельбищем, а в районе казарм был отличный тир на 200 шагов. По новой дислокации 8-й полк ушел в г.Петроков, сменив там один из полков 7-й пехотной дивизии. Тир и стрельбищное поле остались в распоряжении одного нашего полка.

В это время полком 8-ой год командовал окончивший Николаевскую Военную Академию по 1 разряду полковник Лука Лукич Кондратович. Почему он так долго застрял в этой должности мы не знали, а говорилось разное, как обычно бывает в подобных случаях. Командир он был серьезный, требовательный, сравнительно мало внимания обращавший на шагистику, а налегавший на стрелковое дело и полевые занятия. Зимой и летом производились походные движения и стрельбы. Стрельбы были возможны благодаря большому запасу боевых патронов,"зажатых" после Японской войны.

С уходом 7-й дивизии 2-я Стрелковая бригада получила "в наследство" лагерь под гор.Конском. На отведенном полку участке офицерских бараков было недостаточно,- едва хватало для старших офицеров и ротных командиров. Младшие офицеры поустраивались где было возможно, - при собрании, у холостых ротных командиров или "соломенных вдовцов". К категории последних и принадлежал Начальник Учебной команды капитан Уланов, приютивший у себя своих субалтерн-офицеров подпоручиков Сергея и Николая Николаевичей Страшкевич.

Началась лагерная жизнь. С раннего утра стрельба, чистка винтовок, затем "словесность", уставы; после обеда строевые и полевые занятия, решение тактических и стрелковых задач, пользуясь большим ящиком с песком, из которого делался разнообразный рельеф местности, - все это заполняло день. Должен отметить, что командир полка пред'являл огромные требования: каждый "учебник", будущий унтер-офицер, должен был уметь командовать ротой. От нас, младших офицеров, требовалось умение командовать ротой, батальоном и полком, конечно, только в бою, а от ротных командиров и штаб-офицеров - командование дивизиями и отрядами из трех родов оружия.

Было жаркое июньское утро, когда, отстрелявшись, учебная команда, произведя попутно строевое ученье, вернулась в лагерь. Обычно этот короткий промежуток времени от момента возвращения с занятий до обеда посвящался служебным разговорам: оценивались успехи каждого "учебника", как в стрельбе, так и в строевом отношении, начальником команды давались те или иные указания для послеобеденных занятий и т.п., но все это происходило в "семейном порядке", переодеваясь и приводя себя в христианский вид для появления в собрании к обеду. Но в этот день наша мирная беседа была нарушена внезапным появлением вестового из штаба полка, доложившего, что Командир полка приказал начальнику команды немедленно явиться. Бедный Уланов, едва стащивший с себя промокший от пота китель, не успев даже умыться, отправился к Командиру, а мы в недоумении стали гадать, что мог означать столь необычный приказ. До сей поры ничего подобного не бывало. Обычно, заходя в команду, командир полка давал все указания и делал те или другие замечания, если оставался чем-либо недоволен. Правда, в это утро он на стрельбище не появлялся, но это бывало и раньше, однако, вызов начальника команды мог означать лишь какое-то серьезное упущение или его лично, или наше, младших офицеров. Мы с Сергеем ломаем голову, выискивая какую-либо свою вину и ничего не находим. Кажется, все было в полном порядке, никаких упущений по службе не было ни у одного, ни у другого, а Уланов безусловно ни в чем не виноват. Даже аппетит пропадает! Ведь мы оба на отличном счету, т.к. в учебную команду назначают по отбору и мы не первый год в ней ...

В таком напряженном состоянии проходит около получаса. Из окна видим кап.Уланова, идущего с об'емистым пакетом в руках. "Слава Богу, никакой вины нет" - промелькнула мысль. В чем дело, что такое, зачем Вас вызывали? посыпались вопросы. Прежде чем нам ответить, Уланов разослал деньщиков с разными поручениями, а затем, закрыв окна и убедившись, что никого нет, сказал, что получено очень серьезное задание. Офицерская Стрелковая Школа разработала проэкт перевооружения армии остроконечной пулей и теперь проводит ее испытания в войсках. Об'емистый пакет, принесенный им, - это отчет о произведенных испытаниях в Киевском Военном Округе. Штаб Варшавского Военного Округа приказал произвести испытания 2-ой Стрелковой бригаде, а ее Начальник ген.лейт.Артемьев назначил для этого 7-й Стрелковый полк. Получив такой приказ, Командир полка возложил эту задачу на учебную команду.

Испытания Киевского Военного Округа дали совершенно отрицательные результаты. Масса несчастных случаев: вырывает затвор, калечит людей, получается вздутие стволов, сильная отдача и т.п. Было над чем задуматься. Несколько раз прочитали мы отчеты и до поздней ночи изучали их, разбираясь во всех подробностях, выискивая причины указанных в них явлений. Так продолжалось в течение нескольких дней, вернее вечеров, и, наконец, мы пришли к заключению, что причиной всех этих явлений была

неисправность винтовок. Немедленно было приступлено к тщательному осмотру винтовок. К этому был привлечен и заведывающий оружием. Малейшие неисправности были устранены, некоторые винтовки пришлось заменить. К этому времени подошли ящики с новыми патронами и нужно было приступать к стрельбе.

Только четыре человека в полку были знакомы с отчетом Киевского округа: Командир полка, Начальник Учебной команды и мы - двое субалтернов. Ад'ютант не вскрывал секретных пакетов, даже командирам батальонов не было сообщено, а стрелки узнали. Откуда дошло до них известие, одному Богу известно: из Штаба ли Округа или Бригады, не знаю, но только "учебники" наши стали заметно нервничать. Их надо было успокоить, но чем? "Не учи разсказом, а учи показом - мудрое изречение" сказал кап. Уланов и об'явил, что первые выстрелы будут сделаны господами офицерами команды.

Не могу сказать, чтобы я был вполне спокоен, когда мы утром пришли на стрельбище. Стреляли первое упражнение. Стрелки с побледневшими, сосредоточенными лицами стоят на валике. Не знаю какое лицо было у меня, но наружно гг.офицеры были спокойны. Как обычно перед стрельбой - палец в рот, затем руку вверх для более точного определения направления ветра, чтоб указать точку прицеливания."Кто нибудь, дайте винтовки" - приказал Начальник команды. Сразу же десяток винтовок потянулся к нам. Взяли первые попавшиеся; точка прицеливания - в зависимости от характера винтовки. Стоя, с руки, гг.офицеры выпустили по 5 патронов. Все затворы на месте, отдача нормальная и все пули в мишенях."Дать другие винтовки" - приказывает Начальник команды. Снова выпущено по обойме и все пули в мишенях. Третий и четвертый раз брали винтовки, опять все пули в мишенях и никаких несчастных случаев не произошло. Стрелки ожили, рожи расплылись в улыбки. По 20 пуль было выпущено и ни одной мимо и никаких недоразумений. Уже спокойно начали стрельбу. К концу под'ехал Командир полка. "Ну, как, какой результат?" спрашивает Лука (как называли его между собой офицеры). Начальник команды радостно докладывает: "95% - сверх-отлично"."Слабовато",говорит Командир с кислым выражением лица, но с лукавым огоньком в глазах.

С этого дня все пошло гладко. Во всех упражнениях учебная команда не дала ни разу меньше 90%. Высший процент помню 97, а Лука все время недоволен. Обычно выдержанный и корректный, Уланов как-то раз возмутился и ответил ему:"Я, господин Полковник, могу дать и 200%!" Командир понял и перестал выражать свое неудовольствие. Стрельбы шли своим чередом. Так как патронов было достаточно, некоторые упражнения повторялись по 3-4, а то по пять раз при разной погоде. Условия (погода) и результаты каждой стрельбы аккуратно записывались и, благодаря этому, получился богатый материал для окончательных выводов.

Закончив стрельбу, нужно было приступать к составлению отчета и до-

клада. Много вечеров было посвящено этому делу. В основу был взят Стрелковый устав, так называли мы "Наставление для обучения стрельбе". На основании наших записей был составлен отчет с приложением соответствующих таблиц и с окончательным выводом представлен Командиру полка. Одним из крупных преимуществ нового патрона было отмечено увеличение дальности прямого выстрела (при постоянном прицеле), а всякому известно, как трудно менять прицел в бою. В связи с этим нами высказывалась необходимость замены прицелов новыми и прилагался чертеж с указанием шкалы.

Дальше все пошло своим нормальным порядком. Пришла осень и начался новый учебный год в учебной команде. Политическое положение продолжало быть напряженным еще с прошлого года, когда мы получили устное распоряжение Командира полка обзавестись всем необходимым для похода – военных действий. Поздней осенью, а может быть, и в начале зимы, в Варшаве ожидался приезд Военного Министра ген.Сухомлинова. К определенному дню вызваны были высшие начальники до командиров полков включительно. Когда, представляясь Министру, очередь дошла до нашего командира, Сухомлинов сказал ему, что он его знает по отчету, представленному им и что он о нем помнит. Вскоре состоялся Высочайший приказ о производстве полк.Кондратовича в генерал-майоры с назначением Начальником Штаба Туркестанского Военного округа.

В дальнейшем мы узнали, что отчет, представленный 7 Стрелковым полком, почти в точности совпал с результатами опытов, произведенных в Офицерской Стрелковой Школе. Незначительные расхождения были проверены Школой и выяснилось, что они получились благодаря тому, что опыты Школы производились со станка, а в полку – с руки. В срочном порядке было приступлено к перевооружению, высланы новые прицелы, старые патроны заменены новыми, и к началу войны армия была снабжена новыми прицелами и новыми патронами.

Капитан Уланов, проделавший огромную работу, не удостоился даже простой благодарности, ну а мы, мелкие сошки, не претендуя ни на что, можем с гордостью сказать, что и мы были маленькими колесиками в большом механизме.

Н.Страшкевич (4 вып.)

Для сведения. Суворовский погончик для ношения в петлице на цепочке или булавке можно приобрести у Председателя Об'единений Н.В. Главацкого по цене 4.00 фр.для Франции и 5.00 фр.($-1.00)для заграницы.

АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ КУРСЫ СТРЕЛЬБЫ.

Считая, что должен остаться след об Артиллерийских Курсах Стрельбы, которые были учреждены в Белграде (в тридцатых годах) при Обществе Русских Офицеров Артиллеристов, даю эту краткую заметку.

Курсы эти были открыты, согласно пожеланиям офицеров-артиллеристов. В основание была положена программа старой Офицерской Артиллерийской Школы. В Белграде, в то время, были артиллеристы-академики: генерал-майор Н.Н.Добророльский, полк.С.И.Лашков и полк.В.М.Чернявский. Поэтому, руководителями курсы были обеспечены. В прошлом названные лица были на этих должностях в Офицерской Артиллерийской Школе.

Сразу же записалось довольно много слушателей; цифру не называю, так как в точности не уверен. Занятия происходили по вечерам. В пособиях ощущался недостаток, но слушателями записывались лекции, а затем издавались на ротаторе. Практическую стрельбу, конечно, в условиях жизни за рубежом, производить было нельзя, но всеми вместе - руководителями и слушателями - был оборудован, и удачно, комнатный полигон с необходимыми приспособлениями.

Курсы и нагрудный знак были утверждены приказами Русскому Обще-Воинскому Союзу от 12.10.1938 г.№ 38 и от 14.4.1939 г.№ 11. Окончившим курсы выдавалось соответствующее свидетельство. Утвержденный нагрудный знак - это старый знак Офицерской Артиллерийской Школы с прибавлением внизу, под орлом, букв "А.К.С."

Из числа записавшихся очень много отпало, главным образом вследствие недостатка времени, и окончивших курсы оказалось всего шесть: В.И.Кириченко, Н.А.Красных, А.А Кундрюцков, Н.А.Попов-Кокаулин, А.Н. Потапов и В.В.Румянцев. После окончания курсов были попытки заказать значки, но без успеха, т.к. требовалось слишком небольшое их количество.

Примечание. У меня сохранился такой значек только потому, что получил подарок от руководителей. У одного из них оказался старый, школьный и к нему были прибавлены положенные буквы АКС. Он пострадал во время бомбардировок Белграда, но общий вид приличен. Думаю, что это единственный существующий значек за окончание упомянутых курсов.

А.Потапов (2 вып.)

ПОЛКОВЫЕ ЗНАМЕНА.

Пятигорское.

Время: весна 1915 года. Место действия: Курляндия, окрестности городка Шавли, который не раз упоминался в сводках Верховного Командования того времени.

38-я дивизия, где я служил, после кровопролитных боев у Прасныша в Польше была снята с фронта и перевезена большой скоростью в район Риги – Митавы, которые были были тогда об'ектом немецких сил, стремившихся, обойдя правый фланг всего нашего фронта, завладеть этими важными во всех отношениях пунктами.

Мой 152 пехотный Владикавказский Генерала Ермолова полк был головным и, высаживаясь в Митаве, сразу и без артиллерии вступил в бой с немецкой кавалерией, уже подходившей к городу.

Эту кавалерию с конной артиллерией, усиленную самокатчиками и броневтомобилями, наша бригада (в скорости за нами высадился в Митаве и 151 пех.Пятигорский полк) быстро опрокинула и погнала. Только на третий день мы усилились 1-ой бригадой дивизии (Черноморцы и Таманцы) и нашей 38-й артиллерийской бригадой. Движение наше на юг постоянно задерживалось весьма умело действовавшими немецкими подвижными частями. Дивизия двигалась тремя колоннами по параллельным маршрутам: справа Пятигорцы, в центре мы, и слева Черноморцы. Таманский полк был в резерве. Эпизод, о котором я хочу рассказать, произошел дней через пять после высадки в Митаве. Мы подходили уже к району г.Шавли.

Я тогда командовал (конечно, временно) 1-м батальоном полка,- так велика была убыль офицеров в полку после Прасныпских боев. Ведь я был только подпоручиком на втором году службы! На ночлег в дер.Х (названия не помню, а карты нет) полк подходил в сумерки и, когда 1-й батальон, назначенный в сторожевое охранение, сменил походное охранение, было уже совсем темно, а ночи были безлунные. Местность была пересеченная и лесистая. Развести заставы в ротах было очень трудно, а еще труднее было связаться с соседями. Я устроился в домике лесника и связался со штабом полка телефоном, который все время портился и давал перебои в связи. В резерве со мной была одна рота, штыков в 120, и взвод пулеметов.

Дозоры для связи легко связались со сторожевкой Черноморцев налево, а вот Пятигорцев справа никак не могли нащупать. С ними так и не было связи всю ночь. Тишина царила полная. Немцы оторвались от нас еще днем; где они были мы не знали и ходили лишь слухи в полку, что нас нагоняет 5 гусарский Александрийский полк, который и разведает противника. Вдруг, незадолго до полуночи, справа в тылу началась какая-то беспорядочная ружейная стрельба и вскоре на небе в той сторо-

не появилось зарево, видимо, от пожара. По карте я определил, что все это происходило в местечке Кужи, где должен был ночевать штаб и батальон Пятигорского полка. Туда от меня было около 3 километров и вела лесная дорога. Послал туда дозор для выяснения обстановки, а на дороге выставил заставу с пулеметом. Мой штаб полка тоже не знал, что происходило и связи с Пятигорцами не имел, а через штаб дивизии они еще не связались, но, как и я, слышат стрельбу и видят зарево.

Теперь я изложу что мне потом рассказали кунаки-Пятигорцы.

Как и мы, они пришли на ночлег в м.Кужи уже в темноте. Один батальон ушел в сторожевку, два батальона, штаб полка и обоз 1-го разряда свободно разместились в местечке, а один батальон стал в выселках в 1 км.от Куж. В центре местечка была большая площадь и в средине, изолированно от всех строений, стояла школа, где и поместился штаб полка. Роты были разведены по квартирам, люди разоблачились и без снаряжения и оружия сновали уже по местечку. Тут подошли и кухни. Вдруг откуда-то появились вооруженные немцы и сразу в нескольких местах открыли огонь. Одни Пятигорцы потом говорили, что немцы были спрятаны на чердаках, другие уверяли, что в соседнем овраге было два эскадрона конницы. Выяснить этого достоверно не удалось, надо полагать, что было и то и другое. Началась паника, т.к. ни одного даже взвода не было готово к бою. Несколько домов было подожжено для освещения и, еще немного, и полк был бы разгромлен.

Командир полка и офицеры штаба, увидев эту катастрофу в окна, решили спасать знамя. Сорвали с древка и ад'ютант, спрятав полотнище под шинелью, пытался выпрыгнуть из окна, так как дверь была под сильным обстрелом. Но выпрыгнуть он не успел: пуля сразила его. Тогда все кто был в школе, офицеры, связные и деньщики, забаррикадировали чем попало окна и двери и стали отстреливаться. Знамя-же и древко, разорвав и поломав, стали бросать по кускам в печку, чтобы не досталось врагу. К великому счастью, батальон, ночевавший в выселках, услыхал стрельбу и, видя пожар, был поднят по тревоге и бегом выступил на подмогу, не зная, что, собственно, происходит. Действия этого батальона были настолько стремительны и "ура" настолько громко, что через полчаса Кужи были очищены от немцев, которые потеряли немало людей убитыми, ранеными и пленными. К рассвету полк был отведен в резерв, его место заняли Таманцы, и дивизия двинулась дальше за немцами, но на сей раз у нас впереди была кавалерийская разведка: наши Черные гусары.

Обгорелые остатки знамени, древка, копье и скоба были своевременно вытащены из огня и сложены в ящик, который при рапорте один из офицеров полка отвез в Петроград для представления Государю Императору. Знамя было старое, георгиевское за взятие Карса в Турецкую войну. Впоследствии оно было заменено новым.

Владикавказское.

Выше я рассказал о случае со знаменем Пятигорского полка, а теперь вспомню, как мне довелось способствовать выручке знамени своего Владикавказского полка.

Произошло это вскоре, дня через три после описанной немецкой засады в м.Кужи, когда Пятигорцы чуть не потеряли своего знамени. Дивизия попрежнему вела наступление, тесня немцев к югу. Попрежнему я командовал 1-м батальоном и нам пришлось целый день вести бой с маневрировавшим подвижным (самокатчики и кавалерия со своей конной артиллерией) противником, заставлявшим нас разворачиваться в боевой порядок, вести наступление под огнем, а затем свертываться в походный порядок, т.к. противника уже не было. Они уходили, оставляя на своей позиции груды стреляных гильз, иногда подбитые орудия и пулеметы (работа нашей артиллерии), двуколки и мотоциклы; убитых и раненых увозили. За одни сутки приходилось вести бой в двух или даже трех направлениях: утром на юг, после полудня - на запад, а к вечеру - даже на север. Батальон метался, сворачиваясь и, пройдя верст 5-6, вновь разворачиваясь в боевой порядок. В конце концов связь со штабом полка часто утрачивалась и лишь временами случайные соседи служили источником сведений и о противнике и о своих силах. Немцы вели задерживающие арьергардные бои и ловко маневрировали.

Переночевав в цепи, рано утром получил с конным разведчиком приказание Командира полка принять под свое командование отбившуюся от своего батальона 9-ю роту и, снявшись с позиции с 5 ротами перейти в какую-то деревню и узел дорог у меня в тылу верстах в трех, где окопаться фронтом на запад. Немцев против меня не было и мы свернулись легко. Даже стрелявшая по нас накануне артиллерия из за города Шавли, тоже нас не беспокоила. Видимо и они снялись с позиций.

Идем в колонне с мерами охранения и по выходе из перелеска вижу несущегося навстречу во весь опор всадника; в бинокль различаю: свой. Это оказался наш штаб-горнист Водолазский (как запомнилась фамилия!). Взволнованно докладывает, что штаб полка с командиром, знаменем и обозом втянулся на лесную дорогу Купри-Иодейки в одной или полутора верстах от нас и там, в лесу, эта колонна была внезапно атакована из леса и по просекам немцами. "Спасите знамя, Ваше Благородие!" Место, которое указывал Водолазский, было где-то левей от моего маршрута. Оттуда, действительно, была слышна сильная стрельба и даже, казалось, крики.

Оставив на дороге в виде резерва две роты, применившиеся к местности, я с остальными тремя поспешил скорым шагом, а где можно и бегом, к тому лесу, где был слышен шум боя, на выстрелы. Но, перевалив через небольшой пригорок в полуверсте, мы были обстреляны пуле-

метным и ружейным огнем, а немного спустя и артиллерией. Пришлось мне спешиться и до опушки добираться уже в боевом порядке, с цепями, т.к. офицеров в батальоне, с лишней ротой, у меня всего было три (кроме меня самого),из которых один остался с резервом.

У нас появились потери, но все-же кустарники и всколмленность поля позволили нам сблизиться с противником местами шагов на 200-300. Здесь удалось небольшим маневром во фланг выдававшемуся вперед участку леса, одновременно с лобовой атакой, сбить немцев и их прогнать. Опять это были самокатчики: нам досталось около десятка велосипедов; некоторые в исправном состоянии. Человек 15 взяли в плен, остальные отступили в лес. Сгоряча мы их преследовали, но, как всегда бывает после атаки да еще в лесу, через 10-15 минут около меня осталось человек 20 разных рот. Пройдя лесом до следующей опушки, я увидел два германских орудия на позиции, которые стреляли через лес, видимо, по моим резервным ротам. Соблазн захватить их был велик, но как? Было у меня человек 20, а до батареи надо было бежать шагов 500, - мы-же не кавалерия! Даже если у них не было прикрытия (а его не было видно), то за время пробега этих 500 шагов от нас от нас ничего не осталось-бы. Под картечным огнем я уже побывал и на риск не пошел. Вместо этого я послал связных подтянуть ко мне роты и связаться со штабом полка (если возможно) на дороге Купри-Иодейки. В конце концов и я с остальными ротами попал на эту дорогу, которая к тому времени оказалась где-то влево и в тылу у меня. На ней никого живых уже не было. Трупы наших, немцев, конские, поломанные двуколки и в лужах крови плавающие документы из полковой канцелярии, приказы и т.п. Скверная была дорога! Узкая, - не развернуться, в густом мелко-еловом и сосновом лесу, где за два шага от края ничего не видно.

Вечером я нашел в Иодейках Командира полка со штабом и доложил о своих действиях. Разглядели вместе карту и, сверив по времени, так и выходило, что мой удар пришелся немцам в левый фланг и они вынуждены были бросить преследование штаба полка и остатков обоза и отойти назад. Мои потери были не очень велики: на все пять рот около 40 человек. А я в цепи перед атакой, выглядывая немцев из-за пня, получил в ушную раковину кусок оболочки разрывной пули, попавшей вместо моей головы в этот пень. Фельдшер вытащил этот осколочек пинцетом и залил ранку иодом.

С.Грешнер (6 вып.)

МОИ ВОСПИТАТЕЛИ.

Первым моим воспитателем был подполк.Григорьев, но через 2-3 недели он получил назначение Воинским начальником и нас покинул. Мы, первоклассники, успели к нему привязаться и были огорчены разлукой с ним.

После него наше 3-е отделение, поступления в корпус в 1907 году, принял л.гв.Волынского полка шт.кап.Болдескул, окончивший Военно-Юридическую Академию. Упитанный, розовенький, мягко-сердечный, невозмутимо спокойный, строевого в нем было мало. Дали ему прозвище "серделька", подходившее к его наружности. Он преподавал Законоведение в 7 классе. Иногда, в 4 роте, при построении перед чаем или обедом, не сразу умолкали разговоры, тогда он невозмутимо спокойно садился на стол перед ротой и, болтая ногами, говорил:"пока не будет тишины, не поведу роту в столовую". А, собственно, строг он не был и, нужно сознаться, нас распустил. Несмотря на его цветущую наружность, он не раз продолжительно болел, в 1-2 классах его заменяли шт.кап.Латынин, оделявший нас китайскими драконами на папиросной бумаге, и под'ес.Агеев, Донской артиллерист. К ним мы были безразличны и следа о себе они у нас не оставили. В 4 роте к нам применялись наказания: без сладкого, ставили на штраф, без отпуска и, кажется, оставляли без прогулки, а сбавка балла за поведение уже была серьезным наказанием. Отправляли также домой "на исправление" на 1-2 месяца, но самым большим было лишение права носить погоны. Впрочем,такие случаи были редки.

Кажется, вскоре после Рождества в 3 классе ушел от нас шт.капитан Болдескул в Военно-Судебное Ведомство. И вот перед нами появился новый воспитатель, подполк.Николай Яковлевич Навроцкий. Довольно высокого роста, подтянутый, щеголевато одетый с "Павлонским" значком, он сразу произвел на нас впечатление и был первым, кого мы увидели в "галифе", входившем тогда в моду. Сразу за что-то цукнул дежурного, построил отделение и приказал дежурному открыть все парты. Там у большинства был полный беспорядок. Всех переписал себе в книжечку, а старшему приказал всем им дать по дежурству вне очереди. Это повторялось несколько раз, пока он нас не приучил к полному порядку. Такое-же наказание получал и дежурный за грязные доски или за безпорядок на этажерке. Сразу-же ему было дано прозвище, не блиставшее остроумием - "Носорог", за то, что он сует свой нос в наши парты. Прозвище это за ним так и осталось до конца.

Подполк.Навроцкий окончил Аракчеевский корпус и ст.порт.юнкером Павловское училище, вышел в 1 Вост.Сиб.Стрелковый Его Величества п., где был полковым ад'ютантом и,как ад'ютант Шефского полка, ездил с Командиром полка на Коронацию в Москву, за что и получил медаль.

Затем он был воспитателем в Хабаровском корпусе и, как бывший в тылу Манджурской Армии, имел медали за Китайскую и Японскую войны. К нам он был переведен из Аракчеевского корпуса. Он заметно приводил нас в "христианский вид". Отучил от часто применявшейся формы явки:"честь имею явиться" и с иронической улыбкой спрашивал:"Это вы мне делаете честь, или я делаю вам честь, что разговариваю с вами?" Всегда обращался к кадету не только по фамилии, но и с прибавлением "кадет такой-то". Подтянул он нас здорово, но и мы его доняли. Был у нас талантливый рисовальщик, Крауз 1-й, который к приходу Навроцкого на вечерние занятия или по какому-нибудь другому поводу днем, неизменно рисовал шикарные сапоги (так их называли "столбцы") и большущее галифе. Навроцкий, не моргнув глазом, приказывал дежурному стереть рисунок, а старшему - записать дежурному наряд на дежуство. Так повторялось неоднократно и уже в 6-7 классе однажды Навроцкий нам сознался, что надоел ему Крауз до того, что пришлось отдать портному галифе, чтобы его сузить. Мы любили слушать его хорошее чтение в младших классах, когда по воскресеньям бывало чтение по утрам. Был он интересным рассказчиком, бывал заграницей в Египте, Швейцарии, Италии. Заслужил он наше полное уважение и поставил себя серьезно среди кадет. С 3 класса уже нас стали наказывать карцером, а у Навроцкого это происходило торжественно, оффициально: он точно заполнял записку об аресте и подписывал своим характерным росчерком, обязательно с точкой. Уже в 4 классе, когда наше отделение было единственным, кроме 3 класса, в 3-й роте,он ввел новое наказание. Вероятно многие помнят маленькую комнатку против комнаты дежурного офицера, которую Навроцкий приспособил, как вспомогательный карцер и посылал туда кадет за проступки, а также и за малоуспешность, что считалось наказанием мягче карцера. Попадали туда после обеда до укладки спать, с книгами и учебными пособиями. В 6 классе у нас был смещен с должности старший за следующий общий проступок. В одном из отделений была летучка по французскому языку, ожидалась и у нас. Там был удачно применен фокус. кап.Москалев, преподаватель, диктует слова, а кадеты пишут заранее заготовленные слова с их переводом. Трюк этот у них прошел, прошел бы и у нас, если бы один кадет не написал слова, продиктованные преподавателем. В результате все было открыто , а старший в отделении был смещен за то, что покрыл этот сговор. Таким образом отделение месяца полтора оставалось без старшего, что дало нам возможность научиться командовать, т.к.на обязанности дежурного было строить и водить отделение. В том-же 6 классе наш отделенный проказник Говорков из окна класса попал куском мела в котелок проходившего инспектора реального училища г.Говорко. Виновный долго не сознавался, но потом, все-таки, ему пришлось выйти вперед. Навроцкий его отвез к пострадавшему для принесения извинения, но на комитете отстоял

Говорков исключен не был. Он вскоре-же оправдал доверие Навроцкого: к Рождеству у него было уже в среднем 9 баллов, вместо обычных 7-ми. Сбавленный было до двух балл за поведение, был прибавлен до 6-ти и, в конце концов Говорков благополучно перешел в 7 класс. Дней за 10 до корпусного праздника в 7 классе один кадет проявил за неделю максимальную неудачу: он был 4 раза вызван и сумма баллов составляла 12. Кадета этого Навроцкий наказал отправкой в карцер ежедневно после окончания уроков до праздника с угрозой, что будет и в день праздника оставаться в карцере, если получит хоть одну неудовлетворительную отметку. Впрочем, распоряжение это продолжало выполняться и после праздника и кадет этот, а также и дежурные воспитатели уже привыкли к этому распорядку. Называлось это "карцер по таксе".

Любимым изречением Навроцкого было:"Поведение кадета тесно связано с его учением, т.е., если кадет плохо учится, то и не может себя хорошо вести, и наоборот". Конечно бывали и исключения.

Пробыв 5½ лет в отделении подполковника Николая Яковлевича Навроцкого, я считал себя хорошо подготовленным к поступлению в военное училище.

Подполк. Навроцкий в 1913 году был награжден орденом св.Владимира 4 степени, а в начале войны принял 2-ю роту с производством в полковники. После революции он был ротным командиром в Одесском корпусе, с которым и был эвакуирован в Югославию, служил в Сараевском корпусе, где и скончался.

Н.Витте (9 вып.)

ПАМЯТИ ДРУГА.

Милым, юным, молодым корнетом
Ты вошел в наш старый полк седой,
Полюбил его душой поэта,
Наградил художника красой.
В час тяжелый той борьбы кровавой
За свободу, честь страны родной
Ты - в рядах полка корнет удалый,
В боевом пиру, - улан лихой.
Мы весны лишь ждали, чтоб ударом
Молнии Российской поразить,
Смять ряды врага и, с новым жаром,
Родину свою освободить.

Враг надломлен был... Не веря больше чуду,
Гибель верную желая отклонить,
Нанял он предателя-Иуду,
Подлый нож чтоб в спину нам вонзить.
Все погибло, только честь осталась...
Белых воинов пополнил полк ряды.
Не глядя на раны и усталость,
В их рядах, конечно, был и ты.
Но испить победы полной нашей
Не дал нам Всевышний до конца,
Наградил страданий полной чашей,
Иглами тернового венца.
На чужбину выброшены шквалом,
Вкруг седого командира собрались
Верны долгу чести и, недаром,
Во ядро единое слились.
Ты душою был Об'единенья,
Не щадя себя, последних сил,
Всю любовь свою без сожаленья
В ту семью уланскую вложил.
Видно Господу нужны такие души,
На земле нет места для таких!
Ты сгорел, как бы трава при суше,
И оставил нас, улан седых.
Пред твоею свежею могилой,
Полны грусти в тот прощанья час,
Вспоминали мы привет улыбки милой,
Отблеск соколиных глаз...
Спи спокойно. Хоть земля чужая
Приняла твой прах, но сохранит
Блеск души твоей улан семья родная,
Непоколебима, как гранит.

(Из архива Харьковских улан,
написано на смерть Суворовца Н.П.Клобукова, 6 вып.)

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА РОДИНЕ.

(1920 год.)

В начале второй половины января месяца 1920 года началась во второй раз эвакуация города Одессы. В городе воинских частей Добровольческой Армии было не мало, но недостаточно для того, чтобы остановить наступление большевиков, очень сильный отряд которых приближался к Одессе. Только часть Добровольческих частей могла быть перевезена морским путем в Крым, большая-же часть, а в том числе и части Гвардии принуждены были отступать к Румынской границе, переход через которую для нас был закрыт; оставалось только двигаться на север и пробиваться в Польшу с боями. Этот наш поход известен под названием Бредовского похода и описывать его я не буду. На тачанках, санях, телегах двинулся наш отряд вдоль Днестра в северном направлении; наше движение с востока прикрывали конные части ген.Склярова; в нашем отряде было много больных сыпным тифом. Через 2-3 недели форсированного марша мы прибыли на восточную границу Галиции и вошли в соприкосновение с польскими пограничными войсками. После переговоров с высшим польским командованием нам было сообщено, что, до выяснения нашей судьбы, мы будем интернированы в трех лагерях. Лошадей, вооружение и перевозочный состав нам пришлось сдать полякам, офицерские-же лошади были куплены польским правительством и впоследствии эти офицеры получили деньги. Некоторое время мы простояли еще в Галиции в ожидании железно-дорожного транспорта. Части Гвардии были перевезены в лагерь Стралково в 60 верстах восточнее гор.Познани. Перед распределением по баракам польский офицер осматривал содержимое наших сундуков и чемоданов, но только поверхностно; потом спросил, имеет-ли кто-нибудь огнестрельное оружие при себе, мы ответили, что все уже сдали еще в Галиции. На это польский подпоручик подошел к кому-то из наших офицеров, не помню уже его фамилии, но запомнил, что он был офицером Л.Гв.Кексгольмского полка, и стал хлопать его по карманам; офицер наш возмутился и стал громко протестовать. На этот шум вошел в помещение польский капитан и, узнав в чем дело, что-то сказал своему подпоручику, который сейчас-же прекратил обыск. Впоследствии мне удалось узнать, что он ему сказал, что офицер офицера не обыскивает, а верит его офицерскому слову. Бараки были грязными, спали мы на нарах и соломе, лагерь был обнесен колючей проволкой и выход из него без особого разрешения был запрещен. На второй день нас партиями отправляли в баню, а за это время производилась химическая дезинфекция всей нашей одежды и белья. Питание в лагере было сносным и скоро мы стали получать разрешения на хождение в соседний городок

для закупок. Тоска в лагере была страшная и всех нас томила неизвестность. Иногда проникали к нам какие-то слухи из Варшавы о том, что польское правительство ведет какие-то переговоры с кем-то по перевозке нас через Балканы в Крым в Армию ген.бар.Врангеля. Но недели и месяцы проходили и ничего не менялось. Во время одного короткого посещения города я решил купить себе штатский костюм, в городе-же переодеться и поехать в Варшаву и там в "Русской Военной Миссии" что-нибудь узнать о нашей судьбе. О своем плане я рассказал своему младшему офицеру гв.кап.Любимову и он, к моему несчастью, решил тоже ехать со мной. Садиться в поезд на нашей станции было опасно: узнали-бы и возвратили в лагерь. Решили мы пешком итти до гор.Конина и там сесть в поезд. Под вечер двинулись мы в путь и, идя настоящим "стрелковым шагом", около полуночи, проделав 30 верст, подходили к Конину. Там на реке Варте было три моста, через которые надо было пройти. Было уже темно и вдруг нас кто-то окликнул, подошел польский солдат с ручным фонарем и спросил кто мы такие и куда идем. Я кратко ему что-то ответил по-польски, но мой Любимов, не зная ни одного польского слова, испортил все дело. "Двух я уже имею" сказал солдат и на мой вопрос "кого-же?" ответил, что мы советские пленные, которые сегодня вечером убежали из лагеря военно-пленных. Увидев, что дело принимает серьезный характер, - попасть в лагерь советских военно-пленных никому не хотелось, - пришлось солдату рассказать кто мы такие и, для проверки последовать за ним в Комендантское управление, где нас продержали до утра до прибытия польского офицера. Из пред'явленных нами документов он скоро убедился, что мы не большевики. Находившийся здесь-же польский унтер-офицер спросил меня знаю-ли я господ офицеров Л.Гв.Петербургского полка; я назвал ему несколько фамилий, среди них как-раз фамилию его бывшего ротного командира в этом полку. Конечно, в советский лагерь мы не попали, но комендантский офицер сказал, что обязан нас отправить обратно в наш лагерь. Посадили нас в какую-то бричку и, в сопровождении того-же унтер-офицера, отправили. В нашем лагере он нас передал Коменданту лагеря, какому-то полковнику, который нас посадил на сутки в карцер, а нашего командира ген.м.Скалона просил по прибытии в Крым отдать нас под военно-полевой суд за "дезертирство из действующей армии". Хороша была эта "действующая армия" сидевшая уже 4 месяца за колючей проволкой.Конечно, ген.Скалон только посмеялся и на этом кончился мой первый побег.

Через некоторое время нам об'явили, что все уроженцы Прибалтийского края будут освобождены, если они пожелают отправиться на службу в их новые государства. Мне хотелось только добраться до Варшавы и я заявил, что еду в Ревель. Тщательной проверки документов не было и я с одной такой группой приехал в Варшаву. Там нам предоставили место жительства в каком-то лагере на окра-ине города, из которого выход был совершенно

свободный и люди могли явиться для регистрации в их посольства. Я сразу-же отправился в нашу "Российскую Военную Миссию", где меня очень любезно встретил Начальник миссии Л.Гв.Гродненского гусарского полка полк.Долинский и его помощник Л.Гв.Измайловского полка полк.Диль. Сразу-же я получил заграничный паспорт для проезда в Югославию, дающий мне право некоторое время легально проживать в Варшаве и хлопотать о получении транзитных виз через Чехословакию и Австрию. Этим делом я и занялся и через некоторое время все было закончено. Но мне так понравилась жизнь в Варшаве, что я все откладывал свой от'езд в Белград и дальше в Крым. В Варшаве я встретил много знакомых, кроме того, я знал, что "действующая армия" все еще находится в лагере в Стралково, и не торопился с от'ездом. Кажется, на Подвальной улице была русская столовая и во дворе этого здания с каждым днем все в большем и большем количестве появлялись наши эмигранты; польские власти обратили на это внимание и однажды окружили это здание и предложили нам отправиться на регистрацию в городской магистрат. Постоянных жителей города сразу освободили, а всем другим, вроде меня, запретили пребывание в городе, вернее, проживание в нем и сделали соответствующую пометку в паспортах. Пришлось поселиться в дачном районе около ж.д. станции Милосна, недалеко от Рембертовского артиллерийского полигона, там была уже целая русская колония. Ездил я в Варшаву каждый день по "делам" паспорта, бывал я в Лазенках, часто гулял по Уяздовской аллее, любовался зданием родного мне Корпуса и становилось так грустно...

Советско-польская война продолжалась и польская армия отступала. Были сведения, что на юге Польши советские войска подходят к Висле, отношение поляков к нам эмигрантам заметно улучшалось: нас называли уже союзниками, интересовались положением дел в Крыму, больше нас не притесняли. Несмотря на то, что мои транзитные визы были давно просрочены, я решил, не возобновляя их, уезжать в Югославию. Перед от'ездом я зашел проститься с полк.Долинским. Он мне сказал, что решил послать меня курьером в Белград с важными документами к Военному Агенту ген.Д.Н.Потоцкому. Еще два дня я подождал и тронулся в путь; от польского Главного Штаба я получил бесплатный проезд до Чехословацкой границы в вагоне 1 класса с плацкартой. В моем купе напротив меня сидел польский полковник, лицо которого мне показалось знакомым; он тоже внимательно меня рассматривал и вскоре мы выяснили, что это был тот полковник Сахновский, который год тому назад в Бессарабии предлагал мне службу в Польской армии. До самого Кракова мы оживленно беседовали и расстались друзьями. В моей дальнейшей поездке я имел некоторые затруднения с моими просроченными визами, но власти на местах их возобновляли и меня пропускали. Три дня я даже провел в

Вене, осмотрев все достопримечательности этого красивого города, приехал в Белград и передал секретные документы ген.Д.Н.Потоцкому.

В Крым мне не удалось больше попасть.

П.Манюкин (5 вып.)

"ГРОМ ПОБЕДЫ РАЗДАВАЙСЯ..."

Усилиями журнала "Военная Быль" и издательства "Наша Слава" уже выпущено 7 грамофонных дисков с маршами разных полков Русской Армии и вот теперь намечен к выпуску диск № 8, посвященный маршам и песням Военно-Учебных заведений.

С радосью я увидел, что в перечне этого восьмого диска указана и наша "встреча" Суворовского кадетского корпуса "Гром победы раздавайся..." Выслал деньги (не Бог весть какие - всего лишь 10 франков) и буду теперь ждать выпуска с нетерпением и некоторым волнением, т.к. необходима подписка не менее чем на 400 дисков.

Разбросанная по всему миру, семья кадетская очень велика, не мало в ней и нас кадет-Суворовцев; даст Бог, необходимая сумма соберется и мы будем иметь радость прослушать на старости лет тот величественный Екатерининский мотив, от звуков которого при выносе нашей святыни - нашего знамени ТОГДА ЗАМИРАЛО СЕРДЦЕ НАШЕ...

В середине августа 1918 года 1-ым Конным офицерским полком, в составе Черноморского отряда, с налета был взят Новороссийск. За это дело Командир полка (он-же Начальник отряда) полк.Колоссовский был произведен в генерал-майоры. Захвачено было большое продовольственное и военное имущество, обогатившее материальную часть Добровольческой Армии, взято много пленных и в том числе нашим конным полком был взят целиком духовой оркестр с дредноута "Воля" (переименованный революцией "Александр Ш"), собиравшийся давать (забыл, не помню!) или уже давший концерт в городском саду. Штаб полка с воодушевлением принялся за "переделку" красного морского оркестра в "белый" хор трубачей:"красу и гордость" переодели из черного в защитные гимнастерки, серо-синие шаровары, сапоги и ... занялись их обучением конному строю, игре верхом "на ходу" и т.д. Раза два матросы разбегались и после каждого раза "хор трубачей" немного уменьшался.

Полк постепенно продвигался вдоль Черноморского побережья и, оттеснив грузинскую армию, обосновался гарнизоном в Туапсэ, а дальше за Лазаревкой, на новой "государственной границе", поочередно, отдельными эскадронами, стал временно нести пограничную службу.

Время шло; здесь мы и дождались 1-го октября - праздника Покрова

Пресвятой Богородицы, который, неожиданно для всех нас, был отпразднован очень торжественно. С разрешения и благословения Командира обо всем позаботились, всё подготовили наши Суворовцы: полковой ад'ютант ротм.Клобуков и командир одного из эскадронов полк.Вруцевич. Они поручили нашим-же кадетам-музыкантам шт.ротм.Вейсбаху, корнетам Развадовскому и Мише Владимирову (12 выпуска, первому из нас-Елисаветградцев произведенному в офицеры) написать ноты нашей корпусной встречи и по секрету разучить их с нашим хором трубачей, дабы всем нам доставить приятный сюрприз. В эту эпоху в 1-м Конном полку кадет-Суворовцев (офицеров, юнкеров и кадет-всадников) было человек до тридцати.

Застекленная большая терраса дома, занимаемого шт.ротм.Вейсбахом, была украшена флагами, погонами, гирляндами; накрытые белыми скатертями столы были готовы для завтрака. В углу стоял аналой, приготовленный для молебна. Собрались гости, депутации от других корпусов. Все мы были выстроены, ждали сигнала "махальных"...

Когда старший Суворовец полковник Вруцевич встречал рапортом вошедшего Командира, в саду, под окнами, хор трубачей неожиданно для всех нас грянул нашу ВСТРЕЧУ...

Из труб полились столь знакомые и дорогие аккорды, из глаз скатилась не одна слеза...

Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что в это 1-ое октября 1918 года в последний раз отзвучал "ГРОМ ПОБЕДЫ..." в исполнении русского оркестра, когда столь крупная группа Суворовцев собралась воинской семьей, на родной земле, во имя праздника своего корпуса.

Через несколько дней полк эшелонами по железной дороге из теплого побережья был переброшен в холодную Ставропольскую губернию. Опять пошли суровые бои, полк стал нести большие потери... Одним из первых доблестно погиб Миша Владимиров...

В настоящее время, на седьмом десятке лет, живой памятью о совместной боевой службе в славном 1-м Конном полку целой плеяды Суворовцев, осталась лишь дружба - связь с Мишей Полторацким (13 вып.), ныне "дедом-пасечником" в Тунисе, а в ту пору кадетом-добровольцем, потом и кровью заслужившим свои корнетские звездочки.

С.Двигубский (12 вып.)

ВСТРЕЧА С "ВАРЯГОМ".

..."Врагу не сдается наш гордый "Варяг",
"Пощады никто не желает"...

Какое русское сердце не билось сильнее, слушая или читая о бое русского крейсера "Варяг" и канонерской лодки "Кореец" в 1904 году с целой японской крейсерской эскадрой. Этот бой не имел никакой поставленной командованием задачи. И главным здесь было не самое течение боя и его исход, а его, так сказать, прелюдия. Напомню вкратце как это было.

В маленьком корейском порту Чемульпо стояли корабли главных европейских стран. Это были "стационеры",т.е.представители соответствующих держав. Крейсер "Варяг" и канонерская лодка "Кореец" представляли Россию. Японская эскадра из 6 крейсеров и других более мелких кораблей подошла к выходу из бухты Чемульпо и потребовала от русских кораблей спустить флаги и сдаться.

На совещании командиров всех европейских стационеров командир "Варяга" кап.I ранга Руднев заявил, что он выходит в море с поднятыми флагами и примет бой. Всем было ясно, что такое решение было равносильно самоубийству. Когда на "Варяге" была пробита боевая тревога и, подняв якоря, корабли с развевающимися Андреевскими флагами двинулись навстречу японской эскадре,- на европейских судах были подняты русские флаги, матросы в строю кричали "ура" и слышались звуки Русского Гимна. Это было отдание чести воинской доблести русских моряков, не спустивших флага перед во много раз сильнейшим врагом.

Бой продолжался не долго. Оба корабля нанесли японцам поражения, но сами были повреждены настолько, что продолжать бой не могли и были затоплены своими-же командами, не спустив Андреевского Флага.

..."Сами взорвали "Корейца",
"Нами затоплен "Варяг"...

Остатки команд были подобраны японцами, которые тоже, по своему, отдали долг уважения доблести врага. Командир, офицеры и команды по возвращении из плена были награждены орденами и крестами св.Георгия, а "Варяг"... "Варяг" был поднят после войны японцами, которые его отремонтировали и он, получив новое японское имя, стал служить под флагом восходящего солнца. Все это - история, но память нашего поколения военных еще сохранила в себе все наши юные эмоции, когда мы читали или слушали повествование или песни о "Варяге".

Осенью 1916 года я командовал 6 ротой 7-го Особого пехотного полка, который следовал из Москвы через Архангельск и Францию в Салоники, где Восточная Армия, в которой были представлены все союзники, расширяла и усиливала свой фронт для перехода впоследствии в общее наступление.

Наш батальон должен был пересечь Средиземное море на борту французского крейсера "Гишен" и эшелон, прибыв в Тулон, втянулся на ж.д.ветку у самой стенки, где стоял этот крейсер. Выглядываем из окон вагонов и, к удивлению, видим русскую морскую фуражку, а под ней улыбающееся лицо русского моряка-офицера в лейтенантских погонах Гвардейского Экипажа (красные просветы). Выскакиваем, представляемся. Он ищет нашего начальника эшелона. Это был лейт.кн.Волконский, который был послан Командиром русского крейсера "Варяг", стоявшего на рейде Тулона, дабы приветствовать от его лица и офицеров крейсера русский эшелон, грузившийся на французский крейсер "Гишен". Об этом они узнали в управлении Командира порта Тулон. Другие батальоны нашего полка грузились в Марселе. Передав приветствие нашему Командиру батальона подполк.Балбашевскому, Волконский просил от имени Командира "Варяга" и Кают-кампании нас всех свободных от службы господ офицеров и, конечно, Балбашевского,посетить "Варяг" и отобедать в кают-кампании.

Оказалось, что это был наш, тот героический "Варяг", который возвратился под Андреевский флаг. Японцы, бывшие в ту войну нашими союзниками, не то подарили, не то продали его России и он теперь с Гвардейским экипажем (в воздаяние его доблести в 1904 году) шел окружным путем из Владивостока в Архангельск, где наше морское командование формировало дивизию крейсеров для охраны наших северных путей сообщения с Англией. Кроме "Варяга" туда предназначались еще: известный по своей конструкции пятитрубный "Аскольд", застрявший с об'явлением войны в Средиземном море; "Пересвет", направленный с Дальнего Востока, как и "Варяг", но, увы, потопленный немцами недалеко от Порт-Саида; и еще другие суда.

Получив приглашение, Балбашевский, конечно, не мог отлучиться: ведь у нас был "аврал" - погрузка батальона на крейсер. Он назначил делегацию из трех офицеров и я был одни из них. Быстро переодевшись, мы через полчаса с Волконским мчались в открытой машине на другой конец Тулонского порта, где нас ждал моторный катер с "Варяга".

Как приятно было и радостно ясным утром "прокатиться" на роскошном, блиставшем чистотой и надраенностью меди быстроходном катере под Андреевским флагом! Подошли к правому (почетному у моряков) трапу. Я был очень взволнован, ступив на палубу "Варяга". Ведь это был ОН, тот самый, ... легендарный...

Представились Командиру и господам офицерам в кают-кампании, были приняты по-братски, радушно, как всегда принимали наши моряки. Под водительством милейшего кн.Волконского обошли и осмотрели весь корабль, выслушали об'яснения о повреждениях, полученных у Чемульпо. Японцы лишь уменьшили кают-кампанию, а все осталось прежнее с 1904 года, без изменений.

За обедом в кают-кампании моряки нас взяли в оборот, прикомандировав к каждому из нас по два офицера. Остальное понятно!... Когда и как я попал на свою койку на "Гишене" я, честно скажу, не помню. Только проснувшись ночью, я по содраганию от машин всего корабля понял, что мы вышли в море.

На другой день нас приветствовали, уже всех офицеров батальона, французские моряки в своей кают-кампании...

С.Грешнер (6 вып.)

Примечание редакции: 9 февраля с.г.исполнилось 60 лет со дня подвига "Варяга" и "Корейца" под Чемульпо.

ПЕРВЫЕ УРОКИ НА СЛУЖЕБНОМ ПОПРИЩЕ.

- Здесь я хочу рассказать о том, какую роль играл в батарее фельдфебель и как я, не учтя этого, был вынужден считаться с ним.

После производства в офицеры, отбыв 28-дневный отпуск, я приехал в свой Мортирный Артиллерийский дивизион, где мне предстояло начать свою служебную карьеру. Наняв квартиру и, в ожидании пока она будет ремонтироваться, я поселился в гостинице и сейчас-же пошел представляться по начальству. В дивизионе начальство встретило меня приветливо, а командир батареи сразу-же пригласил к себе на обед. "На молодого" к нему-же были приглашены и остальные офицеры батареи.

Дня через два я попросил командира батареи назначить мне верховую лошадь. Он направил меня к фельдфебелю, который мне должен был указать лошадей, из коих я мог себе выбрать. Фельдфебель батареи подпрапорщик Сергеев, человек пожилой, эту должность занимал уже 18 лет. Когда мы с ним пришли на конюшню, он показал мне здорового, неуклюжего коня, коровистого вида и сказал, что этого коня он наметил для меня, но, если он мне не нравится, я всегда могу могу переменить, что я тут-же и сделал,- вместо этого "шкафа" выбрал веселую игривую кобылку. Видимо, это Ефиму Карповичу, как называли фельдфебеля, не понравилось, но он не подал вида. После этого было еще несколько случаев, когда я не хотел считаться с его советами и указаниями, хотя и видел, что они дельны. Меня они раздражали, так как в них проглядывал взгляд на нас, только что прибывших, "молодо - надо об'ездить".

Когда квартира моя была отделана, я просил о назначении мне деньщика, и вот туту, при назначении, фельдфебель себя показал. Пришедшему деньщику я сразу приказал помыть полы, загрязненные при ремонте, и тут же предупредил, чтобы грязную тряпку не совал в только что купленное

ведро, а попросил бы грязное у хозяйки дома. Сам я пошел к своему другу, с которым мы вместе кончили училище и который поселился в том-же доме этажом ниже. Вечером, бабушка моего друга, неся через комнату тарелку, вдруг вскрикнула и уронила ее. Прибежав узнать в чем дело, мы увидели на потолке большое мокрое пятно, откуда капала вода. Я побежал к себе узнать что случилось и застал картину: вся квартира была залита водой, которая потекла в корридор и даже на лестницу. Мой Иванов, так как ему запретили мочить тряпку в ведро, начал таскать воду и выливать прямо на пол. На следующий день Иванов отколол штучку еще почище: чтобы просушить квартиру, я приказал растопить печку, голландку, рассказав ему, что нужно сначала положить подниз хворост, на него уголь и вбрызнуть керосином из бутылки, когда разгорится - завинтить дверцы. Сижу, что-то пишу, и вдруг комната озарилась пламенем и Иванов, сидевшие на корточках перед печкой, падает назад. Оказалось, что мой Иванов уложил топливо, поджег его, а потом, набрав полный рот керосина, начал брызгать на огонь.В тот-же день я отправил его в батарею.

После этого урока я начал величать фельдфебеля Ефимом Карповичем и считаться с его советами. В дальнейшем мы с ним ужились хорошо и его советы и указания не раз мне помогали.

Дальнейшая-же история Иванова такова. С началом войны, за полной непригодностью, его назначили водовозом. Где-то на Сане он был послан за водой, батарея в это время снялась и ушла и мы его потеряли. И командир и фельдфебель вздохнули с облегчением, но не на долго. Месяца через два, уже на Пилице, вдруг Иванов является с бочкой и даже с водой в ней. Надо прибавить, что Иванов никогда не мог назвать части, в которой он служил. Еще в мирное время на занятиях словестностью, когда его спрашивали, отвечал:"я едовый".

Потом я уехал в командировку, а затем был переведен в другую часть и дальнейшей судьбы Иванова не знаю.

Б.Сидорович (5 вып.)

СТАРТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ
(Окончание)

В назначенный день в гимнастическом зале появились подмостки нашего театрального кружка. На них мастер на все руки Мурза соорудил трибуну и обволок ее кумачем, вокруг нее полукругом разместил стулья.

Близился назначенный час и зал стал наполняться необычными для корпусных стен гостями в походной форме, в пиджаках, в гимнастерках. Несколько кадет Московских корпусов уже появились,и у стен - компактной кучкой,все Суворовцы, не решившиеся уехать на лето. Было также

несколько наших преподавателей, а из воспитателей - лишь двое или трое эвакуированных с фронта для несения тыловых должностей вследствии ранений или по другим причинам. Не было никого из старых воспитателей. Мне было ясно, что вопрос о пополнениях для фронта был лишь маскировкой, ее нужно было понимать, как отправку корпусного персонала на фронт. К своему начальству я не чувствовал ни приязни, ни вражды.

Мне предстояло выступить с речью. Я нервничал, давлио чувство угнетенности, было ощущение, что что-то надо было сделать. Я выскользнул из зала и быстро спустился в нижний этаж, где очутился перед дверью с надписью "учительская". Постучал в дверь и, не ожидая ответа, вошел в комнату. Мне было не по себе: порыв прошел, но я пересилил слабость и направился к столу, во главе которого сидел ген.Ваулин.

"Честь имею доложить Вашему Превосходительству, что воспитанники на Вашей стороне" - доложил я и, быстро повернувшись, вышел. Через несколько минут я уже был в зале собрания, чувствовал себя много лучше,- исчезло чувство угнетенности.

Собрание уже началось. Его открыл выборный представитель нашего начальства. Первым говорил оратор из запасного телеграфного батальона. Он развивал партийные тезисы эс-эров, призывал к бдительности и говорил о притаившей "гидре контр-революции". Его сменил меньшевик района тоже с напоминанием, что враг не дремлет. В зале нарастала напряженность, обратившаяся в открытую враждебность при выступлении Сельского, преподавателя географии, сделавшего оплошность сказав, что будет краток, т.к.спешит на собрание Московского городского головы Астрова. Ораторы менялись, как в калейдоскопе, доминировали меньшевики. Наконец на трибуну поднялся со своей благодушной улыбкой о.Г.Модзалевский. Неудачной темой для своей беседы он выбрал "Путевые впечатления поездки в Швейцарию накануне войны". Начал он с улыбкой, как будто перед ним был класс, а не аудитория, взвинченная предыдущими ораторами. Как только его ряса показалась на трибуне, она превратилась в мишень для выпадов,- добродушных и злых. Его-же безобидный рассказ о квадратиках обработанных полей, о сытых и веселых людях озлобил аудиторию с первых-же слов. Не отдавая себе отчета, что он подливает масла в огонь, батюшка продолжал восхвалять тщательно обработанные поля, мелькавшие из окна вагона, автоматы на ж.д.станциях и в самых неожиданных местах, которые за никелевую монету выбрасывали вам шоколад, засахаренные орехи и прочее. "Мы не буржуи, гражданин, чтобы по заграницам ездить!" "Мы на фронте страдали, теперь ваша очередь!" Возгласы были многочисленны и грубы. Страсти разгорались и вырывались наружу. С улыбкой провинившегося школьника о.Модзалевский сошел с трибуны, оборвав разсказ.

Трибуна пустовала, по залу катился говор. Я сделал над собой усилие и поднялся на подмостки. Зал почти не реагировал на мое появление,

но встрепенулись группировавшиеся у стен Суворовцы. Это были, главным образом, мальши, которых начальство не решалось одних отправить домой. Окрики на Подзалевского их больно задели: они ведь были его "разбойники"!

Первые мои слова были случайными и между собой не связанными, но это быстро прошло. Они боялись фронта, хотя далеко не все из них его знали. Я-же его знал хорошо! Они бывали на нем раз, два - я-же все каникулы за два с половиной года провел на фронте, причем добровольно и тайком! Постепенно запасные телеграфисты и любопытные Сокольничьего района, оборвав на полуслове сплетни и выражения негодования, начали прислушиваться. Я рассказал, как там, на фронте, без просьб с моей стороны солдаты покровительственно обо мне заботились, шепотом давая знать о приближении жандармов; или как в стужу на открытой платформе телами своими заслоняли меня, а я в отплату слушал рассказы об их невзгодах. То-же стал заметно и в зале: все больше выявлялись воспоминания об общех переживаниях и перенесенных невзгодах. Я перестал следить за своими словами, глазенки младших Суворовцев искрились все ярче. Без всякого усилия, простыми и понятными словами я нарисовал инцидент с телефонной будкой. В зале повеяло холодком. Как ни в чем не бывало, я продолжал:"Цензор 12-го Брусиловского корпуса прочел в одном письме: 'Дорогие родители, пришлите 50 рублей, у меня украли прожектор, не погубите сына!'" По залу прошел смешок, а я продолжал об исчезновении траэктории с казенной винтовки, которая стоила 15 рублей, и зал уже смеялся. Какой-то желчный голос, однако, кричал, что так нельзя: нет дыма без огня! "Ключи от всех наших тайных арсеналов хранятся у четырех ротных каптенармусов, верите им?" "Верим, верим!",- гул аудитории заглушал редкие протесты. Дальше было просто. Указывая на младших кадет, я сказал:"Посмотрите на них, граждане, им придется учиться без опытных воспитателей и преподавателей, а к началу учебного года количество учеников удвоится. Какая-же от них польза фронту?", я сделал паузу."Как с козла молока"- послышался зычный бас и последовал смех. Посетители начали постепенно вставать,- верный знак, что повестка была исчерпана.

Хотелось побыстрей удрать в наш клуб, в умывалку, и затянуться папиросой, но предстояло еще посетить наших ожидающих и скучающих педагогов. Галопом я слетел вниз по лестнице, быстро прошел корридор и, не стуча, вошел. Как и два часа тому назад, они все были в сборе. Собственно, никто им не помешал-бы быть с нами на митинге, вместо того, чтобы обрекать себя на добровольный арест. Я подошел к Ваулину и патетически отрапортовал, что митинг закончен и господа офицеры свободны.

Митинг этот несколько улучшил наши взаимоотношения с нашими соседями - запасным батальоном На следующий день меня пригласили к ним и

сообщили, что мне, как представителю Суворовцев, предоставлено место в Сокольничьем районном совете.

Прошло еще несколько дней, из кадет уже оставались только те, которым некуда было ехать. Деньги мне все не приходили и я стал нервничать. Утром мне сообщили о новом митинге у нас в корпусе. На этот раз в этом не было ничего тревожного, т.к.это входило в обычай новой жизни, в которую мы были включены. Но нельзя было оставить без окончательной отделки нашу настоящую идеологию, нашедшую свое выявление в "Ордене Романовцев", конечно, детскую, но искреннюю. Благодаря библиотеке отца, я много прочитал о Суворове и меня всегда привлекала его личность: динамическая, замкнутая, самоотверженная и волевая. Годами у меня хранились несколько записей о нем, уцелевших, несмотря на кочевую жизнь семьи после смерти отца и эвакуации, связанной с войной.

Я уединился в спальне, извлек эти записи из чемодана и внимательно их просмотрел. То, что я искал, было передо мной: как и мы, Суворов был не только чужд, но и враждебен революционной идеологии. Однако, эта враждебность была принципиального характера и не имела ничего общего с его постоянной заботой об его людях, чудо-богатырях, и он зачастую жертвовал всем для них. Его письмо генералу Шарету было как-раз недостающим звеном между нами, Суворовцами, и его идеалами.

Я оторвал листок с текстом его письма 1795 года, где говорилось: "Привет Тебе, герою Вандеи, славному защитнику веры Твоих отцов и престола Твоих королей!", добавил на-обороте просьбу Мурзе включить это в заголовок устава "Ордена Романовцев" и оставил в условленном месте в его фото-конуре.

Освободившись от этой заботы, я нашел горниста и поручил ему позаботиться о зале для митинга, прошел через пустую спальню и в умывалке обнаружил трех, сражавшихся в карты. Играли они в 21 и я молча присоединился к ним. В кармане у меня оставалось лишь немного мелочи, но не поршло и часа, как у меня было достаточно керенок, чтобы заплатить за проезд домой. Не слушая протестов, я оборвал игру, собрал все вещи, оделся и, с чемоданом в руках, вышел на площадку главной лестницы, чтобы спуститься во двор. Тут ко мне подошел откуда-то появившийся горнист, тот самый, из-за которго разгорелся сыр-бор с телефонным разговором Голицына. Его-же я час тому назад попросил к 3 часам приготовить зал для митинга. "На долго?" спросил он и, не дождавшись ответа, предложил мне донести чемодан до трамвайной остановки, взял его и понес. Мы спустились во двор, прошли вдоль здания, где помещались старшие классы, и продолжили наш путь в направлении канцелярии корпуса. Она помещалась на отлете в маленьком одноэтажном здании. Горнист сказал, что меня подождет у трамвайной остановки, а я пошел в канцелярию. Там был только делопроизводитель Михайлов. Он вынул аттестат и пододвинул лист для

подписи. В нем под моим именем и фамилией стояло, что я был кандидатом для приема в Пажеский корпус. Не подозревая ничего, я нес в себе два символа: Суворова и Пажеского корпуса уже шесть лет, а, когда настал момент вступления в настоящую жизнь, все это рассеялось, как туман! Простясь с Михайловым, я взял аттестат, отпускной билет и скидку на проезд и собрался уходить, но в этот момент открылась дверь директорского кабинета и вышел Ваулин. Он был в шинели и фуражке.

"Уезжаешь, Цевловский?" "Так точно, Ваше Превосходительство". Козырнув ставшему смирно Михайлову, он вышел и я за ним. Он - вероятно, домой, а позже, после обеда, в главное артиллерийское управление по снабжению, где он занимал ответственное место; для меня-же это был старт в неизвестность. За воротами пути наши расходились. Ваулин протянул мне руку:"Всего хорошего, Цевловский!" "Покорно благодарю, Ваше Превосходительство". Немного отойдя, он бросил в мою сторону:"Ты едешь в Курск?" - "Так точно", был мой ответ.

Я очутился на остановке чуть раньше прихода трамвая. Провожатый мой крепко пожал мне руку, помог втиснуться на площадку и подал чемодан. Не говоря ни слова, повернулся и молча ушел. Трамвай, дребезжа, сдвинулся с места, увозя меня на Курский вокзал.

Ф.Цевловский (12 вып.)

ИНСПЕКТОР КЛАССОВ П.Н.ЛАЗАРЕВ-СТАНИЩЕВ.

Деятельность его на поприще инспектора классов и первого ротного командира в нашем корпусе очень хорошо описал К.А.Глоба-Михайленко (1 вып.) в сборнике № 10. Редакция получила воспоминания кадета-Донца о последних днях П.Н.Лазарева-Станищева в должности Директора Донского Императора Александра Ш кадетского корпуса, которые приводятся ниже.

В марте 1917 года после отречения Государя Императора нас кадет неожиданно построили в Сборном зале. Это было последний раз, когда мы видели нашего Директора перед строем. Он вошел в зал, заметно взволнованный, и начал читать телеграмму об отречении, заплакал и не мог окончить. Чтение продолжал командир нашей первой строевой сотни полковник Леонтьев.

После отречения Государя ген.Лазарев-Станищев сейчас-же вышел в отставку. Мы его встречали в городе в генеральском пальто, но без погон и, чтобы показать ему наше к нему уважение и любовь и хоть чем-нибудь его утешить в большом горе, которое он переживал, как и

все мы в то смутное время, мы всегда ему становились во фронт, что тогда было отменено "завоеванием великой безкровной и т.д."

В бытность его директором, в будние дни, мы всегда заранее знали о его прибытии в корпус. Сперва из-за угла появлялась его рыжая такса и это было признаком, что скоро придет и генерал, а мы, зная это, своевременно подтягивались.

6 декабря по старому стилю был наш Корпусный праздник. Накануне торжественная всенощная, а в день праздника - литургия, молебен и парад со знаменем, пеше-по-конному. В этот день мы были все в новом обмундировании и снаряжении,- светло-желтые пояса, такие-же портупеи, патронташи и погонные ремни, все отлично пригнано, начищено и подтянуто. Первая строевая сотня с шашками на плечо, под звуки бравурного марша проходит церемониальным маршем. Парад принимает наш Директор. Тут он был импонирующим начальником: высокого роста, плотный, с окладистой бородой, алая лента через плечо, грудь в орденах и звездах, на плечах - густые генеральские эполеты... Вся красота этого незабываемого праздника ушла в вечность.

Несмотря на его грозный и устрашающий вид, он был человеком доброго сердца, мы кадеты это чувствовали и любили его по-своему.

После катастрофы на юге России он эвакуировался вместе с нашим корпусом и скончался на острове Лемносе, где и был похоронен. Будучи там уже позже юнкером, я ходил поклониться его могиле. Скромный крест с надписью:"Генерл от Инфантерии Павел Николаевич Лазарев-Станищев" и даты, которые я не запонил.

Прошло уже 46 лет с тех пор, как я его видел в последний раз. Многие подробности "той" жизни забылись, но передо мной остался образ нашего Директора, которого я всегда вспоминаю с благодарностью. За эти годы много пришлось пережить и много было встреч, и вот теперь, в зрелом возрасте, я иначе могу оценить Павла Николаевича и сказать, не ошибаясь, что он как воспитатель юношества был на очень большой высоте.

Вечная ему память!

В.А.Поляков,
б.кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса.
Февраль 1964 года.

М А Н И Ф Е С Т

Светлой памяти
ген.от.инф.П.Н.Лазарева-Станищева.

Утром мартовским в час неурочный
В зал тревожный сигнал нас собрал.
Замер Корпус наш стройный и точный,
Когда грозный входил генерал...

"Господа", в тишине прозвучало,
"Я собрал вас сегодня не зря:
"В это утро России не стало
"И ея Венценосца - Царя..."

- "Божьей милостью", начал он смело,
Но не смог продолжать..., зарыдал
И, закрывши лицо неумело,
Манифест дочитать передал...

И в отчаяньи падали жутко
Манифеста глухие слова.
Стало в зале томительно чутко,
Закружилась сильней голова...

Генерал лишь добавил: "Так трудно
"Зов присяги в душе мне изжить! -
"Не судите меня безразсудно:
"Двум богам не могу я служить..."

Расходились шеренги. Раскрывшись
Новый день за окном наступал.
Зал пустел, а в углу, позабывшись,
Тихо плакал старик-генерал...

Иван Сагацкий,
б.кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса.

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ.

(Справка)

В 1863 году, вследствие предпринятой коренной реформы военно-учебных заведений, при отделении старших классов кадетских корпусов от младших (общих) классов, были образованы особые специальные учебные заведения - военные училища, и в числе их Александровское (Высочайшее повеление 25 августа 1863 г.).В эти училища должны были поступать воспитанники, успешно окончившие средне-образовательный курс общих курсов кадетских корпусов, вскоре преобразованных в военные гимназии.

Александровское военное училище, которому к 1864 г.было присвоено название 3-го, было открыто осенью 1863 г.в здании Александровского сиротского корпуса, из которого кадеты были переведены тогда-же в другие корпуса. Сохранив навсегда преемственную связь с Александровским кадетским корпусом, новое училище унаследовало также очень многое и от упраздненного тогда-же Александровского (Брестского) кадетского корпуса,(знамя и другие почетные регалии этого корпуса только в 1909 г.были переданы существующему с 1873 г.Александровскому кадетскому корпусу в С.Петербурге). Александровское военное училище с первых-же своих шагов успело отлично зарекомендовать себя на учебном поприще. Программы военных училищ не были еще окончательно выработаны в 60-х и 70-х годах прошлого столетия (приходилось на первых порах руководствоваться программами специальных классов, уже упраздненных в то время, кадетских корпусов); поэтому многое в учебном курсе военных училищ приходилось разрабатывать совершенно вновь. Преподавание военных предметов было сразу-же твердо поставлено в Александровском училище, но с предметами общеобразовательными было не мало затруднений, т.к.большинство поступавших молодых людей являлось фактически не усвоившими себе курса средней школы и приходилось с ними проходить предметы, уже не преподающиеся теперь в военных училищах, как то: математику (не только аналитическую геометрию, но даже некоторые отделы алгебры), физику, химию, политическую историю и статистику (временно даже логику и психологию). Преподавание этих предметов было разделено на чтение лекций профессорами в аудиториях и на репетиции по всем предметам. Так как в Александровском училище для чтения лекций были приглашены выдающиеся лекторы, преимущественно из профессоров университета, то сразу-же в новом военно-учебном заведении создалась такая интеллектуальная атмосфера, какую редко можно встретить и в высших школах. Кроме окончивших полный курс военных гимназий, а с 1882 года кадетских корпусов, в училище принимались также, хотя и в небольшом количестве, посторонние молодые люди дворянского происхождения, успешно прошедшие курс высших и средних учебных заведений. Вообще, из стен Александровского училища вышло много выдающихся военных и обществен-

ных деятелей и писателей.

Очень многие из Александровцев совершили блестящие подвиги в войне 1877-78 гг. и обогатили мраморные доски училища именами на брани убиенных и получивших георгиевские кресты; не мало героев из бывших юнкеров Александровского училища оказалось и в последнюю русско-японскую войну.

Подвиги Александровцев не предаются забвению, т.к.,кроме двух полных исторических очерков (В.И.Кедрина и Б.А.Петрова), уже изданы "Сборники биографий бывших Александровцев" и много сведений о них помещается в юнкерском журнале "Александровец" (с 1906 г.). Кроме того, училище заботливо собирает в своем музее портреты и труды своих бывших питомцев, которых накопилось уже очень много.

Вслед за первым начальником училища полк.Б.А.Шванебахом (1863-74), во главе заведения стояли генералы: П.П.Самохвалов, Н.П.Анчутин, Н.М. Левачев, П.А.Лайминг, П.П.Яковлев и Е.А.Ферсман. В настоящее время начальником училища состоит ген.м.Геништа.

Александровское военное училище было неоднократно посещаемо Августейшими Особами: своим Основателем Императором Александром П; Императором Александром Ш и ныне благополучно царствующим Государем Императором Николаем Александровичем.

При коронациях, открытиях памятников, на всех Высочайших смотрах, маневрах в Ходынском лагере, Александровцы всегда блистательно выступали и удостоивались Монаршего благоволения. Училищу пожалованы мундиры его Державных Шефов: в 1881 г. - Александра П и в 1894 г. - Александра Ш. С 2 ноября 1894 г.Шефом училища состоит Государь Император Николай П, а с 1908 г.в списках училища числится Государь Наследник Цесаревич.

3-е Александровское военное училище Высочайше повелено именовать просто Александровским военным училищем после преобразования 2-го военного Константиновского училища в Константиновское Артиллерийсок училище (Приказ по Военному Ведомству 1894 г.№ 188).

В настоящее время штатный состав училища - 600 юнкеров, разделенных на 5 рот.(Приказ по Военному Ведомству 1910 г.№ 205).

Училищный праздник - 23 апреля.

(Выписка и выдержки из "Военной Энциклопедии, том 1, стр.258-259, С.Петербург, 1911 год).

Хроника.

Празднование 150-летия Лейпцигской битвы.

20 октября пр.года в музее Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка в Париже было организовано торжественное собрание около 120 приглашенных представителей воинских организаций Парижского района по поводу 150-летнего юбилея подвига полка в битве под Лейпцигом 4/16 октября 1813 года.

Под звуки парселя были вынесены штандарты Л.Гв.Казачьего и находящийся на хранении георгиевский 7 драгунского Кинбурнского полков.

Был отслужен архиерейский молебен с поминовением Царственных Шефов полка, Августейших однополчан и командиров, офицеров и казаков на поле брани за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших, в смуте убиенных и в мире скончавшихся, с провозглашением здравицы ныне благополучно здравствующим.

По окончании молебна командир полка ген.И.Н.Оприц сказал вступительное слово, огласив поздравление Августейшего однополчанина Великого Князя Владимира Кирилловича, после чего слово было предоставлено нашему Суворовцу Г.Н.Гриневу (9 вып.), который в своем докладе нарисовал картину Лейпцигской битвы, где Лейб-Казаки в критический момент, когда французская конница прорвала наш фронт и подошла к холму, где стояли три монарха с Императором Александром 1 во главе, стремительной конной атакой не только опрокинули французских кирасир, но и спасли монархов от пленения, сведя на нет успехи Наполеона, до тех пор достигнутые.

После доклада и полкового марша представители организаций приветствовали юбиляров с этим знаменательным днем. Торжество было закончено бокалом шампанского и крюшоном из полковых серебряных братин.

От Суворовских Об'единений было послано следующее приветствие:

"Об'единения Суворовцев за рубежом поздравляют Об'единение Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка с праздником священномученика епископа Иерофея 4/17 октября и со 150-летним юбилеем подвига на полях Лейпцига. В момент, когда померкнувшая звезда Наполеона готова была опять вспыхнуть ярким светом, Лейб-Казачьи пики и сабли, защищая своего Императора, решили иначе.

За свое короткое существование Суворовский кадетский корпус выпустил не мало кадет - Донских казаков, которые попол нили доблестные части своего Войска и из которых многие и многие сложили свои головы за Веру, Царя и Отечество. Поэтому, в лице Лейб-Казаков, первого полка Донского, мы приветствуем все Войско Донское, явившее подвиги бранные, крепость духа и верность вековым казачьим традициям."

Суворовские Об'единения на торжестве представляли Председатель Н.В.Главацкий и Секретарь С.В.Бугославский.

Из жизни Об'единений.

Вследствие в свое время запоздавших отчетов, даем дополнительно сведения о праздновании корпусного праздника в 1963 году.

14 октября пр.г.вечером в Бад Наухейме, Зап.Германия, праздновали наш праздник Суворовцы и их друзья. Из дам присутствовали: Н.Н. Наместник, В.С.Рогожина и Р.А.Шерваль; мужчины: С.К.Наместник, П.Н. Манюкин (5 вып.) и Д.А.Погорецкий (6 вып.). Как всегда, вставанием почтили память Государя Императора, Великого Князя Константина Константиновича, нашего Шефа Генераллисимуса А.В.Суворова, директора корпуса ген.С.Н.Лаврова и всех Суворовцев, павших на поле брани и скончавшихся. Затем следовали тосты: за Родину, Корпус, и всех Суворовцев и Суворочек. Было очень уютно и хорошо; вспомнили всех и послали много приветствий. Слава Богу, все чувствуют себя не плохо.

12 октября пр.г.в Лос-Анжелосе, США, отпраздновать корпусный праздник собрались под гостеприимной кровлей Н.Н.Машкина (8 вып.) Н.М.Витте (9 вып.), П.Ф.Субботин (12 вып.), Н.С.Обручев с супругой и племянницей. Как гастрономическое, так и эстетическое удовольствие доставил принесенный П.Ф.Субботиным пирог с надписью "Суворовцы".

---

19 января с.г.в Париже состоялся новогодний обед Суворовцев, на котором присутствовало 18 человек. Парижским членам Об'единения было особенно приятно отметить присутствие старейшего Суворовца, Глеба Николаевича Акимова с супругой Марианной Евгеньевной, прибывших из Бельгии. Г.Н.Акимов любезно согласился принять на себя председательствование на этом обеде, который, как всегда, прошел в веселой, сердечной и уютной атмосфере.

Из писем.

Г.Е.Пухтаевич (12 вып.) пишет из Венецуэлы:

"... Попал я сюда в 47-ом году из Австрии с женой Викторией Александровной, которая была старшей сестрой и, как таковая, прошла три войны. Страна эта потешная, но очень симпатичная, Огромная территория (992 тыс.кв.км.) при 7 миллионах населения, из которых чисто белых не более 10%, остальное - креолы, мулаты, индейцы и негры. Тропический жаркий климат (средняя температура 28 гра-

дусов Ц.) и буйная растительность. Времен года два: сухое лето, ноябрь – май, и такая-же жаркая, только дождливая зима, июнь – октябрь. Сидим почти на экваторе. Население главным образом группируется в центре страны и около больших городов, а окраины пустуют и имеются еще джунгли, а также и индейские племена, совсем дикие, с копьями, стрелами, и голые. Города совсем современные с небоскребами, забитыми машинами улицами и всем остальным культурным достижением. Много фабрик и заводов, огромные нефтяные предприятия, а дальше – провинция: отдельные хижины дяди Тома с крышами из пальмовых ветвей и голыми чумазыми ребятишками, но уже на некоторых крышах торчат антенны телевизоров и стоят в тени блестящие американские автомобили. Страна богатейшая, благодаря нефти, железу, золоту и алмазам, население лениво, так что эмигранты преуспевают и, кто только хочет работать, без дела не останется и может сколотить капиталец. Магазины прямо забиты товарами, преимущественно американскими, немецкими и японскими. Лично мне первые годы здесь было очень тяжело: был рабочим, огородником, затем 7 лет заведывал скотоводческими фермами. В 57-м году переехал в город, окончил американские курсы и устроился бухгалтером в автомобильном предприятии, где служу уже 7-ой год и получаю в два раза больше, чем нам нужно на жизнь. Здоровье тоже ничего, только с ногами из-за сидячей жизни и автомобиля плохо. Жена тяжело переносит климат и часто болеет."

Звериада.

На одном из Суворовских обедов в Париже присутствовавшая дама прочла отрывок нашей звериады:

Учительнице французского языка.

"Тебе не ставить нам отметки,
И не альянсы нам читать,
А в кухне делать реверансы
И пенки ложечкой снимать!

И вот, по воле Самодура,
Сидит у нас писклявенькая дура
За длинным крашеным столом ..."

Можно к этому прибавить, что мы разделяем энтузиазм присутствовавших на обеде и шлем наш искренний и сердечный привет этой даме, так как слова звериады относились к ней самой.

Суворовцы в жизни общественной.

- Г.Н.Акимов (1 вып.) возглавляет Об'единение л,гв.Литовского полка.
- Н.В.Главацкий (2 вып.) назначен Начальником группы Офицерской Артиллерийской школы в Париже. С 1947 г.он состоит Секретарем Об'единения офицеров-артиллеристов во Франции.
- П.А.Черненко (5 вып.) избран Председателем правления Общества Галлиполийцев в Брюсселе и Об'единения Алексеевцев в Бельгии.
- Д.Г.Лучанинов (7 вып.) явояется Вице-Председателем Распорядительного комитета Гвардейского Об'единения.
- Н.Н.Машкин (8 вып.) переизбран Председателем Обще-Кадетского Об'единения в Лос-Анжелосе, Калифорния.
- Г.М.Гринев (9 вып.) является Представителем Гвардейского Об'единения в Австрии.
- С.Г.Двигубский (12 вып.) переизбран на следующее трехлетие в Совет Русско-Православного Братства в Ментоне, Фрнация.

Издатель:
N.V.Glavatsky
6,rue Voisembert,
ISSY-LES-MOULINEAUX (Seine)
France.

Редактор:
G.L.Grinioff
Kottingbrunn,N.Oe.
Austria.

Сборник...16...

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парижъ

"С У В О Р О В Ц Ы"

Сборник № 16.

Издание Об'единений б.кадет Суворовского кадетского корпуса.
Сентябрь 1964 года. П а р и ж.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От Председателя Об'единений 1
От редактора сборника..... 1
Генералиссимус Князь Суворов, биография..... 2
Легенда о Суворове 10
Суворов о музыке. С.Двигубский..... 10
За Волгой. М.Прокофьев..... 11
Переход через перевал Сихота-Алин. К.Ерошевич..... 13
"Взвейтесь, соколы, орлами..." С.Грешнер..... 19
Из прошлого. Н.Главацкий..... 21
Навстречу Октябрю. Ф.Цевловский..... 22
Поздравление. Б.Василенко (из архива)..... 29
Памяти Н.Н.Якобсона, некролог..... 30
Утраты Об'единений..... 30
Справочный отдел:
Константиновское Артиллерийское училище..... 31
Внучатые потомки генералиссимуса Суворова..... 32
Прохождение службы ген.лейт.С.Н.Лаврова..... 33
Прохождение службы ген.лейт.А.Н.Ваулина..... 33
Суворовцы в жизни общественной..... 34
Встреча спустя полстолетия..... 34
Замеченные опечатки, поправки и дополнения..... 34

Милые Суворочки и дорогие Суворовцы!

Поздравляю Вас с нашим корпусным праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Примите мои лучшие пожелания здоровья и благополучия.

Годы идут, Об'единения уменьшаются в числе своих членов, но, несмотря на это, крепнут духом и еще крепче смыкают ряды.

Слава Вам, Суворовцы, и Вашей спайке!

Н.Главацкий.

Редактор присоединяется к этому поздравлению и со своей стороны шлет всем, пишущим и читающим, самые лучшие пожелания.

Просьба довольно настоятельного характера: присылайте рукописи, не смущайтесь, что рука "владевшая мечом" не владеет так же хорошо пером. Ведь, если каждый из Вас пороется в памяти, но наверно найдет какой-нибудь факт, который представляет общий интерес.

Особенно интересна служба мирного времени, когда, казалось бы, "ничего особенного не случилось", интересна та будничная жизнь молодого офицера, зачастую попавшего в совершенно новые условия, которая не блистала ни разнообразием ни яркостью переживаний, а была обыденной и монотонной. Однако, некоторые из Вас, а их немало, попали в воинские части с историей, богатой традициями, жили на стоянках на окраинах или, зачастую, в самом центре Империи, имели возможность много видеть и, при известном желании, могли бы своими впечатлениями поделиться на страницах журнала. Кроме службы мирного времени интересен период мобилизации, перевозки на фронт и первые боевые действия 1914 года.

Дальнейшая судьба нашего издания - в Ваших руках.

Г.Гринев.

Генералиссимус Князь Суворов

Александр Васильевич Суворов родился в Москве в 1730 году. Лишившись рано матери, Александр Васильевич воспитывался под руководством своего отца генерал-аншефа Василия Ивановича, который, видя,что мальчик обнаруживает исключительную любовь к военному делу, решил не противодействовать его стремлению.

Изучив основательно французский, немецкий и итальянский языки, а также историю, географию и философию, Александр Васильевич продолжал свое самообразование путем чтения. Он ознакомился с Плутархом, Корнелием Непотом и с жадностью читал описания походов Александра Македонского, Цезаря, Монтекуколи, Карла XII, Тюренна, принца Евгения и др.

В 1742 году Суворов был записан Л.Гв.в Семеновский полк и, спустя три года, в 1745 году, когда ему исполнилось 15 лет, начал нести в нем службу.

С увлечением отдавшись службе, вдумчиво изучая уставы и воинские постановления, а равно входя во все мелочи повседневной солдатской жизни, Александр Васильевич, тем не менее, не упускал случая для продолжения своего образования. Не бывая буквально нигде, он весь свой отдых посвящал чтению. Посещая, насколько известно, лекции в Сухопутном кадетском корпусе, он не оставлял самостоятельных научных занятий. Почти десять лет нес он солдатскую службу и, наконец, 15 апреля 1754 года он был произведен в офицеры, с переводом в чине поручика в Ингерманландский пехотный полк. В январе 1756 года он был произведен в обер-провиантмейстеры; в октябре того-же года - генерал-аудитор-лейтенанты, а в декабре был переименован в премьер-майоры.

Боевое поприще свое Суворов начал в Семилетнюю войну, будучи назначен в 1759 году в чине подполковника к генерал-аншефу гр.Фермору по штабной части.

После сражения при Кунерсдорфе, Салтыков, заменивший гр.Фермора, вместо энергичного преследования разбитых пруссаков, сам решил отступить. Суворов сказал тогда Фермору: "На месте Главнокомандующего, я бы сейчас пошел на Берлин"; эта фраза его служит лучшим выразителем той знаменитой впоследствии "Суворовской науки побеждать", которая учила солдат итти только вперед и вперед, и из которой было изгнано все, касающееся отступления.

Вскоре Суворов был переведен в корпус, вверенный ген.м.Бергу, и предпринял с ним поход к Бреславлю. Поход этот настолько выдвинул его из среды сверстников, что имя его передавалось из уст в уста не только в русской армии, но и в войсках союзных с нами держав. Получив во временное командование Тверской драгунский полк, Суворов во главе его принял участие в ряде сражений, из которых сражение при Кольберге доставило ему громкую известность.

Со вступлением на престол Императрицы Екатерины II, Суворов был прислан с депешами из действующей армии в С.-Петербург и лично

представился Императрице, которая 26 Августа 1762 г.произвела его в полковники и назначила командиром Астраханского пехотного полка. Прокомандовав этим полком с небольшим семь месяцев, Суворов получил в командование Суздальский пех.полк, расквартированный в Новой Ладоге.

Оставаясь пять лет в должности командира этого полка, Суворов в этот период времени блестяще представил свой полк Императрице на Красносельских маневрах в 1765 году, благодаря чему стал хорошо известен Ей лично, как выдающийся военачальник. Относясь в высшей степени бережливо к полковым деньгам, а с другой стороны не жалея ничего для солдатского желудка и для обеспечения солдата всем необходимым, Суворов, в то же время, горячо принялся за проведение своей системы воспитания солдат, при которой на первом плане должно стоять стремление развить у каждого из них чувство храбрости, а также религиозно-нравственные и благородные побуждения, которые являются залогом способности человека творить чудеса храбрости.

22 Сентября 1768 г. Суворов, произведенный в бригадиры, получил приказание немедленно выступить с полком из места его расположения. В середине ноября, несмотря на полное бездорожье, Суворов выступил в поход и спустя 30 дней прибыл в Смоленск, где получил в командование бригаду, в состав которой вошел и Суздальский полк. С наступлением весны бригада Суворова была спешно двинута в Варшаву для усмирения возстания конфедератов. Собрав сведения о силах конфедератов, которые оказались сильно преувеличенными, Суворов, с присущей ему стремительностью, в короткое время разбил близ Варшавы банду Котлубовского, а затем в Литве разсеял и разгромил войска сычовей маршала Пулавского - Франца и Казимира, которые сосредоточили против него до 6000 человек. Получив после этого командование над Люблинским районом, Суворов расположился в Люблине; зорко наблюдал оттуда за образующимися бандами конфедератов и, не давая им окрепнуть и сформироваться, разбивал их, не теряя времени.

1 Января 1770 года Суворов был произведен в генерал-майоры.

В 1771 году Суворов нанес решительное поражение конфедератам, находившимся под предводительством ген.Дюмурье, в сражении при Ландскроне. 12 Сентября Суворов разбил Огинского при м.Столовичах и тем покончил с конфедератами. Оставалось покорить некоторые укрепленные места, оставшиеся во власти конфедератов. 15 Апреля 1772 сдался Краков; потом Суворов приступил к осаде Тыница и Ландскроны, но в это время в Краковскую область вступили австрийские войска и вскоре произошел раздел Польши.

Награжденный за взятие Краковского замка 1000 червонцами, Суворов, мечтавший попасть на театр войны с Турцией, был назначен в корпус генерал-поручика Эльмита, расположенный в Финляндии, на случай враждебных действий со стороны Швеции. Когда выяснилось, что Швеция настроена миролюбиво, Суворов энергично принялся за осуществление своей мечты - попасть на турецкий театр войны, что ему вскоре и удалось.

Назначенный в корпус генерал-аншефа гр Салтыкова, Суворов на первых

же шагах отличился взятием Туртукая, за что был награжден орденом св. Георгия 2-й степени. В этом сражении он был ранен в правую ногу.

Второе сражение, которое прославило Суворова на турецком театре войны, было сражение под Гирсовым, в котором 11.000 турок было обращено в беспорядочное бегство, при чем трофеями Суворова были 8 орудий, 9 знамен и более 100 пленных. За эту победу он был произведен в генерал-поручики.

Наконец, 9 июня 1774 г., Суворов, совместно с Каменским, одержал блестящую победу при Козлудже, над 40 тыс.турецким корпусом. Эта победа создала ему прочную репутацию, как в глазах Главнокомандующего Румянцева, так и во всей, действовавшей против турок, нашей армии.

С окончанием первой Турецкой войны, Суворов получил повеление явиться в распоряжение графа Панина, которому Императрица вверила командование войсками, высланными против Пугачева. Со свойственной ему стремительностью, Суворов совершил в течение 9-ти дней степной поход в главе 300, посаженных на коней, пехотинцев и 16 сентября прибыл в Яицк, где ему оставалось лишь заковать Пугачева в кандалы и доставить гр.Панину, так как незадолго до его прибытия Пугачевские банды были разгромлены Михельсоном.

По возвращении Суворова в Москву, в день празднования Кучук-Кайнарджийского мира, он был награжден золотой шпагой, усыпанной бриллиантами и назначен начальником С.-Петербургской дивизии.

В ноябре 1776 года Суворов получил назначение в Крым и, в результате его талантливой деятельности здесь, Турция признала Крымским ханом Шагин-Гирея, ставленника России.

В 1782 году Суворову был вверен 5-й корпус, расположенный на Кубани. В этой вполне самостоятельной роли он зарекомендовал себя талантливым администратором и организатором.

В 1783 году, благодаря умелому образу действий Суворова, нагайские татары были приведены в Российское подданство, а затем, когда между ними вспыхнул мятеж, он совершил блестящую экспедицию за Кубань с целью наказания их.

В октябре 1786 г.Суворов был произведен в генерал-аншефы и отправился в Екатеринославскую армию для командования Кременчугскими войсками, которым предстояло встретить Императрицу во время Ее путешествия на юг. Образцовое ученье, показанное Суворовым Императрице, превзошло всякие ожидания. Все присутствующие были прямо поражены виденным ими ученьем "на Суворовскую ногу". Прежняя известность Суворова,- в Кременчуге, приобрела еще более значительное распространение.

Накануне разрыва с Турцией, перед началом войны 1787 года, Суворову были вверены войска, расположенные в Херсоне и Кинбурне. С началом войны турки пытались овладеть Кинбурном, но Суворов 1 октября нанес им при этой крепости решительное поражение, причем был сам дважды ранен: первый раз в левый бок, а второй - в левую руку на вылет. За

эту победу Суворов был награжден орденом св.Анрея Первозванного.

Следующий великий подвиг Суворова в течение этой войны - сражение при Фокшанах, происшедшее 21 июля 1789 года. В распоряжении Суворова находилось: 7.000 вверенных ему наших войск и 18.000 австрийцев под начальством принца Кобургского. Сражение длилось всего лишь 10 часов и имело для турок самые гибельные последствия. Победа при Фокшанах произвела громадное впечатление, как в России, так равно и в Австрии. Суворов был награжден бриллиантовым крестом и звездою к ордену св.Андрея Первозванного и табакеркой с бриллиантовым шифром от австрийского Императора.

6 сентября принц Кобургский уведомил Суворова о движении против него войск великого визиря и просил о немедленной помощи. 9 сентября Суворов прибыл к союзникам и на следующий же день вечером двинулся к крутым берегам Рымника, на рассвете переправившись через эту реку. Численность неприятельской армии достигала 115.000 человек, тогда как силы союзников, подобно тому, как было в сражении при Фокшанах, не превышали 25.000 человек. Сражение длилось в течение всего дня 11 сентября и окончилось полным разгромом турок, которые потеряли одними убитыми свыше 10.000 человек. Гром Рымникской победы разнесся по всей Европе. Победа эта представляет собою одно из самых ярких проявлений военного таланта Суворова. Императрица отпраздновала победу торжественным молебствием и наградила Суворова графским титулом, с добавлением к его фамилии "Рымникский", орденом св Георгия 1 степени, бриллиантовым эполетом и драгоценнейшей шпагой.

Между тем война с Турцией продолжалась. Ряд небольших крепостей перешел в наши руки; оставалось взять грозную твердыню Измаил, укрепленный французскими инженерами и считавшийся неприступным. Гарнизон его состоял из 35.000 человек, которым султан пригрозил смертной казнью в случае сдачи крепости.

"Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки надо его взять",говорил Суворов солдатам, которые единодушно ответили ему хором, что с ним непременно возьмут крепость. Штурм был назначен на 11 декабря в 5½ часов утра. При густом тумане, скрывавшем от турок малочисленность наших сил, войска Суворова шестью колоннами сухим путем и тремя колоннами на судах двинулись к Измаилу. К 8 часам утра вся ограда крепости уже находилась в наших руках, к часу дня занят был весь город, а к 4-м часам - "гордый Измаил пал к стопам Вашего Императорского Величества", как донес Суворов Императрице. За взятие Измаила наш военный гений был награжден чином подполковника Л.-Гв.Преображенского полка и в память его подвига была выбита медаль.

По окончании войны Суворов получил повеление "об'ехать Финляндию до самой Шведской границы" и "проектировать систему пограничных укреплений". Исполнив менее чем в 4 недели это сложное дело, Суворов полу-

чил Высочайшее повеление "полагаемые вами укрепления построить под ведением вашим".

По смерти Потемкина Суворов был назначен командующим войсками в Екатеринославской губернии, в Крыму и во вновь приобретенных землях до устья Днепра.

С началом польского возстания 1794 года, Императрица вверила войска Суворову. "Я посылаю в Польшу две армии", говорила Она приближенным своим: " одну - армию, а другую - Суворова". Разоружив в короткое время польские войска, Суворов 6 сентября разбил при Крупчицах семнадцатитысячный корпус Сераковского, спустя два дня вновь разбил того-же Сераковского и донес Румянцеву: "Корпус Сераковского кончил". Соединившись после этого с войсками Ферзена, Суворов двинулся к Варшаве и в двадцатых числах октября подступил к Праге. 24 октября взяв штурмом Прагу, Суворов 29 октября в 8 час.утра вступил в капитулировавшую Варшаву с музыкой и распущенными знаменами.

О взятии Варшавы Суворов донес Императрице тремя словами: "Ура, Варшава наша", на что 19 ноября Императрица ответила ему: "Ура, Фельдмаршал Суворов". Кроме этого чина Суворов получил за новые свои подвиги осыпанный бриллиантами жезл, бриллиантовую петлицу на шляпу и семь тысяч крестьян.

С кончиной Императрицы Екатерины II и с воцарением Императора Павла 1, Суворов был отставлен от службы за то, что осмелился написать Павлу 1, что "скучает своим бездействием". Удалившись в свое село Кончанское Боровичского уезда Новгородской губ.,Суворов оставался там до 6 февраля 1799 года. Живя в простой крестьянской избе, он, как говорит историк, "звонил в колокола, пел на клиросе, читал в церкви Апостол, примирял семейства, соединял юные четы брачными узами, восхищался счастием крестьян своих, писал свои заметки и с немногими особами, которые посещали его, любил беседовать о делах Европы"...

6 февраля в Кончанское прибыл флигель-ад'ютант Толбухин и привез Суворову собственноручный рескрипт Государя, призывавший его в Петербург, для вручения ему командования войсками, отправленными в Италию с целью совместных действий с австрийцами против Франции. Прибыв в Вену 14 марта, Суворов узнал, что он назначен Главнокомандующим союзной армией, с предоставлением ему полной свободы действий на театре войны.

Трудно передать радость, которую выказало, как население Вены, так и тех итальянских городов, через которые проезжал герой Праги, Измаила и Рымника, возведенный и Австийским Императором в звание Фельдмаршала.

Французы, начав отступление перед союзниками, удержали в своих руках ряд тыловых крепостей, и потому Суворов начал военные действия взятием наиболее значительной из этих крепостей - Брешии. За-

тем противники столкнулись на реке Адде. После 12 часов непрерывного боя 16 апреля союзники перешли реку Адду и, преследуя отступавших французов, заняли Милан. Известие о блестящей победе на р.Адде произвело громадное впечатление в Петербурге и в Вене, не говоря уже об итальянцах, которые теперь прямо таки благоговели перед Суворовым.При вступлении в Милан ему бросали под ноги венки, цветы, ловили руки его и полы платья. 20 апреля Суворов двинул вверенные ему войска к р.По, тесня отступавшие французские армии со свойственной ему стремительностью. Спустя полтора месяца вся северная Италия была очищена от французов, не считая крепостей Мантуи и Кони, оставшихся еще в их руках.

Положение Суворова, тем не менее, было серьезно. Ход кампании поставил его между двумя неприятельскими армиями, более многочисленными каждая в отдельности, чем вверенная его командованию армия союзников. С севера угрожала армия Моро, а с юга – Макдональда.

Суворов 7 июня на реке Треббии разбил Макдональда, некоторые части армии которого бежали с поля сражения. За Треббию Суворов был награжден портретом Государя, украшенным бриллиантами, препровожденным ему при крайне милостивом рескрипте.

Убедившись в безвредности для себя армии Моро, оставшейся в горах, Суворов приступил к осаде Мантуи, которая и сдалась ему 19 июля.

Австрийский гофкригсрат, недовольный вполне самостоятельными действиями Суворова, стал открыто выражать ему свое неудовольствие. Австрийское интендантство перестало поставлять аккуратно нашим войскам продовольствие; Высочайшие повеления из Вены, относившиеся до австрийских войск, начали посылаться минуя Суворова. Словом, все созало такую обстановку, при которой дальнейшие совместные действия наших войск с австрийскими стали невозможными. 25 июня Суворов отправил в Петербург прошение об отозвании его в Россию.

Между тем французская армия, поступившая под команду ген.Жубера, человека храброго и высоких военных дарований, заняла очень сильную позицию у Нови и готовилась броситься на Суворова. Прождав весь день 3 августа нападения, Суворов на следующий день решил сам атаковать Жубера. В самом начале сражения Жубер был убит и командование неприятельской армией перешло к Моро. Ужасный бой длился целый день и к шести часам вечера союзные войска взобрались на занятые неприятелем высоты и даже зашли ему в тыл. Французы бросили свои, почти неприступные, позиции и, бегством по всем направлениям, искали спасения от сабель и штыков союзников.

8 августа за освобождение всей Италии "от безбожных ее завоевателей" Суворов был пожалован княжеским достоинством Российской Империи с титулом "Италийского", а 24 августа Император Павел повелел гвардии и всем русским войскам, даже в присутствии Своем, воздавать Суворову "все воинские почести, подобно отдаваемым Особе Его Императорского Величества".

Сдав начальство над австрийскими войсками ген.Мелассу, Суворов двинулся со своими войсками в Швейцарию, во исполнение рескрипта Императора Павла, которым предписывалось "по овладении всеми крепостями в Италии", сосредоточить наши войска в Швейцарии и действовать "куда и как заблагоразсудит".

По вине австрийцев, не снабдивших наши войска достаточным числом мулов, привыкших к гористой местности, Суворов на походе в Швейцарию встретил неимоверные затруднения. Несмотря на непривычку к горной войне, войска наши, предводимые Суворовым, проявили удивительную способность быстро приспособляться к совершенно новым условиям военных действий. Вытеснив французов из С.Готарда и энергично преследуя их через знаменитый Чортов мост, разрушенный французами и исправленный нашими войсками под выстрелами неприятеля, Суворов занял г.Альторф и решил продолжать, во что бы то ни стало, движение вперед в направлении на Швиц, согласно принятого им еще ранее плана кампании. Для этого пришлось избрать путь, которым не двигалась ни одна армия в мире, по горной тропинке через Росштокский хребет к деревне Мутен. Этот единственный по чрезвычайной трудности путь обозначается и до ныне на многих картах Швейцарии надписью "Путь Суворова в 1799 году". В Мутенской долине Суворов очутился между французскими корпусами Массена и Молитор. Не рискуя предпринять наступательных действий против Массена в открытых равнинах, так как армия последнего почти втрое превосходила нашу, Суворов решил итти на Гларис. Отбивая ежечасно нападения неприятеля и нанося ему серьезные поражения, Суворов медленно подвигался к Глярису и прибыл туда 23 сентября. Не получив здесь обещанной со стороны австрийцев поддержки, в ночь с 23 на 24 сентября Суворов двинулся к выходу из Швейцарии, в Кур, где приказано было заготовить продовольствие на два дня и где армия, после 17-дневного многострадального победного пути, должна была наконец получить вполне заслуженный отдых.

Неслыханный по своей трудности Швейцарский поход Суворова - блестящий пример величайшего значения твердости вли вождя и силы духа войск. Это венец военного дарования и, вместе с тем, торжественный заключительный аккорд военной славы Суворова.

Император Павел 29 октября 1799 года пожадовал Суворову чин Генералиссимуса и приказал Военной Коллегии сноситься с ним не "указами", а "сообщениями". В рескрипте Суворову Император Павел, между прочим, писал: "Побеждая повсюду и во всю жизнь Вашу врагов Отечества не доставало Вам еще одного рода славы - преодолеть самую природу; но Вы и над нею одержали ныне верх. ... Ныне, награждая Вас по мере признательности Моей и ставя на вышний степень, чести и геройству предоставленный, уверен, что возвожу на ный знаменитейшего полководца сего и других веков".

Вызванный Императором Павлом 29 декабря в С.-Петербург, Суворов,

сдав командование войсками ген.Розенбергу, трогательно простился со своими чудо-богатырями и, чувствуя себя уже больным, выехал в направлении на Краков, пробыл в нем несколько дней и отправился в Кобрин. Здесь Суворов совсем расхворался и пролежал больным около 40 дней. Медленно, вследствие болезни, приближаясь к Петербургу, Суворов, избегая всех готовившихся ему почестей, 20 апреля вечером в'ехал в Петербург и остановился на Екатерининском канале в доме своего племянника гр.Д.И.Хвостова.

Несмотря на старания врачей, болезнь усиливалась с каждым днем и, наконец, 6 мая 1800 года в 2 часа дня Суворова не стало. Он скончался на 72 году жизни. Похороны этого гениального полководца носили характер глубокого национального траура. При в'езде в ворота Александро-Невской лавры, где в Благовещенской церкви похоронен Суворов, высокий балдахин катафалка, казалось, не мог пройти под воротами монастырской ограды; решили снять балдахин, тогда один унтер-офицер, находившийся постоянно в походах с Суворовым, воскликнул: "оставьте, он пройдет, как и везде проходил!" Попробовали послушать этого чудо-богатыря, и катафалк проехал. Этот мелкий эпизод весьма характерен. Он служит показателем того чрезвычайного авторитета, того обожания, которыми пользовался Суворов среди своих младших братьев-солдат, образ мыслей, быт и нравы которых так долго, внимательно изучал Суворов еще в бытность свою нижним чином.

Над его могилой лежит плита с простой надписью. "Здесь лежит Суворов", сделанной по его мысли, вместо пышного перечисления его чинов, званий, орденов, и своей лаконичностью венчающая великую славу этого героя.

(Справочная книжка Императорской Главной Квартиры.
"Вечные Шефы Казачьих войск". СПБ, 1912.)

"ЗРИ В ЧАСТИ - СЕМЬЮ,
В НАЧАЛЬНИКЕ - ОТЦА,
В ТОВАРИЩАХ - БРАТЬЕВ".

Суворов.

ЛЕГЕНДА О СУВОРОВЕ.

"В дремучем лесу, средь болот, лежит огромный камень с пустым нутром. Дурная слава про это место: там блуждают синие огни, носятся белые тени, раздаются тоскливые стоны. Всегда здесь мертво; только ворон каркает над мшистым камнем, да вьется хищный орел. Путник, нечаянно сюда попавший, торопится уйти, кладя на себя крестное знамение.

В камне видно малое отверстие; брезжит тусклый свет неугасимой лампады, и несется чуть слышное, глухое поминовение рабу Божию Александру. Там спит Суворов, склонив седую голову на уступ камня; давно он спит и долго спать будет.

Только тогда, когда покроется русская земля кровью боевому коню по щиколотку, проснется вещий дедушка, выйдет из своей неволи и избавит Отечетсво от лютой невзгоды".

Народная легенда.

(Исследование орд.проф.Имп.Ник.Военной Академии, ген.м.А.Г.Елчанино Стр.173,том 2, История Русской Армии и Флота, Москва, 1911.)

СУВОРОВ О МУЗЫКЕ.

Один генерал в разговоре заметил, что следовало бы в армии сократить число музыкантов и за их счет увеличить строевые солдатские ряды.

"Нет,"- возразил Суворов,- "музыка нужна и полезна, и надобно, чтобы она была самая громкая; она веселит сердце воина, равняет его шаг; по ней мы танцуем и на самом поле сражения. Старик с большей бодростью бросается на смерть, молокосос, стирая со рта молоко матери, бежит за ним.

С крестом в руке священника, с распущенными знаменами и с громогласною музыкой взял я Измаил".

(Извлек С.Двигубский, 12 вып.)

ЗА ВОЛГОЙ.

(Боевой эпизод из гражданской войны)

Осень 1919 года. Я и брат Сережа (Суворовец 1 вып.прим.ред.) в Добровольческой Армии, в батарее 42-линейных английских гаубиц. Брат - старший офицер, а я начальник орудия. После тяжелых боев к северу от Царицына, на путях к Саратову, мы возвратились в Царицын на отдых, но, к сожалению, не надолго. Заволжский отряд, действовавший в Астраханской губернии и обеспечивавший наш правый фланг, попал в трудное положение. После одного из боев отряд потерял одну из своих батарей и теперь нуждался в поддержке, так как давление большевиков все время усиливалось. Нашу батарею с небольшой пехотной частью приказано было переправить на восточный берег Волги. Я был очень доволен такому решению, тем более, что являлась возможность, несмотря на позднее время года, полакомиться астраханскими белыми и очень сладкими арбузами и, кроме того, побро- дить по лесам после долгого пребывания в Приволжских степях, и, в конце концов, представляла своего рода диверсия полная неизвестности и, поэтому, интересная. Переправа через Волгу на пароходе прошла без всяких приключений и, так как время было уже к вечеру, мы расположились на ночь в селе на берегу Волги, напротив Царицына.

На следующий день, на рассвете, наш отряд двинулся в путь берегом Волги на север с целью нагнать большевиков и отобрать взятые ими орудия. Пехота шла цепью, за ней саженях в ста - мы со взводом прикрытия и где-то на нашем правом фланге - конница. Был очень густой туман и видимость ограничивалась 5-10 саженями. Тишина была зловещей, как затишье перед бурей. Прошли мы, этак, версты две, как вдруг вдали впереди нас послышались одиночные выстрелы. Сережа мне сказал, что, значит, противник обнаружен и нам следует занять "выжидательную" позицию, что и было немедленно исполнено, и Сережа с наблюдателями и телефоном отправился на розыски наблюдательного пункта в районе наших пехотных цепей. Я оказался на батарее старшим.

В 50 саженях на левом фланге батареи я приказал занять позицию батарейному пулемету, а между ним и батареей расположился взвод прикрытия, и я ждал от брата распоряжений, но, к сожалению, телефон не работал. Прибежал один из батарейных пулеметчиков и доложил, что они заметили несколько всадников и что начальник пулемета спрашивает, следует ли по ним открыть огонь. Я запретил обстрел, так как это могла быть и наша разведка и, кроме того, их было очень мало, чтобы нас испугать. Я вспомнил слова Суворова по этому случаю, когда он утешал свои войска, говоря: "Если нам тяжело, то противнику еще хуже!" И, в самом деле, какой-то большевицкий раз'езд никогда не посмел-бы атаковать офицерскую батарею Добровольческой Армии и, в этом случае, я думаю, раз'езд сам испугался бы и смылся. С точки зрения военной раз'езд был бы прав,

так как, по всей очевидности, его задачей была разведка, а не атака. Нужно, однако, признаться, что было очень неприятно чувствовать конницу противника на своем фланге. Одиночный огонь продолжался впереди и наш телефон все еще не работал. Так прошло немало времени, как вдруг затрещал пулемет противника и пули, срывая ветки близких кустарников, ударяли по щитам наших гаубиц. Дело было дрянь... Передки были, как всегда, позади позиции батареи и там лошади с перепугу устроили сплошной кавардак. Нужны были большие усилия для приведения тыла в порядок. Фронт, фланг, тыл и неизвестность ...

Пулемет все строчил и он мне надоел. Хотя у нас в артиллерии было принято за правило: "не вижу, не стреляю", я все-же решил, что в данном случае, несмотря на густой туман, это правило не имеет силы: я противника не видел, но хорошо чувствовал. Нас били, направление ударов великолепно улавливалось ухом; что же касалось дистанции, то по моему чутью она не могла превышать одной версты ... Лишь бы только не попасть по своим. Решено - сделано, и я приказал немедленно открыть огонь: направление - пулемет, прицел - 500 сажень. Все офицеры обрадовались возможности наказать большевиков. Мой друг шт.кап. Калнин, брат Начальника штаба Корниловской ударной дивизии, даже затанцевал от удовольствия, когда мы услышали кряканье разрывов наших бомб и стрельба пулемета прекратилась. Считая, что большевикам плохо и они должны "отчаливать", я приказал удлинить прицел для огневого преследования противника. К нашему удивлению и радости мы вскоре услышали "ура" и прискакавший разведчик вручил мне приказание двигаться с батареей вперед, так как противник сбит и взяты пленные. Пехота нам устроила овацию ... По словам пленных, с первого-же снаряда пулемет с тачанкой был уничтожен, все пулеметчики убиты или ранены, а комиссару осколком оторвало ногу. Колонна наша шла прямо на север, туман рассеялся и конница была послана преследовать противника в надежде вернуть захваченные, как я говорил, пушки. От действия наших снарядов дорога была изрыта там и сям воронками и телефонные провода были перебиты. Брат мне рассказал, что видел комиссара с оторваной ногой и он кричал: "подождите, ..., и вам придет конец!"

"Поднявший меч - от меча погибнет",- он первым открыл огонь из пулемета за неправое дело, как и все большевицкие водители, обманувшие русский народ.

Наша колонна, двигаясь на север, достигла деревни (название забыл), где жители нам рассказали, что здесь стояла красная конница и пехота, что захваченная красными батарея была спешно отправлена далее на север верблюжьей тягой и что, после нашего артиллерийского огня, все красные бежали в панике.

Мы получили приказание вернуться на отправную стоянку на ночь, а утром весь отряд двинулся к р.Ахтубе, где мы провели очень интересные бои с сильно вооруженным противником и с большим трудом унесли

свои ноги из этой замечательной заволжской операции.

Но об этом - в следующий раз.

М.Прокофьев (6 вып.)

Переход через перевал СИХОТА-АЛИН Приморской области.

Рудники Тетюхе были расположены севернее бухты св.Ольги в бухте того-же названия, от которой к рудникам была проложена рудничная железная дорога протяжением около 80 верст. Там была начата разработка руды галмей, которая, как бы шляпой на вершине горы, прикрывала все месторождение. Ко времени моего приезда туда в 1913 году руда галмей была уже выработана и вывезена в Гамбург. Образцы этой руды мне пришлось видеть в конторе рудника, она была очень красива, походила на грозди крупного винограда, голубого цвета.

Сразу же после моего приезда началось мое практическое обучение горному делу. Первым шагом было - научиться бурить. Дело это требовало не только физической силы, но и ловкости, поэтому в начале пришлось ходить с разбитой в кровь рукой, уставать так, что болели все мускулы, но, конечно, отказываться от работы было нельзя. Три-четыре дня спустя и раны зажили и тело втянулось в работу, а через неделю я мог уже сам забуривать скважины. На второй неделе я стал уже догонять рабочих, - был молод и здоров.

Как только я с этой работой освоился, меня сразу-же перевели на следующую, т.е. сделали запальщиком. Дело заключалось в том, чтобы в скважины закладывать динамит, капсюли и зажигать их с помощью шнура. Делается это в перерыве работ и требует аккуратности и точного расчета и затравки и времени для взрыва. Особенно важно считать количество взрывов, чтобы знать, что все затравки взорвались. Были случаи, что запальщик бывал ранен запоздавшим взрывом, чего он не учел, так как не сосчитал в свое время количества затравок. Окончив в одном забое, нужно было торопиться в другой и т.д., чтобы использовать время и не задерживать ход работы. Так случилось на руднике на р.Охабе, где производилась разведка руды молибден. Оттуда привезли раненого десятника, который просчитался в затравках, и меня назначили туда на разведку. Снабженный динамитом, капсюлями, шнуром, журналом работ и ведомостями, в марте 1913 года я приехал на рудник, где работало около 80 человек. Проработав там две недели, я был сменен возвратившимся десятником, а сам был переведен в чертежную главной конторы. Туда часто заходил управляющий, гор.инж.В.П.Воденников, который нам рассказывал о своей юности, когда он побывал в Калифорнии и на Аляске. Я как-то высказал же-

лание пройти тайгой через перевал Сихота-Алин на ст.Ямаковку. Через несколько дней поход мой был конторой разрешен и мне был дан в помощь рабочий-китаец, которого я должен был сдать в конторе во Владивостоке. Там-же я должен был сдать мой отчет о горной разведке и передать образцы горных пород.

Выбрав соответствующего китайца,я занялся сборами в поход. Взяли мы с собой пуд китайских очень сытных лепешек, пуд рису и немного соли в тряпочку. Затем, десять патронов динамита, 30 капсюлей и шнур, подборную лопату и топорик с индейцем на ручке, который я заткнул за пояс. Все разложили в две "питоузы", - китайские плетеные сетки, а к одной сверху привязали палатку-комарник. Вышло около двух пудов на каждого.

Один старик-китаец указал нам дорогу с рудника на "лудёо", - изгородь, сделанную на самой вершине перевала по хребту, которая кончалась большой глубокой ямой,- западней для диких зверей. Местные жители, охотники-орочены, пользовались этой ямой для загона зверя со всей округи, выполняя это всем составом своих семей. Вечером накануне отхода в путь я у В.П.Воденикова видел одну даму, К.Г.Некрасову, ныне г-жу Эльвангер, которая живет в Сиднее. Она обещала приехать на следующий день утром нас проводить и посмотреть, как мы нашли дорогу на лудёо. Чуть стало светать утром, мы двинулись в путь. Питоузы взвалили на плечи, я дал ходе-китайцу свое дробовое ружье, а сам взял карабин, и мы двинулись. Путь нас вел по долине р.Татюхе. От ж.д.станции пошла старая лесозаготовочная дорога на запад. Прошли верст пять и сели отдохнуть. Смотрю я, с моего ходи пот льется градом, да и я еле отдышался. Двинулись дальше, дорога стала поворачивать к северу и приближаться к хребту, а тут и открылась долина реки. Присели опять отдохнуть. Вдруг услышали лошадиный топот и вскоре к нам под'ехала верхом К.Г.Некрасова.Поговорили мы с ней о предстоящем переходе и К.Г. крупной рысью отправилась домой, а мы двинулись тропой к перевалу. Когда подошли к крутому склону хребта, тропа уже потерялась, так все заросло кустарником, и пошел строевой кедр, но тропу можно было чувствовать ногами, обутыми в орочейские "улы". Здесь мы заметили зарубки на кедрах, сделанные вероятно очень давно. На высоте головы - вырубка в четверть и глубиной с вершок, причем края уже завернулись и облились смолой. Слева пониже, - засечка топором откуда поднимается тропа, а справа новые засечки, - поворот тропы. Все это мы раскумекали во время отдыха и дальше пошли, уже значительно веселее, по тропе, петлями поднимавшейся на перевал. Выбрались мы туда только к вечеру и повалились отдыхать. Придя в себя, стал я осматриваться и вижу, - кругом только тайга. Влез на высокий кедр и на западе едва различил в синеве огромную голую вершину горы верстах в 120 от нас. Отдохнув, двинулись дальше прямо на север,

зарубок уже не встречали, и, наконец, уперлись прямо в лудёо. Дальше итти было нельзя, поэтому, как говорил старик, пошли вдоль изгороди, которая, однако, скоро окончилась и мы очутились перед огромной ямой с отвесными стенками, откуда и человеку было бы трудно выбраться, если бы он случайно туда попал. Изгородь строится вдоль вершины хребта, состоит она из кольев, вбитых в землю в направлении подхода зверя, связанных между собой и забросанных ветками, что делает ее непроходимой. Зверь, напуганный криками и шумом охотников, бросается на изгородь, поворачивает к яме и попадает всей массой туда, где его уже добивают охотники. В эти загоны попадают кабарга, коза, изюбрь, словом весь зверь, которого вспугнут охотники. Наша тропа повернула прямо на запад и стала спускаться вдоль хребта. Здесь лес изменился: кедр был на перевале, а вниз пошли огромные лиственные деревья толщиной в два обхвата и такие твердые, что мой топорик только отскакивал от стволов. Трава была невысокой и тропинку было хорошо видно. Верхушки небольших деревьев были надломаны в сторону движения тропы.

Заночевали мы на перевале у ямы, растянули комарник и улеглись. Смотрю я, ходя мой снял улы, расправил веревки, аккуратно сложил их и поставил их у себя в головах. На вопрос, что он делает, ответил, что он молится Вану (тигр), чтобы нас не трогал.

Чуть забрезжил рассвет сложили мы наши пожитки, с'ели по лепешке и стали нагружаться. Вот тут-то я узнал, что значит поход: все тело болит, плечи опухли от лямок питоуз, ноги-же не пострадали, благодаря хорошим ороченским улам. Вышли мы на тропу и нам открылся вид на северо-восток с горного хребта Сихота-Алин. Вид был замечательным: внизу справа у ног, - пропасть и в глубине ее чуть заметно, параллельно хребту, протекает ключ. Вся долина сплошь до соседнего хребта заросла гигантскими деревьями. Слева-же тянется горный хребет, а за ним на расстоянии тоже, примерно, верст в 120, как и голая "сахарная голова", о которой я писал выше, в синеве протекает река Уссури с ж.д.раз'ездом "Известковый", где был построен цементный завод.

Присели мы, полюбовались на открывшуюся панораму и стали спускаться с хребта. Тропа была заметной и тянулась широкими уступами, со сломанными верхушками кустарника вдоль нее. Так мы шли до обеда. В полдень сбросили питоузы, легли, задравши повыше ноги, отдохнули и стали варить рис. Пообедали, отдохнули и стали нагружаться, а плечи болят! Но пришлось подняться, подтянуться и двинуться в путь. Тут тропа сделала обратный поворот. Прошли мы немного и увидели стайку рябчиков, с любопытством наблюдавших за нами и совсем нас не боявшихся. Своим дробовиком я получил двух рябчиков, которых мы привязали к питоузам и двинулись дальше. Вскоре вышли на ручей, который от крутого становился все положе, пошли ямки на дне, и в ямках, прижавшись к стенкам, видна была форель. Захотелось форели. Хотя остановка и не была предвиденной, однако, я

достал половинку патрона динамита, капсюль и шнур,и снарядил патрон. Достал спички, которые нами хранились вместе с документами, особо. Взрывбросил несколько форелей, которых мы поймали, и двинулись дальше. Тропа подошла почти к самой долине и исчезла. Потоптались мы на месте и двинулись на северо-восток вдоль хребта, приподнявшись немного по склону для ориентировки. Не в далеке увидели большую фанзу, а рядом маленький амбарчик с крутой крышей, построенный на столбах больше аршина вышины. Фанза оказалась запертой на колышек, в комнате на столе стояла бутылка бобового масла и кулек муки. Но у нас были свои запасы и, поэтому, набрав свежей воды, мы состряпали ужин. Уха, нами тогда сваренная, конечно, была так хороша, что лучше я больше никогда нигде не ел. Ходя поставил тушить рябчиков и мы пошли смотреть амбар. На его столбах у настила было набито железо раструбами вниз, так что и мыши не могли пролезть. Узкая маленькая дверь амбара была тоже заперта на колышек и тут-же лежала маленькая лесенка в три ступеньки. Приставив лесенку, влезли мы в амбар и там нашли висящими несколько китайских шуб, крытых темно-синим сукном, на белой вьющейся мерлушке и отороченных соболем. Заперли мы дверь в амбар и отправились в фанзу на отдых. Приятно было вздремнуть в тепле и под крышей. Ходя тем временем приготовил рябчиков и кричит: "Эй,ждагунда,челе чуфан", что означает приглашение к столу. Сели на нарах, поджали под себя ноги, - хорошо! Ходя рассказал, что здесь живут не охотники, а искатели панцуя, - корешка, по виду напоминающего собой человеческую фигуру, растущего в Южно-Уссурийском крае. По-русски он называется жаншень, ценится он очень высоко, есть корни стоимостью до тысячи рублей. Он излечивает ряд болезней и восстанавливает силы, поэтому он так высоко ценится. Спать легли с первой звездой, чтобы раньше подняться на следующий день. Утром позавтракали рисом, одели свое снаряжение и подошли к реке искать дорогу от зимовья к тропинке. Вижу я вдруг, на другом берегу стоит изюбрь и пьет воду, вздрогнул, поднял голову и уставился на меня. Я быстро снял карабин с плеча, повернул затвор, прицелился в сердце и выстрелил. Изюбрь поднялся на задних ногах, повернулся и прыгнул. После второго выстрела изюбрь упал. Перешли мы реку по пояс в воде и увидели, что зверь лежит на левом боку и на правой задней ноге вывернута целая яма, - выходное отверстие пули. Перед выходом, еще на руднике, я нарезал напильником глубокие кресты на пулях карабина. В этом случае пуля попала в кость и, поэтому, получилось такое большое выходное отверстие. Было обидно, что я промахнулся первым выстрелом, но делать было нечего, надо было скорей разделывать зверя. Вырубили мы огромные рога, оказалось семь пар концов, и начали свежевать. И вот когда я уже снимал шкуру, то увидел чуть заметную дырочку входного отверстия. Ходя тоже нашел почти незаметную, но окровавленную дырочку, - выходное отверстие. Тогда я успокоился:

зверь не мог уйти от нас далеко даже после первого выстрела. Ходя предложил мне с'есть сырое сердце, что по их обычаям делало человека храбрым. Попробовав сырого мяса с солью, мы разрубили оставшееся мясо на части, вынесли все на берег реки, выбрали место и расположились коптить мясо на костре, вернее, жечь его до состояния скорее напоминавшего уголь. Шкуру посыпали золой, сложили все вместе и забросали ветками. Утром двинулись по зимней дороге, которая проходила рядом. Рога несли по-переменно, а ходя на дорогу взял только сырую печенку. Дорога шла все в одном направлении на запад. К вечеру увидели, что горы постепенно образовали ущелье, по которому протекала река. Дорога подошла к крутым порогам реки, повернула вправо и спустилась к реке, как-бы указывая место брода. Пришлось раздеться, одеть на ноги улы без стелек и, с помощью вырубленых саженных палок с заостренными концами, итти вброд. Было очень трудно бороться с сильным течением, к середине реки вода достигала мне по грудь, ходе было еще труднее, но он не отставал. Выйдя благополучно на берег, стали искать нашу тропу, которую нашли, пройдя еще немного. Она короткими уступами стала подниматься на перевал. Пока поднимались, солнце стало клониться к вечеру, а когда подошли к перевалу, стало совсем темнеть. Осмотрелись мы кругом: дремучая тайга. Сняли улы, аккуратно завязали обмотки, поставили в голову, памятуя ороченскую поговорку, что зверь не тронет, шайтан отойдет, и заснули, как убитые.

Утром нас разбудило яркое солнце. Подошли к перевалу и перед нами открылась широкая долина, вся сплошь вырубленная, и по ней чуть заметной ленточкой тянулась река Даубихе. Справа увидели деревеньку.. Спустились мы с перевала и двинулись дальше тропой. Здесь нам пришлось итти в траве, местами выше человеческого роста. Пробираясь в траве, имели неожиданную встречу с китайцами. Впереди шел старик высоченного роста, с седой бородой, и нес три куля муки на рогулке. Указали они нам направление, а ходя об'яснил им где мы убили изюбря и спрятали мясо. Вышли мы из травы, идем в сторону деревни и видим, что у дороги сидят три великана с рыжими бородами до пояса, винтовки лежат на коленях, а за поясами заткнуты самодельные кованые на кузнице ножи: и топора не надо! Около пасутся три лошади. Тут у меня в первый раз екнуло сердце, но делать было нечего, пришлось к ним подойти и вступить в разговор. Выслушав ответы на их вопросы, откуда и куда мы идем, рассказ про убитого изюбря с семью парами концов на рогах и о карабине, - подарке моего отца, полковника 4 стрелкового полка в Никольске-Уссурийском, один из великанов назвал свою фамилию и об'яснил, где находится их дом в селе, а мы, с легким сердцем, зашагали по направлению к деревне. Пришли мы в деревню под вечер, уже хозяйки подоили коров и стряпали ужин. Без труда нашли дом, где нас встретил хозяин со словами: "заходите, гости будете". Сняли мы наши вьюки, по-

ставили ружья в угол и вышли к старику на крыльцо. Старик-хозяин ростом был меньше сыновей, но громадной ширины в плечах, просто какой-то квадрат, с окладистой, уже седой, бородой. Потом вышла на крыльцо и старуха, выше старика ростом, и села рядом с ним. Тем временем мы рассказали все о себе и своем походе, откуда пришли и куда хотим итти дальше. Выслушав нас, старик подумал и сказал, что итти нам дальше надо будет до слияния рек Даубихе и Улахе, а потом до реки Уссури, на которой и стоит станция Шмаковка, но можно это расстояние проплыть на лодке. На вопрос где достать лодку, хозяйка вспомнила, что года два тому назад им орочены оставили лодку, дубленую, и больше за ней не приходили. Старик согласился уступить нам эту лодку и я за нее заплатил весь свой наличный капитал в 10 рублей. Пришли молодайки и позвали нас ужинать. По окончании ужина старик сказал: "Давай-ка свою винтовку, я повешу ее у себя над кроватью, - таков уж у нас здесь обычай, а утром в дорогу я тебе ее отдам". Отдал я винтовку хозяину и пошли мы на ночлег. Постлали нам в зале на полу. Комната громадная с высокими потолками, большими окнами с занавесками и цветами на подоконниках, каких в городе на найти. Дом срублен из целых бревен. Вечером стало прохладно. Добрались мы до подушек и заснули, как в раю.

Встали поздно, хозяева нас не будили. Стали собираться в дорогу, вытащили челн, привели его в порядок. Орочанский челн был как раз на двоих. Забрали оружие и питоузы, в которых, собственно, были лишь образцы горных пород, так как провизию почти всю с'ели. Попрощались с хозяевами, ходя взял рога, и пошли грузиться. Старик пошел нас проводить и сказал, что за видневшейся небольшой сопкой будет монастырь, куда нам обязательно нужно будет заехать: Шмаковский монастырский мед славится на все Приморье. Поблагодарили мы его за ласку и приют и отчалили. Старик долго еще стоял на берегу и смотрел нам вслед. Я проверил погрузку лодки: ладонь по борту помещается, значит все в порядке. Примерно к полудню показался монастырь, всего в несколько домов. Монахи на берегу ловили сетями рыбу и к ним мы и под'ехали. Напились чаю с медом, доели свои последние лепешки, распросили монахов где нам лучше оставить челн около станции и двинулись в дальнейший путь. Погода стояла безветренная, солнечная, - благодать! Налегли на весла, очень уже хотелось поскорее добраться до жилых мест. В указанном месте вытащили челн на берег, забили кол, привязали челн, перевернув его, положили под него весла и с облегченным сердцем пошли на станцию Шмаковка.

Там оказалось, что поезд на Никольск будет только на следующий день утром. Начальник станции разрешил нам переночевать на станции и я смог дать телеграмму домой, прося отца прислать мне денег на дорогу. Перевод пришел вечером. На следующее утро на станции нас провожал народ с целью полюбоваться рогами с семью концами, которых до тех пор здесь не водилось.

К полудню приехали в Никольск. Дома был переполох по случаю приезда сына. В столовой висели рога лося. Ходя принес наши рога и поставил их в угол. За обедом я рассказал, как я убил изюбря, рога отцу очень понравились и он послал за мастером в полк. Пришел стрелок-мастер и принес с собой инструмент. Отец усадил его рядом с собой, налил стакан вина и показал рога. Мастер сознался, что такие большие рога видит в первый раз. Дня через два рога уже висели на стене и действительно производили сильное впечатление своей величиной и богатством концов.

Отдохнув дома, мы поехали с ходей во Владивосток, там я сдал его в контору, а также передал описание пройденного пути и образцы горных пород, получил расчет и удостоверение о работе. Тут я узнал о предстоящей постройке тунеля на "Кипарисовском перевале" и в конторе этого предприятия производителем работ инж.пут.сообщ.И.Ф.Лучко был принят на работы с июня месяца 1913 года.

К.Ерошевич.(2 вып.)

От редакции. Наш Суворовец 2 выпуска Констнтин Иванович Ерошевич по окончании Варшавского Политехнического Института работал на Дальнем Востоке. Мы приветствуем дорогого Константина Ивановича и ждем от него описания дальнейшей его работы в этом интересном и самобытном краю России.

"ВЗВЕЙТЕСЬ, СОКОЛЫ, ОРЛАМИ"...

1940-й год. Еще продолжается "drôle de guerre(странная, дурацкая война. Во Франции командование решило сформировать несколько маршевых полков из иностранных добровольцев.

Кадрами для них послужили офицеры и унтер-офицеры Иностранного Легиона, разбавленные офицерами и унтер-офицерами из состава полков пехоты в самой Франции. Около 50% кадров составили бывшие иностранные офицеры и унтер-офицеры, из'явившие желание. Среди них большинство было бывших русских офицеров. Принимали с чином от подпоручика до капитана, независимо от того какой чин был в русской армии. Пройдя медицинский осмотр и экзамены (устный и письменный) по французскому языку, я был назначен в один из трех полков, формировавшихся недалеко от Перпиньяна. Будучи по специальности пулеметчиком, я попал в пулеметную роту, командир которой, капитан-француз, отсутствовал по болезни; и так как подпоручик-француз, его замещавший, был младше меня по чину, то я, лейтенант, вступил во временное командование ротой.

Состав этой роты был пестрым по национальности. Около 50% было испанцев республиканской армии (красных), интернированных во Франции

после победы Франко, а в остальной половине была представлена почти вся Европа (кроме неприятелей). Худо, плохо, но эти три полка были наспех сколочены и обучены.(Между прочим, очень хорошо и стойко дрались, понеся большие потери, и, в конце концов, попали в плен.) Мне разделить их участь не пришлось, так как перед выходом в поход каждый полк выделил определенное количество личного состава с кадрами для формирования общего для трех полков запасного "депо". Я попал в их число. В этом "депо" было три батальона и я получил в командование роту пополнения, которую надо было обучить в спешном порядке.

Первый день занятий был в соседнем перелеске. Развели взводы. Унтера занимаются с добровольцами. Похаживаю (я был единственным офицером в роте) от взвода к взводу, слежу да и, грешным делом, сам пополняю свои знания. Ведь устав не русский. Прислушиваюсь к тому, что преподают мои унтер-офицеры-французы.

Конец занятий. Построена рота. Приказываю фельдфебелю вести роту в лагерь. Напарво!" - "Вперед марш!" Через пять минут фельдфебель просит разрешения роте петь. - "Конечно!" Маленькое движение в колонне: это песенники выбегают вперед, и после маленькой паузы (задается тон) весело раздается:

"Взвейтесь, соколы, орлами!
"Полно горе горевать"...

Смотрю, рота подтянулась, весело и бодро печатает. И все, улыбаясь, смотрят на меня: каково мол впечатление?! Оказывается, что около 75% роты были выходцы из стран-лимитрофов (Латвия, Литва, Польша, Румыния) - евреев, которые знали ко~~ко~~как русский язык и наши песни. А так как они тоже знали, что я русский офицер (у меня русские орденские ленточки), то вот для меня и ахнули по русски. Это было занятно. Хотя Средиземное море и слышало уже в 1916 году русские военные песни, но теперь ему пришлось еще раз их вспомнить. Только исполнители были иные.

Вскоре было заключено перемирие и пополнений посылать не пришлось, а через несколько месяцев и я был демобилизован.

Кроме меня на французскую службу,"à titre étranger" (в качестве иностранца) было принято еще два Суворовца: С.Бугославский и Г.Запольский (оба 9 выпуска). Они были приняты примерно одновременно со мной. Глеб Запольский служил со мною в "депо", а Сергей Бугославский - в Африке в 1-м полку Иностранного Легиона.

С.Грешнер (6 вып.)

ИЗ ПРОШЛОГО.

В декабре 1919 года 3-я батарея Офицерской Артиллерийской Школы отступала из Александровска в Крым. Оттепель сделала дороги непроходимыми и мы постепенно оказались далеко от хвоста отступающей колонны пехоты. Восемь лошадей еле вытягивали наши орудия из грязи. Решили было двигаться по полотну железной дороги, стало легче, но, все же, приходилось об'езжать малые мостики, что очень задерживало движение. За нами шел последним броневик "Кавалерист" и взрывал за собой мосты. Видя, что нам таким порядком до Крыма не добраться, командир батареи просил меня поехать к Начальнику 13 пехотной дивизии ген.Ангуладзе и просить разрешение погрузить материальную часть батари на контрольные площадки броневого поезда. Довольно долго я ехал, чтобы догнать Штаб дивизии. В одном селе в чудном барском доме с Александровскими колоннами я нашел штаб за обедом. Когда я вошел в дом, то встретил генерала."Я к вам,Ваше Превосходительство","что вам надо, дикий человек?" спросил генерал с сильным кавказским акцентом. На такое обращение я нисколько не обиделся, так как, действительно, был похож на дикого человека. В валенках, в полушубке, поверх английская шинель,болтающиеся на тесемках варежки и баранья папаха с торчащими во все стороны волосами, вызывали страх у местного населения, - одним словом "чечен". Я об'яснил генералу тяжелое положение батареи и, чтобы спасти материальную часть, просил разрешение погрузить ее на броневик. После небольшой паузы генерал сказал: "такая прекрасная батарея, которая столько раз выручала нашу пехоту,погибнуть не может! Мне, конечно, было очень приятно выслушать такой отзыв о батарее. Получив соответствующее предписание, я быстро нашел батарею и броневик. Погрузили мы все, что было на колесах, а вместе и безлошадных канониров. Облегченные, в конном строю пошли мы в Крым. Днем мы делали большие переходы, а на ночлег располагались в селах по квартирам.

В сочельник 24 декабря пришли мы в большое болгарское село. Квартир'еры развели батарею по квартирам, нам же, офицерам, было нас двое, выбрали дом получше. Стучим, никакого шевеления, стучим настойчиво, дверь приоткрылась, но при виде наших папах моментально закрылась."Хозяйка, открывайте , не бойтесь, - мы русские!" После небольшого промежутка времени хозяйка осторожно открывает дверь и с весьма недовольным видом пропускает нас в хорошо натопленую комнату. "Самовар есть?" "Есть, да ставить некому", недовольно буркнула хозяйка. В доме оказалась она, женщина степенная и дородная, с восьмилетней внучкой, хозяин куда-то исчез, боясь, очевидно, мобилизации. Пришел деньщик, поставил самовар, принес из переметных сум наш незатейливый ужин, - хлеб, сахар и кусок сала. Сидим это мы в тепле и в ожидании чая делимся впечатлениями пройденного дня, а хозяйка то появляется, то исчезает и все что-то ворчит.

Наконец самовар зашумел, извещая нас, что он готов. Я говорю деньщику: "налей ка стаканчик для хозяйки, может быть и вы с нами выпьете чайку?" Ответа не последовало, но на столе начали появляться всякие вкусные вещи: пироги, заливные блюда, котлеты и все, что полагается в Рождественский сочельник. Мы продолжали разговаривать и делали вид, что ничего не замечаем. "Господа, прошу покорно, сегодня ведь сочельник, вот Бог мне и послал вас, гостей". "Как же так, то вы не хотели нас впускать и на нас смотреть, а теперь нас угощаете?" "Я-же присматривалась, кто Вы такие, вижу, что вы люди неплохие, вот и угощаю, а раньше все думала, что вы чеченцы". Пошли разговоры, воспоминания о сочельниках мирного времени, в общем, попали мы совершенно случайно в мирную семейную обстановку. Время прошло быстро. Хозяйка с деньщиком соорудили подобие постелей, чтобы мы могла, как выразилась хозяйка, "по человечески" отдохнуть. "А когда же вы уезжаете?" "Завтра рано утром". На следующий день в 5 час.утра самовар уже важно пыхтел на столе, окруженный всякими вкусными вещами. Оказалось, что хозяйка с трех часов ночи варила и жарила нам на дорогу. "Да куда-же мы возьмем все это, мы-же конные и, кроме переметных сум, у нас ничего нет!" "Куда хотите, а чтобы вы голодными не были!"

Вот как у нас Руси принимали незнакомых приезжих!

Расставание, со всякими благопожеланиями и напутствиями, было трогательным, даже маленькая Ксения захныкала. От платы за постой хозяйка, конечно, наотрез от казалась и даже было обиделась. Поблагодарили мы нашу, оказавшуюся очень гостеприимной, хозяйку, попрощались и уехали с приятным воспоминанием о так хорошо проведенном Рождественском сочельнике, и до отказу набитыми всякой снедью переметными сумами.

Н.Главацкий (2 вып.)

НАВСТРЕЧУ ОКТЯБРЮ.")

Курск я застал внешне мало изменившимся. Лишь на городских улицах маячили милиционеры вместо полицейских, да на губернаторском доме красовалась вывеска совета народных и солдатских депутатов. Нередко попадались солдаты запасного артиллерийского дивизиона с желто-голубыми повязками на рукавах, - знак близевшегося самоопределения Украины. По воскресным дням далекая от политики толпа наполняла Купеческий сад, беззаботно веселясь. Как и раньше, толпились верующие перед образом Коренной Божией Матери, ожидая чуда. Газеты и слухи наполняли жизнь сенсациями.

") Продолжение, см.Сборники №№ 14, 15.

Я же отгородился от внешнего мира кипами книг Шмулевича, вникая в них, чтобы по конкурсу попасть в Высшее техническое. Несмотря на эти баррикады, вести извне все-таки приходили. То письмо, то оторванный календарный листок, как-бы упрекая: ты здесь, а в Петербурге со вчерашнего дня одиннадцать однокашников зачислены юнкерами в Константиновское училище. Другой листок о том, что двое стали юнкерами Павловского. Я мрачнел и все свое внимание сосредоточил на учебниках. Одновременно с газетными версиями об ударных батальонах на фронте мне сообщили из Москвы, что Б.Шлипер с группой юнкеров-Александровцев тоже присоединился к этим формированиям. Ю. _а моего выпуска, в ожидании установленных сроков для явки в облюбованные ими военные училища, сняли дачу в Сокольниках. Сроки для большинства вышли, оставались еще беспечные Елисаветградцы. Иногда, чтобы рассеяться, я бросал взгляд на газеты, но не надолго. Львиная доля газеты была обычно посвящена опостылой дискуссии о войне до победного конца, панегриками Керенскому, как полководцу, но между строк ощущалась тревога за надвигавшийся развал фронтов.

Дома сестра отчима, ее муж, брат Борис, заядлые картежники, жили своей жизнью, как и большинство Курян, не волнуясь и не расстраиваясь от перемен. Два раза в неделю их четвертый партнер являлся на пульку с бутылкой спирта, который превращался в водку и содействовал успеху этого времяпровождения. Не помню, чтобы хоть раз разговор игроков вышел из рамок об'явления ходов и мастей карт. Медленно выздоравливал в Харьковской клинике после операции отчим. Он мне переслал письмо своих офицеров, мило предлагавших мне после конкурсного экзамена ехать к ним в Инженерный полк. На фронте мое производство в офицеры было бы формальностью. Но я отказался от этого соблазна: мой путь был предначертан, - конкурс, а затем в Петербург, а там будет видно.

Ходя купаться на Сейм с моей потомственной дворняжкой Блэком, я заметил, что в слободах, через которые лежал путь, кое-что изменилось. Исчезла замкнутость,- на мою улицу не ходи! Война, а затем Мартовская революция, снесли слободской шовинизм. Еще одна новость вошла в Курскую жизнь. У ж.д.моста через Сейм, в версте от места купанья, было очень оживленно, чего раньше не бывало. Присмотревшись, я понял: поезда пассажирские и товарные тут замедляли ход и из вагонов и с тендеров сыпались вниз по насыпи поленья, мешки, свертки, прыгали люди. Это Куряне вводили и осваивались с революционной профессией мешечников

Монотонно, в упорной работе прошли месяцы подготовки, подошло время экзаменов и я переехал в Москву. С неделю я маячил между дачей в Сокольниках и Коровьим Бродом, где шли экзамены. На даче я видел часто Алфера, редко Пухтаевича,- эти последние могикане должны были со дня на день уехать в Елисаветград. Конкурс был на редкость многолюдным,- много в военной форме, много немолодых. Кадет было двое: Москвич из

Лефортова и я. Было несколько девушек. Из встреч запомнилась одна: гимназист Евгений Петров, симпатичный, разговорчивый молодой человек. Через год судьба нас свела в Харькове в коридоре Технологического Института. И он и я пришли записываться на экзамен. Он подписал фамилию Петренко, а еще через год в Варшаве ко мне на Краковском Предместье подошел и долго тряс руку Евгений Петровский, тудент Варшавского Политехникума. Как только вывесили список сдавших экзамен, я тотчас-же взял студенческий билет, забежал на дачу проститься и, сломя голову, помчался с чемоданом на вокзал.

Поздно вечером я вылез из поезда на Николаевском вокзале в Петрограде и сразу-же очутился в толпе, потоком выливавшейся на вокзальную площадь, чтобы там тотчас-же распылиться. Тут передо мной встал вопрос "а теперь куда?". Вокруг безличные серые тени с узлами и без узлов, двигавшиеся во всех направлениях, тусклый свет фонарей, темнота, серость и грязь, все это было далеко от того Петербурга, который меня манил к себе последнее время. То был образ столицы, запомнившийся мне на каникулах до войны. Припомнилась гостинница Армии и Флота, где мы останавливались пока готовилась квартира в Царском. Мое решение было принято: в гостинницу Армии и Флота. Поднял я чемодан и побрел. В пути чемодан постепенно тяжелел, но я не унывал и шел дальше. Подходя к гостинице, уставший и продрогший, я думал лишь о тепле и отдыхе. Вход был еле освещен. Из под'езда вышли двое в штатском, смотря себе под ноги, меня обогнал матрос и вошел в гостинницу уверенной хозяйской походкой. За ним шмыгнул я в вестибюль и по старой памяти тотчас-же повернул налево. В первой комнате за столом, задумавшись, сидел офицер в походной форме и с револьверной кобурой на поясе. Я вошел, усталые пальцы выпустили ручку чемодана и он глухо стукнулся о пол. Офицер поднял голову. Моя фигура, видимо, вызывала у него недоумение, он поднялся, смерил меня взглядом и строго спросил, знаю ли я что здесь происходит. На ответ последовали дальнейшие вопросы пока, наконец, лицо его не смягчилось и он не разрешил мне сесть. Оказалось, что как раз в это время шел суд над ген.Сухомлиновым и поручик разрешил мне по окончании заседания переспать до утра в соседней комнате. А сейчас приказал "исчезнуть" на хоры, не высовываться и ждать конца заседания суда. На хорах было тепло, что меня проибодрило. Я его поблагодарил и прокрался на хоры, там удобно устроился и минут через десять рискнул высунуться и посмотреть вниз.

Большой зал подо мной напоминал театр, заставленный рядами стульев. Зал не был полон. В публике доминировали военные и матросы, но были и штатские. У стены, несколько отступя от нее, виднелись составленные столы, а за ними спиной к стене десяток стульев. "Прошу встать, суд идет" раздался зычный голос и из открывшейся в глубине двери вышли гуськом несколько человек и заняли место за столом.

Один из них раскрыл лежавшую перед ним папку, взял оттуда лист бумаги и начал читать, то и дело поглядывая влево. Я проследил за его взглядом. Там стоял между двумя матросами старичек в кителе. Когда к нему обращался говоривший, он отвечал не задумываясь, вежливо, коротко и точно. Сменялись обвинители и защита, до меня слова почти не доносились, но я стал ощущать настроение зала. Равнодушие и недоверие, чувствовавшееся по началу, таяло. Час уходил за часом, а голос Сухомлинова попрежнему звучал корректо, точно и ровно. Сквозь охватившую меня дремоту я услышал звук отодвигаемых стульев и топот ног и понял, что заседание кончилось. Зал пустел. Я подождал еще немного и спустился вниз. Дежурный офицер отсутствовал. Я добрался до указанного мне дивана, лег и тотчас-же уснул, как убитый.

На следующий день утром я добрался на трамвае до Константиновского училища. Нашел канцелярию, делопроизводителя и, прождав довольно долго, был направлен во 2-ю батарею. Там я попал к Кундину и Зюзину, бывшими портупей-юнкерами младшего курса, который существовал уже больше месяца. В нем я был единственным кадетом, так как курс состоял из студентов или лиц с высшим образованием. Новая обстановка была им чужда и непонятна, но я через день чувствовал себя в училище, как рыба в воде. С Кундиным я прошел к нашим: все без исключения они попали в то-же отделение капитана Кусикова. Благово стал фельдфебелем, Кундин - портупей-юнкером. Неразлучными, как и в корпусе, сидели на койках бок о бок Радзишевский и Лукерский. Производство в офицеры предполагалось через два месяца. У большинства из них выбор вакансий был уже решен, колебался лишь Калакутский. Вскоре-же я познакомился с курсовым офицером моих однокашников-Суворовцев кап.Кусиковым.

После обеда младший курс 2-й батареи повели в гимнастический зал. Там инструктор по гимнастике и езде, тот-же кап.Кусиков, построил нас в одну шеренгу, затем отошел на несколько шагов назад и брезгливо произнес: "Кто занимался гимнастикой, шаг вперед, марш!" Шеренга дрогнула и почти вся шагнула вперед. Кусиков помрачнел: "Кто хорошо занимался гимнастикой, два шага вперед, марш!" Шагнула добрая половина. По лицу Кусикова пробежала тень. "Кто очень хорошо занимался гимнастикой, три шага вперед, марш!" Шагнуло человек 15. Он начал обход, спрашивая каждого,где занимался гимнастикой и получая в ответ: "Сокол, Атлетический клуб, Сокол" и т.д. Дойдя до меня он спросил "где" и получил ответ: "В Суворовском кадетском корпусе, г.капитан". Сначала на лице его отразилось недоумение, но тотчас-же спохватившись, он прогремел: "Пять шагов вперед, марш!". Я отчеканил их. "Ведите за мной смену", приказал он и направился к гимнастическим снарядам. До турника все шло благополучно. Первым показывал упражнения капитан, я повторял и, становясь рядом со снарядом, пропускал смену. Один тучный, пожилой юнкер, потеряв равновесие на турнике и закинув голову назад, тщетно пытался подтянуть ноги к

перекладине, голова и шея его налились кровью. Я почувствовал, что он напуган и вот-вот отпустит руки, вместо того, чтобы опустить ноги. Подойдя, я взял его и раскрыл рот, чтобы ему сказать, что делать. Он-же, почувствовав, что его держат, отпустил сразу и руки и ноги, смазав меня подметкой по лицу. Неудачливый юнкер облегченно юркнул в ряды, я же вернулся на свое место. Слезы текли у меня по лицу, правым глазом я ничего не видел. Кусиков стоял в стороне и все наблюдал. Когда он нас перевел к лестнице и я пропустил человек пять, он приказал мне итти и вымыть лицо.

В тот-же вечер ко мне на прием пришел мой приятель Жорж Лебедев. Он жил рядом на Фонтанке и не стремился в Москву оканчивать гимназию. Бывал я у него и мы занимались опустошением запасов из кладовой его матери. Появились у нас на приеме с прощальным визитом гардемарины Казанский, Гладкий и Пухловский. Мы в свою очередь нанесли визит нашим Павлонам. Не долго заставил себя ждать и Голицын. Он предложил мне встретиться у него в их особняке на набережной с Ланским, по его словам, представителем активной части пажей. Встреча состоялась, но принесла разочарование. Ланской был заносчив, не отдавал себе ясного отчета о положении, был мистиком. Один разговор стал даже резким, несмотря на старания Голицина нас как-то примирить. В училище на курсе сколачивалось небольшое, разношерстное, но дружное ядро. Черный гардемарин, променявший корабль на орудийный лафет, Попов из Ростова, увлекавшийся журналистикой, братья Алексеевы, сыновья редактора "Вечернего Времени". Ядро наше постепенно расширялось. С казаком Поповым меня сблизило то, что оба мы умели ездить верхом и, поэтому, на уроках езды роль наша была скорей наблюдателей, чем жертв Кусикова, - большинство из них бледнело, когда приближался урок езды. Однажды на езде Кусиков на наших глазах огрел бичем одного незадачливого и трусливого ездока, пробурчав избитую фразу с извинением, что ударить хотел лошадь.

Однажды в конце октября я собирался в отпуск, когда ко мне подошел Попов и предложил поехать взглянуть на Временное Правительство в Зимнем Дворце. Удивленный, я сначала наотрез отказался, но потом все-же уступил Попову, который мне сказал, что он слышал, что решено Женский батальон у дворца заменить Школой прапорщиков. Вечерело, мы были на площади. Было облачно, тучи заволакивали горизонт со стороны Невы. Стояли мы далеко от дворца, но почти ничто не заслоняло нам вид. Освещенный под'езд был хорошо виден, но фасад был освещен скудно, видимо покои правительства находились внутри. Можно было видеть силуэты перед решеткой дворца, но трудно было определить, были ли это женщины или мужчины. Создавалось впечатление солдат на бивуаке. Мы молча ждали, чего, не знали сами, а были под манящим очарованием чего-то таинственного и неизвестного. Трудно сказать, сколько прошло времени в этом ожидании. Но вот по нас скользнул луч прожектора и, дребезжа,

появились грузовики. Круто затормозив, они остановились посредине площади около обелиска. Автомобилей было немного, но их кузовы были до отказа набиты разношерстными воинами. В первый момент приезжие притихли, но скоро, подбадриваемые возгласами вожаков, они построились и медленно, шаг за шагом, поползли к под'езду дворца. У ограды был момент лихорадочной оживленности, затем Женский батальон стал развернутым фронтом и замер. Из-за дворца облака за Невой осветились зарницами выстрелов, но ни звука летящих снарядов, ни разрывов мы не слышали. Мы переглянулись с Поповым, услышав, что приезжие горланили защитникам дворца, что они приехали их сменить и что они их друзья. Охрана в нерешительности молчала, а туристы из Смольного пробежали последний десяток метров и лавиной вкатились в под'езд. Охрана, видимо, поняла характер этой их смены, но было уже поздно и, как стая вспугнутых куропаток, они метнулись во все стороны. Из под'езда же стали под экскортом вояк появляться члены Временного Правительства. Их подсаживали в кузовы грузовиков, за ними туда-же валились их стражи и грузовики точас-же уходили, гремя по мостовой. Операция продолжалась очень недолго и после отхода грузовиков площадь стала еще серее и безлюднее, чем раньше. Ничто теперь не мешало нам уйти. Широко распахнутые двери под'езда дворца, несмотря на яркий свет, говорили о том, что гнездо опустело. С нашего места обрисовывались контуры решетки дворцовой ограды, теперь ничто не заслоняло ее от нас. Но мы с Поповым все-же на уходили, нам казалось, что еще не все кончено. Наше внимание привлек четкий воинский шаг, нараставший и наполнявший своим гулом безлюдие площади. У решетки дворца донеслась до нас ясная и отчетливая команда: "Батальон, стой!". Школа прапорщиков застыла на месте перед опустевшим гнездом. Мы повернулись и пошли прочь.

Друзья, к которым я зашел, продолжали жить своей жизнью, готовились к приему гостей, кузина собиралась на бал. На мой рассказ об аресте Временного правительства меня успкоили: "Не важно, будет другое." Ночной Петроград, по которому бренча вез меня трамвай, был безлюден. В трамвай вошел Семеновский унтер-офицер и, зло смотря на меня, стал что-то говорить вагоновожатому. Выходя на Загородном, я прошел перед ним, смотря на него в упор. Он отвел глаза и замолчал. Встреча эта ничего хорошего не предвещала.

В училище, особенно на моем курсе, все было вверх дном. Формировались группы и все подолгу перешептывались. Через день или два училище было распущено. Оно опустело в несколько часов. Мне запомнилась высокая рослая фигура Жоржа Зюзина, заботливо уводившего в город маленького юнкера. Деление на курсы и батареи исчезло. Мы оставались, настороженно ожидая случая реагировать на события. Они не замедлили: дралось Владимирское училище, сопротивлялось Инженерное. Из Москвы шли слухи о боях Александровцев. Некоторое время мы, оставшиеся,лелеяли мечту, что все-же мы представляем какую то реальную силу, но иллюзия эта быстро исчезла.

Однажды вечером, с обнаженной шашкой и заряженным испанским наганом в кобуре, я стоял на часах у денежного ящика. Директивы, данные нам при вступлении в караул, были категоричны: при попытке проникнуть в училище,- открывать огонь. Часов в 9 вечера зазвонил телефон, что было необычно.

Начальник нашего караула ответил и, перед тем как броситься искать дежурного офицера, успел нам сказать, что звонят из штаба ген.Краснова и хотят связь с Начальником училища. Растерянный дежурный офицер сказал, что он доложит Начальнику училища, но связь была прервана. Через час нам было отдано распоряжение употреблять огнестрельное оружие лишь в исключительных случаях. В полночь его употребление было запрещено. Прошло еще несколько часов и нам запретили прибегать даже к холодному оружию. Рано утром мы привскочили на жесткой скамье от сильного удара в ворота. Это была броневая машина, заехавшая к нам для "координации". Она задержалась лишь несколько минут и двинулась в направлении Павловского дворца, в котором, играя в сфинкса, несколько казачьих сотен ждали у моря погоды. У нас-же на предположение, что, если мы сделаем вылазку, то, может быть, и прорвемся, были доводы, что тогда расправятся с семьями, жившими в училище.

Маски были сброшены на улицах Петербурга, а политические страсти толкали обе стороны на крайности. Стало опасно выходить на улицу в погонах. Оставалось подождать возможностей двух казачьих группировок. В сборе оставалась сотня Николаевского училища, эскадрон-же распылился. Поздно ночью с черным гардемарином добрались мы до Сотни. Бодрствовал лишь вахмистр. У них было то же положение, что и у нас: вылазка обрекла бы семьи офицеров училища на расправу черни. Распрощавшись с вахмистром, я с мои спутником скольжу по ночному Петрограду, полному Блоковских персонажей. Площадь Царскосельского вокзала. Шарахаясь от собственной тени, два по два движутся революционным шагом Блоковские Двенадцать. В тени домов, зажимая в карманах испанские револьверы, мы неслышно двигаемся за их патрулем. Каждый уголок, каждый перекресток они боязливо осматривают перед тем, как пройти мимо ...

Однажды братья Алексеевы, уже в штатском, зашли за мной и настояли, чтобы я зашел к ним. У под'езда их дома на Знаменской к нам присоединились их сводная сестра-курсистка и сопровождавший ее латышский стрелок. В ожидании пока откроются двери квартиры, мы оживленно разговаривали. За спиной раздался голос: "Добрый вечер", мы повернули головы и любезно ответили. Без претензии, но хорошо одетый человек лет 50-ти открыл дверь смежной с Алексеевыми квартиры, где на двери на медной дощечке стояло: Луначарский. "Народный комиссар", в один голос выпалили мои собеседники.

Я посидел в кабинете с редактором, он упорно повторял знакомый тезис: чем хуже, тем лучше; месяц, полгода, и они на коленях придут к нам! Мне трудно было согласиться с этими доводами, оправдывавшими бездеятельность.

Вскоре пришлось выполнить поручение посетить митинг, на котором требовали посылки артиллерии из Петрограда, чтобы подавить сопртивление в Москве. Митинг был бурным, где-то добытые орудия были на погрузке, но про Константиновское училище никто и словом не обмолвился. Таким образом, страхи наших офицеров не имели основания, о чем я по возвращении

с митинга и доложил Начальнику училища. С ним неразлучно были Кусиков и командир второй батареи.

Оставаться в Петрограде больше не имело смысла. Я заменил погоны училища на гимнастерке погонами вольноопределяющегося конной артиллерии, а на шинели погоны спорол. В таком виде я без труда втиснулся в поезд и отбыл из Петрограда, на этот раз не жаждая в него вернуться.

Ф.Цевловский (12 вып.)

ПОЗДРАВЛЕНИЕ.
(из архива)

Суворовцы, мои друзья,
Вдали от Родины святой
Вся наша дружная семья
Встречает праздник корпусной.
Тяжелы наши испытанья.
Хоть мы разбросаны судьбой,
Но наше общее желанье,-
Желание жертвовать собой.
Пусть Шефа нашего заветы
Горят всегда в сердцах у нас,-
Ведь мы Суворовцы-кадеты
И дух его в нас не угас.
Под бело-желтым-черным стягом
Готовы стать мы, как один;
Коль надо будет,- все мы ляжем,
Но стяг врагу не отдадим.
В стране далекой и чужой,
В наш славный праздник корпусной
Я поднимаю полну чашу
И пью до дна за спайку нашу,
За то, чтоб долг мы не забыли,
Держали связь между собой,
За то, чтобы готовы были
Итти за Родину на бой.

Октябрь 1958 г. Б.Василенко (7 вып.)

Стихотворение это было написано по просьбе пок.Б.Василенко Н.Н.Тропиным, б.надзирателем Донского Императора Александра III кадетского корпуса.

Памяти Н.Н.Якобсона.

После продолжительной, исключительно тяжелой болезни ушел от нас в другой мир Николай Николаевич Якобсон.

По окончании Суворовского кадетского корпуса в 14 году он поступил на ускоренные курсы в Елисаветградское кавалерийское училище и, произведенный в офицеры 1 декабря 14 года, вышел во 2-й лейб-уланский Курляндский полк, в котором и провел всю первую европейскую войну на западном фронте.

Затем революция, гражданская война, эвакуация и Константинополь - Истанбул, где и обосновался Николай Николаевич. Обычный путь русского офицера. Сухой перечень этапов молодой жизни.

Хороший художник и талантливы реставратор картин, а затем старинных икон, создали ему имя далеко за пределами Турции и антиквары и коллекционеры старинных икон приезжали к нему в Истанбул из больших европейских центров со своими старинными сокровищами. И тут он делал положительно чудеса искусства и техники.

Но помимо этого исключительного таланта, это был человек, всем интересующийся, человек высокой культуры и тонкого воспитания, которые так трудно встретить теперь. Исключительно представительной и красивой наружности, всегда элегантный, он был и прекрасным человеком по душе. Он много лет был членом правления русского благотворительного общества.

Все, здесь его знавшие, горько оплакивают его кончину и несомненно присоединяются к выражению самого искреннего соболезнования его вдове и дочери от пишущего эти строки.

Истанбул. Н.Б.

(Перепечатано из газеты "Русская Мысль № 2155, Суббота 23 мая 1964.)

Суворовцы понесли следующие утраты:

Скончались:

- Николай Григорьевич Калагеорги (3 вып.)в сентябре 1963 г.в Рио-де-Жанейро, Бразилия;
- Роман Сергеевич Судаков (3 вып.) 30 апреля 1964 г. в Лондоне;
- Яков Федорович Субботин (7 вып.) 16 марта 1964 г. в Ливане;
- Николай Николаевич Якобсон (9 вып.) 18 апреля 1964 г. в Константинополе;
- Инна Евгеньевна Каминская, урожд.Гроте-де-Буко, сестра нашего Суворовца 4 выпуска Владимира Гроте-де-Буко и двоюродная сестра С.Г.Двигубского (12 вып.) 12 марта 1964 г.в Маннгейме, Германия.

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ.

Константиновское Артиллерийское Училище.

Ведет свое начало от основанного в 1807 году Великим Князем Констнтином Павловичем Дворянского полка, который 17 апреля 1855 г.в память своего Шефа и основателя был переименован в Константиновский кадетский корпус

Корпус состоял из общих и трех специальных классов. В строевом отношении корпус разделялся на два батальона четырехротного состава. В третий специальный класс переводились лучшие из окончивших курс второго специального класса губернских кадетских корпусов. Когда по окончании Восточной войны в основу военного воспитания было положено "поощрение домашенго воспитания и оставление молодых людей сколь возможно более в ближайшем надзоре их семейств" и с этою целью в 1857 г.было положено всех дворян с средним и высшим образованием, а не дворян, не иначе как с высшим образованием допускать к изучению военных наук в качестве экстернов, то решено было иметь для них при Константиновском кадетском корпусе вместо двух младших специальных классов, только один класс, исключительно для преподавания военных наук. Константиновский корпус был переведен на Обуховский (ныне Забалканский) проспект в здание бывшего Павловского кадетского корпуса.
С прекращением, еще в 1851 году, приема в Дворянский полк дворян со стороны и с замещением всех открывающихся в нем вакансий воспитанниками губернских корпусов, споследствии поступавшими только в третий специальный класс общие классы в полку постепенно закрывались, и в 1859 г.в Константиновском кадетском корпусе уже не имелось ни одного общего класса. Тогда же последовало переформирование корпуса из двух-батальоного состава в один батальон Оно было вызвано тем, что комплект воспитанников корпуса значительно уменьшился, пополняясь лишь приходящими экстернами и небольшим числом прибывавших в третий специальный класс воспитанников губернских корпусов.

Вслед за этим заведение, утратившее характер кадетского корпуса, было в 1859 г.наименовано "Константиновским Военным Училищем". Всем воспитанникам этого заведения, с наименованием их юнкерами, были предоставлены права экстернов, живущих на казенном содержании, и присвоена новая форма обмундирования (красные погоны). В 1861 г. в составе третьих специальных классов кадетских корпусов были допущены некоторые сокращения, а в следующем году эти классы из всех столичных корпусов были сосредоточены, в видах педагогических и экономических, при одном заведении в С.Петербурге, а именно при Константиновском военном училище. До 1863 г.Константиновское военное училище было единственным военным училищем.

14 мая 1863 г.все специальные классы кадетских корпусов было положено соединить в три отдельных заведения с присвоением им названия военных училищ. В числе этих училищ вторым названо Константиновское и, таким образом оно получило наименование 2-го Военного Константиновского училища. Ему был положен, как и прочим, комплект в 300 юнкеров, составляющих батальон.
8 ноября 1864 г. Шефом училища был назначен Великий Князь Михаил Николаевич. Для доставления вольноопределяющимся, состоящим на службе в войсках,

средств приготовления к экзамену для производства в офицеры на правах юнкеров военных училищ, с 1867 г.был учрежден при 2-м Военном Константиновском училище особый одногодичный курс. В училище принимались лица всех сословий, получившие общее среднее образование, не исключая и нижних чинов, состоящих на службе в частях войск или числящихся в запасе. В 1868 году, по мысли инспектора классов полк.Леера, в Константиновском училище была введена новая учебная система. Отсутствие постоянных учебников по некоторым предметам, составление записок самими юнкерами во время лекций, впоследствии замененное, для сокращения письменных работ, пополнением конспектов, и неожиданное назначение репетиций, вот главные основания этой системы. В 1882 году штат юнкеров был увеличен до 400 человек. В 1894 г. училище из пехотного было переименовано в Константиновское Артиллерийское.

В настоящее время училище имеет назначением подготовлять молодых людей (главным образом, по окончании кадетских корпусов) к службе офицерами в артиллерии. Курс длится три года, при чем ежегодно за четыре летних месяца проходится лагерная служба под Красным Селом. В учебном отношении училище делится на три класса: младший, средний и старший, в которых проходятся общеобразовательные и специальные военные науки. Кроме того, ежедневно, под руководством курсовых офицеров, юнкера обучаются пешему и конному строю, уставам, гимнастике, верховой езде и фехтованию. В лагерях, кроме этих строевых занятий, проходится практический курс стрельбы и топографические съемки, с решением тактических задач. В строевом отношении Константиновское училище делится на две батареи с полной восьмиорудийной запряжкой в каждой.

За свое существование Дворянский полк и Константиновский кадетский корпус выпустили в офицеры 1148 воспитанников, а 2-ое Константиновское военное и Константиновское артиллерийское училища к 1912 году выпустили 5066 человек офицеров.

(Выписки и выдержки из "Военной Энциклопедии", том 13, стр.125-126. Санкт-Петербург, 1913 год.)

Внучатые потомки Генералиссимуса Суворова.

Генерал-Адъютант, генерал-лейтенант Светлейший Князь Александр Аркадьевич Италийский, граф Суворов-Рымникский.
Лифляндский, Эстляндский и Курляндский Генерал-Губернатор,
Рижский губернатор. В списках Фанагорийского гренадерского полка.

– Ея Светлость Княгиня Любовь Васильевна Италийская, графиня Суворова-Рымникская, Кавалерственная Дама ордена св.Екатерины.

– Ея Светлость Княгиня Любовь Александровна Италийская, графиня Суворова-Рымникская, фрейлина Высочайшего Двора.

(Выписки из Военного Календаря за 1853 г.стр.373,375,227 и 231. Санкт-Петербург. В Военной типографии.)

Прохождение службы.

ЛАВРОВ Степан Нилович, генерал-лейтенант со старш. с 6 апреля 1905 г.
Числится по армейской кавалерии; Генерал для поручений при Генерал-Инспекторе Военно-учебных заведений; числится в списках Киевского военного училища и Суворовского кадетского корпуса.
Родился 31 декабря 1842 г. Вероисповедания православного.
В службу вступил 13 июн.1861.

Поручиком ..... 13 июн.1862.	Ротмистром ..... 17 апр.1873.
Шт.капитаном ... 3 мар.1867.	Переим.в подполк.. 30 авг.1874.
Капитаном..... 13 авг.1869.	Полковником ..... 30 авг.1884.
Шт.ротм.гвардии. 1 авг.1870.	Ген.майором ..... 1 янв.1895.

Полученное образование: 1 кадетский корпус.
Выпущен в 14 драгунский Малороссийский полк.
Занимал должности:
Воспит.Пажеского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА корпуса 30 авг.1874 - 13 авг.1882.
Командир строев.роты общих классов корпуса 12 авг.1884 - 21 янв.1892.
Начальник Киевск.воен.училища 21 янв.1892 - 8 мая 1899.
Директор Суворовского кад.корпуса 8 мая 1899 - 1 авг.1908.
Ген.для особых поруч.при Главном управлении Военно-учебных заведений 1 авг.1908 - 4 мар.1910.
В настоящей должности с 4 марта 1910 года.
Награды: чин капитана 1869; св.Владимира 3 ст.1887; чин ген.майора 1895; ген.лейт.1903; св.Анны 1 ст.1906; св.Владимира 2 ст.1909.

ВАУЛИН Андрей Николаевич, ген.лейт. со старш.18 апр.1910 г.
Числится по полевой легкой артиллерии, Директор Суворовского кадетского корпуса, в списках Хабаровского кадетского корпуса.
Родился 16 октября 1860 г.; вероисповедания православного.

В службу вступил 15 июл.1878.	Капитаном ..... 9 апр.1889.
Подпоручиком.... 8 авг.1881.	Подполковником ... 5 апр.1892.
Поручиком ..... 12 ноя.1884.	Полковником .....24 мар.1896.
Шт.капитаном ... 28 июн.1886.	Ген.майором.....28 мар.1904.

Полученное образование: Петров.Полтавская воен.гимназия, Михайловск. арт.училище и Михайловск.арт.академия по 1 разряду.
Выпущен в 9 артил.бригаду.
Занимал должности: Ротн.командира Михайл.Воронеж.кад корп.17 янв.1895 - 12 мая 1899; Инсп.кл.Сувор.кад.корп.12 мая 1899 - 10 июл.1900; Директ.Хабаров.кад.корп.10 июл.1900 - 1 авг.1905; Директ.Полоцк. кад.корп. 1 авг.1905 - 1 авг.1908.
В настоящей должности с 1 августа 1908 года.
Награды: чин полков.1896; св.Анны 2 ст.1899;чин ген.м.1904;св.Влад.3 ст. 1906; св.Станисл.1 ст.1908; чин ген.лейт.1910.

(Список Генералам к 1 января 1911 г.,стр.146 и 347.Изд.Главного Штаба)

Суворовцы в жизни общественной.

- П.А.Черненко (5 вып.) сложил с себя обязанности Председателя Галлипо-лийского об'единения. Он по-прежнему состоит казначеем Обще-Кадет-ского об'единения в Бельгии.

- С.А.Грешнер (6 вып.) избран Вице-председателем Союза офицеров-участни-ков войны (1916-1918 гг.) на французском фронте.

- С.А.Бугославский (9 вып.) избран казначеем Союза офицеров-участников войны (1916-1918 гг.) на французском фронте.

Встреча спустя полстолетия.

В жизни наших Суворовцев 9 выпуска Родионова и Гринева вечер Страстно: Субботы этого года навсегда останется в памяти, когда они опять встрети-лись после 50-летнего перерыва.

Интересно отметить, что в корпусе они дружили, были все время в одном отделении, а в 7 классе даже сидели на одной парте. До сих пор, по обо-юдному признанию, они не утратили характерных черт характера своей юности несмотря на огромный период прошедшего времени.

Родионов наговорил приветствие Председателю, Суворочкам и Суворовцам н магнетофонную ленту, которая была доставлена в Париж.

Встреча двух стариков носила трогательный характер.

Замеченные опечатки, поправки и дополнения. Сборник № 15.

- Статья Н.Н.Страшкевича об испытаниях стрельбы остроконечной пулей, стр. строка 7 сверху: не 40-й, а 14-й Армейский корпус; 40 корпус был сфо мирован в 1915 году. К своей статье автор добавляет, что для испытан стрельбы остроконечной пулей было назначено всего 6 полков.

- Суворвоцы в жизни общественной: стр.36, строка 8 сверху: Д.Г.Лучанинов 6-го выпуска, а не 7-го.

Издатель:

V.Glavatsky
6,rue Voisembert,
ISSY-LES-MOULINEAUX (Seine)
F r a n c e.

Редактор:

G.M.Grinioff
Kottingbrunn, N.Oe.
A u s t r i a

Сборник.....

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парнж

"С У В О Р О В Ц Ы"

Сборник № 18.

Издание Объединений б.кадет Суворовского кадетского корпуса.

Октябрь 1966 года. П а р и ж.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От Председателя Объединений 1

А.В.Суворов. По материалам "Рукописного Суворовского Сборника". Ген.шт.капитан Марченко..... 1

Из информаций радиостанции "Свободная Россия". С.Гулевич..... 8

Л.Гв. 4 Стрелковый Императорской Фамилии полк. П.Манюкин..... 9

Петя Сорокин. Э.Суражевский..... 14

От редакции..... 15

Из прошлого. Пробег. Н.Главацкий..... 16

Перед войной и мобилизация. Н.Страшкевич..... 19

"Фармасон". Н.Клобуков 23

К статье "Из воспоминаний Бугского улана". С.Дрешевич..... 31

На французском фронте, 1916-1918. С.Бугославский..... 33

Русские солдаты. Г.Рыбалко..... 37

Последний ... 10-й ускоренный. С.Двигубский..... 39

Утраты Объединений..... 40

Суворовцы в жизни общественной..... 41

Из военной печати..... 41

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

МИЛЫХ СУВОРОВЦЕК И ДОРОГИХ СУВОРОВЦЕВ ПОЗДРАВЛЯЮ С КОРПУСНЫМ ПРАЗДНИКОМ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

ЖЕЛАЮ ВАМ И ВАШИМ СЕМЬЯМ ЗДОРОВЬЯ, ВОЗМОЖНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ПОЛНОГО ПРЕУСПЕВАНИЯ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ И ДЕЛАХ.

Н.ГЛАВАЦКИЙ.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУВОРОВ.

(по "Рукописному Суворовскому Сборнику)

"Рукописный Суворовский Сборник" - материал неизсякаемый, но отнюдь не представляет собой чено либо нового, неизвестного, напротив того, им пользовались такие почтенные исследователи, как Д.А.Милютин и А.Ф. Петрушевский; без него правдивое жизнеописание Суворова было бы невозможно. Следует заметить, что место хранения этих рукописей выбрано чрезвычайно удачно, так как имя Суворова тесно связано с самым учреждением Публичной библиотеки, основанием которой послужила библиотека Залусских, взятая Суворовым из покоренной Варшавы.

Суворовский Сборник состоит из 14 томов переплетенных рукописей и одной папки в 116 листов с документами от 1760 года. Все эти документы переданы были в 1884 г.в Публичную библиотеку при содействии ген.-лейт Петрушевского, князем А.А.Суворовым Италийским. Из числа 14 томов 12 принадлежали бывшему Обер-прокурору св.Синода гр.Д.И.Хвостову, женатому на племяннице А.В.Суворова - княжне А.И.Горчаковой, с которым А.В.Суворов вел оживленную переписку и которого он удостоил своею доверенностью. После смерти Хвостова бумаги перешли к его вдове, а от нее к кн.А.А.Суворову. (Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1884 год, стр.10).

"... До 11-тилетнего возраста Суворов, несмотря на проявляемую им любовь и страсть к военно-историческим книгам, к физической работе и труду, предназначался гражданской службе; по странному совпадению

переворот в решении отца произвел генерал Ганибал именем Петра Великого".

"Самоучка Суворов знакомится мало по малу с Плутархом, Корнелием Непотом, с деяниями Александра, Цезаря Аннибала и других знаменитых полководцев древности, с походами Карла 12, Монтекуколи, Конде, Тюренна, принца Евгения, маршала Морица Саксонского и многих иных. Изучение истории и географии у него шло кроме того по Гюбнеру и Роллену, а начал философии по Вольфу и Лейбницу. Артиллерию и фортификацию он изучал под руководством своего отца.(Рукоп.Сув.Сборник кн.15,л.77; Петрушевский ч.1,стр.9 и Пекарский "Наука и Литература" ч.1.стр.227 и ч. 2, стр.620 - говорят, что в 1724 году был напечатан перевод Василия Суворова "Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана"). В заметке о прохождении службы Суворов записал: "начал служить в л.гв.Сем.полку; записан в солдаты 22 октября 1742; пожалован в капралы 1747 году апреля 25; в подпрапорщики 1749 года декабря 22 дня; в сержанты 1751 году июня 8 дня; выпущен в поручики 1754 году апреля 25 от роду 24-х лет". На обороте листка помечено: "в обер-провиантмейстеры 1756 г.генваря 17 дня; в генерал-аудиторлейтенанты 1756 г.сентября 28 дня; выпущен в премьер-майоры 1756 г. декабря 1; в подполковники 1758 году октября 9 дня".

Работая самоучкой Суворов "усиленно изучал теорию для того,чтоб сделаться разумным практиком". Впоследствии, под впечатлением отрицательных образцов Семилетней войны и неудачных опытов венского Кригсрата, он резко выразил все порицание теоретикам: "в кабинете врут, а в поле бьют". (Сув.Сборн.кн.10,л.124).

Изучая великих мужей и занимаясь теорией военного дела многие годы, Суворов относился к изучаемым предметам не рабски, а самостоятельно и свободно, всегда опасаясь впасть в ошибку неуместного подражания. Новейшие исследования полковых архивов гвардейских полков указывают, что дворяне-солдаты вряд-ли в то время жили в казармах и вели в полном смысле слова солдатский образ жизни; напротив, все заставляет думать, что эти нижние чины-дворяне жили по частным квартирам, пользовались услугами своих крепостных и можно с некоторою уверенностью сказать, что первоначальная солдатская подготовка Суворова вряд-ли всецело носила характер, придаваемый ей историографами. Догадку эту всецело подтверждает любопытное и ценное исследование Геруа на страницах Военного Сборника.

Русская Армия в молодые годы Суворова переживала состояние переходное, тяжелое. Большинство офицеров в ней были или мало или вовсе неграмотны, полковые командиры злоупотребляли своею обширною властью, "полковые шефы" коллегиально вершили все дела, служба отправлялась

только исподволь. Таким образом,и солдатская жизнь, и первые годы офицерской службы Александра Васильевича были для него отрицательными образцами.

Через 5 лет после производства в офицеры, уже в чине подполковника, Суворов, отбыв ряд хозяйственных должностей, назначается дивизионным дежурным (должность подобная начальнику штаба) к ген.гр.Фермору.

Невежество, неустройство, вялость, неспособность,- вот что встретил в действующей Армии Суворов; движения войск были медленны, переходы иногда не более 8 верст в сутки, дисциплина расшатанная. "Я сам",- писал про себя Суворов (Рукоп.Сб.кн.10,л.124 и кн.9,л.32) -"будучи зачислен в армию после долгой и честной службы, три года никуда не годился... Они (полковники) расслабляют своих офицеров... сибариты, но не спартанцы... делаясь генералами - подкладка остается та же..." Тот же отпечаток лежал и на тактической подготовке войск. Наступления и перестроения в эпоху Семилетней войны совершались так медленно, что пехотному полку на перестроение требовался целый час, а для армии - сутки. Биваки выбирались неумело. Разведывательной службы не существовало. Заведуя штабом гр.Фермора, Суворов имел возможность критически относиться к распоряжениям главных начальников.

После Куненсдорфской победы, когда Салтыков не преследовал, Суворов сказал Фермору: "На месте Главнокомандующего я бы прямо пошел на Берлин"(Сув.Сб.кн.6,лл.80-82); в 1794 году он так и сделал и прямо пошел к Варшаве, в войнах с Турцией объектом действий намечал Константинополь, а в 1799 г.конечной целью действий ставил Париж.

В сентябре 1761 г.Суворов назначен был в легкий корпус генерала Берга, прикрывавший отступление Русской армии. Бутурлин отличал Александра Васильевича и представил его к награде. Будучи полковником Казанского пехотного полка, Суворов командовал то пехотой, то кавалерией и делал набеги с казаками, а с окончанием кампании командовал Архангелогородским драгунским полком. Всегда особенно чтил и дорожил Суворов мнением гр.Румянцева, которого считал своим учителем. Последний в годы Семилетней войны высказался о Суворове, что, хотя он и "числится на службе в пехоте, но обладает сведениями и способностями прямо кавалерийскими".

Приказом 26 августа 1762 года Суворов произведен в полковники с назначением командиром Астраханского полка, которым командовал однако не долго. Уже 6 апреля 1763 года Александр Васильевич назначен командиром Суздальского пехотного полка. Будучи в главе его,- говорит И.Ф.Дубровин,- Суворов усердно следил за всем, что появлялось нового в военном мире; не чуждаясь новшеств, он никогда не принимал их на веру, а вносил в заимствованное свой творческий гений.

Императрица Екатерина Вторая, близко знавшая и особенно ценившая Суворова-отца, вскоре после вступления на престол учредила воинскую комиссию для пересмотра существовавших тактических порядков и исправления организации и управления армией. В комиссию назначены были 10 опытных членов, в том числе и Р.И.Суворов. Граф Румянцев был в это время в Малороссии, в комиссии не участвовал, но мнением его пользовались нередко. Практически же на деле на долю Румянцева выпало быть первым преобразователем нашей кавалерии и инструктором для остальных родов войск.

"Но Суворов, командир Суздальцев," - говорит И.Ф.Дубровин,- "еще далек от Суворова, генералиссимуса. Он, как всякий человек и как гений, развивается постепенно, под влиянием обстоятельств, обстановки и примеров. Предприняв воспитание "витязей" и "чудо-богатырей", Суворов начал со школы. Он выстроил две школы для нижних чинов, разделил их на классы, составил учебники и сам был в числе преподавателей, следил за всем лично, был и майором и адъютантом... и ефрейтором; сам всезде все видел, каждого выучить мог. Строевые его учения всегда были горячими, с применением к боевой обстановке..."

С такою подготовкою подчиненных Суворов двинулся с полком в Польшу в отряд ген.Нумерса. 22 сентября 1768 года он был произведен в бригадиры, но сдал полк лишь в феврале 1770 года. Совершив с незначительными силами блестящие поиски под Варшавой и Брестом, Суворов, после Ореховской победы, назначен был командовать Люблинским районом. Ландскрона и Столовичи, быстрые переходы, решительность и меткость Суворовских ударов обратили на себя внимание Фридриха Великого, который советовал полякам остерегаться Суворова.

К этому времени уже сказывается попытка Александра Васильевича улучшить и видоизменить уставные формы боевого строя: преподав войскам целый ряд указаний для действий в партизанской войне, он предписывал им быстроту, неожиданность, овладевание прежде всего артиллерией противника, так как с потерею батареи неприятель падал духом. Своим артиллеристам Суворов говорил: "Натверживать в память артиллеристам, чтобы в истинном действии стреляли редко, но весьма цально; знали бы качество их орудия и заряда; напрасно не стреляли-б."

Свыше полувека до того, в одном из указов князю Репнину от 20 августа 1704 года, Петр Великий, давая инструкцию для разведывания, писал: "проведывать про неприятеля, а проведав писать на двоя, которая сама правда, или слух, дабы тем бездельной тревоги не учинить". Суворов излагал ту же мысль так: "Известия суть троебразные: первые - справедливые, вторые - сомнительные, третьи - ложные. В рапортовании оных означать свою мысль и осторожную догадку, совет и намерение, не оставлял

доносить о ложных, ибо оные иногда обращаются в справедливые, токмо, что в рапортовании оных их ясно различать".

В конце 1772 года Суворов прибыл в С.Петербург, а в феврале 1773 года ему поручили осмотреть шведскую границу; 4 апреля того-же года, по постановлению Военной коллегии, Суворов отправлен был в 1-ю Армию, под начальством графа П.А.Румянцева. Без малого через месяц произошли знаменательные Туртукайские поиски. При штурме Туртукая любопытно отметить, что намеченный в диспозиции "расчет стрелков" и указание их мест во время движения совершенно соответствуют строю нашей колонны к атаке, прикрытой цепью застрельщиков и переносят мысль к новейшим войнам. Награжденный орденом св.Георгия 2 класса, Суворов поступил по новому расписанию войск в отряд Потемкина. После дела при Гирсове он ездил в Москву и там женился на кн.Варваре Ивановне Прозоровской, затем снова вернулся в Гирсов... Вскоре после одержанной победы при Козлуджи, совершенно больной, Александр Васильевич уехал в Бухарест.

Участие в усмирении Пугачевского бунта, устройство Кубанского края и Крыма, пребывание в Астрахани и Казани быстро следовали друг за другом, а между тем ряд организационных перемен и идей, положенных в основу обучения войск Румянцовым, Суворовым и Потемкиным, переходили в плоть и кровь русской армии.

Перед началом второй турецкой войны Суворов находился в Херсоне под начальством Потемкина. Здесь 1 октября произошло известное Кинбурнское сражение, в котором Суворов был ранен картечью в бок. В Екатеринин день 24 ноября 1787 года из Херсона Потемкин писал Суворову: "За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает. Поздравляю Вас,мой друг сердечный, в числе Андреевских кавалеров. Хотел было я сам к тебе привезти орден, но много дел в других частях меня удержали ... а теперь от избытка сердца с радостью поздравляю. Дай Боже тебе здоровья, а обо мне уже нельзя тебе не верить, что твой истинный друг К.Потемкин-Таврический. Пиши Бога ради ко мне, сколько что тебе надобно".

В 1788 году Потемкин обложил Очаков, но на штурм его долго не решался. Суворов принимал участие в вылазках и был ранен. Не сочувствуя бездеятельности главнокомандующего, он уехал в Кинбурн, а между тем 6 декабря Очаков был взят штурмом.

21 июля 1789 года Суворов одержал победу при Фокшанах и вслед затем в сентябре за Рымникское дело был возведен в графы и получил орден св. Георгия 1 класса.

В 1790 году пал Измаил и боевая слава Суворова установилась уже совершенно незыблемо и прочно. За 30 лет эти войны выработали и воспитали гений Суворова и дали ему право сказать, что "орлы русские облетели

орлов римских". Несмотря на то, что Суворов был прежде всего практик военного дела, афоризмы его классически метки.

"Генералу необходимо непрерывное образование себя науками с помощью чтения" - говорил Суворов. - "Ему нужно мужество, офицеру - храбрость, солдату - бодрость. Никогда не презирайте всякого неприятеля",- говорил он,- "каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, образ действовать с ним и сражаться, свои силы и его слабости".

"Должно стремиться к одной главной точке и забыть о ретираде. Быстрота и внезапность заменяют число. Натиск и удар решают битвы и приступ предпочтительнее осад".

"Всякая война различна: здесь масса в одном месте, а там гром. Беспрерывное изучение взгляда сделает тебя великим полководцем. Никакой баталии в кабинете выиграть не можно. Умей пользоваться местностью, управляй счастием: мгновение дает победу. Властвуй счастьем быстротою Цезаря, столь хорошо умевшего захватывать внезапно врагов, даже днем, обращать их куда ему угодно и побеждать когда угодно..."

"Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним в след, поравняйся, обгони - слава тебе..."

Деятельность Суворова в Финляндии, Херсоне и Польше, завершенная штурмом Праги и третьим разделом, были последними лучами славы над троном Екатерины Второй. Новое царствование отразилось и на судьбе Суворова,- то необычайная милость то тяжкая опала в перебой чередовались и тяготели над ним. Две наиболее блестящие страницы его боевой жизни: четырехмесячный итальянский поход и швейцарский подвиг не смогли окончательно победить силу несправедливой предвзятости и предрассудка.

Не один раз при изучении отечественных исторических памятников 18 столетия приходит на мысль сопоставление военно-воспитательной работы Петра Великого и Суворова. Условия их деятельности, конечно, разнились, а между тем нельзя не отметить их тесную близость по самой основе преследуемых целей.

Петр Великий, считая, что каждый военнослужащий должен быть богобоязненным христианином и "христианского жития", ввел в положительный закон главу о страхе Божием (Воинская статья Устава прежних лет.Сборник военно-исторических материалов,вып.9,стр.13). Суворов в Новой Ладоге выстроил полковую церковь, школы и написал сам для солдат молитвенник и краткий катехизис "дабы они (нижние чины) познавали грех и наказание, коим 99 против сотого правятся поныне, что тяжело и излишне"(Дубравин "А.В.Суворов"стр.73 и 74). Рекрута учили:"Будь благочестив, уповай на Бога, молись Ему усердно..." И Петр Первый и Суворов блюли солдатское звание. Петровскому солдату предписывалось:"беречься

и стыдиться всем, которые ежидень с оружием обходиться то чинить, что простая чернь чинит и бездельников и робячье дело есть". Суворовский воин, глядя на своего учителя,"догадывался и познавал, что во всех делах Бог с ним и устремлялся к честности". "Никто не должон в бою медлить",- говорит Петр Великий,- "а тем более чинить начало к побегу". Суворов изъял из своего словаря слова: назад , отступать; "слух, взоры и души своих воинов предостерегает он от всякого вида отступления".

Можно привести целый ряд таких сопоставлений, сравнивая Устав прежних лет (1700-1705 гг.)с Суворовскою "Наукою побеждать". Наконец, развс Швейцарский поход Суворова не напоминает Прутский поход Петра Великого и не наводит на мысль, сближающую тут и там условия казавшейся безвыходности; но указывает не только на сопоставление Кантимира и Тугута, но и на тяжелую нравственную борьбу, завязавшуюся в душе Петра и Суворова и на то, как вышел из этой борьбы великий Монарх и великий Полководец.

Современник А.В.Суворова адмирал А.С.Шишков ("Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова",изд.Н.Кисилева и Ю.Самарина,Берлин,1870, часть 1,стр.63) в своих любопытных записках за время 1780-1814 годов между прочим пометил: "Суворов, больной, после знаменитых подвигов своих, возвращается в отечественную столицу, увенчаный лаврами, но, неизвестно почему, под тем-же гневом, под каким был прежде. Он не долго был болен. 6 мая 1800 года смерть прекратила дни его. Все или, по крайней мере, многие не только к нему больному, но даже к телу его, опасаясь немилости, появляться не смели. Вот что я видел своими глазами: приехав однажды, вошел я в комнату, где он лежал в гробу. Всех нас было трое и четвертый - часовой с ружьем. Князь Шаховской, лишившийся руки в одном из сражений, бывших под предводительством Суворова, смотря на него, сказал сквозь слезы: "За тобою следуя лишился я руки моей. Встань. Я с радостью дам себе отрубить другую". Мы с ним прослезились и отдав поклон праху великого мужа, идем мимо часового, который при отдании нам чести, казалось, удерживался от плача. Взглянув на печальное лицо его, мы спросили: тебе также, как и нам, жаль его? Он вместо ответа залился слезами. Верно ты служил с ним? повторили мы свой вопрос. Нет,ответил он рыдая,- не привел Бог. Погребение Суворова, несмотря на желание похоронить его просто, было по великому стечению народа превеликолепно. Все улицы, по которым его везли, усеяны были людьми. Все балконы и даже крыши домов наполнены печальными и плачущими зрителями. Сам Государь простым зрителем выехал верхом; и сам при мне рассказывал, что лошадь его окружена была народом, и две женщины, не приметя кто на ней сидит, смотрели облокотясь на его стремяна. При провозе гроба сквозь ворота, когда некоторым показалось, что он по тесноте не пройдет, известно слово солдата сказавшего: "Небось, пройдет. Везде проходил..."

Вот что записал Шишков.

Нет сомнения, что, если предки наши признали Суворова Рымникского, Суворова Италийского, то потомкам теперь остается твердо уверовать, что был и Суворов Сен-Готардский.

Могуча, цельна, величава фигура Суворова, того Суворова, который принадлежит русской истории и нет сомнения, что день столетия его кончины является днем дружной не только военной, но народной общерусской тризны.

Генерального Штаба
капитан Марченко.

Выписки из информаций радиостанции "Свободная Россия".

Je son nato 1730 11 novembre - записал по-итальянски Суворов на небольшом пожелтевшем листке, сохранившемся в папке Рукописного Суворовского Сборника. Перевод всего автографа: "Я родился 1730 года 11 ноября. Солдат 1742 г.22 октября; капрал 1747 года 25 апреля; подпрапорщик 1749 года 22 декабря; сержант 1751 года 8 июня". Сбоку к этим словам приписано:"гвардейского корпуса в Семеновском полку". "Потпорутчик 1754 г.25 апреля",- сбоку "Ингерманландского пехотного полка". "Обер-провиантмейстер 1756 г.17 января",- сбоку: "В Новгороде". "Генерал-аудитор лейтенант 1756 г.28 октября",- сбоку: "Военной Коллегии". "Премьер-майор 1756 г.4 декабря".

Любопытно отметить, что Петр Великий, по свидетельству А.Петрушевского, был в 1705 году крестным отцом Василия Ивановича Суворова, отца генералиссимуса, дед которого Иван Григорьевич служил в Преображенском полку. В 1722 году Василий Суворов поступил деньщиком к Государю") и был кроме того его переводчиком; при Екатерине Первой он был выпущен сержантом в Преображенский полк, через два года пожалован в прапорщики, а в 1730 году произведен в подпоручики.

В начале сороковых годов Василий Иванович был в чине полковника прокурором Берг-коллегии и в пятидесятых годах получил генеральский чин.

В папке № 15 Рукописного Суворовского Сборника сохранились указы и другие документы, касающиеся службы родителя Александра Васильевича. Мать его Авдотья Федосеевна была из семьи Мануковых; обстоятельства, относящиеся к ней, сопровождавшие ее влияние на воспитание сына,

---

") Соответствует званию флигель-адъютанта в то время.
Прим.ред.

остаются до наших дней не выясненными, несмотря на то, что до 13-ти летнего возраста о таком материнском влиянии говорят догадками историографы Суворова.

В одном из писем своих к П.И.Турчанинову от 27 августа 1780 года из Астрахани, Суворов упоминает о матери - "... поздно заставить меня верить по калмыцкому, боготворить планеты по индийскому ... довольно: я только могу быть добродетельным, верным до гроба матери моей, ближнего моего ничем не безпокою и трехаршинного календеллограмма полно с меня..."

О месте рождения Суворова, к нашему прискорбию, до сих пор точных сведений нет. Материальная сторона родителей Александра Васильевича была удовлетворительной. В записке о прохождении службы помечено: "за отцом душ мужского полу 400."

Сообщил С.Гулевич (5 вып.)

Лейб-Гвардии 4 Стрелковый Императорской Фамилии полк.

Лейб-Гвардии 4-й Стрелковый Императорской Фамилии полк учрежден 25 октября 1854 года, когда состоялся Министру Уделов гр.Перовскому Высочайший рескрипт о том, чтобы "согласно желанию Императорского Семейства" из крестьян удельных имений был "поставлен" стрелковый полк на основаниях особого положения, приложенного к рескрипту. В силу этого положения полк формировался только на время войны, из удельных крестьян преимущественно Новгородской, Архангельской и Вологодской губерний (крестьяне, их населявшие, занимались, главным образом, звериным промыслом и были искусными стрелками). Полк мог пополняться и из желающих. Форма одежды была приспособлена к обыкновенной крестьянской одежде; стрелкам дозволялось иметь собственное оружие и носить бороду. При первой вести о "Царском полке" желающие стали стекаться в большом числе. Формирование полка поручено графу Перовскому, который и назначен был Заведывающим полком. Все расходы по формированию и содержанию полка должны были производиться из удельных сумм.

Первым командиром Императорских Стрелков был назначен молодой и энергичный полковник л.гв.Преображенского полка Д.А.Арбузов. Настойчивыми усилиями гр.Перовского и Арбузова, к июню 1855 года полк закончил формирование. Первый Высочайший смотр полку был произведен в Царском Селе 21 июля. Император Александр Второй остался очень доволен видом полка и в знак своего благоволения назначил Шефом батальонов: 1-го - Вел.Князя Константина Николаевича, 2-го - В.К.Николая Николаевича и 3-го - В.К.Михаила Николаевича. В тот-же день в полк был зачислен Наследник Цесаревич Вел.Князь Николай Александрович равно как и Великие

Князья Александр, Владимир и Алексей Александровичи, Николай Константинович и Князья Николай, Евгений, Сергий и Георгий Максимилиановичи Романовские.

5 сентября 1855 года полк выступил в поход в Крым. 12 декабря стрелки прибыли в м.Североиновку близ Одессы и, согласно расписанию, остановились здесь на зимовку. С первых же дней стоянки в полку обнаружился тиф и через три месяца в строю осталось из трех тысяч только 800 стрелков. В течении этого времени, по Высочайшему повелению, в Царской Словянке спешно формировался 4-й резервный батальон. Однако этот батальон не успел выступить в поход. 14 февраля последовало перемирие и Императорские стрелки были двинуты обратно. Полку было повелено свернуться в один батальон, получивший наименование Стрелкового батальона Императорской Фамилии и права Молодой Гвардии.

4 января 1858 года состоялось Высочайшее повеление, по которому л.гв. Стрелковый батальон Императорской Фамилии на случай военных действий не должен был разворачиваться в полк, батальон был причислен к 2 гвардейской пехотной дивизии и, таким образом, влит в состав Гвардейского корпуса.

В 1856 году Государь Император принял на себя звание Шефа батальона, первая рота наименована ротой Его Величества. Заведывающим батальоном и Шефом 4 роты назначен Вел.Князь Михаил Николаевич, Шефами 2 и 3 рот - Вел.Князья Констнтин и Николай Николаевичи; зачислен в списки батальона Вел.Князь Николай Николаевич (младший) и с тех пор все Великие Князья в день их рождения зачислялись в списки л.гв.Стрелкового батальона Императорской Фамилии.

7 февраля 1863 года батальон вновь выступил в поход в Вильну; в Польше стрелки пробыли около года, приняв участие в усмирении польского овсстания, в боях в районе Вильны, на побережьи между Полангеном и Либавою, а затем в Шавельском, Вилькомирском и Поневежском уездах. По возвращении из Польши батальон переведен из Гатчины в Царское Село, где и был расквартирован до великой войны.

Затем батальон принимал участие в войне 1877-78 гг. В составе Гвардейского корпуса батальон выступил на театр военных действий по железной дороге до Бухареста, а оттуда походом на Зимницу. 12 октября был первый крупный бой и крупная победа под Горным Дубняком. С начала ноября в составе передового отряда ген.Рауха батальон почти непрерывно находится в делах в черезвычайно трудных условиях войны в горах в зимнее время. Правцы, Араб-Конак и другие более мелкие дела вплели новые лавры в боевые подвиги батальона. После падения Плевны - спокойная стоянка батальона на занятых горных позициях в течении около трех недель, а затем небывалый по трудности переход через Балканы в составе авангарда Русской Армии, победный бой у Ташкисен, у Враждебно, новый горный переход через малые Балканы, бой у Кадыкиой, затем вступле-

ние в Филиппополь и Адрианополь, где батальон узнал о заключении перемирия. За подвиги, оказанные во время этой войны батальон был награжден Георгиевским знаменем.

С 1878 и до 1914 года - мирные годы жизни батальона, во время которых шла интенсивная подготовка к будущей войне. Особое внимание обращалось на обучение стрельбе и батальон неоднократно получал первый приз за стрельбу среди стрелковых частей Российской Гвардии и Армии.

27 декабря 1905 года батальон торжественно отпраздновал 50-летний юбилей полка и батальону была возвращена его старая первая форма. Кроме того, для восстановления традиции Великий Князь Константин Константинович был назначен Шефом 2-й роты, а Вел.Князь Никлай Николаевич Шефом 3-й роты, как их отцы.

В 1910 году батальон был развернут в двухбатальонный полк, совместно с другими двумя гвардейскими стрелковыми батальонами. Л.Гв.3 Стрелковый Его Величества полк, со стоянкой в С.Петербурге, был и раньше двухбатальонного состава.

18 июля 1914 года состоялось повеление об общей мобилизации и объявление войны Германией и Австро-Венгрией. Мобилизация прошла в полном порядке и с требуемой быстротой. Назначенный в составе бригады во вновь формируемую 9 Армию, полк погрузился на ст.Александровской и 10 августа прибыл в Варшаву.

Во второй половине августа полк принял участие в наступательных боях 9 Армии вдоль правого берега Вислы. 28 августа принесло первый крупный трофей - неприятельскую батарею и более тысячи пленных австрийцев у дер.Суха-Вулька, Люблинской губернии.

В сентябре полк в составе отряда генерала Дельсаля, которому поручено было выдвинуться на левый берег Вислы к гор.Опатову и прикрыть новое разворачивание 9 Армии вдоль Вислы и Сана. 21 сентября этот отряд (Гвардейская Стрелковая и Первая Стрелковая бригады) был атакован тремя корпусами австро-германцев с обходом обоих наших флангов и, понеся большие потери убитыми и ранеными, отошел к гор.Сандомиру, где переправился на восточный берег Вислы.

В октябре, ноябре и декабре месяцах 1914 года - в составе той-же 9 Армии бои на левом берегу Вислы в общем направлении от Ивангорода к Кракову с более крупными боями у Ивангорода и Поличны.

В начале 1915 года полк занимал позиции в районе гор.Ломжи и участвовал в оборонительных боях под Высоко-Дуже, а затем в Холмском районе под Красноставом и Холмом. В августе месяце полк переброшен в Виленский район, где были очень тяжелые оборонительные бои у м.Мейшаголы. С октября месяца полк стоял в глубоком резерве в районе села Аврашин Подольской губернии, где и произошло разворачивание полка в три батальона.

В 1916 году полк в составе Особой Армии переброшен на Ковельское

направление и вошел в состав Юго-западного фронта, где в июле месяце участвовал в Ковельском прорыве австро-германского фронта. Полк особенно отличился в бою 15 июля атакой сильно укрепленной неприятельской позиции на линии Щурин - Трыстень. Захватив несколько линий неприятельских окопов и понеся большие потери, полк взял множество орудий, пулеметов и большое число пленных. Семь офицерских Георгиевских крестов были наградой полку за этот бой. Потом, до февраля 1917 года полк находился в районе Волочиска, где была позиционная война.

Когда вспыхнула революция, подвергшись общей участи Русской Армии, полк начал разлагаться. В ноябре месяце 1917 года полк прекратил свое существование; последней стоянкой полка дыло с.Головчинцы в районе Жмеринки.

Во время гражданской войны на Юге России несколько офицеров полка принимали участие уже в Первом Кубанском походе. В начале 1919 года был сформирован Сводно-Гвардейский полк, в составе которого была рота л.гв.Стрелкового полка, а летом 1919 года в составе Вооруженных Сил Юга России были уже три Гвардейских полка, из которых один Гвардейский Стрелковый полк, имевший в своем составе трехротный батальон нашего полка, действоваший в направлении ст.Лозовая, Полтава и Киев. При общем наступлении красных батальон отошел к Одессе, откуда вдоль румынской границы пришел в Польшу с отрядом ген.Бредова, где и прекратил свое существование.

В заботе о сохранении нашей полковой святыни - Георгиевского знамени, старыми кадровыми офицерами оно было вывезено из полка в Киев, а затем во время гражданской войны нашим Августейшим Стрелком Великим Князем Андреем Владимировичем привезено во Францию и передано нашему полковому Объединению когда оно образовалось.

Высочайше утвержденное 29 июня 190[illegible] года краткое описание формы обмундирования Л.Гв.4 Стрелкового Императорской Фамилии батальона.

Шапки: 1.Для офицеров: с барашковым черным окольшем, с темно-зеленым, суконным, четырехугольным верхом и позолоченым крестом, формы ополченского, с надписью: "За Веру и Царя".
2. Для нижних чинов: с барашковым черным окольшем, с черным суконным четырехугольным верхом и медным крестом, с такою-же надписью.

Полукафтан: 1. Для офицеров: темнозеленого сукна, русского покроя, без воротника; спереди у шеи открыто весьма незначительно, на юбке позади складки; застегивается слева направо на шесть выпуклых вызолоченых пуговиц с орлами, на пришивке на левой стороне шесть петель из золотого шнурка. Пуговицы пришиваются, начиная от пояса так, чтобы верхняя была на 4 вершка от него. Выпушки по краям малинового сукна. Сверху до пояса, по краям борта, возле выпуш-

ки, нашивается в один ряд золотой галун, гусарского образца, шириною в пол вершка. Рукава с обшлагами ныне существующего образца. Подкладка из темно-зеленого кашемира. Длина полукафтана выше колена на 5 вершков, если человек станет на колени.

2. Для нижних чинов: то-же самое. Застегивается на 6 медных пуговиц с орлами, на пришитые 6 петель из черного шерстяного шнурка; погоны ныне существующего образца. На унтер-офицерских полукафтанах нашивается золотом галун по верхнему краю около шеи, немного отступив от выпушки - до пояса и кругом обшлага на рукавах. На обшлаге нашивается басон; у рядовых басон в один ряд нашивается по верхнему краю, как галун у унтер-офицеров; длина полукафтана как у офицеров.

Галстух: Из малиновой фланели и состоит: из прямого, стоячего воротника и манишки, выкраиваемых из цельных отрезков фланели. Воротник сшивается из вдвое сложеной фланели и сбоку с левой стороны застегивается на два крючка на верхней стороне, в соответствующих крючкам местах укрепляются две маленькие пуговицы с орлами. Высота воротника 1¼ вершка, а длина по шее. К нижнему краю воротника двумя строченными швами пришивается манишка квадратной формы той-же материи; стороны квадрата по 8 вершков. Манишка эта имеет с левой стороны разрез, соответственно таковому же в стоячем воротнике; манишка внизу разреза застегивается на крючек.

Погоны: 1. Для офицеров: из галуна золотого гусарского образца с малиновым просветом; контр-погончики - тоже из галуна гусарского образца.

2. Для нижних чинов малиновый ныне существующего образца.

Шаровары: темно-зеленого сукна, у нижних чинов черного сукна.

Шинель: 1. Для офицеров; пальто ныне существующего образца; на воротe, выше имеющегося крючка, делается еще другой, который застегивается в случае надобности.

2. Для нижних чинов: шинель солдатская, воротник как на офицерском пальто.

Сапоги: 1. Для офицеров: с длинными голенищами, сборами и малиновым отворотом (в ½ вершка), который прошивается узором.

2. Для нижних чинов: длинные голенища со сборами. По верхнему краю голенищ небольшой малиновый кант.

Рубашка: 1. Для офицеров: малинового шелка с косым воротником и застегивающимися обшлагами. Пуговицы вызолоченые с орлами (2 на воротнике, 2 на груди и по 2 на каждом обшлаге). В холодное время года рубашка из теплой материи малинового цвета. В летнее время рубашку заменяет китель. В строю и вообще при оружии рубашка опоясывается шарфом. В обыкновенное время плетеный шелковый кушак с кистями (цвет кушака по ротно: малиновый, синий, белый и зеленый).

2. Для нижних чинов: тоже самое, из материи малинового цвета, пуговицы медные. Подпоясывается малиновым кушаком. При походном снаряжении -

ремень с бляхой.

Кушак: Ныне существующего образца при походном снаряжении, а в остальных случаях малиновый.

Шейные ордена носятся на полукафтане на борту, начиная от выреза. Колодка с орденами носится на груди от края борта влево.

Примечание: Офицерам рубашку взамен кителя носить в окрестностях С.Петербурга, в С.Петербурге-же и в городах носить китель существующего пехотного образца.

Все сведения взяты из следующих источников:

1. Е.Богданович. Стрелки Императорской Фамилии.
2. Краткая памятка к столетию Стрелкового полка Императорской Фамилии, сост.гв.полк.Р.К.Баумгартен, офицер полка.
3. Полное собрание Законов Российской Империи, том 26/1906 г. ст. № 28066 - 29 Июня 1906 года.

П.Манюкин (5 вып.)

Петя Сорокин.

Кому из нас, в детстве, не приходилось падать со стола, стула или забора, не причиняя себе телесных повреждений? В большинстве случаев все кончалось пустячными ушибами и не имело последствий в будущем, не говоря уже о развитии каких-либо специальных способностей.

Не так было с Петей Сорокиным. Будучи еще двух лет от роду, Петя сидел в экипаже на руках своей 12-летней тетки Софии Александровны К. и сладко дремал. Чего-то испугавшись, кони дернули и Петя, перевернувшись через плечо тетки, очутился на земле. Он получил сотрясение всего тела и удар в голову. В дальнейшем Петя стал задумчив и сосредоточен. То, что было свойственно его сверстникам,- шалости, игры,- его не интересовало. Он увлекся математикой, к чему обнаружил недюжинные способности. Как сын офицера он поступил в Полоцкий кадетский корпус, который и окончил. Карьера будущего офицера ему не улыбалась и он решил стать педагогом. Петя вел замкнутый образ жизни и, не поддерживая связи с теткой и двоюродными сестрами, витал в облаках математических формул.

Побывав в роли преподавателя в нескольких кадетских корпусах, Петя в начале 1900-х годов появился у нас в Суворовском корпусе в неизменной дворянской фуражке и с длинными прядями волос. Причина его частых переводов из корпуса в корпус объясняется тем, что Петр Александрович Сорокин видел в каждом инспекторе классов своего заклятого врага. Так было и у нас. Он возненавидел инспектора клас-

сов полк.Колтикова и гв.полк.Попова.

На свою внешность Сорокин внимания не обращал, а потому и бросался в глаза своим неопрятным видом. Моим преподавателем он не был, но я всегда им интересовался, так как ценил его талант и его исключительную оригинальность. В одном из классов был кадет Македонский. Как-то на уроке математики Македонский стал приводить абсурдные доказательства в решении алгебраической задачи. Петя разозлился и крикнул: "Вы хотя и Македонский, но не Великий!" Македонский не растерялся и в ответ на иронию Сорокина буркнул: "А вы, Петр Александрович, хотя и математик, но не Архимед..." Последствия - обычный "кол" и жалоба директору корпуса.

После революции первый раз я встретил Петра Александровича в Белграде, а затем в Панчевском госпитале, где лежал с ним в одной палате. Из под одеяла, одним глазком, я наблюдал, как Петр Александрович, закутавшись в три больничных халата, извлекал кубические корни в одной из задач, которую я ему подсунул от нечего делать.

Однажды он явился в Белграде к своей тетке Софии Александровне закутанный и в неопрятном виде. Петя боялся простуды, любил корочку под белым соусом, бифштекс и стаканчик хорошего вина. Костюмами и, в особенности, штанами он не интересовался. Тетка подарила ему пальто, брюки и шарф, которые он запер в сундук и не открывал его три года. По-видимому, он по ошибке пересыпал все молью вместо нафталина, так как по вскрытии сундука в нем, кроме пыли, ничего не оказалось.

Часто на меловой доске, после урока, можно было прочесть под четырехэтажными формулами полный титул преподавателя математики Петра Александровича Сорокина: "Petrus Sr...s, Archimedus mathematicus".

Однако, Петя, хоть и большой оригинал, но он гениальный математик...

Эраст Суражевский (1 вып.)

От редакции: П.А.Сорокин здравствует и проживает в настоящее время в Югославии и Объединению иногда удается ему оказывать помощь посылками и деньгами.

Поздравляя всех дорогих читателей с корпусным праздником и желая всем здоровья и благополучия, редакция по-прежнему надеется, что здоровье это поможет читателям превратиться, или продолжать быть авторами статей для нашего сборника.

Из прошлого. Пробег.

В 1912 году батареи 8 Артиллерийской бригады проходили курс стрельбы на Брестском полигоне. Полигон был невелик, здесь лагерем стояли три артиллерийских бригады и 37 пехотная дивизия. До Бреста было недалеко, куда мы изредка ездили поужинать к "Гжибу", или к "Николаю", послушать немецкий женский духовой оркестр и поднести цветы "большому барабану", в который усиленно дубасила хорошенькая немочка.

В собраниях пехотных полков устраивались танцевальные вечера, на которых мы появлялись развлекать дам и барышень.

Сидя вечером в собрании, группа молодежи решила сделать пробег Брест-литовск - Беловежская Пуща. Расстояние было 100 верст. Эту дистанцию мы должны были пройти в один день, сделать на следующий день дневку в Беловежской Пуще, и на третий день итти обратно.

После некоторой тренировки, накануне дня Петра и Павла, рано утром мы выступили. Решено было быть трезвыми, то есть не брать в дорогу водку. Хозяин собрания нам приготовил завтрак, который был уложен в кобуры и, после осмотра лошадей комиссией из старших офицеров и ветеринарного врача, мы в составе 8 офицеров и 4 канониров начали пробег.

Июль месяц, чудная погода и итти переменным аллюром было одно удовольствие.

На половине пути в Каменц-Литовском у нас был большой привал, чтобы покормить и дать отдохнуть лошадям, да и самим подкрепиться. Городок был маленький,- никаких ресторанов. Население, как и везде в Польше в таких уголках,- половина поляков, половина евреев. Начальством был пристав, а у поляков, кроме того, ксендз. Решили зайти к ксендзу, зная, что у каждого ксендза есть "господыня", иначе говоря дама, ухаживающая за ксендзом, - хозяйка дома.

Послали канонира спросить, может ли ксендз нас принять. Ответ получился более чем благоприятный. Ксендз оказался на "полеванью", т.е.на охоте, а господыня рада нас приветствовать чаем. Спешно был собран букет из полевых цветов и мы явились в дом ксендза. Хозяйка, интересная молодая полька, встретила нас приветливо, появился самовар, закуска, а один из нашей компании не удержался и бутылка водки все-же была роспита, что повысило настроение маленькой компании. Два часа прошли быстро и незаметно. Распрощались мы с милой хозяйкой, которой вскружили голову комплиментами, и двинулись дальше. К вечеру мы прибыли в Пущу, где в Императорском дворце нас встретил смотритель его Отто Яковлевич Рек.

Однако принять и разместить нас в флигеле дворца он не имел права без разрешения и ему пришлось снестись по телефону с Заведывающим Беловежской Пущей действ.ст.сов.Колокольцовым, который не толь-

ко охотно разрешил, но и рекомендовал принять нас как следует.

Отто Яковлевич был в восторге. Он жил одиноко, с небольшим штатом прислуги для поддержания порядка во дворце и окружающем его чудном парке и вдруг - молодая веселая компания...

Сейчас-же был организован ужин, повар оказался знатоком своего дела, к тому-же и погребок был с хорошими винами,- все способствовало шумному веселью. После некоторого возлияния полилась русская застольная песня, а пели мы хорошо. Отто Яковлевич незаметно соединил нас по телефону с семьей Колокольцова и барышни, дочери генерала, а их было чуть-ли не четыре, слушали наше пение и на следующий день наговорили нам массу комплиментов.

Пирушка наша окончилась маленьким невинным приключением. После выпитого нашему хозяину захотелось принять холодную ванну, чтобы освежиться. От такой мысли вся компания пришла в восторг, ванна сейчас-же была наполнена водой. Схватили О.Я.и уложили его в ванну, но впопыхах забыли его раздеть. Когда он пришел в себя, вероятно от холодной воды, и встал, то вид у него был "мокрый" в полном смысле этого слова, хохота и шума было много, но больше всех был доволен сам хозяин.

На следующий день был праздник Св.Петра и Павла. Рано утром Отто Яковлевич поехал со своими егерями на охоту, а мы на подводах - в деревню, в центр Беловежской Пущи, знакомиться с Заведывающим дейст.ст. советником Колокольцовым. После окончания церковной службы мы представились генералу, который был с нами очень любезен, познакомил нас со своей семьей и пригласил к обеду, по Петербургски, к 6 часам вечера. Около церкви был выстроен взвод от 4 уланского Харьковского полка, который был там на охране, взводом командовал поручик,- муж одной из дочерей Колокольцова. Надо было видеть сколько важности и самодовольства было, когда на приветствие "генерала" уланы ответили по уставу титулуя его "Ваше Превосходительство".

После обеда у Отто Яковлевича мы осматривали дворец. На возвышенности, окруженной английским парком, стояло очень красивое здание с небольшой башней, на которой аист свил себе гнездо. Об этом происшествии было донесено Государю и резолюцией было разрешено аисту квартировать на крыше. Из внутренних помещаний дворца нам больше всего понравилась столовая. Она была облицована карельской березой с естественными причудливыми узорами. На стенахбыли развешаны рога разных животных с надписями и коронами наших и заграничных коронованых особ, взявших данного зверя. После осмотра дворца и фазанника с красивыми птицами, которых особенно любила Государыня, мы поехали смотреть главную достопримечательность Пущи - зубров. Подъехали к лужайке, на которой паслось стадо, причем сопровождавшие нас егеря просили близко к стаду не подходить, т.к.это было опасно. Мы с любопытством осматривали этих косматых быков с расстояния 300-400 шагов, но они нас абсолютно никакого внимания не об-

ратили и продолжали мирно пощипывать траву.

Беловежская Пуща была огромным заповедником, окруженным высоким досчатым забором, с девственным лесом, наполненным всякой живностью: летающей, скачущей, ходячей и ползающей, с хорошим шоссе. На перилах мостиков красовались большие двуглавые орлы. Проезжая по шоссе, мы видели красивых козочек, которые при виде нас грациозными прыжками исчезали в чаще леса, попадались и другие обитатели этого заповедника.

К 6 часам мы прибыли к Заведывающему Пущей. Особняк, который занимал генерал, был обставлен в охотничьем стиле, везде были чучела зверей и птиц, на стенах - рога и охотничьи доспехи.

Обед был по Петербургски - закуска аля фуршет за отдельным столиком и стоя. Так как времени на закуску давалось мало, то чтобы не терять времени пришлось сразу себе наливать несколько рюмок водки и пить их по-очереди. За стол нас посадили в перемежку с дамами, а сзади нас с важными физиономиями прохаживались лакеи в дворцовой форме, в белых чулках, каких-то ливреях с аксельбантами. Они нам подливали вино и подавали блюда с явствами, но как только кто-нибудь из нас клал нож и вилку на тарелку, последняя моментально исчезала. Посмотрели мы друг на друга и подумали: ну и придворный-же этикет! Невозможно-же занимать даму разговорами и держать все время нож и вилку в руках. В общем, встали из-за стола "неудовлетворенными".

Перешли в гостинную, конечно, отлично обставленную с роялем и всем прочим, что было положено иметь в наши времена. Подано было нам кофе с ликерами. Здесь барышни нас просили что-нибудь спеть. Мы им порекомендовали одного из приятелей, расхвалив его прекрасный тенор, массу, мол, знает красивых романсов и так далее. Надо было видеть его злобное выражение лица, когда он смотрел на нас, и милые улыбки в сторону барышень, но все-же он отказался петь, ссылаясь на хрипоту и еще на что-то такое, на самом-же деле у него не было ни голоса ни слуха. Ну и ругал-же он нас потом! Провели мы еще часа полтора в обществе милых девиц, занимали их всякими играми и пением, чему они, соскучившись в глуши, были очень рады.

Возвратились мы к Отто Яковлевичу, которому пришлось нас докармливать, а возраст наш был такой, что можно было ужинать и по два раза...

На третий день рано утром распрощались мы с О.Я., который не скрывал грусти оставаться опять в одиночестве, и той-же дорогой пошли в Брест. Опять на полупути в Каменц-Литовском сделали привал и послали к ксендзу узнать можно ли у него выпить чаю. Ответ пришел неблагоприятный. Оказалось, что ксендз простудился на охоте и нас принять не может, о чем очень сожалеет, а пани украдкой все-же передала нам привет. Ну и досталось, вероятно "господыне" от ревнивого ксендза! Вечером благополучно прибыли в расположение бригады.

-Н.Главацкий.

1. Перед войной.

Война вспыхнувшая в июле 1914 года не была совершенно неожиданной для нас, офицеров 7 Стрелкового полка, и все-же [illegible] кто-либо из нас ожидал ее так скоро.

[illegible] с момента аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 году политическая обстановка начала накаляться. Алжесирасский и Агадирский инциденты едва не привели к войне в 1911 году. Итало-турецкая, так называемая Триполитанская война, вслед за которой последовали две Балканские, ясно указывали на военный психоз, охвативший Европу. Блестящие победы сербов и болгар в первую Балканскую, сербов во вторую, обескровили Австро-Венгрию, еще не успевшую "переварить" захваченные провинции. Это чувствовали не только дипломаты, но и мы, молодежь.

Осенью 1912 года Командир полка, собрав офицеров, посоветовал им обзавестись всем необходимым для военного времени, конечно, без всякого шума. Обзавелись теплым бельем, кое-кто кителями на меху, а мы с братом еще и чудными ветро- и дожденепроницаемыми пальто из белой бурки для маскировки зимой. Много спорили о кроватях, что лучше: чемодан-кровать Гинтера или кровать Грум-Гржимайло. Победил Гинтер,- ведь к нему есть и баульчик для самого необходимого, матрасик, кое-что из посуды и складной столик. Чтобы приготовления были менее заметны, все покупки делались разновременно в Варшаве. Какими смешными кажутся теперь эти "глубокие" соображения. Увы, ни теплым бельем, ни меховыми кителями, ни бурчатыми пальто воспользоваться нам не удалось, так как война началась летом, а все наши вещи, отправленные из Ченстохова в Киев, застигнуты были в пути мобилизацией и вместо Киева попали в Москву, о чем мы узнали лишь в 1917 году накануне революции.

Вскоре политическое положение упало и все как-будто успокоилось. Помню, что и во время наибольшего напряжения жизнь полка не нарушалась и день за днем шел по расписанию, лишь несколько участились тактические занятия в поле с удлиннением походного движения, доходившего до 20 верст в сутки, считая и маневр, но в остальном, повторяю, жизнь полка текла нормально.

Учебная команда широко пользовалась возможностью практического обучения своих питомцев. Разведка, сведения получаемые от нее, подробно разбирались и обсуждались с учебниками; они должны были отдавать нужные приказания, они вели "бой". Мы, офицеры, контролировали, исправляли, объясняли. Эти занятия увлекали учебников, входивших в раж и споривших между собой. Мы больше молчали, наблюдая и следя за спором, и лишь изредка подаваемыми репликами, замечаниями и вопросами направляли их мысль к правильному (по нашему мнению) решению вопроса.

В связи с очищением политического горизонта и мысль о возможности войны как-то отошла сама собой, уступив первое место вполне мирным

настроениям и заботам. В феврале 1913 года исполнялось 300-летие царствования Дома Романовых и начальнику учебной команды капитану Уланову пришла в голову оригинально-дерзновенная мысль силами учебной команды поставить отрывки из оперы Глинки "Жизнь за Царя". Командиру полка понравилась идея и разрешение было получено. Привлекли капельмейстера-чеха, перепробовали голоса; нашлись очень приличные, но совсем не обработанные. В Сусанины был выбран вольноопределяющийся, будущий зубной врач, хороший тенор-учебник стал Собининым, совершенно неожиданно среди учебников нашлась и Антонида,- обладатель сопранного тенора, но на целую голову выше своего "жениха", а Ваней оказался настоящий альт - мальчик музыкантской команды Ваня Валявко. Хор составился легко. Бедные артисты, помимо своих прямых обязанностей изучения воинской премудрости, вынуждены были отдавать свое свободное время на репетиции. Должен отметить, что все, кроме мальчика, с удовольствием готовились к выступлению. Хуже всего было бедному "капельдутке", оказавшемуся не только капельмейстером полкового оркестра, но и учителем пения с голосами "от сохи", как он выражался. "Оперу" ставили два раза. Первый раз для своего полка, а второй по просьбе Начальника гарнизона генерала Орановского для чинов гарнизона. Оба раза исполнение прошло очень удачно и г.г.офицерам учебной команды, капельмейстеру и артистам была объявлена благодарность в приказе по бригаде.

Подошло время экзаменов. Комиссия из двух ротных командиров - по одному от батальона, и трех офицеров постоянного состава Учебной команды, во главе с командиром батальона, проверяет знания учебников. Никто не провалился и все разошлись по своим ротам "кандидатами в унтер-офицеры".

Приблизилось время увольнения в запас старослужащих и прием молодых. "Старики" уже обзавелись фантастическими формами одежды, чтобы произвести фурор в своих деревнях и селах, и вдруг пришло приказание свыше задержать старослужащих впредь до распоряжения. Сигнал как-будто тревожный, но он как-то слабо отразился на нас, молодых офицерах. Мы были вполне согласны со своим начальником Учебной команды, что мера эта разумна, особенно для частей стоящих на границе, как наш полк, но мысли, что она принята в связи с близкой возможностью войны, ни у кого из нас не было. По окончании занятий в Учебной команде мы уехали в отпуск. Очутившись в "глубоком тылу" и окунувшись в веселую жизнь, исчезли и все заботы, связанные с полковой жизнью и только возвратившись в полк, мы вновь почувствовали "узду".

Свободного времени у меня было мало. Лука, как мы называли между собой Командира полка Луку Лукича Кондратовича, считал, что аттестованный им "отличны" офицер должен был быть подобен верблюду, нагруженному до отказа. Помимо своих прямых обязанностей нужно было готовиться к докладам в офицерском собрании, исполнять обязанности делопроизводителя полкового суда, нести всевозможные наряды и прочее. Лишь поздно вечером

являлась возможность пофланировать по "Второй аллее", своего рода "Норд-
со", или посидеть в ресторане пана Яцковского, прогоревшего в Варшаве
и открывшего ресторан в Ченстохове. С утра же начинался обычный день:
классные занятия до обеда, строевые после него. В ротах молодых стрел-
ков готовили ускоренным темпом, особенно налегая на обучение в поле
одиночным стрелков в рассыпном строю, стрельбах в тире и на стрель-
бище. Подошло время, старослужащие разъехались по домам, и в лагерь
полк выступил в численном составе мирного времени. В это лето Учебной
команде пришлось производить опытную стрельбу с остроконечной пулей, о
чем я писал в одном из своих очерков, но лагерная жизнь текла, как и
в предыдущий год, мирно и тихо.

Зима 1913/14 годов проходила в обычной обстановке, впрочем кое-что
указывало на тревогу в высших сферах. В эту зиму происходили усиленные
командировки в другие роды войск. Так брат мой Сергей был командирован
в Саперный батальон с командой в 10-12 человек для ознакомления с са-
перным делом, фактически оказалось, с подрывным. Как-то я получил за-
писку от адъютанта, что по распоряжению Командира полка мне надлежит
явиться в Управление Воинского начальника к 8 час.утра следующего дня.
Управление помещалось в нашем казарменном здании над штабом 14 кавале-
рийской дивизии и находилось рядом с Учебной командой. Явился и в ка-
нцелярии встал ст.кап.Денисчука, старшего офицера 4-й роты. Нас прове-
ли в бывшее ротное помещение 8 Стрелкового полка, с переменой дислока-
ции в 1910 году ушедшего в г.Петроков. Во всю длину помещения были рас-
ставлены столы. Немного отступя от входа - поставлен барьер с проходом
для одного человека. Воинский начальник и его делопроизводитель стали
объяснять нам как будет происходить прием запасных в случае мобилиза-
ции. Часа два-три провели мы там, знакомясь со всеми подробностями.
Вся процедура была отлично продумана и процесс приема запасных теорети-
чески происходил без малейшей задержки. Явившийся входил в одну
дверь и, пройдя через все помещение, т.е.через ряд контрольных столов,
у которых происходила проверка документов и производились все манипу-
ляции связанные с приемом мобилизуемых, выходил в дверь на противопо-
ложном конце помещения. Получался своего рода конвейер, по которому
без всякой задержки проходили принимаемые. Это была пробная мобилиза-
ция. Выйдя от Воинского начальника и направляясь в собрание,- наша ко-
мандировка в предписании указывалась от 8 до 12 часов,- Денисчук вы-
сказал уверенность, что мы по мобилизационному плану предназначены для
приема запасных. У меня мелькнула мысль: значит брат предполагался в
подрывники.

План мобилизации не только бригады, но и полка никому из строевых
офицеров не был известен. В штабе полка он хранился в запечатаном кон-
верте в денежном ящике и конверт распечатывался командиром полка лишь
по получении телеграммы о мобилизации. В штабе полка адъютантом, иногда

с прикомандированным ему в помощь офицером, составлялись так называемые "дневники", состоявшие из распоряжений, отдаваемых всеми должностными офицерами, т.е.лицами, предназначенными к исполнению той или иной задачи. Фактически это и был план мобилизации полка.

К тревожным признакам следовало отнести и включение Стрелковых бригад в корпуса, чего раньше не было, так как бригады подчинялись непосредственно Командующему Войсками Округа; но эта мысль пришла мне в голову значительно позже, уже по окончании мобилизации.

К столь же тревожным признакам следует отнести и усиление шпионажа. Не могу вспомнить точно, то-ли зимой с 1912 на 13-й год или с 1913 на 14-й, Штаб Округа сообщил о задержании двух шпионов и предписывал проявлять наибольшую осторожность. Оба арестованные шпионы побывали и у нас в полку. Работали они под видом коммивояжеров. Первым появился "грек", предлагавший в офицерском собрании греческие вина по очень приемлемым ценам. Когда он появился в собрании и мы узнали, что он грек, единоверец, православный, подданный греческой Королевы Ольги, сестры Вел.Князя Константина Константиновича, и государства ведущего победоносную войну с турками, то встретили его очень радушно, расспрашивали его о Греции, давно ли он оттуда и т.д. Оказалось, что он очень недавно приехал из Греции, охотно рассказывал о войне, показывал свой паспорт, который мы пытались прочитать по греческому тексту. Увы, среди нас хотя и были гимназисты, но не было ни одного окончившего классическую гимназию и мы читали, несколько применяясь к церковно-славянскому буквоначертанию. Ну как не поддержать коммерцию "своего" человека тем более, что условия очень выгодны, никакого аванса, лишь оффициальный заказ за подписью Командира полка с приложением печати!

Через сколько времени появился второй сказать не могу, но не вскоре после первого. Видимо нужен был приличный промежуток времени, чтобы забылось посещение первого. Этот явился под видом швейцарца, предлагавшего часы швейцарских фирм в рассрочку на очень льготных условиях и опять-таки с тем, чтобы заказ был гарантирован Командиром с приложением полковой печати. Повидимому из задача заключалась в проверке дислокации, получении автографов командиров частей и оттисков полковых печатей. Оба были задержаны нашей контр-разведкой в Варшаве.

К числу тревожных признаков, пожалуй, можно отнести учреждение при Штабе Округа курсов венгерского языка. От нашего полка был командирован поручик Штобрин. По окончании курсов ему был дан заграничный отпуск в Венгрию для практики в языке. Не могу точно вспомнить как произошло, что свой кратковременный отпуск он фактически провел под домашним арестом. Смутно помнится, что по приезде в Вену он не сразу отправился в наше Посольство, а лишь на другой день.

В Посольстве он не застал ни посла, ни военного атташе и никого из высших чинов Посольства, отправившихся на какую-то великосветскую охоту затянувшуюся на несколько дней. В Посольстве почему-то не сделали никакой отметки на его документе, а в паспорте было указано, что он - офицер. Шпионом его объявить нельзя было и в силу вступили какие-то юридические закорючки вроде переписки между учреждениями, но факт остается фактом,- свой отпуск он просидел в гостиннице. Может быть юрист и разобрался бы в этом, я-же могу лишь пожалеть, что на нашей австрийской границе не оказалось кого-либо вроде жандармского полковника Иванова*) служившего на германской и задержавшего целый немецкий поезд из-за ареста нашего пограничника.

Все эти случаи происходили разновременно с достаточно большими прожутками и поэтому лишь в Разведывательном отделении Штаба Округа могли обратить на себя внимание, в то время как мы, строевые офицеры, не останавливались на них. Мы жили впечатлениями внешними и просто не могли проникнуть во внутреннюю тайную работу больших штабов. Внешние-же отношения между немцами и нами оставались по-прежнему корректно-дружественными. Лучшим доказательством этому служит то, что и в эту зиму (1913/14 гг.), как и в прошлые, каждую субботу после занятий мы, молодые офицеры, садились на велосипеды и отправлялись заграницу в Гербы Прусские на пиво.

В этом году, как и в прошлом, увольнение в запас было отложено, но эта задержка уже казалась нормальной, как-бы новым порядком комплектования частей, а не как исключительная мера, вызванная политической обстановкой данного момента.

2. Мобилизация.

Лагерный сбор этого лета был значительно легче предыдущего. Никаких опытов и испытаний производить не пришлось и занятия текли нормально; было больше свободного времени для себя.

В это лето был большой урожай вишень и мы с братом Сергеем решили запастись на зиму вареньем. Достал у семейных большой медный таз, я занялся варкой варенья; таз большой, фунтов на 15. Варево кипит, снимаю пенки и радуюсь, что варенье будет удачным...

Входит деньщик."Ваше Благородие, 8-ой полк снимает палатки". Вышел, поглядел ... Действительно в расположении 8-го полка движение - снимают палатки. Что это значит? Неужели в середине июля начинается подвижной сбор? Ну, да думать-то-некогда: нужно следить, чтобы не переварилось варенье! Едва подошел к плите, как зазвучал сигнал "офицерский сбор". Чертыхаясь отставил варенье, натянул китель и отправился в собрание - место сбора. Минут через пять явился Командир полка, сообщивший что получен приказ о выступлении на зимние квартиры. Отправка по железной дороге, наша очередь для погрузки после 8-го полка была ночью.

---

*) отца наших кадет 8 и 9 выпуска.Прим.ред.

Точные приказания Командира полка, опытность старших офицеров - участников войны с Японие, расторопность сверхсрочных подпрапорщиков, лихость унтер-офицеров и, наконец, строгая дисциплина в связи с обычной практической сметкой русского крестьянина, достигли невероятной быстроты погрузки эшелонов и составам приходилось ждать отправки, а ведь погрузка происходила темной ночью с очень короткой платформы. К полудню оба батальона с обозом были уже в Ченстохове. По пути с вокзала к казармам нас провожали удивленные и любопытно-встревоженные лица обывателей.

Прибыв по приказанию Командира полка в канцелярию, гг.офицеры получили от него точные указания как надлежит себя вести по отношению к гражданскому населению. Никаких разговоров о причинах преждевременного возвращения из лагеря; вся жизнь должна итти так, как она шла обычно на зимних квартирах. Уже на следующий день нчались обычные занятия. По вечерам на "2-ой аллее" мы появлялись фланируя, так-же занимали столики в ресторане Яцковского. Единственным нововведением была обязанность оставлять "точный след",по которому в случае надобности можно было бы найти данного офицера.

Прошло несколько дней, в течение которых, признаюсь, мне было черезвычайно тяжело вести занятия в команде. Нужно было себя заставлять делать, казалось-бы, привычное дело. Можно себе представить, что оставалось в головах учебников от этих классных занятий.

Боюсь ошибиться в дате, но кажется, 17 июля часов в 6 вечера вестовой из штаба полка вручил мне конверт. Расписавшис прочитал: "С получением сего немедленно прибыть в штаб полка". В канцелярии было уже несколько офицеров, проживавших ближе к казарме. У всех в руках конверты с надписью:"По мобилизации" и предписания. Получив свой конверт и вскрыв его, прочел: "С получением сего немедленно явиться в распоряжение Воинского Начальника". Из строевой переходим в хозяйственную часть, где получаем новенькими хрустящими кредитками "мобилизационные".

У Воинского начальника резкая разница: в канцелярии полное спокойствие, а в приемочном - суета. Тут расставляют столы, тащат какие-то ящики, короба... "Сейчас вам нечего делать, а приходите завтра в 6 часов утра",- сказал Воинский Начальник. Итак, целая ночь в моем распоряжении. На минутку повидал брата Сергея. Ему нужно было немедленно отправиться с командой на вокзал и далее к мосту через р.Варту...

Пытаюсь вспомнить свои ощущения в это время и не нахожу ничего,что заслуживало бы внимания. Не было никакого подъема, никакого ощущения важности момента; просто какя-то новая страница в повседневной деятельности. Никакого возбуждения не было. Вещи были отправлены в Киев раньше. Отдав деньщику распоряжение сложить в Гинтер все оставшиеся вещи брата и мои, пошел прогуляться по "2-ой аллее", зашел к Яцковскому. И там и там народу мало,- видимо узнали об объявлении мобилизации. Ни

одного офицера. Возвратился домой и лег спать.

К 6 ч.утра явился Воинскому Начальнику. Пришел и шт.кап.Денисчук. Наш стол был последним, где сдавались билеты и от нас выходили уже не запасные, а лица находящиеся на действительной службе. У выходных дверей стояли унтер-офицер и 2-3 стрелка, выдававшие проходящему кружку, деревянную ложку и еще что-то. Выйдя в дверь, призванный спускался по лестнице и выходил на казарменный плац, здесь его ожидали офицеры с командами, собирая в группы и отправляя под командой унтер-офицеров на вокзал для погрузки в эшелон и отправки в тыл.

Среди первых явившихся запасных оказался и наш "учебник" - унтер-офицер 3-й роты Добрынин, только что уволенный в запас и где-то поблизости устроившийся на работу. Он сразу-же почувствовал себя дома. С сияющей физиономией рявкнул "Здравия желаю!" и попросил назначить его в "свой" полк, а не отправлять куда-либо. Направил с ним стрелка к офицеру внизу, но сопровождающий оказался излишним, так как офицер узнал Добрынина и сразу-же направил его в 3-ю роту, а через какие-нибудь ½ часа Добрынин "принимал" запасных, помогая офицеру. Само собой понятно, что все лучшие отбирались в свой полк и вскоре полк был укомплектован. Между тем, через нас беспрерывно проходили один за другим сотни, а затем и тысячи людей. Пехота, артиллерия, кавалерия,- все проходило мимо, оставляя свои билеты соответствующих цветов. Не знаю что происходило внизу, отделяли-ли людей по роду оружия, составляя отдельные команды, или общей массой отправляли на вокзал в уверенности, что в тылу разберутся, а мы находимся черезчур близко от границы.

Первый день пролетел незаметно в напряженной работе, настолько незаметно, что ни Денисчук ни я не вспомнили, что мы ничего не ели. Лишь поздно вечером, когда уже стемнело, явился мой деньщик Ахмет спросить "а ты обедал, Ваше Благородие?" Приказал ему принести примус, чайник и варенье. Чай и варенье, только что сваренное мною в лагере, была вся наша еда втечение двух суток. Не было абсолютно возможности отлучиться хотя бы на полчаса одному из нас. Люди шли беспрерывным потоком и мы едва успевали делать свое дело.

По расписанию наш полк должен был закончить мобилизацию в трехдневный срок, ведь мы стояли на самой границе. Повидимому этим временем ограничивалась и работа Воинского Начальника. О том что делалось в это время в полку говорить опасаюсь, так как знаю лишь с чужих слов, но, видимо, все шло согласно мобилизацтонным дневникам: выставлялись заставы, выделялись кадры во второочередной полк, разгружались цейхгаузы и так далее, но на первом месте был отбор людского состава. Брат Сергей со своей командой отправился к мосту через Варту для подготовки взрыва, а затем разрушения железно-дорожных сооружения на станции Ченстохов.

Почти двое суток я не имел возможности спуститься вниз глотнуть свежего воздуха. Лишь часов в 11 вечера 19 июля мне удалось выйти во двор,

так как наплыв запасных значительно сократился и вот тут , совершенно отупевший от двухсуточной напряженной работы, я увидел что делается вне помещения Воинского Начальника. Спускаясь по лестнице, я увидел в нижнем этаже через открытую дверь помещение штаба 14 кавалерийской дивизии и Начальника штаба, сидящего у телефона с развернутой картой на столе, стаканом черного кофе и бутылкой коньяку, на половину опорожненной. По дворе подошел ко мне подпоручик Иванов и сообщил, что получена телеграмма об объявлении нам войны Германией. Телеграмма гласила: "С 0 часов 1 минуты 20 июля считать в состоянии войны с Германией". Моя усталость была настолько велика, что это известие не произвело на меня никакого впечатления, что вызвало искреннее возмущение сообщившего мне эту весть Иванова.

Только теперь я понял, почему в последние часы уменьшился наплыв призываемых: их, не проводя через нас, собирали во дворе и направляли прямо на вокзал, сажали в поезда, направляя в Скерневицы и даже в Варшаву. Тогда-же я узнал, что Начальник 14 кавалерийской дивизии генерал Новиков все время торопит с окончанием мобилизации. Кавалерия прикрывала нашу мобилизацию, но у нее, кроме того, была и своя задача. Поздно ночью, почти под утро, Воинский начальник нас освободил. Вокруг было пусто. Полк давно ушел на погрузку и мы поспешили на вокзал, где едва захватили наш последний эшелон.

Полк прибыл в Петроков, стоянку 8-го Стрелкового полка. Нашей задачей было прикрывать мобилизацию 8-го полка. Мобилизация нашего полка была трехдневой, но закончилась в два дня, 8-го полка - более продолжительной и мы должны были их прикрывать. Штаб нашего полка расположился в помещении вокзала, 1 батальон - в резерве, 2-ой - в охранении. Еще задолго до полудня прискакал пограничник из рядовых и доложил, что наш полковой обоз, двигавшийся походным порядком, обстреливался противником. 1-й полуроте 4-ой роты приказано было отправиться выручать обоз. Отцепив 2-3 вагона из еще порожнего состава формируемого эшелона поргузили стрелков. Шт.кап.Денисчук решил ехать с нами. Вскочили на паровоз и покатили. Линия свободна,- поезда идут от границы, но не к ней. Кочегар поддает жару во всю,- не шутка ведь, а война! В бинокли рассматриваем окрестности, а версты мелькают, точно едем сверх-курьерским поездом, приближаемся к Ченстохову. Противника нигде не видно и ничего подозрительного... Встречный поезд с пограничниками. "Куда?" раздаеися вопрос, но отвечать некому,- вопрошавшие уже далеко позади. Слева от нас тянется шоссе и на нем какая-то темная линия. Приказали замедлить ход.., Тра-та-та, тра-та-та... впились в бинокли,- откуда стрельба?... По шоссе, совершенно спокойно, движется обоз, а стрельба?... Наш ход сильно замедлился и стрельба прекратилась. Что за черт? В обозе полное спокойствие, а здесь стрельба была! Наше недоумение разрешил машинист,- рвались какие-то тормозные цепи...

Сблизившись с обозом, остановились. Едущий верхом начальник нестроевой команды поручик Викторский дает коню шпоры и подъезжает к нам, выскочившим из паровоза,и высыпавшим из вагонов стрелкам.

"В чем дело?",-спрашивает он нас. "Да мы вас выручать приехали".- "От кого? Да никакого неприятеля мы не только не видели, но и не слышали где он!" Усилив полувзводом прикрытие, двинулись мы назад. С ближайшей станции, где еще находился начальник станции или его помощник и телеграфист, донесли Командиру полка, что все обстоит благополучно и мы возвращаемся, усилив прикрытие обоза. Это - единственный эпизод, нарушивший спокойствие мобилизации. 8-ой полк, как и наш, закончил свою мобилизацию раньше указанного срока и мы эшелонами двинулись на Варшаву. За два дня до этого прибыл со своей подрывной командой брат Сергей. В Варшаве мы простояли трое суток, неся гарнизонную службу. Сюда прибыли и молодые офицеры чуть ускоренного выпуска 1914 года. В 6-ой Стрелковый полк вышел наш Суворовец Гуляков 2-й, племянник моего отделенного воспитателя, убитый в первом-же бою. Здесь же 24 июля мы узнали об обьявлении нам войны Австро-Венгрией, после чего бригада начала погрузку для отправки в направлении на Люблин,- район сосредоточения 14 Армейского корпуса.

На этом можно было бы остановиться, так как первый период нашей мобилизации фактически был закончен и мы вступили во второй ее период, - период сосредоточения, но мне хочется рассказать еще случай, происшедший со мною во время стоянки в Варшаве.

При назначении нарядов гарнизонной службы на мою долю выпало дежурство в Военном госпитале. Не наряд, а благодать! Мои обязанности были обойти палаты два раза в сутки и это было все, что от меня требовалось. После ночного обхода можно было спать даже раздевшись; мягкая постель, чистое белье и хорошее одеяло,- какая роскошь после нескольких суток, проведенных по вагонам. Можно было воспользоваться душем или ванной, что я и сделал. Прибавив ко всему этому хорошую кормежку, нельзя не признать, что это был не наряд, а лафа! Смена происходила между 12 и 13 часами. Часов в 9 пришел вестовой и доложил, что Старший врач просит меня пожаловатьв канцелярию госпиталя в какую-то комиссию. Придя узнал, что это комиссия по переосвидетельствованию и я должен в ней присутствовать как представитель армии. Переосвидетельствованию подлежало всего трое призываемых. Первые двое, явно туберкулезные были совершнно негодны, а вот третий, прапорщик запаса, придя, вывалил целую кучу различных документов. Врачи их рассматривали, обменивались латинскими изречениями, потом передавали документы мне. Это были результаты различных анализов, в которых я мало что понимал, но кое-что стало понятным после объяснения врача, что эти анализы относятся к почечному заболеванию. Документы были за несколько лет и я обратил внимание, что с каждым более поздним анализом показатели всё уменьшаются,

а последний анализ был сделан в первой половине 1913 года. К какому заключению пришли врачи я не знаю, но старший врач спросил меня о моем мнении. Я указал ему на даты удостоверений и всё снижающиеся показатели в анализах и, наконец, подчеркнул, что последний документ от прошлого года, а в текущем году ни одного анализа не производилось,- значит состояние здоровья свидетельствуемого нормально. Обратившись к последнему, я спросил где он отбывал воинскую повинность и узнав, что в тяжелой артиллерии, со спокойной совестью признал его годным. Оказалось, что мое мнение, как представителя армии, было решающим и свидетельствуемый был признан годным.

В 1916 году как-то подходит ко мне артиллерийский поручик, здоровается как со знакомым и улыбаясь говорит: "Вы меня, конечно, не узнаете, но я вас хорошо помню" и рассказал мне все приведенное мною выше. "Ох, и ругал-же я вас тогда!" - "Ну, а теперь?" спрашиваю я. "Теперь искренне благодарю. Видимо постоянное пребывание на свежем воздухе, боевая обстановка, когда не думаешь о своей болезни, совершенно меня излечили". Мы приятельски распрощались.

Н.Страшкевич (4 вып.)

Ф а р м а с о н.

Посудите сами, други мои, - любого из нас уже двадцать раз выгнали бы из корпуса, а со Скворцовым, если и случится какая-либо неприятность, то его по-настоящему все-таки не выгоняют, а лишь деликатно переводят в другой корпус. Одни утверждали, что у него есть какие-то высокие покровители, другие, что его мать - чародейка, а некоторые, более просвещенные, таинственно шептали, что Скворцов - "Фримасон".

В те времена мы мало что знали о подобных высоких материях и, поэтому, Скворцов оставался для нас просто загадкой. Дима Лучанинов рассуждал более реально и коротко,- дуракам счастье. Может быть был он и прав, а может быть говорил он это просто из зависти, но, так или иначе, Скворцова окружала какая-то тайна и все мы как-то невольно уважали его и отчасти побаивались. Классные наши "острономи" высчитали, что если предположить, что Скворцов задерживается в каждом классе всего лишь на два года и, принимая во внимание, что никакие стены Российских кадетских корпусов не в состоянии выдержать его более 13 месяцев, то за свою тернистую кадетскую карьеру он должен был-бы объехать не менее десяти корпусов.

"Ну, куда ему там, такому партачу, десять корпусов"... с презрением заметил на это почему-то обидевшийся Лучанинов,- "я и то только в третий переводиться собираюсь..."

Но что там не говори, а математика - наука точная, неопровержимая, да и сами факты говорят за Скворцова. Вот вчера, например, приходит к нам в класс на урок французского языка временно заменяющая "отбывшего" к себе на родину "профессора" Броншена, учительница из женского института, госпожа Виноградова. Могучая молодая дама, говорят Донская казачка, строгая, голос как у унтер-офицера Протопопова, и все было у нас в классе чинно и благородно. Конечно, в корпусных аналах такого еще не бывало, чтобы баба кадета учила, но... пришла она и вышла, все как полагается, безо всякого ущерба для нас и для нее, если-бы... Скворцов не ухитрился приклеить ей сзади громадную надутую колбасу. Сбежалась по этому случаю вся рота и провожала госпожу Виноградову до самых дверей на лестницу. Выдержала казачка характер, не дрогнула, ни разу не обернулась, да и хорошо сделала, а то обязательно упала бы в обморок.

В инспекторской колбасу эту сняли и вскоре оттуда примчался к нам наш ротный командир. Начался разбор маневра,- я - не я и колбаса не моя... Но как Скворцов не выкручивался и не упирался, но ротный поволок его в инспекторскую. Положение нашего масона было незавидным.

"Пахнет жареным", задумчиво изрек Лучиш. И действительно, дела Скворцова обстояли скверно и даже не по той причине, что тоняге-кадету пришлось при всем "зверинце" унижено просить у бабы прощения, и даже не потому, что засадили его в карцер на целую ночь, а потому, что у него в этой четверти была уже четверка по поведению и, если за эту колбасную историю ему сбавят еще два балла, то останется лишь два по двенадцатибальной системе и сбавлять тогда будет уже не с чего. А как же жить дальше?... Ведь по корпусным правилам ниже двойки не сбавляют, а по-просту отправляют к "мамаше". Все это очень мучило Скворцова. Длинная ночь в холодном и темном карцере, на твердой койке, не освежили Скворцова. Не принесла ему душевного спокойствия и "жертва" карцерным мышам, которые слопали весь его ужин, состоявший из ломтя черного хлеба, и тотчас-же исчезли. "Неблагодарные твари", грустно шептал он. "Диму Лукаша они, неизвестно за что, больше любят и всегда развлекают его. Тоже и Клобукова, и Грешнера, и Кириченку, ну, словом, всех,всех, а меня никто не любит. И Скворцов чуть не расплакался. Но скоро физиономия его просияла и он стал даже улыбаться, вспоминая, как "француженка" проплывала по ротному залу с колыхающейся за ней колбасой. Адски это было шикарно!

Томительно долго протекали ночные часы и о многом, очень многом передумал Скворцов. Наверно в первый раз в своей жизни чутким ухом уловил он с радостью утреннюю повестку, доносившуюся из 1-й роты. К началу урока Скворцова выпустили из карцера. Он вернулся в класс и, сидя на последней парте, откровенно клевал носом. Дежурный по роте, наш отделенный воспитатель подполковник Иван Федорович Заустинский, сразу-же после второго урока разрешил нам пойти проветриться на пустующий в эту

пору плац 1 роты, потому что Закон Божий заболел и третьего урока у нас не будет. На дворе было свежо, но очень хорошо. Мы весело играли в лапту и городки, а маленький крепыш Марченко без передышки пробегал уже пятый раз вокруг громадного плаца, как кто-то крикнул, что Скворцов повесился...

И действительно, на верхней перекладине гигантского металлического сооружения со снарядами для гимнастики висел "фримасон" Скворцов. Повесился он, правда, не за шею, как вешаются обыкновенно все нормальные удавленники, а уцепился носками ног за перекладину и повис головою вниз. В один момент Лучанинов был уже в роте и взволнованным голосом докладывал дежурному офицеру о самоубийстве Скворцова.

"Как... почему повесился... где повесился..," испуганно завопил "Затыка" (так величали мы между собой нашего Ивана Федоровича),и бросился со всех ног за Лучаниновым. Очутившись у подножия "виселицы", около которой столпились кадеты, оба они остановились, едва переводя дух, и замерли,задрав кверху головы.

"Висит он, подлец, не по-настоящему, а убиться все-таки может", вероятно мелькнуло в мозгу "Затыки". "Слезай сейчас-же!" завопил он не своим голосом, "слезай немедленно,или я закатаю тебя в журнал!"

"И не подумаю", доносится с двухэтажной высоты решительный ответ. Заустинский позеленел и, топя ногами, вновь заорал:"слезай сию-же минуту, или я пошлю за директором!"

"Пошлите лучше за катафалком",- слышится сверху мрачный голос Скворцова. Иван Федорович оцепенел. Из его открытого рта не вылетело больше ни звука. Он ясно видел, что лицо Скворцова начинает наливаться кровью и что каждую секунду он может потерять силы, упасть и разбиться в лепешку.

"Ну, слезай, голубчик",- хрипло вырвалось наконец у воспитателя. "Слезай, друг мой, очень тебя прошу". "Побожитесь тогда, что меня из корпуса не выгонят",-несется сверху бодрый ультиматум.- "Да ты что, ошалел, наглец... да я тебя ... да я.." Губы у бедного "Затыки" задрожали и на глазах показались слезы. "Ну, хорошо, дорогой... хорошо... я обещаю тебе, только поскорей слезай!"

"Покорнейше благодарю, господин полковник!" И Скворцов, как обезьяна, ухватив себя за одну ногу, подтянулся, достал рукой за перекладину и через секунду сидел уже на ней верхом.

Все мы облегченно вздохнули. Как падающая звезда спустился Скворцов по вертикальному полированому шесту в самую середину нашей толпы и, улыбаясь, стал заправлять за пояс гимнастерку.

Подполковник Заустинский тяжелым шагом шел в ротное помещение и молча вытирал носовым платком вспотевшую лысину. Подойдя к дверям, он обернулся и крикнул: "Иди за мной, Скворцов"...

Дима Лучиш с любопытством поглядел им вслед и с завистью процедил: "Я-же всегда говорил, что дуракам везет. А все-таки он - тоняга". И, подумав немного, добавил: "А хорошо было бы и мне подучиться на носках висеть".

Н.Клобуков (6 вып.)

К статье "Из воспоминаний Бугского улана"

(Сборник № 17, стр.23)

С большим удовольствием и волнением, и благодарностью Сергию Константиновичу Наместнику, прочел я эту статью, так живо напомнившую мне еще лишний раз прошлое, Первую войну и нашу старую Императорскую Армию. Сердечно благодарю дорогого С.К.и особенно за его лестную мне оценку. Поводом этой статьи, как участник этого эпизода, хочу несколько дополнить или исправить то, о чем и сам С.К.пишет, что тут ему память изменяет. Прежде всего, должен заявить, что прикомандирование временно к пехотным полкам офицеров 9 кавалерийской дивизии было сделано без всякого распоряжения и без всякого давления "свыше". Это был первый и совершенно добровольный временный уход кавалерийских офицеров в пехоту. А также, в этот момент он был и единственным и неожиданным. О том, что это был добровольный переход в пехотную часть, совершенно определенно указано в приказе 8-й Армии № 418 от 18.4.1915 о награждении Георгиевским оружием. Затем, этот случай дошел до Ставки Верховного Главнокомандующего, откуда был доложен Государю Императору, который выразил Свое удовольствие и оценил дружескую спайку в нашей русской армии. Телеграмма Государя Верховному Главнокомандующему была в приказе по дивизии и полку, но, к сожалению, подробного текста ее я уже не помню, а копия, полученная мною, конечно, утеряна. Быть может я слишком подробно останавливаюсь на этом разъяснении, но это потому, что полагаю, что эпизод этот является лучшим доказательством абсурдности распространяемой нашей "интеллигенцией" идеи о, якобы, каком-то антагонизме в Императорской Армии между отдельными родами войск. Война показала, что никакого антагонизма не было. Перед Небесным и земным Престолами мы были едиными воинами одной Императорской Армии.

Но, во всяком случае, случай этот послужил началом для повторений, но уже, действительно, по распоряжению свыше, а не добровольно. В этом отношении примечание редакции верно. Помню один такой случай в июле 1915 года, когда пришло распоряжение выделить не то по одному, не то по два офицера от каждого полка нашей, полагаю и других, дивизии.

А вот как дело происходило в действительности. К вечеру какого-то из дней начала октября 1914 года наш Бугский полк расположился в одной

из деревень, как это и пишется в очерке. На другой день, рано утром, ко мне явился корнет Владимир Константинович Эггер, мой большой друг еще по Николаевскому кавалерийскому училищу, и поделился со мной своими мыслями по поводу такого временного прикомандирования к пехоте. Я, конечно, всецело поддержал эту идею и мы оба, не медля, отправились к Командиру полка полк.кн.А.В.Гагарину. Он нас выслушал, пришел в неописуемый восторг от этой идеи и немедленно стал действовать.

В то-же время весть о нашем появлении у Командира полка с такой идеей уже распространилась по полку и - Командиру посыпались просьбы от офицеров из всех эскадронов. Заработали телефоны от штаба к штабу. Вскоре из Штаба 8 Армии было получено одобрение Командующего нашему поступку и разрешение на прикомандирование, но только ограниченному числу офицеров. К этому времени уже и в остальных полках дивизии появились добровольцы.

К тем именам, которые упоминает С.К.Наместник, прибавлю еще вольноопределяющегося в то время, Бориса Сергеевича Пермикина, впоследствии генерала и героя Северо-Западной армии ген.Юденича. Действительно, очень храбрый человек, студент СПБ университета и участник Болгаро-турецкой войны 1912 года, он тоже был с нами в 76 пехотном Кубанском полку. Был еще командирован полковник Григорий Григорьевич Чертков, Кавалергард, прикомандированный к полку, но он дальше штаба пехотной дивизии, кажется, не попал.

К вечеру того-же дня мы были уже в штабе 19 пехотной дивизии, а на следующий день рано утром отправились на позицию 76 пех.Кубанского полка, которая тянулась в непосредственной близости Седлисской группы фортов крепости Перемышль. Придя в полк мы застали Командира полка полковникова Терехова, адъютанта шт.кап.Зурина и двух прапорщиков из только что произведенных фельфебелей. Это был весь офицерский состав, весь полк был сведен в 8 рот. Я получил в командование 15 роту, соединенную с 16-ой. Окопы этой роты, рытые под огнем противника, были неполной профили, без проволочного заграждения и ходов сообщения. Австрийцы против нас были выше нас, по опушке леса и не далее 150 шагов. Не буду описывать все действия, как наши, так и противника, - всем нам это понятно. Было грозно. Особенно, когда роту Эггера и мою сдвинули ближе к шоссе из Перемышля на восток, перерезывавшее нашу позицию, с самым строгим приказанием ее не сдавать и австрийцев не пропускать. Были сведения о том, что они готовят наступление в этом месте. Действительно, вскоре начались атаки австрийцев и днем и ночью, чтобы прорваться по шоссе. Местность в сторону от шоссе была сильно пересеченной, с оврагами.

Ну, что-же! Было тяжело, люди гибли. Было и страшно, страшно не исполнить приказания и пропустить австрийцев. К счастью, этого не случилось. Поредели сильно наши ряды, но Господь сохранил и меня и

Эггера, который был сильно контужен. Эти атаки продолжались с неделю, 7-8 дней у С.К.Наместника, когда противник, понесший также сильный урон, отошел на свои позиции. Пробыв еще несколько времени на позиции, полк был сменен 75 Севастопольским полком. Кубанцы снялись с позиции и походным порядком мы двинулись в тыл. По дороге узнали, что наша 9 кав.дивизия снялась со стоянок, а через день и мы получили предписания возвратиться в свой полк.

Пехотная страда для нас кончилась, но всегда с чувством глубокого удовлетворения вспоминаю эти тяжкие дни и с чувством гордости чту свое Георгиевское оружие, полученное мною, кавалерийским офицером, в рядах нашей доблестной Императорской пехоты.

С.Дриневич (6 вып.)

Мое пребывание на Французском фронте 1916-1918.

Генерал Ю.Данилов (бывший Генерал-Квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего) написал в 1933 году книгу "Русские отряды на Французском и Македонском фронтах 1916-1918" по материалам архивов Французского Военного Министерства.

Н.В.Главацкий, которому я преподнес эту кингу, прочтя ее, давно просил меня написать статью в нашем Суворовском журнале о моей разведке, произведенной в сентябре 1916 года и описаной в книге ген.Данилова.

Исполняю просьбу нашего Председателя.

В начале августа 1916 года прибыл я во Францию в составе 6-го Особого полка командиром роты 1-го батальона. Полк наш формировался в Челябинске и состял в большинстве из Сибиряков, за исключением трех рот, которые прибыли для формирования из Действующей Армии в полном составе и были разбиты по одной роте в каждый батальон. Состав полка: три батальона по 4 стрелковых роты и одна пулеметная (8 пулеметов). После двухмесячного формирования, наш 1 батальон и штаб полка погружены были в Архангельске 1 августа на французский пароход и через 13 дней плавания,под угрозой быть потопленными германскими подводными лодками, все время гнавшимися за нами, мы прибыли в г.Брест. На другой день мы выехали эшелонами в лагерь Майи, примерно 80 км.от фронта, где и пробыли полтора месяца, изучая премудрости позиционной войны на Западном фронте. В начале октября 1916 года наша бригада в составе 5 и 6 Особых пехотных полков выступила на позиции для смены 2-го Особого полка 1-ой бригады, прибывшей во Францию в конце апреля 1916 года.

Фронт состоял из одной укрепленной линии окопов, впереди которых на

100 метров было построено проволочное заграждение. Расстояние между нашими и германскими окопами было от 200 до 500 метров. В самом ближайшем тылу за окопами - множество сомкнутых укреплений - центров сопротивления на случай прорыва противника. Центры эти также были оплетены колючей проволокой. Обе линии окопов, первая и резервная, соединялись между собой, а также и дальним тылом, многочисленными глубокими ходами сообщения. Под брусверами на большой глубине были устроены крепкие и просторные убежища для защитников. Там в часы отдыха и смены шла нереальная, призрачная жизнь офицеров и солдат. Жилища эти французы, англичане и немцы старались обставить с возможно большим комфортом. Там можно было встретить и диваны, и кровати, кресла, шкафы и даже пианино, брошенные бежавшими из прилегающих деревень жителями. На соответствующих пунктах были установлены бронированые стальные башенки, в которых день и ночь часовые наблюдали за тем, что делалось в немецких окопах. На брустверах лежал непрерывный ряд ящиков с горючим материалом, зажигавшимся в случае газовой атаки.

В ближайшем тылу находились склады, богато снабженные всем необходимым для передовой линии: гранатами, ружейными патронами, пулеметными лентами, колючей проволокой, земляными мешками, турами, фашинами, металлическими рогатками, сигнальными ракетами и так далее. Все это по мере надобности можнл было быстро и удобно подавать по ходам сообщения в передовую линию. А для пополнения этих запасов, ежедневно с наступлением темноты, маленький поезд узкоколейной дороги подвозил необходимые запасы, а на обраном рейсе увозил раненых и убитых. Вот вкратце каков был Западный фронт по обоим своим сторонам,- союзнический и германский. На поверхности земли, на всем 600-милометровом пространстве, район фронта являл собой картину в высшей степени жуткую и страшную. Те, кто там был и сражался,- запомнили ее навсегда. Безлюдные, словно вымершие пространства, взрытая глубокими воронками земля, взорванные, нависшие обломками над водою моты, груды камней, следы сожженных и разрушенных артиллерией деревень, обуглившиеся черные стволы и пни деревьев, ни травы, ни куста, никаких признаков растительности,- все сожжено губительным ураганным огнем, волнами ядовитых газов...

Такова была картина ближайшего тыла фронта, когда наш полк прибыл на передовую линию в начале октября 1916 года, сменив 2-й Особый полк, занимавший этот участок фронта 4½ месяца.

Наша 3-я Особая бригада входила в состав 4-ой Армии генерала Гуро, составленной из лучших войск . Бригада имела назначение служить прочной связью между Соммской и Верденской группами и ни в коем случае не допустить прорыва, если бы германцы решили здесь нанести удар. Такая задача предопределяла позиционную форму борьбы

на этом участке фронта. В частности, действия двух Особых бригад должны были выразиться в исключительной бдительности и наблюдением за всеми действиями противника, в отражении попыток последнего проникнуть в наше расположение и в нанесении ему коротких ударов мелкими частями.

Осенью 1916 началось развитие газовой войны на Западном фронте. Из Штаба 4 Армии пришло распоряжение произвести глубокую разведку в расположение противника, чтобы разузнать о работах, которые немцы производили у себя по ночам. Слышался шум от земляных работ, лязг металлических предметов и слышно было, как по ходам сообщения грохотали ловозки и вагонетки. Командир полка выбрал участок моей роты и приказал мне подготовить и произвести глубокую разведку.

Я вызвал добровольцев от каждого взвода, их набралось 42 человека. В течении двух недель пришлось по ночам подготовлять маршрут и резать проволоку у себя и отчасти у противника так, чтобы он не заметил; глубина-же проволочных заграждений у нас и у немцев была до 100 метров и больше. Подготовив все и выбрав темную безлунную ночь, я с разведчиками 16 декабря безшумно вылез из наших окопов и мы поползли к немецким, скрываясь в складках местности, в воронках от артиллерийских снарядов. Наконец мы доползли до проволочных заграждений противника. Несколько человек выползли вперед. В руках у каждого были большие ножницы и, лежа, они начали резать проволоку внизу у основания кольев, царапая в кровь руки и отгибая в стороны оборванные концы проволоки. Медленно мы продвигаемся вперед. Резка проволоки продолжалась более двух часов. Слава Богу, конец! и моя партия разведчиков может двинуться дальше. Я ползу вперед и соскакиваю в немецкий окоп, за мной мои разведчики, у многих из них исцарапанные лица и руки, и порванные шинели...

Кругом - тишина! Я осматриваюсь: я нахожусь в большом, вполне законченом убежище, расчитаном не менее чем на 100 человек. Из убежища видны два выхода в корридоры, которые проходят под проволочным заграждением. Если бы я это знал,- не нужно было бы тратить время и усилия на резку проволоки. Мысль моя усиленно работала: без сомнения убежище это приготовлено для накопления здесь людей для какой-то предполагаемой атаки. Посредине убежища - большой грубый деревянный стол. На нем аккуратно уложены ручные гранаты. Один из моих разведчиков и пересчитал и насчитал до ста. Я приказал унтер-офицеру взять с собой несколько штук как образцы.

Обхожу кругом убежище и нахожу новый выход. Командую "вперед".Идем по тёмному ходу, - я впереди, разведчики за мной гуськом, у каждого в руках зажата ручная граната. Жуткий марш в неизвестность! Что там у выхода? Пройдя таким образом шагов 40, я останавливаюсь: передо мной такое-же убежище и при слабом свете фонаря копошатся рабочие. Германские солдаты работают быстро и молча: мелькают лопаты, кирки, топоры;

стоит наполненная землей тачка; направо в углу мелькнуло лицо германского унтер-офицера. При виде всего этого я бросаю первую гранату, за мной вся группа разведчиков бросают свои. Потухли разбитые фонари. Крики, стоны. Слышу проклятия, немецкие ругательства...

Я командую "назад!" Моя задача выполнена, ввязываться в неравный бой да, вдобавок, в окопах противника, нет ни смысла, ни необходимости. Добытые ценные сведения доставить своему начальству надо как можно скорее, возвратиться тем-же путем в свои окопы.

Вернулся я со всеми своими разведчиками в наши окопы поздно утром и послал донесение в штаб полка. Командир 17 корпуса генерал Дюма, куда входила наша бригада, получив донесение и прочитав его, делает заключение, что неприятель тщательно подготавливается к неожиданной атаке нашего сектора сравнительно крупными силами и делает заметку: "Организация нового наступления".

Теперь ясно вставала необходимость добыть более полные сведения. Новый поиск был назначен на 18 декабря, но уже в более крупных размерах и с артиллерийской подготовкой.

В 7 ч.40 м.утра, смело и лихо, из русских окопов вышли две полуроты нашего 6 Особого полка. Дошли до брешей. Загремело "ура". Немецкая проволока осталась позади. Наши бросились в немецкие окопы. Германская пехота нас ожидала. Начался бой ручными гранатами. Натиск был настолько стремителен, что немцы не выдержали и разсеялись. Наши солдаты бросились в убежища, открытые мною два дня тому назад. Германские солдаты встретили русских градом ручных гранат. Ожесточенный бой длился, однако, не долго. Убежище было завалено трупами защитников. Неприятель начал приходить в себя, по ходам сообщения спешили сильные подкрепления. Немецкие батареи стали стрелять по пространству между окопами и по нашим позициям.

Отбиваясь, разведчики стали выходить из неприятельских окопов, стремясь в спасательные бреши: падают офицеры, солдаты, ранен наш полковой священник; но самое трудное впереди: надо пройти поражаемую артиллерией и пулеметами междуокопную зону. Но вот тот, кто уцелел,- дома. Главное сделано. Сведения, необходимые высшему командованию, добыты, хотя и дорогой ценой: убито 2 офицера и 8 солдат, ранено 42.

Командир корпуса ген.Дюма был восхищен доблестными действиями русской пехоты и, заканчивая свой приказ, писал, что только "замечательное и энергичное действие русской пехоты" позволило выполнить этот маневр.

С.Бугославский (9 вып.)

От редакции. За такую лихую вылазку наш Генеральный секретарь С.В.Бугославский был награжден высшим французским военным орденом "Croix de Guerre" и в приказе по корпусу был описан его подвиг.

Русские солдаты.

Я глубоко верю в то, что есть какие-то силы потустороннего мира, которые руководят нами, нашими поступками; мы говорим "судьба" и успокаиваемся на этом. Не сам ли великий Суворов отмечает своих Суворовцев и не является ли он нашим заступником перед Всемогущим?

То, чего я не могу забыть и никоим образом не могу приписать самому себе, своему сознательному решению в целях удовлетворения чувства гордости или тщеславия,- это два случая в моей жизни, когда я поступал экспромтом, ни минуты не колеблясь и не задумываясь о последствиях.

Роковой 1917 год. Наша конно-горная батарея в составе спешенной 7 кавалерийской дивизии находилась повзводно на позиции в глубине Карпат, в стране "гуцулов", очень красивых людей славянского племени, на самой венгерской границе.")

Командуя 1 взводом, я получил телефонограмму об отречении Государя Императора от престола и приказ осведомить об этом своих людей.

Взвод выстроен, - читаю манифест Государя. Не успев закончить его, я увидел, что мой строй расстроился, люди окружили меня, взволнованные и ошеломленные слышаным, посыпались тревожные вопросы; чувствую их растерянность и, к моему удивлению, вижу, что некоторые украдкой вытирают слезы. Как могу, успокаиваю людей, говоря, что если Государя больше нет, то все-же остается родина и ей мы должны служить и защищать ее. Однако, слышу ответ: "Нет, Ваше благородие, раз Царя нет, то таперича погибла и Россия!" Это были пророческие слова из подсознательной глубины русской души, простолюдина, рослого красавца-сибиряка, при общем согласии. Вскоре был получен приказ - собраться всей батарее для присяги Временному правительству.

Вследствие того, что я категорически отказался принимать такую присягу, то, к своему удивлению и удовольствию, я получил командировку, как офицер-инструктор с боевым опытом, в Запасный конно-артиллерийский дивизион в г.Орел. Приехав попрощаться со своим взводом, я даже расстроился, встретив, неожиданно для себя, такой горячий прием со стороны солдат. Меня качали под "ура" и на руках поднесли к моему коню. Такие-же сердечные проводы были сделаны мне и солдатами 2 взвода (моего друга, Суворовца Мронговиуса),- то-же качание под громкое "ура".

В Орле попадаю во вновь сформированный отдельный конно-горный взвод. Как-то вскоре после приезда, я опоздал на занятия чуть-ли не на час после весело проведенной ночи. Я буквально влетел в канцелярию взвода и так и замер в дверях. Даже сердце сжалось при виде странной картины:

") Против венгерского города Керешмезэ. Прим.редакции.

командир взвода, милейший и благовоспитаннейший капитан, человека 4 - 5 офицеров, вахмистр и дежурный ст.фейерверкер встретили меня гробовым молчанием. Собравшись с духом, я только что хотел найти какое-нибудь оправдание своему опозданию, как командир буквально ошарашил меня, сказав, что взвод отказывается выйти на занятия.

С одной стороны, у меня сразу отлегло от сердца, с другой-же вся кровь ударила мне в голову и, не теряя ни секунды времени, я заявил командиру, что выведу взвод на занятия. Чувство стыда за всех присутствовавших офицеров и острая обида за командира, все это меня наэлектризовало, дало мне необычайную моральную силу и решимость. Командир привстал и с каким-то неопределенным жестом руки сказал: "Попробуйте". "Вахмистр и дежурный за мной!" приказал я, отстегнув кобуру Нагана, быстро спустился в казарму и резко открыл двери.

Моим глазам представилось следующее: низко стелется облако махорочного дыма, солдаты - кто сидит, кто лежит на нарах. Первому у двери лежащему солдату приказываю подать команду "встать, смирно". Тот, вскочив, заорал: "Встать, смирно!" Полным ходом, в сопровождении вахмистра и дежурного, прохожу между нарами и, обращаясь к вахмистру демонстративно громко приказываю выстроить взвод и мне доложить. После этого я спокойно выхожу видя, как люди вскакивают и, подтягивая пояса, быстро выходят из казармы. Через 5 минут взвод в составе около 200 человек был построен.

Перед строем я дал волю своему бешенству и без передышки гонял взвод пешим строем часа полтора. Однако, что меня опять удивило, это то, что на лицах многих солдат я увидел явное удовольствие. Дальше все пошло, как по маслу. Я был назначен старшим офицером, переменил расписание занятий, уделяя больше времени конному учению, делал большие проездки за город, скачки с препятствиями и так далее. С песнями мы весело возвращались в казармы. С этими-же людьми, по просьбе Начальника гарнизона г.Орла и по рекомендации командира дивизиона, я ходил по уездам Орловской губернии, разгоняя солдатские шайки, громившие винокуренные заводы. Все проходило без осложнений.

Много позже мне пришла в голову мысль, не был ли я многим обязан своему верному вестовому, давшему соответствующую аттестацию обо мне во взводе, бывшему со мной на фронте, с которым я распрощался уже в Новочеркасске. Сохраняя, как и мой младший брат Суворовец Виктор, полную форму, погоны и оружие, мы поехали в формируемую Добровльческую Армию.

Г.Рыбалко (10 вып.)

Последний ... 10-ый ускоренный.

Прием в Елисаветградское кавалерийское училище 1 октября 1917 года пополнился кадетами окончившими корпус весной и гражданской молодежью с законченым средним образованием. Первого-же октября юнкера 8-го ускоренного курса были произведены в корнеты, 9-й, перейдя на старший курс, стал "корнетами школы", а вновь поступившие на младший курс 10-го образовали собой традиционное "сугубство", в число коих, среди многих других Суворовцев, попал и я.

С той поры прошло много долгих, бурных лет, почти полстолетия, уже дымкой затянулось многое пережитое, но до конца дней будет всегда радостным воспоминанием как о родном Суворовском корпусе, так и о кратковременном, к сожалению, пребывании в Елисаветградском кав.училище.

Все мы тогда съехавшиеся в Елисаветград со всех концов необъятной России, (многие уже с известными трудностями из-за начавшейся революционной разрухи), еще заранее добровольно выбрали свой жизненный путь кавалерийского офицера и школу трудной подготовки к нему - Елисаветградское кавалерийское училище,- обвеянную легендами, так называемую "Славную Южную школу". И потому неудивительно, что, переодевшись в юнкерскую форму, смешавшись в двух эскадронах с опытными и строгими "благородными корнетами", мы образовали строй, который заметно улучшаясь не по дням, а по часам, очень скоро стал красивым и отчетливым.

Занятия и в "капонирах" и в манежах на плацу шли нормально; еще почти регулярно приходили юнкерам денежные переводы, успели многие уже переодеться в собственное обмундирование при помощи опытных Елисаветградских фуражечников, портных, сапожников, и приобрести новенькие портупеи, этишкеты, шпоры, "Владимирские пояса"... В обычное время всегда был открыт юнкерский буфет, попрежнему рядом с ним работала парикмахерская, отчетлив был "сборчик" юнкеров, проходивших мимо комнаты дежурного офицера рядом с приемной залой, где стоял наш штандарт... Уставшие от дневных занятий "сугубые" вечерами "доучивались" у "благородных" корнетов... Время шло и дождались незаметно "молодые" своего первого отпуска с неизменным посещением цирка и ужином у Коваленко на Дворцовой, но... Революционный угар все сильнее охватывал рабочих местного крупного завода Эльворти и распропагандированных солдат выздоравливающих команд и запасных частей, для которых стройный, дисциплинированный дивизион нарядных кавалерийских юнкеров являлся как-бы слишком режущим пролетарский глаз пятном, не соответствующм "освобожденным от порядка и закона" революционным толпам под краным флагом на всеобщем грязно-сером фоне...

Под давлением создавшейся обстановки, Начальник училища генерал Лишин юнкеров распустил в долговременный отпуск в конце ноября того-же

1917 года. Это было концом существования училища и, волею событий, мы, юнкера 10-го ускоренного курса, пробыв в Южной школе лишь два месяца, являемся последними Елисаветградцами - самыми младшими членами когда-то большой, но сильно поредевшей за прошедшие десятилетия, семьи.

За нами "сугубыми Десятого" и"корнетами" Девятого ускоренного курса закрылась история Славной Южной Школы.

С.Двигубский (12 вып.)

Утраты Объединений.

19 мая 1965 г.скончался в Брюсселе Суворовец 5 выпуска Андрей Петрович Крашенинников. По окончания Николаевского кав.училища покойный был выпущен в 1912 году корнетом в 16 уланский Новоархангельский полк. Выступив с полком на войну, он был ранен пулей в голову 16 августа 1914 г.у с.Дуб в Галиции. Возвратившись по выздоровлении в полк, он был снова ранен 28 апреля 1915 г. в правую ногу в бою у с.Чудов в Галиции. Дальнейшая служба покойного протекала в Офицерской Стрелковой Школе и Военно-автомобильной, после которой он продолжал боевую службу в 43 броневом автомобильном.отряде. В гражданской войне покойный участвовал в 3-м танковом отряде и в строю своего Новоархангельского полка в составе дивизии ген.Барбовича.

26 января 1966 г.в Соединенных Штатах скончалась Ксения Федоровна Есипова, вдова Суворовца 9 выпуска А.М.Есипова.

21 февраля 1966 г. в США скончалась Татьяна Владимировна Лобан, вдова Л.М.Лобана, Суворовца 6 выпуска.

2 июля 1966 г.в Вашингтоне, США, скончался Николай Артурович Корьюс, Суворовец 13 выпуска.

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

Суворовцы в жизни общественной.

- Н.В.Главацкий выбран Председателем Правления Общества Галлиполийцев во Франции.

- С.В.Бугославский избран Председателем Союза Русских офицеров - участников войны 1914-1918 гг.на французском фронте, а также награжден медалью "Le Mérite Interallié".

- Н.М.Витте выбран Почетным членом-попечителем Союза Русских Инвалидов и Главным Правлением Союза награжден "Почетным знаком Союза 1 степени".

Приносим искренние поздравления нашим Суворовцам, отличающимся на поприще общественной жизни эмиграции.

Из военной печати.

Приводим статью, помещенную в журнале "Военная Быль" № 77, стр.44, под заглавием: "СУВОРОВЦЫ" - журнал Объединений кадет-Суворовцев. Издатель Н.В.Главацкий, редактор Г.М.Гринев. 1965 год.

В одном из первых номеров "Военной Были" мы уже писали о том огромном и, по истине беспримерном труде, который делает Объединение кадет-Суворовцев, издавая свой собственный журнал, посвященный исключительно внутренней жизни родного корпуса.

Двенадцать номеров этого журнала, переплетенных в один красивый том, лежат сейчас передо мною. Чего в них только нет! Богатейшее описание истории и быта родного гнезда, масса фотографий, схем, списки кадет по выпускам и отделениям. Когда вы перелистываете этот толстый том, перед вами встает вся жизнь этого молодого, но такого блестящего корпуса. Само содержание этого журнала, издание его в течение многих лет тяжелой эмигрантской жизни, показывают вам, дают почувствоавть дружбу и товарищескую спайку кадет-Суворовцев и, с глубоким сожалением, мы все прочли на последней странице Пасхального номера в 1959 году "Заключение" и "Осведомление" создателя и бессменного редактова журнала А.Н.Потапова, в котором он сообщал о невозможности для него продолжать дело издания и просил, буде не найдется ему продолжателя, посылать суворовские очерки и рассказы в "Военную Быль".

Но вот, прошло четыре года и в марте 1963 года, к общей радости всех любящих нашу родную военную историю, журнал "Суворовцы" возобновил свое издание, трудами нового Председателя Суворовских Объединений Н.В.Главацкого и под редакцией Г.М.Гринева.

В передовой статье № 13 проводится совершенно правильная мысль о том, что, кончая корпус, наш брат кадет нес с собой в училище и далее в полк или на корабль, дух и воспитание, полученные им в родном корпусе и потому - черезвычайно интересно проследить жизнь кадет-Суворовцев и по окончании ими корпуса. Как учились они в училище? Как служили в своих, ставших им подными, полках?

Однокашники дружно отозвались на призыв редактора. Вышедшие по сей день пять номеров журнала содержат богатейший материал по быту Российской Императорской Армии. Начиная с производства в офицеры, жизнь в полку в мирное время, начало первой мировой войны, появление в полках первых 17 и 18-летних пропорщиков и, наконец, мрачные и страшные картины гражданской войны, где доблестно участвовали многие отдельные Суворовцы.

Мне не хочется упоминать отдельных авторов. Все статьи, в равной мере, интересны и хорошо написаны. Содержание каждого номера делает честь его редактору. Нужно надеяться, что этот превосходный журнал - памятник родному корпусу - продолжится еще на многие годы и, таким образом, изучит и опишет всю жизнь Суворовского кадета - от поступления в корпус до окончания его жизненного пути.

А.Г.

Издатель:
N.V.Glavatsky.
6,rue Voisembert,
(92) Issy-les-Moulineaux,
F r a n c e.

Редактор:
G.M.Grinioff
2542 Kottingbrunn,
A u s t r i a.

Сборник.....

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парнж

"С У В О Р О В Ц Ы"

Сборник № 19.

Издание Обьединений бывшего Суворовского Кадетского Корпуса.

Октябрь 1967 года. П а р и ж.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От Председателя Обьединений..... 1,43

Выписки из Приказов Главного Начальника Пажеского, всех Сухопутных корпусов и Дворянского полка (1834-1840) В.Мещанинов..... 2

Год основания Петровского-Полтавского кадетского корпуса. Н.Главацкий..... 8

Итальянский и Швейцарский походы Суворова. С.Дриневич..... 9

Суворов и казаки. И.Акулинин..... 16

Конский спорт. А.Дориан..... 22

Мой родной полк. Н.Витте..... 26

Глеб Запольский. С.Грешнер. Б.Оношкович-Яцына..... 36

Шпаргалка. Н.Клобуков..... 37

Салоники. С.Грешнер..... 39

Мой брат в Елисаветградском кав.училище. К.Де-Витт..... 41

Отрывок воспоминаний. С.Двигубский..... 43

Утраты Обьединений..... 45

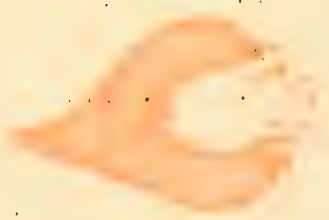
От редакции..... 21

Издатель:

N.V.Glavatsky
6,rue Voisembert,
(92) Issy-les-Moulineaux,
F r a n c e.

Редактор:

G. Agrinioff
2542 Kottingbrunn
Austria



ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

МИЛЫЕ СУВОРОЧКИ И ДОРОГИЕ СУВОРОВЦЫ!

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ПРАЗДНИКОМ РОДНОГО КОРПУСА, ШЛЮ ПОЖЕЛАНИЯ ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ.

СМЫКАЮТСЯ РЯДЫ СУВОРОВЦЕВ, НО ЧУВСТВО СПАЙКИ И ДРУЖБЫ, ЗАЛОЖЕННЫЕ НАШИМ КОРПУСОМ, КРЕПНУТ.

СЛАВА ВАМ!

В этом году мы празднуем юбилей пятидесятилетия окончания Корпуса двенадцатым выпуском и, так как это последний юбилей, то к нему примыкают и те кадеты, которые были в корпусе в это время и, по обстоятельствам от них не зависевшим, его не кончили:

Д.И.Атряскин-Нейман, А.Т.Венсович, Л.Н.Гемпель, С.Г.Двигубский, Н.М.Замайский, Д.А.Камнев, Б.С.Лютомский, М.Н.Полторацкий, Г.Е.Пухтаевич, А.К.Решетников, И.Л.Рутиловский, Г.Г.Стрельбицкий, П.Ф.Субботин, В.В.Траубенберг, Ф.Г.Цевловский и В.Н.Черноглазов,

приветствую Вас с Вашим полувековым юбилеем, последняя Суворовская стая, вылетевшая из родного гнезда сразу в страду гражданской войны и понесшая в ней огромные потери...

Вы - самые молодые и, конечно, многие из Вас возвратятся в воскресшую Национальную Россию. Передайте же там молодому русскому поколению все то хорошее, чистое и благородное, что Вы впитали в себя в нашем незабвенном Корпусе.

БОГ ВАМ В ПОМОЩЬ!

Н.Главацкий.

ПРИКАЗЫ ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ПАЖЕСКОГО, ВСЕХ СУХОПУТНЫХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ И ДВОРЯНСКОГО ПОЛКА.

Приводимые ниже выдержки из приказов Великого Князя Михаила Павловича, Главного Начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка (1825-1849) любезно предоставлены нам В.И.Мещаниновым, офицером Лейб-Гвардии Семеновского полка.

От 30 Ноября 1834 года, № 20.

Вчерашняго числа у развода в Высочайшем присутствии, во время Церемониальнаго марша, караул Дворянскаго полка, когда Государю Императору благоугодно было осчастливить оный изъявлением Высочайшего Своего удовольствия, не слыхал Милостивых слов Его Величества и не отвечал: "рады стараться".

Первейшая обязанность каждаго, находящагося во фронте, есть неослабное внимание к приказаниям или замечаниям своего Начальника, а тем паче словам своего Государя, почему за невнушение означенному караулу сей обязанности, делаю ближайшему Начальству полка строгий выговор.

Поставляю также на вид сему же Начальству неровное держание на плече, тем же караулом ружей.

От 17 Декабря 1834 года, № 27.

Вчерашняго числа Ординарцы и Вестовые от Военно-Учебных Заведений были представлены Мне все более или менее не в надлежащем виде, а именно:

От роты Гвардейских Подпрапорщиков: подходили не развязно и не с должною ловкостию.

От Пажескаго Корпуса: подходили суетившись и очень скоро.

1-го, 2-го и Павловскаго Кадетских Корпусов: были одеты неловко и, сверх того, на Ординарце и Вестовом 2-го Корпуса дурно пригнана была аммуниция, а Павловскаго Корпуса Ординарец подходил с каким то жеманством и дурно на нем был надет галстух; у Вестового же не было осмотрено ружье и шомпол из онаго вывалился.

Главнаго Инженернаго Училища: на марше перегибались всем телом назад.

У Вестового Артиллерийскаго Училища, при надевании ранца, оторвался левый плечевой ремень.

Поставляя все сие на вид ближайшему Начальству означенных Заведений, предписываю: командующих ротами: Его Императорскаго Величества 1-го Кадетскаго Корпуса, Имени Моего 2-го Кадетскаго Корпуса, Командира Гренадерской роты Павловскаго Корпуса и Отде-

леннаго Офицера Артиллерийскаго Училища, коими означенные Ординарцы и Вестовые были представлены арестовать: первых трех на один день при Заведениях, а последняго, с содержанием на гауптвахте на три дня.

От 19 декабря 1834 года, № 28.

Производятся по экзамену в 18 день сего же Декабря из Дворян Дворянскаго полка в Прапорщики

в полки Лейб-Гвардии:

Ребиндер - в Литовский и Груздев - Семеновский.

п.6.

По случаю наступления в скором времени поста Рамазана, учрежденнаго по обрядам Магометанской Религии, предписываю за отсутствием Эффендия Лейб-Гвардии Кавказско-Горскаго полуэскадрона, допустить к малолетним Горцам, воспитывающихся в подведомственных Мне Военно-Учебных Заведениях, здешняго Гражданскаго Муллу Торхана Абдула Вахида Сулейманова и его помощника Муллу Мухамеда Хантемирова, для отправления Богослужения по их Религии.

От 22 декабря 1834 года, № 30.

Третьяго дни, Я посетил Павловский Кадетский Корпус перед вечерними классами и всем Мною виденным остался, как всегда, совершенно доволен.

Приветливость, добродушие и откровенность со Мною детей доказывают, что достойный Директор сего Корпуса, составленнаго большей частию из круглых сирот, вполне постигает милосердныя намерения Государя Императора и, заменяя им отцов, коих они лишились, дает воспитанию их направление семейное, каковое, может быть, не многие бы из них вне Корпуса получили.

От 31 Декабря 1834 года, № 34.

п.5.

Вчерашняго числа из представленных Мне Ординарцев и Вестовых Я остался не доволен: Ординарцем Пажескаго Корпуса, подходившим весьма неловко, неразвязно и на каблуках, Вестовым Инженернаго Училища, на коем как аммуницию, так и, в особенности, кивер были пригнаны без надлежащаго осмотра и Ординарцем Училища Артиллерийскаго, не умевшаго надеть ранец...

При беглом шаге Я остался доволен только караулами Школы Гвардейских Подпрапорщиков и Пажескаго Корпуса; протчия же Военно-Учебныя Заведения, все без изъятия, заставляют Меня заключить, что они к шагу сему вовсе не были приготовлены и потому пробежали совершенно без такта, без дистанций и без равнения, а Дворянскаго Полка, сверх того, с каким то жеманством, солдату не приличным.

Все сие, поставляю на вид ближайшему означенных Заведений Начальству, тем более, что Заведениям еще в начале недели было известно, что вчера назначили караул от Лейб-Гвардии Финляндскаго полка, почему Начальство Заведений должно было в особенности заняться приготовлением караулов к беглому шагу. Отделеннаго же Офицера Артиллерийскаго Училища предписываю арестовать при Училище на одни сутки.

От 7 Генваря 1835 года, № 37.

Формы обмундирования всех Корпусов.

a) Мундиры, темно-зеленые с красными воротниками, красными обшлагами и клапанами на руках и темно-зеленою вокруг воротников, обшлагов и клапанов опушкою; сверх сего Столичным Корпусам, как то: 1, 2, Павловскому и 1 и 2 Московским галун на воротнике, клапанах и обшлагах рукавов по цвету пуговиц; прочим же Корпусам таковой же галун только на клапанах рукавов.
b) Пуговицы на мундирах, шинелях и куртках желтыя с Государственным Гербом.
c) Шинели - серыя, с красными воротниками.
d) Брюки при мундирах зеленыя с красною выпушкою, а при куртках серыя без выпушки.
e) Куртки - темнозеленыя с красными воротниками, но с зелеными на рукавах обшлагами без выпушки.
f) Кивер - с Гербами, по ныне существующему образцу, то есть с Государственным Гербом в полукруглом сиянии.
h) Погоны на мундире, куртках и шинелях:
1-го Кад.Корпуса - Красные с желтою надписью "1 К".
2-го " " - Белые с желтою надписью "2 К".
Павловскаго Кад.Корпуса - Синие с желтою надписью "П.К".
Новгородскаго гр.Аракчеева Кад.Корпуса - зеленые с красною вокруг опушкою и желтою надписью "Г.А".
1-го Московскаго К.К. - красные с белою вокруг опушкою и желтою надписью "1 М".
2-го Московскаго К.К. - белые с красною вокруг опушкою и с желтою надписью "2 М".
Тульскаго К.К. - синие с белою опушкою и желтою надписью "Т.К".
Тамбовскаго К.К. - зеленые с белою опушкою и желт.надп."Т.К."
Полоцкаго К.К. - красные с синею опушкою и желт.надписью "П.К".
Казанскаго К.К. - белые с синею опушкою и желт.надп."К.К".
Киевскаго К.К. - синие с красною опушкою и желт.надп. "К.К".
Полтавскаго Кадетскаго Корпуса - зеленые с синею опушкою и с желою надписью "П.К".

От 12 Февраля 1835 года, № 53.

Государь Император, узнав, что ложи Александринскаго театра были на представлении 10-го сего Февраля разобраны, по приказанию Моему, подведомственными Мне Военно-Учебными Заведениями для отличнейших и в том числе преимущественно для неимущих здесь родственников, воспитанников, Всемилостивейше соизволил Мне, в день означеннаго представления, повелеть: поместить воспитанников и в Собственную Его Величества ложу, каковая Высочайшая воля и была Мною исполнена.

От 11 Апреля 1835 года, № 69.

Производятся по экзамену из Кадет 1-го Кадетскаго Корпуса в прапорщики в полки Лейб-Гвардии
Ганецкий 2-ой – в Финляндский.

От 22 Апреля 1835 года, № 72.

Вчерашнего числа у развода в Высочайшем присутствии, прикомандированный к Дворянскому полку поручик Тобольскаго пехотнаго полка Аргамаков при прохождении церемониальным маршем по-взводно мимо Государя Императора, отсалютовал шпагою Его Величеству на скором шагу...

Поручика Аргамакова, за совершенное незнание своего дела арестовать впредь до приказания, с содержанием на гауптвахте. Вчерашнего же числа караул от 1-го Кадетскаго Корпуса при прохождении церемониальным же маршем также по-взводно, вовсе не равнялся, за что делаю строгое замечание Директору Корпуса Генерал-Лейтенанту Годеину.

От 30 Апреля 1835 года, № 73.

Возводимый при Смольном Монастыре, Собор Воскресения Христа Спасителя, именовать Собором всех Учебных Заведений в С.Петербурге находящихся.

п.6.

Императорский Царскосельский Лицей, как по особенной цели, назначенной для него Правительством, так и по правам, предоставленным воспитанникам онаго при вступлении в Гражданскую службу – есть единственное в России Заведение, а по сему и прием в оный должен быть производим из молодых людей, совершенно того достойных и обещающих оправдать цель и благодеяния Правительства.

От 23 Мая 1835 года, № 83.

Его Императорское Величество на бывшем сего числа (15 Мая) в Высочайшем присутствии, учении Московскаго Кадетскаго Корпуса, заметив отличную исправность, устройство, точное знание своего дела

всех чинов и в особенности правильность, быстроту и порядок в разсыпном строю, за такое доведение сего Корпуса до желаемаго совершенства по части строевой, объявляет совершенную Свою признательность...

От 16 Июля 1835 года, № 91.
п.5.

Директор Московскаго Кадетскаго Корпуса Генерал-Майор Статковский донес мне, что вверенаго ему Корпуса 3-й Мушкетерской роты фельдфебель Лебедев, оказавший при произведенном годичном испытании весьма хорошие успехи в науках при отличном поведении, предназначившийся, вместе с протчими товарищами своими, к выпуску в офицеры в Артиллерию, добровольно от сего отказался, просит убедительно оставить его в Корпусе еще на один год, дабы усовершенствовать себя более в науках и на будущий год быть произведенным в офицеры с большими сведениями, каковое желание его и было исполнено.

О таковом похвальном поступке фельдфебеля Лебедева, имев счастие доводить до сведения Его Императорскаго Высочества и по повелению Его Высочества, приятным поставлю для себя долгом, объявить ему за сие от имени Его Высочества благодарность.

От 27 Июля 1835 года, № 92.

Производятся (22 июля) по экзамену из Камер-Пажей и Пажей Пажескаго Корпуса в полки Лейб-Гвардии, в прапорщики:
Перрен 1, Фелькнер, Батюшков - в Преображенский.
Рылеев и Скворцов 2-й - в Семеновский.

От 14 Июня 1835 года, № 87.

Офицеру, состоящему при Школе Гвардейских Подпрапорщиков и юнкеров, Лейб-Гвардии Финляндскаго полка штабс-капитану Барону Седеркрейцу, отправить отряд (Военно-Учебных Заведений) на привал.

От 23 Декабря 1835 года, № 113.

Московскаго Кадетскаго Корпуса кадет Николай Житков, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелению, предан Военному Суду, за нанесение Штабс-Капитану того-ж Корпуса Соколовскому тесаком ударов, с намерением лишить его жизни.

Военный Суд постановил:"подсудимого кадета Житкова, за вышеозначенное покушение и самое действие его на совершение смертоубийства, лишив звания кадета и Дворянскаго Достоинства, сослать в Сибирь в каторжную работу". Последовала Высочайшая Государя Императора конфирмация: "Житкова разжаловать в рядовые без выслуги и отправить на службу в Сибирские Линейные Батальоны, а в прочем быть по сему".

От 31 Декабря 1835 года, № 114.

Очередь осьмирядным ученьям, имеющим производиться для практических учений г.г.офицерам:

1-го Кадетскаго Корпуса от Л.Гв.Финляндскаго полка в манеже 1-го Кадетскаго Корпуса от 9 до 11 часов утра, наступающаго Генваря: 2, 11, 16, 25 и 30 чисел.

От 21 Генваря 1836 года, № 116.

Признавая существенно полезным, чтобы Законоучители и Духовныя лица Военно-Учебных Заведений более и более сближались с воспитанниками и примером своим, беседою и поучением развивали в них чувства христианской нравственности, поставляю им в обязанность, посещать воспитанников в рекреационное время, когда только досуг им сие дозволит и в особенности лазареты; по окончании же ужина и до отхода воспитанников ко сну быть ежедневно с ними.

От 10 Марта 1836 года, № 123.

Производятся по экзамену из кадет Павловскаго Кадетскаго Корпуса в прапорщики:
Карцов, Клауди, Поссиет и Богаевский - Л.Гв.в Семеновский полк.

От [illegible] 1838 года, № [illegible]
п.6.

Его Величеству благоугодно было утвердить, чтобы для лагернаго и корпуснаго употребления малолетние горцы имели фуражки как и у прочих кадет (но вместо зеленых синие),а в замен киверов белыя черкеской формы шапки к обоим мундирам.

От 23 Ноября 1838 года, № 225.

Государь Император, осмотрев сего числа (14 Ноября) Московский Кадетский Корпус, с состоящим при нем Малолетним Отделением и кадет сего Корпуса в баталионном строю, изволил найти Заведение это по всем частям в отличнейшем порядке и примерном устройстве. Его Императорское Величество, принимая во внимание, что при весьма ограниченном числе воспитанников, явившихся, при выпуске в нынешнем году, вообще из всех Военно-Учебных Заведений на испытание в Императорскую Военную Академию из одного Московскаго Кадетскаго Корпуса поступило в оную пять человек, с особенным удовольствием изволит считать это доказательством тому, что учебное образование в сем корпусе доведено до столь же удовлетворительной степени, как и образование нравственное и фронтовое, в примерном состоянии коих Его Величество лично изволил удостовериться...

От 25 Декабря 1839 года № 14.715 и
от 12 Генваря 1840 года № 270.

Воспитанника 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, сына Дагестанскаго мятежника Шамиля Демальдана, по не имению при этом Корпусе духовника Магометанскаго исповедания, для исполнения религиозных обрядов, перевесть в Александровский Кадетский Корпус.")

От 15 Февраля 1840 года, № 1933 и
от 4 Марта 1840 года, № 274.

Предназначеннаго к определению в 1-й Московский Кадетский Корпус малолетняго горца Амир-Хонзу, по неимению в означенном Корпусе духовной особы Магометанскаго исповедания перевесть в 1-й Кадетский Корпус.

От 6 Сентября 1840 года, № 293.

Кадет губернских кадетских корпусов, переводимых в Дворянский полк, для окончательнаго курса наук называть воспитанниками Дворянскаго полка и из списков губернских корпусов исключить вовсе.

ГОД ОСНОВАНИЯ ПЕТРОВСКОГО-ПОЛТАВСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

По оффициальным данным Корпус основан в Полтаве в 1840 году. Дата эта под сомнением, так как в Приказе Главного Начальника Пажеского и всех Сухопутных Корпусов и Дворянского полка от 7 Генваря 1835 г.№ 37 говорится о формах обмундирования корпусов, упоминается и Полтавский кад.корпус. В жизнеописании выдающегося малорусского писателя и почетного общественного деятеля эпохи начала 19 века Г.Ф.Квитко-Основьяненко (1778-1843) мы находим, что им основан в Харькове в 1812 году Институт для беднейших благородных девиц. Акт на открытии Института был подписан июня 1812 года, Институт же был открыт Г.Ф.Квиткой 10 сентября того-же года.

Дальше мы читаем, что позже, его же стараниями открыт был в Харькове кадетский корпус, переведенный потом в Полтаву.

Сопоставляя открытие Института в 1812 году и приказ от 1835 года, можно заключить, что дата открытия Полтавского корпуса больше приближается к 1812 году.

Н.Главацкий.

")Александровский малолетний кадетский корпус открыт в 1829 году, расформирован в 1857 году. Прим.авт.

ИТАЛЬЯНСКИЙ И ШВЕЙЦАРСКИЙ ПОХОДЫ СУВОРОВА.
(по швейцарским источникам).

Конец царствования Императрицы Екатерины Великой совпал с великими потрясениями, вызванными в Европе французской революцией. С 1792 года почти все монархические государства Европы во главе с Англией, Австрией и Пруссией, находившись в войне с молодой республикой. Но не имея успеха, союзники начали взывать к "монархической солидарности" Императрицы Всероссийской. Не желая ввязываться в новую войну, Императрица затягивала переговоры, чему способствовали собственные "польские дела". Но в конце 1795 года война с Францией казалась уже настолько неизбежной, что кн.Суворов отклонил сделанное ему предложение командовать войсками, двинутыми против Персии. В 1796 году началась организация (формирование) 50-тысячной экспедиционной армии, которую предполагалось двинуть под начальством фельдмаршала Суворова в Западную Европу. Смерть Государыни помешала этому предприятию. Император Павел отменил поход и отказался от коалиции. Но вскоре, однако, происки Австрии, а главное, захват французами острова Мальты, побудили Императора Павла ввязаться в эту войну с Францией.

Война должна была вестись на трех театрах: 1) в Голландии (экспедиционный корпус ген.Германа) совместно с Англией, под командой Герцога Иоркского; 2) на Средиземном море (флот Адмирала Ушакова) совместно с Англией и Турцией и 3) в Италии главными силами (Фельдмаршал Суворов) совместно с Австрией.

С кн.Суворовым в Италию предполагалось двинуть 65-тысячную русскую армию, имея уже на месте 86 тысяч австрийцев ген.Меласа. Кроме того, 85 тысяч русских войск находившихся в Западных инспекциях, были приведены в боевую готовность. Император Павел предоставил кн.Суворову полноту власти, но Венское правительство подчинило ему свои войска - условно. Суворов волен был распоряжаться австрийскими войсками на поле сражения, распределение же их на театре войны было в руках, в последней инстанции, австрийского Гофкригсрата (Придворного военного совета). Северную Италию занимала французская армия ген.Моро (58 тысяч, из коих около половины в гарнизонах крепостей). В южной Италии находилась другая французская армия ген.Макдональда, завоевавшая Неаполитанское королевство.

4 апреля 1799 года ") фельдмаршал Суворов прибыл в Виченцу и уже 8 апреля открыл кампанию, двинувшись на армию Моро. План Суворова заключался в уничтожении обоих французских армий порознь, сперва Моро, а затем Макдональда, и в овладении Северной Италией,

---

") Все даты по старому стилю.

где он предполагал устроить базу для похода во Францию.

Суворов шел левым берегом р.По, стремясь держаться ближе к Альпам. С ним было 40 тысяч человек, а 15 тысяч австрийцев оставлены были осаждать Пескару и Мантую.

16 апреля на реке Адда, у Кассино, Суворов атаковал армию Моро и нанес ей полное поражение,- французы (28 тысяч) потеряли 2500 убитыми и ранеными, 5 тысяч пленными и 27 орудий. Наш урон был 2 тысячи убитых и раненых.

Разбитый Моро отступил в провинцию Пьемонт и занял очень крепкую позицию, уперев фланги своей армии к крепостям Верона и Алессандрия. Суворов дал отдохнуть своим войскам в Милане. Малочисленная конница союзников (у нас - небольшое число казаков) плохо справлялась с разведкой и лишь 29 апреля Суворов получил верные сведения о Моро. Согласуясь с этим и ввиду слухов о движении крупных сил французов из Швейцарии на соединение с Моро, Суворов перевел свои силы на левый берег р.По и 5 мая выступил на перерез путям из Франции и Швейцарии в Северную Италию с тем, чтобы разбить двигающиеся подкрепления до их соединения с Моро. Кроме того, кн.Суворов надеялся этим своим движением выманить армию Моро с ее крепкой позиции - в поле.

Суворов пошел на Турин, столицу Пьемонта и главный узел сообщений в Северной Италии. Моро стал отступать на Геную, опасаясь вторичной встречи с Суворовым. 15 мая русские войска вступили в Турин и Алессандрию и, лишь тут, Суворов узнал об истинном направлении отступления Моро; он полагал, что французы отступят к провинции Савойя. Таким образом, вся Северная Италия была в течение одного месяца очищена от французов, сохранивших за собой лишь Геную и Ривьеру.

Тем временем вторая французская армия Макдональда спешила на выручку Моро. У Макдональда было свыше 30 тысяч, Моро же усилился до 25 тысяч и оба генерала должны были у Тортаны встретиться, куда Моро должен был итти от Генуи, а Макдональд шел на Лукку - Болонью и Пьяченцу.

Суворов мог сосредоточить против них у Алессандрии всего 34 тысячи, главным образом, русских войск. Таким образом, его армия была несколько сильнее каждой французской армии порознь, но значительно уступала их соединенным силам. Всего в Италии было до ста тысяч австро-русских войск, но Гофкригсрат, ставя на первое место не разгром живой силы противника, а овладение географическими объектами, ударжал две трети всех сил для бесполезных осад. Поэтому фельдмаршал Суворов решил разбить французские армии порознь. К этому времени армия Макдональда перевалила Аппенины и выходила на пути сообщения союзников.

4 июня в 10 часов вечера войска фельдмаршала Суворова выступили из Алессандрии навстречу Макдональду. Молниеносным маршем прошел кн.Суворов 85 верст в 36 часов, а утром 6 июня 1799 года на реке Треббии обрушился на Макдональда, совершенно не ожидавшего такого быстрого подхода главных русских сил и атаковавшего было на р.Тидона слабый австрийский отряд ген.Отта. В последовавшем четырех-дневном жестоком бою на р.Треббии (6-9 июня) армия генерала Макдональда была разбита на голову.

Этот блистательнейший из всех, какие знает история, форсированный марш является наиболее ярким применением Суворовского принципа: "голова хвота не ждет". Свыше половины всех войск отстала по дороге. Но Суворов жертвовал второстепенным - численностью в пользу главного - выигрыша времени. На заявление Багратиона, что у него в ротах не наберется и по 40 человек, великий полководец ответил: "А у Макдональда нет и двадцати!" К вечеру 6 июня удалось собрать до 15 тысяч против 19 тысяч французов (Макдональд разбросал свои силы), а 7 июня, несмотря на потери, на Треббии дралось уже 22 тысячи союзников против 34 тыяч французов.

8 июня бой достиг крайнего напряжения и русская дивизия ген. Швейковского, атакованная тройными силами, начала поддаваться. Московский гренадерский полк, будучи совершенно окружен неприятелем, повернул свою третью шеренгу кругом и так отбивался на две стороны"). Генерал Розенберг просил у Суворова позволения отступить. Фельдмаршал, бывший на своем наблюдательном пункте у скалы, показал на большой камень и сказал: "Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете? Ну, так и русские не могут отступать!". Когда с тем-же к нему явился Багратион, Суворов потребовал себе коня и поскакал к войскам. Французы были отброшены по всей линии, но вскоре они потеснили австрийцев Меласа. Мелас послал спросить Суворова куда отступать и получил ответ: "в Пьяченцу"(штаб Макдональда).

9 июня рано утром французы начали полное отступление. Сражение на Треббии окончилось полной победой кн.Суворова. Отступающих французов едва нагнали, их арьергард положил оружие. Наш урон - свыше 8 тысяч, французов - до 18 тысяч, из них 12 тысяч пленными. Захвачена вся артиллерия французов (60 орудий) и 7 знамен.

Пока фельдмаршал Суворов расправлялся с Макдональдом, Моро двигался на Тортону. Однако весть о сражении на Треббии заставила его 14 июня отступить в горы Ривьеры, где он соединился с остатками войск Макдональда.

Австрийцы не дали Суворову возможности воспользоваться блестящей победой на р.Треббии. Гофкргсрат запретил всякие действия до сдачи Мантуи, осажденной австрийским корпусом ген.Края. Целый ме-

---

") Георг.знамена "За взятие знамени у французов при реках Требии и Нуре, 1799 г." Прим.ред.

сяц прошел в вынужденном бездействии. Кн.Суворов был глубоко возмущен этой рутиной и злой волей и не скрывал своего возмущения. Его отношения с австрийским верховным командованием, бывшие и до той поры натянутыми, окончательно испортились. А между тем это бездействие и австрийская рутина дали возможность французской Директории довести свою армию в Италии до 45 тысяч человек. Новым главнокомандующим был назначен генерал Жубер.

Наконец 17 июля Мантуя пала и корпус ген.Края усилил 27 июля армию кн.Суворова,- и усилил во-время, так как уже 29 июля французская армия перешла в наступление. Дойдя до гор.Нови, Жубер увидел на равнине войска союзников. Он приостановил свое движение, колеблясь относительно дальнейшего образа действий. Эта нерешительность оказалась для него роковой.

4 августа 1799 года Суовров атаковал, разбил и рассеял французов, причем сам ген.Жубер был убит пулей в сердце, во главе своих войск. От глубокого преследования пришлось отказаться, чтобы не погубить недостатком пищи войска, так как австрийцы не доставили достаточного количества припасов, а страна была опустошена войной. Отоношения между союзниками испортились до такой степени, что их правительства решили впредь действовать обособленно. Русской армии надлежало перейти в Швейцарию, а австрийской оставаться в Италии. Австрийцы всячески торопили русских, но в то же время чинили препятствия на каждом шагу. Находившийся в Швейцарии эрцгерцог Карл выступил оттуда, не дожидаясь русских и оставил на произвол судьбы только что прибывший из России 30-тысячный корпус ген.Римского-Корсакова. Этот предательский поступок имел самые печальные последствия. Сама же австрийская идея об уводе русских войск в Швейцарию имела целью погубить там их вместе с Суворовым, а все победы Суворова в Италии приписать себе. Согласно раннему соглашению между союзниками, Суворов должен был подчиниться решению Гофкригсрата.

28 августа 1799 года Русская Армия, под командой фельдмаршала Суворова, собравшаяся в Алессандрии, выступила в новый "Швейцарский поход.

15/4 сентября 1799 года фельдмаршал Суворов из Алессандрии прибыл в Таверну, городок у подножия Альп. Отсюда ему дредоставлялось два пути для исполнения задачи, данной Гофкригсратом, то есть на соединение с корпусом ген.Римского-Корсакова: кружный в долину Верхнего Рейна и кратчайший - на Белинцону, С.Готард, долина реки Рейссы, к оз.Четырех Кантонов. По совету союзников-австрийцев Суворов избрал этот второй, кратчайший путь с тем, чтобы выйдя берегом озера на Швиц, действовать в тыл армии ген.Массена. Однако, австрий-

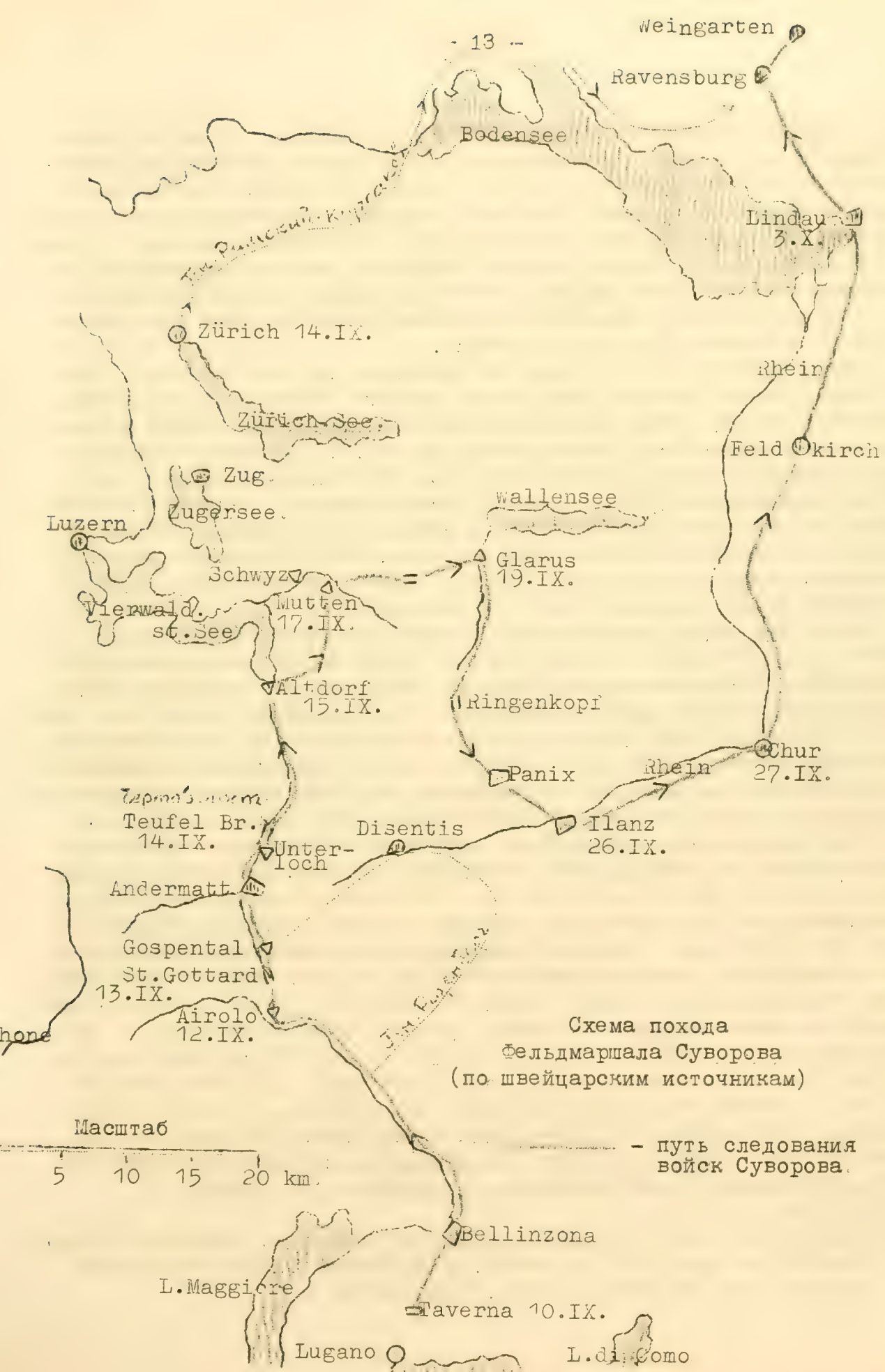


Схема похода
Фельдмаршала Суворова
(по швейцарским источникам)

цы, советовавшие фельдмаршалу выбрать этот путь, утаили от него главное: вдоль озера, в южной его части, дорог на Швиц не существовало и русская армия неминуемо попадала в тупик. Недостаток вьючных животных (мулов), доставка которых была обещана, но не исполнена австрийцами,- давал себя знать. Полевая артиллерия и обозы отправлены были кружным путем к Боденскому озеру. При войсках оставлены лишь полковые орудия, всего 25 горных австрийских пушек, но с русской прислугой. Всего у фельдмаршала Суворова было 32 батальона и казаки (20 тысяч человек).

23/12 сентября Армия вышла из Таверны и 24/13-го в бою у Сан-Готарда Суворов разбил французскую дивизию Лекурба и открыл себе дорогу в Альпы. 25/14 сентября у Чортова моста, на глазах пораженных ужасом французов, форсирована бурная Рейсса. 26/15 сентября Армия достигла озера Четырех Кантонов (Фирвальдштетенского) и здесь фельдмаршал Суворов увидел, что дальнейшее движение невозможно за отсутствием дорог. Армия сидела в мышеловке. Оставались только две горные тропы, выбора не было. 27/16 сентября русские войска совершили 12-часовой переход через перевал Рошток и 28/17 сентября Армия собралась в Муттенской долине.

Положение войск фельдмаршала Суворова казалось безвыходным: от Швица грозил Массена (только что разбивший при Цюрихе Римского-Корсакова, о чем фельдмаршал еще не знал); доступ в Клентальскую долину преграждала дивизия Милитора. Превосходство врага было тройным и ко всему этому присоединялись жестокая стужа, изнурение совершенно обносившихся войск. Итти назад на Рошток было немыслимо,- Армия погибла бы при этом отступлении, да и фельдмаршал Суворов на это никогда бы не согласился. Оставалось одно - итти вперед...

Если когда либо в военной истории перед каким либо войском со всей ужасной определенностью ставилась дилемма: победить или умереть, то это, конечно, случилось в Муттенской долине с горстью чудо-богатырей в те навсегда памятные и навеки славные сентябрьские дни 1799 года. Собранный фельдмаршалом Суворовым военный совет постановил: - вместо Швица итти на Гларус и Кенталь. На арьергард ген.Розенберга выпала трудная и почетная задача прикрыть этот маневр от армии Массена, начавшей уже от Швица спускаться в Муттенскую долину. Три дня: 29/18, 30/19 и 1 окт/20 сентября пел неравный бой в Муттенской долине этот геройский арьергард. Четыре тысячи, а затем семь тысяч русских - оборванных, голодных, изнуренных,- разгромили 15 тысяч солдат Республики. Сам ген.Массена едва избежал плена"). В этих боях французы потеряли 3 тысячи убитыми и ранеными, 2.200 пленными, 2 знамени и 12 орудий.

") Исторически верно. В руках гренадера Махотина, схватившего было Массену, не зная кто он такой, французский главнокомандующий оставил один из своих эполет. Прим.автора.

Тем временем главные силы Армии карабкались по обледенелым кручам, до тех пор считавшимся недоступными. 10 окт/20 сентября, сбив дивизию Молитора, Армия собралась в Гларусе, где выждала присоединение ген.Розенберга.

Здесь фельдмаршал Суворов узнал о поражении ген.Римского-Корсакова, при Цюрихе разбитого Массеной. У Корсакова было 30 тысяч, но он разбросал свои силы на обоих берегах Рейна и не принял элементарных мер предосторожности. Массена, имевший 35 тысяч сосредоточенным кулаком, разбил русских по частям, отбросил их после двух дневного боя в Цюрих и здесь совершенно доканал. Русские потери в этом деле - 18 тысяч, 26 орудий и 9 знамен. Урон французов - семь тысяч.

"ЗА КРОВЬ, ПРОЛИТУЮ ПОД ЦЮРИХОМ, ВЫ ОТВЕТИТЕ ПЕРЕД БОГОМ!" - писал Фельдмаршал Суворов австрийскому Эрцгерцогу Карлу.

От Гларуса началась самая трудная часть пути. Рингенкопф явился Голгофой этого изумительного похода. Поднялась снежная буря, проводники разбежались, войска двигались ощупью по козьим тропам над пропастями. Сотнями скатывались в бездну измученные, обессиленные люди. Артиллерию оставили у подножья этого перевала, устроив для заклепанных орудий в камнях и в снегу подобие могил...

6 окт/26 сентября Армия имела первый отдых в Паниксе, а 12/1 октября стала у Фельдкирха.

30/19 октября фельдмаршал Суворов привел свою Армию в Баварию. В строю после двухнедельного похода оставалось едва 15 тысяч, - 1600 было убито, разбилось и замерзло, 3500 - ранено. Здесь он получил от Императора Павла повеление вести войска в Россию, - союз с вероломной Австрией был расторгнут. За свой изумительный подвиг фельдмаршал Суворов был возведен в звание Генералиссимуса и получил титул Светлейшего Князя Италийского. Было повелено воздавать ему Императорские почести даже в присутствии самого Государя Императора.

Кампания 1799 года была последней и блистательнейшей кампанией Суворова. Никогда его гений не сиял так ярко, никогда он не был так велик, как в этот последний год своей жизни.

С.Дриневич (6 вып.)

Милых Суворочек и дорогих однокашников сердечно поздравляю с корпусным Праздником и шлю самые лучшие пожелания.

Не забывайте меня, посылайте результаты Ваших литературных трудов.

Г.Гринев.

СУВОРОВ И КАЗАКИ.

Основные начала суворовской "науки побеждать" - глазомер, быстрота, натиск - всегда были свойственны казакам. Казачий боевой порядок - лава была построена как раз на этих трех принципах и во всех войнах давала блестящие результаты. Суворов понимал казаков, ценил их природные свойства и умел пользоваться ими при всякой обстановке. "Казаки везде пролезут, их быстрота завершит победу",говорил он в своих поучениях. Часто накануне боя Суворов садился на казачью лошадь и в сопровождении казака-вестового выезжал вперед на рекогносцировку неприятельского расположения.

Казаки любили великого русского полководца и почитали его, как отца родного. Казачьи полки сопутствовали Суворову во всех его кампаниях. Во время семилетней войны в тылу русской армии Бутурлина, в Познани, действовал корпус прусской кавалерии Платена. Чтобы следить за ним и задержать его движение, был послан из д.Бук к г. Лансбергу какчий полк Туроверова, под командой Суворова, который в то время был в чине подполковника. Несмотря на более близское расположение, Платен не успел прибыть к Лансбергу. Суворов предупредил его: после молниеносного форсированного марша он неожиданно появился перед городом, сбил крепостные ворота и, ворвавшись внутрь цитадели, захватил мостовую переправу. Когда, вслед за этим, прибыли пруссаки, они только превосходством сил вытеснили казаков из Лансберга. Однако, Суворов не отступил. Сидя все время на плечах у неприятеля, следил за каждым его шагом. Усиленный вскоре полком Попова и гусарами Зорича, он произвел налет на пруссаков, прорвал их форпост, сбил передовые эскадроны, захватил пленных и лошадей. Действия недольшого отряда Суворова против целого кавалерийского корпуса являются образцом деятельности конницы.

Возьмем вторую турецкую войну 1787-90 г.г. В знаменитом Рымникском сражении (11 сентября 1789 г.), когда Суворов с 25-тысячным русско-австрийским корпусом разбил 100-тысячную турецкую армию,- участвовало два донских полка: Ивана и Григория Грековых. В разгаре боя, при атаке одного из турецких укреплений, казаки заскочили в тыл, где "порубили и покололи великое множество турок".

Суворов применял казаков не только в полевой войне, но и при осаде укрепленных пунктов. Особенно разительным примером с этой стороны является достопамятный штурм крепости Измаила (11 декабря 1790 г.),под стенами которой находилось до 12 тысяч казаков. Перед атакой крепости Суворов созвал военный совет, на котором произнес горячую речь и просил старших начальников высказаться, каким способом, по их мнению, лучше всего овладеть Измаилом.

"Штурм!" - громко заявил бригадир Платов, которому, как самому младшему, надлежало подать первым голос. Остальные члены сове-

та присоединились к нему. Суворов бросился на шею Платову и затем поочереди перецеловал всех присутствующих. Участь Измаила была решена. Штурмующие войска шли шестью колоннами с суши и тремя со стороны Дуная. Четвертую и пятую колонны составляли Донские казаки под командой своих бригадиров - Орлова и Платова, а в числе десантных войск, подплывавших к крепости на судах по Дунаю, находились Запорожские казаки полковника Головатого и бригадира Чепеги.

В войне с поляками в 1794 г.казаки принимали самое деятельное участие и сопровождали Суворова всюду. Боевые операции часто носили характер партизанских действий, в чем небольшие казачьи отряды были весьма искусны, проявляя всюду глазомер, быстроту и натиск. В первой схватке у Дивина, 3 сентября 1794 г.,передовой польский отряд был уничтожен казаками полностью. В ночь с 4 на 5 сентября бригадир Исаев с отрядом казаков в 800 человек напал на авангард поляков и рассеял его. Главные силы поляков, захваченные Суворовым врасплох под Кобрином, были разбиты на-голову одною конницей, так что к утру, когда прибыла пехота, Суворов спал крепким сном посреди казачьего бивака.

Не давая полякам опомниться, Суворов нанес им новое поражение: при Купчинцах он разбил 18-тысячный корпус Сераковского. В этом бою казаки, переправившись через болотистую реку Муховец, напали в тылу на неприятельский обоз и произвели там полное замешательство. Еще более решительная победа была одержана Суворовым под Брестом. Здесь войскам был дан отдых. Но казакам не пришлось отдыхать: Суворов выбросил их на разведку в сторону Варшавы. Разбившись на небольшие партии по 60-80 всадников, они рассеялись по всей стране и шныряя по разным направлениям, высматривали расположение польских войск, нападали на мелкие отряды, уничтожали склады и магазины. Казаки были ушами и глазами Суворова, сообщая ему о всех передвижениях противника.

В сражении под Мациевичами генерал-майор Денисов с шестью казачьими полками, десятью эскадронами кавалерии и четырьмя батальонами пехоты, перебравшись через леса и болота, ударил в левое крыло поляков в то время, как ген.Ферзен обошел их правый фланг. Поляки защищались отчаянно, но потерпели полное поражение. Сам главнокомандующий польской армией Костюшко, загнанный в болото, был взят в плен казаками из конвоя ген.Ферзена.

На поддержку русских войск, оперировавших в Польше под начальством Суворова, прибыли с Дона два полка - Грекова и Кутейникова, а из под Пинска - бригадир Дивов с тысячью казаков.

15 октября произошел бой под д.Кобылкой, где пятитысячный польский корпус ген.Майна был разбит на-голову. Благодаря пересечен-

ной местности, наша конница действовала здесь в спешенном порядке. Про бой под Кобылкой Суворов впоследствии при разговоре с французским эмигрантом Дюбокажем отозвался так: "Если бы ты был при Кобылке, то увидел бы то, что я никогда не видел!"

Во время знаменитого штурма Праги (24 октября) казаки шли в резерве штурмующих колонн и, по взятии наружных укреплений, мужественно дрались на валах предместья. После занятия Варшавы три тысячи казаков, в составе корпуса ген.Ферзена, были брошены для преследования отступавших по разным направлениям польских войск. Благодаря быстроте и натиску все польские отряды были рассеяны или взяты в плен.

Достоин замечания смелый поступок ген.Денисова. 7 октября, окружив корпус Ваврошеского, он с двумя сотнями поехал через расположение поляков, прямо к палатке польского главнокомандующего, где находились ген.Домбровский, Елкут и Нисславский, и приказал им всем немедленно отправиться в Варшаву. Те повиновались. Так произошла сдача остатков польских войск и война в Польше была закончена.

Казаки сопутствовали Суворову и в знаменитой Итальянской кампании 1799 года. Много было совершено славных дел и великих подвигов на полях знойной Италии и в горах Швейцарии. Русская армия, выступившая на помощь Австрии в неудачной для нее войне с революционной Францией, состояла из 30 тысяч пехоты и 7 тысяч конницы, в числе которой было шесть казачьих полков.

В незнакомой обстановке казаки быстро ориентировались и тактику революционных французских войск усвоили сразу; нового в ней для них, в сущности, ничего не было. Они поражали неприятеля, главным образом, быстротой действия и внезапностью появления там, где их не ожидали. В трудных обстоятельствах выручала казачья сметка. Все эти военные качества Суворов ценил высоко и пользовался казаками с большой выгодой.

О прибытии русских в Италии узнали 10 апреля 1799 года, когда полк Донских казаков под командой Поздеева, следуя в голове австрийской колонны барона Края, ворвался в город Брешиа. 13 апреля полки Денисова и Грекова 8-го захватили цитадель и город Бергамо, где были взяты пленные. 16 апреля, при переправе через реку Адду, три донских полка - Денисова, Грекова 8-го и Молчанова, двигаясь впереди авангарда, неожиданно напали на двухтысячный отряд французов и привели его в полное расстройство. При вступлении в Милан майор Молчанов 6-ой и старшина Миронов атаковали замок, захватив в нем пленных. Разбирая операцию на р.Адде, профессор Баскаков (терский казак) о действиях казаков пишет так:

"При переправе особенно отличились казаки. Подходя к Адде, они открыли неприятельские отряды в трех главнейших направлениях: на Леко, Касано и к стороне Лоди. Рассыпанные по берегу Адды, казаки

выяснили разбросанное положение французской армии. Командированные к правому флангу с авангардом к Леко, казаки обнаружили неприятельский отряд и о-бой с пехотой вели конный бой, а когда понадобилось для борьбы с цепью французских стрелков рассыпать также цепь, то для усиления пехотной цепи рассыпаны были также и казаки, которые на ряду с пехотой вели стрелковый бой. Вызванные от Леко для переправы у Сан-Джервазио, казаки быстро прибыли к пункту переправы. Переправившись во главе отряда у Трецо, казаки на западном берегу Адды обскакали французский сторожевой пост, отбросили французский батальон от Трецо, едва не захватили в плен самого французского главнокомандующего.

Обезпечив переправу союзных войск у Сан-Джервазио, казаки производили блестящие сомкнутые атаки против французской пехоты, только что прибывшей к месту переправы и сильно потеснившей австрийскую пехоту. Казаки отбросили наступавшую французскую пехоту, а затем опрокинули и французскую кавалерию, прискакавшую на помощь своей пехоте. После упорного боя, когда все войска за утомлением остановились у Трецо, Позо и Инцаго, казаки преследовали отброшенного неприятеля к Милану.

Во всех этих блестящих делах своих,- 26,27 и 28 апреля (по нов. стилю) - казаки забрали много пленных; 28 апреля казаки-же содействовали отряду Букасовича открыть заблудившуюся бригаду Серюрье у Вердерио и взять в плен эту бригаду, в то время как другая часть казаков 28 апреля по следам отступавших французов подошла к Милану, переколола немало французов, отбила запертые городские ворота, ворвалась в Милан, переколола много французов на улицах, загнала их в цитадель и сбложила цитадель, сторожа последнюю до прибытия своих войск."

"Вот образец работы деятельной кавалерии", говорит профессор Баскаков, характеризуя действия казаков на полях Ломбардии.

5 мая в сражении при Сан-Джулиано казаки Молчанова перекололи пиками французский эскадрон, а у реки Тапаро сбросили в воду полубригаду французской пехоты.

Во всеподданнейших донесениях Императору Павлу старый фельдмаршал с большой похвалой отозвался о действиях донских казаков, что казаки "низвергают пиками не только кавалерию, но и пехоту".

Наравне с князем Багратионом и Милорадовичем, Суворов упоминает заслуживающими особого Монаршего благоволения походного атамана Денисова и полковника Грекова.

6 июня Суворов узнал, что Макдональд, перейдя реку Тидоне, теснит австрийские авангарды к Кастель Сан-Джиованни. Старый фельдмаршал бросился к полю сражения с четырьмя казачьими полками, приказав авангарду князя Багратиона, а за ним и главным силам, спешить туда же. Он прибыл на место боя как раз в ту минуту, когда авст.

рийские передовые части, теснимые французами, отходили от Сармато. Быстро оценив обстановку, Суворов направил два казачьих полка с двумя австрийскими драгунскими против левого крыла французов по местности гористой и закрытой, а другие два казачьих полка – против правого крыла французской пехоты, наступавшей здесь по местности ровной, но пересеченной. Эти атаки казачьих полков с австрийскими драгунами задержали наступление французов, а там временем прибыла к полю сражения русская пехота, которая, надо заметить, не шла обычным походным порядком, а буквально бежала, изнемогая от жары под палящими лучами итальянского солнца. Так торопил Суворов свои войска, чтобы предупредить противника и разбить его по частям. Во Время самого боя на р.Тидоне, когда русская пехота с распущенными знаменами, барабанным боем и песнями атаковала дивизию Домбровского, казаки бросились во фланг и тыл неприятеля, врубаясь в его каррэ. Польская дивизия была опрокинута и отброшена за реку Тидоне.

В трехдневной битве при Треббии – 6,7 и 8 июня – полки Грекова и Поздеева, находившиеся под начальством князя Багратиона, первыми бросились на левый фланг Макдональда, а полки Семерникова и Молчанова, под начальством князя Горчакова, ударили во фронт и правый фланг французов, чем сдержали натиск на корпус генерала Отто до прибытия главных сил, спешивших к месту боя. На второй день боя Греков и Поздеев обрушились на левый фланг французского расположения, опрокинули его и захватили пленных и пушки.

После поражения французов при Нови 4 августа, казаки довершили разгром армии Жубера. Они устроили засаду и ночью "с ужасным криком" бросились на французский арьергард, произведя в нем полное смятение и беспорядок. Пленные, фуры и пушки стали добычею казаков. В числе пленных были генералы Периньон, Колли и Груши.

Победы Суворова в Италии, завершившиеся изгнанием французов из Ломбардии, возбудили зависть и страх австрийцев. Венское правительство решило убрать русские войска из Италии. Это привело к Швейцарскому походу. Суворов должен был перевалить через Альпы, чтобы соединиться с войсками Римского-Корсакова у Цюриха.

В виду сильно пересеченной и гористой местности, где совершенно отсутствовали сколько-нибудь сносные пути сообщения,- все тяжести с артиллерией и кавалерией были отправлены в Тироль. Лишь одни казаки, по словам старика, удостоены были чести разделить труды пехоты и участвовать в последних подвигах Северного героя, коими и окончилась жизнь его, преисполненная славы и побед.

Во время перехода через Альпы казаки несли разведывательную и сторожевую службу, вели бои, охраняли армию и сопровождали вьючные обозы. Недостающее количество мулов для вьюков было пополнено казачьими лошадьми.

При перевале через Сен-Готард казаки шли впереди корпуса генерала Розенберга и сбивали французские пикеты. В долине Муттенталь полковник Сычев со своими казаками двигался в авангарде князя Багратиона. Здесь казаки действовали, - смотря по условиям местности, где в конном строю, где спешенным порядком, гоня перед собою передовые части корпуса Лекурба.

Благодаря коварству и измене австрийцев, ушедших из Швейцарии, Массена разбил Римского-Корсакова, после чего обрушился на Суворова, предоставленного самому себе и запертого в горах.

Но гениальный русский полководец остался непобежденным. На снежных перевалах и в глубоких ущельях Альпийских гор русские чудо-богатыри под начальством Суворова проявили неподражаемые чудеса храбрости.

Когда при выходе из Муттенталя, Морье, командовавший восьмитысячным корпусом, напал на авангард князя Багратиона, донские генералы Курнаков и Денисов выручили нашу пехоту из тяжелого положения. Ген.Курнаков, отразив неприятеля на левом фланге, бросился с казаками вплавь через реку Муттен и сбил французов, засевших в лесу и на горах. Генерал Денисов, пробравшись лесом через горы, преследовал разбитые части Молитора в конном и в пеше строях.

"Швейцарский поход Суворова, - пишет генерал Головин, - представляет собою непревзойденный во всей мировой истории пример того, из какого совершенно безнадежного стратегического положения может выйти доблестная армия, предводимая полководцем с непоколебимым духом".

В составе этой доблестной армии при переходе через Альпы были и казаки. Суворов высоко ценил боевые качества казаков и взял их с собою в Швейцарский поход.

И.Акулинин.

"Луч Азии", Харбин, 1940 г.

От редакции.

Милых Суворочек и дорогих Суворовцев поздравляю с праздником Покрова Пресвятой Богородицы и шлю пожелания бодрости, здоровья и благополучия.

Т. Гринев

КОНСКИЙ СПОРТ.

"Чем лучше знаю я людей, тем
больше я люблю зверей..."

С самых ранних лет я чувствовал влечение и любовь к животным, первое место среди ни занимала лошадь,- к ней стремились все мои помыслы.

Судьба мне благоприятствовала: в корпусе я ходил в отпуск в семью полковника Волковицкого, командира дивизиона Л.Гв.3 Артиллерийской бригады. Каждый отпускной день я с Володей Волковицким (2 выпуска) брал уроки верховой езды у бригадного берейтора, окончившего наездниче ский отдел Офицерской кавалерийской школы. Это были самые лучшие часы нашей жизни,- наш учитель был страстным любителем своего дела и сумел передать это нам.

В классе, забираясь за доску с Митей Фельдманом (1 вып.), мы чертили манеж и всевозможные эволюции, горячо споря. Он всегда огорчался, что только на каникулах мог утолять свою страсть к езде, не будучи удовлетворен уроками, когда мы одевали серо-синие панталоны и шлю к уланам. Таким образом, кончив корпус я не только "осмысленно" ездил, но и имел уже представление о выездке, благодаря чему в Училище этот предмет был мне уже хорошо знаком.

В 14 Артиллерийской бригаде, стоянка г.Кишинев, я был все время заведывающим Ремонтной командой и отдался всей душой любимому делу. Пришлось преодолевать не мало трудностей: не было крытого манежа, батареи сплавляли в Ремонтную команду самый худший элемент и приходилось одновременно учить всадников езде и выезжать лошадей. Постепенно удалось преодолеть трудности: командиры батарей, убедившись в пользе, приносимой этой командой, начали посылать подходящих людей и в результате на смотру Инспектора ремонта генерала Глазенапа мы удостоились похвалы этого строгого и придирчивого ездока и знатока лошади.

Вместе с поручиком Георгица, 15 конной батареи, мы тренировали своих лошадей для скачек, а по выходе в лагерь в Тирасполе к нам присоединялся и Кадя Разумов (2 вып.) 8 драгунского Астраханского полка. В Тирасполе во время лагерных сборов были окружные скачки, а в Одессе каждую осень открывался сезон скачек: жокейские гладкие, рысистые бега, джентельменские гладкие и барьерные, где большинство ездоков были офицеры, так что "тотошники" были спокойны,- не будет "машинки". Скачки были два раза в неделю, в четверг и воскресенье, но мы могли принимать в них участие только по воскресеньям, - очень редко удавалось вырваться в четверг. Шансов на успех было у нас немного, так как мы не могли ежедневно тренировать лошадей. Джентельмены скакали или на своих лошадях или на лошадях предложенных владельцами. Отказываться было не принято по тради-

ции. Выигрыш получал владелец, а ездоку подносился подарок на память с приглашением на товарищеский ужин. Были у меня и победы и поражения; первых меньше, вторых больше, но прошло с тех пор более чем полвека и все почти уже невозвратимо исчезло из памяти. Вспомнил только несколько эпизодов.

В одно из воскресений я приехал на ипподром с утренним поездом. Подходит ко мне П.П.Уваров, джентельмен и управляющий конюшней гр. Брязи и предлагает проехать на "Сака-Папие" на двухверстной гладкой. Предложение это меня мало устраивало: по ногам этого старого скакуна можно было "читать иппологию"; я видел, что в работе он ходит тяжело,- ноги дают себя знать. Был прекрасный осенний день, но вот за несколько минут до нашего заезда разразился страшный ливень и на дорожке стояла сплошная вода. На лице Уварова читаю радость, старик - в полном параде: забинтован по всем швам и во всех направлениях. Началась скачка, пейс резвый, несмотря на грязь и воду. Я держусь в середине пакета и чувствую, что мой старик идет легко и охотно отвечает на посыл. После последнего виража при выходе на прямую я энергично его посылаю и выигрываю скачку на одну голову. Трибуна рукоплещет и беснуется,- "фукс" с большой выдачей. Играли его только Уваров и одна старая еврейка, большой знаток скачек и тотализатора. Он подошла ко мне, поздравила и сказала, что как только прошел дождь, она была уверена в победе.

А вот еще одно воскресенье: предлагает мне И.В.Лисаневич, владелец одной небольшой конюшни, проехать на "Амалиатричио" на полутораверстной барьерной скачке, первой в этом сезоне. Кобылицу я мельком видел в работе: ничего особенного. Владелец сказал, что она плохо дает садиться, а на кругу ведет себя прилично. Действительно долго я возился, пока не уселся. После второго фальшстарта пошли. Пейс умеренный,- смущают барьеры. Скачка растянулась; я стараюсь вести так, чтобы перед прыжком по возможности не было бы соседей. "Амалия" летит как стрела и каждом барьере выигрывает дистанцию, обгоняя соседей. Мы уже почти в голове, но после последнего препятствия на прямой нас начали настигать. Беру хлыст и выигрываю скачку на полголовы. Крики, рукоплескания: "фукс", выдача хорошая, Лисаневич в восторге.

Однажды в четверг мне удалось попасть на ипподром. И.В.Лисаневич предлагает "Амали" на двухверстную гладкую. Я соглашаюсь, но говорю, что нет никакого шанса на успех. Он отвечает,- "знаю, но записал ее потому, что все равно ей в этот день подходит на тренировке резвый галоп". В результате мы с "Амалией" приплелись в хвосте, что и надо было ожидать. "Амалию" сильно играли и негодованию не было предела, а моя еврейка, желая видимо меня утешить, сказала, показывая на галерку: "Они ведь ничего не понимают в скачках, им бы не играть, а чистить, таки-да, сапоги".

Как бы то ни было, но этот спорт меня очень увлекал.

Начавшаяся в 1914 году война прервала мои занятия конским спортом, а потом судьба занесла меня в Румынию, где я, как уроженец Бессарабии, поступил на военную службу и был назначен в Инспекторат ремонта Военного Министерства. В подчинении этого Инспектората находилось шесть военно-конских заводов, несколько приемных комиссий по покупке лошадей и центр дрессировки конских заводов, куда поступали купленные лошади и оттуда распределялись по воинским частям. За время пребывания в Инспекторате я успел выездить несколько лошадей "высокопоставленных лиц".

Через некоторое время я был переведен в постоянный состав Офицерской артиллерийской школы и артиллерийского училища в г.Темишоре на должность главного инструктора верховой езды. В артиллерийском училище был двух-годичный курс, по окончании которого юнкер производился в "суб-лекотенанты" (подпоручики) и отправлялся в часть, где служил год, а потом командировался в Офицерскую артиллерийскую школу для прохождения двух-годичного курса. За два года училища юнкер проходил полный курс верховой езды и попутно получал представление о выездке. В Офицерскую школу офицер являлся с полученной им из ремонта казенной лошадью, которую и работал во все время пребывания в школе. Казенно-офицерская лошадь в кавалерии и артиллерии следовала за офицером куда бы он не переводился, собственная же лошадь зачислялась на фуражное довольствие.

Занят я был с утра до вечера с перерывом в два часа, но работа была мне по душе и я был счастлив. Еще в Инспекторате я получил казенную лошадь-полукровку "Кармен", а потом приобрел чистокровную "Флориду" завода Маргеломана. Их я систематически работал отдельно и гоняя смены. Будучи председателем ремнтной комиссии в Банате, я купил для королевской конюшни трех молодых кобылиц "липицанов", англо-арабов очень высоких кровей. Двух мы погрузили в вагон для отправки в Бухарест, а третью, самую молодую, погрузить не было никакой возможности: она кусалась как собака, визжала от злости, била задом и передом и, как бешеная, бросалась на людей. Присутствовавший при этом генерал-инспектор ремонта в гневе хотел было ее пристрелить, но потом предложил ее мне, на что я и согласился. Много труда и терпения стоило мне и уборщику-венгру, любителю лошадей, чтобы приучить ее не бросаться на нас, когда мы входили в денник для уборки и седловки. Однажды, когда я чистил ее и зазевался, она схватила меня зубами, швырнула и стала топтать ногами. Уборщик не растерялся, вытащил меня за ногу из денника и, взяв щетку, продолжал чистку. Она сразу как-то присмирела и после этого укрощение пошло скорее. С большим терпением и кротостью выезжая ее, я отвечал настойчивостью на все ее сопротивления и постепенно все свечки, козля и лампады были побеждены. Последним ее со-

противлением было, что мы часами стояли с ней на одном месте, но, в конце концов, я добился того, что она дви лась. Тогда я останавливал ее, затем двигал вперед, опять останавливал, давал сахар и отправлял в конюшню. Это было последним сопротивлением, преодолев которое выездка пошла ускоренным темпом. Труды увенчались успехом: мы получили призы на конкурсе прессировки низшей и высшей степени. На конкурсе в Тимишоре мы "загремели" и "Мадонна" получила перелом правой передней. На трех ногах, благо было близко, я с ветеринаром привели ее в школьный лазарет. Там он ей поставил ногу в гипс и подвесил ее так, что задние ноги стояли на земле, а передние земли не касались. Так она мучилась шесть недель и, несмотря на питание, сделалась кожей и костями, но когда сняли гипс, то увидели, что кость срослась правильно и хромоты не было. Радость наша была огромной. Случай этот был описан в ветеринарном журнале и все большое ветеринарное начальство приезжало в школу ощупывать ее ногу. Даже при усиленной работе на эту ногу она никогда не хромала. На препятствия она шла не закидываясь, но дрожала, как осиновый лист, и я избегал прыжков на ней.

В июле и августе деятельность школы прекращалась,- юнкера и переменный состав Офицерской школы разъезжались. Я давно мечтал посетитьсвоих приятелей в Кишиневе и готовился к этому: со своим вестовым ежедневно работали мы лошадей и они были натренированы. В начале июля 1925 года мы тронулись в путь. Погода нам благоприятствовала, местность была живописной и самой разнообразной, богатая лесами и посевами. Начинали мы движение в 5 часов утра, чтобы до сильной жары придти на стоянку. В 20 дней мы проделали путь в 650 километров от Тимишора до Кишинева. Я сидел на Мадонне, а вестовой - на Флориде. Каждый ухаживал за своей лошадью, - мы были ездоки-спортсмены. В Лугоше, Сибиу, Фагараше, Брашове, Фокшанах и Васлуе останавливались в казармах, где нам был оказываем самый радушный прием. Остальные стоянки были в деревнях, где мы имели все необходимое: фураж, кров и еду. Без всяких приключений прибыли мы в Кишинев и пробыли там две недели, а затем таким-же порядком отправились назад и благополучно возвратились домой.

После первой мировой войны, когда спорт стал сильно развиваться, во многих городах Румынии образовались клубы верховой езды, членами которых были военные, штатские, дамы и барышни. В начале клубы эти были автономны и у каждого был свой устав, а потом они включились в федеральный союз и каждый год ими устраивались конкур-иппик по уставу этой федерации. Я был членом клуба в Тимишора и преподавал там езду. Участвовал в конкурах, организованных другими клубами, а потом был бессменным жюри на всех конкурсах. В Румынии была составлена особая экипа для участия в международных состязаниях, на которых майор Киркулеску и лейтенант Ранг получили главные призы.

Во время второй мировой войны клубы эти прекратили свое существование, а по окончании войны были образованы спортивные общества и только в некоторых из них в программу был включен конский спорт.
Армия перешла на механическую тягу и лошадь отошла в сторону.

А.Дориан (1 выпуска).

МОЙ РОДНОЙ ПОЛК.

Детско-кадетские воспоминания из давно прошедшего военного быта...

Думаю, что я имею полное право так назвать полк, в казармах которого я родился, крестили меня в полковой церкви, я рос и жил в полку до поступления в военное училище. Отец мой вышел в этот полк в 1888 году по окончании 2 Военного Константиновского училища и прослужил в полку до 1916 года.

Это - 70 пехотный Ряжский полк...

Название не ласкает слух: по уездному городу Рязанской губернии, один из многих пехотных полков. Казалось бы так, но старшинство полк имел с 1763 года, я с 1876 по 1882 год Шефом полка был генерал Адьютант Светлейший Князь Суворов Италийский, внук нашего Шефа. Из всех 334 пехотных полков (гвардейских, гренадерских, пехотных и стрелковых) было только 47 полков старше его и четыре были его ровесниками. Награды полка говорят об его заслугах: Георгиевские знамена за 1814 год и за переправу через Дунай у Галаца 10 июня 1877 года; за ту же переправу две Георгиевских сигнальных трубы; редкая награда, полученная в мирное время,- "гренадерский бой" во всех батальонах "за усмирение неповиновавшихся крестьян села Брасово Орловской губернии в 1797 году" и "Знаки отличия за 1854-1859 г.г.на Кавказе" во всех батальонах. С 1910 года стоянка в Седлеце.

Когда отец вышел в полк, то его "штаб-квартира" была в м.Ополе Люблинской губернии, к югу от Ново-Александрии. Часть полка была расположена по ближайшим селам. Из слышанных разговоров отца со старыми офицерами сохранилось в памяти, что несмотря на глухую стоянку, они не очень скучали,- ездили в гости в другие роты, ставили любительские спектакли... О несении службы вспоминалось меньше.

В начале 90-х годов в Польше была эпидемия холеры и уже ранней зимой Ряжские батальоны в г.Янове были выведены из казарм в чистое поле и расположились в палатках, с офицерами. Было уже холодно и все мерзли. Период этот продолжался недолго, заболеваний не было. Офицеры согревались и спасали себя от холеры водкой, настоенной на корне некоего растения "калган"[1]),так настойка и называлась -

---

[1]) По энциклопедии: лекарственный корень, встречающийся в Ост-Индии, Китае и Кохинхине;употребляется в пивоварении и медицине.Прим.ред.

"калгановка".

В период между 1893 и 1895 годами полк был переведен в только что выстроенные казармы, так называемые "инженерного ведомства". верстах полутора-двух от м.Красник той-же Люблинской губернии. Местечко это находилось в 45 верстах к югу от Люблина и было соединено с губернским городом хорошим шоссе, ведшим дальше к австрийской границе в гор.Львов, в 30 верстах от Красника. Стоянка - не блестящая для господ офицеров, но для нас, подрастающего поколения, там было отлично.

В этих казармах было расположено два батальона и все полковое хозяйство. Каждая рота была расположена в отдельной казарме, разделенной арками на 4 взвода, с отдельными комнатами для цейхгауза, канцелярии, фельдфебеля и вольноопределяющихся. Внешний вид - одноэтажные дома из бревен под железной крышей, с асфальтовыми полами, светлые, просторные. На батальон - такая же казарма - столовая с кухней. В одной из столовых - церковь. Были построены и отдельные здания для учебной команды, музыкантской, ординарцев и нестроевой роты, двухэтажный цейхгауз, лазарет в саду, околодок, хлебопекарня, швальня, оружейная мастерская, баня, конюшни, обозные сараи, пороховой погреб, офицерская лавка и солдатская чайная. Были и свои парники и огороды. Между батальонами лежал большой плац, отделенный бульваром от района офицерских флигелей. При въезде в район казарм находилось большое двухэтажное здание офицерского собрания наверху, внизу же - полковая канцелярия, музей, помещение для писарей. К этому зданию примыкала гауптвахта. Для сбер-офицерских квартир были отведены три двухэтажных флигеля с двумя подъездами в каждом. Тут ротные командиры имели квартиры в четыре комнаты, младшие офицеры - меньшие. Штаб-офицеры и старший врач помещались в отдельном здании с большими квартирами, а для командира полка был постоен отдельный дом с большим садом и огородом.

Два другие батальоны были расположены в уездном городе Янове, где стоял и 9 Донской казачий полк. Там роты занимали частные казармы. Городок был маленьким,- всего одна мощеная улица и одна церковь, перед которой и бывали парады. Офицерское собрание казачьего полка служило гарнизонным. Недалеко от города был расположен кордон Пограничной стражи с офицером.

В Краснике, в одном из офицерских флигелей я родился 70 лет тому назад. Отлично помню все расположение казарм и даже ту квартиру, где я увидел свет. И какое совпадение: до Турецкой войны 1877-78 г.г. в Краснике и его районе был расквартирован 10 гренадерский Малороссийский полк, в который я волей судьбы попал в январе 1915 года. Во время отступления летом того-же года мне пришлось быть в боях верстах в 18-20 от места своего рождения.

Хотя я и родился в Краснике, но первые мои сознательные воспоминания относятся к Янову, где стояла "отцовская" рота, которую он

принял "по всем статьям и на законном основании" в чине поручика в году 1897-98, прокомандовав этой 7-ой ротой, т.наз."Сямой" до 1912 года, то есть без малого 15 лет. Напомню, что в те времена и в штабс-капитаны производились "на вакансии", а не по истечении 4 лет пребывания в чине поручика. Подавляющее большинство офицеров было из окружных юнкерских училищ, т.е.начинали службу подпрапорщиками.

Местечко Красник, чисто еврейское, типичное для Привислинского края. Из интеллигенции там были только доктор и начальник почты, оба бывавшие в полку. Связь с Люблином поддерживалась крытыми "омнибусами" на 10-12 человек (плата 1 р.-0 коп.),но они не заходили в расположение полка, а надо было выходить на шоссе и ждать его проезда, конечно, предварительно заказав в нем место. Уже когда я был кадетом, то в 1908-9 году эти дилижансы были заменены более комфортабельными "каретками" на 6-8 человек и они заходили за пассажирами в казармы, о чем надо было заранее предупредить. Было в Краснике и один-два экипажа-фаэтона, но они были не по карману господам офицерам, их нанимали, когда ехало в Люблин 2-3 человека.

В начале мая каждого года два батальона из Янова переходили в Красник, а после маневров в конце августа возвращались в Янов. Так дважды в год кочевали и семьи офицеров этих батальонов. Хотя из вещей и бралось с собой самое необходимое, но и его набиралось на 3-4 обывательских подводы. Так-же перевозились и ротные вещи, которые часто портились, ломались, т.к.редкий перезд обходился без аварий.

С прибытием этих двух батальонов из Янова весь полк размещался в соседней деревне, отделенной от казарм большой дорогой, "шляхом", не шоссе. К дороге примыкали засеянные участки, дома же были за ними, т.е.сначала шла линия "стодолов", в которых и размещались роты по взводно в каждом, и еще двор для канцелярии, фельдфебеля и др. Так как дома не стояли один близ другого, то роты занимали часть деревни в длину версты две, а вся деревня называлась "Длуга Весь". Лишь через дорогу напротив казарм была бакалейная лавочка Штетельмана, куда мы бегали выпить холодной содовой воды с сиропом разных цветов или купить семячек, чего не было у нас в офицерской лавке.

Еще до Японской войны существовало положение так называемых "вольных работ". Тогда весь полк расходился на работы к ближайшим помещикам, сговариваясь с ними заранее. Роты попадали в 2-3 места, продолжительность работ была до плутора месяцев. Весь ли заработок шел на руки солдатам или часть поступала в полк, не знаю за давностью лет и моему тогдашнему возрасту. Помню лишь, что однажды я сопровождал отца, объезжавшего роту для раздачи жалования, которое тогда не было велико: всего 45 копеек рядовому за два месяца! Уже после Японской войны оно было увеличено до 50 копеек, выдавались и "годовые" вещи,- белье, подметки, одеяло, простыня.

В Японской войне 14 Армейский корпус не участвовал, но из полка

несколько раз уезжали офицеры в Действующую Армию доборовольно, а иногда и по жребию. Таких отправок нижних чинов не помню. Но в полку проходили обучение молодые солдаты, предназначенные для Сибирских стрелковых полков и они резко выделялись своей стрелковой формой из общей массы. По окончании обучения их свели в отдельные роты (до того они были вкраплены во все роты) и под командой наших офицеров отправили на Дальний Восток. Не могу сказать увенчивались ли успехом заботы ротных командиров задержать у себя в роте таких хороших "стрелков" с надеждой на посылку их потом в учебную команду. Летней формой тогда были белые гимнастерки и белые чехлы на фуражках. Этим же "сибирякам" в полку красились гимнастерки в буро-коричневый цвет. В те времена на погонах был номер дивизии, а номер полка - на окольше, кокарда помещалась на тулье. Затем, примерно в 1906 году, когда был введен цвет "хаки" для гимнастерок и фуражек, то и номер полка перешел с фуражки на погоны, а несколько увеличенная кокарда - на окольш.

В 1905-6 году начались повсеместно беспорядки. Один батальон из Янова был послан в Люблин, а за ним еще две роты, так что летом 1906 года в Янове оставались на все лето только две роты. 9-й Донской казачий полк ушел весь, оставалась лишь команда для охраны казарм. Впрочем, в Краснике и Янове бунтовать было некому. Лишь в 1907 году было произведено нападение на почту, везомую на подводах из Люблина в Красник. Нападение произошло из засады около опущенного шлагбаума и все пять Рящев и почтальон были убиты, а почта ограблена.

После Японской войны в полках были организованы для заслуженных фельдфебелей "школы подпрапорщиков". Звание это появилось вновь, но его не следует смешивать с подпрапорщиками из окружных училищ до 1904 года. По прохождении курса и после экзамена эти фельдфебели были произведены в подпрапорщики. Все командиры рот поднесли своим "молодым" подпрапорщикам офицерские кокарды и темляки и стали говорит "вы". Впоследствии школы подпрапорщиков были при штабах дивизий.

В 1906-07 году готовились к экзамену в кадетский корпус у нас в Янове три Николая: Эссен, Богданов и я. Все мы окончили в 1914 году и были все три в разных отделениях. В 1907 году я выдержал экзамен в корпус и мне повезло,- "наш" батальон больше не вернулся в Янов и мне не пришлось ездить лишних 30 верст туда на лошадях. Как протекала жизнь в Краснике зимой не знаю, но думаю, что веселого там было мало,- я приезжал только на Рождество, Пасху и на лето. Правда, в 1 классе мне "повезло": я заболел корью и на время карантина был отпущен на две недели домой, но там было все пусто,- сверстники мои все были в своих учебных заведениях.

Центральное место летом уделялось полковому празднику 24 июня на Ивана Купала,- этот день был кульминационной точкой летних каникул. Изредка нормальная жизнь нарушелась приездами начальства

из Люблина, бывали смотры, тревоги но полковой праздник доминировал над всем. Хотя все высшее начальство было в Люблине: штабы корпуса, дивизии и бригадный командир, но редко кто из них приезжал специально на полковой праздник. А праздник был красив! На парад выносились все четыре знамени и две Георгиевские трубы; певчие в парадных кунтушах с откидными рукавами; молебен на плацу; здравицы за Государя, Государыню, Наследника, начальствующих лиц. Церемониальный марш, -- роты в развернутом строю, а иногда роты проходили вторично в резервных колоннах под особый "колонный" марш.

Между нами, мальчишками, свое волнение и зависть, чью роту похвалят, а чью нет? от каких рот знаменщики? После парада обед в собрании с музыкой, слышной во всем расположении офицерских флигелей. После обеда, часа в три начинались игры на плацу для солдат. Расписание и распорядок их был заранее отпечатан и разослан с приказом по полку, - все казалось бы известно, не надо было всюду поспеть! Начинались игры прохождением рот с песнями перед жюри сидящем в палатке, роты шли не по порядку номеров, а по вытянутому жребию. Нам опять волнение: чья рота возьмет первый приз. Много было всяких состязаний на призы, лучшими призами за трудные состязания являлись часы. К более трудным относились: бег с препятствиями, гладкий бег, подъем на высокую мачту в кратчайшее время. Более легкими были (и веселыми): бег на трех ногах (две связаны вместе), бег в мешках, удочки (вроде "бочки счастья"), бой мешками, битье горшков, доставание поросенка, завязанного в мешке, пройдя за ним по наклонному шатающемуся бревну. Разукрашенные ротные "артелки" с кухонной и ротной аристократией проезжали с риском быть облитыми водой в случае неудачи; артелка нестроевой роты неизменно проезжала с полковым козлом "Никитой". Команда конных ординарцев позывала свое искусство, джигитовали не хуже казаков! Денщики кипятили самовары, у кого скорее закипит, и тут же угощали своим чаем членов комиссии... Всего не перечесть, впечатлений масса... Уже в Германии мне пришлось встретить сына одного таможенного служащего, приезжавшего на праздник в полк, где в церкви он и был крещен, а это было все-таки верст 20 от Красника....

Ежегодно 9-10 июня отмечалось докладами в ротах и общей полковой панихидой в день "переправы через Дунай в 1877 году, 9--10 июня", за что полк был награжден Георгиевскими знаменами и трубами. До 1910 года в полку было два офицера -- участника этой переправы.

Сохранилась в памяти и присяга, принесимая молодыми солдатами. Все они сторились по вероисповеданиям и каждую группу приводил к присяге духовник этого вероисповедания: полковой священник, ксендз, пастор, [illegible] армянский священник и мулла в зеленой чалме. И всегда бывало несколько человек, не имевших своих духовных лиц, буддисты ли, язычники? Их приводил к присяге полковой адъютант на левом фланге.

Не легка была летняя страда в пехоте, занятий было много. Ротные ученья, сторожевая служба, тактические ученья, сначала с обозначеным противником (флагами), потом с другими ротами. Это все бывало и ночью. Глазмерное определение расстояний, для унтер-офицеров и отделенных - дальномером. Походные движения. Большой курс свяких стрельб,- одиночные подготовительные, одиночные боевые и боевые частями. Я любил ходить на тактические ученья, обычно старослужащие оборонялись, а молодые натупали,- привлекала возможноть пострелять холостыми патронами. Эта стрельба производилась только из учебных винтовок (12 на роту) и выдавалось по две пачки на винтовку. Я уходил с обороняющимися, там можно было больше выстрелить, спокойно из-за куста, не сходя с места. Меня охотно снабжади своими патронами обороняющиеся,- с одной стороны - сын ротного, а с другой не нужно потом чистить винтовку. Глазмер и ротные ученья меня не привлекали и я находил их скучными. Роты были численно очень малы, на занятия выходило далеко не всегда 32 ряда (расчет на 4 взвода) и то с "глухими рядами".

В 1909-10 году мне на лето уже выдавалась учебная винтовка с полным прибором для стрельбы дробинками, а в оружейной мастерской я получал полный ассортимент всяких мишеней в пятую, десятую, двадцатую и сороковую часть их натуральной величины. С приятелем мы проходили "курс стрельбы" применительно к "Наставлению", конечно, соответственно уменьшая дистанцию и размер мишеней; стреляли мы, разумеется, с упора лежа или с колена, винтовка для облегчения была без штыка.

Любил я ездить и на стрельбу версты за 4 до стрельбища. Фельдфебели вели роты, а господа офицеры ехали на ротных "артелках"; потом был брэк-линейка на 10-12 человек, уже для всего полка. Один из младших офицеров верхом расставлял оцепление. Обычно стреляли по батальонно. Всегда на стрельбах бывал и "представитель" офицерского собрания, один из собранских служителей, с неприхотливой закуской: холодными котлетами, бутербродами, холодными яйцами, кажется бывало и по рюмке водки. Последнее лето в Краснике в 1910 году я "уже" перешел в 4 класс, мне было уже 13 лет , я уже стрелял уменьшенными зарядами, холостыми и дробинками, и упросил дать мне попробовать пострелять и боевыми в мишень. Но винтовка-то была не по возрасту,- тяжелая и для облегчения я придумал пропустить приклад под мышку, так что пуговка затвора приходилась прямо к носу. Не знаю во что мой нос превратился, если бы мое "ловчение" не было замечено на линии огня. Закричали на меня "отставить!" и разрешили стрелять лежа с упора.

Стрельб было много. Особенно бывали интересны боевые стрельбы ротой, когда наступающая рота обнаруживала различные цели, не видимые с исходного пункта. Обстреливались они частью роты (взводом,

полуротой) в определенное ограниченное время. Обычно такое наступление заканчивалось стрельбой по открытой цепи головных мишеней (6 вершков высоты) с падающим механизмом, который валил мишень при первом попадании в нее пули. На поражение такой цели давалось короткое время, но для всей роты, так что надо было выпустить все остающиеся патроны и поразить возможно большее число мишеней. Рота лихорадочно стреляет, мишени падают, но несколько продолжают стоять. В них уже стреляют все, пока не раздастся свисток - прекращение огня. Тогда выясняется, что механизм "заел", а сама мишень имеет много попаданий. В боевых стрельбах не требовалось количество пуль попавших в мишень, а количество "пораженных" мишеней, т.е.достаточно было для этого и одного попадания. Оценка такой стрельбы делалась по таблицам и наставлению для стрельбы, результат же зависел от количества стрелков, времени на стрельбу, дистанции, числа патронов,- все эти данные и давали оценку для данной части. Эти оценки как-то влияли на аттестацию командира роты: рота подготовлена хорошо и командир умеет руководить огнем.

Бывало еще одно событие летом,- 1 Донская казачья дивизия проходила "на плавание" на р.Вислу. Развлечений масса - глазеть на проходящих мимо казарм казаков! Вечером в собрании происходила "встреча" с Донцами, с "хорошим" ужином. Уже в Болгарии мне пришлось однажды встретить одного из участников этих встреч; он знавал и моего отца.

Однообразие нарушалось и уходом команды разведчиков тоже на месяц-полтора на Вислу учиться переправе на плотах, понтонах, с кухней или парой подвод и так далее.

Телефонисты занимались сигнализацией на гелиографе. Но, кажется, еще до войны у нас отказались от этого средства связи. Перед войной завели прожекторы, но и они не нашли применения.

Новинкой были пулеметные команды, выделялись они своими малиновыми обшивками по борту и обшлагам гимнастерок, офицеры и унтерофицеры с шпорами, на вооружении бебуты и карабины, словом, привиллигерованная часть полка...

В конце июля полк уходил в лагерь в Люблин, передвигались разумеется пешком, в два перехода. Там начинались "подвижные сборы" или малые маневры в районе своей дивизии, если не бывало "больших маневров" с участием более крупных соединений.

Одно лето пришлось жить в казарме, а рядом была пустующая столовая, в которой обучались новые барабанщики под руководством капельмейстера. Соседство не совсем приятное: было их всего 10-15 человек, но резонанс пустых помещений... До барабанов им было еще далеко: для их обучения было толстое бревно, раиленное вдоль и поставленное на ножки; вот на этот-то бревне они и учились барабанить и измочаливали его палками так, что только щепки летели и стоял

треск. Лишь когда они научались "владеть" палками, то получали барабаны, а какофония еще увеличивалась. Обучаемые горнисты не были так страшны, как барабанщики,- научившись трубить, они расходились маленькими группами в 2-3 человека под руководством опытных горнистов по отдаленным концам расположения и на воздухе.

Продукты питания покупались деньщиками в местечке. Но я совершенно не помню что представляли из себя эти лавки. Иногда туда отправлялись и дамы в сопровождении деньщика, или ездили за покупками на свободной в этот день ротной "артелке", снабженной по этому случаю пружинным сиденьем.

Было бы большой несправедливостью не упомянуть о наших деньщиках, этой "казенной прислуге" по оффициальному их названию. Надо отдать справедливость удивительно удачным выборам, делавшимся фельдфебелями,- редкий не был подходящим и отправлялся обратно в роту. Обычно они оставались года-два и так входили в жизнь семьи, становясь как-бы ее членом, входя во все нужды семьи, честно и бескорыстно соблюдая все материальные выгоды своих господ, чаще всего живших на жалование, умея выторговать и зная, где и что можно купить дешевле. Зачастую они бывали и няньками у нас, подрастающих мальчиков, а как они умели рассказывать сказки! Для младенцев и девочек бывали няньки из соседних деревень. Летом нас заваливали массой земляники и других ягод, грибами, ибо каждая семья имела своих поставщиков деревенских продуктов. Появлялась и подвода с овощами и фруктами из парников, привозимых огородником. Уходя в запас такой деньщик, бывший года-два "за повара" иногда устраивался по этой специальности у себя дома, присылая благодарственные письма "за учение". Когда в 1915 году мы с отцом лежали в одном и том же лазарете - в Потешном Дворце, в лазарете Государыни Императр ы Александры Феодоровны в Москве, то к нам пришел нас навестить наш бывший деньщик, по возрасту уже не подлежавший призыву в Армию. Он прочел в газете наши фамилии и сейчас же захотел нас повидать. Человек он был степенный и служил швейцаром в большом доме. Я еще не выходил, а отца он просил оказать ему честь своим посещением у него на дому.

Зима проходила уныло в Краснике, единственным развлечением были танцевальные вечера и изредка любительский спектакль. Летом бывало оживленнее: собирались все 4 батальона, приезжала учащаяся молодежь. На бульваре в определенные дни играла музыка. Обилие лесов давало возможность устраивать "маевки". Иногда собиралось несколько дружных между собою семей и ехали в лес, все при помощи той-же "артелки". Но пару раз устраивались оффициальные, называемые нами "собранские" маевки, уже с оркестром музыки и собранским шатром. Что-то готовилось, мобилизовались все перевозочные средства для доставки желающих в лес. Там зажигался костер, чтобы через

него прыгать, устраивались качели и была неизменная игра "в горелки". Сонные, но довольные возвращались домой. Кроме того, в полку были "гигантские шаги" и кегельбан.

Так было до 1910 года, когда стало известно, что полк переходит в г.Седлец. Прощай раздолье полей и лесов... Но мы, молодежь, уже подрастали и нас жизнь в городе манила своими интересными сторонами. В Красник переходил из Янова 9 Донской казачий полк, для них начали сторить конюшни,- сразу стал заметно меньше наш плац раньше такой большой, что после дождей на дальнем краю даже собирали шампиньоны.

Послан был офицер-квартирьер для ознакомления с казармами, разбросанными в разных частях города, имел составленный им же план города, нанимались квартиры. Хлопот у всех было много,- ведь надо было перевезти имущество всего полка, а до железной дороги было 45 верст! Едва-ли не после полкового праздника начались ежедневные отправки подвод с полковыми грузами в Люблин на вокзал, где команда с офицером перегружала эти вещи в вагоны и такая же команда их встречала в Седлеце и выгружала. Перевозился и весь офицерский скарб по выработанному расписанию. Семьи ехали по литерам небольшими группами в пассажирских поездах с малым багажом, остальные же вещи приходили позднее. Приходилось начинать жить в пустых квартирах. В Краснике я был единственным Суворовцем, с переездом в Седлец сразу прибавилось несколько братьев Жирковичей, отец которых был переведен в наш полк по расформировании резервных полков. Тут мы жили уже городской жизнью. Увидеть офицеров можно было только в собрании или молодых, гуляющих на главной улице.

Перестала быть прочной связь со "своей ротой". Но, приезжая домой, я всегда бывал в роте, интересовался новыми молодыми солдатами и их обучением, новопроизведенными взводными и вообще жизнью роты.

Вероятно в 1911 году полк принял новый Командир из л.гв.Волынского полка, Флигель-Адьютант полковник Житкевич, получивший это звание во время командования ротой Его Величества Волынского полка. Он сразу же подтянул полк в строевом отношении и парады довел до совершенства. Говорили смеясь, что и батюшка с певчими и хоругвями тоже ходили "в ногу".

После смотра молодым солдатам и принятия ими присяги полк перешел в лагерь около крепости Ивангород, где стал рядом с Тульцами в благоустроенном лагере бывших крепостных пехотных полков, с баракаами для офицеров, настоящим лагерным собранием. Лагерь был настолько благоустроен, что на полковой праздник появилась возможность устроить даже бал с полковыми дамами, приехавшими из Седлеца, и другими гостями.

В 1912 году 1 бригада 18 пехотной дивизии стояла в лагере около "Военной платформы 13-ой версты" на Рембертовском полигоне. Оттуда посылался сводный взвод в г.Кобрин на закладку памятника на месте, где полк участвовал в удачном деле в 1812 году. Командир полка при-

казал выбрать из рот хороших строевиков и обязательно блондинов с голубыми глазами, словом, как в Волынском полку. Они прошли отбор командиров батальонов, а оставшихся отбирал сам Командир полка. Взводик получился действительно на подбор! Командиром был назначен старейший капитан в полку, в данном случае мой отец, а возглавлял помощник командира полка, старше моего отца на пару лет. Было взято знамя при ассистентах, но без музыки ибо предстоял переход полка в Ново-Александрию. Конечно поехал и я. На ст.Милосно было подано два вагона 2 и 3 классов, для г.г.офицеров и взвода. И в пути и на параде взвод возбуждал общее внимание своей выправкой и подобранностью. Возвратились мы уже прямо в Ново-Александрию, где уже стоял полк. Отец часто в шутку гордился тем, что командовал взводом "голубоглазых". К Бородинским торжествам отец был произведен в подполковники и принял другой батальон,"чужой". Закончилась и моя связь с ротами.

Летом 1913 и 14 годов полк стоял лагерем в Люблине, рядом с Рязанцами. Лагерь не был благоустроен, не было бараков для офицеров, не было собрания. Там в лагере, в Люблине, в 1914 году и застал полк "предмобилизационный период" и состоялся переезд по железной дороге в Седлец, а дней через пять и мобилизация, а потом война... Ряжский полк покинул Седлец, чтобы больше туда никогда не возвратиться...

В прошлом году мне удалось напасть на след в Канаде, при содействии нашего Н.Т.Венсовича, на офицера Ряжского полка производства 1909 года. До тех пор я считал, что от полка остались только "ряжские дети".

Конечно, в Краснике мы играли в солдаты, своя рота была... Упросили старейшего кадета быть нашим "генералом", и оказывать нам честь, делая нам изредка смотр. Этот "генерал" был убит в Рязанском полку в 1915 году, наш "ротный командир", октябрьский подпоручик 1914 года, был убит в 22 Нижегородском полку, а его сестра, наш "ротный писарь" окончила с шифром Варшавский институт в 1914 году. Бывая ежегодно летом в С.Франциско, встречаюсь там и со "знаменщиком" нашей роты, на пару лет старше меня. А вот приятель мой, седлецкий гимназист и не из военной семьи, проживающий теперь в Филадельфии, аккуратно поздравляет меня с "нашим ряжским полковым праздником", хотя во время войны и служил в артиллерии. Этот полк он считает своим "родным".

Н.Витте (9 выпуска).

ГЛЕБ ЗАПОЛЬСКИЙ.

Я уже писал как-то, что во время войны 1939-45 г.г.многие бывшие русские офицеры во Франции были приняты во французскую армию на офицерские должности с зачислением по Иностранному Легиону. Из Суворовцев знаю пятерых: Бугославский, Грешнер, Запольский, Репкин и Сейфулин 2-й.

И вот от одного из них, с которым я некоторое время служил в одной части, я слышал рассказ, который и постараюсь воспроизвести насколько могу точно. Зам он - Лейб-Гвардии Волынского полка полковник и кавалер ордена Св.Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени Глеб Запольский (9 выпуска) скончался лет 10-12 тому назад. Его памяти я и посвящаю эту короткую заметку.

В 1945 году Германия была оккупирована союзниками и южную ее часть занимали французы. Я уж не помню почему французские войска могли тогда переходить швейцарскую границу, но так было и лейтенант Запольский со взводом Иностранного Легиона поднялся в Альпы с намерением посетить места, где некогда Суворовские чудо-богатыри покрыли себя славой в знаменитом Швейцарском походе.

И вот Запольский со своим взводом легионеров у Чертова Моста, перед памятником Суворову и его чудо-богатырям, высеченном в отвесной скале. Запольский построил свой взвод перед памятником и скомандовал (конечно по-французски) "Смирно! Шай-на кра-ул!" Это была скромная, но полная значения церемония,- французская Армия, тогдашние враги Суворова, отдавала честь своему славному и непобедимому противнику, каким был наш Шеф, Фельдмаршал и Генералиссимус А.В.Суворов, Граф Рымникский, Князь Италийский со своими чудо-богатырями.

С.Грешнер (6 выпуска)

К этому следует добавить выписку из статьи Е.Н.Оношковича-Яцыны, посвященной бою Гвардии на Стоходе 15 июля 1916 года, из журнала "Военная быль" № 83 за Январь 1967 года.

"... Мне хочется добавить и мое свидетельское показание во славу 1-го батальона Лейб-Гвардии Волынского полка. Волынцы выполнили возложенную на них задачу, дошли до Стохода, перешли реку и взяли на том берегу Витонеж, закрепившись на высоте к северу от него. Высота клубилась от разрыва снарядов, но батальон держался. Я видел это в бинокль, находясь с Командиром моего полка на батарее 3-ей Гвардейской артиллерийской бригады. Телефонист громко передавал сообщения с того берега Стохода и я запомнил то, что с волнением слышал: "Немцы идут в атаку! Артиллерия - огонь!" "Легкая бьет по своим, тяжелая - хорошо!" "Легкая, прекратить огонь по своим!" В бинокль были ясно видны черные точки, в одиночку, затем - группами, отходящие к Стоходу. Вдруг все встрепенулись:

телефонист закричал "Рота Его Величества пошла в штыки!" Все мы закричали "ура" и слезы покатились у меня градом из глаз. "Немцы бегут, немцы бегут!" кричал телефонист. Смотрю все время в бинокль и вижу, черные точки идут назад...

Высота была удержана до ночи 17 июля и 1-й батальон был затем отозван на првый берег.

Имя командира роты Его Величества Лейб-Гвардии Волынского полка, получившего за этот подвиг орден Св.Георгия - поручик Запольский."

Ш П А Р Г А Л К А.

Если кадет Яхонтов не был последним учеником в нашем классе, то только благодаря приличному знанию иностранных языков, что сильно поддерживало его средний балл и позволяло ему быть вопиющим лентяем. По французски он болтал довольно сносно и поэтому считал, что уроков ему учить незачем. Будучи по природе очень способным, Яхонтов легко все схватывал и запоминал и на устных ответах благополучно выкручивался, но на письменных - без шпаргалки обходиться не мог. Ловко это он проделывал и француз наш ни разу не сумел его поймать, что, конечно, приводило француза в бешенство тем более, что Яхонтова он видел насквозь и его не любил.

Как-то готовили мы несколько небольших французских рассказов для письменного пересказа. Яхонтов же углубился в "Ника Картера" и в ус себе не дул. Еще накануне он заказал Коле Клобукову выписать ему за фунт ореховой халвы конспект всех этих рассказов с условием, чтобы конспект уместился на листке бумаги, не превышавшем "законную" шпаргалку, и потому за будущее был спокоен.

Обычно на свой урок француз Броншен в класс не входил, а как бы влетал на бастион. Дежурный по классу кадет должен был встречать его адски отчетливо и рапортовать все по-французски. Француз ловко швырял классный журнал, вроде бумеранга, на кафедру и поворачивался "к образам". Дежурный читал молитву.

Сегодня Броншен обошел наш класс между рядами парт и роздал всем по листу чистой бумаги. Затем поднялся на кафедру и назвал две темы из числа известных нам рассказов, причем четные ряды парт получили первую тему, а нечетные - вторую. Заглядывать к соседям при таком распорядке становилось неинтересным. Нагнув головы над своими листами, кадеты тяжко задумались, сам-же "мосье професор",усевшись удобно за кафедрой и разложив перед собой стопки голубых и розовых конвертов, от которых всегда так приятно пахло одеколоном или душистым мылом, тоже погрузился в литературу. Сегодня он был в мечтательном настроении и лишь изредка поднимал голову и делал кому-нибудь замечание, после чего вновь наступала

тишина, нарушаемая лишь скрипом кадетских перьев и сдержаным покашливанием.

Повидимому мысли француза витали где-то далеко от нашего класса, может быть на далеких берегах мутной Сены, на живописных Монмартских холмах, или на шумном и веселом Монпарнасе; мы хорошо это чувствовали и старались использовать такую благоприятную атмосферу и Яхонтов, конечно, один из первых. Время от времени он вытягивал из под себя шпаргалку, заглядывал в нее и вновь прятал. Все шло тихо и гладко. Урок близился к концу.

За пять минут до звонка Броншен скомандовал "положить перья",а сам, как пантера, бросился к Яхонтову. Стащив его за шиворот со скамьи, он завладел куском картона, на котором тот сидел. Подняв свой трофей над головой, он торжественно поднялся на кафедру. Счастливый и сияющий, потрясая драгоценной добычей, он разразился целой проповедью на тему о бесчестности, лени, нахальстве и так далее. Говорил он по-французски, так что из нас мало кто его понимал. Это, однако, не мешало ему так увлечься, что даже звонок, возвещавший конец урока, не остановил потока его красноречия и в торжественном упоении он продолжал метать громы и молнии на ненавистную ему голову Яхонтова. Тот стоял на-вытяжку и безучастно его слушал.

"Я лично доложу инспектору классов", кричал француз, "я буду настаивать на немедленном исключении из корпуса этого феноменального обманщика и лентяя и добьюсь этого любой ценой. Этот нахал претендует на знание французского языка, а я всегда говорил, что он - обманщик и лентяй, развращающий весь класс. О!... теперь вещественное доказательство у меня в руках!"

Говоря это, француз торжественно тычет пальцем в чистенький картон, на котором его бегающие глаза, к его удивлению, ничего не находят. Торопливо поворачивает он картон на другую сторону и сильно бледнеет,- другая сторона тоже чиста. Понемногу лицо его начинает багроветь и искажаться в злобную гримасу, глаза вылезают из орбит. Вдруг, дико взвизгнув, он как бешеный вновь кидается на Яхонтова... Мы все замерли думая, что он его убьет. Но он только вцепился в свою жертву, немилосердно тряс его и визгливо орал: "Где она?... Куда спрятал?... Давай сюда немедленно!..."

Не на шутку перепуганный Яхонтов старался освободиться из лап осатаневшего Броншена и лишь бормотал: "Пустите... оставьте меня, что вам от меня надо?..."

"Как что? Ты еще спрашиваешь "что"?... А где шпаргалка? Нахал! Я целый час наблюдал за тобой и ясно видел как ты списывал!..."

"Уверяю вас, господин профессор, что у меня никаких шпаргалок не было."

"А что ты вынимал из под себя? Ты думаешь я слепой или дурак?"

Говоря это, он быстро шарил у Яхонтова в карманах и рукавах.

"Клянусь вам, господин профессор, что это я только картон вынимал и больше ничего."

"Картон?... Да что ты врешь! Зачем?... Почему картон?... Ты издеваешься над мной, что-ли! Не дурачь мне головы, говори, зачем тебе нужен был этот картон?... Отвечай, зачем?..."

"Да только потому, что парта моя свеже выкрашена и штаны мои к ней прилипают, так я и подкладывал этот ..."

В классе послышался сдержаный смех...

Француз наверно убил бы его, нашего бедного Яхонтова, если бы в класс не вошел дежурный по роте офицер. Броншен быстро собрал наши письменные работы и как ракета вылетел из класса...

Когда мы остались одни, Яхонтов, тяжело вздыхая, поднял левую ногу и неторопливо стал отдирать приклеенную при помощи "клячки" к подошве шпаргалку. Окончательно успокоившись, он задумчиво произнес: "Да,... кишка тонка у француза, куда ему до русского кадета..."

Н.Клобуков (6 выпуска)

С А Л О Н И К И.

Две Русские отдельные особые бригады входили в состав Восточной Союзной Армии на Балканском полуострове с базой в г.Салоники, от которого по расходящимся линиям эта армия расширяла свой плацдарм для перехода впоследствии в общее наступление, что и произошло в конечном итоге, но, увы, уже без Русских войск. Нам не пришлось принять в нем участия из-за революции и отвода наших полков в тыл для расформирования из-за неблагонадежности. Но все-же, бои за расширение плацдарма были удачны для русских частей и они заслужили высокую оценку и награды как от французского командования, так и сербского.

Было это в 1916 году и в этом-же году осенью мой 7-й Особый пехотный полк высадился после путешествия вокруг Европы и через Францию по морям и океанам в этом самом граде Салониках. Разместились мы в лагере Зейтенлик в 3-4 километрах от города, который был окружен кольцом таких лагерей, где собрались части всех союзников. Кого только в этом огромнейшем полотняном и барачном городе небыло: англичане, шотландцы, канадцы, южно-африканцы, новозеландцы и австралийцы, французы, итальянцы, сербы, греки, португальцы, черные сенегальские стрелки и даже под конец какая-то американская тяжелая батарея.

Отдыхали от путешествия, пополняли всякого рода снаряжение, по-

лучили вьючный горный обоз, для которого нам пригнали несколько сот диких австралийских мулов. Их надо было объезжать и приучать к вьючным седлам. Командир нестроевой роты (начальник обоза) сбился с ними с ног, потому что эти колоссальные в рост лошади животные разбрасывали державших их солдат во все стороны. За них цеплялись со всех сторон: за уши, за хвост и т.д.,пока более или менее не приспособили их под вьюк.

Строевые роты дообучались. Словом, дела хватало. Но по вечерам после занятий почти вся молодежь отправлялась в город повеселиться, кутнуть, благо денег было много (нам хорошо платили). Но в ротах и батальонах всегда были дежурные офицеры, не отлучавшиеся из лагеря.

В Салониках было два больших кафешантана: "Одеон" и "Тур бланш", где можно было хорошо повеселиться, поужинать и провести время. И посетители и артисты,- все это было международное. Знакомства и дружеские отношения заводились легко и шампанское лилось подлинно рекой. Постоянными предметами шуток были шотландцы и греческие эвзоны, и те и другие - в юбочках. Подчас междусоюзное веселье переходило границы и творилось безобразие. Например, компания английских и русских офицеров поехала ночью за город и привезла с какого то, кажется мусульманского кладбища, надгробный камень и водрузила его при входе в лучший отель, где квартировал Командующий Восточной Армией. После было расследование, кто да кто, но, конечно, так ничего и не узнали.

В "Одеоне" была одна французская артистка, очень популярная и наши русаки решили ей сделать сюрприз. Купив днем на базаре огромный арбуз, выели ложками середину, а на место мякоти посадили туда красавца-петуха, завязали арбуз тонким шпагатом и пронесли его вечером под шинелью в ложу 4 яруса над авансценой. Когда Лолита, так звали артистку, окончила свой номер и, как каждый день, была забросана цветами, из ложи русских к ее ногам шлепнулась зеленая бомба, раскололась и оттуда вылез совершенно обалдевший петух и стал с криками летать над столиками в зале. Все его стали ловить, вырывая у него из хвоста и крыльев перья. Лолита отлалась легким испугом, а господа офицеры всех наций получили лишнее удовольствие.

Помню еще, что однажды при разъезде, т.е.далеко за полночь, из шантана были разобраны все извощики. Трамвай уже перестал ходить, но один вагон случайно проходил в депо мимо "Тур-бланша". Офицеры всех наций остановили его, набились туда до отказа и какой-то канадец-инженер стал на место протестовавшего вожатого-грека и повел трамвай развозить всю ораву кому куда надо было.

Командование писало грозные приказы, вручались они под расписку, но веселье продолжалось...

При выступлении полка на фронт, я по делам службы задержался в Салониках на неделю и как-то днем, заметив в небе несколько союз-

ных аэропланов, решил использовать свое свободное время и получить воздушное крещение. Взял извощика на французский аэродром и по приезде туда, вызвал дежурного офицера, представился и изложил свое желание. Тот повел меня к Начальнику аэродрома и начальник, справившись сумею-ли я открыть и вести огонь из пулемета, приказал наблюдателю-пулеметчику, очередь которого была лететь патрулировать на фронте, уступить мне свое место.

Я знал пулемет Максима и Гочкиса, но на авионе оказался Льюис, да еще на круговой установке для обстрела что-то около 300°. Мое место было на носу перед пилотом. Взгромоздился я и стал лихорадочно разбираться в механизме пулемета. Летчик-офицер помог мне и я быстро освоился, и через 5-10 минут бы оторвались от земли.

Сделали мы круг, чтобы полюбоваться панорамой этого старинного города, где еще сохранилась частично стена, строившаяся при Александре Македонском, и во время полета я оглянулся на пилота, а мое пенснэ мгновенно оказалось на коленях у пилота. Аппарат-то ведь был тех времен не защищенный никакими колпаками из плексигласа и ветер там все рвал, ну, пенснэ и слетело. Рассмеявшись, пилот поймал мои окуляры и пошел на снижение. На аэродроме он приказал подбежавшим солдатам принести для меня летные очки и шлем.

Стало сразу уютнее и мы вновь забрав высоту полетели на фронт, до которого было километров 200-250, и пропатрулировав над линиями несколько раз, возвратились в Салоники, встретив по пути сменявшую нас на этом участке машину. Никаких встреч с противником не было и стрелять не пришлось.

Разумеется, вечером мы встретились с начальником аэродрома майором и лейтенантом-пилотом в "Тур-бланш" по моему приглашению и там отпраздновали мое воздушное крещение.

С.Грешнер (6 выпуска).

МОЙ БРАТ В ЕЛИСАВЕТГРАДСКОМ КАВАЛЕРИЙСКОМ УЧИЛИЩЕ.

От Елисаветграда наше имение было в 12 верстах. Мы туда часто ездили, конечно, на лошадях, родители по делам и за покупками, а нас, детей, брали, чтобы мы немного развлеклись.

Такая близость к Елисаветграду послужила поводом поступления моего брата Владимира, который только что окончил Лицей в Петербурге, в "Славную Южную Школу", как называлось училище на юнкерском языке.

Будучи лицеистом он был "страшно" шикарным. Всегда был одет с иголочки и массу времени проводил перед зеркалом, делая идеальный

пробор из своих чудных волос. В свои молодые годы он ходил немного сутулясь, что считалось шиком среди штатской молодежи, и, Боже упаси, нести какой-нибудь пакет, идя по улице...

Елисаветградское училище было расположено в городе на Дворцовой улице. Перед зданием был большой плац, обрамленный аллеями, по которым проходила или гуляла штатская публика. Иногда любопытные останавливались и смотрели как юнкера производят занятия на плацу. Нередко публика в ужасе наблюдала, как молодой юнкер брал барьер головой вниз, к недоумению своей лошади, которая вдруг перед ним останавливалась. Наездами в Елисаветград мой брат подолгу наблюдал занятия юнкеров и слушал как их безжалостно цукали сменные офицеры, но это не остановило его желание быть кавалеристом.

В свободное от службы время после 4 часов дня юнкера гуляли по аллеям и ухаживали за местными гимназистками, которые после уроков шли домой и почему-то путь вел их всегда через эти аллеи.

Мой отец, бывший кавалерист, окончил Полтавский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, а потому научил нас с детства ездить верхом, гоняя на корде и на попонке. В училище Владимир быстро освоился с верховой ездой и шпоры получил в первую очередь, чем был очень горд.

Перед поступлением в училище отец ему посоветовал жить по традициям, а то "кадетня загрызет", как он выразился. Владимир попал в кадетский прием, со стороны было только 2-3 лицеиста и 1 гимназист, остальной "ремонт" были кадеты. И когда мой брат им заявил, что будет жить по традициям, то кадеты его приняли в свою среду.

В первый же день строевых занятий Владимиру пришлось пережить страшную драму: увидя великолепный пробор, сменный офицер шт.ротм. Высоцкий, по прозвищу "Жеребец", пришел в ужас и приказал брату сейчас-же отправиться к парикмахеру и снять эти "перышки". Я себе представила, как должен был переживать это бедный Володя, но ничего не поделаешь,- приказание было исполнено.

В смене Володя ездил на старом коне "Адвокате", которому барьеры было уже трудно брать и он, пользуясь неопытностью в езде молодежи, нередко обносил барьер. Услышав же грозный окрик "Жеребца": кто не возьмет барьер, останется без отпуска, Володе пришлось пустить в ход все умение управлять лошадью и барьер был взят.

Во время пребывания моего брата в училище была война и нашего кучера мобилизовали, он был заменен пленным австрийцем. Нам,детям, да и родителям хотелось видеть у себя брата юнкером. Выдался какой то праздник, на дворе свирепствовала зима и моя мать не решалась послать сани с австрийцем за Володей и попросила нашего старого кучера Никиту, проживавшего на покое, съездить в город за братом.

Мы их ждали к обеду к 8 часам вечера, но мятель так разыгралась, что только благодаря опытности в управлении лошадьми и знанию до-

роги, старый Никита благополучно приехал к 10 часам вечера. Сперва послышался лай собак, затем,когда собаки узнали своих, лай перешел в приветственный визг. Раздались шаги по коридору с приятным звоном шпор и вот вошел брат, вытянулся перед отцом и отдал ему честь. Ничего от "страшно" шикарного лицеиста не осталось, а перед нами стоял стройный, розовый от мороза "тоняга" юнкер. Я его пожирала глазами, тогда мне было 13 лет. На следующий день шел большой снег, мы остались дома, уютно устроились в комнате брата на кровати и играли кавалерийские сигналы. Мне очень понравился один, слова которого я запомнила:"Сколько же раз говорить дураку: крепче держись за луку!"

Вечером Владимир получил от мамы большую "скрипку" (выражение юнкеров последних выпусков, обозначавшее деньги) и тот-же Никита к большому нашему сожалению отвез его в училище. Там его встретил старый швейцар Виктор, бывший Бугский улан, а на следующий день у него была репетиция по тактике, где встреча с "Карпо" была не особенно приятной, в особенности когда "Карпо" после ответа юнкера говорил свою всегдашнюю фразу: "Туманно, юнкер,- не ясно."

На этом я и окончу мои милые воспоминания детства.

Кира Де-Витт.

Редакция с благодарностью приветствует первую Суворочку, написавшую свои воспоминания, надеясь, что и другие Суворочки последуют ее примеру.

От Председателя Объединений.

Племянница полковника И.И.Косинского, Екатерина Сергеевна Ф и ш е р на собрании 4 мая с.г.принята в наше Объединение.

С удовольствием приветствую милую Суворочку, душевное отношение и широкая благотворительность которой среди белых воинов в эмиграции всем известны.

Н.Главацкий.

ОБРЫВОК ВОСПОМИНАНИЙ.

Спустя полвека может многое не ударжаться в памяти, события могут спутаться, фамилии, имена, названия, даты забыты, но особенно светлое-радостное все-же выплывает ярко из времен юности нашей, из того незабываемого прошлого, когда будущее казалось столь прекрасным - неизменно счастливым, когда ничто не предве-

щало трагедии Российской и не думали мы о терниях пути земного.

Был 1916-й год... Нас тянуло туда, в тот симпатичный домик-особняк в маленьком переулке (Плетешковском) на Плющихе. Катя кончала гимназию, двоюродная сестра ее была уже курсисткой. Обе хорошенькие, веселые, никому они из нас не давали явного предпочтения и это способствовало еще большему оживлению, царившему в их доме, ибо все мы из кожи лезли, чтобы поддержать настроение, изощрялись в остроумии, изобретательности и проявляли свою ловкость в танцах. Мы - это целая группа выпускных кадет, разъезжаясь в субботу из Сокольников по Москве, еще заранее уславливались встретиться вечером на Плющихе.

Там нас всегда ждали. Буквально не успевали мы позвонить, как нарядная горничная уже открывала дверь и, лукаво улыбаясь, обычно говорила: "пожалуйте, господа наши все дома". Еще в прихожей целый цветник молодежи сначала помогал нам раздеваться, а дальше мешал и умышленно старался перепутать все наши фуражки, шинели и пояса со штыками, а потом сами удивлялись как быстро мы находили каждый свое, что было для них совершенно непостижимо.

И в этот раз, как обычно, пошли мы гуськом прикладываться к ручке милейшей хозяйки дома, которая каждого из нас целовала в голову, поздоровались с двумя тетушками и первые полчаса провели в докладе от том, что случилось с нами за неделю.

Из дверей гостинной давно уже нам усиленно подавали знаки нетерпения пальцами, губами и головой и когда хозяйка дома милостиво сказала:"ну, а теперь илите, дети мои, веселиться", мы сорвались, как стадо диких зверей. Веселое, хорошее, славное было время! В теплой, дружеской, приветливой московской семье незаметно текли часы и совершенно нормальным явлением было закармливание нас - "изголодавшихся за неделю" - так думали в доме.

Гурьбой, обычно поздно вечером, шли мы провожать подруг Кати и ее сестры, потом провожали их самих и в двадцатый раз взяв слово "в следущую субботу", расходились, наконец, по домам.

Так приблизительно записал я в 1947-68 г.г.в своих воспоминаниях, посвященных Суворовскому Кадетскому Корпусу, не думая кого-либо из действующих лиц настоящего очерка встретить на своем жизненном пути.

В декабре прошлого года попал я с женой в дом Екатерины Сергеевны Фишер с визитом. Через несколько минут она, обращаясь ко мне, говорит: да вы ведь тот высокий худенький кадет-Суворовец, который так часто бывал в нашем доме на Плетешковском переулке!"

Приехала Екатерина Сергеевна потом к нам в Ментон, а в последний ее приезд, когда компанией мы обедали в ресторане на море, в память дружбы юности нашей перешли мы опять на "ты", как было 50 лет тому назад и стали она - Катей, а я Сережей...

Катя (Екатерина Сергеевна) хорошо известна своей благотворительностью в наших военных кругах и ее доброе сердце смягчило участь многих инвалидов, больных белых воинов и просто русских людей за рубежом.

Со стороны матери является она племянницей одного из наших командиров рот полковника Ивана Ивановича Косинского и нет ничего удивительного, что совсем недавно она высказала желание стать Суворочкой нашего Обьединения.

С.Двигубский (12 выпуска).

УТРАТЫ ОБЬЕДИНЕНИЙ.

Скончавшиеся Суворовцы:

- ПЕТЕРС Николай, 4 выпуска в Елисаветградское кавалерийское училище, Крымского конного полка, скончался в С.Барбара, Калифорния.
- ВОЙЦЕХОВСКИЙ Алексей, 8 выпуска в Елисаветградское кавалерийское училище, 13 гусарского Нарвского полка, скончался в г.Антиб, Франция.
- ТЕР-САРКИСОВ Андрей, 5 выпуска в Николаевское Инженерное училище, скончался 20 марта 1967 года в Брюсселе, Бельгия.
- ПОЛЬ Евгений, 10 выпуска в Константиновское Артиллерийское училище, скончался 5 мая 1967 года в Чикаго, США.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ СЛАВНЫМ СУВОРОВЦАМ!

Сборник 20

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парижъ

Стрижевский

"С У В О Р О В Ц Ы"

Сборник № 20.

Издание Объединений б.кадет Суворовского Кадетского Корпуса.

Ноябрь 1968 года. П а р и ж.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Кого и как я помню. С.Грешнер..... 1

Поход Петроград-Новочеркасск. М.Прокофьев..... 6

Первое плавание. В.Ястребов-Боус..... 13

1916-1917. С.Нитц..... 34

Утраты Объединений..... 63

Суворовцы в жизни общественной
Б.А.Лагодовский..... 64
В.Г.Ястребов-Боус..... 64

Поздравление Председателя и описание празднований корпусного праздника..... 65

Стихотворение Г.Зюзина..... 67

Издатель:

N.V.Glavatsky
6,rue Voisembert,
(92) Issy-les-Moulineaux,
F r a n c e.

Редактор:

G.M.Grinioff
2542 Kottingbrunn,
Austria.

КОГО И КАК Я ПОМНЮ.

Я предлагаю редакции "СУВОРОВЦЕВ" открыть в журнале рубрику под общим заглавием: "Кого и как я помню", чтобы каждый Суворовец и каждая Суворочка могли бы, вызвав в своей памяти те далекие времена и во времени лица связанные с нашими днями юности,- дать на бумаге несколько штрихов этих лиц характеризующих, и, не стесняясь размерами очерка, войти в невидимую связь с теми, кто будет их читать и тем войдет опять-таки в незримую связь с авторами этих очерков. Вспомним наших воспитателей, преподавателей и персонал Корпуса. Вспомним и хорошее и плохое. Сопоставление воспоминаний будет очень интересно. Для начала напишу сам.

Генерал-лейтенант Степан Нилович Лавров.

Я не помню точно года, когда наш всеми любимый Директор Лавров покинул корпус, сдав его Ваулину, но думаю, что ни один кадет знавший его не может не вспомнить его с теплым чувством. Он был "папаша", он был и "крючком".

Медленной размеренной походкой, опираясь на палку с резиновым наконечником, он шествовал,- именно шествовал, а не шел,- по ротам, по столовой. Голова его была несколько удлиненной формы, огурцом, с ореолом седых, стриженых под машинку волос. Довольно длинная седая борода на отвислых щеках. Очень круто округленные брови придавали лицу его удивленный вид, а нос, вытянутый книзу, послуживший причиной прозвища "крючек", тонул в пухлых щеках, ограниченных резкими складками от носа. Солидное брюшко и маленький рост довершали этот портрет.

Мне скажут: как-же ты так некрасиво изобразил "папашу"? Так вот: портреты "описательные" там и отличаются от "писаных" на полотне, что кроме внешности дают и внутренний облик "предмета". Видно внешность Степана Ниловича могла-бы служить примером контраста к его внутренней, душевной сущности.

Это был добрейший старик и любил он своих кадет. Бывало он пытался играть грозного и строгого директора, но это у него не очень выходило и все кадеты от мала до велика знали, что "папаша",что называется, не выдаст и в конце концов простит даже и серьезный проступок.

Если фигура нашего "папаши" у кого-нибудь в памяти представляет-

ся иначе, то не обращайте внимания на портрет мною написанный и пишите еще, исправляя и противореча мне. Ведь память не у всех одинакова и сопоставление воспоминаний всегда интересно.

Генерал-лейтенант Андрей Николаевич Ваулин.

Я даже не помню его имени и отчества.") В противоположность Лаврову, стройный, подтянутый и моложавый академик-артиллерист.

Холодный, жесткий взгляд. Бритый, усы - щеткой, выдающейся вперед. Из-за этой щетки его прозвали "выдрой". Преподавал в 7 классе математику и космографию. На террасе за своей квартирой в хорошую погоду выставлял на треноге небольшой любительский телескоп и по очереди небольшими группами приглашал своих учеников к себе и показывал в телескопе Луну, Сатурн с кольцами, Марс с четырьмя спутниками и другие чудеса звездного мира. Так сказать, практические занятия по космографии.

После наблюдений приглашал кадет к столу напиться чаю, где представлял их своей жене и дочерям-гимназисткам. В конце концов один из кадет, Мевиус, кажется 4 выпуска, женился на одной из них, выйдя на сторону. Добился согласия на брак, выбросившись из окна или только сделав эту попытку,- я точно не помню.(Думаю, что наша Суворочка Лидия Евгеньевна Звонникова, ур.Перекрестова, сестра кадета 6 выпуска и невестка моего воспитателя П.В.Отоцкого,- помнит этот случай гораздо лучше меня).

Меня лично Ваулин очень обидел. За выпускную письменную работу по аналитике поставил 4 балла за незначительную арифметическую ошибку (аабыл единицу в уме при умножении) и тем снизил мой средний балл так, что в моем экстра-математическом выпуске я не смог выйти туда, куда хотел. Не пощадил, что называется.

Помню еще одно его прозвище - "Индрик".

Генерал-майор Мартос, Инспектор классов.

Появился Мартос в корпусе в конце моего там пребывания, даты не помню. Он сменил полковника Жолтикова, получившего другое назначение.""") Хотя Инспектор классов в повседневной жизни кадет мало принимал участия и видели его редко, но Мартос, кроме инспекции, преподавал у нас химию и мы имели возможность его узнать ближе.

"Барбос" - таково было его прозвище. Генерал Мартос действительно напоминал пса-барбоса. Довольно толстый с небольшой головой на

") Сообщено редакцией.

"") С 1.8.908 - Инсп.кл.Александровск.кад.корп.в СПБ. Прим.ред.

короткой шее, в золотых очках, с узкими свиными глазками за ними. Широкий нос картошкой, узкий лоб под прической "бабочкой", причем его седоватые волосы не слушались щетки и сами торчали щетиной по сторонам серединного пробора.

Кажется даже, что он подкрашивал усы и волосы. Так же как и Ваулин - артиллерист-академик. Был не строг и, не взирая на собачью внешность, даже добр. Улыбка часто смягчала его неприглядное лицо.

Помню, что практические занятия по химии в лаборатории каждый раз кончались нашим общим криком: "Взрыв! Взрыв! Ваше Превосходительство, взрыв!" Это означало, что служитель при классе должен был извлечь из склянки с керосином кусочек натрия и, бросив его в ведро с водой, вызвать реакцию, кончавшуюся взрывом этого куска натрия и фонтаном воды из ведра. Мартос охотно доставлял нам это удовольствие, благо оно стоило невесть как дорого.

Полковник Соловьевич, Командир 1 роты.

"А ты, Балдин! Язык немеет,
"Рука дрожит. Боюсь начать.
"Едва-ль перо мое сумеет
"Твой зверский образ начертать!

"Брадищей длинной и седою
"Тебя Всевышний наградил,
"Причем, занявшись бородою,
"Ума и вовсе дать забыл."

(Звериада Сувор.кад.корпуса)

Оставшийся неизвестным кадет, талантливый автор этих строк звериады, посвященных Соловьевичу, сильно погрешил против истины.

Крупная лысая голова с длинной седой бородой, глубоко сидящие глаза под мохнатыми насупленными бровями - все это могло показаться зверским, но сделав поправку на душевную сущность человека, надо признаться, что Соловьевича нельзя поминать лихом. Он был добрый старик и я не знаю никого, кто о нем-бы имел плохие воспоминания. Вижу его на параде 1 октября на плацу 1 и 4 рот.

День ветренный. С каштанов Бельведерской аллеи до нас долетают пожелтевшие листья и плавно ложатся у ног. Знаменщик удерживает полотнище знамени, которое ветер вырывает у него из рук, а борода Соловьевича, разделившись на две половины ложится ему на плечи, придавая ему вид бога ветров. Он, перепоясанный шарфом, с шашкой

"подвысь" идет с рапортом к принимающему парад.

Мы стоим с винтовками прижатыми к телу "на-краул",а ветер колеблет наши штыки и рвет фуражки с голов. Взяли к ноге.

Наш командующий батальоном полковник Соловьевич с видом старого закаленного непогодами и сражениями бойца лихо командует:

-"К церемониальному маршу.- По ротно, на двухвзводную дистанцию.

-"Первая рота..."

Господа офицеры, какой был восторг!

Петр Владимирович Отоцкий.

С первого по шестой класс моим офицером-воспитателем был П.В.Отоцкий. На седьмом году он был командирован, уже в чине подполковника, в Петербург на военно-педагогические курсы и его заменил Н.П.Ревишин.

С первого же класса нам всем очень понравился наш молодой штабс-капитан, Павлон, высокого роста, стройный. Овалом слегка вытянутого лица он напоминал Великого Князя Константина Константиновича и это еще больше привлекало к нему наши детские сердца. Человек он был спокойный, выдержаный, никогда не повышал голоса и иногда, когда сердился, только густо краснел. В первый же год со мной произошел случай, в котором он принял участие и который стоит рассказать.

Зимой 1904-05 годов мой отец ротмистр А.А.Грешнер, служивший на границе в Царстве Польском, был в отпуску в гостях у своего тестя в Нижнем-Новгороде. В эту пору мне в корпусе попадается клочек какой-то газеты, где я читаю: "Нижний Новгород. Вчера на такой-то улице выстрелом из револьвера убит ротмистр А.Грешнер. Убийца арестован. Производится следствие." Вы можете себе представить мое волнение. Я бегу к Отоцкому и показываю ему обрывок этой газеты. Он утешает меня как может и сейчас-же телеграфирует в Нижний по адресу тестя моего отца. В тот-же день был получен ответ, что убит ротмистр А.В.Грешнер, двоюродный брат моего отца и не пограничник, а жандарм, начальник тамошнего жандармского отделения. Эмоция радости моей была не менее сильной, чем тревоги и отчаяния. Отоцкий вел себя как старший брат, если не как отец, и я после этого к нему очень привязался. Но в третьем классе между нами пробежала черная кошка.

Под зданием нашего корпуса, как вероятно все Суворовцы Варшавского периода помнят, проходила галлерея-коридор, где была проложена вся современная канализация: паровое отопление, кабели электрического освещения и т.п., которая сходилась в небольшом здании

красно-кирпичной кладки с высокой, как на заводах, кирпичной трубой. Там были котлы парового отопления и прочая аппаратура. Это здание мы почему-то называли фабрикой. Так вот эти подземные галлереи у нас назывались "подземным ходом". Экскурсии в этот подземный ход конечно устраивались кадетами младших рот и обставлялись таинственно, как исследовательские геройские похождения. Из-за того что кадет оттуда выгоняли рабочие котельного отделения,- мы решили ходить вооруженными. У Шильбаха был револьвер без патронов, барабан которого даже не поворачивался, у Кибцева была стамеска, превращенная (опиленная) в кинжал, Шуляковский вооружался дубинской и т.п. Конечно был и электрический фонарик, а рубашки-гимнастерки, чтобы не замазать в пыли, копоти и паутине, одевались на изнанку. В этих подземных ходах-переходах кое-где было узко и темно, а иногда они на перекрестках превращались в комнаты с какими-то узкими выходящими на тротуар зарешеченными окнами. Тоже были там какие-то громадные чаны и аппаратура. В эти комнаты вели всегда запертые на ключ двери.

Ясно, что нам понадобилось эти двери открыть. Чем? Отмычкой! Из куска толстой в 5 мм.диаметром проволоки мы приготовили подобие отмычки и "сезам" отворился. Надо же было, чтобы Отоцкий вздумал осматривать парты, а у меня как раз была в парте вновь изготовленная отмычка, которую я то-ли не успел, то-ли забыл спрятать в карман. Было это на вечерних занятиях. Отоцкий, взяв отмычку, вышел со мной к столу, поднял вверх отмычку, чтобы она была видна всему отделению и торжественно вопросил:"Как вы думаете, что это такое?" Тут-же сам и ответил:"Это воровской инструмент для открывания запертых дверей и называется он отмычкой. Он найден мною в парте Грешнера." Я вынужден был рассказать для чего у меня была сделана отмычка, конечно, не выдавая своих сообщников.

Но никакие объяснения не снимали с меня тяжести позора, что у меня был найден "воровской инструмент". Отоцкий меня обидел. Но все-же я думаю, что он был достаточно умен, чтобы понимать психологию кадета 13 лет и никогда не считал меня склонным к воровским похождениям.

Не помню в каком году он женился на сестре одного кадета нашего класса, но другого отделения Перекрестова и - удивительное дело - стал еще мягче в отношении своих воспитанников. Я слыхал, что во время гражданской войны он доблестно погиб, сражаясь с большевиками. Помянем добром его память.

С.Грешнер.(6 вып.)

"ПОХОД" ПЕТРОГРАД-НОВОЧЕРКАССК.

Я от 19 конной батареи и штабс-капитан В.С.Пржеборовский от 18 конной батареи были в октябре 1917 года и незадолго до большевицкого переворота командированы с фронта в Петроград для прохождения полного курса Михайловской Артиллерийской Академии. Тогда говорили, что очень много офицеров было командировано в столицу по разным поводам для создания кадров антибольшевицкого движения. Главнокомандующим войсками Гвардии и Петроградского Военного Округа в тот момент был полковник Полковников, Донской казак и на фронте бывший старший адъютант штаба нашей 11 кавалерийской дивизии; он нас хорошо знал.

Мы были очень радушно им приняты и в его штабе, между прочим, мы увидели много гвардейских офицеров. Полк.Полковников нам объяснил, что в настоящий момент он очень занят ловлей Ленина и его приспешников и очень просит одолжить ему наши наганы, так как револьверов у него нехватка. Волей-неволей пришлось ему отдать наше оружие, но у нас был еще запас револьверов, привезенный с фронта, который мог бы в будущем нам пригодиться. Через несколько дней произошел переворот, Ленина поймать не удалось и установился коммунистический строй. Полковнику Полковникову удалось бежать, а нам пришлось остаться в Петрограде, т.к.всякое путешествие офицеров заканчивалось по большей части их арестом и его последствиями. Кроме того, мы совершенно не знали куда нам деваться.

Великий Князь Сергей Михайлович был во главе помощи военным инвалидам и в газетах было объявлено, что в такой-то день во дворце одного из Великих Князей будет устроена лотерея в пользу инвалидов. Мы решили посетить эту лотерею, чтобы увидеть Великого Князя и, если будет возможность, с ним поговорить. Великий Князь особенно хорошо относился к Конной Артиллерии и мы решили явиться в парадной форме, чтобы обратить на себя внимание Великого Князя. В своих расчетах мы не ошиблись, т.к.Великий Князь нас заметил и подошел к нам с очень милой улыбкой. Мы ему представились и доложили о положении на фронте и что теперь в Армии очень много снарядов и, если бы у солдат снова появился порыв служить родине, Русская Армия могла бы победить. Затем, разговаривая о фронте, мы вышли в корридор и здесь смогли доложить Великому Князю все, о чем мы думали и предложили ему свои услуги. Великий Князь нас поблагодарил и сказал, что, может быть, положение скоро изменится и выход будет найден. К сожалению он отклонил наше предложение. Трудно сказать на что расчитывал Великий Князь.

Мы хотели ему помочь пробраться за-границу, что было возможно в то время, т.к.всюду был беспорядок и настоящей власти еще не было; был, конечно, известный риск - благородное дело. Возможно, конечно, что наша молодость и, как следствие, очевидная неопытность и нескрытая наша горячность были причиной его отказа. В этот момент я вспомнил изречение Владимира Митрофановича Пуришкевича: "Тот побеждает на бранном поле, кто верит в счастье своей звезды..."

Вскоре на юге России была создана волею генералов Корнилова и Алексеева Добровольческая Армия и об этом мы узнали лишь в марте 1918 года. Если Добровольческая Армия совершила свой легендарный ледяной поход, в котором мне не пришлось участвовать, то для того чтобы попасть в эту Армию, нам нужно было совершить очень опасный поход из Петрограда в Новочеркасск в 1918 году. Мой друг Пржеборовский избрал другой маршрут, чем я со своим братом Сергеем и об этом нашем побеге я хочу рассказать.

К июлю месяцу 1918 года мы, трое братьев, все Суворовцы, были в разных местах: я в Питере, Сергей в Смоленске и самый младший —Димитрий в Симбирске или, может быть, где-нибудь в другом районе,- точно я не знал, т.к.давно о нем не имел сведений. Я попросил Сергея, чтобы он приехал ко мне в Петроград и на совещание, т.к. писать было опасно. На нашем совещании в Петрограде было решено, что я предприму поиски младшего брата Димитрия, что Сергей разработает план бегства с помощью анти-советской организации и что мы все трое встретимся в Смоленске, отправном пункте нашего путешествия на юг.

Мне пришлось разыскивать младшего брата приблизительно в течении одного месяца. Побывал я и в приволжских районах и, согласно некоторых данных, разыскивал его в районах Москвы, Арзамаса, Саранска и Инзы. Наконец в Рузаевке один из его друзей мне сообщил, что мой брат уже наверное в Армии Колчака. Моя штаб-квартира была в Саранске, где меня чуть не арестовала черезвычайка и, если бы не вмешался один из бывших подчиненных моего старшего брата- фельдфебель-,мне бы не поздоровилось, т.к.бывшие "царские" офицеры не имели права проникать в район, близкий к большевицкому фронту. Было у меня в этот период много инцидентов и много встреч,- можно было бы обо всем этом написать большую повесть.

Я отправился затем в Смоленск и рассказал Сергею о моих поисках. Во время моих перемещений по лону советчины в товарных битком набитых вагонах, мне удалось подслушать разговор двух баб, кои разкумякивали "сахарный вопрос" (начинался в России голод) и из этих разговоров я узнал, что масса мешочников отправлялись за "белым золо-

том" - сахаром в Малороссию,- сахар был нужен для питания и для черного рынка, и что в районе Унечи (линия Брянск-Гомель) легче всего покинуть советскую зону и добраться до Клинцов и далее на Украину. Унеча была последней советской ж.д. станцией перед демаркационной линией, проходившей по большим лесам; от этой станции мешочники идут или пешком или на подводах и, было известно, что советские пограничники смотрят почти всегда сквозь пальцы на переход через границу, собаками не пользуются и не отказываются от сахарных даров возвращающихся мешочников. Конечно, ни в коем случае не следовало носить даже остатки офицерской формы и нужно было не отличаться от толпы и смахивать не то на рабочих, не то на мешочников и придать такой одежде несколько поношеный вид.

В Смоленске друзья моего брата достали нам сухарей, несколько банок консервов, а также помогли нам составить маршрут; дали несколько попутных адресов, револьвер и карту Брянско-Гомельского района. Маршрут: Смоленск - Рославль - Брянск - Унеча (граница) - Гомель. Документы: у меня царский паспорт с двуглавым орлом, выданный Начальником Михайловской Артиллерийской Академии в феврале 1918 года, а у брата - какой-то состряпаный документ. Передвигаться никто не запрещал и следовало надеяться на "авось" да на "небось" и что никто нас не тронет. Первая остановка была назначена в Рославле.

Путешествие Смоленск-Рославль прошло без заминки и из поезда, прежде чем итти по указанному адресу, мы пошли в привокзальную чайную; здесь было много народа, по виду рабочие и другие простолюдины. Очень приятный голос пел с игрой на гармошке известную частушку: "Жила была Россия, Великая держава, враги ее боялись, была ей честь и слава..." Эта песнь меня подбодрила,- мы не одни. К чаю, к моему глубокому удивлению, нам принесли по большому куску колотого сахара и половой шепнул на ухо:"подарок военным" и мигнул глазком на молоденькую бабенку,- это мол она вам шлет. Вот тебе и камуфляж! Говорю брату:"давай отчаливать", в ответ:"сиди и кончай сперва чай, а потом видно будет". Конечно, торопиться было неразумно: военных нашего возраста было очень много в это время и слова полового не означали еще, что нас признали за офицеров. Я кивнул головой в сторону бабенки и за "спасибо" получил в ответ: " кушайте на здоровье, голубчики".

Выйдя из чайной мы отправились разыскивать друзей по адресу и вскоре в очень приличном доме мы нашли наших хозяев, ласковых и гостеприимных людей. Без всяких расспросов они смеясь нам рассказали, что о нашем визите они были предупреждены, что хозяева чайной их

друзья и что чай там китайский, а сахар малороссийский. В ответ я криво улыбался и думал, что никогда не достигну такого совершенства в любезности. После долгих разговоров было решено, что мы избавимся от револьвера, т.к.если при обыске его найдут, пощады нам не будет, а без оружия можно будет выйти из скверного положения. Дали нам билеты до Брянска, указали адреса тамошних друзей и мы, уже поздно вечером, пошли на вокзал. Было темно, на улицах никого не было и в одном из пустырей около вокзала я закопал револьвер в песке. На вокзале долго ждать не пришлось и мы устроились в пассажирском поезде очень хорошо. Ехали всю ночь и на рассвете, прибыв в Брянск, отправились пешком в город разыскивать друзей. Я был в плохом настоении и когда какая-то баба с крыльца своего дома спросила меня визгливым голосом который час, я не задумываясь, послал ее ко всем чертям и получил за это братский выговор и внушение. Бабка тоже не осталась в долгу и тем-же пискливо-шипящим голоском заметила: "много вас таких проходимцев по улицам бродит..."

Мы довольно скоро нашли домик по адресу и встретили там очень любезную старушку, полу-глухую. Она занялась нашим кормлением и затем указала комнату, в которой мы и расположились на отдых, и только к вечеру могли вести деловой разговор с молодым человеком, хозяином дома. Он одобрил наш маршрут Брянск-Унеча, подтвердил наши сведения о мешочниках, сказал, что вообще их очень много и поезда (товарные) на Унечу всегда переполнены, ходят ночью и проверка документов маловероятна. Во всяком случае, нужно иметь проездные билеты, т.к.иначе на перрон не попадешь, а, чтобы эти билеты получить, надо также представить в кассу удостоверение от предприятия, в котором работаешь и посоветовал попытать счастья просто с нашими документами, о которых я уже упомянул раньше. Это последнее обстоятельство нас сильно огорчило, но надо было рисковать.

На следующий день вечером мы отправились на вокзал и я стал в очередь за билетами, решив, что лучше попробовать одному. В очереди передо мной стоял хорошо одетый но в каскетке господин и после того как он получил билеты, он обернулся ко мне и заявил, что по ошибке он взял два лишних билета и не желаю ли я взять один из них. Я был счастливо изумлен и, взяв два билета, крепко пожал ему руку. До отхода поезда было больше часа и пришлось отсиживаться на вокзале. Народу было очень много. Брат завел разговор со стариком-инвалидом со множеством медалей и крестов на груди и расспрашивал его о походах и боях. Мне не сиделось на месте от этого разговора и я предложил брату немного прогуляться под предлогом головной боли от

махорочного дыма. В общем все прошло благополучно и нужно было торопиться для посадки. В этот раз товарный вагон был битком набит пассажирами. Мы ехали целую ночь без всяких приключений и к раннему утру прибыли на станцию Унеча.

Как было заранее решено, мы почти бегом бросились в лес и лишь один старик около ж.д.будки проводил нас своим пытливым взглядом. К нашему несчастью пошел дождь, мы сильно промокли и после получаса ходьбы наткнулись на какое-то болото и дальше итти было очень опасно, т.к.мы знали, что в этом районе много трясин. Дождь прошел, появилось солнышко и мы много смеялись над нашей участью, когда полураздетыми высушивали свое одеяние на ветках дерева и ломали голову как нам быть и что предпринимать дальше. Была у нас и карта и бусоль, но было ясно, что из-за болот нам будет очень трудно пробраться. После короткого военного совета было решено возвратиться на ст.Унеча и, зная что там можно найти подводу, отправиться по примеру Тараса Бульбы с каким-нибудь Янкелем в Клинцы.

Вернувшись на ст.Унеча, мы устроились, как и много других, в саду при станции. Сидели мы на погребе и нас со станции не было видно. Мы спокойно обсуждали как нам выйти из создавшегося положения, как вдруг со станции кто-то зовет: "Прокофьев, Прокофьев!" Брат было ринулся навстречу этому зову, но я схватил его за фалды и удержал. Пробыв несколько минут у погреба и, так как никто нас больше не разыскивал, мы пошли к подводам. Все обошлось благополучно, крестьянин за 300 рублей (керенок) взялся везти нас в Клинцы в два этапа: первый этап - самый длинный - до дома крестьянина и второй - оттуда до Клинцов. Нам нужно было зарыться в сено подводы и это, конечно, было лучше, чем лежать под кирпичами, как это пришлось Тарасу.

Дорога шла лесом и ехали мы довольно долго и наши сердца радостно забились, когда наш возница заявил, что мы переехали демаркационную линию и что мы избежали пограничников, которых он видел издали с винтовками и собакой. Переночевали мы у нашего молодого крестьянина на чердаке, где уже было несколько пожилых евреев, также бежавших из большевицкого рая. Перед отъездом в Клинцы один из бывших солдат из этого дома сказал мне, что я очень неосторожен, так как сразу видно, что мы офицеры, несмотря на нашу одежду. Я с ним не намеревался спорить.

Перед въездом в Клинцы возница нам сказал, что будет лучше, если мы слезем с подводы и пойдем пешком, т.к.на окраине города всегда стоит немецкий часовой и очень нежелательно, чтобы он проверял наши документы и содержимое наших чемоданов. Мы благополучно прошли мимо

часового, а наш милый возница стегнув своих лошадей, скрылся с подводой и, значит, с нашими вещами в улицах города. Потеря была очень чувствительна, но наша радость полученой свободы была велика. В г. Клинцы жил один из сослуживцев брата по Владивостокской крепостной артиллерии и брат знал его адрес. После недолгих поисков мы нашли его дом и были радушно приняты его семьей. Пробыли мы у них около недели. Друг брата выхлопотал нам удостоверения от украинской полиции, в которой он служил. В этих удостоверениях значилось, что мы являемся вартовыми (страж никами) и это обстоятельство окончательно укрепило веру в нас самих и отразилось на нашем самочувствии. Конечно, удостоверения эти были нам выданы не с целью устроить нас на службу, а лишь для обеспечения нашего дальнейшего путешествия.

Из Клинцов нужно было пробраться в Гомель, а оттуда в Киев. Станция Клинцы была занята немецким караулом и, чтобы получить проездной билет, требовалось дать большую взятку, что нам было не по карману. Нужно было искать другой выход. Мы его нашли перед самым отходом поезда. Заметив, что на перроне немецкий пожилой уже офицер вел разговор с комендантом станции, я решил попросить часового немца у выходных на перрон дверей, чтобы он нас пропустил к оберсту, т.к.по желанию (якобы) последнего мы должны были ему представиться. Уже был дан второй звонок для отхода поезда и нужно было торопиться. Часовой нас пропустил и мы взяли сперва направление на оберста, но потом резко свернули к поезду и, будучи уже вне поля зрения часового, вскочили на платформу товарного вагона. Третий звонок,- и поезд покатил в Гомель. Казалось, что все прошло благополучно и кондуктор, проверявший билеты, был удовлетворен нашими полицейскими удостоверениями. Но вот неизвестно почему, после приблизительно одного часа пути, поезд остановился, было отдано распоряжение оставить вагоны и была произведена проверка документов украинской полицией. Наши удостоверения нас спасли еще раз, а полицейские нам сказали, что ищут шпионов.

Прибыв в Гомель, мы увидели поезд готовый к отходу на Киев и попросили начальника станции помочь нам, откровенно объяснив ему всю нашу одиссею. Он категорически отказал нам, объяснив, что не рискует иметь дело с немцами, если они нас арестуют. К счастью мы познакомились с одним офицером-артиллеристом, жителем Гомеля, который, выслушав нас, посоветовал найти место на пароходе Гомель - Киев, что нам и удалось. Жалеть не пришлось, т.к.путешествие было отличное, капитан парохода очень милый человек, никакой полиции на пароходе не было и немцев тоже не было. Плата с нас была взята

маленькая, а на крытой палубе места было много. Два еврея имели неосторожность занять наши места в то время, когда мы любовались природой и брат высказал им всю злость, накопившуюся во время пребывания под большевицкой властью.

Высадились мы в Киеве около Царского Сада,- проверки документов никакой,- и мы немедленно отправились на угол Крещатика и Фундукленевской к моему знакомому поляку, владельцу квартирной конторы. Я раньше жил 10 дней во время войны у него в семье, будучи командирован с фронта в Киев по делам моей батареи. Принял он нас очень хорошо и мы переночевали у него в доме. В Киеве в это время формировались Южная и Астраханская Армии и этой последней занимался мой бывший командир батареи генерал Князь В.Ю.Кантакузен, последний командир л.гв.Гусарского Его Величества полка. Он нам посоветовал отправиться в Новочеркасск, где происходила запись в Добровольческую Армию. По его же совету мы посетили Посольство в Киеве Всевеликого Войска Донского и были приняты самим послом, милейшим генералом Черячукиным, Атаманом Зимовой станицы, как его величали. Он долго с нами беседовал и расспрашивал о положении в Советской зоне. Генерал дал нам возможность отправиться из Киева с эшелоном будущих добровольцев через ст.Зверево в Новочеркасск. Там мы и были зачислены в Добровольческую Армию и из Новочеркасска через ст.Аксай и станицу Старочеркасскую довольно кружным путем прибыли в Екатеринодар в распоряжение Дежурного генерала Штаба Добрармии, который нас направил к ген.Неводовскому, в то время начальнику всей артиллерии. Ген.Неводовский, бывший курсовой офицер Константиновского училища, нас знал и мы ему рассказали все новости питерской жизни и о судьбе училища. Он назначил нас обоих во 2 легко-гаубичную батарею, формировавшуюся в это время в Екатеринодаре и очень скоро бы очутились под Ставрополем, участвовали в его взятии и во всех дальнейших боях вполоть до эвакуации из Крыма.

Наш поход был закончен и, если он и не был очень ледяным, то во всяком случае очень интересным.

М.Прокофьев,(6 вып.)

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ.

В сборнике "Суворовцы" за № 8, выпущенном в апреле 1957 года, была помещена моя очередная статья под заглавием "Из воспоминаний о Суворовском Корпусе". Статья эта воспроизводила мои воспоминания о родном Корпусе со дня зачисления в него до дня отъезда уже окончившим полный курс наук юношей. Вследствие того, что в то время темы для статей были ограничены воспоминаниями о Корпусе и его быте я, сдав исчерпывающий материал по существу, на этом и остановился. Сейчас, когда с течением времени информационные данные на эту тему уже почти исчерпаны и дальнейшие выпуски нашего Сборника стоят под угрозой их прекращения, а также вследствие предложения присылать статьи на обще-военные темы, я постараюсь дополнить свои воспоминания пребыванием в Морском Корпусе.

Рано утором 4 июня 1913 года я прибыл в Петербург. Ночью я почти не спал взволнованный предстоящими событиями, коренным образом менявшими всю мою предыдущую жизнь. Представлялось величественное здание Морского Корпуса, этой исторической колыбели офицерского состава Российского Императорского Флота... В памяти мелькали портреты знаменитых адмиралов прославивших наш Флот и так же вышедших из этих стен Морского Корпуса. Я чувствовал себя гордым этим обстоятельством и по юношески счастливым. Наконец выполняется заветная мечта. Надо предстать перед новым начальством в лучшем виде, думал я, в десятый раз проверяя свое обмундирование и мысленно подготавливаясь к встрече с ним. На вокзале, храбрости ради, я выпил две чашки кофе, кой чем закусил, а затем взял извозчика для поездки в Морской Корпус.

Громадное и величественное здание его буквально поразило меня, когда я наконец подъехал к главному подъезду со стороны Набережной. Улыбающийся франтоватый швейцар направил меня в одну из боковых комнат на 1 этаже. Открыв входную дверь, я застыл на пороге от неожиданности. В большой комнате сидя, прогуливаясь и беседуя группами было человек 20 кадет различных сухопутных корпусов. Ни студентов, гимназистов или реалистов не было видно ни одного. Офицера тоже еще не было. Что за чудеса? невольно подумал я, входя в комнату и здороваясь с присутствовавшими.

Ко мне приветливо улыбаясь, подошел миловидный и стройный кадет, вице-унтер-офицер Псковского корпуса и завел непринужденный разговор, который позволил мне, не торопясь, присмотреться ко всей

группе. "Иван Георгиади"- представился он когда я назвал свою фамилию. "Я здесь околачиваюсь около часу"-прибавил он - и успел уже познакомиться с большинством из присутствующих кадет. Нас, оказывается выделили в отдельную группу для совместного плавания на одном корабле. Шпаки будут плавать совершенно отдельно, чему я очень рад. Это с самого начала сплотит нашу группу, ибо, будучи слеплены из одного кадетского теста, мы легко поймем друг друга". Затем, переходя на дружеское "ты", он назвал по фамилии большинство присутствовавших. "Обрати внимание на поразительный подбор нашей кадетской группы: четыре вице-фельдфебеля, остальные нашивочники, кроме двух, одного Хабаровца и одного Одессита." В ответ я только развел руками, ибо факты на лицо не требовали никаких словесных подтверждений.

В это время в дверях комнаты появилась фигура невысокого и худощавого капитана 2 ранга, повидимому штатного офицера-воспитателя, судя по его погонам с белыми просветами и кантом. Все кадеты мгновенно поднялись и стали смирно. Офицер этот не торопясь произвел перекличку по списку в своих руках и, убедившись в том, что все принятые в Морской Корпус кадеты на лицо, обратился к нам с краткой приветственной речью.

На программе дня, сообщил он: 1) медицинский осмотр; 2) баня и стрижка, в согласии с существующими правилами; 3) сдача казенного кадетского обмундирования каптенармусу и одновременный прием рабочей одежды, приспособленной для предстоящего плавания; 4) затем - обед и отправка всей группой на Балтийский вокзал строем для отправки вечерним поездом в Ревель. "Помните, что вы сохраняете звание рядовых кадет наравне с другими до окончания трех-месячного практического плавания",- прибавил он назидательным тоном,- "и только те из вас, которые выдержат специальные экзамены и будут вслед за ними приведены к воинской присяге, получат звание гардемарина осенью".

Обведя всю застывшую группу кадет прозорливым взглядом, он остановился на вице-фельфебеле Поленове. "Ваша фамилия?" "Поленов, господин капитан 2 ранга!"- звонко раздалось в ответ. "Так вот, кадет Поленов, я вас назначаю старшим группы до прибытия в Балтийский Порт. Ведите свою группу на медицинский осмотр!"

Наше общее разочарование намеченной программой дня не имело предела. Ведь каждый из нас втайне надеялся на отпуск и прогулку по Невскому проспекту уже в "шикарной" гардемаринской форме...

Не буду в подробностях списывать "хождение по мукам", определенное намеченной этим незнакомым нам офицером программой дня. Скажу только, что по окончании ее мы оказались в бесформенной матросской

рабочей одежде, предписанной уставом, без каких-либо знаков отличия и выглядели скорее как матросы штрафного батальона. Только фуражки с белыми чехлами и надписью на ленточках "Морской Корпус" отличали нас от арестантов. Это было первое и глубокое разочарование предстоящей службой, которое все мы, по молодости лет и неопытности, почувствовали с самого начала.

Пророческие слова великого А.С.Пушкина "так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат" мы оценили по заслугам только много позже, когда ближе познакомились с морской жизнью. Начальство готовило нас в качестве опытных и знающих моряков, а не "маменькиных сынков" в белых перчатках.

Под вечер старший группы Поленов повел нас строем через весь город на Балтийский вокзал. Шествие это имело сугубо унылый вид, ибо жали до боли плохо пригнанные казенные сапоги и за спиной каждого из нас болтались тяжелые, набитые бельем, сменами и личными вещами холщевые "кисы", т.е.вещевые мешки. На Балтийском вокзале нашу группу встретил дежурный офицер из кадрового состава Морского Корпуса, который, имея на руках все необходимые документы, без задержки устроил для всей группы отдельный вагон 3 класса. К 10 часам вечера поезд тронулся, а мы заняли свои места по способности. Предстояло путешествие до утра. Твердые сиденья и крайняя переутомленность от всего пережитого в этот знаменательный для нас всех день не располагали ко сну.

Наши радужные мечты так не гармонировали с настоящим. Ведь наше пылкое юношеское воображение представляло себе прием в Морской Корпус как что-то торжественно-прекрасное и красочное. Мы мысленно готовились к парадам, отличиям и белым перчаткам, а нам вместо этого преподнесли бесцветные, казенные фразы, безформенную рабочую одежду и отвратительные казенные сапоги. Но, как и всегда бывает, когда собирается вместе группа безусой молодежи, нашлись весельчаки и шутники, которые подняли наше настроение.

"Здорово, арестанты!" раздавались их оклики с другого конца вагона, "на утро казнь, но без боязни мы мыслим об ужасной казни". "Говорят, что головы будут снимать в алфавитном порядке". "Все уже готово, даже постригли". "Слушай, беглый одессит, ты, кажется, будешь первым?" "Нечего нюни разводить", перебил его второй голос,- "давайте лучше хоровую" и он зычно запел про вещего Олега. Его дружно поддержали все "арестанты".

Улеглась публика только далеко за полночь.

Проснулся я от громкого стука колес вагона на подъездных стыках и стрелках. Было уже около 7 часов утра. Выглянув в окно, я увидел какой-то большой пригород. "Поднимайтесь, господа кадеты, через 10 минут мы будем в Ревеле", проходя по вагону зычным голосом известил нас обер-кондуктор,- "тут вам предстоит пересадка". Через несколько минут мы уже построились на вокзальной платформе, с неизбежными "кисами" за плечами. Откуда-то появился адъютант Коменданта Ревельского порта и, проверив нас по списку, приказал Поленову вести всю группу кадет на платформу № 7, куда уже был подан поезд местного сообщения - Ревель-Балтийский Порт. Поезд состоял только из двух вагонов, одного полу-багажного, полу-пассажирского и другого 3 класса для нас. Во главе его тяжело пыхтел невзрачный паровоз до-исторических времен.

В нашем вагоне уже расположился штатный служитель Морского Корпуса с громадным чайником и плетеной корзиной, наполненной аппетитными булочками. Приветливо улыбаясь он, указав на ряд кружек установленных на противуположном сидении, пригласил "господ кадет" выпить чайку и закусить. Пока мы, как голодные волки, принялись за уничтожение содержимого корзинки, поезд тронулся. Когда он вышел из под закрытого крышей перрона, я увидел хмурое небо, обложенное темными тучами извергающими потоки косого дождя. Как далеко до Балтийского Порта? - спросил я служителя. Два часа с небольшим езды,- ответил он,- будем там часам к десяти утра. "Ну и погодка"- мрачно изрек мой сосед, кадет-Полочанин,- "этак можно промокнуть до костей! Куда же мы с тобой попали, Суворовец?" Вместо ответа я повернулся лицом к переборке и растянулся на твердом сидении. "Отвратительное начало"- думал я - "а что же еще впереди?"

В начале одиннадцатого утра мы наконец добрались до какого-то полустанка. Поезд, тяжело пыхтя, остановился. "Балтийский Порт", осведомил нас кондуктор, "пассажиры, выходи на платформу!" Платформа эта оказалась не крытой и мы сразу же попали под сильный дождь. Старший нашей группы Поленов прошел в станционное помещение для справки о дальнейшем маршруте. Через пару минут он вернулся и поставил нас в известность о том, что все мы назначены на канонерскую лодку "Хивинец", стоящую на якоре под южным берегом бухты, и что за нами с корабля будет прислана шлюпка. Строем мы прошли на пристань и там окончательно промокли под дождем, что называется "до ниточки". Холодный и свежий северо-западный ветер не располагал к радужным думам. Кругом все чертыхались и ругали погоду.

Я огляделся кругом, чтобы лучше оценить обстановку. "Балтийский

Порт" с его громким наименованием представлял из себя ни что иное как небольшой поселок, состоявший из ряда казенных зданий разного типа. Рейд большой бухты был пуст. Только милях в трех от пристани, под южным берегом, сквозь пелену холодного дождя, обозначался неясный силуэт какого-то двух-трубного и двух-мачтового корабля защитного цвета. Нам было видно как от него отошла большая шлюпка и, подняв паруса, начала лавировать в направлении пристани. Минут через 40 она наконец подошла, спустила паруса и закрепила концы. Шлюпка, как мы узнали позже, оказалась судовым баркасом, т.е.самым большим из гребно-парусных лодок "Хивинца". На дне ее сидели три матроса в кожанках, а на корме у руля виднелась плотная фигура пожилого человека в желтом непромокаемом плаще и зюйд-вестке, с черным щитом, закрывающим левый глаз.

Он не торопясь вышел из баркаса и подошел к строю кадет ставших смирно. "Позвольте представиться", бодро проговорил он, прикладывая правую руку к своему головному убору, - "старший лейтенант Заев, старший офицер кононерской лодки "Хивинец". Затем, выпрямившись во весь рост, он громко произнес: "Здорово, кадеты!" "Здравия желаем, господин лейтенант!" раздался дружный ответ. "Отставить!" нахмурился он,- "обращайтесь ко мне как к господину старшему лейтенанту. Здорово, кадеты!" повторил он. Получив ответ по уставу, он слегка улыбнулся. "Кадеты на баркас, кисы на плечо!" раздалась новая команда. Мы быстро подошли к шлюпке и заняли места по способности на банках, т.е.на скамейках. На дне шлюпки было от 3 до 4 дюймов воды от дождя и водяных брызг при лавировании под парусами.

Старший лейтенант Заев занял свое место у руля и снова скомандовал: "Кадеты под банки, отдать концы, паруса поднять!" Строевой боцманмат, т.е.старший унтер-офицер, сидевший рядом со мной, энергичным жестом показал нам на дно баркаса,- "садись, господа кадеты, да побыстрее!" произнес он, выбирая фал паруса. Мы с недоумением посмотрели друг на друга и, гримасничая от неприятного эффекта холодной воды, сели на самое днище шлюпки. "К повороту оверштаг!" скомандовал ст.лейт.Заев. "Есть, к повороту оверштаг!" дружно ответили матросы. Баркас перешел линию ветра и лег на левый галс. Через минуту он уже забрал ход и полетел вперед. Боковая волна изредка хлестала через борт и тем делала наше сидение на донных решетках еще более неприятным. Однако, сохраняя свое олимпийское спокойствие и выдержку, ст.лейт.Заев продолжал уверенно вести баркас к "Хивинцу", периодически меняя галсы с правого на левый и минут через 40 подошел к левому трапу корабля. Когда были спущены паруса и закреплены концы,

он скомандовал: "Кадеты на левые шканцы, встать во фронт (т.е.в строй) с кисами!" Поочередно мы взобрались по трапу на палубу "Хивинца" и стали смирно в указанном нам вахтенным начальником месте.

Вскоре из-под полуюта появилась плотная и невысокая фигура Командира "Хивинца", молодого капитана 2 ранга Азарьева с золотым знаком Морской Академии Генерального Штаба и боевым орденом Св.Владимира на синем кителе. Пытливо осмотрев нас, он приложил руку к козырьку фуражки и поздоровался с нами. "Здравия желаем, господин капитан!" раздался наш дружный ответ. "Отставить! Я для вас господин капитан 2-го ранга. Здорово, кадеты!" повторил он и на этот раз был соблюден устав и Командир произнес перед фронтом кадет приветственную и назидательную речь. "Хотя бы дали нам отогреться и пожрать!" услышал я голос подпоручика, стоявшего во второй шеренге. Не тут-то было! Командира сменил старший офицер, а за ним последовали корпусные офицеры, приписанные к "Хивинцу" на время нашего плавания.

Нас разделили на первую и вторую вахты, дали номера и объяснили обязанности каждого из нас в отдельности по боевой, водяной и пожарной тревогам.

Около 5 30 полудня горнист сыграл "отбой". "Кадеты в носовой кубрик с кисами!" скомандовал старший корпусный офицер лейтенант Падчевский. Гуськом мы спустились по узкому и крутому стальному трапу в подпалубный носовой отсек корабля. Это было помещение, предоставленное нам на время плавания. Здесь нам предстояло жить, отдыхать и кормиться втечении следущих трех месяцев. Отсек этот был около 30 футов в длину и около 20 футов в самой широкой его части, постепенно сужающейся по направлению к носу. По бортам были установлены деревянные рундуки с большими ящиками для вещей. Столы были подвешены на цепях под верхней палубой и обычно спускались во время еды. Часть кадет должна была спать на рундуках и часть в подвесных койках, для чего под верхней палубой были установлены соответствующие крючья. Койки убирались в специальные парусные сетки, установленные по бортам верхней палубы сразу же после побудки. В нескольких футах от форштевня по обоим бортам были установлены на верхней палубе клюзы для якорных канатов, которые проходили через наш кубрик в нижний трюм. Приспособление это, как мы узнали позже, было весьма неудобным и неприятным из-за страшного шума при отдаче якорей.

В такой спартанской обстановке предстояло "жить и не тужить" 26 юношам уже окончившим кадетские корпуса.

Голодные, холодные, мокрые насквозь и уставшие до изнеможения, мы быстро помылись и затем набросились на ужин, заблаговременно доставленный нашими служителями в больших общих баках. Нам были розданы эмалированые тарелки, кружки и казенные приборы. Когда мы, забыв все свои мытарства, основательно подкрепились и снова повеселели, на верхней палубе засвистела дудка вахтенного унтер-офицера и послышалась команда:"Кадеты наверх, койки разобрать!" Пулей мы выскочили наверх и выполнили приказ. У каждого из нас был свой номер и койки наши были помечены таковым крупными цифрами.

Наши замечательные служители уже успели убрать все обеденные приборы и ждали нас для очередной и незаменимой услуги. "Не извольте беспокоиться, господа кадеты",хором встретили они нас у трапа,- "мы в раз разберем и подвесим ваши койки, почистим вам сапоги, а после побудки сложим вам койки по уставу. Платите нам по пятерке в месяц с носа, ежели вы на то согласны, а мы уже присмотрим за вами в лучшем виде". Радостным возгласом одобрения всех кадет было встречено это предложение и мы тут же постановили платить по шесть рублей в месяц, поощрения ради. Ведь никто из нас не имел никакого понятия как следует заправлять койки, особенное подвесные и как убирать и сворачивать их по точно определенному размеру, чтобы они поместились в сетках без помехи. Кроме этого, такая работа служителей дозволенная начальством, сберегала значительную часть кадетского времени, предоставленного нам для этой весьма сложной на первый взгляд процедуры. Успокоенные и довольные таким положительным разрешением этого дела, мы уселись на рундуках и начали обмен мнений по поводу событий дня.

"Не жизнь, а просто каторга!" глубокомысленно изрек один из бывших вице-фельдфебелей,- "дернул же меня леший итти в Морской Корпус, когда для меня уже была вакансия в Михайловское Артиллерийское Училище". "Подожди,- это еще только цветочки, а будут и ягодки" - засмеялся его сосед, Симбирец. В это время на верхней палубе раздался неизвестный нам еще сигнал горниста, сопровождаемый неизбежными дудками вахтенных унтер-офицеров и командой: "Все наверх, к спуску флага во фронт!" Мы снова выскочили наверх и стали строем по-вахтенно на шканцах.

Вахтенный начальник с хронометром в руке ждал момента, когда скрытое облаками солнце по астономическому счислению коснется горизонта. "На флаг и гюйс"- скомандовал он когда вышло время,- "флаг и гюйс спустить!" Медленно пошел вниз по флагштоку под аккомпанимент горниста наш незабвенный Андреевский флаг и одновременно за-

жглись якорные огни. "На молитву, шапки долой!"- продолжалась команда вахтенного начальника. Вечерняя молитва с красивыми переливами, подхваченная двумястами голосов кадет и команды, торжественно и плавно поплыла по обширной бухте. "Накройсь! Кадетам и команде разойтись!"- закончил этот веками освященный ритуал вахтенный начальник. В нашем кубрике все койки уже были подвешены и притушены огни, кроме дежурного у трапа.

Можно было ложиться спать. Но как же влезть в мою подвесную койку, как раздеться? - думал я. Служитель, стоявший по дороге, угадав мое замешательство, тотчас же показал мне этот фокус. Ведь койка моя была подвешена на высоте шести футов. "Беритесь, господин кадет, руками за головную часть койки, отталкивайтесь от палубы и на лету заносите ноги на койку. Это - все, ничего трудного!" "Черт тебя побери!" раздалось в это время рядом, когда сосед-хабаровец с размаху, не расчитав, перескочил через свою койку и основательным ударом по ногам разбудил воронежца. Я все-таки справился с этой задачей и, не раздеваясь от томящей усталости, мгновенно заснул. Только подсознательно я чувствовал как моя койка покачивалась в такт с набегавшей с моря волной, подгоняемой свежим северо-западным ветром.

Таков был финал моего первого дня знакомства с морским миром.

В 6 часов утра на следующий день горнист на верхней палубе разбудил нас громким сигналом "побудка". На кубрике ярко зажглись притушенные огни и у входного трапа одновременно появилась фигура младшего корпусного офицера, лейтенанта Неелова, впоследствии прозванного нами "мичман Дырка". "Вставать, не залеживаться!" громко скомандовал он. "Помните, что к 6.30 утра вы должны быть помыты и одеты, а ваши койки должны быть на местах в сетках". К нашему общему удовольствию служители были уже на местах и с изумительной быстротой стали убирать и вязать койки по мере их освобождения собственниками. Это дало нам время немного размяться и привести свои мысли в порядок. Выносить койки наверх и укладывать их по местам однако должны были мы сами. По возвращении в кубрик мы уже застали служителей занятыми приготовлениями к утреннему завтраку. Были уже спущены подвесные столы, расставлены баки с кашей и посуда. Стало веселее на душе. Основательно подкрепившись простой, но вкусной и сытной пищей, мы уселись на рундуках в ожидании следующей команды. Некоторые из нас даже снова закрыли глаза. "Кадеты на шканцы по-вахтенно во фронт!" раздался зычный бас вахтенного боцманмата, сопровождаемый трелью его дудки."К подъему флага приготовиться!" Мы мгновенно выскочили из кубрика и заняли установленные места на шканцах в строю.

Как мы узнали уже позже, церемония подъема флага и гюйса (носовой флаг на судах 1-го ранга) происходит всегда ровно в 8 часов утра, независимо оттого стоит ли корабль на якоре, у стенки порта или в плавании на ходу. Опоздать на эту торжественную церемонию считалось преступлением и такой проступок жестоко карался. В ней принимали участие все офицеры во главе с Командиром корабля и вся команда до последнего юнги и кока, т.е.повара.

В 7.59 утра вахтенный начальник на юте скомандовал:"на флаг и гюйс!" Все офицеры судового состава построились в одну шеренгу на полуюте с Командиром несколько впереди и правее всей группы.

"Флаг и гюйс поднять!"

Раздались мелодичные звуки горна и кормовой флаг медленно пошел наверх по флагштоку. Наш родной Андреевский флаг, учрежденный более 200 лет тому назад основателем Русского военного Флота Императором Петром Великим. Знамя нашего корабля, с диагональным голубым крестом на белом поле, наш символ веры, чести и готовности защищать свою родину до последней капли крови, как это уже не раз показали наши предки. Все замерли, а офицеры четко приложили свои правые руки к головным уборам. Когда флаг был окончательно закреплен, была подана новая команда: "Команде палубу драить и медяшку чистить. Кадеты в кубрик на лекцию по морскому делу!" Так начался обычный будний день на военном корабле в учебном плавании.

Когда мы уселись с тетрадями и карандашами на рундуках в кубрике, по трапу спустился старший лейтенант Бошняк, скромный, немного застенчивый офицер с офицерским Георгиевским крестом на кителе, один из героев Порт-Артура. В руках у него был сверток концов, т.е.по сухопутному веревок. Его сопровождал боцман Савельев, кондуктор флота, т.е.подпрапорщик, бывший боцман на знаменитой канонерской лодке "Кореец", взорвавшей себя в Чемульпо после гибели в неравном бою с целой бригадой японских крейсеров нашего легкого крейсера "Варяг". "Садитесь, кадеты, не вставайте",скромно проговорил ст.л. Бошняк, занимая свое место у опущенного подвесного стола.

"Сейчас мы вам покажем как надо вязать концы и обращаться с такелажем". Не торопясь он продемонстрировал нам выбленочный узел, двойной выбленочный узел и, наконец, то что он назвал "бабьим узлом"."Вот так вязать нельзя" усмехнулся он, указывая на последний. "Это один срам, ибо этот узел не держит и постепенно сползает, понятно?" Вслед за ним продемонстрировал ряд морских узлов кондуктор Савельев. Его быстрые, опытные руки творили прямо чудеса. В какие-нибудь 5-10 секунд он завязывал такие узлы, которые мы потом не бы-

ли в состоянии распутать втечении получаса. Но квинт-эссенцией его демонстрации были "сплесни", т.е. соединения поврежденных концов разного диаметра и типа. Это он тоже демонстрировал с помощью свайки и ножа с такой скоростью, что мы едва улавливали его движения. Соединения, произведенные им, были настолько хороши, что их трудно было отличить от целого конца. "Ну, довольно, Фомич", похлопал Савельева по пелчу ст.лейт.Бошняк, "иначе кадеты запутаются. Мы оставим им весь материал для практики". "Есть, Ваше Высокоблагородие!" улыбнулся Савельв, "а ежели что не выйдет, вы, хлопцы, обращайтесь до меня, я вам помогу".

Когда, закончив первую стадию своей практической лекции ст.лейт. Бошняк поднялся и направился в сопровождении кондуктора Савельева к трапу, кто-то из кадет спосил: "Разрешите вас спросить, господин старший лейтенант, за что вы получили орден св.Георгия?" Бошняк сначала немного смутился от неожиданного вопроса, но быстро оправившись, скромно произнес: "За то что по совести и чести защищал матушку Россию. Ну, попался под нос японский контр-миноносец, я его потопил таранным ударом с полного хода, а затем, сильно хромая, вернулся в Артур". Громкие возгласы одобрения кадет встретили эти скромные слова. Кто-то сзади даже пытался аплодировать, но его моментально заткнули.

Следующим лектором был старший артиллерийский офицер "Хивинца" ст.лейт.Иванов, выдержанный, черезвычайно вежливый и тонный офицер. Вслед за ним два артиллерийских унтер-офицера принесли в кубрик большую грифельную доску и установили ее у задней переборки. "Наше артиллерийское вооружение", начал он, "состоит из двух 120 миллиметровых орудий типа 'Каннэ' на полубаке и полуюте, а также восьми 75 миллиметровых орудий в батарейной палубе, по четыре с каждого борта. 120-миллиметровые орудия защищены броневыми щитами в 1½ дюйма толщиной, урок японской войны, а 75-миллиметровые расположены в казематах, защищенных от осколков снарядов неприятеля. Конечно, канонерская лодка "Хивинец" - боевой корабль Балтийского Флота, но его функции, ввиду малого тоннажа и слабого артиллерийского вооружения ограничиваются защитой берегов и фланговым обстрелом сухопутных частей неприятеля. Вы достаточно хорошо осведомлены о том, кто им может быть, поэтому этого вопроса мы обсуждать не будем. В Балтийском Флоте, помимо бригады линейных кораблей и отряда крейсеров, а также шести дивизионов миноносцев, имеется отряд канонерских лодок особого назначения типа "Бобр". Их четыре, все одного типа. Кроме них у нас в строю "Хивинец" и старая кононерская лодка времен японской войны "Храбрый" с двумя бортовыми 8-дюймовыми орудиями. На ней, между прочим, будут плавать студенты, гимназисты и реалисты, принятые в Морской Корпус, т.е.

ваши будущие однокашники. Эта лодка также причислена к Учебному отряду судов Морского Корпуса". Перед скончанием лекции ст.лейт. Иванов втечении нескольких минут объяснил нам вкратце теорию баллистики и принципов артиллерийской стрельбы.

Его около 11 часов утра сменил старший корпусный офицер, лейтенант Падашевский, вскоре прозванный нами за свой восточный облик "карапетом". Это был серьезный, весьма солидный офицер, слывший педантом высшей марки за свою поразительную точность и соблюдение всех статей устава. "Для начала я познакомлю вас с несколькими основными статьями морского устава" спокойно проговорил он, внимательно присматриваясь к нам,"а затем сделаю детальное объяснение их по существу. Необходимо всегда помнить то, что некоторые из них были введены в устав самим Императором Петром Великим в парусном флоте и уже значительно позже подверглись капитальным изменениям и дополнениям в связи с быстрым темпом роста технического прогресса. Ведь то что делалось вручную на тихоходном и неуклюжем парусном корабле, совершенно неприменимо для современных быстроходных военных судов с их механическим оборудованием". Лекция прошла оживленно и сказалась весьма поучительной для нас, таких любознательных новичков.

Незаметно подошел обед, а за ним и положеный по уставу "мертвый" час, т.е.отдых для всей команды. Нам показался черезвычайно забавным старинный сигнал, дошедший и до наших времен, а именно: "Команде стричься, бриться, в бане мыться, песни петь и веселиться!" Нечего и говорить о том, что устроившись в своем кубрике на рундуках "по способности", мы мгновенно заснули сладким и безмятежным сном беспечной молодости.

После отдыха практические занятия продолжались. Нас вызвали на верхнюю палубу, где лейт.Неелов начал в подробной форме знакомить нас с морской терминологией. Мы тут же записывали ее в свои тетради, медленно обходя корабль всей группой. Немного погодя лейт.Неелов подвел нас к вельботу и, объяснив детально способ спуска его на воду и подъема на ростры, заставил нас несколько раз проделать этот маневр. Спускать эту шлюпку на талях, а затем поднимать ее вручную, вызвало появление первых мозолей на руках.

"Завтра утром, сразу же после подъема флага, для вас намечено первое шлюпочное учение", улыбнулся Неелов,-вот когда вы научитесь держать в руках весла и грести в такт, по команде, не задевая друг друга. Такое ежедневное утреннее учение придаст вашим мускулам упругость и постепенно разовьет ваши грудные клетки. Когда позволит время, место и погода мы устроим для вас купание прямо с борта и

покажем вам правильный темп плавания, а заодно увидим в какой степени каждый из вас в отдельности умеет уже плавать."Чего вы улыбаетесь, кадет?" неожиданно сбратился он ко мне. "Я умею плавать, господин лейтенант" ответил я. "Где вы учились?" "В школе плавания на Висле, там я окончил два курса". "Хм, на Висле",в свою очередь улыбнулся Неелов,-"да там наверное курица лап не замочит!" "Никак нет, река большая и глубокая с сильным течением", возразил я.

Заканчивая свою практическую лекцию лейт.Неелов обьяснил нам, что около 1 сентября мы будем держать практические экзамены по ряду специальностей и только те из нас, которые выдержат их, будут произведены в гардемарины. Затем он перечислил эти экзамены.

1.Штурманское дело (навигация,девиация компасов).

2.Артиллерийское дело (знакомство с вооружением корабля, сборка и разборка орудийных замков и прицелов, учебная стельба).

3.Минное дало (знакомство с самодвижушимися минами Уайтхеда, включая сборку и разборку их механизмов, мины заграждения и подрывное дело).

4.Машинное дело (знакомство с механизмом корабля, котлами, отливными помпами и трюмным устройством).

5.Радио-телеграфное дело (знакомство с приемными и отправительными аппаратами, прием и передача по азбуке Морзе).

6.Морское дело (знакомство с морскими узлами и сплеснями, рангоут, такелаж, парусное и гребное дело).

"Экзамены эти" добавил лейт.Неелов,"будут иметь большое значение при выпуске из Корпуса в качестве прибавочных баллов к общему среднему, определяющему старшинство каждого из вас при разборке вакансий". Сигнал к обеду прервал лекцию и все мы,основательно проголодавшись, "посыпались горохом" в свой кубрик.

С этого дня мы уже тоже начали нести судовую службу. Ставился трех-сменный караул у флага на юте во главе с караульным начальником. В распоряжение вахтенного начальника назначались помощники, которые, будучи в полной выходной форме, исполняли его приказания и в этом отношении заменяли вахтенных строевых боцманматов, по сухопутному старших унтер-офицеров.

Из состава группы нами был выбран собственный артельщик, в обязанности которого была покупка на берегу необходимой свежей провизии для кадетского стола. Он считался должностным лицом и съезжал на берег вне очереди вместе с буфетчиком офицерского стола и командным артельщиком. Эта группа считалась нестроевой командой, но назначение ее имело весьма важный экономический характер. На место на-

шего артельщика был выбран кадет одного из Московских корпусов, Илья Дитерикс, очень солидный и практичный юноша. Наш казенный паек в 1913 году был 1 рубль 29 копеек в сутки, сумма по тому времени очень основательная (командный паек определялся тогда в 69½ копеек в сутки). В обязанности нашего артельщика входило также ведение казенной отчетности и сдача счетов ревизору корабля для их проверки. Нам было разъяснено начальством с самого начала, что экономия в положенных кадетам казенных пищевых сумм подлежит распределению между всеми членами кадетской группы поровну к концу плавания. Поэтому, ревностный Ильюша, занявшийся серьезным образом основательной экономией с самого начала, не без причины стал общим любимцем. Забегу немного вперед и скажу с гордостью об Ильюше, что он блестяще оправдал наше доверие и, в конечном результате, накануне окончания плавания каждый из нас получил наличными от ревизора по 44 рубля и 87 копеек к всеобщей радости. Это обстоятельство, принимая в расчет присылку нашими родителями дополнительных сумм к концу плавания, давало нам полную возможность приобрести собственные палаши вместо потрепаных казенных и отличные ботинки, что разрешалось в отпуску, вместо грубых казенных сапог.

Принося читателям свое извинение за невольное отступление от хронологического описания событий в этом плавании, я вновь возвращаюсь к очередным выпискам из своего дневника.

В 9 часов утра 12 июня канонерская лодка "Хивинец" снялась с якоря и взяла курс на Ревель.

Погода стояла ненастная. Черные тучи проносились над кораблем, подгоняемые шквалистым северо-западным ветром. Шел мелкий, холодный и неприятный дождь. Когда мы вышли за входной маяк "Пакерорт" и изменили курс на север, т.е.стали лагом к волне, началась основательная бортовая качка. Корабль стало бросать с борта на борт с креном превышающим 15 градусов. Вахтенные кадеты стояли на указанных им по расписанию местах. Некоторые из них украдкой весело улыбались, другие приобрели на лицах желтовато-землистый цвет и имели встревоженный вид. Свободные от службы расположились в кубрике на рундуках. Через несколько минут двое или трое из них "травили канат", как говорит морская терминология в подобных случаях. Воздух в кубрике,несмотря на открытые иллюминаторы, стал настолько неприятным, что я вышел на верхнюю палубу. Там,"прилепившись" к бортовым поручням, уже стояло несколько жалких фигур, страдавших от качки. В конце концов некоторых из них пришлось увести под руки в кубрик и уложить на рундуки. К счастью для "больных морской болезнью" переход в

Ревель был коротким и они не слишком пострадали.

Когда мы уже миновали остров Нарген, впереди с обоих сторон обрисовались мощные корпуса крупных военных кораблей. "Это наша вторая морская база и крепость", проходя на ходовой мостик похлопал меня по плечу ст.лейт.Бошняк,-"главная - Гельсингфорс под защитой крепости Свеаборг".

"Все наверх. Команда и кадеты во фронт!" засвистали дудки вахтенных. Мы стали в строй по-вахтенно на шканцах.

Качка почти совершенно прекратилась. Кругом выростали берега с многочисленными постройками, увенчанными высокими шпилями лютеранских церквей, - готической архитектуры кирок. "Хивинец" уменьшил ход до малого. На рее фок-мачты взвились два разноцветных сигнальных флага с позывными корабля, т.е.опознательными знаками, в нашем случае "8Х", а по общепринятой морской терминологии - "восемь хер". При приближении к огромному трехтрубному кораблю с мощными обводами и с адмиральским флагом на ноке фок-мачты, стоявшему на якорях правее нашего курса, горнист протрубил "захождение".

Все подтянулись и замерли в неподвижности, а офицеры, выстроенные на полу-юте, приложили руки к головным уборам. Это был традиционный морской ритуал, приравненный к отданию чести старшему на рейде начальнику. "Броненосный крейскр 'Рюрик'", прошептал мой сосед слева,- "у меня есть его фотография". На юте флагманского корабля стояла группа офицеров во главе с невысоким, плотным адмиралом в сюртуке, повидимому Командующим Балтийским Флотом. Он держал в руках, приложив к глазам, цейсовский бинокль и внимательно осматривал проходивший мимо корабль. Когда "Хивинец" был уже на траверсе, т.е.поравнялся с ютом флагманского корабля, адмирал приложил руку к фуражке и громко произнес: "Здорово, Хивинец!" "Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство!" раздался дружный и четкий ответ всей команды. "Сигнальщики по местам, горнист, труби отбой!" раздалась команда с ходового мостика. "Разойтись. Команда по местам, на якорь становиться!" На флагманском корабле взвился новый сигнал: "Восемь хер, стоянка квадрат четырнадцать" и вслед за ним другой: "Адмирал выражает "Хивинцу" свое особое удовольствие".

Когда мы наконец стали на якорь и развернулись под ветер, к нам на верхней палубе снова, широко улыбаясь, подошел ст.лейт.Бошняк. "Вы сейчас видели Командующего Флотом легендарного адмирала фон Эссена, героя Порт-Артура и бывшего командира броненосца "Севастополь". Он строг к себе, строг к подчиненным и скуп на похвалы, но, как видите, вы заслужили его похвалу при первой же встрече, с чем я вас и

поздравляю".

Во время своей стоянки в Ревеле мы потеряли двух кадет нашей группы, пожелавших списаться на берег по неудовлетворительному состоянию здоровья и некоторых последствий, связаных с испытанной ими качкой. Фамилии их я не упоминаю по соображениям этического характера. Позже оба были зачислены в Михайловское Артиллерийское Училище и я даже встречался с ними в Петербурге, будучи гардемарином.

Сделав визит начальствующим лицам и возвратившись на свой корабль, командир капитан 2 ранга Азарьев, собрав команду и кадет во фронте на верхней палубе, широко улыбаясь, повторил благодарность Командущего Флотом за образцовый вид "Хивинца" и отменную выправку всего судового состава. "По этому случаю завтра все свободные от нарядов и вахты чины будут по-вахтенно отпущены на берег", закончил он свою краткую речь. Нашим восторгам, конечно, не было конца. Наконец-то мы побываем на берегу в качестве полноправных моряков в своем столь красивом выходном летнем обмундировании.

После обеда и положенного отдыха наши служители явились в кубрик нагруженные новеньким летним обмундированием, выдаваемым в плавании только в парадных случаях. Появились мягкие шерстяные тельники с горизонтальными голубыми полосками, белоснежные форменки с голубым воротником и узкими белыми погонами, обшитыми золотым галуном, новые фуражки с ленточками и белым чехлом и, наконец, хорошо разутюженные суконные брюки специального морского покроя и приличные сапоги первого срока. Тут-же в кубрике началась пригонка обмундирования по размерам и через час мы уже по-очереди стояли перед складным зеркалом, одолженным у судового цирюльника, и с важным видом критически осматривали свои привлекательные отражения в нем. Спустились в наш кубрик и корпусные офицеры лейтенанты Падашевский и Неелов и, заботливо осматривая нас, делали свои замечания.

Когда примерка была закончена к взаимному удовольствию как офицеров, так и кадет, мы в ожидании ужина обсудили свое финансовое положение. Выяснилось, что некоторые "богачи" располагали карманными суммами до 15 рублей, но большинство не имело в своем распоряжении больше одного рубля. Я оказался "середняком" с тремя рублями "капитала". Было решено гулять по незнакомому городу небольшими группами с "богачем" в каждой, субсидирующим скромные покупки и оплачивающим другие расходы. Вот тут-то появился истинный дух товарищества, столь сильный в среде бывших кадет сухопутных корпусов.

После ужина все мы, кроме все еще больных недавней качкой корабля, высыпали покурить у кадки с фитилем (в кубрике курить не разрешалось) и заодно познакомиться ближе с эскадрой, стоявшей на рейде.

В это время, по обязанности вахтенного начальника, верхнюю палубу обходил младший артиллерийский офицер лейтенант князь Туманов, скромный, подтянутый и черезвычайно симпатичный офицер, тоже герой Порт Артура. Увидев нас он остановился и стал любезно перечислять наименования военных кораблей, стоявших вокруг. "Вот там, по направлению к острову Наргэн, линейные корабли (т.е.броненосцы) "Цесаревич" и "Слава". Они входят в состав первой бригады линейных кораблей Балтийского моря; "Император Павел Первый" и "Андрей Первозванный", входящие в состав этой же бригады, сейчас стоят на рейде в Гельсингфорсе. На правом траверзе - крейсер "Адмирал Макаров",а левее его однотипные с ним крейсера "Паллада" и "Баян". С броненосным крейсером "Рюрик" вы уже знакомы. Мористее стоят броненосные крейсера "Россия" и "Громобой". Отряд канонерских лодок стоит слева под самым берегом, а большинство эскадренных миноносцев пришвартованы борт о борт у пристаней. Крейсер "Аврора" с коренными кадетами Морского Корпуса на борту где-то в море. Часть других кораблей стоит в Кронштадте. А вот с моря, подняв свои позывные входит канонерская лодка "Храбрый". Она тоже входит в учебный отряд Морского Корпуса и на ней будут плавать ваши будущие однокашники, в настоящее время кадеты гражданских учебных заведений".

Мы хором поблагодарили лейт.кн.Туманова за любезное объяснение и, когда он ушел с полубака, впились глазами в приближающегося "Храброго". Отдав установленную честь Командующему Флотом на "Рюрике", он стал на якорь в двух кабельтовых не доходя до "Хивинца". Вооружившись запасным цейсовским биноклем, полученым от вахтенного сигнальщика, мы по-очереди и с любопытством стали внимательно осматривать "Храброго". Однотрубный, какой-то неловкий и кургузый, корабль, по-видимому, весьма устарелой постройки, не произвел на нас благоприятного впечатления. "Не иначе как Ноев ковчег", язвили кадеты,- "не то что наш стройный и щеголеватый "Хивинец". "По заказу для лиц гражданского сословия" вставил под общий хохот свою реплику тоняга Воронежец Юра Сукин. Кадеты с "Храброго" тоже столпились на баке и с интересом осматривали "Хивинец".

В 10 час.утра следующего дня первую вахту кадет, т.е.обладателей нечетных номеров, уволили на берег до 4 часов пополудни. В эту группу попал и я. Свезли нас на берег на гребном баркасе матросы с боцманматом у руля.

Попав на пристань и почувствовав твердую почву под ногами, мы разделились на несколько групп и не торопясь пошли вверх по незнакомой нам улице развалистой походкой матерых, видавших виды "морских волков". Надо же было себя показать! После морского раздолья, город с его узкими улицами и старинными постройками в притык друг другу, а также подслеповатыми готическими окнами-амбразурами, произвел на нас невыгодное впечатление. Нам как будто стало нехватать воздуха для дыхания. Зелени и деревьев почти нигде не было видно. Был будничный день и публики на улицах было очень мало. Гуляя, мы останавливались у витрин магазинов, критически осматривали выставки товаров и в изобилии покупали открытки, главным образом, военных кораблей. Когда это занятие надоело, мы довольно долго посидели на скамейке городского скверика, разглядывая прохожих. "Пойдем лучше в кафе и малость закусим" посоветовал мне мой сосед Коля Крич, бывший кадет Сумского Корпуса. В кафе мы выпили по две чашки шоколаду со сливками и съели по несколько пирожных. Все это было поразительно дешево. "Ну и скучище" зевнул он. "За все время что мы здесь, ни одной смазливой мордочки не увидел! Пойдем, братец, личше на пристань". Было около 3 часов дня и поэтому я охотно согласился. Баркас с "Хивинца" уже стоял на месте и в нем, к нашему немалому удивлению, уже сидели в ожидании почти все кадеты нашей вахты.

Когда мы наконец вернулись на корабль, кадеты второй вахты, готовые в съезду на берег, в свою очередь окружили нас. "Ну, как там? Есть ли в городе что-либо интересное?" посыпались вопросы. "А это что?" хмуро отозвался Володя Шейнерт, бывший кадет-Половчанин, протягивая любопытным серию открыток с видами наших военных судов на стоянке в Ревеле. Лица окружающих омрачились. "И это все?" "Конечно нет",протянул мрачно Шейнерт,"можно еще пожрать!"

Вследствии того что как время в моем распоряжении, так и место на страницах нашего сборника ограничены и, поэтому, не позволяют мне дать читателям подробную картину всего плавания, отдельных походов, наших практических занятий и службы, я должен буду представить их в сжатом и сокращенном до максимума виде.

Плавание. Наше первое плавание было ограничено только Финским и Рижским заливами. Переходы по большей части были короткие. Несколько раз мы попадали в штормовую погоду, с бортовой качкой доходившей до 23 градусов. Большинство кадет выносили ее стоически, без ущерба для службы, но были и такие, которые лежали в это время пластом и в серьезной степени болели морской болезнью. Это повело

к тому, что до конца плавания мы потеряли списавшимися с корабля по этой причине еще двух кадет. В конечном результате из 26 человек основной кадетской группы только 22 успешно закончили плавание и выдержали практические экзамены.

Несколько раз мы заходили в Кронштадт, Гельсингфорс, Ревель, Биорке и знаменитый Ганге, где у мыса Гангут, северо-западной окраины Финского залива, гребной галерный флот Императора Петра Великого в 1714 году году на голову разбил своих "учителей",- шведский линейный парусный флот, укомплектованный громоздкими и крупными по тому времени фрегатами, корветами и бригами, запиравшими для русских выход в Ботнический залив. Впоследствии, в память 200-летия этого замечательного для России события мы, будучи уже гардемаринами, вместе со всем составом боевого Флота, были награждены светло-бронзовой медалью с изображением Петра Великого, на голубой ленте.

Оссбенно ярко запечатлелись в моей памяти наши стоянки в фешенебельных летних курортах: Сестрорецк недалеко от Петербурга и Гугенбург в Рижском заливе. Там у нас была полная возможность повеселиться, потанцевать и "напропалую" поухаживать на берегу за прелестными барышнями, которых, по молодости, нам очень нехватало.

Практическое обучение новичков стояло на очень высоком уровне. Этим мы были обязаны блестящему офицерскому составу канонерской лодки "Хивинец", в своей большей части ветеранам Порт-Артура.

Навигацию и девиацию компасов нам преподавал штурманский офицер, лейтенант Лютер, спокойный, выдержанный, знающий и черезвычайно тактичный офицер. Он нас хорошо познакомил с мореходными картами и на ходу корабля заставлял нас по-очереди делать прокладку курса и вычислять с помощью необходимых мореходных таблиц поправку на девиацию компаса, склонение, ветер, течение и т.д. Познакомил он нас и со знаменитым Nautical Almanac'ом, этой библией моряка-навигатора, приливами и отливами в разных районах земного шара и особенностями отдельных мест, важных для мореплавания. Лекции его были захватывающе интересны, поэтому большинство из нас по окончании плавания выдержало практический экзамен на "круглую пятерку",т.е.максимальный прибавочный балл к выпускному общему среднему.

Артиллерийское дело, помимо ст.лейт.Иванова, нам также преподавал лейт.кн.Туманов, младший артиллерийский офицер "Хивинца". Это был джентельмен в полном смысле этого слова. Подтянутый, серьезный, всем доступный и знающий, всегда "с иголочки" одетый, он производил на нас чарующее впечатление. С ним мы прошли вкратце теорию морской артиллерии и баллистики, а уже более подробно конструкцию судовых орудий.

Он заставлял нас по-очереди разбирать и собирать замки орудий, компрессоры, прицелы и т.д. под наблюдением артиллерийского унтер-офицера. На практических стрельбах мы самостоятельно выполняли обязанности прислуги орудий, а впоследствии, по его личным указаниям, по-очереди управляли стрельбой отдельных плутонгов, т.е.групп орудий. Несмотря на наши постоянные ошибки и промахи, он всегда сохранял полное спокойствие. Артиллерийское дело мы тоже любили и, поэтому, впоследствии хорошо сдали практические экзамены. Читателям будет вероятно интересно узнать, что в эмиграции князь Туманов был вице-адмиралом и Командующим Бразильским флотом. Он скончался в 1959 г.

Минное дело нам преподавал Командир, капитан 2 ранга Азарьев, представительный и моложавый академик с боевым Владимиром на кителе. С ним мы прошли пространный курс электрического оборудования корабля, включая способы починки повреждений главной магистрали и перемены сети в зависимости от боевой обстановки. Одновременно мы знакомились с динамо-машинами и радио-телеграфным аппаратом. Зубрили азбуку Морзе и учились передавать сигналы с полубака на полуют днем сигнальными флажками, а после наступления темноты фонарем "Ратьера". Так как на "Хивинце" не было минного аппарата, то самодвижущуюся мину "Уайтхеда", мины заграждения и подрывное дело мы изучали больше по чертежам. Лекции кап.2 р.Азарьева были настолько увлекательными и интересными, что я тут-же решил в уме посвятить себя этой специальности в будущем.

Морское дело, т.е.знакомство с морской терминологией, парусным делом, такелажем и рангоутом кораблей, завязыванием морских узлов и сплетением поврежденных концов, т.е.фалов и канатов, мы изучали под руководством Старшего Офицера корабля ст.лейт.Заева. Это был веселый и жизнерадостный офицер с всегда румяным лицом, который в день нашего прибытия в Балтийский Порт доставил нас на баркасе под парусами на "Хивинец". Его левый глаз, потерянный в бою с японскими миноносцами около Порт Артура, был всегда закрыт черным щитком, а его китель был украшен боевым орденом св.Владимира с мечами и бантом. Когда ст.лейт.Заев был при исполнении других обязанностей, его обычно заменял ст.лейт.Бошняк. О нем и его лекциях я уже упомянул раньше.

С машинным делом, т.е.с судовыми механизмами, паровыми машинами и котлами мы знакомились только в общем порядке под руководством Старшего инженер-механика капитана 2 ранга Берг, ибо по этой специальности выпускало офицеров Морское Инженерное Училище в Кронштадте. От строевых морских офицеров требовалось только общее знание своих судовых механизмов.

Медико-санитарное дело и оказание скорой помощи находилось в руках судового врача надв.советника Борисова и его изучение также имело только общий характер.

Корпусные офицеры, лейтенанты Падашевский и Неелов, прикомандированные к "Хивинцу" только на время плавания кадет, ни в какие занятия по специальностям не вмешивались, а ограничивали свою деятельность вахтенной службой на корабле и общим наблюдением за поведением и дисциплиной вверенных им воспитанников. Все офицеры кораблю также поощряли плавание кадет с борта на стоянках, когда это позволяла погода и время, а, кроме того, парусный и гребной спорт. В этой отрасли многие из нас показали недюжинные способности.

Так, в постоянных практических занятиях и несении установленной судовой службы промчалось все лето. К 1 сентября мы уже сдали все экзамены по специальностям, были приведены к присяге и, наконец, произведены в гардемарины. На белых погонах обшитых золотым галуном прибавился накладной золотой якорь, а бывшие вице-фельдфебели и и вице-унтер--офицеры поименным приказом по Морскому Корпусу получили право ношения дополнительных золотых нашивок: первые - продольных посередине погона, вторые поперечных в нижней его части. Так как эти дополнительные отличия выделяли нас из среды как коренных кадет Морского Корпуса, так и кадет, окончивших гражданские учебные заведения, мы не преминули их одеть "в назидание потомству".

2 сентября 1913 года канонерская лодка "Хивинец" вошла в Неву и стала на якорь против здания Морского Корпуса. Формальности по списанию нас на берег были быстро закончены. Мы сердечно попрощались как с офицерами, так и с командой и к 2 часам дня уже были в помещении 3 роты, т.е.младшего специального класса Морского Корпуса. Основательная пригонка выходного обмундирования, а также покупка собственных палашей и ботинок у готовых к услугам подрядчиков также не отняла у нас слишком много времени. В общем, к вечеру все мы уже были готовы к предстоящему отпуску домой до 15 сентября и, не теряя времени, начали разъезжаться. Мое сердце ликовало и я радовался скорому свиданию с родителями, семьей и старыми друзьями. Я чувствовал себя молодым, полным сил моряком, уже "хлебнувшим слегка" соленой воды.

Скорый поезд в Варшаву уходил только в 10 часов 50 минут вечера и у меня еще была возможность купить своим столичных гостинцев в виде замечательных шоколадных и фруктовых конфет, также пирожных. В вагоне я встретил новоиспеченного гардемарина Бориса Черняева,

бывшего медалиста Первой Варшавской гимназии. Он плавал на "Храбром" и даже не знал о моем присутствии на "Хивинце". В дружеском обмене впечатлений прошло время. Расставшись с ним, утомленный дневными заботами и переживаниями, я быстро заснул. Путешествие в Варшаву прошло совершенно незаметно. Вот уже Прага,ж.д.мост через Вислу и, наконец, вокзал. Сойдя с поезда мы с Черняевым взяли "пароконку" и покатили домой. По дороге я завез его по указанному им адресу. Не буду описывать радость встречи со своей семьей. Она была похожа на заповедную сказку, о которой можно было только мечтать.

Так закончилось мое первое плавание.

Дома я уже застал моего старшего брата Александра, юнкера Павловского Военного Училища и Суворовца 7 выпуска. Он перешел уже на старший курс и надеялся после производства выйти лейб-гвардии в Кексгольмский полк, куда ездил представляться. На следующий день после моего приезда мы вместе проехали в Суворовский корпус повидать нашу "братию" и с разрешения начальства прошли в помещение 1 роты. Тут кадеты буквально облепили нас. Вопросам не было конца. Рассматривали наше с Сашей обмундирование и даже вытащили из ножен мой палаш, чтобы полюбоваться затейливой резьбой на клинке. К нам с приветливой улыбкой подошел дежурный по роте офицер-воспитатель подполк.Черников и, поздоровавшись, похлопал нас по плечу. "Молодцы, Суворовцы" с чувством сказал он,- "рад вас видеть". Мы чувствовали себя как в родной семье и рады были поделиться с младшими однокашниками практическими сведениями. Увы, никто из нас не подозревал, что это было наше последнее посещение родного Корпуса.

Грянула Первая мировая война. Саша, будучи произведен в офицеры с ее началом, был убит наповал тремя пулями в живот под местечком Тарчан в 27 верстах от Варшавы 27 сентября 1914 года, защищая со своим полком ее подступы от наступавших немецких частей. Я же оказался в очередном плавании на учебном судне "Воин", на переходе из Гельсингфорса в Копенгаген. Наш корабль был срочно возвращен в базу по радио-телеграфу когда мы были уже в шведских водах. Риск встречи с неприятельским флотом был огромный, но нам все-таки удалось, держась вблизи аландских и финских шхер, проскочить форсированным ходом под защиту береговых батарей и благополучно миновать наше центральное минное заграждение с помощью высланных нам навстречу тральщиков.

В.Ястребов-Боус (8 выпуска).

1916 - 1917.

"Кругом трусость, подлость и
измена".
Император Николай II.

Эти слова умученного Государя должны быть вечным укором каждому из нас за то, что мы Его не уберегли и не уберегли и России. Возможности для борьбы до победы были.

По окончании корпуса Тер-Саркисов и я взяли вакансии в Николаевское Инженерное Училище, которое прислало 4 вакансии. Две вакансии корпус вернул обратно.

18 сентября 1916 года я переступил порог Училища. Училище было хорошее, старое (основано в 1818 году) и серьезное. Помещалось оно в Михайловском Дворце (Инженерный Замок), занимая приблизительно восьмую часть его. Все остальное было занято Главным Военн-Инженерным Управлением, начальником которого при мне был ген.лейт.Милеант. Находился Инженерный Замок против Летнего Сада. С двух его сторон протекали Мойка и Фонтанка. С третьей стороны была Садовая улица. Совсем близко был Невский и Литейный проспекты.

Нас, молодых, было принято 180 человек: 120 кадет и 60 студентов. Мы составили 7-ой ускоренный выпуск. Старший курс (6 ускоренный) был студенческий (120 человек). Когда я перешел на старший курс, юнкеров в Училище было 311 человек (1 рота 157 и 2-я 154). В день нашего прибытия нас переодели в юнкерское обмундирование. На другой день повели нас в Георгиевский зал для представления Начальнику Училища и для разбивки по ротам. Собралось все строевое начальство и оба фельдфебеля. По ранжиру посторили нас в одну шеренгу. Пришел Начальник Училища Военный Инженер ген.лейт.Зубарев. Поздоровавшись с нами, он стал сбходить строй, начиная с правого фланга. Каждый юнкер называл свою фамилию и учебное заведение, которое окончил. Если юнкер "ничего особенного" из себя не представлял, то Начальник Училища жал ему руку и делал полшага вправо к следующему. Около некоторых юнкеров он задерживался и что-то их расспрашивал. Вспоминаю -- задержался около Пушечникова и Деборин-Мокриевича. Оба были Киевского кадетского корпуса. Отец Пушечникова был командиром 14 Саперного батальона. Брат Деборин-Мокриевича, окончив наше Училище, был в Порт Артуре в Квантунской Саперной роте и за Порт Артур получил Георгиевский крест. Задержался и около юнкера Лилье, 2 Московского корпуса, и его что-то расспрашивал. Лилье был тоже из

инженерной семьи (убит в бою под Фастовым-Мотовиловкой, западнее Киева 14 ноября 1918 года в рядах офицерской дружины полковника Святополк-Мирского. ПНС)

Должен следать маленькое отступление. Когда я набрасывал схематично свои воспоминания, как я не напрягал свою память, стараясь припомнить даты и подробности - все было тщетно, почти все забыл. Я обратился за помощью к моему однокашнику по Училищу поручику Петру Николаевичу Стефанову. Он мне ответил, что, увы, и он забыл еще больше чем я, но кое-что он мне сообщил, чего я не знал. За эту помощь Петра Николаевича сердечно благодарю. В тех местах, где я буду ссылаться на него, я в скобках буду ставить "ПНС".

После окончания представления подана была команда "В две шеренги стройся!" Первая шеренга оказалась в 1 роте, вторая, где был я, - во 2 роте. Нужда в офицерах Инженерных войск была очень велика. Николаевское Инженерное Училище, как и в мирное время, представляло батальон двух-ротного состава. В мирное время на каждом из трех курсов было приблизительно по 60 юнкеров. В военное время число юнкеров было увеличено до предела, но для большего числа не было помещений. Итак, часть юнкеров 4 взвода 2 роты помещались в одной из комнат 2 этажа.

Для пополнения офицерами Инженерных и технических войск во время войны были сформированы: Школа прапорщиков Инженерных войск (в Петрограде на Кирочной улице) и второе - Алексеевское Инженерное Училище в Киеве. Их состава не знаю. При этом надо иметь ввиду, что железно-дорожные войска пополнялись (за очень редким исключением) только из пехотных училищ. Равным образом, пехотные училища давали большую часть офицеров и в инженерные войска. Нас не хватало.

Когда, после разбивки по ротам, мы вернулись в ротное помещение, нас соединили с юнкерами старшего курса, построили по ранжиру и была произведена разбивка на 4 взвода по два отделения в каждом. Это был строевой расчет роты. Для строевых же занятий по курсам и слушания лекций, каждый курс был разбит на отделения. Старший курс 1 роты составлял 5-ое отделение с отдельным курсовым офицером, старший курс 2 роты - 6-ое. Мы, младший курс, в каждой роте были разбиты по алфавиту на два отделения. В 1 роте - 1 и 2-е, во второй - 3-е и 4-ое. Я попал в 4ое (от буквы М до конца алфавита). Таким образом, получилось 6 отделений и 6 курсовых офицеров. Для сдачи репетиций каждое отделение было разбито на смены. Репетиции обычно сдавались вместе двумя сменами.

Строевое начальство. Командиром батальона был гв.полк.Муффель,

черезвычайно решительный и строгий. 1 ротой командовал кап.Головизнин, 2 ротой кап.Михальчук. Курсовыми офицерами были: в 1 роте шт. кап.Кречетов, шт.кап.Кутырев и пор.Сагайдаковский; во 2-й - капитан 23 Сибирского стрелкового полка Ульянов, шт.кап.Козулин Гренадер. сап.батальона и Суворовец") и поручик 24 сап.бат.Чижиков, тоже Суворовец"). Я попал к Ульянову. Курсовые офицеры были что называется "на ять",- подтянутые, строгие и толковые.

После разбивки по взводам разместили по кроватям. Ротные помещения были на 1 этаже и роты разделялись гимнастическим залом, не особенно большим. В нем были все необходимые снаряды. В одном углу была стойка для буфетчика. Приходил он по вечерам и продавал незамысловатые сладости и другую мелочь. В другом углу было 2-3 отделения для парикмахеров. В гимнастическом зале происходил утренний развод суточного наряда. В нем же дежурный барабанщик или горнист играл по утрам повестку и подъем. Окна помещений 2 роты выходили на Летний Сад и Марсово Поле, частично на Садовую улицу. Пружинные кровати покрывались чехлами. Около каждой кровати стоял шкафчик с ящиком наверху. В нем мы хранили мелочь, кто курил - табак. Потолки были очень высокие и красивые, лепные.

Вид ротных помещений был очень нарядный. Конечно, была умывалка, чистилка и прочее. В одной небольшой комнате вдоль стен были шкафы с отделениями, в которых мы хранили собственные сапоги, за ними смотрели служители. Они же убирали и ротные помещания и поправляли чехлы на кроватях. Застилать кровати должны были сами юнкера. Служители же чистили и винтовки, т.к.у нас просто не было времени. Каждый юнкер что-то платил своему служителю. Своей бани Училище не имело и мыться мы ходили в баню Пажеского корпуса. Это было совсем недалеко,- по Садовой пересечь Невский.

Столовая была в конце помещения 1 роты и отделялась от него небольшой комнатой, из которой шла лестница вниз в кухню в подвальном этаже. Посуда и блюда с кушаньями подавались ручным элеватором. В этой же комнате дежурный по кухне встречал дежурного офицера с рапортом, или другое начальство. Окна 1 роты и столовой выходили на Фонтанку. Из гимнастического зала шел корридор в приемную, вернее прихожую. Первая дверь справа вела в библиотеку и дальше в лазарет. Дверь в корридоре перед прихожей вела в комнату дежурного офицера.

Поднимемся по лестнице на второй этаж. С площадки вправо был Модельный зал, влево - неширокий корридор в Георгиевский зал. Модельный зал назывался так потому, что в нем в больших ящиках были

") Козулин 2 выпуска, Чижиков - 4-го.Прим.ред.

весьма искусно изображены модели укреплений Севастополя, Плевны и Порт-Артура. Вдоль стен в застекленных шкафах была модель полного обоза саперного батальона времен не то турецкой войны 77 года, не то периода до японской войны. Обоз был сделан замечательно. Это был подарок Училищу одного из Великих Князей, уж не Петра ли Николаевича, который одно время был Начальником Главного Инженерного Управления. В зале мы прыгали на гимнастике через козла. Потолки и на втором этаже были тоже высокие. В Модельном зале на потолке во всю длину почти была нарисована какая-то богиня из мифологии. Художник, надо думать, был не плохой, а богиня была много больше человеческого роста. Зал был не широкий да и не особенно длинный. Первая дверь справа вела в мое классное помещение.

Классная комната была человек на 50. Стояли большие и широкие столы, на каждый стол по два юнкера. Большие ящики, где мы хранили учебники, чертежи. Стол для преподавателя. Классные доски. Вот и все убранство. Пройдя Модельный зал можно было попасть в телеграфную комнату. В ней стояло штук 40 аппаратов Морзе, на которых мы учились.

Где-то тут-же была и училищная церковь. Церковь была очень маленькая и, кроме совсем небольшого юнкерского хора певчих, могла вместить не бояьше 20-25 человек. Алтарь был на месте, где когда то стояла кровать Императора Павла. В этой комнате Павел Первый принял смерть. В небольшой комнате перед церковью на стенах висели черные мраморные доски с фамилиями воспитанников Училища, павших на поле брани. За все войны до Первой мировой было убито 52 человека. В Первую мировую войну до середины 1916 года, и то по далеко неполным сведениям, было убито 53. Сколько погибло в смуте и гражданской войне известно только Господу Богу.

Корридор от площадки влево вел в Георгиевский зал. В корридоре было много дверей как справа, так и слева. Что там было забыл, но предполагаю, что это были классные комнаты других отделений. Последняя дверь влево вела в конференц-зал. Стоял длинный узкий стол, покрытый зеленым сукном. На стенах были доски с фамилиями воспитанников, первыми окончивших Училище, доски были чуть розоватые. Там был и наш Козулин. Почти против зала по другую сторону корридора была инспекторская. Георгиевский зал был большой, светлый и высокий. На потолке тоже бала нарисована какая-то богиня, но так как ее присутствие видимо было не совсем удобно, потолок затянули полотном с нарисованными звездами. В простенках между окнами висели рамы с Георгиевскими кавалерами. В каждой раме было 5-6 овальных

цветных фотографий, или скорее нарисованных, награжденных и под ними дата, место и за что награжден крестом или оружием. Вдоль длинной стены против окон под стеклянным колпаком была военная форма одного из Великих Князей, окончившего Училище. У дальней узкой стороны под таким же стеклом был мундир ген.л.Кондратенко, героя Порт-Артура, тоже воспитанника Училища.

В той части Замка, которая была занята Инженерным Управлением, я никогда не был. Знаю, что там была домовая церковь св.Великомученицы Екатерины. Церковь, по рассказам бывших в ней, была нарядная и красивая. Был и хороший хор.

Итак началась наша служба. Сначала за нас взялись обучающие - юнкера старшего курса. Повороты по разделениям. Отовсюду неслось "делай раз..." и так далее. Хотя эта премудрость нам и была известна, но многие студенты ее проходили впервые, да и нас надо было уравнять. Это заняло небольшое время и мы скоро перешли к шереножному учению под руководством своих курсовых офицеров. Все занятия происходили в ротных помещениях. Юнкеров старшего курса я забыл почти всех. В памяти задержались мой взводный портупей-юнкер Дормидонтов и отделенный мл.порт.юнкер Сиротинин. У Сиротинина было столько внутреннего искреннего доброжелательства, что он заслужил наше большое расположение. Расписание дня - да наверно такое же, как и во всех училищах. Подъем, утренний осмотр, чай и лекции (от 8 до 11). После завтрака физические упражнения до обеда. Вечера - свободны. В ротных помещениях, кроме занятий и построений, юнкерам быть не разрешалось (кроме двух часов отдыха от 3 до 4, но ложиться не разрешалось.ПНС) Когда начались репетиции, они обычно происходили по вечерам. Сдавали репетиции обычно в своих классных комнатах, но иногда и в конференц-зале.

Одеты мы были прекрасно,- все добротного материала и внимательно пригнанное. По традиции надо было иметь собственные сапоги и коричневые перчатки.

Одновременно со строевой муштрой начались и лекции. И почти сразу же мы начали сдавать: сборку, разборку и чистку винтовки, взаимодействие ее частей, сведения обязательные для рядового (Царствующий Дом, военная иерархия и др) и уставы. Сдавали все это своим курсовым офицерам. Мой курсовой кап.Ульянов был необычайно строг и требователен. Знать надо было, что называется, на зубок. Оценивал знания он очень скупо. Помню сдавали мы какой-то устав. Смена - человек 10. Самый высокий балл получил я - 9. Была одна семерка, две или три шестерки, остальные пятерки и одна тройка. Неудовлетворительный балл означал повторную сдачу.

Кормили нас очень хорошо, вкусно и обильно, лучше чем в корпусе. Я забыл что давалось к чаю вечернему и утреннему, но завтрак - горячее мясное блюдо, сладкие булочки. Обед из трех блюд. Быть может я излагаю свои мысли не совсем последовательно, но ничего не поделаешь - старость.

По традиции юнкерское начальство дисциплинарной властью не пользовалось, зато курсовые офицеры грели нас во всю. За все время я не могу припомнить ни одного серьезного проступка. Обычно - плохо почищенные сапоги, оторванная пуговица, случайное опоздание на несколько минут из отпуска и т.п. Обычными наказаниями были наряды не в очередь, без отпуска. Не помню ни одного случая ареста. Кацеры (два) находились позади дежурной комнаты. Во всяком случае, дисциплина была большая. Я, будучи на старшем курсе, дежурил по кухне, завозился чего-то и, услышав топот ног идущих рот, поднялся наверх для рапорта дежурному офицеру. Поднявшись, я вспомнил, что забыл посмотреть меню. Времени уже больше не было и я подхожу с рапортом. Дежурный офицер вытянулся. Я отрапортовал, ну а меню сфантазировал. Тот, выслушав мой рапорт, коротко: "Рапорт отчетливый, меню неверно,- два наряда не в очередь". В Училище я вел дневник. Не то чтобы записывал ежедневно, а наиболее интересное. Главным образом заносил туда наиболее интересное из приказа по Училищу, который брал у фельдфебеля. Вот я и вспоминаю, что на довольствие одного юнкера в день отпускалось что-то 42-43 копейки. За завтраком и обедом старший повар вручал дежурному блюдо с лишними порциями. Дежурный поднимался в столовую и предлагал желающим вздвоить, но большинство отказывалось.

21 октября, в день восшествия на Престол Государя Императора, мы, младший курс, принимали присягу. Торжество происходило в Георгиевском зале. На правом фланге выстроилась сводная роты юнкеров старшего курса с винтовками, левее мы, без оружия. Пришло начальство, принесли знамя, за которым в Зимний дворец ходила полурота юнкеров старшего курса. По закону Училище своего оркестра не имело, а приходил оркестр одной из воинских частей гарнизона. Так было и в этот раз. Встречным маршем Училища был "Тихий Сперный", очень оригинальный, мелодичный и, повидимому, старинный. Католики, протестанты и мусульмане вышли из строя и построились отдельно, их приводили к присяге священнослужители их религий. Нас приводил к присяге училищный священник. Слова старой Петровской присяги известны всем. Подошли и поцеловали Евангелие, Знамя и расписались. Улучшенный обед. Пустили впервые в отпуск. Вошли в Императорскую Армию

полноправными членами. Юнкерская жизнь продолжалась.

Перейду к учебной части. Все науки, которые мы проходили, можно соединить в две группы. Первая – чисто специальные, вторая – вообще военные. К первой группе относились: полевая фортификация, атака и оборона крепостей с небольшим отделом полудолговременной фортификации, мосты и переправы, топография, минное и подрывное дело, железно-дорожное дело, телеграфное дело и прожекторное дело; ко второй – артиллерия, тактика, законоведение и военная администрация. Все общеобразовательные предметы были выкинуты, но в специальные науки были добавлены достижения и первой войны. Особую группу составляли строевые занятия, гимнастика, верховая езда и фехтование, а незадолго до выпуска – шашечные приемы. Так по порядку я и начну.

Главным и основным предметом, конечно, была полевая фортификация. Преподавал ее военный инженер полковник Барташевич, профессор Инженерной Академии. (До начала сентября 1916 года Начальники Михайловского Артиллерийского и Николаевского Инженерного Училищ являлись одновременно и Начальниками соответствующих Академий. В начале сентября они остались только Начальниками Училищ, а Академии получили отдельных Начальников. Николаевская Инженерная Академия почти рядом с Училищем. Из окон было видно небольшое двухэтажное красно-кирпичное здание, приблизительно на углу при слиянии Мойки и Фонтанки. Начальник Училища тоже был профессором Академии, но в Училище он ничего не преподавал. О разделении должностей начальников училищ и академий было объявлено в приказе по Училищу. Читал Барташевич просто, очень понятно и мы фортификацию любили и слушали ее с удовольствием. Учебник был большой. По фортификации было три репетиции, наверное на каждую страниц по 200 учебника. Каждый юнкер получил большую тетрадь, как атлас, в которую он зачерчивал все пройденное и на очередной репетиции давал на просмотр Барташевичу. Если тот находил ошибки, он объяснял их и, подписавши, возвращал владельцу. Барташевич внимательно следил за всеми новинками фортификации и знакомил с ними и нас. В 1916 году вышло прекрасное руководство "Борьба за укрепленные полосы". Барташевич был знаком и с ним. Что было поучительно и интересно – это то, что Барташевич нам часто показывал фотографии укреплений на фронте, как снятых с земли, так и с воздуха. И я, по приезде на фронт, увидел именно то, что учил. Он нам часто говорил: "Наш главный враг – артиллерия. Все что она увидит будет разрушено. Поэтому, поелику возможно, маскируйтесь и применяйтесь к местности. Не забывайте и другого: вам придется строить позиции и улучшать и поправлять их. Постарайтесь вашими знаниями и усердием облегчить

тяжелую службу пехоты". В своих лекциях он нам давал основательные данные о разрушительном действии снарядов. Эти же сведения мы получали и из курса артиллерии. По полевой фортификации был и проект. Давался на двухверстке участок местности в версту и надо было вычертить три линии окопов, ходы сообщения, проволочные заграждения и все хозяйственные постройки, а также определить потребное количество необходимого материала, - проволоки, мешков, досок, кольев и т.д., грунт указывался. Нужно было вычислить количество вынутой земли и, пользуясь "Урочным положением", вычислить время потребное для укрепления (тогда число рабочих давалось) или наоборот,- двалось время и надо было указать нужное количество рабочих. Ну, конечно, сделать несколько профилей как местности, так и наиболее интересных сооружений (пулеметные гнезда, убежища и др.) Проект, при наших хороших знаниях был не трудный, но было много и чертежной работы и вычислений. Занял он не мало времени. Помню также Барташевич говорил, что "теоретически то вы будете знать, а вот практические знания придут со временем".

В лагере - рыли окопы, проводили проволочные заграждения. Незадолго до выпуска группами ездили на 2-3 дня в Парголово, в сторону Финляндии. Там была очень пересеченная местность. Каждый получал участок позиции, кто первую линию, кто вторую, кто ходы сообщений. Кольями надо было провесить заданное и при обходе руководителя доказать правильность решения. Тот критиковал и указывал ошибки. Фортификацию мы и любили и знали, теоретически конечно, да и Барташевич пользовался нашим расположением.

Вторым предметом была"Атака и оборона крепостей", две репетиции. Преподавал, кажется, подполковник Горчаков. Курс интересный. Познакомились мы с назначением крепостей, их устройством, устройством форта. Конечно, все долговременные постройки (бетон, сталь) строились военными инженерами, а вот промежутки между фортами - чисто наша работа равно, как и позиции при атаке крепости. Лектор спрашивал не строго.

Третьим предметом был "Мосты и переправы". Читал воен.инж.полк. Кононов, профессор Академии. На первой лекции он сказал:"Господа, трехлетний курс мы должны пройти за 6 месяцев. Конечно, этого срока совершенно недостаточно, кроме того надо знать высшую математику. В мирное время она проходилась, вы же ее, большинство, не знаете. Поэтому я вам буду давать готовые формулы, но объясню их значение. Своей задачей я ставлю: 'научить вас частям моста, всем видам мостов (а их много)' Научу вас выбирать тот или иной тип моста, в зависимости от препятствия. Познакомлю вас теоретически с разного

рода врубками. Практически врубки вы будете изучать под руководст-
вом сверхсрочного подпрапорщика. Во всех затруднительных случаях о
ращайтесь к "Наставлению",- оно прекрасно и там вы найдете все что
нужно. А как им пользоваться научу вас я. Но если вам придется стр
ить мост для прохода пехоты и легкой артиллерии, употребляйте четы
рех-вершковые бревна,- запас прочности будет достаточный". По мос-
там было три репетиции. Учебник был большой. Читал Кононов и прост
и понятно. Очень много полезного давали репетиции. При ответе надо
было "думать", так как Кононов из репетиций делал тоже учение, осп
ривая ответ. "А почему вы выбрали вот такой тип? А не лучше ли дру
гой?" Мы все слушали и, конечно, учились. По "Мостам" был проект,
пожалуй, самый трудный. Давалось препятствие (ширина, глубина, сух
или водное, и грунт). Надо было выбрать систему моста, на больших
листах начертить общий план, несколько разрезов, показать врубки.
Очень заковыристо было то, что давался материал,- столько то таких
то бревен, других, досок, гвоздей и т.п.,- и надо было так скомбин
ровать его, чтобы хватило, а он давался в обрез. Много раз приходи
лось "перемеривать". В лагере на задней линейке был небольшой овра
Вот там-то мы и строили мост. Но так как народу было много, а мост
был небольшой, времени было мало, то, естественно, что большинство
было зрителями, что было мало поучительно. Для изучения врубок ход
ли в цейхгауз и там сверхсрочный подпрапорщик объяснял их. Расчерч
вали и топором, стамеской, молотком и пилой их делали. Во время гр
данской войны подпрапорщик этот был фельдфебелем Инженерной роты н
Мурмане, в которой я был младшим офицером. Он меня, конечно, не уз
нал, но Училище мы вспоминали. На Неве, в лагере, наводили понтон
ный мост. В мирное время верстах 6-7 выше по течению реки стоял 7-
понтонный батальон, если не ошибаюсь. Во время войны там была одна
из запасных понтонных частей. Она и доставила нам полу-понтоны. На
всю Неву их нехватило, так, наверное на четверть до трети ширины р
ки. До войны саперный батальон мог навести понтонный мост в 10½ са
жен, понтонный батальон - 105. И "Мосты" мы любили, лектор был хо-
рощий.

Следующий предмет - топография. Читал ее полковник Найденов, то
же профессор Академии. На его сюртуке с правой,"ученой" стороны бы
ло великое множество знаков высших учебных заведений, которые он
окончил, тут и университет, и Академия и ряд других. По топографии
было три репетиции и четыре глазомерных съемки в лагере. Читал Най
денов тоже хорошо, пожалуй, немного суховато,- такой уж предмет.
Помню, когда мы пришли в класс для сдачи первой репетиции, то прос

то испугались: весь класс был заставлен инструментами. И чего тольк ко не было,- и нивелир, и кипрегель, и бусоль, и... да многое уже забыл. Учебник был большой. Съемки в лагере нам нравились. Конечно, первые две были небольшие да и не очень хорошо выглядели, а последние две, круговые, заняли каждая целый день и были вполне приличными. Тем более, что Найденов после каждой съемки собирал нас и, разбирая планшетки, указывал ошибки. Когда мне, по окончании Училища, приходилось производить съемки они были даже хорошие.

Минное и подрывное дело читал полк.Яковлев, инспектор классов, тоже профессор Академии. 6 декабря 1916 года он был произведен в генерал-майоры. Когда мы поступили, юнкера старшего курса дали нам характеристику всех преподавателей и строевых офицеров, их требования и т.д. Про Яковлева нам сказали, что на его репетициях надо было быть в собственных сапогах и душиться. Действительно ли он это любил утверждать не могу, но это мы соблюдали и, если войти в класс во время его репетиции, то можно было подумать, что вы находитесь в парфюмерном магазине. Учебник был большой и читал Яковлев тоже хорошо. Минное дело мы не особенно любили, подрывное же было куда интереснее. В лагере производились практические занятия. Из деревянных шашек вязали заряды, делали картузы для фугасов, их смолили, приготовляли и взрывали, как на суше, так и на воде. Взрывали камнеметы. По подрыванию каждый юнкер получил задание,- кто устой моста, кто участок проволочного заграждения. Их мы сами сооружали и затем, расчитавши по "Наставлению" величину заряда, сосредоточенный или удлиненный, привязывали и взрывали. Все взрывы были удачны. Вели "минную войну". Наш берег Невы был высокий, прямо и начинали галлерею, без колодца. Смена работала до два часа круглые сутки, взрыва не производили. По минному делу был и проект: давалась часть форта; надо было вычислить величину заряда (пользуясь "Наставлением") и его расположить. Проект был нетрудный.

Железнодорожное дело, две репетиции. Кто его преподавал,- забыл. Учебник небольшой, проходилась только служба пути. Познакомились с основными понятиями как производятся изыскания, прокладка пути, допускаемые подъемы и закругления. Конечно, размер рельс, костылей, стрелок и т.д. Предмет был тоже интересный, но пришлось запоминать множество цифр. В лагере было небольшое изыскание с нивелиром и на это изыскание надо было сделать проект.

Следующий предмет - телеграфное дело. Преподавал командир 1 роты кап.Головизнин. Учебник небольшой,- устройство телефона и телеграфа мы знали из курса физики. Здесь это проходилось подробно.

Две репетиции. По телеграфному делу были практические занятия. Руководил ими шт.кап.Карпов. Не помню как часто, кажется раз в неделю, мы ходили в телеграфную комнату. Стояло там что-то 40 аппаратов Морзе. На всех не хватало и часть юнкеров читали ленты. В помощь Карпову были даны 2-3 унтер-офицера. Сначала все аппараты были разрегулированы; мы под руководством этих унтер-офицеров приводили их в порядок. Получали кусок газеты и начинали работать. Аппараты были включены "на себя" так, что каждый видел свою работу. Сначала получалось нечто весьма мало понятное, но постепенно работа улучшалась и к концу можно было свободно разобрать переданное. Я работал средне, уверен, что немало юнкеров работало лучше. Для того чтобы быть настоящим телеграфистом нужна была ежедневная практика. Там же мы занимались проводкой телефонной сети, из комнаты в комнату,и устанавливали центральную станцию. В лагере практических занятий не было, думаю, что по недостатку времени.

И, наконец, последним специальным предметом было прожекторное дело. Состояло оно из трех частей: электротехника, двигатели внутреннего сгорания и чисто прожекторное дело. Каждый отдел имел своего преподавателя и по одной репетиции; из трех баллов выводился средний. Электротехнику преподавал штатский генерал Глаголев. Вид у него был барский,- с иголочки одетый, в черном сюртуке с генеральскими погонами. Насколько я помню, лекций он не читал. Учебник был небольшой и курс электротехники заключался в тех знаниях по электричеству, которые мы походили в средней школе. Надо было освежить знания и репетиция была одной из первых. Сдавал репетицию чуть ли не весь курс одной роты. Происходила она в овальном зале, вызывалось сразу 8 юнкеров и каждый получал задачу. Если задача была решена, Глаголев ставил 12 и, не задавая ни одного вопроса, отпускал юнкера с миром. Если же случалось, что у кого-нибудь было затруднение, Глаголев, обращаясь к нам говорил: "извините, господа, я на минутку выйду". По возвращении его задача, конечно, была решена. Репетиция шла очень быстро. Вторым отделом были двигатели внутреннего сгорания. Ни лектора, ни учебника припомнить не могу, осталось смутно в памяти, что читался предмет довольно нудно, теоретически и то, что мы знали из курса физики так и осталось. Тоже одна репетиция. Чисто прожекторное дело читал поручик Кожевников. Учебник был небольшой, но ядовитый. Лекций я тоже не припоминаю, а репетиция была в лагере за несколько дней до производства и прошла кое-как. Времени подготовиться к ней по настоящему не было.

В 1911 году произошел бунт в Туркестанских саперных батальонах.

Произошло это в лагере в субботу после вечерней переклички. После полудня большинство офицеров уехали в город, остались дежурные и несколько человек не уехавших. Описывать безпорядков не буду. Словом, в воскресенье утром подошли цепи туркестанских стрелков и порядок был восстановлен. Началось следствие и суд. За проявленную находчивость и инициативу поручик Кожевников был награжден орденом св.Владимира 4 степени с бантом. По прожекторному делу был и проект,- с вышки, которая стояла на плацу перед передней линейкой, надо было сделать панорамную съемку местности, нарисовать что можно было с вышки осветить прожектором и, пользуясь картой, поставить расстояния. Проект был не трудный, особого художества не требовалось и даже я, очень плохо рисовавший, вполне с ним справился.

Вот перечень специальных предметов, которые мы проходили. К группе военных предметов относились: артиллерия, тактика, военная администрация и законоведение.

Артиллерию преподавал кап.Агокас (6 декабря 1916 г.был произведен в полковники). В №58 журнала "Военная Быль" П.Н.Чижов в очерке "Значение и развитие тяжелой артиллерии в Российской Императорской Армии" пишет, что юнкера артиллерийских училищ очень неохотно шли в крепостную артиллерию, но в один год для примера нисколько лучших по учению юнкеров вышли в нее. Привожу дословно: "Для истории интересно сохранить имена этих самоотверженных юношей, портупей-юнкеров старших фейерверкеров Михайловского Арт.Училища... и Агокаса, вышедшего в Кронштадтскую крепостную артиллерию, окончивших Михайловскую Арт.Академию". Читал Агокасов хорошо, было две репетиции, курс небольшой, учебник тоже. Познакомились с видами орудий, пристрелкой, стрельбой на поражение, законы рассеивания, мертвое пространство в пересеченной местности, и больше внимание было обращено на разрушительное действие снарядов. Спрашивал Агокас не строго, а предмет был интересный.

По тактике у меня переменилось три преподавателя. Курс был большой и главным, конечно, была тактика пехоты. По тактике было три репетиции. Первым преподавателем был полковник Якубович. За Русско-японскую войну он имел Георгиевский крест, приходил в форме офицера Генерального Штаба. Лекция была раз в неделю три часа. Читал он утомительно нудно, по учебнику. Пробыл он недолго и ушел, никто не жалел. После революции он сделал карьеру - стал помощником военного министра у Гучкова. Вторым преподавателем был ген.шт.кап.Краснов"). Читал он значительно интереснее, но и он пробыл недолго.

") Ник.Ник.Краснов, племянник Донского Атамана, выданный в Лиенце и умерший в СССР. Прим.ред.

Последним был ген.шт.полк.Гущин, казак, Донского кад.корпуса и Михайлов ского Арт.Училища. Читал он очень интересно, оригинально и живо. Его лекции слушались с интересом. Кое-что он рассказывал и о себе. Мы могли заключить, что, конечно, он был очень способный, но и имел склонность к "авантюрам". Не нравилось нам его несколько пренебрежительное отношение к солдату,- мы были воспитаны иначе. Велико же было наше удивление, когда мы узнали, что после революции он был выбран председателем союза офицеров не то Петроградского гарнизона, не то Военного Округа и от имени офицеров возложил венок на могилу жертв революции на Марсовом Поле. Уже когда я был в Болгарии, довелось мне прочесть заметку в газете, что Гущин окончательно "сменил вехи",перекинулся к большевикам и во главе советской военной миссии был послан в Китай, когда там шла междуусобная война "маршалов".

Следующим предметом была Военная Администрация. Читал ее ген.лейт. Даровский. Читал хорошо и знаний требовал. И мы знали. Было две репетиции. У нас Даровский требовал, чтобы каждый юнкер безошибочно и быстро мог ответить на вопрос "что полагается солдату?" А этот вопрос он мог задать и во время лекции.

И, наконец, последний предмет - Законоведение. Читал его полковник Вишняков, две репетиции. Сначала ст познакомил нас с судебным ведомством, судопроизводством и т.д. А под конец перешел на примеря из военно-судебной практики, с которыми могли соприкоснуться мы в нашей офицерской службе. Помню он как-то нам сказал: "Господа, вы все хорошо знаете, что если ваш подчиненный отказывается исполнить ваше приказание, то вы, после повторного приказания, должны заставить его исполнить приказание силой оружия. Будьте осторожны. Вот вам два примера. Вы приказываете вашему подчиненному отнести бумаги в канцелярию, тот отказывается, вы повторяете приказание. Снова отказ. Вы стреляете и его убиваете. Второй случай: вы хотите задержать вашего подчиненного, тот убегает. 'Стой, стрелять буду!' Тот продолжает бежать. Вы стреляете и его тоже убиваете. Два как-будто одинаковых случая и с одинаковым исходом. Однако, в первом случае вы отвечаете за убийство, а во втором нет. Почему? Потому что в первом случае ваше приказание не было исполнено и бумаги в канцелярию отнесены не были. Во втором случае - ваш приказ был исполнен, т.к.выстрелом вы бегущего остановили. Вот вкратце наша наука".

Зубрить надо было много и все мы до 10 часов вечера проводили время в классных помещениях,- кто чертил, кто готовился к очередной репетиции. Когда репетиции пошли полным ходом, они были два раза в неделю по вторникам и пятницам. Приблизительно к началу - середине марта

все репетиции долдны были быть закончены, чтобы дать перед уходом в лагерь необходимое время для проектов. Как мы учились? Вполне добросовестно. Я, конечно, могу говорить только о своем ближайшем окружении. И я ни разу не слышал скверного ответа; были ответы исключительно хорошие. Не помню я и неудовлетворительных баллов. С одной стороны мы готовились на совесть, а с другой и преподаватели понимали, что осилить такой объем было трудно и, если и требовали знаний, то во всяком случае не придирались. Я учился средне хорошо, обычный балл у меня был 9-10. Попадались и восьмерки, бывали и 11-12. Кончил я в начале второй половины.

Теперь я перейду к физическим занятиям. Это были: строевые занятия, гимнастика, верховая езда и фехтование, незадолго до выпуска шашечные приемы. Все это происходило после завтрака до обеда. Строевые занятия и гимнастику вел со своим отделением курсовой офицер. Мой курсовой, кап.Ульянов, был особенно строг. Прежде чем поздороваться заставит подать команду "смирно,равнение налево!" несколько раз, пока, по его мнению, поворот головы не будет одновременным. Поздоровается несколько раз, пока не добьется дружного и одновременного ответа. Строевые занятия происходили в ротном помещении, главным образом, ружейные приемы. Гонял он нас здорово. Иногда водил нас на плац для перестроений, в ротном помещении мы все проделывали на месте. Плац тоже был небольшой и допускал движение не больше взвода. Ротные и батальонные учения были в лагере. Иногда ходили в Георгиевский зал и там под барабан ходили учебным шагом.

Помню, как-то заскочил ко мне мой двоюродный брат. Он был старшим офицером одной из батарей ТАОН") и его батарея только что пришла в Гатчину на окончательную шлифовку. А в это время в Георгиевском зале какое-то отделение ходило учебным шагом, слышны были редкие удары барабана и топот ног. "А это что такое?" спрашивает брат. "Юнкера ходят учебным шагом",отвечаю. "Как, в Инженерном училище? и ты ходишь?" "И я хожу",говорю. "Ну,ну!" "Вот тебе и ну" говорю,- придешь так нижняя рубаха мокрая".

Надо сказать, что ружейные приемы мы делали что называется на "ять",- и легко и одновременно. Я как-то видел со стороны, кажется, будучи дежурным: просто как один человек.

По гимнастике - начальные упражнения на турнике и брусья . Нам все это было знакомо, но многим студентам сначала было трудновато, - отяжелели и, наверное, некоторые гимнастикой никогда и не занимались. Но постепенно все стали справляться удовлетворительно. Среди

") Тяжелая артиллерия особого назначения. Прим.ред.

кадет моего отделения особых виртуозов не было, хорошие гимнасты были. Очень хорошо делал гимнастику один студент, Яковенко. Он был членом общества "Сокол",- легко, изящно, правда, немного не по уставу. На прыжки ходили в Модельный зал, козла поднимали на умеренную высоту и тут справлялись все.

Верховую езду преподавал ротмистр 3 гусарского Елисаветградского полка Пономарев. Он дежурил и по Училищу. Когда 16 ноября 1916 года наш выпуск пришел в Училище, то был еще старый многолетний руководитель ротмистр Файвишевич, чуть ли не единственный в армии отпрыск еврейской семьи. Предок его был героем Отечественной войны 1912 года (ПНС). На езду мы ходили в частный манеж на Каменном Острове. Училище имело для обучения юнкеров верховой езде 24 лошади. Ротмистр следил, чтобы юнкера ездили каждый раз на различных лошадях. Было несколько лошадей с норовом, на которых он сажал лучших ездоков, таких было немного, несколько казаков. Смена, после обычного равнения вытягивалась шагом вдоль стен манежа. Ездили без стремян, переходили в рысь. "Связать поводья в узел! Бросить поводья!" Начинались начальные упражнения вольтижировки: движения руками, ножницы, прыжки в одну сторону и т.д. Почему -то ротмистр не любил, когда в смене было много портупей-юнкеров. Такой смене он кричал: "Философы зазубренные! Этого в книге нет. Здесь вам не университет,- здесь думать нужно!" Ездили мы, конечно, плохо, особенно сначала. А это ротмистра раздражало. В манеже было несколько больших зеркал. И вот какому-нибудь "лихому" наезднику (а надо сказать правду, что вид у некоторых был весьма комичный) ротмистр кричал: "Юнкер, посмотрите на себя в зеркало и плюньте на свое изображение!" Падения были, но все кончалось благополучно, испугом. В лагере манеж был открытый, на задней линейке. Случалось, что юнкер не справлялся с конем и тот карьером выносил его из круга и мчался в поле. Такому юнкеру ротмистр саркастически кричал во след: "До-свидания, юнкер! Не забывайте, пишите с дороги письма!" Езда была раз в неделю и этого, конечно, было совершенно недостаточно,чтобы сделать из нас кавалеристов, но основам езда нас научила, нехватало только практики.

Фехтование на эспадронах было тоже раз в неделю и то полчаса. Происходило оно в Георгиевском зале. Инструктором был военный чиновник и у него было человек пять помощников в штатском, будто бы чехи. Научив нас основным приемам и обманам, он нам разрешил вести вольный бой. Мы с азартом нападали друг на друга и в зале стоял адский грохот.

Вот будто-бы и все, что я вспомнил о постановке учебного дела.

Теперь продолжу хронологию. 15 ноября 1916 года старший (6 ускоренный) выпуск Высочайшим приказом был произведен в офицеры, а мы перешли на старший курс. 16 ноября пришли новые юнкера и составили 8 ускоренный выпуск (студенческий). Сразу же из нашего выпуска были назначены юнкера на командные должности с переименованием в соответствующие занимаемой должности звания. Фельдфебелем 2 роты был назначен Курковский, студент, в прошлом Полоцкого кад.корпуса. Почти все взводные и отделенные командиры, за редким исключением были кадеты. Моим взводным был ст.порт.юнк.Топорков, Омского корпуса, взводным 4 взвода - ст.порт.юнк.Фокин, вице-фельдф.Полтавского кад.корпуса, мой большой приятель. В моем выпуске, кроме Фокина, было еще 4 вице-фельдфебеля: Омского - Эпов, Оренбургского-Неплюевского, фамилию забыл, Ташкентского Шафран и Владикавказского -Толстопят. Все они стали мл.порт.юнкерами. Теперь уже от нашего курса были назначены обучающие к молодым юнкерам.

24 ноября в день св.Великомученицы Екатерины был училищный праздник. За знаменем в Зимний дворец ходила полурота юнкеров старшего курса 1 роты. Парад происходил в Георгиевском зале. После парада был обед с традиционным гусем. Для гостей был накрыт стол в ближайшей к столовой камере 1 роты. Кажется, на училищный праздник небольшая часть юнкеров была переведена в 1 разряд по поведению, до того мы все были во 2 разряде.

23 декабря старший курс был переименован в юнкеров унтер-офицерского звания и, кажется, в этот день мы все были переведены в 1-й разряд по поведению. На Рождество нас распустили на три дня, радиусом не далее Москвы. В Училище осталось довольно много юнкеров.

Дисциплина в Училище была суровая, но разумная, свободы было достаточно. В отпуск ходили как и во всех училищах. Один раз в неделю по вечерам был прием посетителей в Георгиевском зале. У меня родных и знакомых не было, а на прием дважды пришли мои однокашники Павлоны, один раз юнкерами, а другой после производства в офицеры. Их было моего отделения трое: Безкишкин, Гульбе и Жуков. Однажды мы были очень растроганы, когда пришел Сорокин. Он перевелся в 1914 году в Петроград и преподавал математику в Николаевском корпусе. Последнее время мы изредка переписываемся. Он как-то из Белграда писал, что знал меня еще до поступления в корпус. Его отец служил в Яблонне, а мой в Зегрже, это совсем недалеко. Сорокин бывал в Зегрже и знавал моих родителей и меня. Я его, конечно, не помню и знал только по корпусу.

Прежде чем перейти к описанию февральских дней, я попытаюсь описать состав юнкеров Училища, что важно для того, чтобы ясно понять последующие события. Как я уже писал, старший курс состоял из 120 кадет и 60 студентов, младший - 120 человек студентов. Кадеты были сыновьями капитанов и подполковников, иными словами, детьми армии. Политически мы были совершенно неграмотны, а психология у нас была армейская. И до поступления в корпус и в корпусах величие и великодержавность России была естественным фактом. Мы видели ее и впитали в себя из картин, висевших на стенах ротных помещений. Василий Рябов, Агафон Никитин, майор Горталов - вот они и создавали величие России. Наши предки на полях сражений Куликова Поля, Бородина, Севастополя, Шипки и многих других своей кровью создали Россию. Для нас Император и Россия составляли единое целое. Все остальное, что трепало языками, что вело атаку и на Династию и на Россию было для нас "врагом внутренним". Студенчество было иного рода. В высших учебных заведениях была партийная жизнь. Многие из них в ней принимали участие, состоя легально и нелегально в разных партиях, по преимуществу социалистических и левых. Во время революции большой процент студентов в ней принял участие и способствовал ее успеху. А значит у них и психология была иная. Чья психология была здоровее и лучше показало будущее. В Училище картина была несколько иной. Никакого антагонизма между кадетами и студентами не было, да и не могло быть: все одинаково несли Царскую службу. И надо думать, что и в мировоззрении многих студентов произошло большое изменение. В моей камере помещался юнкер из студентов - Шемшурин. для нас-кадет он был пожилым. Был он женат и имел двое детей. Иногда мы от избытка сил и молодости устраивали возню. И надо было видеть, как Шемшурин едва ли не принимал в ней главное участие. Не раз он нам говорил: "Я человек глубоко штатский и о военной службе не имел никакого понятия. И я никогда не предполагал, что встречу в ней столько хорошего. Прежде всего, я окреп, ну это понятно: режим. Но я помолодел душой и думаю, что этому причиной вы. Вот вы собрались сюда со всех концов России, а ведь вы все одинаковы. И сколько в вас какой-то особой бодрости, жизнерадостности, да и многого другого, чего я не могу выразить словами. И вот всем этим вы заразили и меня. Да и не только меня". Юнкера-студенты, попавши в Училище, быстро впитывали в себя все его положительные стороны и Училище представляло единую дружную и крепкую воинскую часть. Возможно, что невольно этому способствовали и мы, а присяга была принята обоими курсами и в то время это не были только слова.

Переходя к описанию последовавших событий, я еще раз должен упомянуть, что события эти исторически верны. Не хватает дат, а я их вспомнить не мог, как ни старался.

О том, что в городе начались беспорядки мы, конечно, знали. Быть может не знали размера их и серьезности, но раз Училище не требуют в помощь войскам, значит ничего серьезного нет. Знали и о том, что происходят столкновения с полицией и войсками. Февраля (26 февраля ПНС) около полудня батальон юнкеров был приведен в Георгиевский зал. Пришел Начальник Училища. Поздоровавшись с нами он сказал: "В городе идут беспорядки, надеюсь, что Замок вы отстоите", речь эту привожу дословно. В ответ раздалось дружное "ура". Вернулись в ротные помещения. Занятия продолжались. В этот день дежурным был поручик Чижиков. Во время обеда мы увидели, что по улице проехал небольшой темный автомобиль с красным флагом, видел его и я. Чижиков моментально прекратил обед и мы быстро вернулись в ротные помещания.Приказано было одеть шинели и разобрать винтовки. Все это быстро было испонено. Пришло начальство и вскоре училищные солдаты принесли ящики с боевыми патронами. Каждый получил по пачке (15 штук). "Стоять вольно!". Начальство удалилось. Долго мы стояли, наконец стало темнеть (надо иметь ввиду, что это был конец февраля). Часов около пяти нам приказано было подняться на второй этаж и в Модельном зале в одну из комнат сложить винтовки на пол. И это было исполнено. Возвратились в ротные помещания. Как обычно, вечерний чай, молитва и по кроватям. Заснул ли я и проснулся ли от шума не помню, только приподняв голову от подушки, увидел такую картину: идет Чижиков, окруженный солдатами (были и штатские), их было человек 7-8, с направленными на него офицерскими шашками, револьверами и штыками. Молча прошла эта группа до конца ротного помещения и, повернув обратно, так же ушла. Была произведена проверка пирамид, а они были пустые. Утром мы узнали, что вечером в Замок ворвалась банда солдат, во двор вьехал броневик и что наши винтовки забраны. Банду солдат впустили в Училище наши солдаты и показали им комнату, где были спрятаны наши винтовки (ПНС). Училище было обезоружено и вышло из игры. Настроение у всех было до того подавленное и угнетенное, что и разговоров не было слышно. Все своим нутром поняли, что случилось что-то страшное, до того страшное, что его и понять нельзя.

В этот же день, выходит 27-го, нам утром было приказано разойтись,- кто куда. Отправился и я с моими несколькими друзьями. Далеко мы не уходили, так, бродили по Невскому. Толпы народа, солдатня без поясов и уже с оторванными хлястиками, красные банты, флаги.

Картина была до того омерзительна, что, побродив пару часов, мы вернулись в Училище. В этот день или на другой нам стало известным, что когда мы стояли в ротных помещениях в ожидании приказа выйти на улицу для подавления беспорядков, - в это время происходило совещание нашего командного состава. Подробностей, конечно, мы не знали и, надо полагать, никогда они известны и не будут. Участвовало в совещании не так много, наверное человек десять. Капитан Михальчук и пор. Чижиков были убиты в октябре 17 года, шт.кап.Козулин убит в 1918 г. в Ярославле. Остальные по своему возрасту, надо думать, покинули грешную землю. Нам передавали, что командир батальона полк.Муффель решительно настаивал на выводе Училища на улицу, Начальник Училища противился. Подробностей, естественно, нам не сообщили, равным образом был ли поставлен в известность обо всем этом Начальник Главного Инженерного Управления ген.лейт.Милеант. Какие доводы приводились за и против и каково было мнение других участников - не знаю, но хорошо запомнилась заключительная часть совещания. Когда Начальник Училища, приведя довод, что он может взять на себя риска за 300 молодых жизней, не разрешил вывести юнкеров на улицу, полк.Муффель ему возразил: "Вашего приказания я не исполню и юнкеров на улицу выведу!" Кто был инициатором переноса винтовок на второй этаж, какую цель этим преследовали не знаю и вспоминаю, что об этом и тогда не говорилось. Почему Училище не было выведено на улицу, кто и что воспрепятствовало этому, тоже не знаю. Могу сказать, что полк.Муффель приобрел у всех нас глубочайшее уважение.

Дальнейшее известно. Беспорядки перешли в революцию. 3 марта последовало отречение Государя Императора. Ни манифеста об отречении, ни прощального приказа Его Величества нам не читали. Надо упомянуть, что решение вывести юнкеров Училища на улицу явилось по инициативе нашего училищного начальства, а не было приказом свыше, так как в последнем случае Училище на улицу было бы выведено и приказ исполнен, и, естественно, никакого совещания быть не могло. Для того, чтобы читателю были понятны выводы, которые я хочу сделать, вкратце опишу события последних дней февраля. Для этого я воспользовался воспоминаниями последнего Царского Министра Финансов П.Барка и рядом статей Н.Виногадова в журнале "Перекличка" за 1967 года "Февральские дни" и моими выводами. Делаю это вкратце, иначе был бы пересказ. Так вот. Написано на тему и о подготовке революции и о революции не так уж много воспоминаний; как раз о днях 23-28 февраля написано очень мало и именно теми, кто сделали революцию. Почему? На этот вопрос я отвечаю так. Прежде всего потому, что правды они ска-

зать не могут. Опять таки вопрос, почему? Как в общественном мнении России, так и заграницей создалось убеждение, что революция была стихийным восстанием рабочих, войск и населения. Ничего подобного не было. Это их первая ложь, в которой они сознаться не могут. Второе. Если говорить правду, то им пришлось бы упомянуть на чьи деньги это было сфабриковано, под чью дудку они плясали и кто ими руководил. И в этом они тоже сознаться не могут.

А теперь посмотрим как происходили события. Подготовка к революции шла давно, атака на Династию тоже. Где, кто и как - достаточно известно, а точки над и будут поставлены в будущем. Одно можно сказать, что те (и они пока еще в тени и не названы),кто вели атаку на Династию прекрасно знали, что Династия и Россия исторически столь тесно связаны друг с другом, что гибель Династии должна была за собой повлечь и гибель России. Это и случилось.

Главные революционные события происходили в двух местах: в кварталах Выборгской стороны и "военного" городка. Оба района разделены Невой.

Выборгская сторона была густо населенный рабочий район. В северных кварталах помещался ряд фабрик и заводов, из коих завод "Айваз", "Новый Леснер" и другие считались в революционных кругах "передовыми". В них-то всегда и начинались все забастовки и демонстрации. Эти, как и другие, заводы находились один около другого. В южной части этого района находился целый ряд школ (пиротехническое училище, военно-фельдшерская школа, ремесленное училище), клинический госпиталь, военная тюрьма,- иными словами полувоенный городок со специфическим населением недоучек и полуинтеллигентов (пиротехники,техники, фельдшерские ученики, нестроевые чиновники),- элемент вполне созвучный для революции. Севернее Выборгской стороны было два высших учебных заведения - Лесной интитут и Политехникум. Участие студентов в беспорядках было очень велико.

Второй район беспорядков "военный городок" ограничивался с севера и востока Невой, с юга Невским и с запада Литейным проспектом. В нем был расположен целый ряд запасных частей Петроградского гарнизона. В ближайших кварталах были: ряд фабрик, огромный Николаевский военный госпиталь с огромными командами выздоравливающих и "переосвидетельствованых". Это был особо горючий элемент. В южных и восточных кварталах было большое количество разных курсов, школ и училищ (Педагогически курсы, Повивальный институт, училище лекарских помощниц и т.д.). В этих же кварталах было много типографий. Печатники вместе с рабочими-металлистами всегда принадлежали к

"революционному авангарду". Они были наиболее организованы и слепо подчинялись руководителям социалистических партий, сидевшим в Думе. Они наряду со студентами являлись руководителями аморфных толп и получали директивы непосредственно от главных переворотчиков. Краткий обзор "военного городка" говорит, что в нем был сконцентрирован тот людской материал, который был наиболее благоприятен для бунта. Здесь находилось огромное число "нестроевого" военного элемента (писаря, военные чиновники, надсмотрщики разных складов, фельдшера), то есть военная полуинтеллигенция.

Теперь посмотрим "как" произошли беспорядки. На Выборгской стороне группа партийных зачинщиков, состоявшая из людей энергичных и физически сильных, переходя из одного завода в другой и снимая насильно (это было всегда) с работы, собирали сразу большую толпу, к которой присоединялись рабочие других фабрик и заводов, где также действовали группы своих инициаторов. Одним из главных элементов февральских дней были женщины и подростки. Вторым и, может быть, главнейшим элементом были учащиеся высших учебных заведений. "Первыми борцами за свободу" были физически сильные, владевшие оружием лица. Я не привожу подробностей, они и не нужны, я только хочу указать, что беспорядки были очень хорошо организованы, брошены были громадные деньги, было руководство и происходило "выталкивание" рабочих на улицу. Таким образом легенда о "стихийном восстании" масс отпадает, как не выдерживающая никакой критики. Насколько хорошо было организовано это дело указывает факт, что для "сознательных" (и следовательно, ценнейших рабочих, для заправил), которые пришли в район Выборгской стороны из других районов, были организованы столовые и общежития. К концу третьего дня, т.е. к вечеру 25 февраля, вся Выборгская сторона была в руках восставших. Полицейские участки были разгромлены, а полицейские перебиты.

Следующим на очереди стал "Военный городок". И здесь я тоже воздержусь от подробностей, каждый кто ими интересуется, может их прочесть. Хочу указать на один факт. Организованные "революционные отряды" несколько раз и несколько дней подряд пытались проникнуть во дворы многих запасных частей, чтобы поднять их на восстание, то есть на выступление в виде воинской части, одной-двух рот или отдельной команды, но сделать этого им не удалось. Не удалось по одной причине: отсутствию всякой "революционности" у солдат, их нерешительности и трусости. Эти "качества" солдатской массы были учтены переворотчиками и на рассвете 27 февраля вернувшиеся "раз-отряды" в казармы сразу применили "новую тактику", которая самым верным способом объединяет все людские коллективы. Предательское убийство в затылок началь-

ника учебной команды л.гв.Волынского полка шт.кап.Лашкевича заставило Волынцев выйти на улицу. Они бросились в казармы Преображенцев и убийством полк.Богданова заставили и их выйти на улицу. Каждая присоединявшаяся к революции воинская часть связывалась переворотчиками кровью - убийством офицеров, причем число последних в каждом новом полку увеличивалось, чтобы терроризовать одновременно весь командный состав всего "военного городка". Все эти факты полностью замолчены во всей февральской литературе. А бесспорно одно: организация революции была тщательно подготовлена, было умелое руководство, брошены были громадные деньги. Происходило "выталкивание" рабочих на улицу. Как происходило выталкивание солдатских масс я указал выше. По указке вожаков толпы народа были крайне "предупредительны" с войсками и особенно с казаками и крайне враждебны по отношению к полиции и жандармам. Солдатская масса не была революционной и она боялась. Чего? Прежде всего, неизвестен был результат, а известно было что им грозило за измену присяге, а второе, и самое главное,- они боялись фронта. А были ли на фронте верные долгу войска и толковые и энергичные генералы? Думаю, что отвечать нечего,- конечно были.

Теперь посмотрим что происходило на нашей стороне. Здесь я тоже не буду касаться подробностей да они и не важны,- и это - дело историка. Во всех воспоминаниях указывается, что действия властей были крайне неуверены и нерешительны и не было никакого руководства, а самое главное, воли к борьбе. Чтобы не быть голословным, приведу отрывок из воспоминаний Министра Финансов П.Барка. Он пишет:(это было 25 февраля, в субботу) "По требованию Председателя Совета Министров Хабалов доложил о всех событиях и о дальнейшем плане охраны города. На членов Совета Министров Хабалов произвел неудовлетворительное впечатление. Он, видимо, растерялся и в нем не чувствовалось надлежащий энергии для проведения решительных мер. Поэтому Совет Министров обратился с просьбой к Военному Министру оказать надлежащиее воздействие на генерала для принятия им безотлагательных и самых решительных мер для подавления беспорядков". Все понятно. В общих чертах я описал события, а теперь перейду к главному вопросу, ради которого мне пришлось сделать краткое описание событий февральских дней.

Штаб Округа прекрасно знал что происходит, получая донесения и от полиции и от начальников воинских частей. Ему было ясно, что беспорядки разрастаются и немногочисленная полиция и жандармы справиться с ними не смогут. Выведенные на улицу воинские части надле-

жащей энергии не проявляют, а казаки даже сочувствуют мятежникам. Вот тут-то и приходит в голову простой вопрос: почему ген.Хабалов не сделал того, что он должен был сделать и что сделал бы всякий грамотный начальник? Чего? Вывести во время на улицу все военные училища. Что этим было бы достигнуто? Многое. Первое: вы себе представляете какое психологическое действие произвело бы известие, а оно конечно сразу бы распространилось, что военные училища вышли на улицу и что "юнкера стреляют". То что было на улицах, была толпа, пусть и руководимая, разогнать ее было в первые дни нетрудно. Только, конечно, при одном условии, что надо было стрелять, а не играть в бирюльки. Второе: полиция получила бы моральную и физическую поддержку и, следовательно, ее действия были бы более решительны и смелы. Третье: воинские части, которые боялись выйти на улицу, и носа не высунули бы из казарм. Четвертое: было немало и воинских частей, верных присяге. И они получили бы уверенность в своих действиях. Пятое: всех юнкеров надо было направить именно в эти два района, указанные мною выше, и бить по голове кулаком.

Когда мне приходится думать о событиях того времени, то невольно приходит мысль: что было сильнее, "революционные отряды" или Царские юнкера? Правда, нас было быть может не так много, но на нашей стороне было качество, а хорошо известно, что не всегда побеждает количество. Ввиду крайне серьезного положения ген.Хабалов мог потребовать от юнкеров крайнего напряжения, как физического, так и морального. Дабы быть ближе к истине скажу, что артиллерийские училища были мало боеспособны, так как 15 февраля они дали выпуск (как раз окончили кадеты) и, следовательно, молодые юнкера были в училищах только неделю. Про многочисленные школы пехотных прапорщиков не могу ничего сказать - не знаю. Из дальнейшего описания читатель увидит каким крепким училищем было Инженерное, а были училища и крепче. И наконец, что самое главное, - военные училища надо было вывести во время и не расбрасывать, а держать в кулаке и им бить. И что получилось бы? Ничего, господа,- не было бы ни февраля, ни октября, беспорядки были бы подавлены и история России была бы другой.

Мне могут возразить: после драки кулаками не машут! Совершенно верно, это истина. Но ведь драки то не было. А что было? Игра в поддавки! Мне могут также указать, что теперь легко критиковать и что теперь каждый знает как надо было поступать тогда. Я не делаю ни одного, ни другого, я только нарисовав в общих чертах обстановку, указал на те возможности, которые были тут-же под рукой и которые использованы не были. Почему? Вот на этот вопрос я дать ответа

не могу, ибо не знаю. Быть может и здесь точки над и будут поставлены в будущем. Жертвы возможно, что и были бы. Когда нчальник идет в бой, он должен думать как его выиграть, а не сколько у него будет убитых и раненых.

Для того чтобы показать,что и у творцов и заправил февральской революции были уязвимые места и они тоже очень боялись, приведу следующее. Всем известен один из "героев" Российской катастрофы Керенский. На этой личности останавливаться не буду, его"деятельность" известна всем. На Московском Государственном Совещании 11 августа 1917 года Керенский сказал: "Пусть знает каждый, кто раз уже пытался поднять вооруженную руку на власть народную, что эта попытка будет прекращена железом и кровью. Пусть еще больше остерегаются те посягатели, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, свергнуть революционную власть!" Прошло 2½ месяца и когда "запахло жареным" Керенский переоделся в бабью юбку и убежал. Вот так бы и все зачинщики февраля разбежались, если бы с ними не "играли в поддавки".

Возвращаюсь к жизни Училища после революции. В самом начале марта все Училище ходило в Петропавловскую крепость и получило винтовки взамен у нас отобранных. В начале же марта происходили похороны "жертв революции". Чтобы не было никаких "недоразумений" Училище заняло постами все входы в Замок. Приказано было никого без пропуска не впускать. Я стоял в паре с Толстопятом. Процессия шла по Садовой и выходила на Марсово поле. Мы стояли у калитки двора перед 2-й ротой. Стоял я спиной к Садовой так, что процессии не видел. Слышны были похоронные марши и шум толпы. Для исторической правды надо упомянуть, что нам выдали по обойме "учебных" патронов.

Также в начале марта нам был прочитан приказ о том, что каждая рота должна выбрать ротный комитет из пяти членов. Что-ж, будем выбирать. Выбранными оказались командир роты и все три курсовых офицера, а так как пятого офицера не было, то добавили фельфебеля. Когда кто-то сказал, что это ведь демонстрация, то последовал ответ: наше право,- кого хотим, того и выбираем. Я не знаю делал ли что-нибудь комитет или нет, никаких объявлений о его заседаниях не было и надо думать, что закон был соблюден, а особой нужды в комитете не было. Жизнь же Училища шла спокойно,- те же занятия, те же лекции. Новшеством было, что на приветствие начальника из строя мы отвечали не "Ваше Высокоблагородие", а "господин капитан".

В один прекрасный день батальон юнкеров был приведен в Георгиевский зал. Пришло начальство. И вот кто-то из начальников заявил,

что согласно приказа Училищу надлежит выбрать одного делегата в Совет солдатских и рабочих депутатов. Стояли мы "вольно". Не успел он кончить, как стихийно со стороны юнкеров старшего курса по адресу совета раздался свист, улюлюканье и площадная брань. Отказавшись принять участие в выборах, мы с этими криками покинули зал. Все ли? Нет, были и переметы. Когда и где их не было! Как происходили выборы и кого выбрали, не знаю. Картина этого собрания исторически верна, нехватает даты. Вот что пишет по этому поводу ПНС: "в Совет с.и р.д.был выбран юнкер моего, младшего, курса Кусакин, бывший студент Горного Института, меньшевик и порядочный человек". О его деятельности я ничего сказать не могу,- не слышал и не знаю. Помню как-то проходил я с несколькими моими друзьями через гимнастический зал. Обратили мы внимание, что около горки в углу собралась кучка юнкеров, а один (это наверное и был Кусакин) что-то им говорил. До нас донеслось "меньшевики, большевики.." "Ну, эта механика не для нас",сказал кто-то из нас и мы прошли дальше.

Вспоминаю, что один из юнкеров младшего курса соскоблил корону на погонах. На это ему юнкера старшего курса заметили: "Император Николай Первый был Императором 30 лет и не вам лишать Его Императорского достоинства. Если же вам тяжело носить корону, снимите погоны и уйдите из Училища". Он устыдился и погоны переменил.

Как то раз на Невском ко мне прицепился один солдат: "почему вы носите вензель Императора Николая Второго?" Я ему говорю, что это - вензель Императора Николая Первого, "А, да, да, Царь-Миротворец",воскликнул он. "Да", говорю, "он бы нас всех умиротворил по иному". Насилу отвязался от дурака.

Случалось и так: нам надо строиться, чтобы итти в столовую. Нас просят подождать, т.к.приготовленное для нас съедено очереной бандой и для нас готовят вторично. "Ревизии" были часты. Кое-что мы видели, но о большинстве нам даже не было и известно.

Помню как-то раз прибежал в ротное помещение юнкер и сказал: "Господа, Муффеля обижают!" Мы сразу группой человек в 10 побежали за ним. Прибежали к цейхгаузу и остановились на верхней площадке. Узкая лестница вниз и на нижней площадке дверь в цейхгауз. Стоит полковник Муффель и открывает замок, а вокруг него человек 5-6 вооруженных солдат. Мы молча смотрим. Атмосфера была до того напряженной, что если бы Муффеля как-нибудь обидели, мы бы бросились вниз и голыми руками задушили всю эту "ревизию".Солдатня это почувствоала, стала испуганно озираться. Почувствовал это и полк.Муффель и, обращаясь к нам, спокойно сказал: "господа, идите в ротные помещения". Приказ был выполнен.

Конечно, город залило литературой. Масса газет,- вид их стал грязным и неряшливым. Я как-то просмотрел одну из них. Кроме трескучих фраз "да здравствует.." и потоков грязи на прошлое,- ничего больше. Из газет да и из рассказов отпускных юнкеров мы знали, что воинские части гарнизона приходили в

Государственной Думе с изъявлением "верности" Временному правительству. Мы своей компанией обсуждали это и кто-то сказал, что нам там делать нечего. Знало ли начальство о нашем настроении, не знаю, но допускаю, что знало. К этому надо добавить, что вероятно и само начальство не очень то хотело итти на поклон. Так этот вопрос не поднимался и Училище к Думе с изъявлением "верности" не ходило. Как то один из юнкеров принес газету, где как раз об этом и упоминалось. Читал ее и я. И вот моя память сохранила почти дословно написанное: "Все части Петроградского гарнизона были в Государственной Думе с изъявлением верности Временному Правительству. Не было только одного Николаевского Инженерного училища. Чем это объяснить? Политической неграмотностью юнкеров или давлением командного состава?" Вот я бы хотел теперь спросить этого "писателя: когда его ставили к стенке, как врага народа или он сгнил в лагерях, изучая социализм на практике, вспомнил ли он свою писанину и кто же из нас грамотнее, он или мы?

Частые "ревизии" порядком нам надоели. И случайно ли, или умышленно юнкера стали распространять слухи о том, что Замок мы минировали и что если нас не оставят в покое, то мы вместе с очередной "ревизией" взорвемся. Очень возможно, что слух этот был пущен в виде шутки. Но случайно ли, или умышленно, но нас оставили в покое. Если это была шутка, то и ей поверили.

В один из дней марта, а может быть и начала апреля происходила в Петрограде манифестация всех военных училищ и школ прапорщиков. Участвовало что-то около 10 тысяч юнкеров. Память почти ничего не сохранила. Помню шли в колонне по-отделениям. На Дворцовой площади прошли мимо генерала Корнилова, тогда Командущего Войсками Округа. Несли мы плакаты: "Война до победы в единении с союзниками", "Да будет единение между офицерами и солдатами", "Без дисциплины нет армии". Вот почти все, что мне удалось вспомнить из жизни Училища до выхода в лагерь.

Каково было отношение юнкеров к окружающему? К Временному правительству и Думе - отрицательное. Трескучие фразы без всякого содержания, а на наших глазах шло разрушение того, что с большим трудом и кровью было создано нашими предками. К Совету с.и р.депутатов отношение было явно враждебным. Отпускные юнкера говорили нам, что Училище за свое полное достоинства поведение и отсутствие всякого угодничества заслужило глубокое уважение со стороны той части интеллигенции, мозги которой не были под революционным психозом,и естественно, неприязненное отношение со стороны левых. (За то что Училище

не ходило на поклон к Временному правительству в совете с.и р.депутатов поднимался вопрос о нашем разгоне и только вмешательством представителя Училища юнкера Кусакина удалось Училище спасти от разгона.ПНС)

За несколько месяцев до производства нам был указан ряд портных, у которых мы могли заказать офицерское обмундирование и указано на какую сумму, что-то 600-700 рублей). Носильное белье, шинели и фуражки можно было заказывать через Училище. Интересны цены. Я помню, что китель стоил 80 рублей").

За пару месяцев до производства был также объявлен список вакансий. Все вакансии были в запасные саперные батальоны. В Петроград — немного, 1-3 вакансии в моторно-понтонный баталоьн, это был новый род войск, сформированный во время войны. 1-2 именных вакансий в гвардию. Вакансии в 6 саперный запасный батальон; это была отвратительная, разложившаяся часть. В запасный телеграфный батальон в Москву, в Сибирский запасный понтонный батальон в Ярославле, в 4-й зап.сап.батальон в Самаре, в 1,2 и 3 зап.сап.батальоны в Киев и Харьков, в 5 зап.сап.батальона — Старица Тверской губернии, 10 вакансий, куда вышел и я. Смутно припоминаю, что были вакансии в тепловозные батальоны на Западный фронт. Это был тоже новый род войск, тоже формирование войны и что это за штука понятия не имею. Борьбы за вакансии почти не было. Жители столиц, естественно, стремились выйти в части, чтобы быть ближе к родным, ну а нам, провинциалам, было все едино. Задерживаться в тылу мы не собирались. Наше производство предполагалось 15 мая, но так как для лагеря в этом случае было бы только две недели, то нам добавили еще месяц и, таким образом, мы пробыли в Училище на 8, а 9 месяцев.

1 мая мы погрузились на пароход у пристани Смольного института и высадились в Усть-Ижоре, где и был лагерь Училища. В мирное время в лагере столяли: Училище, Гвардейский Саперный батальон и 18 саперный. В военное время,- левее нас стояла Гвардейская запасная часть, рота или две, и на левом фланге 6 запасный батальон. Училище помещалось в бараках по полуротно на барак. Столовая открытая под навесом. Первое время было холодновато и нам разрешили, кроме одеял, укрываться и шинелями. Лагерная жизнь протекала как и в других училищах. Чем мы были заняты, а заняты мы были с раннего утра и до позднего вечера, я уже писал когда описывал учебную программу. Добавить можно стрельбу. Стрельбище было недалеко. Прошли мы пять упражнений. Тут же прошли упражнение по стрельбе из револьверов. При выпуске мы

") 24-25 рублей у лучшего портного в октябре 14 года.Прим.ред.

получили испанские браунинги, качество коих было ниже всякой критики. Я полуил от отца в подарок его Наган. Вспоминаю какой-то маневр в районе стрельбища с применением дымовых шашек. Был и небольшой тактический маневр. Мы, 2 рота, заняли сторожевое охранение, выставив заставы, караулы и т.д. 1 рота наступала. Им удалось "обмануть" нас и атаковать с тыла. Маневр нами был проигран.

Стоявший в лагере 6 зап.сап.батальон нас постоянно "задирал" и нам надо было быть постоянно на чеку. Вмешательством гвардейцев, которые заявили, что если 6 запасный батальон тронет Училище, которое 100 лет им давало офицеров, то они разнесут их в клочки, немного их утихомирило.

14 июня старший курс перехал в Петроград и 15 июня приказом Армии и Флоту мы были произведены в прапорщики со старшинством с 15 января 1917 года и с правом производства в подпоручики по истечении 8 месяцев со дня старшинства в чине прапорщика, а за боевые отлчия в любое время. Юнкерская жизнь закончилась.

Как держало себя Училище дальше? ПНС пишет, что он познакомился в Н.Йорке с юнкером 9 ускоренного выпуска Голенковским. 9-й выпуск пришел на нашу смену и был тоже кадетский. Он коротко рассказал об октябрских событиях и почти поголовной гибели Училища. Большая часть юнкеров несла службу на телефонной станции на Гороховой улице и погибла, будучи сбрасываема солдатами из окон шестого этажа на улицу, другая часть юнкеров погибла в Зимнем дворце, спслись единицы. В начале октябрских событий была попытка разогнать Училище со стороны солдатских масс и Замок был атакован бооневиками. В результате разгоревшегося боя атака была отбита, но в рядах юнкеров были потери и тогда же были убиты командир нашей 2-й роты кап.Михальчук и мой курсовой офицер поручик Чижиков.

Между прочим, у меня в памяти нет абсолютно никаких воспоминаний о какой-либо участи тогда офицеров Академии. В Германии в лагере в Мюнхене я познакомился с эмигрантом 1943 года, бывшим во то время (октябрь 1917 года) в Ака демии, но он мне не говорил ни слова об октябрских событиях, лишь о том, что он был руководителем постройки ряда укреплений на берегах Ледовитого океана в тридцатых годах. В 1920 году я слышал о гибели в боях у Каховки Апостоли, моего выпуска. Не помню где и когда я слышал, что был убит в боях с нами красный командир корпуса, бывший юнкер моего выпуска. Фамилии не помню, но помнится, что в Училище он был уже пожилым с большими усами и его называли "папашей".

С окончания Училища прошло больше 50 лет. Невольно вспоминаешь

своих однокашников и бывших студентов и бывших кадет. Вот студент Невский, низкий правофланговый 2 роты, вот Марков с квадратной головой, тюфякообразный Мгалоблишвили, Мамонтов, "зазубренный философ" Маслов (кораблестоительного отделения Петроградского политехникума), Соловьев, мой сослуживец по белой армии, одной инженерной роты, павший на поле брани в сентябре 1919 года на Мурмане. Вот целый ряд моих однокашников по Училищу, кадет. Большинство же забыты и по фамилиям и по внешности и ушли из памяти навсегда. Эти отрывочные воспоминания,- это все, что могла восстановить моя память.

Переживая вновь то, что было 50 лет тому назад, меня охватывает чувство жгучего стыда за наш национальный позор. Это чувство стыда усугубляется чувством отвращения и гадливости к тем, кто на чужие деньги, под чужую дудку и ради чужих интересов, но русскими руками уничтожили и Династию и Россию. Хвалиться им нечем! И правды они не скажут никогда потому, что ее то они и боятся. Русский народ за свою многовековую жизнь выработал много мудрых поговорок. Одна из них гласит: что посеешь, то и пожнешь. Не сбылась ли она на наших глазах? Русский народ в целом пожал то, что посеял, получили все и по заслугам.

Быть может впервые мне пришлось обратить внимание на то, что военные училища не были использованы в февральские дни. По крайней мере я об этом нигде ничего не встречал. Равным образом, мне пришлось затронуть и другую сторону событий, а именно политическую. Если мы поставили себе задачей описать быт и жизнь нашей Императорской Армии, то невольно является и такой вопрос. Мы это делаем для наших потомков. Они, естественно, могут задать такой вопрос: "А как же наши предки думали? Неужели при более чем тысячелетней истории, при том, что во все эти времена Россия была монархией (в разных видах), в 1917 году все оказались и социалистами и республиканцами?" Вот на этот вопрос они и найдут ответ в моих воспоминаниях.

Когда я их писал я много раз задумывался над будущим. Оно не в нашей власти, а исключительно в руках Господа Бога. Человечество загнано всеми вождями и пророками в тупик, из которого не знает как выкарабкаться. Человек захотел быть умнее Бога. Я верю, что маятник уже дошел до крайнего левого положения и качнулся вправо. Вопрос лишь во времени. Когда? А мы? Мы, думаю, до возрождения России не доживем,- очень мы стары. А вот нашим потомкам в России мы должны искренне и от чистого сердца пожелать, чтобы они оказались умнее своих предков и поняли бы, что для того, чтобы поправить окно, вовсе не надо было до основания ломать весь дом, то есть то, что было

проделано нами с Россией в 1917 году.

Эти воспоминания я посвящаю своему хорошему Училищу. Я показал одну светлую точку среди мрака, охватившего Россию с февраля 17-го года. Если доживу, в следующем очерке покажу и другую.

Когда я перечитал все написанное, то увидел, что вышло не очень то литературно. Но на это я не претендую, - как умел, так и написал.

С.Нитц (11 вып.)

УТРАТЫ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

8 января 1968 г. - Алексей Федорович ПРИСЕЛКОВ, 12 выпуска;

17 апреля 1968 г. - Алексей Михайлович ШРЕДЕР, 1 выпуска;

4 мая 1968 г. - Ольга Николаевна СУДАКОВА, Суворочка, вдова Р.М.Судакова, 3 выпуска;

10 июня 1968 г. - Георгий Нилович ПАРДИЕВ, член Объединения в США,

30 июня 1968 г. - Др Борис Сергеевич ЛЮТОМСКИЙ, 12 выпуска.

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

К празднику св.Пасхи в 1968 году было получено следующее поздравление от К.П.Шредер, супруги скончавшегося Суворовца 1 выпуска А.М. Шредера:

"Христос Воскресе, дорогие Суворовцы!

Ушел Ваш старший! Ушел он может быть даже не сознавая, что уходит от легочной эмболии, точно пуля ему грудь прострелила. Умер как военный и этого он всегда хотел. Ни болезни ни ухода он не знал, был молод душой и шутил до последней минуты. Никогда не жаловался, но последнее время у него была тихая грусть о том, что ему казалось не так как надо. Несмотря на 80 лет, он ни минуты не был стариком, ни по наружности, ни по образу жизни. Всем было с ним легко и хорошо.

Так,наверное,и надо жить. Так, наверное, и надо желать умереть.

Ушел он в дивные дни и рядом с Плащаницей лежал в Свято-Покровском соборе в Нью Йорке. Чудесные службы, храм полон света, все со свечами. В Великую Пятницу вечером - крестный ход, пели "Воскресни Боже!"

Цветы у Плащаницы, цветы у него. Как будто величие служб и песнопений отражали величие его смиренной и такой чистой души. А теперь "Христос Воскресе" звучит для него на всех службах.

Это дивное приветствие "Христос Воскресе" примите от него, дорогие Суворовцы и от меня одинокой. Шлю Вам его в даль и знаю, что оно отзовется в Ваших сердцах.

К.Шредер.

СУВОРОВЦЫ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ.

- Борис Аркадьевич ЛАГОДОВСКИЙ, 4 выпуска, назначен Председателем Объединений Лейб-Гвардии Конной Артиллерии в Париже.

- По почину Русского Отделения Королевского Канадского Легиона имени Св.Георгия Победоносца в Монреале и при материальной поддержке такого же Отделения имени Св.Николая в Торонто, в Канаде в городе Родон, провинции Квебек, поставлен памятик русскому воину. Это такой единственный памятник во всей Канаде, на нем надпись на трех языках, русском, английском и французском:

"РУССКОМУ ВОИНУ СЛАВА!"

Наш Суворовец 8 выпуска Владимир Георгиевич ЯСТРЕБОВ является основателем Русского отделения Королевского Канадского Легиона имени Св.Николая в Торонто; он был его председателем от 1956 по 1967 год; от этой должности вследствие болезни отказался; на годовом общем собрании выбран пожизенным Почетным Председателем названного отделения. В 1968 году Главным Командованием Легиона В.Г.Ястребов назначен на должность советника по юридическим делам в Верховный Суд провинции Онтарио по делам военных ветеранов, т.е. заместителем главного судьи.

26 января в большом зале церковного дома при храме Христа Спасителя в Торонто состоялся традиционный "Татьянинский"бал. На вечере состоялось торжественное вручение В.Г.Ястребову знаков вновь учрежденного Ордена Канадского Государства, которым Генерал-Губернатор от имени Королевы наградил В.Г.Ястребова за его долголетние заслуги перед Канадой и русской этнической группой в Канаде. Принимая во внимание ограниченное число награжденных этим первым Канадским орденом и то, что В.Г.Ястребов стоит одним из первых в списке награжденных, это не только высокая честь для него лично, но и для всех канадских граждан русского происхождения.

Ранее В.Г.Ястребов был награжден медалью в память столетия Канады.

Милые Суворочки и дорогие Суворовцы!

Поздравляю Вас с наступающими праздниками Новым Годом и Рождеством Христовым..

Желаю всем доброго здоровья, благополучия и весело встретить Новый Год, который принесет если и не освобождение нашей Родины, то во всяком случае много неожиданностей в этом направлении.

СЛАВА ВАМ!

Н.Главацкий.

Как всегда, присоединяюсь к поздравлению Николая Владимировича и шлю самые лучшие пожелания.

Вот видите, господа, как хорошо выходит, когда мы дружно беремся за работу и содействуем своему же сборнику.

Не теряю надежды на будущее нашего журнала и прошу всех об этом будущем позаботиться.

Г.Гринев.

Корпусный праздник, как всегда, был отмечен:

П а р и ж.

После литургии и молебна в кафедральном соборе на ул.Дарю, в первый раз мы собрались в "Доме Белого Воина", 5, рю Мэримэ. Заботами наших милых Суворочек был сервирован отличный завтрак. Несмотря на болезнь, Н.А.Грешнер приехала на Мэримэ и все организовала, но, к сожалению на завтраке остаться на могла.

Сперва вспомнили и почтили вставанием ушедших в другой мир Суворовцев и Суворочек, затем были прочитаны поздравления из разных стран от Суворовцев и парижских организаций.

На этом собрании нам доставила большое удовольствие прилетевшая из США Клавдия Петровна Шредер, жена всеми уважаемого нашего старейшего кадета, в начале этого года скончавшегося А.М.Шредера. Много интересного из жизни наших Суворовцев в Америке Клавдия Петровна. К большому сожалению, со смертью Алексея Михайловича корпусный праздник в этом году в Нью Йорке отмечен не был.

В уютном русском уголке, напоминающем офицерское собрание мирного времени, созданном заботами члена нашего Объединения Е.С.Фишер, мы на несколько часов перенеслись в красивое прошлое и забыли повседневную жизнь в иностранном окружении. Но всему бывает конец, так

и мы окончили наше собрание и в хорошем настроении разошлись по домам.

Присутствовали: С.А.Грешнер, П.А.Черненко, Н.М.Замайский, Д.Г.Лучанинов, М.А.Прокофьев, Г.И.Рыбалко, В.В.Траубенберг, С.В.Россинский, С.В.Бугославский, Н.А.Звонников, В.И.Репкин, Н.В.Главацкий; Суворочки: К.П.Шредер, Е.А.Главацкая, В.К.Замайская, Л.Е.Звонникова, М.Л.Траубенберг, М.В.Россинская.

Германия.

Из письма Д.А.Погорецкого. П.Н.Манюкин приехать не мог. Собрание, как и всегда, состоялось в гостеприимной семье Н.Н.и С.К.Наместник. Из дома отдыха приехал 7 конной батареи полк.С.И.Бако. Заботами милой хозяйки стол был сервирован на славу. К нашему празднику был присоединен и день Ангела Сергия Константиновича.

В начаде Д.А.Погорецкий сказал несколько слов о любви и привязанности теперь старых кадет к ро ному Корпусу. Затем почтили память Державного Основателя Корпуса Императора Николая Александровича, Великого Князя Константина Константиновича, нашего незабвенного первого Директора Степана Ниловича Лпврова, персонал Крпуса и всех кадет за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших и в рассеянии скончавшихся. Выпили за всех здравствующих Суворочек и Суворовцев и в уютной обстановке много вспоминали о былом прошлом.

Калифорния.

Из письма Н.М.Витте. В день Покрова в 8 час.вечера была устроена встреча у Н.Н.Машкина, который и организовал наше празднество. Прежде всего помянули Суворовцев отошедших в иной мир; накануне в церкви были поданы поминальные записки об упокоении нашего Шефа и всех Суворовцев отошедших в вечность. А за столом вспомнили о всех здравствующих Суворовцах с семьями, в мире рассеянных. По инициативе Н.Н.Машкина все расписались под поздравлением Почетной Председательнице Ея Высочеству Княжне Вере Константиновне, от которой уже получен милый ответ с поздравлением. Присутствовали: Н.Н.Машкин, Н.М.Витте, Субботин Четвертый с супругой, Зюзин Третий с супругой, секретарь Обще-Кадетского Обьединения Е.Г.Раевская с мужем (она институтка, а муж - кадет из Югославии) и В.К.Коптева, приготовившая наши явства. По болезни не смогли присутствовать Обручев Второй с супругой,из Сан Диего. Позд лений было получено 27, из коих 4 не от Суворовцев.

Аргентина.

Из письма В.Н.Черноглазова. После службы и молебна в церкви мы собрались в ресторане, где хорошо пообедали и за чаркой вспомнили нашу кадетскую жизнь, директоров, воспитателей, преподавателей и все хорошее прошлое. Кроме меня присутствовали: мой брат Всеволод Одесского

корпуса и В.М.Иогансен. Н.Н.Михеев по болезни отсутствовал.

Из Нью-Йорка сведений пока не поступало.

Стихотворение, прочитанное автором на ужине в день корпусного праздника 14 октября 1967 года в Лос Анжелесе, Калифорния.

В Покров на праздник мы собрались,
Всех нас пятеро кадет
И в "Русском Центре" постарались
Устроить памятный обед.
Сам Председатель и кадеты:
Витте, Обручев, Машкин,
Субботин, жены, и Зюзин,-
Все седина, но пистолеты.
В Варшаве корпус был основан.
Российских войск Фельдмаршал - Шеф.
"Сув" на погоны был дарован,-
Суворов - гордость всех кадет.
Учились юные кадеты
Служить Отчизне и Царю,
Чтить Суворова заветы:
"Отдать за други жизнь свою".
Учились в будущем гвардейцы,
Кавалеристы-юнкера,
Учились скромные армейцы,-
Одна Суворовцев семья.
В Покров, одев мундир парадный,
Начистив с блеском сапоги,
Стоял кадет в строю нарядный
И ждал - парад и пироги.
Сначала церковь, потом парад.
По ротно шли, равняясь в ряд.
Бывал Командующий Скалон
И форм блестящих Вавилон.
Обед парадный - гусь и сливы,
Традиционное вино.
Кричат "ура" и все счастливы.
Все это было так давно...
В громадном зале без колонн
Бал полонезом открывали,
Мазурка, полька, вальс-бостон,
Чего тогда не танцовали!
Кадеты долго споминали
Бал, парад и всех гостей,
Зубрежку снова начинали
Математических затей.
Но ты ушел в небытие
На Уяздовской "корпус славы",
А "хонор" Польши одноглавый
Сменил тебя, Орел Двуглавый!
И в юбилей Руси злосчастный
Убит, расстрелян ли кадет,
Мы помянем тебя, несчастный,
И имя сохраним на век.
А всем СУВОРОВСКИМ кадетам
Мы грянем громкое "ура"
И пожелаем "многи лета"
И выпьем рюмку, всю до дна.

Георгий Зюзин Третий,
член Обьединения Суворовцев на западе США, окончивший Аракчеевский кадетский корпус.

Сборник.....

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парижъ

"С У В О Р О В Ц Ы"

Сборник № 21.

Издание Обьединений б.кадет Суворовского Кадетского Корпуса.

Октябрь 1969 года. П а р и ж.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От Председателя Объединений..... 1

Кого и как я помню. А.Дориан..... 2

А.А.фон Брандт. Э.Байбакова..... 3

Авангардный лагерь. С.Грешнер..... 4

Химия, сугубая химия. С.Грешнер..... 9

Кого и как я помню. С.Грешнер..... 11

Достойный пример. В.Ястребов..... 12

21 Инженерный полк 1917-1918. С.Нитц..... 15

Исправления..... 25

Гайдовское восстание 1919. В.Ястребов..... 26

Редкий юбилей..... 38

Выпускные жетоны. С.Грешнер..... 39

Утраты Объединений..... 40

Суворовцы в жизни общественной: Н.Главацкий..... 41

В.Ястребов..... 41

Издатель:

N.V.Glavatsky,
6,rue Voisembert,
(92) Issy-les-Moulineaux,
France.

Редактор:

G.M.Grinioff
2542 Kottingbrunn,
Austria.

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Милыя Суворочки и дорогие Суворовцы!

Шлю Вам сердечный привет и самые лучшие пожелания к предстоящему корпусному празднику.

Да сохранит Вас Царица Небесная под Святым Своим Покровом.

День этот остался в памяти всех нас как что-то из ряда вон выходящее в те далекие кадетские времена, к этому дню все долго готовились, каждый по-своему, предвкушали удовольствия этого дня, и праздник у нас в Корпусе выходил красивее и торжественнее, чем мы ожидали.

Почему то и погода в этот день была особенной и, действительно, никто не помнит холода, дождя или бури в этот октябрьский день.

Все проходило по программе, однажды выработанной и затем неизменно проводимой каждый год. Тут было столько интересного и привлекательного для кадет всех возрастов, что можно сказать, что вся шестисотенная масса и ждала этот день и никто не был разочарован в его праздновании.

Много лет прошло с тех пор, многое изменилось: нет ни Корпуса, нет даже бывших его зданий на новой Уяздовской аллее в Варшаве, да и из тысяч Суворовцев остались лишь единицы здесь и, может быть, кто нибудь уцелел там. Большинство же или храбро и достойно сложило свои головы, или честно и непостыдно закончило свою многострадальную жизнь.

Поздравляю Вас, последних Суворовцев, и прошу в этот день почтить память той Школы, которая из нас создала то, что мы есть.

Н.Главацкий.

Присоединяясь к словам Николая Владимировича, поздравляю со своей стороны Суворочек и Суворовцев с корпусным праздником и желаю нашему сборнику дальнейшего существования литературными трудами нашей дружной семьи.

Г.Гринев.

КОГО И КАК Я ПОМНЮ.

Вполне разделяю предложение С.А.Грешнера и хочу почтить память нашего офицера-воспитателя капитана Тихона Владимировича Львова.

Обращаюсь к дорогим однокашникам с просьбой дополнить эти немногие строки, чтобы лучше обрисовать незабываемую фигуру Тихона Владимировича, нашего начальника и друга, отдававшего все свои силы воспитанию нас, будущих офицеров.

- Я не могу найти у него никаких недостатков.
- Он никогда не возвышал голоса, был справедлив и не имел любимчиков.
- Редко накладывал взыскания, и только тогда, когда были исчерпаны все другие меры воздействия.
- Никогда не подглядывал и не выслеживал; не делал осмотра парт, чтобы найти запрещенные предметы,- он нам верил и мы отвечали ему тем же.
- Нередко приглашал нас к себе и мы чувствовали трогательное внимание его и его обворожительной супруги.
- Не только наше отделение, но и вся рота была довольна, когда Т.В.был дежурным.

Для подтверждения моих слов обращаюсь к звериаде первого выпуска, первая строфа которой:

"Друзья, уж близок час разлуки
Ни мне ни вам не разгадать,
Куда забросит нас судьбина,
Где будем век свой коротать..."

Далее шли весьма нелестные отзывы обо всех из персонала и только про Т.В.Львова было:

"И как не петь нам Тишу Львова,
Когда он женушку имел
Такую, что .., но тут ни слова,
Довольно, песнь свою пропел!"

А.Дориан (1 вып.)

При моем поступлении в Корпус в 1907 году подполковник Т.В. Львов был воспитателем у нас в 4 роте и о нем осталось хорошее впечатление. Вскоре, однако, он был переведен в один из Петербургских корпусов.

Г.Гринев (9 вып.)

АЛЕКСАНДР фон БРАНДТ.

Александр Адольфович фон Брандт, подпоручик Лейб-Гвардии Кексгольмского Императора Австрийского полка, окончил Суворовский кадетский корпус и Павловское военное училище. Произведен в офицеры 6 августа 1913 года 19 лет от роду.

В 1914 году он был назначен помощником полкового адъютанта и заведывающим мобилизационной частью. Перед самой войной он получил отпуск и приехал в Петербург к семье, но в тот же день был вызван и возвратился в полк.

Вышел с полком в поход и участвовал в драматических боях Армии генерала Самсонова. После нескольких месяцев неизвестности о его судьбе было получено сообщение немецкого Красного Креста, что брат найден в Мазурских лесах или болотах.

Четыре года пленения, две попытки бегства. Второй раз было особенно трагично: брат с пор.И.В.Горским и пор.Павловым проехали благополучно почти всю Германию и в нескольких минутах от границы спасения вошли жандармы и их арестовали. Я в 24-5 году видела Горского и он мне говорил, что он был против побега, так как шансов на успех находил мало,- в Германии трудно было встретить молодых людей в штатском костюме.

По окончании войны брат был с ротой солдат отправлен немцами по месту рождения. Я брату писала, что положение здесь для офицеров опасно, но он мне ответил, что от него выбор места назначения не зависит, а, кроме того, он считал своим долгом поддержать сестер, а там уже решить что делать дальше. Я была с сестрой в Вологде. В Петербурге был голод. Я оставила ему в Сербском посольстве адрес Вологды и каждый день ходила с сестрой узнавать на вокзал. Наконец от тетки получила телеграмму, что Шура умер в Петербурге. Тяжко было этому поверить. Мы сразу поехали в Петербург и все надеялись, что произошла какая-то ошибка. Позвонили тетке и выяснили, что это была правда: немцы дали вагон с разбитыми окнами и мой брат получил воспаление легких, от которого и скончался в 10 метрах от нашей квартиры, в Евангелической больнице. Похоронили его на Волковом кладбище.

Я являюсь единственной оставшейся от большой семьи.

. . Эльмира А.Байбакова, ур.ф.Брандт.

АВАНГАРДНЫЙ ЛАГЕРЬ.

"Где ключи Дудергофа шумят,
Там сто лет уж подряд
Все Павлонов "зудят".

Берегись ты дороги той,-
Конный, пеший не пройдет живой.

Еще дачницы, дачники спят,
А Павлоны палят,
Спиной кверху лежат.

Берегись ...

Даже дачницы спать полегли,
А Павлоны-тоняги
С "зуды" не пришли.

Берегись...! х)

Да! Ключи Дудергофа и теперь еще шумят, но Павлонов там уж нет.

Браться описать Красносельский лагерь я не берусь. Это сделал давно уже талантливый писатель Петр Николаевич Краснов в своей книге "Павлоны". Хочу только дать несколько штрихов из личных воспоминаний о лагерной жизни Павлонов во время моего пребывания в этом славном Училище. "Первое, славное, Павловское!" - позывной сигнал нашего Училища.

В лагере я провел два лета 1912 и 1913 годов. Схема Красносельского Лагеря такова:

Впереди - Авангардный лагерь растянулся линией версты на полторы. В нем стояла армейская пехота и Училища: Владимирское, Павловское, Константиновское и Михайловское артиллерийские и Николаевское кавалерийское. Левее Николаевского была Офицерская Кавалерийская Школа. Инженерные войска и Училище были в Усть-Ижорском лагере, далеко от нас на Неве. Кавалерия была на квартирах по окрестным деревням. В

х) Песню эту распевали во многих частях Русской Армии, но родилась она, кажется, на границе с Персией: "Там где волны Аракса шумят, там посты грознов ряд на границе стоят..."

Главном Лагере, сзади в 1 версте, стояла Гвардия со своей артиллерией. Авангардный лагерь был расположен фронтом на Военное Поле, истоптанное за десятилетия и даже века многими тысячами ног Российского Воинства. Посередине Поля высился Царский Валик, возвышение на котором всегда принимал парад войск Государь Император.

Помню прозрачные белые ночи. Стоишь дневальным на линейке под грибом. Ни день, ни вечер и не утро. Можно свободно читать.

Лагерь спит. На передней линейке бодрствуют только дневалные да часовые у знамени и артиллерийских парков. Недавно, перечитывая Краснова, заметил, что он пишет о ночном небе в Красном Селе летом, как о глубоком, черном и звездном. Думаю, что Петр Николаевич поэтически увлекся и забыл о белых северных ночах и описал скорее украинские ночи. Я лично там ночами, кроме утренне-вечерней звезды Венеры, других звезд не видел.

В мае занятия в лагере начинались со съемок. Они были полуинструментальные со всякими горизонталями и т.п.,а затем различные виды глазомерных, вплоть до панорамных. Это было время относительной свободы. Партии юнкеров со своими руководителями-офицерами, большей частью даже не принадлежавшими к составу Училища, с ранняго утра уходили в поле на свои участки и там, сначала разбившись по три (из за инструментов вроде Алидады-высотомера полковника Максимовича),а потом на глазомерных съемках в одиночку с планшетами, разбредались в разные стороны.

Перед выходом мы получали по фляге холодного сладкого чая и по "мертвецу",- гигантской котлете в разрезаной французской булке. Из за удаления участков от лагеря, мы на завтрак в лагерь не возвращались. По всему Военному Полю и окрестностям шмыгали "шакалы". Это были торговцы в разнос булками, кренделями, колбасой, шоколадом и прочей снедью, которую юнкера всех училищ, бродившие по полям и перелескам и всегда голодные "как юнкера", покупали у них. "Шакалам" воспрещалось торговать спиртными напитками, но они всегда ухитрялись где-то в своих двойных заплечных корзинах спрятать бутылку-две и, уверившись что вокруг поблизости нет офицеров, наливать юнкерам рюмку-другую водченки. Среди богатых юнкеров, в особенности кавалеристов, у них всегда были постоянные клиенты.

Я довольно прилично шел по топографии и, быстро выполнив свою работу, давал "сдирать" ее товарищам и, растянувшись на травке где-нибудь в тени, дрыхал.

В прилежащих деревнях и в Дудергофе на горе жило много дачников и дачниц; и среди последних не мало жриц, имевших клиентами богатых юнкеров, которые и пользовались съемочной свободой, чтобы развлечься.

К середине июня съемки кончались и наступала пора строевых и тактических занятий. Это была жаркая пора и в прямом и переносном смысле. Потом следовали стрельбы. Стреляли мы на стрельбище 2-й Гвардейской дивизии позади Главного Лагеря. Так как войск в обоих лагерях было много, то на стрельбищах была большая очередь и мы часто начинали стрельбу в 5 часов утра, для чего надо было подыматься не позже 4 часов, а то и раньше. Если не считать ранней побудки, стрельбы не были в тягость, тем более, что на линии огня всегда была только часть роты: одно отделение или взвод, а остальные валялись, курили и отдыхали.

На одной из стрельб я был свидетелем смерти нашего Суворовца Зеньковича, , 5 выпуска, он застрелился из винтовки на моих глазах. Мы сидели (он был в моем взводе) вчетвером или впятером в мире и болтали. Кое кто осматривал и частично разбирал винтовку. Как и другие Зенькович снял штык, а затем незаметно перевернул винтовку дулом к себе и направил в сердце. Дотянувшись правой рукой до спускового крючка, нажал его. Никому в голову не приходило, что он хладнокровно, с усмешкой убивает себя, причем предварительно оглянулся, чтобы убедиться нет-ли за его спиной кого-нибудь, чтобы его не зацепить. Эти мелочи только потом вспоминаются осмысленно,- ведь никто не мог думать, что его винтовка заряжена и курок взведен.

У него было много неприятностей с командиром роты кап.Тарасенковым и все были уверены, что Зенькович покончил с собой из за "Протирки" (прозвище Тарасенкова). Роту немедленно построили и когда Тарасенков, взгромоздившись на своего коня, подъехал к строю, раздались глухие возгласы "Убийца, убийца..." Он побледнел, пришпорил лошадь и ускакал. Зенькович был славный товарищ и хорошей души человек. Будучи с ним в одной роте я за зиму его хорошо узнал.

Мир и вечный покой душе его!

В чайной Училища каждый корпус имел свой с прибитой дощечкой стол, за которым однокашники собирались после занятий и тем поддерживали связь со своим гнездом. В лагере эта традиция продолжалась, но,кроме того, почти каждый корпус имел на пристани свою собственную лодку. Здесь надо пояснить, что своими задними линейками училища выходили на берег Дудергофского озера, на другом берегу которого и была зна-

менитая поросшая лесом гора Дудергоф с дачным поселком на ней того же названия.

Озеро было не очень большое, но позволяло катание на лодках гребных и даже парусных. У каждого училища была своя пристань и целая флотилия лодок, казенных нумерных и собственных, принадлежавших объединениям корпусов и имевших названия. Была Киевлянка, Москвичка и тому подобные. Наш молодой корпус как раз при мне приобрел свою лодку. Мы собирали на нее деньги целую зиму. Организатором этого, помню были Горский и Развозов 5 выпуска. Конечно, самолюбие требовало, чтобы лодка наша выделялась среди других. Купили отличную гребную лодку, похожую на гоночную и окрестили ее "Суворочкой". Цели своей мы достигли, она была украшением Павлонской флотилии.

На пристани после занятий находился в будке дежурный, который вел запись всех берущих лодки и кто на них старший. Парусные лодки (а их в Училище было две),подаренные Морским Ведомством, могли выходить на озеро со старшим, сдавшим экзамен на умение управлять парусами. Вот на таком "флагманском корабле",который назывался "Павлон", я и учился и сдавал экзамен на "звание шкипера". Учителями моими были два юнкера-однокурсника, у которых в семьях были моряки, а один из них даже год был гардемарином Морского Корпуса. Так что все тонкости разных "овер-штагов" и "бейдевиндов" я прошел.

Конечно, были и правила пользования лодками, за выполнением которых и отвечали старшие записанные в журнал на пристани. Особенно строго карались нарушения правила, по которому не полагалось нигде приставать к берегу и скрываться в камышах на другом конце озера у деревни Вилози. Тут нашими врагами были офицеры артиллерийских училищ. У них на берег озера выходили террасы офицерских собраний, где постоянно находился дежурный офицер и у него была артиллерийская стерео-труба, в которую он мгновенно различал какого училища лодка и какой ее номер. Звонок по телефону и начальство узнавало, что "Суворочка" в таком-то часу входила в камыши и оставалась там 20 минут. На лодках были флаги Училища. Наш и Михайловцев был красный с буквами соответственно "П 1" и "М", у Константиновцев с черным кантом, и т.д., которые позволяли сразу определить принадлежность лодки.

Между Павловским и Константиновским училищами был небольшой овраг с перекинутым через него по передней линейке мостиком, окрещенным "мостом братьев Бутыриных". Один Бутыркин командовал батальоном Павловского училища, а другой - батареей Константиновского. Наш был

маленький, плюгавенький, а артиллерист - видный, большого роста красивый мужчина. Кроме того наш был и недалек умом. По запретному коридору бежит юнкер,- авось проскочу! - Вдруг навстречу "Антропка" (прозвище Бутыркина). Раз, два! Юнкер стал во фронт. "Откуда, юнкер?" говорит в нос Антропка. "Оттуда, г-н подковник",отвечает юнкер, указывая налево. "А куда?" - "Туда, г-н полковник", указывает юнкер направо. "Ступайте".

Слышал я в Училище, что когда-то наши Павлоны сотворили шутку с Константиновцами. Перед их передней линейкой был орудийный парк и при нем всегда был часовой-юнкер. Якобы однажды Павлоны подобрались ползком ночью к горной пушке, привязали к ней канат и стянули ее в овраг. Часовой, увидев, что пушка куда-то катится, стал стрелять. Было - не было? За что купил, за то и продал. Спросите Мишу Прокофьева, может быть он в своем училище слышал об этом инциденте?!

Закончился наш лагерный сбор маневрами под проливным дождем, когда мы 4 суток шлепали по грязи и валялись и спали в грязи, часто даже не накормленные во время, но все хорошо, что хорошо кончается, и в конце концов мы атаковали гору Кирхгоф, на которой Государь со свитой, с высшим генералитетом и военными агентами наблюдал заключительную часть маневров. Отбой, построили и с песнями домой, а через два дня на Преображение перед передней линейкой Преображенского полка Государь Император поздравил построенных юнкеров всех училищ и пажей с производством.

В шинелях в накидку, с приказами под погоном, весёлой толпой без строя помчались мы на Военную Платформу ехать в Петербург переодеваться. Переоделись в Училище и паиньки и портупеи отправились с визитом к своему бывшему училищному начальству. Не я, конечно, потому что с начальством я был в сильных неладах и, вместо визитов им, поехал делать визиты и покрасоваться в офицерской форме родным и знакомым.

Ну а вечером Аквариум, Вилли Родэ,- дым коромыслом и потом 28-дневный отпуск.

Кто куда. Разлетелись соколы. Взвились орлами...

С.Грешнер (6 вып.)

ХИМИЯ, ХИМИЯ, СУГУБАЯ ХИМИЯ...

Осенью 1911 года юнкера Павлоны 5 отделения младшего курса никак не могли дождаться своего лектора по Артиллерии кап.Костевича. Прошел месяц, а мы все проходили курс по учебнику без лектора. Говорили, что капитан К, где-то в командировке, но вот-вот приедет. Наконец кто-то принес газету, где черным по белому было напечатано, что в Германии арестован русский капитан К.по обвинению в шпионаже.

Наш посол, мол, заявил протест и все сделано, что полагалось в таких случаях для его освобождения, но факт был налицо: капитан К., наш лектор, сидит в тюрьме в Германии. Вскоре в газетах появилось сообщение, что немцы согласились обменять арестованного К.на какого то немца, арестованного у нас и обвиненного в тех-же преступных действиях, т.е.в шпионаже.

Когда, в скором времени, капитан К.появился у нас на лекциях, мы если не устроили ему овацию, то как смогли выразили ему свое восхищение его службой в таких необыкновенных условиях. Как потом передавали по секрету: К. - академик-артиллерист, специалист по взрывчатым веществам (кстати окончивший не артиллерийское, а Павловское Училище) был действительно командирован в Германию для тайной разведки новой немецкой формулы какого-то взрывчатого вещества; успешно выполнил задание и был арестован уже после того, как успел эту формулу переправить в Россию. Хоть и с запозданием, он начал нам читать свой курс и все вошло в колею.

После того как немцы в 1915 году, несмотря на международые договоры, стали применять сначала на Французском фронте, а потом и на нашем, боевые удушливые газы, союзники спешно стали вырабатывать меры защиты от этих газов и в то-же время способы их применения у нас против немцев.

В начале 1916 года я командовал 15 ротой 152 пех.Владикавказского полка. Дивизия наша зимовала в окопах на Двинск-Поневежском направлении, сменяясь попеременно полками в первой линии обороны, - когда я получил приказание отправиться с ротой в цитадель крепости Двинск (25 км.в тылу),где поступить в распоряжение Начальника Химических команд Сев.Зап.фронта полковника Костевича. Это и был мой лектор по Артиллерии, о котором я писал в начале этой заметки. Меня, одного, может быть, из тысяч своих учеников, он, конечно, не узнал,

но принял очень радушно, как однокашника и ученика.

От каждой дивизии Фронта в его распоряжение командировалась строевая рота для прохождения: 1) курса обороны от газов и 2) обучения пуску газов в сторону противника под руководством Газовых команд Фронта. По окончании курса (кажется месячного) унтер-офицеры и лучшие "химики" командировались как инструкторы в другие полки дивизии. Применение газов при помощи начинки ими артиллерийских снарядов, конечно, в программу не входило. Я забыл сказать, что получив командировку в "Химчасть" я сверх того получил двух лишних младших офицеров, так что нас было офицеров: я и 4 младших, которые и становились потом полковыми инструкторами газовой обороны, а я дивизионным.

Полковник К. и его двое помощников занимались со всем личным составом роты теорией боевых газов, газовой обороны с практическими занятиями, а потом приступили к обучению боевого запуска газов. Применялся у нас только хлор (в ожидании будущего развития этого дела). Других газов, как фосген, иперит и т.п.в России еще не изготовляли. Обращению с баллонами жидкого хлора они нас научили.

Конечно, у нас были образцы очень многих систем противогазовых масок: Зелинского, Горного Института и других. Однажды на стрельбище, где мы делали пробные боевые запуски газа, я попробовал испытать на себе аппарат Горного Института, который состоял из фильтра-коробки, прикрепленной к поясу и соединявшейся со ртом гибкой трубкой, отдельными очками и отдельной защипкой на носу, чтобы закрыть ноздри. Одев этот аппарат я вошел в волну пускавшегося газа (отвратительно желто-зеленого дыма); пройдя в газ шагов на 20, попоробовал вздохнуть глубже и вдохнул хлор... Я забыл надеть защипку на нос...

Зажав нос рукой я пулей вылетел назад из газа на линию огня и больше уже не повторял таких опытов,- одной затяжки хлором мне хватило. К счастью она не была глубокой и я не остался инвалидом. Маска из-за своей сложности (отдельные предметы), оказалась непригодной, хотя самый фильтр и был хорош. Она была Костевичем забракована.

Пуск газов в сторону противника дело совсем не простое. Ему предшествует всегда длительная и тщательная топографическая и метеорологическая разведка и потому в составе химических команд всегда были специалисты метеорологи и другие. Весной 1916 года выбыв из полка на формирование 7 Особого полка, я не знаю какова была служба по новой специальности моей 15 роты. Вообще же о нашем пуске газов слышал,что

были такие попытки, но они ничего существенного не дали, потому что немцы имели отличные противогазы и их артиллерия быстро приканчивала нашу газовую батарею.

Полковник Костевич в эмиграции был назначен французским Военным Ведомством Начальником района полей сражений по сбору и обезвреживанию неразорвавшихся снарядов, гранат и мин.

В 1940 году я служил в частях Французского Иностранного Легиона и когда понадобился в батальоне офицер способный инструировать личный состав по газовой обороне, то единственным таким инструктором оказался я. Пришлось заниматься и с офицерами и с легионерами. Мне было лестно, что я, русский, оказался довольно редким специалистом среди многих французских и иностранных офицеров, с честью вышедшим из этого положения.

С.Грешнер (6 вып.)

КОГО И КАК Я ПОМНЮ.

Антон Александрович Матвеев.

Пожалуй, Антон был самой красочной фигурой в нашем "зверинце" на Бельведерской Аллее. Он преподавал нам Историю, Древнюю, Общую и Русскую. Кроме Корпуса он преподавал еще и в гимназиях и в институте, чем пользовались иногда кадеты, кладя в его "почтовый ящик" (задние карманы сюртука) записочки.

Носил он форму гражданских учебных заведений: синий сюртук и контр-погончиками поперек плеча. Сюртук был всегда сильно потертый, не очень опрятный, ну а брюки,- держались на чем уж не знаю,- всегда были винтом, с выпуклостями на коленях и вечно имели стремление, подчиняясь закону Ньютона, спуститься вниз, чему Антон Александрович препятствовал весьма театральным жестом: распахнув сюртук и приподняв жилет, он энергично тянул их двумя руками кверху.

Лысая голова с ореолом седых волос, с выбритыми щеками, квадратная седая бородка и усы. Иногда лицо его украшалось дополнительно металлическими очками, но носил их он на лбу или на кончике носа. Вот его внешний вид.

Предмет свой он знал на ять. Любил его и, если в наших головах

осели какие-то сведения из Истории всех времен, то это не из учебника Иловайского, в котором он предлагал нам расставлять скобки: отсюда досюда надо учить, а там опять перерыв в скобках - не надо. То, что нам запомнилось, были его лекции, которые он очень любил читать и читал их мастерски, со вдохновением.

В расстегнутом сюртуке, расставив ноги, он становился перед классом, поднимал голову вверх, как-бы ища вдохновения, и, закрыв глаза, начинал "петь". Я выбрал слово "петь", а не рассказывать потому, что из нашей звериады мне вспомнилась строфа о нем:

"Он пел о Матушке Великой..."

Он действительно вдохновенно "пел" и казалось, что с закрытыми глазами он видит исторические сцены и персонажи, о которых нам рассказывает. Несмотря на то, что он никогда не следил за кадетами что они делают на его уроках, все, даже отъявленные лентяи и бездельники, бросали "свои" дела и слушали его.

Хороший был старик. Любил кадет и свою "Историю".

С.Грешнер (6 вып.)

ДОСТОЙНЫЙ ПРИМЕР.

Просматривая случайно уцелевшие записи своего архива, связанные с ранним периодом юности, я обнаружил описание одного весьма драматического эпизода в Варшаве, свидетелем которого я был. Так как в этом эпизоде был косвенно замешан один из старших кадет-Суворовцев, фамилию которого, к сожалению, мне не удалось узнать и так как его участие в нем достойно высокой похвалы, я позволю себе поделиться с вами подробностями этого случая.

Март 1908 года, Маршалковская улица. Прекрасный теплый и солнечный день. В обе стороны тротуара беззаботно двигается нарядная толпа. Слышны возгласы молодежи и звонкий смех хорошеньких и неизбежных везде "паненок". Мелькают фуражки варшавских студентов и политехников. Изредка в поле зрения попадает фигура подтянутого и франтоватого офицера нашей блестящей гвардии. Поневоле любуешься его выправкой и наружностью.

Я, тогда еще подросток и гимназист 3 класса, только еще мечтавший

о поступлении в Суворовский Корпус, вышел из дома на прогулку в сторону Иерусалимской аллеи и Венского вокзала. Несколько шагов впереди меня - стройная фигура кадета-Суворовца в шинели и со штыком. Он лихо отдает честь проходящим офицерам, я же невольно стараюсь следовать за ним "в ногу". Это занимает меня и мне становится весело. Не доходя трех кварталов до Иерусалимской аллеи я внезапно замечаю какую-то суматоху впереди. Останавливаются трамваи и извозчики, слышен резкий свисток постового городового. Он стоит посередине улицы, подняв обе руки в белых перчатках и задерживает движение по Маршалковской. Присматриваясь вижу, что пешеходы также остановлены. Толпа впереди густеет и слышатся оживленные возгласы: "пожар, пожар в аптеке на углу улицы Видок!" Стараюсь протиснуться вперед, но встречаю сопротивление толпы.

Невольно наблюдаю за кадетом впереди. Он также остановился. Внезапно слышу его громкий голос: "Увага, панове, увага!" Он с силой прорывается сквозь толпу и бежит на другую сторону улицы, откуда из углового дома вырываются густые клубы черного дыма. Я умудряюсь протиснуться за ним.

На углу Маршалковской и Видок ярко горит аптека Поплавского. Перед ней шагах в двадцати снова густая толпа. Люди жестикулируют, что-то кричат друг другу. На моих глазах от внутренней жары с треском лопаются поочередно витрины магазина и языки яркого пламени вырываются наружу и начинают протягиваться вверх вдоль каменных стен. Пожар распространяется с молниеносной быстротой от взрыва бензина.

В это время у оконной рамы второго этажа внезапно появляется фигура молоденькой девушки. Лицо ее искажено страхом, она заливаясь слезами кричит вниз: "Ратуйте, панове, ратуйте, брдзо горонце, я венце не могу!" В толпе движение, все кричат и размахивают руками. Откуда то появляется деревянная лестница, которую, пропихиваясь через толпу, несет околодочный надзиратель. Лестницу приставляют к стене, но она, увы, не доходит до подоконника с девушкой, а через несколько секунд и ее охватывает пламя. Положение становится катастрофическим, а пожарной команды все еще нет. Девушка влезает на подоконник и ослабевшим голосом истерически повторяет: "Ратуйте, панове, ратуйте!"

И в эту минуту из толпы вырывается кадет и, срывая на бегу свою шинель, просит близ-стоящих растянуть ее за края. К нему моментально присоединяется околодочный надзиратель и два студента. Толпа им бурно апплодирует.

Увы, пламя уже лижет деревянный подоконник со всех сторон, а девушка, потеряв голову от страха и ожогов, бросается из окна головой вперед. Расстояние до тротуара около 20 футов. Очертив в воздухе дугу, она, увы, перелетает через туго натянутую кадетскую шинель и, падая на плечо одного из студентов, с силою ударяется боком о тротуар. Студент падает, фигура же девушки остается неподвижной. Возглас ужаса стоит над толпой.

В это время у поворота к горящему дому слышен звонкий колокол пожарной команды и, буквально через несколько секунд, у дома вытягиваются несколько машин. В то время как часть пожарных раскатывают свои шланги, другие бережно поднимают тело девушки вместе с пострадавшим студентом и в карете скорой помощи отправляют их в госпиталь Св.Вита.

Мне видно, что кадет - инициатор спасения, потрясен этим неожиданным финалом. Он растерянно стоит, несмотря на ужасную жару от пожара, неподвижно. Лицо его бледно, как полотно, руки разведены в жесте отчаяния. Пожарные уводят его под руки и сажают на извозчика. Толпа почтительно расступается перед ним, а мужчины при его проходе снимают фуражки и шляпы.

Да, это было больше 60 лет тому назад, но я до сих пор ясно вижу этого благородного и решительного юношу в том виде, когда его уводили: страдальческое лицо с густым подтеком крови на правой щеке, слезы на глазах, спутанный белокурый ежик, сгорбленная фигура.

Жертву пожара торжественно хоронили через два дня. Ею оказалась Ванда Яцемирская, девушка 17 лет, служащая аптеки. Мир праху ее!

Я не знаю была ли чем-нибудь отмечена инициатива незнакомого мне кадета в его попытке спасти несчастную жертву пожара, в Корпусе, но хорошо помню, что популярная варшавская газета "Курьер Поранный" в отделе хроники на следующее утро поместил следующую заметку: "У нас с русскими могут быть споры, несогласия и даже некоторая вражда, но это все нормальные явления, которые наблюдаются у всех соседей. Все же, положа руку на сердце, мы не можем не признать, что наша студенческая молодежь и кадеты русской Школы (слово Корпус не упоминалось) в делах связанных с гуманностью и человеколюбием несомненно являются гордостью Варшавы. Станислав же Пясецкий, студент физико-математического факультета, контуженный при падении на него жертвы пожара, отделался только поломкой правой плечевой ключицы. Его физическое состояние не внушает опасений".

В.Ястребов-Боус (8 вып.)

21 ИНЖЕНЕРНЫЙ ПОЛК (1917-1918).

Как я уже упомянул в первой части своих воспоминаний (1916-1917), по окончании Училища я взял вакансию в 5 запасный саперный батальон в город Старицу Тверской губернии. Вышло нас 10 человек разных корпусов.

Старица, небольшой уездный город, расположен на Волге. Жителей было тогда тысяч десять. На низком левом берегу расположен пригород, соединяясь с городом понтонным мостом. Там же был монастырь. Город отстоял верстах в 10 от железной дороги Вязьма-Бологое, сообщение было по шоссе лошадьми. Город был древним. Дома 1-2-этажные, на главной улице (так она и называлась) - магазины. В городе были женская гимназия, реальное училище. Необходимые уездные учреждения, кинематограф - 2 класса. Больше десятка церквей. Вот и все. В мирное время там стоял 25 саперный батальон, занимавший одну 2 или 3-этажную казарму. Остальные учреждения, штаб, офицерское собрание, помещались в деревянных домах.

Представились. Назначили нас по ротам. Я попал в учебную команду. Все инженерные и технические войска Московского и Казанского военных округов образовывали запасную бригаду со штабом в Москве. Нашему приезду командир батальона почему-то был очень рад,- "наконец-то приехали настоящие офицеры". Зачислены мы были в списки батальона и в переменный состав. Через несколько дней нас приказом по батальону перевели "в изъятие из правил" в постоянный состав. Этим командир батальона хотел нас задержать в батальоне, мы же в тылу засиживаться не собирались и через 2-3 дня после нашего прибытия просили адъютанта записать нас в список для перехода в Действующую армию при первой возможности. Офицеров в батальоне было больше 100 человек, я застал первых выпусков из Николаевского Инженерного Училища. Они прочно окопались в тылу и о фронте не думали.

Выходом в Старицу я был очень доволен: ни красных флагов, ни митингов, ни манифестаций, ни "сознательного пролетариата" - рабочих. Столовались мы в собрании. Из 10 кадет, вышедших в батальон вместе со мной помню только: Толстопята Владикавказского, Шукшта Воронежского, Новацкого Псковского и Станкевича Полоцкого корпусов.

Учебная команда, куда я был назначен, была большая, около 300 человек. Первые два взвода - саперные (я получил второй), третий - подрывной и четвертый - телеграфный. Команда заканчивала обучение

и шла последняя шлифовка: до обеда - строевые занятия, иногда практические занятия в поле, после обеда - классные. Так шел день за днем.

Прошло очень немного времени, как пришли 5 вакансий на фронт в Троянов Вал для направления в 4 или 6 Армию на Дунае. Я не попал. Первые 5 кадет уехали. Через несколько дней пришло второе требование опять на 5 человек. Попал и я. Сделали прощальные представления, получили документы, деньги и покатили. В наших предписаниях было сказано: в Штаб Северного Фронта для направления в 21 Инженерный полк. Было это, вероятно, в начале августа. Когда мы приехали в Псков, явились в управление Дежурного генерала и предъявили предписания, нам сказали, что вышла ошибка,- 21 Инженерного полка на Северном фронте нет, а он в 11 армейском корпусе на левом фланге 8 Армии и сейчас где-то в Карпатах. Нам было предложено, если захотим, то нас могут направить в один из Инженерных полков Северного фронта, ну, хотя бы в 14-й под Ригу. Мы отказались. Переделали нам предписания и сказали, что надо ехать в Яссы. Покатили. Псков - Дно. Пересадка. Одесса - Яссы.

Что из себя представляло путешествие по железным дорогам в 1917 году известно всем. И на крышах, и на площадках было полно российского воинства, сбитых с толку революцией. Как то раз в купэ, где было 6-8 офицеров, зашел разговор о текущих событиях. И вот один поручик, Сибирский стрелок, рассказал, что в их полк приехал очередной агитатор поучать стрелков революционному уму-разуму. "И вот теперь у нас будет республика. Что это такое? Сосотит из двух частей: рекс и публика. Рекс значит Царь, а публика - народ. Вот и получается, что республика - когда Царь будет править с народом". "Правильно, правильно",-завопили стрелки. Сидевший в купэ пожилой полковник с горечью сказал:"Господа, какая это трагедия!"

Как бы то ни было, но до Ясс мы добрались. Штаб Фронта направил нас в г.Дорохой (по жел.дороге),где был Штаб 23 Арм.корпуса. Заботами его мы на подводе добрались до Штаба 11 Арм.корпуса, штаб 21 Инженерного полка был при нем. Представились Командиру полка, офицерам штаба. Шукшта и я были назначены в 1 саперную роту. 21 Инж.полк в мирное время стоял в г.Ровно и как в мирное, так и в военное входил в состав 11 Арм.корпуса. Много хороших дел сделал корпус во время войны. Состав его менялся и когда я приехал он состоял из двух кадровых дивизий (12 и 32) и 2½ третьеочередных (112 бригада, 159 и 165 дивизии), 9 кавалерийская дивизия и соответствующая артилле-

рия. В конце 1916 и начале 1917 года саперные батальоны были развернуты в Инженерные полки двух-батальонного состава: саперный (2 саперных роты, дорожно-мостовая и полевой парк) и технический (телеграфная рота, рабочая телеграфная, проводка линий, одно отделение шестовое, другое - кабельное) и прожекторная рота). В мирное время по штату полагался хор музыкантов на саперную бригаду, а с разворачиванием батальонов в полки - на полк.

Командиром 21 Инженерного полка был подполковник Георгий Елеазарович Годило-Годлевский, бывший Туркестанский сапер. Когда в 1911 году произошел бунт Туркестанских саперных батальонов, он в чине штабс-капитана был в лагере. После подавления беспорядков начался разбор - он был предан суду "за бездействие власти", удален со службы и получил год крепости. Сидел-ли, не знаю. С началом войны 1914 года он подал прошение на Высочайшее Имя о возвращении в Армию. На войне получил два чина и командование полком. На самом деле был толковый и энергичный офицер и "бездействие власти",вероятно, было результатом неожиданности бунта,- сообразить в чем дело было трудно.

Саперным батальоном командовал капитан Сташевский, единственный Георгиевский кавалер полка - за Сан. Командиром технического батальона был шт.кап.Козловский, Суворовец 7 выпуска. Прожекторной ротой командовал пор.Рыльке, Суворовец 1 выпуска. Эти четверо были кадровыми офицерами и, если добавить кап.Потапова, нач.хоз.части, то кадровых офицеров было пять, остальные - военного времени. С моим приездом в полку стало три Суворовца.

1 саперная рота, куда Шукшта и я были назначены, размещалась в селе Синеушти, верстах в двух от позиций. Состав саперной роты был: строевых - человек 140-150 и обозных - 20-25 человек. Обоз - двуколки. Кроме штатного обоза, каждый взвод имел нештатную парную повозку, на которой возились вещи сапер, так что в походе саперы шли налегке, только с винтовками.

После отступления наших армий в 1917 году наши войска заняли приблизительно те же позиции, которые занимали до Брусиловского наступления. Естественно, что за год окопы пообсыпались, местами и вовсе не были годны. Тоже было и с проволочными заграждениями. Нам пришлось все это поправить, местами усиливали проволочное заграждение. Рыли лисьи норы, делали наблюдательные пункты для артиллерии. Конечно, была и обычная поправка окопов, так как иногда они разрушались артиллерией противника. Все же свободные саперы рыли окопы в долине Прута. Рабочей силой была пехота из резерва. Все эти работы

производились ночью, так как днем все это было под обстрелом австрийской артиллерии.

1 саперная рота участвовала в осаде Перемышля, она тогда была 7 отдельной саперной ротой. Перед сдачей крепости противник пытался прорваться и демонстрация его пришлась как раз на участке, где шла работа сапер. Пехота, бывшая рабочей силой, будучи "вооруженной" только инструментом, бросилась бежать в тыл за винтовками. Саперы приняли удар, а так как их было мало, то наверное все погибли бы, но в критический момент подошли цепи нашей пехоты, которые и загнали австро-венгров в крепость. Рота понесла большие потери и, если не ошибаюсь, два офицера, поручики Алтухов и Тар, получили Георгиевское оружие. Много сапер было награждено медалями и крестами, чем они, разумеется, были очень горды. Роту надо было пополнить, пришло пополнение. Оказалось, что среди него было много кадровых унтер-офицеров и фельфебелей, но пехотных. Поставить их в строй простыми саперами было обидно, а на командные должности они не годились, не будучи саперами. Из этого затруднительного положение выручила нас наша пехота. Узнав об этом, пехотные начальники заявили: "Дайте их нам,- ведь это для нас просто клад, а взамен мы вам дадим лучших солдат". Обмен произошел и все фельфебели и унтер-офицеры ушли в пехоту, где заняли командные должности. Когда и где это произошло не знаю, но 7 отд.сап.рота вошла первой саперной ротой в состав 21 Инж.полка, а 1 сперная рота, основная, стала дивизионной инженерной ротой при 32 пех.дивизии. Состав 1 сап.роты был отличный: фельдфебель и два взводных - сверхсрочные подпрапорщики, остальные взводные и отделенные - кадровые унтер-офицеры. Много было и кадровых сапер. Большинство было Богодуховского уезда Харьковской губернии.

Совершенно неожиданно пришел приказ комадира полка о временном прикомандировании нас к Прожекторной роте, где выбыли из строя младшие офицеры. Я получил 1 конное отделение, Шукшта - второе. Расположился я в маленькой деревушке. Там было так много войск (арт.парки, обозы),что мне пришлось поместиться в комнате вместе с саперами. Сделал я нужные представления артиллерийскому начальству, в распоряжении которого я был, и поехал представиться командиру роты поручику Рыльке. Он был болен, лежал в кровати и собирался эвакуироваться. Я пошел с унтер-офицером посмотреть позицию прожектора и как к ней проехать. И все. Делать было нечего. Саперы просили меня, что-нибудь им рассказать. О политике и земле говорить я не мог, ибо мало что тогда понимал. Рассказывал им о географии и истории России. Помню как-то

один из сапер и говорит мне:"А знаете, господин прапорщик, что эта вот революция - панская затея". Пробыли мы в Прожекторной роте не долго. Возвратились постоянные младшие офицеры и мы вновь перебрались в свою саперную роту.

Все новости "революционного характера" нам сообщали саперы. Уже начинались кое-где недоразумения и обиды в отношении офицеров. Как то саперы другой роты поймали лошадь под офицерским седлом и в левом стремени торчал хороший сапог со шпорой. Кто, где и как пострадал осталось неизвестным. В конце октября произошли выборы в Учредительное собрание. Полк составил отдальный избирательный участок и к нам были приписаны какие-то мелкие части. Все заборы и деревья были облеплены плакатами левых партий, чего только не обещалось! Через 1-2 дня в приказе по полку был объявлен результат выборов. Память сохранила несколько цифр. Украинские социалисты-революционеры получили 1300 с чем-то голосов, российские социал-демократы (большевики) 600 с чем-то, партия Народной свободы (к.д.) - 52 голоса (по числу офицеров и чиновников). Правых партий не было. Наверно были и другие партии, ну, хотя бы меньшевики, но я их не помню. В приказе по полку были объявлены и результаты выборов по всей России. Когда я увидел, что не было выбрано ни одного монархиста, тогда впервые мне пришла в голову мысль: "больше 1000 лет Россия была монархией, а оказались все республиканцами,- непонятно!" Теперь я понял...

Правее 11 арм.корпуса, на левом берегу Прута,и к северу занимал позицию 16 арм.корпус. Его сняли с позиции и его участок - левую половину дали нам, правую - его соседу справа 43 арм.корпусу. Во исполнение этого одна из дивизий, а именно 165, перешла на левый берег Прута. Было это в начале ноября. В качестве дивизионной инженерной роты приказано было и нам временно перейти с ней. Расположились мы в большом и богатом молдаванском селе. В нем же расположился и резервный полк этой дивизии. Комадир роты поехал на позицию посмотреть чем мы можем помочь пехоте. Вечером вернулся злой и говорит нам: "Представьте себе, эти орлы заняли позицию на обратном склоне холмов. Почти каждую ночь австрийцы подползали безнаказанно и забрасывали окопы гранатами. Когда я предложил, что мы вынесем окопы на передний скат и сделаем проволочное заграждение, последовал ответ: не желаем. Ну, я послал их к чертовой матери и уехал". Вышло, что нам делать здесь было нечего,- в 2-3 дня мы верхом сверили карты с местностью.

По солдатской почте мы узнавали, что положение офицеров ухудшалось с каждым днем. Как-то Шукшта и я решили верхом проехать в Новоселицу в парикмахерскую. Новоселица -- последняя станция жел.дороги и лежала в стыке трех границ: русской, румынской и австрийской, маленькое местечко. Парикмахерская была почти сразу при въезде. Привязали лошадей у входа, уселись и нас начали стричь. Стало темнеть, зажгли лампы. Работу парикмахеры почти закончили. Вдруг подходит к нам хозяин и тихо говорит, чтобы мы немедленно уезжали. Что случилось? Оказывается в тот день на базаре солдаты продавали казенное имущество, офицеры воспротивилист и их убили. "Вот и сейчас по улице бродят кучками солдаты и пальцами показывают на наши окна, а при свете ваши погоны хорошо видны. Кабы не случилось чего-нибудь худого. Ваших лошадей мы провели к заднему крыльцу, там много заборов, канав, сараев, ну, да мальчишка покажет вам дорогу". Мы расплатились вышли на двор, сели на коней и с помощью мальчишки выбрались на дорогу и благополучно добрались домой.

По нашей работе роты были далеко разбросаны по фронту корпуса и мы, офицеры, встречались редко. Когда ездили в штаб полка за жалованием или за почтой, то там и узнавали все полковые новости. И вот я вспоминаю, что никогда не было речи о каких-либо недоразумениях, а наоборот говорили, что чем хуже становилось кругом, тем бережнее относились саперы к своим офицерам. Когда мы перешли на левый берег Прута, хаты для роты были отведены комендантом. Получилось, что мы (командир роты и 4 младших офицера) должны были поместиться в хате богатого крестьянина, но вне расположения роты. И вот через 2-3 дня после нашего прибытия, фельдфебель, закончив дневной рапорт и получив указания на следующий день, обратился к командиру со словами: "Так что, рота просит господ офицеров перейти в расположение роты. Вы здесь от нас далеко и, неровен час, пехота вас может обидеть. А будете среди нас, мы вас в обиду не дадим. Ни один сапер не даст своего офицера в обиду". Мы поблагодарили и перешли. Мне скажут, что я идеализирую. Нисколько. Были всякие саперы, но большинство было честных и порядочных солдат. За год 21 Инженерный полк честно, как конечно только было возможно при создавшейся обстановке, нес боевую службу, никто из нас не был обижен и честно закончил войну.

Вот это и есть та светлая точка, о которой я и хотел рассказать. А таких светлых точек было не мало...

Теперь вкратце опишу последующие события. Как-то в ноябре вечером мы услышали на фронте оживленную стрельбу, ружейную, пулеметную и

орудийную. Не поняв в чем дело, мы вышли на двор. Нашим глазам представилась красивая картина: помимо стрельбы все небо у австрийцев было в сотнях разноцветных ракет. Одни гасли, взлетали другие. Это было 18 ноября, когда большевики заключили перемирие. Противник торжественно праздновал победу над русской армией, которую не мог победить в бою...

1 декадря пришел приказ снять погоны. Сняли. Стали постепенно разъезжаться офицеры. Уехал командир роты и один из младших офицеров. Уехал и Шукшта в польские войска. Роту принял Скляр, остался и я. Как то раз пришел приказ и он углубился в чтение. Вдруг слышу, что он начал ругаться. "Чего это вы чертыхаетесь, Феодосий Иванович?" спросил я. "Да как тут не ругаться: вот вышли ордена "за период" и мне Станислава 2 степени с мечами, а я его имею. Мне надо было Анну 2 степени!" Стал я его уговаривать, что даже хорошо получится - Станислав на шее, а другой в петлице, насилу уговорил. "Ну, а вот это по вашей части" говорит он,- вот за бой в ночь с 16 на 17 августа роте присуждено 20 Георгиевских крестов. Давайте наметим кому, а вы берите статут и подгоняйте подвиги". Наметили и я начал писать. Вечером фельдфебель говорит:"так что нельзя ли дать крест такому-то". "Так это кашевар",говорю. "Так точно, только он всю войну провел. Война кончилась, приедет домой, на деревне бабы засмеют, что без креста". "Так-то, но все-же?" говорит Скляр. "А помните Синеушти?" А там было такое дело. Ротная кухня стояла в саду и совсем недалеко, укрытая деревьями стояла батарея 45-линейных японских гаубиц. Австрийцы ее все время нащупывали и снаряды залетали в расположение роты, а один попал около кухни, разбросал посуду, что-то было испорчено осколками, но дело кончилось испугом. Дали крест и кашевару.

Однажды пришел приказ о том, что полк украинизирован и стал называться 21 Инженерным Украинским полком; конечно, не сапер, а казак, не рота, а сотня и т.д. Саперы к этому отнеслись совершенно безразлично. Рота уменьшилась, в строю осталось человек 80-85. Вообще саперы были очень спокойны. Заволновались когда прошел слух, что в тылу землю делят. И немного заволновались саперы срока службы 1898 и 1899 годов,- якобы их должны отпустить. Меня все спрашивали нет-ли приказа. В это время, когда делать было абсолютно нечего, занялись мы приведением в порядок имущества.

Вероятно в начале января 1918 года пришел приказ, что полк идет

на демобилизацию в тыл и местом демобилизации был указан Липовец, уездный город Киевской губернии. Во исполение этого приказа первым пошел полевой парк, через сутки шестовое отделение рабочей телеграфной роты и еще через сутки, на второй день Рождества, мы. За нами, тоже с интервалами в сутки остальные роты полка. Стояла отвратительная погода,- серое небо, сыро, местами снег стаял и были черные проталины. Дорога конечно была разъезжена и грязь стояла по щиколку. Шли мы без всяких приключений. Продовольствия для людей и зерна для лошадей было достаточно. Ежедневная дача зерна была 8 фунтов. Сложнее вопрос был с сеном. В селах, через которые мы шли, крестьяне отказывались продавать сено, т.к.его у них было немного.

Стали подходить к Могилеву, уездному на Днестре. Командир роты едет впереди обоза, я посередине, разговаривая с саперами. Справа и слева от дороги были небольшие рощи, деревья без листьев, черные от воды. Саперы мне и говорят:"Вот посмотрите, как будто за нами следят. Несколько конных то покажутся, то спрячутся". Я отвечаю:"Комы мы нужны!" "Да никак нет,- за нами наблюдают!" Я только махнул рукой. Саперы, как выяснилось позже, были правы. Дорога пошла круто вниз к реке и повернула почти под прямым углом вправо, к городу. Только весь обоз вытянулся по шоссе, вижу подскакали два всадника и о чем-то оживленно говорят со Скляром. Я трогаю коня, подъезжаю к ним и спрашиваю в чем дело. Один из них ответил:"Вы арестованы!" "Так", говорю,"а дальше?" "Я вот станьте здесь"(указали на пустырь между домами,"а потом посмотрим". Я спрашиваю: "А кто вы такие?" "Я - начальник гарнизона", ответил один,"а этот - комендант города". Повернулись и ускакали. По виду так что-то вроде унтер-офицеров. Стали мы на пустыре и разместились по окрестным домам.

Под вечер пришел караул, человек 10-12. Вид соответствующий,- шинели без поясов, клястики у многих пооборваны, на винтовках вместо ремней - веревки. На другой день мы обнаружили рядом с нами шестовое отделение телеграфной роты. Они были тоже арестованы. Шедший первым полевой парк благополучно проскочил. От офицеров-телеграфистов мы узнали причину нашего ареста,- ларчик открывался весьма просто. В декабре какая-то пехотная часть, не то 112 бригада, не то 159 дивизия, решила разгромить Штаб корпуса и они двинулись скопом на Герцу. Путь им преградили румыны и бывшие поблизости роты нашего полка, видимо телеграфные. Этим орлам было предложено катиться на все четыре стороны, иначе будет открыт огонь. Видя, что их затея провалилась, они добрались до железной дороги. Часть из них разъехалась по домам,

а какое-то количество их добралось до Могилева, где при Штабе Армии образовали какой-то революционный отряд. Узнав, что через Могилев должен пройти 21 Инженерный полк, они решили нам отомстить. "Вы нас в Румынии, а мы вас здесь!" Только и всего.

Прошло несколько дней. Надо добавить, что в первую же ночь мы послали донесение командиру полка о случившемся. Нами никто не интересуется, а стал подходить к концу фураж и продукты. Зовем мы подпрапорщика Маренича, который был председателем ротного комитета. "Поезжайте в совет и требуйте продовольствия"- говорим. Поехал и привез требование и на фураж и на продукты. Все это мы получили в складе. Маренич добавил, что в революционном комитете все пьяно-распьяно. Самогон,- говорит,- льется рекой. Прошло еще несколько дней. Положение то же. Я и говорю командиру роты: "Феодосий Иванович, до каких же пор мы будем сидеть здесь? Нами никто не интересуется, а полк, видимо, нам помочь не может". "А что делать?"- отвечает. "Не знаю, но надо как-то выкарабкиваться самим". "Хорошо, соберем совет". Вот и стали совместно с телеграфистами обсуждать положение. Не знаю как, но мы узнали, что свыше отдан был приказ, что на фронт проехать можно, а с фронта - нельзя. Решили попытаться достать пропуск. Зовем опять Маренича. Рассказали ему в чем дело. "Поезжайте туда, когда там будет все пьяно, чтобы вас не узнали и достаньте пропуск на ваше имя с обозом, куда - не важно, куда дадут". Привозит пропуск приблизительно такого содержания: "Товарищу Мареничу с обозом разрешается проехать на фронт через Атаки (пригород на другой стороне реки) и Могилев",подписи и печать. Вооружившись красными чернилами начали мы "исправление" пропуска. Вместо "на фронт" исправили на "с фронта", вместо "через Атаки и Могилев" написали "на Атаки через Могилев". Исправленному красным чернилом верить, неразборчивая подпись и приложили ротную печать,слегка повернув ее в сторону, чтобы нельзя было прочесть название. Предупредили телеграфистов, чтобы пристроились к нам в хвост, а саперам сказали, что если будут спрашивать какая часть, чтобы отвечали с каждой двуколки по разному.

На другое утро команда "запрягай!" и двуколки стали вытягиваться на шоссе. Караул высыпал из хаты на улицу, но никто не поинтересовался что мы делаем и куда и почему едем. Стали подходить к мосту. Мост заперт железными воротами, справа недалеко от моста землянка для караула и стоит часовой. Протягиваем ему пропуск. А у нас настроение соответствующее моменту,- удастся или нет? Часо-

вой взял пропуск, повертел его и говорит:"Я не понимаю, позову старшого". Вышел и "старшой", взял пропуск, прочел его, вернул нам и говорит часовому: "Открой ворота!" Выехали мы на мост и как только вся колонна вошла на мост, Скляр скомандовал "рысью марш!" и мы поспешили как можно скорее уйти от неприятного соседства.

Засветло мы пришли в большое село, где и остановились на ночлег. Разместились по хатам и только собрались сесть за стол, чтобы пообедать, слышим на улице шум. Идет наш полк. Встретили командира полка, поздоровались и спрашиваем: "Г.полковник, вы голодны?" "Очень",отвечает. Пригласили его к нам. Мы рассказали о наших приключениях, он - о своих. Его крестьяне переправили через реку. В общем полк не особенно пострадал. Если мне не изменяет память, офицеры были задержаны, но по требованию окрестных крестьян были быстро освобождены.

Пришли всем полком в Липовец и началась демобилизация. Мы были заняты составлением списков имущества. Все имущество полка было передано земству. В один день устроили распродажу лошадей, их в полку было около 800, по цене от 5 до 20 рублей за лошадь. В первую очередь имели право купить лошадей саперы. Многие этим воспользовались и на купленых лошадях поехали по домам. Остальных лошадей раскупили крестьяне. Полк вошел в состав Украинской армии и стал называться 2-й или 3-й инженерный курень и впоследствии перешл в Винницу. Командир полка остался и возглавил курень. Кто остался на украинской службе из офицеров и сапер и сколько, не припоминаю.

Стал и передо мною вопрос как добраться домой. Родные жили в Житомире. Ехать по железной дороге было опасно,- обыски, аресты и душегубство. Я сговорился с одним крестьянином и он за 100 рублей (царскими) взялся на подводе доставить меня в Житомир. Распрощался с полком и благополучно, как-то удачно проскочив какие-то "фронты", добрался домой. Когда это было не могу припомнить, но очень скоро после моего приезда в Житомир на Украину стали входить немецкие войска.

В первой части своих воспоминаний я показал одну светлую точку - Николаевское Инженерное Училище. Здесь все понятно: по своему воспитанию мы были такими и другими быть не могли. Во второй же части я попытался как умел, показать и вторую светлую точку - 21 Инженерный полк. Здесь надо иметь ввиду, что среди сапер были не только крестьяне, но было и много мастеровых, т.е.рабочих. Если в первой части многое изложенное мною не всем известно, то во второй части

я описал события, свидетелями коих мы были все. Разница была только та, что были мы в разных местах, по разному, конечно, протекали и события, но сущность их была одна и та-же - разложение Армии и России. Когда происходили выборы в Учредительное собрание, все заборы и деревья были увешаны предвыборными объявлениями левых партий. Вот что я читал своими глазами: 1) Вся власть трудящимся. 2) Вся земля крестьянам. 3) Мир хижинам - война дворцам. 4) Мир без аннексий и контрибуций. В раздаваемых листках обещалось уничтожение экономического неравенства и многое множество всяких свобод. Позволительно спросить: что из всех этих обещаний исполнено? Ничего. Комментарии излишни. История у же вынесла беспристрастный приговор тем, кто сделал революцию, мне добавить нечего.

А революция была, конечно, катастрофой не только для России, но и для всего человечества. Только слепой не видит того, что происходит сейчас в мире. И если человечество, в какой-то момент решительно не свернет на путь добра и правды, то его неминуемо ждет гибель.

С.Нитц (11 вып.)

Исправления.

В первой части надо сделать несколько поправок. На стр.34 указана фамилия юнкера Деборий-Мокриевич, надо читать Дебогорий-Мокриевич. На стр.49 напечатана фамилия вице-фельфебеля Ташкентского корпуса Шафран, правильно: Шафрин.

В числе курсовых офицеров Н.И.У.мною упомянут поручик Сагайдаковский. А.Н.Потапов пишет, что это Суворовец 1 выпуска 3 отделения. Н.М.Витте добавил, что Сагайдаковский одного из саперных батальонов, стоявших в Варшаве (9 или 15). Если это не однофамилец, то выходит, что из 6 курсовых офицеров - трое были Суворовцами. А всем известно, какую аттестацию нужно было иметь, чтобы стать курсовым офицером.

И, наконец, последнее. Похороны жертв революции происходили 23 марта и на Марсовом Поле похоронено было 181 человек.

С.Н.

ГАЙДОВСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Дельная и отлично изложенная статья нашего однокашника С.В.Нитца напомнила мне о весьма показательном событии, которое имело место на нашем Дальнем Востоке ровно 50 лет тому назад, в октябре 1919 года. Ввиду того, что мысль выраженная С.В.Нитцом по поводу событий в Петрограде в феврале 1917 года нашла подтверждение в этом событии, я попытаюсь восстановить его в относительно подробной форме, базируя приводимые мною данные как на выдержках из ряда отдельных писем от друзей, полученных уже в эмиграции, так и на выписках и своего дневника. Так как сведения эти имеют неоффициальный характер и представляют из себя воспоминания отдельных лиц собранные в одно целое, я допускаю, за давностью времени, некоторые неточности и погрешности в изложении этих событий. Тем не менее, сам факт ликвидации тщательно подготовленного восстания на предмет полной дезорганизации в глубоком тылу всего Белого фронта, широко известен и поэтому не подлежит никаким сомнениям. Ввиду того, что большинство ныне здравствующих участников и свидетелей этого события выразило настойчивые пожелания их фамилий нигде не упоминать, я ограничиваюсь в своем изложении только одними начальными буквами.

Середина октября 1919 года. Канонерская лодка "Магнит" возвращается во Владивосток после двухмесячного отсутствия и ряда успешных для нас операций на северо-восточном побережьи Тихого океана. Очищена от повстанцев целая область, подняты, организованы и вооружены старообрядческие дружины, уничтожены гнезда японских хищников и контрабандистов, захвачен целый груз иностранной контрабанды, включая большой паровой катер. Настроение бодрое от сознания успешно выполненной задачи.

Пройдя мыс "Поворотный", что в 70 милях на юго-восток от Владивостока, и изменив соответственно свой курс, посылаем по приказанию Командира в Морской штаб следующую радиограмму: "4М-2"(позывные или опознательные буквы, присвоенные к/л Магнит),"прибываю 22 часа; задание выполнено успешно; прошу дать диспозицию для стоянки"(т.е.место стоянки: на якоре, на бочке или у пристани и в каком квадрате бухты). Ждем полчаса, час,- ответа нет. "Повторите текст радиограммы", рассеердился командир,"кажется там все спят!" Из радио-рубки, установленной на палубе в непосредственной близости от ходового мостика послышалось характерное жужжание радио-отправителя.

Уже начало темнеть. Слева на носу открылся и замигал на высоком, скалистом острове "Скрыплёв" входной маяк. Определили свое точное место по пеленгам (направлениям) береговых створов. Мы были в Уссурийском заливе и до входа в бухту "Золотой Рог" было 34 мили. Ответа по радио из Владивостока всё еще нет.

На ходовом мостике канонерской лодки "Магнит" - командир, старший офицер и вахтенный начальник. Вахтенный сигнальщик с большим цейсовским биноклем - на левом крыле мостика. В боевой рубке, соединенной с мостиком видны очертания рулевого у штурвала и фигура штурманского офицера, нагнувшегося над картой с циркулем и параллельной линейкой в руках.

На мостик поднимается вахтенный радио-телеграфист с блокнотом в руке. "Господин Старший Лейтенант", докладывает он, отдавая честь, "я только что принял эту радиограмму". Командир читает. На его лице появляется выражение явного изумления и он передает бланк Старшему офицеру: "Полюбуйся, братец, кажется там все белены объелись!" Читаю в свою очередь и развожу руками. На бланке четким каллиграфическим почерком выведено:

"19.15 номер 1542 - 4М - 2 (стоп) сообщение с Золотым рогом прервано (стоп) встать на якорь не доходя до бона (противо-минное сетчатое заграждение, запирающее вход в бухту) два кабельтова (т.е. две десятых мили) левее входных ворот (стоп) сообщите фамилии командира и старшего офицера (стоп) подходите малым ходом с полными навигационными огнями. ШТАМОРСИ" (Штаб Морских Сил).

"Там происходят какие-то угрожающие события",нагнувшись к уху Сташего офицера в полголоса произнес командир. "Пойдем в мою каюту и там обсудим положение вещей". Войдя в свою каюту Командир, не снимая пальто и фуражки, тяжело опустился в кожаное кресло у письменного стола и задумался. Старший офицер присел на диван, тоже не раздеваясь, в ожидании дальнейшего. "Это черт знает что такое!" наконец очнулся командир после долгого раздумья. "Мы возвращаемся домой после тяжелого 8-месячного плавания и вдруг нам запрещают вход в бухту, сообщение с берегом и запрашивают наши фамилии. Боюсь, что там что-то здорово неладно! Что ты думешь по этому поводу?" "Боюсь, что ты прав",утвердительно покачал головой "Старшой",- "такого сюрприза и я никак не ожидал. Похоже на то, что во Владивостоке произошло восстание темных элементов и там сейчас идет борьба за власть. Беда в том, что у нас почти не осталось угля, машинного масла и провианта, а мы может быть идем в расставленную нам ловушку!"

"Да, я тоже не вижу никакого другого выхода, как итти во Владивосток и там встретить опасность, какой бы она не была лицом к лицу. Команда у нас надежная,- все добровольцы со средним образованием и из хороших семейств, они не подкачают. Правда, среди них есть 2 или 3 типа, которых мы уже давно признали политически неблагонадежными и их необходимо обезвредить. Мы это сделаем, поставив их на вахту в кочегарку под непосредственным наблюдением вооруженных унтер-офицеров. Всех наших офицеров я также хорошо знаю и полагаюсь на вас всех, как на Гибралтарову скалу. Что бы ни было и как бы ни было, мы выполним свой долг до конца." Оба офицера встали и крепко пожали друг другу руки. "Единственно что меня беспокоит",добавил Командир,"это судьба моей жены..." Старший офицер не дал ему кончить: " помни, что и в этом отношении ты не один". "Хорошо, довольно слов, иди и готовь корабль к бою!" махнул рукой Командир. "Слушаюсь, г.Старший Лейтенант!" произнес оффициальным тоном Старший офицер,"ваше приказание будет немедленно исполнено!" С этими словами он вышел из каюты.

В первую очередь в каюту Старшего офицера были вызваны боцман Носик, бывший кондуктор флота (т.е.подпрапорщик) и фельфебель Лаврушин, бывший студент Политехнического Института. Семьи обоих сильно пострадали в 1917 году. Оба были твердой опорой командного состава канонерской лодки. Им обоим было сделано объяснение в связи с создавшимя положением вещей и даны конкретные инструкции по обезвреживанию сомнительного элемента в команде корабля. Далее, Старший офицер поговорил отдельно с артиллерийским офицером и старшим инженер-механиком и, в конце концов, проверил готовность корабля к боевой тревоге.

Все оказалось в полном порядке. От него также не ускользнула наглая улыбка на лице матроса 2 статьи Мельникова, бывшего ученика ремесленной школы, а по боевому расписанию прислуги носового 3-дюймового орудия. "Кажется сегодня погуляем!" донеслось до его ушей во время обхода верхней палубы. В следующее мгновение Лаврушин уже тянул нахала за шиворот в кочегарку. "Этот тип уже что-то знает" подумал Старший офицер,"но что именно?"

Самое неприятное - это неизвестность. Кто враг, где он, что он предпринимает? Как и где его опередить? Ведь во Владивостоке стоянка военных кораблей бывших союзников и расположены в казармах сухопутные части японцев. Кроме этого, в порт по железной дороге постоянно прибывают все новые и новые эшелоны чехо-словаков для их отправки на родину. Как-же могут бывшие союзники допустить в столь важном для них центре какой-либо политический переворот?

На траверзе маяка Скрыплёв "Магнит" изменил курс для вхо да в восточный Босфорский пролив, подход к бухте "Золотой Рог", и одновременно горнист сыграл боевую тревогу. В мгновение слетели парусиновые чехлы с орудий и комендоры (артиллерийская прислуга) заняли свои места около них. Одновременно началась подача боевых снарядов. Командир был уже на ходовом мостике с биноклем в руках, где и выслушал доклад старшего офицера о боевой готовности корабля.

Было очень темно, поэтому большое багровое облако справа по носу, приблизительно в расположении бухты "Золотой Рог" обратило всеобщее внимание. "В городе большой пожар",доложил с марса (площадки в верхней части фок мачты) вахтенный сигнальщик. Несколько минут спустя до нас совершенно отчетливо начали долетать звуки артиллерийской канонады в перемежку с треском ружейных выстрелов. "Орудия зарядить, открыть прожектора!" скомандовал командир. Яркие снопы света прорезали темноту и быстро нащупали силуэты двух четырехтрубных миноносцев, одного правее нашего курса, другого левее, стоявших под берегом без огней. "Малый ход!" раздалась следующая команда,"включить клотиковые огни"(на самых верхушках мачт),"показать Ротьером" (переносный электрический фонарь для сигнализации ночью)"позывные!"

С правого миноносца ответили:"ясно вижу", затем в мегафон было передано приказание:"Магниту стать на якорь в указанном месте. Командиру немедленно прибыть с докладом". "Чье приказание?" в свою очередь запросил Командир, но ответа не последовало. Луч нашего заднего прожектора на этот раз осветил миноносец слева. Сразу стало видно, что он в полной боевой готовности, с прислугой у орудий и у минных аппаратов.

"Боюсь, что это западня",прошептал Командир Старшему офицеру,- "я не имею права в такой критический момент покидать корабль и не хочу, чтобы такой нужный человек как ты, ехал вместо меня". "Посылаю офицера для связи",передал наш вахтенный сигнальщик по Ротьеру на миноносец справа. "Ясно вижу" ответили с него.

"Стоп машина!" приказал Командир."Прислуга у орудий 'товсь!". "Мичман К.(артиллерийский офицер),проверьте готовность, установите прицел и целик". "Есть" донеслось снизу. "Мичман Р., спустите двойку (двух-весельная шлюпка), отправляйтесь на миноносец справа парламентером. Больше слушайте, чем говорите, пока не узнаете в чем дело. На всякий случай возьмите с собой заряженый Наган и в случае враждебной встречи или предательства, дайте выстрел в воздух." "Слушаюсь, г.Ст.Лейтенант!" вытянулся перед Командиром стройный и элегантный мичман Р.

С правого миноносца в мегафон снова прикали: "Закрыть прожекторы, стать на якорь, включить якорные огни. Вам дается 5 минут по хронометру для исполнения этой директивы!" "С Богом!" приказал Командир, наблюдая с мостика за движением шлюпки с мичманом Р. На корабле все застыло в ожидании дальнейшего. Командир не отводил бинокля от глаз, наблюдая за правым миноносцем. Ему было видно как через две минуты шлюпка подошла к его борту и темная фигура мичмана Р.поднялась по опущенному трапу. Еще через минуту с миноносца в мегафон передали: "Говорит Начальник 1 дивизиона миноносцев капитан 1 ранга С. Все в порядке. Играйте отбой, становитесь на якорь. Вашу шлюпку возвращаю. Готовьтесь к моему посещению вашего корабля!" Одновременно на обоих миноносцах горнисты сыграли "отбой", были включены якорные огни и освещены палубы. Вздох облегчения невольно вырвался у всех находившихся на местах. Командир даже снял фуражку и молча перекрестился. Со всех концов нашей палубы послышались веселые и оживленные восклицания команды. "Слава Богу, пронесло!" послышался усталый голос Старшего офицера.

"Становись на якорь в указанном нам месте!" приказал Командир, обращаясь к Старшему офицеру,"а я пока что пройду в свою каюту,- немного устал". "Сигнальщик!" обернулся он медленно спускаясь по трапу,"доложите мне немедленно, когда от миноносца справа отвалит вельбот!" (парадная шлюпка на 6 гребцов обычно обслуживащая старшее начальство). "А ты, Владимир, поставь команду на шканцах" (почетная часть палубы, прилегающая к корме)"во фронт в нужное время". С этими словами он прошел к себе в каюту. В ближайшие несколько минут все распоряжения были выполнены и вахтенные сигнальщики доложили о движении шлюпки к нашему кораблю.

Когда она подошла к правому трапу (входная лестница на правом борту, которой может пользоваться только старшее начальство и командир корабля), команда была уже выстроена по-вахтенно на шканцах и Начальник дивизиона миноносцев был встречен командиром положенным по уставу рапортом, как старшему на рейде начальнику. Широко улыбаясь, он поздоровался с офицерами и командой и, не отводя своего испытующего взора с их лиц, медленно обошел застывший в неподвижности фронт.

По окончании оффициальной церемонии, камандир пригласил Начальника Дивизиона (состав дивизиона 9 эскадренных миноносцев) к себе в каюту. Молчаливым жестом он также пригласил старшего офицера. К наружной двери каюты был приставлен часовой, чтобы проходившие по

корридору мимо не могли бы останавливаться и слышать даже отрывки разговора в каюте. Когда все присутствующие, сняв пальто и фуражки, удобно расположились на диванах, капитан 1 ранга С. провел усталым жестом рукой по лбу и приступил к объяснению событий.

"То, что сейчас произошло или, вернее, могло произойти между нами",начал он,"является последствием явной и преднамеренной провокации одного или нескольких членов вашей команды. В официальных конвертах с наименованием вашего корабля из разных мест ваших стоянок во Владивосток, на имя хорошо известных нашей контр-разведке лиц был прислан ряд писем, которые обратили внимание морского отдела. В этих письмах постоянно упоминалось о недовольстве команды вашего корабля своими офицерами, особенно вами, господа",улыбнулся он,"об усталости в связи с вашей энергичной деятельностью, растущим озлоблением, несправедливостях и плохой пище. Везде между строк проводилась мысль о предстоящих в ближайшее время событиях и о том, что из плавания во Владивосток корабль вернется уже под руководством выборного командного состава с комиссаром во главе. Подумайте только, ваше возвращение во Владивосток совпало с начавшимся там восстанием темных элементов под руководством иностранцев, главным образом, чехо-словаков, что немало встревожило нас и заставило принять меры предупреждения. К счастью наша взаимная выдержка предупредила то, что при иных обстоятельствах могло стать ужасной трагедией".

"Обстановка в городе все еще не ясна, ибо у нас тоже никакого сообщения с берегом нет. Связь с Морским Штабом утеряна вследствие мощного глушения нашего радио какой-то станцией в городе. Мы знаем, однако, что в деле подготовки восстания непосредственно замешаны чехо-словаки, ибо несколько раз их радио призывало все русские сухопутные и морские силы перейти на сторону освободителя в ковычках генерала Гайда, бывшего командующего чешским легионом на Волжско-уральском фронте. Гайда,мол, немедленно восстановит свободу и справедливость, а также примерно накажет виновных, т.е.нас, господа, поддерживающих Правительство Адмирала Колчака".

Стук в дверь каюты прервал доклад капитана 1 ранга С. "Господин капитан 1 ранга",раздался снаружи голос вахтенного офицера, к правому трапу подошла шлюпка с командиром эскадренного миноносца "Инженер-механик Анастасов".Он имеет важные сведения для доклада вам и просит вас принять его немедленно". Начальник дивизиона встал, устало вытер свой потный лоб и приказал привести командира "Анаста-

сова" в каюту. Дверь распахнулась и на пороге выросла высокая фигура старшего лейтенанта З. Он был бледен и выглядел очень усталым. "Пожалуйста, садите сь", пригласил его капитан 1 ранга С.и, повернувшись к командиру "Магнита" прошептал ему на ухо:"дайте ему чего нибудь выпить!"

Сделав усилие сесть командир "Анастасова" начал свой доклад. "Положение в городе весьма неопределенно. Выступили против нас, под руководством чехо-словацкого генерала Гайда несколько тысяч главным образом портовых грузчиков с большой примесью темного элемента. Ими были изолированы Штаб крепости, Морского командования и занята телефонная станция. Район военного порта охраняет 2 дивизион миноносцев под командой капитана 1 ранга Р. Он уже отразил несколько атак восставших самым решительным образом. Наши миноносцы обстреливают артиллерийским огнем береговые позиции повстанцев, нанося им тяжелые потери. Мы вышли за бон по вашему распоряжению.

"Несколько минут тому назад к борту моего миноносца подплыл раненый гардемарин и просил меня от имени капитана 1 ранга Китицына обстрелять артиллерийским огнем железнодорожный вокзал, депо и запасные пути, чтобы этим внести панику в ряды повстанцев, сконцентрированных в этом районе и облегчить наступление гардемаринской роты, офицерских отрядов и добровольцев. Он подтвердил, что руководителем восстания является Гайда, вагон которого расположен на четвертом запасном пути левее вокзала на расстоянии около 300 фут.

"Союзники объявили нейтралитет и отказались оказать поддержку законным властям. Несколько правительственных частей, расположенных в городе, отказались выйти из казарм с оружием в руках для ликвидации восстания и продолжают митинговать. Если мы не покажем своей решительности в районе вокзала немедленно, эти части могут выступить против нас под влиянием бешеной пропаганды и тогда положение гардемарин, офицеров и добровольцев станет критическим, ибо они будут отрезаны от базы и тыла".

Выпив стаканчик поднесенного ему вина, командир эскадренного миноносца "Инженер-механик Анастасов" снова встал и вытянулся. "Господин капитан 1 ранга",взволнованным голосом проговорил он,"разрешите мне вместе с эскадренным миноносцем "Лейтенант Маллеев" войти в бухту и обстрелять указанные мной пункты".

"С Богом",протянул ему руку вставая Начальник дивизиона,"отправляйтесь без задержки. Вы же, М.Г.",повернулся он к командиру "Магнита","перейдите к самому проходу в ворота банного заграждения и не

пропускайте никаких судов ни в бухту, ни из нее, за исключением иностранных, показавших свой флаг".

Через несколько минут "Анастасов" в сопровождении "Маллеева" были уже на ходу к цели с потушенными огнями и вскоре мы услышали их первый залп. С мостика "Магнита" было видно как на берегу быстро разрослась багровая завеса пожара и до корабля стали отчетливо долетать возбужденные звуки человеческих голосов. Залпы миноносцев, подошедших близко к берегу и стрелявших цветной картечью в упор, продолжались с регулярными интервалами (для облегчения ориентировки и корректирования стрельбы каждый дивизион миноносцев имел боевые снаряды четырех цветов,- цветные разрывы).

С берега лениво ухали выстрелы нескольких малокалиберных сухопутных орудий, бешено строчили пулеметы и раздавалась разрозненная ружейная пальба. Один орудийный снаряд с берега прошел начисто через командный камбуз (кухня) эск.мин."Лейтенант Маллеев", не причинив никаких особенных повреждений, за исключением разбитых баков и сковород, и разорвался в бухте. На "Анастасове" пулеметным огнем был убит один комендор (артил.прислуга) кормового орудия и легко ранены пять матросов-добровольцев.

После 1½-часового обстрела вокзала, депо и подъездных путей стрельба с берега начала заметно ослабевать и тогда по сигналу горниста гардемаринская рота и поддерживавшие ее части бросились в атакуна центр восставших. К рассвету восстание в этой части города было окончательно подавлено. Сдалось и было обезоружено до 1200 человек. Самого Гайду вместе с несколькими чинами его штаба нашли под развороченым нашими снарядами вагоном 1 класса и под усиленным конвоем отправили в Штаб крепости. Район, где происходил ночной бой с повстанцами на следующий день представлял из себя жуткую картину. Особенно пострадали вокзал и ж.д.пути, забитые до отказа подвижным составом. Благодаря отличной организации и примерной дисциплине наши вооруженные силы в этом районе пострадали сравнительно мало. Было видно, что мы имели дело с плохо обученными и весьма неопытными в военном деле противниками. С другой стороны, потери его были настолько велики, что с трудом поддавались учету.

Гайдовское восстание и его успешная ликвидация являются классическим и показательным примером того, как непреклонная воля, инициатива и смелость нескольких начальников среднего командного состава,

при полной растерянности высшего командования, с помощью лояльных элементов свела на нет тщательно подготовленное восстание, грозившее неисчислимыми последствиями всему Белому делу. Упустив благодаря своим колебаниям драгоценное время и оставшись пассивным перед лицом смертельной опасности, высшее военно-морское командование этим самым дало повстанцам возможность захватить в свои руки значительные районы как города, так и порта. Это в свою очередь привело к изоляции всех лояльных Правительству военно-морских частей и поставило их с самого начала в чрезвычайно невыгодное положение.

Казалось, что пришло начало конца. И в эту критическую минуту исполнявший обязанности Директора Морского Корпуса капитан 1 ранга Китицын принимает молниеносное решение. Он бросает в бой драгоценный человеческий материал доверенный ему, в лице молодых и стойких гардемарин, которые с первого шага начинают теснить разбросанные по всему городу мелкие банды вооруженных повстанцев. Решительный вид гардемарин, прекрасная подготовка и умение владеть оружием наводят на врагов страх, а элемент неожиданности вселяет панику.

Медленное сначала отступление постепенно превращается в бегство. Толпы бегущих вразброд повстанцев увлекают за собой и других. Это, в свою очередь, производит сильный психологический сдвиг в умах колеблющихся и они подкрепляют ряды гардемарин явочным порядком. Число наступающих растет на каждом перекрестке. Из боковых улиц появляются вооруженные офицерские отряды и части добровольцев, главным образом, учащейся молодежи.

В противоположность этому, многие нерешительные повстанцы бросают оружие и стараются скрыться где только можно. Ободренные таким успехом, с винтовками на перевес и громовым ура на устах, гардемарины и их союзники продолжают наступление беглым шагом, не давая, таким образом, вражеским элементам возможность где-нибудь укрепиться.

На перекрестке Светланской (главная магистраль) и Китайской улиц повстанцами установлено трех-дюймовое орудие, готовое открыть огонь по наступающим, но его буквально поглащает бегущая толпа и сбивает с места готовую прислугу. Орудие берется гардемаринами, не дав ни одного выстрела, с налета, а бегущие толпы, повернув на Китайскую улицу, стараются добраться до вокзала, центра их сопротивления. Так ком снега, брошеный с покрытой снегом горы, постепенно превращается в грозную лавину у ее основания! Так смелое решение одного блестящего начальника в самый критический момент вырывает инициативу из рук врага и превращает его начальный успех в полное поражение!

Что-же произошло бы в случае успешного восстания в глубоком тылу белого фронта, в его стратегической и хорошо оборудованной базе? Погибли бы десятки тысяч белых воинов, их семьи и много государственно мыслящих русских людей. Началось бы поголовное истребление неугодных новой власти людей в восточной Сибири, массовые расстрелы, страшный лагерный режим для попавших в плен и систематическая охота за одиночными беглецами с расправой на месте. Так бесславно погибли бы в одиночном порядке те же гардемарины, доверенные капитану 1 ранга Китицыну, а также офицеры гарнизона крепости и добровольцы.

Напрашивается вопрос: прав ли был этот высоко достойный и решительный начальник, бросив в неравный бой своих воспитанников в критический момент, когда высшее командование явно растерялось и его воля была вследствие этого совершенно парализована? Ответ совершенно ясен и никакого анализа не требует. Произошло то, что в настоящее время принято называть цепной реакцией, а именно:

1. Для опытных вожаков восстания, совершенно уверенных в своем успехе, появление образцовой и стойкой части в лице гардемарин, а вслед за нею офицерских и добровольческих частей, было явлением совершенной неожиданности и, поэтому, не принятым в расчет.

2. Такое неожиданное выступление неизвестной штабу Гайды лояльной Правительству части в критический момент, когда им были уже даны директивы повстанцам, заставило его перейти от наступления к обороне, когда дезорганизованные толпы повстанцев бросились из города в район железнодорожной станции, спасаясь от наступавших.

3. Ввиду радикальной перемены в положении вещей штаб Гайды повидимому решил сжаться в кулак, перегруппироваться в районе ж.д.станции и уже оттуда начать намеченное раньше наступление на город. Этот маневр оказался роковой ошибкой, ибо, создав периферию полукруглого фронта лицом к городу, с обоими флангами, загнутыми назад к бухте "Золотой Рог", Гайда подставил свой совершенно беззащитный тыл под убийственный огонь судов Сибирской флотилии, простреливавших насквозь и во всех направлениях расположение повстанцев.

4. Увидев наяву радикально изменившуюся обстановку, некоторые ненадежные части гарнизона отказались принимать активное участие на стороне повстанцев, как это было ими обещано раньше, и объявили строгий нейтралитет. В противоположность этому две сотни Уссурийских казаков, эскадрон Конно-Егерского полка и учебные команды сухопутных частей гарнизона, расквартированные в черте города, вышли

из казарм с оружием в руках под командой своих офицеров и заняли участки фронта совместно с лояльными Правительству частями. Таким образом соотношение вооруженных сил на фронте резко изменилось в нашу пользу. Одновременно офицеры крепостной артиллерии по своей инициативе обезвредили орудия, угол обстрела которых мог задеть город, увозом на грузовиках в управление крепости орудийных замков.

5. Далее, два полка чехо-словаков, грузившиеся на пароходы для отправки на родину, тоже отказались от поддержки Гайды и изолировали себя от нежелательного городского элемента путем усиленных караулов с пулеметами на всех подступах к своим пристаням.

6. Наконец,- все военные корабли бывших союзников (станционеры) прервали всякое сообщение с берегом и прекратили отпуск своих команд (тоже жест нейтралитета).

Все это постепенно привело к устойчивому положению лояльных частей на фронте и полной изоляции повстанцев в сравнительно небольшом сектроре города и порта. Невозможность пополнять пищевые запасы, пресную воду и военное снабжение, невозможность бежать или скрыться сделали их положение безнадежным. Атакованные с фронта, флангов и тыла, зажатые в медленно сужающееся стальное кольцо, неся огромные потери, повстанцы начали сдаваться сначала небольшими группами, а затем и главными силами. Восстание было после этого совершенно ликвидировано и город вернулся к нормальной жизни втечении следующих суток.

Нечего и говорить о том, что двухсот-тысячное население города и его окрестностей, в своем громадном большинстве лояльное Правительству, вышло на улицы в праздничных нарядах и бурно демонстрировало свою радость при появлении той или иной лояльной воинской части, возвращавшейся с песнями с передовых позиций ликвидированного фронта. Роте гардемарин, уставших, изорванных и грязных от лежания на земле, с перевязанными ранами, но сохранивших бодрость духа и отличное равнение в строю на Светланской улице была устроена овация. Их засыпали цветами, целовали и обнимали. Восставшие и им открыто сочувствовавшие смылись начисто.

На подходах к ж.д.станции Седанка, что в 15 верстах на северо-запад от Владивостока, контр-разведка устроила тройную заставу, которая проверяла всех пассажиров и задерживала подозрительных.

Канонерская лодка "Магнит", закрывавшая выход за противоминный

бон морским путем, обстреляла и задержала два больших портовых катера, пытавшихся прорваться, и несколько гребных шлюпок наполненных все еще вооруженными повстанцами.

Было арестовано несколько крупных комиссаров, включая председателя местного совдепа студента Суханова, его заместителя унтер-офицера Моисея Ицхаковича Гольдберга и комиссара Сибирской флотилии радио-телеграфного унтер-офицера Теплякова.

Опомнилось также и высшее военное командование гарнизона крепости и в срочном порядке выпустило приказ, расклеенный на всех улицах, с благодарностью войскам гарнизона и населению за оказанную поддержку.

Имя истинного героя этих печальных событий, как и следовало того ожидать, было обойдено полным молчанием. На бывших союзников и, особенно, на чехо-словаков ликвидация восстания без их помощи произвела очень сильное впечатление,- "союзники" стали отменно вежливыми и готовыми к услугам. Чехо-словацкие же солдаты, раньше проявлявшие подчеркнуто презрительное отношение к нашему офицерскому составу, внезапно начали отдавать ему честь при встрече на улицах,ибо у них появилась боязнь, что их эвакуация на родину может встретить неожиданные препятствия со стороны нашего Главного командования (их пароходы были в значительной степени нагружены русским добром, реквизированным в качестве "военной добычи").

Всеобщим героем дня конечно стал Капитан 1 ранга Китицын, блестящий, но вместе с тем очень скромный морской офицер, отличившийся в 1915 году в Черном море, когда, будучи командиром большой подводной лодки, он захватил в районе Босфора груженный военным материалом для Болгарии турецкий транспорт и, высадив на него свою десантную команду, привел его под своим конвоем в Севастополь. За это беспримерное и лихое дело он был тогда награжден орденом Св.Георгия 4 степени и произведен в следующий чин.

Заканчивая этот исторический очерк, я не могу не задать себе одного естественного вопроса: а что произошло бы, если бы Командующий Петербургским военным округом генерал Хабалов, бывший Начальник Павловского Военного училища, отчаянный педант и формалист, под начальством которого было несколько образцовых военных училищ, школ Прапорщиков и Морской корпус, рискнул бы своевременно использовать их в помощь столь малочисленной в столице полиции для подавления

заведомо провокационного восстания в феврале 1917 года? В его распоряжении было до 15 тысяч человек, все молодых, патриотически настроенных и прекрасно обученных юношей в дополнение к пятитысячному составу полиции.

Разве посмели бы запасные батальоны Гвардейских полков, составленные в основном из разнузданных, нерешительных и плохо обученных новобранцев, выступить с оружием в руках против Правительства?

Разве могла бы произойти позорная и предательская февральская революция с ее хвастливыми и бездарными лидерами от Львова до Керенского и их компании во главе?

Разве было бы допущено открытое появление совдепа с его иноземным составом и разлагающих Армию приказов, вроде номара один? (Керенский же был в это время его вице-председатель!)

Нет, этого не могло бы произойти, если бы бездарности и трусы в генеральских погонах выполнили свой священный воинский долг в согласии с присягой! Конечно, были бы значительные потери среди защитников правительства в открытом бою, но это было бы все-таки неизмеримо лучше, чем их беспощадное истребление в одиночном порядке через несколько месяцев.

Да послужит исторический эпизод во Владивостоке на пользу грядущим поколениям нашей многострадальной Родины!

В.Ястребов-Боус (8 вып.)

РЕДКИЙ ЮБИЛЕЙ.

Милую Суворочку, глубокоуважаемую Мариамну Евгеньевну и дорогого Глеба Николаевича АКИМОВЫХ от лица всех Суворочек и Суворовцев поздравляю со знаменательным днем Золотой свадьбы и желаю здоровья и благополучия.

Сколько Вы пережили за это время и хорошего и плохого! Все же, верные друг другу, Вы перенесли все невзгоды, поддерживая морально один другого. Идите и дальше рука об руку и жизнь Ваша будет уверенной и спокойной.

Целую ручку и обнимаю.

Н.Главацкий.

2 марта 1969 года.

ВЫПУСКНЫЕ ЖЕТОНЫ.

Вспоминаю, что кроме нашего Высочайше утвержденного общего корпусного жетона "Суворова победам", каждый выпуск, с моим шестым включительно изобретал и заказывал для однокашников особый выпускной жетон.

Свой шестого выпуска я хоть и не сохранил, но помню хорошо. Это была стилизованная Георгиевская звезда (которую носил Суворов), вытянутая из квадрата в ромб. В центре в кружке был на эмали профиль Суворова, а на оборотной стороне эмалевый погончик Корпуса, номер выпуска и, кажется, фамилия.

Творцом этого жетона, помнится, был Сергей Александрович Кашкин. Может быть он откликнется, чтобы подтвердить или исправить мое описание.

Пятый выпуск имел жетон в форме двуглавого Александровского орла с распростертыми крыльями, а подробностей не помню. Также не знаю были ли жетоны в седьмом и последовавших выпусках.

С.Грешнер.

К этому могу прибавить, что до нашего последнего Варшавского девятого выпуска традиция эта продолжалась.

Было бы желательно восстановить не только факт существования таких жетонов до последнего двенадцатого выпуска, но дать их хотя бы приблизительное описание или рисунок.

Это можно было бы поместить в следущем номере, на что, господа, у Вас год в распоряжении!

Г.Гринев.

УТРАТЫ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

- 24 июня с.г.в Сокольском лагере Осгор во Франции скончалась Суворочка Мария Владимировна РОССИНСКАЯ и похоронена на кладбище в Ст.Женевьев-де-Буа. Смерть застала нашу дорогую Суворочку среди соколов, движению которых она посвятила много сил.

Сергея Венедиктовича просим принять выражения нашего искреннего сочувствия в тяжелой его утрате.

- 2 июля с.г.в Сиднее, Австралия, скончался Лев Платонович ЛИНЕВИЧ, Суворовец 11 выпуска. Покойный был талантливым художником и не менее талантливо владел пером. Мы все помним его остроумные рассказы из кадетской жизни.

Супругу его Суворовчку Александру Анатольевну просим принять наше искреннее соболезнование в постигшей всех нас тяжелой утрате.

- В августе с.г.в гор.Варель в Ольденбурге, Зап.Германия, скончался Суворовец 5 выпуска Петр Николаевич МАНЮКИН. Покойный был в 1912 году выпущен из Пажеского корпуса л.гв.в 4 Стрелковый Императорской Фамилии батальон, с которым и провел всю Первую войну. Его воспоминания о днях всероссийской разрухи были напечатаны в № 15 нашего сборника. В эмиграции в течении последних 12 лет П.Н.объединял Суворовцев в Германии и Австрии, отличался всегда редкой сердечностью в отношении своих однокашников, обладал ровным и мягким характером и заслужил уважение и любовь всех с ним соприкасавшихся. К сожалению, умер он одиноко, будучи единственным русским в своем районе, и о кончине его Суворовцы узнали лишь из возвращенных писем.

Ушел в лучший мир еще один Суворовец и осиротела наша семья в Германии. Мир праху его!

СУВОРОВЦЫ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ.

Николай Владимирович ГЛАВАЦКИЙ по собственному желанию оставил должность Председателя Правления Общества Галлиполийцев во Франции.

Он же Делегатским съездом единогласно выбран членом Суда чести Союза Инвалидов.

Исправление.

В № 20, стр.64, напечатано:

"В 1968 году Главным Командованием Легиона В.Г.Ястребов назначен на должность Советника по юридическим делам в Верховный Суд Провинции Онтарио по делам военных ветеранов, т.е.заместителем Главного Судьи".

Следует читать:

"5 мая 1968 года по рекомендации Главного Командования Легиона и соответственного представления Генерал-Губернатора Канады, В.Г.Ястребов-Боус был назначен Правительством на должность Советника по делам военных ветеранов в Верховный Суд провинции Онтарио со всеми правами заместителя Главного Судьи, сроком на три года".

Сборник

Суворовцы

Изданіе
Объединенія Б. Кадет
Суворовцев

Париж

"С У В О Р О В Ц Ы"

Сборник № 22.

Издание Объединений б.кадет Суворовского Кадетского Корпуса.

Октябрь 1970 года. П а р и ж.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От Председателя Объединений..... 1

Исторические справки.
СУВОРОВ Василий Иванович..... 1
СУВОРОВ Александр Васильевич..... 3
СУВОРОВ Аркадий Александрович..... 4

Из воспоминаний 1799 г. И.Б.Пфлуг..... 7

В Морском Корпусе. В.Истребов..... 10
Дополнение..... 27

ГАЛЛИПОЛИ — ПРАГА. М.Прокофьев..... 30
От редактора..... 34

Кадетская поэзия.
Суворовская "Друзиада" 1969. С.Грешнер..... 35
В память С.Грешнера. Д.Л..... 38
Суворовцам, 1969. Г.Зюзин 3-й..... 38
Кадетские журавли. Сообщил ген.С.П.Андоленко... 39

От Председателя Объединений. Н.Л.Орлицкий..... 41

Утраты Объединений..... 42

Издатель:
N.V.Glavatsky
6,rue Voisembert,
F - 92 Issy-les-Moulineaux,
France.

Редактор:
G.M.Grinioff
A - 2542 Kottingbrunn
Austria.

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Милые Суворочки и дорогие Суворовцы!

Поздравляю Вас с нашим корпусным праздником, шлю Вам и Вашим семьям лучшие пожелания здоровья и благополучия.

Много лет прошло как покинули мы наше родное гнездо - Корпус, рассеялись по всем странам мира, постарели, ряды наши естественно поредели, но все то хорошее, что дал нам Корпус поддерживает в нас надежду на лучшее будущее.

Будьте здоровы и Богом хранимы.

Н.Главацкий.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ.

(История Государевой Свиты)

СУВОРОВ Василий Иванович, деньщик Петра Великого.

В 1722-м году маия 9 дня определен блаженныя и вечныя славы достойныя памяти к его императорскому величеству государю императору петру великому в деньщики.

Василий Суворов.

(Из сказки о службе, поданной В.И.Суворовым в 1763 году. Моск.Отд.Архива Главного Штаба, оп.10, св.566)

Государевы деньщики несли при особе Царя службу офицеров-ординарцев и надо полагать, что это скромное название было им дано лишь потому, что сам Петр Великий в это время именовал себя бомбардиром. "Царские деньщики" получили в глазах современников подобающее значение и к ним все так привыкли, что Петр и после принятия им чина генерала оставляет в своей свите вместо с генерал-адъютантом, государскими адъютантами и деньщиков, и так продолжается во все царствование Императора.

Даже после кончины Петра Первого, Василия Поспелова в оффициальной переписке продолжают именовать деньщиком, считая звание Царского деньщика выше придворного чина Поспелова, бывшего уже в то время камер-юнкером. Самое слово "деньщик"(дежурный, дневальный) указывало также на одну из главных обязанностей деньщиков Царя - находиться поочередно безотлучно при Его Величестве, дневалить при Нем.

Деньщик Петра В.И.Суворов был генерал-аншефом при Екатерине.

22 июля 1762 г.В.И.Суворов был генерал-порутчиком.

О деньщике Суворове имеются следующие указания:

ЮРНАЛ 1714 г.Марта 25 - Его Величество был у обедни и причащался у Исакия и Адмирал Князь Василий Долгорукой, Иван Суворов и Государыня Царица причащались.

Примечание. Иван Суворов - дед знаменитого Суворова и отец генерал-поручика Василия Ивановича Суворова, который был крестным сыном Петра Великого и в первой молодости служил у него деньщиком.
Свою служебную карьеру Василий Иванович окончил при Екатерине П в звании сенатора, генерал-аншефа и подполковника Измайловского полка, полковником которого была сама Императрица.
Сам Генералиссимус Суворов пишет про отца:"При сем Государе (Петре Великом) он начал службу в должности деньщика и переводчика и по кончине его, Императрицею Екатериной Первою, выпущен был лейб-гвардии от бомбордир сержантом и вскоре пожалован Прапощиком в Преображенский полк".

Московское отделение Архива Главного Штаба, опись 10, св.566.

Список о службе, поданный Генерал-Аншефом Василием Ивановичем Суворовым 16 декабря 1763 года.

"В 722 году Маия 9 дня определен блаженныя и вечной славы достойныя памяти к его императорскому величеству государю императору петру великому в деньщики и после производим был по имянным указам в 725 году Лейб-Гвардии в Преображенский полк в Сержанты, в 727 году Июня 29 в Прапорщики, в 730 году Февраля 16 дня в подпорутчики, в 737 году Апреля 27 дня в Порутчики и в бытность его в оных обер-офицерских чинах по имянным указам употреблен был в разныя и важныя комиссии и посылки внутрь и вне Государства в 740 году в Ноябре в берг коллегию в прокуроры в ранг Полковничей, в 753 году Марта 29 дня в бригадиры и в военную колегию в члены, тогож года Декабря 18 дня в Генерал-Майоры, в 758 году Января 5 дня в Генерал-Порутчики; в 760 году отправлен был к армии бывшей тогда за границею для довольствования оной во время ее походу пропитанием и командировал стоящим тогда при познании копусом и всем формостам поставленными в Польше в Шлезии Брандебурии и Померании, в том же году Августа 16 дня пожалован Сенатором в декабре определен в Королевство Прусское Губернатором и имел команду над стоящими в оном Королевстве и на Висле полками и баталионами, в 762 году Июня 28 дня пожалован Лейб-Гвардии в Преображенский полк Премиер Майором, в 763 году Марта 3 дня в Генералы полныя, в 763 году Июня 11 дня Лейб-Гвардии в Измайловский полк Подполковником.

Декабря 16 дня 1763 года. Подписал Василий Суворов."

Общий Архив Министерства Императорского Двора.

Протокол Сентября 1723 году.

(л.28 об.) 9-го числа из дому Его Императорского Величества денщик Василей Суворов пришед в канцелярию от строеней объявил Господам подячим что Его Императорское Величество изволил приказать французу растрелню вылить из меди персону Его Императорского Величества и к тому что потребно материалы отпускать ис канцерии от строений без замедления.

Александр Васильевич Суворов.

12 февраля 1798 года фл.ад.кн.Горчаков, племянник Суворова, получил в Петербурге такое Высочайшее повеление: "Ехать вам, князь, к графу Суворову; сказать ему от меня, что если было что от него мне я сего не помню; что может он ехать сюда, где, надеюсь, не будет повода подавать своим поведением к наималейшему недоразумению". 14 февраля кн.Горчаков явилия к дяде вестником Высочайшей милости, но Суворов, предвидя невозможность согласования своих взглядов с требованиями и порядками новой эры, неохотно подчинился полученному повелению и под предлогом старости и болезни поехал в Петербург на долгих, проселочными дорогами. Состоявшееся свидание не привело к умиротворению взаимного неудовольствия; на первом же вахт-параде Суворов выказывал умышленное невнимание к происходившему, подсмеивался над окружавшими и уехал до конца развода, не стесняясь присутствием Государя и сказав Горчакову: "не могу, брюхо болит".
Следующие дни на разводах "Суворов не переставал блажить",осмеивая новые правила службы в присутствии Государя; делал вид, что не может справиться со своею новою плоскою шляпой, снимая хватался за поля то одной рукой, то другой - все мимо,и, наконец, ронял ее к ногам сумрачно смотревшего на него Государя. Между проходившими церемониальным маршем взводами Суворов бегал и суетился, выражая на лице то удивление, то недоумение, шептал что-то и крестился; на вопрос Государя что такое он делает, Суворов отвечал, что читает молитву "да будет воля Твоя". Государь, перед которым все трепетало и безмолвствовало, в котором малейшее противоречие не в добрый час призводило взрывы страшного гнева, переламывал себя, оказывал Суворову необыкновенную снисходительность и сдержанность; отдан был приказ о благочинии на разводах, которым строго подтверждались правила порядка, нарушенные Суворовым, но имя его в приказе не упоминалось. Наконец Суворов попросил Государя дозволения вернуться в деревню,

куда и уехал, получив ответ Императора, что Он не хочет удерживать его против воли.

Почти через год, 8 февраля 1799 г., к Суворову в Кончанское был послан фл.ад.Толбухин с письмом, в котором Император Павел писал, что "по настоятельному желанию Венского двора" чтобы вы предводительствовали австийскими армиями в Италии,"куда и мои корпуса Розенберга и Германа идут", предлагал Суворову "взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену". На этот раз Суворов не причинил Государю никаких преднамеренных неприятностей, получил большой крест ордена св.Иоанна Иерусалимского и выехал в конце того же месяца в Вену.

Граф Аркадий Александрович Суворов-Рымникский,
Генерал-Адъютант Императора Павла Петровича.

В 1799 году в генерал-адъютанты пожалованы:

14 мая - граф Аркадий Александрович СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ, единственный сын генералиссимуса Суворова. Родился 4 августа 1780 г.; в службу вступил мичманом в 1791 г.; 3 февраля 1793 г.пожалован камер-юнкером к Великому Князю Константину Павловичу, причем в указе, данном по этому поводу Придворной Конторе, значится: "Всемилостивейше пожаловали Мы камер-юнкером ранга подполковника при нашем любезном внуке Великом Князе Константине Павловичеполков гвардии Преображенского графа Аркадия Суворова...(и других),повелевая производить им жалованья каждому по восьми сот рублей в год"; на восемнадцатом году жизни 14 апреля 1798 г.пожалован камергером ко двору Великого Князя Александра Павловича. 15 мая 1799 г.пожалован генерал-адъютантом.

После взятия Брешии Павел 1 приказал отслужить благодарственный молебен, с провозглашением многолетия "господину генерал-фельмаршалу российских войск, победоносцу Суворову-Рымникскому", при пушечных выстрелах из Мариентальской крепости в Павловске. Сын фельдмаршала Суворова, камергер Аркадий Александрович, был растроган и, бросившись на колени, поцеловал руку Государя, а Государь позвал его в кабинет и сказал: "похваляю весьма привязанность к отцу; поезжай и учись у него, лучше примера тебе дать и в лучшие руки отдать - не могу". Фельдмаршалу Суворову Государь писал: Граф Александр Васильевич, удовлетворяя желанию сына идти по стопам отца и, будучи свидетелем побед его, научиться знаменитому искусству, отправляю к вам сына вашего, коего чувствительность и приверженность к вам и к сла-

ве вашей достойны всякой похвалы".

В письме же после победы при Адде, Государь писал: "сына вашего взял я к себе в генерал-адъютанты со старшинством; Мне показалось, что сыну вашему и ученику неприлично быть в придворной службе". При пожаловании в генерал-адъютанты А.А.Суворову шел девятнадцатый год. Незадолго до кончины генералиссимуса Суворова, сыну его, генерал-адъютанту А.А.Суворову, было повелено доносить о состоянии здоровья своего отца. 16 апреля повелено ему впрежнему быть камергером с определением затем (19 июня 1800 г.) в Государственную Экспедицию о доходах. 5 мая 1801 г.снова переименован в генерал-маиоры, но без назначения в генерал-адъютанты; 30 августа 1807 г.произведен в генерал-лейтенанты. В 1811 г.13 апреля утонул во время войны с Турцией в том самом Рымнике, на берегах которого его отец одержал одну из блестящих побед, что дало повод Фуксу в своих "анекдотах" написать: "О Рымник! ты дал имя отцу, а гроб сыну!"
6 мая 1811 года исключен из списков умершим. Помимо участия в Итальянской кампании, находился в 1805 г.в армии Бенигсена, в Пруссии, в 1807 г.- в корпусе Эссена 1, тоже в Пруссии, и в турецкой войне. В сражении с французами под Остроленкою, в 1807 г.,контужен в голову и за отличную храбрость вверенного ему Ряжского мушкетерского полка награжден орденом св.Георгия 4 степени.

Донесение генерал-адъютанта графа Суворова.

Во исполнение Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повеления, объявленного мне через генерал-адъютанта Вашего Величества Лопухина, имею счастие всеподданнейше донести, что болезнь генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского, по замечанию придворного медика статского советника Вейкарта, имеет вид, наклонный больше к лучшему, нежели к худшему; между тем слабость его черезмерно велика,а через несколько дней надеется доктор, смотря по обороту болезни, сказать решительно о следствиях оной.

Повергая себя к священнейшим стопам Вашего Императорского Величества с благоговением, Всемилостивейший Государь, Вашего Императорского Величества всеподданнейший Генерал-Адъютант князь Италийский граф Суворов Рымникский.
Кобрин, Марта 8 дня 1800 года.

Выписка из камер-фурьерского журнала. Стр.39, 13 июля 1800 года.

А как сего числа здесь в Петергофе назначено быть при Высочайшем Дворе свадьбе бывшего камергера двора Его Императорскаго Величества князя Италийскаго графа Аркадия Александровича Суворова Рымникскаго и Ея Величества фрейлены Елены Александровны Нарышкиной, то по случаю сего в 5-ть часов по полудни, как прошенные с обеих их сторон гости и обыкновенно составляющие Императорскую свиту обоего пола особы, так и жених с ближайшими своими родственниками собрались все на половине Государя Наследника в Голубой и Малиновой комнатах, дамы в круглом платье, а кавалеры, приезжие в праздничных, а здесь жительствующие и свиту составляющие в обыкновенных цветных кафтанах.

Потом означенная невеста, которая быв только одна в русском платье, в посланной от Императорскаго двора дворцовой карете с двумя за оною дворцовыми-ж лакеями из дому занимаемаго г-м обер-гофмаршалом препровождена была матерью ея и госпожею гофмейстериною Вильде во дворец и у садовых, что между комнатами великих княжен, ворот, вышед из кареты, проходила в Китайскую, что за Столовою, комнату, а из оной госпожею-ж гофмейстериною через некоторое время введена была во внутренние к Ея Императорскому Величеству покои, где и убираема была бриллиантовыми к венцу наколками.

А между тем во внутренние-же аппартаменты к Их Величествам изволили из своих покоев прибыть Их Высочества Государь Наследник и Государь Цесаревич с супругами Их великими княгинями и великия княжны Мария Павловна и Екатерина Павловна.

Потом как жених с ближайшими своими родственниками и посаженным отцом князем Гавриилом Петровичем Гагариным и матерью статс-дамою княгинею Екатериною Николаевною Лопухиною, так и невеста в препровождении-ж со стороны ея родственников и посаженнаго отца графа Александра Сергеевича Строганова и матери посаженной статс-дамы княгини Анны Петровны Гагариной, проходили в три четверти 6-го часа в церковь, в которой тогда-ж по прибытии Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств началось совершаться придворным той церкви священником бракосочетание, а по возложению на бракосочетающихся венцов, держали оные над женихом гофмейстер великой княжны Екатерины Павловны князь Голицын, а над невестою брат ея камергер Нарышкин. По окончании браковенчания в церкви новобрачные со всеми их родственниками приносили как Государю Императору, так и Государыне Императрице всеподданнейшее свое благодарение, а Их Величества, пожаловав притом их всех к руке, изволили потом отсутствовать во внутренние свои покои.

А новобрачные с родственниками своими и приехавшими из Петербурга гостями в дворцовых-же каретах отъехали от имеющихся к церкви ворот в занимаемый г-м обер-гофмаршалом дом и отбыли по сем обратно в Санкт-Петербург в собственных своих экипажах.

Выписка из воспоминаний шваба 1780-1830 гг.

Культурные очерки из монастырской, французской и разбойничьей эпохи Верхней Швабии. По воспоминаниям художника-романтика Иоганна Баптиста Пфлуга издал Маттеус Герстер.

Глава 8. Суворов - Эрцгерцог Карл.

В октябре 1799 года, после битвы под Цюрихом, в монастырь прибыли сотни раненых и больных из армии Корсакова; их разместили во флигелях, в освобожденных хранилищах для фруктов и в деревянных бараках.

Совсем недавно это прекрасное войско тремя колоннами прошло через Швабию, и перед моими удивленными глазами маршем прошли многочисленные пехотные и конные полки. Сначала шли уральские татары, рослые люди в высоких шапках, в красных мундирах и синих шароварах, у них были копья с флажками, как у австрийских улан, а их офицеры были покрыты золотом и шитьем восточного рисунка. За ними твердо и мощно, как движущаяся железная стена, проехали "кирасиры императрицы Катерины". Впереди ехали войсковые барабанщики с серебряными бубнами, затем трубачи с серебряными трубами, богато украшенными золотой бахромой; за ними следовали песенники, песни которых раздавались как только умолкали трубы; у некоторых были оловяные дудки, на которых они играли, чередуясь с пением. Затем следовали эскадроны гордых всадников в больших треуголках с полями, украшенными пряжками с большой звездой и высокими белыми султанами, в белых мундирах с красными нашивками, поверх которых были надеты латы с отверстием для сабель, как это обычно бывает только у гусар, которые сверху были прикрыты ярко красно покрышкой с богато разукрашенным вензелем императрицы; все они были на гнедых конях. Среди старших офицеров во главе полка было несколько молодых людей в казачьей одежде, которые, судя по знакам отличия, должны были принадлежать к высшему сословию. Среди других кавалерийских полков особенно отличались гусарские полки Лыкошина и Бауера: первые были в соломенно-желтых формах, вторые в бирюзовых мундирах с белой выпушкой. Остальные войска были одеты в зеленую форму: их треуголки спереди почти гладкие, напоминали прусские и были украшены орлами из красноватого металла;

однако у гренадер высокие остроконечные шапки имели спереди широкий щит, а по бокам соединялись наверху жестяными палочками, идущими вдоль этого головного убора, напоминающего сахарную голову. Мушкеты были с очень длинными штыками, а все ремни и кожаные изделия были из сыромятной кожи, отчего от всех войск распространялся особенно сильный, но отнюдь не неприятный запах. Так шли они через Венгартен, блистая своим нарядом и весельем; многие солдаты при виде возвышающейся вершины Сентис, полные уверенности в победе, кричали: "Вот Париж!"

Как быстро весь этот блеск и все эти надежды изменились, превратившись в печальную противоположность. В Вейнгартене спешно был устроен главный лазарет. Там, одна за другой, длинной цепью стояли повозки с ранеными и больными; большая часть крестьянских повозок была запряжена быками и коровами, так как в то время у крестьян было недостаточно лошадей. Кроме того, были также специальные повозки для больных, более просторные и крытые, в которых частично были висячие койки для тяжелораненых. При разгрузке тяжелораненых часто происходили ужасные сцены: случалось, что крестьяне,желая уклониться от возложенной на них повинности, по дороге сниамли смертельно раненых и оставляли их на дороге без всякой помощи, за что русские бесжалостно наказывали их кнутом. Все наружные помещения монастыря, даже длинные и широкие коридоры, были переполнены больными и умирающими, так что для прохода почти не оставалось места. Так как уже было довольно холодно, то везде была большими кучами навалена солома. Во дворе лагерем расположились здоровые солдаты и разводили там большие костры, пламя от которых поднималось выше зданий. Многие раздевались до-гола, чтобы очиститься от паразитов и, сидя вокруг костров, следующим образом очищали свои рубашки: два солдата хватали рубашку и быстро и сильно крутили ее, как это делают женщины при скатывании белья; когда рубашка была скручена жгутом, один из солдат быстро отпускал свой конец, а другой расстилал рубаху над пламенем, чтобы все паразиты упали в огонь и сгорели. Такой прием повторялся несколько раз, после чего рубашка снова надевалась.

К своим умершим русские относились со значительно большим уважением, чем австрийцы; ввиду частых смертных случаев последние свозили покойников на место погребения в одном большом ящике, который они просто бросали в огромную яму. Русские поступали иначе: для каждого покойника они изготовляли особый гроб из выскобленных досок и везли его на место погребения, находящееся в лесу за несколько километров от Вейнгартена. Здесь гроб снимали с носилок; священник благословлял

его, кадил на него фимиамом и окроплял святой водой. Затем гроб опускали в землю, откуда тщательно удалялись все большие камни; легка должна была быть каждому товарищу земля, в которую он был положен вдали от своей родины. Только на самом верху для защиты от непогоды как твердый покров клались крупные камни. Каждая могила украшалась нарядным крестом. В большинстве случаев священник являлся на погребение в торжественном облачении из фиолетового шелка с золотым крестом на груди. Обычно же он носил грубую рясу, но и в ней внушал уважение, и люди относились к нему почти как к божеству.

В то время через Хуз и долину Рейна, затем через Линдау и Равенсбург в Вейнгартен прибыл Суворов. Он переночевал на почтовой станции и на следующий день продолжил свой путь через Вольфэгг до Меммингена, чтобы собрать разбросанные между Лехом и Иллером войска. Все духовенство и местные чиновника поспешили в Вейнгартен, чтобы увидеть знаменитого полководца. Мне также представился удобный для этого случай. Рядом с почтовым отделением была императорская районная канцелярия, в которой жила семья районного писца г-на фон Аранда, сын которого Фридрих учился со мной в монастырской школе. В этой семье я всегда мог рассчитывать на дружеский прием, а из этого дома удобно было наблюдать за прибытием Суворова. До приезда полководца прибыла военная комиссия, тщательно осмотревшая квартиры: все выходившие на улицу окна были сняты и закрыты все ставни по бокам дома; было приказано удалить все зеркала, картины и постели, а на полу приготовить для ночлега простое ложе из соломы.

В полдень проехал Суворов в кибитке, запряженной тройкой: коренником, над которым возвышалась дуга, правил казак, сидевший у ног Суворова. Полководец был одет в темный плащ; шляпа с плюмажем лежала у него на коленях; черты его лица были резко очерчены, волосы седые, брови густые и орлиный взгляд. Ждавшие его офицеры помогли ему вылезти из кибитки и повели наверх в его комнату; он тотчас же выглянул из пустых оконных рам, чтобы наблюдать за прибытием своей свиты. Среди этой свиты было много старших офицеров частично из корпуса Корсакова, частично из корпуса Конде, который при отступлении должен был пробиваться через Констанц, уже занятый маршалом Удино, захватил мост через Рейн и расположился около Радольфцеля. Среди его офицеров находились князь Багратион, генерал Саккен, а также граф д'Артуа (будущий король Франции Карл X). Суворов громко приветствовал их из окна и потом принял в своей комнате; скоро после этого они снова спустились вниз, сели в свои коляски и во всех направлениях отправились в свои квартиры. Рано утром на следущий день Су-

воров отправился в Мемминген; он прямо сидел в своей кибитке, окруженный казаками. В течение нескольких дней подряд войска следовали за своим полководцем.

В МОРСКОМ КОРПУСЕ.

(Продолжение очерка "Первое плавание", напечатанного в сборнике СУВОРОВЦЫ за № 20 в ноябре 1968 года.)

Незабываемый отпуск в кругу дружной и любящей семьи и старых друзей в красавице Варшаве, увы, подходил к концу. Мы со старшим братом Александром потеряли счет дням. Приглашения в тот или иной знакомый дом сыпались как из рога изобилия.

Приятно было наблюдать и перемену отношения к нам. Ведь мы перестали быть подростками и стали взрослыми юношами, о чем явно свидетельствовали наши мундиры и носимое нами оружие. У Александра, как старшего и более опытного в житейских делах, даже появился какой то неподражаемый апломб в его повествованиях, который производил заметное впечатление на подростающих девиц и особенно их мамаш. Мне было понятно, что по молодости лет я не мог соперничать с ним, поэтому в его присутствии я больше играл роль скромного слушателя, а иногда загадочно улыбался.

Так пробегали дни за днями.

13 сентября 1913 года наконец пришел срок и нам надо было проститься с Варшавой. Так как в Петербург ехала довольно большая группа юнкеров, по большей части наших однокашников — Суворовцев, то нам был отведен отдельный вагон 3 класса. При встрече с ними радости не было конца. Так как нас не сопровождало никакое начальство, все мы мгновенно объединились и устроили из имевшихся у нас съестных припасов отличный общий ужин. Появилась и пара бутылок, а чаем в металлических кружках снабдил нас проводник. И вот началось безудержное веселье безусой молодежи, изредка прерываемое хоровым пением. Старшие из присутствовавших, удобно устроившись и расстегнув мундиры, рассказывали молодым о своей училищной жизни, прикрашивая свои повествования популярными анекдотами и копируя интонацию голосов и манеры своего начальства.

Так как я был в вагоне единственным моряком, то на меня было обращено должное внимание. "Послушайте, как вас там зовут, молодой,- не то юнга, не то трюмная крыса, как это вас угораздило попасть в вагон предназначенный для господ офицеров? Разве вам неизвестно,

что кратчайшее расстояние от Варшавы до Петербурга - по Висле до Кенигсберга, а оттуда морем?" Я рассмеялся вместе с другими и, приняв серьезное выражение лица стал смирно и отрапортовал:"Ваше Превосходительство, я имел ввиду использовать этот удобный маршрут, но к сожалению не успел приобрести калош и боялся промочить ноги". Дружный хохот встретил мой ответ. "Ты, трюмная крыса, больно разговорчив"- рассмеялся в свою очередь гортупей-юнкер,-"дать ему кружку чая с лимоном,- пусть молодой опохмелится!"

Умяв пару бутербродов и запив их чаем, я уместился на одном сидении с Мишей Чернявским, моим большим другом и бывшим соседом по парте в 7 классе. Миша шел по стопам мужских членов своей семьи и был принят в Николаевское Инженерное Училище. Его отец, генерал Чернявский, был в это время Начальником Инженеров Варшавской крепости, а его старший брат, кадет 7 выпуска, уже перешел на средний курс это же училища. За дружеской беседой мы вспомнили старое доброе время и наших симпатий, учениц 1 Варшавской женской гимназии Наташу Петропавловскую и Лилю Заболотную. Вспомнили с умилением вечера и балы, на которых мы вместе танцевали фигурные танцы "а ля катр". Поздно вечером мы оба заснули на твердых сиденьях вагона, прикрывшись шинелями, под "звон" оловяных чашек, заменивших хрустальные бокалы в руках старших юнкеров.

Так мы доехали до Петербурга.

По прибытии в Морской Корпус я явился дежурному офицеру и был отправлен в помещение 3-й роты, т.е.дортуар гардемарин младшего специального класса. Там царила полная суматоха. В дверях спальни все время появлялись только что приехавшие из отпуска гардемарины с легким багажом в руках и, отыскав свою койку, принимались дало-вито раскладывать вещи в смежный с ней поместительный шкапчик. Приехавшие раньше весело расхаживали между коек, здороваясь с соплавателями своей группы и знакомясь с другими. Тут будет нелишним упомянуть, что коренные кадеты Морского Корпуса плавали в одной группе на легком крейсере "Аврора", кадеты окончившие сухопутные корпуса - на канонерской лодке "Хивинец", а студенты, гимназисты и реалисты - на канонерской лодке "Храбрый". Благодаря этому обстоятельству многие из нас встретились в спальне первый раз. Так как за летние месяцы плавания все "понюхали" немало морской соли, познакомились с морской службой и ее особенностями, а также уже сдали практические экзамены по роду специальностей, всякое деление на те или иные группы стушевалось.

Несмотря на относительный беспорядок царивший в спальне, начальство ни во что не вмешивалось и не делало никому никаких выговоров, ибо оно прекрасно сознавало, что к завтрашнему дню все утрясется и

прибретет обычный стройный характер. Только к 10 час.вечера были притушены огни и дежурный офицер, обходя койки и не повышая голоса, просил запоздавших гардемарин ложиться спать. Долго еще кругом раздавался приглушенный шопот соседей, но и он постепенно затих. Койка моя обладала всеми качествами необходимыми хорошему спартанцу, а поэтому не располагала к радужным мечтам. Мысли о будущем также отгоняли сон. Все было так ново,- обстановка, окружающие лица, наконец еще неизвестный режим. Было о чем подумать. В конце концов усталость взяла верх.

В 7 часов утра нас разбудил дежурный горнист. Засверкали до боли в глазах над головой яркие огни, притушенные на ночь. Появился дежурный по роте офицер. "Вставайте, господа, вставайте и не залеживайтесь!" негромко повторял он, обходя ряды коек. Я быстро вскочил, умылся и оделся. "Что день грядущий мне готовит?"-было певой мыслью.

Через полчаса рота была выстроена в одну шеренгу вдоль стены ротного зала, а прибывшие офицеры начали устанавливать нас по ранжиру в две шеренги. Тут мы впервые познакомились с нашим ротным командиром, полковником по Адмиралтейству Федоровым, невысокого роста, худощавым и подтянутым офицером. Он обратился к нам с краткой приветственной речью и напоминанием о необходимости соблюдения дисциплины в согласии с принятой нами присягой. Голос его был не из приятных и немного скрипучим, поэтому он в скором времени получил прозвище "Скрипка". Ввиду моего высокого роста я очутился на правом фланге третьим по счету, вокруг меня были все незнакомые лица. Пока офицеры устанавливали ранжир мы успели наскоро познакомиться. Вслед за этой процедурой нас тщательно выравняли, а ротный командир прочел список гардемарин в каждом из 8 отделений, на которые для удобства классных занятий была разбита вся рота в составе 198 гардемарин. Я попал в 6-е отделение младшей гардемаринской роты, по официальной номенклатуре Морского Корпуса за № 36, т.е.3-я рота,6 отделение.

К 8.30 утра наши юные желудки начали проявлять признаки недовольства и все мы были очень рады, когда нас строем провели в громадный столовый зал на утренний чай. Там мы по команде расселись за столы, 8 за каждым, с унтер-офицером старшей гардемаринской роты в качестве председателя или старшего за столом. За чаем мы представились ему и впервые услышали от него о неизвестных еще нам обычаях Морского Корпуса и его традициях. Это было наше предварительное посвящение в ритуалы Корпуса, существовавшие почти с его основания в 1701 году.

Здесь уместно будет дать краткое описание столовой, где одновременно и в положенное время кормятся все воспитанники Корпуса, включая начальство, нахдящееся при исполнении служебных обязанностей. Столовый зал свободно вмещал 3 гардемаринские и 3 кадетские роты с общим числом воспитанников, доходящим до 1100 человек, не считая

многочисленных офицеров за столом, расположенным в центре. Длина его, если не изменяет мне память, была около 400 фут, а ширина около 180 фут. Самый большой зал во всем Петербурге и несомненно во всей необъятной России. Поражало отсутствие каких-либо колонн, поддерживающих огромный потолок, ибо последний, по плану итальянского архитектора 18 столетия, был подвешен на огромных цепях, напоминавших якорные канаты. Конечно, такое крепление было незаметно внутри зала. С левой стороны от главного входа через Музей, знаменитый своими полотнищами с изображением морских баталий двух столетий, находился ряд огромных двух-этажных окон, обрамленных затейливыми инкрустациями. Справа от входа во всю длину зала на высоте второго этажа находились хоры, где обычно располагались с одной стороны музыканты, а с другой - гости, получившие почетные приглашения на праздники и балы. В самом конце от входа в зал была установлена модель брига "Наварин" длиной около 40 фут с всеми сложными подробностями парусного такелажа. Этот бриг в эпоху парусного флота являлся наглядным образцом вооружения военного корабля, а чугунные пушки, выглядывавшие из откидных портиков, безмолвно подчеркивали его мощь. Для нас этот бриг являлся, конечно, только слицетворением современников адмиралов Нахимова, Корнилова и Истомина, положивших свою жизнь за родину в Севастопольской кампании. В центре столового зала с левой стороны от главного входа, между окнами, находилась крупная бронзовая фигура Петра Великого, около 8 фут высотой, на широком пьедестале. Его орлиный взор охватывал весь обширный столовый зал.

После утреннего чая нас распустили и предложили каждому из нас пройти в свое отделение на предмет приема необходимых учебников и ознакомления с его составом. В отделение № 36 было зачислено 26 гардемарин, из них, к моей великой радости, 4 бывших кадета сухопутных корпусов плававших со мной на "Хивинце". Это обстоятельство с самого начала создало основную базу для особой дружбы между нами.

Нашим офицером-воспитателем был назначен лейтенант Одржеховский, видный и очень красивый офицер, зачисленный в постоянный штат Морского Корпуса. Впоследствии он оказался фатоватым и не очень умным человеком и поэтому никогда не пользовался у нас авторитетом.

Серьезные занятия по расписанию начались с 16 сентября. Преподавали нам, главным образом, морские офицеры-академики. Курс наук был очень обширен и включал 28 предметов, которые необходимо было осознать и постичь С 8.30 утра до полдня нам читали лекции по трем предметам и с 2 часов пополудни до 5.30 еще по двум. После ужина

с 7 до 9.30 вечера мы подводили итоги прочитанных лекций и делали свои записи. В 10 часов вечера мы обычно ложились спать, утомленные столь сложными науками. Высшая математика в применении к ряду астрономических и навигационных предметов имела первенствующее значение. Проверка знаний отдельных гардемарин производилась на репетициях три раза в учебный год, а средний балл, полученный ими по каждому отдельному предмету служил ключем к переводу в следующий класс.

Минимальным переводным баллом по математике, астрономии, теоретической механике, кораблестроению и всем предметам специализированного технического характера был 8 по 12-бальной системе. Оценка знаний ниже 8 вызывала переэкзаменовку, а три переэкзаменовки автоматически служили поводом оставления в классе на второй год. Вторичный же неуспех гардемарина грозил ему исключением из Морского Корпуса и переводом в один из береговых флотских экипажей со званием юнкера флота, равноценным вольноопределяющемуся унтер-офицеру. Правда, в связи с начавшейся в 1914 году первой Мировой войной и острым недохватом в кадровых морских офицерах это требование было позже понижено.

Наш преподавательский состав был на очень большой высоте. Заслуженные профессоры и доценты лучших Петербургских высших учебных заведений, гражданские учителя с большим стажем преподавания и поэтому в больших чинах, наконец - морские офицеры-академики и специалисты. Их лекции по большей части были захватывающе интересны и содержательны, поэтому учиться было сравнительно легко тем, кто серьезно относился к вопросам науки. Отношение преподавательского состава к нам было весьма корректное, но в то же время и очень строгое. Ловчилы и лентяи это очень быстро почувствовали на себе, ибо их уловки без труда раскрывались и их засыпали потом низкими баллами, до нуля включительно, что в свою очередь грозило им тяжелыми последствиями в конце учебного года. Конечно, как это бывает везде, отличительные черты характера каждого преподавателя в отдельности были весьма разнообразны.

В памяти невольно встает в первую очередь осанистая фигура преподавателя французского языка действительного статского советника Гризара. Всегда веселый, любезный и приветливый, большой любитель шуток и анекдотов, он был очень популярен в нашем кругу. По существовавшим в наше время правилам дежурный по классу гардемарин встречал преподавателя у двери при его появлении установленным рапортом. С Гризаром, ввиду чрезвычайной мягкости его характера, мы позволяли себе всякие чисто мальчишеские вольности. Так некоторые шутники одевали фуражку, вынимали из ножен палаш и, взяв его "подвысь" рапортавали французу по-французски, заканчивая рапорт словами: "Вив ля Франс э ля Рюсси э мосье Гризар осси!" Будучи в исключительно

хорошем настроении после такой встречи, он неизменно начинал свою лекцию очередным анекдотом, причем по окончании его первым заразительно смеялся. После этого все принимало нормальный характер и он переходил к делу. Его внимательно слушали и учились по совести.

Совсем другим человеком был преподаватель английского языка мистер Тэрнер. Очень высокий, сухой как палка, почти лысый, человек проглотивший аршин, с окаменелым выражением на лице, сухарь и формалист, он не вызывал к себе никаких симпатий. Учил он нас хорошо, но часто пересаливал в отношении произношения. Многие из нас знали английский язык раньше и некоторые из них пробовали извести его, нарочно коверкая произношение. Но тут нашла коса на камень: Тэрнер, сохраняя свое олимпийское спокойствие, ставил в журнале против фамилии виновных такие низкие баллы, как 0, 2 или 4. Этим одним росчерком пера он ставил насмешников под удар и угрозу переэкзаменовки в конце года. Когда он таким решительным, если не сказать жестоким способом отучил нас от шалостей, занятия пошли нормально. Надо прибавить справедливости ради, что он был совсем неплохим человеком, что впоследствии подтвердилось на выпускных экзаменах. Потом у нас всех была причина благодарить его за его строгость.

Чарующее воспоминание оставил на нас старейший офицер упраздненного в наше время корпуса флотских штурманов, генерал-маиор Конюшков, бывший старший штурманский офицер Императорской яхты "Штандарт". Это был добрый, приветливый и знающий специалист, который за свою долгую военно-морскую службу составил ряд блестящих руководств по навигации и лоции, науке, посвященной изучению местных особенностей во всех частях света, как то: глубины, приливы и отливы, конфигурация данной местности и т.д. Несмотря на почтенный возраст он сохранил изумительную память и, руководствуясь элементарными данными собранными в голове, мог в любое время определить скажем, высокую воду в африканском порту Танжир, не пользуясь ни логарифмами, ни морскими таблицами. Его рассказы о службе в прошлом были настолько увлекательны и интересны, что повести Станиюковича и американского морского писателя Конрада теряли свой блеск. Мы всегда с затаенным интересом следили за шествием генерала по корридору через "компасный зал". Весь пол этого небольшого и круглого зала, ведущего в ряд других корридоров, был устлан деревянной мозаикой разноцветного твердого дерева и изображал компасную картушку размером около 18 фут в диаметре. В то время как корпусные офицеры и гардемарины при необходимости пройти этот зал беспечно шли по прямой линии через нее, генерал Конюшков старательно обходил по ее периметру, стараясь не наступить на обозначенные на ней румбы, т.е. направления.

Когда, тронутые таким деликатным обращением с компасной картушкой, мы спросили генерала в почтительной форме почему он не идет прямо через нее, он негодующе ответил: "Молокососы! Неужели вам до сего времени непонятно, что эта картушечка кормила меня всю жизнь! Ее надо уважать и обходить, а не попирать своими грязными ногами. Придет время и вы поймете это!" Его негодующее заявление так подействовало на нас, что и мы стали обходить ее, а гардемарины при исполнении тех или иных служебных обязанностей, отдавали ей честь при обходе ее. Как это звучит стариной и сколько созидательных мыслей в этой поистине благородной традиции! Можем ли мы забыть достопочтенного генерала Конюшкова, отдавшего все свои силы и знание служению Родине и нашему Флоту?

Другой интересной фигурой в нашем преподавательском составе был капитан 1 ранга Гроссман, непревзойденный специалист по минному делу. Занятия и практические учения обычно происходили в специально оборудованном минном кабинете. Это была большая комната, на полу которой были установлены на станках самодвижущиеся мины "Уайтхеда" последних моделей, мины заграждения, отдельные части сложных механизмов для их практической разборки и сборки, и подрывное оборудование. Капитан 1 р. Гроссман чител свои лекции нестолько увлекательно, что все мы полюбили этот предмет. Квинт-эссенцией его преподавания была практическая демонстрация разборки и сборки "в слепую" прибора "Обри" - механизма, контролирующего движение мины Уайтхеда по намеченному направлению к цели после выстрела из минного аппарата. Прибор этот состоял из более чем ста частей, включая винты, винтики, прокладки и восьмигранные гайки. Демонстрация эта по своему характеру была близка к священнодействию. Гроссман снимал свой китель и одевал длинный белый халат, а старший минный унтер-офицер Пасечник, его помощник и заведующий минным кабинетом, с торжественным видом надевал ему на глаза черную шелковую повязку и одновременно замечал время по часам. И вот, стоя у стола на котором лежал прибор "Обри", капитан 1 ранга Гроссман быстрыми движениями начинал его разборку при помощи ряда инструментов, осторожно укладывая в известном порядке снятые части. Когда в его руках оставался только пустой бронзовый корпус, он продувал его при помощи шланга со сжатым воздухом, быстро протирал движущиеся части марлей, смоченной в касторовом масле и принимался за сборку. Его работа была настолько искусной, что он во время демонстрации был больше похож на фокусника. На нас он неизменно производил сильное впечатление, ибо весь цикл разборки и сборки занимал в среднем только 32 минуты. Говоря о минном кабинете было бы несправедливо не упомянуть опять имени старшего минного унтер-

офицера Пасечника. Это был замечательно симпатичный, скромный и услужливый матрос и тоже непревзойденный знаток своего дела. По наружности жгучий брюнет, красивый, статный и подтянутый, он фактически был правой рукой Гроссмана. Бывали случаи, когда посредине лекции, капитан 1 ранга Гроссман, по своей структуре очень полный офицер с основательным брюшком, устало садился и вытирал потный лоб платком. Тогда, слегка улыбаясь, он обращался к Пасечнику со словами: "А ну ка,братец, продолжай мое изложение". Пасечник вытягивался и, принимая серьезный вид, продолжал лекцию без запинки. Гардемарин он тоже любил и всегда старался помочь им в их затруднениях, особенно на практических экзаменах. В такое время довольно часто можно было слышать недовольный голос капитана 1 ранга Гроссмана: "Пасечник, не подсказывай!"

Очень заметной фигурой в нашем преподавательском составе был также старший лейтенант Хлюстин. Всегда с иголочки одетый, очень аккуратный во всех отношениях, джентельмен высшей марки, знаток своего дела, он преподавал нам девиацию компасов, т.е.отклонение магнитной стрелки под влиянием стального корпуса корабля, а также естественных залежей железной руды, так называемых магнитных аномалий и отклонений. Предмет этот был очень сложный и требовал основательных знаний математики. Тем не менее в его талантливом изложении он постигался нами без особого труда. Для практического определения и уничтожения девиации компасов у нас был также специальный кабинет, где были установлены самые разнообразные компасы современных образцов. Перед допуском гардемарин в кабинет для практических занятий, ст.лейт.Хлистин обычно появлялся там первым и умышленно переставлял магнитные бруски, служащие для уничтожения девиации, тем нарушая баланс уже поправленных компасов, и часто приносил с собой в дополнение стальные бруски значительного размера, незаметно устанавливая их в различных местах кабинета. Такие манипуляции давали нам головоломную работу, за которой он наблюдал сидя за своим столом. Когда какой-либо гардемарин не мог справиться со своей задачей, ст.лейт.Хлюстин обычно делал наглядную демонстрацию того или другого метода уничтожения девиации. Умение определить и уничтожить девиацию на любом военном корабле является прерогативой соответствущего штурманского офицера, но любой морской кадровый офицер в известной обстановке должен также уметь справиться с этой проблемой. Могу к этому прибавить с известной гордостью, что исключительно талантливый ст.лейт.Хлюстин справился со своей задачей и ко времени выпуска из Морского Корпуса и соответствующих практических экзаменов, все гардемарины могли выполнять обязанности младших штурманов.

Говоря о науках связанных с мореплаванием, нельзя не упомянуть нашего маститого преподавателя навигации, капитана 2 ранга Шейковскаго, а с 1914 года и нашего ротного командира. Красивый брюнет среднего роста с холеной бородкой и шикарным пробором, с задорно веселыми глазами и улыбкой не сходящей с его лица, он был в то же время и незаурядным навигатором. Превосходный чертежник и математик, он воспроизводил карту любой части света на классной доске со всеми необходимыми подробностями по памяти, не заглядывая ни в какие руководства. Изящными штрихами на доске он тут же прокладывал намеченный курс корабля, делая все поправки в уме без применения бумаги и карандаша, как это делали все навигаторы. Попутно он описывал особенности бараговых линий, наносил очертания маяков и отличительных береговых построек, объяснял нам влияние ветра того или иного направления на местные приливы и отливы и проставлял глубины моря на воображаемом курсе корабля. Память его была совершенно изумительной и он был в состоянии решать сложныя математическия задачи высшего порядка в уме, что постоянно и демонстрировал. Как ротный командир он также оказался на большой высоте. Длинные, сухие и скучные речи полковника Федорова сменились короткими, отчетливыми и ясными приказаниями, даваемыми в бодром и веселом тоне, не без примеси известной доли юмора. Это в свою очередь бодрило усталых от занятий гардемарин и вызывало хорошее настроение. По существовавшей в Морском Корпусе традиции, капитан 2 ранга Шейковский все же получил безобидное прозвище, а именно "Сашка Черный".

Чтобы закончить описание особенностей нашего преподавательского состава я обойду молчанием рад лиц, не выходивших из обыденной рамки. Таких много в любом учебном заведении и они никакого интереса не представляют. Все не могу не упомянуть в дополнение к характеристике преподавателей приведенных выше, фамилию молодого и блестящего приват-доцента Политехнического Института князя Авалова, который обучал нас химии и структуре взрывчатых веществ. Невзрачный на вид, но энергичный и красноречивый, он с любовью и энтузиазмом к своему предмету последовательно знакомил нас со сложными структурными формулами начерченными на доске. Когда он говорил, энергично жестикулируя, эти формулы как-бы оживали и получали важное значение. Менделеева он боготворил, а периодические таблицы элементов, созданные нашим знаменитым соотечественником, были настольной библией князя Авалова. Интерес к химии как живой и многообещающей человечеству науке, возбудил наш общий интерес и желание проникнуть и дальше в ее загадочные тайны, поэтому весь наш класс относился к этому предмету с должным уважением и старательно учился.

Так талантливый, знающий и энергичный преподаватель своим умелым подходом к любимому предмету заразил и нас своим энтузиазмом. Напрашивается вопрос: а много ли было таких талантливых преподавателей? Интересно, что впоследствии, уже будучи в эмиграции, несколько гардемарин нашего выпуска, окончив различные университеты странах своего рассеяния, стали учеными профессорами этих университетов, а два из них даже приобрели мировое имя.

Заканчивая очерк связанный с нашим преподавательским составом, я хотел бы обратить внимание читателей на некоторую аномалию в отношении гардемарин к своим воспитателям, зачисленным в постоянный штат Морского Корпуса и флотским офицерам, прикомандированным к нему только для чтения лекций. Офицеры постоянно зачисленные в штат носили погоны с белым просветом и кантом и считались нами "береговыми крысами", теряющими свой плавательный стаж и поэтому отношение к ним не всегда было доброжелательным. Лекторы же сохранившие черный просвет на погонах, как кадровые офицеры Флота продолжавшие свою активную морскую службу, считались нами передовыми морскими офицерами, которым мы оказывали всевозможные знаки внимания. Может быть такая разница в отношениях к этим двум группам офицеров и не имела серьезного основания, но все мы стремились на корабли боевого флота, поэтому его передовые офицеры служили для нас тем идеалом, который создался в нашем воображении.

Выходя из рамок научной подготовки гардемарин и кадет Морского Корпуса и переходя к вопросу их взаимоотношений, могу открыто заявить, что основной базой или фундаментом таковых было прежде всего взаимное уважение. Это уважение проявлялось как во внешней, так и во внутренней формах. При встрече на улице старшего, младший вытягивался и отчетливо отдавал ему честь. В обширных помещениях Корпуса младший при проходе старшего неизменно вставал и становился смирно, Все это делалось добровольно и с полным сознанием своего достоинства. Никакого цука, столь распространенного в некоторых военных училищах, у нас не было. Он был устранен еще в давно минувшие времена самими старшими гардемаринами как несовместимый с достоинством подростающего и поэтому весьма чуткого к таким проявлениям юноши. Все что требовалось от него - это уважение к старшим, повежение в соответствии с веками установившимися традициями, лояльностью к своей корпорации и морской семье.

Серьезные нарушения этих простых правил неизбежно обсуждались судом чести, избранным старшими гардемаринами и суд чести, через фельдфебеля докладывал свое решение и рекомендацию начальству. В

зависимости от своего проступка виновному тогда: 1)объявлялся выговор перед строем роты; 2) он подвергался аресту на время, установленное начальством; 3) исключался из Корпуса с черным билетом. В мое время было только два случая такого исключения за неблаговидные поступки. Авторитет суда чести и его влияние на поведение всех воспитанников был огромным и он также пользовался полным доверием начальства.

Отпуска в город и личные письма доставляли нам особую радость, ибо они нарушали монотонность довольно суровой жизни и вносили свежую струю в наше поглощенное наукой мышление. Отпускали нас в город по праздникам, а также субботам и воскресеньям. Гардемарины, имевшие в Петербурге близких родственников или хороших знакомых, пользвались правом ночевать у них с субботы на воскресенье. Это давало им полный отдых втечении почти 36 часов.

Выходное обмундирование (первый срок) было красиво, элегантно и отлично пригнано. Смущали нас только казенные сапоги и палаши. Поэтому начальство разрешило нам приобретать эти вещи на стороне и пользоваться ими в отпуску. Конечно, все мы пользовались этой вольностью и даже гордились собственными вещами. С этим дополнением по своему выбору мы могли свободно посещать любой аристократический дом в Петербурге, не испытывая никакого неудобства. Нас часто приглашали на танцевальные вечера, в театры и частные дома, где мы имели возможность встречаться не только с прелестными барышнями, но и с молодыми офицерами гвардейских полков Петербургского гарнизона, а также с юнкерами всех военных училищ. Такие скромные удовольствия, столь различные от установленного в Корпусе режима, служили новой зарядкой для наших истощенных "батарей",а вместе с ней восстановлением наших моральных сил и юного энтузиазма.

Исключительно важным и торжественным днем в жизни всех воспитанников был годовой праздник Морского Корпуса 6 ноября ст.ст.в память св.Павла Исповедника, духовного покровителя Корпуса. Этот день также совпадал с восшествием на престол Императора Павла Петровича в 1796 году и был с тех пор установлен как праздник тогдашнего Морского Шляхетного Крпуса. Этот день также неизменно отмечался во всем Флоте. В кают-компаниях и морских собраниях, везде морские офицеры чествовали свою общую "колыбель" и сливались душой в своих ярких воспоминаниях о незабвенном прошлом. В самом Морском Корпусе праздник состоял из трех частей. Утром — богослужение в церкви и парад в столовом зале, затем днем — парадный обед с традиционным гусем и вином и, наконец, вечером блестящий бал, на который съезжалось

до четырех тысяч гостей. Этот бал являлся сигналом к открытию зимнего сезона увеселений в столице и на нем неизменно присутствовал Государь Император, члены Императорской Фамилии и все высшее начальство. Я не буду останавливаться для перечисления всех событий, связанных с этим торжественным днем, ибо он был уже описан со всеми подробностями в блестящей форме офицером моего выпуска лейтенантом Леонидом Павловым, талантливым писателем, в журнале "Военная Быль" № 63 в октябре 1958 года. Могу в дополнение сказать, что бал 6-го ноября 1913 года был последним в длинной и интересной истории нашего незабвенного Морского Корпуса. С началом первой Мировой войны в 1914 году все балы и развлечения были отменены по воле покойного Государя Императора. Жизнь Морского Корпуса с этого времени приобрела спартанский характер.

Программа обучения была значительно расширена, чтобы выиграть столь важное время, ибо враг не дремал, а наш Флот начал быстро пополняться, в согласии с большой судостроительной программой, кораблями, начиная с дредноутов и кончая миноносцами и подводными лодками, что в свою очередь вызвало острый недостаток в кадровых морских офицерах.

Но я невольно забежал вперед. На Рождество 1913 года мы с братом снова были в Варшаве, где и провели, не зная этого, свой последний отпуск в кругу семьи и близких друзей. Ничто в то время еще не указывало на приближение катастрофы, которой оказалась Первая война. Варшава сохраняла свой спокойный, размеренный и веселый образ жизни,- мириады огней, нарядная толпа гуляющих, балы, вечеринки, театры и прочее. К этому времени мой покойный отец вышел в отставку и, получив очередные правительственные награды, начал подготовку планов на переезд всей семьи в город Старая Русса Новгородской губернии, место рождения наших предков по мужской линии.

По возвращении в Морской Корпус я снова с головой погрузился в науки. Благодаря серьезному отношению и интересу к ним и тщательной подготовке к репетициям у меня не было однозначных баллов, кроме одного, а именно по английскому языку. Случилось это по причине моего столкновения с преподавателем английского языка в отношении произношения, что и отразилось в годовой восьмерке в младшем гардемаринском классе. В дальнейшем наши отношения немного поправились, но больше десятки он мне никогда не ставил. Так в серьезном обучении наукам прошел остаток первого учебного года.

В конце мая 1914 года старший гардемаринский выпуск был произведен в офицеры, а мы перешли в среднюю гардемаринскую роту и были отправлены в очередное плавание. Сначала вся наша рота плавала на броненосном крейсере "Россия", водоизмещением в 13.350 тонн, где мы проходили главным образом практические артиллерийские стрельбы, включая и боевые. В июле месяце мы были разделены на группы и переведены на другие суда. Моя группа была назначена на учебное судно "Воин", на котором мы практически изучали главным образом навигацию и предметы связанные с нею. Там же мы уже начали нести самостоятельные вахты под наблюдением своих офицеров. В конце июля, по заранее подготовленному расписанию, мы вышли в море для похода в Копенгаген, столицу Дании, но, уже будучи в шведских водах, получили срочное приказание по радио немедленно возвратиться форсированным ходом, придерживаясь береговой линии финских шхер. Этот маневр, к счастью, нам удался несмотря на начало войны и активность, проявленную с самого начала немецким флотом. Так мы избежали серьезной опасности, ибо "Воин" был только слабо вооруженным и тихоходным кораблем, приспособленным главным образом для практических занятий и, поэтому, никакой боевой ценности не имел.

Ввиду того, что с началом войны все отпуска были отменены, нас по окончании второго сезона практических плаваний отправили прямо в Корпус, где после трехдневного отпуска начались усиленные занятия. Программа дня стала еще полней, а время для подготовки к репетициям еще короче. По этой причине многие гардемарины оставались в Корпусе в воскресные дни, чтобы заполнить свои пробелы и в город почти не ходили. Так пролетело первое полугодие второго учебного года.

6 декабря 1914 года по воле Государя Императора был неожиданно произведен в офицеры старший гардемаринский класс, а мы заняли его место. Одновременно в этот день Государь Император пожаловал Корпусу Шефство Наследника Цесаревича и это историческое "гнездо Петрово" стало оффициально именоваться "Морский Е.И.В.Наследника Цесаревича Корпус", а гардемаринские погоны обогатились золотым накладным вензелем "А" перевитым якорем. Наши рождественские каникулы были сокращены до трех дней и гардемарины могли выезжать из Петербурга только по специальным разрешениям сроком на 48 часов.

Несмотря на такое ограничение, мне все же удалось побывать на несколько часов в Старой Руссе, куда к этому времени уже переехала вся наша семья. Наша обширная варшавская квартира, вместе с мебелью, осталась на нами, но была временно передана в распоряжение военных властей для удобства приезжавших по делам офицеров. Последним членом

нашей семьи, который имел случай воспользоваться этой чудной квартирой в доме № 48 по Маршалковской улице, угол Кошиковой, был мой брат Александр, который прибыл со своим полком для пополнения в Варшаву в конце сентября 1914 года после тяжелых боев под городом Сольдау в Восточной Пруссии в армии генерала Самсонова. Увы, из окружения вышла только небольшая часть Кексгольмцев, около 2 рот. Я до сих пор сохранил письма как самого Александра, так и наших общих друзей, описывающих его радость по прибытии в родное гнездо. Там разместилось и его начальство и многие младшие офицеры (квартира была из 8 комнат). Увы, через три дня, только частично пополненный Кексгольмский полк был брошен на фронт вместе с полками 4 Сибирской стрелковой дивизии и второочередными полками навстречу наступавших немцев. При спешном проходе полка на фронт по улицам Варшавы жители польской столицы устроили ему манифестацию. Его забросали цветами, женщины обнимали и целовали отдельных солдат и офицеров, а мужчины кричали "виват!" В результате, немцы подошедшие на 4 версты к окраинам Варшавы с юго-запада были ценой огромных потерь с нашей стороны отбиты и принуждены отступить на 30 верст. Варшава была спасена на этот раз кровью лучших сынов нашей родины.

Сам Александр был ранен в первом же бою в левую ногу, но отказался эвакуироваться и остался в строю. В последующем бою под местечком Тарчин, в 27 верстах на запад от Варшавы, он был убит тремя пулями в живот, когда несколько немецких блиндированных автомобилей вооруженных пулеметами ворвались в передовую цепь полка. Рота Александра была окружена и с большими потерями все же прорвала немецкое кольцо. Тело Александра вынести не удалось, о чем свидетельствует письмо, присланное мне в Морской Корпус его ротным командиром. Так доблестно погиб в бою с врагом русский юноша, родившийся в Варшаве, окончивший Суворовский кадетский Корпус (7 выпуска) и отдавший свою жизнь, защищая Варшаву до конца. Я надеюсь, что однокашники-Суворовцы простят мне столь обширное отвлечение от общей темы этого изложения, ибо подробности приведенные мною выше, только подтверждают тот поистине "Суворовский дух",который всем нам привил наш родной и незабвенный Корпус.

Известие о гибели старшего сына тяжело отразилось на состоянии здоровья моих родителей, особенно отца. Он стал заметно таять и терять свои силы с этого дня. Моя же младшая сестра Ольга,к этому времени окончившая гимназию, поступила на курсы сестер милосердия и впоследствии была отправлена на Кавказский фронт.

Занятия в Морском Корпусе в 1915 году постепенно приобрели еще более интенсивный характер. Начальство из всех своих сил старалось

выиграть время и довести нас до выпуска в рекордный срок, ибо Флот очень нуждался в кадровых офицерах. К этому времени в Балтийском море вошла в строй только что законченная постройкой группа самых современных дредноутов, получившая именование 1-й бригады линейных кораблей, а именно: "Гангут","Полтава","Петропавловск" и "Севастополь". Эти гиганты водоизмещением в 23.500 тонн и главной артиллерией в 12 двенадцатидюймовых орудий с дальностью до 11½ морских миль и ходом до 23½ узлов, представляли из себя сильную угрозу мощному немецкому флоту, а значительное число новейших и прекрасно вооруженных эскадренных миноносцев типа "Новик" (36 по судостроительной программе) и подводных лодок типа "Львица", а также ряда тральщиков, быстро меняло соотношение сил на море в нашу пользу. Осторожный и нерешительный с самого начала войны враг стал еще осторожнее, а наши корабли начали маячить у его берегов и ставить на путях его сообщений большие минные заграждения, что в свою очередь вызвало потерю им нескольких боевых кораблей и поставило под угрозу всю его коммерцию со Швецией, оставшейся нейтральной (ввоз в Германию железной руды, нефти и съестных припасов). Черноморский Флот также заметно усиливался. Только что вошел в строй дредноут "Императрица Мария", достраивались дредноуты "Императрица Екатерина Великая" и "Император Александр Третий".

В конце мая 1915 года мы, наконец, держали выпускные экзамены и получили полноценные дипломы об окончании высшего специального учебного заведения. Несмотря на это нас не произвели в мичманы, а отправили в третье учебное плавание старшими гардемаринами для дополнительного изучения навигации и морской описи,т.е.съемки берега. Центральным пунктом нашего расположения был остров Биорке в финских шхерах, миль 75 на запад от Петербурга. Там мы практиковались уже самостоятельно, а наши работы по возвращении на базу только там проверялись офицерами и получили свою оценку. Как сейчас я помню, что в это время мы очень нервничали и волновались. Всем было ясно, что производство в офицеры не за горами. Хотелось поскорее одеть офицерский мундир, попасть на боевой корабль и принять непосредственное участие в войне на море. Поэтому наука в этот выжидательный период постигалась туго. Кроме этого, большинство из нас уже выдержало выпускные экзамены. Из 172 выпускных старших гардемарин 151 прошло что называется "в чистую",а 21 были назначены переэкзаменовки, что впоследствии задержало их производство. Наконец, 20 июля 1915 года приказом по Морскому Ведомству мы были произведены в корабельные гардемарины и на посыльном судне отправлены в Петроград.

По прибытии в Морской Корпус мы узнали, что наше производство в мичманы приурочено к 30 июля, дню тезоименитства Наследника Цесаревича, Великого Князя Алексея Николаевича, нашего Шефа. Производить будет сам Государь Император в Царском Селе, куда мы будем доставлены во главе с Морским Министром Адмиралом Григоровичем. Конечно, нашей радости этому не было конца. Другой приятной новостью было, что нам дали 10-дневный отпуск, но без права выезда из Петрограда. Жить до производства мы могли в дортуаре старшей гардемаринской роты с правом выхода в город для устройства своих дел в любое время при условии возвращения в помещение не позже 11 часов вечера, порядка ради. Кроме этого всем нам выдали нашу часть экономических сумм последнего плавания, что позволило нам сделать предварительные закупки наличными до получения положенной суммы после производства в мичманы. Эти несколько дней относительной свободы дали нам также возможность повеселиться и посетить своих знакомых, ибо мы знали, что после производства все без какой либо задержки будут отравлены на свои корабли. Лично я мечтал попасть на один из новейших эскадренных миноносцев 1 минной дивизии Балтийского моря, ибо увлекся минным и подрывным делом. Кроме этого, служба на относительно небольшом военном корабле с комплектом от 5 до 7 офицеров была гораздо интереснее и легче, чем на большом корабле с комплектом от 40 до 60 офицеров. Правда, благодаря энергичным боевым действиям минного флота. служба на них была значительно опаснее, но это соображение нисколько не беспокоило мою молодую и полную энтузиазма голову.

Так незаметно подошло и 30 июля - день нашего производства. К 10 часам утра, согласно заранее полученной инструкции, весь выпуск 1915 года собрался на платформе Царскосельского вокзала со своими офицерами и высшим морским начальством. Стояла прекрасная солнечная и теплая погода. Со стороны - зрелище было необыкновенной красоты и импозантности, редкое даже в Петрограде. Сто пятьдесят юношей в белоснежной, отлично пригнанной летней морской форме при позолоченных палашах, стройных, подтянутых и веселых, сгруппировались на главной платформе в ожидании дальнейших распоряжений высшего начальства. В последний раз построились для переклички. Незаметно подошел литерный поезд, состоявший из темно-синих вагонов с царскими вензелями и коронами. По команде мы заняли по способности все купэ, по 4 человека в каждом. Поезд плавно двинулся и, развивая скорость, мягко пошел по отлично проложенному пути. Через полчаса незаметно прибыли в Царское Село, где и вышли на платформу. У выхода уже сто-

яла длинная вереница царских троек с ямщиками в форменном одеянии, обшитом золотом и черными орлами. Усаживались по способности и уже через 10 минут были у входа в Александровский дворец. Тут нас уже ожидали корабельные гардемарины Морского Инженерного Училища, также прибывшие для производства. Начальство поставило нас в карэ с открытым фронтом в сторону выхода из дворца. Инженер-механики стали на нашем левом фланге. Высшее начальство, во главе с Морским Министром Адмиралом Григоровичем и Директором Корпуса контр-адмиралом Карцевым, сгруппировалось посередине, лицом к выходу. Около 11 часов утра раздалась команда "смирно!" Все застыли.

По каменной лестнице вниз спускался Государь Император с небольшой свитой. Рядом с Ним и немного позади шел матрос Деревенько, дядька Наследника Цесаревича и нес Его на руках. Государь медленно обошел фронт, пытливо заглядывая в лица своих будущих офицеров, изредка останавливаясь и задавая вопросы. Затем Он вышел на середину карэ и обратился к нам с речью, в которой подчеркнул необходимость довести войну до победного конца и выразил надежду, что все мы оправдаем Его доверие. Закончил Он свои краткими словами:"поздравляю вас, господа, с производством в мичманы". Ответом было громовое "ура".

Перед строем появился дежурный флаг-офицер Морского Министра, а за ним два матроса с корзиной мичманских погон и поименным Высочайшим приказом о производстве. Государь медленно поднялся по лестнице во дворец в сопровождении Наследника Цесаревича и свиты, а мы стали одевать новые погоны, помогая в этом друг другу. Я также обратил внимание, что ко времени начала речи Государя на террасу дворца вышла Государыня Императрица и все четыре Великия Княжны и стали в одну линию лицом к нам. Все были одеты в легкие изящные летние платья бледно голубого цвета, гармонирующие с очертаниями Их лиц. Сам Государь, в форме свитского капитана 1 ранга, выглядел очень усталым и заметно состарившимся. Лицо Его было бледно и печально. Чувствовалась великая тяжесть Его ответственности в управлении нашей обширной родиной во время тяжкой войны.

Когда все улеглось и мы были уже в новых погонах, генерал граф Фредерикс, Министр Императорского Двора вышел на террасу и широким жестом от имени Императорской Фамилии пригласил нас на завтрак "а ля фуршетт". Поднявшись по лестнице, мы очутились в громадном зале с длинными столами заставленными всевозможными закусками, которым мы и отдали должное. Как сейчас помню, я увлекся непревзойденным салатом "Оливье",а до других блюд не дотронулся. Великие Княжны, мило улыбаясь, изредка обходили столы и поощряли наши молодые аппе-

титы, а ливрейные лакеи разносили морс и кофе. Когда молодежь основательно насытилась нас пригласили предстать перед Государыней Императрицей, которая ласково улыбаясь, благословляла нас, коленопреклоенных перед Ней, серебряными образками с надписью "Спаси и сохрани". Так закончился памятный на всю жизнь день производства в офицеры.

Из дворца на станцию нас, по способности, доставили уже не царские тройки, а автомобили. По прибытии в Петроград Морской Министр собрал нас на платформе, поздравил с производством в мичманы и приказал к 12 часам ночи всем отправляться по назначению. Осталось только время на товарищеский обед в клубе Армии и Флота, где все мы встретились уже в последний раз. А уже через несколько дней ненасытное чудовище — война вырвала из "белого строя" свои первые жертвы.

Мы перестали быть только учащейся молодежью, а стали ответственными защитниками своей великой Родины.

О своей военно-морской службе в офицерских чинах я расскажу в следующий раз.

Владимир Ястребов-Боус (8 вып.)

Дополнение.

Просматривая законченную рукопись этой статьи, я обнаружил один весьма досадный пробел, который мне хотелось бы пополнить. Речь идет о вековой традиции свято соблюдавшейся в Морском Корпусе каждым новым выпуском старших гардемарин, а именно о красочных "похоронах Альманаха". В некоторых чертах эта церемония была похожа на традиционные ночные парады и передачу "Звериады", существовавшие во всех сухопутных корпусах. Однако "похороны Альманаха" по своему масштабу, красочной помпе и торжественному ритуалу радикально отличали ее от полушутливых ночных парадов.

Здесь будет уместно дать обьяснение о том что же представлял из себя " The Nautical Almanac"Эта увесистая книга представляет из себя ежегодное издание британского Адмиралтейства, которым пользуются мореплаватели всего мира. В ней собраны и систематизированы все наиболее важные данные, связанные с навигацией в любой части земного шара с точным указанием и цифрами на каждый день года, как например, высокой и низкой воды в любом порту, в связи с фазами луны и зависящими от них приливами и отливами; азимутами различных звезд для астрономического определения места корабля в открытом море или океане; магнитные аномалии; особенности некоторых береговых линий в особо опасных местах и многое другое. Таким образом, это общеприз-

нанное и черезвычайно ценное руководство имеет универсальный характер и вместе с логарифмическими мореходными таблицами представляет из себя некоторое подобие морской библии для мореплавателей. По этой причине альманах был постоянным и непременным спутником гардемарин на всех лекциях, связанных с рядом навигационных наук и ко дню окончательных экзаменов становился чем-то неотъемлемым, родным и близким. Богатое же воображение усердных юношей постепенно вылилось в его человеческое олицетворение, а с ним и отличительную фамилию: "Сэр Нотикел Олменек". Последний экзамен и близкое производство в офицеры невольно наводило на грустную мысль о близкой разлуке со своим старым другом, ибо нам было хорошо известно, что на боевых судах Флота штурманские офицеры-специалисты, окончившие дополнительно соответствующие офицерские классы при Академии (двухгодичный курс, звание старшего штурмана и ученый знак на правой стороне),ревниво охраняли такие реликвии от "тлетворного прикосновения к ним" легкомысленных и недостойных по их просвещенному мнению "зеленых" мичманов. Отсюда, по-видимому и создалась в свое время мысль о похоронах своего истинного друга, вылившаяся постепенно в важнейшую традицию.

И вот, за три месяца до выпускных экзаменов во всех коридорах, дортуарах и классных помещениях появлялись плакаты на английском языке с извещением о том, что "Сэр Альманах" внезапно и серьезно заболел. Ниже приводилась его температура, пульс и авторитетное мнение воображаемых врачей. Гардемарины делали печальные лица, начинали говорить шопотом и сурово останавливали невинные проказы "детей" т.е.кадет младших рот. В курилках же специально назначенные для этой цели гардемарины в печальном тоне цитировали выписки из книги "бытия",воображаемые подвиги именитого "Сэра Альманаха",привлекшего на свою сторону неземной красотой всех русалок со дна морского и пленившего с их помощью самого царя Нептуна. Как это всегда бывает, у каждого из них были свои вариации, поэтому их изложение имело для слушателей захватывающе интересный характер. Смеяться во время таких рассказов считалось по традиции очень плохим тоном и провинившихся обычно удаляли из курилки. Были и такие случаи когда сам рассказчик, увлекшись своими необычайными повествованиями начинал прыскать от смеха и тем заражал свою аудиторию. Тогда с него снимали остроконечный колпак "мудреца" и лишали его права представительства на церемонии похорон.

С течением времени и приближения окончательных экзаменов на стенах появлялись новые плакаты с извещением, что больной чувствует себя хуже, а его давление крови прогрессивно увеличивается. Начальство, которое в свое время тоже участвовало в этой церемонии, прос-

то не замечало этих плакатов и проходило мимо них "как слепое". В конце концов достопочтенный "Сэр Альманах" неизменно умирал перед последним экзаменом, но день его похорон держался в строжайшем секрете. О нем гардемарины узнавали только под вечер дня приуроченного к этой церемонии.

Так как ко времени нашего выпуска положение как на всех фронтах, так и на море было очень напряженным, у нас не было ни времени ни желания проводить эту церемонию со всеми онерами по старинке. Поэтому наш выпуск, по взаимному соглашению, решил соблюсти только основные и упрощенные формы церемонии. Однако, для того чтобы не лишать ее своей красочности, я позволю себе привести в сокращенной форме рассказ о ней своего бывшего командира эскадренного миноносца "Бодрый" ст.лейтенанта Соловьева, выпуска 1908 года. Цитирую соответственную запись из своего дневника, подписанную им, достоверности ради:

"К 11 часам ночи уполномоченные комитетом гардемарины обычно запирали на ключ комнаты дежурных по ротам офицеров, а гардемарины явочным порядком бесшумно шли в столовый зал, где и становились шпалерами на пути предстоящего шествия. Кадеты, как "несознательный еще элемент" на эту церемонию не допускались из боязни непредвиденных шалостей. В 11.30 главный церемониймейстер открывал дверь ведущую в музей и три раза громко стучал посохом по полу. Присутствующие гардемарины тогда становились смирно и в столовой воцарялась мертвая тишина. Первым в дверях появлялся сам царь Нептун в сопровождении своей свиты в красочных одеяниях востока. Он медленно шел с высоко поднятой головой, опираясь на огромный трезубец и поддерживаемый с обоих сторон эмирами и шейхами. Его длинную седую бороду, доходившую до пола, несли евнухи. Многочисленная свита следовала в нескольких шагах сзади, поражая зрителей блеском и пестротой своих одеяний. Вслед за ней в дверях появлялось нечто вроде носилок, поддерживаемых тремя фельдфебелями гардемаринских рот и знаменщиком Корпуса в парадном обмундировании. Сверху носилок, покрытых траурным крепом, высился большой кристальный шар. Шествие останавливалось посередине зала, а носилки устанавливались на большом столе. Вслед за этим старший церемониймейстер в красочном одеянии цвета морской волны становился сзади них и декламировал подобающую этой церемонии речь в стихах. В ней он упоминал о том, что "Сэр Альманах" умирая завещал всем последующим выпускам Морского Корпуса свято блюсти эту веками освященную традицию "в назидание потомству" и что он был горд отличным составом настоящего выпуска и ожидал от него непоколебимого выполнения всех обязанностей в отношении родной суши

и моря, не щадя своего живота. Ответом было громкое и дружное "ура". Затем говорил на ту же тему фельфебель старшей гардемаринской роты, красивый, представительный и подтянутый юноша. К столу после этого вызывался гардемарин следующего выпуска, заранее намеченный комитетом на должность официального блюстителя альманаха. После соответствующего слова на него надевали белоснежную мантию и блестящий тюрбан со страусовым пером. Он, в признание такой высокой чести, отвешивал глубокие поклоны во все стороны и, принимая с носилок "покойника" в тисненом кажаном переплете, "оживлял" его своим поцелуем. Вслед за этим, стоящие сзади него помощники, будущие фельфебели и знаменщик, заворачивали "воскресшего Сэра" в белую шелковую материю и вся группа возвращалась на свои места, снова отвешивая глубокие поклоны во все стороны. Церемония кончалась ровно в полночь обходом царя Нептуна в сопровождении его свиты, средней и младшей гардемаринских рот. В качестве последнего аккорда все участники по способности возвращались в свои дортуары, стараясь избежать какого-либо шума. А утром, с побудкой, как ни в чем не бывало, появлялся дежурный офицер по роте и улыбаясь в дружелюбном тоне просил "недоспавших" гардемарин не залеживаться.

Свежо предание, но верится с трудом!

В.Я.-Б.

ГАЛЛИПОЛИ – ПРАГА.
Воспоминания.

8 ноября ст.ст.1920 года, в день моих именин, пароход "Саратов" прибыл в порт города Галлиполи, перегруженный войсками нашей Белой Армии, во главе с генералом Кутеповым. Путешествие было не из легких, но мы были довольны, что не попали в лапы большевиков. Мой непосредственный начальник, генерал Анатолий Владимирович Фок, Инспектор артиллерии 2-го Армейского корпуса, передал мне распоряжение генерала Кутепова, чтобы я с несколькими офицерами Корниловского Ударного полка обеспечил выгрузку нашего оружия (винтовки и пулеметы) отводом внимания французского патруля. Сказано - сделано. Мы высадились и на берегу нашли только двух французских солдат, которые после короткого и очень любезного разговора пригласили меня в кафэ и угостили греко-турецкой водкой "раки". Очевидно они и их командование не знали, а может быть и не хотели знать, что у нас есть оружие и, потому, выгрузка прошла благополучно пока мы пили водку. Как вообще известно, обладание нами оружием позволило нам сохра-

нить относительную независимость и внушало французскому командованию вежливое с нами обращение.

В Галлиполийском лагере я был в Управлении 1 Артиллерийской бригады Русской Армии офицером для поручений и одновременно начальником связи. Командовал бригадой генерал-маиор Фок, управлеение бригады находилось при штабе 1 пехотной дивизии, коей командовал генерал лейт.Витковский. Я очень любил и уважал ген.Фока: он был настоящий офицер-рыцарь и большой спортсмен. Исходя из принципа, что в здоровом теле - здоровый дух, он заставлял всех офицеров своего управления бригады каждый вечер перед ужином заниматься сокольской гимнастикой. Для меня пребывание в Галлиполийском лагере было даже занимательно, т.к.я очень любил спорт всякого рода и нам при наших лагерных палатках удалось установить турник и малые параллельные брусья. Лагерь был почти на берегу Дарданелл и была возможность купаться; некоторые смельчаки переплывали пролив и попадали в Турцию.

Самым неприятным обстоятельством нашего пребывания в Галлиполи был острый недостаток питания и курева и мне неоднократно приходила в голову мысль, что голодная армия всегда готова к победам и не надо было удивляться, что когда французское командование объявило о возможности прекращения доставки провианта, мы были рады тем слухам, по которым в ответ на такое решение французов, генерал Кутепов готов был нас вести на Константинополь. Голодный человек полезет за едой на какую угодно проволоку! План нашего ухода из Галлиполи в славянские страны и даже для движения на Константинополь был тщательно разработан нашими генштабистами и было даже принято решение захватить две греческие легкие батареи, стоявшие где-то по дороге на Константинополь. Поход не был приведен в исполнение,т.к.доставка продовольствия не прекратилась.

В сентябре 1921 года мне стало известно, что благодаря хлопотам нашего Главнокомандующего генерала Врангеля правительство Чехословакии наконец решило принять 100 галлиполийцев в свои высшие учебные заведения для окончания высшего образования. Это решение являлось логическим последствием уже давно принятых мер помощи русским студентам, находившимся под покровительством Земгора, имевшего большие связи с чешкими социалистами. Нельзя было отказать бывшим русским студентам, находившимся в военных лагерях, тем более что,поскольку нам было известно, ческий Промышленный банк, по чешски "Живностенска Банка", обладал русским золотым запасом, вывезенным чешскими легионерами из России в период гражданской войны. Карель Крамарж, первый председатель совета министров освобожденной Чехослова-

кии, советовал чехам изучать русский язык, а нам, русским,- не поднимать вопроса о русском золотом запасе,- и по моему он был прав.

В конце ентября 1921 г.ген.Фок вызвал меня и сказал, что я могу получить возможность закончить высшее образование в Праге и для этого должен записаться на коллоквиум, который будет организован. Коллоквиум прошел с успехом, а я был включен в списки ста галлиполийцев для отправки в Прагу. Генерал Кутепов назначил мены старшим этой группы (я был старшим по чину) и сказал, что мы будем считаться отбывшими в командировку и что связь с Армией должна поддерживаться. Французское "авизо" прибыло в Галлиполи для нашего путешествия в Константинополь и 24 октября 1921 г.мы простились по-военному с генералом Кутеповым и с Галлиполи.

В Константинополе мы были размещены в лагере на берегу Босфора и должны были там ждать прибытия парохода из Батума (немецкое судно), который доставит нас в Триест, где нас встретят чехи. В Константинополе нас кормили французские жандармы. Мы были приняты генералом Врангелем в Русском посольстве, где получили личные документы. Генерал Врангель попросил известного политического деятеля Валерия Михайловича Левицкого показать и объяснить нам достопримечательности тогдашней турецкой столицы.

Около двух недель пробыли мы в Константинополе и я не считаю,что это было потерянным временем, т.к.все там было очень интересным. Путешествие на пароходе тоже было очень занимательным,т.к.мы были не одни — была еще штатская разнородная публика и дамы, и девицы,- было очень весело. При высадке в Триесте нам сообщили, что рабочие этого города и порта забастовали в протест нашего прибытия на итальянскую землю, говорили, что мол высаживается "вся Врангелевская армия". Око Москвы проявилось повсюду уже тогда! Чехи получили право после войны на доступ и частичное использование триестского порта и нас ждал специальный чешский поезд. Комендант этого поезда нас встретил очень радушно и попросил как можно скорее погрузиться в вагоны. Я выстроил свою сотню Галлиполийцев на берегу и мы ушли строем, как воинская часть, крепко отбивая ногу, наперекор стихиям!

Я с поручиком Геллером, великолепно владевшим немецким языком, был приглашен в чешское консульство, где нас расспрашивали о нашем путешествии и, в частности, об отношении к бывшим союзникам. Я не мог не признаться в недовольстве по поводу прекращения материальной помощи в последнее время гражданской войны. Чешский поезд не надолго застрял в Триесте и мы двинулись в путь. Первая остановка была Вена, где мы выскочили на перрон, чтобы полюбоваться публикой

и показать нас самих. С нашей стороны особенно элегантно выглядел юнкер Сергиевского артиллерийского училища Чернов,- полная юнкерская форма,и шпоры, и шашка, и сам красавец. Австрийцы нас рассматривали благожелательно и с некоторыми из них мы быстро познакомились,т.к.немало нас "калякало" по-немецки. Они же, узнав, что мы студенты и одновременно офицеры, отнеслись к нам очень хорошо. Следущая остановка была Пардубице, уже в Чехии, приблизительно в 100 километрах к востоку от столицы Праги. Там мы выгрузились и были помещены в бараки бывшей австро-венгерской армии. Здесь мы впервые познакомились с "кнедликами" - сорт наших клецок и с "полевкою" - это наш суп.

Эта остановка видимо заранее была обдумана и была, так сказать, своего рода чистилищем. Ни чешские власти ни русская профессура, обосновавшаяся в Праге, не желали провокаций и нападок со стороны чешских коммунистов и нас здесь переодели в штатскую одежду. Тяжело было мне и, вероятно, очень многим из нас переоблачаться. Приехал из Праги глава нашей русской профессуры и один из инициаторов отправки и хлопот по принятию русских студентов в чешские высшие учебные заведения, профессор Алексей Степанович Ломшаков - изобретатель и удивительно симпатичная фигура; он нас уговорил не печалиться и объяснил обстановку. Многие из жителей города приглашали нас к себе: кто на чашку кофе, кто на завтрак, кто на обед. Я решил устроить общее собрание и на нем зародилась мысль об организации Галлиполийского землячества,- это как раз подходило к мыслям профессора Ломшакова и устраивало также и Бенеша, председателя Совета Министров республики. Назначенный старшим сотни по приказу генерала Кутепова, я таковым остался за все время моего пребывания в Чехии до отъезда в Париж по добровольному признанию наших студентов-Галлиполийцев. Оффициально же во главе Землячества стояло его правление, составленное из замечательно способных студентов, преданных белому движению.

В прагу мы прибыли в начале ноября 1921 года и этот приезд был широко отмечен газетой "Руде Право",органом чехословацкой коммунистической партии, очень недоброжелательно к нам относившейся и, конечно, нам нельзя было ожидать от нее ничего хорошего. Такое положение вещей диктовало нам необходимость хорошо учиться, быть всегда безукоризненными в поведении ко всем и, конечно, дружными. На всех студенческих выборах наша сотня голосовала одинаково и скоро мы завоевали всеобщее уважение, получили ответственные места в студенческих организациях и доброжелательность наших коллег-чехов. Нужно отдать справедливость нашему военному студенчеству за его

безграничную любовь и привязанность к Русской Армии и нашей Родине. За все мое пребывание в Праге коммунисты не оставляли нас в покое и обо мне дважды был сделан ими запрос в чешском парламенте, обвинявший меня за военное руководство галлиполийскими студентами. Защитниками всегда были Карель Крамарж, Бенеш и другие представители чешских анти-коммунистических партий.

Сперва мы были помещены для общежития в "Дом слепых" и коммунисты ввели туда их приспешников в качестве прислуги для наблюдения за нами. Узнавши об этом нас рассеяли по частным квартирам и все пошло как по маслу. 1о марта 1924 года я получил диплом инженера-химика. В моем выпуске было еще четыре галлиполийца и мы были из первых русских студентов, окончивших высшее образование в Праге. Вместо четырех програмных лет я пробыл едва три года на химическом отделении Политехнического Института, так как мне нужно было очень торопиться из-за большевистских нападок. Мне очень помог мой бывший инспектор классов в Константиновском Артиллерийском училище и также мой профессор в Михайловской Артиллерийской Академи полковник Байер. Этот очень милый ученый бежал, так же как и я, из Петрограда от коммунистического режима и был в Болгарии директором Русской гимназии. Он мне выдал удостоверение с указанием дисциплин, пройденных мною в Училище и Академии, которые входили и в программу чешской высшей школы. Я всегда с признательностью вспоминаю всех моих коллег-друзей галлиполийцев, наших русских и чешских профессоров, из которых больше половины говорили по-русски. Очень теплое внимание было к нам проявлено генералом Врангелем,- он ведь тоже был горным инженером,- и генералом Кутеповым, Репьевым и Скалоном, а также представителями русских организаций и чешской интеллигенции, во главе с Крамаржем и Бенешем.

М.Прокофьев (6 вып.)

ОТ РЕДАКТОРА.

Суворочек и Суворовцев поздравляю с Корпусным праздником и шлю пожелания бодрости, здоровья и всяческого благополучия.

Как всегда, прошу поддержать Сборник своими литературными трудами и заметками.

Г.Гринев.(9 вып.)

СУВОРОВСКАЯ "ДРУЗИАДА"

Мы встарь певали Зериаду,
Чтоб описать своих зверей,
А вот не спеть ли "друзиаду"
Во славу здешних всех друзей,
Что вопреки всем перепитьям
Зажились долго на земле,-
И этим может быть отмечен
Своеобразный юбилей.
Наш самый старый однокашник
Пушкарь, полковник и спортсмен,
Усы, подусники барашком,
Ну, словом, знатный джентельмен. (1)
Всегда подтянут, выбрит, тонный
Кавалерист-артиллерист,
Он председатель наш законный
И тут ... смолкает юморист. (2)
Но тонность ведь не монопольна
И все Суворовцы тонны:
И в мирной жизни и на поле
России верные сыны.
Мы не останемся в неверьи
И при отсутствьи эполет:
Гвардейской конной артиллерии
Непревзойденный пистолет. (3)
В Российской Гвардии не мало
Было Суворовских кадет,
Но здесь то их осталось мало,-
Два, три... и больше нет.
Так например, нам всем известный
Зовется Шарик-гвардион,
Примерный труженик нелестный,
Рюмаху дернуть любит он. (4)
Я вижу ярую атаку,
С футболом мчишься как стрела!
Нет, покажите мне собаку,
Чтобы догнать тебя смогла.
Ты нервен, быстр, ты мечешь молньи,
Ты полн стремленья, воли, сил...
Твое оружье Свят Георгий
Позолотил и освятил. (5)

Володя, младший из гвардейцев,
Тот что вино нам в кубки льет,
С хорошим, добрым, чутким сердцем
Всех радиологов забьет. (6)
Вот Миша, химик и косметик,
А в прошлом конный артиллерист.
Я у него давно заметил,
Немножко дамам любит льстить. (7)
А вот царица полей сраженья,
Что инфантерией зовут.
Бросали в бой без сожаленья,
Немного нас осталось тут.
Один в Брюсселе проживает,
Бывает он и здесь порой,
Там он посуду украшает
Своей искусною рукой. (8)
Другой к французам примыкает,-
В полках особых дрался тут,
А в жизни сумочки тачает,-
Вот вам и весь его статут. (9)
А третий, весь Париж он знает,
Не веришь, так его спроси,
И всех по городу катает,
Избрав профессией такси. (10)
Вот человек принципиальный,
Артиллерист и агроном,
Вид у него провинциальный,
Вино Алжира любит он. (11)
Но как же так могло случиться,
Что перечислив столько лиц,
Нам не пришлось остановиться
И произнесть: кавалерист.
Он Южной Школы был корнетом,
Он и художник и улан.
По журавлю когда то петом
Он выпьет бочку и не пьян. (12)
А с шевелюрой рыжеватой
Он шахматист и кулинар,
Всех королей загонит матом,-
Таков ему от Бога дар. (13)

Избрав себе страну южнее,
В Испаньи дом себе купил,-
Там климат мягче и нежнее.
А здесь бухгалтером служил. (14)

А ты далекий, но и близкий
Редактор строгий, пистолет,
Пьеш английское ты виски,
Лихой Суворовский кадет. (15)

Другой редактор и издатель
В своем журнале, что издал,
О младости кадет Российских
Он точно, верно написал. (16)

Судьбою в Лондон он заброшен,
В былое конник он лихой,
Теперь он учит англикоса,
Как русским быть ему порой. (17)

А вот моряк, доселе живший
В заморском крае много лет,
Но вот приехал и в Париже
Вошел в семью наших кадет. (18)

Затем один из стаи славной
Артиллерийских юнкеров,
Вступивших с красными в неравный
Бой, поддержав своих отцов. (19)

Всегда со знаком легиона
Наш устроитель всяких встреч,
Балов, обедов, как и встарь,-
Наш Генеральный секретарь. (20)

Ряды редеют, нас уж мало,
Но дух Суворова у нас.
С его мы тенью молим Бога,
Чтоб Родину он нашу спас.

Декабрь 1969 года. С.Грешнер (6 вып.)

(1) А.А.Дориан
(2) Н.В.Главацкий
(3) Б.А.Лагодовский
(4) Б.В.де-Витт
(5) Д.Г.Лучанинов
(6) В.В.Траубенберг
(7) М.А.Прокофьев
(8) П.А.Черненко
(9) С.А.Грешнер
(10) С.В.Россинский
(11) В.И.Репкин
(12) Д.А.Явленский
(13) А.К.Решетников
(14) Н.М.Замайский
(15) Г.М.Гринев
(16) С.Г.Двигубский
(17) Г.И.Рыбалко
(18) Г.Н.Болотин
(19) Л.Н.Гемпель
(20) С.В.Бугославский.

В ПАМЯТЬ С.А.ГРЕШНЕРА.

Лихой был юнкер и кадет,
В сраженьях слыл за храбреца,
А в жизни тягостной всегда
Преуспевал в заботах тяжких.

Был он примером как жить надо,-
Из кожи сумочку скроит,
А то и дом построит,-
В Суворовской семье же был пиит.

Д.Л.

С У В О Р О В Ц А М

гор.Лос-Анжелеса к Корпусному Празднику.

МАШКИН наш Коля... Николаич...
Ты наш Суворовец - старшой,
Ты наш прекраснейший товарищ,
Ты и пример для нас большой!
Военный справочник коль нужно,
Традиций славных он кадет,
Кутнуть он может... и недурно...
То ВИТТЕ наш, наш пистолет.
НИТЦ, ты кадетом был исправным,
Ты кончил корпус с галуном
И хоть бы раз на ужин званный
С женой пришел бы ты вдвоем!
СУББОТИН - егерь был серьезный,
Тогда по "минис" не стрелял;
Испанский нрав он одиозный
На Коронадо променял.
А ОБРУЧЕВ, наш паж-тоняга,
Носить ты шлейфы не успел,
Ты в ногу ранен был, бедняга
И в Сан-Диего ты засел.
А я один из вас приютский,
Тогда и "СУВ" я не носил...
И не кадет я и не штрюцкий,
На Волгу, в Нижний угодил.
Со мной ТВЕРСКОЙ, Шалва БАРНАБОВ,
КАМЕНСКИЙ Павел удалой;
Во сне мы видели уланов,
Варшавой бредили порой.

Собор в сияньи малахита,
Полков гвардейских ратный дух,
Аллея конными набита...
Все кончилось и как-то вдруг...
Собор лежит в куски разбитый,
Полки на брани полегли,
И Корпус бомбами разбитый
Руины "Хонор" погребли! (х)
Теперь осталось нас немного,
Уходят наши в лучший мир.
И в память "СУВ" нам дорогого
Машкин устроил знатный пир.
Я от души вам всем желаю
Здоровья, счастья много лет!
За Корпус выпить предлагаю,
Под "ГРОМ ПОБЕД" за всех кадет!

ЗЮЗИН 3-й Георгий,
в.у.о.Нижегородского Гр.Аракчеева
кадетского корпуса.

(х) В корпусе было польское военное училище и на здании была надпись "Хонор Отчизне".

КАДЕТСКИЕ ЖУРАВЛИ.

Второй кадетский (1712) Кто по строю молодецкий
То Петра Второй кадетский.

Первый кадетский (1732) Из корпусов всех самый штатский
Первый корпус Петроградский.

1-й Московский (1788) Был сначала просто Шкловский,
А теперь Первый Московский.

Пажеский (1802) Попугаем разодет
Это - Пажеский кадет.

Омский (1813) Кто моржем слывет сто лет,
Это - Омский наш кадет.

1-й Оренбургский (1824) Удалые казачата,
То Неплюевцы-ребята.

Нижегородский (1834)	Кто "без лести" сотню лет, Аракчеевский кадет.
Орловский (1835)	Черномазый как труба, То Орловский Бахтина.
Полоцкий (1835)	Полочане как жиды,- Всегда вместе и на "ты".
Полтавский (1836)	Кто хранит Петра заветы, То Полтавские кадеты.
Воронежский (1836)	А когда фискала били, Воронежца пригласили.
2-й Московский (1837)	На проказы самый главный, То Второй Московский славный.
Киевский (1851)	Кто идет в унивеситет, Это Киевский кадет.
Псковский (1858)	На шпаргалки партачи, То зубрилы Псковичи.
Вольский (1858)	Попку драли многи лета Предку Вольского кадета.
Ярославский (1858)	Ярославца тоже драли, Но чтоб так, так уж едва ли.
Тифлисский (1862)	А кто самые гимнасты, То Тифлиссцы все носасты.
Николаевский (1869)	Без пяти минут корнет Николаевский кадет.
Симбирский (1873)	Гимназиста бьет по чолке То Симбирец наш на Волге.
3-й кадетский (1873)	С институткой станет в ряд Александровский хабат.
3-й Московский (1876)	А по всем статьям чертовский Александровский Московский.
Донской (1883)	Джигитовке как родной Александровский Донской.

2-ой Оренбургский (1898)	Кто поет, на всем играет, Оренбургский Второй знает.
Суворовский (1899)	Строевые, удалые, То Суворовцы лихие.
Одесский (1899)	Кто в гусары метит прямо, То кадет Одессы-мамы.
Сумской (1900)	Кто по строю молодцы,- Харитоненки-Сумцы.
Хабаровский (1900)	Ездит на собачьей шкуре Хабаровец на Амуре.
Владикавказский (1902)	Кто хранит фасон Кавказа, То кадет Владикавказа.
Ташкентский (1904)	Украшает край туркменский, То Наследника Ташкентский.
Иркутский (1913)	На морозы, так сказать, Иркутчанам наплевать.
Крымский (1920)	Будут помнить многи лета Сербы Крымского кадета.

(Из собрания генерала С.П.Андоленко).

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Через Г.И.Арванити (2 вып.) нам удалось связаться с бывшим преподавателем математики нашего корпуса Николаем Людвиговичем Орлицким. Карьера его незаурядна: по окончании гимназии и Варшавского университета Н.Л.оканчивает Александровское Военное Училище, выходит в армейский пехотный полк, через 4 года он переходит на гражданскую службу и поступает штатным преподавателем математики в нашем корпусе. Он принимает участие в гражданской войне и заканчивает военную карьеру в чине штабс-капитана. Затем через Югославию, где встречает П.А.Сорокина, тоже всем нам известного математика, он возвращается в Варшаву, где преподает в учебных заведениях. Теперь ему 86 лет и он большей частью лежит с больными ногами. Проживает в Катовицах, очевидно без больших средств, а потому небольшая материальная поддержка ему послана.

УТРАТЫ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

- 26 ноября 1969 г.в г.Панчево, Югославия, скончался бывший преподаватель П.А.Сорокин. Воспоминания о нем помещены в №18 на странице 14 нашего сборника.

- В ноябре 1969 г.в С.Ш.А.скончался Б.А.Сидорович, в.у.о.5 выпуска в Михайловское Арт.Училище и 19 Мортирный дивизион.

- 15 декабря 1969 г.в Париже скончался С.А.Грешнер, 6 выпуска. Он окончил Павловское Военное Училище и в 1913 году вышел в 152 пех.Владикавказский полк в Брест-Литовск, с которым и выступил на войну; был ранен и контужен и награжден орд.св.Анны 4 ст.с надписью "за храбрость" и св.Владимира 4 ст.с мечами и бантом. В июне 1916 года он был отравлен в Москву на формирование 7 Особого пех.полка на должность командира роты, с которым из Архангельска отплыл во Францию в Брест, а оттуда через Марсель был отправлен с полком на Салоникский фронт. В начале второй Мировой войны он поступил волонтером в Иностранный легион и был принят в чине лейтенанта. В 1939 году в Париже окончил Высшие научные курсы ген.Н.Н.Головина.

С.А.был настоящим Суворовцем, всегда посещал все наши собрания, на которых был "душой общества". Остроумный, доброжелательный,всегда шел навстречу всем добрым начинаниям. Объединение в лице С.А. потеряло верного друга и отчетливого Суворовца и добрая память о нем останется навсегда в наших сердцах.

- 3 января 1970 г.в Швейцарии скончался К.И.Ерошевич, 2 выпуска. По окончании Корпуса в 1907 г.он поступил в Вашавский Пелитехнический Институт, откуда вышел горным инженером. Работал все время в Манджурии. В начале 1917 года записался добровольцем в маршевую роту во Владивостоке, из которой был отправлен в Иркутское воен.училище, где, как бывший кадет, был назначен фельфебелем 3 роты. Перед большевицким переворотом юнкера были отправлены в фронт в Польшу. До фронта не доехали, в Варшаве их произвели в подпоручики и отправили по домам. К.И.опять поехал в свою Манджурию, по занятию которой коммунистами он был вывезен Союзом Церквей в старческий дом в Швейцарию.

- 14 августа 1970 г.после долгой и тяжелой болезни скончался в Мюнхене Суворовец 10 выпуска А.И.Пятибоков и погребен на Северном кладбище. Покойный был коренным офицером 4 уланского Харьковского полка, куда был выпущен из Елисаветградского Кавалерийского Училища.

-1 сентября с.г.в Коттингбрунне, Австрия, скончалась скоропостижно Суворочка Ольга Васильевна Гринева, супруга нашего Суворовца 9 выпуска и редактора сборника "СУВОРОВЦЫ".

С Ольгой Васильевной мне встретиться не пришлось, поэтому я могу судить о ея высокой культурности со слов бывшей учительницы, а потом моей сослуживицы по работе в Общественном Страховании.

Несколько лет тому назад муж ея француз, инженер-электрик, был послан в Вену на международный конгресс, жена его сопровождала. Я воспользовался случаем и передал через них посылку для Геннадия Модестовича. Они охотно взялись выполнить мою просьбу и по возвращении в Париж поделились со мной своими впечатлениями о встрече с Гриневыми.

Познакомившись с Ольгой Васильевной и Геннадием Модестовичем, они отметили русское гостеприимство и любезность хозяев. Особенно приятное впечатление на них произвела Ольга Васильевна, которая в совершенстве владела французским литературным языком, а французских классиков знала лучше любого ителлигентного француза. Это была образованная и культурная русская женщина.

Неожиданная смерть Ольги Васильевны потрясла не только Тебя, дорогой Геннадий Модестович, но и нас, Твоих друзей-Суворовцев. Прими же наши искренние соболезнования. Мы понимаем и разделяем Твое горе. До поможет Тебе Господь перенести его, а светлая душа Ольги Васильевны да упокоится у Престола Всевышнего.

Н.Главацкий.

Сборник.....

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парижъ

Отъ Предсѣдателя Объединенiй.

Милыя Суворочки и дорогiе Суворовцы!

Поздравляю Васъ съ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ Годомъ. Дай Богъ Вамъ побольше здоровья, что въ нашемъ "среднемъ" возрастѣ такъ необходимо.

Мiровыя событiя мѣняются съ поразительной скоростью. Появились и появляются новыя государства. Войны не прекращаются. Появились "модерныя" общества, какъ говорятъ французы, а о техникѣ и говорить не приходится,- она такъ пошла впередъ, шагая на лунѣ. Будемъ надѣяться, что этотъ прогрессъ перевернетъ совѣтскiй режимъ и тогда вздохнетъ свободно русскiй народъ въ лонѣ свободной Россiи.

Да будетъ такъ въ новомъ 1973 году.

Н.Главацкiй.

По административной части.

Утверждаются въ должности представителей Суворовцевъ:

Н.М.Витте - на Сѣверную Америку и Канаду;

С.Г.Двигубскiй - на Лазурный берегъ Францiи.

Желаю имъ успѣха по объединенiю кадетъ.

Н.Главацкiй.

Отъ редакцiи.

Въ связи съ прискорбными кончинами многихъ Суворовцевъ сильно уменьшилась и продуктивная сторона ихъ литературной дѣятельности, т.е.попросту говоря, стало некому писать, за исключенiмъ нѣсколькихъ авторовъ, поддержавшихъ этотъ номеръ.

Было бы очень желательно выпустить еще одинъ номеръ, 24-ый по счету, и я прошу Суворовцевъ дать намъ эту возможность, пославъ свои статьи. На этомъ номерѣ мы бы закончили регулярный выпускъ сборника, предоставивъ дальнѣйшiе его выпуски условiямъ времени и обстоятельствъ.

Г.Гриневъ.

АНГЛИЧАНИНЪ О СУВОРОВѢ.

Въ 1965 году вышла англійская книга: Филиппъ Лонгвортъ. Искусство Побѣды. Жизнь и достиженія фельдмаршала Суворова 1729-1800.

Вотъ что пишетъ авторъ въ своемъ вступленіи.

"Когда хитлеровскія арміи наводнили въ 1941 году Совѣтскій Союзъ и громадныя усилія были сдѣланы, чтобы возбудить русскій патріотизмъ и волю къ борьбѣ, Суворовъ сталъ однимъ изъ до-революціонныхъ героевъ, къ которому обратился Сталинъ. Дѣйствительно, Суворовъ получилъ больше вниманія, пожалуй, чѣмъ Кутузовъ, который, какъ никакъ, велъ сопротивленіе наступленію Наполеона въ 1812 году. Поступки Суворова были пересказываемы, его изрѣченія преданы широкой огласкѣ и его образъ былъ постоянно на виду, поддерживая русскаго солдата въ его стертной борьбѣ съ нацистскими захватчиками. Сталинъ даже учредилъ новую награду за храбрость,- орденъ Суворова,- и, кромѣ награжденія имъ самого себя, присвоилъ себѣ верховный чинъ генералиссимуса, который имѣлъ только одинъ Суворовъ.

Неудивительно однако, что Суворова вспоминаютъ даже полтораста лѣтъ послѣ его смерти. Онъ былъ одинъ из тѣхъ генераловъ, которые постоянно побѣждали, несмотря на то, что обстоятельства были противъ нихъ. Силы его были обыкновенно слабѣе непріятельскихъ; онъ не имѣлъ политическаго авторитета или вліянія, подобно Александру или Наполеону, Кромвелю или Марлборо. Фактически единственное преимущество противъ своихъ оппонентовъ происходило изъ его качествъ и способностей. Онъ былъ солдатомъ съ громаднымъ опытомъ,- онъ воевалъ противъ поляковъ, турокъ, бунтовавшихъ кочевниковъ и армій революціонной Франціи. Он достигалъ чего хотѣлъ, несмотря на слабое здоровье и вопреки интригамъ противъ себя своихъ союзниковъ, собственнаго Двора и даже своихъ ревнивыхъ товарищей-офицеровъ. Во время своей послѣдней кампаніи въ ужастныхъ условіяхъ въ Альпахъ у него не было соотвѣтствующихъ картъ и снабженія противъ значительно превосходившаго противника, имѣвшаго всѣ преимущества выбора позицій и снаряженія. Онъ побѣждалъ слишкомъ часто, чтобы быть названнымъ счастливымъ: онъ никогда не проигрывал.

Суворовъ былъ новаторомъ. Это былъ онъ, кто первымъ разсталcя съ конвенціональной стратегіей 18 столѣтія. Онъ предупредилъ Наполеона, внеся подвижность въ веденіе войны; онъ внушилъ своимъ призваннымъ на службу крѣпостнымъ порывъ и духъ атаки, которыхъ не имѣла ни одна другая армія, кромѣ французовъ послѣ ихъ революціи. Онъ сталъ легендой и традиціей, которыя просуществовали до Красной арміи. И, как парадоксъ, онъ былъ весьма лояльнымъ и эффективнымъ орудіемъ русскаго имперіализма 18 вѣка.

Кромѣ всего этого онъ обладалъ выдающейся геніальностью возбуждать абсолютную преданность солдатъ: онъ могъ требовать отъ нихъ любую жертву и они охотно на это шли. Эта его способность позволяла

ему дѣлать невозможное возможнымъ.

Теперь на западѣ Суворовъ мало знакомъ и еще менѣе понятъ. Книга эта написана изъ убѣжденія, что онъ заслужилъ больше чѣмъ забвеніе."

Сообщилъ Г.Гриневъ, IX вып.

ЕЛИСАВЕТГРАДСКОЕ КАВАЛЕРІЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

Производство 6 августа 1909 года.

Эта статья уже была помѣщена въ "Кадетскомъ Голосѣ изъ провинціи" номеръ 13, февраль 1954 года. Журналъ этотъ издавался, онъ же и редакторъ, С.Г.Двигубскимъ, нашимъ Суворовцемъ. Такъ какъ не всѣмъ Суворовцамъ пришлось читать журналъ С.Г.Двигубскаго, я помѣщаю, въ нѣсколько дополненномъ видѣ эту статью въ нашемъ сборникѣ, чтобы напомнить всѣмъ Суворовцамъ незабываемый день производства въ первый офицерскій чинъ послѣ долгихъ 9 лѣтъ ожиданія.

Завтра 6 августа, долгожданный день. Наканунѣ мы плохо спали, все разбирались въ офицерской формѣ, любовались, примѣряли и укладывали все это въ традиціонный сундукъ.

И вотъ настало 6 августа. Встали задолго до зори. Теперь мы стали одѣваться въ офицерскую форму: походный мундиръ, лядунка, шашки, сабли, палаши и офицерскія фуражки,- какая красивая мгра цвѣтовъ. Время тянется. Но вотъ около II часовъ утра трубачъ играетъ офицерскій сигналъ "Соберитесь, разъясните всѐ ученье". Быстро всѣ одѣваютъ шинели въ накидку, одѣваютъ юнкерскую фуражку /въ то время у насъ безкозырокъ не было, а были фуражки съ козырькомъ,- южный округъ/, офицерскія фуражки подъ шинелью, и спѣшатъ строиться на плацъ. А трубачъ все продолжаетъ играть офицерскій сигналъ, держа въ свободной рукѣ свою фуражку, куда по традиціи проходящіе юнкера бросаютъ рубли.

Сводный эскадронъ юнкеровъ выстроенъ, подходятъ смѣнные офицеры, старые эскадронные командиры: I-го полковникъ Собичевскій и 2-го полковникъ Богинскій, и Начальникъ училища генералъ Новиковъ. Начальникъ училища здоровается съ юнкерами и читаетъ полученную изъ Петербурга телеграмму о производствѣ, шинели и фуражки летятъ за строй, гдѣ ихъ подбираютъ служители. Генералъ поздравляетъ съ производствомъ въ первый офицерскій чинъ и вотъ тутъ то вновь произведенные вмѣсто юнкерскаго отвѣта "покорно благодаримъ" въ первый разъ отвѣчаютъ по-офицерски, прикладывая руку къ головному убору. Церемоніалъ оконченъ и Начальникъ училища приглашаетъ господъ офицеровъ на обѣдъ въ юнкерскую столовую. Оживленный обѣдъ, усиленное довольствіе, проходитъ очень весело. Вспоминаются вся-

кія юношескія шалости въ стѣнахъ училища, что очень забавляло нашихъ смѣнныхъ офицеровъ, а иногда и удивляло смѣлостью "офицерскихъ отпусковъ", самодралокъ. Послѣ обѣда мы снялись группой съ училищными офицерами.

Наши сундуки и чемоданы на подводахъ были отправлены въ Елисаветградъ на зимнія квартиры, а намъ были посѣданы лошади и мы въ послѣдній разъ покинули нашъ лагерь. Въ училищѣ намъ разрѣшено было остаться три дня. Вечеромъ мы праздновали наше производство во главѣ съ нашимъ тонягой штабсъ-ротмистромъ Радовымъ въ ресторанѣ Коваленко. Получивъ расчетъ, съ какой радостью мы ѣхали въ 28-дневный отпускъ къ своимъ роднымъ, въ первомъ офицерскомъ чинѣ,- это можетъ переживать только тотъ, кто это испыталъ.

А какая гордость, что съ производствомъ мы входимъ въ офицерскую семью Великой Россійской Императорской Арміи.

Воспоминанія.

Къ столѣтнему юбилею, 1865-1965, Е.К.У.бывшими питомцами училища была выпущена книжка "Историческій Очеркъ Елисаветградскаго Кавалерійскаго училища." Писали статьи въ этой книгѣ главнымъ образомъ б.юнкера послѣднихъ выпусковъ и какая разница въ жизни училища произошла съ тѣхъ поръ, когда тамъ былъ я. А было это въ то время, когда налаженная жизнь текла тихо и мирно по налаженному руслу. Вотъ мнѣ и пришла мысль описать жизнь нашей "Южной Школы" временъ 1907-1909 годовъ.

Въ Елисаветградское училище въ 1907 году вышло насъ изъ корпуса 12 кадетъ. Въ этомъ году Управленіе Военно-Учебныхъ Заведеній произвело опытъ трехъ лагерныхъ сборовъ. Поэтому, послѣ выпускныхъ экзаменовъ и короткихъ лѣтнихъ каникулъ мы вернулись въ корпусъ въ концѣ іюня и 1 іюля подполковникъ Григорьевъ насъ привезъ въ училище. Пріѣхавъ на станцію Елисаветградъ, мы наняли извощиковъ, которые насъ доставили въ лагерь. Подъѣхавъ къ главнымъ воротамъ,у которыхъ подъ грибомъ сидѣлъ дневальный юнкеръ, мы услышали окрикъ "дежурный по дивиіону на линію!" и, каково было наше удивленіе, когда пришелъ нашъ Суворовецъ I выпуска портупей юнкеръ Брабичъ, сербъ. Попрощавшись съ воспитателемъ, мы, обрадованные своему однокашнику, бросились съ нимъ здороваться, онъ же, чтобы любезно насъ принять, скомандовалъ построиться и застегнуть шинели какъ полагается. Мы уже чувствуя себя юнкерами, небрежно накинули шинели, а тутъ пришлось ихъ застегнуть на крючки и одну пуговицу.

Брабичъ насъ повелъ на плацъ, гдѣ уже собрались вновь поступившіе, "новый ремнотъ". Кого тутъ только не было: кадеты различныхъ корпусовъ, вольноопредѣляющіеся, гимназисты, реалисты, студенты и вообще штатскій людъ разныхъ оттѣнковъ. Начальникъ училища,генералъ-маіоръ Новиковъ,разбилъ насъ по эскадронамъ и взводамъ, поручивъ насъ вахмистрамъ, которые развели насъ по баракамъ. Каждый взводъ размѣщался въ своемъ баракѣ. Здѣсь

насъ встрѣтили "дядьки",т.е.кадеты своего корпуса, которые перешли на старшій курсъ. Эти насъ посвятили во всѣ мелочи юнкерской жизни и цука. Первым дѣломъ мы выучили рапортъ знакомства съ корнетами: "господинъ корнетъ, разрѣшите явилться" - "Попытайтесь"- Остановка за шагъ до "благороднаго корнета",который усиленно этотъ шагъ измѣряетъ, то онъ выходитъ очень большой, то очень малый, и сугубый является нѣсколько разъ, пока не догадается сказать, что шагъ благороднаго корнета неизмѣримъ. Рукопожатіе и начинаются воспоминанія о кадетскихъ временахъ, на этомъ цукъ и кончался.

На слѣдующій день дежурный по эскадрону построилъ "новый ремонтъ" и вахмистръ повелъ насъ на зимнія квартиры въ городъ, версты за двѣ, для полученія юнкерскаго обмундированія. Здѣсь мы почувствовали себя впервые взрослыми, когда вахмистръ скомандовалъ: "Эскадронъ стой, вольно, оправиться, можно курить!" такъ даже и некурящіе потянулись за папиросой. Переодѣвшись въ форму училища и сдавъ кадетское обмундированіе, мы стали юнкерами "южной Школы".

Занятія были только строевыя, ѣзда каждый день по часу, пѣшій строй, гимнастика, фехтованіе, уставы и такъ далѣе. Съ непривычки такой режимъ такъ насъ разморилъ, всѣ мускулы болѣли и первое воскресенье большинство изъ насъ проспало цѣлый день. Мѣсяцъ іюль прошел быстро. Поставщики, всѣ израильтяне, намъ сшили лѣтнюю форму. Тогда мы носили форму южныхъ округовъ. Бѣлая рубаха "чертовой кожи", почему-то такъ называлась, а на самомъ дѣлѣ изъ прочнаго бѣлаго матеріала съ офицерскимъ воротникомъ, рейтузы въ обтяжку. Это разрешалось, сшиты они были идеально, если послѣ прыжковъ на параллельныхъ брусьяхъ они не выдерживали и лопались, шились новыя за счетъ портного. Казенныя, которыя мы носили въ училищѣ, назывались суженныя шаровары, 6 вершковъ въ колѣняхъ, и чтобы г.г.юнкера ихъ не суживали, съ внутренней стороны по шву стояли штемпеля училища. Фуражка съ козырькомъ, вся бѣлая, не мылась, а выбрасывалась, а потому на каникулы покупалась запасная въ картонкѣ и, конечно, шпоры, которыя на прекрасный полъ производили большое впечатлѣніе, но по пріѣздѣ въ училище надо было "расковываться", т.е.снимать Савельевскій звонъ.

И вотъ долгожданный день наступалъ и мы ѣхали въ отпускъ на двѣ недѣли. Радость родныхъ, зависть штатскихъ пріятелей и милыя улыбки симпатій, которыя насъ ждали. Отпускъ прошелъ еще быстрѣе, чѣмъ мѣсяцъ въ училищѣ и къ 15 августа мы явились въ училище на зимнія квартиры.

Училище было расположено во дворцѣ Императрицы Елизаветы, зданіе изъ краснаго кирпича никакой красотой не отличалось. По серединѣ зданія парадный входъ, поднимаетесь на нѣсколько ступенекъ, маленькая площадка, прямо коморка, гдѣ помѣщался всѣмъ извѣстный швейцаръ Викторъ, бывшій сверхсрочный 9 уланскаго Бугскаго полка. Его спеціальность была мыть бѣлыя замшевыя перчатки. Причемъ,перчатки выдавались двѣ пары на два года,- одна пара для верховой ѣзды, вторая для парадныхъ случаевъ или дежурствъ. Конечно, перчатки приходилось прикупать, а при окончаніи училища сдавать двѣ

пары. Дверь справа вела въ пріемную комнату, гдѣ каждый день нѣсколько человѣкъ стояло подъ шашкой, что нисколько не стѣсняло присутствіе посѣтителей. Изъ пріемной комнаты - дверь налѣво, комната дежурнаго по училищу офицера. Все зависѣло отъ офицера и тамъ мы стояли подъ шашкой, спиной къ сидящему за столомъ офицеру, который изрѣдка наблюдалъ за нами и у кого закачается темлякъ, непріятный голосъ произносилъ: "Второй справа, шашки въ ножны, завтра придете". Слѣва отъ площадки - дверь въ столовую, гдѣ помѣщались оба эскадрона, со столами на 10 человѣкъ. Кушанье подавалось на блюдѣ, которое передвигалось къ концу и каждый бралъ приблизительную порцію, а сидящіе въ концѣ иногда оставались безъ гарнира и "крыли" всѣхъ. Для чая 10 кружекъ стояло на концѣ стола съ сахарнымъ пескомъ и 5-ю ложками. Приходилъ служитель съ чайникомъ и разливалъ по кружкамъ чай, которыя передвигались. Въ общемъ кормили очень слабо, яко бы отпускъ денегъ на питаніе былъ по юнкерскому окладу, а не по военному. Насъ выручалъ буфетъ, гдѣ можно было съѣсть хорошій бутербродъ съ колбасой и запить молокомъ. Что меня поразило вначалѣ, это дежурный служитель вечеромъ приносилъ ящикъ съ бутылками молока, на каждой бутылкѣ два аппетитныхъ толстыхъ бублика. Я сначала удивился, какъ это можно лежа въ кровати сразу выпить цѣлую бутылку, попробовалъ, а потомъ и привыкъ. Въ лагерѣ брали мы кипятокъ въ буфетѣ, сыпали туда какао, ѣли бутерброды и запивали этой бурдой. Намъ казалось это очень вкуснымъ. Въ общемъ жили мы очень скромно, какъ то не видно было, чтобы кто-нибудь изъ юнкеровъ швырялъ деньгами. Шили мы себѣ рейтузы и сапоги въ разсрочку и выплачивали когда получали изъ дому деньги.

Поднимаясь по лѣстницѣ въ первомъ этажѣ былъ Георгіевскій залъ, довольно уютно обставленный, съ портретами Императоровъ, а направо - спальни I эскадрона. На младшемъ классѣ тумбочки, въ которыхъ помѣщались въ ящикѣ учебныя книги, тетради и т.д., внизу двѣ полки для собственнаго обмундированія, сапоги, рейтузы и всякая мелочь. На старшемъ классѣ всѣ тумбочки были поставлены вдоль оконъ и стѣнъ и отъ 6 до 8 вечера мы должны были сидѣть и зубрить лекціи. Корнетство занималось чѣмъ хотѣло, но молодежь должна была заниматься лекціями. Когда я былъ на старшемъ классѣ портупей-юнкеромъ, нерѣдко отбиралъ постороннія книги у молодыхъ и провѣрялъ отмѣтки и у кого были малые баллы, дѣлалъ "напоминаніе".

На второмъ этажѣ размѣщался 2 эскадронъ, подъ названіемъ "мордва", I-й же эскадронъ носилъ названіе "рота". Эти названія пошли съ временъ, когда въ училище отчислялись изъ полковъ, изъ драгунскихъ полковъ /ѣздящая пѣхота/ въ I эскадронъ, а гусары, уланы и кирасиры - во 2-ой.

Училище было основано въ 1865 году и въ него поступали изъ полковъ кавалеріи вольноопредѣляющіеся, которые носили форму своихъ полковъ. Программа обученія была расчитана на три года,-первый годъ - для молодыхъ людей, окончившихъ 6 классовъ средне-учебныхъ заведеній. Получившіе же полное среднее образованіе поступали на военно-училищные курсы, продолжавшіеся два года. Училище

выпускало эстандартъ-юнкеровъ, съ большимъ угломъ изъ серебряннаго галуна вершиной кверху. Эти эстандарты были на офицерскомъ положеніи и производились по представленію Командира полка.

Въ прежнее время сначала дали общую форму общеобразовательному классу, а затемъ и всему училищу. Форма была, какъ и во всѣхъ полкахъ драгунская,- чёрный двубортный мундиръ, на воротникѣ серебряный /на самомъ дѣлѣ подъ серебро/ кованый кавалерійскій галунъ и изъ бѣлой тесьмы петлицы съ двумя пуговицами по бокамъ на уровнѣ ушей. На обшлагахъ рукавовъ - тотъ же галунъ съ угломъ впереди и съ катушками изъ тесьмы, никакихъ кантовъ ни на мундирѣ ни на рейтузахъ не было. Фуражка съ лакированнымъ козырькомъ, околышъ темно-зеленый, почти черный и тулія красная съ такого же цвѣта кантом. Параднаго головного убора не полагалось въ трехъ южныхъ округахъ, нашемъ Одесскомъ, Кавказскомъ и Туркестанскомъ, а прикрѣплялся двуглавый орелъ черезъ спеціальную дырку между латками, въ которыя пропускались лапки кокарды. Мундиры одѣвались въ парадныхъ случаяхъ, въ праздники, царскіе дни, церковь, отпуска и когда насъ ставили подъ шашку. Шинели были стального цвѣта, цвѣта офицерскихъ пальто, во всѣхъ училищахъ. Шили мундиры и шинели по мѣркѣ, шили отлично и рѣдко кто заказывалъ себѣ мундиръ, который потомъ передѣлывалъ на офицерскій. Погонъ былъ красный съ серебрянымъ галуномъ и съ кантомъ цвѣта околыша. Эту форму дали для всего училища вѣроятно до 1900 года, училище же было переименовано изъ юнкерскаго въ военное приблизительно въ 1905 году, т.к.мы донашивали старыя шинели съ трафаретомъ Е.Ю. Послѣ переименованія училища въ военное погонъ былъ чистый.

Въ 1908 году намъ дали уланскую форму,- мундиръ черный весь въ кантахъ, лацканъ красный, кушакъ красный съ черной полосой въ серединѣ. Головнымъ уборомъ осталась та же фуражка, но съ лакированымъ ремешкомъ, какъ у моряковъ. Перемычки у офицеровъ галунныя, у насъ - изъ бѣлой матеріи. Въ какомъ году дали уланскіе кивера не знаю, но много позже. На Рождество 1908 года мы въ отпускъ поѣхали уланами, причемъ обыкновенной формой былъ мундиръ съ этишкетомъ безъ лацкана. Въ это же время намъ дали защитныя фуражки и рубашки, на которыхъ по бокамъ, не на груди, а сбоку внизу было по карману. Конечно, въ эти карманы ничего нельзя было класть, т.к.они оттопырились бы. Заказалъ себѣ рубашку безъ кармановъ, пошелъ въ отпускъ, прихожу, являюсь дежурному офицеру. "Есть карманы?" - "Никакъ нѣтъ." - "Идите снимите рубаху и принесите сюда!" - Такъ и пропала моя рубаха.

Въ началѣ 1908 года былъ приказъ по Военному Вѣдомству, гдѣ говорилось, что г.г.офицеры и, очевидно, юнкера, т.к.намъ объявили, что и мы можемъ носить дѣдовскіе клинки, при чемъ на клинкѣ долженъ былъ быть царскій вензель того Императора, при которомъ офицеръ началъ службу. У меня была шашка отца, который началъ службу при Императорѣ Александрѣ II. Купилъ я ножны, перемѣнилъ эфесъ, т.к.старый былъ съ Анной 4 степени, и поѣхалъ въ отпускъ въ Вильно. Въ Комендантскомъ управленіи, гдѣ надо было являться, были юнкера

артиллеристы, пѣхотинцы и одинъ Николаевецъ, который заинтересовался моей офицерской шашкой, а у него была казенная съ гнѣздами для штыка. Онъ меня спросилъ почему у меня офицерская шашка, а я ему этакъ важно: "дѣдовское оружіе". Не знаю понялъ ли онъ. Но это еще не все. Возвращаюсь изъ отпуска въ училище. Конечно и до отпуска и послѣ разговоровъ о "дѣдовскомъ оружіи" много. И вотъ одинъ изъ юнкеровъ, бессарабецъ, привезъ на видъ замѣчательный клинокъ. Всѣ мы съ завистью разсматривали этотъ клинокъ, гнули, выгибали, чуть ли не на зубъ пробовали и рѣшили испытать крѣпость стали. Рубанули казенной шашкой и клинокъ, къ удивленію всѣхъ, разлетѣлся на два куска. Разочарованіе было общее.

Зданіе училища выходило на Дворцовую улицу. Передъ зданіемъ былъ огромный плацъ, четыре стороны котораго были аллеи съ большими деревьями и кустами, тамъ стояли скамейки. Послѣ обѣда и до 6 часовъ намъ разрѣшалось тамъ гулять. Такъ какъ это было въ городѣ, то и городской публикѣ не возбранялось проходить по аллеямъ или гулять. Нерѣдко, конечно, приходили и наши симпатіи, мѣстныя гимназисточки.

На плацу производилась смѣнная ѣзда и всякія другія военныя упражненія. Вдоль аллей стояли разные барьеры и гуляющая публика могла наблюдать какъ молодежь копала рѣпу на барьерахъ безъ стремянъ. Тамъ же на бульварѣ, такъ назывались аллеи нашего плаца, была будочка "Гершки", у него можно было купить халву, молоко, папиросы и всякую мелочь, конечно, въ кредитъ,- назывался номеръ страницы, куда Гершка записывалъ долгъ.

Подъемъ былъ въ 7 часовъ утра. Теоретическія занятія въ капонирѣ, фасадъ этаго зданія выходилъ на плацъ справа, начинались съ 8 до I2 часовъ. Шли мы туда строемъ по-эскадронно. Переходя улицу, вокругъ насъ бѣгалъ "Петька" и продавалъ свѣжія газеты. Обратно возвращались по-смѣнно, корнетство же бѣжало безъ всякаго строя и, если встрѣчалось начальство, пристраивалось къ смѣнамъ молодыхъ. Около "капонира" былъ старый манежъ на 2 смѣны. Рядомъ былъ гимнастическій залъ со всякими приборами для гимнастики, дальше шли конюшни, а на фасадѣ противъ училищнаго зданія новый манежъ тоже на двѣ смѣны, и вольтижировочный манежъ, стѣны котораго были обиты кожей въ видѣ огромныхъ подушекъ для смягченія удара при паденіи съ лошади. Зимой смѣнная ѣзда производилась въ этихъ манежахъ.

Послѣ завтрака было три часа строевыхъ занятій. Каждый день часъ ѣзды, а остальные два часа: фехтованіе на эспадронахъ, пѣшій строй, сигналы, сѣдловка, сборка и разборка винтовки и револьвера, изученіе уставовъ, эскадронныя, полковыя и дивизіонныя ученія съ кубиками и такъ далѣе. Лучшихъ ѣздоковъ назначали въ смѣну молодыхъ лошадей, полученныхъ изъ запасныхъ кавалерійскихъ полковъ. Эти лошади были пріучены къ сѣдлу и оголовью. Каждую лошадь держалъ вѣстовой, на нее надо было осторожно садиться, чтобы она не испугалась, затѣмъ по командѣ смѣннаго офицера вѣстовые вели лошадей по кругу, затѣмъ ихъ отпускали и мы, оглаживая, пріучали

ихъ итти спокойно шагомъ. Вдругъ, трубачъ трубитъ "отбой", что тутъ поднималось! Картину можетъ себѣ представить только кавалеристъ. Постепенно лошади успокаивались и медленно привыкали къ своей работѣ. Но юнкеръ, выѣзжая молодую лошадь, долженъ былъ ѣздить каждый день въ своей смѣнѣ. А когда готовились къ конному празднику, нѣкоторымъ приходилось ѣздить три часа въ день въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, но все же это было интереснѣе,чѣмъ заниматься скучнымъ дѣломъ "стрѣлецкимъ" или скатывать шинель и приторачивать къ сѣдлу.

Въ 4 часа - обѣдъ изъ двухъ блюдъ съ чаемъ. До 6 часовъ свободное время, можно было гулять въ саду около училищнаго зданія, сзади или на бульварѣ или въ эскадронѣ заниматься своимъ дѣломъ. Отъ 6 до 8, какъ я писалъ, нужно было зубрить лекціи и готовиться къ репетиціямъ. Затѣмъ былъ чай съ кускомъ бѣлаго хлѣба, перекличка, молитва и можно было ложиться спать. Въ IO часовъ лампы тушились.

Смѣны одинаковыхъ взводовъ I и 2 эскадроновъ соединялись вмѣстѣ и составляли классное отдѣленіе. Сдавали мы репетиціи по вторникамъ и пятницамъ, послѣ 8 часовъ вечера. Тянули билеты,на которыхъ были вопросы по данному предмету. Насъ вызывали по четыре человѣка, два на классную доску. Можно было на доскѣ писать конспектъ и когда приходила очередь отвѣчать.

Главное Управленіе Военно-Учебныхъ Заведеній нашло, что въ нашемъ училищѣ баллы ставятъ очень высокіе. Поэтому намъ было объявлено, что на репетиціяхъ преподаватель не будетъ помогать юнкеру, если тотъ "закинется". Въ такихъ случаяхъ экзаменующій спрашивалъ: "вы кончили?" - "Никакъ нѣтъ".- "Продолжайте!" Баллы получалъ послѣ окончанія репетиціи старшій въ смѣнѣ и у такого, кто много говорилъ и думалъ, что хорошо отвѣчаетъ стояла, напримѣръ, семерка. Онъ къ лектору съ претензіей, что хорошо отвѣчалъ, "да, но вы ерунду мололи!" А письменныя темы еще хуже были, въ особенности у тѣхъ, кто кончилъ штатскія заведенія. На тему давалось два листа, отвѣтъ долженъ былъ быть сжатымъ, безъ вступленія и заключенія и нерѣдко, когда мы получали обратно наши сочиненія, то краснымъ карандашомъ была вычеркнута напримѣръ вся первая страница и половина второй, баллъ былъ низкій,т.к.отвѣтъ на тему былъ ужъ очень короткимъ. Такъ дотянули до Рождества. Выдача лучшимъ ѣздокамъ въ смѣнѣ, 2-3 человѣка, шпоръ. Полугодовые баллы и отчисленіе "командовать полчкомъ" въ 8 кавалерійскую дивизію тѣхъ, у кого было 2 и 3 неудовлетворительныхъ балла за полугодіе. Изъ нашей смѣны уѣхало два Сумца вольноопредѣляющимися съ правомъ осенью слѣдующаго года опять вернуться на младшій классъ, но уже "маіоромъ". Такой маіоръ былъ у насъ.

Вернусь опять къ "капониру", грозой котораго былъ Инспекторъ классовъ полковникъ Лишинъ, въ прошломъ конный артиллеристъ. У него были очень маленькія ступни ногъ и не дай Богъ юнкеру посмотрѣть на нихъ. Начинался страшный разносъ, причемъ сперва ствился вопросъ и если юнкеръ былъ дворянскаго происхожденія, то нотація

была длинной, а если нѣтъ, то и разговоръ былъ короткимъ. Изъ за своихъ ногъ у него было прозвище "гуляй нога".

Не менѣе строгъ былъ помощникъ Инспектора классовъ подполковникъ Карпенко, военный юристъ по образованію. Если лекторъ не приходилъ на лекцію, то Карпенко давалъ писать сочиненіе на какую-нибудь военную тему и часто за шалости приказывалъ ставить юнкеровъ подъ шашку.

Весной были переходные экзамены на старшій курсъ, кто проваливался, приходилось, послѣ службы въ полку, возвращаться опять на младшій классъ.

Послѣ экзаменовъ училище выступало въ лагерь, который былъ на флангѣ Таганрогскаго пѣхотнаго полка. Называли мы ихъ "пѣшими гусарами", но жили въ дружбѣ,- у нихъ было офицерское собраніе, куда на семейные вечера приглашались юнкера.

Послѣ зимней зубрежки всякихъ наукъ въ лагерѣ мы примѣняли теорію на практикѣ. Передъ лагеремъ на огромныхъ поляхъ съ множествомъ балокъ мы практиковались въ различнаго рода построеніяхъ и если фуражка на скаку слетала, никто не имѣлъ права ее поднять, даже при остановкѣ, такъ юнкеръ продолжалъ быть безъ фуражки и покупалъ новую. Поэтому всѣ пастухи носили юнкерскія фуражки.

Утромъ отъ 7 до IO часовъ были сначала взводныя, а затѣмъ эскадронныя ученія, спѣшиванія, но перебѣжками не увлекались. Подъ конецъ вызывались юнкера командовать эскадрономъ. Командиръ эскадрона приказывалъ трубачу играть сигналъ, юнкеръ же подавалъ этотъ сигналъ шашкой или голосомъ, какъ приказывалъ нашъ эскадронный командиръ старый кавалеристъ полковникъ Собичевскій.

Послѣ завтрака,- фортификація или конно-саперное дѣло, этотъ предметъ мы любили, сюда входило изученіе желѣзнодорожнаго дѣла и подвижного состава, паровозовъ - водили насъ въ депо, водокачки, порча желѣзныхъ дорогъ и т.д.; изученіе телеграфа, различныхъ аппаратовъ, азбуку Морзе должны были знать наизусть и по звуку, для этаго давались намъ телеграфные ключи и мы въ свободное время практиковались и выстукивали что попало. Зимой слѣдующаго года былъ экзаменъ. Инструкторъ, саперный унтеръ-офицеръ, бывшій телеграфный чиновникъ, диктовалъ донесеніе, юнкеръ стучалъ ключемъ, телеграмма шла по проводамъ въ классѣ и тутъ же аппаратъ ее принималъ. Или копались какъ кроты, возводя различные окопы, которые потомъ засыпались командой солдатъ.

По окончаніи упражненій эскадронъ развернутымъ фронотомъ останавливался передъ лагеремъ, солдаты выносили и ставили стойки передъ каждымъ взводомъ и мы по очереди на карьерѣ рубили зеленый камышъ. Неправильный ударъ, камышъ оставался на клинѣ, юнкеръ повторялъ упражненіе и получалъ часъ подъ шашкой. Къ концу лагеря всѣ отлично справлялись съ этимъ упражненіемъ.

На младшемъ классѣ, послѣ обѣда, подъ руководствомъ прикоман-

дированныхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба мы производили въ пѣшамъ порядкѣ полуинструментальныя съемки. Таскали съ собой вѣхи, алидады и прочіе инструменты, что намъ не очень нравилось, т.к.приходилось много ходить. На старшемъ классѣ цѣлый мѣсяцъ были съемки конныя; наканунѣ каждому изъ насъ назначался участокъ въ окрестностяхъ лагеря, на которомъ надо было выполнить какую-нибудь задачу: развѣдка дороги, участка мѣстности, поставить сторожевое охраненіе, квартиро-бивакъ полка въ какомъ-нибудь селеніи и т.д. Въ 7 час.утра намъ давалась лошадь, планшетъ, сумочка для карандашей и "мертвякъ" - булка, въ которой покоилась котлета. В 3 часа дня надо было точно возвращаться въ лагерь и являться дежурному офицеру и если лошадь была потной, юнкеръ подвергался наказанію. А потому, поѣзжая къ лагерю, юнкера сухой травой растирали послѣ скачекъ засохшіе волосы. У кого были хоть маленькія способности къ рисованію, съемки давались легко. Бывало за часъ времени кончишь свою съемку и ѣдешь помогать пріятелямъ,- времени давалось достаточно, а потому устраивали скачки, затѣмъ возвращались въ Елисаветградъ. При въѣздѣ въ городъ всегда были кабачки съ конюшнями, очевидно для пріѣзжихъ крестьянъ. Мы ставили лошадей въ конюшню, что, конечно,запрещалось, ѣли вкусный малороссійскій борщъ и еще что-нибудь вкусное хохлацкое и возвращались въ лагерь.

Сташій классъ въ 1908 году произвели кажется 15 іюля. Насъ, младшій классъ, свели въ одинъ эскадронъ и мы пошли на маневры въ раіонъ Елисаветградъ - Ново-Александрія. Каждый день какая-нибудь задача. Солдаты изъ команды ѣхали впередъ квартирьерами, разбивали коновязи по взводамъ, тамъ же были мѣшки съ овсомъ, сѣно, а намъ юнкерамъ отводились школы или волостныя управленія, гдѣ на полу была разбосана солома. Обѣдъ былъ готовъ,- котелъ съ борщемъ и каша насъ ждали. Мы разсѣдлывали лошадей, сѣдла несли въ помѣщенія, а сами шли на уборку лошадей, за которой наблюдали взводные офицеры и, если лошадь была плохо вычищена, ставили подъ шашку.

Маневры были съ непривычки тяжеловаты. Съ ранняго утра и приблизительно къ 3 или 4 часамъ мы приходили на ночлегъ, уборка лошадей отнимала много времени, спали одѣтыми и прикрывались шинелью. А первый день пришлось спать на коновязи, ночью пошелъ небольшой дождь, хорошо что былъ какой-то навѣсъ, перебрались туда, а тамъ утро, уборка, кормленіе лошадей, водопой, все это насъ выматывало. Ѣсть приходилось изъ котелка, борщъ, потомъ кашу и изъ того же котелка чай, который больше отдавалъ борщомъ но не чаемъ.

Прибыли мы въ Ново-Александрію и расположались въ пустыхъ казармахъ артиллерійскаго дивизіона. Наканунѣ я былъ дежурнымъ по эскадрону, мою лошадь убиралъ вѣстовой, разсѣдлали лошадей; положилъ я сѣдло подъ голову, разстелилъ шинель и заспулъ,какъ меня не будили на уборку, на обѣдъ, такъ и не добудились. Самъ проснулся на слѣдующій день по сигналу въ 6 часовъ утра,- и не мудрено: два дня на лошади и ночь дежурства. Маневры были окончены, мы пріѣхали въ училище въ лагерь и черезъ нѣсколько дней уѣхали въ отпускъ,гдѣ насъ ждалъ заслуженый отдыхъ до 15 августа, когда начались занятія, но уже на старшемъ курсѣ.

На этомъ краткомъ описаніи жизни училища я и остановлюсь. О произведствѣ 6 августа I909 года я уже писалъ. Но хочу добавить, что членъ французской Академіи, какъ французы говорятъ "безсмертный" русскаго происхожденія Тарасовъ, а по французски Анри Труая, написалъ романъ "До тѣхъ поръ пока земля крутится", точно перевести трудно, поминаетъ наше училище и конечно цукъ.

Н.Главацкій, 2 выпуска.

ИЗЪ ПИСЕМЪ.

... Вотъ эта Страстная недѣля мнѣ памятна еще съ I9I7 года. Тогда въ Страстную Пятницу, когда мы уже были въ кроватяхъ, вдругъ къ намъ прибѣжалъ нашъ кадетъ 3 класса и сообщилъ, что рабочіе бьютъ на Сокольничьемъ Кругу, гдѣ заворачиваетъ трамвай, нашихъ маленькихъ кадетъ, возвращающихся изъ отпуска въ корпусъ. Всѣ кто былъ здѣсь, схвативъ штыки, бросились туда и вотъ тамъ, можно сказать, произошла первая драка послѣ начала "базкровной", открывшая серію другихъ. Вотъ тогда мы получили почетное званіе "змѣенышей изъ Варшавы". А вскорѣ послѣ этого - другой случай, но съ благопріятнымъ исходомъ.

Стоитъ толпа рабочихъ и солдатни передъ зданіемъ и всѣ галдятъ и что-то показываютъ на крышу. Какъ Ты знаешь, мы занимали два четырехэтажныхъ зданія въ комплексѣ казармъ Фанагорійскаго полка въ Сокольникахъ и были окружены 84 запасным батальономъ и саперной ротой. Потомъ выяснилось, что наши изъ третьей роты, четвертая рота была въ I Московскомъ корпусѣ, полѣнья выданныя для топки, выставили на чердачныя окна, предварительно чернилами начертивъ кружокъ такъ, что издалека получался пулеметъ. Крика и шума было много.

А какъ апофеосъ - I5 апрѣля н.ст.Корпусъ получилъ приказъ I8 апрѣля выйти на парадъ на Красную площадь съ музыкой и знаменемъ зашитымъ краснымъ кумачемъ. Генералъ Баулинъ приказалъ всѣмъ выдать по балламъ аттестаты и чтобы къ I мая, I8 апрѣля ст.ст., ни одного кадета въ корпусѣ не оставалось бы, что и было исполнено, - на парадѣ въ Кремлѣ нашего корпуса не было.

П.Лавоненко, I2 выпуска.

Девизъ рода Суворовыхъ:

"VIRTUTE ET VERITATE"

(добродѣтелью и справедливостью).

КОННАЯ АРТИЛЛЕРІЯ ВЪ ПѢШЕМЪ БОЮ.

Изучая совѣтскую военную литературу о войнѣ 40-хъ годовъ, предпринятой Гитлеромъ, видно, что примѣненіе легкой артиллеріи Красной арміи для стрѣльбы прямой наводкой происходило часто и особенно для подготовки атаки пѣхоты. До сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что конная артиллерія въ войнѣ 1914-1918 г.г.придавалась только конницѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ей не часто удавалось отдыхать, такъ какъ за общимъ недостаткомъ артиллеріи въ Императорской Русской Арміи, когда конницѣ не было возможности вести кавалерійскій бой, конная артиллерія дѣйствовала съ пѣхотой. Вотъ этому примѣръ: -

Ранней осенью, въ началѣ октября 1914 г.ст.стиль, послѣ ожесточенныхъ боевъ на подступахъ къ крѣпости Перемышль, наша 3-я Армія развернулась на р.Санъ. 19 конная батарея съ сотней черкесовъ былъ придана 2 бригадѣ 5 пѣхотной дивизіи +/. Бригадой командовалъ генералъ Бѣляковъ, б.Командиръ Л.Гв.Петроградскаго полка, а 20-ымъ пѣх.Галицкимъ полкомъ извѣстный своей храбростью полковникъ Линда, который въ этихъ же раіонахъ отличился успѣшной атакой своего полка при развернутомъ знамени и подъ звуки полкового оркестра. Пѣхота занимала небольшой тетъ-де-понъ на р.Санъ у фольварка Высоцко, что къ сѣверу отъ Ярослава и по близости къ селу Адамовка.

Сильно истощенная походами и боями пѣхота нуждалась въ моральной поддержкѣ и для поднятія ея духа командованіе рѣшило переправить въ тетъ-де-понъ взводъ, 2 орудія, 19 конной батареи для занятія позиціи непосредственно за окопами пѣхоты. Командованіе взводомъ было поручено сперва "Максу" /прозвище/,молодому подпоручику производства іюля 1914 года. Послѣ нѣкотораго раздумья начальство измѣнило свое рѣшеніе и командованіе принялъ поручикъ В.П.Рѣзухинъ, а ему въ помощь и въ замѣстительство подпоручикъ Максъ; оба были въ восторгѣ выполнить столь интересное предпріятіе. Мостъ черезъ рѣку Санъ обстрѣливался артиллеріей противника регулярно въ точный періодъ двухъ минутъ, но этотъ мостъ былъ внѣ поля зрѣнія его наблюдателей, а подходъ къ мосту и выходъ изъ него былъ имъ видѣнъ и ихъ артиллерія не жалѣла снарядовъ для обстрѣла всего движущагося.

Рѣзухинъ и Максъ рѣшили лично произвести развѣдку днемъ и выбрать позицію въ согласіи съ командованіемъ тетъ-де-пона, а съ темнотою переправить орудія и зарядные ящики съ соблюденіемъ тишины и огня-свѣточа. Развѣдка нашла тетъ-де-понъ весь изрытымъ траншеями и воронками,- было очень легко заблудиться въ этихъ гекатомбахъ. Съ колокольни села занятаго противникомъ, его наблюдатели могли хорошо видѣть все происходящее въ нашемъ расположеніи и,конечно, нечего было и думать, что можно было бы оставить лошадей въ тетъ-де-понѣ и, значитъ, въ случаѣ прорыва противника, орудія, за-

---

+/ Пускай мой другъ Владиміръ Ивановичъ Рѣпкинъ обратитъ на это свое вниманіе.

рядные ящики, офицеры и солдаты должны были бы или попасть въ плѣнъ или погибнуть.

Въ ночь съ 8 на 9 октября 1914 г. взводъ былъ переправленъ въ тетъ-де-понъ и занялъ позицію; - передки вернулись обратно къ остальной части батареи. Для Рѣзухина и Макса такая боевая авантюра представляла большую прелесть и имъ было пріятно помочь пѣхотѣ. Первымъ дѣломъ было рѣшено разрушить колокольню костела,- это къ ихъ большому сожалѣнію, но по необходимости уничтожить наблюдательный пунктъ врага. Прицѣлъ 26 и гранатой, т.е.чуть больше версты. Черезъ нѣсколько минутъ верхъ колокольни былъ окончательно разрушенъ, но врагъ разсердился и его артиллерія и пулеметы били туда-сюда, не причиняя никакихъ потерь ни артиллеріи ни пѣхотѣ.Черезъ головы защитниковъ снаряды летѣли въ рѣку Санъ, отъ чего погибло много рыбы, кое-кто ею поживился. Орудія находились въ 40 шагахъ отъ обрывистаго берега Сана и генералъ Бѣляковъ по телефону отдалъ распоряженіе, что въ случаѣ слишкомъ сильной бомбардировки взвода, дабы сохранить прислугу, отводить ее за берегъ рѣки, гдѣ люди были почти въ абсолютной безопасности. Понявъ такое распоряженіе генерала, какъ проявленіе исключительнаго вниманія къ нимъ, два офицера и солдаты поняли, что ихъ благодарностью будетъ самая интенсивная и сердечная помощь пѣхотѣ.

Артиллерія 5 пѣхотной дивизіи осталась на восточномъ берегу Сана и каждое открытіе огня взвода конной артиллеріи тетъ-де-пона сопровождалось настоящимъ гуломъ снарядовъ легкой артиллеріи.Спать приходилось въ окопахъ и молодой Максъспалъ такъ хорошо, что однажды во время его сна полевая мышка прогрызла ему карманъ, въ которомъ случайно оказалась сухая корочка хлѣба. Максъ оставался при взводѣ, а Рѣзухинъ - въ пѣхотныхъ окопахъ для наблюденія за противникомъ и веденія огня. Одинъ изъ пулеметовъ противноика занималъ исключительно хорошую для него позицію, обстрѣливая во флангъ наши окопы, и причинилъ пѣхотѣ чувствительныя потери. Этотъ проклятый пулеметъ гвоздилъ особенно по ночамъ и мѣшалъ подвозу припасовъ; ген.Бѣляковъ приказалъ Рѣзухину уничтожить пулеметъ. Рѣзухинъ рѣшилъ сбить пулеметъ ночью, когда будетъ сравнительно легко направить орудіе прямой наводкой и, когда въ темнотѣ пулеметъ началъ звѣрствовать, ему пришелъ конецъ отъ одной только русской гранаты.

Очень часто противникъ пробовалъ атаковать наши позиціи, но всѣ эти атаки останавливались нашей артиллеріей, стоявшей на другомъ берегу Сана, каждый разъ какъ только конно-артиллеристы начинали стрѣлять,- это былъ условный знакъ тревоги, Въ этотъ періодъ войны снарядовъ было въ большомъ избыткѣ и мы вѣдь надѣялись быть побѣдителями въ три мѣсяца. Конечно, противникъ старался нащупать наши орудія, но къ счастью, его снаряды, хотя и ложились очень близко, не причиняли никакихъ потерь. Однажды старшій фейерверкеръ доложилъ Максу, что панорама одного изъ орудій больше не вращается. Максъ идетъ къ орудію, поправляетъ панораму, хочетъ спуститься въ окопъ, какъ вдругъ вражеская шрапнель, что-то сильно ударило въ правую лопатку и Максъ рухнулъ на дно окопа,- правая рука отказалась дѣйствовать. Онъ ее схватилъ лѣвой и сталъ правую приводить

въ движеніе. Ужасъ прошелъ. Мало по малу все пришло въ норму и Максъ снова началъ выполнять свои обязанности, но вскорѣ былъ остановленъ фельдшеромъ, который заявилъ, что у его благородія течетъ кровь изъ спины. Оказалось, что шрапнельная пуля застряла въ лопаткѣ и фельдшеръ ее легко извлекъ. Конечно, Максъ остался въ строю. Когда генералъ Бѣляковъ узналъ о раненіи Макса, онъ ему прислалъ плитку шоколада и бутылку коньяку. Но на этомъ всѣ маленькія непріятности не исчезли: однажды подъ утро, когда Максъ еще спалъ крѣпкимъ сномъ въ своей окопоной дырѣ, онъ вдругъ проснулся отъ испуга, т.к.ему показалось, что огромный дирижабль движется прямо на него. Оказалось, что снарядъ противника попалъ подъ крышку зарядnаго ящика и эта крышка летя произвела шумъ крыльевъ гигантской птицы. Однако, зарядный ящикъ не взорвался и только два-три снаряда выскочили изъ своихъ гильзъ. На слѣдующій день пріѣхалъ на взводъ Командиръ батареи, былъ сфотографированъ около несчастнаго ящика и - уѣхалъ обратно.

Слѣдующіе дни прошли вполнѣ нормально, но вотъ однажды на разсвѣтѣ Макса разбудилъ дежурный наблюдатель и доложилъ, что,несмотря на туманъ, онъ замѣтилъ пѣхоту противника, которая оставила свои окопы и движется перебѣжками къ нашимъ позиціямъ. Не было печали, черти накачали!... Рѣзухина не было, Максъ увидѣлъ въ двурогую трубу, что дѣйствительно врагъ наступаетъ. Команда "прицѣлъ IO, трубка кртечь"... Максъ уже было рѣшилъ открыть бѣглый картечный огонь, какъ вдругъ и о, какое счастье, австрійская артиллерія начала бить по своимъ, оказалось, что противникъ сдается,- это были чехословаки!... Съ видимой радостью на лицахъ они проходили черезъ наши окопы и угощали насъ папиросами, сигарами и шоколадомъ, называя насъ "братржи русове",- братья русскіе. Помилуй Богъ, какое счастье: къ намъ перешелъ цѣлый батальонъ чеховъ.

Въ общемъ, все хорошо, что хорошо кончается! Дня черезъ два послѣ этого событія на тетъ-де-понъ былъ переброшенъ еще одинъ взводъ I9 конной батареи, а 23 октября ночью австрійцы бросили свои позиціи, такъ какъ гораздо сѣвернѣе, послѣ длительнаго боя подъ Томашеовымъ австро-нѣмцы были разбиты и фронтъ ихъ былъ прорванъ. Сотнѣ черкесовъ и I9 конной батареѣ было приказано немедленно преслѣдовать противника, однако противникъ отступалъ очень быстро и только въ IO верстахъ отъ его прежнихъ позицій батареѣ удалось открыть огонь по бѣглецамъ. Артиллерія противника начала отвѣчать и нашему маленькому отряду было очень рисковано передвигаться вглубь, тѣмъ болѣе, что вдали была видна крупная колонна конницы, медленно, съ опаской передвигавшейся въ нашемъ направленіи. Какъ жаль, что наше командованіе не послало всю II-ю Кавалерійскую дивизію для преслѣдованія,- вѣдь это было назначеніе конницы.

Побѣдоносная Русская Армія, оставивъ крѣпость Перемышль окруженной въ нашемъ тылу, подходила къ Карпатамъ. В.П.Рѣзухинъ, по представленію пѣхоты, былъ награжденъ орденомъ св.Георгія 4 ст., Командиръ батареи - Георгіевскимъ оружіемъ, а Мксъ сразу орденомъ св.Станислава 2 степени съ мечами, это была его вторая боевая награда, послѣ св.Анны 4 степени за бой II августа I9I4 года подъ

Камiонкой-Струмиловой за отбитiе атаки венгерской конницы на нашъ II-й Конно-Артиллерiйскiй дивизiонъ.

Участникъ-Суворовецъ

М.Прокофьевъ, 6 выпуска.

Д Е Н Ь Щ И К И.

Къ молодому офицеру, только что одѣвшему мундиръ съ офицерскими погонами и пріхавшему послѣ 28-дневнаго отпуска въ часть, назначался деньщикъ. Выбиралъ деньщика фельдфебель среди своихъ подчиненныхъ. Обыкновенно назначался канониръ, который по своимъ качествамъ физическимъ и, главное, умственнымъ былъ къ строю неспособенъ, какъ и былъ мой деньщикъ Семеновъ. Онъ даже не годился быть ѣздовымъ,- это послѣдняя категорiя въ батареѣ.

Явился ко мнѣ бравый солдатъ съ закрученными колечкомъ при помощи мыла усами. "Хочешь быть моимъ деньщикомъ?" - Отвѣтъ былъ отчетливымъ и утвердительнымъ. "А какъ твоя фамилiя?" - "По уличному Прохоровъ, а вотъ призвали на военную службу, сталъ Семеновымъ". Я ему объяснилъ, что его настоящая фамилiя Семеновъ, но онъ къ моимъ словамъ отнесся скептически.

Итакъ, мы съ нимъ зажили душа въ душу. Былъ онъ изъ деревни Тамбовской губернiи и часто сбивался и говорилъ мнѣ "ты",на что я не обращалъ вниманiя. Вечеромъ его обязанностью было снимать сапоги, въ то время эта процедура была довольно сложной,но онъ этимъ не удовлетворялся и, какъ я не протестовалъ, онъ меня раздѣвалъ, укладывалъ въ кровать, укутывалъ одѣяломъ, желалъ спокойной ночи и шелъ въ свою комнату, гдѣ у него была своя кровать со всѣми принадлежностями. Въ то же время эта комната служила и кухней, въ которой, кромѣ постановки самовара, ничего не готовилось.

Однажды, укладывая меня спать, у него появилась фантазiя пощекотать мои пятки, пошутилъ и ушелъ. На слѣдующiй день шутка повторилась, но я, предвидя это, вооружился туфлей. Онъ меня за за пятки, а я его давай дубасить по спинѣ,- дурачились какъ дѣти. Да и не удивительно: мнѣ еще не было и 20 лѣтъ, онъ же былъ старше меня на годъ. Иногда къ нему заходили изъ батареи земляки и послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ бутылокъ пива мой Семеновъ никакъ не могъ поймать мою ногу, чтобы снять сапогъ. Я его прогонялъ спать, чѣмъ онъ былъ очень недоволенъ и долго бурчалъ за стѣнкой.

Былъ онъ неграмотный и я рѣшилъ его выучить читать. Вечеромъ въ свободное время я его училъ азбукѣ, которую онъ съ большимъ трудомъ осилилъ и даже могъ назвать буквы въ разбивку, но сложить слово никакъ не могъ. Какъ то вечеромъ былъ я

у сестры, которая была замужемъ за офицеромъ нашей бригады. И когда я приходилъ къ ней, Семеновъ приходилъ къ деньщику и послѣ ужина мы вмѣстѣ возвращались домой. Однажды сестра моя спрашиваетъ успѣшно ли идетъ ученіе грамотѣ. Я позвалъ Семенова, даю ему книгу и говорю "читай заглавіе!" - Онъ начинаетъ по буквамъ: "пе, а, у, те, и, ен, а /паутина/".- А какъ же вмѣстѣ? - "Книга, Ваше Благородіе". Такъ у насъ съ грамотностью ничего и не вышло.

Я у него считался на первомъ мѣстѣ. Когда у сестры бывали гости и расходились, Семеновъ подавалъ пальто мнѣ первому, а остальнмымъ офицерамъ и дамамъ послѣ. Какъ я ему не объяснялъ порядокъ подачи одежды гостямъ, онъ не соглашался и дѣлалъ по-своему.

Рембертовскій полигонъ былъ расположенъ вдоль линіи желѣзной дороги Варшава-Брестъ, а по другую сторону полотна были дачи. Съ дачницами у насъ были знакомства, часто мы встрѣчались, гуляли и проводили время какъ полагалось въ то время молодежи. Какъ то подъ вечеръ я былъ у знакомыхъ на дачѣ, пошелъ дождь, вижу мой Семеновъ несетъ мнѣ непромокаемое пальто. Какъ же ты меня нашелъ? - "А гдѣ же вамъ быть какъ на дачѣ, я всѣ дачи обошелъ!" - Такая забота о своемъ баринѣ проявлялась во всемъ.

Въ началѣ августа батареи шли походнымъ порядкомъ въ Прасныш на общіесборы. Сюда же приходила пѣхота и I5 кавалерійская дивизія, въ которой были мои пріятели по выпуску изъ училища и мы часто ѣздили въ гости другъ къ другу. Первый переходъ Рембертово-Варшава, гдѣ бригада расположилась на ночевку въ своихъ казармахъ. Мы же, холостые офицеры, остановились на квартирѣ у одного изъ нашихъ офицеровъ, который снималъ квартиру на годъ. Большая же часть холостыхъ офицеровъ снимали комнаты на зиму, весной, когда мы выступали въ лагерь, вещи сдавались въ цейхгаузъ, а квартирныя деньги дополняли жалованіе. И такъ насъ въ одной комнатѣ расположилось на походныхъ кроватяхъ 5 человѣкъ, столько же деньщиковъ на кухнѣ. Было тѣсновато, но весело. Сейчасъ же организовали холодный ужинъ съ соотвѣтствующими возліяніями. Послѣ ужина рѣшили поѣхать въ кабаре. Но наши деньщики рѣшили иначе, что въ веселомъ видѣ намъ надо ложиться спать, а не ѣхать продолжать кутежъ. Мы начали одѣваться,но не оказалось шашекъ,- онѣ исчезли. Какъ мы не приказывали принести шашки получали въ отвѣтъ, что деньщики не знаютъ гдѣ онѣ. Послѣ криковъ, ругни, всѣ успокоились и легли спать. На слѣдующій день узнали, что наши шашки деньщики спрятали себѣ подъ матрацы и въ городъ насъ не пустили.

У одного изъ нашихъ офицеровъ, поручика С.,былъ деньщикъ грузинъ. И у него со своимъ бариномъ были вѣчныя драмы. Поручикъ любилъ играть въ карты и часто проигрывалъ. Деньщикъ же у него вѣдалъ финансовой частью и былъ скупъ на выдачу денегъ. Кромѣ жалованія поручикъ С. получалъ деньги отъ своей матери. Грузинъ это зналъ и когда С.приходилъ и требовалъ деньги, грузинъ ругался и говорилъ:"еще разъ проиграешь, мамѣ напишу!" И вотъ однажды приходитъ С.въ собраніе и читаетъ псьмо деньщика, которое ему переслала его мама. "Ваше Благородіе, дорогая мама! Поручикъ мой меня не слушаетъ и проигрываетъ деньги. Не присылай больше. Ихъ Благородія

деньщикъ" и подпись.

Пробылъ у меня Семеновъ два года и ушелъ въ запасъ, были слезы да и мнѣ было тяжело разставаться. Изрѣдка я ему писалъ, конечно масса поклоновъ любезной вашей супругѣ и т.п. Войною все оборвалось. Можно много писать о преданности простыхъ людей своимъ господамъ. Но этотъ маленькій очеркъ показываетъ красивую душу русскаго человѣка. Про деньщиковъ въ военное время было уже много написано, поэтому я остановился на мирномъ времени.

Н.Главацкій, 2 выпуска.

НОВАЯ ФОРМА.

Я былъ выпущенъ изъ Павлогскаго Военнаго училища въ I9I3 году. Нашъ выпускъ былъ первымъ, который сшилъ себѣ парадные мундиры по новой, недавно Высочайше утвержденной формѣ. Гвардии это не касалось, а армейскихъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, кромѣ кавалеріи, которая уже имѣла свои историческія парадныя формы, пріукрасили замѣчательной выдумкой.

Обыкновенный защитнаго цвѣта китель могъ превращаться въ парадный мундиръ. Для этого на однобортный китель на кнопкахъ пристегивался цвѣтной, по цвѣту полка красный, синій, бѣлый или темнозеленый двухбортный лацканъ гвардейскаго образца, а сверху простого воротника пристегивался на крючкахъ шитый воротникъ. Парадным головнымъ уборомъ стала сѣрая каракулевая папаха съ плоскимъ золотымъ орломъ и кокардой спереди, причемъ боковые и тыльная сторона папахи отстегивались, образуя наушники и назатыльникъ. Кромѣ этого, внѣ строя офицеры могли носить сабли на длинной поясной портупеѣ. Но сабля тоже была особенной. Къ шашкѣ покупалась сабельная никелерованая съ башмакомъ ножна и потъ армеецъ превращался чуть-ли не въ улана: съ лацканамъ и саблей. Эфесъ на саблю-шашкѣ оставался, конечно, тотъ же шашечный.

Не знаю кто былъ авторъ этой новой формы, но ни экономіи ни красоты,- качествъ, изъ за которыхъ эта форма вводилась,- достигнуто не было. Портные Петербурга отказывались отъ отдѣльныхъ лацкановъ, шили цѣликомъ сложный и уродливый мундиръ и цѣна его оставалась та-же. Въ самомъ дѣлѣ, китель, который офицеръ носитъ постоянно, всегда будетъ несвѣжимъ съ нацѣпленнымъ рѣдко одѣваемымъ лацканомъ и получится убого и некрасиво. Въ особенности накладной шитый золотомъ воротникъ толстилъ до уродства шею и пристегивать его было очень трудно. Помню, мы - офицеры производства I9I3 года, когда дѣлали визиты въ полкахъ въ провинціи, ндѣ только слышали о новой формѣ, но еще ея не видѣли, демонстрировали ее и производили фуроръ и смѣхъ. Въ особенности сабли, волочившіяся съ грохотомъ по панели. Но дамамъ и барышнямъ сабли все таки нравились.

Черезъ годъ грянула война. Выпуску 1914 года одѣвать парадную форму, хотя и сшитую, не пришлось, сабли и парадные мундиры легли на дно офицерскихъ сундуковъ и остались на складахъ офицерскаго имущества въ гарнизонахъ, чтобы оттуда уже больше никогда не появляться. Но все-же, это была послѣдняя Высочайше утвержденная парадная форма Русской Арміи.

+ С.Грешнеръ, 6 выпуска.

УТРАТЫ ОБЪЕДИНЕНІЙ.

За эти два года скончались:

Январь 1971 г. - Анатолій Николаевичъ РѢШКО, 4 вып.въ США.
11 апр. " - Сергѣй Дмитр.ДРИНЕВИЧЪ, 6 вып.,въ Чили.
Іюнь " - Сергѣй НЕВСТРУЕВЪ, 9 вып.въ Югославіи.
16 іюля " - Влад.Георг.ЯСТРЕБОВЪ, 8 вып.въ Канадѣ.
28 авг. " - Елена Влад.ВИНОКУРОВА,препод.фр.яз.во Франціи.
21 нояб." - Алдръ Никол.ПОТАПОВЪ, 2 вып.,въ США.
8 янв. 1972 г. - Нина Ник.НАМѢСТНИКЪ, супр.чл.объед.въ Зап.Германіи
30 янв. " - Сергѣй Влад. НИЦЪ, 11 выпуска, въ США.
10 февр." - Арк.Бор.ЛАГОДОВСКІЙ, 4 вып.,во Франціи.
28 мар. " - Сергій Конст.НАМѢСТНИКЪ,чл.объед.въ З.Германіи
19 апр. " - Ксенія Ив.БУГОСЛАВСКАЯ,супр.наш.Генер.секретаря.
22 апр. " - Вѣра Макс.МИРОНОВИЧЪ,супр.наш.П.И.Мироновича,США
4 мая " - Серг.Алдр.КАШКИНЪ, 6 выпуска, въ США.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПОТАПОВЪ.

21 ноября 1971 года въ США скончался Александръ Николаевичъ Пота-Потаповъ, предсѣдатель Объединенія Суворовскихъ кадетъ, проживающихъ въ Сѣверной Америкѣ и Канадѣ. Покойный происходилъ изъ военной семьи и отецъ его, генералъ-маіоръ Судебнаго Вѣдомства,былъ изъ Варшавы переведенъ въ Тифлисъ. А.Н.окончилъ корпусъ вице-унтерофицеромъ и взялъ вакансію въ Михайловское Артиллерійское Училище. Училище онъ окончилъ портупей-юнкеромъ и подпоручикомъ вышелъ въ Кавказскій Стрѣлк.арт.дивизіонъ, откуда черезъ мѣсяцъ переводится въ Кавказскую Гренадерскую Генералъ-Фельдцехмейстера Великаго Князя Михаила Николаевича артил.бригаду. Съ бригадой А.Н.выступилъ на войну 1914-1917 г.г.,гдѣ былъ раненъ въ ногу, слѣдствіемъ чего небольшая хромота осталась на всю жизнь. Свою бригаду онъ всегда и часто вспоминалъ съ большой любовью и бри-

гадный праздникъ въ день св.Михаила, гдѣ бы онъ ни былъ, отмѣчалъ аккуратно, и въ послѣдній бригадный праздникъ онъ умеръ.

Послѣ Крымской эвакуаціи А.Н.попадаетъ въ Югославію. По почину С.А.Кашкина на Покровъ собрались Суворовцы,чтобы вмѣстѣ вспомнить свое гнѣздо, но въ очень маломъ количествѣ. Съ каждымъ годомъ число собирающихся увеличивалось и въ 1930 году оно достигло 30 человѣкъ. На этомъ большимъ собраніи постановили образовать Объединеніе Суворовцевъ подъ предсѣдательствомъ Потапова и на этомъ посту онъ остался до дня своей смерти. И вотъ здѣсь,въ работѣ для Объединенія, сказались его организаторскія способности. Занимая постъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія А.Н.приходилось очень часто разъѣзжать по городамъ Югославіи, гдѣ онъ встрѣчалъ Суворовцевъ и записывалъ ихъ въ Объединеніе, а также собиралъ все, что касалось нашего Корпуса. У него образовался довольно большой архивъ: альбомы съ фотографіями, воспоминанія, вещи и т.п. Все это было имъ описано и сдано на храненіе въ Музей Русскаго кадетскаго корпуса въ Сараево,Югославія. Къ сожалѣнію все это, съ такой любовью собранное А.Н.погибло въ войну 1939 года...

Опять война разбросала всѣхъ Суворовцевъ. А.Н.пріѣхавъ въ Мюнхенъ со свойственной ему энергіей начинаетъ налаживать связь съ Суворовцами. Устраиваетъ первое собраніе въ лагерѣ Шлейсхеймъ,въ комнатѣ Н.М.Михѣева, на которое пришло только три человѣка. Въ 1948 г. праздникъ устраивается въ ресторанѣ Суворовца Б.Соколова 10 выпуска, это уже была обстановка мирного времени. Въ 1949 году 50-лѣтній юбилей основанія Корпуса былъ торжественно отпразднованъ и А.Н.выпустилъ "Памятку 1899-1949". Душой всего былъ, конечно, А.Н.

Объединеніе во Франціи зародилось въ 1920 году съ пріѣздомъ въ Парижъ Бушена I выпуска, считалось центральнымъ. Такой же центръ образовался и въ Америкѣ съ пріѣздомъ туда А.Н.въ 1950 году. Здѣсь А.Н.начинаетъ выпускать сборникъ "СУВОРОВЦЫ" 2-3 раза въ годъ,черновую тетрадь и "Освѣдомленіе", которое поддерживаетъ связь со всѣми объединеніями: Франція, Германія, Аргентина и отдѣльными кадетами. Работая на сторонѣ, онъ все свободное время отдавалъ Объединенію. За такую большую работу Объединеніе во Франціи просило А.Н. принять званіе Предсѣдателя всѣхъ Объединеній Суворовцевъ за рубежомъ, на что онъ и согласился. Наступаетъ 1962 годъ,- тяжелое бремя недомоганій. Глаза, сердце даютъ себя знать. Докторъ запрещаетъ заниматься общественными дѣлами и А.Н.передаетъ предсѣдательствованіе во Францію, оставляя за собой Сѣверную Америку и Канаду.

По иниціативѣ и просьбѣ Ея Высочество Княжна Вѣра Константиновна согласилась быть Почетной Предсѣдательницей и Суворочкой и всегда посѣщаетъ собранія въ Нью Іоркѣ.

Осиротѣвшую Суворочку Анну Николаевну, помощницу во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ Александра Николаевича, просимъ принять наше искреннее соболѣзнованіе. А объ Александрѣ Николаевичѣ у каждаго Суворовца останется память, какъ о человѣкѣ, сдѣлавшемъ большое

кадетское дѣло, которое будетъ оцѣнено потомствомъ. Да будетъ легка чужая земля, его покрывающая.

Вѣчная память славному Суворовцу!

Н.Витте, 9 выпуска.

ВЛАДИМІРЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ ЯСТРЕБОВЪ.

16 іюля 1971 года Русская колонія въ Торонто, Канада, потеряла одного изъ своихъ лучшихъ представителей, бывшаго офицера Россійскаго Императорскаго Флота В.Г.Ястребова, скончавшагося въ госпиталѣ въ Торонто.

Покойный родился въ Варшавѣ, въ семьѣ прибывшей туда изъ Великаго Новгорода. Его отецъ, потомственный дворянинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, занималъ должность Предсѣдателя окружного суда. Владиміра Георгіевича опредѣлили въ Варшавскую гимназію, въ которой онъ учился до 4 класса, когда перешелъ въ Суворовскій /Варшавскій/ Кадетскій корпусъ, который онъ окончилъ вице-унтеръ-офицеромъ въ 1913 году. Въ томъ же году, по конкурсу аттестатовъ, онъ былъ принятъ въ Морской Корпусъ въ С.Петербургѣ и былъ въ лѣтнемъ плаваніи на канонерской лодкѣ "Хивинецъ" и послѣ плаванія, I августа 1913 года былъ произведенъ въ гардемарины. 5 ноября 1914 года повышенъ въ старшіе гардемарины и провелъ провелъ практическое плаваніе на броненосномъ крейсерѣ "Россія" и на учебномъ суднѣ "Воинъ". Послѣ этого плаванія былъ произведенъ въ корабельные гардемарины и предоставлено право ношенія нагруднаго знака объ окончаніи курса въ "Морскомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Корпусѣ". Высочайшимъ приказомъ по Флоту и Морскому Вѣдомству за No 465 произведенъ въ чинъ мичмана. Приказъ былъ данъ Его Императорскимъ Величествомъ въ "Его" присутствіи въ Царскомъ Селѣ іюля 30 дня 1915 года.

Нѣсколько офицеровъ этого выпуска и, въ томъ чисоѣ, В.Г., были назначены въ распоряженіе Начальника Главнаго Морского Штаба и, по его приказанію, получили предписаніе отправиться во Воадивостокъ въ распоряженіе вице-адмирала фонъ Шульцъ, Командира Сибирскаго Флотскаго экипажа, отъ котораго В.Г.получилъ назначеніе на миноносецъ "Лейтенантъ Малѣевъ". Плавая на миноносцѣ В.Г.прошелъ курсъ миннаго дѣла и получилъ званіе миннаго офицера съ назначеніемъ миннымъ офицеромъ на второй дивизіонъ миноносцевъ. За отличную работу и службу былъ переведенъ въ штабъ вице-адмирала Шульца флагъ-офицеромъ. Въ апрѣлѣ 1917 года былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на транспортъ "Печенга". Въ сентябрѣ 1917 года весь составъ "Печенги" былъ переведенъ въ Добровольный Флотъ для плаванія между Владивостокомъ и японскими портами. Въ апрѣлѣ 1919 года подалъ въ отставку и эмигрировалъ въ Шанхай, гдѣ нашелъ работу, плавая на коммерческихъ судахъ вторымъ или старшимъ офицеромъ. Переѣхалъ въ

Гонконгъ, гдѣ сдалъ экзаменъ на лоцмана и работалъ какъ лоцманъ.

Въ іюнѣ 1926 года прибылъ въ Канаду и поселился въ Торонто, потомъ переѣхалъ въ С.Франциско, гдѣ работалъ по электро-технической части. Въ концѣ 1927 года вернулся въ Торонто; въ это время въ Канадѣ трудно было достать работу и В.Г.прошелъ нѣсколько курсовъ въ тамошнихъ университетахъ, гдѣ изучилъ настолько хорошо англійскій языкъ, что могъ написать блестящую поэму о природѣ приморскихъ провинцій Канады. Эта поэма такъ вдохновенно и красиво написана, что считается достояніемъ Канады.

Не найдя работы по своей спеціальности, В.Г.поступилъ на работу въ мѣстную фирму госпитальнаго и медицинскаго снабженія и одновременно изучалъ технологію медицинской науки. Будучи энергичнымъ человѣкомъ, онъ принялъ участіе въ общественной дѣятельности въ то время маленькой русской колоніи Торонто. Послѣ конца второй мировой войны, волна новой эмиграціи докатилась и до Торонто. Большинство эмигрантовъ не знали англійскаго языка и В.Г.старался всѣмъ помочь и устроить повыхъ пришельцевъ на работу.

Въ 1956 году, будучи уже въ отставкѣ, В.Г.основалъ "Русское отдѣленіе, Святого Николая Чудотворца", Канадскаго Королевскаго Легіона. Президентомъ этаго отдѣленія и былъ В.Г.почти безсмѣнно въ теченіи 15 лѣтъ. Благодаря и авторитету и престижу Владиміра Георгіевича, ему удалось получить военную пенсію для членовъ и вдовъ членовъ Русскаго отдѣла Канадскаго Королевскаго Легіона, которые были участниками въ войнѣ на сторонѣ союзныхъ державъ. Въ своей жизни В.Г.неизмѣнно несъ девизъ:

"ПОМОЩЬ БЛИЖНЕМУ".

За свою дѣятельность В.Г.былъ награжденъ четырьмя орденами Канадскаго Королевскаго Легіона и новооснованнымъ орденомъ Канадскаго Государства. Русскіе люди не забудутъ его добрыхъ дѣлъ. Спасибо тебѣ, дорогой Володя, за то, что ты такъ высоко держалъ Русское Имя,

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ТЕБѢ.

Владиміръ Альгинъ,
Лейтенантъ Русскаго Императорскаго Флота.

СЕРГІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ НАМѢСТНИКЪ.

Завѣщаніе скончавшагося 28 марта 1972 года, члена нашего Объединенія полковника С.К.Намѣстника:

"Старѣйшій Бугскій уланъ, послѣ жестокихъ душевныхъ и физическихъ мученій, посылаетъ всѣмъ дорогимъ друзьямъ сердечный прощальный привѣтъ и завѣщаетъ абсолютную непримиримость съ нашимъ общимъ врагомъ".

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГРЕШНЕРЪ.

Приближается еще одна годовщика смерти С.А.Грешнера, 15 декабря. Очень тяжело было узнать о его смерти,- потеряли мы и друга и вѣрнаго Суворовца.

Невольно вспоминаю давно прошедшее время,- годъ 1908. Мой отецъ командовалъ 2 отдѣломъ Ченстоховской пограничной бригады, на прусской границѣ, а въ это время отецъ Сергѣя Александровича, ротмистръ Грешнеръ, неподалеку командовалъ отрядомъ. Наши отцы были въ хорошихъ отношеніяхъ и тогда я узналъ, что есть кадетъ Суворовецъ Сережа Грешнеръ. Тогда мнѣ еще не было 9 лѣтъ и я сталъ готовиться тоже поступить въ Суворовскій корпусъ. Мнѣ много разъ ставили въ примѣръ хорошее ученіе Сережи и вскорѣ онъ окончилъ корпусъ и поступилъ въ Павловское училище, а намъ прислалъ фотографію въ парадной формѣ училища, во весь ростъ въ киверѣ и при тесакѣ,- подтянутый стройный юнкеръ. Эта фотографія была постоянно въ нашемъ альбомѣ, пока все не пропало. Все это прошло, остались только воспоминанія и добрая память о Сережѣ Грешнерѣ.

Владиміръ Черноглазовъ,
в.у.о. 12 выпуска.

Х Р О Н И К А.

На лазурномъ побережьи.

Въ наши дѣтско-юношескіе годы затянуты были мы въ черные мундиры, на плечахъ нашихъ красовались алые погоны съ тремя буквами немеркнущаго въ вѣкахъ славнаго имени великаго полководца нашего Суворова, опоясаны мы были лакированными поясами, на бляхахъ которыхъ былъ величавый государственный двуглавый орелъ въ сіяніи, данъ намъ былъ Екатерининскій встрѣчный маршъ, также Высочайше было намъ пожаловано знамя, мы были баловнями огромнаго Варшавскаго Военнаго округа, въ который входило 10 губерній Царства Польскаго, свое вниманіе намъ оказывали члены Россійской Императорской Семьи, самъ Императоръ Всероссійскій навѣстилъ корпусъ нашъ, уже въ Москвѣ, при эвакуаціи его изъ Варшавы съ объявленіемъ войны въ 1914 году.

Воспитывали насъ выдающіеся образованные офицеры, учили насъ опытные штатные преподаватели и нештатные профессора изъ высшихъ учебныхъ заведеній, культивировалась дружба-товарищество, честность, жертвенность, чувство долга воинскаго, и неудивительно, что покидая родной Корпусъ, у кадетъ оставалась къ нему добрая память и любовь уже на всю жизнь, также какъ и къ былымъ однокашникамъ. Жертвенно служили Суворовцы въ рядахъ Императорской Арміи, многіе отдали свои молодыя жизни и въ рядахъ Армій Добровольческихъ. Потекли десятилѣтія жизни зарубежной, перевалило уже за полстолѣтія и что-же Вы видите, дорогіе друзья? - сомкнули Суворовцы во всѣхъ странахъ зарубежья свои порѣдѣвшіе ряды,- жива наша Суворовская кадетская семья,- поставивъ Николая Владиміровича Главацкаго своимъ Предсѣдателемъ - хранителемъ нашихъ славныхъ традицій.

Сегодня и въ нашемъ домѣ услышь, дорогой другъ и Предсѣдатель "Добро пожаловать" и наше выраженіе искренней благодарности за Твое умѣлое и безкорыстное руководство жизни Суворовскихъ Объединеній за рубежомъ".

Такими словами я привѣтствовалъ Николая Владиміровича въ началѣ завтрака, устроеннаго въ его честь, искренне обрадовавшись его пріѣзду. Не видѣлись мы годъ; обычно пріѣзжалъ онъ къ намъ одновременно съ нашимъ генеральнымъ секретаремъ С.В.Бугославскимъ и ... на одинъ день. Въ этотъ разъ Николая Владиміровича устроилъ у себя Владиміръ Ивановичъ Рѣпкинъ, II выпуска, перебравшійся въ Ментонъ изъ Парижа, и мы сообща выработали пятидневную программу совмѣстнаго времяпрепровожденія, искренне сожалѣя, что не смогли быть съ нами: Елизавета Андреевна, супруга Предсѣдателя, по причинѣ недомоганія, и Сергѣй Валентиновичъ, нашъ ген.секретарь изъ за того, что "упустилъ" обычную лѣтнюю квартиру въ Ниццѣ. И все же наша Суворовская группа оказалась "многочисленной: три Суворовца, три Суворочки,- моя жена Марія Яковлевна; совершающая кругосвѣтное путешествіе изъ США и заѣхавшая насъ навѣстить и оставшаяся дольше по случаю пріѣзда Н.В.,Евгенія Ивановна Зюзина, жена Георгія Николаевича, бывшаго еще въ Варшавѣ въ нашемъ пріютѣ,и нашъ давнишній другъ Марія Кузьминишна Штромбергъ. На завтракъ у насъ ушелъ, можно сказать, цѣлый день; день наканунѣ разъѣзда также цѣликомъ ушелъ на "баловство" въ хорошемъ Ментонскомъ ресторанѣ "на морѣ - съ видомъ", ну а остальное время было посвящено прогулкамъ по чуднымъ окрестностямъ, ознакомленію съ достопримѣчательностями города, поѣздкѣ въ ближайшій итальянскій городъ Вентимилья, гдѣ мы запаслись бутылками Вермута по удешевленной цѣнѣ и удачно прошли таможню, и совершили группой паломничество на кладбище Рокебрюнъ, гдѣ похоронены Великій Князь Александръ Михайловичъ и супруга его Великая Княгиня Ксенія Александровна, сестра нашего Государя-Мученика, Шефъ I5 гусарскаго Украинскаго полка. Кладбище расположено очень высоко, видъ оттуда замѣчательный и на итальянское побережье и на французское съ территоріей Княжества Монакскаго. До деревни ѣхать надо автокаромъ,а на кладбище подниматься по безчисленнымъ каменнымъ ступенькамъ. Думается мнѣ, что мало кто навѣщаетъ дорогія намъ - Русскимъ могилы; отъ плиты оторвана бронзовая вѣтка Украинскихъ гусаръ, нашли мы ее тутъ же въ травѣ, укрѣпили какъ могли и подножія мраморнаго восьмиконечнаго православнаго креста, прикрѣпили взятую изъ дому вербу, перевязанную бѣло-голубой, флага Андреевскаго, ленточкой, а на аломъ бантѣ приклеили "Суворова побѣдамъ",зажгли пасхальную свѣчечку и спѣли "Вѣчную Паямть".

Сама деревня Рокебрюнъ представляетъ изъ себя большой интересъ, безконечно посѣщается туристами, имѣетъ свою исторію, традиціи и, уже уставшіе, мы все же вновь поднялись на доминирующій холмъ съ замкомъ X столѣтія. На обратномъ пути останавливались у тысячелѣтняго оливковаго дерева, еще дающаго плоды.

Нашей "программой" Николай Владиміровичъ остался доволенъ,

чему свидѣтельство только что полученное письмо. Остались довольны и мы всѣ. Наши Суворовцы меня съ женой не забываютъ: недавно навѣстилъ насъ Г.Н.Долотинъ, 6 выпуска, въ октябрѣ обѣщаютъ пріѣхать Траубенберги, а въ данный моментъ почти рябомъ съ нами живетъ В.И.Рѣпкинъ. Пользуюсь случаемъ и всей нашей семьѣ Суворовцевъ,въ разсѣяніи сущей, шлю сердечный привѣтъ отъ дома нашего.

Сентябрь 1971 года. Сергѣй Двигубскій, 12 выпуска.

Празднованіе 1 октября 1972 г.въ Варшавѣ.

Молебенъ былъ отслуженъ 15 октября, очень торжественно съ зажженнымъ паникадиломъ, пѣлъ хоръ. Въ воскресенье 22 октября Суворовцы собрались съ близкими друзьями, подъ предсѣдательствомъ Г.И.Арванити, 2 выпуска, у Суворочки М.Циглеръ въ ея виллѣ подъ Варшавой, чтобы отмѣтить память о незабываемомъ родномъ гнѣздѣ. За обильнымъ обѣдомъ были прочитаны поздравленія отъ Н.В.Главацкаго изъ Франціи и отъ Н.М.Витте изъ Америки. Время отъ 14 до 18 часовъ прошло очень быстро въ воспоминаніяхъ о годахъ юности.

Разошлись въ надеждѣ опять встрѣтиться черезъ годъ.

Празднованіе въ Парижѣ.

Итакъ 1 октября 72 года мы отпраздновали на славу - хорошо! Послѣ литургіи въ соборѣ на рю Дарю мы отслужили молебенъ съ поминовеніемъ всѣхъ усопшихъ Суворовцевъ за годъ. Наша икона была украшена цвѣтами, деньги на цвѣты я получилъ отъ одной Суворочки изъ Америки, а В.И.Рѣпкинъ, который живя въ Парижѣ, всегда украшалъ нашу икону, теперь прислалъ деньги на цвѣты старшей сестрѣ Сестричества при соборѣ. Амвонъ былъ весь уставленъ букетами, вѣроятно оставшимися от какой-то свадьбы наканунѣ. Служилъ о.Чеканъ съ протодіакономъ, великолѣпно провозгласившимъ "благденствіе всѣмъ Суворовскимъ кадетамъ. Пѣлъ хоръ подъ управленіемъ Е.Евеца. Послѣ молебна мы пошли въ нашъ ресторанъ "Монте-Карло", тамъ хозяинъ ресторана отдѣлалъ сосѣднюю комнату, которая можетъ вмѣстить человѣкъ сорокъ. Большой широкій столъ былъ накрытъ на 20 персонъ.Явилось девятнадцать: Суворовцы: Д.Г.Лучаниновъ, И.Б.Сейфулинъ, М.А.Прокофьевъ, Г.Н.Болотинъ, Д.А.Явленскій, С.В.Россинскій, П.А.Черненко, Л.Н.Гемпель, В.В.Траубенбергъ, А.К.Рѣшетниковъ, С.В.Бугославскій, Н.В.Главацкій, Л.К.Русановъ, Н.Н.Полторацкій, Н.А.Звонниковъ /гость/ и Суворочки: А.М.Лучанинова, М.Л.Траубенбергъ, Леночка Явленская и Л.Е.Звонникова. Отсутствовали: Н.М.и В.К.Замайскіе,не вернулись изъ Испаніи, Б.В.и К.А.Девиттъ - въ отпуску, и П.П.Клобуковъ по болѣзни, но всѣ они, помня нашъ день, прислали поздравленія. Послѣ молитвы вспомнили ушедшихъ навсегда. Затѣмъ я прочелъ поздравленія отъ Суворовцевъ изъ разныхъ странъ съ пожеланіемъ всѣмъ поздравившимъ и отсутствующимъ добраго здоровья. И вотъ тутъ наступили розговоры о быломъ прошломъ да и настоящемъ, что вылилось въ рѣчахъ, иногда веселаго содержанія, что веселило собраніе. Намъ доставилъ большое удовольствіе пріѣздъ изъ провинціи Льва Кон-

стантиновича Русанова, 7 выпуска, и Николая Николаевича Полторацкаго, 13 выпуска, которые всю свою эмигрантскую жизнь прожили въ Африкѣ. Теперь они на пенсіи поселились въ Бельфорѣ. Конечно, они сразу вошли въ нашу дружную Суворовскую семью.

Въ пріятной обстановкѣ и за хорошимъ меню, составленнымъ нашимъ генеральнымъ секретаремъ С.В.Бугославскимъ, время прошло быстро. Начали расходиться въ шестомъ часу и уже по установившейся привычкѣ, зашли небольшой группой въ бистро, закончить торжество стаканомъ пива.

Н.Главацкій, 2 выпуска.

Празднованіе въ Лосъ Анджелесѣ.

Въ день Покрова на литургіи были поданы записки о здравіи и за упокой нашего Шефа и всѣхъ Суворовцевъ. Послѣ обѣдни мы трое, Машкинъ, Зюзинъ и я поѣхали поздравить нашего болящаго П.Ф.Субботина, который по болѣзни не могъ принять участія въ нашемъ празднованіи, назначенномъ на 7 часовъ вечера въ Русскомъ Центрѣ. У Субботиныхъ мы были радушно встрѣчены и сразу же усажены за обильно уставленный столъ. Это было первое наше настоящее "празднованіе" въ чисто Суворовской семьѣ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, на вечеръ были приглашены члены правленія съ супругами нашего Обще-кадетскаго объединенія, гдѣ предсѣдателемъ - нашъ Машкинъ. Онъ дѣлалъ приглашенія, велъ всѣ телефонные разговоры и, вообще, былъ какъ бы "нервомъ" нашего празднованія. Г.Н.Зюзинъ, спецъ по кулинаріи, сосотавилъ меню и списокъ чего и сколько надо купить. Меню было: закуски, бульонъ съ пирогомъ, бигосъ польскій, кофе со сладкими пирогами. Напитковъ тоже было достаточно, отъ водки, виски до шампанскаго включительно, для желающихъ " пиво, воды. Я въ роли "метръ-д'отеля не плохо справился съ этой ролью, накрывъ столъ на 20 душъ. Столько насъ и было. Конечно, была и Суворочка Е.И. Зюзина. Неожиданно изъ Казачьей станицы, тамъ тоже былъ праздникъ, съ приглашеннымъ Предсѣдателемъ Русскаго Центра, пріѣхалъ и Предсѣдатель Союза Русскаго Корпуса полковникъ Лекторскій. Места за столомъ не были расписаны, каждый садился гдѣ ему было желательно, кромѣ нашего "старшого" Н.Н.Машкина, для котораго было кресло въ головѣ стола. Онъ и открылъ наше празднованіе соотвѣтствующимъ словомъ. Было предложено прочесть молитву "передъ ѣдой", вышла заминка, но справились! Было много тостовъ, рѣчей, народъ говорливый,... за всѣхъ и за вся! не было стенографистки, чтобы записать все, а запомнить было невозможно. Одинъ изъ кадетъ, гость, высказалъ мысль установить праздникъ нашего отдѣла ОКО въ день Покрова, совмѣстивъ его съ нашимъ праздникомъ, самой активной, сплоченной и многочисленной группой изъ старыхъ кадетъ, состоящихъ въ ОКО. Г.Н.Зюзинъ, самотекомъ былъ какъ "тулумбашемъ" и отлично справился съ этой ролью, подсказывалъ и мнѣ... Праздникъ, по общему мнѣнію, прошелъ весело, оживленно и непринужденно. Всѣ остались довольны, гости и мы. Только что звонилъ Зюзтнъ, спрашиваетъ, какъ я думаю о будущемъ году. Торопится юноша!

Мною было получено 27 поздравленій, относящихся ко всѣмъ: отъ нашего "главы" Н.В.Главацкаго, Суворочекъ: А.Ф.Потаповой, К.П.Шредеръ, В.Н.Венсовичъ, Я.И.Поль, М.Н.Козловской, урожд.Ревишиной, Суворовцевъ: Н.Н.Страшкевича, С.К.Гулевича, П.М.Михѣева, П.Ф.Иванова, А.В.Владиславлева, Н.С.Обручева 2, "кунака" Микеладзе, еще отъ Н.Б.Собецкой, А.К.Мерцедина, Н.Т.Венсовичъ, Д.А.Камнева, Б.В. де Виттъ, С.Г.Дьигубскаго, Н.Н.Римскаго-Корсакова, Д.А.Погорѣцкаго, Н.Н.Марченко, П.П.Левоненко и В.Черноглазова, полк.Ходнева и двухъ не нашихъ, не кадетъ даже...

Отгремѣло и у насъ I октября и совсѣмъ не плохо.

Н.Витте, 9 выпуска.

ИСПРАВЛЕНІЕ.

Въ замѣткѣ Предсѣдателя Объединенiй на стр.4I номера 22 нашего сборника напечатано о Н.Л.Орлицкомъ: ... по окончаніи гимназіи и Варшавскаго университета, надо читать: по окончаніи I-й гимназіи въ г.Харьковѣ и Императорскаго Московскаго Университета...

ИЗЪ КАДЕТСКОЙ ПОЭЗІИ ДАВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Однажды Зевсъ, возставъ отъ сна
Сидѣлъ съ сигарой у окна
И разговаривалъ съ козломъ,
Своимъ любимымъ деньщикомъ.
"Вотъ штука",-говорилъ Зевесъ,-
"Какое бъ мнѣ придумать дѣло?
Я создалъ землю, сводъ небесъ,
Но все мнѣ это надоѣло,-
Французы, нѣмцы, англичане
Пріѣлись хуже всякой дряни,
Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы создать
Такое жалкое твореньe,
Чтобъ отъ всего ему страдать
И ото всѣхъ терпѣть гоненье.
И вотъ небесныхъ мудрецовъ
Велѣлъ созвать онъ для совѣта...
"СОЗДАЙ, ВСЕСИЛЬНЫЙ, ТЫ КАДЕТА!"
Рѣшили члены комитета.

Авторъ неизвѣстенъ.

"С У В О Р О В Ц Ы"

Сборникъ No 23.

Изданіе Объединеній б.кадетъ Суворовскаго Кадетскаго Корпуса.

Декабрь 1972 года. П а р и ж ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ Предсѣдателя Объединеній..... I
Отъ редактора..... I

Англичанинъ о Суворовѣ. Сообщилъ Г.Гриневъ..... 2

Елисаветградское кав.училище. Н.Главацкій
Производство 6 августа 1909 года..... 3
Воспоминанія..... 4

Изъ писемъ. П.Левоненко..... 12

Конная артиллерія въ пѣшемъ бою. М.Прокофьевъ..... 13

Деньщики. Н.Главацкій..... 16

Новая форма. С.Грешнеръ +..... 18

Утраты Объединеній 19
Некрологи: А.Н.Потаповъ..... 19
В.Г.Ястребовъ..... 21
С.К.Намѣстникъ..... 22
С.А.Грешнеръ..... 23

Хроника. На лазурномъ берегу. С.Двигубскій..... 23
Корпусный праздникъ 1972 г.въ Варшавѣ..... 25
въ Парижѣ. Н.Главацкій..... 25
въ Л.Анджелесѣ. Н.Витте.... 26

Исправленіе. Н.Л.Орлицкій..... 27

Изъ кадетской поэзіи давнихъ временъ..... 27

Издатель:

N.V.Glavatsky
6,rue Voisembert
92130 Issy les Moulineaux
F r a n c e

Редакторъ:

G.M.Grinioff
Richard Wagnerstr.43
9020 Klagenfurt
Austria.

Юбилейный LXXV Сборник.....

1899 1974

Суворовцы

Изданіе
объединенія б. кадет
Суворовцев

Парижъ

"СУВОРОВЦЫ"

Юбилейный сборник № 24

Издание Объединений б. кадет Суворовского Кадетского Корпуса

Октябрь 1974 года г. Париж

Оглавление

Стр.

Юбилейный год - Н. Главацкий I

Поздравления к Юбилею 6

Суворовский Кадетский Корпус (Краткая история) - С. Двигубский 9

Знамя - С. Двигубский II

34 ... I2 ... 4 ... и ... I - Н. Витте I2

Благодарность I6

Мои воспоминания о поступлении в Корпус - В. Черноглазов I7

Мое случайное посещение здания б. Суворовского Кадетского Корпуса - С. Бугославский 22

Маленькое воспоминание из далекого прошлого - Н.Г. 24

Отправка Русского Экспедиционного Корпуса на французский фронт в I9I6 г. - С. Бугославский 25

Две встречи - М. Прокофьев 28

"Четверть века тому назад " - С. Двигубский 3I

Три списка :

Скончавшиеся члены Объединений за рубежом 32

Лица, принимавшие участие своими статьями в издании сборников "Суворовцы" 34

Ныне здравствующие Суворовцы, Суворочки и Члены Объединений 35

Редактор
N.V. Glavatsky
6, rue Voisembert
F - 92130 Issy-les-Moulineaux, France

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД

Мой юный друг, ты знаешь, что такое
Суворовским кадетом быть,
И что за счастье незаконное
Погоны алые носить.
Из книги генерала Андоленко.

Этот год 1974, является для нас Суворовцев знаменательным, исполняется 75 лет основания нашего корпуса. Поэтому будет уместно проследить все события, которые произошли за это время.

В 1899 году, в сердце Царства Польского в Варшаве, в Александровской цитадели Варшавской крепости, волею Императора Николая II, был основан Варшавский кадетский корпус, через год он был переименован в СУВОРОВСКИЙ.

В цитадели корпус просуществовал три года, а затем он был переведен в только что построенное здание, в лучшей части Варшавы на Бельведерской Аллее, против Лазенковского Королевского парка.

В 1914 году во время общей мобилизации, корпус был эвакуирован в Москву, в Сокольники, где и окончил свое существование, после захвата власти большевиками.

Во время японской войны в 1905 году при корпусе был основан приют, куда принимались дети офицеров, погибших в войну.

В 1906 году после первого выпуска кадет, было образовано при корпусе Общество взаимопомощи кадет и служащих корпуса, принципы которого вошли в основу Объединений Суворовских кадет за рубежом.

Во Франции в 1923 году заботами Георгия Бушена I-го выпуска было создано объединение кадет. В объединении, кроме кадет, состоял в нем б. командир I-ой роты Полк. Григорий Маркович Еременко, проживавший в Инвалидном доме на Бланше в Болгарии. Так как Григорий Маркович по возрасту работать не мог, объединение ему высылало пособие.

После смерти Бушена в 1934 году, по просьбе старших кадет А.М. Шредера I-го выпуска и С.А. Прокофьева I-го выпуска, я занял должность Председателя Суворовцев во Франции. На мое предложение С.В. Бугославскому быть секретарем, он дал свое согласие. И вот с 1934 года 40 лет мы стоим во главе крепко-спаянного Суворовского Объединения.

Не так давно, для удобства связи, нами была выделена южная группа во Франции, во главе которой стоит С.Г. Двигубский 12 вып.

Глеб Николаевич Акимов I вып. возглавляет объединение в Брюсселе.

В Германии возглавлял ныне покойный Петр Николаевич Ганюкин 5 выпуска.

В Аргентине Андрей Владимирович Кришманьоский 4 вып., после его смерти в 1958 году представительство принял Владимир Николаевич Черноглазов 12 вып.

Все эти объединения вместе с отдельно-живущими в Африке, поддерживают связь с Парижским центром.

В Сербии Суворовцы начали собираться с 1921 года. Председателя постоянного не было и председательствовал на собраниях старший по выпуску, и только в 1936 г. общее собрание утвердило Александра Николаевича Потапова 2-го выпуска постоянным председателем.

2-ая Мировая война заставила Суворовцев эвакуироваться из Сербии в Германию. Здесь они первый раз собрались на корпусной праздник в 1946 году. Это продолжалось до 1950 г., когда они переехали в Америку и Канаду; лишь маленькая группа осталась в Германии.

В Америке А.Н. Потапов переорганизовал объединение, разделив на Восточную Америку под председательством Б.Н. Страшкевича, Западную передал Н.М. Витте, с центром в Нью Йорке.

Работая тяжело на заводе, А.Н. Потапов все свободное время отдавал Суворовцам, помогая всем, кто к нему обращался, не забывая и Суворовских вдов. За такую трогательную заботу, Парижский центр предложил А.Н. Потапову звание "Председателя всех Суворовских Объединений за рубежом", что было им принято.

В объединения входили б. кадеты Суворовцы, окончившие или не окончившие корпус, воспитатели, преподаватели, жены, сестры, матери и потомки Суворовцев. Принимаются в объединения лица и со стороны, но имеющие какую-либо связь с Суворовцами. Так объединение в Америке, просило дочь Великого Князя Константина Константиновича быть почетной председательницей объединений, на что Ее Высочество Княжна Вера Константиновна согласилась. В письмах Суворовцам она всегда подписывается "Ваша Старшая Суворочка", что нам очень льстит. Так-же были приняты Г.г. офицеры 3-го танкового отряда, в котором в Гражданскую войну, преобладали Г.г. офицеры Суворовцы.

Объединение во Франции приняло почетным членом Бориса Дмитриевича Приходкина, который очень ценил наше Объединение. Он издавал журнал "Кадеты" и всегда помещал наши статьи, пока мы не начали издавать свой сборник "Суворовцы".

На юге Франции был принят Борис Владимирович Завьялов, друг Суворовцев.

Объединения были совершенно самостоятельны, и, если было нужно, приходили на помощь друг другу.

Для более близкой связи между членами объединения, устраиваются встречи на большие праздники, Рождество, Пасха, а 1-го октября на корпусной праздник, Покрова Пресвятой Богородицы отмечается более торжественно, где бы Суворовцы не были. В городах, где есть церкви служатся молебны, поминая ушедших, затем обед, за которым вспоминают собравшиеся прошлое красивое время. А в провинции даже в одиночку поднимается бокал за "в рассеянии сущих" Суворовцев. Сведения о праздновании поступают в центры, которые оповещают всех членов, как и где прошел праздник.

В 1961 году здоровье А.Н. Потапова пошатнулось, и доктор запретил ему заниматься общественными делами. Пришлось ему сократиться. Западную Америку он передал Н.М. Витте, себе оставил Восточную Америку и Канаду и прекратил издательство Сборника, а в 1962 году председательство за рубежом передал мне.

Наш корпус один из молодых, было всего 13 выпусков, около тысячи кадет. Потери в трех войнах, естественная убыль, сильно разрядили Суворовцев, поэтому сравнивая с другими кадетскими объединениями наши числом не велики, но сильны духом. Это выразилось в замечательной трудоспособности, а результат : громадное культурное наследие, которое Суворовцы оставили потомству.

Александр Николаевич Потапов 2-го в. в 1949 году выпустил "Памятку", посвященную 50-летнему юбилею основания корпуса. Он-же от руки писал "Черновую тетрадь", помещая в нее выписки из получаемых писем, все что касалось корпуса.

С 1953 по 1959 г. А.Н. Потаповым было выпущено 13 номеров сборника "Суворовцы", причем он сам редактировал и издавал. Эти сборники были посвящены только воспоминаниям о корпусе. Болезнь глаз у А.Н. Потапова остановили издание сборников.

С 1963 года и по сие время, под редакцией Генадия Модестовича Гринева, проживающего в Австрии, мною были издано в Париже 12 сборников. В этих номерах Суворовцы вспоминают свою дальнейшую службу в Военных Училищах, в частях Императорской Армии и жизнь за рубежом. К большому сожалению, юбилейный номер 24, из за естественной убыли пишущих, будет последним.

Читая эти сборники, узнают потомки, как кадеты воспитывались в корпусе, как защищали свою родину в войнах и как жили в эмиграции.

Сергей Григорьевич Двигубский 12-го в. в 1941 году выпустил замечательную брошюру "Суворов", где автор с большой любовью подобрал все то, что касается жизни нашего незабываемого Шефа.

В 1947 году он-же издал "Общую Тетрадь", где описана довольно подробно жизнь кадет в стенах нашего корпуса.

С 1952 по 1957 год Сергей Григорьевич издал журнал небольшого формата "Кадетский Голос из Провинции" с рисунками и статьями из военной жизни. Он сам его редактировал, иллюстрировал, печатал и рассылал своим подписчикам. С.Г. Д. талантливый рисовальщик и не даром в ежегодно устраиваемых в Париже "Salon Péchiney" (на одном из заводов этой компании он пробыл чертежником втечении 33 лет) ему разновременно было присуждено 10 премий и получены за свои работы личные благодарственные письма от президента Французской Распублики и Принца Монакского.

Втечении всех тех лет С.Г. работая в чертежном бюро алюминиевого завода под Гренобле́м, все свое свободное время отдавал своему любимому делу. Теперь, к сожалению, и он постарел ... как и мы все.

Владимир Георгиевич Ястребов 8-го вып. магистр по английской литературе, занимая ответственную должность в командовании Канадским Королевским Легионом, воздвиг в городе Довдон (Квебек-Канада) памятник в 1966 году Русским Легионерам, павшим на полях сражений в последних войнах.

Памятник состоит из каменного блока, увенчанного орлом, посередине мраморная доска, справа отдельно шпага. На доске выгравировано, на трех языках : по русски, французски и английски : "Русскому Солдату Слава".

И, работая в Омоне близ Мобежа, будучи представителем РОВС'а, с помощью русской колонии, поставил памятник на местном кладбище, умершим русским военно-пленным в 1914-1918 гг. На кладбище уже были памятники Французам, Бельгийцам и Англичанам. На русском же участке, стояли деревянные кресты с фамилиями скончавшихся.

Памятник - православный восьмиконечный крест, по бокам две скрижали с фамилиями усопших.

На торжественном освящении памятника были приглашены мер города, общественные деятели французы и ансиэн-комбатанты, последние пришли со своим флагом. С русской стороны вся колония с приехавшим из Парижа заместителем начальника РОВС'а генералом Шатиловым в форме Лейб-Казаков. На следующий день было описание этого торжества в местных французских газетах. Старейший русской колонии полковник М.А. Писарев поместил статью об открытии памятника в одном из №№ "Часового" за 1931 год.

В городе Вейнгартен и в Монастыре "Капля Крови" в 1799 году были расположены лазареты и тылы Суворовской армии, действовавшей в Швейцарии. Умерших солдат от ранений и болезней хоронили в соседнем лесу, который немцы называли "Руссише Вальде". Это название осталось и до сих пор.

Чтобы почтить память Суворовских чудо-богатырей, русская колония образовала комитет, председателем которого был член объединения Суворовцев, подполковник Кесарь Карпович Македонов. Комитет решил поставить памятник.

В 1947 году временно был поставлен крест. На кресте было высечено: Здесь покоятся Суворовские Чудо-Богатыри, ниже 1799, под этим годом перевод по немецки и в самом низу - 1947.

На торжественном освящении этого памятника съехалась вся русская колония проживающая в окресности. После молебна вице-фельдфебель 2 в. генерал-маиор Владимир Владимирович Крейтер произнес соответствующее слово.

Когда же комитетом были собраны необходимые средства, был сооружен новый памятник в 1948 году. Это громадный каменный блок с высеченным большим восьмиконечным крестом, а внизу его надпись: "Суворовским Чудо-Богатырям соотечественники", ниже 1799-1948, ниже перевод по-немецки. Итак член Суворовского объединения воздали должное усопшим Суворовцам.

На Новом Кладбище в Белграде на фундаменте памятника "Русским Воинам павшим в 1914-1918 гг", против Иверской часовни, по инициативе А.Н. Потапова было выгравировано "От чинов и б. кадет Суворовского Кадетского корпуса".

В Брюсселе объединение Суворовцев сделало дар Храму-Памятнику Имп. Николаю II, икону Владимирской Божьей Матери в 1964 г.

В Кафедральном Соборе на рю Дарю находится на хранении икона объединении Суворовцев за рубежом Покрова Пресвятой Богородицы с 1965 года.

Лев Платонович Линевич II-го вып. нарисовал фреску в церкви Св. Владимира в Сиднее (Австралия), как дар от Суворовцев за рубежом. На фреске изображен Св. Александр Невский, в руках он держит стяг, копия знамени нашего корпуса. В левом нижнем углу, двуглавый орел, на груди которого Св. Георгий Победоносец, а

ниже наш Суворовский погон и ниже надпись: "Дар Св. Владимирской церкви от бывших кадет Суворовского кадетского корпуса.

Им же была написана и издана книга рассказов, под псевдонимом "Курбин".

Каждый Суворовец во Франции в 50-летний год окончания корпуса, получал от своих однокашников чеканную тарелку, ручной работы Петра Александровича Черненко 5-го в. На фарфоровой тарелке был изображен двуглавый орел, увенчанный Императорской короной, в когах скипетр и держава, на груди наш погон. С левой стороны год окончания корпуса, справа год 50-тилетнего юбилея, наверху имя, отчество и фамилия юбиляра, внизу "Суворовцы". Тарелку преподносит председатель объединения с соответствующим словом в день корпусного праздника.

Теперь по состоянию своего здоровья Петр Александрович больше такой работой не может заниматься, и наши прекрасно исполненные тарелки являются музейной редкостью.

Этим я заканчиваю то, что творили Суворовцы за рубежом. Поистине, прекрасные деяния, и мы Суворовцы можем гордиться нашим объединением.

И вот прошло 75 лет с основания нашего корпуса. Многое переменилось, много Суворовцев ушло в лучший мир, но мы оставшиеся сомкнулись в Суворовскую семью, которая крепко хранит заветы нашего корпуса ; и все-же настанет время, когда она передаст эти заветы нашему потомству.

Кончая этот очерк, я помещу в конце сборника : список скончавшихся Суворовцев, Суворочек и членов объединений за рубежом.

Да будет этот список венком на их могилы.

Следующий список Суворовцев, поработавших над выпуском наших сборников, и, наконец, последний список, ныне здравствующих Суворовцев, Суворочек и членов Объединений.

Нам выпало большое счастье дожить до этого знаменательного юбилея 75-летия основания,дорогого нашему сердцу, корпуса.

Встал бы из гроба наш непобедимый Шеф Генералиссимус Князь Суворов, обвел бы он нас своим орлиным взором и сказал : "Вот воинское воспитание, Г.г. офицеры, какой восторг!"

С л а в а , С л а в а , С л а в а !

Н. ГЛАВАЦКИЙ

Милые Суворочки и Дорогие Суворовцы !

Поздравляю Вас с храмовым праздником нашего корпуса и с 75-летним юбилеем его основания. Желаю Вам и Вашим близким здоровья и благополучия. – Прошли года и много лет, опять мы вместе вспоминаем то красивое время, что прошло и не вернется вновь. Но, верим мы, придет пора, когда наши потомки отпразднуют следующий юбилей в свободной России.

Суворочкам целую ручку, Суворовцев обнимаю.

Н. ГЛАВАЦКИЙ

П О З Д Р А В Л Е Н И Я К Ю Б И Л Е Ю

От Почетной Председательницы Суворовских Объединений
Ея Высочества Старшей Суворочки Княжны ЕЛЕНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ

Суворовцы, Суворочки !

75 лет тому назад родился в Варшаве славный Суворовский Кадетский корпус.

Волею судеб нет возможности отметить этот день в родном гнезде. Разлетелись суворовские орлы по всему свету. Сольем же наши сердца и мысленно будем вое дно в день Покрова Божией Матери, по молитвам Которой да дарует Господь освобождение России, и да благословит нас Пресвятая Богородица Своим омофором.

Будьте здравы, Суворочки и Суворовцы,

Бог на помощь !

Ваша Старшая Суворочка

В Ѣ Р А

Председателю Объединения Суворовского корпуса,
Н.В. ГЛАВАЦКОМУ

Дорогой Николай Владимирович !

Суворовцы из С.Ш.А. и Канады, поздравляют Тебя, всех наших однокашников и их семьи с незабвенным для нас днем - 75--тилетия со дня основания Родного Корпуса !

Желаем всем здоровья, благополучия...

Роком не суждено было продолжительное существование Корпуса... Удалось сделать до войны всего 9 выпусков... Но мы - СУВОРОВЦЫ старались воспринять и выполнять заветы нашего незабвенного Шефа... И, по мере сил, честно выполняли свой долг перед Родиной.

Судьба не была к нам милостива... Доживаем свой век, в эмиграции...

Склоним головы и мысленно помянем всех однокашников, на поле брани убиенных и в изгнании скончавшихся.

Представитель Объединения в США и Канаде
26.7.74 Н. В И Т Т Е

Поздравляю Дорогих Суворовцев и Суворочек с нашим большим юбилеем 75-летия со дня основания нашего родного Суворовского кадетского корпуса.

За это время прошло много тяжелых лет и теперь мы с особым чувством гордости празднуем этот исключительный юбилей во всех местах нашего рассеяния.

Дай Бог всем здоровья и всякого благополучия в нашей жизни.

Представитель Суворовцев на Южную Америку
Владимир ЧЕРНОГЛАЗОВ, 12 в. (1917 г.) В.У.О.

Аргентина 1974 год.

Объединение бывших кадет
Суворовского Кадетского Корпуса

Глубокоуважаемый Николай Владимирович,

Сердечно поздравляю Вас, и в Вашем лице всех дорогих Суворочек и Суворовцев, с корпусным праздником Покрова Пресвятой Богородицы и с 75-летним юбилеем, основания этого славного Суворовского Кадетского Корпуса. Да пошлет Господь Вам всем здоровья и благополучия еще на многие годы.

Искренно уважающая Вас
17/5/74. А. П О Г Р А П О В А

Сердечно поздравляю дорогих Суворовцев и Суворочек с Праздником Покрова Пресвятой Богородицы и нашей Небесной Заступницы, с праздником Суворовского корпуса и с 75-летием со дня его основания.

От души желаю всем доброго здоровья и бодрости духа - свойственной Суворовцам, которым ни годы, ни болезни, ни дальность расстояния не помешают собраться вместе и отметить Праздник родного корпуса радостной встречей Суворовской Семьи.

Храни Вас Бог.

С душевным приветом
Июнь IC - 74. Н.И. К. Ш Е В Е Д Е Р

Со столь громким наименованием : "Южная группа Суворовцев во Франции", представителем которой по воле нашего председателя Н.В. Главацкого являюсь уже несколько лет я, состоит из трех Суворовцев и четырех Суворочек :

I) Меня самого - Сергея Григорьевича Двигубского I2 в., 2) жены моей Марии Львовлевны, 3) сестры четырех наших Суворовцев Ольги Владимировны Гуреевой, 4) Михаила Николаевича Полторацкого I3 в., 5) жены его Марии Вячеславовны, 6) Алексея Тимофеевича Венсовича I2 в. и 7) жены его Елены Вячеславовны.

Связь между нами поддерживается пересылкой "обходом", поступающих на мое имя "извещений и поздравлений" от Председателя, которые в конечном итоге, с разного рода пометками и приписками, возвращаются в наш центр и таким образом вся наша небольшая группа всегда держится в курсе всех дел нашей общей семьи Суворовцев. К этому надо прибавить еще некоторую личную переписку, частичные встречи и наезды гостей-однокашников.

Ко всем поздравлениям в связи с 75-летним юбилеем со дня основания нашего Славного Корпуса, прошу от имени всей группы принять и наше сердечное поздравление всей Суворовской Семье, в рассеянии сущей, со столь знаменательной датой в жизни корпуса, ибо жив он в сердцах наших и по сей день !

Вечный покой всем дорогим однокашникам убиенным, от ран - болезней - в мире скончавшимся !

Здравие и благоденствие всем живущим ныне и не забывшим начальные три буквы Великого Полководца всех времен и народов, украшавших, теперь уже в далеком прошлом, детские и юношеские плечи их.

Сергей Д В Р Г У Б С К И Й

Председателю Объединений Суворовских кадет
за рубежом Родины Н.В. ГЛАВАЦКОМУ.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Владимирович,

Объединение бывших юнкеров Елисаветградского Кавалерийского Училища – в просторечьи, бывшие питомцы Славной Южной Школы, сердечно поздравляет все объединения бывших воспитанников Суворовского Кадетского Корпуса с незаурядным юбилеем 75-ти летия основания корпуса и искренне желает всем лучшего здоровья, этого высшего блага в жизни. Желаем Вам также незамедлительно и целиком переключиться в беззаботные и веселые дни нашей юности и вспомнить о пребывании нас в корпусах, которые мы любили, которые ценили и которыми очень дорожили.

Один поэт сказал "И легким облаком скользя, встает все то в душе тревожной, чего вернуть увы нельзя и позабыть что невозможно." Действительно вернуть нашу молодость нельзя, но и позабыть ее невозможно. Выпьем за то, чтобы живые воспоминания прошлого дали бы нам силы не только самим сопротивляться в жизни, но и поддерживать слабеющих.

Всем присутствующим "Многая Лета" !

Секретарь Объединения Елисаветградцев во Франции
Корнет Д У Р Н О В О

26 Августа 1974 г. Париж.

Председателю Объединения
бывших кадет Суворовского корпуса
Николаю Владимировичу ГЛАВАЦКОМУ

Сердечно поздравляю с Корпусным Праздником и 75-ти-летием основания Славного Суворовского корпуса, рассадника верных слуг Царю и Отечеству.

Глубокоуважаемого Председателя Объединения бывших кадет Суворовского корпуса, всех Г.г. Суворовцев и украшение Вашего Объединения – Ваших милых дам во главе с супругой Председателя – глубокоуважаемой Елизаветой Андреевной.

Всем искренний привет и пожелания здоровья, бодрости и сил на дальнейшее сохранение памяти о родном корпусе, вечно живущим в Ваших сердцах.

Бывший кадет Донского
Императора Александра III кадетского корпуса
В. П О Л Я К О В

Эльванген Вюртенберг-Баден. Германия
14-го октября 1974 года.

СУВОРОВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

(Краткая История)

Многолетние ходатайства и просьбы о настоятельной потребности крупнейшему Российскому Военному Округу - Варшавскому - иметь свое Военно-Учебное заведение, были уважены и в 1899-о году Волей Императора Николая II-го Александровича, был учрежден Варшавский Кадетский Корпус, временно поместившийся в Варшавской крепости в казармах Л.-Гв. Кексгольмского полка, перешедшего в город на новые квартиры.

Уже в 1900 году Варшавский кадетский корпус был переименован в Суворовский и в том-же году, в торжественной обстановке, в присутствии Командующего Войсками Округа Генерал-Адъютанта Светл. Князя Имеретинского, в лучшем месте Варшавы - на Бельведерской Аллее - состоялась закладка нового здания корпуса.

Для церкви корпуса был Высочайше пожертвован иконостас, находившийся при армии Кн. Суворова при вступлении в Варшаву в 1794 году, а затем при главной квартире Императора Александра I-го Благословенного во время его походов заграницу в 1813-14 гг.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы была освящена 21 ноября 1902 года и день праздника Покрова 1-го октября ст. стиля стал незабвенным днем Праздника Корпуса:

В память столетия со дня кончины Генералиссимуса Кн. Суворова, приказом по Военному Ведомству (18 мая 1901 г. № 163) были учреждены 10 Суворовских стипендий.

С первым выпуском, в 1906 году, корпусу было Высочайше пожаловано знамя воинского образца. Особенностью корпуса был присвоенный ему встречный марш "ГРОМ ПОБЕДЫ РАЗДАВАЙСЯ".

Корпус был 4-х ротного состава и при нем приют для малолетних, носивших кадетское обмундирование, но без мундиров, металлических пуговиц и кадетских поясов с бляхой ; на контр-погонах и на фуражке вместо кокарды был трафарет "СУВ".

При корпусе был Суворовский музей, в котором кроме ценных исторических документов, портретов и предметов, выделялась застекленная витрина с двумя реликвиями : лента Ордена Св. Велико муч. и Победоносца Георгия I-го класса с вышитой на банте орденской звездой и золотой офицерский крест за взятие Праги, принадлежавшие Суворову.

В Белом Зале на мраморном цоколе был установлен бюст Суворова, присланный в дар корпусу 2 декабря 1901 года незабвенным Великим Князем Константином Константиновичем при собственноручном письме: -"Посылаю в дар Суворовцам бронзовый бюст великого Суворова, исполненный в 1801 году Гишаром. Я уверен, что Суворовские кадеты никогда не забудут, какое славное имя они носят, и что всегда будут почерпать уроки доблести в делниях дивного выразителя русской силы и русской славы".

Великий Князь проявлял свои заботы и любовь к молодому корпусу до самой своей кончины.

Государь Император неоднократно оказывал корпусу свое Высокое и Милостивое внимание, чему свидетельствуют Его письма-телеграммы :

- "Тронут чувствами чинов и кадет Суворовского корпуса. Имя великого полководца, которое они носят, да будет им во всю жизнь путеводной звездой во всех обстоятельствах". (5 октября 1905 года).

- "Искренно благодарю чинов корпуса и молодых Суворовцев". (8 октября 1904 года).

- "Сердечно тронут выражением высоких чувств, одушевляющих Суворовский кадетский корпус. Уверен, что питомцы его докажут будущей службой своей непоколебимую и самоотверженную преданность Престолу и дорогой Родине". (18 мая 1906 года).

Директорами Суворовского кадетского корпуса были :
1899-1908 г. - Генерал-Лейтенант Степан Николаевич Лавров, назначенный потом помощником Главного Начальника Военно-Учебных заведений ;
1908-1917 г. - Генерал-Лейтенант Андрей Николаевич Ваулин.

С объявлением войны 1914 года, по плану мобилизации, Суворовский кадетский корпус был переведен в Москву, где и расположился в казармах Гренадерского Саперного Баталиона в Сокольниках, постепенно переоборудованных для этой цели. (Младшая - 4-ая рота - так и осталась прикомандированной к I-му Московскому Императрицы Екатерины II кадетскому корпусу).

Зимой 1914 года корпус удостоил своим посещением Государь Император с Наследником Цесаревичем и Великим Князем Константином Константиновичем.

За время своего существования Суворовский кадетский корпус сделал 13 выпусков : 9 до Великой войны в Варшаве, 3 во время войны в Москве, а 13-ый выпуск был уже сделан в 1918 г. из "Суворовской гимназии военного ведомства", но... дух сохранили они старый - кадетский ; приходилось некоторых встречать потом. Это были настоящие наши - Суворовцы. Обидно и грустно делается за тех, кто шел следом, кому не выпала честь быть выпущенным из корпуса, но...против судьбы не пойдешь, испытания особого рода выпали на нашу долю... Не опускайте головы ! Слышите, Вы - далекие ?! Мы - кадеты - одна семья, и те, кто значительно старше и Вы - имевшие на своих детских плечах хотя бы год Царские погоны - той-же Суворовской Семьи кадеты !

На белых мраморных досках Белого зала не выбиты золотом имена многочисленных наших Георгиевских Кавалеров, в нашей Церкви не укреплены траурные доски с именами сотен Суворовцев безропотно отдавших свои молодые жизни для блага Родины...

Рухнула Империя, погибло здание, был невиданный в Истории Великий Исход, но Духом жив Славный Корпус и поныне. Рассеянные Российской бурей по четырем ветрам земным Суворовцы объединены за Рубежом, храня старые заветы Веры и Верности, Дружбы

Кадетской, имея свой печатный орган с[illegible],собирая по крупинкам все касающееся корпуса Родного-Суворовского, помогая впавшим в беду однокашникам, горжась Великим Именем, инициалы которого красовались на наших злых погонах.

Инициатива образования за Рубежом "Объединения Суворовцев" принадлежит С. Кашкину (6 вып.), который и проводил первоначальную, кропотливую работу по "Собиранию-Объединению" разрозненных однокашников в Югославии, в чрезвычайно невыгодных условиях первых лет подавленного настроения, частичного отчаяния и заметно упавшего духа после потери Родной Земли, с 1921 года по 1929-ый, когда Представителем Центрального Объединения был избран А.Н. Потапов (2 вып.), которому в 1949 году по случаю 20-летия умелого и безкорыстного руководства и блестяще организованного им 50-летнего юбилея со дня основания корпуса, было предложено именоваться "Председателем всех Объединений Суворовцев за Рубежом".

С переездом в С.Ш.А. А.Н. Потапов перевел Центр Объединения в Париж другому такому-же энергичному патриоту корпуса Н.В.Главацкому (2 вып.), отдающему и поныне Делу этому средства, знания, волю и время.

I января 1960 года А.Н. Потапов, возглавлявший Суворовцев в С.Ш.А. и Канаде, но оставаьшийся "Председателем всех Объединений Суворовцев за Рубежом" титул этот передал Н.В. Главацкому.

Умер незабвенный А.Н. Потапов 21 ноября 1971 года

С I октября 1957 года Почетное Председательство приняла на себя Ея Высочество Княжна Вера Константиновна, младшая дочь нашего Начальника - Учителя и Общего Отца Великаго Князя Константина Константиновича.

Сергей ДЖУГУБСКИЙ (XII вып.)

Ноябрь 1973 г.
Юг Франции.

З Н А М Я

(За ВЕРУ, ЦАРЯ и ОТЕЧЕСТВО)

Во всех корпусах были воинские знамена ; у многих еще с давних пор, но наш Суворовский кадетский корпус, как один из молодых, имел знамя уже последнего царствования, Всемилостивейше жалованное, в ознаменование Монаршего благоволения.

"Повелеваем знамя сие, освятив по установлению, употреблять на службу Нам и Отечеству с верностию и усердием Российскому Воинству свойственными", говорилось в Высочайшем рескрипте,и вполне понятно было всегда то чувство, близкое к священному трепету, которое мы испытывали при виде нашего Знамени, приобщавшего нас - мальчиков к Великой воинской семье, готовящихся сменить и пополнить ряды того офицерства, которое так жертвенно служило на протяжении веков интересам, славе и величию Отечества нашего.

Одному из выпускных кадет выпадала ежегодно великая честь быть знаменщиком.

... С волнением снимается чехол, перевязанный снизу офицерским темляком ; темляк этот прикрепляется к штыку на поясе, юношеские руки крепко сжимают древко ; тяжелое полотнище знамени давит плечо, но какой восторг при виде строя взявшего "на караул", при звуках встречного марша ; тут, в строю, все сроднившиеся за годы, проведенные вместе..., ровные ряды ласкают глаз, в душе разливается какое-то тепло..., общий погон, общий цвет, один мундир...

Прошли года..., вспоминая милые, одухтворенные лица, стоявших тогда со мною в том строю, невольно до боли сжимается сердце за судьбы многих из Вас, Суворовцы, за поруганную молодость, за разбитые мечты, за разрушенные надежды.

С. ДВИГУБСКИЙ

" 34 .... I2 ..... 4 .... и .... I "

Это о моем ТРЕТЬЕМ отделении, 9 выпуска 1914 г. В цифрах.

В 1907 году, при поступлении в Корпус, в моем отделении было 34 кадета. Теперь я "навспоминал" 32 фамилии... Двух - не хватило...

Из них, окончили корпус лишь I2. Остальные - "отсеялись". Был и I3-ый, но не был коренным нашего Отделения, был переведен из другого в 5 класс. Из этих I2-ти, четверо было в Добровольческой Армии на юге России. Их, этих четверых - троих уже нет... Е. Машкин 2 (Франция), А. Венсович 3- (Германия) и Е. Обозненко (С.Ш.А.). Пока в живых пишущий эти строки... остался О Д И Н ...

Среди этих I2-ти, я был, думаю, самым"талантливым". Учился и вел себя "ровно", не вылезая вперед, был "спокойный мальчик". О чем свидетельствуют мои максимальные балы по поведению: I кл. 6, 2-ой - 7, 3-й - 8 ... и дальше не пошел.

Позволю себе напомнить, что так и выставлялись балы, начиная с I класса - 6, и с каждым классом повышался и бал на один, так что лишь в 7 классе можно было иметь I2. За все семь лет пребывания в Корпусе ни разу не имел 8, в среднем, в четверти. И всего лишь один раз за все семь лет, получил "I2" по письменной работе по Арифметике во втором классе. Но имел лишь один раз переэкзаменовку по Геометрии, переходя в шестой класс.

Уже в пятом классе начали сбавлять бал за поведение, несколько раз на 7, прибавляли и опять сбавляли. И лишь за две недели до выпуска, мне прибавили с 7 на 8. То-есть "минимальный бал" для выпуска.

Годовой бал по Законоведению был в седьмом классе - 5.

Но кончил корпус "чисто", без переэкзаменовок, (а таковых было 24 - 25), хоть и недалеко от конца, но и не "на И"...

О "справедливости" начальства - могут быть разные мнения...

Моего 9-го выпуска были и живут в эмиграции - по отделениям: Явленский, Запольский, Скляренко - Франция ; Родионов - Югославия и Лобан, Хильченко, Гринев - Австрия ; Эссен - Швеция ; Пожарский - США ; Бугославский, Федоров, Марков - Франция ; Судаков - Латвия ; Невструев - Югославия ; Говорский - Болгария ; Гулевич и Левандовский - США ; де Витт, Машкин - Франция; Якобсон - Турция ; Бенсович - Германия ; Обозненко и я - США. Итого 23 из 75-ти окончивших.

Известно, что были в Добровольческой Армии Юга России : Гординский, Гуреев, Богомольц, Лапчинский, Пятницкий, Новиков... Еще и эти шестеро... Известно, что в первой половине I5-го года были убиты : Говорков, Якубовский, Костецкий, Файницкий ... четверо. Или : 23 + 6 + 4. Итого 33 из 75-ти окончивших.

Остались в живых : Гринев, Родионов, Бугославский, Явленский, де Витт и я - Витте.

Теперь я инвалид, с лета I5-го года (нога короче на 5 сантиметров). Пенсионер-то я старый, еще с 1916-го года был принят под покровительство Александровского Комитета о раненых по 2-му классу, получал и пенсию... И ... лежит эта пенсия в Московском казначействе, неполученная с 1918 года. Получить бы за всё время, да в золотых рублях !

Но не жалуюсь на свою жизнь. Подумал и "о будущем" - имею место на кладбище, внесена соответствующая сумма в бюро, на путь "туда"...

И, несмотря на все "нестраведливости" и "придирки" начальства в течении долгих семи лет, я скажу ...

Наш Корпус - САМЫЙ ЛУЧШИЙ .... ЛУЧШЕ ВСЕХ .... Правда ?

Н. В и т т е

"Н А Ш Л А З А Р Е Т"

Пришлось в нем побывать несколько раз. Будучи в I-ом классе - "корь" и "притворялся" не раз. В 5-ом классе - "свинка" и в 6-ом "флюс".

Какое это было милое, симпатичное учреждение! Нравилось бывать там. О нем остались у меня самые приятные воспоминания. В № 5 нашего "Сборника", я подробно описывал его, не буду повторяться. Но лишь напомню, что кроме "главного", как-бы "основного", было еще три совершенно изолированных отделения, для заразных болезней.

Внизу под основным - отделение для "кори". Это большая палата на 8 кроватей и 2-3 малых на 4 кровати. Рядом через стену - "скарлатина". Там не бывал, не знаю расположения. Эти два отделения функционировали ежегодно. 4-ая рота, в изобилии, всегда давала пациентов. Третье, над кухней, за классом "ручного труда". Вход был со стороны "задней лестницы", идущей от буфета, вниз на кухню. Там бывала "свинка", "ветрянка", "краснуха",

бывавшие не в каждом году. Там была и дезинфекционная камера. Сюда же попадали возвращающиеся из дому по отбытии "карантина" на дому, после кори.

Попасть в лазарет, при желании, было не так трудно, особенно для 4-й роты. Легкая простуда, небольшая температура "искусственно" созданная... Попал туда в I-м классе еще. Мне понравилось. Тишина... И все не как "в роте", где шум, крик, беготня. Надо удивляться выдержке воспитателей, дежурящих там по целым суткам. Я рос дома один, привык к тишине... Лазарет, как-то походил, по-моему, на домашнюю жизнь. Способствовало этому всё. Тишина. Халат, шлепанцы-туфли, даже и белье было "не ротное", пружинные кровати. И питание "не ротное" - обычное. Для лазарета на кухне отдельно готовила специальная кухарка "Пани Хелена".

Сначала больной попадал на "слабую порцию", потом переводился на "среднюю", где, помню, особенной любовью пользовался гарнир - жаренная картошка, чего в роте не давали. Да и сладкое бывало иное, не обычное, ротное - пирожное, а компот, кисель. Хуже бывало, когда переводили на "ротную порцию" - что предвещало приближающуюся выписку.

Перед поступлением в лазарет- ванна ! Тоже разнообразие после бани. Был и "лазаретный" воспитатель, но больше мы боялись сестры милосердия - общинская, седоватая, помнится, строго подтянутая,в форме всегда. К нам, 4-й роте была строга. Побаивались мы ее. Обычно "тяжело больные" 4-й роты попадали в большую палату на 8 кроватей, находившуюся прямо от главного коридора. Рядом была и комната сестры... Ну, как-же не попрыгать "больному" на пружинной кровати !!! Бросались и подушками. Но всякий шум, безпорядок в палате вызывал и появление сестры.

Сразу находились виновные... Следовали и наказания : "на овсянку", вместо нормального обеда. Или отбирался "дневник", такие были в мое время в 4-й роте (туда записывались уроки, проставлялись и баллы, а свой воспитатель еженедельно записывал и свои замечания, если таковые бывали. Вот, этот-то дневник и выкладывался к библиотечному шкафу, находящемуся рядом в коридоре. И каждый проходящий мог просматривать "успешность" кадета и "придирка" воспитателя к нему. Неприятно было это выкладывание дневника на общее обозрение... Нам 4-й роте нельзя было бродить по лазарету, выходить из своего коридора.

Рядом была "малая палата", для серьезных больных. За ней еще две палаты, к ним мы могли приближаться с опаской, не быть пойманным сестрой. Кажется в такой палате лежал А.К. Черцедин 3 в., живущий в Канаде. Его навещали приятели и "сам"вице-фельдфебель Добровольский, на которого мы смотрели с большим уважением... Еще бы - "сам" фельдфебель ! Где его увидишь, в столовой, издали лишь. Начальство ! Высоко "расценивался" и сам Черцедин - "серьезный больной", да еще САМ фельдфебель его навещает...

И еще привлекательная сторона лазарета... Ведь, НЕ СИДЕТЬ НА УРОКАХ ! Но, и в лазарете бывало подобие "вечерних занятий" для "ходячих" 4-й роты. Садились за большой стол в коридоре около своей палаты и учили уроки, занимались. Каждый вечер перед вечерними занятиями лазаретный служитель обходил все отделения,

из которых были больные, с записками, на которых в этих отделениях писали заданные уроки "на завтра". Этот же служитель и приносил нужные книги и пр. по записке больного.

В I-м классе я заболел корью уже второй раз ! Болел и до корпуса, дома. Попал в "нижний лазарет". Нас было много, до двух десятков. Когда температура спала, то было не плохо... Прыгали по кроватям, бросались подушками. Через запертую дверь перестукивались с соседями - "скарлатинниками". С нами же жил и фельдшер, служитель. Когда прошел инфекционный период (первые две недели), то на последующие две, отпускали домой, вместо того, чтобы отбывать карантин в корпусе... Нужны были места !

Это было мое первое появление дома - кадетом ! Поехал в свой Красник ! Но было скучновато, приятели были в своих учебных заведениях... Не перед кем было и показаться кадетом ! Да и мундир то был "классный", а не "выходной". Скрашивали мое одиночество подруга детства - ровестница, Варшавская институтка. Вместе катались на санках с горки, был конец ноября. Вечно в снегу, мокрые: А в 14 году эта "девченка" кончила Институт с Шифром! По возвращении из "карантина", который провел дома, попал я в то отделение, что над кухней. Вещи - в дизенфекцию. Меня - в ванну. Я и был единственным пациентом.

Часто бывал в лазарете моего отделения Лейковский Владимир, у него болело ухо, по настоящему. Уже, кажется, во втором классе ему делали операцию - "трепанацию черепа", за ухом, что нам внушало страх, если не уважение даже. По болезни оставался на второй год в первом и втором классах. Повторяю, что лазаретная атмосфера мне пришлась по душе. "Старался" попадать туда. А чтобы подольше задерживаться, то у меня начало тоже "болеть ухо". Побуду надельку в лазарете, 2-3 в роте, и опять в лазарет. Писал домой редко. Так дотянул я до второго класса.

Дома забеспокоились, что со мной ? Запросили начальство, да и моего воспитателя Шт. Кап. Болдескула, и "Ротного" Полк. Косинского, который и имел разговор с Д-ром Подгорным, и на вопрос о моем здоровьи, тот прямо ответил : "Нет ничего у Витте, притворяется". После этого, на вечерних занятиях "Ротный" вызвал меня из класса в роту, на разговор. Конечно говорил-то он... Я молчал и выслушивал его. Если бы он накричал на меня (а он это мог), то может быть на следующий день была бы попытка попасть в лазарет. Но он мне сделал просто отеческое внушение, пристыдил... и достиг своего. "Я считал Тебя хорошим мальчиком, а Ты оказывается ничем не болеешь, а притворяешься, по словам доктора, и домой не пишешь, а там волнуются!.. Пронял меня этим разговором, пристыдил. Да так, что я и перестал думать о лазарете.

Мало того, даже избегал бывать в амбулатории, чтобы доктор не подумал, что я опять притворяюсь. До пятого класса я забыл о лазарете ... и оскандалился. Сразу после Корпусного Праздника я заболеваю "свинкой" Один на весь корпус ! Свинка, как и корь у меня была до корпуса - дома. Положили меня в тот-же лазарет, где был с корью в первом классе. Я был ОДИН ! При мне жил служитель. Прямо, как в карцер попал ! Дважды в день приходил доктор, фельдшер

Мерили температуру... Скука была зверская ! Ведь - один !

Видел из окна выходящую на прогулку свою 2-ую роту. Мои окна выходили в садик перед лазаретом, но вкось через забор можно было видеть плац 3-й роты. Но этот садик был уже зоной запретной для нас. Но моего отделения А. Венсович снабжал меня книгами, приносимыми из дому, передавал через окно их, конечно это была контрабанда. По-прежнему избегал показываться в амбулаторию. Но пришлось еще раз попасть в лазарет, уже в шестом классе. Но, уже честно, не притворяясь, без ловчения. Схватил зверский флюс ! Лазарет переполнен, мест нет... У меня температура... Освободили от уроков и я лежал в спальне один, дня 2-3, ходил в амбулаторию... На большой перемене пошел в лазарет к "зубодеру" поляку.

Его любимое выражение было, с резким польским акцентом : "буджем джергать"! И начал дергать, да как ! Конечно без наркоза, мучительно долго, несколько раз щипцы срывались, коренной зуб крошился, осталось 1-2 корня, едва ли не до Америки... По корридору проходил Старший Врач Казаринов, зашел посмотреть, уведел меня окровавленного... И сам предложил остаться в лазарете на несколько дней. Чем я, конечно, и воспользовался. Отношение к кадету 1-й роты было иным, чем к малышу 4-й роты !

Вспоминая далекое прошлое, конечно, нельзя обойти молчанием наших фельдшеров. Их было несколько, все были милыми, симпатичными, располагали к себе. Они дежурили по лазарету, то-есть всегда были в контакте с нами, больными.

Один - обслуживал амбулаторию с младшим врачем. Для нас, 4-й роты они были авторитетом, взрослые ведь, начальство ! Называли их "дядями". Лишь один был очень строгий, не симпатичный. Вскоре он выдержал экзамен на "классного фельдшера" и стал работать исключительно в нашей аптеке, уже не имея отношения к нам. Помню его фамилию на "Д"... Один был особенно симпатичный - Святский, приходил в гимнастический зал, отлично делал всё на снарядах. Выдержал экзамен за 6 классов, и поступил в Военное Училище... Успел ли кончить до войны ???

Все написанное выше сохранилось в памяти кадетика 4-ой роты. За давностью лет, что-нибудь и пропущено - забыто. Ведь, все "это" было так давно... Прошу простить.

И. В и т т е (9 выпуска)
Лос Анжелес С.Ш.А.

Б л а г о д а р н о с т ь

Прошу принять мою искреннюю благодарность Н.Н. Страшкевича, Н.И. Витте и И.А. Прокофьева, за оказанную мне помощь по составлению этого номера.

Н. Г л а в а ц к и й

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПОСТУПЛЕНИИ В КОРПУС

В этом году исполняется 75 лет со дня основания нашего Суворовского кадетского корпуса в 1899 году. Годовщина исключительная : только подумать - 75 лет !!!

За это время многое забыто, но многое и осталось в памяти, и, невольно вспоминается наше прошлое : поступление в корпус, занятия и отпуска по праздникам (корпусной 1-го октября ст.ст.). На наши знаменитые балы было много приглашенных : блестящие офицеры, в большинстве из Варшавской Гвардии, бывшие кадеты нашего корпуса. Музыка : два оркестра. Днем молебен и парад и обед в присутствии большого начальства войск Варшавского Военного Округа.

Когда мне исполнилось 8 лет, в нашей семье был разговор, в какой корпус меня отдать учиться ? Думали в Петербург, в Пажеский корпус, но потом решили отдать в Суворовский кадетский корпус. Мой отец в это время служил в 14-ой Пограничной Ченстоховской Бригаде, на немецкой границе, где он командовал первым отделом. Место было почти безлюдным. Жили мы недалеко от казарм и небольшого поселка Гноудово. В этом поселке было несколько дворов, школа, почта. Магазинов не было. А учить меня надо.

Пригласили дочь офицера, окончившую Институт, подготовить меня в корпус. Начали заниматься : Закон Божий, русский язык, арифметика и другие предметы. Время прошло быстро, и надо было ехать в корпус на экзамен : был 1909 год, май месяц.

Отец меня взял и мы поехали. Мы остановились в Варшаве в Европейской гостинице и, на другой день, отправились в корпус. С большим интересом я увидел громадное трехэтажное и серое здание корпуса.

День был прекрасный, солнечный, теплый ; помню каштановые деревья вдоль Уязцовской и Бельведерской аллей. Все было радостно и весело, но я этого не чувствовал : близость экзамена меня сильно безпокоила.

При входе в здание, дверь нам открыл представительный швейцар и, пройдя немного дальше, в вестибюль, мы увидели много мальчиков моего возраста с матерями и много офицеров в красивых формах. У всех я увидел озабоченные лица : конкурс большой, а желающих поступить было в 3-4 раза больше чем вакансий. Суворовский корпус был один на весь Привисленский край, где было много войск всех родов оружия.

Вскоре в вестибюль вошел инспектор классов, как мы узнали потом, это был генерал Бартос. Он стал вызывать мальчиков. Вдруг слышу вызывают меня. Всех нас повели в 4-ую роту, там я увидел ряд столов вдоль стен и там сидели воспитатели со списком экзаменующихся. Первым важным экзаменом был медицинский осмотр, где проверяли рост, вес, дыхание, сердце, зрение и, чтобы знать силу мускулов, пришлось сжимать какую-то овальную пружину.

Побывав у врачей, я прошел благополучно медицинский осмотр и был доволен, так как многие мальчики не были признаны годными и не допущены к экзаменам. После этого начались экзамены: Закон Божий, арифметика, русский язык и, наконец, письменная работа по русскому языку. Всех нас привели в "Белый Зал", где мы сели за

парты, на которых уже лежали чистые листы бумаги. С первых фраз диктовки я понял, что была выбрана трудная тема : "Богдыханский сад", где описывались цветы, деревья и украшения Китая.

Диктовка каверзная, так как нужно знать, где писать "Ѣ" или "Е". Собранные листы были проверены и, через несколько минут, вызывает меня воспитатель, передает мой лист генералу Ваулину - директору корпуса. Директор вызывает моего отца, который подходит и стоит на вытяжку: "Ваш сын не может быть принят в корпус!" говорит директор, показывая отцу мою диктовку. Я вижу, что красным карандашем сделано много поправок и, тут я понял, что провалился.

Директор добавляет : "пусть Ваш сын подговится и привезите его на следующий год и он будет принят в корпус!" Наступила тишина абсолютная и все смотрят на меня, а я расстроен и вот-вот заплачу. Отец меня успокаивает : "ничего, Володинька, будешь дома, подговишься и выдержишь экзамен! - а пока поедем обедать в Европейскую гостиницу!"

Вскоре отец был переведен на австрийскую границу, в Штаб его Отдела в городе Олькуш. Когда я вспоминаю это счастливое время, мне приятно описать мои впечатления об этом городе, где было всё так ново и интересно. Мы приехали ночью и, рано утром, открыли окна ; вся комната осветилась солнцем и мы поразились представившейся красоте. Город окружен прекрасным сосновым лесом, поднимающимся чуть-ли не от площади в гору. Были видны и поля, усеенные житом и пшеницей. Всё было чисто, уютно и красиво. В стороне, на горе, были видны развалины средневекового замка. Перед нами была четырехугольная площадь, окруженная домами ; из них только два дома были двухэтажные, и в одном из них была наша квартира и помещение для писарей Штаба Отдела.

Напротив, тоже в двухэтажном доме, помещалась канцелярия Начальника Уезда Лабудзинского, и его сын Борис был кадет 5-го класса Суворовец, с которым я скоро познакомился, и его форма и подтягутый вид произвели на меня большое впечатление, и я решил усиленно заниматься науками, чтобы непременно поступить в корпус в следующем году.

На этот раз мои родные выписали из Москвы бывшую институтку, окончившую Московский институт Благородных Девиц и, по ее приезде, начались усиленные занятия. Особенное внимание было обращено на правописание и как различать (??) в произношении буквы "ѣ" и "е". К началу мая 1910 г. я уже был хорошо подготовлен и, опять мой папа повез меня в корпус и, на этот раз, я был более смел и выдержал все экзамены и медицинский осмотр.

Мои отметки были средние и, при большом конкурсе, меня приняли своекоштным. Незадолго до отъезда в корпус, отец получил телеграмму от генерала Ваулина : "Ваш сын, по постановлению педагогического Совета, принят в корпус на казенный счет. Генерал-майор Ваулин". Я был счастлив. Наша гувернантка получила хороший подарок. Она вышла замуж за подчиненного отцу офицера. Много лет спустя, в 1919 году, когда я, будучи еще юнкером Константиновского Артиллерийского Училища, с братом Всеволодом, кадетом

Одесского Кадетского корпуса, получив отпуск, прибыли в Екатеринодар и представились нашему дяде Генерал-Майору Черноглазову, состоявшему в Главном Штабе председателем Наградной Комиссии, мы разыскали дом, где жила наша бывшая гувернантка Вера Николаевна Яр. Подошли к калитке дома позвонили ... подошла пожилая дама и мы спросили можем-ли видеть Штаб-Ротмистра М. ? Дама ответила, что он ее сын и, что он убит на германском фронте в 1915 году, а Вера Николаевна, говорит она со слезами, умерла два года тому назад. Затем, показывая на стоявшего около нее мальчика - это их сын, мой внук. Мы были очень огорчены этими сведениями и, через три дня, вернулись в нашу батарею. Я немного отвлекся и возвращаюсь к прежней теме.

В городе Слькуше были у меня большие приятели, старше меня года на два, кадеты, два брата, из Больского кадетского корпуса. Летом я постоянно с ними встречался ; мы играли в разные кадетские игры, часто боролись и дрались, и это позволило мне стать почти-что уже кадетом.

Настало, наконец, время отъезда в корпус. Не знаю, почему мои родители попросили госпожу Лабудзинскую взять меня с ней, так как она везла в корпус своего сына Бориса. Провожали нас брат и сестра и многие знакомые. Меня и радовала поездка в корпус и немного печалила... как там будет ?! Видя, что я волнуюсь, отец говорит: "плакать-то ты не будешь - ты, ведь, уже большой!!! Я не заплакал, но было грустно расставаться со своими родными и близкими. Наконец третий звонок, поезд трогается и, через несколько минут всё исчезает...

В Варшаву приехали на другой день, в три часа дня, на Брестский вокзал; извощик нас доставил к знакомому уже громадному зданию корпуса. Взял я свою корзинку, швейцар открыл дверь и говорит Борису и мне: "пожалуйте!" - И, вот, я в корпусе.

Прошло много лет и многое исчезло из памяти, но первый день мой в корпусе помню хорошо. В приемной никого нет, поднимаемся на три ступеньки и мы на площадке. Справа широкая дверь с надписью "3-ья Рота", слева "4-ая Рота" и напротив учительская. Показывая на дверь 4-ой роты, Боря говорит: "ну, иди, явись дежурному воспитателю."

Попрощался я с ним, вхожу в роту, никого нет. Солнце освещает зал, тишина. Но, вдруг, вижу идет полковник Косинский. Его я сразу узнал, помню по моим экзаменам в корпусе. Подходит ко мне и говорит: "приехал"?! - "Так точно господин полковник" отвечаю. "Как твоя фамилия"? Я стараюсь отвечать ясно и четко: "Черноглазов". "Да ты Голубоглазов !!! Пойдем, тебя переоденем". В конце роты, налево, входим в цейхаус; полутемно, солнца нет. Высокий унтер-офицер каптенармус, в красных погонах, берет мою корзинку и начинается пригонка обмундирования.

С удовольствием отдаю ему свою матросскую курточку и быстро одеваюсь. Пришлось по указанию полковника Косинского переменить гимнастерку - была она велика. Наконец подобраны погоны с трафаретом "Сув", о чём я мечтал в течении двух лет. Сдал я и свои вещи с коробками конфет, и, подтянув пояс с бляхой, иду на

плац и уже слышу шум, визг и крики новых десятилетних кадет, бегущих и веселящихся.

Не успел я еще войти на плац, как вдруг подходят ко мне два кадета, думаю, наверно майоры, и спрашивают мою фамилию. Я с почтением отвечаю."Когда приехал"? На этот вопрос не успел я ответить, так как упал на пол и повредил колено. Оказывается, что один из нападавших, ловким скольжением ноги по паркету, дает подножку, и я полетел, а агрессор остался недвижим.

Полковник Косинский услышал мое падение и увидел, что я плачу, меня успокоил и послал на плац. Этот маленький эпизод я не забыл, как мое знакомство со старшими кадетами четвертой роты. Войдя на плац, я увидел малышей вновь поступивших и, как и я, одетых в гимнастерки и белые брюки. "Хочешь играть с нами?" спросила меня одна группа из них. Отвечаю: "Да!" -"Мы, говорят они, играем в казаки, разбойники, кем хочешь быть?". Чувствую, что вопрос каверзный и ошибиться мне нельзя. "Я не казак, буду разбойником", отвечаю я (это они показались мне разбойниками). Слышу крик: "Здесь разбойник, валите его!!"

Я сильно отбивался от трех казаков, подбежали еще другие и я очутился на земле. Слышу непонятное мне "Мала Куча"и сразу на мне уже несколько человек. Понял я, что мое дело плохо и могу задохнуться. Я кричу от боли. К счастью подбежали "разбойники" с криком: "нашего душат" и они быстро освободили меня. Я стал для них свой, а они моими.

Вскоре раздался сигнал горниста, и мы пошли в роту. Нечего скрывать, что у нас всех был помятый вид. В роте нас вызвали по списку и рота выстроилась.

Я попал во 2-ое отделение первого класса и тут я увидел своего воспитателя поручика Петра Петровича Колмакова, которого все мы любили и уважали ; он хорошо обращался с нами, ему можно было говорить всё и он редко кому отказывал в просьбах. За свою молодость мы его прозвали "мальчишкой". Он сам бывший кадет 2-го Московского кадетского корпуса и был нам близок. С ним я прошел с I-го класса по 7-ой, и в 1916 году был произведен в вице-унтер-офицеры. К этому времени он был уже в чине подполковника, так как прошел курсы воспитателей.

Перед ротой были командир роты и все воспитатели. После обращения к нам и указаний о распорядке дня, рота была распущена, и мы вошли в наш класс, где П.П. Колмаков знакомился с нами и объяснил наши обязанности. Все разместились по партам и я занял место в средней части класса. Были выданы учебники и сданы деньги.

Перед сном опять построили роту, мы пропели молитву перед ротной иконой Св. Великого Князя Михаила (22 ноября) и все пошли в спальню; там я нашел свою кровать и после умывания заснул сразу крепким сном после такого полного приключений дня.

Занятия начались после I5-го августа. По Закону Божьему преподавателем был священник отец Григорий Модзалевский, и мы его любили. Он называл нас "разбойниками". По арифметике Виноградов, по географии князь Бигильдеев, по истории Маньковский, по рисованию милейший Лев Андреевич Гейне, танцы Словацкий и т.д.

Первые два месяца мои отметки были довольно низкие, потом появились 8 и 9. Через месяц я получил разрешение пойти в Алек-

сандрийско-Мариинский Институт, навестить мою сестру; она была в младшем классе. Сестра была очень рада моему визиту и моей кадетской форме. Это был мой первый выход в город, и по дороге к сестре я не забыл купить ей конфеты у Ванина.

Не помню, кажется, когда я был уже во втором классе, в институте был большой бал и в числе приглашенных кадет был и я. Вечером, в обмундировании I-го срока, мы были построены и, под командой воспитателя, пошли в институт, где были встречены классными дамами и старшими институтками. Вскоре подошла ко мне и сестра и познакомила меня с ее подругами. Начались танцы. Около II-ти часов вечера, нас малышей пригласили в столовую и перед уходом опять хорошо угостили бутербродами, чаем и сладостями. Помню, как старшие институтки ухаживали за нами, чтобы мы не были голодные. В институте на балу я больше уже не был.

С большим интересом и любовью вспоминаю нашу Варшаву, институт, милых институток в белых перчатках и голубых платьях, начальницу. Всё это было давно и не вернется никогда.

Четыре месяца перед Рождеством прошли быстро ; мы все с нетерпением ожидали отпуска. Каждый из нас только и думал поскорее попасть домой, показаться своим в кадетской форме. Наконец настал день, когда швейцар вызвал меня в приемную и там я увидел стоит бравый унтер-офицер в зимней форме, при шашке и протягивает мне письмо от моего отца, к командиру роты, с просьбой отпустить меня в отпуск. Разрешение я получил сразу и поездом с Варшава-Венского вокзала мы на другой день прибыли в Олькуш.

Трудно передать какова была моя радость снова увидеть моих родных и особенно брата. Все меня встретили с любовью, расспрашивали обо всем ; мой мундир, погоны, пуговицы с орлами и бляха всем очень понравились. Рождество пролетело быстро и я опять в корпусе. Занятия шли довольно напряженно ; трудно мне было с языками французским и немецким. Иногда приходилось вставать в четыре часа утра, чтобы подготовиться к письменной работе. Будил служитель, спать хочется, и было неприятно холодно и темно, но надо вставать, чтобы подготовиться, иначе переэкзаменовка.

В мае месяце я перешел во второй класс. П.П. Колмаков дал нам список, что мы должны прочесть летом из литературы и решить ряд задач по арифметике. Перед окончанием учебного года в корпус приехал отец и сказал мне, что, если я перейду в следующий класс, то поедем в Крым. Обещание было выполнено и, через Одессу, на пароходе прибыли в Евпаторию и пробыли там два месяца ; купались в лимане и в море.

Здесь произошел со мной курьезный случай : отец купил мне велосипед и вот, на площади, недалеко от моря, я делал круги, учась ездить на нем. Вдруг идут два пехотных солдата и увидев меня в фуражке, с погонами, были очевидно очень удивлены, верно в первый раз увидевши кадета, и один из них, указывая на меня, говорит другому : "смотри - солдат муха"!!! Я был обижен, но отец смеялся : "понятно" мне было 12 лет.

Второй класс прошел быстро, и я в 3-ей роте полковника Бенедиктова. Там на стене, как и во 2-ой и I-ой ротах висели, в богатых золоченых рамах и огороженные металлической решеткой, чудесные картины (кажется Сурикова и Коцебу), изображающие

героический Итало-Швейцарский поход нашего Шефа Генерал-фельдмаршала графа Суворова-Рымникского. Особенно мне запомнилась картина В.Н. Сурикова "Переход Суворова через Альпы", Швейцарский поход. Перед этой картиной я подолгу простаивал. Мой прадед Майор Михаил С. Черноглазов, о котором я еще с детства слышал от отца, участвовал в войсках Суворова во многих его походах : во взятии Хотина, Измаила, Хаджибея и в Итальянском и Швейцарском походах.

Из послужного списка видно его участие :

1. Овладение перевала Сант-Готарда (13-IX-1799),
2. Участие во взятии Урнер-Лох'а и переход через "Чертов мост" (14-IX-1799) и
3. Затем следует кантон Гларис а и переход через Росшток в долину Мутена (16-IX-1799).

Картина, написанная В.И. Суриковым очень хороша. Художник отчетливо показал весь героический переход Суворовских чудо-богатырей через высочайшие горы Европы. В стужу и холод Суворовцы спускаются в открывшуюся пропасть. Отлично на коне изображен наш Великий Полководец граф Суворов-Рымникский.

Много раз я простаивал около этой картины, как-бы ища моего прадеда и мне казалось, что он должен был быть непременно около Суворова.

Владимир Ч е р н о г л а з о в
XII вып. (1917 г.).Вице-Унтер-Офицер

1974 год.
Аргентина. Буэнос-Айрес

МОЕ СЛУЧАЙНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЗДАНИЯ б. СУВОРОВСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА, в АПРЕЛЕ 1930 Г.

В Федерацию Союза Комбатантов войны 1914-1918 г.г. вошли все страны, воевавшие против Германии и Австро-Венгрии. Это были: Франция, Англия, Америка, Италия, Сербия, Румыния ; в конце войны Чешские и Польские Легионы. После подписания большевиками похабного Брест-Литовского мира в январе 1918 года, к большому сожалению , Россия не вошла. Я, как воевавший в составе Особых Бригад на Французском фронте в 1916-1918 г.г., состоял полноправным членом в Федерации. Мы офицеры Особых Бригад, состоя членами в Федерации всегда защищали честь Императорской России и боевую славу ее Армии, перед правлением Федерации.

В 1925 г. Федерация выпустила Альбом в 400 страниц, где каждая Союзная страна была представлена политическими деятелями той эпохи и заслуженными военноначальниками Армии и Флота. Они собственноручно писали свои суждения, касающиеся той эпохи, 1914-1918.

России было отведено лишь три страницы. Одна Вел. Кн. Николаю Николаевиччу, другая Гр. В.Н. Коковцеву, третья б. министру Иностранных Дел Сазонову.

Издано было только 2000 экземпляров для всех стран. Председатель Федерации был француз, а члены - по одному человеку от

каждой нации, входившей в Федерацию. Председатель знал, что до войны я жил и учился в Варшаве, хорошо знаю Польшу и польский язык, предложил мне поехать в Польшу и Чехословакию и распространять этот альбом. Мне надо было предлагать подписаться на альбом министрам, генералам и вообще большим людям в тех странах, где я буду. Для этого я получил сопроводительную бумагу за подписью французского военного министра Пенкино, где была просьба, чтобы гражданские и военные власти, где я буду находиться, оказывали бы мне всестороннюю помощь.

Получив все необходимые документы и визы, я выехал в Польшу. Приехав в Варшаву, я передал Генер. Горецкому, председателю комбатантов Польских легионов письмо от генерального секретаря Федерации Союзных Комбатантов.

В этом письме был список лиц, которым я должен был предложить мой альбом. Оставив ген. Горецкому адрес моего отеля и телефон, я просил его известить меня о назначенных для меня свиданиях. Первое мое свидание было назначено у министра финансов Яна Пильсудского (брата маршала). Министр меня принял в здании бывшей I-й женской гимназии, которую я великолепно знал, так как мои три сестры учились в ее стенах.

Министр иностранных дел Залесский известил, что примет меня в IO ч. утра такого-то числа на Бельведерской Аллее, № не помню. Приехав по указанному адресу, мое сердце учащенно забилось, передо мной было здание моего родного гнезда, Суворовского кадетского корпуса.

Вход и вестибюль все те-же, но ни церкви, ни купола, ни надписи, конечно не было. Вместо Спасителя на громадном цветном запрестольном окне, сплошная стена серого цемента. Со странным чувством входил я в вестибюль, в эти стены, где я провел беззаботные 8 лет (в 6-м классе в числе двадцати кадет остался на второй год). Я передал курьеру свою визитную карточку. Через несколько минут я был принят Министром в одном из отделений 3-й роты. Разговаривали мы по-французски. Получив подписку на альбом, я его поблагодарил за прием. Провожая меня, Министр обратил мое внимание на громадную картину, написанную маслом, с подписью внизу "Бжух над Вислой", то-есть чудо на Висле. Картина изображала советскую пехоту, бежавшую к Висле, чтобы переправиться на противоположный берег, преследуемую польской кавалерией, сверкающей шашками. Министр не подозревал, какого визитера он принимал.

Попрошавшись с Министром, я вышел на Бельведерскую Аллею. От всего виденного мне нужно было собраться с мыслями, и я хотел посидеть в Лазенках. Случайно я увидел, что в стене, которая отделяет плац I-ой и 4-ой рот от улицы, были сделаны ворота. Я вошел на наш бывший плац, где мы когда-то играли в футбол, занимались гимнастикой, теперь был парк с красивыми аллеями, цветником с массой деревьев, где гуляла публика и играли дети. Как я потом узнал, что кроме Министарства, в помещении б. корпуса, была расположена школа подхорунжих Польской армии, а их семьи жили в домах, которые когда-то занимали наши воспитатели с семьями. Присев на скамейку, перенесся я на 20 лет назад и представил себе громадный плац и кадет, играющих в разные игры.

МАЛЕНЬКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Три первых класса корпуса были расположены в цитадели Варшавской крепости, пока строилось новое здание на Бельведерской Аллее.

В одном из зданий была столовая с приемной комнатой, где стояло пьянино и Мадам Коленд-Стадницкая давала уроки музыки, желающим кадетам. В других зданиях были классы, спальни, лазарет и т.д. Помещения отапливались зимой каменным углем, который носил на себе в мешках ослик. Заниматься гимнастикой и "фронтом" мы ходили на большой квадратный плац, посередине которого стояла большая Александровская колонна. На одной стороне квадрата была гауптвахта, и мы любили наблюдать смены караулов, в особенности, когда впереди всех шел горнист и играл сигнал похода (не знаю, правильно ли я выразился).

В положенное время здесь мы гуляли, вернее бегали ватагами, изображая казаков и разбойников, или раскачивали чугунные тумбы с цепями вокруг колонны. Сюда же приходил гулять и наш ослик. Как только он появлялся, сейчас же наши "кавалеристы" (старшим было по 13 лет) держали пари, кто усидит на осле. Образовывалась очередь и начиналось состязание. С разбега очередной спорщик садился верхом на осла, уцепившись руками за шею. Ослу это очевидно не нравилось, а может быть и забавляло. Он брыкался и "кавалерист" слетал на землю, усидеть никто не мог. В конце концов, ослу эта игра надоедала и он победоносно уходил к себе домой.

Осенью 1901 года в корпус приехал, всеми нами любимый, Великий Князь Константин Константинович, и в то-же время приехал Военный Министр генерал Куропаткин. Нас поразило, что Великий Князь был подчинен ген. Куропаткину. Нам казалось, что Великий Князь может только подчиняться Царю.

Никаких официальных встреч не было. Генерал Куропаткин приказал одному из отделений, на плацу, показать гимнастику. Затем он обошел все помещения, нашел непорядок в лазарете, и яко-бы из-за этого наш первый доктор Мышкин был переведен в какой-то лазарет, и военного министра мы больше не видели.

Великий Князь был несколько дней в корпусе. Обедал вместе с нами, был на уроках, в спальне, везде его можно было видеть окруженного кадетами. В последний день его пребывания, мы все кадеты и персонал корпуса снимались на крепостном валу. Великий Князь сидел в первом ряду, посередине, с самым маленьким кадетом первого класса на коленях.

На следующий год, мы возвратились из каникул в новое помещение. Здание было построено по последнему слову техники. Над входом была наша домовая церковь, вся красиво расписана с хорами, где пел наш кадетский хор. Иконостас был походный Суворовский, который нашего Шефа сопровождал в походах. Здесь он стоял под стеклом.

Паровое отопление, вентиляторы с нагретым воздухом, своя хлебопекарня, которая выпекала чудные французские булки, пирожные и т.д. Свой лазарет, баня - душ. Словом все условия гигиены

были соблюдены. Не обойду и ... карцера, где я сидел два раза. Арестованным давали обед без сладкого, которое приносили втихомолку приятели.

Здание было расположено против Лазенковского Королевского парка, куда нас, иногда, водил наш воспитатель, вместо урока гимнастики. Мы катались на лодках, или Лев Андреевич Гейне, преподаватель рисования, учил нас с натуры рисовать маленькие Лазенковские дворцы.

Весной это была красота, которая для нас ушла в вечность.

Н. Г.

ОТПРАВКА РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ФРОНТ В 1916 ГОДУ

В разгар Брусиловского наступления в Галиции, в конце мая, после взятия нами Бучача, находясь на передовой линии, меня вызвал по полевому телефону полковой адъютант, прося меня сейчас-же приехать в Штаб полка, чтобы получить исключительную командировку, и добавил, чтобы я сдал роту младшему офицеру.

Приехав верхом в Штаб полка, я явился командиру полка, который сказал мне, что он получил из Штаба 2-го корпуса (куда вошла наша дивизия) предписание о назначении одного офицера полка, на должность командира роты, во вновь формируемую Особую Бригаду, которая будет отправлена на Французский фронт.

Ознакомившись с Вашим послужным списком, Вы подходите на эту должность. Вы окончили кадетский корпус, Александровское Военное училище, кадровый офицер, были два раза ранены и награждены 5-ю боевыми орденами с мечами и бантами. Затем спросил меня, знаю ли я французский язык, получив утвердительный ответ, что я им владею свободно, он приказал адъютанту приготовить нужные бумаги (Послужной список, предписание, прогонные и т.д.).

Я вызвал денщика из обоза 2-го разряда и на машине Штаба полка поехал в Штаб 2-го корпуса, где явился Начальнику Штаба, который меня представил К-ру Корпуса Ген. Флугу. От Начальника Штаба я получил предписание явиться в кратчайший срок Начальнику Главного Штаба.

Пробыл я в Петрограде три дня. Здесь я получил предписание ехать в Екатеринбург, где должен был быть штаб, вновь формируемой 3-ей Особой Бригады (5-ый и 6-ой Особ. полки). Из Екатеринбурга я поехал в Челябинск, где формировался мой 6-ой особый полк, куда я был назначен командиром 4-ой роты.

Полк формировался полтора месяца и состоял преимущественно из Сибиряков. В конце июля полк был погружен в эшелоны ж.д. и мы поехали через Екатеринбург, Вологду, Вятку, в Архангельск. Ехали мы трое суток.

Прибыв в Архангельск рано утром, мой I-й батальон, со штабом полка сейчас-же начал грузиться на французский пароход "Medie",

который из пассажирского, был переделан в военный транспорт, для перевозки войск во время войны. Водоизмещение его было 20.000 тонн. Офицерам были отведены каюты I-го класса на верхней палубе, нижние чины размещены по-ротно в трюмах.

К вечеру погрузка была закончена, и в I8 часов 30-го июля под охраной двух миноносцев и военного судна, которые очищали путь от мин, мы вышли в Белое Море, пройдя его, вышли в Ледовитый океан. Тут, сопровождавшие нас миноносцы нас оставили, отсалютовали флажками и вернулись в Архангельск, предоставив нам самостоятельно продолжать свой путь.

Настроение у нас сразу понизилось. Идем мы ночью без огней и почти бесшумно, так как по словам капитана судна, в этом районе шныряют немецкие подводные лодки. Ввиду того, что мой командир не говорил по-французски, я был назначен для связи командира полка, с капитаном транспорта, на время нашего долгого путешествия во Францию.

Как только мы вошли в Ледовитый Океан, поднялся сильный шторм, началась страшная качка, моментами казалось, что наше судно становится перпендикулярно морю. Все офицеры и солдаты лежали и, конечно, было не до еды. Кормили нас великолепно, и что самое главное было для нас молодых офицеров, это прекрасное французское вино, разных марок и сортов, включая и шампанское, которое сервировали в конце завтрака и обеда.

После трехдневной качки и шторма, океан начал успокаиваться и наш транспорт плавно шел к своей конечной цели, в военный порт Брест.

Капитан был чем-то озабочен и бессменно находился на командирском мостике, Радио работало безостановочно, получая от союзных судов сведения о местах нахождения неприятельских судов и, главное о немецких подводных лодках, которые крейсировали на нашем направлении.

На 9-ый день нашего плавания, в I5 часов, капитан транспорта просил меня передать командиру полка, чтобы он собрал всех офицеров в кают-кампании, где он сделает очень важное сообщение.

Когда все Г.г. офицеры собрались, капитан разложил морскую карту, указал в какой точке находится наш транспорт и направление, по которому он идет, и добавил, что за нами плывет с I2-ти часов дня на большом расстоянии немецкая подводная лодка. В бинокль виден ясно ее перископ. Мы должны, продолжает капитан, принять все меры предосторожности и объяснить солдатам, как следует себя вести в случае атаки подводной лодкой. Он сказал, что нам сейчас волноваться не приходится, ни днем ни ночью, в это время лодка идет на большом расстоянии и следит за своей целью.

На рассвете она обгоняет корабль, останавливается перпендикулярно к кораблю и, как только корабль начинает проходить мимо подводной лодки, она с расстояния 200-300 метров выпускает две мины одну за другой, целясь в середину корабля, который идет ко дну. Такое исчезновение корабля происходит в течении пяти минут, и вот в эти последние минуты, все пассажиры должны броситься к спасательным лодкам, или прямо за борт, имея на себе спасательные пояса, стараясь отплыть подальше от тонущего корабля и ждать помощи.

Дальше капитан сказал, что с наступление темноты, он меняет курс корабля на 90 градусов, то-есть пойдем на север и обогнем остров Ферро и пойдем на юг вдоль Ирландии и Великобритании. Конечно, этот путь удлинит наш переход на несколько дней, но по сложившейся обстановке с немецкой подводной лодкой, у капитана другого выхода не было. Капитан рассчитывает, что своим маневром, он уйдет из под наблюдения подводной лодки.

Ввиду такого серьезного положения, я все время оставался при капитане. Мы шли с потушенными огнями, медленно, бесшумно на север зигзагами, чтобы замести наши следы, идущей за нами подводной лодке. Вечером капитан сказал, что как будто перескопа подводной лодки не видно. Через некоторое время, было получено сообщение (по коду) от Шведского парохода, что за нами идет подводная немецкая лодка. Так прошел день тревоги и настала северная холодная ночь : конечно, никто из нас не ложился спать. На всех были надеты спасательные пояса, все роты были выведены на палубу, всего нас было около 1100 человек.

Всю ночь транспорт шел медленно, стараясь не шуметь. Ночью мы благополучно обогнули остров Ферро и взяли на юг на Ирландию.

Было около 4 часов утра, начинался рассвет. Был большой туман. Все офицеры и солдаты были на палубе. Вдруг ! транспорт резко замедлил ход, остановился и отдал якорь. Вдали в тумане показались силуэты двух военных крейсеров. В бинокль ясно были видны Английские флаги. Через несколько минут мы увидели, что от одного крейсера отчалила моторная лодка с четырьмя английскими офицерами. Через 10-15 минут, английские офицеры поднялись на нашу палубу, где были встречены капитаном транспорта, командиром нашего полка и всеми офицерами 1-го моего батальона.

Командир Английского крейсера, прежде всего поздравил нас от избавления быть потопленными подводной лодкой, добавил, что подводная лодка, которая вчера нас преследовала, ночью, когда капитан изменил курс транспорта, наткнулась на шведский пароход, шедший параллельным курсом с нами, ошиблась (в нашу пользу) и полчаса тому назад его потопила.

Можно только вообразить себе, каково было наше самочувствие и в конечном итоге радость, что мы избежали быть потопленными в океане.

После нескольких тостов со стороны капитана Английского крейсера и нашего капитана транспорта, за Россию, за союзные армии, было роспито несколько бутылок шампанского и английские офицеры покинули наш транспорт. Через полчаса мы тронулись под охраной двух Английских крейсеров, вплоть до территориальных вод Франции.

Капитан транспорта мне объяснил, почему появились Англичане. Накануне, взяв курс на север, наш капитан, по радио, просил английские сторожевые и патрульные суда выйти нам навстречу к рассвету следующ.дня,конечно,дав соответств.,о нашем местонахождении и о немецкой лодке, которая нас преследовала сведения. Англичане точно выполнили просьбу капитана и благополучно доставили нас до территориальных вод Франции.

В территориальных водах Франции нас встретили два французские миноносца и под охраной их, мы прибыли в порт - Брест.

Это было I2-го августа около II часов утра. В общем мы плыли к берегам Франции I3 дней.

Подходя к Бресту, транспорт тихо шел вдоль набережной и мола. Батальон в полном составе стоял на палубе, готовый к выгрузке. Очевидно жители города Бреста были осведомлены о нашем прибытии, так как вся набережная и мол были усеяны народом, главным образом женщинами и детьми. Они бежали вдоль набережной, крича "да здравствует Россия" и махали русскими флажками. Наши солдаты им отвечали нашим русским Ура!

Причалив к молу, мы увидели внизу на набережной много официальных лиц и морской военный оркестр. Как только наш транспорт отдал якорь, оркестр заиграл русский гимн: Боже, Царя храни, а затем Марсельезу. Когда гимны кончились официальные лица поднялись на палубу : военный губернатор города Бреста (адмирал в полной парадной форме), генерал представитель Военного Министерства, генерал представитель Ставки верховн. Командования Франц. Армией генерала Жофра, мер города Бреста и Русский военный агент полковник граф Игнатьев. Опять тосты за Россию, Францию - шампанское. Поздравление с прибытием и с избавлением быть потопленными немецкой подводной лодкой.

Через полчаса началась выгрузка батальона по ротно. Солдаты спускались на набережную,получали винтовку французского образца, строились под французские марши, и рота шла в отведенную для нее казарму.

Через несколько кварталов оркестр поворачивал обратно, чтобы сопровождать следующую роту, эта-же рота шла с песнями, что производило на жителей большое впечатление. Они стояли вдоль улицы, бросали нам цветы, некоторые бежали за нами, целовали офицеров и солдат, и все кричали : "Вив ля Рюси!"

Как было хорошо и легко на душе от сознания того, что мы приехали помогать нашей союзнице.

Генеральный Секретарь Объединения
С. Б у г о с л а в с к и й - 9 в.

ДВЕ ВСТРЕЧИ С СОВЕТСКИМИ СОЛДАТАМИ ВО ФРАНЦИИ

В маленьком городке Трилпор департамента Сены и Марны, в I943 году расположился большой отряд немецкой пехоты, и очутилась там рота солдат, навербованных из советских военнопленных.

Я в это время служил на химическом заводе, был там директором лаборатории и одновременно следил за фабрикацией части продукции завода. Откуда они узнали, что я русский - трудно ответить. Но вот, однажды к моей хозяйке привалило сразу I5 вооруженных солдат и потребовали, чтобы она познакомила их со мной.

Муж моей хозяйки из Лотарингии, говорил великолепно по немецки и, придя ко мне в комнату, сказал, что меня хотят повидать немецкие солдаты, и что они в столовой.

Я был изумлен и не совсем обрадован: (Все русские должны были каждый месяц являться в комендатуру, в 5 километрах от Трилпора, в городе Мо). Хозяин меня успокоил, объяснив что немецкие солдаты на самом деле русские, но в немецкой форме, и хотят повидать своего земляка.

Какие они были милые и умные и предупредительные !! Рассказали мне много интересных вещей, кроме политики и их отношения к советской власти, но я и не настаивал, мне было ясно их поведение. Я их угостил, чем мог. Мне было интересно узнать многое об их жизни в России, об ужасах войны, о многочисленных гекатомбах советской армии из-за неумелого руководства власть имущих и о том, как они были взяты в плен.

Они пригласили меня посетить их казарму, что через несколько дней я и сделал. Их командование ничего не имело против моего визита. Что с ними стало после крушения немцев - я не знаю.

Один из них дезертировал при отступлении немецкой армии, и я ему в этом помог, и, когда немцы ушли, я отвел его в комиссариат, и он там был хорошо принят. Его судьба не была плоха : он женился на француженке, и я был на свадьбе. Братья его невесты никак не могли понять, как это так, что их сестра выходит замуж за бывшего немецкого солдата. Я им объяснил, что он с французами на дрался, а попал в немецкую армии поневоле. Судьба остальных мне неизвестна.

Второй раз, уже после разгрома германских полчищ - была у меня не совсем приятная встреча с другой группой бывших советских военнопленных, расквартированных в городе Мо, о котором я уже упоминал. Было их 1600 человек, ожидавших возвращения в Совдепию. Поведение этих солдат было отвратительно, они воровали, по начам пьянствовали и нападали на прохожих, и население города горело желанием скорее избавиться от присутствия этой нежелаемой публики.

Они вели себя так, как будто в завоеванной ими стране. Было смешно узнать, что эта солдатня до полусмерти избила однажды ночью секретаря французской коммунистической ячейки в г. Мо. Его нашли утром на улице без сознания, всего в крови. Представьте себе, как этим событием русские советчики были огорчены, и как этому радовались противники большевиков.

Многие из советских солдат, зная, что их по возвращении в Россию ждет неминуемый советский суд, спрашивали меня, как им нужно поступить и к кому обратиться, чтобы остаться во Франции.

В Париже, как я узнал, в это время была создана некая организация, помогавшая бывшим русским (советским) военным обосноваться заграницей. Адрес был мне неизвестен, и я направлял нежелающих возвращаться на родину, просто к французским властям, и, думаю, что такое мое решение было разумным, в чем мне пришлось убедится впоследствии.

Чаще всего ко мне приходил один солдат, очень милый, из крестьян нашего севера. Он подарил мне свою фотографию военнопленного, и я ее сохранил до сих пор. Рассказывал он о всех тяготах советской жизни, жаловался на зажим и грубость правящих,

но остаться во Франции он не мог, из-за семьи. Он же меня предупредил быть осторожным при встрече с другими солдатами, так как среди них много шпионов и провокаторов, и я скоро в этом убедился, что он был прав.

Однажды пришлось мне по делу проехать в город Мо, и после зайти в один из баров. Хозяин бара хорошо меня знал и, очевидно, желая доставить мне удовольствие, заявил, что у него сейчас сидит советский военный техник, и решил меня с ним познакомить.

Подумал я : раз техник, то может быть он интеллигент и будет интересно с ним побеседовать... Познакомились... Очень много он рассказал о жизни в России, о жестоких боях, о жизни в стране, о грубых ошибках советских правящих и т.д. Выпили мы с ним немало коньяка и, вот под конец, он мне задает вопрос : "Ну, а каково Ваше мнение о Сталине ? Скажите мне прямо, не стесняйтесь".

Я ему в ответ : "С.с. и сволочь, убийца и кровопийца!". На роже моего собеседника появилась умилительная улыбка и, после еще одной рюмки коньяка, он сказал, чтобы я его немного подождал, так как ему нужно на минутку выйти!... Однако, он очень долго не возвращался и я попрощался с хозяином, взял свой велосипед, решил ехать домой. Не тут то было!!!

На улице ко мне подошел сов. солдат азиатского происхождения и заявил : "мы знаем, что вы русский и нам было-бы очень приятно, чтобы Вы посетили нашу казарму... Мы приготовили чай и закуски... Я поверил !!! ... Всё это так мило, приветливо, хорошо и интересно... Пришли мы в казарму, привели меня в комнату и от того, что я там увидел, ахнул от неожиданности. В середине комнаты стоит стол, за столом сидит советский офицер приличного вида, и вокруг стола в два ряда советские солдаты. Офицер вежливо предложил мне сесть и начал допрос.

- Вы имеете вид на жительство во Франции ? - Да! и я показал ему мою карту беженца. - Вы инженер ? - Да ! Вы выразили свое мнение о товарище Сталине в присутствии советских солдат ? - Нет, я не имел никакой возможности говорить с вашими солдатами и только один раз разговаривал с одним, в случайной встрече, и что я ему говорил, Вас не может интересовать.

В ответ вся масса солдат, окружавших стол заорала, как по команде: "говорил, говорил и ругал, ругал!!" Я с большим удивлением посмотрел на эту пеструю сволочь и сказал в ответ, обращаясь к офицеру : "какая у вас чудная организация!!" Офицер по телефону вызвал французскую полицию и через несколько минут пришли два полицейских и повели меня в комиссариат.

Я хорошо знал офицера полиции и многих полицейских. Они мне сказали, что я арестован не ими, а советчиками, и что к сожалению они не могут протестовать и большевики требуют обыска в моей квартире. Моя квартира в пяти километрах от города Мо, и так как был уже поздний час, мне пришлось переночевать в комиссариате.

Комиссар просил сказать ему откровенно, есть-ли оружие у меня на квартире ? Оружия у меня не было. Комиссар не желал делать обыска и под разными предлогами затягивал поездку : то автомобиль испорчен, то нет горючего, то нет свободного полицейского и т.д.

Советчики сами исправили автомобиль и добыли горючее и, наконец, советский офицер переводчик, два полицейских и я, отправились в Трилпор.

Когда автомобиль остановился около дома, где я жил, хозяйка, увидя картину, произнесла, незабытую мною до сих пор, фразу: "Что этим идиотам понадобилось здесь искать!! Конечно, у меня ничего не нашли компроментирующего, кроме книг и документов. Это их не интересовало. По документам они увидели, что я офицер императорской и добровольческой армий и пять раз ранен в войну 1914-17 гг. и мне показалось, что отношение изменилось к лучшему.

Офицер попросил меня дать ему несколько книг (я думаю, чтобы оправдать кое-как свою миссию). Я ему отдал ненужные мне книги. Интересно, что два тома Солоневича "Россия в концлагере" они не сочли нужным взять!!! Это и понятно !!! Я вспомнил моего собеседника в баре города Мо. Он, вероятно, был политическим комиссаром и, что это он организовал мой арест и обыск...

Этим дело не совсем закончилось : я получил приглашение в суд быть переводчиком при допросе советских солдат, провинившихся в ловле рыбы в реке Марне в запретный период времени и незаконным способом. Ловили они рыбу постельными мешками, но не знаю удачно или нет.

Я их защищал, говоря, что они не были в курсе запретных правил. На допросе вели они себя по бабски, чуть не плакали, вытягивались в струнку и вообще у них был жалкий вид. Очевидно они думали, что французский суд такой же, как их советское "чека". Просидев несколько дней в тюрьме, они были освобождены.

В заключение должен сказать, что огромное большинство жителей города Мо и его окрестностей выражало свое самое отвратительное впечатление о поведении советских солдат, и вздохнули свободно после их отъезда.

Я тоже был рад, так как мне было стыдно за них.

М. П р о к о ф ь е в , 6 вып.

" ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ТОМУ НАЗАД "

В условиях безденежья, неустойчивости послевоенного политического положения, сумел наш тогдашний председатель-однокашник, ныне Светлой Памяти Александр Николаевич Потапов, выпуском "ПАМЯТКИ" (1899-1949), достойно отметить - увековечить 50-летний юбилей со дня основания нашего славного Суворовского кадетского корруса.

"Памятка" была выпущена в ограниченном количестве и, вероятно, не у всех Суворовцов она есть. Мою - я берегу, как зеницу ока, ибо прислал мне Александр Николаевич - свою, с надписью : "Дорогому Двигубскому от Потапова".

На первой странице, рукой, также уже покойного, Эраста Суражевского, написано :

"Любовь в орле - орел наш фон,
В орле - Суворовский погон".

Посвящение А.Н. Потапову

"Ты памятник воздвиг себе нерукотворный,
К нему не заростет Суворовцев тропа,
Один лишь Ты в трудах упорный,
А мы - мы только шантрапа..."
"Я был мальчишка очень скверный,
Но кончил корпус выпуск I-ый,
Я ни писатель, ни поэт,
Но я старейший из кадет"...
"Меня никто не перескочит,
И даже глубже не нырнет,
Хотя Потапов это хочет,
Но ... этот номер не пройдет"...
"Сидя теперь на пьедестале,
Как наш Суворов в Белом Зале,
Ты заслужил от всех почет
И дал нам в "Памятке" отчет."

Эраст С у р а ж е в с к и й

Незаметно прошло с тех пор 25 лет. Многие Суворовцы за это время ушли от нас НАВСЕГДА, но мы-оставшиеся их вспоминаем - вспомним и в день 75-летнего нашего Юбилея.

Следующий Юбилей лишь через 25 лет. Быть может кому-нибудь из былых Суворовцев Господь и пошлет быть живым свидетелем Юбилея СТОЛЕТНЕГО.

С. Д в и г у б с к и й

С П И С О К

СКОНЧАВШИХСЯ ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЗА РУБЕЖОМ

I выпуска - Бушен Георгий, Дориан Александр, Прокофьев Сергей, Плышевский Василий, Суражевский Эраст, Утгоф Алексей, Шредер Алексей, Глоба-Михайленко Алексей,

2 выпуска - Вруцевич Генадий, Ерошевич Константин, Крейтер Владимир, Потапов Александр, Полежаев Николай.

3 выпуска - Александрович Георгий, Калагеорги Николай, Судаков Роман.

4 выпуска - Веденяев Михаил, Криштановский Александр, Лагодовский Борис, Решко Анатолий, Толпыго Николай, Янов Михаил.

5 выпуска - Ефимов Владимир, Клобуков Иван, Крашенинников Андрей, Манюкин Петр, Соколов Константин, Сидорович Борис, Соболевский Николай, Тер-Сакизов Сейфулин I-й Або-Бекр.

6 выпуска - Авенариус Сергей, Дриневич Сергей, Грешнер Сергей, Кашкин Сергей, Клобуков Николай, Лобудзинский Борис, Орехов I-й Владимир, Перекрестов, Подгорный Евгений, Россинский Сергей, Лобан Лев.

7 выпуска - Василенко Борис, Голиков Андрей, Лобан 2-й Дмитрий, Субботин Яков.

8 выпуска - Кушинский Андрей, Кн. Оболенский Борис, Истребов Владимир.

9 выпуска - Венсович Александр, Гулевич Николай, Есипов Алексей, Запольский Глеб, Лобан 3-й Роман, Машкин Евгений, Невструев Сергей, Обозненко Евгений, Хильченко Петр, фон-Эссен Николай, Якобсон Николай.

IO выпуска - Леонтиев Владимир, Поль Евгений, Пятибоков Александр, Рыбалко Георгий.

II выпуска - Бологовской Николай, Вонсяцкий Анастасий, Линевич Лев, Македонский Платон, Нитц Сергей, Сутоцкий Георгий.

I2 выпуска - Лютомский Борис, Медер Михаил, Приликов Алексей, Стрельбицкий Георгий.

I3 выпуска - Бубнов Дмитрий, Корьюс Николай, Медер Александр, Рутиловский Игорь, Стеценко Всеволод, Цевловский Федор.

Воспитатели - Ревишин Петр Петрович, Черников Лука Федорович, Навродский Илья Яковлевич, Еременко Григорий Маркович, Александрович Иван Иосифович.

Преподаватели - Винокурова Евгения Владимировна, Сорокин Петр Александрович, Орлицкий Николай Людвигович.

Суворочки - Бугославская Ксения Ивановна, Гринева Ольга Васильевна, Дориан Анна Елисеевна, Есипова Ксения Федоровна, Касинская Варвара Ивановна, Криштановская Мария Григорьевна, Миронович Вера Максимовна, Решетникова Ольга Фоминична, Россинская Мария Владимировна, Римская-Корсакова Кира Митрофановна, Собецкая Нина Болеславовна, Суражевская Елизавета Максимилиановна, Судакова Ольга Николаевна, Явленская Наталия Георгиевна.

Члены Объединения - Почетный член Объединения Борис Дмитриевич Приходкин.
Завьялов Борис Владимирович, Македонов Кесарь Карпович, Николенко Георгий Иванович, Наместник Сергей Константинович, Наместник Нина Николаевна, Парадиев Георгий Нилович.

Друзья Американского Объединения - Отец Александр Краснодумов, Отец Сергей Лягин, Мещанинов Виктор Иванович.

С П И С О К

лиц, принимавших участие своими статьями в издании сборников "СУВОРОВЦЫ"

Количество сборников, в которых помещены статьи →

I в.	–	Г.Н.	Акимов	2	9 в.	–	П.М.	Македонскмй	2
		Г.	Альгин	I			М.П.	Македонская	2
6 в.	–	С.Н.	Авенариус	2	5 в.	–	П.Н.	Манюкин	4
		И.	Акулинин	I	Чл.Об.		В.И.	Нещанинов	I
		Ген.	Андоленко	I			Н.	Михайлов поэт	2
9 в.	–	С.В.	Бугославский	2	Чл.Об.		С.К.	Наместник	I
		Э.	Байбаков	I	3 танк.от.		Т.И.	Николенко	I
		Н.М.	Витте	I4	II в.	–	С.В.	Нитц	I0
		К.А.	де Витт	I	9 в.	–	Е.Н.	Обозненко	2
I в.	–	К.А.	Глоба-Михайленко	2	Преп.		Н.Л.	Орлицкий	I
2 в.	–	Н.В.	Главацкий	II	2 в.	–	А.Н.	Потапов	8
6 в.	–	С.А.	Грешнер	8	6 в.	–	Д.А.	Погорецкий	2
		С.	Гулевич	I	I0 в.	–	Е.Е.	Поль	3
9 в.	–	Г.М.	Гринев	I	I2 в.	–	Г.	Пухтаевич	I
I2 в.	–	С.Г.	Двигубский	8	Дон.А.III к.		В.А.	Поляков	I
I в.	–	А.А.	Дориан	I	6 в.	–	М.А.	Прокофьев	6
6 в.	–	С.Д.	Дриневич	2	I0 в.	–	Г.И.	Рыбалко	I
2 в.	–	К.И.	Ерошевич	I			Кн. С.Г.	Романовский	I
I0 в.	–	В.П.	Заткалик	3	4 в.	–	Н.Н.	Страшкевич	I3
I2 в.	–	Г.Н.	Зюзин 3-ий	I	I в.	–	Э.Н.	Суражевский	3
		Д.А.	Камнев	I	5 в.	–	К.В.	Соколов	4
2 в.	–	В.В.	Крейтер	I	I2 в.	–	П.Ф.	Субботин	I
5 в.	–	И.П.	Клобуков	3	7 в.	–	Я.Ф.	Субботин	4
6 в.	–	Н.П.	Клобуков	3	Препод.		П.А.	Сорокин	2
		А.В.	Криштановский	2	5 в.	–	Б.А.	Сидорович	2
I3 в.	–	Н.А.	Корьюс	5	I3 в.	–	Ф.Г.	Цевловский	3
5 в.	–	Н.Н.	Колосовский	I	I2 в.	–	В.Н.	Черноглазов	2
6 в.	–	С.А.	Кашкин	I	ж.сув.		К.П.	Шредер	I
II в.	–	Л.П.	Линевич	4	8 в.	–	В.Г.	Ястребов	4
6 в.	–	Д.Г.	Лучанинов	I	9 в.	–	Н.Н.	Якобсон	
I2 в.	–	П.	Левоненко	I			Е.Л.	Янковский	I
7 в.	–	П.И.	Миронович	I	9 в.	–	Н.М.	фон Эссен	I

С П И С О К

ныне-здравствующих Суворовцев, Суворочек и Членов Объединений.

Почетная Председательница всех Суворовских Объединений за рубежом ЕЯ ВЫСОЧЕСТВО, Старшая Суворочка Княжна ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА

I-го вып. – Акимов Глеб.

2-го вып. – Главацкий Николай.

3-го вып. – Мерцедин Александр.

4-го вып. – Страшкевич Николай

5-го вып. – Венсович Николай, Гулевич Сергей, Колосовский Николай, Михеев Николай, Черненко Петр.

6-го вып. – Болотин Георгий, Лучанинов Дмитрий, Прокофьев Михаил, Погорецкий Дмитрий.

7-го вып. – Миронович Павел, Русанов Лев, Сейфулин 2-ой Ислам-Бек

8-го вып. – Веригин Генадий, Иванов Павел, Римский-Корсаков Николай.

9-го вып. – Бугославский Сергей, Витте Николай, де Витт Борис, Гринев Генадий, Родионов Николай, Явленский Дмитрий.

I0-го вып. – Владеславлев Алексей, Заткалик Владимир, Короткевич Владимир, Марченко Николай.

II-го вып. – Орехов 2-ой Василий.

I2-го вып. – Венсович Алексей, Двигубский Сергей, Гемпель Леонид, Зюзин 3-ий Георгий, Замойский Николай, Камнев Дмитрий, Левоненко Петр, Пухтаевич Георгий, Субботин Павел, Черноглазов Владимир.

I3-го вып. – Крилов Борис, Обручев Николай, Полторацкий Михаил, Полторацкий Николай, Решетников Анатолий, Траубенберг Владимир.

С у в о р о ч к и

Александрова Нина Владимировна, Акимова Марианна Евгеньевна, Арванати Елена Иосифовна, Брезгун Мария Григорьевна, Бутько Ксения Николаевна, Венсович Вера Николаевна, Венсович Анна Дмитриевна, де Витт Кира Александровна, Венсович Елена Вячеславовна, Главацкая Елизавета Андреевна, Глоба-Михайленко Вера Павловна, Гуреева Ольга Владимировна, Двигубская Мария Яковлевна, Заткалик Жермена Эдуардовна, Замойская Валерия Константиновна, Зюзина Евгения Ивановна, Звонникова Лидия Евгеньевна Козловская Милица Николаевна, Камнева Нина Сергеевна, Короткевич Ванда Адольфовна, Лобудзинская Надежда Борисовна, Лаговская Софья Васильевна, Линевич Александра Александровна, Лучанинова Анастасия Михайловна, Мерцедина Нина Григорьевна, Медер Мария Григорьевна, Миронович Вера Михайловна, Марченко

Ольга Петровна, Нитц Людмила Николаевна, Обручева Кира Николаевна, Орехова Павла Павловна, Мадам Прокофьева, Поль Ядвига Ивановна, Потапова Ольга Федоровна, Приселкова Елена Александровна, Пухтаевич Виктория Александровна, Полторацкая Мария Вячеславовна, Мадам Полторацкая, Русанова Елизавета Андреевна, Решетникова Татьяна Константиновна, Субботина Надежда Владимировна, Траубенберг Мария Львовна, Черненко Яннина Никодимовна, Черноглазова Мария Степановна, Шредер Клавдия Петровна, Эрвин Наталия Александровна, Юстребова Наталия Борисовна, Янова Елена Владимировна, Джулиани Елена Дмитриевна.

Члены Объединения - Брезгун Павел Романович, Эрвин Николай Павлович, Джулиани Александр Михайлович.

П о з д р а в л е н и я

Председателю Об-я Суворовского к.к.
капитану ГЛАВАЦКОМУ

Глубокоуважаемый Николай Владимирович,

Председатель, Правление и члены Обще-Кадетского Объединения во Франции искренне поздравляют Об-е Суворовского к.к. с 75-летием основания их славного корпуса.

Многая лета Председателю и живым Суворовцам

Вечная память павшим в боях и в мире почившим.

Председатель Объединения Алексей Г е р и н г

Председателю Об-я Суворовского к.к.
капитану ГЛАВАЦКОМУ

Глубокоуважаемый Николай Владимирович,

Кадеты старейшего Первого к.к. шлют сердечный привет и поздравления младшим братьям-кадетам Суворовцам и поздравляют их с 75-летием основания их родного гнезда.

Председ. Об-ства б. кадет Первого к.к. Полк. ПЕТРОВСКИЙ
Секретарь капитан КОНРАДИ

Председателю Об-я Суворовского к.к.
капитану ГЛАВАЦКОМУ

Глубокоуважаемый Николай Владимирович,

От имени Совета Старшин Морского Собрания в Париже, прошу Вас принять наши искренние и сердечные поздравления ко дню 75-летия основания вашего родного корпуса.

Председатель Совета Старшин Лейтенант Г е р и н г

Председателю Об-я Суворовского к.к.
капитану ГЛАВАЦКОМУ

Глубокоуважаемый Николай Владимирович,

Из-ство и редакция журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" шлет привет Об-ию и редакции журнала "СУВОРОВЦЫ" ко дню 75-летия основания Суворовского к.к. Честь и слава единственному в эмиграции Об-ию и редак. в течении 10 лет выпустившему 24 номера прекрасного журнала и увековечившего жизнь не только своего родного гнезда, но и его питомцев.

Редактор : Алексей Г е р и н г